

И 99 $\frac{16}{132}$ ч1

ИРЛЧ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XLI

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Очередной том серийного издания «Труды Отдела древнерусской литературы» посвящен изучению и публикации неизвестных и малоисследованных памятников русской средневековой литературы. В статьях рассматриваются связи славянских литератур, переводческая практика, жанровые характеристики, вопросы поэтики и эстетики. Продолжается публикация материалов для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (статьи, посвященные повестям), печатается также раздел «По рукописным собраниям».

Издание рассчитано на литературоведов, историков и на широкий круг читателей, интересующихся древнерусской культурой.

Ответственный редактор *Д. С. Лихачев*

Редакторы: *О. А. Белоброва, М. А. Салмина*

Рецензенты: *Д. М. Буланин, А. Х. Горфункель*

8/4

Серия основана в 1934 г.

T $\frac{4603010101-675}{042(02)-87}$ 319-88-I

© Издательство «Наука», 1988 г.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»*

Древнерусские повести и сказания

Апофегматы — сборники светской повествовательной литературы, содержащие апофегмы — изречения, анекдоты, краткие занимательные и нравоучительные рассказы о знаменитых людях античности и средневековья. «Риторика» *Софрония Лизуда* дает следующее определение жанру апофегмы: «...сходится со умствованием апофегма, кроме сего, яко умствование многаши приемлетя пространше, апофегма же присно есть слово кратко, круговидно, сиречь сладко и разумно. Приложи и сие, яко апофегма приемлет честь от светлых лиц, им же паче отдаются апофегмы, яко к патриархом, самодержцем, царем, послом и прочим. Сия апофегмы в каковой чести быша древле, доволно показует мудрая книжица Плутархова о апофегматах, яже Троану самодержцу подаде» (ГИМ, собр. Уварова, № 98, л. 31—31 об. — славянский перевод «Риторики» 1698 г.). Основу сборников апофегм составляли рассказы, почерпнутые из Плутарха, Овидия и других античных писателей. Возникнув еще в древности, эти полуполюгендарные, полуисторические компиляции были широко распространены в средневековой Европе, где пользовались большой популярностью. В составлении подобных сборников принимали участие и крупнейшие писатели Возрождения Петрарка, Боккаччо, Эразм Роттердамский. Значительный интерес к А. проявился в польской литературе, где к XVII в. существовало уже несколько подобных сборников: Рея из Нагловиц (конец XVI в.), Беняша Будного (конец XVI в.), Витковского (начало XVII в.). Особым успехом в восточнославянских литературах XVII в. пользовались «Апофегматы» Б. Будного (ум. после 1624 г.), переводчика, писателя эпохи Реформации, уроженца Литвы и, возможно, родственника белорусского мыслителя-гуманиста Симона Будного (см.: Bibliografia literatury Polskiej. Piśmiennictwo staropolskie. Państwowy Instytut Wydawniczy. 1964. T. 1. S. 60—61). Сборник апофегм Будного был дополнен материалом из истории Польши и морально-дидактическим комментарием, часто в форме сентенции. Впервые изданный в Вильно в 1599 г., он неоднократно перепечатывался в XVII в. (только в первой половине столетия вышло 11 изданий).

В России, на Украине и в Белоруссии «Апофегматы» Будного читались и на языке оригинала (о чем свидетельствуют экземпляры третьего и четвертого изданий книги в собраниях Москвы, Львова и Вильнюса), и в переводах. Из библиотеки кн. Д. М. Голицына происходит рукопись конца XVII в., в которой находится кириллическая транслитерация сочинения, предназначенная для тех, кто понимал польскую речь, но испытывал затруднения в чтении латиницы: «Кротких а вензловатых повиесць всие книги» (ГПБ, Q.XV.12). Согласно исследованию Э. Малэк, на восточнославянской почве было сделано не позднее последней четверти XVII в. два перевода «Апофегмат» Будного: первый из них отличается

* Настоящий раздел тома является продолжением «Исследовательских материалов для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“», опубликованных в т. 39 и 40 ТОДРЛ. Библиографические дополнения к статьям помещены на с. 477—478 наст. изд. (Ред.).

большей зависимостью от польского оригинала (близкий к архетипу список см.: П I Б 100, старый шифр — Петр. гал. 13); второй обнаруживает стремление его автора к более тщательному отысканию русских лексических эквивалентов (близкий к архетипу список см.: ГПБ, Q.XV.33). Имеется свидетельство, что в 1690—1691 гг. «Апофегматы» переводил кн. М. Кропоткин (см.: Ш л я п к и н И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. 1651—1709. СПб., 1891. С. 92).

Русские переводы А. охотно копировались полностью, из них делались также выписки. Этот довольно обширный памятник известен в сравнительно большом количестве списках конца XVII—XVIII вв.: ГБЛ, ф. 310, № 654, 659, 896; ф. 218, № 1050; ф. 394, № 31; ГПБ, Q.XV.33, Q.XV.15, Q.XVII.276; БАН, П I Б 100; ГИМ, собр. Барсова, № 524, 1621, 2148, 2154; собр. Забелина, № 22 (59); Музейское собр., № 1437, 1628, 1675, 1886, 2841, 3430; Синодальное собр., № 362, 588; собр. Уварова, № 16, 353, 418, 419, 472, 674, 728, 876, 973а; собр. Щукина, № 263, 714; ЦГАДА, ф. 1274 (ф. Паниных), оп. 1, ч. 2, № 3096; ф. 381, 1579; Яросл. обл. краеведч. музей, № 525 (664). Полные русские списки произведения повторяют структуру сборника Будного и содержат четыре книги. В первой приводятся рассказы о знаменитых философах античного мира — Сократе, Платоне, Аристотеле, Диогене, Солоне, Пифагоре и пр., их изречения и поучения. Вторую книгу составляют разные истории из жизни римских императоров, аристократии, полководцев. В третьей заключаются повести о лакедемонянах. В четвертой собраны остроумные ответы и меткие слова, приписываемые известным в истории женщинам — дочери императора Августа Юлии, матери Александра Македонского Олимпиаде, польским королевам Ванде и Ядвига и др. На всех этапах бытования в русской литературе текст «Апофегмат» Будного подвергался в руках переписчиков и редакторов изменениям. Имея общую структуру, русские списки различаются между собой заглавиями частей, составом и порядком следования отдельных рассказов, а также по стилю и языку. В некоторых списках (ГИМ, Синодальное собр., № 362; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 2, № 3096) содержание всех четырех книг членится по главам, каждая из которых посвящена отдельному персонажу: из 58 глав состоит «Апофегмат, си есть соплетенных кратких повестей книга первая, в ней же написашася повести философов»; 54 главы содержит «Кратких и узловатых повесей книга вторая, в ней же положишася словеса царей, королей, князей, воевод, сигклитик и иных старейшин»; 34 главы включает «Кратких и узловатых повестей книга третья, в ней же заключишася повести лакедемонов» и 15 — «Кратких и узловатых премудрых повестей книга четвертая. В ней же положишася гадательства честных жен и благородных дев не простых». Обнаруживая большую близость к польскому печатному изданию (в частности, к четвертому), текст произведения в указанных списках имеет ряд композиционных отличий. Материал в них, как отмечено, распределен по главам, некоторые рассказы (например, об Эмпедокле, Питусе и др.) пропущены, переданы в сокращении или переставлены местами. Так, в старопольском издании последняя книга начинается с повествования о Ванде и Ядвиге, в русских списках на первом месте рассказ об «Иулии», дочери императора Августа. В рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 362, содержащей такой текст сочинения, есть запись: «Трудивыйся многогрешный Никита Усачев» (л. 277 об.). Среди большинства русских списков произведения особое место занимает текст в рукописи конца XVIII в. из Музейского собр. (ГИМ), № 2841. Действующими героями в нем также являются лица античной истории, совпадают и многие анекдоты, но материал организован по алфавиту имен персонажей (от А до Ф) и расчленен на главы-абзацы, в названиях которых («О щедрости», «О благоразумии», «О почитании учителя» и т. п.) заметна тенденция редактора к усилению правоучительного аспекта рассказов. Данный список А. находится в одной рукописи с сочинением на латинском языке «Orbis de moribus gentium»,

занимательно-правоучительные рассказы которого распределены таким же образом. В собрании рукописей библиотеки Московской Синодальной типографии (ЦГАДА, ф. 381, № 1579) хранится кавычный экземпляр А., в который киноварью внесена обширная языковая и стилистическая правка, направленная на усовершенствование перевода. Этот текст, готовившийся, по-видимому, для печати, содержит только три первые книги, не имеет общего названия и начинается с заглавия первой книги: «Кратких, витиеватых и правоучительных повестей книга первая. Положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и беседования различных философов древних».

Первое печатное издание А. вышло без обозначения имени автора в 1711 г. в Москве с заглавием «Кратких, витиеватых и правоучительных повестей книги три». Оно было осуществлено по указанию Петра I («повелением же царского величества»), который, весьма вероятно, был знаком с одним из древнерусских переводов сочинения по экземпляру, имевшемуся в его личной библиотеке (БАН, П I Б, 100; см.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва; Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978. С. 22, № 25).

Новый (третий) опыт перевода был предпринят, как считает Э. Малэк, для издания на рубеже 1710—1711 гг. А. были одним из трех произведений изящной словесности, удостоившихся печати гражданским шрифтом с момента его введения (1708) до смерти Петра I. Уже во внешнем облике первого московского издания (1711) подчеркивался светский характер сочинения. По сравнению со старопольским изданием в московском отсутствует четвертая книга, а в других опущены некоторые рассказы и исторические подробности. Начиная со второго издания (1712) сборник именуется «Апофегмата, то есть кратких витиеватых и правоучительных речей три». Перевод XVIII в. имел большой успех: только в петровское время он переиздавался пять раз (М., 1711, 1712, 1716; СПб., 1716, 1723; см.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич; Ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 119—120, 128, 185, 194, 412), затем выходил в 1745, 1765, 1781 гг. Издание 1765 г. напечатано кириллицей в Венеции, хотя в выходных сведениях указан Санктпетербург (см.: З е р н о в а А. С., Ка м е н е в а Т. Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968. С. 527, № 1491). Многочисленные списки сочинения с печатных изданий свидетельствуют о широком интересе читателей к А. Печатный вариант текста ограничил влияние древнерусских переводов, но они все же продолжали читаться, переписывались, сравнивались с изданиями, делались также попытки их усовершенствования. Так, в рукописи ЦГАДА, ф. 1274, № 3096 переписчиком внесены поправки, имеющие целью устранение полонизмов и церковнославянизмов.

Судя по записям и заметкам на сохранившихся экземплярах произведения (как рукописных, так и печатных), читателями А. были дворяне, духовенство, купцы, крестьяне. Рукопись 70—80-х гг. XVII в., содержащая А. (ГИМ, собр. Щукина, № 714), принадлежала В. А. Жуковскому, затем находилась в библиотеке А. Ф. Онегина в Париже. Не исключено, что владельцем ее был Н. В. Гоголь: на верхней крышке позднего кожаного переплета золотом оттиснуты латинские буквы N G.

Занимательные рассказы и моральные максимы А. импонировали русскому читателю своим содержанием, служа ему одновременно и развлечением, и поучением. Демонстрируя свой ум, находчивость, изобретательность, персонажи сборника остроумно выходят из затруднительных положений, делают подчас парадоксальные заключения. Их меткие слова и сентенции выделяются в отдельные рубрики: например, «притчи благо-разумнии аристотелевы», «учения его суть», «разумные его речи» и т. п. В обсуждение вовлекаются вечные темы о добре и зле, о друзьях и недругах, об уме и глупости, богатстве и нищете, о внешней красоте лица

и внутренней красоте души, о суде и справедливости, о гневе и доброте. Для русского читателя был притягателен заключенный в апофегмах нравоучительный смысл, облеченный в форму живого повествования или лаконичного совета, близкого по своей формулировке к народной пословице. Воспринимая А. как «мудрую книгу», переписчики и читатели не оставляли без внимания и ее развлекательный аспект.

А., корреспондировавшие на русской почве с морально-дидактическими сборниками афоризмов (см. «Пчела»), известными древнерусской литературе с XI в., оказали влияние на несколько поколений читателей. К этому сборнику обращались составители «смехотворных» повестей-фацеций. Некоторые темы стали темами стихов *Симеона Полоцкого* в «Вертограде многоцветном». Особенно заметно воздействие А. на русскую литературу XVIII в. Выдержки из них вошли в «Письмовник» (СПб., 1777) просветителя и педагога Н. Курганова, в «Пересмешник» (М., 1789) М. Д. Чулкова. Рассказы, близкие к А. или точно их повторяющие, включались в многочисленные рукописные и печатные сборники анекдотов, веселых и нравоучительных повестей, ставших излюбленным чтением у русского читателя XVIII в., такие, например, как «Говарищ разумный и замысловатый» (СПб., 1764), «Рассказчик забавных и увеселительных повестей» (СПб., 1777), «Спутник и собеседник веселых людей» (М., 1772), «Старичок-весельчак» (СПб., 1789) и др. Как продолжение литературной традиции А. можно рассматривать отдельные рассказы в сатирических журналах XVIII в.

Изд.: Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три. М., 1711; Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги три. М., 1712, 1716; СПб., 1716, 1723, 1745, 1765, 1781; Буслеев. Историческая хрестоматия. Стб. 1390—1392.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 260—262; Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 264; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 412—414; Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. С. 17, 33; Сперанский Я. Рукописные сборники. С. 49; Аниуский А. И. «Апофегматы» Беняша Будного // Книга: Исследования и материалы. М., 1971. Сб. 22. С. 127—135; Маляк Е. 1) Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego // Studia Filologiczne WSP w Bydgoszczy. Zesz. 4: Filologia Rosyjska. Bydgoszcz, 1978. S. 7—23; 2) Bieniasz Budny w Rosji wieku XVII—XIX // Ruch Literacki. 1981. N 4—5. S. 373—380.

Л. И. Сазонова

Великое Зерцало — сборник нравоучительных рассказов и легенд, дважды переведенный с польского в последней четверти XVII в. Польская книга «Wielkie Zwierciadło Przykładów» восходит к широко распространенному в Западной Европе латинскому сборнику «Speculum exemplorum ex diversis libris in unam laboriose collectum», впервые напечатанному в Нидерландах и выдержавшему ряд изданий с 1481 по 1519 г. (П. В. Владимиrow. 1884. С. 5; Петец В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин. Киев, 1914. С. 5—6 (резюме работы С. Ф. Шевченко)). «Speculum» составлен неизвестным по имени монахом ок. 1480 г. как сборник «примеров» (exempla, приклады) для католических проповедников и содержит 1266 рассказов. На рубеже XVI и XVII вв. ученый иезуит Иоанн Майор дополнил «Speculum» 160 новыми примерами, расположив весь материал по рубрикам в алфавитном порядке и добавив в отдельных случаях собственные комментарии. Сборник И. Майора («Speculum Magnum exemplorum. . .»), многократно издававшийся и дополнявшийся в течение XVII в. (В. Walczak-Sroczyńska. С. 499—504), был переведен на польский язык и издан в Кракове в 1612 г. иезуитом Симоном Высоцким, который исключил часть «устарелых» прикладов, заменив их примерами из польской жизни, иногда устного происхождения; всего в его издании ок. 1360 статей (Там же. С. 494—495). Второе польское издание (Краков, 1621, ок. 1950 рассказов) было подготовлено тем же С. Высоцким, значительно расширившим сборник прежде всего за счет

новых прикладов, выбранных из сочинений А. Скарги, М. Кромера, Я. Длугоша и других польских и чешских писателей (Там же. С. 496—497). В 1633 г. в Кракове вышло еще одно польское издание В. З. (ок. 1920 статей; из-за ошибок в нумерации оканчивается 2309-м прикладом) в переработке Я. Лесовского, который заменил целый ряд рассказов и провел стилистическую правку (Там же. С. 497—499; Н. К. Гудзий. С. 44). «Wielkie Zwierciadło» было издано еще раз в Калише в 1690—1691 гг. в двух томах.

Первый русский перевод В. З. был осуществлен в 1676—1677 гг. по распоряжению царя *Алексея Михайловича* переводчиками Посольского приказа Семеном Лаврецким, Григорием Кульчицким, Иваном Гуданским, Гаврилой Дорофеевым (Болотинским) и Иваном Васютинским под наблюдением царского духовника А. С. Постникова (О. А. Державина. С. 27—29). Перевод делался с краковского издания 1633 г. и отличается близостью к польскому оригиналу: сохранены подробное оглавление, обращение к читателю, развернутое заглавие, дополненное в отдельных списках указанием на обстоятельства русского перевода («Великое Зерцало притчей или прилогов. Более осмидесять писцов богобоязливых учением и древностию преизрядных написанное, также от многих историй и от церковных многих учителей собрано неким едином, его же зде имя не обретается. Первые бысть на римском языке, то же преведесе неким римлянином иеромонахом Симоном Высоцким на польский, ныне же на желание и повеление великаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царскаго величества тщанием, во ползу всем чтущым православнороссийскаго царствия христианом преведесе на словено-российский язык в лето 7185»); рассказы-прилоги следуют в порядке польского издания (П. В. Владимиров. 1884. С. 38—42). Однако наблюдается и ряд отличий: не выдержано расположение глав по алфавиту, что объясняется несоответствием русских терминов польским; в целях освобождения от католического налета исключены имена собственные, ссылки на источники и список авторов, а также проведена последовательная замена лексики — титулы римского папы заменены «вселенским патриархом», «святым отцом», «римская церковь» названа «святой соборной восточной и апостольской», и т. п. В ряде случаев точный перевод польских выражений заменен более привычными «словено-российскими» оборотами: «namilsza moia» 'милейшая моя' — «дщи моя возлюбленная», и т. п. (П. В. Владимиров. 1884. С. 42—44; О. А. Державина. С. 30—35). Но главное отличие состоит в значительном сокращении русского сборника по сравнению с польским: списки В. З. в первом переводе насчитывают от 652 до 783 статей (О. А. Державина. С. 156—157), т. е. около трети своего источника. О. А. Державина (с. 29) объясняет такое сокращение целенаправленным редактированием в целях борьбы с католическим учением. Б. Вальчак-Срочиньска (с. 505—506) высказала убедительную гипотезу о том, что по этой причине были исключены лишь отдельные статьи, большие же пропуски (по польскому изданию 1633 г. приклады 592—692, 867—1081, 1284—1513, 1678—1981, см.: П. В. Владимиров. 1884. Прил. II. С. 5—57) возникли на стыках долей пяти переводчиков в связи с неоконченностью работы над сборником; переложение исполнителем последней доли в числе прочих и заключительной главы польского издания создало иллюзию оконченого труда.

Последняя гипотеза подтверждается характером второго перевода («Книга глаголемая Великое Зерцало, приклады духовные и душеполезные повести, новопереведенные от Великого Зерцала в честь и славу богу и человеком в душевную пользу»). Выполненный с польского издания 1621 г. (В. Walczak-Sroczyńska. С. 507—508) не позднее 1689 г., как свидетельствует запись о продаже на списке ГПБ, собр. Погодина, № 1380 (О. А. Державина. С. 161), второй перевод В. З. в самых полных списках включает более 200 избранных статей, среди которых только 73 переведены вто-

рично (В. Walczak-Sroczyńska. С. 506, примеч. 42). «Дополнительность» второго перевода по отношению к первому подтверждается и рукописной традицией: более тридцати списков В. З. соединяют в одной книге оба перевода, причем подавляющее большинство этих списков относится к концу XVII в. (см.: О. А. Державина. С. 157—162).

Точное число вновь переведенных статей неясно, в рукописях их количество колеблется от 70 до 260, а расположение независимо от польского источника: составитель на первое место вынес рассказы о «непостижимстве» и величии троицы, посчитав их наиболее важными, и продолжил их сюжетами, повествующими о милосердии бога, силе молитвы и покаяния, наказаниях грешников, прославлении праведников и т. п. Нумерация глав — только порядковая, в отличие от первого перевода, где, вслед за польским источником, двойной счет новелл — по главам и по «прилогам». Свободнее во втором переводе и обращение с текстом: рассказы беллетризуются, дополняются живыми подробностями, диалогами, в ряде случаев им придается русский колорит, меняются заглавия (см.: О. А. Державина. С. 36—47).

Создатель второго перевода неизвестен; по мнению Б. Вальчак-Срочиньской (с. 506), им мог быть один из упомянутых переводчиков Посольского приказа, по собственной инициативе продолживший переложение огромного сборника; П. В. Владимиров (1884. С. 47) задавал вопрос, не был ли одним из редакторов В. З. крестовый иеромонах Никифор, чей экземпляр сборника (ГИМ, Синодальное собр., № 101) выделяется составом и после смерти владельца был взят в патриаршую ризницу «по указу» патриарха *Адриана*. Возможно, тому же Никифору принадлежала украинская выборка 1650-х гг. статей из краковского издания В. З. 1621 г. (Н. К. Гудзий. С. 34).

С самого своего появления на Руси В. З. было воспринято как произведение, вполне соответствующее традициям древнерусской дидактической литературы. «Общность многих источников (древне-христианских вообще и византийских в частности), общность направления (аскетического, поучительного и легендарного) так сблизили „Великое Зерцало“ с древнерусской литературой, что и самый сборник утратил характер переводного. . . и повести его наравне с проложными стали входить в такие уважаемые древнерусские сборники, как синодики, лицевые сборники, а чрез них и в устную народную словесность (духовные стихи, сказки и легенды)» (П. В. Владимиров. 1884. С. 67). Даже отдельные специфические католические идеи в условиях Московской Руси последней четверти XVII в. были понятны и близки читателям. «Настойчиво проводимая иезуитами идея превосходства духовной власти над светской была животрепещущей и в Москве. . . ; крайняя религиозная нетерпимость к еретикам соответствовала настроениям боровшихся между собой официальной, никонианской и старообрядческой церковью; запрет увлекаться наукой и даже размышлять самостоятельно над священным писанием. . . нашел отклик у старообрядцев, осуждавших стремление русских к светской науке. . . Встревоженному накануне реформы воображению защитника старого уклада жизни импонировало многое в содержании „Великого Зерцала“» (В. П. Адрианова-Перетц. 1948. С. 410). Однако в отличие от старой учительной литературы В. З. шире дает светские сюжеты и даже шуточные рассказы, частично выбранные из фацеций и приспособленные к нравовучению; повести в составе В. З. строятся как краткие анекдоты, где «сюжет излагается таким образом, чтобы с наибольшей ясностью показать читателю религиозно-нравственный смысл описываемых происшествий». «Составитель „Великого Зерцала“ объединяет рассказ с нравовучением, аллегорию вводит нередко в самое повествование и таким образом пронизывает все изложение дидактизмом» (Там же. С. 411).

Такое восприятие в значительной мере связано с раннехристианскими и византийскими источниками латинского «*Speculum*», многие из которых

были известны на Руси с домонгольских времен и теперь пришли в новом изложении, отличающемся религиозно-морализирующими сентенциями (В. П. Адрианова-Перетц. 1967. С. 77). Так, в состав В. З. вошли многочисленные легенды из *патериков* — *Синайского*, *Скитского*, *Египетского* (П. В. Владимиров. 1884. С. 72—73; О. А. Державина. С. 53, 61—62) и особенно *Римского* (П. В. Владимиров. 1884. Прил. II); ряд рассказов русские читатели знали по *Прологу*, сходные сюжеты из *«Паренесиса» Ефрема Сирина* были включены в состав *Великих Миней Четких* (Там же. С. 43, 68—69, 71); в отдельных списках В. З. статьи из прологов заменялись отсылками к первоисточнику под определенным днем (Там же. С. 55—56), что, несомненно, должно было укрепить авторитетность переводного сборника. Некоторые новеллы представляют отрывки из житий святых — Василия Великого, Иоанна Лествичника (П. В. Владимиров. 1885. С. 324).

Ряд прикладов из В. З., не совпадая сюжетно с древнерусскими памятниками, использовал традиционные мотивы, широко известные на Руси. Так, популярная легенда о монахе, заслушавшемся птички и не заметившем, как прошло 300 лет («Небесного сладкопения наслаждающегося един монах от птицы чрез 300 лет возвратися» — 1-й перевод; «О славе небесной и радости праведных вечней» — 2-й перевод), включает мотив волшебного долгого сна, встречающийся и в сказках, и в книжных произведениях, — ср. Житие семи отроков ефесских, Паралипоменон Иеремии; В. П. Адрианова-Перетц (1967. С. 78) указывала русский вариант той же легенды, датированный 1665 г. и независимый от перевода В. З. П. В. Владимиров отмечал многочисленные параллели между прикладами из В. З. и древнерусскими учительными и житийными памятниками (1884. С. 73—77); ряд аллегорических толкований в В. З. схож с притчами из *Повести о Варлааме и Иоасафе* (П. В. Владимиров. 1885. С. 324). Кроме того, на русской почве В. З. включало в свой состав такие широко известные памятники, как *Житие Евстафия Плакиды*, *Сказание об иконе богородицы Иверской*, о Флорентийском соборе, о Тимофее пресвитере, рассказы из *Синодика* и др. (П. В. Владимиров. 1884. С. 45—49, 56—57, 80; 1885. С. 363—364; О. А. Державина. С. 50—54). В свою очередь, рассказы из В. З. широко проникают в повествовательную часть Синодика (П. В. Владимиров. 1884. С. 81—98; О. А. Державина. С. 52—53; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895).

Некоторые правоучительные статьи в В. З. являются чисто русскими сочинениями: еще П. В. Владимиров (1884. С. 35—36, 43, 55) отметил вставленную на Руси статью «Церковь восточная» и известную на Украине апокрифическую повесть «Како претерпе Христос господь нашего ради спасения волею страсти на кресте» (встречается в Учительном Евангелии К. Транквиллиона). Б. Вальчак-Срочиньская (с. 507—508) выделяет в составе второго перевода В. З. девять прикладов, отсутствующих во всех польских изданиях.

Ряд сюжетов в составе В. З. совпадает с сюжетами других переводных сборников — *Римских деяний*, *Звезды Пресветлой*, *фацеций* (П. В. Владимиров. 1884. С. 26—28, 32; 1885. С. 339—362; О. А. Державина. С. 63). Как и они, В. З. стало в русской литературе богатым источником новых тем и сюжетов; к его легендам широко обращались украинские проповедники, пользовавшиеся скорее всего латинскими или польскими изданиями В. З. (см.: Марковский М. Антоний Радивилловский — южнорусский проповедник XVII в. Киев, 1894; Шевченко С. К истории «Великого Зеркала» в Юго-Западной Руси: «Великое Зерцало» и сочинения Иоанникия Голятовского // РФВ. 1909. № 3—4). Те же издания, возможно, послужили основой для стихотворных обработок Симеона Полоцкого (Белецкий А. И. Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 330—332). Неоднократно отмечалось

сходство мотивов в *Повести о Савве Грудцыне* и прикладе «Како враг диавол служба некоему честну человеку и како не терпит, идеже приносится молитва», хотя М. О. Скрипиль и возражал против подобных сближений (П. В. Владимиров. 1885. С. 379; О. А. Державина. С. 98—100; Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 164—166; Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 105—109).

Отдельные сюжеты из В. З. использовались писателями XVIII—XIX вв.: В. И. Майковым, А. П. Сумароковым, Н. М. Карамзиным, И. А. Крыловым, А. С. Пушкиным, Н. А. Некрасовым, Н. С. Лесковым (О. А. Державина. С. 140—153; см. также: Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 193—226; Гудзий Н. К. К истории сюжета романа о бедном рыцаре // Пушкин. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 145—158). Возможно, впрочем, что в литературу эти сюжеты пришли не непосредственно из сборника XVII в., а через фольклор (сказки, легенды, духовные стихи) или лубок, где зарегистрирован тот же излюбленный круг тем (см.: О. А. Державина. С. 123—141).

О широкой популярности В. З. на Руси свидетельствует огромное количество как полных его списков (по далеко не окончательным данным, только в центральных хранилищах их насчитывается около 150, см.: О. А. Державина. С. 156—173), так и отдельных статей: выборки из В. З. встречаются в сборниках уже на рубеже 1670—1680-х гг. и вплоть до конца XIX в. распространяются в старообрядческой и ортодоксальной среде. Полностью В. З. опубликовано не было: помимо публикации отдельных статей из него (по большей части в тексте исследований и в хрестоматиях) издан полностью лишь второй перевод (публикация О. А. Державиной по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 532) и около 120 прикладов из первого перевода (публикация М. Н. Сперанского по рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 100).

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1—2 (9 повестей); Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 3. № 699—701, 720, 724, 726, 729; Московские высшие женские курсы: Семинарий по древнерусской литературе. Вып. 9. Из Великого Зеркала. Сергиев Посад, б. г. [публикация М. Н. Сперанского]; Перетц В. Н. 1) Из истории старинной русской повести // УИ. 1907. № 8. С. 24—28 (3 повести); 2) Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии // Там же. № 11. С. 6—9 (4 повести); Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 198—203; Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1902. Т. 2. С. 513—517, 545—546; Петров Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // ТКДА. 1872. № 8. С. 737—742; Веселовский. Памятники. Т. 1. С. 438; Владимиров П. В. 1) Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884; 2) К исследованию о «Великом Зерцале». Казань, 1885; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 223, 224, 337; Гудзий Н. К. К вопросу о переводах из «Великого Зеркала» в Юго-Западной Руси // ЧИОНЛ. 1913. Кн. 23, вып. 2, отд. IV. С. 19—58; Орлов. С. 112—119; Адрианова-Перетц В. П. 1) Переводные западные повести // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 408—411; 2) Рец.: Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве // ИОЛЯ. 1967. Т. 26, вып. 1. С. 75—79; Walczak-Sroczynska B. Wielkie Zwierciadło Przykładów-dzieje tekstologiczne // Slavia orientalis. 1976. N 4. S. 493—508; Шварц Е. М. Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в Усть-Цилемских рукописных сборниках // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 341—350.

Е. К. Ромодановская

Видение хутынского пономаря Тарасия—Прохора — рассказы о чудесах, якобы свершенных популярным в Новгороде святым Варлаамом Хутынским (см. *Варлаама Хутынского житие*), до включения их в поздние редакции Жития (Распространенную и Особую) широко бытовали в устной новгородской традиции. Среди наиболее популярных чудес такого рода был рассказ о видении Хутынского пономаря (далее: В.). В. как письменный текст входило не только в состав Жития Варлаама Хутынского, но и переписывалось как самостоятельное произведение. Рассказ этот существовал в двух редакциях. Заглавия В. как в составе Жития Варлаама Хутынского, так и в отдельных списках разнообразны: «Чюдно видение преподобнаго Варлаама над Великим Новым Градом»; «В лето 7013. Бысть чюдо преславно и видение ужаса исполнено в пречестней обители боголепнаго Преображения господа бога и спаса нашего Иуса Христа и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама»; «Моление преподобнаго отца Варлаама о граде и о людех»; «Чюдо святаго Варлаама како избави Новгород от потопа и огня».

Содержание В. таково. Однажды пономарь церкви Спаса в Хутынском монастыре «некия ради потребы церковныя» был «в полунощи» в церкви. Вдруг зажглись в храме все свечи и паникадила, церковь наполнилась благоуханием, и из находившейся внутри церкви гробницы вышел Варлаам и начал молиться. Кончив молитву, Варлаам подошел к обътому страхом пономарю и сказал ему: «Брате Тарасие, хошет господь бог погубити Великий Новъград; възде, брате Тарасие, на самый верх церковный и узриши пагубу Великому Новуграду, что хошет ему господь бог сотворити». Тарасий, взойдя на кровлю церкви, видит, что над Новгородом нависло озеро Ильмень, готовое обрушиться на город. (Хутынский монастырь был расположен в 10 км на север от Новгорода, вниз по течению Волхова). Пономарь в ужасе сбегает с церковного верха и рассказывает святому об увиденном. Варлаам снова долго молится и вторично посылает на верх церкви пономаря. На этот раз пономарь увидел множество грозных ангелов, стреляющих огненными стрелами «на множество народа людскаго, на мужи и жены и на дети их». А около каждого человека стоял его ангел-хранитель с книгой в руках. И если человек был «написан в живых», то ангел окроплял такого человека «кистию из сосуда, приемля мира небесного», и тот исцелялся. Если же человек был записан «ему же умрети», то ангел, «не помазав его миром», отходил от него, и человек этот был обречен на гибель. Вернувшись к Варлааму, пономарь рассказывает об этом видении. Варлаам говорит, что бог пощадил новгородцев, «еже не потопил потопом града, но посылает господь бог на люди казнь — мор, но с милостью, рекше с покаянием». В третий раз поднимается пономарь по повелению святого на верх церкви и видит над Новгородом огненную тучу. Это видение пономаря Варлаам истолковывает так: через три года после мора в Новгороде случится великий пожар.

Вторая редакция В. отличается от первой тем, что имя пономаря в ней не Тарасий, а Прохор и здесь есть дополнительный эпизод. Пономарь Прохор, войдя в церковь, видит там трех юношей. Они спрашивают Прохора о Варлааме. Удивленный их вопросом, Прохор говорит, что, видно, они не здешние жители, раз не знают, что Варлаам умер уже триста лет тому назад. Подойдя к гробнице святого, юноши (это были посланцы бога) повелевают Варлааму встать из могилы и говорят, что бог велит ему покинуть Новгород, который будет погублен потопом. Варлаам отказывается сделать это: он готов погибнуть вместе с городом. Далее идет такой же текст, как и в первом варианте. Источником этого вставного эпизода послужил сходный эпизод *Димитрия Солунского Мучения*. В тексте В. назван год видения пономаря — 1505, но возникновение этой легенды, в основе которой лежат реальные события из жизни Новгорода, следует датировать немного более поздним временем. В 1506—1508 гг. в Новгороде свирепствовала моровая язва. Вот что пишет об этом новгородский

летописец: «При великом князе Василье Ивановиче всея Руси и при архиепископе новгородском, владыце Серапионе, бысть в Новгороде мор велим велик железою, паде же и людей безчислено, и того бысть по три осени. Последнюю же осень, лета 7016 (1508), паде людей, мала и велика, мужеска полу и женьска, 15 000 душ и 400 безс-четырех голов» (Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 460). В том же 1508 г. в Новгороде произошел пожар, про который летописец пишет, что такого страшного пожара еще никогда не бывало. Назвав число сгоревших — 2314, летописец добавляет: «утопших же и згоревших в пепел число бог весть, а горело день да ночь да на завьтрее до полуден» (Там же. С. 461). Оба события, хронологически следовавшие одно за другим, объединились в сознании новгородцев в единое бедствие и послужили основой легенды о видении пономаря Тарасия, которая возникла под свежим впечатлением от несчастий, обрушившихся на Новгород, т. е. вскоре после 1508 г. Д. С. Лихачев весьма убедительно соотносит время возникновения этой легенды с постройкой в Хутыньском монастыре в 1515 г. нового храма: «В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из числа новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город расстилался на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутыньского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды» (Д. С. Лихачев. С. 90). Д. С. Лихачев отмечает, что, несмотря на общие места и мистическую окраску В., это произведение, отличающееся целым рядом конкретных моментов, является «типично новгородским» (Там же). Изобразительность рассказа о видении пономаря Тарасия нашла отражение в новгородской живописи: до нас дошло семь новгородских икон и книжные миниатюры, посвященные этому сюжету; они отличаются яркостью и детальностью изображения событий, рассказанных в В.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 247; ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 283—284; Жизнь Варлаама Хутыньского. В двух списках / Изд. ОЛДП. № 41. СПб., 1881; ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 416—421.

Лит.: Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на хутыньской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900; Орлов А. С. Видение Хутыньского пономаря Тарасия—Прохора: (начало XVI в.) // ЧОИДР. 1908. Кн. 4. С. 1—12; Седельников А. Литературно-фольклорные этюды // Slavica. Praha, 1927. Roč. 6, Seš. 1. S. 64—98 («Об источниках хутыньского видения Тарасия—Прохора» — с. 89—98); Лихачев Д. С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. С. 89—90; Порфиридов Н. Г. Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 112—118; Лихачева Л. Д. Миниатюры — читатели новгородских литературных произведений // Там же. С. 337—341; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 61—68, 81—83, 280.

Л. А. Дмитриев

Иное сказание — компилятивное произведение первой половины XVII в., охватывающее события от смерти *Ивана Грозного* до венчания на царство *Алексея Михайловича*. Название дано памятнику И. Д. Белявым, который впервые опубликовал его по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1503. Помещенное в рукописи за «книгой» *Авраамия Палицына*, И. с. начиналось словами: «Той же первой истории последует вторым сказанием, иже в первой скращено, zde же приполнено, и где в первой полно, zde же скратно писано. Инаго творения». Составитель не считал нужным оговорить разногласия с «Историей» (а их немало), он лишь заявил о своем намерении дополнить рассказ знаменитого келаря, если найдет его кратким, и лако-

нично изложить то, что подробно описано Палицыным. Второй список И. с. также сопровождается «Историей» (ГБЛ, Музейное собр., № 1836). Этот список сделан при участии одного из двух писцов, работавших над погодинской рукописью. Возможно, оба сборника вышли из одной книгописной мастерской (см.: Ш м и д т С. О. Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 156). Палицынская «книга» сопутствовала И. с. и в третьей, ныне, вероятно, утраченной рукописи Воронежского губернского музея (с ней были знакомы С. Ф. Платонов и Е. Н. Кушева). В сборнике ГБЛ, собр. Егорова, № 292 встречаем начало И. с., за которым следуют «Повесть о Федоре Ивановиче» и палицынская «книга». Все это не позволяет согласиться с предположением Д. К. Уо, будто до составления П. М. Строевым погодинской рукописи «История» и И. с. были разделены (см.: У о Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 138). Согласно Ю. К. Бегунову, сокращение И. с. имеется в рукописи Славянской библиотеки (Прага), № Т 9775 (см.: Б е г у н о в Ю. К. Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 328). Данная рукопись, однако, содержит список «Повести, како отомсти», не учтенной, кстати, ее публикаторами.

И. с. состоит из трех частей (С. Ф. Платонов и М. А. Яковлев, не замечая компилятивности произведения, делят его соответственно на шесть и пять частей). Это повесть о событиях конца XVI—начала XVII в., доведенная до разгрома царских войск под Калугой (1607 г.), рассказ о Смуте начиная с борьбы армии Шуйского и отрядов Лжепетра и *И. И. Болотникова*, заседавших в Калуге и Туле (он почти совпадает с последними статьями *Хронографа Руского* второй редакции), и краткий летописец за 1613—1645 гг.

В первой части И. с. легко выделяется ряд документов времени Лжедмитрия I и Василия Шуйского: «Извет Варлаама», две «прелестные» грамоты «расстриги» (за осень 1604 г. и конец мая 1605 г.), обе окружные грамоты Шуйского (без адресата), его крестоцеловальная запись. «Извет» представлен в И. с. не в первоначальном виде, а содержит позднейшие наслоения, внесенные, возможно, составителем памятника. По-видимому, он знал и приговор Шуйскому (1605 г.).

*Читаемый в И. с. рассказ об осаде Москвы болотниковцами разрывается «Повестью о видении некоему мужу духовну» (без преамбулы, имеющейся в большинстве ее списков). Тем самым в И. с. нарушается последовательность событий 1606 г. Однако нельзя считать, что «Повесть» механически разрывает описание московской осады (мнение А. Г. Манькова, А. И. Копанева, В. И. Корецкого). Судя по этому описанию, в результате молитвы москвичей, последовавшей за «видением», повстанцы не смогли овладеть всеми дорогами, ведущими в столицу, и к Шуйскому подошли подкрепления. Включая «Повесть» в свое произведение, составитель И. с. хотел подчеркнуть роль покаяния в победе над «ворами» под Москвой.

Как доказала Е. Н. Кушева, в основу повествования о царствованиях Федора Ивановича, *Бориса Годунова*, Федора Борисовича и Лжедмитрия I компилятор положил «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову». Список этой «Повести», которым располагал составитель И. с., сейчас неизвестен; вопреки мнению ряда исследователей, его, однако, нельзя сблизать с теми списками, где «Повесть» компилируется с другими сочинениями Смутного времени. Компилятор использовал также *Житие царевича Дмитрия* (1607 г.), надпись на раке этого «нового чудотворца» и палицынскую «книгу». Помимо того, в И. с. находим оригинальные рассказы о воцарении Бориса Годунова, походе самозванца на Москву и его правлении, источник которых точно не определен. Все эти публицистические произведения скомпилированы весьма искусно, и С. Ф. Платонов даже принял начало И. с. за «Повесть 1606 г.».

которую был склонен приписать Авраамии Палицыну. Изыскания Е. Н. Кушевой, а также биографические данные о Палицыне заставляют отвергнуть эту атрибуцию.

По мнению С. Ф. Платонова и И. И. Смирнова, помещенный в И. с. рассказ о восстании Болотникова кончая победой повстанцев у Калуги написан вскоре после описанных событий, хотя в нем есть хронологическая путаница и фактические неточности. По справедливому заключению И. И. Смирнова, компилятор воспользовался неизвестной повестью, где говорилось о восстании Болотникова. Автором повести был современник восстания, очевидец многих событий 1606—1607 гг. Возможно, он знал и разрядные записи за это время. С. Ф. Платонов и М. А. Яковлев показали лексическую и стилистическую общность оригинальных рассказов И. с. о воцарении Бориса Годунова, вторжении расстриги и его царствовании, восстании Болотникова. Вероятно, эти рассказы заимствованы компилятором из повести о Смуте, неизвестной в отдельных списках. Вслед за С. Ф. Платоновым и В. Л. Комаровичем можно полагать, что данную повесть знал автор Хронографа второй редакции, почему ее можно датировать временем до 1616/17 г. Но составитель И. с. дополнил повесть сообщением Хронографа о происхождении «царевича Петра». Автор этой повести скорее всего был светским лицом, так как непосредственно знаком со многими военными событиями своего времени, проявляет удивительную для духовного лица неосведомленность о дате принесения в Москву мощей царевича Дмитрия, допускает грубую фактическую ошибку, полагая, что в 1591 г. на его погребение в Углич ездил патриарх *Иов*.

В предполагаемой повести о Смуте встречаем многочисленные признаки летописной традиции, прежде всего обилие хронологических ссылок. Вопреки утверждению А. И. Филатовой, будто указания автора на «грехи» являются лишь пустой отпиской, данью обычаю, публицист всецело находится на позициях провиденциализма. Вместе с тем создателю повести свойствен острый интерес к причинно-следственным связям событий, к мотивам человеческих поступков; он стремится даже вникнуть в психологию людей. Неизвестный автор передает чужие мнения, полемизирует с ними, вводит в свое изложение диалог и прямую речь. Он охотно использует рифмованную речь, в том числе корневые рифмы и рифмовиды. Особенно удаются ему описания сражений, составленные под воздействием «Сказания о Мамаевом побоище». Писатель пытается видоизменить воинские формулы, умело прибегает к образам птичьей охоты, живым, конкретным сравнениям. В повести заметны и следы хронографического стиля.

Если выделить из первой части И. с. предполагаемую повесть начала XVII в. и другие его источники, то на долю компилятора придется почти исключительно переходы от одного сочинения к другому. Эти переходы выдержаны в делопроизводственном стиле, например: «Сему же сказанию конец до зде бысть. Возвратимся на предняя, о его Гришкине собрании войска и о шествии к Москве»; «И сичевою прелестию прелстити первое народу Московского государства покусися»; «. . . а в грамотах сиче пишет». Учитывая это, едва ли вслед за И. С. Шенелевым можно приписать компилятору хронографические статьи, составляющие вторую часть произведения. Очевидно, он просто перенес их в И. с., которое первоначально завершалось последней главой Хронографа 1616—1617 гг., посвященной воцарению *Михаила Федоровича*. При этом лишь статья о низложении и смерти царя Василия была дополнена известием о возвращении из польского плена И. И. Шуйского (в конце 1619 или начале 1620 г.). Вряд ли бы компилятор забыл упомянуть о выдаче русским представителям в 1635 г. праха Василия Шуйского. Допустимо считать, что И. с. в первоначальном виде было составлено до этого времени, но не ранее 1619—1620 гг., тем более что в нем есть вставки из палицынской «Истории», две первые редакции которой возникли в течение данного года. Е. Н. Кушева склонна относить И. с. к 1622—1623 гг., которыми помечен воронежский список

«Истории» Авраамия Палицына. Другие исследователи датируют памятник 1623 г. (А. А. Зимин, А. А. Назаревский, Р. В. Овчинников), 20-ми гг. XVII в. (А. И. Филатова, Л. В. Черепнин, И. И. Смирнов, В. И. Корецкий), их второй половиной (А. М. Сахаров). Однако в погодинском и Музейном списках «Истории», сопровождающих И. с., дата отсутствует. Изучение рукописной традиции «Истории» показывает, что списки с датой и списки, где ее нет, относятся к разным изводам неавторской редакции. Списками разных видов пользовались и составители летописцев и хронографов, компилировавшие И. с. с «Историей». Трудно решить, какой список был в руках компилятора.

Как отметили еще И. Д. Беляев и А. Н. Попов, И. с. почти полностью вошло в состав Хронографа третьей редакции, один из списков которого датирован октябрём 1645 г. Кроме того, сохранился помеченный августом 1641 г. список Хронографа особого состава, точнее, его первой книги. Согласно оглавлению этого компилятивного Хронографа, он был доведен до присылки в Москву из Персии «христовы срачицы» (1625 г.) (см.: Д е м и н А. С. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г. // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 87, 90, 93—94). Дару шаха Аббаса Михаилу Федоровичу посвящена статья летописца, составляющего заключительную часть И. с. Это позволяет думать, что оно в первоначальном виде появилось не позже 1641 г.

Летописец, помещенный в И. с. вслед за хронографическими статьями, доведен до венчания на царство *Алексея Михайловича* (в погодинском списке имеются позднейшие приписки о воцарениях его сыновей Федора, Ивана и Петра). Круг интересов его составителя включает военную и дипломатическую историю Московского государства, жизнь царской семьи, судьбы патриаршего престола и новгородской митрополичьей кафедры, пожары в Москве. Не исключено новгородское происхождение летописца. Возможно, первоначально он кончался статьей «О принесении Христовы срачицы». Летописец включает в себя 412-ю, 420—422-ю главы *Летописца Нового*.

Е. Н. Кушева обратила внимание на то, что все списки И. с. сопровождаются палицынской «Историей» с главой об осуждении казны в ее позднем варианте, где резкое осуждение Шуйского сменялось восхвалением царя Василия. Так как начальная часть И. с. является панегириком Шуйскому, то исследовательница считает компиляцию произведением, обелявшим задетую келарем память царя Василия, трудом, составленным в опровержение палицынской «книги». Это мнение принято большинством ученых (Л. В. Черепнин, В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский, С. О. Шмидт). Однако составитель И. с. не считал нужным оговорить свои разногласия с «Историей». Во второй части компиляции наблюдается сдержанное отношение к Шуйскому, а в первой составитель лишь следовал за своими источниками. Нельзя говорить и об отрицательной оценке Шуйского в «Истории» и его сплошном восхвалении в позднем варианте главы о казне. Так что нет достаточных оснований отказываться от взгляда П. М. Строева на И. с. как дополнение к «Истории». Л. В. Черепнин видит в И. с. попытку создания обобщающего труда по истории Смуты, предпринятую при патриаршем дворе, но не обосновывает этот взгляд (см.: Ч е р е п н и н Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. 1945. Кн. 14. С. 102—103). Поскольку компиляция широко использована в Хронографе третьей редакции, напрашивается предположение: не было ли создано И. с. в процессе работы над новой редакцией Хронографа, включившей в себя (в зависимости от разряда) также отрывки из «Истории» Палицына, Хронографа 1616—1617 гг. и летописные статьи, заключающие И. с.?

Как отметил еще И. Д. Беляев, составитель И. с. являлся светским лицом, скорее всего приказным. Недаром ему были доступны многие до-

кументы начала XVII в., а отдельные фразы компилятора находят аналогии в деловой письменности.

Займствования из И. с. имеются в бесчисленных хронографах, летописцах и исторических повестях XVII—XVIII вв. Правда, вопреки мнению В. Д. Назарова, оно не явилось источником «Нового летописца». Но бесспорна зависимость от И. с. *Летописного свода 1652 г.*, «Латухинской степенной книги», *Летописи Новгородской Забелинской*. Несколько летописных статей И. с. перенесено в ряд списков неавторской редакции «Истории» Авраамия Палицына.

Об истории изучения памятника см.: *Державина О. А.* Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. // ТОДРЛ. М.: Л., 1957. Т. 13. С. 672—688.

Изд.: Иное сказание о самозванцах // ВОИДР. 1853. Кн. 16. Материалы. С. 1—80; РИБ. 1891. Т. 13. С. 1—144; 2-е изд. 1909. С. 1—144; 3-е изд. 1925. Вып. 1. С. 1—144 (есть и отдельный оттиск: Так называемое Иное сказание. СПб., 1907).

Лит.: Платонов П. К вопросу о первоначальном появлении вирш в северо-русской письменности // ИОРЯС. 1917. Т. 22, кн. 2; Пг., 1918. С. 259—275; Кушева А. Из истории. С. 21—97; Яковлев М. А. «Иное сказание»: (Повесть о крестьянском движении начала XVII века) // Учен. зап. КГПИ им. М. Н. Покровского. 1938. Вып. 1. С. 183—232; Орлов А. С. Повесть 1606 года о восхождении российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского // ИОЛЯ. 1946. Т. 5, вып. 1. С. 27—46; Смирнов И. И. 1) Восстание Болотникова: 1606—1607. М., 1951; 2) Обзор источников о восстании Болотникова // Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 5—40; Назаровский И. Очерки; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 231—254; Солодкин Я. Г. К истории издания «Иного сказания» // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 63—77.

Я. Г. Солодкин

История о Мелюзине — переводная повесть XVII в. Рыцарский псевдогенеалогический роман Ж. д'Арра о Мелюзине, повествующий о возникновении рода Лузиньянов, появился во Франции в конце XIV в. В основе романа лежит популярный сказочный сюжет о женщине-оборотне. В наказание за непочтение к отцу волшебница Мелюзина каждую субботу должна была превращаться в змею. Выйдя замуж за графа Раймунда, Мелюзина не открылась ему, но только запретила приходить к ней в субботу. По прошествии многих лет счастливой жизни Раймунд, терзаемый подозрениями, пришел в ее комнату в субботу, после чего Мелюзина навсегда исчезает. Значительная часть романа посвящена приключениям десяти сыновей Мелюзины.

Роман со временем превратился в народную книгу, издававшуюся на национальных языках; известны немецкий, голландский, английский, испанский переводы, позднее он вдохновлял К. Брентано и Гете. На польский И. о М. была переведена в середине XVI в. М. Сенником (первое издание 1569 г.). На русский И. о М. переводилась с польского дважды (оба раза с краковского издания 1671 г.).

Первый перевод («История о Мелюзине кролевне и о чудных ея детях и о городе Лозане»), сохранившийся в двух списках (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.18; Библиотека гимназии в г. Вестерос, UUB. Slav. 34), был сделан в 1676 г. Эта дата указана в списке ОЛДП, и ее нет во втором списке, сделанном для И. Г. Спарвенфельда в Москве около 1687 г. Исходя из этого, Г. Бергман приняла 1676 г. за дату списка ОЛДП и, основываясь на анализе архаизированного языка перевода, датировала его 70-ми гг. XVI в. и атрибутировала *Ивану Федорову*, который был знаком с М. Сенником. В дальнейшем эта малоубедительная гипотеза была оспорена.

Второй перевод («История благоприятна о благородной и прекрасной Мелюзине») был сделан в январе 1677 г. переводчиком Посольского приказа *Иваном Гуданским*. Его перевод сохранился в 8 списках XVII—

середины XVIII в.; полная редакция представлена 6 списками (ГПБ, Q.XVII.8; ГИМ, Музейское собр., № 2326; ГБЛ, собр. Ундольского, № 939; БАН, 34.6.52; ИРЛИ, оп. 23, № 116; ЦГАЛИ, ф. 1296, оп. 2, № 44), сокращенная — одним (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 413 (865)), в котором убраны побочные мотивы и сглажены композиционные недостатки оригинала. В середине XVIII в. полная редакция подверглась коренной языковой правке, коснувшейся прежде всего устаревших грамматических форм, и появилась новая редакция, стилистическая (ЛОИИ, колл. 238, № 681).

В начале XVIII в. И. о М. была поставлена в театре царевны Натальи Алексеевны (сохранился отрывок пьесы). При инсценировке был использован перевод И. Гуданского, один из списков которого был в царской библиотеке.

В отличие от других переводных романов И. о М. не имела широкого распространения и не дошла до массового читателя. Среди ее читателей лишь один «певчий», остальные — представители высших слоев: Петр I, царевна Наталья Алексеевна, кн. Д. М. Голицын, граф А. А. Матвеев, шведский дипломат И. Г. Спарвенфельд.

В XX в. И. о М. привлекла внимание А. Ремизова, который пересказал ее (Мелюзина и Брунцвик. Париж, 1952).

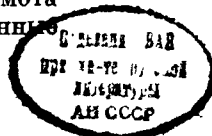
Изд.: Перевод 1676 г.: История о Мелюзине / Изд. ОЛДП. № 42—60. СПб., 1882; Веглитан Г. The Melusina Saga: The Text in UUB. Slav. 34 and a Study in 17th century Literary Language in Russia. Uppsala, 1964 (Рец.: Берунов Ю. К. // ИЮЛЯ. 1965. Т. 24, вып. 5. С. 445—447). Перевод 1677 г.: Малек Е. Historia o Meluzynie: Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi. Bydgoszcz, 1978 (здесь же см. полный обзор литературы об И. о М.) (Рец.: Николаев С. И. // РЛ. 1980. № 4. С. 200—203; Woźniak A. // Slavia Orientalis. 1981. N 3. S. 363—364).

Лит.: Булгаков Ф. История о Мелюзине // ПДП. 1880. № 2. С. 71—80; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 93—97; Малек Е. 1) Staroruska «Meluzyna» i jej stosunek do polskiej wersji powieści // Slavia Orientalis. 1974. N 1. S. 21—35; 2) «Historia o Meluzynie» i jej europejska kariera literacka // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Z. 109. Filologia rosyjska. Łódź, 1976. S. 33—39; 3) «Historia o Meluzynie» Jehana d'Arras na Rusi w wieku XVII—XVIII // Acta Universitatis Lodziensis. 1977. Ser. 1, nr. 16. S. 53—61; 4) Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 62—68; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 180, 631.

С. И. Николаев

История о первом Иове, патриархе московском и всея России — памятник биографического характера, посвященный описанию деятельности первого русского патриарха *Иова*. Раздел чудес делает похожим это сочинение на житие, но в целом традиционной схеме жития оно не соответствует (для жанровой характеристики памятника важно обратить внимание на ключевые слова «история» и «повесть», встречающиеся в его самоназвании, ср. нач.: «Первие zde да скажется повесть о Иове патриархе. . »).

Очевидно, что как целостный памятник И. сложилась вскоре после 1652 г., когда мощи патриарха Иова были перенесены из г. Старицы в Москву: ее повествование завершается чудесами, случившимися при перенесении мощей. Но так же очевидно и то, что этот памятник был создан путем соединения по крайней мере двух одновременно написанных частей. Первая из них, начальная часть И., представляет собой краткое и довольно сухое описание прохождения Иова по степеням церковной иерархии, от монашеского пострижения в Успенском монастыре г. Старицы и возведения затем в сан архимандрита того же монастыря по настоянию *Ивана Грозного* до посвящения в патриаршее достоинство при царе Федоре Иоанновиче. Закачивается эта часть сообщением о смерти патриарха, постигшей его в Старице в 1607 г. Ее источником вполне могла быть духовная грамота самого Иова, где патриарх перечислил церковные должности, пройденные

им в течение жизни (изд. см.: ДРВ. М., 1788. Ч. 6. С. 107—125; СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 82. С. 179—186; ААЭ. Т. 2. № 67. С. 148—160).

Вторая часть (ничем не отделенная от первой, начинающаяся словами: «И о сем Иове да слышится зде повесть, инде бо о нем нигде не писано. . .») снова возвращается к основным моментам жизненного поприща патриарха, но описывает их в иной манере, пространно и восхищенно характеризуя выдающиеся дарования патриарха Иова, удивительную его память, проникновенное умение читать и петь литургические тексты так, что плакали даже не слезливые, необыкновенное усердие в каждодневном богослужении, строгое постничество, кротость и терпение по отношению к подчиненным ему собратьям по духовному чину. В отличие от первой части, где почти ничего не говорится о Борисе Годунове и очень коротко сообщается о времени Смуты, во второй части приводится довольно подробная характеристика правления царя Бориса, рассказывается об активной агитации Иова против Григория Отрепьева, описываются перипетии предшествовавшего ссылке Иова в Старицу гнусного надругательства над патриархом со стороны приверженцев Лжедмитрия. Заканчивается эта часть описанием кончины и погребения Иова, к ней присоединяются чудеса, случившиеся вскоре после смерти патриарха. Затем следует раздел, озаглавленный «О принесении честных мощей святейшего Иова патриарха из Старицы в царствующий град Москву», посвященный описанию перенесения мощей Иова в Успенский собор Москвы в 1652 г. и чудес, сотворившихся при этом.

Стилистические различия между двумя частями И., повторы второй части относительно содержания первой заставляют думать об их обособленном происхождении. Так как в начальной части с почтением упоминается имя «царя государя и великого князя Василия Ивановича всея России» (в царствование которого Иов скончался) и ничего не говорится плохого о *Борисе Годунове*, отношение к которому было апологетическим именно в период царствования Василия Шуйского, а во второй части, напротив, вовсе не упоминается Шуйский, Борис же Годунов предается хуле в традиционном духе историографии, сложившейся после воцарения Романовых, то, учитывая все это, можно говорить о том, что первая часть И. была написана раньше последующих частей, а именно — в годы правления Василия Шуйского (1606—1610), т. е. между 1607 и 1610 гг.

Что касается второй части и раздела «О принесении мощей», то данных об их одновременном написании нет. В тексте второй части, там, где рассказывается о посмертном явлении патриарха Иова *Дионисию Зобниновскому*, бывшему в то время архимандритом Старицкого монастыря, находится фраза «О архимандрите Дионисии инде писано», которую С. Ф. Платонов трактовал как отсылку к тексту жития Дионисия Зобниновского. Если принять такую трактовку бесспорной, то из этого следует, что второй раздел И. надо датировать годами не раньше 1648—1654, времени, когда было создано житие Дионисия Зобниновского.

В последнем разделе, посвященном событиям 1652 г., сохранилось свидетельство того, что автор его являлся современником описываемых событий: рассказав о чуде, свершившемся над бесноватым посадским человеком Иоанном, он сообщил, что узнал все от самого исцелившегося («. . .опосле нам. . . своими усты глаголаше»).

С. Ф. Платонов высказал предположение о принадлежности автора И. к братии Троице-Сергиева монастыря; он основывался на том, что в изучаемом памятнике встречаются имена, связанные с жизнью Троицкого монастыря, а именно — имя Дионисия Зобниновского, который фигурирует в И. как один из ее персонажей и на некое сочинение о котором (предположительно, его житие) имеется здесь ссылка, и имя некоего Иоанна Иоанновича Тулупова, над которым в Старице в 1609 г. произошло чудо исцеления. Если бы удалось доказать, что этот человек, дружески называемый автором просто Иоанновичем, и троицкий инок, писатель Четых Миней

Герман Тулунов, происходивший также из Старицы, были одним лицом, тогда связь биографического сочинения об Иове с Троице-Сергиевой лаврой была бы подтверждена бесспорно. Пока же остается перечислять доводы, делающие это предположение вероятным, в том числе и то, что одним из источников И. было такое троицкое сочинение, как Сказание *Авраамия Палицына* (в рассказе об убиении царевича Димитрия, московском пожаре 1591 г., беспорядках, сопутствовавших царствованию Бориса Годунова).

Изд.: Памятники древнерусской письменности, относящиеся к смутному времени // РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 923—950; В е р ш и н с к и й А. История о первом патриархе Иове (по Старицкому списку) // Тверская старина. Старица, 1911. № 3. С. 47—56; № 4. С. 26—35; № 5. С. 16—23; № 6. С. 35—40.

Лит.: К л ю ч е в с к и й В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 465; М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 55—99; Б а р с у к о в Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 262—264; Платонов. С. 351—356.

Н. В. Поньрко

Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском — повесть, оформленная как агитационное патриотическое воззвание кануна создания Первого народного ополчения 1611 г., разоблачающее предательскую политику боярского правительства («семибоярщины») и призывающее москвичей к восстанию против польских интервентов.

Памятник этот открыт и введен в научный оборот С. И. Кедровым (К е д р о в С. И. «Авраамий Палицын» // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 62). Создан он в Москве очевидцем событий («у нас зде, в великом граде»), написан в основном от имени автора и содержит описание ряда уникальных подробностей общественной жизни столицы периода ее оккупации отрядами польских интервентов. Встречающийся в произведении оборот «у нас в Троице» представляет собой не случайную оговорку позднего троицкого переписчика (как считает А. А. Назаревский), а свидетельствует о каких-то личных связях автора с Троице-Сергиевым монастырем.

По традиции, восходящей к С. Ф. Платонову, Н. п. обычно датируется концом декабря 1610 (после гибели Лжедмитрия 14 декабря 1610 г., о котором в повести уже не упоминается)—началом января 1611 г. (поскольку автор еще умалчивает о народно-освободительном движении русских городов). С. Ф. Платонов высказывал также предположение, что она как «подметное» письмо могла быть написана в конце декабря 1610 г., «к святкам», когда ее удобнее всего было подбросить в толпу для прочтения. Однако повесть «подметным» письмом не является, она предназначалась для передачи из рук в руки и только патриотам. Анализ агитационной патриотической письменности, грамот и отписок городов кануна Первого народного ополчения показывает, что народно-освободительное движение широко развернулось уже в последние два месяца 1610 г. (Н. Ф. Дробленкова. С. 85—86, 169—173); автор же об этом не сообщает, как умалчивает он и о рассылке патриархом Гермогеном агитационных грамот. Если учесть все это, а также идейно-тематическую и стилистическую близость Н. п. к ряду агитационно-патриотических грамот-воззваний (особенно к воззванию москвичей и так называемой смоленской грамотке) января—февраля 1611 г. и принять во внимание, что некоторые источники датируют казнь поляка Блинского, стрелявшего в икону (о которой упоминает автор Н. п.), концом января—первыми числами февраля 1611 г., то датировку памятника можно соответственно изменить и «крайний срок ее создания отодвинуть до начала февраля 1611 г.» (Н. Ф. Дробленкова. С. 86). Я. Г. Солодкин привлекает против датировки С. Ф. Платонова новые архивные данные, на основании которых сдвигает время создания Н. п. к еще более позднему времени, «едва ли ранее февраля, но, конечно, до „московского разорения“ 19 марта 1611 г.». В частности, он оспаривает

рия», начал писать грамоты против польских интервентов и патриарх Гермоген, освобождая русское население от присяги королевицу Владиславу. Однако, резко осуждая семибоярское правительство за откровенное предательство и защиту интересов Сигизмунда III, автор с почтением относится к «боярским чинам» и весьма реально и не без опасения ощущает весомое значение разбушевавшегося народного «моря» — в современных ему и грядущих событиях. Именно поэтому он и стремится раскрыть коварные политические замыслы польских интервентов, которые по совету предательского правительства рассчитывают успокоить волну растущего народного гнева с помощью лживых обещаний прислать на царство королевицу Владислава или показательной расправы над стрелявшим в икону поляком. Для своих агитационных целей автор использует почти все те же факты, что и современные ему агитационные патриотические грамоты, однако, изображая патриарха Гермогена стойким патриотом, крепким, как «адамант», «столпом», он в основном ограничивается риторическими тирадами и лишь намеками говорит о его патриотической деятельности, замалчивая факт рассылки Гермогеном воззваний. И если это можно объяснить неосведомленностью автора, то такого объяснения нельзя дать замалчиванию им зарождающегося народно-освободительного движения городов — о сопротивляющихся Сигизмунду III городах, подобных Смоленску, он лишь глухо упоминает: «. . . и иных и всех градов наших, не хотящих за него». По-видимому, причину этого явления следует искать в каких-то внутренних соображениях автора, из предосторожности решившего не раскрывать всех тайн подпольного патриотического движения.

Позднее заглавие памятника не отражает его жанрового определения. Большинство исследователей, начиная с С. Ф. Платонова, называют его «подметным письмом», «посланием», «воззванием». По нашему мнению, Н. п. — литературная повесть, оформленная как грамота-воззвание, обращенная автором к коллективному адресату «преименитаго великого государства матере градовом Росийскаго царства православным христианом, всяких чинов людем». Однако кроме сходства с памятниками деловой письменности в композиции, оформлении, самом описании бытовых сцен, использовании русской народной речи Н. п. обладает всеми признаками развитого литературно изощренного повествования, обнаруживающего в авторе искуснейшего книжника, свободно владеющего и риторическим стилем «плетения словес», использующего книжные образы (*Стефанита и Ихнилата*) и традиционные сравнения (враги — «волки», Гермоген — «пастырь», «учитель», «столп»), ритмическую и рифмованную речь и одновременно создающего образы, близкие народному пониманию, такие как образ города-героя Смоленска в виде «прехраброго воина», держащего за узду «неукротимого жребца», или Сигизмунда в образе нетерпеливого жениха-насилника и Руси в образе «благоверной» и богатой невесты.

Анонимное, как большинство памятников древнерусской литературы, это произведение отличается наличием в нем авторской характеристики-автобиографии, из которой следует, что автор «прилепился» к врагам ради «тленного богатства» и ими «зело пожалован», что он боится раскрыть кому бы то ни было свое имя, так как не хочет опозорить или отдать на позор своих жену и детей. Новаторское введение в произведение авторской исповеди в данном случае вполне оправдано требованиями формы, которая была придана этому произведению: в городских грамотах-воззваниях и «отписках» должен быть точно указан адрес, от кого и к кому они направлялись; роль этих необходимых реалий и должна была выполнить автобиография писателя.

На основании всестороннего анализа произведения С. Ф. Платонов пришел к выводу, который был принят в науке, что автор Н. п. — из «служилых», «был простым дворянином, или сыном боярским, или же приказным дьяком» (Платонов. С. 112). Сомнения исследователей вызы-

вали лишь попытки раскрыть конкретное авторское имя. Бездоказательным, например, было отождествление М. Н. Покровским автора Н. п. и автора «Сказания, кних рад грех. . .» *Авраамия Палицына* как писателей, близких к посадской верхушке («буржуазии»), только лишь на основании якобы идейно-художественного сходства этих памятников, отражавших «провиденциалистическое объяснение событий» и пользовавшихся рифмованной прозой (П о к р о в с к и й М. Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 351, 398).

С. Ф. Платонов выступил с предположением, что автором Н. п. мог быть скорее всего дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров, ушедший из Москвы от поляков в Троицкий монастырь» (Очерки. . . С. 480—481, 632—633, примеч. 200). Это мнение поддерживали А. А. Назаревский (Очерки. . . С. 40—41, 149) и П. А. Садиков (Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 412). Однако Платонов не дает развернутой характеристики Г. Елизарова как автора Н. п. А. А. Назаревский привлекает для подтверждения этого предположения некоторые исторические материалы, акты и Житие *Дионисия Зобниновского*, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, составленное *Симоном Азарыным* и *И. В. Шевелевым* (Наседкой).

В «Списке думных дворян и дьяков, известных приверженностью к царю Василию Шуйскому» 1610 г. Г. Елизаров помещен в числе «злых шептунов», которые «не хотят государя нашего королевича», и охарактеризован здесь как дьяк «Новгородской четверти», «сам еретик и еретики ему приказаны», «да у него ж многая государева казна, и ведает, где казна, кому роздавана и расхоронена» (АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 310. С. 366—367). Известно также, что к 4 декабря 1610 г. Г. Елизаров уже был смещен со своего места дьяком Андреем Ивановым, которому велено было «сидети большим дьяком в Новгородской чети, на месте Григория Елизарова» (АИЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 392). Среди «пожалований» Сигизмунда III 1610 г. имеется упоминание о замене Григория Елизарова кандидатурой Кирилла Скоробовитцкого: «пожаловали есмя Кирилла Скоробовитцкого, велели ему быть в Нижегородцкой чети в думных дияцех, на Григорьево место Елизарова» (СГГД. М., 1819. Т. 2. С. 482).

Согласно Житию Дионисия, после своего смещения Г. Елизаров стал чернецом Троице-Сергиева монастыря, откуда бежал он после 19 марта 1611 г. в Соловки. Кроме того, известно, что в эти годы Дионисий переписывался с Г. Елизаровым (сохранилось известие о его грамоте «чернцу Елизарову, кой прежде был дьяком на Москве Григорей Елизаров в Казанском дворце, а побегал он от живоначальныя Троицы на Соловки от беды и нужды от Литвы и от казаков после разорения Москвы»).

Предположение об авторстве Г. Елизарова подвергает сомнению Я. Г. Солодкин на основании противоречия документальных данных биографии Г. Елизарова, который был разжалован королем Сигизмундом 4 декабря 1610 г., и признания самого автора Н. п., что он у врагов «ныне зело пожалован», а также на основании целого ряда других расхождений биографических сведений о Г. Елизарове и представлений об авторе повести, вплоть до отсутствия Г. Ф. Елизарова в Москве в момент написания Н. п.

Я. Г. Солодкин предполагает, что автором Н. п. был другой приказный дьяк — Марк Иванович Поздеев, и приводит новые актовые материалы из его биографии, на наш взгляд, убедительно подтверждающие эту гипотезу. По собранным и введенным в научный оборот Я. Г. Солодкиным фактам о жизни и деятельности Марка Ивановича Поздеева (конец XVI—середина XVII в.) известно не очень многое, но больше, чем о Г. Ф. Елизарове. М. И. Поздеев — сын дьяка, родом из дворян. (Род Поздеевых записан в синодике московского Успенского собора). Известно, что в 1604 г. он служил в Разряде, однако и позднее продолжал вести приходо-расходные книги государственной денежной («продажной») казны, которая, судя

по следственному делу над Ф. Андроновым, оставалась «у Марка на руках и за его печатью» вплоть до его отъезда из Москвы в 1611 г. В составленном в 1610—1611 гг. боярским правительством списке М. Поздеев числится среди 30 приказных дьяков, служивших тогда в Москве, и лишь он один из них был ранее связан с Троице-Сергиевым монастырем. От 1 июля 1609 г. сохранилось известие о письме к нему из осажденного Троице-Сергиева монастыря от Кузьмы Биликея, в котором тот сообщает об отражении тушинцев и просит занять деньги для своей жены, по-видимому, не зная, что и самому Поздееву (как выясняется из следственного дела 1613 г.) в эту пору жилось довольно трудно и его ссужал хлебом и вином Ф. Андронов. В марте 1610 г. М. И. Поздеев служит в Посольском приказе, где знакомится с Ф. Андроновым, когда тот еще был «мужик» (т. е. до присвоения ему королем Сигизмундом III чина думного дворянина; по мнению Поздеева, так же как и по словам автора Н. п., Андронов был выходцем из смердов). В это время, как Поздеев позже сам говорил на очной ставке в суде, он был дружен с Андроновым, «ел и пил с ним». После низложения царя Василия Шуйского семибоярское правительство хотело Поздеева «в рухляди пытать», но, согласно показаниям Андропова, тот его «отнял» (заступился за него). С приходом к власти польских оккупантов М. И. Поздеев остается в Москве при своей должности. В период своей службы в Москве Поздеев был знаком со старцем Чудова монастыря Марком Константиновым и мог через него многое знать о патриархе Гермогене. Согласно показаниям на суде Андропова, на М. И. Поздеева бывали частые доносы московскому наместнику Гонсевскому («нанос бывал многий Гасевскому»), от которых его якобы спасал Андронов. Из того же следственного дела Андропова известно, что М. И. Поздеев бежал из Москвы в «разоренье», т. е. после 19 марта 1611 г., вместе с приходо-расходными книгами, не отчитавшись в казне, которой по-прежнему продолжал ведать («Марко в разруху и с книгами изгиб», т. е. пропал, забрав с собой и книги). Как многие жители столицы в период «московского разорения», Поздеев бежал сначала в Троицу, а затем примкнул к Первому народно-освободительному ополчению, предводительствуемому *Прокопием Ляпуновым*. 30 июня 1611 г. он подписался на Земском приговоре, т. е. уже стал в ополчении заметной фигурой. В это время он служил в одном из приказов подмосковных «таборов» и приезжал в Москву после освобождения ее от поляков, а потом был послан боярами-воеводами в Кострому. В начале 1612 г. костромичи вновь присягнули на верность королевичу Владиславу, а спустя два месяца новый костромской воевода И. П. Шереметьев и его «советники» не пустили в город отряды Второго ополчения. Какова была позиция Поздеева в это время, точно не известно.

Документы свидетельствуют, что М. И. Поздеев был женат и имел детей, сыновей Ивана и Матвея; о его детях упоминается в челобитной 1634—1635 гг. («Марковы дети Поздеева») и в родословной книге 1646—1647 гг., где назван «недоросль Матвей, сын Поздеев». Последние документальные свидетельства о самом М. И. Поздееве относятся к 31 апреля 1644 г.

Опираясь на акростишие, принадлежащее одному из приказных поэтов 30—40-х гг. XVII столетия, Я. Г. Солодкин делает предположение о причастности М. И. Поздеева к литературной деятельности той поры. Исследованная А. М. Панченко стихотворная «эпистолейца» *Ермолая Азанчеева* (Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 49) представляет собой уже ответное М. И. Поздееву стихотворное послание («радостию приях твое прежнее ко мне начертание», — пишет Е. Азанчеев), которыми обменивались между собой представители этой литературной школы. Акростих Е. Азанчеева образует фразу, в которой упоминается «Марк Иванович» («Господарю Марку Ивановичю Ермолка Азанчеев челом бьет»), а иной приказной дьяк этого времени с подобным именем и отчеством, кроме Поздеева, неизвестен.

Сопоставляя данные об авторе Н. п. с документальными фактами биографии М. И. Поздеева, занимавшего в период оккупации Москвы поляками видный служебный пост и имевшего отношение к государственной казне, враждебно настроенного к «семибоярщине» и близко знакомого с изменником Андроновым, связанного с Троице-Сергиевым монастырем и Гермогеном, находившегося на подозрении у оккупантов и, наконец, имевшего детей и, очевидно, являвшегося известным литератором, Я. Г. Солодкин приходит к заключению о возможном тождестве этих лиц.

Н. п. сохранилась в единственном списке — ГБЛ, собр. МДА, № 10 (175), представляющем копию с ошибками, и находится в составе сборника XVII в., собранного, очевидно, в Троице-Сергиевом монастыре (Н. Ф. Дробленкова. С. 210—216); текст повести неоднократно издавался, в том числе с разбивкой на ритмические строки.

Изд.: РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. С. 187—218 (1-е изд. СПб., 1892; 3-е изд., испр. по рукописи. Л., 1925); Т о т у б а л и н Н. И. Новая повесть о преславном Российском царстве // С к р и п и л ь. Русская повесть. С. 9—28, 169—189, 329—343 (текст и коммент.); Н а з а р е в с к и й. Очерки. С. 21—89, 158—183 (исслед. и текст); Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патристическая письменность. М.; Л., 1960. С. 3—239 (исслед. и текст).

Лит.: П л а т о н о в С. Ф. 1) Новая повесть о Смутном времени XVII века // ЖМНП. 1886. Ч. 243 (январь). С. 50—67; 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 480—481, 632—633 (примеч. 200); 3) О двух грамотах 1611 года // С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 193—198; то же // П л а т о н о в С. Ф. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 1; 4) Древнерусские сказания и повести. . . С. 109—130, 446; то же // П л а т о н о в С. Ф. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 2; Л ю б о м и р о в П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 265—267; Л и х а ч е в Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1945. С. 116—119 (фотовоспроизведение изд-ва «Mouton», 1969); Д о л г и н и Н. П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века // Науч. зап. Днепропетров. гос. ун-та. 1951. Т. 40. С. 119—122 (Сб. работ ист. ф-та. Вып. 1); А д р и а н о в а П е р е т ц В. П. Литература 1580—1610-х годов: Возникновение и расцвет историко-публицистической повести // ИРЛ II. Т. 1. С. 268—270; С о л о д к и н Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // ТОДРП. Л., 1981. Т. 36. С. 103—113.

Н. Ф. Дробленкова

О изведении царского семени, и о смятении земли, и о прелести некто-торого растриги черныца, еретика и богоотметника православная веры христианская, отступника ангельского образа, Гришки Богданова сына Отрепьева, галиченина родом, а в мире имя ему Георгий — сказание (далее: С.) это опубликовано в 1895 г. С. Ф. Платоновым по единственному известному списку из сборника первой половины XVII в. ГБЛ, Музейное собр., № 12 (3141). Определить точное время его создания сложно. Трудности вызваны не только тем, что в самом тексте нет сведений об авторе, месте и времени появления произведения, но и тем, что утеряно его окончание. С. обрывается начальными словами заключающего его, как считал С. Ф. Платонов, рассказа о перенесении мощей царевича Дмитрия в Москву. С. могло появиться и по окончании Смуты, и сразу после описанных в нем событий. Последнее предположение возникает в связи с тем, что это произведение написано на основе «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годуновым» и «Сказания о Гришке Отрепьеве». С. построено по схеме этих памятников, но дает краткое освещение только основных моментов первого этапа Смуты: захвата после смерти наследников Ивана Грозного престола Борисом Годуновым, появления и царствования Лжедмитрия I, его свадьбы и восстания в Москве против него и поляков. Зависимость С. от указанных источников проявляется и в конкретных деталях. Так, например, в рассказе о поведении

в Москве Лжедмитрия и поляков имеются текстуальные заимствования из «Сказания о Гришке Отрепьеве». Описание «ада» — «гуляй-города», изготовленного самозванцу для «потехи», очень близко подобному описанию в «Повести, како восхити. . .».

С. Ф. Платонов считал, что «легендарным характером в сказании отличается только одна подробность». Он имел в виду рассказ о том, что во время восстания москвичей поляки совсем не оказали сопротивления: «сущим безоружным, точию з дреколием и камением их побиваху, а урешающе они воинскую свою збрую сами на себя руками подаваху». Но автор С. в данном случае проявил самостоятельность только в том, что постарался изобразить эту картину как можно нагляднее. Сама «неумелая гипербола», как определил С. Ф. Платонов искажение действительных обстоятельств победы москвичей, заимствована автором из «Повести, како восхити. . .».

С. следует источникам и в трактовке действий Лжедмитрия. В нем неоднократно подчеркивается единственная, по мнению автора, цель самозванца — «разорити православную христианскую веру, в люторскую веру превратити». Разрушение этого замысла Лжедмитрия, папы римского и польского короля определяет идейное содержание С.

При всей зависимости от источников С. является произведением несомненно оригинальным. Своеобразие ему придает авторская самостоятельность в суждениях о людях и событиях, характер отбора материала и форма его изложения. Автор С. совсем не придерживается идейной направленности источников, в которых ставилась задача агитации за непопулярного царя Василия Шуйского. Он вообще обходит вопрос об избрании царей, считая появление на русском троне разных людей результатом их собственных усилий. Не в пример источникам, где подробно и в похвальной тоне повествуется о роли Василия Шуйского в подготовке и осуществлении восстания 17 мая 1606 г. и об избрании его царем, в С. он упомянут всего лишь один раз и притом скороговоркой: «И потом бысть в Московском государстве в Российской земли христианские веры царьскаго корени остался сродич, государь царь и великий князь Василий Иванович, всеа Руси самодержец». Такое отношение к Василию Шуйскому свидетельствует о том, что автор С. не был его сторонником.

С другой стороны, в С. проявилась важнейшая особенность литературных произведений конца Смутного времени. Если авторы «Повести, како восхити. . .» и «Сказания о Гришке Отрепьеве» делают людей только на хороших и плохих, то в С. «О изведении царскаго семени. . .» обнаруживаются зачатки представления о человеческом характере, объединяющем противоречивые качества. Автор пытается обрисовать Бориса Годунова с различных сторон. При общей негативной характеристике человека, который обвиняется в преступном осуществлении замысла «царское семя извести», автор нашел нужным отметить в его характере и положительную черту. Возможность для этого давали активные попытки Бориса Годунова помочь населению Москвы во время трехлетнего голода: «. . . та же три лета он, царь Борис, показа милостыню велию. . . и много гладных прокормил».

Особенностью С. является стремление его автора к большей, чем в источниках, точности и конкретности. Он тщательно, иногда с точностью до часа, датирует события, старательно отмечает длительность царствования всех царей после Ивана Грозного. Благодаря его умению видеть происходящее своими глазами, С. представило «ад» — «гуляй-город» в ином качестве, во всех других источниках не отмеченном. Устрашающее оформление «ада» использовалось, видимо, не только в военных целях, но и в мирных развлечениях, которые имели характер театрализованных действий, хотя и с религиозным значением: «И выйдут из него люди в личинах, дьяволом претворени, наметки у них черныя, что у черниц, и почнут смолою и дехтем людей мазать и шелепугами почнут бить, да в деготь омачивая, а иные изо ада водолейками прыскаху воду з дехтем на мир».

в Москве Лжедмитрия и поляков имеются текстуальные заимствования из «Сказания о Гришке Отрепьеве». Описание «ада» — «гуляй-города», изготовленного самозванцу для «потехи», очень близко подобному описанию в «Повести, како восхити. . .».

С. Ф. Платонов считал, что «легендарным характером в сказании отличается только одна подробность». Он имел в виду рассказ о том, что во время восстания москвичей поляки совсем не оказали сопротивления: «сущим безоружным, точию з дреколием и камением их побиваху, а урешающе они воинскую свою збрую сами на себя руками подаваху». Но автор С. в данном случае проявил самостоятельность только в том, что постарался изобразить эту картину как можно нагляднее. Сама «неумелая гипербола», как определил С. Ф. Платонов искажение действительных обстоятельств победы москвичей, заимствована автором из «Повести, како восхити. . .».

С. следует источникам и в трактовке действий Лжедмитрия. В нем неоднократно подчеркивается единственная, по мнению автора, цель самозванца — «разорити православную христианскую веру, в люторскую веру превратити». Разрушение этого замысла Лжедмитрия, папы римского и польского короля определяет идейное содержание С.

При всей зависимости от источников С. является произведением несомненно оригинальным. Своеобразие ему придает авторская самостоятельность в суждениях о людях и событиях, характер отбора материала и форма его изложения. Автор С. совсем не придерживается идейной направленности источников, в которых ставилась задача агитации за непопулярного царя Василия Шуйского. Он вообще обходит вопрос об избрании царей, считая появление на русском троне разных людей результатом их собственных усилий. Не в пример источникам, где подробно и в похвальном тоне повествуется о роли Василия Шуйского в подготовке и осуществлении восстания 17 мая 1606 г. и об избрании его царем, в С. он упомянут всего лишь один раз и притом скороговоркой: «И потом бысть в Московском государстве в Российской земли христианские веры царьскаго корени остался сродич, государь царь и великий князь Василий Иванович, всеа Руси самодержец». Такое отношение к Василию Шуйскому свидетельствует о том, что автор С. не был его сторонником.

С другой стороны, в С. проявилась важнейшая особенность литературных произведений конца Смутного времени. Если авторы «Повести, како восхити. . .» и «Сказания о Гришке Отрепьеве» делят людей только на хороших и плохих, то в С. «О изведении царскаго семени. . .» обнаруживаются зачатки представления о человеческом характере, объединяющем противоречивые качества. Автор пытается обрисовать Бориса Годунова с различных сторон. При общей негативной характеристике человека, который обвиняется в преступном осуществлении замысла «царское семя извести», автор нашел нужным отметить в его характере и положительную черту. Возможность для этого давали активные попытки Бориса Годунова помочь населению Москвы во время трехлетнего голода: «. . . та же три лета он, царь Борис, показа милостыню велию. . . и много гладных прокормил».

Особенностью С. является стремление его автора к большей, чем в источниках, точности и конкретности. Он тщательно, иногда с точностью до часа, датирует события, старательно отмечает длительность царствования всех царей после Ивана Грозного. Благодаря его умению видеть происходящее своими глазами, С. представило «ад» — «гуляй-город» в ином качестве, во всех других источниках не отмеченном. Устрашающее оформление «ада» использовалось, видимо, не только в военных целях, но и в мирных развлечениях, которые имели характер театрализованных действий, хотя и с религиозным значением: «И выйдут из него люди в личинах, дьяволом претворени, наметки у них черныя, что у черниц, и почнут смолою и дехтем людей мазать и шелепугами почнут бить, да в деготь омачивая, а иные изо ада водолейками прыскаху воду з дехтем на мир».

Большая, по сравнению с другими произведениями, конкретность достигается в С. за счет повышенного внимания к бытовым подробностям и топографии Москвы и ее окрестностей. В С. старательно отмечаются детали, которые другим авторам представлялись либо незначительными, либо общеизвестными. Во многих произведениях тот факт, что Лжедмитрий поселился в царских палатах, вообще не упоминается. В С. же это не только отмечается, но сопровождается указанием, какие именно помещения занял самозванец: «И постави себе хоромы и многия светлицы велми красны на набережных полатах и терем основал». Для писателей, рассказывавших о восстании против Лжедмитрия, обычно было достаточно сообщения об убийстве его в кремлевских палатах. С. указывает место более определенно: «И сего окаянного еретика и богоотступника Гришку Отрепьева убили вверху, в палате крайней от Боровицких ворот». Место сожжения тела Лжедмитрия в других источниках обозначено точно — «на месте, нарицаемом Котле», но С. и здесь содержит уточнения: «тело его предали огню на реке на Котле промеж курганов».

Стиль С. заметно отличается от стиля его источников. Прежде всего, здесь почти нет обычной для всех произведений Смутного времени риторики и цитат из патристики. В С. всего два кратких риторических обращения автора к читателям и лишь одна, опять же краткая, цитата из Псалтыри.

В отличие от других современных ему литературных памятников в С. в меньшей степени ощущается влияние книжного языка. В некоторых местах наблюдается воздействие на язык сказания разговорной речи. Особенно заметно это в описании «ада». По содержанию оно ничем не отличается от рассказа об «аде» в «Повести, како восхити. . .», где дана такая картина: «Егда же разверзет челюсти своя, и изовну его яко пламя предстоящим ту вялетца, и велие бряцание исходит из гортани его, . . . и изо ушью якоже пламяни распалившуся» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 164). Тем не менее описание «ада» в С. являет собой разительный контраст, ибо вместо языка церковной и агиографической литературы здесь использован язык фольклорных произведений, русской сказки: «Как станет зевать и глаза мигать, и колокольцы шумят, изо рта огнем пашет, из ушей дым идет».

В С. отсутствуют обычные для литературы начала XVII в. элементы стиля «плетения словес» и сложные синтаксические конструкции. Этот факт, а также менее книжный, чем в источниках, язык, отсутствие риторики, привлечение фольклора объясняются, вероятнее всего, не сознательным выбором стилистических средств, а меньшей по сравнению с другими писателями этого времени образованностью автора С. Отсюда и неудачные в грамматическом смысле выражения, иногда затемняющие смысл сказанного. Например, в С. говорится, что венчался Лжедмитрий с Мариной Мнишек «в четверг на третьей недели по Пасце, канон великаго чудотворца Николы». Смысл этой фразы раскрывается при обращении к «Повести, како восхити. . .»: «в четверг. . . против пятка и против памяти чудотворца Николь».

Автор плохо представляет себе разницу между вероисповеданием и национальностью иностранцев. Следуя за источниками, он повторяет их ошибку и еще больше усугубляет ее, расширив перечисление представителей различных, по его мнению, вероисповеданий: «И введе с нею в церковь многих поганых всяких вер людей, лютарей, ляхов, латынь, колвенцов, немец».

Одна из главных особенностей С. раскрывается в объяснении причин Смуты. Все без исключения литературные памятники о Смутном времени объясняют и общие, и частные причины социально-политического кризиса божьим наказанием за грехи русского народа. В С. эта тема ослаблена настолько, что почти незаметна. Слова о греховности встречаются лишь один раз: «И в та же времени божиим поущением и нашего ради согреше-

ния. . . воздвигнется. . . некто еретик. . . Гришка Отрепьев». Они сказаны мимоходом, как формула, необходимая по общепринятым правилам, когда речь идет о первом самозванце. Они связываются только с появлением Лжедмитрия, причем он послан в наказание не народу, а Борису Годуну. Все остальные события в С. объясняются вполне сознательными действиями людей. Такой взгляд на события, а также все остальные отличительные признаки С. заставляют исключить его автора из числа писателей аристократического происхождения и духовного звания. Он, безусловно, москвич и, вероятно, выходец из среды мелких служилых людей. Литературные занятия не были, видимо, для него привычным делом. Тем не менее определенная начитанность и несомненные литературные способности позволили ему написать произведение, заметно выделяющееся из ряда других памятников начала XVII в. Совпадая по теме, С. расходится с ними в идейном и художественном отношении.

Изд. Платонов С. Ф. Сказание о самозванце по списку Московского Публичного музея № 341 // ПДП. 1895. Вып. 109. С. 3—14.

Лит. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1889—1891 гг. М., 1892. С. 53—57.

Г. П. Енин

О рождении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина. Повесть известна в единственном списке, по которому была опубликована П. Г. Васенко (далее: П. о р.). Она находится в той же рукописи ГПБ, ОЛДП, F.12, в которой содержится единственный список *«Писания о представлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина»*, и расположена непосредственно перед ним. П. о р. была написана не ранее 1620 г. Основным датирующим признаком служит рассказ о Калязинском сражении, заимствованный из *«Сказания» Авраамия Палицына*, которое было закончено в 1620 г.

П. о р. состоит из трех разнородных частей. Основная, самая обширная часть содержит самостоятельно написанный автором П. рассказ о Скопине от рождения князя до начала похода в главе русско-шведских войск из Новгорода на освобождение Москвы. Вторая часть представлена отрывком из *«Сказания» Авраамия Палицына*. Заключает П. небольшое летописное сообщение о поражении русских войск в 1610 г. под Клушиным и захвате Новгорода шведами.

П. о р., хотя и охватывает всю жизнь Скопина, бедна содержанием. Написанная с целью дополнить *«Писание»*, т. е. рассказ только о смерти и погребении Скопина, повествованием о его жизненном пути и подвигах, она представляет собой, в сущности, житие князя. Основная идея П. состоит в том, чтобы представить Скопина в ином, по сравнению с *«Писанием»*, качестве, не столько князем-воином, сколько примерным христианином, выдающимся защитником православия, который призывает прежде всего *«крепко по христианской вере стояти и страдати, и за нея умираги»*. Примечательно, что автор П. о р. отказывается дать Скопину собственную характеристику как воину и полководцу, предпочитая заимствовать ее у Авраамия Палицына. Так же он поступает при описании бедствий, последовавших за неожиданной смертью Скопина, единственного воеводы, способного побеждать врагов. Для этого он воспользовался записями из какой-то летописи.

Компилятивный характер П. о р. обусловил ее стилистическую неоднородность. Ее определяющим стилистическим слоем является агиографический. Он обнаруживается с самого начала П. в обычном для житий рассказе о младенческих и отроческих годах Скопина, в которые он проявляет примерное послушание, скромность, незаурядные способности к книжному учению. В соответствии с правилами агиографического жанра усиленное внимание уделяется в П. изображению Скопина как благочестивого князя

на протяжении всей его жизни. Достигается это путем неоднократных упоминаний о его благочестии и при помощи уподоблений ученикам и сподвижникам Христа. Действия князя во время собирания сил для освобождения страны уподобляются деятельности апостолов.

Основная часть П. написана церковно-книжным языком, для нее характерны многочисленные цитаты из ветхозаветных книг и Евангелия.

Полностью заимствованный из «Сказания» Авраамия Палицына рассказ о Калязинской битве вносит в П. типичные для описания боевой ситуации в древнерусской литературе стилистические формулы воинских повестей.

Заключает эту картину стилистической пестроты в П. о р. лаконичное, но насыщенное фактами летописное сообщение под 7118 (1610) г. о Клушинском сражении, измене «немцев»—шведов и овладении ими Новгородом.

П. о р. полностью вошла в состав компилятивной повести о Скопине-Шуйском, опубликованной А. Н. Поповым.

Изд.: Попов. Изборник. С. 379—388; Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30.

Лит.: Платонов. С. 348—351; Ржига В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 91—107; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 44.

Г. П. Енин

Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина, было создано в течение двух-трех лет после неожиданной смерти молодого воеводы в 1610 г. Судя по многочисленным подробностям в рассказе о болезни и похоронах Скопина, а также в характеристиках разных лиц, автор П. был свидетелем этого события.

Темные обстоятельства внезапной смерти полного сил и здоровья князя, который снискал в народе широкую популярность успешной борьбой с поляками, и искреннее сожаление о его кончине вызвали у автора потребность изложить в литературной форме свое отношение к случившемуся. Он более осторожно в объяснении причин смерти Скопина, чем другие современники, прямо обвинявшие царя и его братьев в смерти 23-летнего боярина и воеводы.

Крайне непопулярный и подозрительный царь Василий Шуйский испугался чрезвычайно возросшего в народе авторитета племянника и увидел в нем опасного соперника в борьбе за престол. Его братья, в особенности спесивый и неудачливый в сражениях князь Дмитрий, остро завидовали полководческой славе Скопина. Эти обстоятельства, по свидетельству разнообразных источников, и явились причиной его неожиданной смерти.

Автор П. уклонился от прямого обвинения Шуйских, но выразил свое мнение иначе. Во-первых, он поместил в начале произведения генеалогическую справку, подобную тем, которые сопровождают биографии великих князей в Степенной книге. Он показал в ней, что, как и Василий Шуйский, Михаил Скопин-Шуйский, близкий родственник великих князей и царей Московских, происходит «от единого великаго князя Александра Ярославича Невского» и тем самым достоин царского места в той же мере, как и Василий Шуйский. Этой же мысли подчинены и другие композиционно-стилистические элементы П.: рассказ о том, как народ, узнав о намерении похоронить Скопина в Чудове монастыре, потребовал положить тело князя в Архангельском соборе, где он «будет и гробом причтен царским и великих князей великие ради его храбрости и одоления на враги и понеже он от их рода и колена»; гиперболизированная всеобщая скорбь, переданная в многочисленных плачах и описательно, — желание присутствовать при погребении Скопина вызвало такое стечение народа, что «торжыща источишася и купилища быша по-

розни. . . и домы порозни быша»; определение Скопина как «столпа. . . Русские земли». Во-вторых, автор П. указывает главного виновника смерти Скопина. Он не говорит о нем ни единого худого слова и не называет прямо, но открывает имя его жены, главной, согласно народной молве, исполнительницы замысла Шуйских. Отравительницей Скопина была дочь Малюты Скуратова, «княгиня, жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского Марья».

Стремление создать панегирик Скопину-Шуйскому обусловило широкое использование в П. стилистических средств Степенной книги и княжеских житий, наиболее характерны из которых пышная риторика в похвалах, торжественный книжный язык, многочисленные цитаты из ветхозаветных книг. Связь с житиями прослеживается не только в общем торжественном тоне описания погребения Скопина, но и в конкретных деталях. Лирические плачи жены, матери, народа близки подобным плачам из княжеских житий, которые ведут свое начало от народных похоронных плачей-причитаний. В восклицании Якова Деллагарди: «Уже де нашего кормилца и вашего доброхота, Русския земли столпа и забрала, крепкаго воеводы не стало» — использован традиционный для древнерусской литературы прием прославления русских героев устами иностранцев, примером которого служит отзыв чужеземца Андрияша об Александре Невском в житии этого князя.

Еще одним источником П., определившим его жанровое и стилистическое своеобразие, благодаря которому оно выглядит необычным среди литературных памятников эпохи Смуты, послужило устно-поэтическое народное творчество. Так, в П. присутствует характерный для древнерусского эпоса мотив богатырского телосложения — для Скопина не смогли во всех «торгах» подыскать дубовую колоду, соответствующую его росту. Встречаются в П. элементы былинной речи: «Тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго».

Главной отличительной чертой П. явилось смелое решение автора ввести в его композицию фольклорное произведение. Центральное по смысловой нагрузке место произведения, где раскрываются причины и обстоятельства отравления и смерти Скопина, заняла народная песня. Она сложилась уже в 1611 г., и в ней народ выразил враждебное отношение к Шуйским, обвинив их в убийстве освободителя страны.

Введение песни в состав П. вызвало нарушение стилистического единообразия панегирика и искажение жанровых признаков произведения. Автор понимал, видимо, это сам, поэтому не назвал его ни повестью, ни похвалой, а дал нейтральное название: «Писание о преставлении и о погребении. . .». Он писал не повесть и не похвалу, а рассказ о взволновавшем его событии — теми средствами и в той форме, которые позволяли ему выразить свои чувства. Такой рассказ не имел аналогий в литературной традиции, поэтому не было и привычного жанрового определения для него.

Как самостоятельное произведение П. сохранилось в единственном списке ГПБ, ОЛДП. F.12. по которому оно было опубликовано П. Г. Васенко в 1904 г. С некоторыми изменениями оно вошло в состав компилятивной повести о Скопине-Шуйском.

Изд.: Попов. Изборник. С. 379—388; Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30.

Лит.: Платонов. С. 348—351; Р ж и г а В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 81—107; Андрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 67—96.

Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства был написан летом или осенью 1612 г., в самый сложный момент иностранной интервенции в России. Довольно точная датировка памятника основана на отсутствии в нем сведений об освобождении Москвы в октябре 1612 г. В П. не отразились личные наблюдения автора. События изложены по другим источникам. Этот факт и слова: «Приступите, правовернии людие, иже не видеша сиеваго великия России разорения» — указывают на место происхождения П. Он был написан за пределами Москвы, вероятнее всего в северных районах страны, куда интервенты не дошли.

П. о п. отразил в своеобразной форме усиление антипольских настроений и рост патриотического сознания русского народа. Этот литературный памятник не случайно был написан в виде плача. Древнерусские писатели издавна обращались в тяжелые для России времена к жанру «плачей», который давал возможность с большой эмоциональной силой выразить сожаление о бедственном состоянии страны.

Композиционная схема П. о п. проста. Он начинается обширным, риторического характера введением, в котором автор оплакивает утраченное величие России и ищет причины ее несчастий. В центральной части П., где последовательно излагаются события последних лет, автор называет пагубное, по его мнению, появление самозванцев, «междоусобныя брани», нашествие «иноплеменник», предательство Михаила Салтыкова и Федора Андропова, которые «своими злохитными глаголы Москву прелестиша», захват столицы войсками «злойростного и бесодержостнаго» гетмана Жолкевского — все это последствия того, что русский народ «бесчисленных бесовских язв исполнишася», а цари «прияша. . . бесовские козни, волшбу и чарование. . . , гордость и злобу возлюбили». За такие тяжкие грехи и наказание последовало беспрецедентное — ни в каких книгах, написанных богословами, философами и историками, нет «такого наказания ни на едину монархию». В небольшом риторическом заключении автор призывает русский народ «просити милости у всещедрого бога», чтобы «он потребил от нас врагов наших» и сохранил «останок рода христианскаго».

Автор П. был хорошо знаком с древнерусской литературой. Это обнаруживается прежде всего в использовании различных источников. Наряду с библейскими книгами, из которых в П. введены и большие цитаты, и отдельные образные выражения, автор знаком с ораторской прозой Древней Руси. При этом автор оказывает подчеркнутое предпочтение языку церковной книжности, что особенно заметно, когда он привлекает документальные источники.

Грамоты патриархов *Иова* и *Гермогена* 1607 г., грамоты 1611—1612 гг., рассылавшиеся по городам из ополчений *Прокопия Ляпунова* и *Д. М. Пожарского* (ААЭ. Т. 2. № 67, 185, 188; Т. 5. № 203; СГГД. Т. 2. № 251), составили основу фактического содержания П. Автор строго следует грамотам в изложении событий и большими отрывками включает их в свой текст. Заимствованный текст он всегда распространяет, амплифицирует за счет украшения его оборотами книжной речи, прежде всего агиографической и дидактической литературы. Наглядным примером может служить характеристика в П. Григория Отрепьева (выделенная часть цитаты введена в заимствованный из грамоты текст автором П.): «Воста предтеча богоборнаго антихриста, сын тмы, сродник погибели, от чина иноческаго и дияконскаго, и преже светлый ангельский чин отверже и отторгнувся от части христианския, яко Иуда от пречистаго ангельскаго лика, и избежав в Польшу, и тамо безчисленных богомерских ересей скрижали сердца своего наполнил и тмообразную свою душу наки предав в руце сатанины. . .».

Такого рода изменения сделаны с целью привести заимствования из документальных источников в соответствие с общим стилем пышной похвалы и книжной проповеди, с характерной для этих жанров торжествен-

ной приподнятостью, частыми эмоциональными восклицаниями, риторическими вопросами.

В П. много разнообразных оценочных эпитетов, как одиночных, так и объединенных в синонимические группы. Наиболее заметны они в характеристиках героев: Василий Шуйский — «богоизбранный», Сигизмунд III — «нечестивый», его войско — «бесояростное», а патриарх Гермоген изображен как «непоколебимый же столп благочестия, предивный рачитель христианския веры, крепкий адамант, человеколюбивый отец, премудрый ерарх. . .».

В некоторых местах стиль П. достигает красочности и звучности лучших образцов риторической прозы древнерусской литературы. Многие эпитеты, сравнения и метафоры в патетических обращениях к читателю находят соответствие, в частности, в проповедях *Кирилла Туровского*.

Одной из особенностей П. является присутствие в тексте рифмованных окончаний стоящих рядом отдельных строк:

яко денница с превысочайшаго небеси спаде
и ангельския светлости и славы отпаде.

Такие строки встречаются только в той части, где П. опирается на текст грамот. Они появились как результат влияния на общий торжественно-риторический стиль П. стиля грамот времени освободительной борьбы, характерной особенностью которых было украшение прозаической речи вкраплениями из строк с рифмованными окончаниями (Н а з а р е в с к и й А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961. С. 71—78). Переработанные автором П. многие заимствованные из грамот фразы «в новой форме потеряли свою прежнюю выразительность». Это обстоятельство находит объяснение в определенной слабости идейного содержания П. Патриотизм его автора имеет умеренный характер. Он выражен в антипольской позиции, в сожалениях о судьбе Василия Шуйского, в разоблачении предателей, в скорби о несчастьях русского народа. Однако автор не видит иного выхода, кроме всенародного покаяния и молитвы. Он ограничивается только этим призывом, несмотря на то что в ряде других литературных произведений и в грамотах, послуживших ему источниками, уже выдвигалось требование объединения всех сил России для освободительной борьбы с интервентами. Позиция христианского смирения снижала патриотическое звучание П.

Тем не менее П. нашел признание у современников. Он не только переписывался как самостоятельный литературный памятник, но и включался в состав других произведений. Почти целиком П. вошел в «Казанское сказание», которое появилось почти одновременно с П. Отдельные отрывки вошли в состав исторической компиляции второй половины XVII в., сохранившей и его заглавие: «Плач о пленении Московскаго государства, како наведе на ны. грешныя, господь бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных. и како разорися великая Россия поущением божиим от неверных язык и от междоусобных брани, и о излинии крови многия христианския греческаго закона сынов Русских». Под влиянием П. в первой половине XVII в. возник стихотворный «Плач земли Российской», сохранивший его идейное содержание.

Автор П. был явно знаком с правилами ораторского искусства. Это видно из содержания памятника. характера обращений, патетического тона, напоминающих черты проповеди. Признаки устной проповеди проявляются также в обычной для нее композиции, когда основная часть обрамляется риторическим введением и заключением. Эти обстоятельства, а также пристрастие к языку церковной книжности приводят исследователей к единодушному выводу о принадлежности автора П. к духовенству.

Изд. РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 220—234.

Лит.: Платонов. С. 130—147; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 39—40; Назаревский. Очерки. С. 89—103.

Г. П. Енин

Плач о пленении Московского государства, како наведе на ны, грешныя, господь бог праведный гнев свой известен в единственном списке — сборник ГИМ, собр. Уварова, № 896. В рукописи он имеет более пространное заглавие: «Плач о пленении Московского государства, како наведе на ны, грешныя, господь бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных, и како разорися великая Россия попущением божиим от неверных язык и от междуусобных брани, и о излиянии крови многия христианския греческого закона сынов русских». Палеографические особенности сборника и запись, оставленная писцом («182 года сентября 1 день о растриге у Трегубова»), позволяют датировать П. 1674 г. Его автор неизвестен.

Содержание П., в котором рассказывается о событиях Смутного времени, свидетельствует о том, что социально-классовая борьба, иностранная интервенция в России в начале XVII в. оставили глубокий след в сознании русского народа и продолжали интересовать русских людей и в новых исторических условиях.

П. — произведение компилятивное. Круг его литературных источников широк, но охватывает только те произведения о Смуте, которые были написаны в первой четверти XVII в. За исключением так называемой повести князя И. М. Катырева-Ростовского и Хронографа редакции 1617 г., все они появились до освобождения Москвы в 1612 г. Автор П. строит свое произведение на заимствованиях из самых первых исторических повестей Смутного времени — «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*» и «*Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве и о разстриге Гришке Отрепьеве*», пересказывает «*Повесть о видении некоему мужу духовну*» протопопа *Терентия*, вводит в П. часть *Жития царевича Дмитрия*, внесенного в Минеи *Иоанна Милютина*, цитирует грамоты 1606 г. Многочисленные заимствования — обвинения *Бориса Годунова* в преступлениях, главным из которых было убийство царевича *Дмитрия* с целью захватить престол, разоблачение первого и второго *Лжедмитриев*, обличение злодеяний иностранных интервентов — обусловили обличительную направленность П.

Главным источником П., вступлением из которого он начинается и от которого получил свое заглавие, послужил «*Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства*». Текст последнего, расчлененный на отдельные отрывки, полностью вошел в состав плача 1674 г., поэтому С. Ф. Платонов привлекал его как один из списков для анализа «*Плача о пленении и о конечном разорении*».

Неизмеримо больший объем поздней компиляции по сравнению с памятником 1612 г. и характер заимствований обусловили существенные различия между ними. Они касаются как художественной природы, так и идейного содержания обоих произведений. Лучше всего эти расхождения заметны при сравнении окончания памятников. «П. о пленении и о конечном разорении», написанный в период экономической разрухи, крайне неустойчивой политической ситуации, в заключении передавал чувство отчаяния из-за невозможности что-либо изменить. Форма П. вполне соответствовала выражению этих чувств. Плач 1674 г. почти утратил из-за многочисленных дополнений из других источников жанровые признаки «П. о пленении и о конечном разорении». Известие об освобождении Москвы и избрании на царство *Михаила Федоровича Романова*, которым он заканчивается, делает заглавие компилятивного памятника весьма условным. В этом рассказе, очень беглом и неточном (автор считает, что войско князя *Д. Т. Трубецкого* соединилось с Нижегородским ополчением еще

до похода на Москву, сообщает, что «в три лета едва возмогоша» освободить столицу), автор не скрывает радости по поводу изгнания интервентов из страны. Торжествующий тон совершенно не согласуется с горестным настроением, которое создает текст «П. о пленении и о конечном разорении», включенный в плач 1674 г., противоречит изображенной в нем беспросветности положения страны. Все это свидетельствует о невысоком писательском мастерстве автора плача 1674 г. Выдержки из П. опубликованы в книге С. Ф. Платонова.

Лит. Платонов. С. 130—144.

Г. П. Енин

Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. В древнерусской литературе существовало несколько произведений об осаде и взятии Константинополя турками: повесть, приписываемая *Нестору Искандеру*, «хронографическая» повесть, краткая повесть «О взятии Царьграда от безбожных турчан» и так называемый «Плач о падении Царьграда». К этим источникам восходят поздние переработки — в составе Степенной книги (см.: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, вторая половина. С. 490—504), повесть в составе *Хронографа Русского* в его редакциях XVII в.

Искандеровская редакция известна в единственном списке XVI в. (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 773). Текст не имеет заголовка. В конце повести имеется запись, в которой автором ее назван Нестор Искандер. Повесть начинается рассказом об основании Константинополя, затем следует обстоятельное описание осады и взятия города турками. Завершается текст изложением пророчеств о судьбе Константинополя. Среди литературных источников повести — *Летописец Еллинский и Римский*, из которого заимствованы сведения об основании города и через посредство которого в ней отразилось «Сказание о создании великия божия церкви святыя Софеа». Кроме того, в повести использованы «Откровение» *Методия Патарского*, апокрифическое «Откровение» Даниила, пророчества Льва Премудрого. Отмеченные М. Н. Сперанским параллели с древнерусским переводом «Истории Иудейской войны» *Иосифа Флавия* могут свидетельствовать о знакомстве автора повести и с этим памятником.

М. Н. Сперанский предполагал существование общего источника у Троицкого списка (искандеровской редакции) и «хронографической» редакции, текстуально близкой к первой, но более краткой. «Хронографическая» редакция входит в состав многих списков *Хронографа Русского* в его редакции 1512 г., а также читается в сборниках. Обнаружение С. Н. Азбелевым фрагмента «хронографической» редакции в рукописи XV в. (ГПБ, Q.IV.544) позволяет датировать создание архетипного текста повести XV в.

В списках Западнорусской редакции Русского хронографа находится повесть «О взятии Царьграда от безбожных турчан» (нач.: «В лето 6961 обращаете уже в мысли своей Амуратов сын Моамеф. . .»), являющаяся, как установлено В. Ф. Ржигой и Б. М. Клоссом, переводом латинской повести Энея Сильвия, осуществленным *Максимом Греком*. Эта повесть также встречается в сборниках.

В Русском хронографе редакции 1512 г. в качестве заключительной главы читается повествование о взятии Царьграда, получившее в науке условное наименование «Плач о падении Царьграда» (в Хронографе глава называется: «О взятии Царьграда от безбожнаго турьскаго царя Магомета Амуратова сына»); нач.: «Хощу глаголати повесть, еже не точию человека, но и нечювьственное камене. . .»). Стилистический анализ «Плача» позволяет считать его автором составителя Хронографа.

Кроме того, в сборниках наряду с повестями о взятии Константинополя читаются «Сказание о происхождении Византии», «Сказание о происхождении Царьграда», статья о происхождении «турских царей». Повесть о Царьграде читается и в составе *Летописей Никоновской* (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 78—108), *Воскресенской* (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 125—144), Голицынского тома *Летописного свода Лицевого*.

Повесть о взятии Константинополя (в искандеровской или «хронографической» редакции) оказала большое влияние на русское историческое повествование XVI—начала XVIII в. Ей подражают «*Казанская история*», «*Летописец начала царства*», «*Повесть книги сей от прежних лет*», приписываемая И. М. Катывеву-Ростовскому, *Авраамий Палицын* в своем «Сказании», составитель одной из переработок «*Повести о начале Москвы*». «Хронографическая» редакция повести вошла в «Скифскую историю» А. Лызлова (1692 г.), а через ее посредство в книгу «История о разорении последнем святого града Иерусалима от римскаго цесаря Тита, сына Веспасианова, вторая о взятии славнаго столичнаго града греческаго Константинополя (иже и Царьград) от турскаго султана Махомета втораго» (М., 1713), переиздававшуюся в 1716, 1723, 1745, 1765, 1769 гг. и далее, до начала XIX в. К этому изданию восходит болгарская повесть, встречающаяся в составе «Дамаскинов» второй половины XVIII в. На древнерусских источниках основывался и автор «Истории Царьградской» И. В. Паузе (ум. 1735 г.). В начале XVIII в. сюжетные мотивы повести были использованы автором анонимного сочинения «О зачатии и здании царствующаго града С.-Петербурга» (см.: Предтеченский А. В. Основание Петербурга // Петербург Петровского времени. Л., 1948. С. 42—44). Сюжет «знамения» при основании Царьграда — борьба орла со змеей — широко использовался в памятниках прикладного искусства XVII—начала XVIII в.

Изд.: Яковлев В. Сказания о Цареграде по древним рукописям. СПб., 1868; Попов И. Изборник. С. 83—91, 160—165; Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века / Сообщил арх. Леонид // ПДПИ. СПб., 1886. Вып. 62; Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 443—460; Русский хронограф. Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 205—207; Повесть о взятии Царьграда турками // Скрипиль. Русские повести. С. 55—78, 218—243, 386—397; Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 216—267, 602—607.

Лит.: Срезневский И. И. Повесть о Царьграде // Учен. зап. 2-го отд. имп. АН. СПб., 1854. Кн. 1, разд. 3. С. 99—137; Дестунис Г. Нововзданный список повести о Царьграде // ЖМНП. 1887, февраль. С. 366—383; Погодин П. Д. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году // ЖМНП. 1889, август. С. 243—253; Орлов А. С. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 4. С. 347—355, 371, 373, 379; а также отд. отт. 3) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 100—130; Соболевский А. И. Эней Сильвий и Курбский // Serta Borysthenica: Сб. в честь засл. проф. имп. ун-та св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911. С. 1—17; Unbeugaun В. Les relations vieux russes de la prise de Constantinople // Revue des études slaves. Paris, 1929. Т. 9. N 1—2. P. 13—38; Бельченко Г. П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 507—513; Ржига В. Ф. Кто перевел краткую повесть о взятии Константинополя турками? // Slavica. Praha, 1934. Roč. 13, seš 1. S. 105—108; Масленников Н. Н. Идеологическая борьба в исковской литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 18. С. 200—202; Мирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 50—71; Сперанский М. Н. 1) Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 136—165; М.; Л., 1956. Т. 12. С. 188—225; 2) Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызлова // Сперанский. Из истории. С. 211—224; Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 166—184; Азбелев С. Н. К датировке русской повести о взятии Царьграда турками // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17.

С. 334—337; М а м а е в К. К. «Видение Царьградское» в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера и его интерпретация в некоторых памятниках прикладного искусства // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 342—352; К л о с с Б. М. 1) О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 244—245; 2) Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975. С. 55—61; М о и с е е в а Г. Н. «История царьградская» Иоганна Вернера Паузе — неизвестное сочинение начала XVIII в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 205—210

О. В. Творогов

Повесть 1606 г. — условное заглавие литературного памятника, присвоенное ему С. Ф. Платоновым и принятое в научной литературе. В рукописной традиции П. заглавия не имеет и как отдельное произведение не существует. Она является первой частью так называемого «*Иного сказания*». Определение П. как самостоятельного произведения было сделано С. Ф. Платоновым на основании ее тематической цельности и идейной законченности. Кроме того, завершается П. авторским послесловием и заключительным «*аминь*».

В П. отражены события конца XVI—начала XVII в., с момента смерти царя *Ивана Грозного* до избрания на царство *Василия Шуйского* и перенесения мощей царевича *Димитрия* из Углича в Москву 3 июня 1606 г. Заканчивается она выражением радости по поводу воцарения *Василия Шуйского* и избавления от «вора и еретика» *Григория Отрепьева*, который послужил орудием божественного возмездия ненавистному для автора *Борису Годунову* за убийство царевича *Димитрия* и незаконный захват царского престола.

Сравнение П. 1606 г. и «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*» показывает, что обе повести являются разными редакциями одного памятника. С. Ф. Платонов ошибочно считал П. 1606 г. первоначальной редакцией (отсюда и указание на время ее написания в заглавии), а «П., како восхити. . .» — ее более поздней сокращенной редакцией. Е. Н. Кушева неопровержимо доказала на основе тщательного текстологического анализа и внимательного изучения источников П. 1606 г. обратную зависимость между краткой и распространенной редакциями памятника: в 1606 г., вскоре после описанных в повести событий, была написана «П., како восхити. . .», а много позже — П. 1606 г. Наиболее важным свидетельством позднейшего происхождения распространенной редакции, т. е. П. 1606 г., является использование в ней отрывка из окончательной редакции «Сказания» *Авраамия Палицына*, завершенной в 1620 г. Подтверждает это и датировка «Иного сказания», частью которого является П. 1606 г. В рукописях «Иное сказание» всегда помещается вслед за «Сказанием» *Авраамия Палицына*. Оно было составлено человеком (в П. 1606 г. есть указание на то, что он был монахом Троице-Сергиева монастыря), который знал «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря, но не был удовлетворен его изложением истории Смуты. Об этом свидетельствует полное заглавие «Иного сказания». Все списки «Иного сказания» относятся к середине или второй половине XVII в., в то время как «П., како восхити. . .» сохранилась в списках первой четверти XVII в.

В П. 1606 г. полностью сохранено идейное содержание «П., како восхити. . .». Она также проникнута ненавистью к *Борису Годунову*. Целью автора является разоблачение самозванства и вероотступничества *Лжедмитрия I* и прославление нового царя *Шуйского*. При этом публицистическая направленность П. усиливается за счет аргументов, почерпнутых из многочисленных и разнообразных по своему характеру источников.

Автор П. 1606 г. умело вводил в текст «П., како восхити. . .» заимствования из других памятников и целые произведения, но все же оставил заметные следы соединения разнородных материалов. Большую часть источников П. 1606 г. составили документы и литературные памятники,

современные «П., како восхити. . .». В их число входят грамоты Лжедмитрия I к москвичам, грамоты о свержении самозванца и избрании Василия Шуйского царем, появившиеся в мае—июне 1606 г. С некоторыми переделками в П. помещен написанный при Василии Шуйском «Извест старца Варлаама». Сцена волхования Годунова, рассказ об убийстве царевича Дмитрия, заключительное сообщение о чудесах святого заимствованы из *Жития царевича Дмитрия*, внесенного в Минеи *Германа Тулунова* и написанного вскоре после перенесения мощей царевича в Москву. Автор П. 1606 г. пользовался и другими источниками, но их установить до сих пор не удалось. Некоторые исследователи видят сходство отдельных мест П. с разрядными записями, предполагают влияние на стиль П. литературных приемов авторов различных редакций «*Сказания о Мамеевом побоище*», «*Казанской истории*» и других произведений.

Компилятивный характер П. 1606 г. определил ее художественные отличия от «П., како восхити. . .». Сюжетная стройность и строгое стилистическое единообразие «П., како восхити. . .» оказались нарушенными в результате заимствований из деловой письменности, жития, воинских и исторических повестей. Сохранив публицистическую направленность «П., како восхити. . .», автор П. 1606 г. уделил больше внимания ее литературной занимательности. По мнению Е. Н. Кушевой, описания сражений, внесенные в П. в стиле воинских повестей, «преследуют цель художественно-литературную».

Изд. РИБ. СПб., 1899. Т. 13. Стб. 1—96.

Лит.: Платонов. С. 1—57; Кушева. Из истории. С. 39—61; ИРЛ П. Т. 1. С. 275—277; Леонская А. С. и др. История русской литературы XVII—XVIII веков. М., 1969. С. 25—26.

Г. П. Енин

Повесть душеполезна Никодима типикарися Соловецкого о некоем брате (середина XVII в.) — правоучительное сочинение, примыкающее к жанру «видений», с элементами автобиографического повествования. Содержание П. д. — рассказ о нечестивом юноше-иноке, предававшемся пьянству («яко скоту невоздержно живущу»); он получил избавление от пороков и от искушавших его бесов после явления ему архангела Михаила и после посещения по обету Соловков и Костромы. События П. д. приурочены к 1638 г. и излагаются от лица Никодима типикарися, знавшего быт как Соловецкого монастыря, так и Троице-Сергиевой лавры, иноком которой был безымянный герой повести.

Известен уставщик старец Никодим, названный во владельческих записях на рукописных книгах Соловецкого собрания (Месяцеслов XVII в. и Святыи 1645 г. — ГПБ, Соловецкое собр., № 594/575 и 518/499). Уставщику Соловецкого монастыря Никодиму был сдан по приговору церковных властей от 27 июля 1649 г. «под крепкое начало» сосланный в Соловки на покаяние *Арсений Грек*. Никодим был причастен к возникновению *Жития Анны Кашинской*, которое «слогал и писал Соловецкого монастыря старец Игнатей по повелению того ж монастыря уставщика старца Никодима».

Несмотря на дидактизм (согрешение — наказание; покаяние — прощение), П. д. не лишена некоторых литературных достоинств: автор искусно перемещает героя из Троицкой лавры на Соловки и в Кострому; живостью отличаются описание сцен с бесами, а также картина наказания героя. Повесть отражает реальные контакты между Соловками и Троицкой лаврой, отчасти знакомит с бытом Москвы (нищие и юродивые у храма на Кулишках). В литературной истории повести примечательно ее включение в правоучительные сборники, кроме того, в качестве одной из последних глав — в сборник «*Великое Зерцало*» (ГБЛ, Музейное собр., № 5470). Одним из источников П. д. было *Житие Никодима Кожеезерского*.

Изд. Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикарися Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 200—210.

Лит.: Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам: (к истории северно-русской литературы XVII в.) // ПДПИ. СПб., 1916. Вып. 188. С. XXVIII—XXIX; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. О текстологическом изучении древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 168; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: XV—XVIII века. М., 1976. Т. 1. С. 78. № 168.

О. А. Белоброва

Повесть известна и удивлению достойна о мощах неведомаго святого. . . списано многогрешным попом Иаковом в лето 7143 (1635) г. — переходный тип повествования между «посольской отпиской» и «чудом» от мощей в Крымской земле. Повесть составлена неофициальным участником посольства в Крым Бориса Дворянинова и Андрея Непейцына священником Иаковом и не вошла в деловые отчеты посланника. Известно два списка XVII в. (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 748—1277, л. 461—468 (опубликован) и ГБЛ, собр. Румянцева, № 363, л. 386—393) и копия XIX в. с неустановленного списка XVII в. (опубликован). Повесть отмечена антимусульманской направленностью; автор неоднократно подчеркивает исконную принадлежность Крымской области христианам, благочестие которых ипсаякло «от насилия татарского». Видно, что автор поражен многочисленностью христианских древностей в Крыму, забытых или поруганных. В Инкермане Иаков описывает в подробностях пещерный храм, его интерьер и стенную живопись, сильно пострадавшую: дважды он сравнивает заинтересовавшую его церковь с псковским храмом. Особое внимание Иакова привлекает разоренная гробница с мощами неизвестного святого. Усилиями Иакова, толмача Юрья Бурнашова и дьячка Силы Кирилова с мощей снята пыль и возложена одежда («срачица, и порты, и саван, и венцы, и калим, и покров»), втайне от татар ночью отпета панихида и отслужен молебен в присутствии русского полоняника Максима Иванова новосильца. Другой полоняник — «белорусец» Василий Хромой поведал, что татары стремились извратить храм от мощей и что мощи возвращались вопреки воле агарян на свое место; он сообщил также, что «гречане, и армени, и жены их, и дети» оказывали почести мощам святого, имя которого неизвестно. В П. рассказывается далее, что мощи не были взяты на Русь, так как неизвестный святой, изображенный в стенописи над гробом, явился одному из участников посольства во сне и запретил это, добавив: «. . . яз убо хочу по прежнему zde учинити Русь». Завершается П. описанием чудес от мощей (исцеление заболевшего Иакова и наказание Максима новосильца, укравшего новые ризы из гробницы) и перечнем прочих христианских святынь Крыма. Неоднократные сравнения крымских христианских древностей с Псковом, возможно, указывают на происхождение Иакова («церковь высечена. . . как во Пьскове у Пречистые Богородицы»; «окошко красное для ради свету, как у Пречистой во Пьскове. . .»)

Изд.: Оболенский М. Сказание священноиннокa Иакова // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. 2, отд. 2 и 3. С. 685—692 (по списку ЦГАДА); Петровский Н. М. Повесть священника Иакова «О мощах неведомых» по списку А. И. Соколова // Известия общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1896. Т. 13, вып. 2. С. 48—60 (по неустановленному списку в копии XIX в.).

Лит.: Востокоев. Описание. С. 524; Филарет, архiep. Обзор русской духовной литературы: 862—1720. Харьков, 1859. С. 316; Бережков М. П. Русские пленники и невольники в Крыму // Труды АС 6. С. 360; Бертъе-Деллагард А. Л. К истории христианства в Крыму // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1910. Т. 28. С. 61; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 168; Истоки беллетристики. С. 519.

О. А. Белоброва

Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов (в рукописной традиции имеет заглавие: «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти господь бог врага и поругателя, еретика, розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страсготерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго») первоначально имела заглавие «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови новаго страсготерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго». Оба заглавия происходят от одного и того же места в тексте повести: «Видев же сия всевидящее недреманое око Христос, яко неправдою восхити Российския области скифетр, и восхоте ему (Борису Годунову. — Г. Е.) отомсти неповинные крови кровопролитие. . . И попусти на него такова же врага и законопреступника. . . от малые чади сынчишка боярскаго Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков и сам той святоубийца Борис Годунов».

«П., како восхити. . .» известна в двух редакциях. В краткой, первоначальной редакции она существует как самостоятельное произведение, а ее распространенная редакция сохранилась в составе *«Иного сказания»* и была названа С. Ф. Платоновым *«Повестью 1606 г.»*. Подробная характеристика списков повести содержится в работах С. Ф. Платонова и Е. Н. Кушевой.

Автор П., современник и очевидец описанных им событий (в пространной редакции повести есть указание на то, что он был монахом Троице-Сергиева монастыря), не стремился к их полному и последовательному отображению. Более того, хотя он утверждает, что все им описанное, кроме рассказа о пребывании Григория Отрепьева за пределами России, «зря своим очима», т. е. обладает абсолютной достоверностью, он далеко не всегда придерживается исторической истины. Это проявляется и в тенденциозном подборе фактов, характеризующих того или иного человека, и в чрезмерном возвеличивании либо в столь же неумеренных обличениях главных героев П. Объяснение этим особенностям П. — ярко выраженный публицистический характер ее содержания. П. стоит в ряду других литературных произведений (*Сказание и повесть, ежже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге о Гришке Отрепьеве, Житие царевича Дмитрия*, внесенное в Минеи Германа Тулунова), создание которых было частью проводимой правительством Василия Шуйского идеологической кампании. Ее назначение заключалось в агитации за нового царя. Чтобы с большей убедительностью показать право Василия Шуйского на русский престол, автор, его откровенный сторонник, доказывает в обличительном тоне незаконность присвоения царской власти *Борисом Годуновым* и Лжедмитрием I. При этом Годунов и Григорий Отрепьев, с одной стороны, Шуйский — с другой, получают полярно противоположные характеристики. Первые изображаются всегда преступниками и злодеями, Шуйский — как патриот, мужественный борец за справедливость и веру. Их общее противопоставление раскрывается в ходе повествования с помощью оценок религиозно-нравственного и социального свойства. Если Борис, «забы веру», действует по дьявольскому наущению, за что бог его и наказал, а «богомерзкий» Григорий Отрепьев испытал божий гнев за вероотступничество, обман и обещание папе римскому «попрати» православие, то Шуйского бог спасает за его благочестие и праведность, несмотря на преследования и Годуновым, и Лжедмитрием I. Шуйский, как и все его родственники, доверчив, во всем соблюдает «нелицемерную правду» — Годунов и Отрепьев добиваются успеха обманом, «лукавством» и «злоковарными своими умысленими». Василий Шуйский выступает в повести как «приятель» и защитник последних Рюриковичей, препятствующий злым помыслам Годунова и бесстрашно разоблачающий Лжедмитрия, в то время как Годунов — виновник прекращения династии Калиты, ибо его усилиями был умерщвлен не только младший сын *Ивана Грозного*, но

и Феодор Иванович, а Отрепьев «ложно наименова себя» царевичем Дмитрием. Особенно подчеркивает автор худородность Бориса и Лжедмитрия, которые происходят «от малые чади», и аристократизм «великого бояриша» Василия Шуйского, называя в числе его предков князя Владимира и Александра Невского. П. рассчитана на широкие слои населения, поэтому автор стремится придать своим оценкам объективный характер. Он пытается выдержать однозначность в характеристиках главных героев, показывая отношение к ним народа, но расхождение между действительным положением вещей и выдаваемым им за действительное настолько велико, что он вынужден либо прибегать к прямому искажению фактов, либо отказываться от строгой прямолинейности в изображении главных героев. Именно здесь более всего заметна определяемая политической ориентацией субъективность его взгляда на события. Бориса Годунова он изображает «поругаема от всенароднаго множества и попираема»; народ собирается даже «побити камением» его, а избрание Бориса на царство объясняется исключительно тем, что одних он запугал, других подкупил. Шуйских народ уважает, защищает от преследований Годунова, а Василия Шуйского выбирает на царство «всею Российскою областию», что прямо противоречит действительности и цели самого автора, которая состояла в том, чтобы способствовать признанию Шуйского всей страной. Лжедмитрий I после смерти тоже «ото всех проклинаем и поругаем и попираем», но автор вынужден признать, что в момент появления его в пределах России все русские люди «с радостью ожидаху его», так что «за щитом богомерзкий он не взя ни единая веси». Более того, несмотря на уверения о всеобщей радости по поводу избавления от Лжедмитрия и избрания Шуйского царем, он не может избежать признания в том, что в стране осталось много приверженцев Лжедмитрия, ибо он написал П. «прочитающим на ползу и память, а прочим зломысленником, рачащим его» (Лжедмитрия. — Г. Е.) злонравному законопреступлению, дабы пришли во умиление и от таковых лукавствий престали».

Автор сам указал основной источник, который явился для него авторитетным образцом в идейном и художественном плане. Таким источником послужила ему *Хроника Константина Манассии*, составная часть *Хронографа Русского*. В бесконечной борьбе за византийский престол, описанной в хронике, автор увидел аналогию событиям конца XVI—начала XVII в. в России и перенес в свою повесть как соответствующие его мировоззрению личностные оценки, так и стилистические особенности. К ним относятся характерные для Хронографа риторические вопросы и восклицания, усиливающие эмоциональность авторского отношения к происходящему. Еще более заметен в П. хронографический дидактизм, который проявляется в назидательных сентенциях о пагубности и тщетности преступных замыслов Годунова и Лжедмитрия, которые уподобляются «Фоце Мучителю, Константину Мотылоимянному и Улияну Законопреступнику», в предупреждении противникам Шуйского о возмездии «и zde, и в будущем веце». Лексика и художественные тропы П. тоже обнаруживают следы заимствований из хроники Манассии, особенно в обличительных эпизодах.

В то же время в П. явно ощущается влияние Степенной книги, в духе княжеских и царских похвал которой написан идеализированный образ Шуйского. Однако торжественный стиль литературно-исторических памятников XV—XVI вв., вызвавший к жизни для прославления величия и могущества Русского государства, утратил свою силу и выразительность в остропублицистическом произведении, отразившем момент крайнего его ослабления и написанном в интересах узкого круга феодальной знати во главе с Василием Шуйским. Уничижительные и хвалебные эпитеты, оскорбительные и возвеличивающие сравнения и метафоры, создающие гиперболизированные образы, носят абстрактный характер и не отразили подлинных черт героев, хорошо известных современникам, которые вполне

осознавали литературную условность и продиктованную публицистической задачей предвзятость автора в характеристиках Шуйского, Годунова и Отрепьева. Наглядным примером этому служит почти иконописный образ Шуйского, благочестивого «первострадалца», «истинного заступника и пастыря словесным овцам своим», которого бог захотел за добродетели и «правое его страдание прославить и вышши того учинить». Этот идеализированный образ в П. совершенно не похож на литературные портреты царя, оставленные другими современниками. В них он предстает опытным интриганом, самовластно ставшим царем, человеком малопривлекательным в нравственном отношении, о котором дьяк Иван Тимофеев писал, что он «нечестив всяко и скотолепен, царствова во блуде и пьянствах, и кровопролитиях неповинных кровей» (РИБ. Т. 13. Стб. 390). Все это дало основание В. П. Адриановой-Перетц считать, что применение торжественного стиля XV—XVI вв. в «П., како восхити. . .» характеризует «все признаки эпигонства» (ИРЛ II. Т. 1. С. 277).

Изд. РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 145—176.

Лит.: Платонов. С. 43—58; Кушнев а. Из истории; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 34; ИРЛ II. Т. 1. С. 275—277.

Г. П. Енин

Повесть некоего боголюбива мужа списана при Макарье митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, да сие ведяще не впадете во злыя сети и беззакония от злых прельщенных человек и губительных волков, не падяще души, ей же весь мир не достоин. Прочетше же сие, человецы, убойтесе чары и волхования, творящей скверная богу и грубая, и мерская, и проклятая дела.

«П. некоего боголюбива мужа» имеет нравоучительный характер. В ней рассказывается о некоем царе, который царствовал в полном благодеянии до тех пор, пока не прислушивался к чужому мнению. Его беды начались после того, как он попал под влияние любимого «синклита» и «четыредесят чародей», которые клеветают на неповинных людей, чем «смуги царя на люди, людей же на царя». Это вызвало наказание свыше, посланное в виде врагов, восставших на царя и осадивших столицу. Прощение царь получает только после длительного покаяния и молитв. Безмятежное царствование восстановилось после сожжения «чародеев».

П. почти не исследована. Предметом специального изучения она стала лишь в статье Р. П. Дмитриевой. Изучение П. затрудняется тем, что она сохранилась только в одном списке в сборнике ГИБ, собр. Погодина, № 1570.

До появления статьи Р. П. Дмитриевой все исследователи, так или иначе касавшиеся П., полностью доверяли заглавию и относили ее появление ко времени *Ивана Грозного*, справедливо отмечая при этом ее антибоярскую направленность, характерную для произведений дворянской публицистики. Р. П. Дмитриева выдвинула весьма аргументированное предположение о том, что П. была написана не при Иване IV, а в Смутное время. Первое основание для такого мнения дает анализ состава и палеографическая характеристика сборника № 1570 собр. Погодина.

Сборник составлен из трех рукописей П. М. Строевым, написавшим для него в 1831 г. оглавление. Вся рукопись, в которой находится П., написана на одной бумаге, датируемой по филиграммам началом 20-х гг. XVII в. Она включает в себя главным образом произведения исторического содержания и документальные материалы о событиях начала XVII в., преимущественно относящиеся ко времени Василия Шуйского.

Р. П. Дмитриева показывает на конкретных примерах тематическую и идейную близость П. произведениям Смутного времени. Так, в литературе начала XVII в. было весьма распространено объяснение злоключений

царей их обращением за помощью к знахарям-«врачам» и чародеям. Главная идея П. — об ответственности людей перед богом за грехи — была свойственна всем без исключения произведениям этого времени. По мнению Р. П. Дмитриевой, П. представляла собой не просто «абстрактно-моральное поучение». Она содержала «более конкретную идею — об ответственности царя перед богом за управление страной». С этой стороны П. также близка произведениям начала XVII в., поскольку именно в них впервые обсуждалось поведение царей.

Особенно заметно сходство Р. П. Дмитриева обнаруживает при сопоставлении «П. некоего боголюбива мужа» с «Повестью о видении некоего мужа духовна». Оно проявляется не только в общей для них идее ответственности за грехи, но и в стилистической близости, а также в одинаковой мотивировке событий.

Главным препятствием для датировки П. началом XVII в. является заглавие самой П., где указано, что она написана для Ивана Грозного. Р. П. Дмитриева справедливо отметила, что писателям начала XVII в. вообще свойствен повышенный интерес к личности Ивана Грозного и событиям времени его царствования. Многие исторические произведения о Смутном времени начинаются рассказом о событиях последних лет правления Ивана Грозного. Кроме того, в литературе начала XVII в. известны произведения легендарно-исторического содержания, так же как и «П. некоего боголюбива мужа», связанные авторской волей с именем Ивана Грозного. Не потеряли в это время своей остроты идеи дворянской публицистики. Наконец, Р. П. Дмитриева отмечает, что в заглавии П. использовано прошедшее время, что вряд ли было возможно при жизни царя.

Некоторые исследователи, основываясь на заглавии, видели в П. аллегорическое изображение времени Ивана Грозного и пытались найти в ее содержании отражение конкретных исторических реалий. И. Я. Порфирьев и В. С. Иконников считали, что главный «губитель» и «чародей» — это медик Бомелий, а царь — Иван Грозный. И. У. Будовниц полагал, что описанные в П. события следует связывать с деятельностью и падением «Избранной рады» и *Сильвестром*. И с этой точки зрения более правомерно относить П. к Смутному времени, прежде всего — ко времени Василия Шуйского.

В П. говорится, что под влиянием ложных наветов чародеев «оскорби царь неповинных различными печалми, и сам от них печаль имяше и страхование». За его неправедность на него восстали враги, причем нет указания на то, что они были чужеземными, — «востаха окрестни гради». Разные авторы начала XVII в. дают подобную мотивировку бедам царствования Василия Шуйского. В близких выражениях излагает события И. А. Хворостинин: «. . . царь наш неверстием. . . объят бысть. . . , ложная шептания во уши своя от неискусных приемля, на свое достояние подвижеса и свои люди оскорби»; «И воста каждо от дому своего от градов полских его державы» (РИБ. Т. 13. Стб. 543—544). Дьяк Иван Тимофеев сообщает во «Временнике»: «всескипетра градов воздвижь на ся ненависть» (РИБ. Т. 13. Стб. 400).

Обвинения в чародействе и волхвовании тоже подходят больше Василию Шуйскому, нежели Ивану Грозному. Кроме И. А. Хворостинина и Ивана Тимофеева, по словам которого Шуйский царствовал «во вражбах богомерских, ими же мняся во царствии утвердити. . . , чародеяния творя», пристрастие к нашептываниям и колдовству приписывает ему «Повесть книги сея от прежних лет»: «К единым же тем тщание имел, которыя во уши его ложное на люди шептаху. . . , и к волхованию прилежа» (РИБ. Т. 13. Стб. 710).

В П. враги царя «до царствующаго града доидоша, идеже царьский престол» и осаждают столицу длительное время, причем посланные против них царем «южики. . . и войны» переходят на сторону врагов. Такая

ситуация ассоциируется только с осадой Москвы войсками *И. И. Болотникова* и в особенности Лжедмитрия II, к которому присоединились многие русские дворяне и бояре. Сходство ситуаций усиливается еще тем, что изменники безнаказанно возвращаются, когда к царю приходит успех, как это было при освобождении Москвы князем М. В. Скопиным-Шуйским. Это наводит на мысль о создании П. в период между освобождением Москвы в начале марта 1610 г. и свержением Шуйского в июле 1610 г., когда в событиях Смуты установилось временное затишье.

Наконец, в П. есть намек на то, что речь идет о царе, которого выбрали на царство. Об этом напоминает ему глас божий: «Царю, воспомани, аз избрах тя царя и преславна тя сотворих». Такое напоминание не могло относиться к Ивану Грозному, принадлежавшему к уже «богоизбранному царскому корени» (РИБ. Т. 13. Стб. 6). Оно может быть адресовано лишь выбиравшимся после смерти сыновей Ивана Грозного царям Смутного времени, а принимая во внимание всю совокупность отмеченных признаков, — только Василию Шуйскому.

Своеобразной иллюстрацией содержания П. служит помещенная в той же рукописи грамота патриарха *Гермогена* к перешедшим на сторону Лжедмитрия II русским людям. В ней близким П. языком говорится как раз о тех проблемах и событиях, с которыми отождествляется содержание П.

Все это дает основание считать, что отраженная в П. в аллегорической форме конкретно-историческая обстановка относится к царствованию Василия Шуйского. Содержание П., ее идейные и стилистические особенности обнаруживают заметное соответствие произведениям Смутного времени и позволяют говорить о ее создании в начале XVII в.

Изд.: Повесть о волховании, написанная для царя Ивана Васильевича Грозного // Москвитинин. 1844. № 1. С. 246—249 (текст опубликован с ошибками из-за неверного прочтения отдельных слов); Буслеев. Историческая хрестоматия. Стб. 877—882 (перепечатка из «Москвитянина»).

Лит.: Порфирьев И. Я. История русской словесности. Ч. 1. Древний период. Казань, 1891. С. 601; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1814; Сакулин П. Н. Русская литература. М., 1928. Ч. 1. С. 159—161; Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 218—221; Дмитриева Р. П. К вопросу о месте «Повести некоего боголюбива мужа» в литературном развитии XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 278—283.

■ Г. П. Енин

Повесть о Бове (Сказания о Бово д'Антоне) возникла в средневековой Франции, но впоследствии распространилась по всей Западной Европе. В XVI в. лубочные итальянские издания поэтических и прозаических произведений о Бово проникли в Дубровник (см.: Jireček K. Beiträge zur ragusanischer Literaturgeschichte//Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Т. 21. S. 513—514). Видимо, здесь и был осуществлен перевод П. на сербский язык, что косвенно подтверждается наличием сербизмов в старейшем из известных ныне славянских списков — белорусском списке Познанской библиотеки (см.: Щапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. Часть вторая. М., 1976. С. 82—83). В Познанском списке имеется помета: «из книг сэрпских». К этому списку (переводу) восходят и русские списки П. о Б.

Повествование о Бове — типичный рыцарский куртуазный роман с обилием приключений, военных схваток, битв, поединков, любовных коллизий. В основном те же черты сохраняет и русская П. о Б., однако от редакции к редакции сюжет и стилистика П. все более сближаются с богатырской сказкой. Сказочных элементов в сюжете П. немало: Бова совершает богатырские подвиги с семи лет, одолевает в битвах десятки

тысяч вражеских воинов, после богатырских подвигов или, напротив, в критические моменты своей судьбы Бова спит по несколько суток сряду; в П. фигурируют такие сказочные атрибуты, как меч-кладенец, богатырский конь, чудовище Полкан — полупес-получеловек, волшебные зелья и т. д.

На Руси П. о Б. получила широкое распространение, по мнению В. Д. Кузьминой, не позднее середины XVI в. В. Д. Кузьмина выделяет четыре редакции П. о Б. Первая представлена упомянутым выше белорусским списком и пятью русскими: ЦГАЛИ, колл. Шляпкина, № 225/476А, 1675 г.; той же коллекции № 226/477, 1670-х гг.; ГИМ, Музейское собр., № 431; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1060; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 611. Три последних списка — XVIII в., причем лишь 3-й и 5-й русские списки полные, остальные — отрывки текста. Пятью списками представлена вторая редакция П. о Б., отличающаяся русификацией языка и незначительными изменениями сюжета, приближающими П. к жанру любовно-авантюрного повествования. Третья и четвертая редакции представлены большим числом рукописей. При этом замечаются две тенденции изменения сюжета и поэтики П., тесно связанные с теми читательскими кругами, в которых распространялись списки: в крестьянской среде П. о Б. приобрела черты, сближающие ее с богатырской сказкой, в городской — с галлантной «гисторией». Известно, что П. о Б. находилась среди «потешных» книг царевича Алексея Петровича («потешная книга в лицах в десть о Бове королевиче»). П. о Б. пользовалась большой популярностью в читательской среде в течение всего XVIII в. М. Д. Чулков приводит слова приказного, живущего перепиской книг, что он уже сорок раз переписал историю Бовы-королевича, дающую ему доход больший, чем переписка драматических произведений (см.: «И то и сьо», 1769, март, неделя десятая). С другой стороны, писатели высокой литературы (А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков) отзываются о П. с высокомерием и презрением.

Начиная со второй половины XVIII в. получают распространение лубочные издания П. о Б., продолжающие выходить вплоть до начала XX в. В. Д. Кузьмина (Рыцарский роман. С. 251—258) сообщает данные о 225 изданиях текста П. и 88 изданиях «забавных листов» с изображением персонажей П. Записано множество вариантов устных сказок о Бове, восходящих к названным лубочным изданиям. К сюжету сказки о Бове обращались русские писатели XVIII—начала XIX в., используя его для политической сатиры, — А. Н. Радищев в поэме «Бова», А. С. Пушкин в стихотворении «Бова (отрывок из поэмы)». В XX в. к сюжету П. обращается А. М. Ремизов (см.: Грачева А. М. «Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 216—222). Перечень списков и библиография указываются: Адрианова-Перетц и Покровская. С. 154—160; Назаревский. Библиография. С. 52—54.

Изд.: Булгаков Ф. Сказания про храброго витезя про Бову Каралевича // ПДП. 1879. Вып. 1. С. 45—81; Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел // СОРЯС. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С. 229—305; Прил. С. 129—172, 237—262; Дунаев Б. И. Сказания про храброго витезя про Бову Королевича. М., 1914; Дергач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960. С. 50—62, 101—128; Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 516—541, 770—771.

Лит.: Бодянский О. М. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. С. 27, 29—30; Пыпин. Очерк. С. 244—249; Веселовский М. К вопросу об отражениях сказания о Бове в сербском эпосе // РФВ. 1889. № 2. С. 260—282; Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 680—692; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. 1. С. 191—199; Павлова Н. Г. 1) «Рахлейское царство» в сказке о Бове-королевиче // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 127—136; 2) Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры // Звенья. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 513—539; Лотман Л. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 33. Сер. филол. наук. Вып. 2. С. 134—147; Кузьмина В. Д. 1) Сказка

о Бове в обработке А. Н. Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.; Л., 1940. С. 257—291; 2) Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 83—134; 3) Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии: («Бова» и «Петр Златые Ключи») // Славянская филология. М., 1958. Т. 2. С. 355—396; 4) Русская сказка о Бове королевиче в любочных изданиях XVIII—нач. XX века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 148—192; 5) Советские сказки о Бове королевиче // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 3. С. 217—227; 6) Рыцарский роман на Руси: Бова. Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 3—132, 237—264; 7) Бой Бовы с Полканом на муравленых изразцах: (Из истории белорусско-русских связей в первой половине XVII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 23. С. 253—260; А лек сее в М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 153—213; Дер к а ч Б. А. З історії перекладної літератури на Україні: (Повість про Бову-королевича) // Радянське літературознавство. 1960. № 2. С. 91—98; А с т а х о в а Г. М. Відгомін переказу про Бову-королевича в Російському біблійному епосі // Тези доповідей VI Української славістичної конференції. 13—18 жовтня 1964 р. Чернівці, 1964. С. 182.

М. А. Салмина

Повесть о Борисоглебском монастыре близ Ростова — произведение середины XVI в., созданное в местной монастырской среде на основе преданий («еже исперва от древних старецъ слышяхом, и мало писания обретох») и рассказов более позднего времени («ясно поведя многим нам ростовець мастер церковный каменной здатель Григорей Борисов, делающе зде нам теплую церковь. . .»). По мнению В. О. Ключевского, П. «восполняет отсутствие жития основателей» монастыря Феодора и Павла. П. известна в списке XVI в. ГБЛ, ф. 304, № 782, л. 449—461 под заглавием: «Повесть о Борисоглебском монастыри от коликих лет и како бысть ему начало» (нач.: «Еже исперва от древних старецъ слышяхом. И мало писания обретох. . .»). В П. излагается история обители, возникшей в малообжитой местности: «. . . лесы же бысть на сем месте изначала черныя, а дорога проходна к Каргополю, из Бела озера, и из иных градов, к царствующему граду Москве, и к Ростову. . .». В этом произведении отражен процесс роста угодий и владений монастыря и особенно ярко охарактеризована его застройка. Рассказывается, как основатели монастыря Феодор и Павел заботились, «чтобы им в сей пустыни воздвигнути церковь и монастырь строити»; как Сергей Радонежский в 1363 г. выбирал для этого место; как в помощь строителям (среди которых были не только монахи, но «и мирская чядь», «древодели в помощь делу») явились чудесным образом два воина — Роман и Давид (т. е. Борис и Глеб); как были воздвигнуты деревянные церкви и кельи, как велось в XVI в. каменное строительство.

В кратком тексте П. упоминаются реальные исторические лица: великий князь Дмитрий Иванович Донской; его сын Андрей Дмитриевич Можайский и Белозерский, по разрешению которого отводится место для Никольского монастыря «на усть Ковязи реки»; великий князь *Василий II Темный* и его мать «великия княгине Софья», одарившие Борисоглебский монастырь пожалованием; наконец, *Василий III*, в правление которого была заложена в 1522 г. Благовещенская церковь «с трапезой», а также получена жалованная грамота на земли богатые известью, и т. д. Здесь же названы игумены Борисоглебского и Никольского монастырей в их последовательном порядке, ростовский архиепископ Иван и др. Наряду с именами великих князей и игуменов назван и архитектор ростовец Григорий Борисов, причастный к строительству не только церковных, но и оборонительных крепостных сооружений монастыря, хорошо помнивший местные предания. В литературном отношении П. особенно ничем не выделяется, ее автор явно опирается на агиографическую традицию.

Изд.: Повесть о Борисо-Глебском монастыре, коликих лет и како бысть его начало // ЯЕВ. 1873. № 3. Неофиц. часть. С. 17—21; Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века / Сообщение Хр. Лопарева // ПДПИ. 1892. Вып. 86.

Лит.: К л ю ч е в с к и й В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 280—281; Б а р с у к о в Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 593; Б у д о в н и ц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках: (по «житиям святых»). М., 1966. С. 146—149.

О. А. Белоброва

Повесть о Валтасаре кралевичи, како служа некоему царю. . . — сказочно-авантюрная повесть, являющаяся русифицированным переводом западноевропейской переработки восточных сказаний о женской неверности и лукавстве. По предположению В. П. Адриановой-Перетц, русский перевод, очевидно, был сделан «до 80-х годов XVII в.» (с. 396).

По тематике, сюжетной коллизии, стилю и типажам героев П. о В. к. близка сказочно-авантюрным повестям второй половины XVII—начала XVIII в. (типа *повестей о Карпе Сутулове и Фроле Скобееве*).

В П. о В. к. объединен новеллистический материал восточной и западноевропейской литературы, и она примыкает к новеллам «*Римских деяний*», *Фацециям* (ср., например, фацецию «О двух друзьях Марке и Шпинелете») и разнообразным западноевропейским переработкам восточных рассказов о женской лукавой любви из сборника «Тысяча и одна ночь».

Имя героя Валтасар-кралевич с именем библейского царя Валтасара Вавилонского (ср. *Повесть о Валтасаре Вавилонском*) имеет лишь случайное совпадение. По композиции П. о В. к. представляет собой соединение четырех новелл, оформленных сказочной сюжетной рамкой, сближающих ее с восточной сказкой. Сюжет П. о В. к. составляют несколько эротических эпизодов из жизни прекрасного и добродетельного королевича Валтасара и его друга царя, которым изменяют их красавицы-жены и сожительница. Темой, объединяющей все эпизоды П., являются женская неверность, коварство и хитрость. Непостоянству жены Валтасара «прекрасной Фларенты» противопоставлена добродетельность купеческой жены; низменность вожделений царской жены подчеркивается ее изменой красавцу-мужу с уродом-поползнем; изощренность женского любовного лукавства проявляет заточенная в башне наложница королевича и царя, сумевшая изменить им обоим с юным отроком; красавице-жене удается обмануть даже царя — оборотня-льва, носившего ее с собой повсюду в виде золотого кольца.

В традиции древнерусского повествования автор П. рассказывает этот занимательный сюжет с целью подтвердить назидательную мораль слов Иоанна Златоуста «о злых женах», «угодниках Сатаны».

Впервые в научный оборот П. о В. к. была введена в 1858 г. А. Н. Пыпиным как новелла из рукописного сборника XVIII в., принадлежащего Забелину (№ 67). И. Н. Жданов исследовал эту П. по списку Пискарева, № 172, описанному А. Е. Викторовым (Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. М., 1871. С. 44). Текст П. о В. к. по списку Пискарева (ГБЛ, собр. Пискарева, ф. 607, № 172, XVII—XVIII вв., без конца) издал в сопровождении краткой библиографии в 1923 г. Н. К. Пиксанов.

Специальное исследование П. о В. к. было предпринято И. Н. Ждановым и С. Ф. Ольденбургом, изучавшим ее в сопоставлении с восточными и западноевропейскими сказочными сюжетами, русскими сказками и былинами. И. Н. Жданов считает П. «русской обработкой» перевода, «занесенного с запада» (с. 5), или «переводной европейской новеллой» (с. 20). Сюжетные параллели к П. о В. к. И. Н. Жданов находит в нескольких разнородных — устных и письменных — восточных, западноевропейских, русских и венгерских источниках: в одном из рассказов «Тысячи и одной ночи» (о братьях Шахриаре и Шахзенане), в переложении этой новеллы итальянским писателем XV в. Джованни Серкамбо, в 28-й песне поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» (первое печатное издание которой вышло в 1516 г.) и в последующих французских подражаниях этой

песне Ариосто, появившихся в XVI—XVII вв., одно из которых принадлежало Лафонтену, а также в смоленской сказке «О петербургском купце Гулитове и Ваксонском королевиче». Разыскания о каждом этом источнике И. Н. Жданов снабжает основательными библиографическими сведениями по истории изучения произведений, изданиям их текстов и их русских переводов (см. примеч. на с. 15—18, 21). Так как в арабской сказке и ее переложении Серкамбо отсутствует эпизод о тройном сожительстве, а в поэме Ариосто нет заключительного эпизода, И. Н. Жданов определяет П. о В. к. как некий «свод» всех этих сюжетов (с. 19), известных и по арабским и по итало-французским произведениям.

П. о В. к. со смоленской сказкой «О петербургском купце Гулитове и Ваксонском королевиче» расходятся только в одном заключительном эпизоде: в сказке повествование о царе — льве-оборотне заменено традиционным сказочным эпизодом о муже-пахаре, носящем за спиной короб с женой и ее любовником. (И. Н. Жданов приводит к этому сказочному эпизоду близкие параллели из венгерской и ингушской сказок). На основе этого сопоставления И. Н. Жданов приходит к выводу о «факте параллелизма книжной повести и народной сказки» и о двух разных, но близких друг другу западных источниках повести и русской сказки (с. 24).

Однако выявление устных и литературных параллелей к сюжету П. о В. к. и установление факта, что арабский вариант рассказа по времени возникновения — древнейший среди них, еще не позволяют наметить конкретные текстологические соотношения между ними и повестью. Возможно, что определить отсутствующее звено, через которое иноземные источники, названные И. Н. Ждановым, могли появиться на русской почве, удастся с помощью изучения судьбы первых русских переводов арабских сказок «Тысячи и одной ночи» и их влияния на древнерусскую литературу и фольклор, а также с помощью изучения истории проникновения в Россию их последующих западных переработок XV—XVIII вв. (через переводы Лафонтена¹). Возможно, что литературную историю П. о В. к. удастся также несколько уточнить с помощью списка Забелина, который не привлекался ни к изданию текста П., ни к ее изучению; это тем более важно, так как список Пискарева — дефектный, без конца.

Остается не вполне выясненной и степень оригинальности П. о В. к. Судя по языку русифицированного перевода, создатель П. был искусным и широкообразованным книжником, начитанным в западноевропейской литературе, тонким стилистом и знатоком русского фольклора. П. о В. к. присущи стилистическое разнообразие, сочетание книжного славянизированного языка (с такими традиционными книжными выражениями, как «хартия», «стрельня», «вапы», «ланиты» и проч.) с бытовым просторечием и вкраплениями из живого разговорного языка (например, «жена его озорничает»), следы лексических поновлений западноевропейского происхождения (типа «кравевичи», «рыцари», «Фларента» и проч.) и наличие русской народно-поэтической речи, сказочно-былевого стиля (образов и выражений русских сказок, песен и былин).

Изд. П и к с а н о в Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 62—63, 86—92.
Лит.: П ы п и н. Очерк. С. 289; Ж д а н о в И. Н. Повесть о королевиче Валтасаре и былины о Самсоне Святогоре // ЖМНП. 1901. № 5. С. 1—24; О л ь д е н ь б у р г С. Ф. 1) О черновой рукописи III части исследования о «Валтасаре» // Сочинения И. Н. Жданова. СПб., 1907. Т. 2. С. 511—512; 2) Отзвук мотива из «Валтасара» в олонечной сказке // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 565—566; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 163—164; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Любовно-авантюрные повести // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. Глава XIII, § 1. С. 395—397; Б у д о в н и ц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 222.

Повесть о варяжской божнице входит в число тех новгородских литературных памятников, в основе которых лежат устные легенды местного происхождения. Немцы просили у новгородцев разрешения поставить в Новгороде церковь во своей «вере и обычаю». Новгородцы не согласились на это. Тогда «немецкие послы» по совету посадника Добрыни, которому они дали «посул велик», стали говорить, что если в Новгороде «храму святых верховных апостол Петра и Павла не быти», то будут закрыты православные церкви новгородцев в тех западных городах, с которыми новгородцы ведут торговлю. Приходится просьбу немцев выполнять. Они выбирают для своего храма «место посреди града, в торгу, где стоит церковь деревяна святого Иоанна Предтечи». Посадник Добрыня приказал церковь Иоанна перенести в другое место, а немцы поставили на этом месте свой храм. За этот поступок посадник Добрыня был жестоко наказан: когда он переезжал в насаде через Волхов, то вихрь поднял насад высоко над водой и обрушил его в реку, посадник Добрыня утонул. Во второй части П. о в. б. (некоторые исследователи склонны рассматривать эту часть как самостоятельную повесть) рассказывается о дальнейшей судьбе немецкой божницы. На стене ее, без благословения новгородского архиепископа, по заказу немцев новгородскими иконописцами был изображен Спасов образ. Однако как только сняли по окончании работы покров с фрески, неожиданно появилась туча и сильным дождем с градом смыло не только фреску со Спасовым образом, но и левкас — грунт под ней.

П. ярко отражает особенности новгородского быта. Новгород был тесно связан торговыми отношениями со многими западными странами, и торговые интересы заставляют новгородцев идти на компромисс с религиозными убеждениями. Сторонникам чистоты веры трудно примириться с этим, и возникает легенда, связанная с находившейся на Торговой стороне города варяжской божницей — римско-католической церковью для приезжих купцов. Церковь эта неоднократно упоминается в новгородских летописях (первое упоминание в Н1Л под 1152 г. — варяжская церковь названа среди девяти церквей, сторевших во время большого пожара на Торгу). В НЗЛ под 1184 г. в сообщении о построении «немецкой ропаты» на месте церкви Иоанна Предтечи рассказывается о чуде с посадником Добрыней. Но данное сообщение поздней новгородской летописи само восходит к легенде о посаднике Добрыне и историческим критерием в данном вопросе служить не может. Тем не менее, как отмечает историк Новгорода В. Л. Янин, «существуют заметные признаки достоверности этой легенды» (Янин В. Л. С. 88, примеч. 173). Посадник Добрыня — исторически реальное лицо: он был последним из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.), умер в 1117 г. В. Л. Янин считает, что ранняя история церкви Ивана на Опоках выглядела так: «Первоначальная деревянная церковь построена при епископе Никите (1096—1107 гг.). В 1110-х годах она перенесена на новое место. В 1127—1130 гг. выстроена в камне при Всеволоде Мстиславиче. В 1184 г. превращена в собор, что неизбежно потребовало создания новой постройки в соответствии с новым характером храма» (Там же). Таким образом, можно предполагать, что в легенде о посаднике Добрыне нашли отражение события 1110-х гг. и легенда, вероятно, возникла в близкое к этим годам время.

П. о в. б. дошла в трех редакциях. Одна из них, по которой П., в сущности, и известна в литературе, датируется довольно точно. В этой редакции — назовем ее условно первой — сказано, что автору историю варяжской божницы рассказал игумен Островского Никольского монастыря Сергей, духовный отец «нынешнего» игумена Спасо-Хутынского монастыря Закхей. Имя Закхей упомянуто в грамоте 1477—1478 гг. (см.: К о р е ц к и й В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 450). Имя Сер-

гия встречается в грамотах 50—70-х гг. XV в. (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 173, 175). Таким образом, написание этой редакции П. о в. б. уверенно можно датировать серединой—второй половиной XV в. С. О. Шмидт датирует возникновение П. 1440-ми гг., так как именно в это время произошел конфликт немецких купцов с архиепископом *Евфимием II* из-за церкви Петра и Павла. Вторая редакция П. входит в состав *Иоанна Предтечи Жития*, и, как считает издатель этой редакции П. А. И. Никольский, она предназначалась для чтения в церкви во время службы этому святому. По мнению Е. А. Рыбиной, вторая редакция возникла раньше первой. Вопрос этот требует дальнейшего рассмотрения. Третья редакция представляет собой совершенно самостоятельную (вероятнее всего, позднюю) переработку легенды о варяжской божнице. Эта редакция с двумя другими редакциями П. текстуально никак не связана. (Текст этой редакции не издавался, и в работах, посвященных данному произведению, она не фигурирует).

Автор П. о в. б. был близок к демократическим кругам: в произведении очень сильно проявляется антибоярская тенденция — виноватым оказывается посадник, и он один терпит кару (все люди, плывшие с ним в насаде, были спасены).

В настоящее время известно 9 списков П. о в. б.: 6 — первой редакции, 2 — второй редакции и 1 — третьей редакции

Изд.: Карамзин. ИГР. Т. 3. Примеч. 244; Северный архив. СПб., 1827. Ч. 26. С. 196—200; ПЛ. Вып. 1. С. 249—253; Никольский А. И. Сказания о двух новгородских чудесах из Жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя господня // ИОРЯС. СПб., 1907. Т. 12. кн. 3. С. 98—116; Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты // Историко-археологический сборник: (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962. С. 319—325.

Лит.: Прозоровский Д. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892; Лихачев Д. С. Литература Новгорода второй половины XV—первой половины XVI в. // ИРЛ I. Т. 2, ч. 1. С. 375; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 79—85; Голышенико В. С. Сборник XVII в. из собрания Института русского языка АН СССР // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 222.

Л. А. Дмитриев

Повесть об Азове историческая (П. и.) («Повесть и храбрость и мужество атаманов и казаков донского войска о граде Азове, преднаписание о граде Азове и о приходе атаманов и казаков великого донского войска и о взятии его») — самая ранняя в цикле Азовских повестей (ср. Повести о Азове *особая, документальная, поэтическая, сказочная* — по терминологии А. С. Орлова). Она написана вскоре после взятия донскими казаками Азова в 1637 г.

П. и. — публицистическое произведение, призванное идеологически обосновать необходимость взятия крепости. Для этого автор обращается к историческому прошлому в вводной части «Предписания о граде Азове», излагая полуполюгендарную историю города, основанного греками. «За согрешения» Азов попал в руки турок, когда христианство пало в Восточных странах — Иерусалиме, Константинополе, по берегам Эгейского, Черного, Азовского морей. Далее автор возвращается к современности, описывая зло, которое приносят турки Московскому государству своими нападениями, разоряя церкви, уводя в плен людей, продавая их в рабство за море. Исторически необходимым захват Азова объясняется исполнением божественной воли, тем, что бог желает наказать неверных и вернуть христианам их город.

Вторая часть — «О приходе атаманов и казаков великого донского войска» — подробно рассказывает о подготовке к войне в начале апреля 1637 г., о сборе войскового круга в Монастырском яру, рассылке

грамот, прибытии казаков из Запорожья и выборе атаманом Михаила Иванова по прозвищу Татарин.

Третья часть — непосредственное описание осады и взятия Азова — изобилует подробностями, числами, именами, событиями, из которых наиболее интересен эпизод, приведший к казни турецкого посла — грека Фомы Кантакузина и его толмача, отступника Осанки, издававшегося над казаками, отвозившими из-под Азова в судах тела погибших товарищей: «Тепере де перед нами казаков из-под Азова погибших возят каюками, а станут де возить и бударами». Истинной же причиной казни послужила посылка Кантакузиным тайных агентов в Азов с советом гарнизону спешно послать за помощью в Крым, Тамань и Керчь. Подробно описаны и два подкопа, которые «под град повел» «казак родом немецкия земли именем Иван».

Заключение П. — явление казакам во сне Иоанна Предтечи и богородицы, торопящих их со штурмом и предсказывающих победу, — возвращает читателя к исходной идее: покровительству небесных сил в деле овладения Азовом.

П. написана в агитационных целях. Хотя казаки захватили Азов самовольно, вопреки стремлению Московского правительства сохранить мир с Турцией, они хотели убедить царя Михаила Федоровича в пользе этого шага для Москвы и добиться военной поддержки. Отсюда особое почтение к имени царя, нарочитое упоминание о государеве жаловании — хлебных запасах, денежной и пороховой казне. Сведения, изложенные в повести, достоверны настолько, что она, наряду с войсковой отпиской от 3 декабря 1637 г., может служить историческим источником для изучения осады и взятия Азова. Это подтверждается совпадением части ее текста с казачьими войсковыми документами. Надо думать, что автор хорошо их знал, так как скорее всего был кем-то из дьяков или подьячих казачьей войсковой канцелярии, участвовавших во взятии крепости. Кроме того, он проявил знание истории и литературы — прошлого Азова, истории турецких завоеваний на Востоке, ему известно о последнем византийском императоре Константине, об Александре Македонском, с воинами которого он сравнивает донских казаков. Его начитанность проявилась и в применении им художественных средств, типичных для стиля древнерусских воинских повестей. С другой стороны, тесная связь произведения с реальной жизнью и демократизм автора обусловили проникновение в повесть живой разговорной речи, переходящей местами в ритмическую прозу, тяготеющую к народной поэзии. Так, например, звучит насмешка над казаками осажденных в Азове турок: «Сколько де вам, казакам, под городом Азовом не стоять, а нашего де вам Азова не взять»; «Бывало де вас, казаков, под Азовом градом и не такая сила, а Азову де погибли не было».

Исследователю П. и. — А. С. Орлову было известно около 25 списков памятника, которые он по текстологическим признакам разделил на три группы: 1) нормальная (один вид); 2) распространенная (четыре вида); 3) сокращенная (три вида).

Изд.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 3—68, 155—165; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 47—56, 166—187.

Лит.: ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 258—260; Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 113—119.

М. Д. Казан

Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г., с присоединением истории основания Таганрога и Керчинского морского похода в 1699 г., — публицистическое произведение, написанное анонимным автором в первом десятилетии XVIII в., между 1701 и 1707 гг. История взятия Азова представлена в нем несколько односторонне — в основном как результат военных

действий казаков. Из всех действующих под Азовом военачальников кроме Петра I автор упоминает только казачьих атаманов Леонтия Поздеева и Фрола Минаева. По-видимому, основной текст П. заимствован из реляций, отправляемых из-под Азова в Москву почтой. Так, среди документов, опубликованных в ДРВ (2-е изд. Т. 16. С. 264—266, 171—177) под названием «Сказание о взятии Азова», встречаются тексты, полностью совпадающие с фрагментами П. («Сказание» см. также в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1609, л. 270 и след.). На один из документов — лист гетмана (Мазепы, хотя имя его не названо) от 19 июня 1696 г. — есть ссылка и в самой П. В распоряжении автора были разряды, упоминавшие о гибели тех или иных знатных людей («И на том бою от меча падоша знатных людей человек 18, в том числе убит зело добр воин стольник Сила Васильев сын Лихарев»). Возможно, что автор и сам принимал участие во взятии Азова или пользовался информацией кого-либо из очевидцев, на что указывают некоторые подробности и детали повествования: «И лутчего мурзу убили, у которого сидит Василей Воейков. И голову ево в обоз привезли, великий был наездник. Убил ево яипкий казак ис пищали в самую голову». В некоторых случаях заметно авторское отношение, комментарий к излагаемому. Заканчивая историю выдачи турками Якушки (голландского матроса-изменника Якоба Янсена, перешедшего на сторону турок во время первой осады Азова русскими в 1695 г.), автор пишет: «Изменника немчина Якушку везли, распетля на чепях, как Стенку Разина. Казнь ему была в Преображенску, руки и ноги ломаны колесом, а потом голову отсекли». Других казаков, оказавшихся у турок в Азове и по возвращении подвергнутых наказанию, называют в П. «охреяны»; так во времена Петра I называли раскольников (см.: Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 774).

Обращение к документальному материалу определило документально-публицистический характер П. Она написана деловым языком реляций и петровских «Ведомостей» в сочетании с разговорными оборотами непосредственного свидетеля событий (например: «Толко в самом Азове долго будет чистить и ровнять, престрашно от бомбов разорен, ни малого места целого нет»). Документальность П. подкрепляется ее хронологическим членением: каждое новое событие начинается с даты, сначала только с упоминания года, а затем, по мере конкретизации событий, с месяца и числа. Эта хронологическая сетка придает П. вид дневниковых записей, типичных для публицистики петровского времени, и ставит ее в один ряд с «поденными записками», «журналами» и мемуарной литературой конца XVII — начала XVIII в.

Скорее всего П. создавалась в Москве. В ней использован еще один, особый вид источников: работы известного петровского гравера голландца Адриана Шхонебека, принятого на царскую службу Ф. А. Головиным. История взятия Азова заканчивается текстом, заимствованным из подписи к гравюру «Взятие Азова», созданной Шхонебеком в 1699 г. (см.:

ГПБ, отдел эстампов, Э_{9—396}^{Пог Л}). На гравюре изображена панорама Азова и расположение войск. На переднем плане помещен Петр со своими генералами и адмиралами — Шеиным, Лефортом, Гордоном, Головиным, которым инженер Тиммерман показывает карту азовских укреплений. Все объекты гравюры, в том числе и лица, помечены номерами, под которыми они поясняются в подписи. Эти номера перенесены и в текст П.

Далее автор переходит к событиям, происшедшим три года спустя после взятия Азова. Не касаясь поездки Петра в Европу, он очень кратко упоминает о постройке флота в Воронеже и об основании Таганрога. Более подробно изложена история морского похода каравана судов в Керчь в 1699 г. Она в основном заимствована из текста, сопровождающего карту Азовского моря, гравированную А. Шхонебеком в 1701 г. для адмирала

Ф. А. Головина. Оригиналом гравированной карты считается чертеж, сделанный участником похода капитаном корабля «Крепость» Ф. Памбургом (см.: Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 1. С. 345—346), однако текст Голикова не дает точного указания на участие в составлении оригинала именно Памбурга. В настоящее время известны две рукописные карты Азовского моря, не вполне идентичные, но близкие гравюре Шхонебека, — в ГИМ (см.: Незнамов П. А. Карта Азовского моря 1699 г. // Труды Государственного исторического музея. М., 1941. Вып. 14. С. 73—81) и РО БАН, № 20. На обороте экземпляра БАН французская подпись: «Carte de l'expédition sur la Mer d'Azow, entreprise l'an 1699 par Pierre le Grand. En car[acterè] Russe» (см.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. № 591. С. 375—376); текст с карты Шхонебека помещен не полностью. На рукописной карте ГИМ текста нет. Из текста гравированной карты в П. взяты названия судов и имена их капитанов; суда назывались: «Скарпиум», «Начанье благодатства», «Свет воинской», «Отворены врата», «Сила», «Мочь», «Буйство», «Без страху», «Святой апостол Петр», «Меркириус», две галеры — «Правда», «Заец стоячей». В работе С. Елагина, посвященной истории Азовского флота, названия судов, взятые из документов иностранных дел (Турецкие дела 1699 г. № 9. Св. 17), звучат несколько иначе (так, галеры называются «Периная тягота» и «Заячий бег»). Таким образом, новые виды искусства — гравировального и картографического — интересовали автора только в их документальной текстовой части, только как деловые «чертежи», послужившие наряду с военными донесениями источниками для его компиляции.

Подбор источников указывает на то, что автор П. был связан с деловой или, возможно, даже с дипломатической средой. Он хорошо представлял себе значение присоединения Азова как начала завоевания Россией выхода в Черное море. Он понимал связь событий. Укреплению на южных морских путях служила борьба за причерноморские крепости. Об этом шла речь на мирном конгрессе в Вене в 1698 г., где русские интересы представлял посол П. Б. Возницын (ПДС. СПб., 1868. Т. 9. Стб. 43—57, 115, 235—239, 258, 276, 326), и на мирных переговорах в Константинополе в 1699 г., которые вел начальник Посольского приказа Е. И. Украинцев. Керчинский поход Азовского флота, в котором принимал участие царь Петр, был предпринят как для разведки морского пути, так и для сопровождения до Керчи корабля «Крепость», на котором отправлялся в Константинополь Украинцев. То, что в рукописях вслед за П. помещались материалы посольства Украинцева, следует, по-видимому, считать авторским замыслом: посольство было закономерным завершением тех событий, о которых рассказывалось в П.

В словарях древнерусских авторов начиная с XVIII в. произведение, посвященное взятию Петром Азова и основанию Таганрога, атрибутируется боярину Алексею Семеновичу Шеину. «Шейн Алексей Семенович, боярин. Его сочинения Журнал о походе к Азову и о построении крепости Таганрога 1697 г. рукописною книгою хранится в императорской библиотеке» (Словарь исторический, или Сокращенная библиотека. М., 1798. Ч. 14. С. 161). В Словаре Евгения (М., 1845. Т. 2. С. 249) указано, что Журнал боярина Шеина о походе 1697 г. (!) к Азову и о построении крепости Таганрог напечатан в ДРВ и издан Рубаном в 1773 г. Боярина Шеина как автора приводит в своем словаре Будовниц со ссылкой на Евгения. Однако тексты, напечатанные Рубаном под названием «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову. . .» (они же встречаются в рукописях ГПБ, F.IV.126; БАН, 32.6.24), и тексты в ДРВ (2-е изд. Т. 16) — не одно и то же. У Рубана приведены материалы типа разрядов с минимальным количеством повествовательного текста; в ДРВ помещены реляции и письма из-под Азова, и обе публикации не тождественны тексту П. К ней же боярин Шеин не может иметь никакого отно-

шения: он умер в 1700 г., в то время как автор воспользовался картой Шхонебека, опубликованной в 1701 г. Вообще имя Шеина упоминается в П. только дважды: в первом случае оно взято из подписи к гравюру Шхонебека, во втором — в кратком упоминании о походе из Воронежа к Азову в мае 1699 г.

П. известна в двух списках начала XVIII в. Список ГПБ, F.XVII.10, написанный в 1707 г. (см. запись на л. 570: «Писал Иван Васильев сын Валяев лета 1707»), происходит из библиотеки князя Дмитрия Михайловича Голицына в с. Архангельском (см.: Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 242). В конфискационной описи 1737—1738 гг. (ЦГАДА, ф. 340, оп. 1, д. 7, № 13984) рукопись эта значится под № 29. П. во многом соответствовала интересам Д. М. Голицына, бывшего в 1701 г. посланником в Константинополе и добывавшегося там свободного плавания русских судов по Черному морю. Кроме П., посольства Украинцева и материалов Северной войны в состав рукописи входят сочинения эсхатологического характера, типичные для старообрядческих сборников (Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся. . . в библиотеке. . . гр. Ф. А. Толстого. М., 1825. Шифр I. 251). Вторая рукопись ГПБ, Q.XVII.46 (см. то же Обстоятельное описание. Шифр II. 74) по своему репертуару ближе интересам светского делового круга: кроме П. и посольства Украинцева она содержит материалы Северной войны 1701—1704 гг., историко-географические отрывки, роспись монастырям и пр.

Оба списка можно считать идентичными, хотя есть несколько примет, говорящих о первичности текста в списке Q.XVII.46: в нем сохранились глухие ссылки на гравюры Шхонебека — «выписано ис печатных государевых чертежей», с пометами на полях — «первой чертеж», «2-й чертеж»; в списке F.XVII.10 эти ссылки убраны, и взятый из гравюр Шхонебека текст органически включен в П. В нескольких случаях слова, написанные в списке Q.XVII.46 между строк, в F.XVII.10 внесены в текст. Таким образом, список F.XVII.10 представляет собой окончательную редакцию П.

Текст П. не опубликован.

Лит.: Елагин С. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 41—50, 124—137; Прил. Ч. 1. С. 429—446; Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 91—96, 119—121; Ровинский Д. 1) Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 3. № 454. Стб. 1651—1653; 2) Подробный словарь русских гравюров 16—19 вв. СПб., 1895. Т. 2. № 23, 30. Стб. 1227—1228; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 432—459; Макаров В. К. Русская светская гравюра первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 220—221 (ротاپрнт).

М. Д. Каган

Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным дошла в составе трех летописцев середины XVII—XVIII в. неофициального характера в окружении сказочно-исторических повестей («Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», «Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина» и др.), а также в составе Латухинской степенной книги конца XVII—начала XVIII в. Читается в сборниках ГИМ, Музейское собр., № 3996; собр. Забелина, № 263; ГПБ, Q.XVII.252 и ИРЛИ, Пинежское собр., № 440. Старшим списком П. является список ГИМ, Музейское собр., № 3996, середины XVII в. Царь и великий князь Иван Васильевич, сообщает повесть, стоял под «градом Смоленском» в течение трех лет. На третий год осады к царю прибыл посланник от тверского архиепископа Евфимия и привез ему замок и ключ. Архиепископ благословлял царя и предлагал ему замыкать «тем замком и отмыкать клю-

чом Смоленск-град». Царь воспринял послание и дар как насмешку и хотел казнить архиепископа, но «божью помощью. . . людие поседельцы град отворили и здалися царю гладные ради великие нужы». И тогда царь «той вины тверскому архиепископу отдаша». Как сюжет П., так и даты, под которыми она помещена в летописцах (1555, 1576, 1587, 1593 гг.), легендарны: П. находится среди известий, относящихся к царствованию Ивана Грозного (тогда как присоединение Смоленска к Русскому государству произошло при *Василии III* в 1514 г.). П. содержит реалии, позволяющие датировать ее временем после 1589 г. Есть основания полагать, что она была создана в 30-е гг. XVII в. — в годы борьбы Русского государства с польским королем за Смоленск.

Изд.: Салмина М. А. Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // ТОДРП. Л., 1969. Т. 24. С. 192—195; Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 78—79.

М. А. Салмина

Повесть о видении во Владимире в 1611 г. — легендарно-публицистическое произведение кануна формирования Второго народного ополчения, написанное в традиционном жанре «видений».

В П. о в. отражена общая направленность патриотической агитации северных и поволжских городов, церковных проповедей и молитвословий, когда в августе—октябре 1611 г., после распада Первого народного ополчения, оккупации интервентами Смоленска (3 июня) и Новгорода (16 июля) и убийства (22 июля) *П. П. Ляпунова*, начиналось формирование Второго народного ополчения.

П. кратко передает рассказ о видении некоей Мелании, молодой жене владимирца Бориса, по прозвищу Мясник, в ночь с 24 на 25 августа 1611 г. («во 119 году»). Мелании явилась богородица в благословляющей позе: «в светлых ризах, поверх главы образ на руках держит велик и чуден велми». Богородица приказывает ей наутро проповедовать всем жителям города, «чтоб постилися и молилися со слезами», и дает обещание, что «бог услышит моление их, и отвратит праведный гнев свой, и победит врагов, борющихся и волнующих нас, и даст земли тишину и благодетельное житие». Не верящих и сомневающихся в ее предвещании победы над врагом богородица угрожала наказать «жаром» и «гадами», «жужелиц и червей множеством» и «змием превелики». Поскольку с первого раза Мелания не осмелилась всенародно рассказать о своем видении, оно повторилось, после чего владимирцы три дня постились, молились и, по указанию свыше, распространяли текст видения по другим городам («в ближние и дальние и во все грады писали»).

П. о в., так же как и «Повесть о видении в Нижнем Новгороде в 1611 г.», входила в состав «отписки» сольвычегодцев в Пермь от 9 октября 1611 г. и получила таким образом распространение в списках, пересылаемых по городам в составе грамот «из Ярославля и из иных городов» (под «иными» городами имеются в виду, вероятно, прежде всего Нижний Новгород и Владимир) и далее через Вологду, Великий Устюг в Сольвычегодск и в Пермь (ААЭ. Т. 2. № 199. С. 337; издателями Археографической комиссии копии текста П. опущены). Включенная в патриотическую переписку, которую вели северные и поволжские города России в сентябре—октябре 1611 г., П. о в. выполняла агитационную функцию, способствуя подъему патриотического движения против иностранных интервентов, объединению растущих сил Второго народного ополчения путем религиозно-нравственного воздействия на сознание населения и проведению «по совету всей земли Московского государства, во всех городах, всеми православными народы» (ААЭ. Т. 2. № 199. С. 337) всенародного трехдневного поста.

С. Ф. Платонов отмечает историческую достоверность даты, указанной в П. о в. («августа в 24 день, против недельного дни»): согласно Археографическому словарю Горбачевского, 25 августа приходилось именно на воскресенье (Платонов. С. 158). Однако дата создания П. о в. связана не с церковными днями памяти богородицы. Принимая во внимание символику видения (образ богородицы, благословляющей на победу и угрожающей гибелью неверующим), приурочивание видения к 24—25 августа и последующее распространение П. о в. следует, по-видимому, связывать с получением нижегородскими посланцами согласия Д. М. Пожарского стать военачальником Второго народного ополчения. Именно в августе—сентябре 1611 г. посыльные из Нижнего Новгорода «многожды» приезжали к раненому Д. М. Пожарскому в его родовое поместье, расположенное в Суздальском уезде, для обсуждения вопросов, связанных с организацией Второго народного ополчения, а 28—30 октября 1611 г. Д. М. Пожарский уже прибыл для исполнения возложенных на него обязанностей в Нижний Новгород.

Исследователи единодушно отмечают литературную связь П. о в. с «Повестью о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия. Однако, хотя она и унаследовала от жанра «видений» традиционные символично-аллегорические образы (богородицы и другие) и прием противопоставления борющихся сил (сияния света как божественного начала — бесовским силам тьмы, в образе «гадов» и «змеев» и др.), ее зависимость от Повести протопопа Терентия выражена слабее, чем в «Повести о видении в Нижнем Новгороде» (Н а з а р е в с к и й. Очерки. С. 139).

Автор П. о в. неизвестен. Однако, судя по стилю его произведения, едва ли он духовного происхождения. Скорее всего он был из приказных дьяков, так как кроме заимствованных им книжных образов и приемов, традиционных для избранного им жанра «видений», повествованию его присущи демократизация образа повествователя (вместо благочестивого мужа — молодая посадская жена), использование образов русских народных сказок («И пахнув на мя рукавом своим, и абие поползе по земли и по мне много жужелиц и червей множество»), а также стиль, близкий стилю современных ему агитационных патриотических городских грамот своей деловитой лаконичностью и элементами просторечия.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 240—242; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 240—242; 3-е изд. .1., 1925. Т. 13, вып. 1. Стб. 240—242.

Лит.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 199. С. 337; Платонов. С. 158—159; П р о к о ф ь е в Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.: (Из истории жанров литературы русского средневековья): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М. 1949; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. 1964. Т. 231. С. 45—47; 3) Символично-аллегорическая образность в литературе начала XVII в. // Там же. 1966. Т. 248. С. 34—36; 4) Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Там же. 1967. Т. 256. С. 36—53; Н а з а р е в с к и й. Очерки. С. 133, 139—142.

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о видении человеку благочестивому в Нижнем Новгороде в 1611 г. Григория. Биографические данные о Григории отсутствуют: в самой П. говорится, что он «виде видение» в Нижнем Новгороде, но, согласно *«Летописцу Новому»*, «в Нижнем. . . мужа Григория такова не знаху» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 116), а из отписки сольвычегодцев пермичам (октябрь 1611 г.), к которой приложена П. Г., следует, что это произведение распространялось «из Ярославля и из иных городов» (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 247), т. е. Нижний Новгород в отписке не выделен.

П. Г. известна в трех списках, самый ранний из которых, Лихачевский (ЛОИИ, к. 238, № 11, л. 38—45), относится к 1611—1612 гг. (Е. Н. Кушева) или 10—20-м гг. XVII в. (В. И. Буганов, В. И. Ко-

редкий, А. Л. Станиславский). Судя же по упомянутой отписке и «Новому летописцу», в 1611 г. П. пользовалась большой популярностью. В *«Летописце Пискаревском»* также отмечено, что о нижегородском видении «писаша во все грады русския» (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 217). Однако после окончания Смуты П. Г. — сочинение острого политического звучания, призывавшее к немедленному действию, — потеряла свою актуальность, чем и может объясняться малочисленность ее списков.

В приложении к отписке сольвычегодцев пермичам П. Г. представлена в первоначальном виде. В отдельных списках П. имеются еще вступление, отчасти заимствованное из сочинения протопопа *Терентия* «О видении некоему мужу духовну», и сообщение о времени, месте и обстоятельствах видения «человеку благочестиву, именем Григорью». Очевидно, что начало П. принадлежит не Григорию, а другому лицу. Остальной текст целиком посвящен нижегородскому видению 26 мая 1611 г. Написана П. не позднее лета этого же года, еще в то время, когда известие о захвате Новгорода шведами (16 июля 1611 г.) не успело разнестись по всей России. Рассказ ведется автором П. в первом лице (в конце произведения читаем: «Аз я, многогрешный Григорий, виде видение се в Нижнем Новгороде»).

Судя по предисловию к П., видение было Григорию во время сна («во храме»). Ночью ему показалось, что «шюкров храма того» исчез, и в сиянии небесного света он увидел бога, «сходяща во образ» людской, и человека в белых ризах, ставшего справа от него. По свидетельству автора, «всевышний» спустился с неба и сел на его «персех». Дальнейшее изложение ведется в форме диалога господина и его спутника. Сообщив о созыве в России «вселенского собора» с участием «от всея земли» духовных властей и всех «православных христиан», «белоризец» спрашивает господина, простит ли он русских людей. Условием прощения бог ставит всеобщее покаяние в грехах, пост и молитвы в течение трех суток без перерыва. Григорий передает и требование бога воздвигнуть храм в Московском государстве и освятить его «всем вселенским собором», а также обещание господина очистить Московское государство «от врагов иноплеменников». По П., бог велел соорудить новый храм «на Пожаре, близ Василья Блаженнова», принести туда икону Владимирской богородицы, поставить «на престоле» незажженную свечу и положить там бумагу «неписану». На все это отводилось три дня, на четвертый, предрекал господь, свеча загорится «от огня небесного, и колокола сами возвонят, а на бумаге будет написано имя, кому владети Российским государством» по божьей воле; если же царя поставят самовольно, власть нового государя останется непрочной и стране предстоит испытать горшие беды. В случае если русские люди не поверят этому слову, бог угрожал гибелью Российскому государству со всем его населением. Спутник господина призвал Григория послушать бога и проповедать его слово без боязни. Укрепляя решимость Григория, бог обещал уничтожить врагов, завладевших половиной Российского царства, и, напротив, наказать «сей град», если о его «явлении» не сообщат «в Московское государство и в иные грады», точнее, показать «знамение за неверие» нижегородцев — бурю на Волге.

П. о в., написанная в разгар борьбы русского народа с польско-литовской интервенцией, носила агитационный характер. Ее вряд ли, подобно С. Ф. Платонову, можно расценивать лишь как показатель стремления «нравственно очиститься и покаянием получить избавление от бедствий», сильного якобы в русском обществе в годы Смуты. П. является не бесхитрым выражением обострившегося в лихолетье религиозного чувства, она преследовала политическую цель — предотвратить самовольное избрание нежелательного царя (Ж у ш е в а. Из истории. С. 43, примеч.). В П. ясно звучат характерные для того времени мысли о необходимости избрания царя «всея землей», о том, что божья воля сказывается в единодушной людской. Григорий писал в период решающих сражений с поль-

ско-литовскими войсками под Москвой. В то время русские ополченцы добились успехов, чем, видимо, и объясняется оптимистический настрой П. Не случайно и то, что видение случилось в Нижнем Новгороде. Этот город принял активное участие в создании Первого ополчения. Предвидя скорое освобождение столицы от оккупантов, автор П. стремился обеспечить всенародное избрание нового царя.

Сочинение Григория было знакомо составителям *Летописцев Пискаревского и Нового*; по мнению М. В. Кукушкиной, оно повлияло на *«Повесть о избавлении града Устюга Великого от безбожные литвы и от черкас, как с Двины шли»*.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. С. 235—240; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. С. 235—240, 951—956; 3-е изд. Л., 1925. Т. 13. вып. 1. С. 235—240.

Лит.: Платонов; Прокофьев Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.: (Из истории жанров литературы русского средневековья): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1949; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. 1964. Т. 231. С. 35—56; Назаревский. Очерки; Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 374—387.

Я. Г. Солодкин

Повесть о Горе-Злочастии. Об авторе этого анонимного, сохранившегося в единственном списке XVIII в. произведения допустимо говорить лишь в том случае, если мы признаем этот памятник не фольклорным, а литературным, книжным. Хотя не раз раздавались голоса, утверждавшие, что «Горе-Злочастие» — попросту запись устно-поэтического текста, все же убеждение в его литературной природе бесспорно преобладает. При том что питательной средой П. были народные песни о Горе и устная лирика, все же индивидуально-авторское начало проявляется вполне отчетливо. Оно сказалось и в использовании книжных покаянных стихов, и в традиционном для средневековой культуры совмещении фольклорной темы с перспективой мировой истории в ее библейской трактовке: П. начинается с рассказа о первородном грехе, которому уподобляется поведение безымянного русского «молодца».

Проблема автора тесно связана и с проблемой датировки. В П. нет реалий, отсылающих к конкретным лицам и событиям. Единственный датирующий момент — нередкие нарушения стиховой модели в единственном списке П. (она, по определению М. Л. Гаспарова, написана «народным тактовиком» — тоническим стихом с колебаниями междуиктовых интервалов в диапазоне 1—2—3 слогов). Очевидно, что оригинал был значительно старше списка. Но какова длительность этого временного промежутка, установить трудно. Если основываться на формальных критериях, то П. можно было бы поместить в широкие хронологические рамки, включающие XVII в. и первые десятилетия XVIII в. В таком случае появляется возможность произвольных датировок (эту возможность использовал П. К. Симони, который, как сообщает в юбилейной заметке Г. Виноградов, в докладе в Пушкинском Доме в мае 1934 г. отнес П. к рубежу XVI—XVII вв. и атрибутировал ее московскому протопопу *Терентию*; не будем обсуждать эту гипотезу — и по причине ее экзотичности, и потому, что аргументация П. К. Симони нам не известна).

Однако датировка памятника в целом не вызывала сомнений. Те, кто его исследовал, сходились на том, что он принадлежит XVII в. Действительно, приметы этой «бунташной» эпохи, когда ломался старинный русский уклад, в П. налицо. Ее герой презрел заветы рода, стал «блудным сыном», отщепенцем, добровольным изгоем. Это один из самых характерных типов для XVII в., когда распадалась извечные родовые связи.

Эту датировку можно подкрепить и уточнить с помощью сравнительного анализа П. и прозы протопопа *Аввакума*. Начав свой рассказ с темы

первородного греха, автор П. о Г.-З. изложил не каноническую легенду, а версию апокрифов, расходящуюся с православной доктриной:

Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
 престылся Адам со Еввою,
 позабыли заповедь божию,
 вкусили плода виноградного
 от дивнаго древа великаго.

Из Библии не ясно, что представляло собою заповедное древо «добра и зла». В отождествлении его с яблоней есть известное вольнодумство — такое же, как в отождествлении с виноградной лозой, которое характерно для народной фантазии и восходит к временам богомилства. По народной традиции, первые люди «вкусили плода виноградного», бог изгнал их из Эдема, а вино проклял. Поэтому Христу, «новому Адаму», искупившему грехопадение Адама «ветхого», пришлось и с вина снять осуждение. Христос сделал это на брачном пиру в Кане Галилейской, претворив воду в вино.

«Невинно вино — виновато пьянство» — эта известная по сборникам XVII в. пословица точно выражает древнерусскую точку зрения на хмельное питье. Человек должен ограничиваться тремя чашами, которые узаконили святые отцы, — теми, что выпиваются за монастырской трапезой во время пения тропарей. В соответствии с этим родители наставляют молодца из П. о Г.-З.: «Не пей, чадо, двух чар заедину!». Молодец не слушается их, как не послушались творца Адам и Ева.

Такое же параллельное изображение первых людей и русских грешников XVII в. находим у Аввакума в «Снискании и собрании о божестве и о твари и како созда бог человека» (цит. по: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Елифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Отв. ред. В. И. Малышев. Л., 1975. С. 103—104). Идея прямого подобия изложена Аввакумом очень похоже на П. о Г.-З.: Ева, «послушав змии, ко древу приступи, взем грезн, и озоба его, и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снедь, смоковь красная, ягоды сладкие, умы слабкие, слова между собою лстывые; оне упиваются, а дьявол радуется. Увы невоздержания тогдашнева и нынешнева! . . . Оттоле и до днесь слабоумные так же творят, лестию друг друга потчивают, зелием неразтворенным, еже есть вином процеженным. . . А после друга и посмегают упившагося. Слово в слово бывает, что в раю при Адаме и при Евве, и при змее, и при дьяволе».

Обличения пьяниц и картины пьянства Аввакум, конечно, мог найти и не в П. о Г.-З.: в литературном обиходе XVII в. было множество сочинений на эту тему, в прозе и в стихах. Но изображение первородного греха как пьянства — явление в книжности чрезвычайно редкое. «Древо виноградное» в П. о Г.-З. и «смоковь красная» у Аввакума — примерно одно и то же для русского человека той эпохи, потому что «смоковь» означает винную ягоду. Можно предположить, что Аввакум знал П. о Г.-З. В таком случае П. возникла не позже 1672 г., когда было написано «Снискание и собрание» протопопа Аввакума.

Это дает нам (разумеется, предположительно) *terminus ante quem*. Однако *terminus post quem* остается неизвестным. Судя по ментальности памятника, он создан после Смуты, когда темы индивидуальной судьбы, «отцов и детей», «блудного сына» стали излюбленными темами русского искусства.

Обычно пишут, что молодец подпал под власть Горя из-за «слова похвального», когда он на пиру похвастался нажитым богатством.

А всегда гнило слово похвальное,
 похвала живет человеку пагуба!

Тогда-то и приметил его Горе-Злочастие, так как «хвастанье» пагубно и с церковной точки зрения (это «киченье», разновидность гордыни, первого из семи главных грехов), и с точки зрения народной: в былинах богатыри никогда не хвастают, а редкие случаи хвастовства вызывают самые тяжелые последствия. Но после «хвастанья» Горе лишь приметил подходящую жертву. Власть же над героем оно получило тогда, когда заставило его отказаться от невесты, привидевшись во сне архангелом Гавриилом. Персонаж этот введен в П. не случайно: в Евангелии он приносит Марии благую весть о рождении сына, о том, что Мария избрана «невестой невестной», а в П. отвращает героя от брака, от «рождения человеческого и . . . любимых детей». Эта деталь показывает, как умело манипулировал безымянный автор и устной поэзией, и апокрифами, и Писанием.

По своим воззрениям автор П. — консерватор; он всецело за верность родовому началу, идеалам Измарагда и Домостроя. Но в авторской позиции есть замечательная и новая для русской литературы черта: он не довольствуется ролью обличителя, он сочувствует падшему герою. Автор считает, что человек достоин сочувствия просто потому, что он человек, что он несчастен, пусть он погряз во грехе. Это гуманистическая и новаторская концепция.

Изд.: Срезневский И. И. Старческая повесть о Горе и Злочастии // ИОРЯС. 1856. Т. 5, вып. 2. С. 401—412; Костомаров Н. И. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение // Современник, 1856. № 3. Отд. 1. С. 49—68; ПЛ. Вып. 1. С. 1—8; Буслеев. Историческая хрестоматия. Стб. 1367—1383 (то же во 2—12-м изд. «Исторической хрестоматии»); Буслеев. Русская хрестоматия, 1917. С. 186—203; Горе-Злочастие. Повесть о Горе и Злочастии, с приложением народных былин о горюшке и добром молодце и других. М., 1864; Цветков А. Образцы древней русской словесности. СПб., 1879. С. 304—313; Глазун В. И. Древнерусские повести и романы. СПб., 1895. С. 67—79; Марков Н. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. Елисаветград, 1896 (пер. повести на современный русский язык); Симоны П. К. 1) Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин // ИОРЯС. СПб., 1903 (фототипическое изд.); 2) Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века // СОРЯС. СПб., 1907. Т. 83. № 1. С. 1—88; Сиповский. С. 1—13; Дунаев Б. И. Библиотека старорусских повестей. М., 1914. Вып. 2; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 299—313 (то же в других изд. «Хрестоматии»); Крипиль. Русская повесть. С. 103—115; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 33—44 (Б-ка поэта. Больш. сер.); Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 597—608.

Лит.: Костомаров Н. И. 1) Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение // Современник. 1856. № 3. Отд. 1. С. 49—68; 2) О мифическом значении Горе-Злочастия // Там же. № 10. Отд. 1. С. 113—124 (то же // ПЛ. Вып. 1. С. 12—18); Буслеев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. Древнее стихотворение // РВ. 1856. Т. 4, июнь, кн. 2. С. 5—52; июль, кн. 2. С. 279—322 (то же // Буслеев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Русская народная поэзия. СПб., 1861. Т. 1. С. 548—643); Пыпин И. Очерк. С. 293—295; Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах // Древности. Слав. Т. 1. вып. 2. С. 153—196 (то же // Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 189—243); Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 392—421; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 50—54; Петров Н. И. Южнорусские легенды (библиографическая заметка) // ТКДА. 1877. № 3. С. 556—557; Веселовский. Памятники. Т. 1. С. 474—480; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха: (X. Западные легенды о древе креста и Слово Григория о трех крестных древах; XIII. Судьба-доля в народных представлениях славян; XXIII. К развитию народных представлений о Доле) // СОРЯС. СПб., 1883. Т. 32. № 4. С. 396—409; СПб., 1889. Т. 46. № 6. С. 249—260; СПб., 1891. Т. 53. № 6. С. 167—183; Миллер В. Ф. Былины об Иване Гостинном сыне // ЖМНП. 1896. № 4. С. 276—306 (то же // Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. С. 247—254); Соин А. И. Горе и Доля в народной сказке // Еranos: Сб. в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906. С. 362—425; Марков А. В. Повесть о Горе-Злочастии // Живая старина. СПб., 1913. Вып. 1—2. С. 17—24; Сумцов Н. Ф. Злыдни в бочке: К сказаниям о заключенном бесе // Сб. в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 59—67; Соболев-

ский А. И. Повесть о Горе-Злочасти // Буслеев. Русская хрестоматия, 1917. С. 186—203; Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 63—65; Перетц В. Н. Українська паралель до повісті «Горе Злочастіє» // Україна. 1924. Кн. 3. С. 23—24; Луговський Б. З приводу «Української паралелі до повісті „Горе-Злочастіє“» акад. В. Н. Перетца // Україна. 1926. Кн. 1. С. 43—50; Беляев М. В. Из литературной истории русских народно-эпических представлений // Изд. Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Общ. науки / Под ред. А. В. Багрия. Баку, 1926. Т. 6—7. С. 49—61; Ржига В. Ф. Повесть о Горе и Злочасти и песни о Горе // Slavia. 1931. Roč. 10. Seš. 1. С. 40—66; Seš. 2. С. 288—315; Виноградова Г. 75-летний юбилей П. К. Симоны // Советский фольклор: Сб. статей и материалов (1935) / Ред. М. К. Азадовский. М.; Л., 1936. № 2—3. С. 457—460; Львов А. С. Темные места в Повести о Горе и Злочасти // Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та. Гуманитарные науки. 1944. Вып. 1. С. 62—76; Андрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 80, 86, 94—97; Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочасти»: (Стих «покаянный» о пьянстве) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 142—148; Лихачев Д. С. 1) Повесть о Горе-Злочасти // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 207—221; 2) Иносказание «жизни человеческой» в «Повести о Горе-Злочасти» // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 25—27; 3) Повесть о Горе-Злочасти // Истоки беллетристики. С. 454—457; Мазон А. Горе Злочастіє, Malheur-Mauvais Destin // Revue des études slaves. Paris, 1951. Т. 28. P. 17—42; Скрипиль М. О. Повесть о Горе-Злочасти // Скрипиль. Русская повесть. С. 400—417; Harkins W. S. Russian Folk Ballads and the Folk of Misery and III Fortune // American Slavic and East European Review. Philadelphia, 1954. Oct., V. 13. N 3. P. 402—413; Виноградова В. Л. Повесть о Горе-Злочасти: (Библиография) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 622—641; Утилов Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочасти» // Там же. С. 226—235; Назаревский А. А. К изучению «Повести о Горе-Злочасти» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 199—204; Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974. С. 369 и след.; Панченко А. М. 1) Протопоп Аввакум как поэт // ИОРЯС. 1979. Т. 38. № 4. С. 307—308; 2) Повесть о Горе-Злочасти // ИРЛ III. Т. 1. С. 384—390.

А. М. Панченко

Повесть о городах Таре и Тюмени (1636—1642) сохранилась в единственном дефектном списке XVII в. (ГБЛ, Музейное собр., № 3189), не имеющем начала и заглавия, поэтому название, под которым она известна в литературе, условно. П. рассказывает о сибирских событиях 1634—1635 гг.: о нападении татар и «колмак» на г. Тару, разорении его и героической вылазке горожан, разгромивших войско калмыцкого тайши; о заговоре сосланных в Томск и другие остроги «литовских людей», намеревавшихся поджечь город и овладеть им, но выданных одним из заговорщиков; наконец, об опустошительном набеге на Тюмень в январе 1635 г. Отдельные эпизоды П. «связаны между собою только слабо выраженной хронологической последовательностью и территориальным единством» (Сперанский М. Н. Повесть о городах. . . С. 14), но вся она объединена общей идеей отстаивания русской Сибири. Острая публицистическая направленность позволяет поставить П. в ряд историко-публицистических сочинений второй половины XVI—начала XVII в. Источниками для нее послужили *Есиповская летопись*, Повесть о неседальном, *Казанская история, повести об Азовском сидении*, о Мамаевом побоище, о *Динаре царице*, Плач о падении Царьграда из Хронографа 1512 г., *Троянская история Гвидо де Колумна*. Стилистика П. полностью выдержана в традициях так называемых воинских повестей.

Автор П. неизвестен; по прорывающимся у него формам рассказа от первого лица можно думать, что он жил в Томске или временно там находился (Сперанский М. Н. Повесть о городах. . . С. 15—16). М. Н. Сперанский высказал предположение, что автором П. мог быть Савва Есипов, чья летопись послужила одним из ее источников. Стилистические особенности памятника и система цитации литературных образцов в П. также необычайно близки манере С. Есипова. Однако этого недостаточно, чтобы безоговорочно считать его автором П., тем более что у нас нет никаких сведений о возможном пребывании Есипова в Томске.

Изд. С пер а н с к и й М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // ТК. С. 13—32. *Лит.:* Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892—1894 гг. М., 1894. С. 37—38; Ор л о в А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 4. С. 344—379; Протокол 96-го заседания Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества (14 ноября 1907 г.) // Древности. Слав. Т. 5. С. 16—18 (изложение доклада С. О. Долгова и прений); Р о м о д а н о в с к а я Е. К. 1) Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 26—32; 2) Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 125—137.

Е. К. Ромодановская

Повесть о графине Альтдорфской — переводное произведение XVII в. В русских рукописях, как и в польских изданиях, с одного из которых был сделан в XVII в. перевод, П. о гр. А. следует за *Повестью о цесаре Оттоне и Олунде*. Поскольку злочключения Олунды были вызваны тем, что королеву, родившую двойню, обвинили в неверности мужу, польский переводчик П. Мартин Сенник счел уместным для полного оправдания героини поместить в конце романа небольшие повести, доказывающие, что рождение близнецов не свидетельствует об измене мужу. Одна из них рассказывает о графине Альтдорфской Катилине, родившей 12 близнецов.

Где, когда и при каких обстоятельствах появился оригинал П. о гр. А., кто был ее автором — неизвестно. Ю. Кжижановский (*Romans polski wieku XVI*. Warszawa, 1966. С. 64) считает, что П. о гр. А. заимствована Мартином Сенником из каких-то немецких хроник. По его мнению, П. о гр. А. относится к группе многочисленных геральдических повестей-легенд, создававшихся в средние века вокруг гербов знатных западноевропейских фамилий (ср., например, Повесть о Брунцвике), и была написана с целью объяснить, почему графы Альтдорфские именуются Гвельфами, что значит «выжлецы», и имеют в своем гербе голову собаки. Есть основания предполагать, что сюжет П. о гр. А. сложился в Италии (см. об этом: Державина. С. 365—366).

О. А. Державина отмечает существование двух вариантов русской П. о гр. А.: один в списках ГПБ, собр. Погодина, № 1771 и ГБЛ, ф. 152, № 5 (оба конца XVII в.), а другой — в списках БАН, 31.11.7 и ГПБ, собр. Погодина, № 1770 (оба XVIII в.). Различие этих вариантов в основном стилистическое. В списках XVIII в. изложение более сжатое, язык опрощен. Сюжет П. о гр. А. был знаком русскому читателю и по сборнику «Великое Зерцало», переведенному в XVII в. с польского языка. Приклад 8-й из главы 38-й этого сборника (см., например, в рукописи ГБЛ, ф. 98, № 1643, л. 130 об.—131) представляет собой, по мнению О. А. Державиной, краткий вариант П. о гр. А., а другой рассказ этой же главы — еще одну обработку этого сюжета (см. в рукописи ГБЛ, ф. 98, № 1649, л. 126, прилог 7). Все рассказы 38-й главы, названной «О детишках и отрочатех» (в польском сборнике — «Dziecie»), были заимствованы составителем польского сборника «Великое Зерцало» («Wielkie Zwierciadło Przekładów») из латинских средневековых сборников. В XVIII в. сюжет П. о гр. А. послужил материалом для лубочной повести (см.: И в и н Ив. О народно-лубочной литературе // Русское обозрение. 1893, сент.—окт. № 9—10. С. 242—260, 768—785).

Следует отметить, что раньше, чем П. о гр. А. появилась в русском переводе, она была переведена на Украине. В 1660 г. священник Григорий из Шаргорода, составляя свой известный сборник «Библия малая» (который по его замыслу должен был быть энциклопедией народного чтения), включил в него переведенную с польского Повесть о цесаре Оттоне и Олунде вместе с П. о гр. А. (Об этом переводе см.: П е р е т ц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украин-

ской литературы XVI—XVIII вв. // СОРЯС. Л., 1926. Т. 101. № 2. С. 101—139; Маслова О. М. Повісті про кесаря Оттона і про графиню Альтдорфську в українській літературі // Радянське літературознавство. 1948. № 9. С. 162—166; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960 (с публикацией текста «Истории о графине Альтдорфской» по списку ГБЛ, ф. 310, № 527)). В 1744 г. П. о гр. А. была переведена на украинский язык второй раз — С. В. Лукомским (см. работы О. М. Масловой и Б. А. Деркача).

Изд. Державина О. А. Повесть о графине Альтдорфской в русских переводах XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 376—381.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) О романах в старинной русской литературе // Современник. 1854. Т. 48. № 12. Отд. II. С. 94—95; 2) Пыпин И. Очерк. С. 241—242; Верпаські L. Przyczynki do dziejów dawnej powieści polskiej // Pamiętnik literacki. Lwów, 1903. Roczn. 2. S. 580—581; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 149—150; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 384—385; Назаревский И. Библиография. С. 43; Маляк Е. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 34—35, 38—39, 53 и др.

Л. В. Соколова

Повесть о двух посольствах — произведение литературно-публицистическое — возникла на рубеже XVI и XVII вв. Темой ее послужили подлинные посольства времени *Ивана IV* — в 1570 г. посольство Андрея Ищеина-Кузьминского к турецкому султану в Константинополь, в 1576 г. князя Захарии Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева к Максимилиану II Габсбургу в Регенсбург, в 1577—1578 гг. Ждана Квашнина к цесарю Рудольфу в Вену. На этой исторической основе были созданы вымышленные (как их принято было называть, «подложные») стайейные списки. На самом деле эти тексты не были подложными документами, а представляли собой новую форму публицистического произведения, использующего формулы, язык и стиль делового документа в литературных целях.

Стержнем П. о д. п., состоящей из трех в известной мере самостоятельных частей, служит тема титулов. Русский посол Андрей Ищеин послан к султану с жалобой на его «посаженника» — вассала, крымского хана, который, нарушив крестное целование, пришел на Русь войной и сжег Москву (имелся в виду набег на Москву Девлет-Гирея в мае 1571 г.). Турецкий султан угрожает царю тем, что велит «Русь пленить» и «Москву засесть», а русского царя взять в плен. В ответ на оскорбительные речи Андрей Ищеин кидается на султана «з будеем» — кинжалом. Султанские пашы, схватив посла, приговаривают его к казни — «скинуть с полаты», однако султан «не велел его вредить ничем» и поставил его смелый поступок в пример своим приближенным: «. . . тако за своего государя изволил умерети, и вы мне тако ж служите и за меня умирайте». Посольство закончилось мирно, но султан упрекнул русского царя за неверное титулование: он одинаково титулует и турецкого султана и зависимого от него крымского хана и «тем себя безчестит». Посольство к цесарю Максимилиану послано затем, чтобы узнать, «коим обычаем» пишет свои титулы турецкий султан к европейским государям. Если рассказ о посольстве Ищеина построен на речах посла и султана, то рассказ о посольстве Сугорского к цесарю Максимилиану — это описание города «Ведны», императорского дворца с его островерхими крышами, крытыми полосами блестящего металла, с мраморным крыльцом и расписными стенами, цесарского двора с его придворным этикетом, самого цесаря, представленного в П. 109-летним старцем и пророком. Цесарь принимает русского посла с великою честью, передает ему слова мудрых философов об Иване Грозном, «что он подобен храбростью и ратью Александру царю Макидонскому», «возрастом и досужеством» — царю Константину. Однако Максимилиан предсказывает, что в Русской земле будет

«смятение великое» из-за несогласия властей, которое продлится лет десять. Наряду с фантастическими деталями в этом рассказе есть и реальная историческая основа — довольно точно изложены в вопросах цесаря и ответах посла все события Ливонской войны, с ее успехами и последующим поражением. К пророчеству Максимилиана примыкает и его рассказ о «подручнике» Михаиле, вырезанном из чрева мертвой матери, очень близкий к некоторым апокрифическим текстам. Максимилиан предсказывает, что спасенный в разрушенном землетрясением городе Мелхиле и воспитанный им Михаил станет царем в «великой области». Если трудно представить себе, кто имелся в виду под этим именем в момент создания П., то несомненно, что впоследствии читатели видели в нем намек на *Михаила Романова*, избранного на царство в 1613 г.

Как и в рассказе о посольстве Ищейна, в рассказе о посольстве Сугорского турецкая тема занимает немалое место. Ей посвящена Кипрская история — рассказ цесаря Максимилиана о том, как обманул турецкого султана «посаженик» цесаря кипрский царь, обещавший отдать турецкому султану остров Кипр в обмен на «языйские», «антиохийские», «вавилонские», «индейские» страны. Получив же от султана грамоту с 16 золотыми печатями и великие дары, послал ему каргу острова Кипр, разбил посланные на Кипр войною турецкие войска. Эту грамоту с титулами султана вместе с царскими регалиями — скипетром, диадемой и порфирой — посылает цесарь русскому царю. Турецкая тема рассказа о посольстве Сугорского опирается на подлинные исторические события, ибо именно с посольством Сугорского и Арцыбашева связывали Габсбурги надежду на заключение широкого общеевропейского союза против турок.

Третья часть П. — обмен дипломатическими грамотами между русским царем и турецким султаном. Царь посылает верительную грамоту, в ответной грамоте султана ставится вопрос о происхождении и родословии русского царя и о враждебных отношениях между ним и султаном.

П. о д. п. целиком посвящена темам дипломатических отношений, вопросам внешней политики русского государства. В основе ее лежат подлинные дипломатические документы — статейные списки, верительные грамоты, тексты грамот, присланные в XVI в. крымскими ханами. Использование формы документов в литературно-публицистических целях продолжает традиции публицистики XVI в. Но если челобитные *Ивана Пересветова* и послания царя Ивана Грозного были одновременно и документами и публицистическими произведениями, рассчитанными на широкий круг читателей, то в XVII в. документальная форма полностью теряет свое деловое назначение, становясь литературным приемом, придающим вымышленному содержанию авторитет достоверности.

П. о д. п. относится к жанру посольских повестей, предшественниками которых в древнерусской литературе можно считать «*Слово о Вавилоне*» и «*Сказание об Индийском царстве*». Политические идеи П. черпнуты в государственной теории «*Сказания о князьях Владимирских*» и в политической доктрине «Москва — третий Рим», сформулированной в сочинениях старца *Филофея*. П. о д. п. непосредственно восходит к политическим идеям челобитных Ивана Пересветова, текст которых, по всей видимости, был знаком ее автору, так как в П. присутствуют очевидные пересветовские реминисценции — Максимилиан передает мнение мудрых философов о царе в тех же выражениях, в каких это делает Петр Волошский, воевода у Пересветова.

Из современных П. произведений очень близко к ней по теме и по жанровым признакам «*Сказание о Кипрском острове*», в котором применяются те же, что и в П., повествовательные клише, вплоть до текстуальных совпадений в ряде мест — в сцене морской бури, в описании порта, в изложении военных и дипломатических столкновений с турецким султаном.

Другим источником, оказавшим литературное влияние на композицию П., является фольклор. Так, центральный эпизод смелого посольства Андрея Ищеина, совпадающий с аналогичным эпизодом посольства Захария Тютчева к Мамаю в распространенной редакции *«Сказания о Мамаевом побоище»*, восходит к устному преданию «Про Мамаю безбожного», в котором так же смело ведет себя перед Мамаем посол Дмитрия Донского — Захария Тютрин. Подобные мотивы встречаются также в русских былинах и исторических песнях.

Антитурецкая публицистика Западной Европы, распространявшаяся в печатных брошюрах, отразилась в записках иностранцев, живших в России в XVI—XVII вв. У Генриха Штадена, Исаака Массы, Конрода Буссова, Самюэля Коллинза встречаются рассказы о дерзких посланиях турецкого султана или крымского хана русскому царю и об издевательских подарках, отправленных в ответ, о смелом поведении послов при дворе Ивана Грозного. Возможно, что подобные рассказы бытовали в посольской среде в качестве устных легенд, составляли своеобразный «посольский фольклор», который и был использован в П. о д. п.

П. о д. п., несомненно, возникла в среде Посольского приказа, ставшего в XVII в. своеобразным литературным центром. Автором ее был кто-то из служащих этого учреждения. В П. видны его профессиональные знания политической обстановки в Европе и международной политики Русского государства в XVI—начале XVII в. Он использовал привычные для него форму и стиль деловых документов. В документально-публицистической форме автор выразил и свое отношение к внутриполитическим преобразованиям, происходившим в этот период. По-видимому, он полностью разделяет политические взгляды Ивана Пересветова, который ратовал за сильную централизованную царскую власть, выражавшую интересы служилого дворянства. Героем П. выступает незнатный человек Андрей Ищеин, готовый пожертвовать жизнью за честь своего государя. Продворянская политика Ивана IV охарактеризована в П. очень лаконично, всего одной, но содержательной фразой: государь «на бояр своих кручинился», «и учал государь с тое поры прибирать своих дворян думных, всякия думы наперед с теми думаеть, то ж и з бояры сидит». И хотя институт думных дворян, сложившийся в период опричнины, вовсе не был мероприятием, проведенным в интересах всего дворянства, а только сменил у власти аристократическую боярскую верхушку не менее привилегированной группой преданных царю выходцев из неродовитого дворянства, тем не менее автор П. расценивал это как антибоярскую политику царя. Отсюда и его отношение к Ивану Грозному как к великому и независимому самодержцу и сравнение его с идеальными монархами средневековой публицистики — Александром Македонским и Константином Великим.

П. о д. п. распространялась в списках на протяжении XVII и XVIII вв. Ее рукописная традиция насчитывает четыре редакции. Первая редакция, краткая, известна в списках начала XVII—XVIII в. и представляет собой текст наиболее ранний. Списки этой редакции на протяжении XVII в. претерпевают некоторые изменения, не влияющие, однако, на смысловое и стилистическое содержание редакции. Вторая редакция, распространенная, возникла вскоре после появления краткой редакции П. о д. п. Ее ранние списки также датируются началом XVII в. Распространенной эта редакция названа потому, что ее текст несколько увеличен за счет стилистического распространения фраз. Однако эти распространения имеют четкое смысловое направление. Изменения второй редакции оттеняют пышность дипломатического титулования, вводят фантастический титул цесаря, подчеркивают родство цесаря и русского царя, вносят новые детали в описание придворного этикета, касаются сведений административного, сословно-иерархического порядка при дворе цесаря, уточняют военные, политические, дипломатические справки в сообщениях

послов. Эти изменения весьма существенны для памятника, имитирующего форму дипломатического документа, и по направленности дают основания определить вторую редакцию по содержанию как этикетно-дипломатическую. Текст списков распространенной редакции, датирующихся началом XVII—XVIII в., делится на пять текстологических групп, каждая из которых отличается своими экспрессивно-повествовательными особенностями, характеризующимися в основном отходом от лаконичного документального стиля и приобретением повествовательных черт, свойственных повестям XVII в.

Во второй половине—конце XVII в. возникают третья и четвертая редакции П. о д. п.: третья — на основе текста распространенной редакции, четвертая — на основе текста третьей редакции. В младших редакциях тема посольств теряет свое значение, уступая место теме пророчества. В центре повествования оказывается пророчество цесаря Максимилиана: «Тако же и у вас во царстве смятение будет, а после царя вашего рука будет высока и обладает всем и скончается в век» (т. е. будет существовать до конца света). В третьей редакции сказано, что смута в русской земле начнется воцарением самозванного царя «от мала рода и копящего боярства», а закончится тем, что из рук бога власть получит законный наследник, родич Ивана Грозного, «останок царского роду вашего царя, в детстве убо ни во что же вменен». Читатели без труда узнавали в первом *Бориса Годунова*, во втором — *Михаила Романова*. Третья редакция — сочинение антигодуновское, несущее на себе печать идеологии новой династии Романовых, стремившихся доказать законность наследования ими русского престола.

В четвертой редакции смена властей в Смутное время изложена более подробно. Начиная с «брата» Максимилиана царя Ивана, автор дает характеристику последующим царям, не называя их по имени: Федор — «кроток зело и без свирепства», Борис Годунов — «копящий боярин», «злокозньством той восхитит царский престол», Григорий Отрепьев — «от последних некто вскочит, яко пес, на царский престол» и «вскоре зле живот свой извержет», Шуйский — честный и знатный, но несчастливый на престоле из-за междоусобных браней и мятежей, Михаил Романов — «той преполовит дни своя во благоденствии и кротости и многими окрестными странами почитаем будет кроме меча», сын его *Алексей* «яко буй вол будет на царстве, напрасно многия страны и орды под свою руку мечем подклонит». Эта отрицательная характеристика царя Алексея свойственна для старообрядческой четвертой редакции. Сборники, ее содержащие, по своему репертуару и происхождению связаны со старообрядческой средой, в которой царь Алексей наряду с патриархом Никоном считался предшественником Антихриста.

Интерес русского читателя к жанру пророчеств, к которому относятся младшие редакции П. о д. п., связан с изменениями в жизни общества и ломкой привычного уклада и быта на рубеже XVII и XVIII вв. — в преддверии петровских преобразований.

Особой обработке подвергся текст П. о д. п. при включении ее в летописные компиляции XVII в. В сложную летописную компиляцию первой половины XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 184) попал текст распространенной редакции; в летописную компиляцию, основанную на выборках из *Никоновской летописи* (ГПБ, собр. Погодина, № 1408), — текст краткой редакции; в летописно-хронографическую компиляцию второй половины XVII в. (ГПБ, Ф. XVII. 17, рукопись, принадлежавшая Арсению Суханову) — третья редакция. В каждом из этих случаев текст П. (иногда в расчлененном виде, помещенный под соответствующими годами) композиционно и стилистически приспособлялся к структуре и повествовательным особенностям летописного изложения.

Текст П., а именно центральный эпизод рассказа о посольстве Ищина — его покушение на султана, — послужил источником для другого

сочинения (о вымышленном посольстве Шарапа Веригина), дошедшего до нас всего в нескольких списках второй половины XVII в.

П. о д. п. пользовалась известной популярностью у читателей и переписчиков XVII в. на что указывают и несколько десятков списков, и ее богатая литературная история. Возникшая на грани деловой письменности и литературы, она ознаменовала появление нового жанра посольских повестей, сыгравшего определенную роль в развитии русской литературы XVII в.

Изд. Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254.

Лит.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М.; Л., 1958. С. 236, 251, 440—441, 476; Лихачев Д. С. 1) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 50—51; 2) Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 54, 70—71, 130—133, 162—163; Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // ВЯ. 1969. № 6. С. 24; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 3—4, 25—26, 54; Каган М. Д. Посольские повести: (Из истории литературной деятельности Посольского приказа в начале XVII века): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1978.

М. Д. Каган

Повесть о Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле (именуется в разных списках также: «Сказание о трех царей: Оркадии, о царе Несмеяне Гордом и о царе Борзосмысле Дмитриевиче», «Сказание-повесть о царе Борзосмысле Дмитриевиче и о мудрых его загатках», «Слово о богатом купце и о сыне премудром и о рабе его», «Сказание рускаго купца Дмитрия, како божим повелением уби нечестиваго царя. . .», «Повесть о киевском купце Дмитрия и о семилетнем его сыне Василии», «Повесть о некоем купце богобоязливом и о детище его» и др.) — повесть, созданная русским книжником на основе популярного «мирового сюжета» о жестоком правителе, загадывающем трудные загадки, и о подставном лице, мудром «простаке», отгадывающем их вместо того, кому они были заданы (анекдот об императоре и аббате; по международной классификации А. Аарне — сюжет № 922). В П. о Д. Б. роль жестокого правителя играет царь Несмеян Гордый, а мудрого «простака» — сын купца Басарги семилетний Борзосмысл.

П. о Д. Б. дошла до нас в нескольких десятках списках XVII—XIX вв. (наиболее ранний список начала XVII в., находившийся в Соловецком монастыре, был известен исследователям до 1915 г., но местонахождение его в настоящее время неизвестно), в связи с чем ее иногда относят к XVII в. Однако такая датировка не представляется обязательной. Целый ряд литературных памятников весьма древнего происхождения (например, переводной роман о Дигенисе Акрите — *«Девгениево деяние»*) дошел также в списках не ранее XVII в.; в рукописной традиции большинства произведений светской беллетристики наблюдается характерный перерыв в XVI в. Дошедшие до нас списки П. о Д. Б. распадаются на несколько редакций, причем древнейшей из них может считаться «антиохийская редакция», в которой купец Басарга с сыном попадает в Антиохию, где царствует царь «латинянин» Несмеян. Антиохия в Малой Азии была захвачена католическими крестоносцами в конце XI в., борьба за Антиохию между «латинянами» и православными (Византией) происходила в XII—XIII вв. С конца XV в. на Ближнем Востоке началось наступление турок; в начале XVI в. они завоевали Антиохию. Ситуация, описанная в П. о Д. Б., с этого времени совершенно не потеряла свою актуальность; очевидно, П. была создана до конца XV—начала XVI в. С этим же периодом связывают П. о Д. Б. и ее «антилатинский пафос», близость ее к «писаниям, еже на латыню» и к легендарно-политическим повестям

времени складывания Русского государства («Сказание о князьях Владимирских», «Повесть о Вавилоне» и т. д.).

Важной особенностью П. о Д. Б. является явная и заведомая вымышленность героев П.: купец Дмитрий Басарга (от турецко-болгарского «базарган» — купец), его сын Борзосмысл, царь Несмеян Гордый — все они явно не исторические, а скорее сказочные персонажи. Такие персонажи не были совершенно неизвестны русской литературе XV в. (три отрока в «Повести о Вавилоне», безымянный старец из «Повести о старце, просившем руки царской дочери», сказочные звери в переводных повестях, например в «*Стефаните и Ихнилате*»), но представляли собой довольно редкое явление в письменности того времени. Традиционным нормам литературного этикета противоречило и поведение персонажей. Борзосмысл был не по-детски мудр, но, в отличие от житийных героев, он вовсе не обнаруживал отвращения к «играм детским» и «пустошным забавам»: когда его отец пришел на корабль с печальной вестью о приказе царя Несмеяна решить три загадки или обратиться в «латинство» под угрозой смертной казни, сын его скакал на палубе верхом «на древце» (палочке), «яко на кони».

Связь П. о Д. Б. с беллетристическими памятниками, появившимися на Руси в XV в., обнаруживается в центральной сцене П. — когда юный Борзосмысл вместе с отцом и рабом являются к Несмеяну, для того чтобы разгадать загадки: царь приказывает поднести каждому из пришельцев по чаше с медом; Борзосмысл и его спутники не отдают их назад, а прячут «в недра своя». Этот мотив заимствован из *сербской «Александрии»*, где таким же образом поступал царь Александр, явившийся к персидскому царю под видом посла; но в «Александрии» этот эпизод имел сюжетное значение, потому что спрятанные чаши служили потом Александру своеобразным пропуском, когда он убежал из дворца. В П. о Д. Б. нет истории с бегством, и весь этот мотив представляется неоправданным и явно заимствованным.

С сюжетными памятниками Древней Руси связывает П. о Д. Б. и тема разгадывания загадок, фигурирующая во многих произведениях древнерусской повествовательной литературы («*Повесть об Акире Премудром*», «Соломон и Китоврас», «Повесть о Петре и Февронии»). Загадки решает Борзосмысл за своего отца Басаргу. Первая из них: «Как далеко от востока до запада?» (отгадка — день пути солнца); вторая: «Чего в мире десятая часть убывает за день и прибывает за ночь?» (отгадка — десятая часть воды в морях, реках и озерах). Для решения третьей загадки («чтобы поганые не смеялись. . . православным христианом») мальчик просит дать ему царские одежды и меч и собрать весь народ Антиохии. Борзосмысл спрашивает народ, в какую веру они хотят верить, народ высказывается за православие, Борзосмысл отрубает голову Несмеяну и сам становится царем.

Окончание П. различается в разных ее версиях. В списке ГБЛ, ф. 236, № 71, отражающем, по-видимому, первоначальный текст антиохийской редакции, П. о Д. Б. кончается воцарением Борзосмысла и освобождением из заточения антиохийского патриарха. В других списках той же редакции появился дополнительный мотив, заимствованный из поздней версии цикла сказаний о Вавилоне, — о «роге с маслом», всплывшем над головой Борзосмысла, когда патриарх ввел его в церковь. Появляется здесь и новая концовка — о том, что после воцарения Борзосмысла его отец Басарга «под ним бысть вторым царем»; концовка эта, возможно, отражает взаимоотношения между *Михаилом Федоровичем*, избранным на царство в 1613 г., и его отцом *Филаретом*. Текст антиохийской редакции с интерполяциями лег в основу «киевской редакции» (где Басарга именуется русским купцом из Киева, приезжающим в некий «град»), породившей, в свою очередь, более поздние редакции — «басур-

манскую» (где злой царь оказывается не «латинянином», а «басурманом») и «венецианскую» (где Басарга приплывает не в Антиохию, а в Венецию).

Изд.: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исслед. и подгот. текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969; ср.: Сиповский. Т. 1. С. 296—297; Повесть о Басарге и сыне его Борзосмысле // ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 566—577, 686—688.

Лит.: Карамзин. ИГР. Т. 7. С. 223; Пыпин. Очерк. С. 95—99; Веселовский. 1) Памятники. Т. 1. С. 426—427; 2) Несколько данных к Повести о Басарге // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 63—73; Перетц В. Н. Отзыв о сочинении на тему «Повесть о кучке Басарге» // УИ. 1914. № 9. С. 33—36; Anderson W. Kaiser und Abt. Helsinki, 1923 (русский текст первой части этой книги см.: Андерсон В. И. Император и аббат: История одного народного анекдота. Казань, 1916. Т. 1); Лурье Я. С. 4) Оригинальная беллетристика XV в. // Истоки беллетристики. С. 363—365, 372—375, 377, 383—386; 2) Рец.: Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле // ИОЛЯ. 1970. Т. 29. С. 348—352; Шайкин А. А. «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 214—222.

Я. С. Лурье

Повесть о Евстратии — древнерусская повесть конца XV—начала XVI в. «Слово от история о некоем мужи, бывшем воеводе в велицем Риме» («От история от Златоустовы кринице о воеводе в Риме», «От история о мужи, бывшем воеводе в Риме, от Златоустовы криници») — создана, как установлено Н. П. Дубовик, в Волоколамском монастыре, в кругах, близких к *Иосифу Волоцкому*, и может быть гипотетически атрибутирована ему самому: она включалась в сборники его сочинений, в ней использованы те же источники, что и в написанном им «Просветителе», для П. о Е. характерны те же литературные приемы, что и в сочинениях, бесспорно принадлежащих Иосифу.

П. о Е. композиционно состоит из двух частей. Первая — меньшая — ее часть повествует о Евстратии, в прошлом полководце, но затем оклеветанном и превратившемся в нищего слепца. Царь, узнав о судьбе Евстратия, хочет облагодетельствовать его, но тот отказывается. Большая часть текста П. о Е. — это пространный ответ Евстратия царю, по словам П. Н. Сакулина, «обстоятельный трактат по аскетической философии», призыв к покаянию и терпению. П. о Е. известна в 18 списках (перечень их см.: Дубовик К. Изучению. . . С. 339—340). Исследовательница опровергла традиционное представление о том, что под именем Евстратий выступает византийский полководец Велизарий; поводом для такого отождествления послужила глосса, обнаруженная А. Х. Востоковым в одном из поздних списков П. о Е.

Изд.: Сакулин П. Н. Русская повесть о воеводе Евстратии: (К литературной истории саги о Велизарии) // Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженки. М., 1902. С. 481—487.

Лит.: Востоков. Описание. С. 557; Рудряцев И. М. Сборник последней четверти XV—нач. XVI в. из Музейного собрания: Материалы к исследованию // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 276; Дмитриева Р. П. 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 165; 2) Волоколамские четки сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 219; Лурье Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки беллетристики. С. 398, 403, 404; Дубовик Н. П. 1) К изучению Повести о воеводе Евстратии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 335—344; 2) К проблеме атрибуции Повести о Евстратии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 198—206.

О. В. Творогов

Повесть о зачале Москвы — древнерусская повесть, созданная неизвестным автором во второй четверти XVII в. (М. Н. Тихомиров и Л. Н. Пушкин датируют П. второй половиной XVI в.). В П. о з. М. публицистическая идея — о праве Москвы являться столицей великой

державы, поскольку она, как и другие столицы, основана «на крови», — облечена в форму рассказа о судьбе князя Андрея Боголюбского, убитого заговорщиками, в числе которых, по сюжету П., оказалась и княгиня Улита. Далее в П. говорится о расправе с заговорщиками брата Андрея — Михаила и кратко, в форме погодных записей, излагаются основные этапы истории Москвы и великих князей Московских.

Источниками П. о з. М. явились, видимо, поздние летописные своды (типа летописцев ГПБ, F.IV.343 и ГИМ, собр. Уварова, № 670), *Хронограф* редакции 1512 г., откуда в П. включены два фрагмента (из рассказа об основании Кашиолия в Риме и из главы, повествующей о византийском императоре Никифоре Фоке), а также устные легенды о боярине Кучке, первом владельце Москвы.

П. известна в 30 списках второй половины XVII—XVIII в., которые относятся к трем видам. Старшим из известных ныне списков является рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 964, датируемая 1674 г.

Изд.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 11—14, 209—214; Пушкирев Л. Н. Повесть о зачале Москвы // Материалы по истории СССР. 2. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 211—246; Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 5—81, 173—198.

Лит.: Татищев В. Н. История российская с древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. Примеч. 418; Карамзин И. Г. Т. 2. Примеч. 301; Буславев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихоновова. Т. 4. С. 9; Беляев И. Сказания о начале Москвы // РВ. 1868. Т. 74, март. С. 5—26; Забелин И. 1) История и древности Москвы // И. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 125—130; 2) История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 36—40; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 59—76; Тихомиров М. Н. Сказания о начале Москвы // ИЗ. М., 1950. Т. 32. С. 233—236; Салмина М. А. 1) Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 378—888; 2) «Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы» // Там же. С. 362—363; 3) Источники «Повести о зачале Москвы» // Там же. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 245—256; Дуйчев И. Одна читата из Манасиевой Хроники в среднеболгарском переводе // Там же. С. 647—649; Зайцев В. Повести о начале Москвы // ВЛ. 1965. № 3. С. 232—234; Топоров В. Н. О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 223—227.

М. А. Салмина

Повесть о златом руне волшебного овна — этим названием условно обозначают текст, входящий в состав *Русского хронографа* редакции 1617 г. и восходящих к нему редакций (см. ниже). Повесть создана древнерусским книжником, — видимо, составителем Основной редакции *Хронографа* 1617 г., — на основе главы «О златом руне и о войне Троянской с греки» из русского перевода 3-го изд. «*Хроники Мартина Бельского*» (*Kronika, to jest historia swiata*. Krakow, 1564).

В повести рассказывается о судьбе Фрикса и Геллы (золотое руно было снято с того чудесного барана, на котором Фрикс достиг Колхиды), о похищении руна Язоном, разрушении Илиона Геркулесом, Теламоном, Кастором и Поллуксом, основании Трои Приамом, похищении Елены Парисом и о Троянской войне. Таким образом, за исключением истории руна, сюжет повести был знаком древнерусским книжникам по переводу романа *Гвидо де Колумна* (см.: Троянская история).

Составитель П. о з. р. пересказал текст Бельского с некоторыми сокращениями, но одновременно дополнил повествование сюжетом о Леде и Юпитере, который у Бельского излагается в другом месте (в русском переводе эта глава именуется «О родстве и о житии поганских богов»). Идентичный текст повести читается в гл. 24-й («О златом руне волшебного овна») Основной редакции *Хронографа* 1617 г. и одноименных ей 32-й главе Распространенной редакции и 24-й главе первого и третьего видов *Хронографа* редакции 1620 г. В списках второго вида этой редакции

в текст повести сделаны две вставки из древнерусского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна (Троянские сказания. С. 185—186). Повесть встречается также в сборниках. В конце XIX в. она была использована как один из источников компилятивной повести о Троянской войне, созданной в старообрядческой среде и отразившейся в сборниках № 66 и 267 Усть-Цилемского собрания в Древлехранилище им. В. И. Малышева в ИРЛИ.

Изд. Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Л., 1972 (сер. «Литературные памятники»). С. 139—147. 159, 160, 184—186.

Лит.: Пыпин О. Очерк. С. 60; Попов. Обзор. Вып. 2. С. 100, 101, 186; Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 228—241.

| О. В. Творогов

Повесть о избавлении града Устюга Великого от безбожных литвы и от черкас как в Двины шли (нач.: «Благословен господь бог израилев. . . яко посети и наказа и сотвори избавление людем своим града Великого Устюга. . .») обнаружена М. В. Кукушкиной в сборнике 30—40-х гг. XVII в. (БАН, Архангельское собр., К, № 51). Автор П., по предположению М. В. Кукушкиной, был выходцем из духовной среды, образованным и хорошо знающим книжную литературу и русскую историю. В числе использованных им литературных источников — *Хронограф* и *Житие Феодора Ивановича*.

П. является единственным источником, повествующим о приходе в 1613 г. польско-литовских войск под стены Устюга, и отдельные приводимые в ней факты могут быть признаны достоверными: в П. много точных топонимических указаний, названные в ней лица известны по другим документальным источникам, и хотя П. сюжетно и тематически находится в ряду других повестей Смутного времени, повествующих о видениях («Повесть о видении некоему мужу духовну», «Повесть о видении мниху Варлааму», «Повесть о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире»), рассказ в ней о видении является лишь эпилогом к рассказу о реальных событиях.

П. была использована при составлении рассказа о 28-м чуде Прокопия Устюжского, входящего в его житие.

Изд. Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 374—387.

Лит.: Власов А. Н. 1) Идеино-стилистическое своеобразие устюжских и сольвычегодских житий XVII века // Стиль и время. Развитие реалистического повествования. Сыктывкар, 1985 (на обложке 1986). С. 18—30; 2) Проблемы развития книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска в XVI—XVII вв.: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1985.

М. А. Салмина

Повесть о Карпе Сутулове («Повесть о некотором госте богатыи и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене ево, како не оскверни ложа мужа своево») — древнерусская новелла, сочиненная на Руси скорее всего в то время, когда этот жанр был уже известен и популярен в среде русских читателей после переводов сборников «*Великое зеркало*» и «*Римские деяния*», а также после знакомства с переводными фацециями и жартами. История купеческой жены Татьяны Сутуловой, наказавшей домогавшихся ее любви купца, попа и архиепископа, могла служить назидательным прилогом-притчей. Однако П. выходит по своему значению за рамки дидактического произведения, примыкая к антиклерикальной сатире XVII в., зародившейся в демократической среде. То, что отрица-

тельными персонажами П. выступают духовные лица, указывает на ее оппозицию официальной идеологии и укладу, на выражение протеста, крайней формой которого в литературе явились пародии на церковную службу.

П. о К. С. появилась на рубеже XVII и XVIII вв. и отличается новыми чертами, характерными для литературы переходного периода. Необычным следует признать то, что главной героиней сделана простая женщина, купеческая жена. Это не монахиня в миру типа Юлиании Лазаревской, а самая обычная светская женщина, красавица, живущая весело, открытым домом, устраивающая «частые пиры на добрых жен, на своих сестер». Ее деятельность направлена на приумножение богатства, ее хитрость и лукавство сродни героиням переводных польских фацеций, она в какой-то мере напоминает даже Фрола Скобеева умением создавать выгодные для себя ситуации и оборачивать житейские затруднения в свою пользу. Все герои П., и поименованные (купец Карп Сутулов, его жена Татьяна, его друг, богатый купец Афанасий Бердов), и безымянные (священник, архиепископ, воевода), — лица целиком вымышленные, но по своей социальной функции они хорошо знакомы русскому читателю. Возможно, присутствие в П. воеводы с его неограниченной властью, распространяющейся даже на лиц духовного звания, указывает на хронологическую грань — 1708 г., когда городовые воеводы были заменены комендантами. Обобщенный характер персонажей сочетается с неопределенным местом действия — «во граде некоем», откуда Карп Сутулов едет по торговым делам в Литву. Русский быт П. абстрагирован от каких-либо исторических реалий и временных особенностей. Все это делает П. законченным беллетристическим произведением.

Сатирическую П. о К. С. можно отнести к явлениям смеховой культуры Древней Руси (см.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понорко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984). В ней присутствует смех открытый и скрытый. Откровенно комедийная ситуация, подстроенная Татьяной, предавшей на всенародное осмеяние своих незадачливых любовников, — сидящими в сундуках в неприличной их сану и положению одежде: «гостя. . . во единой срачице», «попа во единой же срачице и бес пояса», «архиепископа в женской срачице и бес пояса»; «воевода же, видя их таковых безчинных. . . посмеяся. . .». Комедийность усугубляется как эффектом неожиданного появления этих троих, так и уставной недопустимостью такого маскарада, особенно для духовенства (ср. с приписками в рукописном сборнике XV в.: «Аще кто ляжет бес пояса, сей закона не имат»; «Аще ли кто бес срачицы ляжет наг, сей веры не имат»).

Скрытый смех, возможно, предполагался в именах действующих лиц. Хотя отмечалось, что фамилии, встречающиеся в П., зафиксированы в документах, они в данном контексте могут иметь и другое значение. Трудно сказать, имелись ли в конце XVII в. в литературе значимые имена, но прозвище Бердов могло означать человека, отступающего от своего слова (бёрдо — деталь ткацкого стана; бердить — подавшись вперед, пятиться, откачиваться назад, как бердо, пятиться от слова или дела. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 81—82). Слово «стыулитися» — скрыться, встречающееся в псковской судной грамоте (Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 851) в соотнесении с прозвищем Сутулов, возможно, характеризует роль данного персонажа в П. о К. С. Имена Карп и Афанасий скорее всего нейтральны и не поддаются толкованию, в то время как имя героини — Татьяна (учредительница) может быть выбрано автором и намеренно.

Другой план смеховой организации П. — в ее «перевернутости». Вместо того чтобы быть объектом нравственного поучения, женщина-мирянка сама читает проповеди своим духовным отцам на тему о необ-

ходимости соблюдения заповедей. Татьяна поучает архиепископа и попа изречениями, близкими к текстам Священного писания: «Требуешши одежи на ся одежду ветхую самую; не добро пребыти со мною, в ней же пребываеши при многоцветущем народе и бога славиши» (ср.: Псалтырь, 68, 12; Книга пророка Иезекииля, 42, 14); или: «Бог. . . вся видит деяния наша; аще от человек утаим странствие наше, но он вся весть обличения не требует» (ср.: Бытие, 31, 50; Книга Иова, 34, 12; Притчи Соломона, 5, 21) и др. Для увещания купца избирается пример из *Пчелы* о злой жене.

П., опирающаяся на книжные источники, сама является произведением вполне книжным. Автор применяет обороты дательного самостоятельного, форму простых прошедших, охотно пользуется церковнославянизмами. Прямая речь, которой обильно насыщено произведение, в большинстве случаев не просторечна; она скорее напоминает язык деловой письменности («Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем») или риторически организованную орагорскую прозу («Госпоже моя, Татиана, буди бог между нами. Егда начнеши творити без меня частые пиры на добрых жен на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купити брашна на добрых жен, на своих сестер»). Изредка встречающиеся просторечные выражения придают повествованию бытовой колорит («ажно ко вратом гость», «ты бы де положила на соблюдение человеку доброму до меня», «ляг со мною на ночь» и пр.).

Будучи произведением книжным, П. по своей композиции напоминает сказку. Автор прибегает к приемам, типичным для стиля устного произведения: трижды пересказываются условия договора Карпа Сутулова с Афанасием Бердовым, трижды излагает Татьяна ситуацию, в которой оказалась по вине Афанасия Бердова, согласившегося дать ей обещанные деньги только в обмен на ее любовь. Трижды пугает она гостей одного за другим под предлогом, что вернулся ее муж, и прячет их в три сундука. Отсюда замедленность рассказа, характерная для фольклорных произведений. Типичен для сказки и счастливый конец: добродетель Татьяны награждена сказочно большой суммой, выплаченной в виде штрафа ей и воеводе посрамленными ловеласами, и похвалой вернувшегося мужа.

П. о К. С., наряду с *повестями о Савве Грудцыне* и *Фроле Скобееве*, представляет собой русскую новеллу; однако, как уже отмечено А. Н. Пыпиным и подробнее исследовано Ю. М. Соколовым, сюжет П. не оригинален. Он широко распространен в мировой литературе. Среди различных его вариантов русская версия наиболее близка к бытующим в восточных литературах (древнеиндийской, древнеарабской, персидской, турецкой, афганской и др.) сказкам и их книжным вариантам (см.: О л ь б е н ь б у р г С. Ф. Фаблю восточного происхождения // ЖМНП. 1907, май. С. 46—82). Путь проникновения этого сюжета на Русь пока неизвестен. Ф. Е. Корш высказал мысль о возможной передаче его непосредственно с востока через азиатские народы, например через киргизов (см.: Древности. Слав. Т. 4. Протоколы. С. 39—41 (Прения по докладу Ю. М. Соколова)). Поскольку сюжет существовал и в западноевропейской литературе, не исключен его путь и с Запада, хотя версии, близкой к П. о К. С., там не обнаружено.

Ряд исследователей (Н. К. Гудзий, М. О. Скрипиль) высказывали мысль о первоначально устном бытовании этого сюжета на Руси. Однако сравнение П. с многочисленными русскими, белорусскими, украинскими сказками (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 354. № 1730) не обнаруживает ни одной, содержащей все мотивы П. Наиболее близка к древнерусскому сюжету только сказка А. К. Барышниковой «Умная жена», записанная в 1939 г.

В. А. Тонковым в Воронежской области, но и в ней совершенно другая концовка и отсутствует ряд важных деталей (см.: Песни и сказки Воронежской области. Воронеж, 1940. № 5. С. 180—182. Примеч. на С. 229—230). Эти различия заставляют предположить независимость книжной версии от фольклорной. Ю. М. Соколов допускал и обратное влияние книжной П. на русские сказки, но при условии, что в народной передаче сюжет был осложнен соприкосновением с другим циклом сказок.

Высказывая соображения об авторе П., Н. К. Пиксанов решительно отрицал возможность ее появления в церковной среде и несколько прямолинейно предлагал видеть в авторе «молодого кушца, ведущего торговлю с англичанами или немцами», «может быть побывавшего за границей». В. П. Адрианова-Перетц атрибутирует сатирические произведения XVII в. более широкому кругу демократических авторов: мелким приказным служащим, плебейской части духовенства, представителям крестьянства, примыкавшим к оппозиционной части посада. Она отмечает их незаурядное художественное мастерство. Действительно, целый ряд особенностей П. о К. С. — умелое приспособление иноземного сюжета к русской действительности, трансформация цитат из Священного писания и других книжных источников, владение искусством диалога (правда, еще не дифференцированного по характеру персонажей), знакомство со стилистыми приемами русской сказки, книжно-литературный язык в сочетании с разговорными оборотами — все это говорит об авторе как о профессиональном писателе. При этом совершенно не обязательно, чтобы он был лицом светским: возмущение падением нравов в среде духовенства, обличение пороков купечества могли быть высказаны и в духовной среде, тем более что, как установил А. М. Панченко, монашество было корпоративным признаком для группы наиболее видных писателей последней трети XVII в. (см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 150—161). Возможно и другое решение вопроса об авторе: сатирическое изображение представителей официальной церкви могло появиться в старообрядческой среде. Косвенное подтверждение такой возможности в том, что одна из сказок этого сюжета была записана И. В. Карнаухова в Усть-Цильме из уст старообрядческой начетчицы (см.: Сказки и предания Северного края / Записи, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнаухова. Л., 1934. № 151; Коммент. С. 423).

П. о К. С. известна в одном, очень неисправном списке XVIII в., принадлежавшем проф. М. И. Соколову (ГИМ, собр. Соколова, № 196, л. 95—99 об.; см. также: Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958. С. 69. — В некоторых советских работах список П. о К. С. ошибочно назван утраченным). А. Н. Пыпин, ознакомившийся при жизни М. И. Соколова с текстом П., в 90-х гг. XIX в. дважды напечатал ее пересказ. Текст П., подготовленный к печати М. И. Соколовым, был издан в 1914 г. его сыном Ю. М. Соколовым, продолжившим начатое отцом исследование памятника. Издание сопровождается подробным описанием как списка, так и всего сборника; в текст П. внесено много исправлений и конъектур. Все издания П., сделанные в советское время (Н. К. Пиксанова, Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц), основаны на издании 1914 г. с переводом на современную орфографию.

Изд.: Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове: (Текст и разыскания в истории сюжета). М., 1914 (Оттиск из кн.: Древности. Слав. Т. 4, вып. 2); Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 36—37, 43, 66—67, 75—80; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзия. 5-е изд. М., 1952. С. 431—436; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. М., 1977. С. 90—94, 126, 165—166, 216—217.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр. — в особенности из первой половины XVIII в. Дополнения. . . // Сб. Общества любителей Российской словесности

на 1891 год. М., 1891. С. 556; 2) История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 552; СПб., 1899. Т. 3. С. 391, 418; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. Гл. 5. Бытовые повести. С. 228—230; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 4-е изд. М., 1950. С. 388—391; ИРЛ II. Т. 1. С. 341—343; Истоки беллетристики. С. 557—558; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970. С. 113, 136; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII века. М., 1977. С. 55—56, 82; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 404—405; ИРЛ III. Т. 1. С. 369—371, 377—379.

М. Д. Казан

Повесть о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском — принятое в научной литературе название компилятивной повести, изданной в 1869 г. А. Н. Поповым по единственному дошедшему до нас в рукописи списку — ГПБ, собр. Погодина, № 1451.

В 1904 г. П. Г. Васенко опубликовал повесть *«О рождении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина»*, написанную в начале 20-х гг. XVII в., и *«Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина»*, появившееся вскоре после смерти Скопина-Шуйского в 1610 г. Они расположены в одной рукописи рядом в виде самостоятельных произведений и, как выяснилось, являются составными частями изданной А. Н. Поповым компилятивной повести, сохранившей заглавие первой из них.

Основываясь на общности некоторых «стилистических приемов» и, в первую очередь, на «сходстве отдельных выражений» в П. «О рождении» и в «Писании», В. Ф. Ржига считал, что они написаны одним автором, хотя и в разное время, и поэтому признавал их не отдельными произведениями, а первой версией компилятивной П. о Скопине. Предпочтительнее, однако, представляется точка зрения П. Г. Васенко, который склонялся к мысли о том, что произведения написаны разными авторами, а их общие черты объяснял влиянием «Писания» на П. «О рождении». Указанные В. Ф. Ржигой сходные выражения «дружина хоробрая», «воин и воевода» являются в П. «О рождении» заимствованиями из «Писания», а такие выражения, как «да что много глаголати», «не убо вскоре возможно изглаголати или писанию предати», — широкоупотребительные формулы, применявшиеся для усиления эмоционального воздействия. Цитирование текстов ветхозаветных книг, наблюдающееся в обоих произведениях (в каждом из них тексты не совпадают), было общепринятым стилистическим приемом в древнерусской литературе. Индивидуальный признак писательской манеры одного автора В. Ф. Ржига усматривал в общем для обоих произведений стилистическом приеме — сравнении Скопина с библейскими героями. Помимо того что этот прием тоже был очень распространенным художественным средством, использование его в П. «О рождении» качественно отличается от применения в «Писании». Это различие находит объяснение в противоположной идейной направленности П. «О рождении» и «Писания» и в их жанровой природе. «Писание о преставлении» представляет собой панегирик, в котором превозносятся воинские доблести князя-воеводы, освободителя страны от поляков, поэтому Скопин сравнивается с Иисусом Навином, Гедеоном, Вараком, Самсоном, Давидом, Иудой Маккавейским, т. е. с теми библейскими героями, которые прославились своими воинскими подвигами. В П. «О рождении» Скопин сравнивается только с теми героями христианской литературной традиции, которые совершали духовные подвиги за веру, — с пророком Ильей и апостолами, ибо цель автора П. состояла в том, чтобы представить его ревностным христианином и защитником православной веры, т. е. написать житие благочестивого князя.

Литературная история П. о Скопине представляется в следующем виде. С начала 10-х гг. XVII в. и до начала 20-х гг. существовало «Писание» — сообщение только о смерти и погребении Скопина. В начале 20-х гг. создается П. «О рождении» — написанный в агиографическом стиле рас-

сказ о жизненном пути и подвигах князя. Оба произведения помещаются в рукописи рядом, но объединяются только темой, составляя последовательное повествование о жизни и смерти Скопина-Шуйского. Наконец, под пером какого-то книжника произошло слияние текстов двух произведений, что вызвало некоторые переделки их текстов, обусловленные композиционными и идейными соображениями. Текст П. «О рождении» сохранился полностью, только рассказ о Клушинской битве и захвате Новгорода Яковом Делагарди, которым она заканчивалась, перенесен в самый конец объединенного текста. Текст «Писания» претерпел значительные сокращения.

Перемещение рассказа о Клушинском поражении русских войск и захвате Новгорода шведами в конец П. о Скопине оправдано логикой общего повествования. Если бы он остался на прежнем месте, то произошло бы нарушение последовательности событий, ибо сражение состоялось после смерти Скопина. Кроме того, разгром русских войск, руководимых под Клушиным бездарным братом царя Дмитрием Шуйским, и измена шведских наемников расценивались авторами П. как последнее насильственной смерти талантливого полководца, не знавшего неудач в борьбе с интервентами.

Устранено в П. о Скопине генеалогическое вступление «Писания», где выявлялась династическая близость Шуйских, в том числе и Скопина-Шуйского, к царствовавшим до Смуты потомкам Калиты. В период укрепления новой династии такие сведения были неуместны, поскольку могли быть опасными для Романовых. Этой же причиной объясняется, вероятно, отсутствие в П. о Скопине гиперболизированных в «Писании» возвеличиваний князя Скопина, содержащихся в обращении Якова Делагарди к русскому народу, в сравнениях с библейскими героями во всенародных плачах и в видениях, предсказавшем смерть Скопина.

Несмотря на эти изменения, объединение П. «О рождении» и «Писания» произведено в значительной мере механически. Исключив некоторые места «Писания» и переместив летописный отрывок из П. «О рождении» в конец нового текста, автор П. о Скопине никак не связал тексты П. «О рождении» и «Писания» и оставил следы прежней композиционной целостности «Писания». Поэтому осталось необъяснимым, почему Михаил Скопин-Шуйский приехал в Москву после победы под Калязиным монастырем из Александровой слободы, о которой ранее ничего не сказано. Требование народа положить тело Скопина в Архангельском соборе, рядом с гробами царей, «понеже он от их же рода и колена», сопровождается указанием «яко же преди рекохом», которое в П. о Скопине не имеет адреса, поскольку в ней нет имеющейся в «Писании» генеалогической справки об общем происхождении Шуйских и царей-рюриковичей.

Объединение П. «О рождении» и «Писания», каждое из которых отличается стилистической неоднородностью, предопределило чрезвычайную стилистическую пестроту П. о Скопине. В переработанном виде П. о Скопине-Шуйском полностью вошла в *«Повесть о победах Московского государства»*, написанную в конце 20-х гг. XVII в.

Изд.: Попов. Изборник. С. 378—388; Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30.

Лит.: Платонов. С. 348—351; Р ж и г а В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 81—107.

Г. П. Енин

Повесть о королевиче кипрском Велиаме как не ведав женился на сестре своей родной — светское сочинение, возможно, перевод с польского (источник не установлен). П. дошла в одном списке в составе тематического сборника повестей начала XVIII в. Сюжет П. — разлучение

королевских сирот, брата Велиама и сестры Июлии, мнимая смерть сестры, ее спасение и воспитание в семье купца, а затем у королевской четы; сватовство к ней родного брата, затем узнавание обоими истинны о каждом, вопреки запутанным обстоятельствам, разведившим их еще в детстве, — отмечен чертами греческого (эллинистического) романа. Поучителен конец П. — наказание виновных злодеев и счастливое водворение брата на отцовский престол, а сестры — в соседнее королевство. Завязка сюжета происходит у моря, действие разворачивается в двух землях — Кипре и Пентиполе; совершенство героини Июлии определяется ее воспитанием и образованием путем приобщения к «всяким наукам» в доме купца, а затем, в более высокой среде, к «всяким королевским поступкам». П. известна в списке ГИМ, собр. Забелина, № 498.

Изд. Белоброва О. А. Повесть о королевиче кипрском Велиама // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 259—267.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 286; Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр. — в особенности из первой половины XVIII в. М., 1888. С. 11; Сперанский. Рукописные сборники. С. 91; Белоброва О. А. 1) Кипрский цикл в древнерусской литературе: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1967. С. 6, 14; 2) Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 28.

О. А. Белоброва

Повесть о купце Григории («Повесть о некоем купце Григории, како хоте его жена с чародеем уморити») является русской переработкой конца XVII—XVIII в. входящего в «Римские Деяния» «Приклада о преступлении душевном и о ранах, уязвляющих души человеческие» («О чернокнижнике и рыцаревой жене»). П. о к. Г. сохраняет сюжетную схему своего образца: неверная жена римского купца Григория уговаривает своего любовника-чародея известить ее находящегося в отсутствии мужа; чернокнижник изготавливает из воска портрет Григория и трижды стреляет по нему из лука; некий мудрец спасает героя, посадив его в чан с водой и дав зеркало, в котором Григорий видит все, что делается в его доме; скрываясь под водой в момент выстрела, герой спасается, а чернокнижник погибает от собственной третьей стрелы, и любовница закапывает его под супружеской постелью; вернувшись домой, купец собирает в гости всех родственников жены, рассказывает о ее злодеянии и указывает на спрятанный труп; судья приговаривает ее к жестокой казни. Вместе с тем словесное оформление П. полностью переработано, язык освобожден от полонизмов. Изображение магических действий «мудреца» отлично от действий «мистра» в «Прикладе»; реакция героя на увиденное в зеркале обогащается новыми оттенками; но самое главное — автор П. заменяет безымянного героя-рыцаря, отправляющегося с паломничеством в Святую землю, купцом, путешествующим по торговым делам, и дает ему имя — Григорий. Последняя замена носит принципиальный характер: повести о купцах играют большую роль в создании древнерусской беллетристики (см.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 160; Истоки беллетристики. С. 526—528). Все эти отличия позволяют считать П. не переводом «Приклада», а оригинальным русским сочинением, созданным на основе заданных заранее элементов повествования.

Автор П. о к. Г. едва ли не впервые в русской литературе сделал главным сюжетобразующим элементом своего произведения тему колдовства и доброй магии (своеобразное соревнование доброго и злого волшебника), полностью отказавшись от традиционного для древнерусской литературы христианского обличения любых колдовских действий; в этом нашли отражение новые качества литературы XVII в. — прежде всего ее обмирщение.

П. о к. Г. известна в 4 списках XVIII—XIX вв.; один из них (БАН, 45.5.30) представляет небольшой отрывок другой редакции, где совершенно иначе изображен обряд колдовства: чародей погибает не от стрелы, а от руки Григория, ударившего ножом по зеркалу.

Изд. Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 328—332.

Лит. Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть: (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 167—174.

Е. К. Ромодановская

Повесть о Меркурии Смоленском («Главизна изъявляется от чудес дивнейшей заступницы нашей и великую ее милость святую и бывшую и бывающую тогда и ныне на граде нашем неисчетно от госпожи владычицы нашей Богородицы и матери Христа бога нашего. И память скажется ея святого Меркурия иже есть гроб его в Смоленске, граде нашем, бывших от него чудес», или «В той же день от чудес дивнейшей заступницы нашей. . .», или «Сказание о чудесах дивнейшия заступницы нашей. . .», или «Месяца ноября в 24 день. О проявлении чудесе от иконы пресвятей Богородицы святому мученику Меркурию и о нахождении безбожного царя Батыя») — одно из произведений, посвященных нашествию Батые. По поэтической структуре П. о М. С. примыкает к традиционным легендарно-историческим повестям («чудо от иконы»). Кроме того, сюжет о Меркурии Смоленском входит в ряд мировых сюжетов «о безголовых» (см.: Гудзий Н. К.).

П. о М. С. дошла до нас в значительном количестве списков (около 80). Наибольшее количество списков П. встречается в составе Миней-четых. Самые ранние списки Минейной редакции датируются 30—50-ми гг. XVI в. (о редакциях см.: Белецкий Л. Т., Бахтина О. Н.), например: ГПБ, Соловецкое собр., № 507/526; Q.XVII.15; ГИМ, Синодальное собр., № 988 и 176; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1254. Под 24 ноября П. о М. С. помещена в *ВМЧ* (Успенский и Царский списки). В некоторых минейных сборниках П. о М. С. читается под 28 июля (празднование иконы Смоленской Одигитрии): «Месяца июля в 28 день. Воспоминание великаго чудесно, бывшее от иконы заступницы нашея пречистыя Богородицы Смоленския угодником ея святым Меркурием еже ести и до днесь мощи его святыя во граде Смоленску». Вариант: «Месяца июля в 28 день. Повесть от древних писаний сложена, являющи преславное чудо, бывшее иконою пречистыя владычицы нашея Богородицы, како избави град Смоленск крепким своим заступлением и милостивою рукою угодника своего Меркурия от нашествия безбожных агарян». П. о М. С. напоминает житие с его традиционной трехчастной структурой — вступление, рассказ о подвиге святого и посмертные чудеса, но обращают на себя внимание нетипичное для миней название — «Главизна изъявляется от чудес. . .» (без календарной формулы: «месяца того же», «в той же день»), употребление в самом тексте жития летописных конструкций — «В лето 6745. . .», «в то лето. . .», упоминание во вступлении Минейной редакции о взятии татарами Киева, Москвы (в некоторых списках — Владимира), о гибели в Орде Михаила Черниговского с боярином Федором. Это позволяет увидеть связь П. с летописными циклами о нашествии Батые на Русскую землю. Вступление Минейной редакции П. о М. С., представляющее обработку эпизода Хронографической редакции (Бахтина О. Н., 1980), повествует об ужасах татарского нашествия в традиционных стилистических формулах, которые находим в описаниях взятия Рязани, Владимира и других городов в летописях, в поучениях *Серапиона Владимирского*.

Хронографическая редакция П. о М. С. («О Смоленске граде. Явление пресвятыя Богородицы и о святем Меркурии») является частью хро-

пографической «Повести умильной о нашествии безбожного Батыя на Русскую землю». Хронографическая редакция читается в составе Русского временника (ГИМ, собр. Черткова, № 115 а, б; ЦГАДА, собр. Оболенского, ф. 201, № 46; ЛОИИ, собр. Лихачева, № 513; ГПБ, Ф. IV.244) и Летописца Хворостинина (ГИМ, собр. Уварова, № 116, в 4°).

В одном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 908) известна Жулевская, или «народная» (см.: Буслаев Ф. И.), редакция («Слово о Меркурии Смоленском»), наиболее полно сохранившая, как считают многие исследователи, легендарную основу П. Вариант устной легенды о Меркурии был записан в XIX в. В. Н. Добровольским (Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 379).

В 1882 г. был опубликован список П. о М. С. («Месяца ноября в 24 день. Повесть о святом и добропобедном мученике Меркурии Смоленском чудотворце, како победи царя Батыя и свободы град Смоленск от безбожных агарян в лета 6746 году, прежде славенского языка на полски язык преведено, ныне же паки с полскаго языка на славенский язык преложено в лето 7164») Западно-русской редакции (Писарев С. П.). Варианты заглавий редакции: «Месяца ноеврия 24 дня. Повесть о святом и победоносном мученике Меркурии, чудотворце Смоленском»; «Житие и чудеса святого великомученика Меркурия Смоленского». Лишь некоторые списки этой редакции имеют в заголовке помету о переводе на польский, а затем с польского языка на славянский, вторично. А. И. Соболевскому не был известен польский оригинал повести (С о б о л е в с к и й А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 217—218). Л. Т. Белецкий высказал предположение, что протограф Западно-русской редакции был написан «латиницей», но доказательств этому не найдено. Сравнительный анализ известных к настоящему времени списков Западно-русской (ЦГИАЛ, собр. Архива Синода, № 1318; ГИМ, собр. Уварова, № 136, в 4°; ГПБ, Ф. XVII.16; ГБЛ, Музейное собр., № 735) и Минеинной редакций показал, что протограф Западно-русской редакции отразил неизвестный вид Минеинной редакции, существование которого тем не менее подтверждает служба Уваровской редакции (ГИМ, собр. Уварова, № 681; ГБЛ, Рогожское собр., № 829; ЦГИАЛ, собр. Архива Синода, № 829).

О службах Меркурию Смоленскому как о «лирической редакции повести» впервые написал Ф. И. Буслаев. К настоящему времени известно 10 списков служб (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.71; Соловецкое собр., № 1079/1188; ЦГАДА, ф. 381, № 263 и др.; один список — Смоленской духовной семинарии, № 78 — утрачен вместе с библиотекой Смоленской духовной семинарии в годы Великой Отечественной войны), выделено три редакции. Некоторые списки Варсонофиевской редакции службы (например, ГПБ, собр. ОЛДП, Q.71) содержат указания на то, что канон Меркурию составлен «по повелению» смоленского епископа Варсонофия (1509—1514 гг.). Списки ГИМ, собр. Уварова, № 681; ГБЛ, Рогожское собр., № 829 содержат и Варсонофиевскую и Уваровскую редакции службы. Одним списком представлена Архивная редакция службы (ЦГИАЛ, собр. Архива Синода, № 1318). По свидетельству Л. Т. Белецкого, служба в списке Смоленской духовной семинарии, № 78 была близка списку службы Архива Синода, № 1318.

Повесть о Меркурии («О Меркурии Смоленском», «О Меркурии Смоленском, како убиен бысть») Летописной редакции входит в состав *летописного свода* 1652 г. и его протограф — по А. Н. Насонову, свод 1592 г. (Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII вв. М., 1969. С. 483—486). Известно 14 списков Летописной редакции П.: ГБЛ, собр. Большакова, № 423; ГИМ, Музейское собр., № 3058 и др.; особый список — ГБЛ, собр. Румянцева, № 379; список ЦГАДА, ф. 181, № 818/1384 («И святого мученика, богатыря Смоленского») представляет собой пересказ текста Летописной редакции; выборкой из Летописной

редакции являются два отрывка о Меркурии (без заглавия) в списке ГПБ, собр. Вяземского, F.112.

П. о М. С. входит также в состав *Новгородской Забелинской летописи*, образуя Новгородскую Забелинскую редакцию (ГИМ, собр. Забелина, № 261; ГБЛ, Музейное собр., № 733) (см.: Бахтина О. Н., 1981). Новгородская Забелинская редакция П. о М. С. встречается и вне летописного свода (например: ГБЛ, собр. Румянцева, № 437).

Датировка П. о М. С. осложнена тем, что это легендарно-историческая повесть. Одни исследователи (см.: Писарев С.) считают, что П. возникла вскоре после события (XIII в.), другие (см.: Буслаев Ф. И., Миндалев П.) видят в ней древнюю эпическую основу, большинство же авторов (вслед за М. О. Скрипилем) видят в ней позднюю (XVI в.) обработку устной легенды о спасении Смоленска.

Трудно решить вопрос об авторе П. Самая распространенная — Минейная редакция, представленная наиболее ранними списками, уже использовала летописный источник, возможно, смоленского происхождения, но обработка при включении в ВМЧ была произведена в Новгороде или в Москве. Это подтверждает история создания ВМЧ, в частности, ноябрьского тома (Кучкин В. А. О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86—101).

Сюжет о Меркурии Смоленском отразился в новой литературе (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 42; Бунин И. А. Суходол // И. А. Бунин. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 3. С. 139—140).

Изд.: Никитин П. История города Смоленска. М., 1848. Прил. 5. С. XIII—XVI; Писарев С. П. Рукописные памятники Авраамиевского монастыря // Филологические записки. Воронеж, 1882. Кн. 3. С. 39—48; Миндалев П. П. К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 258—280; Белецкий Л. Т. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском // СОРЯС. Пг., 1922. Т. 99. № 8. С. 55—93; Скрипиль. Русские повести. С. 106—107; Бахтина О. Н. 1) К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском: (Хронографическая и Минейная редакция) // Книга в Сибири XVII—нач. XX в. Новосибирск, 1980. С. 164—171; 2) Новгородская Забелинская редакция Повести о Меркурии Смоленском // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археологии. Новосибирск, 1981. С. 153—158; Слово о Меркурии Смоленском // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 204—209, 560—561.

Лит.: Буслаев Ф. И. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском // Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 155—198; Писарев С. П. Рукописные памятники Авраамиевского монастыря // Филологические записки. Воронеж, 1881. Кн. 1. С. 1—14; 1882. Кн. 2—3, 5. С. 25—44, 45—52; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44—107; Белецкий Л. Т. 1) К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском // ЖМНП. 1914, декабрь. Ч. 4. С. 358—370; 2) Литературная история Повести о Меркурии Смоленском. Пг., 1922; Скрипиль М. О. Повесть о Меркурии Смоленском // ИРЛ I. Т. 2, ч. 1. С. 357—361; Гудзий Н. К. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1919. № 56. С. 98—103; Jakubowski W. Piśmiennictwo okresu powstania państwa moskiewskiego // Literatura rosyjska. Warszawa, 1970. Т. 1. С. 100—101; Бахтина О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV—XVII вв.: Автореф дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1982.

О. Н. Бахтина

Повесть о Московском восстании 1682 г. (Барсовская), известная в единственном списке (ГИМ, собр. Барсова, № 1578, л. 336—341 об., конец XVII в.), была написана стрельцом, непосредственным участником восстания, в разгар событий и охватывает период подготовки и проведения вооруженного выступления против правительства, закончившегося его разгромом и взятием Кремля. Все содержание небольшой повести посвящено обоснованию правомерности выступления стрельцов, солдат и поддерживавших их слоев посадского населения против «изменников —

бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших 15—17 мая. Автор передает устойчивую устную легенду о событиях в столице, созданную и распространявшуюся самими восставшими. Легенда эта, послужившая источником для Аверкия, автора Спасо-Прилуцкого летописца, Романа Ракушки-Романовского и Бутенанта фон Розенбуша, учитывавшаяся Сильвестром Медведевым и автором Летописца 1619—1691 гг., передана в П. наиболее убедительно. Автор весьма настойчиво пытался придать описанию московских происшествий эпический размах («речи» стрельца-челобитчика и царевича Ивана, действия «бояр», скрывающих от царя злодея — виновника восстания, и т. п.). В П. отчетливо проявляется стремление автора превратить свое сочинение в публицистический памятник, направленный против официальной правительственной пропаганды. Простонародный, ясный и выразительный язык П. особенно проявляется в монологах действующих лиц.

Изд. Б у г а н о в В. И. Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С. 318—324.

Лит.: Б у г а н о в В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 17—18, 31—33 и др.; 2) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 310—319; Б о г д а н о в А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. М., 1983.

А. П. Богданов

Повесть о Московском восстании 1682 г. (Ундольского) представляет собой единственное, кроме «Созерцания краткого», сочинение, в котором грандиозное восстание 1682 г., вызвавшее целую волну откликов в литературе (как в летописной, так и публицистической), рассматривается от его начала в мае и до конца — до перемирия между восставшими и правительством и возвращения двора в Москву 6 ноября. Автор ее, судя по языку П. и искреннему преклонению перед патриархом Иоакимом, был лицом духовного звания, скорее всего, священником в одной из московских церквей. Его отличает доверчивость к официальным сообщениям: об обстоятельствах воцарения Петра Алексеевича, прениях в Крестовой палате о раскольниках, причинах бегства царей в Троице-Сергиев монастырь и т. п. Видимо, своей близостью к прихожанам автор был обязан знакомству с многочисленными слухами, отражающими народные оценки событий восстания. При том, что автор был явно «прост умом», его повседневные наблюдения и скрупулезная точность описаний делают П. ценным историческим источником. П. о М. в. не издана; читается в сборнике ГБЛ, собр. Ундольского, ф. 310, № 792, л. 1А—13 (исторический сборник 1743 г.).

А. П. Богданов

Повесть о Никифоре Фоке, рассказывающая об убийстве заговорщиками, руководимыми Иоанном Цимисхием и императрицей Теофаной, византийского императора Никифора Фоки (963—969), возникла, как полагают, в Византии в конце XII—начале XIII в. Действительная история гибели Никифора приобретает в ней многие фольклорные черты (у императора называются восемь братьев, убитых будто бы вместе с ним, тогда как в действительности у него было лишь два брата; рассказывается о поисках невесты для императора — девушки, которой подойдет специально изготовленная маленькая обувь, в действительности же Никифор женился на вдове своего предшественника — императора Романа, и т. д.), вопреки историческим фактам императрица, согласно П., убивает и самого Цимисхия.

Славянский перевод П. о Н. Ф. (по мнению П. Сырку, он сделан с греческого до завоевания Болгарии турками, в самой Болгарии) известен

в двух вариантах в нескольких южнославянских списках (Национальная библиотека в Софии, № 326, 677, 681; Государственный Архив Бухареста, № 740; Национальная библиотека Белграда, № 104, 198, 738 (по сообщению болгарской исследовательницы А. Милтеновой), 828; Библиотека Югославской Академии в Загребе, № III.a.10; Югославия, монастырь Николац (Черна Гора), № 82 (по сообщению А. Милтеновой). Литературу вопроса о южнославянских списках П. о Н. Ф. см. в книге Э. Турдяну).

В литературе отмечены два русских списка П.: ГПБ, Q.XVII, № 79 («Слово о Тэфане корчемнице, како цесаря Фоку погуби и братию его во едину нош». Нач.: «В та времена царь Фока беаше у братии своих. . .») и ГПБ, Q.XVII, № 128 («Слово о Тэфане корчемнице, како царя Фоку погуби и братию его в едину нош». Нач.: «В та времена царь Фока имеше 8 братии своих. . .»). П. А. Сырку (К истории исправления книг. . . С. 539) указал, что П. о Н. Ф. входит в состав Копенгагенского сборника XVII в., описанного И. И. Срезневским (Сведения и заметки. СПб., 1876. № 61. С. 353—357).

Изд.: Сырку П. Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе. СПб., 1883; Начов Н. А. Тиквешки рукопис // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Т. 8. С. 304—395; Сперанский М. Н. 1) Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек // Известия Историко-филологического ин-та в Нежине. М., 1898. Т. 16. С. 48—59; 2) Белградские рукописи // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Т. 2. С. 12—14; 3) Болгарская повесть об убиении Никифора Фоки в русской старинной литературе // Юбилейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. У Києві, 1928. С. 220—229; Цонев Б. С. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1923. Т. 2. С. 216—221; Turdeanu E. Le dit de l'empereur Nicéphore II Phocas et de son épouse Théophano. Thessalonique, 1976.

Лит.: Веселовский А. Н. Болгарские повести Букурештского сборника // ЖМНП. 1884, январь. С. 78—90; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 538—546; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 106—107; Мечев К. Възмездие за жестокостта: Към въпроса за идейната характеристика и времетопавата на средновековния български апокрифен разказ за убийството на византийския император Никифор Фока от кръчмарката Теофана // Лит. мисъл. 1975. № 2. С. 115—136.

М. А. Салмина

Повесть о пане Григории (в рукописной традиции встречаются различные варианты заглавия: «Слово о святом Григорей, папы римском (а се марта 11)»; «Марта в 12 день, повесть зело полезна и вельми дивна о преподобном отце нашем Григории, папе римском, о зачатии и о житии его»; «Приклад о дивном промысле божи и почитании святого Григория»; «Сказание дивное и жалостное о рождении святого Григория, патриарха Иерусалимскаго»; «Слово о Григории, папе римском, како родися от брата и от сестры 12 марта»; «Сказание дивное и живописное о рождении святого отца преподобнаго Григория рицера»; «Житие и подвизи преподобнаго отца нашего папы стараго Рима Григория мниха»; «Повесть о дивном смотреии божи и о початии св. Григория, и да никто же да не отчаевается своего спасения»; «Повесть о Григории, како бысть папою в Риме, выписано из Барония»; «Стория о едином кролю, именем Тарцисе, з римской печатной книги перевод») — анонимное произведение, входящее в группу древнерусских повестей о кровосмесителе (ср. «Сказание Иеронима о Иуде предателе» и Повесть об Андрее Критском). История папы Григория, именем которого назван один из основных типов «Эдипова сюжета» (Пропц В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 261), помимо восточных славян известна на католическом Западе, у поляков и чехов по тексту в «Римских деяниях», представляющему собой сокращенный пересказ французской народной книги XI—XII вв. «Жизнь папы Григория Великого». Некоторые западноевропейские ученые пытались связать появление этой книги с борьбой папы Григория VII против движения инсе-

stuorum, допускавшего близкородственные браки (Грейт, Литтре, Д'Анкона), или с другими событиями XI в. (Зелиш), однако эти гипотезы, как справедливо указывалось М. П. Драгомановым, крайне неубедительны. Наличие других обработок этого типа «Эдипова сюжета», в частности очень сходной с П. о п. Г. коптской «Истории царя Армениоса», возникшей еще в домагометанский период, позволяет предположить существование некоего общего для всех этих обработок источника восточного происхождения — византийского или египетского, занесенного в Западную Европу паломниками.

Вопрос о времени появления П. о п. Г. у восточных славян до сих пор не решен, так как кроме ее текста, пришедшего на Русь в 70-х гг. XVII в. в составе «Римских деяний», в древнерусских рукописных сборниках распространена другая редакция памятника (опубликована В. Н. Перетцем в УИ), происхождение которой пока не выяснено. Это позволяло С. Л. Пташицкому (П т а ш и ц к и й С. Л. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. Истории из Римских деяний (Gesta Romanorum) // Историческое обозрение. СПб., 1897. Т. 9. С. 115), а позднее Н. К. Гудзия предположить, что П. появилась на Руси до перевода «Римских деяний». Заслуживает внимания и указанный А. А. Назаревским список П. о п. Г. XVI в. — ГИМ, собр. Уварова, № 308 (252) (142). Окончательное решение этого вопроса возможно лишь при детальном изучении всех известных списков П.

С конца XVII в. вплоть до середины XIX в. П. о п. Г. активно переписывалась, став самой популярной из русских повестей о кровосмесителе. Гармоничное сочетание дидактичности и занимательности, драматизм и исключительность изображаемых событий, острая фабула — все это обеспечило П. интерес читателей самых разных литературных вкусов и потребностей, не ослабевавший в течение почти трех веков, и обусловило разнообразие ее рукописных редакций. Всего к настоящему времени выявлено около 120 списков П.

Большая часть сохранившихся списков П., как было выяснено в результате неполного ознакомления с ними Н. К. Гудзия, близка либо к тексту в «Римских деяниях» (далее: редакция РД), либо к тексту, опубликованному В. Н. Перетцем в УИ (далее: краткая редакция). Последняя отличается от редакции РД более конспективным изложением событий, а также особой трактовкой многих эпизодов (подробно об этом в ранней статье Н. К. Гудзия). Распространению редакции РД в русских рукописных сборниках в известной степени препятствовал ее сильный католический колорит и непривычный для русского книжника облик главного героя, в котором в этой редакции сочетаются черты монаха и наемного рыцаря. В краткой редакции П. католические подробности в известной мере сглажены, ее герой более традиционен и лишен сугубо западноевропейских черт (в миру он становится купцом и «великим воином»), что и обусловило, вероятно, большую популярность именно этой редакции.

Один из самых ранних списков памятника, входящий в сборник, созданный в Шаргороде в 1660 г. священником Григорием (ГБЛ, собр. Ундольского, № 527 — опубликован В. Н. Перетцем в СОРЯС), представляет собой авторскую редакцию, явившуюся результатом сильно сокращенного перевода польского текста «Римских деяний» на украинский язык с исключением почти всех диалогов.

Дальнейшая судьба П. о п. Г. в восточнославянской рукописной традиции определялась особенностями ее сюжета, содержащего ряд мотивов, актуальных для литературы нового времени (в первую очередь авантюрно-галантных), и, кроме того, открытого для проникновения элементов других повестей о кровосмесителе (более всего близкой по идее повести об Андрее Критском), а также фольклорных обработок той же темы и легенд о кающемся разбойнике. Все это приводит к возникновению нескольких особых редакций П. — документальной, фольклорной, галант-

ной и компилятивной, каждая из которых представлена единичным списком. Приспособление текста редакции РД (реже краткой редакции) к новым литературным потребностям происходит в них то путем подробной детализации эпизодов, что придает повествованию оттенок документальности (документальная редакция — ЦГАДА, Типографское собр., № 394, конец XVII в.), то, по словам М. И. Соколова, через изложение фабулы «почти былинным складом» (фольклорная редакция — ГИМ, собр. Соколова, № 15, XVIII в.), то с помощью развития содержащихся в сюжете авантурных и романтических мотивов в духе галантной литературы петровского времени (галантная редакция — БАН УССР, № 443, ц.-а. м. 0.4.75, XVIII в.).

Список ГБЛ, собр. Тихонравова, № 361, начало XVIII в., нами условно названный компилятивной редакцией, представляет собой произвольное соединение мотивов, весьма слабо связанных между собой, — П. о п. Г., повести о Андрее Критском и сюжета «Два великих грешника». При этом рассказ о судьбе самого Григория занимает менее половины текста. Возможно, что это даже не редакция, а новое произведение, возникшее в результате творческого соединения нескольких сходных сюжетов, отчего идея всесилы покаяния, трижды варьируемая в ходе повествования, приобретает особую убедительность.

П. о п. Г. являлась одним из предполагаемых источников (вероятно, в краткой редакции) повести об Андрее Критском, а позднее сыграла важную роль в сложном процессе взаимовлияния русских повестей на «Эдипов сюжет». Это произведение также вошло в состав «Вертограда многоцветного» *Симеона Полоцкого* («Блуд с сыном сотворшая мати»), хотя источником виршей Симеона скорее послужил польский или латинский текст «Римских деяний» (см.: *М а й к о в Л. Н.* Симеон Полоцкий // *Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий.* СПб., 1889. С. 99—100). В советском литературоведении проводилась также аналогия между П. о п. Г. и повестью Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (см.: *К р е с т о в а Л. В.* Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница»: (Из истории раннего русского романтизма) // *Исследования и материалы по древнерусской литературе.* М., 1961. С. 209—211). Свидетельством популярности П. является и ее переход в фольклор (устные переработки П. о п. Г. перечислены в ранней статье Н. К. Гудзия). Эти переработки, распространенные на Украине, в Белоруссии и в юго-западных районах России, характеризуются смешением подробностей разных редакций П., заимствованием элементов других типов «Эдипова сюжета» и сюжетов о кающемся разбойнике, заменой католических деталей православными и, наконец, смягчением и редуцированием эпизодов кровосмешения. В результате история папы Григория превращается просто в рассказ о необычном происшествии; процесс обмирщения П. о п. Г., намечившийся в ее особых редакциях, в фольклоре завершается.

Изд.: П. Л. Вып. 2. С. 418—420; Римские деяния / Изд. ОЛДП. СПб., 1878. Вып. 2. С. 338—361; П е р е т ц В. Н. 1) Из истории старинной русской повести // УИ. 1907. № 9. С. 49—52; 2) Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII веков // СОРЯС. Л., 1926. Т. 101. № 2. С. 121—124; Г у д з и й Н. К. 1) К истории легенды о папе Григории // ИОРЯС. Пг., 1915. Т. 19, кн. 4. С. 234—256; 2) Новые редакции повести о папе Григории // ГОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 182—191.

Лит.: К о с т о м а р о в Н. И. Легенда о кровосмесителе // Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1. С. 309—311; П е т р о в Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // ТКДА. Киев, 1872. № 8. С. 737; D i e d e r i c h s V. Russische Verwandte der Legende von Gregor, auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot // Russisch Revue. 1880. H. 9. S. 119—146; S e e l i s c h A. Die Gregoriuslegende // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1887. 19. S. 385—412; В у с т р о ў J. Polska podania ludowe spokrewnio ze sredowieczna legenda o s wietym Grzegorzuy // Wista. 1888. 2. С. 762—766; Д р а г о м а н о в М. Славянские предрассудки

на Едиповата история. София, 1894 (Отд. оттыск по изд.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 5, 6, 14); G r a b o w s k i. Podanie o związkach między najbliższym rodzeństwem. Wista, 1892. С. 54—79, 279—299; С о к о л о в М. И. [Резюме доклада о принадлежащем ему сборнике повестей нач. XVIII в.] // Древности. Слав. Т. 3. Протоколы. С. 4; Я ц м и р с к и й А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана. Сборник Харьковского Историко-филологического общества, изд. в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404—411; Г у д з и й Н. К. К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском // РФВ. 1915. № 1. С. 11, 18; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 166—171; Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 88—92.

М. П. Климова

Повесть о победах Московского государства («Повесть известна о победах Московского государства, колики напасти подъяша за умножение грех наших от междоусобных брани от поганных ляхов и от литвы, и от русских воров, и како от толиких зол избавил ны всемилостивый господь бог наш своим человеколюбием и молитвами пречистыя его матери, и всех ради святых обращая нас в первое достояние своим человеколюбием. Написано вкратце») известна в единственном списке XVIII в. — ГПБ, собр. Погодина, № 1501. П. была написана в конце 20-х или на рубеже 20-х и 30-х гг. XVII в. Последнее описанное в ней событие — принесение в Москву дара шаха Аббаса царю Михаилу и патриарху *Филарету* в 1625 г. Главным аргументом в пользу указанной датировки служит тот факт, что автор, который проявляет повышенное внимание к судьбе захваченного Польшей в 1611 г. Смоленска, подробно рассказав о борьбе за его освобождение в 1613—1615 гг., ничего не сообщает о неудачной осаде города русской армией во главе с боярином М. Б. Шеиным в 1632—1634 гг.

П. имеет ряд отличий от других исторических произведений, посвященных событиям в России в начале XVII в. Все они определены тем, что ее автором был смоленский дворянин.

Совершенно необычное для литературных памятников о Смуте оптимистическое заглавие объясняется тем, что в отличие от других писателей автор П. оценивал все события первой четверти XVII в. с точки зрения общего исхода Смуты. Сохранив нарушенный в Смутное время феодальный порядок и национальную независимость, Россия одержала общую победу, которая была достигнута в результате малых и больших побед. Все победы одержаны при участии смоленских дворян, одним из которых, по-видимому, был автор П. Его цель состояла в том, чтобы представить смоленских дворян спасителями страны, указать на их выдающуюся роль в благополучном исходе Смуты, поэтому основное содержание повести составляет рассказ о тех событиях, в которых действия «смолян» имели решающее, по мнению автора, значение.

Замысел автора обусловил и хронологические рамки повествования. В отличие от других повестей и сказаний о Смуте «П. о победах...» начинается не описанием преступных деяний *Бориса Годунова*, а рассказом о подавлении восстания *И. И. Болотникова* в 1606—1607 гг., когда смоляне, согласно автору, совершили свой первый значительный подвиг, выступив против внутренних врагов.

Выделяется П. среди исторических повестей о Смуте более сложной сюжетно-композиционной структурой. Последовательно развивая основную тему — смоленские дворяне в Смутное время, — автор постоянно прерывает ее, обращаясь к другим, более частным темам. При этом он не исчерпывает их в одном месте, но развивает каждый сюжет, как правило, в нескольких отступлениях. Героические действия Скопина-Шуйского и история осады Смоленска раскрываются в трех отрывках, размещенных в разных частях повести. Несколько таких отрывков, посвященных разным темам и расположенных рядом, подчинены более общей теме. Например, тема «смятения велия», т. е. наступившего после свержения Василия Шуйского периода растерянности и безвластия, изложена в от-

рывках, рассказывающих о смерти Скопина-Шуйского, Клушинском поражении и измене шведских наемников, пленении Василия Шуйского поляками, признании королевича Владислава русским царем вопреки запрету патриарха *Гермогена*.

Примечательна в П. характеристика царя Василия Шуйского. Хотя все русские монархи вызывают у автора только почтительное отношение, Василию Шуйскому он посвящает восторженные панегирики, превосходящие своей эмоциональностью возвеличивания представителей новой династии *Михаила* и *Филарета* Романовых. Объяснение этому факту находится в тексте П., где неоднократно подчеркивается, что между царем Шуйским и смоленским дворянством в ходе гражданской войны установилось взаимное расположение. Смоленяне преданно служили этому царю, оставаясь верными ему в самые сложные моменты его царствования — в борьбе с крестьянской армией Болотникова и с «тушинским вояром», которого поддерживали польско-литовские войска. Василий Шуйский, в свою очередь, постоянно отличал смолян среди других дворян, «много жаловал и их службу и радение пред всеми похвалял».

Работая над П., автор опирался не только на личные наблюдения, но доверялся рассказам земляков, которые сообщили ему о подробностях обороны Смоленска, прибегал к помощи Разрядных записей. В П. обнаруживается влияние довольно значительного круга как современных автору, так и более ранних произведений. «П. о победах. . .» — единственный памятник, в котором нашло заметное отражение «*Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина*». Настроения создателя «Писания. . .» были близки автору П., искренне сожалевшему о неожиданной смерти народного героя. Он также считал, что Скопин был умерщвлен завистливыми боярами, поэтому в рассказе о смерти воеводы использует «Писание. . .» и как источник, и как литературный образец. Сохранив почти все плачи «Писания. . .», но переделав их, он написал плач княгини Александры Васильевны, жены Скопина, который отличается от ее плача в «Писании. . .» лиризмом, большим объемом и является последним из известных в древнерусской литературе вдовьих плачей, первоначальным образцом которых был плач княгини Евдочки из «*Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго*». Весь рассказ об осаде Смоленска в П. обнаруживает зависимость от «*Повести о взятии Царьграда*» турками в 1453 г. *Нестора Искандера*, так как в глазах автора П. падение Смоленска имело для России такое же значение, как падение Константинополя для Византии. Панегирические портреты царя Феодора и Бориса Годунова из «*Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича*» патриарха *Иова* служили примером автору П. при создании образов Скопина-Шуйского, царя Василия Шуйского и др. В заключительной части П. автор использует идею сказаний о даре шаха Аббаса, согласно которой «божественный дар» — «риза Христова» послана богом Михаилу и Филарету Романовым в знак благоволения к ним, как свидетельство окончания всех бедствий, прощения грехов русского народа.

Среди идеализированных образов положительных героев выделяется в П. своей сложностью образ Козьмы Минина. Он тоже обладает идеальными чертами, но подробный, часто реалистически написанный рассказ о действиях Козьмы Минина делает этот образ жизненно правдивым.

Рассказывая о подвигах смолян, автор П. описал все важнейшие эпизоды Крестьянской войны и национально-освободительного движения. Поскольку автор П. был одним из этих смолян, то повесть насыщена его собственными впечатлениями и такими подробностями и фактами, которые не встречаются ни в других литературных произведениях, ни в документальных материалах. Ценные известия находятся в рассказе о деятельности Козьмы Минина, который, сталкиваясь с отказом богатых жителей Балахны и Ярославля обеспечивать ополчение материальными средствами,

выполнял «приговор всея земли», прибегая к насилию. Впервые в источниках русского происхождения в П. названо имя человека, который взорвал во время последнего штурма Смоленска древний Успенский собор, заполненный не пожелавшими сдаваться в плен защитниками и жителями города. Пороховой склад под собором поджег посадский человек Андрей Беяницын. Вместе с другими неизвестными до сих пор фактами эти сообщения указывают на значение «П. о победах. . .» для изучения истории страны в начале XVII в.

Широкое привлечение разнообразных источников, хорошее знание событий начала XVII в. и несомненный литературный талант помогли автору «П. о победах. . .» создать произведение, содержащее оригинальное изложение событий целой эпохи.

Изд. Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Енин Г. П. 1) Вариант повести о князе М. В. Скопине-Шуйском // Древнерусская книжность. Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Л., 1975. С. 16—17; 2) Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. М., 1977. С. 12—22; 3) Новый источник по истории России начала XVII века // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979. С. 132—143.

Г. П. Енин

Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого — литературное произведение XVI в., известное в единственном неполном списке в составе летописного сборника (ГИМ, Синодальное собр., № 645, л. 423—427). В П. излагается, как московским правительством Елены Глинской был устранен удельный князь Андрей, брат умершего великого князя Василия III. Эти события освещены также под 1537 г. в *Воскресенской летописи* (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 292—295), в *Вологодско-Пермской летописи* (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 322—323) и в других источниках. В отличие от официальных летописных известий П. о п. А. С. полна сочувствия к своему герою и к его сторонникам.

В П. отсутствует заголовок, выделены только киноварью начальные строки двух сохранившихся в списке частей текста: «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом божиим грех ради наших» и «О изменниках княжо Ондреевых Ивановича». Отсутствует в списке и конец. П. была замечена еще Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым, а опубликована в 1944 г. М. Н. Тихомировым — с условным названием. И. И. Полосину и Р. Г. Скрынникову принадлежит истолкование П. как источника по истории опричнины Ивана Грозного. И. И. Смирнов и А. А. Зимин, исследуя мятеж 1537 г., также обращались к этому литературному произведению.

П. о п. А. С. носит черты зависимости от летописного жанра: события излагаются с ссылкой на даты («В лето 7045-го», «И того же месяца в 12», «Того же лета мая в 2», «В то время»), лаконично и с большой выразительностью. В первом отрывке автор П. сообщает о замыслах малолетнего *Ивана IV* и его матери Елены, «как бы им князя Ондрея Ивановича вымать и. . . людей его от нево отвести», об отсылке из Старицы на Коломну воеводы и детей боярских; рассказывает он и об аресте в Москве Ф. Д. Пронского, посланного туда князем Андреем Старицким. Сам Андрей Иванович, «истерпевшись от своих великих обид», оставляет Старицу и на пути делает первую остановку в Бернове.

Вторая часть П. начинается с побега к Москве дворянина В. Ф. Голубова, оповестившего перед этим дьяка великого князя о выступлении Андрея Ивановича из Старицы. По мере следования князя от Старицы к Новгороду подобные побеги учащаются. Пойманного беглеца Андрея Валуева по приказу старицкого князя подвергли пытке («повеле . . . свя-

зати руке и нозе и вергоша его в озерко») и допросу об участниках измены. Перечисление «многих» привело к тому, что Андрей Старицкий не стал никого из названных лиц наказывать, «понеже не всех тех переветати». На подмогу Андрею Ивановичу направляется из-под Коломны его воевода князь Юрий Оболенский, «утоясь у воевод великого князя и детей у боярских». Встреча воеводы и старицкого князя происходит на «Ноугородцкой дороге, на речке на Березае». Андрей Иванович обрадован приездом воеводы, он осыпает его «дарми многими». Но вот на пути князя Андрея в селе Тухолех предстают московские воеводы с И. Ф. Телепеневым-Оболенским Овчиной во главе. Андрей Иванович готов вступить в неравную борьбу: «и восхотеша с воеводами с великого князя битися». Но москвичи предлагают князю вступить в переговоры, обещая отпустить его «невредимо», по воле великого князя Ивана Васильевича и великой княгини Елены. За ночь до начала переговоров из лагеря Андрея Старицкого бегут князь К. Ф. Пронский-сын, шут Гаврила Воеводич и даже ключник погребной Волк Ушаков. На другой день московские воеводы подтверждают безопасность старицкого князя «и съ его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо». Князь Андрей направляется к Москве. На пути, у Хлынска, люди из окружения старицкого князя, названные в П. «столпниками» (видимо, «стольники»), обсуждают возможность «сложити с собя князю Ондрею Ивановичу крестное целование, убоаяся поиманья от великого князя». С твердостью отказывается от этой возможности Иван Иванович Кольчев Умный. На этом месте текст П. обрывается.

П., по-видимому, заканчивалась теми же известиями, что и рассказ об Андрее Старицком в летописях: описанием ареста и гибели князя Андрея и заточения его жены и сына.

Наиболее существенным отличием П. от рассказа летописи является отсутствие в П. сведения о попытке князя Андрея бежать в Литву, «за рубеж». Не объяснено также в П., в чем состояли «великие обиды» Андрея Ивановича на московских правителей.

Весьма вероятно, что П. не мыслилась как самостоятельное произведение и создавалась в качестве дополнения к летописным статьям. Возникла она, по-видимому, в кругах близких последнему удельному князю Андрею Старицкому. По мнению М. Н. Тихомирова, автор был близок к князьям Оболенским. Возникновение П. вероятнее всего относить к 1530-м гг., вскоре после гибели Андрея Ивановича Старицкого.

Изд.: Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVII в. // Изд. М., 1941. Кн. 10. С. 84—87 (то же // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 220—224); ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 356—357.

Лит.: Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 53—74; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 243—247; Полосин И. И. «Повесть о поимании князя Андрея Старицкого» — источник для истории опричнины Грозного // И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 58—63; Крыльников Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1966. Т. 294. С. 27, 69 и др.

О. А. Белоброва

Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли, како и от чего и откуда начало изыде тех бед и напастей написана в 1654 г. Заглавие П. имеет добавление: «Выписано из летописных книг и от иных повестей». Тем самым автор указал на компилятивный характер своей П. о событиях начала XVII в. в России. Неоднократно повторяя это указание в тексте, он называет в некоторых случаях конкретные источники. Так, о Борисе Годунове и царе Феодоре Ивановиче он сообщает «яко же о нем писано в житии его», имея в виду «Повесть о честном житии царя

Федора Ивановича» патриарха *Иова*. Под «летописью русской» автор подразумевает *Никоновскую летопись* с ее продолжением — «*Новым летописцем*», из которого в П. больше всего заимствований: описание гибели царевича Димитрия, рассказ о гонениях Бориса Годунова на митрополита Дионисия и на бояр, история Лжедмитрия I, сообщение о распространившемся при Годунове разбойничестве и борьбе с ним и т. д. Подобно авторам Хронографа редакции 1617 г. и «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*», автор П. к событиям начала XVII в. в России приводит параллели из истории Византии. Из «Сказания» *Авраамия Палицына* в П. использованы помимо других известий описание пожара в Москве после смерти царевича Димитрия, голода 1601—1603 гг., венчания на царство Бориса Годунова и др. Из отдельных замечаний автора ясно, что он и сам был современником Смуты, но полная зависимость от перечисленных произведений снижает ценность П. как исторического источника. Автор П. и не ставил своей целью сообщить что-то новое о давно минувших событиях, но проявляет самостоятельность в их осмыслении. Заметно желание автора П. подробно объяснить все, о чем в источниках только упомянуто или недоговорено. Например, противопоставление злодеяний Бориса Годунова и его заботы о народе во время голода в ранних произведениях дается только путем перечисления фактов. В П. оно имеет обширный разъясняющий комментарий. Добрые дела не избавили Бориса от божьего суда, потому что богу «его добродейания не угодно бысть», ибо он убил своего господина и захватил его «достояние».

Внутриполитические события Смуты в П. часто изображаются как проявления социально-классовой борьбы: поддержавшие первыми Григория Отрепьева донские казаки преследовались правительством Годунова; принявшие самозванца многолюдные «украинные грады» были сплошь заселены беглыми крестьянами и холопами; армию *И. И. Болотникова* составляли «холопи боярские и донские казаки», которые казнили «во всех градах бояр и воевод. . . и дворян честных»; неудача ополчения князя *Д. Т. Трубецкого* имела своей причиной «нелюбие» «уездных людей» к дворянам.

Рассказ о Смутном времени выполнял в П. служебную роль. Намерение автора заключалось в том, чтобы показать польского короля и «сенаторей» главными виновниками разорения России и гибели множества русских людей. Эту мысль он последовательно доказывает на протяжении всей П., перечисляя их «неправды». Согласно автору П., польское правительство сознательно воспользовалось внутренними неурядицами России для нападения на нее с целью установить «латинскую веру». Других причин не было, поскольку «ни земли их не захом, ни ссоры порубежные с ними ни сотворихом, но пребывающе в мире и любви мнозе». Поляки причинили неисчислимо зло русскому народу, лишив жизни множество людей, огнем и мечом уничтожив города, монастыри и деревни.

Через всю П. проходит мысль о божественной справедливости. Бог наказал русский народ «за грехи», но он и защитил его, сохранил страну и православие в России. Все виновники «московского разорения», начиная с Бориса Годунова и Отрепьева, наказаны, теперь пришло время возмездия для Польши. Наказание уже началось, как видно из того, что в Польше сложилась обстановка, подобная ситуации в России в начале XVII в. Орудием божественного возмездия должна стать Россия, потому что кроме мести за «разорение» у нее имеются еще причины наказать «еретиков». Главная из них состоит в том, что поляки, когда-то сами бывшие в православии, притесняют в «Малороссии» православных христиан, которые обратились к царю с просьбой о защите и помощи.

П. представляет собой настоящий политический памфлет, который содержит доказательства справедливости начатой Россией войны и откровенный призыв к беспощадному возмездию: «. . . день отмщения настоит,

и время воздаяния належит нечестивым, и унижения гордым». Автор П. является представителем крайнего направления, образовавшегося в России в период длительного обсуждения вопроса о присоединении Украины к России, т. е. вопроса о войне с Польшей.

Весьма пристрастный в суждениях о поляках, автор П. не менее субъективен и в отношениях к своим оппонентам, которых характеризует довольно оскорбительными словами. Тот, кто упрекает его в том, что он радуется кровопролитию в Польше, «той зело млад есть не токмо леты, но и умом», ибо и сам не помнит, и из книг и устных рассказов не познал всех бед «от тех еретиков».

Стилистические особенности П. обусловлены в значительной мере ее компилятивным характером и публицистической задачей автора. Экспрессивные риторические восклицания по поводу несчастий страны были свойственны всем литературным источникам П., как и не менее эмоциональные обвинения по адресу поляков, хотя здесь автор чаще всего проявляет собственную инициативу. Ссылки на библейские книги традиционны для всей древнерусской литературы, однако П. отличается особенной продуманностью в их использовании. Во-первых, в ней присутствуют цитаты почти исключительно из Псалтири. Во-вторых, их чрезвычайно много, и они заключают каждую мысль, каждый аргумент автора. Отличительной чертой стиля написанной книжным языком П. служит традиционное по содержанию, но изложенное в стихотворной форме начало. Автор говорит в нем о сложностях творчества:

Труд душевный глаголати понужает мя,
а язык молчати осужает мя;
, болезни сердечныя вешати наставляют,
а мысли разумныя душу оставляют;
, очи желают точити слезы,
, и душа моя болезнует, еже прияти мысли трезвы.

П. дошла до нас только в двух списках, которые сохранились в сборниках второй половины XVII в., — ГБЛ, собр. МДА, № 201 и 203. Список П. в рукописи № 203 весь испещрен поправками и добавлениями, написанными над строками и на полях рукописи. Список № 201 представляет собой беловой вариант списка № 203, ибо в него бережно внесены все добавления и поправки из списка № 203. Обе рукописи ранее входили в состав библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Сборник № 203 содержит вкладную запись бывшего владельца *Симона Азарьина*. Исходя из этого А. Н. Попов признавал список П. в сборнике № 203 автографом Симона Азарьина, а его самого автором П., тем более что не видел в монастыре в середине XVII в. другого писателя, способного создать подобное произведение. Новейшая исследовательница П. Н. М. Уварова подтвердила предположение А. Н. Попова. По ее мнению, «отношение к тексту „Повести“ в сборнике № 203 и характер исправлений позволяют предполагать, что переписчик и автор повести, по-видимому, являются одним и тем же лицом», а произведенный ею палеографический анализ свидетельствует о том, что оба списка написаны рукой Симона Азарьина.

Наблюдения А. Н. Попова и Н. М. Уваровой позволяют уточнить сравнение П. с другим сочинением Симона Азарьина — «Книгой о новоявленных чудесах преподобного Сергия» (ПДП. СПб., 1888. Вып. 70. С. 1—131). Их сближает ряд признаков: время и обстоятельства их появления, содержание и стиль. Отдельные факты и события в них описаны в сходных выражениях, иногда совпадающих дословно.

Изд. Попов А. Н. Повесть о разорении Московского государства и всея Российской земли // ЧОИДР. 1881. Кн. 2, разд. 9. С. 1—51.

Лит.: Леонид, архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной акаде-

мии). М., 1887. Вып. 1. С. 86—92, 140—156; Платонов. С. 396—401; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 66—67, 256—257; Уварова Н. М. Симон Азарьин как писатель середины XVII века: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1975; Клитина Е. Н. Симон Азарьин: (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 298—307.

Г. П. Енин

Повесть о Скандербеге, князе Албанском, знакомит русского читателя XVII в. с биографией албанского князя Георгия Кастриота (1404/5—1468 гг.) и с его борьбой против турецкого нашествия. Согласно П., его отец, Иван Кастриот, вынужден был отдать сыновей султану в заложники. При дворе султана Георгий был обращен в мусульманство и стал знаменитым полководцем, за что получил в честь Александра Македонского имя Скандербег (Искандер-бег). После смерти Ивана Кастриота султан отравил братьев Скандербега, и тот, боясь такой же участи, воспользовался поражением турок от венгерского и польского королей в битве при Неше на реке Мораве и ушел с албанскими воинами на родину. Там он собрал союз албанских князей и при поддержке сербских и некоторых итальянских правителей, Венеции и папы Пия II повел успешную войну против турок, препятствуя не только завоеванию Албании, но и проникновению турок в Европу. В войне Скандербег действует против полчищ врагов малыми силами, умело применяя партизанские методы в условиях горной Албании и используя неприступность ее крепостей. Только после смерти Скандербега туркам удалось добиться успехов, взять ряд крепостей, в том числе столицу Албании Крою (Крюю). В городе Леше турецкие солдаты раскопали могилу Скандербега и сделали из его костей амулеты.

П. о С. посвящена реальному историческому деятелю и, казалось бы, должна представлять собой сочинение исторического жанра. Большая часть ее — описание военных действий, дипломатических переговоров, рассказы о судбах как соратников Скандербега, так и его врагов. В европейской литературе XV—XVI вв. интерес к Скандербегу был велик, и о нем писались книги.

Путь истории о Скандербеге к русскому читателю довольно сложен. Непосредственным источником русской повести считается *Хроника Мартина Бельского* (1495—1575), на что указано в заглавии большинства списков: «Повесть о Скандербеге, княжати Албанском, выложена с польские кроники на руское, с Мартинова писма Бельского». Однако труд Бельского отличается своим компилятивным характером. В истории Скандербега им использовано сочинение младшего современника Скандербега — Мартина Барлетия (1450—1512), жителя города Шкодера, отчего его еще называют Мартин Скадранин, и анонимная южнославянская (или сербская) повесть, отождествившая Скандербега с его союзником и родственником — сербским владельцем княжества Зета Стефаном Черноевичем. Повесть о Скандербеге-Черноевиче также восходит к книге Барлетия.

Исследователи заметили существенное отличие русской повести от 4-й главы *Хроники Мартина Бельского* — как по идейной направленности и характеристике главного героя, так и текстуально. Сравнение русской повести с *Повестью о Скандербеге-Черноевиче* позволяет говорить об их большем взаимном сходстве, чем о близости русской повести к *Хронике Бельского*. Возможно, что ссылка на Бельского появилась у позднейших переписчиков, сопоставивших русскую повесть с широко известной *Хроникой* (переведена в 1584 г.) и не знакомых с южнославянской повестью (от конца XVI—начала XVII в. до нас дошел один список — ГПБ, Q.IV.341; опубликован: Лавров П. Разбор труда П. А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем» . . . , представленного на соискание премии проф. Котляревского // СОРЯС. СПб., 1906. Т. 81. С. 57—106).

Барлетий строил свое повествование на легендах, устных преданиях, что делало его книгу произведением скорее литературным, нежели историческим. Это расхождение с исторической действительностью было воспринято и русской повестью, отличающейся большим количеством неточностей. На самом деле братья Скандербега не были отравлены, сам он не бежал из турецкого войска, а был отправлен султаном Муратом на родину в качестве санжака и только потом поднял Албанию на борьбу с турками, султан Мурат умер не под стенами Круи, а уже вернувшись в Адрианополь, и пр.

Следуя за предшествующими ей сочинениями, русская повесть излагает военные события в хроникальном стиле, нигде не прибегая к характерным образам воинских повестей. В центре памятника стоит народный вождь Скандербег, его военное искусство, его патриотизм, его забота о подданных и воинах. Большое место в П. занимают его речи, обращенные к народу, и его послания к врагам. Жизненный путь Скандербега завершается последней битвой, ради которой он встал со смертного одра, «скорбно изнемогаючи». Автор наделяет своего героя и чисто житейскими чертами. Так, Скандербег долго скрывает свое намерение, изменив султану, вернуться на родину. Для этого он льстит султану («О милостивый царю Амурате, не умре отец мой, ни братия моя, никто ближних приятелей моих, коли ты здрав, Амурате!»), доказывает свою преданность, одерживает для него победы.

Этот интерес к человеку с его особым индивидуальным характером — новая черта, появившаяся в древнерусских сочинениях начала XVII в. (Л и х а ч е в Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 7, 14—16).

Устно-поэтические мотивы, заимствованные из книги Барлетия и перенесенные в русскую повесть, обусловили ее легендарно-беллетристический характер. Легендарны приметы, связанные с рождением Скандербега, — его мать видела вещий сон, будто бы она родила ужа, который гонит и кусает турок. На плечах Скандербега было знамение в виде меча. Традиционна тема издевательских подарков — Скандербег посылает турецкому полководцу, албанцу по происхождению, Балпбану-паше соху и предлагает ему вернуться на родину и по-старому пахать землю (ср. с началом *Легендарной переписки Ивана Грозного с турецким султаном*: «Плужному моему ратаю и тележному паганатаю. . .»). К устному творчеству можно отнести пословицы и афоризмы, которыми насыщена П., например: «притягаешь меня к себе гладким словом, что магнит железю»; «что глухому сказывать, коли не слышит, а глушому, коли не разумеет»; «малые люди великих бьют, потому что их много, а нас мало и нам есть кого бить, а им некого» и пр. Отголоском народных плачей можно считать плач по Скандербегу его соратника Лека Дукаина: «Ныне города наши и стены повалились, ныне сила и слава наша вся упала, ныне надежда наша вся миновалась. . .».

Русская повесть, так же как и южнославянская, в меньшей степени, чем Барлетий и Бельский, использует книжные примеры и аналогии. Так, в нее не проникли ссылки на античных авторов, сравнение речей Скандербега и Цицерона, а также Скандербега и его противников с полководцами древности — Александром Македонским, Пором, Дарием, Ксерксом и др. Книжные темы и сюжеты сохранились в тех случаях, когда они отвечали интересам и знаниям русских читателей. Прежде всего это рассказ о взятии Царьграда турками в 1453 г. *Нестора Искандера*. Повесть об этом событии, широко распространенная в русских рукописях, соседствует в сборниках с П. о С. О взятии Царьграда повествуется у Мартина Бельского, в сочинениях *И. Пересветова*, в *Хронографе* 1617 г. Тема падения Царьграда непосредственно связана с борьбой Скандербега против турок, ибо, как признается султан Амурат перед

смертью своему сыну, будущему завоевателю византийской столицы, — «уже бы в то время Царьград взял, только бы мне не Скандербег мешал».

Вслед за авторами XV в. в русской П. о С., хоть и кратко, излагается теория смены царств. Скандербег пишет в назидание султану: «Разумей перемену часов и памятуй, где халдеи, где миди, где персы, где сиряне, где греки, где римляне, где индейне — все те именовались государи всего света».

В П. о С., как начиная с XV в. и в некоторых других памятниках древнерусской литературы, поднимается вопрос о происхождении турецких султанов. В противовес турецким хронистам и некоторым византийским историкам в древнерусской повести начала XV в. о *Темир-Аксаке*, в сочинениях Ивана Пересветова, Мартина Бельского, у публицистов первой четверти XVII в. и авторов *Повестей о взятии Азова* говорится о низком происхождении османских правителей — от разбойничьих атаманов.

Наконец, в П. о С. идет религиозно-идеологическая полемика о превосходстве вер: султан призывает Скандербега вернуться к мусульманству, Скандербег же видит единственное спасение султана и его подданных в принятии христианства. Обычно эти вопросы дебатуются в вымышленных публицистических посланиях, написанных по единому образцу (ср. переписку с султаном Ивана Грозного, цесаря Леопольда с перепиской Скандербега).

П. о С. относится к памятникам беллетристической публицистики антитурецкого направления, начинающейся *Повестью о двух посольствах*, Азовскими повестями и кончающейся вымышленными посланиями султана запорожским и чигиринским казакам и европейским государям, созданными во второй половине—конце XVII в. Во всех этих произведениях турки выступают врагами всего христианского мира. На этом фоне П. о С., рассказывающая об успешной борьбе с турками, отвечала политическим интересам русских читателей, ощущавших реальную угрозу военных столкновений с Турцией и находившихся в почти постоянном военном противостоянии с союзными Турции татарскими государствами.

Исследование П. о С. нельзя считать исчерпывающим. Рукописная традиция ее изучена недостаточно. Известно 10 списков памятника второй половины XVII в. В основу двух изданий (Н. Н. Розова и П. Н. Попова) положены разные списки, причем представления издателей о движении текста диаметрально противоположны: Н. Н. Розов считает представителем архетипной группы список ГПБ, Соловецкое собр., № 1495/36 (но не середины, по датировке Розова, а 70—80-х гг. XVII в.), П. Н. Попов считает первичным список ГБЛ, собр. Егорова, № 862 (второй половины XVII в.), сохранивший большее количество украинизмов (или полонизмов). Ни одним издателем не представлена стемма соотношения списков. Недостаточно аргументирована датировка П. концом XVI—началом XVII в. Требуется дополнительных доказательств предположение о ее появлении на Украине либо в пограничных с Польшей областях Украины или Белоруссии. (Нет никаких препятствий для отнесения памятника к среде московских деловых кругов). Наконец, автор П. определен только как писатель-публицист — без каких-либо, хотя бы предположительных, попыток связать его с социальными и литературными кругами его времени.

Изд.: Повесть о Скандербеге / Изд. подгот. Н. Н. Розов и Н. А. Чистякова. М.; Л., 1957 (сер. «Литературные памятники»); Попов П. М. Албания в російській та українській літературах XV—XX ст. Київ, 1959. С. 43—111, 258—295, 314—315.

Лит.: Димитрова А., Янакиевъ М. Предания за исторически лица въ българскитѣ народни умотворения // Известия на семинара по славенска филология на Университета въ София. София, 1948. С. 510—511; Розов Н. Н. Повесть о народном герое Албании в древнерусской письменности // ИОЛЯ. 1953. Т. 12, вып. 6. С. 497—509; Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая исто-

рия Албании / Под ред. А. Ф. Миллера. М., 1965. С. 20—33; Д у и ч е в И. С. Георги Кастриоти-Скандерберг в славянската литература от XV—XVII в. // Георги Кастриоти Скандерберг (1468—1968). София, 1970. С. 79—110.

М. Д. Каган

Повесть о создании и поплении тройском создана древнерусским книжником (вероятнее всего — составителем первой редакции *Русского хронографа*) на основе двух источников: рассказа о Троянской войне в *Хронике Константина Манассии* (главы «Зде поведует како вечернии елини и восточнии междусобнуя рать сътвориша велику некогда») и южно-славянского перевода повести о Троянской войне; текст ее под заглавием «Повести о известованных вещей еже о краlech причя и о рождених и пребываних» (в литературе повесть именуется обычно «Притча о краlech») известен в составе Ватиканского и Софийского списков болгарского перевода «Хроники Константина Манассии». (Он издавался в составе текста «Хроники», а также отдельно; см., например: В е с е л о в с к и й А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 2. Славяно-романский отдел // СОРЯС. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С. 25—121). Искусно соединив в единое повествование фрагменты из обоих текстов, древнерусский книжник создал свой самостоятельный рассказ о событиях Троянской войны. Повествование начинается рассказом об основании Трои, затем излагается история Париса (в повести он именуется Александр Фариж) и похищения Елены, описываются поход греков на Трою, осада и взятие города, сообщается о последующей судьбе героев (по этой версии Менелай отрубает головы Елене и Парису). П. вошла в состав 106-й главы Хронографа редакции 1512 г. (см. Русский хронограф); она читается также в составе Хронографа Западнорусской редакции и Хронографов редакции 1599 и 1601 гг. В редакциях Русского хронографа XVII в. эта П. была заменена другим рассказом о Троянской войне, восходящим к *Хронике Мартина Бельского* (Повестью о златом руне волшебного овна). Известно несколько списков П. в составе рукописных сборников XVII—XVIII вв., куда она была выписана из Хронографа. Кроме того, П. вошла в состав первого тома *Лицевого летописного свода* (ГИМ, Музейское собр., № 358, л. 1003—1028 об.), где она соседствует с другим памятником, посвященным рассказу о событиях Троянской войны, — переводом «*Троянской истории*» *Гвидо де Колумна*. П. была наиболее распространенным в древнерусской литературе произведением по мотивам Троянского эпоса (см. также: «*Повесть о златом руне волшебного овна*», «Троянская история», *Хроника Иоанна Малалы*).

Изд.: П ы п и н. Очерк. С. 50—56, 306—316; Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 218—224; Русский хронограф. Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 37—43; Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и статьи О. В. Творогова; коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: П о п о в. Обзор. Вып. 1. С. 124—126; Адрианова-Перетц и Пыровская. С. 118—123; Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 162—163; Истоки беллетристики. С. 277—281.

О. В. Творогов

Повесть о старце, просившем руки царской дочери, — один из наиболее ранних памятников русской беллетристики (светского сюжетного повествования). В основе П. лежат два популярных фольклорных сюжета: новеллистическая сказка о женитьбе на царской дочери (ср.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 862 = Аарне—Андреев, № *841¹) и волшебная сказка о духе в бутылке (№ 331). В П. рассказывается, как некий старец был смущен словами Евангелия от Матфея: «Толците — отвярзется вам, просите — дасться вам; ищите — обрящете». Он добрался до царских врат и толкнул в двери; царь пустил

его. Обрадованный подтверждением первой части евангельских слов, старец просит царя дать ему дочь в жены. После однодневного размышления царь не отказывает старцу в его просьбе, но предлагает добыть сперва «камень драгий самоцветной». В пещере мертвого отшельника в Лукоморье старец находит стеклянный сосуд, в котором «вечто борчит, акы муха». В сосуде оказался бес, запечатанный положенным сверху крестом (мотив, встречающийся и в житийной литературе). Старец согласился выпустить беса из сосуда, если тот пообещает ему добыть из моря драгоценный камень. Бес, ставший огромным, бросился в море, вынес камень и отдал старцу. Испытание, задуманное старцем, тем самым как будто заканчивается; евангельские слова подтвердились; но П. о с. этим не заканчивается — она продолжается в соответствии с сюжетом волшебной сказки. Старец спрашивает беса, может ли он опять уменьшиться, чтобы залезть в сосуд, — бес уменьшился и вскочил ему на ладонь; старец снова запечатал его крестом. Конец П. оказывается неожиданным для читателя. Верный обещанию царь, получив от старца драгоценный камень, соглашается отдать ему свою дочь, но старец отказывается: он хотел только проверить верность евангельских слов. Он оставляет царю и драгоценный камень и дочь и возвращается в пустыню. П. о с. дошла до нас в нескольких редакциях. Древнейшая ее редакция, краткая (по классификации Н. Н. Дурново), сохранилась в единственном списке — ГПБ, Софийское собр., № 1478, — составленным не позднее первой трети XVI в.; наиболее вероятная дата написания П. — конец XV в.

Судьба П. о с. во многом совпадает с судьбой других беллетристических памятников — «Александрии», «Стефанита и Ижнмата», «Повести о Дракуле» и других. Фольклорное происхождение предопределило ряд стилистических особенностей П. В отличие от большинства письменных памятников того времени в П. о с. действуют анонимные персонажи, не претендующие на историчность. Речи действующих лиц кратки, лаконичны и непосредственно связаны с действием. «Царю господине! Есть у тебя дщи — дай ми ее!» — просит герой П., старец. «На утрие ответ дам ти, старче», — столь же лапидарно отвечает царь. «Дщи твоа тебе, и камень драгий тебе», — заявляет старец в заключение П. Необычное поведение старца — его сватовство к царской дочери — в краткой редакции, в соответствии с принципами сказочной поэтики, никак не мотивируется. Все это никак не соответствовало дидактическим принципам обычных в духовной литературе «полезных повестей».

Дальнейшая судьба П. о с. предопределялась ее литературным своеобразием. От XVI в. не дошло больше ни одного списка П. Две последующие редакции — обычная и сводная — относятся к XVII и последующим векам; пространная редакция представлена только списками XIX в.; в XIX в. был записан также ряд устных версий П. о с.

Редакторы XVII и последующих веков пытались устранить непривычные особенности П., усилить этикетные черты и придать ей традиционный «учительный», дидактический характер. Они дали имена анонимным героям: в обычной редакции старец стал именоваться «преподобным Варлаамом», царь — Феодосием, и даже бес получил имя Телокх (или Гелокх). Получило разъяснение и странное сватовство старца к царевне; в обычной редакции царь выражал удивление по этому поводу: «Искушаеши мя, что сия глаголеши, яко неудобно есть чернецу женитися»; в сводной и пространной редакциях старец тут же цитирует евангелие, лишая тем самым сюжет его загадочности и занимательности. В краткой редакции бес, как и положено в сказке, был одурачен; в обычной редакции он заранее догадывался, для чего старец (уже получивший сокровище) просил его уменьшиться: «Что мя искушаеши, старче? Хочеши мя опять в корчагу сию вогнати?» — спрашивает он и тем не менее, хотя и постепенно, засовывая руки, ноги, голову, влезает в корчагу. «Старец мя обманул и в корчагу по пояс уже посади», — замечает бес, но продолжает вле-

зять. В пространной редакции была сделана даже попытка справедливого разрешения коллизии между сдержавшим свое обещание бесом и коварным старцем — вернувшись в пустыню, старец обращается с молитвой о прощении заточенного беса: «Аз, грешный, . . . кляхся ему свободити его, но и он, прелестник, . . . клятву свою не преступил, а я того беса в ковчеге паки загородил. . .». Ходатайство старца возымело действие: «. . . услышана бысть молитва твоя перед богом», — сообщают ему.

П. о с. стала предметом литературоведческого исследования довольно поздно — в начале XX в. — и была переиздана вторично лишь недавно. Вопрос об авторстве П. и о месте ее создания также не исследован.

Изд.: Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесу в византийской и старинной русской литературе. Ч. 3. Повесть о старце, просившем руки царской дочери // Древности. Слав. Т. 4, вып. 1. С. 103—152, 322—326; ПЛДР. М., 1984. Вып. 6. С. 48—51 (коммент. С. 674—675).

Лит.: Дурново Н. Н. Повесть о старце, просившем руки царской дочери // Новый сборник статей по славяноведению / Сост. и изд. учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 344—347; Смирнов А. И. Сборник великорусских сказок Архива РГО. Вып. 1—2 // Записки РГО. 1917. Т. 44. № 353; Истоки беллетристики. С. 361, 375—376, 384—385; Демкова Н. С. Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII в. // Вопросы сюжетной композиции. Горький, 1984. С. 33—41.

Я. С. Лурье

Повесть о Фроле Скобееве. Во всех 9 списках П. о Ф. С. (самый ранний из них относится к первой половине XVIII в.) автор прямым образом себя не проявляет. Это произведение строго эпическое, без авторских отступлений, без «мы»- либо «я»-фрагментов, даже без авторских оценок. Материалом для суждений об авторе могут быть лишь данные текста — язык и стиль, фабульные реалии и сюжет. Прежде чем обратиться к этим данным, необходимо заняться вопросом о датировке произведения.

Относительно датировки существуют две точки зрения. Согласно одной из них, П. возникла в конце XVII в. Единственное основание такой датировки — 1680 год, к которому отнесены похождения героя в некоторых списках. Не говоря о том, что при отсутствии научного издания мы не можем судить, содержалась ли эта дата в оригинале (или в протографе дошедших списков), использование ее в качестве датирующего признака — недоразумение. Речь идет о приурочении к определенному году описанного события, а вовсе не самого описания.

Вторая точка зрения, высказанная еще И. Е. Забелиным, поддержанная А. Н. Пыпиным, а в наше время подробно обоснованная Н. А. Баклановой, гласит, что П. о Ф. С. была создана в первые годы XVIII в., но до введения Табели о рангах, которая в тексте никак не отразилась. Аргументы в пользу такой датировки многочисленны и весомы. Указывают на то, что автор ведет свой рассказ как повествование о минувшем. Указывают также, что в бойком канцелярском стиле П. явно отразилась эпоха реформ Петра I: здесь часто и привычно употребляются такие заимствования из западноевропейских языков, как квартира, реестр, персона (в значении «особа») и т. д. Хотя порознь все эти варваризмы можно отыскать в русских документах XVII в., в частности в делах Посольского приказа, но, взятые в совокупности, они типичны как раз для текстов Петровской эпохи.

Самая стилистическая установка — на отказ от словесного этикета, от словесной «красоты» — характерна для этого периода. «В Новгородском уезде имелся дворенин Фрол Скобеев. В том же Новгородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелас дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах». Понять специфику этой установки помогает литературная политика Петра I, который был заказчиком, редактором и даже соавтором многих изданных при нем книг.

Петр предписывал литераторам «Посольского приказу употреблять слова». «Слова Посольского приказу» — это стиль канцелярского делопроизводства, стиль дела, а не извятие словес, стиль, который не заботится об изяществе и красоте. Им Петр объявил войну, отождествляя словесный этикет с косностью и шаблонным мышлением.

В этом отношении автор П. о Ф. С. — «птенец гнезда Петрова». Он пишет рублеными, небрежными фразами, о чем красноречиво свидетельствует канцеляризм «иметься» — единственный глагол начальных фраз, трижды кряду употребленный. Такая манера вовсе не говорит о том, что автор П. — плохой стилист. Это не плохой стилист, а литератор, который сознательно не ценит хороший слог (в средневеково-этикетном его понимании).

Для автора важна прежде всего интрига. Это понятно, поскольку П. о Ф. С. — первая русская плутовская новелла. Хотя ей и предшествовали опыты в этом жанре (например, *повести о Шемякином суде*, *о бражнике*, *о Карпе Сутулове*), но в них русский колорит представляет собою лишь поверхностное наслоение. Национальные реалии в ранних новеллах легко поддаются устранению или замене, и в итоге на первом плане оказывается интернациональный новеллистический субстрат.

Автор П. о Ф. С. завязывает интригу как мастер и чисто по-русски. В первой части П. действие протекает на святках — в период ряжения и эротических игрищ. Неигровое поведение Фрола Скобеева уместно для русского читателя именно в это время. Вторая часть П. построена на других принципах.

По отношению к первой она контрастна. Этот композиционный контраст воспринимается как сознательный авторский прием, как художественное замещение непредсказуемого сюжетного поворота, узаконенного поэтикой новеллы. Во второй части сюжетная занимательность отодвигается на задний план. Не события, а характеры, не поступки героев, а их переживания интересуют теперь автора. В первой части он был мастером интриги. Во второй он проявил себя знатоком психологии. Он — впервые в русской литературе — индивидуализирует речь персонажей, отделяет их высказывания от авторских. Из реплик героев читатель узнает не только об их действиях и намерениях — он узнает также об их душевном состоянии. Этой художественной переакцентуации соответствует медленное течение сюжета, его заторможенность диалогами и жанровыми оценками.

Фрол Скобеев — это типичная для XVII в. фигура, появившаяся в атмосфере утверждения и постоянного возрастания личностного начала. Похождения Фрола датированы 1680 г. Год спустя, как известно, в торжественной обстановке царь и бояре предали огню списки разрядных книг. Это был символический акт: отныне и навсегда надлежало служить «без мест». Решившись покончить с местничеством, верхи если не упразднили сословные перегородки, то сделали их преодолимыми. Такое хронологическое совпадение, даже если оно случайно, весьма знаменательно. Отныне путь к власти и богатству не был заказан «плутам и ябедникам», таким, как Фрол Скобеев.

Отмена местничества узаконила русский фаворитизм. На сцене истории появились выскочки вроде Нарышкиных, Скавронских и Гендриковых. Литературным воплощением этого реального типа стал Фрол Скобеев. Его «плутовская» женитьба на стольничьей дочери, его девиз «Буду полковник или покойник!» точно выражают стремление добиться успеха любой ценой, любыми средствами. Фрол Скобеев — это фаворит в миниатюре.

Социальная физиономия автора в общем ясна. Он всецело на стороне «новиков», Фрол Скобеев вызывает у него не осуждение, а полное понимание, даже восхищение. Высказывалось предположение, что автор П. — из московских подъячих (А. И. Соболевский). Это вполне вероятно, хотя представляет собою простую догадку (никаких побочных материалов

об авторе в нашем распоряжении нет). Более или менее твердо можно говорить лишь о московском жителстве или происхождении анонимного автора: он прекрасно знает топографию Москвы, хорошо разбирается в московских чинах, верно отражает быт московских сословий. Предположение о том, что автор — выходец из южных уездов России (М. А. Соколова), не представляется убедительным.

Изд.: Москвитянин. 1853. Кн. 1. Отд. 4. С. 3—16 (по копии с рукописи И. К. Куприянова; местонахождение рукописи ныне неизвестно); Москвитянин. 1853. Кн. 3. Отд. 8. С. 81—82 (варианты к предыдущему изд. по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1617); Б у с л а е в. 1) Историческая хрестоматия. Стб. 1439—1441 (фрагмент из первого изд. П.; то же во 2—12-м изд. «Исторической хрестоматии»); 2) Русская хрестоматия, 1917. С. 178—186 (по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 945); Синовский. С. 59—70 (по рукописи собр. Титова, № 2461; местонахождение рукописи ныне неизвестно); Д у н а е в Б. И. Библиотека старорусских повестей: История о российском дворянине Фроле Скобееве. М., 1916 (перепечатка изд. В. В. Синовского); П о к р о в с к а я В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве (по неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 264—297 (по рукописи ГБЛ, собр. Тихонравова, № 486; ГПБ, собр. Погодина, № 1617; БАН, № 45.8.1; собр. Титова, № 2461 — по изд. В. В. Синовского, ГБЛ, собр. Ундольского, № 945; ГИМ, собр. Забелина, № 536); Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 326—334 (по изд. В. В. Синовского с испр.; то же в других изд. «Хрестоматии»); С к р и п и л ь. Русская повесть. С. 155—166; Б е г у н о в Ю. К. 1) Тартуский список «Повести о Фроле Скобееве» // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1962. Вып. 119. Труды по рус. и слав. филологии. Т. 5. С. 364—375; 2) Бежецкие отрывки «Повести о Фроле Скобееве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 355—361 (по рукописи ГБЛ, ф. 218, № 1088); Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 686—696 (по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1617, с исправл. по изд. «Москвитянина», спискам Тартускому и БАН, № 45.8.1).

Лит.: Забелин И. Е. Еще несколько слов о «Фроле Скобееве» // Отеч. зап. 1853, май. Отд. 5. С. 107—108 (под загл. «Заметка о старинных повестях» перепечатано в кн.: Забелин И. Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 192—193); П ы ц и н. Очерк. С. 282—284; В е с е л о в с к и й. Памятники. Т. 2. С. 511—516; Я в о р с к и й Ю. А. Отчет о деятельности ОРЯС АН за 1907 г. // СОРЯС. СПб., 1908. Т. 84. С. 53—54; К о н о н о в Н. Н. Повесть о Фроле Скобееве // Древности. Слав. Т. 5. Протоколы. С. 6—7; С о б о л е в с к и й А. И. Повесть о Фроле Скобееве // Б у с л а е в. Русская хрестоматия, 1917. С. 177—178; П и к с а н о в Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 67—68; П о к р о в с к а я В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве (по неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 249—263; Соколова М. А. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве // Науч. бюлл. Ленингр. гос. ун-та. 1945. № 3. С. 33—34; С к р и п и л ь М. О. История о Фроле Скобееве // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 235—239; Б а к л а н о в а Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 511—518; Л и х а ч е в Д. С. Повесть о Фроле Скобееве // Истоки беллетристики. С. 558—561; П а н ч е н к о А. М. Переводная и оригинальная новелла. Повесть о Фроле Скобееве // ИРЛ III. Т. 1. С. 380—384.

А. М. Панченко

Повесть о царе Василии Константиновиче («Сказание о царе Василе Константиновиче по имени града Костептина») — сказочно-легендарное повествование первой половины XVIII в. о причине падения Константинополя при богоотступнике — царе Василии Константиновиче и о победе над Турецким царством его сына царевича Константина.

Специальных исследований эта повесть не имеет. В 1905 г. она была издана по единственному известному списку В. В. Синовским (ГБЛ, Музейное собр., № 2432, 1750 г.). В примечании к публикуемому тексту В. В. Синовский, ссылаясь на указатель Крумбахера, глухо определяет П. о ц. В. К. как «русскую народную переделку чуждого произведения» и отмечает в ней «полустертую связь с какими-то византийскими сказаниями о борьбе Царьграда с магометанством» (с. LXIII).

На наш взгляд, П. о ц. В. К., вероятнее всего, навеяна победами, одержанными Россией над Турцией в русско-турецких войнах второй поло-

вины XVII—первой половины XVIII в., и влиянием широко распространенных в это время переработок *Повести (Сказания) о взятии Царьграда турками*, а также печатных изданий этого текста (обзор которых приведен в работе М. Н. Сперанского). Однако П. не может быть определена как историческое сказание о борьбе с Турцией: ей не свойственна историческая достоверность изложения, и факты, описанные в ней, носят вымышленный, сказочно-легендарный характер.

Достоверных исторических имен и названий в П. почти нет, кроме упоминания «града Константина» (Константинополя) и «Царьграда», а также имени «Константин», в действительности принадлежавшего последнему византийскому императору, при котором пал Константинополь в 1453 г. Однако автор П. при этом допускает серьезные исторические ошибки и два названия одного и того же города относит к двум разным городам, которые между собой обмениваются посольствами и воюют, а именем Константин называет царевича-победителя, в то время как царь-богоотступник, при котором турки овладели Константинополем, назван Василием Константиновичем, а не «по имени града Костентина» (как указано в рукописном заглавии П.). Большинство действующих лиц П. — либо вымышленные персонажи, наделенные псевдоисторическими именами, либо сказочные герои (царица Ирина Дмитриевна, царь «неверных» «Долмат Евсеевич», «бусарманский» царь «Салтан Салтанович», послы, ханы, пажи, вельможи и паши, богатыри, дочь царя Долмата «прекрасная царевна», «два разбойника Перша да Ивашка» и пр.). Привлечение традиционных сказочных образов и приемов устной народнопоэтической, сказовой речи (типа «ой-еси» и пр.) придает П. черты сказочного повествования, что усиливается фонетической манерой записи текста, присущей списку 1750 г. Тем не менее памятник едва ли может быть отнесен к числу устных (записанных со слов) народных произведений. По всей видимости, это произведение книжное: композиция П. нечеткая, сложенная; она состоит из двух частей, связанных между собой мотивом борьбы за православие двух раскаявшихся разбойников «Перши да Ивашки», исполняющих одновременно и роль послов царевича Константина.

Историческая правдоподобность повествования достигается автором традиционным для древнерусской литературы способом оформления событий как дипломатических и военных церемониальных отношений христианских царей с ханами, царями и султаном Турецкого царства, при этом в изложение включаются вымышленные легендарные тексты посольских грамот, писем и речей, а также описание посольского ритуала обеих сторон. В связи с этим лексика П. пестрит книжными оборотами речи, претендующими придать повествованию торжественный тон. П. свойствен некоторый шутейный элемент, связанный с именами «Перши да Ивашки» и текстами так называемых посольских грамот и речей, которые напоминают отчасти легендарную переписку чигиринских казаков с турецким султаном.

Тематика П., в которой победа христианского царевича Константина над Турцией изображена как своего рода реванш за поражение, некогда понесенное христианами из-за вероотступничества царя Василия Константиновича, а также тема беспощадного осуждения царя-богоотступника, отрекшегося от Христа (анти-Христа) и поэтому достойного, с точки зрения автора, самого жестокого наказания, — эта тематическая направленность в совокупности с лексическими особенностями памятника (слово «паж», например, начинает употребляться только со времен Петра I) позволяют предполагать демократическую среду и возможные границы возникновения П. о ц. В. К.: начиная с петровской поры до времени ее переписки в 1750 г.

Изд. Сиповский. С. LXIII, 288—293.

7 Тр. Отд древнерусской литературы, т. XLI

Лит.: Розанов С. П. (Рец. на кн. В. В. Сиповского) // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. 9, кн. 4. С. 272, 277; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 248—249; С пер а н с к и й М. Н. Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызова: (Из истории русско-польско-болгарских связей на рубеже XVII—XVIII вв.) // С пер а н с к и й. Из истории. С. 211—224, 227.

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о царе Казарине и о жене его — древнерусская повесть на сюжет византийской истории. В 695 г. в империи произошел переворот: император Юстиниан II был низвергнут, ему отрезали нос и выслали его в Херсон. Он бежал в Хазарию, женился на сестре (или дочери) хакана Феодоре, затем привлек на свою сторону болгарского хана Тервеля, с болгарским войском подступил к Константинополю и овладел им. Узурпатор Леонтий был казнен.

В П. о К. исторические факты изменены: император без оснований назван хазарином; рассказывается, что Леонтий будто бы был убит, когда ехал на охоту; что, вернув себе царство, Юстиниан отверг жену-хазарку и женился вторично. Покинутая жена прибыла в Константинополь, явилась во дворец и попросила встречи с императрицей. В ответ на ее упреки новая жена Юстиниана ответила: «Твой еси муж, и не обижу тебе», — покинула дворец и постриглась в монахини.

Исследовавший П. о К. Н. А. Мещерский отметил в ней русские черты. Отдельные сюжетные мотивы позволяют, по его мнению, утверждать, что в повести отразились устные легенды: так, название места казни Леонтия, пригорода Константинополя, именовавшегося Кинигий, что буквально значит «псовая охота», послужило, вероятно, источником версии, что Леонтий был убит, когда ехал «на ловы».

Повесть читается в составе сборников и как дополнительная статья после текста хронографа и летописи, при этом в ряде случаев она соседствует с *Повестью о царице Динаре* — возможно, потому, что не сам Казарин, а его настойчивая жена представлялась истинной героиней повести.

П. о К. читается после текста *Летописца Еллинского и Римского* второй редакции (списки БАН, 33.8.13; ГБЛ, собр. Пискарева, № 162; ГИМ, Синодальное собр., № 86), после текста *Летописи Псковской* в рукописи БАН, 33.4.22, после текста хронографа в рукописи БАН, 17.9.9, после текста *Летописи Новгородской Дубровского* (ГПБ, F.IV.238), после текста хронографа (ГПБ, Q.IV.96), а также в сборниках: ГБЛ, собр. ОЛДП, № 286, сборнике из Библиотеки земли Бюртемберг в г. Штутгарте и др. Текст во всех просмотренных списках сходный.

Изд.: Попов. Обзор. Вып. 1. С. 94—95; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. // УИ. 1913. № 1. С. 23—24; Мещерский Н. А. К вопросу о византийско-славянских литературных связях // ВВ. 1960. Т. 17. С. 57—69; Демкова Н. С. Древнерусские рукописи в некоторых собраниях ФРГ // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 380—381.

О. В. Творогов

Повесть о царице Динаре («Слово и дивная повесть зело полезно о девице иверскаго царя дщери Динари царици»; «Писание о Динаре царевне, дщери царя Александра Мелека иверскаго, како власть иверскую правяше и како победи перьскаго царя и прия власть его»; «О приходе царя перскаго на иверскаго царство царствующий тогда иверским царством царевне Динаре по смерти же отца своего Александра»; «Чюдо пресвятыя богородицы иверския о Динаре царице, дщери иверскаго царя»; «Повесть о царевне Динаре иверския земли»; «Дивна повесть мужества и храбрости и мудрость целомудренна девица Динары царицы, дщери иверскаго царя Александра»; «Слово о девице, како царьство соблюди»; «О Динаре царице

иверьской»; «О девице Динаре иверскаго града, како победи перскаго царя») — Повесть, широко распространенна в рукописной традиции XVI—XIX вв.: к настоящему моменту известно более 130 списков (без учета списков особой редакции П., включенной в *Казанскую историю*).

Наиболее ранние списки памятника, относящиеся к концу 40-х—50-м гг. XVI в., находятся в сборниках литературного содержания (ГПБ, Софийское собр., № 1471; ГБЛ, Волоколамское собр., № 627). В конце 50-х гг. формируется новая редакция П., содержащая дополнительный фрагмент — вставку (ГИМ, Синодальное собр., № 356); значение редакции со вставкой заключается в публицистическом переосмыслении памятника.

В 60-е гг. XVI в. П. была включена в Прибавления к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г. (Сокращенного вида) вместе со Сказанием о крещении Афона и кратким русским летописцем (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, № 4013; ГПБ, Соловецкое собр., № 437/51 и др.), а в 90-е гг. XVI в. отредактирована для 2-й редакции Казанского летописца. Анализ прибавлений к *Хронографу* как литературного контекста П. о ц. Д., а также характер обработки П. для Казанской истории, как и наблюдения над редакцией со вставкой, свидетельствуют о публицистическом прочтении П. в литературе XVI в.

XVII век — время наибольшего распространения П. о ц. Д.; к этому времени относятся около 90 списков памятника. Публицистическое звучание П. в XVII в. резко ослабевает, и на первый план выдвигается религиозно-дидактический аспект. Об этом позволяет судить состав сборников XVII в., включающих П. о ц. Д.: в большинстве своем они имеют нравоучительный характер. Кульминацией религиозно-дидактического прочтения П. следует считать создание новой редакции, представленной в единственном списке XVII в. — ГБЛ, собр. Овчинникова, № 579: историческое сказание о войне грузинской царицы с персами преобразовано здесь в назидательную повесть, или в слово.

В XVII в. распространено было также отношение к П. как к историческому повествованию; об этом свидетельствуют включение ее в сборники вместе с воинскими повестями, летописцами и создание редакции без концовки (списки ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГИМ, собр. Щукина, № 698; ГБЛ, Музейное собр., № 4166). Параллельное существование религиозно-назидательного и исторического прочтений памятника связано с характерной для П. о ц. Д. слитностью «чудесного» и воинского начал.

В XVII в. зарождается интерес к занимательной стороне памятника. В списках ГПБ, Q.XVII.143; БАН, 17.5.6 текст П. значительно сокращен за счет развернутых сравнений, пространных назиданий, подробностей в описании битвы; сюжет прояснен, восприятие его облегчено. Расчленение текста на главы с названиями, отразившими основные этапы развития сюжета П. (список ГПБ, Q.XVII.143), также говорит об интересе к занимательной стороне сочинения. Одновременно происходит переосмысление сюжетной схемы П., связанное с отмеченным вниманием к событийному плану. В серии текстологически независимых друг от друга списков XVII в. (с усеченной концовкой) сведения о судьбе Грузии после победы Динары выводятся за рамки повествования; сочинение о всем царствовании Динары превращается в рассказ об отдельном эпизоде — войне с персами.

XVIII век отмечен спадом интереса к П.: резко уменьшилось по сравнению с XVII в. число сохранившихся списков, которые в большинстве своем представляют почти дословные копии более ранних протографов. П. попадает теперь преимущественно в исторические сборники, а также в сборники, тяготеющие к занимательному повествованию. Именно стремление сделать сюжет П. динамичней, занимательней привело к созданию единственной редакции XVIII в., отразившейся в списке ГБЛ, собр. Тихонова, № 54.

В XIX в. создаются две новые редакции П.; одна из них принадлежит И. С. Мяндину. Анонимная (распространенная) редакция XIX в. сохранилась в списке ГПБ, Q.I.1081. Поздние редакции П. представляют две тенденции в отношении старообрядческих книжников к древнерусскому литературному наследию: с одной стороны, стремление продлить жизнь раннего памятника, приблизив его к вкусам современников (редакция Мяндина), с другой — попытка сохранить архаичный стиль древнего текста (анонимная редакция).

Вопрос о датировке П. о ц. Д. в научной литературе решается неоднозначно. А. И. Соболевский, сконцентрировав внимание на языковых особенностях памятника, относил возникновение его к домонгольскому периоду. В последнее время эту точку зрения поддержал Т. П. Буачидзе. Большинство исследователей датируют П. XVI в., исходя из идеологической основы памятника (А. И. Соболевский, Л. С. Шепелева, А. А. Зимин), а также из общих тенденций развития повествовательной литературы в XVI в. (Я. С. Лурье).

Текстологическое сличение всех выявленных списков П. о ц. Д. не дает оснований значительно отодвигать датировку П. от времени возникновения ее древнейшего списка (ГПБ, Софийское собр., № 1471) — конца 40-х — начала 50-х гг. XVI в.

Социальной средой, в которой возникла П., большинство исследователей признают московские правительственные круги. М. Н. Сперанский мотивирует свое мнение тем уровнем образованности, который необходим был для создания подобного памятника, Т. П. Буачидзе — близостью концепции П. политическим установкам московских официальных кругов. Подтверждение полного соответствия П. о ц. Д. официальной идеологии Московского государства Г. Г. Пайчадзе видит в популяризации П. русскими правящими кругами (включение во 2-ю редакцию Казанской истории, обилие списков памятника, использование сюжета П. в настенной росписи Золотой царицыной палаты в Кремле, наличие иконы Динары). Л. С. Шепелева, А. А. Зимин, Я. С. Лурье предполагают, что П. была создана в кружке митрополита *Макария*.

Жанровые особенности П. были проанализированы М. Н. Сперанским. Исследователь сближает ее с такими воинскими повестями, как *Повесть о Тамир-Аксаке* и *Сказание о Мамаевом побоище*. Рассказ об историческом событии (битва Динары с персами) облечен в П. в форму чуда богородицы; основные публицистические идеи (призыв подняться на борьбу с иноверцами, объединившись вокруг царицы, мысль о преемственности царской власти от бога и нераздельности Грузии и др.) сконцентрированы в монологе Динары — речи к грузинскому войску.

Сюжет повести о грузинской царице отразился в изобразительном искусстве 80-х гг. XVI в. Е. С. Овчинникова датирует стенопись Золотой царицыной палаты Московского Кремля, посвященную изображению деяний четырех христианских цариц: Ольги, византийских цариц — Ирины и Феодоры — и Динары (в 4 композициях). Создание иконы Динары, происходящей из Донского монастыря, Е. С. Овчинникова относит к 90-м гг. XVI в. и предполагает ее зависимость от росписи царицыной палаты. Единственный лицевой список П., относящийся к XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 867), не дописан до конца: переписанной здесь части текста соответствует 5 миниатюр, в то время как, по расчетам М. Н. Сперанского, полному тексту П. соответствовало бы не менее 25. Раскрытые от слоя поздней записи фрагменты стенописи, относящиеся к истории Динары, опубликованы Е. С. Овчинниковой (с. 233—234); икона и миниатюры Уваровского списка опубликованы М. Н. Сперанским (с. 85—89).

Текст П. о ц. Д. неоднократно издавался по отдельным, нередко случайным спискам.

Изд.: Brosset M. Notice sur deux relatifs à l'histoire de la Georgie au XIII-e siècle sous la reigne de Thamar // Bulletin de la imperiale des Sciences de St. Petersbourg. СПб.; Лейпциг, 1852. Вып. 9. № 19. С. 289—304 (по списку XVII в. ГИМ, Воскресенское собр., № 154); Броссе М. И. Сведения о грузинской царице Тамаре в древней русской литературе // Учен. зап. Имп. АН по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. 1, вып. 4. С. 478—490 (по списку БАН, № 4, конец XVI—начало XVII в., соврем. шифр БАН, 31.6.27); ПЛ. Вып. 2. С. 373—376 (по списку XVII в. ГБЛ, собр. Румянцева, № 457 с разночтениями по списку ГБЛ, собр. Румянцева, № 378, XVII в.); Изд. ОЛДП. СПб., 1888. № 66—89. С. 151—157 (факсимильное издание хронографа с приложениями по списку ГПБ, собр. Вяземского, № 238, XVII в.); Я ц и м и р с к и й А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. XI // ИОРЯС. СПб., 1911. Т. 16, кн. 2. С. 233—243 (по дефектному списку конца XVII в. Дрезденской королевской библиотеки, № 6 (of. 90) с вставкой из рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1574, XVII в.); С к р и п и л ь. Русские повести. С. 88—91 (по списку ГПБ, Софийское собр., № 1471, XVI в., с исправл. по списку XVII в. ГИМ, собр. Уварова, № 1819); К и р к и н с к а я (Т р о и ц к а я) Т. С. Сибирский список повести о царице Динаре (XVI в.): (Текстологические заметки) // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 78—82 (по списку исхода XVI—начала XVII в. ГИИТБ СО АН СССР, Томское собр., Q.II.33); Т р о и ц к а я Т. С. 4) Поздняя рукописная традиция Повести о царице Динаре // Книга в Сибири XVII—начала XIX вв. Новосибирск, 1980. С. 135—138 (по списку XVIII в. ГБЛ, собр. Тихонравова, № 54); 2) Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина // Древнерусская княжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 36—47 (по списку 80-х гг. XIX в., находящемуся в Усть-Цильме; копия: ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское новое собр., № 368).

Лит.: Соболевский А. И. 1) Особенности русских переводов домонгольского периода // СОРЯС. СПб., 1940. Т. 88. № 3. С. 175; 2) Из истории древнеславянской письменности: К повести о царице Динаре // ИОРЯС. Л., 1928. Т. 1. С. 391—395; Сперанский М. Н. Повесть о Динаре в русской письменности // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 43—92; Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 297—322; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 102—108; Овчинникова Е. С. Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 222—238; Буачидзе Т. П. Из истории литературных взаимоотношений. Тбилиси, 1968. С. 114—195 (на груз. яз.); Лурье Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки беллетристики. С. 401—402; Пайчадзе Г. Г. Повесть о Динаре: (критический обзор истории изучения памятника) // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. С. 260—272; Троицкая Т. С. 1) Древнерусская повесть о царице Динаре: (Проблема включения в сборники различного характера) // Материалы республиканской конференции. Тарту, 1976. С. 3—13; 2) Ранние этапы литературной истории повести о Динаре (XVI в.) // Древнерусская книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 28—45; 3) Литературная история повести о Динаре (XVI—XIX вв.): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1982; 4) Жанровые трансформации Повести о Динаре в XVI в. // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 11—12.

Т. С. Троицкая

Повесть о цесаре Оттоне и Олунде («Повесть изрядная, полезная же и утешная об Оттоне цесаре Римстем и о супруге его цесареве Олунде, юже со двема чады своими в препустую и далечайшую пустыню изгна клеветы ради и наглаголения матери своея, и како дивным промыслом и чудным строением божиим по многих летех в познание и соединение приидоша») — переводная повесть 1670-х гг. Древнейшая редакция П. представлена французской поэмой, переделанной позднее в прозаический роман, изданный в Париже в XVI в. С французского текста был сделан в 1535 г. перевод на немецкий язык. Немецкие народные книги о римском цесаре Октавиане явились оригиналом для польского текста, с которого, в свою очередь, был сделан русский перевод. Большинство русских рукописей указывают в заглавии как на дату перевода на 1677 г. Однако встречается также указание на 1673 и 1675 гг. По содержанию П. относится к числу сказаний о римском цесаре Октавиане (в польской и русской версиях герой носит имя Оттон). В ней рассказывается о приключениях оклеветанной свекровью супруги Оттона — Олунды и двух ее сыновей. Обвиненная в неверности мужу, она была изгнана с двумя сыновьями-близнецами в пустыню. Однажды, заснув от усталости, несчастная мать потеряла сначала одного сына, похищенного обезьяной, а затем и другого,

похищенного львицей. Первый, названный Флоренсом, был воспитан воином и, отличившись подвигами при нападении египетского султана на Францию, был торжественно посвящен в рыцари. Второй, похищенный львицей (и названный поэтому Лионом), был случайно найден матерью и вместе с ней тоже жил во Франции. Во время нашествия египетского султана ему удалось освободить Флоренса и Оттона, своего отца, захваченных неприятелем, а затем взять в плен египетского султана. После этого следуют встреча и примирение Оттона с женой и узнавание ими во Флоренсе своего сына. Далее рассказывается о женитьбе Флоренса на дочери египетского султана Маркебилле, принявшей вместе с отцом христианство, и о возведении его на английский престол. Лион, женившись на испанской королеве, наследует испанскую корону.

Русский перевод П. был сделан, согласно предположению В. Кошного, с того несохранившегося польского издания, которое использовал в «Różnych historyjach» Томаш Маргилевич (W. Košny. С. 158). К этому несохранившемуся изданию близко, как считает Э. Малэк, издание 1569 г., переизданное в 1929 г. Ю. Кжижановским. Сравнивая с этим польским изданием русский перевод (по рукописи ГБЛ, ф. 152, № 5, конец XVII в.), Э. Малэк отмечает, что переводчик перевел весь обширный текст романа, сохранив без изменения фабулу и композицию оригинала. Сохранено также деление на разделы и подзаголовки. Отступления от оригинала появляются только, как отмечает польская исследовательница, на языковом уровне, поскольку перевод был не пословным, а литературным. При этом синтаксис оригинала несколько упрощен, хотя и в русском тексте сохранилось много причастных оборотов, которыми так изобилует польский текст. Кроме того, русский текст, по наблюдению Э. Малэк, значительно многословнее, чем польский, в основном за счет стремления переводчика к нанизыванию определений, характерному для высокого стиля.

Однако вскоре текст начинает значительно изменяться русскими редакторами. Видимо, в 1696 г. (как считает Э. Малэк, исходя из заглавия списков) возникла сокращенная редакция романа, озаглавленная «Повесть о римском цесаре Антонии, выписано из древних римских летописцев 7204 году, августа в 17 день» (ГПБ, собр. Погодина, № 1617; БАН, 21.11.4; ГПБ, Q.XV.107). В данной редакции полностью меняются характер произведения, его структура, жанр. Под пером автора данной редакции занимательный роман о цесаре Оттоне переродился в дидактическую повесть, в назидательную историю о судьбе невинной царицы, оклеветанной злой и завистливой свекровью. Но широкое распространение на Руси получила не эта русифицированная обработка переводного романа, а сходный с ней вариант, который исследователи называют *Повестью о царице и львице*, или Краткой редакцией Повести о цесаре Оттоне.

В 30—50-х гг. XVIII в. появилась редакция П., названная «История о Антоне римском и о супруге его цесаре(ве) Олунде, како бысть по зависти свекрови своей ради добраго в супружестве жительства во изгнании многия лета чрез детей своих цесаревичев Флорен(ца) и Леона в познании и в соединении приде». Поскольку эта редакция обнаружена пока только в одном списке — ГИМ, собр. Забелина, № 536, исследователи (В. Кошный, Э. Малэк) называют ее Забелинской. Автор этой редакции, сохранив полностью фабулу романа, почти наполовину сократил его первоначальный текст за счет исключения различных описаний и замены некоторых диалогов, несущих для развития действия, косвенной речью. Как и в Повести о царице и львице, в этой редакции усилена назидательность П. Автор постоянно подчеркивает, что все изменения в судьбе героев случаются по воле провидения. Псевдоисторический фон романа здесь, в отличие от Повести о царице и львице, сохранен, но султан египетский стал султаном турецким, поскольку для русского читателя середины XVIII в. борьба христиан с «погаными» ассоциировалась с войной

против магометанской Турции. Стиль и язык Забелинской редакции переработаны в духе оригинальной беллетристики середины XVIII в.

В то же время, что и Забелинская, возникла еще одна редакция П. о ц. О. и О., представленная рукописями ГИМ, собр. Уварова, № 619; Музейское собр., № 1388; ГПБ, собр. Погодина, № 1770; БАН, 32.11.7 и др. Озаглавлена она так: «Повесть изрядна, полезна же и дивна о преславном римстем цесаре Оттоне и о супруге его, целомудренной цесареве Алунде, юже со двема своими чады с малейшими младенцы, напрасно на смерть осуди, в препустую и далечайшую пустыню изгна, клеветы ради и навождения суровейшия матери своея и како дивным промыслом и пречудным строением божим по многих летех вси соединипаша и в познание приидоша». Все списки этой редакции сообщают, что первоисточником перевода был латинский (а не польский) текст. Исследователи, однако, не сомневаются, что данная редакция относится к тому же самому переводу с польского, что и предыдущие. Автор данной редакции вносит много мелких изменений в фабулу П. (см. об этом в исследовании В. Кошного), что характерно для редакций беллетристических произведений, возникших в XVIII в. Кроме того, как и предыдущие русские редакции П. о ц. О. и О., данная обработка испытала на себе влияние русской нравоучительной литературы. Здесь, например, более часто, чем в оригинале, подчеркивается зависимость людской судьбы от деяний божьих, включены в текст дополнительные молитвы героев к богу и т. п. В обработке рыцарских эпизодов романа сказалось знание автором редакции стилистики и фразеологии русской воинской повести (Э. Малэк. С. 52). Отдельные, более поздние списки этой редакции (например, БАН, 32.11.7) отражают, кроме того, особенности русской послепетровской литературы. Как отмечает Э. Малэк, здесь чаще, чем в остальных рукописях, приводятся титулы и должности героев, подчеркивается, что место человека в обществе зависит от ранга, но ранг можно и нужно заслужить делами (Э. Малэк. С. 52—53). Некоторым изменениям подверглись и любовные сцены: отношение Флоренса к Маркебилле становится более учтивым и галантным, что Э. Малэк также связывает с изменениями, происшедшими в общественной и литературной жизни России XVIII в.

В XVIII в. возникла еще одна редакция П., сохранившаяся в списках БАН УССР, 1.594 и ИРЛИ, собр. Перетца, № 333. Эту редакцию, особенности которой описала Э. Малэк (с. 53—57), можно, на наш взгляд, назвать Демократической. Изменения, внесенные ее автором в текст П., значительны и очень характерны для подобных редакций других переводных романов, созданных в XVIII в. в демократической среде: текст П. в ней значительно сокращен (более чем в 6 раз) и создает впечатление записанного по памяти. Автор отказывается от богатого псевдоисторического фона, действие происходит попросту «в некотором государстве», большинство героев не имеют имен. Мотив борьбы христиан с «погаными» отсутствует, султан египетский, названный здесь «фараоном», воюет не с Европой, а лишь с Персией, причем Персия здесь — город, столица неведомого Мастердоньского царства. Значительным изменениям подверглись многие эпизоды романа, в частности история изгнания из царства Олунды (здесь — Дарии), эпизод погони царицы за львицей, повествование о судьбе царицы Олунды (Дарии) после того, как она отыскала сына, украденного львицей. В 1787 г. в сборнике «Повествователь русских сказок», изданном в Москве, была напечатана «Сказка о двух царевичах, рожденных вместе». Э. Малэк считает, что хотя издатели и называют опубликованный текст сказкой, он скорее является лишь еще одной версией П. о ц. О. и О., поскольку никаких следов сказочной поэтики (сказочных формул, сказочных героев) здесь нет. Неизвестно, была ли издателями записана устная версия романа об Оттоне или они использовали рукописный текст, однако и в том и в другом случае оригинал был отредактирован издателями, как и все собранные в сборнике произведения. Об этом говорит,

по мнению Э. Малэк, стилистическая однородность сборника. Характеристику данной версии П. см.: Э. Малэк. С. 57—59.

В первой половине XVIII в. сюжет П. послужил основой для двух пьес. В театре царевны Натальи Алексеевны была поставлена «Комедия Олундина», а «Повесть о царице и львице» была перделана в драму при дворе Елизаветы Петровны в 1740—1741 гг. (см. *Акт о палестинской царице*). Известны устные пересказы Повести о царице и львице (С. Ф. Елеонский. С. 42—44) и сказки на ее сюжет.

Изд.: Сказка о двух царевичах, рожденных вместе // Повествователь русских сказок. М., 1787; Повесть зело душе полезна, выписана от древних летописцев и римских хроников. М., 1847; Рыбников. С. 185—202; 2-е изд. Т. 3. С. 278—295; История о львице, вскормившей царского сына. М., 1900.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 237—241; Петров Н. И. О влиянии западно-европейской литературы на древнерусскую // ТКДА. 1872. № 8. С. 756—757; Веселовский. Памятники. Т. 1. С. 450—451; Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДП. СПб., 1898. № 128. С. XXXV—XLIII, 24—27; Пташицкий С. Л. Обзор материала по истории средневековой светской повести в Польше // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 353—355; Клиггер В. П. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903. С. 55; Назаревский О. А. 1) Знадобы до історії давньої повісті: Повістевий репертуар київських рукописних збірок // Записки іст.-філ. від. ВУАН. 1929. Кн. 25. С. 333—334; 2) Библиография. С. 119—125; Орлов. С. 142—146; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 183—192; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 382—385; Щеглова С. А. Разночинно-демократический театр нач. 18 в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 280; Елеонский С. Ф. Старинные переводные повести в русских народных пересказах // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 94, вып. 8. С. 3—45; Кошну W. Das Deutsche Volksbuch vom Kaiser Octavian in Polen und Russland. Berlin, 1967; Итгина Л. А. К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы // 18 век. Л., 1974. Вып. 9. С. 330; Малек Е. Staropolska proza nagrasujna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 32—62; Ведерикова [Чалкова] Т. Ф. 1) О специфике структуры и жанра Повести о царице и львице // Материалы 21-й Всесоюзной научной студенческой конференции. Филология. Новосибирск, 1983. С. 66—71; 2) О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 98—113.

Л. В. Соколова

Повесть об Азове особая посвящена событиям, происшедшим между 18 июня 1637 г. (взятие донскими казаками Азова) и 24 июня 1641 г. (начало осады Азова турецким и татарским войском). Война с Персией помешала султану Мураду IV начать военные действия против казаков в 1637 г. В 1638 г. по его приказанию под Азов двинулся крымский хан Бегадыр Гирей с татарами, ногаями и черкесами. Турки поддерживали их с моря, сосредоточив в Керченском проливе до 60 крупных судов. Войско Донское вступило с ними в бой на 40 стругах с двумя тысячами казаков, но было разбито. В августе 1638 г. татары осадили Азов, но, не владея опытом осадной войны, успеха не добились и под ударами казаков вынуждены были уйти из-под города.

П. состоит из двух частей. Первая имеет заглавие «Повесть о чудесах божиих, святого пророка и Предтечи Иоанна, о прочих святых». В ней читается запись о нескольких чудесах, происшедших в Азове. 24 декабря 1640 г. образ Иоанна Предтечи «испустил слезы от очию своею до конца брады своея» (об этом чуде упоминается в *Повестях об Азове Документальной и Поэтической*); казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым отслужили по этому поводу молебен и устроили крестный ход. В это же время от образа Иоанна прозрел казак Еунтропий (возможно, это имя значимое, *ἐστρόπια* по-гречески — увертка, уловка), наказанный слепотой за нарушенное обещание, освободившись из турецкого плена, постричься в Чернеевом монастыре св. Николая. Тем самым он отступил от принятого у донских казаков обычая после плена у неверных пройти очищение в монастыре. 27 июня богородица, явившись кому-то во сне («Пречистые богородицы видение во сне»), приказала взять ее образ из церкви

Иоанна Предтечи и поставить «на углу среднево города от верхние стены в победу поганым, нашедшим на град Азов». 6 августа было видение казаку — во сне ему явился образ св. Василия Кесарийского из деисуса, побывавший в руках у поганых, которые «перетерли» его «на полы» плото; перед образом надо было поставить «свещу большую поставную». 16 августа казаки видели во сне образы Алексея, человека божия, и Максима, московского юродивого, оказавшиеся в часове среди ветхих образов. Они сказали, что посланы из Москвы на помощь казакам. Эти, казалось бы, не связанные между собой записи преследуют единую цель — показать, что пребывание казаков в Азове поддержано небесными силами, угодно святым и богородице. В том, что в Азове оказались чудотворные образы московских святых, был скрыт намек на необходимость помощи казакам со стороны московского правительства.

Вторая часть П. вводится словами: «И после того Азовского взятия». Это также погодные записи отдельных событий — удачного похода казаков «стругом на море» в 1637 г., похода весной 1638 г., когда казаки на стругах оказались хитростью крымского хана запертыми в лимане (А. С. Орлов считает, что речь идет о бое в Одыхонском, или Духонском, лимане под Таманью — РИБ. Т. 18. Донские дела. 1. Стб. 885). Часть казаков попала в плен, а части удалось освободиться и бежать в Азов. Хронологически следом за этим известием идет сообщение о приходе крымского хана под Азов и история осады 1638 г. («А он, безбожный агарянин, похитив, аки лютый волк, безлюбивых агнец, и пришел под Азов со своею силою великою»). Однако хронологическое изложение событий перебито сообщением о взятии казаками в 1639 г. большого турецкого корабля, оно известно также из войсковой челобитной от 21 ноября 1639 г. (Донские дела. 1. Стб. 984). О том, что в П. это известие находится не на месте, свидетельствует окончание статьи «и сия до зде».

В Особой П. большое место занимают переговоры казаков с крымским ханом, подтвержденные и документами (Донские дела. 1. Стб. 769; РИБ. Т. 24. Донские дела. 2. Стб. 121—122). Характерна для татарской дипломатии клятва, которой крымский хан обманул казаков, «выяв свою саблю из ножен, та бы де сабля от ваших рук на моей шее была». Переговоры происходят и во время осады, когда крымский хан сначала угрожает казакам, а затем пытается их подкупить. Близость к документам и эмоциональная живая речь, несмотря на ее лаконизм, придают П. черты выразительности и достоверности.

Обе части П. отличаются пристрастием к хронологической точности и по жанру близки к летописным записям. Существовал ли у донских казаков летописчик, пока неизвестно. Но при наличии активной канцелярской практики и развитой дипломатической традиции возможно, что кто-либо из казачьих писателей такой летописчик составлял, подобно «кроничке казацкой» запорожских казаков и «Написанию» казаков сибирских. Именно такие летописные записи могли отразиться в Особой П. Тогда следовало бы поменять местами ее части и «Повесть о чудесах», согласно хронологии, поместить после записей о боевых эпизодах и татарской осаде.

Особая П. дошла до нас в одном списке — ГПБ, собр. Погодина, № 1556, вторая половина XVII в. В этой же рукописной тетради тем же почерком переписана вторая редакция *Повести о двух посольствах*. Возможно, что соседство с *Повестью о двух посольствах*, написанной в Посольском приказе, означает, что Особая П., вышедшая из канцелярии казачьего войскового круга, бытовала и сохранялась в среде Посольского приказа.

Изд. Особая повесть об Азове 1637—1651 гг. / К изд. пригот. и объяснил А. Орлов. [Б. м.], 1907.

Лит. ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 260—262.

М. Д. Каган

Повесть об Азовском взятии и осадном сидении сказочная завершает цикл Азовских повестей. Она создавалась в 70—80-х гг. XVII в. совсем в других условиях, чем ее предшественницы. Донское казачество перестало быть военной корпорацией относительно равных и свободных людей. Оно разделилось на зажиточных низовых и голутвенных верховых казаков.

Азовская эпопея в конце XVII в. становится легендой, она возрождается в литературе на легендарной основе. В Сказочной П. соединен рассказ о взятии Азова с историей его осады. Основной список носит заглавие: «История о азовском взятъе и осадном сидении от турецкого царя Брагима донских казаков, атамана Наума Васильева и есаула Ивана Зыбина с товарищы, лета 7135 году» (дата ошибочна). Автор Сказочной П. использовал в своем произведении некоторые мотивы Исторической повести, ввел в нее большой фрагмент из *Поэтической* повести, изменив при этом характерное для Сказочной П. повествование от третьего лица на прямой рассказ («И мы, казаки. . .»). Однако эта литературная основа дополнена большим количеством легенд, устных преданий, песен, почерпнутых из казачьего фольклора. На легендарных мотивах и строится сюжет П. Прологом служит история пленения дочери азовского паши, предназначенной в жены крымскому хану Старчию, за которую казаки получают большой выкуп. Казаки берут Азов хитростью, проникнув в город под видом купцов, спрятав на возах вооруженных казаков. Этот мотив встречается в украинских и русских народных песнях, в частности и в песнях о Степане Разине (см., например: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Памятники русского фольклора. Л., 1977. Т. 1. С. 89, № 46 — «У нас было, братцы, на святой Руси» (сер. Памятники русского фольклора)). Рассказ об осаде Азова турками насыщен множеством эпизодов — о пленении казаков, хотевших спрятать на острове табун коней; о казачьих вылазках, во время одной из которых казаки, переодетые в турецкое платье, проникли ночью во вражеский лагерь, убили крымского хана Старчия, захватили богатую добычу и боевые знамена; об устройстве механизма, при помощи которого осажденные таскали на городские стены подкапывающихся под них турок («что снопы из-под стен на ужищах кверху летают»); о гибели есаула Ивана Зыбина, тело которого турки привязали к коню, и пр. Большинство эпизодов — несомненный вымысел, но часть из них соответствует действительности и известна из воспоминаний участников осады.

Если автор *Поэтической* повести выступал от лица всего Войска Донского, то в Сказочной П. уже действуют отдельные персонажи — атаман Наум Васильев, есаул Иван Зыбин, его жена-турчанка, оплакивающая гибель мужа, безымянные казаки, участвующие в боевых эпизодах. Как и в ранних повестях об Азове, в Сказочной П. фигурируют «небесные силы» — Иван Предтеча, Николай чудотворец, богородица, приходящая к шатру царя Брагима и угрожающая ему: «Ой, еси, злочестивый царю, поганый! Доколе тебе людей божьих томити? Да изыдеши отсюда, дондеже не умреши смертию», отчего царь «весь ужасеся и нача трепетатися». Вмешательством небесных сил и объясняется внезапное бегство турок из-под Азова. Казаки захватывают богатые трофеи, а затем, выполняя свое обещание, покидают Азов, основывают монастыри Ивана Предтечи, Николая чудотворца, ставят на Дону три города. Так интерпретировались в Сказочной П. события, завершившие азовскую эпопею.

Автор П. прибегает как к литературным приемам книжной прозы, так и к элементам народной поэзии и — отчасти — к разговорной речи. А. С. Орлов полагал, что он — русский писатель, знавший Азовские повести и знакомый с казачьим фольклором и бытом, что было очень возможно при интенсивном общении деловых и дипломатических кругов Московского государства с Войском Донским. А. И. Соболевский, а за

ним и А. Н. Робинсон склонялись к мысли, что автор скорее всего выходец из казачьей среды, а сама П. написана на Дону.

Сказочная П. не преследует каких-либо злободневных агитационных целей. Большую роль в ней играет вымысел, характерный для жанра исторической беллетристики второй половины XVII в. Усилия автора направлены на формирование занимательного и развлекательного сюжета, правдоподобие достигается подбором бытовых деталей. Сказочная П., являясь памятником древнерусской литературы, носит некоторые черты вымышленного беллетристического произведения нового времени.

Исследователи Сказочной П. А. С. Орлов и А. Н. Робинсон подразделяют ее тексты на две редакции. Первая редакция — ГБЛ, собр. Ундольского, № 795, конец XVII в.; ГПБ, собр. Погодина, № 1631, 1825 г.; ГИМ, Музейское собр., № 42779, конец XVIII в. Вторая редакция — ГПБ, собр. Титова, № 2283, начало XIX в. и рукопись, принадлежавшая Е. В. Барсову (нынешнее местонахождение неизвестно; опубликована: Рыбников). Вторая редакция возникла после 1740 г. и восходит к первой редакции полного вида, но имеющей некоторые черты и ошибки, типичные для списка ГИМ, Музейское собр., № 42779. Н. И. Сутт пытался представить Сказочную П. как пятую редакцию Поэтической повести, лишая этот оригинальный литературный памятник самостоятельного значения.

Изд.: Взятие Азова донцами в царствование Михаила Федоровича // ЧОИДР. 1864. Кн. 3. Отд. 5. С. 12—17 (список из собр. Титова, № 2283); Рыбников. С. 169—184 (список Е. В. Барсова); Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 83—112, 227—243, 265—266 (первая ред., изд. текста, археографический обзор, коммент., ст. А. Н. Робинсона).

Лит.: Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года / Исслед. и текст. Варшава, 1906; Соболевский А. И. Отзыв о сочинениях А. С. Орлова // Отчет о сорок девятом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1909. С. 466—469; Сутт Н. И. Повести об Азове: (40-е годы XVII в.) // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы. 1939. Вып. 2. С. 13, 47; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 267—270.

М. Д. Казань

Повесть об Азовском осадном сидении документальная 1641 г. в первоначальном виде носила заглавие «Сказание о приходе Крымского царя и турецких пашей и о их приступех ко граду Азову» и подзаголовок «Список с записки с распросных речей слово в слово». Место П. в Азовском цикле не совсем ясно. А. С. Орлов, основываясь на ее сходстве с *Поэтической* повестью, считал Д. п. непосредственно предшествующей *Поэтической*, ее источником. А. Н. Робинсон, исследуя различия обоих произведений, считает Д. п. независимой от *Поэтической*, а их различия объясняет разными документальными основами: *Поэтическая* повесть построена на материале казачьей отписки, Д. п. — на распросных речах, представляет собою литературно обработанную выписку из бумаг Посольского приказа, содержащих записи речей. Ни записка казаков, ни распросные речи не сохранились в подлиннике. Содержание их передано в царской грамоте, отправленной на Дон в декабре 1641 г., и в Азовских повестях. Так, именно на распросные речи указывает концовка вступления Д. п.: «. . . и в Посольском приказе про всякие вести по государеву указу печатник и думный дьяк Федор Федорович Лихачев их роспрашивал, а в роспросе сказали атаман с товарищи». Особенностью распросных речей, сохраненных в тексте Д. п., является изложение от третьего лица с частым употреблением частицы «де»: «И они де атаманы и казаки. . .»; «А их де атаманов и казаков. . .».

Для Д. п. характерно отсутствие лиризма, эмоционально-экспрессивной прямой речи, образных сравнений. Все это позволило говорить о ее невысокой ценности как художественного произведения. Однако она замечательна лаконичной, точной и полной передачей главнейших со-

битый героической трехмесячной осады Азова — с 24 июля по 26 сентября 1641 г., во время которой казаки отразили 24 штурма, 16 подкопов, выдержали артиллерийские обстрелы, когда турки в течение шестнадцати дней делали «по тысени по шти сот выпусков», сбив городовые стены и башни, разбив церкви и дома «по подошву». Потеряв три тысячи из пяти, защитники Азова тем не менее не согласились сдать Азов туркам за большой выкуп. Так же кратко рассказано о чудесах, сопровождавших осаду. Казаки видят во сне «жену прекрасну в багряной ризе» — богородицу, «мужа древна, власата, боса» — Иоанна Предтечу, «их, атаманов и казаков, от иноплеменных от поганых заступающа и на поганья помогающа». От образа Иоанна Предтечи, «от суха древа» струей текут слезы.

По-видимому, Д. п. была написана вскоре по приезде «станицы» Наума Васильева в Москву в октябре 1641 г., после того как в Посольском приказе были составлены расспросные речи. В период подготовки Земского собора 1642 г. она должна была сыграть определенную роль в агитации за принятие Азова под царскую руку и оказание казакам военной помощи. Однако, когда обсуждение азовского вопроса стало особенно гласным и была распространена официальная правительственная «роспись», такого краткого сочинения, каким была Д. п., оказалось недостаточно, чтобы повлиять на общественное мнение, и казаки заменили ее эмоционально и художественно выразительной Поэтической повестью.

А. С. Орлов делит тексты Д. п. на три вида. Первый сохранился в наибольшем количестве списков — Орлов называет около десятка рукописей XVII в. Второй вид отличается от первого заглавием и новыми сведениями — в начале текста кроме Федора Лихачева назван Григорий Львов, в конце текста рассказано о гибели бежавших на море турок и взятии казаками их катарг с добычей, — а также характерными для этого вида некоторыми разночтениями. Третий вид, сокращенный, имеет два извода: первый, читающийся в Летописи о многих мятежах, второй — в Латухинской степенной книге.

Изд.: Летопись о многих мятежах. СПб., 1771. С. 371—373 (статья «О граде Азове, како взят»); Попов. Изборник. С. 392—394; Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 69—91; Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 375—377.

Лит.: Робинсон А. Н. 1) Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Учен. зап. МГУ. 1946. Кн. 2. С. 44—47 (Труды кафедры русской литературы. Вып. 118); 2) Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 30—31; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 263.

М. Д. Каган

Повесть об Азовском осадном сидении поэтическая занимает по своему значению центральное место среди произведений, повествующих о взятии Азова и успешной борьбе донских казаков с осаждавшей крепость турецкой армией. Осада началась через четыре года после взятия казаками Азова, потеря которого изменила положение турецких сил на северо-востоке Османской империи, лишившейся базы для нападения турок и татар на окраины Московского государства. Почти 300-тысячное войско в июне 1641 г. осадило город, где находился 5-тысячный гарнизон казаков. Несмотря на неравные силы казаки отражали приступы турок, татар и европейских («немецких») наемников. Отсутствие единого командования, огромные потери, истощение запасов, приближение зимы заставили турецкую армию 26 сентября снять осаду именно в тот момент, когда падение Азова казалось его защитникам уже неизбежным.

История осады изложена в П. п. исторически точно, что подтверждается не только документами, составленными в канцелярии Войска Донского, но и записками турецкого путешественника Эвля Эфенди, находившегося в лагере осаждавших Азов (Записки Одесского о-ва истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8).

Положение казаков оставалось крайне тяжелым, вторую осаду они выдержать уже не смогли бы, поэтому они обращаются к царю с просьбой взять Азов под свою царскую руку и прислать в него русский гарнизон, который бы сменил израненных защитников. 28 октября 1641 г. в Москву приезжает казачья «станица» из 24 человек во главе с атаманом Наумом Васильевым (фигурировавшим в *Повести об Азове Особой*), чтобы вести переговоры об Азове. Они привезли казачью отписку с изложением истории осады и обоснованием своей просьбы. Документ этот до нас не дошел, но он довольно полно отражен в царской грамоте, которая читалась на соборе в январе 1642 г. До собора вопрос, принимать ли у казаков Азов, широко обсуждался в правительственных и общественных кругах. По рукам ходила официальная «роспись», передающая содержание казачьей отписки. Вероятно, в это время и была написана П., призванная художественно-эмоциональными средствами подкрепить позицию казаков. П. — литературный «близнец» войсковой отписки, использующий форму казачьего документа. Участники казачьего посольства были лишены в Москве свободы передвижения и не допущены на собор. Они имели доступ только в Посольский приказ. Но именно здесь в конце XVI—начале XVII в. были написаны так называемые посольские повести — литературно-публицистические произведения, имитирующие форму статейных списков, посольских грамот, курантов. Тематическая и жанровая близость П. к этим памятникам позволяет думать, что именно знакомство автора П. с этой литературой повлияло на выбор формы документа для П., тем более что профессиональные писательские навыки войскового канцеляриста были близки к практике служащего Посольского приказа, в среде которого и начала свое бытование П. п.

С большой долей вероятности автором П. п. можно считать члена посольства в Москву есаула и войскового дьяка Федора Ивановича Порошина, составителя подлинной отписки. Этот грамотный, хорошо начитанный человек был в прошлом холопом князя *Н. И. Одоевского* (крупного государственного деятеля, впоследствии редактора «Уложения» царя *Алексея Михайловича*). Возможно, именно на службе у Одоевского Порошин приобрел знание литературы и писательские навыки, пригодившиеся ему в деятельности казачьего канцеляриста и писателя. Причина бегства его на Дон неизвестна. 28 сентября 1640 г., в период подготовки обороны Азова, Порошин пишет царю отписку, в которой в довольно смелом тоне высказаны соображения о необходимости помощи со стороны Москвы и принятия Азова в царскую отчину. Отписка вызвала гнев царя и расследование. Написание П. п. привело к окончательной гибели Порошина. После приема царем 19 февраля 1642 г. турецкого посольства было решено в войну с турцией из-за Азова не вступать и казакам Азов покинуть. Царь щедро наградил казачью станицу. Возвращение же на Дон Федора Порошина, рьяного защитника идеи принятия Азова в Московское подданство, что шло вразрез с официальной политикой мира с Турцией, представлялось опасным. Правительство, вспомнив его старые вины, указом от 21 февраля лишило его царского жалования и сослало в Сибирь.

П. п. — публицистическое произведение, в котором политические вопросы занимают одно из главных мест: взятие Азова рассматривается не только как избавление Московского государства от набегов татар и турок, но и как предпосылка для окончательного разгрома Турции и освобождения Иерусалима и Константинополя. В П. п. обнажены те социальные и политические противоречия, которые в предыдущих повестях цикла еще не сформулированы. Во-первых, это двойственное положение казаков, с одной стороны — защитников южных границ, «Дону славного рыцарей знатных», но с другой стороны — беглых холопов, которых «на Руси не почитают и за пса смердящего». Во-вторых, двойственная и вероломная политика московского правительства, использовавшего военные

силы казаков, поддерживающего их хлебом, деньгами, порохом, но отрезающегося от открытой политической поддержки в дипломатических переговорах с султаном, — намек на эту позицию вкладывается в П. в уста турецких послов. С одной стороны, высказана вражда казаков, бывших холопов, к правящим классам; с другой стороны, прославление русского государства и наивная идеализация царя Михаила вольными донскими казаками. Намерение израненных и увечных защитников Азова основать монастырь, где игуменом станет их атаман, а строителем — есаул, — не эффектная литературная концовка П., а отражение подлинной бытовой ситуации: казаки действительно имели два монастыря, в которых, как правило, кончали жизнь члены этой военной корпорации.

П. п. написана талантливым писателем, создавшим произведение большой художественной ценности. В нем умело соединены формы чисто деловой письменности, живая устная речь в переговорах казаков с турецкими послами, приемы эпического повествования. Трагические эпизоды обороны Азова давали автору возможность придать казакам черты былинных богатырей. В описании боевых действий автор применяет традиционные формулы воинских повестей, придающие произведению торжественность (отмечено психологическое действие страшной турецкой трубной музыки перед штурмом, приведено сравнение стрельбы с громом и молнией, тяжесть несметного турецкого войска передана картиной прогибающейся земли и выступившего из берегов Дона, и пр.). Возможно, что здесь сказало влияние художественных приемов «Сказания о Мамаевом побоище», — кстати, хорошо известного в Посольском приказе. Стиль воинских повестей объединяется с мотивами и образами фольклора, отчасти воспринятыми из литературных памятников типа «Сказания о Мамаевом побоище», но во многом почерпнутыми из типично казачьего устного творчества. Это образы птиц и зверей, реагирующих на события, сравнение вражеского войска с лесом, внезапно выросшим в степи, а шатров осадного лагеря — с горами. Издевательски соглашаясь «служить» султану, казаки обещают служить ему «пищальми казачьими, да своими сабельки вострыми» — «убить бы . . . вашего Обрагима царя». Фольклорным можно считать и лирическое предсмертное прощание казаков с царем, церковными властями, лесами и дубравами, морями и тихим Доном Ивановичем, очень близкое казачьим песням и народным плачам. Обращение автора к формулам воинских повестей и фольклору предопределило и речевой строй текста.

Исследователь П. п. А. С. Орлов разделил списки произведения на четыре редакции. Первая редакция была ему известна в списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 794, конец XVII в., не имеющем конца. Орлов ошибочно обозначил несколько неполных списков, с которыми познакомился, когда исследование было уже закончено, пятой редакцией. Однако они представляют собою второй вариант первой редакции, как это установил А. Н. Робинсон, найдя полный список этого вида — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 435. По этому списку восстанавливается недостающий конец П. Оба варианта первой редакции близки между собою, но восходят к разным протографам. По определению А. С. Орлова, все редакции П. п. восходят к одному прототицу, но ни одна не передает его точно. Вторая редакция почти тождественна первой, за исключением конца, — в ней нет участия в победе казаков небесных сил. Для третьей редакции характерны распространения, перестановки и повторения текста. Четвертая редакция, сокращенная, по-видимому восходит к тексту, близкому к третьей редакции. В 1939 г. Н. И. Сутт пытался пересмотреть классификацию А. С. Орлова и предложил считать вторую редакцию первой, а первую — второй. Однако дальнейшее исследование П. п., проведенное А. Н. Робинсоном, и находки новых списков подтвердили правильность схемы соотношения редакций А. С. Орлова.

Изд.: Рыбников. Прил. С. XI (четвертая редакция); Некрасов И. О современных задачах изучения древнерусской литературы: Речь, произнесенная на торжественном акте Новороссийского университета. Одесса, 1869. Прил. С. 25—27 (третья редакция); Буслаяв. Русская хрестоматия, 1877. С. 270—288 (сводный текст); Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 92—155, 165—236; Военские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 59—81, 187—227, 261—265, 274—279, 314—330 (первая ред., изд. текста, археографический обзор, коммент., ст. А. Н. Робинсона); Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 54—73, 215—234, 366—375 (изд. текста, пер., ст. В. К. Митрофановой).

Лит.: Орлов А. С. Сказочные повести об Азове: Исследование и текст. Варшава, 1906. С. 22—23; Сутт Н. И. Повести об Азове: (40-е годы XVII в.) // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы. 1939. Вып. 2; Робинсон А. Н. 1) Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Кн. 2. С. 43—71 (Труды кафедры русской литературы. Вып. 118); 2) Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 24—59; 3) Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове // Доклады и сообщения филологического ф-та МГУ. 1948. Вып. 5. С. 65—70; 4) Жанр Поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 98—130; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 262—266; История древней русской литературы / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1950. С. 360—367; Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254.

М. Д. Каган

Повесть об Андрее Критском (в рукописной традиции встречаются разные варианты заглавия: «Слово святого Андрея, епископа Крицкаго»; «Месяца июля в 4 день. Житие иже во святых отца нашего Андрея, архиепископа Критскаго»; «Слово на память иже во святых отца нашего Андрея Критскаго»; «Месяца июля в 4 день иже во святых отца нашего Андрея Критскаго слово о рождении и о житии его»; «Слово о Андрее Критском в четверток 5 недели Великого поста»; «Чюдо. . . Андрея Криц[к]аго от рожества его и до смерти»; «Слово святого Андрея Крицкаго чудотворца»; «Житие святого Андрея Критского, како уби отца и взя за себя матер»; «Сказание о Андрее Критском, како отца своего убил, а мати свою себе взял») — анонимное произведение, входящее в группу древнерусских повестей о кровосмесителе (см. *Повесть о папе Григории и Сказание Иеронима о Иуде Предателе*). По классификации В. Я. Проппа, представляет собой особый тип инцестуального сюжета, наиболее полный и близкий к «Эдипову сюжету» (Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 260). В отличие от других повестей о кровосмесителе появляется не ранее XVI в. (так датируется древнейший список П. в БАН УССР, ДА/17.581) и только у восточных славян.

П. активно переписывалась до середины XIX в. — в настоящее время выявлено 47 списков. Причины этой популярности те же, что и другого древнерусского произведения на «Эдипов сюжет» — повести о папе Григории: «повышенная драматичность содержания, соединенная с острой занимательностью фабулы, исключительность событий и ситуаций, характеризующих течение повести» (Гудзий Н. К. Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 147).

Вопрос о происхождении П. в дореволюционных исследованиях (после 1915 г. специальных работ о памятнике не появлялось) решался двояко. Ряд исследователей (В. Дидерихс, А. Н. Веселовский, М. П. Драгоманов) считали его источником недошедший византийский оригинал, а также его пересказ на славянском Юге, основывая свои предположения лишь на «нерусском имени» отца главного героя П. («Поуливач») в единственном известном в то время списке, опубликованном Н. И. Костомаровым в ПЛ. Н. К. Гудзий, напротив, допускал возможность создания П. на русской почве. Все эти предположения строились на основании случайного списка, без привлечения данных текстологии. Текстологическое изучение П. (на основании 35 списков) показало, что имя «Поуливач» является особенностью только двух, явно вторичных списков (ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 68,

начало XIX в.). Наиболее близка к архетипу памятника его краткая редакция (в чистом виде представленная древнейшим списком П.), где имена вообще отсутствуют, кроме имени главного героя.

Краткая редакция — лаконичное, сухое, почти конспективное повествование — в жанровом отношении близка к религиозной легенде. Возникла она в результате осложнения сюжетной схемы «Иуды Предателя» мотивами «Папы Григория» и сюжетами о кающемся разбойнике — «Разбойник Мадей» и «Два великих грешника» (см. статью Н. К. Гудзия) и была затем приурочена к имени византийского церковного писателя VII в. Андрея, архиепископа Критского, под влиянием его самого известного творения — Великого покаянного канона (освященная церковью биография святого — ВМЧ под 4 июля — не имеет ничего общего с «Эдиповым сюжетом»). Вероятно, именно исповедь безымянного грешника — героя канона, отождествляемого в восприятии слушателей и читателей с его автором (многие мотивы этой исповеди перекликаются к тому же с эпизодами религиозной легенды), послужила отправным толчком к созданию апокрифической «биографии» Андрея Критского. В дальнейшем к тексту Великого канона неоднократно обращаются создатели последующих редакций П. об А. К.

Недостаточная изученность других предполагаемых источников П. об А. К. — «Легенды Иеронима» и повести о папе Григории, а также литературных и фольклорных обработок сюжетов о кающемся разбойнике не позволяет дать окончательный ответ на вопрос о происхождении памятника. Однако их предварительное рассмотрение показывает, что ко времени появления религиозной легенды об Андрее Критском эти произведения были известны на Руси: есть указания на русские тексты «Папы Григория» и «Иуды Предателя», датированные XVI в. (Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 88 и 104), литературные обработки сюжетов о кающемся разбойнике входят в состав «Синайского патерика» (слово 156) и *Пролога*. Некоторые мотивы религиозной легенды можно найти и в других произведениях древнерусской литературы и фольклора, например в «*Измарагде*» («Слово о некоем человеке блудном»); мотив о заточении в погреб встречается в духовном стихе о святом Георгии и некоторых былинах. Все это, а также отсутствие в тексте религиозной легенды иностранных реалий или варваризмов, неясное представление ее создателя о месте действия П. (отсюда появление мифического «града Крита»), явственно ощутимый в П. сказочный элемент придают убедительность гипотезе Н. К. Гудзия об оригинальности русской П. об А. К.

Дальнейшее развитие П. в XVII—XVIII вв. было обусловлено острой занимательностью ее сюжета, допускающего детализацию и распространение отдельных эпизодов, а также влиянием других произведений о кровосмесителе и фольклорных обработок того же сюжета. Распространенная редакция П. (дошла в 30 списках, наиболее ранний — начала XVIII в.), возникшая на рубеже XVII—XVIII вв. и представленная одиннадцатью вариантами, характеризуется расширением и углублением сюжетной схемы краткой редакции, детализацией эпизодов, едва там упомянутых, психологической мотивировкой поступков персонажей, активным введением прямой речи. В результате рельефнее становится богословская идея произведения (всесильность покаяния), неоднократно варьирующаяся в ходе повествования, и одновременно приобретает отчетливость и индивидуальность характер главного героя.

Этот процесс особенно заметен на примере дальнейших обработок П. — так называемых особых редакций. Вторичные особые редакции памятника («саратовская» и «московская»), представленные каждая единственным списком (Саратовский гос. университет, собр. Шляпкина, № 7 и 12 (379), конец XVIII в. и ГИМ, собр. Вахрамеева, № 436, 2-я половина XVIII в.), являются независимыми друг от друга вольными обработками распространенной редакции (возможно, через устные пересказы). Эти

редакции отличает несомненная тяга их авторов к светским эпизодам П., к мирским и даже предосудительным описаниям, а богословская идея отступает при этом на второй план. Сильной фольклоризации подвергается сюжетная схема краткой редакции (независимо от списков распространенной редакции) в сохранившейся лишь в составе авторского сборника (ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 252, 1-я треть XVIII в.) особой редакции П. (уделела лишь первая половина ее текста).

П. об А. К. (особенно в своей распространенной редакции) являет собой пример перехода от старых жанров (чудес и житий) к занимательной повести и новелле нового времени. Образ главного героя П., сочетающего в себе потенциальные возможности как великого грешника «паче всех человек», так и «избранного сосуда божия», интересен как одна из первых в русской литературе попыток изобразить многомерный и противоречивый человеческий характер, не скованный рамками этикетных формул.

В дальнейшем П. об А. К., оказавшая влияние на поздние редакции повести о папе Григории (Гудзий Н. К. Новые редакции повести о папе Григории. С. 178, 181) и «вторую редакцию» «Легенды Иеронима о Иуде Предателе» с последовательной положительной трактовкой главного героя (Франко Ж. Апокрифі і легенди з українських рукописів: Апокрифі новозавітні. А. Апокрифічні евангелія. Львов, 1899. Т. 2. С. 346—348), уходит в фольклор, где исчезает изначальная христианская идея произведения и оно окончательно превращается в занимательный рассказ.

Изд.: ПЛ. Вып. 2. С. 415—417; Гудзий Н. К. К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском // РФВ. 1915. № 1. С. 3—34.

Устные варианты: Мария Египетская // Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край и т. д. Юго-Западный отдел. СПб., 1872. Т. 1. С. 182—183; Сила покаяния. Кровосмеситель. (Андрей Первозванный) // Драгоманов М. Малороссийские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 130—131; Андрей Критский // Е. Р. Романов. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 162; Аб Андрее Критском // В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 269—270; Иб Андреи Привозванным // Там же. С. 270—272; Грихы // Б. Д. Гринченко. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Вып. 1. С. 63—66; Убийник власного батька // Етнографічний збірник. Львов, 1902. Т. 13. С. 145—146; Fedego wski M. Lud Bialoruski na Rusi Litewskiej. Krakow, 1902. Т. 2, ч. 1. S. 310—311; Грим // Матеріяли до української етнології. Львов, 1909. Т. 11, вып. 2. С. 12—15; Про купецкого сына // Сборник великорусских сказок архива РГО / Изд. А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 526—528.

Лит.: Костомаров Н. И. Легенда о кровосмесителе // Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1. С. 303—311; Diederichs V. Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot // Russische Revue. СПб., 1880. XVII. N 9. S. 119—146; Веселовский А. Н. Андрей Критский в легенде о кровосмесителе и сказание об апостоле Андрее // ЖМНП. 1885. Т. 239. № 6. С. 231—237; Драгоманов М. П. Славянские преправки на Едиповата история. София, 1891. Отд. оттиск из изд.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 5, 6, 11; Фотинский О. А. К литературной истории южнорусских апокрифов // Волинский историко-археологический сборник. Житомир, 1896. Вып. 1. С. 5; Св. Андрей Критский по церковному преданию и народному легендарному сказанию // Руководство для сельских пастырей. 1900. № 1. С. 254—257; Соколов М. И. Резюме доклада о принадлежащем ему сборнике повестей нач. XVIII в. // Древности. Слав. Т. 3. С. 4; Яцимирский А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана: Сборник Харьковского Историко-филологического общества, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404—411; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 244—246; Назаревский. Библиография. С. 43—45; Мимонова М. Н. К проблеме происхождения повести о Андрее Критском // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Апрель 1977. Филология. Новосибирск, 1977. С. 115—125.

М. Н. Климова

Повесть об Аполлонии Тирском, переведенная на русский язык в XVII в. в составе сборника «Римские деяния», восходит к латинской «Истории об Аполлонии Тирском», оригиналом которой был, по общему

признанию, несохранившийся позднеэллинистический роман II или III в. н. э. П. получила очень широкое распространение в средневековых литературах как на латинском языке, так и в переводах. Во многих европейских странах она была известна в нескольких редакциях и обработках, причём авторами некоторых из них были такие писатели, как Шекспир, Лилло, Генрих Нейштадский и др.

Первооснова славянских версий П. — чешский роман, возникший в XV в. Происхождение его до конца не выяснено. Немецкие ученые Зингер (S i n g e r S. Apollonius von Tyrus: Untersuchungen über das Fortleben des antiken romans in spätern Zeiten. Halle, 1895) и Клебс (K l e b s E. Die Erzählung von Apollonius aus Tyrus. Berlin, 1899) считали, что оригиналом для чешского редактора был какой-то немецкий текст. Однако более убедительной представляется точка зрения Ю. Поливки, Н. Нильссона и др., считавших чешский роман самостоятельной обработкой латинского текста. Чешский протограф находился, по мнению Н. Нильссона, под сильным влиянием рыцарских романов, но в последующих редакциях рассказ во многом воспринял сказочную поэтику. Польский перевод П., почти дословно следующий чешскому оригиналу, позднее был включен в сборник «Historie rzymskie» («Gesta Romanorum») при переводе этого сборника с латинского языка. Таким образом, в сборник «Historie rzymskie» вошла не латинская редакция П. об А. Т., а славянская обработка одной из латинских редакций. В середине XVII в. «Historie rzymskie» были по крайней мере дважды переведены на русский язык, в одном случае через посредство белорусской, а в другом, видимо, через посредство украинской письменности. О русских переводах сборника см. «Римские деяния» (далее: РД).

Текст П. об А. Т. в составе первого русского перевода РД (ред. РД-1) изобилует полонизмами. Сборник РД-1 издан, но едва ли не по самому плохому списку. Текст второго русского перевода П. в составе РД (ред. РД-2) известен нам по единственному списку — ГИМ, собр. Уварова, № 555 (в сборнике всего 6 глав). Если первый перевод РД был сделан со сборника первой польской редакции, то в основе второго перевода РД лежит вторая польская редакция, по словам А. Брюкнера, «модернизированная и сокращенная» (B r ü c k n e r A. Zvej polnische Uiccate der Baurischen Staatsbibliothek // Arch. f. sl. Phil. 1927. Bd 41. S. 161—168).

П. об А. Т. ред. РД-2 отличается типично русскими языковыми чертами, но, по-видимому, это не первоначальный этап развития текста, а уже русифицированный и несколько видоизмененный. На эту мысль наводит существование западнокарпатской рукописи Ст. Самборины (см. о ней: Ф р а н к о Ив. Карпато-руське письменство XVII—XVIII веков. Львів, 1900. С. 92—95), которая, судя по составу сборника, порядку следования глав и их названию, так же как и РД-2, передает текст второй польской редакции и при этом отличается, по словам Ю. А. Яворского, рабским следованием оригиналу (Я в о р с к и й Ю. А. Повести из «Gesta Romanorum» в карпато-русской обработке конца XVII в. Прага, 1929. С. 5, примеч. 3).

Если две указанные редакции П. об А. Т. в составе РД являются словными переводами польской повести, то третья редакция, существующая как отдельная повесть (в два сборника РД — ГБЛ, Музейное собр., № 490 и ГБЛ, собр. Ундольского, № 913 — она была включена позднее), представляет собой близкий к тексту РД, но свободный пересказ П., с иной трактовкой и в иной стилистической манере. Н. С. Тихонравов, опубликовавший текст этой редакции, по традиции называемой Тихонравовской (далее: ред. Т), предполагал, что это особый перевод П., и не с польского, а с чешского языка. Однако позднее было доказано, что ред. Т — это не самостоятельный перевод, а оригинальная переработка редакции, входящей в состав РД. При составлении ред. Т (в 60-х—начале 70-х гг. XVII в.) были использованы оба перевода П. в составе РД. За основу была взята

ред. РД-1, а точнее, Спарвенфельдовский вид этой редакции, что следует из обнаруженного Н. Нильссоном сходства ред. Т со списком П. в неполной рукописи РД-1 из собрания Спарвенфельда в Швеции. Ред. РД-2 была использована как дополнительный источник.

Тихонравовскую редакцию с полным правом можно считать самостоятельной русской обработкой П. об А. Т. Переработка П., на первый взгляд незначительная и представляющаяся чисто стилистической, при более внимательном наблюдении оказывается настолько существенной, что влечет за собой жанровую переориентацию П. Приключенческий роман приобретает в новой редакции учительную трактовку в духе христианской морали и превращается в связи с этим в роман дидактический. Происходит это в результате следующего. Во-первых, автор ред. Т стремится внести в произведение религиозно-христианскую идеологию; в П. меняется концепция жизни. Мысль о том, что все происходит в жизни людей по воле всемогущего бога, сформулирована уже в заглавии П. ред. Т и затем настойчиво подчеркивается на протяжении всего повествования. Во-вторых, автор ред. Т использует «агиографический» метод изображения персонажей. Он состоит в абстрагировании от всех черт индивидуального характера, в идеализации отдельных героев, которые должны служить примером поведения, в приписывании им христианских добродетелей. Жанровой переориентации романа об Аполлонии из приключенческого в дидактический способствует, в-третьих, стиль ред. Т. Приключенческий сюжет пересказан здесь языком церковно-учительной литературы с использованием в отдельных случаях особенностей «высокого» стиля, что настраивало читателя на восприятие этого произведения не как развлекательного, а как «душеполезного», «доброе» чтения. Дидактическая редакция П. об А. Т. не была исключением. В XVII в. были созданы дидактические редакции и других переводных романов, например романа о Петре Златых Ключей («агиографическая» редакция), об Оттоне и Олунде (Повесть о царице и львице), Троянской истории («печатная» редакция) и др. Цель их создания — перевести светские повести, повышенный интерес к которым обнаруживается в XVII в., в разряд церковной «душеполезной» литературы. Авторами дидактических редакций были, по всей видимости, представители монашества, представители старой литературной традиции («традиционалисты»). Об этом свидетельствует, в частности, их отношение к истории, отражающее историсофскую концепцию: историю они ценили за душеполезность, за то, что она врачует душу, в отличие от «западников», для которых история была интересна сама по себе. О том, что автор ред. Т П. об А. Т. был традиционалист, свидетельствует еще и стиль этой редакции, в частности использование рафинированного церковнославянского языка, стремление к «словесному изяществу» и т. д.

В XVIII в. возникает множество новых обработок П., разнообразных по своему характеру. Перерабатываются все три редакции П., часто при этом создаются сводные тексты. Отличительной чертой редакций XVIII в. П. об А. Т. является то, что в это время П. переходит в разряд занимательных «гисторий». Об этом свидетельствуют и названия П. в ред. XVIII в., и состав сборников, в которые она включается, и изменения, вносимые редакторами в сюжет П., и, наконец, приписки переписчиков и читателей. Авторами этих редакций были по преимуществу представители демократической среды, приспособившие П. об А. Т. к своим вкусам. Одни редакторы при этом ограничивались лишь заменой церковнославянского языка ред. Т (который, кстати, деформируется или заменяется русским во всех обработках ред. Т XVIII в.) разговорно-бытовым с элементами просторечия (ред. Т₁ — списки ГИМ, собр. Забелина, № 498; собр. Барсова, № 2364). Авторы других пересказывали П. в совершенно иной манере. Ред. Т₆, например (список ГИМ, собр. Барятинского, № 160), — это пересказ П. в форме канцелярского отчета; для нее характерны «приазной» язык, выпрямление сюжета, краткость изложения в ущерб раз-

личным художественным деталям. У некоторых редакторов XVIII в. П. ассоциировалась с галантными «гисториями», что нашло отражение в ред. Т₅ (список ИУЛ, № 961). Авторы большинства редакций вносили при этом изменения в сюжет П., часто модернизировали ее, внося в П. понятия и черты современного им русского быта. Особенно интересен с этой точки зрения список ГИМ, Музейское собр., № 1312. Читаемая здесь П. — по сути дела оригинальное русское произведение XVIII в. на сюжет древнерусской повести. В одной из редакций, которую можно назвать «христианизированной» (список ГПБ, О. XV. 5), П. подверглась идеологической переработке. Здесь были полностью ликвидированы следы языческих верований, языческие праздники, обряды и храмы были заменены христианскими, в текст введены молитвы к богу, ссылки на христианских пророков, используется фразеология, характерная для христианской литературы. В XIX в. текст ред. Т был переработан А. М. Ремизовым (напечатано в № 5 журнала «Аргус» за 1917 г.).

Изд.: Повесть об Аполлоне Тирском / Изд. Н. С. Тихонравовым // Летопись русской литературы и древностей. М., 1859. Т. 1, ч. 2. С. 1—33; Римские деяния («Gesta Romanorum»). СПб., 1877. Изд. ОЛДП. Вып. 5.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 242—244; Polívka J. 1) Román o Apollonovi králi Tyrském v české, polské, i ruské literatuře // Listy Filologické. 1889. Šeš. 5, 6; 2) Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském // Drobné příspěvky literárně-historické. Praha, 1891. Č. 1—4; Murko M. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum // Arch. f. slavische Philolog. 1892. Bd 14. H. 3; Пташицкий С. Л. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянских литературах. I. Истории из «Римских деяний». СПб., 1897; Nilsson N. Å. Die Apollonius — Erzählung in den slavischen Literaturen. Uppsala, 1949; Соколова Л. В. 1) Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 313—322; 2) Литературные обработки XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980; 3) К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские Деяния» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 266—273; 4) Литературная история Повести об Аполлонии Тирском: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1982.

Л. В. Соколова

Повесть об увозе Соломоновой жены — наиболее распространенный в мировой литературе сюжет из цикла сказаний о царе Соломоне. В русской рукописной традиции этот сюжет представлен тремя повестями: Повестью о похищении Соломоновой царицы Китоврасом (Китоврасовская повесть); Повестью об увозе Соломоновой жены царем Кипрским (Кипрская повесть); Повестью о рождении и похождениях царя Соломона, где похитителем является царь Пор (Поровская повесть).

В Повести о похищении Соломоновой царицы Китоврасом рассказывается о том, как царь Китоврас похищает у своего брата красавицу-жену. Соломон, узнав, где находится его супруга, отправляется к Китоврасу со своим войском. Воинов он оставляет неподалеку от царства Китовраса и наказывает явиться к нему по третьему сигналу рожка. Сам же, переодевшись странником, идет ко дворцу брата. Жена узнает его, приглашает к себе и предательски передает в руки Китовраса. Китоврас решает казнить Соломона, но Соломону мудростью своею удается избежать казни. По третьему сигналу рожка к нему на помощь является его войско, и Соломон расправляется с изменницей-женою и братом-похитителем.

Повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом тяготеет к устным повествовательным формам. Она обнаруживает большую близость к сказке. Персонажи П. напоминают сказочных героев: премудрый царь Соломон вполне удовлетворяет определению главного героя волшебных и бытовых сказок. В качестве антагониста царя Соломона выступает полузверь-получеловек — царь Китоврас. Помощник у Китовраса тоже необычен — это волхв, волшебник, который может «помрачить всех людей», внезапно напустить сон.

Стиль Китоврасовской повести также близок сказочному: он отличается предельной насыщенностью повествования, каждая фраза — это сюжетный поворот. В П. часто встречаются формулы, характерные для русского фольклора. Судя по стилю, можно предположить, что П. существовала вначале в форме устного сказания, сказки и только позднее, скорее всего в XVII в., была оформлена как литературное произведение.

Вопрос о появлении П. на Руси весьма затруднителен. А. Н. Веселовский, выясняя «международную судьбу» Соломоновых сказаний, Китоврасовскую повесть считал самым ранним сюжетом об увозе Соломоновой жены, известным русскому читателю уже в XIV в. Основным аргументом доказательства А. Н. Веселовского было изображение Китовраса на Васильевских вратах Софийского собора (создание которых летописи относят к 1336 г.), где на переднем плане — Китоврас, держащий в руке небольшую фигурку в короне, — очевидно, это и есть царь Соломон, которого Китоврас собирается забросить на конец земли обетованной (эпизоду апокрифа о Соломоне и Китоврасе из Палеи посвящена словарная статья Я. С. Лурье). Надпись под этим изображением гласит: «Китоврас меце братом своим на обетованную землю зр. . .». Под братом здесь явно подразумевается Соломон, но таковым он является лишь в Повести о похищении Соломоновой царицы Китоврасом. Этот факт и дал возможность А. Н. Веселовскому отнести П. к XIV в. (Веселовский А. Н. Славянские сказания. С. 223—224). Однако в Ефросиновском сборнике (XV в.) Я. С. Лурье обнаружил текст «О Китоврасе от Палеи», отдаленно напоминающий палейный рассказ, где Соломон также назван братом Китовраса (см.: L u r' e J a. S. Une legende inconnue de S. et K. dans un manuscrit du XV-e siècle // Revue des études slaves. Paris, 1964. Т. 43. F. 1—4. P. 7—11). Но братом Соломона Китоврас именовался не только в П., но и в более раннем апокрифе о Соломоне, сохранившемся в сборнике Ефросина. Таким образом, датировка сюжета об увозе Соломоновой царицы лишается своего обоснования. Несомненно только, что задолго до XVII в. существовали различные сказания о Соломоне и Китоврасе, но не все они сохранились в ранних списках, так как индекс XIV в. запрещал «Басни и коцуну о Соломоне и Китоврасе» и согласно этому запрету притчи о Соломоне и Китоврасе изымались из рукописей. Была ли среди них Повесть о похищении Соломоновой царицы Китоврасом — неизвестно, списки этой П. сохранились лишь от XVII—XVIII вв. Известно всего 7 списков под заглавием: «Повесть царя Соломона о царе Китоврасе, како царь Китоврас хотел царя Соломона повесить ради лепоты жены его бысть», или «Притча царя Соломона о царе Китоврасе».

Повесть об увозе Соломоновой жены царем Кипрским (Кипрская повесть) значительно отличается от Китоврасовской повести. Кроме того, что здесь похититель — Кипрский царь, развитие сюжета изменено, характеристики героев далеки от сказочных.

Текстологический анализ списков показал, что русские тексты восходят к южнославянским. Южнославянские списки самые ранние, наиболее близки к ним белорусский и украинский списки, русские также обнаруживают зависимость от южнославянских; основные расхождения в русских списках П. наблюдаются в передаче явно южнославянской по своей природе «загадки», предложенной Соломоном Кипрскому царю: «Чуждуся, где коло на коло восьседа, а обое у кала». Иносказание говорит о превратности судьбы. «Коло» — это колесо судьбы (Л. В. Ярошенко-Титова. С. 263). Текст этого иносказания в русских списках значительно перерабатывался, первоначальный смысл постепенно утрачивался, вероятно, по причине неясности для русского читателя.

Известно 13 списков Кипрской повести, причем три из них южнославянского происхождения, один белорусский и один украинский. Самый ранний список — сербский (XIV—XV вв.), назван «Слово о Соломоне,

како бысть»; болгарский и второй сербский (XVI в.) — «Слово премудра Соломона и о жене его»; русские списки датируются XVII—XIX вв., в рукописях имеют различные названия: «О премудрости Соломона и о прелюбодеянии жены его, како изведеся от Соломона к кипрскому царю», «О премудрости царя», «Слово о премудром Соломоне», «О премудрости Соломоной и жене его», «Сказание о премудрости Соломоной жены». Обособленно от всех списков Кипрской повести стоит «Повесть о прекрасном и наличном царе и о Соломоне», опубликованная Н. С. Тихонравовым (Летописи русской литературы. С. 147—153). Этот текст своеобразно передает содержание Кипрской версии, в нем чувствуется смешение устной и письменной традиций.

Наиболее широкое распространение сюжет об увозе Соломоновой жены на русской почве имел в виде «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» (Поровская повесть).

Поровская повесть, вероятно, создана русским книжником, который несомненно ориентировался на Кипрскую повесть. В основном развитие сюжета Поровской повести совпадает с развитием сюжета в Кипрской, обе повести имеют ряд почти дословно совпадающих эпизодов, но, повторяя сюжетную основу Кипрской повести, Поровская имеет множество значительных изменений, позволяющих ее выделить в самостоятельный текст. Опять-таки проведена замена имен героев: назван соперник Соломона (царь Пор), его помощник, похититель Соломоновой царицы — княжецкий слуга; дана новая мотивировка похищения — месть! Более подробно разрабатываются многие эпизоды, а самое главное — Поровская повесть имеет отличную от Кипрской и Китоврасовской повестей композицию. В Поровской повести рассказывается о Соломоне все — от рождения до конца жизни. Первая часть Поровской повести представляет собой занимательный рассказ о рождении Соломона и его похождениях в изгнании, вторая — о похищении царем Пором Соломоновой жены.

В настоящее время известно 19 списков Поровской повести со следующими названиями: «Повесть о царе Давиде и сыне его Соломоне и о их премудрости», «Повесть великаго царя премудраго Соломона, сына царя Давида, о рождении и похождении его зело умиленная», «Сказание о царе Соломоне», «Повесть о царе Давиде и о сыне его Соломоне, о премудрости и о похождениях его велия дивно прочитающим и слушающим дивная словеса», «История о царе Давиде, и о сыне его царе Соломоне, како возопи великим гласом во утробе матери своей и о прочих его премудростях».

Выделяется 4 редакции Поровской повести. Первоначальная редакция (XVII в.) во второй своей части наиболее близка по структуре Кипрской. На рубеже XVII—XVIII вв. создается книжная редакция П., называемая распространенной. Редактор как бы упорядочивает текст: снимаются сюжетные повторы, сказочные эпизоды заменяются бытовыми и дополняются новыми. В первой части помещен совершенно новый текст (другие загадки Соломона, центральное место занимают его суды). Чтобы более весомо аргументировать похищение Соломоновой жены, здесь повествуется о службе Соломона у Индийского царя Пора и об измене Поровой царицы с Соломоном.

На основе сюжета Поровской повести в XVIII в. создаются две редакции: одна из них представлена единственным списком (ГИМ, собр. Забелина, № 336, список опубликован Н. С. Тихонравовым, с. 121—147). Первая часть этой редакции (о рождении и похождениях) полностью повторяет текст распространенной редакции, вторая же ее часть (рассказ о похищении жены Соломона) — оригинальное переложение первоначальной редакции Поровской повести. Соперник Соломона здесь не персонафицирован, это «некий царь», за которого Соломонида (жена Соломона) «желала прежде замуж, когда ей бывшей девице сущей», т. е. и мотивировка увоза Соломоновой жены не совпадает с традиционной: похититель умы-

кает свою возлюбленную. В повествование вводится несколько новых эпизодов.

Другая редакция XVIII в. известна в двух еписках: БАН, 34.8.13 и ГПБ, собр. Титова, № 1533. Все особенности этой редакции явно связаны с устной народной традицией. Начинается повествование с древнейшей легенды о жене слепого, обманывающей мужа со своим любовником, загадки напоминают сказку о Девке-семилетке, увоз Соломоновой царицы происходит с помощью беса Солца, который не только похищает жену Соломона, но и освобождает заключенных Соломоном в «корчежец» собратьев. По содержанию и по стилю текст близок поздним фольклорным записям.

Изд.: ПЛ. Вып. 3. С. 59—74; Летописи Тихонова. Т. 4. С. 112—153; О премудрости Соломоной и жене его. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III—V // Записки Академии Наук. СПб., 1881. Т. 40. Прил. № 4. С. 143—147; Сперанский М. Н. Заметки о рукописях Белградской и Софийской библиотек // Известия историко-филологического ин-та в Нежине. Нежин, 1898. С. 67—73; Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской литературе // ИОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 2. С. 304—308; Титова Л. В. Неизданная редакция «Повести о рождении и походе царя Соломона» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 343—363.

Лит.: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 107—113; Назаревский. Библиография. С. 144—147; Елеонский С. Ф. Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке XVIII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 444—448; Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 257—273.

Л. В. Титова

Повесть об Ульянии Осорьиной — условно принятое в научно-критической литературе название оригинальной житийно-биографической повести первой половины XVII в. В рукописях памятник озаглавлен: «Месяца генваря въ 2 день успение святыя праведныя Ульянии, муромския чудотворицы»; «Житие и преставление святыя и преподобныя и праведныя матере нашея Иулиании Лазаревския. Списано многорешнымъ Каллистратомъ, пореклу Дружино Осорьинымъ, сыномъ ея, что въ Муромскихъ пределехъ. Благослови, отче»; «Месяца генуария в 2 день житие и пощение и еже отзде преставление святыя праведныя матере нашея Иулиании, еже от божия благодати новыя мироточицы, от града Мурома, яко звезду пресветло чудесми и добльствием детелнымъ восиявшую». Ульяния Устиновна Осорьина — реальное историческое лицо, муромская помещица, жившая в XVI в. (умерла 2 января 1604 г.); с XVII в. почиталась как местнотимая святая г. Мурома, получив по месту погребения в селе Лазареве Муромского уезда имя Юлиании Лазаревской (или Муромской). Нет сведений о том, была ли осуществлена официальная канонизация Ульянии. С 1801 г. ее чествование (служением молебнов) было приостановлено владимирскими духовными властями и возобновлено в 1867—1868 гг. (см. подробнее: Е в г е н и й, еп. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской. Муром, 1910). Причины таких изменений отношения церкви к своей «угоднице» остались невыясненными. Можно предположить, что одной из них было несоответствие жизнеописания муромской «болярыни» общепринятым представлениям о жизни «подвижников благочестия»: П. об У. О. соединяет в себе черты агиографического произведения и светской биографии. Автором П. был сын Ульянии Дружина (по крестному имени Каллистрат) Осорьин, известный по актовым материалам как губной староста г. Мурома в 1610—1640 гг. Из заключающего П. текста следует, что она была написана не ранее 1615 (по некоторым спискам — 1614) г., когда во время погребения другого сына Ульянии, Георгия, был обретен гроб с нетленными мощами его матери, «поли мира благовонна», от которого многие болящие «облек-

чение от различных недуг приимаху». По мнению М. О. Скрипиля, время создания П. следует определить 20—30-ми гг. XVII вв.

Вероятно, поводом для написания П. об У. О. послужил традиционный для создания агиографического произведения мотив: чудеса и исцеления у гроба считались показателем и доказательством святости умершего и часто становились толчком к написанию жития «нового чудотворца» или «чудотворицы». Тяготение к агиографическому канону отчетливо прослеживается в композиционной структуре памятника. Повествование ведется по традиционной житийной канве: рождение героини от благочестивых родителей, ее стремление к аскезе с детских лет («от смеха и всякия игры отгребашеся»), смирение и послушание, прилежание в посте и молитвах; добродетельное житие венчают «честное преставление» и исцеления у гроба «новой муромской чудотворицы». Однако жанровый канон оказывается выдержанным только внешне: старая житийная схема наполняется принципиально новым содержанием. Происходит «взрыв жанра изнутри» (Л. Боева). Ореолом святости наделяется обычная женщина, мирянка: Ульяния даже перед смертью не приняла пострига. Идеализация образа осуществляется наперекор традициям житийного канона: героиня не возносится над бытом, а напротив, погружается в него, изображается в обыденных делах и ситуациях: в ведении «домовного хозяйства», в отношениях с мужем и его родителями, чадами и домочадцами. Главные добродетели Ульянии, которые постоянно подчеркиваются автором и расцениваются им как «подвиги благочестия», — это трудолюбие («по вся ноци без сна пребываше, в молбах, и в рукоделии, и в прядиве, и в пяличном деле») и сострадание, готовность к помощи («вдовами и сиротами, аки истовая мати, печашеся»). Суть подвижничества Ульянии заключается в той «любви нелицемерной» к ближнему, которую она проповедовала и «делом исполняла» всю жизнь.

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли Дружине Осорьину создать живой и притягательный, психологически достоверный женский образ. Даже традиционно-житийные ситуации под пером очевидца получают порой вразрез с этикетными нормами реалистические толкования. Так, в описании первой сцены борьбы с бесами Ульяния ведет себя отнюдь не в соответствии с агиографическим каноном: «Во едину же ноць, востав на молитву по обычаю, без мужа. Беси же страх и ужас напушаху ей велик; она же, млада еще и неискусна, тому убося и ляже спати на постели и усну крепко». Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили П. элементами психологизма и художественными деталями. Написанная на конкретном историко-бытовом материале сыном о матери, П. запечатлела многие исторические реалии жизни русского поместного дворянства второй половины XVI в. В ней названы имена реальных исторических лиц: венчавшего Ульянию священника Потапия, позднее — архимандрита Муромского Спасского монастыря (монашеское имя — Пимен); предков и родственников — современников Ульянии: Недюревых, Лукиных, Дубенских, Осорьиных, Араповых. В П. нашли отражение современные автору социально-экономические явления (отношения между родителями и детьми, челядью и землевладельцами) и исторические события эпохи («великий голод» в период правления Бориса Годунова, и др.). Обращение к новому герою, частному лицу, необычному именно своей «обычностью», было проявлением развития литературного процесса в XVII в., важнейшим достижением которого явилось, по определению Д. С. Лихачева, «открытие характера». В П. об У. О. нашел отражение процесс развития литературного произведения от служебного канона к повествовательности, секуляризации культуры в целом.

О популярности П. в читательских кругах свидетельствует широкое распространение ее в рукописях: в настоящее время известны 50 списков XVII—XIX вв. и одна выпись из ее текста. Существует две редакции П.:

краткая (Первая, по определению М. О. Скрипиля) и пространная (Вторая), которая представлена двумя вариантами. Из-за отсутствия комплексного текстологического анализа сохранившихся списков памятника его литературная история пока не может считаться вполне установленной. Первая редакция П. сопровождается описанием посмертных чудес и исцелений у гроба Ульянии. Число чудес в списках вариативно (6, 18, 21), что отражает, по-видимому, живой процесс их записи, — возможно, разными лицами. В рукописи ГПБ, Q.I. № 355 (Толст. II, № 303) содержится единственный известный список П., включающий 21 чудо, три последних из которых датированы: последнее чудо датировано 7157 (1649) г. Вторая редакция П. снабжена особым риторическим вступлением (или послесловием — во 2-м варианте) и распространена в основном цитатами из Священного писания и Отцов церкви. В ней особенно акцентированно звучит идея о возможности «спасения в миру» — в семье и деятельной любви.

Изд.: П.Л. Вып. 1. С. 63—67; Евгений, еп. Житие св. праведной Иулиании Лазаревской (в двух редакциях) и служба ей. СПб., 1910; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 245—250; Скрипиль М. О. 1) Повесть об Ульянии Осорьбиной: (Исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 276—323; 2) Русская повесть. С. 39—47; 200—208; Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Подгот. текста и примеч. Р. П. Дмитриевой. М., 1969. С. 542—550, 771—772 (примеч.).

Лит.: Муравьев А. Жития святых российской церкви. Также иверских и славянских и местнотимых подвижников благочестия. Месяц январь. СПб., 1857. С. 3—18; Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Ф. И. Буслаев Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 238—268 (см. также: РВ. 1858. Т. 17. С. 417—440); Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Отд. 1. 2-е изд. Чернигов, 1865. С. 2—10; Толстой М. В. Юлиания Иустиновна Осоргина, благочестивая и праведная помещица XVI века // Русские подвижники. М., 1868. С. 67—78 (см. также: Душеполезное чтение. 1869. Ч. 1. С. 3—17); Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1874. С. 322—323; 2) Добрые люди древней Руси. М., 1896. С. 9—16; Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 282—283; Лихачев Н. П. Грамоты рода Осоргиных // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1; Попов Н. П. Рукописи Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Вып. 2. Симоновское собрание. М., 1905—1910. С. 170—174; Алфёров А., Грузинский А. Допетровская литература и народная поэзия. М., 1907. С. 141—150; Евгений, еп. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской: (Исторический очерк). Муром, 1910; Богатов И. П. Владимирские святые и их чудеса. Владимир, 1929. С. 26—28; Скрипиль М. О. 1) Повесть об Ульянии Осорьбиной: (исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 256—276; 2) Русская повесть. С. 350—358; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 95—100; Лихачев Д. С. Кризис средневековой идеализации человека в житийном жанре // Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958. С. 115—118; Воробьев В. П. Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века // Учен. зап. Саратовск. пед. ин-та. 1958. Вып. 30. С. 231—232, 235—236; Тагунова В. И. Муромские списки «Повести об Иулиании Лазаревской» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 414—418; ИРЛ III. Т. 1. С. 306—311; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 351—354; Боева Л. Вопросы древнерусской литературы. София, 1982. С. 260; Greenan T. A. Julianiya Lazarevskaya // Oxford Slavonic Papers XV. 1982; Ali sandratos Ju. New approaches to the problem of identifying the genre of the Life of Julijana Lazarevskaia // Cyrillomethodianum. VII. Thessaloniki, 1983. P. 235—244; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков. М., 1985. С. 54—60.

Т. Р. Руди

Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о походе его рассказывает о событиях конца XVI—начала XVII в. — о смерти царевича Димитрия от рук нанятых Борисом Годуновым убийц, о гонениях царя Бориса на знатных людей, прежде всего на князей Шуйских, о появлении, царствовании и смерти первого самозванца, убитого восставшими москвичами 17 мая

1606 г. С. было известно уже Н. М. Карамзину, который назвал его баснословным, главным образом, из-за полностью вымышленного описания походов Отрепьева на Украине и в Польше. С. Ф. Платонов впервые указал, что С. существует в полной и краткой редакциях и что «самая неумеренная легенда» присутствует в полной редакции, тогда как содержание краткой редакции достоверно. Краткая редакция С. имеет другое заглавие: «Сказание и повесть известна, еже содеяся чудо господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, и пречистые его матери, и святых великих чудотворцов московских Петра и Олексея, Ионы, и всех святых молитвами, во царствующем граде Москвы. како избави господь бог от злаго и лютаго еретика, от Гришки Отрепьева, и от его злых умышленников, от поганых ляхов и литвы и от латынския иезовицкия ереси. Вкратце писаню». Анализируя С., С. Ф. Платонов отметил в полной редакции стилистический разноречивый отдельных ее частей, неоправданные повторения, неточности и противоречия в датах, хронологическую непоследовательность событий, указав при этом на большую осведомленность автора при описании некоторых событий. Он не признал полную редакцию С. «произведением литературно-цельным». По его мнению, автор механически соединил отрывки разножанровых произведений, не сумев согласовать сведения нескольких источников, чем и объясняется, например, двойная датировка одного события. Тем не менее, С. Ф. Платонов считал полную редакцию С. первоначальной и относил время ее появления к 20-м гг. XVII в. Краткая редакция, как он полагал, была образована за счет устранения легендарных известий еще позже.

Точка зрения С. Ф. Платонова на происхождение памятника была пересмотрена Е. Н. Кушевой. Сопоставив тексты обеих редакций С. по всем известным спискам, она установила, что выявленные С. Ф. Платоновым противоречия и выделяющиеся стилистически места являются позднейшими вставками в текст краткой редакции, ибо существуют в рукописной традиции независимо от С.

Краткая редакция С. по ряду признаков появилась в 1606 г., вскоре после гибели Лжедмитрия I. Автор краткой редакции С. руководствовался не столько чисто историческим интересом к минувшим событиям, сколько задачей прославления Василия Шуйского. Особенно превозносится Василий Шуйский как организатор и руководитель восстания против Лжедмитрия и поляков, как мужественный борец «за правду и . . . веру», безбоязненно обличающий обман и «еретичество» самозванца даже будучи приговоренным к смертной казни. В то же время в С. отсутствует ряд чрезвычайно важных, казалось бы, для замысла автора фактов. Ни слова не сказано о важнейшем событии в судьбе Шуйского — избрании на царство; не упомянуто о мероприятии Шуйского большого политического значения — перенесения мощей царевича Дмитрия. Все это говорит о том, что написанное неизвестным автором С. появилось до избрания Шуйского царем и до открытия мощей царевича 28 мая 1606 г.

Краткая редакция С. написана простым слогом, отличным от стиля позднейших дополнений. Особенно заметно это в сравнении с появившейся вслед за С. и тоже вышедшей из окружения Шуйского *«Повестью, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов»*. Образы главных героев раскрываются в С. не в абстрактных характеристиках, как в Повести, а в описаниях их поступков. Постоянные упоминания приказных людей, близость текста к документальным материалам (майским и июньским грамотам Василия Шуйского) и простота стиля позволили Е. Н. Кушевой предположить, что краткая редакция С. могла быть написана человеком из приказной среды.

Безыскусность стиля краткой редакции С. становится особенно заметной при сравнении с полной редакцией, где появляется баснословный рассказ о похождениях Григория Отрепьева, который отличают про-

странные риторические рассуждения и вопросы, полонизмы, подробные описания польского быта, длинные и сложные грамматические периоды.

Полная редакция С. не меняет публицистическую направленность краткой, а введение в текст краткой редакции как баснословных, так и достоверных описаний, которые представляют собой, по-видимому, личные воспоминания автора (рассказы о въезде Мнишков в Москву, о свадьбе Лжедмитрия I, о воинских упражнениях со стрельбой), продиктовано желанием усилить литературную занимательность С.

«С. и повесть, еже содеяся. . .» оказало заметное влияние на последующую литературу о Смутном времени. Оно было первым из произведений, появившихся в ходе литературно-идеологической кампании, организованной сторонниками Василия Шуйского, и, по словам Е. Н. Кушевой, «в нем уже определилась та схема изображения событий, которая была прочно усвоена правительством Шуйского в дальнейшем: гибель истинного Дмитрия от руки подосланных Борисом убийц, царь Дмитрий как самозванец, злой еретик и расстрига, борьба Шуйского с ним как героическая борьба за православную веру». С. широко распространилось в рукописях как самостоятельное произведение и вошло в состав исторических компиляций середины XVII в. (*Морозовский летописец*, Латушинская Степенная книга и др.). Перечень списков см. в работах С. Ф. Платонова и Е. Н. Кушевой.

Изд.: Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о расстриге Гришке Отрепьеве, и о походе его // ЧОИДР. 1847. Кн. 9. С. 1—26; Сказание и повесть о расстриге Гришке Отрепьеве и о походе его. М., 1847; РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 713—754.

Лит.: Карамзин. ИГР. Т. 10. Примеч. 247; Т. 11. Примеч. 194, 196, 202, 207, 216, 405 и др.; Платонов. С. 385—394; Кушева. Из истории. С. 65—95; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 67; ИРЛ II. Т. 1. С. 273—274; Лихолат С. В. Сказание о Гришке Отрепьеве как историко-публицистический памятник начала XVII века // Збірник наукових праць аспірантів з філології Київського держ. ун-ту. Київ, 1963. № 18. С. 46—52.

Г. П. Енин

Сказание о богатом купце — назидательная повесть, распространенная в повествовательных сборниках XVII—XVIII вв. В С. рассказывается о богатом купце Бендере из града Вавилона. Он не пустил к себе на пир Христа в образе нищего. Изгнанный сторожами купца Христос предрекает Бендере злую погибель и переход всех его богатств к сыну бедняка Фиврану, который женится на купеческой дочери. Попытки купца обойти судьбу и погубить Фиврана составляют увлекательный рассказ, завершающийся смертью злодея.

С. несет черты душеполезной дидактической литературы, в которой представлена идея наказания гордеца и чванливого богача. Образ Христа-нищего известен в учительной традиции (ср. *Пролог* под 18 октября — «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего»). Основная сюжетная нить С. совпадает с русской народной сказкой «О Марке богатом» и имеет сходство с некоторыми мотивами сказки о царе Соломоне (замена младенца щенком). Е. К. Ромодановская полагает, что в данном случае на сказки влияли книжные повести. Наряду с легендарными, сказочными чертами С. отмечено близостью к книжной традиции — к русским повестям XVII—начала XVIII в. и является образцом беллетристики дидактического сюжета.

Изд. Белоброва О. А. Сказание о богатом купце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 263—265 (по списку ГБЛ, собр. Тихонравова, № 361, л. 143—147).

Лит. Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть: (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 170—174.

О. А. Белоброва

Сказание о Вавилоне — центральное произведение, вокруг которого в течение XVI—XVII вв. происходит формирование цикла сказаний о Вавилонском царстве: притч о Навуходоносоре и его сыне Василии Навуходоносоровиче, об Артаксерксе, о Немвроде и Иоанне, представляющих легендарную генеалогию вавилонских царей, сказания о царице Южской (Савской), Малкодушке, легенды о сооружении вокруг Вавилона юнаками (юношами) глиняного змея, послужившего причиной запустения города, Сказания о царских венцах (о великом киевском князе *Владимире Мономахе* и получении им в дар от греческого царя «шапочки Мономаха», а также прозвания Мономах).

Цикл сказаний о Вавилонском царстве представлен многочисленными списками конца XV—XX вв., учтенными в библиографиях В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, А. А. Назаревского. Популярность произведений этого цикла вызвана устойчивым интересом широких слоев населения в течение нескольких веков (вплоть до 1917 г.) к вопросам происхождения и законности передачи символов царской власти (см.: Чернов С. Н. Слухи 1825—1826 гг.: (Фольклор и история) // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 568—569).

История открытия и изучения сказаний о Вавилонском царстве восходит к середине XIX в. и связана с именами таких выдающихся филологов, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, И. Н. Жданов. Однако истолкование памятников этого цикла вплоть до настоящего времени продолжает опираться либо на случайные публикации отдельных списков, либо на гипотетический сводный текст, составленный А. Н. Веселовским, который является лишь рабочей гипотезой, воссоздающей единый, реально не существовавший сюжет всего цикла сказаний о Вавилонском царстве.

Неизученность литературной истории текстов этого цикла (предварительную попытку археографического обзора по отдельным спискам предпринимал М. О. Скрипиль) позволяет некоторым современным исследователям, например Х. Шедер, И. Матлю (Schäfer H. Moskau der dritte Rome. Darmstadt, 1957. S. 107—110; Matl J. Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964. S. 88—89), продолжать вслед за А. Н. Веселовским и И. Н. Ждановым, опираясь на теорию «странствующих сюжетов», ошибочно связывать С. о В. с идеей «Москва — третий Рим».

Согласно теории миграции, развитие сводного сюжета сказаний о Вавилонском царстве идет от ирано-семитских версий, воспринимает библейско-христианские общие места средневековой литературы и в Византии к XI в. приобретает религиозно-политический характер. Византийская легенда, сохранившаяся в русской версии, центральной фигурой выдвигает основателя македонской династии Василия, а на Руси в ней получает развитие русская династическая государственная идея: наследование Владимиром Мономахом короны византийского императора Константина. И. Н. Жданов, кроме того, привлекает к изучению цикла сказаний и русские народные сказки о Вавилонском царстве, предполагая существование гипотетического русского сюжета о посольстве Владимира в Вавилон, подобного сказке о Борме. Однако исследование Е. А. Тудоровской показало позднее книжное происхождение русской волшебной сказки о Вавилонском царстве, созданной В. А. Левшиным в конце XVIII—начале XIX в. по типу книжной волшебной-авантюрной повести (близкой к повести о Булате Левшина) под влиянием *Повести о Брунцвике*, древнерусских Сказаний о Вавилонском царстве, лубочных изданий, песен и сказок об Иване Грозном и Борме Ярыжке и легенды о Федоре Барме (Бармине).

Проведенный текстологический анализ цикла сказаний о Вавилонском царстве полностью разрушает представление об изначальном существовании единого сводного сюжета на данную тему, заставляет пересмотреть

вопросы о степени оригинальности центрального С. о В., о его датировке, идейном замысле и поэтических особенностях на всех этапах развития памятника. В цикле сказаний можно выделить три основных типа: первоначальный, особый и сказочная обработка; каждый из них, в свою очередь, имеет многочисленные редакции, виды и варианты и встречается в различных сочетаниях с другими произведениями этого цикла.

Первоначальный тип в ранних редакциях включает только одно центральное С. о В. («Слово о Вавилоне»), близкое, но не адекватное тексту, опубликованному М. О. Скрипилом (список ГИМ, Синодальное собр., № 2952 относится ко 2-му виду Древнейшей редакции). Содержание его сильно отличается от сюжета, воссозданного А. Н. Веселовским, в нем повествуется о «послании» (посольстве) «греческого царя Леукия» («Левкия», «Улеуя»), «во святом крещении Василия», в Вавилон град за «знамением» к трем вавилонским отрокам. Посланцами избраны представители трех христианских православных стран («из Грек гричин» — «Гугрий», «из Без обяжанин» — «Яков», «из Руси русин — «Јавер»), с тем чтобы каждый из них на своем языке мог прочесть соответствующую часть трехязычной надписи на лестнице, ведущей через змея в мертвый град Вавилон. Только благодаря совместным действиям они могут достичь царских палат и обрести «знамение» — венцы вавилонского царя Навуходоносора и его царицы и грамоту на греческом языке. Патриарх возлагает принесенные царские венцы «на царя Василия и на царицу Александрию, родом арменина наречеся», а греческий царь сдерживает данное им вначале обещание быть верным поборником «хрестьяньстей» православной веры и посылает дары иерусалимскому патриарху, отказываясь от похода в Индию ради борьбы против «иноверных» врагов.

В XVI в. (наряду с продолжающим переписываться и видоизменяться первоначальным типом С., включенным митрополитом Макарием в ВМЧ) под влиянием чина венчания на царство русских самодержцев и создания *Сказания о князьях владимирских* и *Сказания о царских венцах* постепенно складываются редакции так называемого особого типа С. о В., главным отличием которого, наряду с чертами разрушения текста центрального Сказания, является включение в перечень царских регалий «сердоликовой крабицы» («короба»), а затем «мономаховой шапочки» и других атрибутов царского венчания. Только в поздней редакции особого типа *Сказания о Вавилонском царстве*, уже в составе цикла, возникшего в начале XVII в. в связи с избранием на царство *Михаила Федоровича*, впервые появляется заключительная статья о передаче греческим царем, «ради чести своей», киевскому великому князю Владимиру Мономаху «сердоликовой крабицы» и «мономаховой шапочки». Совершенно не связанные с церковной теорией «Москва — третий Рим», эти редакции особого типа С. о В. продолжают развивать иезуитские *Сказания о князьях владимирских* и *Сказания о царских венцах*.

В сказочных обработках текст центрального С. настолько разрушен, что отличительными его признаками становится наличие в нем занимательного сюжета и устойчивых фольклорных образов (таких как «ракитов куст», «скатерть», «сундук»). Связанный с процессом беллетризации произведений в XVII в., этот тип памятника, как правило, встречается только в составе цикла сказаний о Вавилонском царстве.

В основу Древнейшей редакции центрального С. о В. («Слова») неизвестный русский книжник положил устную византийскую легенду, связанную с иконой византийского императора Льва VI Премудрого из царьградского Софийского собора. (На этот факт указывал еще А. Н. Веселовский). Эта топонимическая легенда известна нам в пересказе путешествовавшего в Царьград в 1200 г. *Антония Новгородского* (в миру Добрыни Ядрейковича). Согласно данной версии легенды, почитание иконы императора было вызвано тем, что Лев Премудрый взял на гробе пророка Даниила грамоту, предрекающую будущих правителей Царьграда. Опи-

раясь на легенду топонимического характера, подобные которой рассказывали путешественникам константинопольские проводники, русский автор создал новое оригинальное легендарно-политическое сказание. В соответствии с принципами средневекового историзма он воссоздал исторически возможную картину царского посольства в Вавилон, внес в сюжет элементы домысла о некоторых подробностях добывания грамоты, о том, с чьей помощью, что именно еще (венцы вавилонских правителей) и при каких обстоятельствах было получено «греческим» царем.

Таким образом, главными темами русского памятника становятся: тема божественной освященности символов византийской царской власти и получения их от первых царей вселенной из Вавилона, тема совместного добывания вавилонских царских регалий (венцов царя Навуходоносора и грамоты) для византийского царя представителями трех православных стран — Руси, Греции и Обезии (Грузии) и тема верности византийского царя христианской православной вере.

Отсутствие среди трех посланцев «греческого» царя представителей других православных стран — Болгарии и Сербии — позволяет определить верхнюю дату возникновения С. о В. не ранее времени падения этих стран под властью турок. (С падением в 1383 г. Софии и в 1393 г. Тырнова фактически потеряла свою независимость Болгария, а после поражения в 1389 г. на Косовом поле пала Сербия). Нижнюю границу возможного появления памятника М. О. Скрипиль намечал очень приблизительно — «первая половина XV века» (до падения Царьграда в 1453 г.). Основной замысел русского произведения исследователь видит в провозглашении идеи «равноправия или равенства Византии, Грузии-Абхазии и Руси». Однако в эти представления следует внести уточнения. Замысел произведения не может быть сведен к одной идее равенства трех православных стран: Руси времени становления единого централизованного государства, «Обезии» (Грузии) периода ее ожесточенной борьбы против вторжения «иноверных» врагов и Византии кануна ее падения. Автор С. утверждает необходимость солидарности православных стран. В этом отношении особенно важны зачин-загадка о необходимости посылки именно «трех мужей», надпись на лестнице, ведущей в Вавилон, составленная из частей на трех языках, прочесть которую могут соответственно только «обежанин», грек и русский, и сцена падения на вавилонского змея «обежанина» и помощи, оказанной ему двумя другими участниками похода, — все это предназначено убедить, что только совместными усилиями и при взаимной поддержке посланцы трех православных стран могут успешно исполнить волю византийского императора. При этом и сам византийский император должен быть образцовым поборником «православной веры»; именно такой идеал «греческого» царя и создает русский книжник. В начале произведения царь обещает, в случае получения его посланцами в Вавилоне «знамения», «не отлучаться от Иерусалима» и быть «поборником на враги иноверныя за род хрестьяньский»; в конце С. он выполняет данное им обещание, отсылает богатые дары иерусалимскому патриарху и, отказываясь от похода в Индию, прислушивается к совету царя Давида, призывающего его: «. . . поиди на страны полунощныя, на враги иноверныя, за род хрестьяньск». Такой идеал византийского царя уже не всегда соответствовал реальному поведению византийских императоров рубежа XIV—XV вв., которые под страхом турецкого ига и непрерывной осады Константинополя (с 1390 по 1398 и с 1425 по 1453 г.) тайно, а затем и явно подготавливали, а потом и заключили союз с римско-католической церковью и подчас не останавливались перед тем, чтобы поменять православное вероисповедание на католическое. Идеальный образ «греческого» царя, являющегося верным «поборником» православия, мог возникнуть только в русском произведении, созданном до официального заключения Византией унии с римско-католической церковью на Флорентийском соборе 1438—1439 гг. После Флорентийской унии, когда на

Руси была открыто провозглашена независимость русской церкви от византийского патриарха-униата, облик идеального византийского императора, поборника православия, был вытеснен в русской публицистике образом пошатнувшегося «золотого стола» и темой «лютейшего падения» византийского императора. Церковно-политические трактаты второй половины XV в., написанные в Москве и соперничавшей с ней Твери, провозглашают уже не идеи равенства и солидарности православных стран, а идею перехода права верховного блюстителя православия во всем мире от византийского императора к великим русским князьям, московскому и тверскому.

Включение русским книжником в число участников легендарного похода за царскими регалиями для византийского императора представителя Руси, «русина Лавра», и изображение его не только равным среди равных, но и венчающим дело, в соответствии со значением его имени (именно «русин» «Лавр» («Лавр») читает главную, последнюю часть надписи, в которой указан путь к венцам царя Навуходоносора), на наш взгляд, ближе всего отвечает политическим запросам Руси времени правления великого московского князя Василия I Дмитриевича (1389—1425). (Годы правления *Василия II Васильевича* (1425—1462) были ознаменованы внутривассальной войной). С. о В. («Слово») могло быть написано в промежуток между 90-ми гг. XIV в. (после падения в 1393 г. Болгарии) и до нашествия на Москву Едигея в 1408 г. В эти годы Василий I, продолжавший политику объединения русских земель и находившийся в союзе с Великим Литовским княжеством, перестал платить «выход» (дань) Золотой Орде после разгрома ее Тимуром в 1391 г. (а затем в 1395 г.) и восстановил его выплату только после нашествия Едигея, в 1412 г. Именно в этот период времени, как свидетельствуют выписки Карамзина за 1393 и 1395 гг. из современной событиям *Троицкой летописи* (Свода 1408 г.) и грамота 1393 г. Василию I от византийского патриарха Антония, сильнее всего проявились претензии Руси на утверждение ее национального престижа. В литературе и архитектуре начинает господствовать тема торжества православной веры над «иноверными» «измаилътянами». Строится церковь Рождества Богородицы с престольным праздником в честь Куликовской битвы. В 1395 г. происходит торжественное перенесение из Владимира в Москву иконы Владимирской божьей матери, а затем создание повести о чудесном избавлении с помощью этой иконы от нашествия Тимура (*Повесть о Темир-Аксаке*). В 1393 г. в Москве как общенародное празднество, в присутствии великого князя Василия I и митрополита *Киприана*, происходит крещение трех именитых татар, принявших имена трех вавилонских отроков. Византийскому патриарху Антонию приходится урезонивать Василия I, убеждая, что присваивать себе царское имя и право поминания в церквах «не имеет никто из прочих князей и местных властителей». Грамота патриарха Антония 1393 г. ближе всего идеям «Слова о Вавилоне»: в ней доказывается богоизбранность византийского императора и его верность православию, то, что он остается «поборником и защитником» церкви, хотя его землю окружили «язычники».

Легендарно-политическое С. о В. анонимно, однако анализ литературных источников памятника, его жанровой природы и стилистических особенностей, раскрытие символики названий (Вавилон, Иерусалим, Индия) и значения личных имен (трех посланцев и «греческого» царя) позволяют увидеть в его авторе искуснейшего книжника, изощренного в риторике и грамматике. Создание нового сюжета легенды потребовало от него широкой начитанности в библейской истории, апокрифической, переводной и оригинальной литературе, знания византийских хроник и устных легенд, русских летописей и произведений устного народнопоэтического творчества. Жанровая природа созданного им памятника сложна и сочетает в себе разные жанровые и стилистические признаки (черты «слова»,

«хождения ко святым местам»), сказочно-былинные поэтические приемы (зачин-загадка, гиперболы, троичность чисел и др.). Композиционная схема памятника полностью воспроизводит последовательность посольского церемониала: обсуждение состава посольства, «наказ» царя послам и его текст, исполнение миссии и получение грамоты с приведением текста, церемония очередного приветствия царя каждым посланцем по возвращении и традиционное одаривание их перед роспуском по домам. Создавая новый сюжет легенды, автор строго следовал принципам средневекового историзма древнерусской литературы, допуская лишь элементы домысла (но не вымысла), «додумывая» возможную историческую ситуацию, в какой для византийского императора были добыты из Вавилона грамоты-«знамения», и изложил свой домысел в полном соответствии с известным ему средневековым посольским церемониалом.

Осведомленность русского автора в актуальных проблемах современной ему русской и международной политики рубежа XIV—XV вв., знание чина венчания византийских императоров и посольского церемониала позволяют предположить в нем книжника, близкого русским посольским или митрополичьим кругам той поры.

Изд.: Буслев Ф. И. О русских пословицах и поговорках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Галачевым. М., 1854. Кн. 2, 2-я половина. С. 47—49 (4 отд.); Пыпин А. Н. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве // ИОРЯС. СПб., 1854. Т. 3. С. 313—320; Тихонов Равов Н. С. Повесть, как приходил греческий царь Василий под Вавилон град // Летописи Тихоновова. Т. 1, ч. 2. С. 161—162; ч. 3. С. 161—165; Т. 3, ч. 3. С. 20—31; ПЛ. Вып. 2. С. 391—392, 394—396; Лопарев Х. М. Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 383—385 (ПДП. Вып. 105); Жданов И. Н. 1) Повести о Вавилоне и Сказание о князьях владимирских // ЖМНП. 1893, октябрь. С. 362—368; 2) Русский былевой эпос. 1. Повесть о Вавилоне и Сказание о князьях владимирских. СПб., 1895. С. 1—151; Прил. 6. СПб., 1896. С. 575—587; Скрипиль М. О. Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 119—144; Скрипиль. Русские повести. С. 85—87, 251—253, 407—413; Сказание о Вавилонском царстве / Подгот. текста, пер. и коммент. Н. Ф. Дробленковой // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 182—187, 596—597.

Лит.: Веселовский А. Н. 1) Отрывки византийского эпоса в русском: Повесть о Вавилонском царстве // Славянский сборник. Пб., 1876. Т. 3. С. 122—165 (то же на нем. яз. : Die Sage vom babylonischen Reiche // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1877. Bd 11. S. 129—143, 308—333); 2) Заметки по литературе и народной словесности. II. Древнерусская повесть о Вавилонском царстве и так называемые Видения Даниила // СОРЯС. 1883. Т. 32. № 7. С. 9—14; 3) Рассыскания в области русского духовного стиха (гл. 11. § 5) // СОРЯС. 1890. Т. 46. С. 89—93; 4) Сказание о Вавилоне, скинии и св. Граале // ИОРЯС. 1896. Кн. 4. С. 647—694; Потанин Г. Н. 1) Богдо Гэсэр и славянская повесть о Вавилонском царстве // Этнографическое обозрение. 1891. № 4. С. 106—121; 2) Мелкие фольклорные заметки. 5. Этимология в повести о Вавилонском царстве // Там же. 1895. № 1. С. 127—129; Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве // ИОРЯС. 1930. Т. 3, кн. 2. С. 432—433; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 96—105; Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 302—305; Назаревский. Библиография. С. 59—61; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 679—682; Зимин А. А. Отголоски событий XVI в. в фольклоре // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 404—414; Дробленкова Н. Ф. 1) По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 129—135; 2) Взаимотношение литературы и деловой письменности в XV в. // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 56—65; 3) К вопросу о средневековом историзме: («Обежания» Сказания о Вавилоне граде) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 116—128; 4) «Царица Александрия, родом арменина...» в древнерусском легендарно-политическом Сказании // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 375—386; Тудоровская Е. А. Сказки о Борне Ярыжке (Вавилонское царство) // Русский фольклор. М.; Л., 1975. Т. 14. С. 173—185.

Н. Ф. Дробленкова

Сказание о Владимирской иконе богоматери — рассказ о чудесах святыни Русского государства Владимирской иконы богоматери.

До нашего времени сохранилось более 50 списков произведения XVI—XIX вв., не считая С. в многочисленных списках Степенной книги, *Лицевом своде Ивана Грозного* и в некоторых летописях.

Повествование открывается обширным торжественным вступлением, в котором кратко пересказываются основные события: «Месяца августа в 26 день. Повесть на сретение чудотворного образа Пречистыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мариа, его же написа богогласный евангелист Лука, самовидно зря на истинную богородицю при животе ея; и како божественная та икона бысть в Рустей земли: первое во граде Киеве и в Вышеграде, преславно в церкви на воздухе являясь и како преиде во град Владимирь и отнеле же нарецашся икона Владимирская и ея же ради вины прииде в боголюбивый царствующий град Москву и паче надежда соугубо чудесно избавление нам содея от нахождения безбожнаго и зловернаго царя Темирь-Аксака; и о составлении монастыря, иде же сретопша той пречистый Богоматери образ» (ГБЛ, Волоколамское собр., № 632, л. 226—265).

Относительно времени создания С. в исследованиях высказывались разные мнения. Так, С. К. Шамбинаго указал на сходство произведения с литературой XIV в., считая, что его автор был одновременно и создателем *Повести о Темир-Аксаке* (Шамбинаго С. К. С. 220—221). И. Н. Тотубалин, напротив, отметил поздний характер С. по сравнению с *Повестью о Темир-Аксаке*, но, к сожалению, не датировал произведение (Тотубалин И. Н. С. 379). В. П. Гребенюк, посвятивший С. несколько исследований, пришел к выводу, что оно было написано непосредственно для Лицевого свода Ивана Грозного, составленного в 1553/1554—1560 гг. (Гребенюк В. П. Лицевое «Сказание...». С. 340, 342). Однако вопрос о датировке Лицевого свода был пересмотрен Б. М. Клоссом, убедительно доказавшим, что работа над ним проходила позднее, в 1568—1576 гг. (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 245—249, 265). Но к этому времени С. уже было написано и читалось в Степенной книге, созданной, по мнению исследователей, в 1560—1563 гг. (Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 212—217, 243), и в рукописных сборниках, датированных по филиграням 50-ми гг. XVI в.: 1) ГБЛ, ф. 304, № 793, сборник первой трети XVI в.; листы, на которых помещен отрывок С. (6 об.—7 об.), написаны иным почерком, чем весь сборник, и датируются 1559 г.; 2) ГБЛ, Волоколамское собр., № 632, сборник житий святых 1540—1550-х гг. Итак, С. было составлено раньше Лицевого свода и, вероятнее всего, впервые появилось в Степенной книге в 1560—1563 гг.

Создавая большое компилятивное произведение, автор привлек к работе значительное количество источников, основными из которых стали «Сказание о чудесах Владимирской иконы божией матери» XII в., «Повесть о Темир-Аксаке» в редакции *Никоновской летописи* и рассказ о завоеваниях Тимура до похода на Русь, по-видимому также из Никоновской летописи. Для необходимых дополнений и уточнений создатель С. использовал «Повесть о Темир-Аксаке» редакций А (типа *Софийской второй летописи*) и Б из Московского летописного свода. Из летописных источников, подобных известиям Никоновской летописи и статьям, предшествующим Комиссионному списку НИЛ младшего извода, он черпал сведения, отсутствующие в главных источниках: о смерти Юрия Долгорукого, чуде и строительстве церквей в Боголюбове, подробностях строительства Успенского собора во Владимире и явлении Владимирской иконы великому князю Всеволоду за Суздалем. Из нелетописных источников («Сказание о чудесах иконы Римляныни» и «Сказание о Тихвинской иконе богоматери») автор составляет рассказ о чудесах и явлении на Тихвине Лидской иконы богоматери. В С. он также упоминает о создании Успен-

ского собора Киево-Печерского монастыря, о покровительстве богородицы митрополиту *Петру* и Сергию Радонежскому.

Рассказы о чудесах богородичных икон имели большое публицистическое значение. Автор С. стремился подчеркнуть общегосударственную значимость культа Владимирской иконы, покровительствовавшей еще в XII в. Киеву и Владимиру, а с конца XIV в. столице Русского государства — Москве. Мысль об особом покровительстве богородицы столице, об избранности Москвы среди других русских городов становится доминирующей в С. Сообщая о перенесении иконы Владимирской богородицы из Царьграда в Киев, а также сравнивая ее историю с историей «хождения» из Византии в Рим византийской святыни — Лидской иконы богородицы, впоследствии «поселившейся» на Руси, в районе Тихвина, автор С. развивает основное положение теории «Москва — третий Рим» — идею о византийском наследии.

Большинство списков произведения без изменений передают текст С. Степенной книги, но в рукописных сборниках встречается его расширенный вариант, в котором основной текст дополняется рассказом о «демократических» чудесах Владимирской иконы, заимствованным из С. XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 555, сборник житий и похвальных слов, конец XVI—первая половина XVII в., л. 864—889).

Обширный круг источников, использованных автором, мастерство их обработки, торжественность и эмоциональность стиля, общегосударственное значение выдвинутых идей указывают на образованность и незаурядные литературные способности создателя С. Не исключено, что автором С. мог быть и митрополит *Макарий*, в кругах которого составлялась Степенная книга, и ее непосредственный создатель — царский духовник, протопоп Благовещенского собора Андрей—*Афанасий*.

Идейная направленность С. существенно повлияла на его жанр. По определению П. Г. Васенко, это торжественное слово, читаемое в особо торжественные дни (Васенко П. Г. С. 228, примеч. 3). Но уже в XVI в. произведение переписывали в сборники для ежедневных чтений. История Владимирской иконы была переработана для статей кратких летописцев, она пересказывалась в известиях о чудесах богородичных икон, а миниатюры Лицевого летописного свода стали образцами для росписей ярославских церквей и клейм икон Владимирской богородицы.

Изд.: Повесть на стретение чудотворьнаго образа... нарицашеся икона Владимирская...: книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 424—440 (то же // Сказание в Лицевом летописном своде // ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. Прил. С. 243—254).

Лит.: Шамбинаго С. К. Исторические повести. Гл. 2. № 2 // ИРЛ I. Т. 2, ч. 1. С. 220—222; Тотубалин И. Н. «Повесть о Темир-Аксаке» // Скрипиль. Русские повести. С. 378—385; Гребенюк В. П. 1) «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 185—206; 2) Лицевое «Сказание об иконе Владимирской богородицы» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 338—363.

И. Л. Жучкова

Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии — древнерусская повесть, соединяющая в себе элементы публицистичности и беллетристичности. Она создана во второй половине XVII в. (не ранее 1655 г.). Автор ее неизвестен. В ней рассказывается о построении в княжение Даниила Ивановича (по некоторым спискам Даниила Александровича) городов Юрьева Польского, Алексина; центральное место в С. занимает рассказ о «зачатии» «престольного града» Москвы и особенно Крутицкого архиерейского дома. Князь Даниил — лицо вымышленное. Однако в повести отражены реальные исторические события. В основе произведения лежит имевший место в действительности во второй половине XVII в. эпизод

из истории Крутицкой епархии, когда патриарх Никон попытался уничтожить владения Крутицкого митрополита под Москвой. С. написано в защиту интересов Крутицкого владыки. Автор проявил знакомство с легендарной родословной русских князей от Августа кесаря, с легендами о построении городов, со сказаниями о начале монастырей.

С. известно в 21 списке конца XVII—XVIII в., которые относятся к двум видам.

Изд.: Карамзин ИГР. Т. 2. С. 169—173. Примеч. 301; Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 28—29; Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 215—216; Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 245—250.

Лит.: Смирнов С. Сказания русских летописцев о начале Москвы и свидетельства иностранных писателей XV и XVI века о ее состоянии // ЖМНП. 1849. Ч. 62. С. 38—40; Буслев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихонова. Т. 4. С. 14—15; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 92—98; Салмина М. А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 379—380.

М. А. Салмина

Сказание «О Кипрском острове и о подножие креста Христова» — антитурецкое сочинение, известное в Московской Руси в первой трети XVII в. и повествующее о силе христианских реликвий Кипра, находящегося под властью турок.

С. состоит из трех коротких эпизодов. В первом сообщается о якобы кипрском происхождении супруги византийского императора Юстиниана I Феодоры, о неприступной морской крепости Киринее («А взятъею того града взяти не умети никоторыми делью»), которую не смогли захватить турки (якобы державшие город в осаде 21 год), несмотря на многие хитрости. Этот воинский эпизод как бы восходит к впечатлениям очевидца, описавшего гавань и ее укрепления, коварство турецкого царя и неустрашимость «граждан» Кириinei. Два других эпизода повествуют о христианских реликвиях Кипра — о богородичной иконе и о подножии креста Христова, что позволяет автору вновь рассказать о горькой необходимости «молитися от нахождения иноплеменных», а то и посрамить посланцев папы римского, коварно пытавшихся завладеть кипрской святыней. В С. сочетаются начитанность автора в древнерусских хождениях, повестях о чудесах от икон и знакомство с какими-то легендами. Возникновение С. связано с распространением на Руси устных преданий о Кипре, в том числе рассказанных приезжими греками-киприотами, нередкими гостями после турецкого завоевания Кипра в 1570 г. В С. проявляется сочувствие борьбе киприотов против поработителей острова, которое имело место в действительности (в виде раздачи «милостыни» — оказания материальной помощи разоренным монастырям). С. известно в одном списке (ГПБ, собр. Погодина, № 1570, л. 185—189 об.) XVII в., опубликовано в 1962 и 1972 гг.

Изд.: Белоброва О. А. 1) Сказание о Кипрском острове // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 323—325; 2) Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 82—83.

Лит. Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 39—49.

О. А. Белобров

Сказание о князьях владимирских — литературно-публицистический памятник XVI в., использовавшийся в политической борьбе за укрепление авторитета великокняжеской, а затем царской власти. В основе С. лежит легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который, с одной сто-

роны, состоял в родстве с Августом, с другой же — якобы был родственником Рюрика. Вторая легенда, входящая в С., повествует о приобретении *Владимиром Мономахом* царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. Время появления этих легенд не установлено, и о существовании их до начала XVI в. ничего не известно. В 10-х гг. XVI в. (во всяком случае до 1523 г.) легенды были соединены в Послании церковно-публицистического писателя *Спиридона—Саввы*. На основании Послания примерно в это же время (не позднее 1527 г.) была составлена 1-я редакция С. о князьях владимирских. Авторы С. преследовали цель создать произведение, которое могло быть использовано в политической практике Русского государства. Идеи С. были использованы в дипломатических спорах при *Василии III* и *Иване IV*. Легенда о происхождении русских великих князей от Августа была использована составителями *Воскресенской летописи*, позднее была помещена как вступительная статья к Государеву родословцу 1555 г., включена в Степенную книгу. Текст С. был вновь переработан в связи с подготовкой венчания на царство *Ивана IV*, в результате чего появилась 2-я редакция. Рассказ о приобретении *Владимиром Мономахом* царских регалий был помещен как вступительная статья к чину венчания *Ивана IV* на царство в 1547 г.

Имя автора С. о князьях владимирских до нас не дошло. Однако в научной литературе высказано несколько предположений о возможном авторе этого произведения. Догадки об авторе определяются временем, которым исследователи датируют создание С. И. Жданов относил С. к концу XV в., считая, что *Спиридон—Савва* для своего Послания воспользовался уже существовавшим текстом С. По мнению И. Жданова, в конце XV в. автором такого произведения скорее всего мог быть *Пахомий Серб*, который много трудился по заказу московского правительства (Жданов И. С. 111—112). А. А. Зимин тоже считает, что С. было создано в конце XV в., но появление его связывает с конкретными политическими обстоятельствами — организацией торжественного венчания *Иваном III* своего внука *Дмитрия* (1498 г.). А. А. Зимин не называет никакого определенного лица как возможного автора, но и не считает создателем его *Пахомия Серба*. В последнее время А. А. Гольдберг высказал новую догадку об авторе первоначальной редакции С., которая, как он считает, до нас не дошла и была написана в конце 1510-х—начале 1520-х гг. Этим автором, по его мнению, мог быть *Дмитрий Герасимов*, литературно образованный и занимавшийся переводческой деятельностью русский дипломат, «способный воплотить в конкретной форме новые историко-политические идеи, сложившиеся в московских правящих кругах» (Гольдберг А. Л. С. 211). Как в случае с *Пахомием Сербом*, так и с *Дмитрием Герасимовым* нельзя признать высказанную догадку за установленный факт, который был бы серьезно аргументирован. Безусловно одно, С. о князьях владимирских было создано в среде, близко связанной с великокняжеской властью — если и не непосредственно, то через какое-то высокопоставленное лицо. Легенды по тексту С. впервые были использованы как официальная версия в *Воскресенской летописи*. Изучение обстоятельств создания этой летописи поможет в выявлении литературного круга, где было написано С.

Изд.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 171—213 (то же / Изд. текста и коммент. Р. П. Дмитриевой; Пер. Л. А. Дмитриева // ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI в. М., 1984. С. 422—435).

Лит.: Жданов И. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» // И. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 62—150; Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 128—138; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 204—216; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 217—230.

Р. П. Дмитриева

Сказание о Петре, воеводе Волосском, — литературный памятник XVII в., тесно связанный с сочинениями *И. С. Пересветова*. Героem С. о П., как и Большой челобитной Пересветова, является «волоский» (молдавский) господарь Петр IV Рареш (1527—1538 и 1541—1546), от имени которого автор дает советы русскому государю. Вопрос о происхождении С. о П. вызывал споры в научной литературе. И. Добротворский, издавший С. о П., считал и это сказание и сочинения Пересветова легендарными памятниками конца XVI—начала XVII в. Среди авторов, признававших историчность Пересветова, существовали разные мнения о С. о П.: часть из них считали С. более ранним памятником, чем известные нам сочинения Пересветова, часть — более поздней переработкой пересветовских сочинений. В настоящее время можно считать доказанной вторичность С. о П. по отношению к Большой челобитной Пересветова (ее близость к Щукинскому списку Большой челобитной и зависимость от Сокращенного извода сборника Пересветова). Автор С. о П., писавший в первой трети XVII в., исключил из текста наиболее смелые высказывания Пересветова — противопоставление «правды» «вере» и заявление, что в Московском государстве нет «справды», обосновал пересветовские высказывания против «порабощения» ссылкой на то, что «бог сотворил человека самовластна»; ввел антимусульманские высказывания и снял призывы к завоеванию Казани, ставшие анахронистическими.

Изд.: Добротворский И. Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси // Учен. зап. Казанск. ун-та. 1865. Т. 1, вып. 1; Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин. М.; Л., 1956. С. 341—349.

Лит.: Р ж и г а В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI в. СПб., 1908. С. 14—16; Щ е г л о в а С. А. Рец. на кн. В. Ф. Ржиги и Ю. А. Яворского // ЖМНП. 1911. № 3. С. 139, 141; P h i l i p p W. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches // Osteuropäische Forschungen. Königsberg; Berlin, 1935. ч. F. Bd 20. S. 95—99, 115—119; П о л о с и н И. И. О челобитных Пересветова // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. 1946. Т. 35, вып. 2. С. 30—37; Л у р ь е Я. С. Комментарий к Сказанию о Петре, воеводе Волосском // Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 350—359; З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 292—299.

Я. С. Лурье

Сказание «О победе Кипрской, или Оприходе турецкого и сорочинов на Кипрский остров» — сочинение, возникшее в конце XVI—начале XVII в. в посольской среде Москвы на основе сочувственного интереса к борьбе киприотов против иноземных, в том числе венецианских и турецких, поработителей острова и под влиянием устных преданий о военных событиях на Кипре. В С. сообщается о приходе к Кипру в 552 (6060) г. турок и «срацын» с войском численностью «12 сот тысяч». Кипрский князь собрал христианское войско, в составе которого были «фрязские и короли и князья», и расположил его под городом Талобот (искаженное Талабаис — Bella-Païs на севере острова). После кровавой битвы полки христиан возглавил неведомый владник «на сиве коне, лицом кощав» (Христос), который трижды оказывал чудесную помощь кипрскому войску; турки понесли огромные потери и вынуждены были снять осаду. Христиане погребают погибших воинов и разбегаются по домам. В рассказе немало анахронизмов и допущений. С. сочетает черты воинских повестей и легенд, прославляющих в особенности северные крепости Кипра. Апология борьбы киприотов и описание их побед над иноземцами (турками и сорочинами) отчасти объяснимы распространением в конце XVI в. непроверенных слухов об изгнании с острова вторгшихся вражеских полчищ (донесения московского посланника в Польше Г. Ф. Мещерского). С. известно в двух редакциях (всего в трех списках) и опубликовано в 1972 г.

Изд. Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972 (публикация текста, в двух редакциях). С. 76—81.

Лит.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 318; Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 385; Георгиевский Г. П. Собрание Н. С. Тихонова. 1. Рукописи. М., 1913. С. 50.

О. А. Белоброва

Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича (в рукописной традиции известно под заглавием: «Сказание известно, когда и в кое время в велицей Росийстей земли просия яже во единого истиннаго в Троицы славимаго бога нашего вера христианская и благочестие утвердися, и коим образом росийстии митрополиты прияша власть от Константиноградских патриарх своими епископы поставлятися и сущих под ними поставляти, и когда и коим образом в царствующем граде Москве великий патриаршеский престол устроился, и кто бысть первый патриарх и по нем друзии; в нем же и о поставлении великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всеа Руси самодержца, отца, великаго государя преосвященного Филарета Никитича, митрополита Ростовского и Ярославского, на превысокий патриаршеский престол царствующаго града Москвы и всеа великия Росии») состоит из двух частей: в первой — пространное известие о распространении христианства и введении патриаршества в России, вторая часть содержит краткую историю Смуты, написанную на основе «*Нового летописца*», так называемую «ставленную» грамоту иерусалимского патриарха Феофана и «чин» поставления Филарета.

Все исследователи, писавшие о С., относили время его создания к периоду после смерти царя *Михаила Феодоровича*. Л. В. Черепнин связывал его появление с деятельностью Записного приказа и считал, что оно было написано в 1658 г. Это мнение вполне убедительно, если иметь в виду С. в том виде, в каком оно опубликовано в ДАИ. Однако здесь представлена уже вторая редакция С. Первая редакция появилась в 1653 г. в составе Кормчей. Эта книга была напечатана в 1651 г., еще при московском патриархе *Иосифе*, но после завершения типографских работ она подверглась сверке с древними рукописными текстами. В 1653 г. по требованию патриарха *Никона* в Кормчую внесли ряд исправлений и добавлений. Главным дополнением явилось С., предваряющее текст Кормчей и написанное, как сказано в послесловии к нему, по прямому указанию Никона.

С. в Кормчей 1653 г. имело ряд отличий от второй редакции как в заглавии, так и в содержании. Его составители преследовали несколько иную цель — дать общую историю патриаршества в России с особым вниманием к доказательствам древности русской церкви, ее самостоятельности и независимости от вселенских патриархов. Поэтому в нем имеются материалы, которые не вошли во вторую редакцию: грамоты патриарха Иеремии, царя Федора Ивановича, сообщения обо всех русских патриархах до Никона.

С. в Кормчей разбито на несколько статей с самостоятельными заглавиями. Под заглавием, которое потом стало основой заглавия второй редакции — «С. . . . о поставлении. . . Филарета Никитича», в Кормчей содержится только так называемая «ставленная», или «благословенная», грамота Филарета, полностью вошедшая во вторую редакцию. Известно, что подлинник этой грамоты, подписанной иерусалимским патриархом Феофаном и высшими русскими архиереями, сгорел в московском пожаре 1626 г. По просьбе чрезвычайно обеспокоенного этим Филарета патриарх Феофан изготовил с присланной ему сохранившейся копии новую грамоту. Собор русских церковных иерархов тоже составил новую грамоту.

Основываясь на том, что «ставленная» грамота в С. сильно отличается от присланной Феофаном и написанной в 1626 г. в Москве, а объем пре-

вышает обе вместе взятые, историк русской церкви митрополит Макарий заявил, что в С. сохранилась подлинная «ставленная» грамота, не поднимаемая при этом вопроса о времени происхождения сказания (История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11, кн. 2. С. 8). Все позднейшие исследователи, хотя и относили происхождение С. к середине XVII в., не подвергали сомнению утверждение Макария. Между тем особенности грамоты в С. и сравнение ее с обеими грамотами 1626 г. приводят к иному выводу. Если грамоты 1626 г. имеют сугубо деловой характер, с документальной четкостью и кратко, как это свойственно документам, фиксируют акт поставления патриарха, то грамота в С., напротив, отличается чрезмерной пространностью и описательностью. Начинаясь изложением причин, побудивших Феофана ехать в Россию, и описанием сложнейшей путешествия, она затем подробно повествует об исключительности православия в России, об оказанном патриарху в Москве торжественном приеме. Грамота насыщена восторженными характеристиками Филарета и царя в стиле похвальных слов, риторическими обращениями к царю и народу с назиданием повиноваться новоизбранному патриарху.

Все эти не имеющие прямого отношения к поставлению патриарха черты присущи не документальному, а литературному произведению. Этот вывод находит подтверждение в заглавии грамоты в Кормчей 1653 г. Ее авторы не нашли возможным озаглавить произведение иначе, чем «Сказание» о поставлении Филарета, хотя и написали его в виде грамоты.

С. Ф. Платонов видел в С. все признаки «официального панегирика патриарху Филарету». Грамота о поставлении является кульминационным ядром этого панегирика.

Повышенный интерес в С., особенно в первой редакции, к вопросам, связанным с введением патриаршества в России, объясняется особым взглядом патриарха Никона на роль русской церкви и ее главы в христианстве и в общественно-политической жизни страны. Установление патриаршества, согласно С., было закономерным и неизбежным, поскольку в других странах православие пришло в упадок, а в России процветало. Эта мысль была основной в комплексе религиозно-политических идей XVI в. «Москва — третий Рим». Однако авторы С. пошли дальше идеологов XVI в., настойчиво подчеркивая самостоятельность русской церкви, ее независимость от влияния вселенских патриархов во всех вопросах веры, в том числе и в поставлении своего патриарха. Патриаршество в России введено с одобрения и санкции вселенских патриархов, но особой нужды в их разрешении не было, ибо Федор Иоаннович «и по власти можаше превысочайший престол патриаршеский устроить, яко царь и самодержец», а обращение к ним вызвано заботой о том, чтобы никто из религиозных противников не мог упрекнуть Россию в самовольном поставлении патриарха. Точно так же об избрании Филарета сообщается патриархам не потому, что без их утверждения его поставление невозможно, «но совершенного ради смиренномудрия», т. е. из моральных соображений.

Основное внимание во второй редакции С. уделено избранию Филарета Романова патриархом. Поскольку появление в России новой царской династии явилось результатом острейшего социально-политического кризиса конца XVI—начала XVII в., то в С. прослеживается судьба Романовых, особенно Филарета, в Смутное время. Однако события Смуты служили лишь фоном для рассказа о Романовых, поэтому они изложены описательно, а иногда искаженно, что обусловлено проромановской ориентацией авторов.

Одной из главных задач авторов было обоснование прав основателей новой династии на царский и патриарший престолы. По их мнению, избрание Романовых было законным и необходимым прежде всего потому, что они были ближайшими родственниками последних рюриковичей, т. е. наследниками и продолжателями угаснувшей династии. Филарет, кроме

того, что был «по матери царю Федору брат», обладал еще целым рядом достоинств, ставивших его вне конкуренции среди церковных иерархов: он с детства был подготовлен для высокой миссии, ибо «во священских законах и в царских обычаях воспитан», «бывый прежде царского совета начальнейший боярин и в синглите зело нарочитый», искушен в государственных заботах, всем известен богословской эрудицией и непоколебимостью в вопросах веры. Заключается этот панегирик Филарету указанием на то, что он «по плоти. . . царев отец, и сего ради да будет царствию помощатель и строитель». Все содержание С. подводит к мысли об исключительности патриаршеского сана, носитель которого является прямым представителем бога на земле. Отсюда следует вывод о необходимости безоговорочного послушания и беспрекословного подчинения патриарху всей паствы. Сам царь должен почитать патриарха не только «по родству», но прежде всего «по превосходящему святительству». Эта мысль, созвучная идее патриарха Никона о подчинении светской власти церковной, во второй редакции С. ослаблена тем, что используется применительно только к Филарету, родному отцу царя.

Учитывая тот факт, что составители второй редакции С. резко сместили его идейную направленность, сделав центральной темой поставление Филарета патриархом, можно предположить, что она появилась после разрыва Никона с царем, т. е. не раньше осени 1658 г.

Характерные черты С. — многословная риторика, дидактика и многочисленные цитаты из патристики. Стиль «Нового летописца» не оказал заметного влияния на С. Написанный на основе «Нового летописца» рассказ о Смуте, как и все С., обнаруживает образность, свойственную церковной и агиографической литературе.

Изд.: Кормчая. М., 1653. Л. 1—37 об.; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 76.

Лит.: Платонов. С. 346—348; Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // Изв. М., 1945. Т. 14. С. 113.

Г. П. Енин

Сказание о построении храма святой Софии («Сказание о создании церкви святыи Софии еже в Костянтине граде»; «Сказание о Софии Цареградской») возникло в Византии не позднее середины IX в. и переведено на Русь (время перевода остается не установленным). Греческий оригинал сохранился в списках XII в. Древнерусские списки С. относятся к XV—XVII вв. Они известны в составе *Еллинского летописца* второй редакции и в составе *Хронографа*; в сборниках С. встречается редко. Исследователями отмечалась насыщенность С. историческими реалиями: названы византийские императоры, в их числе заказчик строительства Юстиниан, патриарх Евтихий; приведены даты, размеры храма; перечислены строительные материалы, описаны внешний и внутренний облик храма и его утварь, сообщено о падении купола в правление Юстина и о его восстановлении и т. д. Между тем в повествовании присутствует легендарный элемент: явление ангела, показавшего царю во сне, какова будет церковь; чудеса — о недоставшем злате, о трех оконцах, о наречении ангелом имени церкви. С. оказало определенное влияние на оригинальные древнерусские повести об основании монастырей и о строительстве почитавшихся храмов. С. Г. Вилинский, к 1900 г. выявивший и опубликовавший южнославянские списки С., в 1903 г. доказал их зависимость от древнерусского перевода.

Изд.: Сказание о создании великия божия церкви св. Софии в Константинополе / Предисл. К. К. Герца и Ф. И. Буслаева // Летописи Тихонова. Т. 2. Отд. 2. С. 1—36; Леонид, архим. Сказание о св. Софии Цареградской: Памятник древней русской письменности XII века. СПб., 1889 (ПДНП. Вып. 78); Вилинский С. Г. Сказание о Софии Цареградской в Еллинском летописце и в Хронографе // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 1—43.

Лит.: Савваитов П. И. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872; Вилинский С. Г. Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии Цареградской. Одесса, 1900; Сперанский. Из истории. С. 64—67; Творогов О. В. К изучению древнерусских хронографических сводов: (1. Редакция Еллинского летописца. 2. О происхождении Хронографа западнорусской редакции) // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 402—404.

О. А. Белоброва

Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича — принятое в научной литературе заглавие памятника. Оно соответствует содержанию произведения лишь в незначительной степени. Царю Феодору и его царствованию в С. уделено места меньше, чем каждому из других главных героев, и лишь постольку, поскольку события, рассказа о которых составил первую часть С., произошли в его правление. В большей мере отражает содержание С. существующее в рукописной традиции (с небольшими разночтениями в разных списках) пространное заглавие — «Сказание о царстве царя и великого князя Феодора Иоанновича, и о убиении брата его царевича Дмитрия Иоанновича, и о царствии злопрелестника и святоубийца Бориса Годунова, и о прелести злопроклятого еретика Гришки Отрепьева». Однако и это заглавие вобрало в себя не все главные моменты С. Частичное несоответствие заглавия С. содержанию обусловлено особенностями использования его автором основных источников — «*Повести, како вослаши неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*» и «*Жития царевича Дмитрия*» из Миней Иоанна Милютина. С. полностью сохраняет идейное содержание источников: публицистическую направленность на обличение *Годунова* и *Отрепьева* и прославление Феодора Иоанновича и Василия Шуйского, но в заключительной части автор С. акцентирует внимание на избрании царем и начальном периоде царствования Шуйского, снабдив рассказ о нем особым подзаголовком: «О царствии государя царя и великаго князя Василья Иоанновича всеа России».

То обстоятельство, что автор С. почти не изменяет количество событий и фактов, не выходит за хронологические границы источников и сохраняет их идейное содержание, вызвало появление в научной литературе версии о возникновении памятника в 20-х гг. XVII в. Однако она нуждается в более основательных текстологических и палеографических доказательствах. Предпочтительнее выглядит датировка С. Ф. Платонова, который, основываясь на том, что С. сохранилось только в списках XVIII в., перечисленных в его книге, и на особенностях языка С., относил его создание к концу XVII в. Следует отметить и то, что литературная манера автора С. не находит подобия ни в одном произведении первой трети XVII в. По словам В. П. Адриановой-Перетц, С. обнаруживает «явные признаки бытового повествования».

Литературные особенности С. вытекают из отношения его автора к источникам. В отличие от других писателей, которые старались сохранить заимствованный материал в неизменном виде, автор С. обращается с источниками чрезвычайно свободно. Например, чтобы ярче оттенить роль Василия Шуйского как организатора восстания против Лжедмитрия I и показать его авторитет в народе, он заменяет общеизвестный факт возвращения Шуйского из ссылки самим самозванцем известием о том, что его вернули москвичи, когда им «омерзело» поведение Отрепьева. Используя отдельные выражения источника, он сознательно изменяет их так, что они приобретают совершенно другой смысл. Например, в «П., како восхити. . .» быстрое продвижение Лжедмитрия I к Москве объясняется тем, что все города сдавались ему добровольно, «а за щитом богомерзкий он не взя ни единой веси» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 159). В С. эти слова выражают совсем другую мысль: «А шел он окаянный в то время за щитом, нельзя некоторыми делы его вскоре узнать».

Автор С. легко вводит новые факты, причем всегда либо вымышленные, либо имевшие место в другое время и при других обстоятельствах. К ним относится, например, сообщение о том, что царевича Димитрия сопровождали в Углич огромная свита и «четыре приказа стрельцов». Из того, как автор изображает действительные, многократно описанные до него события, видно, что он не считал себя обязанным придерживаться подлинных фактов и давал волю собственной фантазии. Трудно допустить, что он действительно считал не «тушинского вора», а Лжедмитрия I отцом сына Марины Мнишек, которую, согласно С., Василий Шуйский, умерший раньше ее, сперва отправил в ссылку, а потом велел вместе с сыном «в струбе сожещи».

Схематичные описания событий и краткие упоминания о них в источниках становятся в С. сюжетной основой обширных и вполне завершенных рассказов. Так, например, беглое сообщение «П., како восхити. . .» о пристрастии Бориса Годунова к волшебству превращается в С. в просторную и насыщенную вымышленными подробностями сцену волхования. При этом автор всегда стремится достичь в своих вставках полной убедительности. В отличие от предшественников, рисовавших поведение героев условно-этикетными формулами, он наполняет каждый рассказ конкретизирующими события или поступки людей деталями и подробностями, настолько жизненно правдивыми, что создается обманчивое впечатление полного правдоподобия всей картины. Наглядным примером может служить сцена убийства царевича Димитрия. Убийцы спрятались под лестницей. «И как царевич пошел по леснице и будет посреди лесницы, и дьяк Мишка Битяговской скоро вскочил. . . и ухватил его. . . сквозь лесницу за ноги, сын же его, Данилка, за честную его главу. . . , племянник же Микитка Качалов вынял нож и заколол его».

Существенные расхождения с источниками наблюдаются в изложении причин разных событий. Традиционное провиденциальное объяснение и в С. остается главным, но, видимо, не удовлетворяет автора, поэтому он пытается вскрыть реальные причины, а если не находит их, то прибегает к вымыслу. Причины признания беглого монаха сыном *Ивана Грозного* он объясняет, раскрывая поведение Отрепьева с помощью вымышленных бытовых деталей, а поведение русских людей — через легко объяснимые психологические состояния. Во-первых, в городах, через которые самозванец шел к Москве, не было людей, знавших его раньше; во-вторых, он скрывался «за щитом», из-за чего узнать его было невозможно; в-третьих, он «власами оброс и мужеством возмужал и пременялся в лице». Русские же люди считали, что он послан свыше в наказание Борису Годунову, и радовались, ожидая избавления от Бориса, а те, кто узнал в самозванце Отрепьева, молчали «страха ради смертнаго». Однако автор С. не всегда справляется с полетом своей фантазии и часто впадает в противоречия. Стремясь подчеркнуть важность участия в событиях Василия Шуйского, он помещает рассказ о том, что Лжедмитрий задривал Шуйского, боясь разоблачения, поскольку боярин знал его еще дьяконом Чудова монастыря. Шуйский долгое время не узнает его, т. е. считает настоящим царевичем Димитрием, чего не могло быть, поскольку в начале С. Шуйский сам хоронит подлинного царевича. Чувствуя, вероятно, эту противоречивость, автор С. прибегает к спасительной формуле: «уж то так богу изволившу попустити грех ради наших».

Значительно сложнее, чем в источниках, становятся в С. образы главных героев. Если в «П., како восхити. . .» сделан еще только первый шаг к изображению различных сторон характера Годунова, то в С. он имеет уже развернутую разностороннюю характеристику. Годунов — преступник и злодей, увлеченный предосудительным чародейством, преследователь бояр, но, с другой стороны, он был «человечен и велеречен, и умом превзыде многих; и бог его одарил паче человек умом и человечеством».

Еще большую выразительность, по сравнению с Житием царевича Димитрия, на основе которого строится первая часть С., приобретает образ царя Федора. Благодаря развернутой прямой речи, использованию разговорной лексики, которая меняется в зависимости от обстановки, и передаче психологических побуждений царя в разных ситуациях он предстает в С. не в схематичном иконописном изображении, а наделенным обычными человеческими качествами, — правда, только положительными. Он мягок, добр и доверчив, но может быть твердым и мужественным.

Образы двух других главных героев в С., Отрепьева и Василия Шуйского, почти не испытали изменений по сравнению с «П., како восхити. . .», поскольку заимствования из этого источника подверглись переработке в меньшей степени, чем заимствования из Жития.

В С. сохраняются многие характерные признаки стиля исторических повестей начала XVII в.: дидактизм и риторика, оценочные эпитеты, метафоры, пышные сравнения богослужебной литературы, цитаты из Евангелия и библейских книг. Неоднократно использует автор традиционный прием повторения одной мысли. А наизидание о том, что Годунов сам попал в положение, которое раньше создавал для других, многократно выражено формулой из Священного писания, применявшейся в древнерусской литературе в течение многих веков: «ров изры, ископа, и впадесе в яму, юже содела». Вместе с тем внимание к бытовым реалиям, попытка передать душевные побуждения героев привели к заметному упрощению стиля и языка. Показательным примером служат многочисленные афористические высказывания, к которым автор обнаруживает большое пристрастие. Наряду с книжными изречениями, подобными цитированному выше, в С. часто встречаются простонародные выражения: «и праведнику смерть страшна, не токмо что простому человеку»; «чего возжелал, то и получил» и т. д. Еще более это заметно в прямой речи героев, которая всегда обнаруживает зависимость от разговорного языка. Усиливает представление об оригинальности С. постоянное обращение автора к устному народному творчеству. Фольклорные заимствования видны и в словах царя Федора, и в афоризмах, отразивших народную мудрость, но с наибольшей силой проявляются в плаче царицы Марии Нагой, матери царевича Димитрия. Этот плач — подлинная похоронная причеть. В. П. Адрианова-Перетц писала, что «по свежести выражения подлинного материнского горя этот плач может быть признан одним из старших образцов нового реалистического стиля в литературе XVII в.».

Изд. РИБ. СПб., 1899. Т. 13. Стб. 755—836.

Лит.: Платонов. С. 413—418; Адрианова-Перетц В. П. 1) Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 149—150; 2) Исторические повести XVII века и устное народное творчество // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 76—77; ИРЛ. Т. 2, ч. 2. С. 67—68; Лихолат С. В. Литературные особенности историко-публицистических произведений начала XVII века: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Киев, 1963. С. 4, 16—18.

Г. П. Енин

Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. Существуют две — написанные с разрывом в полвека — повести об успешной обороне Тихвинского Богородице-Успенского монастыря от шведских войск. По своему содержанию они сближаются с псковско-новгородскими повестями о Смуте. Наиболее ранняя из них — краткое «Сказание о осаде и о сидении в пречестней обители честнаго и славнаго Одигитрея чудотворных иконы Тихвинския» — вошла в состав НЗЛ и, в сокращенном виде, в «Сказание об иконе Тихвинской богоматери», но до этого существовала как самостоятельное произведение, написанное вскоре после событий 1613 г. Подтверждением этому служит одна особенность сказания в летописи, где в противоречии с документальными материалами и более

точным в данном случае позднейшим сказанием говорится, что воеводы Вельяминов и Прозоровский были посланы царем под Новгород. Правильное известие о походе воевод в Псков было заменено при включении сказания в летопись.

Ранняя повесть составлена одним из защитников монастыря, человеком, по-видимому, воинского звания. В описании штурмов и сражений за пределами монастыря автор приводит такие подробности и детали, которые обличают в нем знатока воинского дела, свободно владеющего профессиональной лексикой. Вся повесть написана простым, часто близким к разговорному языком с ощутимым влиянием стиля воинских повестей. Автор применяет обычные в воинских повестях сравнения, метафоры, формулы для изображения растерянности и отступления неприятеля: «нападе страх и трепет велик на поганых», «побегоша погании от Тихвины посрамлени» и т. д. Все победы над многочисленными врагами одерживаются с помощью богородицы. В целом, раннее сказание содержит живой безыскусный рассказ о тяжелой борьбе за сохранение Тихвинского монастыря в составе русского государства, наполненный многочисленными фактами, именами, реалистическими подробностями в описаниях мелких и крупных событий, составивших историю осады.

Иной характер имеет созданное в 1658 г. на основе переработанной ранней повести «Сказание о милости пресвятыя владычицы наша богородицы и приснодевы Марии, како преславно избави обитель свою, иже на Тихфине, идеже святыи ея чудотворный образ Одигитрие, от нашествия зловерных варяг, иже Свияне наричются». Его автором некоторые исследователи признают на основании косвенных данных иконника Тихвинского Успенского монастыря Иродиона Сергеева. Вместе с тем в литературе высказывалось мнение, что в 1658 г. сказание было списано с более раннего списка, что дает основание считать И. Сергеева простым переписчиком (Б е р е д н и к о в Я. И. Историко-статистическое описание Тихвинского Богородицкого монастыря. 3-е изд. Новгород, 1906. С. 22—36, примеч. 19). Позднейшее сказание резко отличается от раннего по целому ряду признаков, хотя сохранило всю его фактическую основу. Сказание представляет собой обширное повествование, состоящее из 122 глав, лишь 43 из которых (гл. 25—67) опубликованы. События 1613 г. рассматриваются здесь в более широкой исторической перспективе, в связи с чем автор использовал в 25-й и 27-й главах в качестве источников *Хронограф* редакции 1617 г. и «*Новый летописец*». Чтобы объяснить появление шведских войск в России, захват ими Новгородских земель, автор начинает повесть с рассказа об осаде Москвы Лжедмитрием II и освободительном походе русских войск и шведских наемников под руководством князя Н. В. Скопина-Шуйского в 1608—1610 гг. Заканчивается сказание описанием событий, последовавших за осадой монастыря в 1613 г., и сообщением о заключении Столбовского мирного договора в 1617 г.

Если краткое сказание повествует об обороне монастыря от шведов, то пространная повесть представляет собой сказание о чудесах и явлениях богородицы во время осады, количество которых увеличилось по сравнению с краткой повестью, а их объемистые описания снабжены отдельными подзаголовками. По словам автора, в сказании «милость богоматере да глаголется, а не ратных обычай». При этом совершенно исчезают зримые подробности кровопролитной борьбы, героизм и самопожертвование защитников монастыря, свойственные первому сказанию. Они не столько сражаются, сколько молятся, умиляются чудесами, постоянно плачут, отчаиваясь или благодаря богородицу. В намерение автора входило показать, что шведы воевали, сами того не подозревая, не против русских людей, но «противу всеильного света Христа матер».

Д. С. Лихачев писал: «Цель пространной повести — прославить новыми чудесами Тихвинский монастырь, и потому она не столько рассказывает о событиях, сколько поучает. . . , передавая их назидатель-

ный смысл, чтобы возбудить в читателе благочестивое настроение». Автор решает эту задачу разными способами. Кроме описания чудес он помещает риторическое отступление, чтобы показать, что забота царя *Михаила Романова* о Тихвинском монастыре традиционна: еще отец *Ивана Грозного* и сам Грозный проявляли особое внимание к монастырю, в котором хранилась чудодейственная икона Тихвинской богородицы. В настойчивых попытках шведов овладеть монастырем и в стремлении правительства *Михаила Федоровича* не допустить этого автор видит еще одно доказательство высокого значения Тихвинского монастыря — как последней крепости на северо-западном рубеже, препятствующей распространению шведской интервенции в глубь России: «...сию токмо во окрестных пределах Великаго Новаграда его царская держава одержажше и тою веселяшеся». Завершает автор прославление монастыря чудесным волеизъявлением богородицы, которая не позволила сдвинуть с места свою икону, когда отчаявшиеся защитники хотели покинуть обитель и унести ее с собою.

Идейное содержание позднейшей повести позволяет отнести ее к жанру сказаний о местных святынях. Признаки агиографического жанра обнаруживают и использованные в ней художественные средства. Еще С. Ф. Платонов отметил «риторическую напыщенность повести». Сказание написано в торжественно-пазидательном тоне, витиеватым слогом, насыщено молитвами, обращениями к читателю, высокопарными сравнениями, книжными эпитетами и метафорами. Из-за намеренно архаизированного языка с обилием славянизмов повествование становится тяжеловесным и трудно читаемым. Описание отдельных боевых действий автор стремится передать всегда обобщенно, причем воинские термины краткого сказания заменяет словами, соответствующими общему языку своей повести. Так, туры переименованы в «крепостные домовища», рвы и валы — «земленная ухищрения». Вместо реалистического, наполненного подробностями рассказа ранней повести о длительной подготовке шведов к штурму и о самом приступе в позднейшем сказании лишь отмечено, что они совершали «некая кознодействия крепостна зело». В отличие от краткого, пространное сказание существует в рукописной традиции в отдельных списках, наиболее полный перечень которых дан в книге С. Ф. Платонова.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 267—273, 283—305; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 405—448.

Лит.: Платонов. С. 426—427; Лихачев Д. С. Литература 1590—1630-х годов // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. Гл. II, § 7. С. 75—76; Иванова И. А. Икона Тихвинской богородицы и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской богородицы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 419—436.

Г. П. Енин

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы сюжетно соотносимо с «*Повестью о зачале Москвы*». Однако в отличие от нее С. совершенно отстает от исторического правдоподобия: в нем рассказывается, как князь Даниил Александрович Суздальский был убит братьями Кучковичами по наущению влюбленной в них княгини Улиты. Узнав о гибели Даниила, его брат Андрей расправляется с заговорщиками и на месте их «сел красных» основывает Москву. Исторический Даниил княжил в Москве в конце XIII—начале XIV в., а изложенная в С. история его гибели — это литературная реминисценция из «*Повести о зачале Москвы*», в которой рассказывается об убийстве *Андрея Боголюбского* тем же Кучковичами, по наущению княгини Улиты, но там жена князя *Андрея* — не возлюбленная Кучковичей, а их сестра.

Автор С. неизвестен. Его атрибуция проповеднику *Каменевичу-Рвовскому* представляется неосновательной. С. было создано не ранее

второй четверти XVII в., но и не позднее 1684 г. — времени сложения *Новгородской Забелинской летописи*, в составе которой С. уже находится, и при этом не в первоначальном своем виде.

Источниками С. помимо «Повести о зачале Москвы» явились паремийное чтение о Борисе и Глебе и, вероятно, какие-то устные легенды.

Первоначальный вид С. обнаружен в сборнике ГИМ, Музейское собр., № 3996 в составе летописца. Кроме того, текст его встречается в более чем 50 списках XVII—XIX вв.

С. привлекало внимание своей сюжетной занимательностью; в XVIII в. его использовал как исторический материал А. П. Сумароков в статье «О первоначалии и созидании Москвы», опубликованной в январском номере «Трудолюбивой пчелы» за 1759 г. Текст С. неоднократно издавался.

Изд.: Сказание о начале Москвы / Сообщено А. Д. Чертковым // ВОИДР. М., 1851. Кн. 11. Отд. 3. С. 25—29; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. Петрозаводск, 1864. С. 185—190; Рыбников. С. 159—162; Лопарев Х. М. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы // ПДПИ. СПб., 1901. Вып. 141; Забелин И. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 30—36; Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 13, 216—222; Повести о начале Москвы // Скрипиль. Русская повесть. С. 74—81, 235—242, 376—384; Салмина М. А. 1) Особая редакция «Сказания о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 316—321; 2) Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 199—244; 3) Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы / Подгот. текста и примеч. М. А. Салминой // Изборник: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 576—580; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // Русское историческое повествование XVI—XVII веков / Сост., предисл., подгот. древнерусск. текстов, пер. и примеч. Ю. А. Лабынцева. М., 1984. С. 156—161, 328 (по рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 3996). — В том же издании под заглавием «Повесть о начале царствующего града Москвы» (С. 149—155, 327—328) опубликован второй текст «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», но по рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 670.

Лит.: Татищев В. Н. История российская с древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. Примеч. 418; Карамзин И. ИГР. Т. 2. Примеч. 301; Смирнов С. Сказание русских летописцев о начале Москвы и свидетельства иностранных писателей XV и XVI века о ее состоянии // ЖМНП. 1849. Ч. 62. Отд. 6. С. 36—40; Булаев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихонравова. Т. 4. С. 11—13; Беляев И. Сказание о начале Москвы // РВ. 1868. Т. 74, март. С. 5—26; Забелин И. История и древности Москвы // И. Забелин. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 130—132; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 59—70, 75—92; Тихомиров М. Н. Сказание о начале Москвы // Изв. 1950. Т. 32. С. 236—241; Салмина М. А. 1) К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 231—234; 2) «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 272—280; Топоров В. О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 223—227.

М. А. Салмина

Сказания и повести о патриархе Никоне, написанные старообрядцами, — рассказы о патриархе *Никоне*, главном идеологическом противнике старообрядцев, появились очень рано и широко распространялись по стране в устной передаче еще при жизни патриарха. Первый свод этих рассказов был составлен в Пустозерске уже в 70-х гг. XVII в. сосланными сюда писателями-старообрядцами, которые оформили их в отдельную книгу под общим заголовком: «О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеча антихристов». С. встречается в древнейших рукописях пустозерского происхождения, и прежде всего в Пустозерском сборнике — БАН, собр. Дружинина, № 746 (790) и рукописи БАН, собр. Дружинина, № 762 (806), датируемых 70-ми гг. XVII в. С. состоит из краткого введения, шести сюжетных статей и заключения. Эти статьи таковы. Введение (нач.: «Христос, истинный бог наш, спаситель всего мира,

предвозвести нам пресвятым своим евангелием о безбожных еретиках. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 218. № 13; изд.: Перетц. С. 163—164. Свидетельство о Никоне соловецкого старца Кирика (нач.: «Егда бывшу тому змию лукавому на патриаршестве. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 15; изд.: Перетц. С. 164—165. Свидетельство о Никоне старца Андрияна (нач.: «Вторый свидетель сему делу ученик его Никонов именем Андреан. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 16; изд.: Перетц. С. 165. «Како Никон хулил святых российских чудотворцев и из помяновенных книг вынял» (нач.: «Он же, Никон, окаянный хульник. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 17; изд.: Перетц. С. 165—166. О Нафанаиле Киевлянине (нач.: «Он же, Никон, сосуд лукаваго духа, мучил священноинок Нафана Киевлянина. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 18; изд.: Перетц. С. 174—175. О Иосифе Волоцком (нач.: «Он же Никон, преподобного Иосифа Волоколамского чудотворца злословил и поносил. . .»). Изд.: Перетц. С. 175—176. О приезде патриарха Никона в Москву, в Успенский собор (нач.: «И по сему знатно лукавство отступника Никона, егда богом изгнан ис церкви скверный он. . .»). Изд.: Перетц. С. 167—168. Заключение (нач.: «Слыши небо и внуши земле глаголы рабов христовых. . .»). Изд.: Перетц. С. 176. С. издано Н. И. Субботиним и В. Н. Перетцем не полностью по поздним спискам. О его авторе у издателей и исследователей нет единого мнения. Н. И. Субботин приписывает сочинение перу дьякона *Федора Иванова*. П. С. Смирнов, В. Н. Перетц и В. Г. Дружинин оставили вопрос об авторе открытым. В пользу принадлежности пустозерской редакции С. дьякону Федору говорит то, что во многих списках сочинение следует непосредственно за «Ответом православных» — главным идеологическим сочинением пустозерцев, созданным дьяконом Федором при участии его союзников в 1667—1669 гг. С. как бы продолжает имеющийся в «Ответе» перечень догматических нововведений Никона в церковную практику перечнем его частных, нравственных преступлений: «Богометство же его сие есть и кроме превращения догмат церковных». Особенности стиля и композиции С. очень близки к другим сочинениям Федора.

В XVIII в. возникает значительное количество новых сочинений о патриархе Никоне, нашедших отражение в старообрядческой письменности. Назовем прежде всего «Сказание о Никоне», встречающееся в рукописях вместе с *Житием* инока *Корнилия* в редакции инока *Пахомия*, созданной на Выгу в 1723—1727 гг., и ее «украшенной» переделке, принадлежащей выговскому уставщику *Трифону Петрову* (1731 г.). Названное «Сказание» является по существу выговской редакцией пустозерского сказания о Никоне патриархе с добавлением двух новых рассказов: «О Никоне, како носил образ пресвятыя Богородицы в башмаках» (нач.: «О том же Никоне хочу же вам, братия, сичеву вещь поведати. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 215—216. № 1; изд.: Перетц. С. 162—163), или «Видение Димитрия иже с Волги» (нач.: «Хочу вам, братия, о Никоне ину повесть поведати. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 219. № 14), и рассказа под названием «Повесть душеполезна о Никоне и змию» (нач.: «Поведоша отец Корнилий, яко слыша от соловецких старец. . .»). См.: Дружинин. Писания. С. 216. № 4; изд.: Перетц. С. 144—145). Как мы видим на примере первого из приведенных выше дополнительных рассказов о Никоне, включенных в выговскую редакцию Сказания о патриархе Никоне, он встречается в списках в двух вариантах — простом и «украшенном», что соответствует двум редакциям *Жития* инока Корнилия — Пахомиевской и Трифона Петрова. Это позволяет с некоторым основанием приписать этим выговским книжникам авторство выговской редакции С.

Другие повести о патриархе Никоне, встречающиеся в старообрядческой рукописной традиции XVIII—XIX вв., таковы.

1) Повесть о Никоне патриархе (нач.: «Глаголати о сем недоумеваю, иже не у младенчества устрабися. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 216. № 2; С. 217. № 6; изд.: Перетц. С. 169—173.

2) «Повесть о ерархе нашем Никоне, чюдна зело, достойна слышанию сотворити, да познают вси боящиеся господа и не надеются на его действие» (нач.: «Что сей ерарх сын сопротивника диявола отца нижайшаго сатаны. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 216—217. № 5.

3) «В лето 7150» (нач.: «И паки слышахом брата, глаголюща слово, како советова егда прииде к Никону Арсений старец пресмотреть вси книги печатныя и старописьменныя. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 217. № 7.

4) «Повесть о житии и рождении и воспитании и о кончине Никона бывшего патриарха московскаго и всея Руси, собранная от многих достоверных повествователей, бывших во дни отец наших» (нач.: «Понеже убо по древлецерковнем отеческом благочестии аще и горячею жалостию снедаем естъ. . .»). Создание этой повести В. Н. Перетц датирует временем «после 1716 г.». Ее автор использовал различные материалы, в том числе Житие патриарха Никона, написанное *Иваном Шушериным*. См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 217. № 8; С. 217—218. № 9; изд.: Бороздин. Прил. № 33. С. 145; Перетц. С. 177—190.

5) «О Никоне патриархе Московском, о еже за какихъ вины повелением царским извергоша его вселенстии и рустии архиереи. . . Извещение или объявление совершенное низложения Никонова и низвержения» (нач.: «Понеже Никон, бывший патриарх Московский. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 218. № 10.

6) «О патриярсе Никоне», «выписано из обличения священномученика Аввакума протопопа о патриархе Никоне отступнике». В действительности протопопу *Аввакуму* не принадлежит (нач.: «О братия моя христомименитая, страждуще о Христе Иусе. . .»). См.: РИБ. Т. 39. С. LXXXIII; Демкова. С. 222, примеч. 53; изд.: Малышев. С. 189—191.

7) «Сказание о Никоне, беседа старцев» (нач.: «Некий брат поведаша, бывший слуга его верный. . .»). См.: Д р у ж и н и н. Писания. С. 220. № 22.

8) «Разглагольствие Никона патриарха с Павлом епископом Коломенским о крестном знамении» (нач.: «Бышу разглагольствию у Никона патриарха с Павлом епископом Коломенским. . .»). См.: Белокуров. Т. 2. С. 31; Д р у ж и н и н. Писания. С. 220. № 25.

9) «Сказание о Никоне патриархе» (нач.: «Таковое бе житие в мире Никоново, понеже острожелчив и яростен и злопамятлив. . .»). См. в рукописи БАН, собр. Дружинина, № 154 (190), л. 156 об.—161 об., XIX в. (20-е гг.).

Все перечисленные здесь повести и сказания изучены недостаточно и требуют текстологического и литературоведческого анализа.

Изд.: Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1881. Т. 6. С. XXVI—XXVII, 299—302; Перетц В. Н. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 1. С. 123—190; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900. Прил. 33. С. 145; Малышев В. И. Древнерусские рукописи Путь киновского дома: (обзор фондов). Л., 1965. С. 177—178, 189—191 (издание текста).

Лит.: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 457—458. Примеч. 4; Дружинин В. Г. 1) О житии Корнилия Выгупустынского, написанном Пахомием // ЖМНП. 1884, сентябрь. С. 10—11; 2) Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 215—219; 3) Пустозерский сборник. СПб., 1914. С. 7 (Памятники первых лет русского старообрядчества); Макарий. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1855. Примеч. 325; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1900. С. XCII. Примеч. 160; Демков А. Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 222. Примеч. 53; Брещинский В. Г. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи

на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 127—128; Бубнов Н. Ю. Рукописное наследие пустозерских узников (1667—1682 гг.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 80—81; Белокуров С. А. Арсений Суханов. 2-е изд. М., 1984. Ч. 2. С. 31.

Н. Ю. Бубнов

Сказания о Максиме Греке — рассказы о жизни и писательской и просветительской деятельности, иногда с подробностями сомнительной исторической ценности в духе житейного этикета, *Максима Грека*. Интерес ученых к этим памятникам обусловлен не только содержащимися в них сведениями о древнерусском писателе, но и свидетельством С. о М. Г. относительно легендарной библиотеки московских князей XVI в. Сохранилось 4 пространных С. о М. Г., причем датировка и атрибуция трех из них до сих пор остаются спорными.

1) «Сказание о преподобном Максиме философе, иже бысть иннок святых горы Афонския преславных обители Ватопедския, иже zde пострада довольна лета за истину» (другой вариант: «Сказание о Максиме иноке святогорце Ватопедския обители») — наиболее популярное С. о М. Г., сохранившееся в большом количестве списков. С. А. Белокуров выделил две редакции С. — пространную и краткую; он считал, что краткая редакция является первоначальной. Напротив, И. Денисов доказывает, что древнейшей редакцией следует признать пространную (А), от которой зависят две другие (В и С, последняя редакция выделена И. Денисовым).

С. А. Белокуров, скептически относившийся к преданию о богатствах библиотеки московских государей, пытался доказать позднее происхождение С.; по его мнению, С. написано в Троице-Сергиевой лавре старцем *Иоасафом Сороцким* не позднее 1634 г. Основным источник С. ученый видел в сочинениях самого Максима Грека. Атрибуцию С. А. Белокурова следует признать несостоятельной, поскольку наиболее ранний список памятника — Горьковская областная библиотека им. В. И. Ленина, Р/9 — датируется концом XVI в. (С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 262). Противоположную точку зрения высказал А. И. Соболевский, который был убежден в существовании легендарной библиотеки и полагал, что С. написано вскоре после смерти Максима Грека. Датировку С. А. И. Соболевского поддержал и развил И. Денисов. И. Денисов считает, что С. написал *А. М. Курбский* до бегства в Польшу. В пользу своей гипотезы ученый приводит следующие данные: легенда о судьбе греческих книг, вывезенных из Константинополя, которая содержится в С., пересказывается также в сочинениях А. М. Курбского; отдельные факты биографии Максима Грека, которые сообщаются в С., повторяются в сочинениях А. М. Курбского; идентичность некоторых выражений в С. и сочинениях князя также, по мнению И. Денисова, указывает на одного автора.

На основании этого С. (с дополнениями из С. о М. Г. № 2) были составлены статья «Троицкия Сергивы лавры выписано из летописныя книги о Максиме Греке» и эпитафия у гроба писателя (опубликованы в кн. С. А. Белокурова — Прил. № 3, 8).

2) «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего» («Сказание о преведении Псалтири Толковия з греческаго языка на словенороссийский» — в выдержке из С. в рукописи ГПБ, Соловецкое собр., № 1046/1155) сохранилось в нескольких списках, из которых, по наблюдениям И. Денисова, наиболее исправные — ГИМ, Музейское собр., № 3809 и Милютинские миней четии (под 30 июня).

Большая часть исследователей местом написания С. считает Троице-Сергиеву лавру на основании следующих слов памятника: «Словес Максимовых есть болше ста в трех книгах: книга в десть на Москве во Андроньеве монастыре; а вторая в Сергиеве монастыре в полдесть, а в ней 74 главы;

а третья на Каменом» (причем выписки из сочинений Максима Грека приводятся по сборнику в 74 главы, т. е. Хлудовскому собранию; см.: С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. С. 234—247). Д. Ф. Кобеко предлагает считать автором С. Феодосия Вятку, бывшего архимандритом Андроникова монастыря, а в 1570—1572 гг. — троицким архимандритом (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 139). Для датировки С. большое значение имеет текстуально близкое к нему краткое сообщение о Максиме Греке, написанное около 1591 г. «Исаем бывшим дьяконом, уроженцем Каменца Подольского» (опубликовано в двух редакциях в кн. С. А. Белокурова — Прил. № 1). Если А. В. Горский и К. И. Невоструев (Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 580—581) считали, что краткое сообщение основано на С., то С. А. Белокуров настаивал на обратной зависимости памятников. Основываясь на том же сообщении, И. Денисов считает автором С. *Исаю Каменчанина*. По его мнению, Исаия написал С. в Троице-Сергиевой лавре между октябрем 1590 и апрелем 1591 г.

Помимо сочинений Максима Грека составитель С. пользовался С. о М. Г. № 1 (так считает И. Денисов) и предисловием *Силуана* к переводу Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея.

3) «О премудром и многотрудном Максиме иноке Святыя горы, в коя времена баше зде в Росии великой, и откуду прииде, и како зде скончаша, и где положен бысть, и много божественная писания книг переведе; бе бо вельми хитрый в философии изяшен» сохранилось в четырех списках, бытовавших в старообрядческой среде: 1) Государственный Эрмитаж, Русский отдел, Э/РБ-30; 2) Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, 091/4195 к; 3) ГБЛ, собр. Прянишникова, ф. 242, № 136; 4) Научная библиотека Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, Отдел рукописной и редкой книги, Р/1238. Большинство ученых сходятся на том, что С. было написано в XVII или даже в XVIII в. (И. Денисов). Последняя датировка отпадает после обнаружения Эрмитажного списка С., относящегося к последней четверти XVII в. (л. 1—4, остальная часть рукописи начала XVII в.). По мнению И. Денисова, который обратил внимание на то, что, согласно С., греческие книги были обнаружены не только в Москве, но и в Новгороде, памятник был написан в Новгороде.

С. представляет собой компиляцию важнейших частей С. о М. Г. № 1 и 2; в нем использовано также предисловие Силуана к Беседам Иоанна Златоуста и, возможно, послание *Дмитрия Герасимова Мисюрю Мухому*.

4) Житие Максима Грека, составленное С. Ф. *Моховиковым*.

Изд.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Прил. С. XXIX—XXXVIII, XVII—XXVIII, XII—XVI. (Рец.: Соболевский А. И. // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. СПб., 1900. Вып. 13. С. 269—281 (перепечатано в кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. № 3. С. 208—223); Кобеко Д. Ф. // Отчет о сорок втором припадении наград графа Уварова (Записки имп. Академии Наук по историко-филологическому отделению. Т. 6. № 2). СПб., 1902. С. 183—208).

Лит.: Klostermann R. A. 1) Maxim Grek in der Legende // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd 53. 3.F.IV. S. 171—228; 2) Legende und Wirklichkeit im Lebenswerk von Maxim Grek // Orientalia Christiana Periodica. 1958. Vol. 24. S. 353—370; Denissoff E. 1) Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe // Revue des études slaves. 1954. T. 31. P. 7—20; 2) Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski // Orientalia Christiana Periodica. 1954. Vol. 20. P. 44—84; 3) Une biographie de Maxime le Grec par le métropolitain Isaïe Kopinski // Ibid. 1956. Vol. 22. P. 138—171; Шашков А. Т. 1) Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 97—98; 2) Тагильский сборник сочинений Максима Грека (кодициологические заметки) // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 6—7;

Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин. Подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982. С. 15—16, 67—68.

Д. М. Буланин, А. Т. Шашков

Слово о ветхом Александре — южнославянская повесть. В списках С. называется «Слово ветхаго Александра, како уби Сиона, царе Амморейска, и Иога царе и 12-те царей ханааньских» (нач.: «Бысть град в восточней стране велик зело. . .») или «Бысть град велик зело в Анафолийской земли. . .»). Сюжет С. о в. А., бесспорно, зависит от сюжета южнославянской повести о Троянской войне, так называемой «Троянской притчи».

В С. о в. А. рассказывается, как жена царя Трояды Иоморя увидела сон, предвещавший, что от рожденного ею ребенка погибнет город (ср. вещий сон с тем же предсказанием, который видит Якама—Гекуба в «Притче»). Царица рождает девочку и заточает ее в башню, где та, лишняя общения с людьми, должна вырасти немой. Однако девушка чудесным образом заговорила на неведомом языке, составленном из разноязычных слов, и предсказала, что не она, а ее брат явится причиной грядущих бедствий. Родившегося у царицы мальчика оставляют в лесу (ср. судьбу Фариха—Александра в «Притче»), его вскармливает медведица. Затем ребенка приносят во дворец родителей. Ставший взрослым Александр видит во сне жену царя Сиона Егилду и решает ее добыть. Отправившись к царю Сиону под видом купца, он похищает Егилду. Сион с братом Иогом идут войной на Трояду (ср. похищение Елены и поход Менелая и Агамемнона). После долгой осады Трояду захватывают с помощью медного коня, изобретенного Паламедом (в «Притче» также упоминается медный конь, но Паламед не участвует в его создании). С помощью своего зятя — сарацинского султана — Александр в конце концов одолевает своих врагов, но увидев, сколько людей погибло и сколько городов разорено из-за одной женщины, отрубает Егилде голову, а сам бросается в море (мотив казни Елены имеется и в «Троянской притче», но там ей и Парису отрубает головы Менелай).

Исследователям известны четыре списка С. о в. А.: список XVI—XVII вв. собрания Одесского университета, № 38; список XV в. собрания Григоровича (там же); список XVI в. Библиотеки АН УССР, № 26 и список XVI—XVII вв. Бухарестской библиотеки. Однако современное их местонахождение должно быть уточнено.

Изд.: Syrků P. Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur aus dem Bulgari-schen // Archiv für slavische Philologie. 1883. Bd 7. S. 78—88; К и р п и ч н и к о в А. И. Новая византийская повесть в древнерусской литературе // Труды АС 7. С. 1—8; М о с з у л с к и W. Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur bei den Süd-slaven // Archiv für slavische Philologie. 1893. Bd 15. S. 371—380; Я ц и м и р с к и й А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. // ПДПИ. СПб., 1906. Вып. 162. С. 97—100.

Лит.: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. 1 // СОРЯС. СПб., 1886. Т. 40. № 2. С. 440—441; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 546—549.

О. В. Творогов

Слово о некоем мужи именем Тимофей (нач.: «Не умолчю бывшиа благодати божия на родѣ челоуѣчествѣм. . .») является раскольничьим сказанием, сложенным на Дону в конце XVII—начале XVIII в. С. известно в одном списке XVII в., хранящемся в ГПБ, О. XVII, № 37, 8°, л. 44 об.—55 об. (в литературе упоминается под неверным шифром Q. XVII, № 37). Список дефектный: в нем недостает конца и в середине утрачены листы.

С. рассказывает о том, как «муж некий именем Тимофей», родом из Донской области, ушел «из мира с женой и чады» и поселился в Чирской пустыни (на реке Чир — притоке Дона), «близ обители пречистые Бого-

родицы Покрова». Здесь он был пострижен покровским игуменом Досифеем в иночество под именем Тарасия и вскоре умер. Далее описывается видение, бывшее 7 января 1687 г. десятилетнему сыну Тимофея Иоанну, записанное 3 февраля этого же года неким иноком Покровской обители. Иоанну представился во сне Страшный суд и рай, в котором он увидел и основателя обители Иова, и отца Досифея, и своего отца Тимофея, убившего на своем веку четырех человек, но прощенного «понеже исповдался и пострижеса в иноческий образ». Он видел здесь протопопа *Аввакума* и прочих мучеников за веру, видел страдания грешников, противники ее распространения на Дону, атаманов Донских — Корнилия и Михаила Самарина, описаны здесь и мучения «бреющим брады». По словам В. Г. Дружинина, издававшего С., памятник изобразил «приемы раскольников, к которым они прибегали для распространения своего учения среди казаков»; с одной стороны, лица, умершие «в вере предков», изображались испытывающими блаженство после смерти, а их противники казнились дьяволом, с другой — наличествовало стремление возвысить Чирскую пустынь в глазах казаков рассказом о прощении Тимофея — убийцы — за одно только пострижение в ней.

Автор С. при изложении придерживается двух эсхатологических сказаний — Повести о видении Козьмы-игумена и Слова в неделю Мясопустную Палладия мниха. Целый ряд черт памятника, в том числе и намеки на лица и события, современные автору, заставили В. Г. Дружинина предположить, что существовали тенденциозные цели, ради которых С. и составлялось.

Изд. Слово о некоем мужи именем Тимофей // Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 233—244, 69—78.

Лит.: Отчет имп. публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 66—67; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, ч. 2. С. 1867.

М. А. Салмина

Стефанит и Ихнилат — переводная книга басен, появившаяся на Руси в XV в. и получившая широкое распространение в XVII в.

В основе С. и И. лежит индийский животный эпос, сохранившийся в санскритском сборнике «Панчатантра» (Пятикнижие, Пять назиданий) IV в. н. э., где мудрец-брахман по просьбе царя рассказывает ему о «разумном поведении». Через персидское посредство эпос перешел к арабам, где в XI в. Абдаллах ибн Ал-Мукаффа создал на его основе обширный басенно-новеллистический цикл «Калила и Димна», названный по именам двух шакалов — главных персонажей первой и второй (добавленной Ал-Мукаффой) глав книги. Арабская версия стала основой всех многочисленных редакций, появившихся на Западе и Востоке, в частности греческой версии. Греческий перевод, сделанный в XI в. придворным врачом императора Алексея Комнина Симеоном Сифом, получил название «Стефанит и Ихнилат», ибо таким образом Симеон Сиф перевел имена Калилы и Димны (эти имена были неправильно истолкованы им как нарицательные понятия — «Увенчанный» и «Следящий»). В XIII—XIV вв. был осуществлен славянский (сербский или болгарский) перевод С. и И., а в XV в. он проник в Россию.

Русская редакция С. и И. восходит к единому оригиналу — южнославянскому тексту, обрывающемуся на середине седьмой главы (о вещих снах индийского царя).

От XV в. до нас дошли три списка С. и И. — Синодальный (ГИМ, Синодальное собр., № 367), Рогожский (ГБЛ, Рогожское собр., № 676) и Троицкий (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 765). В рукописной традиции XVI в. С. и И. отсутствует. Остальные списки С. и И. (свыше 40) относятся к XVII в. и последующему времени.

Некоторые данные о происхождении русского текста С. и И. содер- жатся в приписке к Синодальному списку — здесь указано, что эта книга, переведенная «з греческих книг на русский язык», «писана... последнего сего ста седмые тысяща 87-го октомврия», т. е. в октябре 6987 (1478) г. Сходная приписка сохранилась и на списке начала XVII в., принадлежащем коллекционеру А. П. Гранкову, однако там дана дру- гая дата — март 6990 (1482) г. Трудно сказать, разные ли это записи или варианты одной и той же и дают ли они основание определить точную дату создания русской редакции; но ясно, что к концу XV в. она уже существовала.

Появление и распространение С. и И. на Руси было связано с важными новыми явлениями, характерными для русской литературы второй поло- вины XV в. Именно в это время в России широкое распространение полу- чают памятники светского сюжетного повествования — переводные (так называемая *сербская «Александрия»*) и оригинальные («Повесть о Дра- куле», «Повесть о Басарге и его сыне Борзосмысле», «Повесть о старце, просившем руки царской дочери»). До этого времени памятники такого характера были мало знакомы или совсем незнакомы русской литературе. Неизвестен в русской письменности был, в частности, жанр светской басни-новеллы; необычны были и герои басен С. и И. — заведомо вы- мышленные персонажи, сказочные звери. Древнерусская письменность издавна знала жанры, близкие к басне, — притчу или аполог, но ино- сказательность этих жанров отнюдь не означала какой-либо двусмыслен- ности их истолкования; они постоянно завершались ясной и определен- ной моралью. Совершенно по-иному были построены басни С. и И. Герои их не могли быть оценены однозначно; неоднозначным было и разрешение сюжетных коллизий в отдельных баснях: добродетель здесь редко тор- жествовала над злом, победителем обычно оказывался не правый, а силь- ный и хитрый.

• По своей композиции книга С. и И., как и «Калила и Димна», пред- ставляла собой «рамочное», или «обрамленное», повествование, где в со- став общей «рамки» входили отдельные главы (соответствующие книгам «Панчатантры»), а в их состав — отдельные новеллы-басни, рассказывае- мые действующими лицами (в эти рассказы иногда тоже входили вставные притчи). Основная «рамка» индийского оригинала — разговор царя с мудрецом — уже в арабской и греческой версиях потеряла значение; она играла чисто формальную роль (как своеобразный «зачип» каждой главы). Важнейшую роль приобрела зато тема первых двух глав — исто- рия льва, быка (тельца) и двух зверей, по именам которых был назван весь цикл. В первой главе описывалось лесное царство, где правит царь- лев, который «возносив и горд и скуден мудростью»; он окружен дру- гими животными, но два «мудроумных зверя» (в арабско-греческой вер- сии — шакалы, но славянская версия, видимо, не знает таких животных и именует их просто «зверьями»), Стефанит и Ихниллат, находятся вдали от царского двора. Между тем в лесу появляется неизвестное существо, страшно «рыкающее»; трусливый лев перекутан, но старается скрыть свой страх. Ихниллат является ко льву, осторожно выведывает причины «сумнения» льва и отправляется на поиски «рыкающего» зверя. Зверь оказывается тельцом, брошенным своими хозяевами и не имеющим ни- каких враждебных намерений, и Ихниллат приводит его ко льву. Обрадо- ванный лев приближает к себе тельца; Ихниллат снова оказывается в сто- роне. В отчаянии он решается на интригу — ссорит льва с тельцом, рас- сказывая каждому из них о коварных замыслах другого. Лев и телец встречаются; оба они боятся друг друга и ожидают нападения; лев убивает тельца. Вторая глава (отсутствующая в «Панчатантре») и добавленная в арабской версии) рассказывает о суде над Ихниллатом (Димной). Внешне глава повествует о наказании коварного зверя, но подлинный смысл ее — не в осуждении Ихниллата, а в изложении его остроумной само-

защиты, основанной на том, что остальные персонажи, начиная со льва, убившего своего фаворита по пустому подозрению, ничуть не лучше подсудимого. Никто из приближенных льва не может уличить Ихнилата, и казнь его оказывается не торжеством правосудия, а следствием интриг матери льва.

Рамочный рассказ первых глав С. и И. — восточное сказание о хитром звере, одурачившем глупого монарха-льва, — многими чертами напоминал животный эпос, популярный на Западе, «Роман о Лисе» (Ренаре, или Рейнеке). Правда, в С. и И. суд над хитрым зверем оканчивался осуждением Ихнилата, между тем как его западный двойник Ренар добивался оправдания, но в обоих случаях исход дела определялся не справедливым разбором его, а интригами придворных.

Многие отдельные новеллы-басни С. и И. по своей основной коллизии совпадали с сюжетом первых двух глав: там так же речь шла о столкновении между тремя типами зверей — хищным «кровоядцем», простаком «травоядцем» и хитрым зверем (в одной из басен — зайцем), способным одурачить сильного. Все это было довольно далеко от традиционной морали учительной литературы.

Как же воспринимался сюжет С. и И. на Руси?

Русские списки книги разделяются на три основные группы. К первой группе принадлежат Синодальный, Рогожский (XV в.) и Тихонравовский (XVII в.) списки; вторая представлена единственным Троицким списком (XV в.); третья группа, распадающаяся на несколько подгрупп, включает Гранковский, Толстовский и ряд других списков XVII и последующих веков. Общей особенностью всех этих списков выходящей к протографу русской редакции было (наряду с уже отмеченным обрывом текста на середине седьмой главы) наличие целого ряда интерполяций, которых не было ни в греческом, ни в южнославянских текстах. Интерполяции эти, обильно представленные в первой главе, но встречающиеся также в заключительной части, имели форму толкований и даже выделялись в древнейших списках обычными в таких случаях пометками «Иного» (т. е. от иного автора), противопоставлявшими их основному тексту (который обозначался как «Сущее»). Откровенно назидательные по своему характеру, они были в значительной степени обращены к читателям-монахам, остерегали их против «праздности», призывали к «рукоделию» (физическому труду), к безмолвным келейным молениям, к отказу от «земного служения» и всякой привязанности к «вещам». В поучениях этих исихастские черты, близкие к сочинениям *Нила Сорского*, сочетаются с резкими выпадами против «еретической злобы» в духе *Иосифа Волоцкого*. Однако интерполяции эти не только не вытекали из сюжетных рассказов С. и И., но находились с ними в явном, иногда вопиющем противоречии. Так, вслед за рассказом о тельце, покинутом хозяевами, но нашедшем поле «травоносно и водно» и отъевшемся, редактор вставил пояснение: «Зри, о иноче, и бегай таковыя пища»; говоря о старом журавле, которому под старость стало трудно охотиться на рыб (и который решил поэтому поймать их хитростью), редактор пояснил: «Многими скорьбми подобает нам внити в царство небесное» и т. д.

Однако попытки подогнать С. и И. под каноны церковно-учительной литературы были восприняты разными читателями и переписчиками памятника по-разному. Из трех списков XV в. только Рогожский список сохранил все интерполяции; в Синодальном списке они были кем-то зачеркнуты, а в Троицком они совсем удалены из текста (заодно выпали и некоторые дидактические рассуждения, содержавшиеся в греко-славянской, а частью даже в арабской версии). Стремясь придать памятнику максимальную сюжетную последовательность, составитель Троицкого списка отбросил главы, не относящиеся к истории двух «зверей» — Стефанита и Ихнилата, оставив только две первые главы цикла. Противоречия между любителями и противниками сюжетного повествования

сказываются и на дальнейшей его судьбе: в XVI в., когда церковники решительно выступают против «неполезных повестей», С. и И. исчезает из рукописной традиции (вместе с нею из традиции XVI в. исчезают и другие сюжетные памятники — «Повесть о Дракуле», сербская «Александрия» и др.); в XVII в. преобладают списки с меньшим количеством интерполяций, чем в Рогожском и Синодальном списках XV в.; при этом текст книги подвергается многочисленным переделкам. Начиная с XVIII в. книга продолжает интенсивно переписываться и читаться в старообрядческой среде; возникает даже новая версия С. и И., созданная выговскими книжниками.

Исследователи древнерусской литературы обратились к С. и И. довольно поздно и уделяли мало внимания этому памятнику. А. Н. Пыпин знал его только по спискам XVII в.; впервые текст С. и И. был издан (по отдельным спискам) в 70—80-х гг. XIX в. От старообрядцев памятник этот стал известен А. М. Ремизову, создавшему в середине XX в. своеобразное переложение С. и И. — «Повесть о двух зверях. Ихнелат». Сюжеты, параллельные отдельным басням С. и И., разрабатывали также В. М. Гаршин («Лягушка-путешественница») и Л. Н. Толстой («Обезьяна», «Цапля, рыба и рак», «Два кушца»), но они опирались при этом не на греко-славянскую, а на иные версии «Калилы и Димны».

Изд.: Стефанит и Ихнелат / Изд. Ф. Булгаков. СПб., 1877—1878 (Изд. ОЛДП. Вып. 16 и 27); Стефанит и Ихнелат / Изд. А. Е. Викторов. СПб., 1880—1881 (Изд. ОЛДП. Вып. 64 и 27); Стефанит и Ихнелат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. греч. текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л., 1969; Стефанит и Ихнелат / Подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачевой; пер. А. А. Алексеева // ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 152—221, 681—689 (ср. издание южнославянского текста: *Indijska priče prozване Stefanit i Ihnilat / Od Gj. Daničica // Starine. Na svet izdaje Jugoslovenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. U. Zagrebu, 1870. Kn. 2).*

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 158; Смирнов С. К. Стефанит и Ихнелат: Очерк из истории странствующих сказаний. М., 1879; Рыстенко А. В. К истории повести «Стефанит и Ихнелат» в византийской и славяно-русской литературах // Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Вып. 10. С. 237—280; Орлов. С. 65; Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж, 1959; Гранков А. Неизвестная концовка «Повести о Стефаните и Ихнелате» // РЛ. 1966. № 1. С. 200; Лурье Я. С. 1) А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнелат» // РЛ. 1966. № 4. С. 176—179; 2) «Стефанит и Ихнелат» в русской литературе XV в. // Стефанит и Ихнелат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. С. 158—188; Лихачева О. П. 1) «Стефанит и Ихнелат» в русской рукописной традиции // Там же. С. 189—215; 2) Особая редакция древнерусской повести «Стефанит и Ихнелат» // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 144—173; 3) «Стефанит и Ихнелат»: (археографическое, текстологическое и лексикологическое изучение): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1973.

Я. С. Лурье

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ
И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

- Адрианова-Перетц и Покровская АИЗР — Древнерусская повесть / Сост. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.; Л., 1940. Вып. 1.
— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографической комиссией.
- Б у с л а е в. Историческая хрестоматия — Б у с л а е в Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861.
- Б у с л а е в. Русская хрестоматия, 1877 — Б у с л а е в Ф. И. Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 2-е изд., испр. М., 1877.
- Б у с л а е в. Русская хрестоматия, 1917 — Б у с л а е в Ф. И. Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 13-е изд., доп. и испр. М., 1917.
- В е с е л о в с к и й. Памятники — В е с е л о в с к и й А. Н. Памятники литературы повествовательной // Г а л а х о в А. История русской словесности древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1, 2.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857. Т. 1—25.
- В о с т о к о в. Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
- ВЯ — Вопросы языкознания.
- Древности. Слав. — Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1895—1911. Т. 1—5.
- ИРЛ I — История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941—1956. Т. 1—10.
- ИРЛ II — История русской литературы: В 3 т. М.; Л., 1958—1964. Т. 1—3.
- ИРЛ III — История русской литературы: В 4 т. М.; Л., 1980—1984. Т. 1—4.
- Истоки беллетристики — Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
- К а р а м з и н. ИГР — К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. СПб., 1816—1829. Т. 1—12.
- К у ш е в а. Из истории — К у ш е в а Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 21—97.
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. М. Н. Покровского (1938 г.).
- Летописи Тихонравова — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863. Т. 1—5.
- МГПИ им. В. И. Ленина — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
- МГПИ им. В. П. Потемкина — Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина.
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Н а з а р е в с к и й. Библиография — Н а з а р е в с к и й А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.

- Назаревский.** — Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958.
- Очерки Орлов** — Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934.
- ПЛ** — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кутшелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4.
- Платонов** — Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913.
- ПЛДР** — Памятники литературы Древней Руси.
- Попов. Изборник** — Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869.
- Попов. Обзор** — Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866—1869. Вып. 1, 2.
- Пыпин. Очерк** — Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.
- РВ** — Русский вестник.
- Рыбников** — Песни и сказки, собранные Рыбниковым. СПб., 1864. Т. 4.
- Сиповский** — Русские повести XVII—XVIII вв. / Под ред. и с предисл. В. В. Сиповского. СПб., 1905.
- Скрипиль. Русская повесть** — Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль; Ред. И. П. Еремин. Л., 1954.
- Скрипиль. Русские повести** — Скрипиль М. О. Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.
- Сперанский. Из истории** — Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей: Сб. статей. М., 1960.
- Сперанский. Рукописные сборники** — Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.
- ТК** — Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1.
- ТКДА** — Труды Киевской духовной академии.
- Труды АС 6** — Труды шестого Археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1888. Т. 2.
- Труды АС 7** — Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле в 1887 г. М., 1891. Т. 2.
- УИ** — Университетские известия (Киев).
- ЧИОНЛ** — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.
- ЯЕВ** — Ярославские епархиальные ведомости.

А. А. АЛЕКСЕЕВ

К истории русской переводческой школы XII в.

В отдельные периоды развития литературы и языка переводная письменность может приобретать исключительно большое значение. В такие периоды она определяет нормы и приемы литературного изложения, влияет на форму и структуру оригинальных литературных произведений, расширяет возможности выбора приемов сюжетосложения и в конечном счете, раздвигая пределы общения с другими литературами, оказывает воздействие на всю культуру в ее направленности на ту либо другую систему ценностей. Количественное приращение литературного материала, достигнутое в период интенсивной переводческой деятельности, закономерно обуславливает переход всей литературы на новую ступень качественного развития. Достаточно обратить внимание на далеко не случайную связь блестящего развития русской литературы в XIX в. с господством переводной письменности в предшествующее столетие, чтобы понять всю важность и значимость этого вопроса.

Между тем при обращении к истории древнерусской литературы мы сталкиваемся с очевидной неразработанностью этой историко-литературной проблемы. Вопрос о существовании оригинальной русской переводческой школы в домосковский период развития русской литературы, изучение ее становления, выявление результатов ее деятельности, уяснение особенностей и своеобразия ее литературной продукции — все это не воспринимается до сих пор историко-филологической наукой как насущная и действительно научная задача. Даже осуществленное Н. А. Мещерским исследование и издание такого выдающегося произведения русского переводческого искусства XI—XII вв., как военно-исторический трактат Иосифа Флавия, не преодолели «атомистического» подхода к изучению переводной письменности. Признавая существование общеславянской литературы IX—XV вв., учитывая наличие литературных произведений, являвшихся общим достоянием всех славян, пользовавшихся на письме кириллицей, историки литературы изучают, однако, литературный процесс у славян как сумму, сложение и взаимодействие частных литературных школ, отдельных литературных центров на огромном пространстве славянского мира от Новгорода до Адриатики. При обращении к переводной письменности это внимание к деятельности отдельных центров угасает, напротив, подчеркивается наличие огромной массы южнославянских переводов, хлынувших на Русь с конца X в. и скрывших под собой скромные усилия русских переводчиков принять участие в деле общеславянского просвещения. Очевидно, что такой подход и такое представление останутся господствующими до тех пор, пока не будет изучен доступный нам (и в немалом количестве!) рукописный материал.

Еще в 1893 г. А. И. Соболевский назвал около 40 произведений, переведенных, по его мнению, на Руси в домонгольский период.¹ Из числа названных им до сих пор остаются неизученными и неизданными такие безусловно замечательные по языку и литературному изложению, а притом и довольно значительные по объему текста произведения, как Жизнь

¹ См. статью «Особенности русских переводов домонгольского периода» в кн.: С о б о л е в с к и й А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134—147.

Андрея Юродивого, Пандекты Никона Черногорца, Космография Космы Индикоплова, Толкования Никиты Иракийского на слова Григория Богослова, Исход Мойсея, цикл рассказов о Соломоне, толкования на послания апостола Павла, толкования на Песнь песней. Нетрудно предположить, что введение в научный оборот этих памятников внесет новые и, может быть, существенные подробности в историю древнерусской литературы, расширит наши знания и представления о культурном уровне древнерусского писателя, изменит общую оценку всей переводной письменности, даст новые сведения о литературном языке Древней Руси домонгольского периода.

В ходе исследования истории Песни песней (далее сокращенно — ПП) в древней славянской письменности² мы убедились, что предположение А. И. Соболевского о русском происхождении Толкового перевода этого произведения совершенно справедливо. Благодаря своему объему и разнообразию содержания этот текст насыщен богатой и своеобразной лексикой; крайне любопытны оказались некоторые приемы перевода, примененные при его создании; большой интерес представляют некоторые обстоятельства выработки окончательного текста этого произведения; наконец, некоторые ранние моменты его литературной истории также заслуживают полного внимания. Изучение этого перевода проливает свет на переводческую школу, существовавшую в России XII в. Поставив в центр предлагаемого исследования Толковый перевод ПП, мы стремились также по возможности полно назвать круг других переводов, связанных с ним своими языковыми и литературными особенностями и своей историей.

І. Археография

Известно 30 списков XIII и следующих веков, в которых сохранился Толковый перевод (ТП) ПП.

1. ГБЛ, ф. 205 (ОИДР), № 171, сокращенно — О. Сб. конца XIII в., пергамен, устав. Содержание: Иоанна, архиепископа Селуньского (VII в.), яко ни единого разногласия, ни супротивья в евангелистѣх о воскресении, л. 1—18 об. (начало: Якоже вѣмѣщаете, уяснихом христолубивому вашему слуху), Слово не окончено вследствие утраты 4 л.;³ Сон царя Иоаса (без начала), л. 19—20 об.; Толкования на псалтырные стихи 28.5, 36.35, 71.16, объединенные темой Ливана (выборка из толкований Афанасия Александрийского на Псалтырь), л. 20 об.; Филона Карпафийского тълкъ о пѣснехъ пѣснии, л. 21—91 об. Вследствие утраты конца сборника текст неполон, обрываясь на толковании к стиху 5.4 (по объему сохранилось более 2/3 текста). П. М. Строев датировал рукопись XIV в.,⁴ в «Сводном каталоге» (№ 375) предложена более ранняя дата — вторая половина XIII в.,⁵ что находится в соответствии с палеографическими данными и орфографией рукописи.

Орфография списка русская с некоторыми архаическими особенностями, как например довольно регулярное написание редуцированных,

² См.: Алексеев А. А. 1) Песнь песней в древней славяно-русской письменности. М., 1980. Ч. 1—2. (Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 133, 134); 2) К определению объема литературного наследия Мефодия: (четый перевод Песни песней) // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 231, примеч. 12.

³ Слово о женах-мироносицах, см.: Geerard M. Clavis patrum graecorum. Vol. 3 // Vserol-Tournout. 1973. N 7922 (далее: СРГ); РГ. Т. 59. Col. 635—644.

⁴ Строев П. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 61. — Здесь не отмечены статьи на л. 19—20 об.

⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984. С. 312. — В описании не отождествлен «Сон царя Иоаса», в библиографии опущена заметка А. И. Соболевского «Неизвестный русский паломник» (ИОРЯС. 1911. Т. 16, кн. 1), касающаяся приписки на л. 20 об. (см. ниже), а также наша работа (Песнь песней в древней славяно-русской письменности), содержащая публикацию части рукописи.

хотя в языке писца уже произошли вокализация сильных и исчезновение слабых еров. Ср.: *вѣнъци* 26 об., но *вѣнець*, *цѣтець* 22, *черность*, *перваа* 28 об., *столпоу* 75 об. Ср. также случаи пропуска еров: *свершении*, *веселитса* 23, *почюдитса* 28, *валаютса* 71 об. В области вокализма наблюдается смешение гласных по ряду *ске|рбьна* 63 об., известное и другим русским спискам.⁶ Редукция безударного и перед *ј* отражена последовательно: *оученьє* 23, *разбьену*, *излыану* 23 об., *людье* 33, *въсьа* 35 об. (= *въссиа*) *гньеть* 39 об. (= *гниеть*), — в последнем случае, впрочем, возможна огласовка корня через *ь*.⁷ Наконец, в области гласных отметим полногласие *пересови* 39 об., *огородъ* 83 и др., возможно также, *единонъравно* 81 об., русскую форму приставки *роскѣплена* 57 об.

В области согласных многочисленны случаи вставного *д*: *издречеными* 22, *раздроуши* 46, *издраднѣнѣ* 81 об. и т. п.; обычным для древнерусских текстов является опущение вставного *л* в слове *оумерцвѣють* 21, 81, 91.⁸ На месте церковнославянского *жд* последовательно пишется *ж*: *жажеть* 62 об., *соугражане* 64, *надежь* 53 об., *вижь* 28 об., *стражюще* 36 об. и т. п., ср. также *сѣбчи горачѣ* 53, хотя суффикс причастия выступает обычно в церковнославянской орфографии. Встречаются формы, отражающие византийское произношение греческих имен: *навѣгинъ* 25, *ѡвгоу* 61, *ѡвѣзѣ* 63.

Из морфологических явлений отметим регулярное написание *-тъ* в глаголах настоящего времени: *оживляють*, *вѣщають* 31 об., *веселать*, *съсоуть* 23 и т. п. В творительном падеже основ на *-о* преобладает окончание *-омь*, *-ъмь*: *лѣбѣзаницемь* 21, *миромь* 25, *образьмь* 21 об.; у имен с основой на *-ја* в косвенных падежах на месте церковнославянского *а* часто выступает русская флексия *ѣ*: *вонѣ подаеть* 23 об., *овѣѣ своѣ* 32 об. (вин. мн.).

Среди морфологических новшеств списка встречается вытеснение винительного падежа именительным в причастиях муж. рода: *широкъ поуть вѣдоуць въ погыбѣль* 58, *гласъ проповѣдауць* 48 об.; новая флексия у имен на *-ја* в именит. множ.: *лисици* 52 об.; перфект без связи: *врѣмѣ рѣзанию пристѣло* 48 об., *тако оупилъ са* 87.

Восточнославянские формы: причастие муж. рода *река* 41, 78 об., 79 об., *съа* 45, *зова* 51 об. и даже *боуда* 91 «будучи» (= греч. *βάρχων*), возвратное местоимение *въ собѣ* 34, 39 об.

Среди особенностей словообразования обращает на себя внимание постоянно употребляемая форма *донѣдаже*, а также *всюда* 50, *отнюда* 78 об., *отнюдѣ* 29 об.

Весь этот набор фонетико-орфографических и морфологических новшеств и восточнославянизмов выступает в рукописи на фоне устойчивой церковнославянской орфографии и грамматики. Ряд архаических написаний можно отнести, вероятно, на счет протографа. Это касается, например, сохранения старых морфонологических чередований в корне: *святать* 70, *процвѣтоша* 86, *въдваряють* 37 об., ср. также *отъ бани хръчениша* 77 об. К протографу могут восходить написания *ицѣлѣ* 26, *ицѣлѣвъше* 26 об. или форма с неорганическим редуцированным в передаче палестинского топонима *гадѣдовѣ* 37, 38, ср. греч. *γαδδί*. Краткие прилагательные в атрибутивной функции встречаются постоянно (*страстемъ чюжамъ* 91), так же как двойственное число, имперфект.

Эти орфографические черты свойственны и другим спискам ТП, но чем позднее списки, тем менее удерживаются в них архаические черты фонетики (такие, как вставное *д*, еровая огласовка корня, типа *святить*) и

⁶ См.: Срезневский. Материалы. Слово *скърбь*; Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. С. 90.

⁷ Соболевский А. И. Лекции. . . С. 47; Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 309.

⁸ Соболевский А. И. Лекции. . . С. 22.

собственно русские явления в орфографии: в списках с конца XV в. обязательны церковнославянская орфограмма *-жд-*, окончание *-тъ* у глаголов настоящего времени, форма *река* в некоторых списках искажена в *рѣка*, т. е. осмысливается как существительное. Форму *донѣдаже* сохраняет только Ч (ГИМ, Чудовское собр., № 8); возможно, она восходит к архетипу.

2. ГПБ, собр. Погодина, № 81, сокращенно — П81. Сб. второй половины XV в., 175 л., с орфографией 2-го южнославянского влияния. Содержание: слова Иоанна Златоуста, ПП (четый перевод), ПП с толкованиями, л. 25—79 об., Притчи, Екклесиаст, Премудрости Сирахова (без конца).

3. ГБЛ, Волоколамское собр., ф. 113, № 13, сокращенно — В. Сб. XVI в. Содержание: ПП с толкованиями, л. 1—76 об., ПП (Четый перевод), Притчи, Екклесиаст, Менаандр, Премудрости Сирахова, Сон царя Иоаса с выборкой из трех псалмов о Ливане (см. выше), Василия, царя греческого, главизны наказательные к сыну, со списком канонических и отеченных книг.

4. ГБЛ, Волоколамское собр., ф. 113, № 14. Сб. XVI—XVII вв. По содержанию целиком совпадает с предыдущим, являясь копией Волок. 13. ПП с толкованиями занимает л. 1—114 об.

5. ГБЛ, собр. Егорова, ф. 98, № 891. Сб. XVI в. Содержание: Поучительные оглашения Кирилла Иерусалимского; во второй половине совпадает с Волок. 13, оканчиваясь выборкой из трех псалмов. ПП с толкованиями занимает л. 172—216 об.⁹ Лакуна в Волок. 13, обнимающая стихи 7—8 главы 5-й с соответствующими толкованиями, произошла механически вследствие утраты листа, в Волок. 14 и Егор. 891 эта лакуна воспроизведена при копировании оригинала.

6. ГПБ, собр. Погодина, № 227, сокращенно — П227. Сб. конца XV—начала XVI в. Содержание: Толковый Апокалипсис. Речи от различных муж (афоризмы, распределенные по 68 разделам), Менаандр, ПП с толкованиями, л. 234 об.—320 об., ПП (Четый перевод), Притчи (начало).¹⁰

7. ГИМ, Чудовское собр., № 8, сокращенно — Ч. Сб. XIV в., пергамен, устав. Содержание: ПП с толкованиями, л. 1—73 об., Григория, епископа антиохийского, слово о тридневнѣмъ въскресении спаса нашего, л. 74—93.¹¹ Текст ПП неполон: в результате утраты нескольких листов отсутствуют ст. 1. 4—8 с соответствующими толкованиями, посреди л. 73 об. текст обрывается на толковании к ст. 5.5.

8. ГПБ, Соловецкое собр., № 807/917, сокращенно — С. Сб. XV в. Содержание: Житие Феодосия Печерского, Киево-Печерский патерик, Слово о вере архиеп. константинопольского Геннадия, Екклесиаст, книга Кааф, краткие толкования в вопросо-ответной форме на Ветхий завет, сокращенная редакция Толковой псалтыри Афанасия Александрийского, ПП с толкованиями, л. 193—257 об., толкования в вопросо-ответной форме на Евангелие и Апостол, Слова избранные от многих книг (краткие толкования на Соломоновы книги), Сон царя Иоаса, Григория Феолога слова избранная.

9. ГБЛ, Академическое собр., ф. 173, № 215, сокращенно — А. Сб. XVI в. Содержание: жития, пророки Иеремия, Иезекииль, Даниил, Захария, книги Притч, Псалтырь, ПП с толкованиями, л. 232 об.—300.

10. ГБЛ, Троицкое собр., ф. 304, № 730, сокращенно — Т. Палея с прибавлениями, XVI в. Среди прибавлений библейские книги ПП (Четый перевод), Премудрости Сирахова, Менаандр, Притчи, ПП с толкованиями, л. 254—329, 355—362, Екклесиаст. Стихи 2. 2—17 с соответствующими толкованиями находятся в середине кн. Екклесиаст.

⁹ На рукопись обратил наше внимание А. А. Турилов.

¹⁰ На рукопись обратила наше внимание Е. В. Афанасьева.

¹¹ Слово о женах-мироносицах Григория Антиохийского (VI в.). См.: Успенский сборник. М., 1971. Л. 239в и след.; Описание рукописей Соловецкого монастыря. Казань, 1881. Ч. 1. С. 662 (Солов., 367/1053); СРГ, № 7784; РГ.Т. 88. Col. 1848—1865.

11. ГБЛ, собр. Ундольского, ф. 310, № 1, сокращенно — У. Сб. XV в. Содержание: Ветхий завет за исключением пророков и тех книг, которые в Геннадиевской библии 1499 г. переведены с латыни. ПП с толкованиями занимает л. 269—295, отсутствуют стихи 2. 2—17 с соответствующими толкованиями.

12. ГПБ, собр. Погодина, № 1, сокращенно — III. Сб. XV в., пергамен, полуустав. Содержание: ПП с толкованиями, л. 1—38 об., Слово Иоанна Солунского (см. выше, при описании ОИДР, 174), л. 39—47 об., Екклисиаст, л. 47 об.—50. Текст ПП неполон: отсутствуют стихи 2. 2—17 с соответствующими толкованиями.

13—23. Кратко перечислим одиннадцать списков XVII в. и более позднего времени: ГБЛ, собр. Ундольского, ф. 310, № 17; Музейное собр., ф. 178, № 4548 (сб. XVIII—XIX вв.); ГИМ, собр. Уварова, № 31 (содержит также Притчи и Премудрости Соломона); Синодальное собр., № 673; Синодальное собр., № 548 (Палея с прибавлением ПП); БАН, № 16.7.14; ЦГИАЛ, собр. Никольского, № 1; ГПБ, Q I 43; собр. Титова, № 2668 (сб. XVIII в., содержит ПП в объеме 1.1—2.11 с толкованиями); Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, собр. Флорищевой пустыни, № 151 (14) и № 156 (61).

Имеется также 7 списков, в которых библейский текст по ТП представлен в освобожденном от толкований виде.

24—26. ГИМ, Синодальное собр., № 915, 24, 30, т. е. Геннадиевская библия 1499 г. (далее сокращенно — ГВ), Иоакимовская библия 1558 г. и Библия XVI в.¹²

27. ГИМ, собр. Уварова, № 652. Библия XVI в., копия ГВ.

28. БАН, № 33.10.4. Сб. библейских книг конца XV в., содержит Ветхий завет, за исключением Восьмикнижия и Царств. Поскольку в число книг входят и те, что были переведены для ГВ с латыни, сб. может являться вторым томом двухтомной копии ГВ в ее ветхозаветном отделе. ПП занимает л. 128—129 об.¹³

29. ГБЛ, собр. Ундольского, № 1 (см. выше, № 11), далее сокращенно — Уб. ПП занимает л. 449—451.

30. ГБЛ, Троицкое собр., ф. 304, № 765. Сб. XV, XVI вв., содержит слова, поучения, отрывки из Судебника, ПП, л. 65—68. Текст неполон, начинается ст. 2.16, начало отсутствует вследствие утраты листа.

С этой разновидностью ТП не следует путать Четый перевод ПП, списки которого часто соседствуют в сборниках с ТП, а также списки с Острожской библии (например, ГПБ, Q I 4; Погод. 82; ГИМ, Барс. 6) и Библии Скорины (например, ГПБ, F I 4; Q I 6; Погод. 85).

II. Текстология

Библейские тексты в списках XVII в. не представляют важности для решения вопросов о возникновении и ранних этапах существования той или другой книги. Тексты этих списков содержат уже известные из более ранних источников варианты и, как правило, искажены правкой по Острожской библии 1580—1581 гг. (далее сокращенно — ОБ). Вообще ОБ положила конец органическому существованию и развитию библейских текстов в их рукописном виде, годом ее издания обозначен конец рукописного бытования славянской Библии. В отдельных случаях, однако, списки XVII в. могут покрывать лакуны более ранней рукописной традиции, по-

¹² См.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. М., 1855. Т. 1. № 1—3. — В дальнейшем ссылки на это издание даем в тексте с сокращенным названием — Описание (том, часть с.).

¹³ При описании этого сборника текст ПП пропущен, см.: Срезневский В. И., Покровский Ф. И. Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук. СПб., 1910. Т. 1. С. 55—56.

этому они все же должны приниматься во внимание при исследовании истории библейских текстов.

Разночтения двенадцати основных списков XIII—XVI вв. показывают слабо выраженные группировки рукописей вокруг двух древнейших списков — *О* и *Ч*, что обусловило порядок их размещения в вышеприведенном перечне. Текст, освобожденный от толкований (списки 24—30), следует считать редакцией. При ближайшем знакомстве оказывается, однако, что извлечение библейского текста из состава толкований предпринималось дважды. Один из этих случаев нам известен из Описания (1, 74—76): при составлении *ГБ* в Новгороде не оказалось четьего текста III, и он был извлечен из II, причем небольшие отрывки толкований по недосмотру оказались включены в библейский текст. В согласии с Вульгатой здесь произведена разбивка текста на главы (списки 24—28). Текст списков 29—30 свидетельствует о том, что извлечение его было произведено независимо от Новгородской редакции 1499 г.: в отличие от *ГБ* здесь нет деления на главы, опущены части ст. 2.9, 3.10, 4.11 (толкование, включенное в *ГБ*), 4.14 (толкование, включенное в *ГБ*), 5.2 (ошибочный повтор в *ГБ*), 5.3, 5.8, 8.6, расширен ст. 4.8. Опущенные части стихов по объему совпадают с тем делением стихов на части (перикопы, см. ниже), которое сделано в толковых списках. Орфография списков 29—30 говорит о болгарском происхождении их протографа, ибо в них встречаются написания, немислимые у восточных славян даже в эпоху тырновско-ресавской орфографии. Ср.: *сварѣхоуаа*, *адолие* (удолие), *выкоренѣжци*, *оударѣть*, *процѣфлѣ* (процвел). Таким образом, текст списков 29—30 можно назвать болгарской редакцией XV в. или даже более раннего времени.

Библейские тексты переписывались с гораздо большей тщательностью, чем прочие тексты, их состав оставался неизменен и мог страдать лишь от механических изъянов — эти и подобные причины крайне затрудняют текстологическое исследование текстов «традиционного содержания», так что самые крупные исследователи в этой области вынуждены были отказаться от текстологического исследования либо за отсутствием ярких текстологических примет, либо за не поддающимся классификации обилием разночтений.¹⁴ Это побудило нас обратиться к методу сплошного сопоставления всех разночтений по основным спискам и — на первом этапе — количественному их анализу. Были обследованы списки 1—3, 6—12, а также 24 и 29 в объеме текста древнейшего списка *О*, т. е. 1.1—5.4 (текст III без толкований).

В указанном объеме выделяются 97 узлов разночтений, т. е. таких мест, где возникает текстовое варьирование. В это число не включены, однако, чисто орфографические различия, связанные с индивидуальным навыком писцов или орфографической нормой различных эпох (*придеть — приидеть, съска — съсца*), с изменением грамматических норм (*истекаюци — истекающе* и т. п.), а также все вариации, представленные в одном-единственном списке, — эти особенности ничего не говорят об отношении списков между собой. Между каждой парой списков подсчитано число совпадающих чтений из числа 97 и переведено в процентное отношение, за 100 % принимается 97 возможных совпадений. Для списков *Ч* и *У*, III с обширными лагунами число узлов разночтений меньше — 90 и 86 соответственно, что и принималось при подсчетах за 100 %. Лакуны в один-два-три стиха во внимание не были приняты, так как погрешность в 1—3 % при таких подсчетах можно считать вполне допустимой. Результаты подсчетов представлены в таблице.¹⁵

¹⁴ См.: Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия. Варшава, 1912. С. 352; Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 20—21, 127.

¹⁵ Этот метод количественной текстологии предложен Э. К. Колвеллом совместно с Э. В. Тьюном для исследования текстологии греческих новозаветных текстов. См.:

Сиглы списков	П81	В	П227	О	ГБ	С	У6	Ч	А	Т	У	П1
П81		94	91	78	61	51	50	42	40	34	36	36
В	94		98	81	64	56	51	46	40	36	35	33
П227	91	98		81	64	56	52	48	40	35	35	33
О	78	81	81		81	63	61	54	49	44	43	42
ГБ	61	64	64	81		67	70	69	46	43	44	45
С	51	56	56	63	67		80	75	63	41	36	35
У6	50	51	52	61	70	80		75	63	44	34	34
Ч	42	46	48	54	69	75	75		69	52	46	46
А	40	40	40	49	46	63	63	69		52	57	51
Т	34	36	35	44	43	41	44	52	52		75	73
У	36	35	35	43	44	36	34	46	57	75		94
П1	36	33	33	42	45	35	34	46	51	73	94	

ПОЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦЕ

1. Цифры обозначают процент совпадающих чтений из числа 97 возможных расхождений в объеме текста 1.1—5.4.

2. Сплошной чертой выделены текстовые группы списков, пунктиром — «ассоциированные» члены групп. При выделении групп показателей не столько процент совпадающих чтений (группа может быть более или менее диффузная), сколько величина, отделяющая группу от ее ближайших соседей. Принято считать, что общих чтений в группе должно быть не менее 70 %, отличие от соседей — не менее 10 %.

3. В дальнейшем общие чтения групп обозначаются сиглами $Г1=В$, $П81$, $П227$; $Г2=О$, $ГБ$; $Г3=С$, $У6$, $Ч$; $Г4=У$, $П1$.

Выделение текстовых групп на основе количественных данных открывает путь целенаправленного анализа содержательной стороны разночтений с учетом индивидуальных чтений, отброшенных при проведении подсчетов, и позволяет прийти к следующим выводам о текстологической истории П1.

1. Текст П1 обладает высокой степенью стабильности: на 67 стихов приходится 97 узлов разночтений, что гораздо ниже того, что можно наблюдать в списках евангелия.¹⁶

2. Из 20 общих чтений $Г3$, которыми она противопоставлена древнейшему списку $О$, 14 чтений находят опору в греческом тексте, см. в аппарате издания (Приложение) разночтения 28—29, 32—33, 64, 65, 68, 77, 81, 86—87, 90—91, П 5, 18, 19, 26—27, 49—50. В пяти случаях греческий текст нейтрален в оппозиции $О$ и $Г3$ (разночтения 40—41, 88, П 9, 14, 36) и лишь один раз поддерживает чтение $О$ против $Г3$ (разночтение 59). В разночтениях 10, 17, 62 два из трех списков $Г3$ дают чтение, соответствующее греческому оригиналу, тогда как в третьем списке лакуна. Эти данные говорят о высокой текстологической ценности $Г3$. Часть общих чтений $Г3$ разделяется $Г4$ и списками $А$, $Т$.

Colwell E. C. Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament. Leiden, 1969. P. 56—62, 96—105; Алексеев А. А. Проект текстологического исследования Кирилло-Мефодиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение. 1985. № 1. С. 82—94.

¹⁶ Выразительные данные по евангелию приводит Л. П. Жуковская (Текстология и язык... С. 31 и след.).

3. Явно неудовлетворительны и вторичны 8 общих чтений *Г4*, которыми она противопоставлена всем остальным спискам (см. разночтения 16, 37, 42—43, 52, 99—100, II 7, 8, 56), а также 20 чтений этой группы, разделяемых списками *Т* и *А* (см. разночтения 12—13, 31, 35, 38, 39, 40—41, 46, 47, 48, 92, 98, II 16—17, 26—27, 38, 46, 49—50, 57—58, 62, 64, 72). Два чтения представляют собою улучшение текста: это устранение слова *фарь*, *фаревн* в ст. 1.9 и форма *въведите* вместо *въведе* в соответствии с греч. *εἰσαγάγετε* в ст. 2.4 в списке *У*. Последнее улучшение, однако, не бесспорно: греческий текст знает варианты *εἰσαγάγετο* «пусть введет» и *εἰσαγάγε* «введи» (= *А*). По всей вероятности, эти два улучшения текста возникли в *Г4* в результате редакторской правки «по смыслу», а не путем сверки с греческим оригиналом, чему противоречит большое число неудовлетворительных и вторичных чтений *Г4*. Только те чтения этой группы, которые разделяются списками *ГЗ*, оказываются вполне удовлетворительны. Таким образом, в текстологическом отношении *Г4*, как и близкий ей список *Т*, вторична и восходит к протографу со значительными искажениями текста.

4. *Г1* имеет 10 чтений, отличающих ее в целом от всех других списков, см. разночтения 19, 20, 24, 31, 72, 94, II 8, 21, 39, 55. Все эти варианты имеют явно вторичное происхождение. Следовательно, при исключительной близости этой группы к *О* ее текстологическое значение заключается в том, что она поддерживает чтения древнейшего списка.

5. Промежуточное положение *А* говорит о том, что при изготовлении этого списка было использовано два текста: текст типа *ГЗ* и текст типа *Г4*. Чтение ст. 7.5 позволяет установить, что по своему происхождению *А* относится к *Г4*: вместо правильного *царь связанъ Г4* и *Т* дают *царь сказанъ*, что в *А* рационалистически переделано на *царьска законъ* (см. разночтение III 44). Текст, дошедший в списке *А*, был правлен по тексту *ГЗ*, чем объясняются их взаимная близость и устранение в *А* ошибок, свойственных *Г4* и *Т*.

Список *Т* также происходит от текста типа *Г4*, ср. 5.15 *видъ его Г1, Г2, ГЗ, видъ его Г4, А, видѣние Т*, здесь *Т* пытается исправить неудачное чтение *Г4, А*. Текст *Т* также правился по тексту типа *ГЗ*: вслед за *Ч* в ст. 1.9 *Т* вводит слово *фарь*, а в ст. 1.10 *и бисера многоцѣнна* и т. п.

Текст *ГБ* также смешанного происхождения, о чем говорит уже его положение в таблице. Текст *ГБ* основан на тексте типа *О*, с которым у него больше всего общих чтений, вплоть до общих ошибок (см., например, ст. 1.12), а правился он по тексту типа *ГЗ*.

Наличие смешанных текстов — явление широко известное в истории рукописания,¹⁷ так что их выделение и определение направления редакторской работы представляются весьма важной задачей.

6. Всего индивидуальных чтений, исключенных при количественном анализе, в 12 списках — 52, причем в *Уб* их 15, в *ГБ* — 10, в остальных от 1 до 5. Большое число индивидуальных чтений в *Уб* и *ГБ* вполне понятно в связи с тем, что эти списки возникли в результате целенаправленной редакторской работы. Все индивидуальные чтения приведены в аппарате издания, по ним можно видеть, как осмыслялся и рационалистически «улучшался» переписываемый текст. Особый интерес для реконструкции исходного текста *ГП* имеют следующие случаи.

В ст. 1.1 *лобъжи* противопоставлено *лобзати Ч* и *цѣлоуи Уб*. В пользу первой формы говорит большинство списков. В пользу второй — высокая текстологическая ценность *Ч* и чтение последнего стиха текста: *бѣгаи, брате мои*, ср. в Четвертом переводе *бѣжи*.¹⁸ В пользу третьей — чтение ст. 8.1: *цѣлоуо тя*. В толковании к ст. 1.1 на равных правах употребляются *лобзати* и *цѣловати*, *лобзание* и *цѣлование*.

¹⁷ См.: Лихачев Д. С. Текстология: (на материале русской литературы X—XVII вв.). 2-е изд. Л., 1983. С. 92—95.

¹⁸ См.: Алексеев А. А. К определению объема литературного наследия Мефодия. . . С. 255.

В ст. 3.11 чтение *дщери иер(усо)л(и)мла Ч* при *дщери сиона* в других списках объясняется повторением в *Ч* прилагательного из предыдущего стиха. Этот повтор известен и греческим спискам.

В ст. 3.7 *60 сильныхъ, < . . . > вси имоуще оружье, наоучени на брань новгородские редакторы ГБ* заменили прилагательное *наоучени на наострени*, отнеся его, очевидно, к слову *оружье*. Эта замена не имеет параллелей ни в греческом, ни в латинском текстах.

В ст. 3.4 *Уб* дает *введохъ и*, в остальных — *его*. Несмотря на то что форма винит. падежа в этой синтаксической позиции древнее, чем форма родит. падежа, едва ли можно с уверенностью сказать, что *Уб* сохраняет здесь исконное чтение, поскольку в XII в., в эпоху возникновения ТП (см. ниже), категория одушевленности уже вполне отчетливо проявлялась в текстах, так что это новшество мог употребить сам переводчик. Сплошное обследование подобных случаев во всем тексте могло бы, возможно, дать почву для решения этого вопроса.

7. Что касается генетических отношений между списками, то они должны выглядеть следующим образом. Протограф *ГЗ* непосредственно восходит к славянскому исходному тексту. Между тем у *Г1—Г2*, с одной стороны, и *Г4—А—Т* — с другой, был общий протограф, что доказывается рядом общих чтений, которые не могут быть отнесены к славянскому архетипу, ср.:

- 1.14 съосѣненъ мой *Г1, ГЗ*, съодѣненъ м. *Г4, Т*, мой съосѣненъ *ГЗ, А*
 4.6 холмомъ ливаньскимъ *О, Г1*, горамъ ливаньскимъ *Г4, А, Т*, хльмоу ливанску *ГБ, ГЗ*
 5.1 прїиди и сниди *Г1, Г2*, прїиди с ним *Г4, А, Т*, сниди *Ч, С*, вниди *УБ*
 5.13 съсудъ вонь араматы — съсудъ араматы *ГЗ*
 5.13 крины — кринъ *ГЗ*
 5.17 где иде сестра, отиде — где отиде *сестра ГЗ*
 6.4 волна — стада *УБ*, чада *С*
 6.7 бѣ — есть *ГЗ*
 7.11 процвете — процвелъ есть *ГЗ*
 8.3 стих только в *ГЗ*
 8.6 положиша — положи *С*, нет *УБ*

Следует подчеркнуть, что во всех случаях (кроме, разумеется, 7.11) чтения *ГЗ* или одного из списков *ГЗ* имеют поддержку греческого текста. В первых трех примерах при различии в чтениях *Г1—Г2* и *Г4—А—Т* вполне очевидно, что последние могли возникнуть лишь на основе первых, но не из чтений *ГЗ*.

Таким образом, степень близости между списками в количественном отношении не определяет степень их родства; так, список *А*, близкий к *ГЗ*, имеет между тем общий протограф с *Г1*.

Необходимо также обратить внимание на то, что индивидуальные чтения *ГЗ*, не разделяемые другими списками, находятся только во второй половине текста начиная со ст. 5.13. Это позволяет думать, что неполнота списка *Ч* (ведь он недописан!) не является его индивидуальным свойством, а унаследована от протографа. Возможно, что и правка списков *А* и *Т* осуществлялась по такому же неполному списку.

8. Список *Ч* весьма неполон, в *С* заметна неряшливость, в *УБ* много орфографических болгаризмов — вот причины, по каким в основу издания текста ПП не могут быть положены списки этой наиболее авторитетной текстологической группы. В основу нашего издания текста ПП положен список *ГБ* (см. Приложение): представляя собою соединение двух главных традиций текста, он оказывается при этом средним типичным текстом ПП у восточных славян. Следовательно, целью нашего издания является демонстрация текста ПП по ТП в эпоху XIII—XVI вв., но не реконструкция текста славянского архетипа, как это было в нашем издании 1980 г. (см. примеч. 2), когда в основу был положен список *О*.

III. Структура Толкового перевода

Текст III в современных изданиях вслед за Вульгатой делится на 8 глав и в общей сложности на 117 стихов. Структура текста ТП иная: здесь выделено 179 отрезков (перикоп), каждый из них сопровождается толкованием. В большинстве рукописей библейские перикопы писаны киноварью, а толкования — чернилами, в части рукописей вписаны только киноварные инициалы в начале перикоп и начале толкований (это встречается только с XVI в.). Начала толкований отмечаются также киноварными надписаниями (леммами) *толкъ*, *толкование* или Т<олкъ> в самом тексте или на поле, в рукописях XVII в. у библейских перикоп иногда пишется лемма *сущее*. Еще один разряд лемм обозначает имена толкователей: Филона (Карпафийского) около 60 раз, Григория (Нисского) около 30 раз, Ипполита (Римского) 7 раз и Оригена — однажды.

Название большинства текстов — Филона Карпафийского (Карпафийского) (тълкъ) о пѣснехъ пѣснии. В нескольких поздних рукописях название изменено — Толкование премудрѣшаго Филона Пиавскаго и Ипполита, папы римскаго, и святаго Григория (Син. 548, 673; Увар. 31; Муз. 4548), т. е. было обращено внимание на присутствие лемм с именами Григория и Ипполита. В списках новгородской редакции 1499 г. текст называется просто Пѣсни пѣснии, болгарская редакция дошла без заглавия.

Разумеется, структура толкований и в особенности набор лемм подвержены колебаниям и не вполне тождественны в различных списках. Главные из таких колебаний имеют системный характер, совпадая с текстологической группировкой рукописей. Так, лемма *Оригеново* (*Оригеново*) есть в *С*, *А*, *Т*, *Г4*, отсутствуя в *Г1* (в толковании на ст. 5.14); при ст. 2.1 *Т* и *Г4* опускают лемму *Ипполитъ* и присоединяют соответствующий пассаж к предыдущему толкованию.

Из других структурных особенностей представляет интерес то, что толкование Ипполита на ст. 1.6 сохранилось полностью лишь в двух списках — *Т* и Син. 548 (XVII в.). В *С* и *А* толкования на первые шесть стихов подверглись значительному сокращению, причем в *С* сокращенные части восстановлены, но уже в конце всего текста с повторением соответствующих стихов под заголовком «А се Соломоне же. Се строки преж писан(ы), но здѣ тльци исполнь», л. 252 об.; при восстановлении опущенного материала приведено частично и толкование Ипполита на ст. 1.6, содержащееся полностью в *Т* и Син. 548.

Объем ТП около 4 печатных листов, но распределен он неравномерно между главами. Характер текста резко меняется на ст. 6.8: начиная с него объем перикоп увеличивается, а толкования превращаются в краткие реплики.

Наконец, сам текст III в ТП неполон: отсутствуют стихи 1.16, 2.2, 3.5, 6.8, отсутствуют части стихов 1.3, 11, 2.9, 15, 3.6, 10, 11, 4.1, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 5.1, 2, 5, 9, 11, 17, 6.4, 5, 10, 12, 7.1, 4, 12, 8.4, 6, 9, 11. Кроме того, из состава толкований не выделены части стихов 1.7, 2.9, 3.4, 4.11, 5.3, 6.10, 8. 6, части стихов 2.9, 14, 5.10 повторяются.

Поскольку в толкованиях цитируются и неоднократно проводятся одни и те же части библейского текста, определить его границы — что относится собственно к толкованию, что собственно к Священному писанию — иногда почти невозможно. Поэтому и редакторы *ГБ*, и болгарские редакторы, составляя на основе ТП четый текст, по-разному определили границы последнего: учитывая сложность этой задачи, едва ли можно справиться с ней вполне безукоризненно. Это обстоятельство также в известной степени определило наше предпочтение *ГБ* в качестве основы для издания текста III: здесь, по крайней мере, границы библейского текста уже определены, и поскольку сделано это было не в научно-познавательных целях, а для насущных потребностей жизни, то с этим опытом необходимо считаться.

IV. Происхождение Толкового перевода, его язык

Восточнославянское происхождение списка *О* было показано выше путем краткого описания его орфографии. В орфографии других толковых списков, за исключением *Ч*, количество восточнославянских черт со временем уменьшается, отчасти в результате усвоения в XV в. болгаро-сербской орфографии. Тем не менее южнославянские черты в списках отсутствуют. Лишь в стихе 8.2 настораживает написание род. падежа субстантивированного причастия *введу т.а. . . въ ложьницоу заченшую мене*, так во всех списках вместо ожидаемого *заченшиа* или *заченьшѣѣ* (т. е. род. пад. ед. числа). Такие написания могли возникать как следствие среднеболгарского смещения юсов. Однако данное написание появилось, всего вероятнее, при стремлении упростить трудное для понимания место, так что причастие было оценено как эпитет к слову *ложьница*. Ср. в толковании на 3.4. «Домъ матери зоветь. . . домъ божью словоу и ложьницю приимъшюю», *О*, л. 59 об.; в *Ч* правильное написание — *ложьница приимъшииѣ*. Болгарская орфография списков 29—30 говорит лишь о болгарском происхождении этой редакции текста. Как раз один из этих списков восстанавливает правильное написание *зачениа* (Троицк. 765).

Лексика ТП, как это обычно для древних славянских переводов, имеет пестрый состав. В самый текст ПП входят несколько очевидных лексических русизмов, они присутствуют во всех списках и попали в текст, таким образом, в момент создания его архетипа; это слова *керьстица* «доска» (5.14), *наложьница* (6.7), *сахаръ* (4.14), *фарь* «конь» (2.9, об устранении слова в списках *Г4* см. выше). Все списки, кроме 29—30, восходящих к промежуточному среднеболгарскому протографу, содержат полногласные формы *огородъ* (5.1) и *пересови* (1.6, стих не выделен из состава толкований).

В толкованиях употреблены также следующие лексемы, не известные за пределами восточнославянской письменности:¹⁹ *гримание* «звон, громахание», *испромѣтати* «отвергать», *оградъ*, *огородъ* «виноградник» (греч. κήπος), *роскѣпленъ* «расщеплен», *отъколѣ*, *полуденье*, *скочити*, *стѣлѣтати* (похвалу) ἐπινοέω, *цата* «украшение», *яча* «пища». Ср. также следующие выражения: десницею же оуши стрѣлы держаще, л. 43 об.,²⁰ И(соу)с, тремъ послухъмъ соушимъ, въстави отроковицю, л. 67 об., паволоки и брачины отъ много нитии ово оубо въпрамъ, ово же въпрѣки раздѣлено тькальца хытростию, л. 81 об., испусти отъ себе благоухание, а рекоу м(и)л(осе)рдыа, л. 38. Выражение *а рекоу* «то есть» употребляется очень часто.

Некоторые слова и выражения не отмечены в существующих словарях и в Картотеке древнерусского словаря (ИРЯз АН СССР). Среди них уже названные *яча*, *а рекоу*, *тькальць* «ткач», а также *скоролоупа* «скорлупа», *въспора* (*въспоръ?*) «балка» (греч. φάτωρα), *пересови съжжѣ* (им. ед. *съжжѣ?*) «брусъ» (греч. δοκοί οἴκων).²¹ Уникальными представляются также следующие словоупотребления из толкований на ПП: съска бо Х(ристо)ва неищътено («не что иное, как») два завѣта, л. 23; беспотька (*ἀπρόζωπος*) и крѣпѣцѣ творить течение, л. 35; въ еуа(н)г(е)льихъ д(у)хъ боуда (?), и очесъ полнъ бысть, л. 34 (греч. параллель отсутствует, как кажется, здесь содержится аллюзия к Апокалипсису 4.8).

¹⁹ Об ареале распространения этих слов см. в «Материалах» Срезневского, «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера (М., 1964—1973, Т. 1—4), Словарю русского языка XI—XVII вв. (М., 1975), а также в статье А. И. Соболевского «Особенности русских переводов. . .».

²⁰ Цитаты везде по списку ОИДР 171. При цитировании других списков указываются их сиглы.

²¹ Вариант *пересовиѣ* из Златоустра XVI в. приведен в «Материалах» Срезневского. Ср. в *ГБ* *слава храмное* (Варух 6.19) как перевод того же греческого выражения (Описание, 1, 101).

О лексическом разнообразии ТП и его словоупотреблении могут дать представление также следующие слова и выражения: *ботарскыи сачы* τῆς πηλῆτου τὸ ἀξίωμα, *хрестытанствоующе злѣ* (δῆθεν «якобы») *мничѣ са, веденица* «наложница», *извѣщати* (=вѣщати), *жито* γέννημα, *житычица* ἀποθήκη, *матица* «лоза, побег» (греч. κλήμα), *мѣншти* «иметь в виду, подразумевать» (греч. ἀπειχάζω), *мьчта* φαντασία, *навыкнушти* πανθάνομαι «узнать», *напасть* πειρασμός «искушение», *незаходимый* ἄδωτος «заповедный» (о месте), *нажить* χλόη «пастбище», *произволение* προαίρεσις «выбор, предпочтение», *садъ, садовие* δένδρον, φυτόν «растение», *сваръ* «ссора», *соулица, смотрение* οἰκονομία, *таже, таче* «потом», что бо община (τί γάρ κοινόν) бесплотнѣи д(у)ши по естествоу къ плотномуу дебельству (ὀλική παχυρέρεια)? л. 82. Редкую лексическую форму содержит следующее место толкований: тако бо и дѣла праведныхъ сияють въ оудольи же цвѣты, тако и въ сыреныхъ благодать въздрастающе, л. 40 об. Так как это место находится в толковании Ипполита на стих 2.1, греческий оригинал отсутствует (см.: ниже). В грузинской версии толкования читается «войдет над униженными благодать» (перевод Н. Я. Марра),²² что позволяет реконструировать славянскую форму *сырныи* от *сиръ, сирьи*; ср. сербск. *сиракъ* *servus*,²³ возможно, подвергнушаяся влиянию Исаии 67.16 «гора тучна, гора усырена» (ὄρος τετυρωμένον). Параллель к этой форме дают Житие Бориса и Глеба — «оуне бы с тобою оумрети ми неже оуединеноу и оусиреноу от тебе въ семь житыи пожити» (Успенский сборник, л. 13в) и чешская версия Легенды Гумпольда о св. Вячеславе — «осиреным же тако и отць».²⁴

Гречизмы в тексте толкований немногочисленны: *аеръ, етеръ* ἑτέρος, *кисотъ, петаль* πετάλιον.

К редким и древним явлениям относятся также форма императива 2-го л., ед. ч. *хоци*, л. 49, 52 об.,²⁵ употребление союза *нѣ* со значением «если не» в вопросительных предложениях:²⁶ Кто соуть ищюци и обрѣтъшии, нѣ анг(е)ли? л. 60 об. Употребление аориста *вѣща* при введении цитат вместо обычного *рече* также составляет особенность этого перевода, которая уже была, вероятно, плохо понятна переписчикам, судя по тому, что слово *вѣща* попадает по ошибке в состав стиха 1.3, а в более поздних списках обычно заменяется на *рече* и даже иногда глоссируется, ср.: *сои бо вѣща гла(гола)ше медвении, Q I 43, л. 98*. Необычность этой формы заставила А. В. Горского определить ее как настоящее время (Описание, 2, 1, 138), и действительно, в греческом ей чаще всего соответствует презенс λέγει.

Редкая фиксация этих языковых явлений говорит о том, что наши сведения о языке восточнославянской письменности еще очень неполны. Составление словарей, грамматик и руководств по истории письменного языка в России далеко определило лингвистическое изучение материала.

Если взглянуть на язык текста с точки зрения существующей лексикологической традиции через призму лексических вариантов, то заметным слоем в лексике ТП оказываются слова, единодушно характеризующиеся как более поздние лексические варианты в истории славянской письменности.²⁷ Приведем соответствующий материал, извлеченный из текста ПП по ТП,

²² Марр Н. Я. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. СПб., 1901. Вып. 3. С. 19.

²³ Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1863—1864. С. v.

²⁴ Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile / Uspořádal J. Vajs. V Praze, 1929. S. 192 (текст по изданию Н. К. Никольского).

²⁵ Соболевский А. И. Лекции. . . С. 247; Вайан А. Руководство. . . С. 289.

²⁶ См. материалы: Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1966. S. v.

²⁷ См.: Алексеев А. А. К определению. . . С. 238 и след.

помещая на первом месте лексему ТП, на втором соответствующую лексему Четьего перевода (ср.: ТОДРЛ. Т. 37. С. 239): *багъръ* — *порфира*, *близъ* — *искръ*, *воня* — *миро*, *да не* — *еда къгда*, *доубъ* — *дрѣво*, *кромѣ* — *развѣ*, *начало* — *зачало*, *обратиса* — *възвратиса*, *оградъ* — *врѣтоградъ*, *питиѣ* — *пиво*, *приди* — *градѣ*, *прозѣбающе* — *растѣжи*, *тамо* — *тоу*, *оударѣть* — *тлѣчеть*, *оудивиса* — *оужасеса*, *оуранити* — *оутрѣневати*, *цѣтъ* — *кринъ*, *чърпаниѣ* — *пиво*, *шиѣ* — *выѣ*.

Кроме того в ТП можно отметить еще ряд слов, характерных для более поздних текстов, преимущественно болгарских, иногда восточнославянских, насколько об этом можно судить по словарям и лексикологическим исследованиям, ср.: *бецадѣство*, *благовоние*, *близъ*, *грезнь*, *грознь*, *заключити*, *заплетина*, *кладѣзь*, *ложьница* (*ταρβηλον*), *обоутиѣ*, *пардоусть*, *паствити*, *родиа*, *рѣчь*, *стопа* (*διὰβητα*), *сѣградити*, *тако*, *цѣловати*. Из обзора этой категории слов можно заключить, что переводчик был хорошо знаком с лексикой, преобладающей в памятниках болгарского происхождения. Присутствие этих слов в восточнославянских текстах связано с той ролью, которую играли восточноболгарские тексты в установлении нормы церковнославянского языка в России.

Движение лексики по спискам ТП в очень небольшой степени может быть связано с этой проблемой лексических вариантов. В списке Уб, списанном с болгарского протографа, в отдельных местах сказывается стремление к «нормализации» лексики, или, точнее, к ее «меллиорации» с устранением восточнославянизмов и ориентацией на лучшие образцы. Так, *грезнь** (1.13) заменяется в Уб на *гроздъ*, *близъ* на *искръ* (4.1), изгоняется полногласие *огородъ*, *молоко*, хотя квазиполногласная форма *скоролоупла* сохраняется. Полногласные формы устраняются также в тех списках, которые придерживаются орфографии эпохи 2-го южнославянского влияния, — В, П81, однако новгородский список ГБ полногласные формы сохраняет, хотя его писец хорошо знаком с новой южнославянской орфографией (ср. такие написания, как *стоаше*, *добраа*, *окръсть*, *млъчаниа*, *стлъпъ*).

Все другие разночтения по спискам появляются в местах трудных чтений в рационалистическом стремлении «улучшить» текст или гармонизировать его, т. е. привести в согласие с ближайшим контекстом или параллельными местами.

Примеры рационалистического улучшения:

- 1.5 презрѣ ма слнце — оузрѣ м. с. Т
- 2.13 виногради даша воню — в. д. вино В, П227
- 3.8 наочучени на брань — наострени на б. ГБ (отнесено к оружию)
- 3.10 камдно послано — каменье стлано П1
- 4.6 холмоу ливанску — горамъ ливанскимъ А, Т, Г4
- 5.8 уззвлена есмь любовью — уззвлень естъ л. П81
- 5.12 измытъ въ молоцѣ — измы тѣло въ млецѣ Уб
- 6.4 стада козичата — волна к. *все списки кроме ГЗ* (о волосах)
- 8.7 житиѣ — имѣниѣ *все списки кроме ГЗ*

Примеры гармонизации:

- 1.5 есмь черна — черна есмь Т, Г4 (этот порядок слов в 1.4)
- 1.6 пасеши — спиши О, Г1 (ср. дальше: почиваеши)
- 2.11 зима преиде — з. приде, *все списки кроме ГЗ* (ср. дальше: дѣждь отиде)
- 2.17 сериѣ — сернамъ О, Г1, Ч, С, А, Т (ср. дальше: оленамъ)

Кроме того, происходит перестройка текста, обусловленная представлением о грамматической норме.

- 1.3 възвеселимсѣ в тебѣ — в. о т. С, Уб, А

- 1.11 надра дасть воюю — н. дадать в. Г1 («надра» понимается как мн. число)
- 4.4 а̄ щитовъ висить — а̄ щ. висать (неясно, какое чтение первично)
- 5.1 ꙗжь плодъ — ꙗжь от п. ГВ
- 5.5—6 дверем заключеном отверзох — дверь отверзох Т (устранение дательного самостоятельного).

Как видно, все перестройки не основаны на какой-либо общей концепции текста, они носят случайный характер и обусловлены самым близким контекстом.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о восточнославянском происхождении текста ТП (этот вывод подтверждается рассмотрением литературной истории текста, см. ниже). При определении времени происхождения ТП можно опереться на цитаты из него в памятниках славянской письменности.²⁸

Самый ранний текст, которому известен ТП, — Моление Даниила Заточника. В древнейшей, согласно Н. Н. Зарубину, редакции Моления XII в. употреблены две цитаты из ПП — «Послание твое аки рай [с] плодом» (4.13) и «Яви ми зракъ лица своего» (2.14), причем в ст. 2.14 включена глосса *лице* к слову *зракъ*, неизвестная полным спискам ТП.²⁹ В редакции Моления XIII в. уже 9 цитат из ПП по ТП — 1.9, 2.14, 4.13, 15, 5.13, 14, 15, 7.2, 4.³⁰ Кирилл Туровский еще не знал этого перевода, и его цитаты из ПП совпадают по форме с цитатами в словах Иоанна Златоуста, т. е. были заимствованы с материалом этих слов.³¹ Следовательно, время появления ТП приходится на середину и вторую половину XII в.

V. Состав толкований

Византийская письменность обладала значительным числом толкований на ПП, многие из них не сохранились или дошли до нас в виде скудных отрывков, в том числе обширные толкования Оригена, послужившие источником и образцом для последующих экзегетов и известные частично по латинским переводам Руфина и Иеронима.³² Накопление толкований вело к составлению из них сводов, так называемых катен (лат. catena «цепь»), причем источники катен использовались, как правило, не в полном объеме, а выборочно, путем краткого изложения основных мыслей или цитирования отдельных пассажей, так что некоторые составители катен могут быть названы авторами новых толкований, если такое сведение разных источников они сумели подчинить единому замыслу (так, например, оцениваются катены на ПП Максима Исповедника).³³

²⁸ Подборку цитат из Песни песней в славянской письменности и об использовании цитат в текстологическом исследовании см.: Алексеев А. А. Цитаты из Песни песней в славянской письменности: (Цитаты и текстология) // Старобългарска литература. София, 1985. Кн. 18. С. 74—92.

²⁹ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 14. — Ср. в редакциях Моления XIII в.: «Яви ми зракъ лица твоего», «Яви ми зракъ и образъ твои красенъ лица твоего» (с. 55); слово *лице* идет, вероятно, из Четьего перевода: «покажи ми лице свое». Выражение *зракъ лица* известно и другим текстам, см.: Срезневский. Материалы. Т. 1. С. 998. Это выражение сохраняет в парафразе стиха протопоп Аввакум: «Зрак лица твоего паче солнечныхъ лучъ» (Пустозерский сборник. Л., 1975. С. 59).

³⁰ Слово Даниила Заточника. . . С. 55.

³¹ См.: Алексеев А. А. Цитаты из Песни песней.

³² Историю толкований ПП см.: Оленицкий А. А. Песнь песней и ее новейшие критики. Киев, 1892; Роуе М. Н. Song of Songs: A new translation with introduction and commentary. New York, 1977. P. 89—229. Перечень греческих рукописей с толкованиями на ПП см.: Rahlfs A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments. Berlin, 1914. S. 415—423.

³³ Kirchner J. Un commentaire de Maxime le Confesseur sur le Cantique? // Studia patristica. Berlin, 1966. V. 8. S. 406—413.

Уже из надписаний ТП явствует, что толкования на ПП представляют собою катены. И действительно, для этих толкований использовано четыре источника: толкования Филона Карпафийского, Ипполита, Григория Нисского и катены Псевдо-Прокопия Газского. В греческой письменности известно пять типов катен на ПП,³⁴ из них, однако, ни один не совпадает со славянским текстом ни по составу толкователей, ни по набору толкований. Возникает вопрос: является ли славянский текст переводом готового греческого сочинения, не дошедшего до нас, или это самостоятельный труд славянского компилятора? Заметим, что в других древних письменностях, обычно сохраняющих утраченные греческие произведения (латинской, армянской, грузинской, коптской, эфиопской, сирийской), такие катены тоже неизвестны. Таким образом, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо со всею тщательностью рассмотреть славянское произведение, пытаясь в нем самом найти аргументы для того или иного вывода. Наиболее уместным при этом будет разобрать в отдельности перевод каждого использованного источника.

1. Ипполит. ТП содержит 23 отрывка из толкований Ипполита на ПП, 7 из них надписаны именем Ипполита. Поскольку греческая версия этого произведения не сохранилась,³⁵ отождествить отрывки позволяет грузинская версия толкований Ипполита, более обширная, чем славянская выборка, но в совпадающих частях исключительно близкая к ней по содержанию. В 1901 г. при издании грузинской версии Н. Я. Марр указал в славянском тексте пассажи, совпадающие по содержанию с грузинской версией,³⁶ для чего воспользовался списком XVII в. Увар. 31. К превосходной работе Н. Я. Марра можно сделать лишь незначительные поправки: пропущены небольшие отрывки из толкований Ипполита на ст. 1.5, 10, а краткие толкования Филона на ст. 2.9, 4.14 и Григория на ст. 4.12 приписаны Ипполиту.³⁷ Грузинская и славянская версии оканчиваются одинаково на ст. 3.8.

Толкование Ипполита (ум. 235 г.) на ПП — одно из первых в христианской литературе, оно заметно зависит от раввинистической традиции,³⁸ хотя, разумеется, место Синагоги здесь занимает Церковь, а Израиля — Христос и через все сочинение проходит противопоставление Ветхого и Нового заветов. Судя по грузинской и славянской версиям, это было весьма возвышенное и поэтическое произведение, скорее красноречивая гомилетика (часто употребляются обращения, восклицательные предложения, риторические вопросы),³⁹ чем ученая экзегетика. Цитаты из ПП органически включаются в речь толкователя, не прерывая ее плавного

³⁴ K a r o G., L i e f z m a n n J. Catenarum graecarum catalogus // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1902. S. 312—319; F a u l h a b e r M. Hohelied-, Proverben und Prediger-Catenen. Wien, 1902 (=Theologische Studien der Leo-Gesellschaft, 4).

³⁵ В составе Вопросов и ответов Анастасия Синаита сохранился лишь краткий отрывок из предисловия, известный в славянской письменности (Изборник 1073 г. Л. 155). Недавно был обнаружен и издан краткий греческий пересказ всего толкования, см.: R i c h a r d M. Une paraphrase grecque résumé du commentaire d'Hippolyte sur le Cantique des Cantiques // Le Muséon. 1964. T. 77. P. 137—154.

³⁶ M a r r Н. Я. Тексты и разыскания. . . Вып. 3.

³⁷ Изданные Н. Я. Марром грузинский текст и славянский текст в указанном им объеме (по ркп. Троицк. 730, Синод. 548, 673) перевел на немецкий язык и прокомментировал Н. Бонвеч (Hippolyts Kommentar zum Hohelied // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, 1902. Bd 8. H. 2). Несколько раньше в составе сочинений Ипполита Н. Бонвеч издал перевод славянского текста, руководствуясь лишь указаниями лемм, т. е. в значительно меньшем объеме, см.: H i p p o l y t u s. Werke / Hrsg. von G. N. Bonwetsch und H. Achelis. Leipzig, 1897. Bd 1. Оценку изданий Н. Бонвеча см.: R i c h a r d M. Les difficultés d'une édition des oeuvres de S. Hippolyte // Studia patristica. Berlin, 1975. V. 12. S. 51—70.

³⁸ C h a p p u z e a u G. Die Auslegung des Hoheliedes durch Hippolyt von Rom // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1976. Bd 19. S. 45—81.

³⁹ Ibid. P. 46.

течения, цитаты из других книг Священного писания обычно даются в форме аллюзий и свободного использования тем. На переводе Ипполита особенно видно мастерство славянского переводчика в создании риторически украшенной речи, в построении многочленного периода, иногда достигающего внушительных размеров и выдержанного при этом без синтаксических анаколуфов (см. образец в Приложении, № 2).

Об отношении перевода к оригиналу можно судить лишь по параллельному грузинскому тексту в переводе Н. Я. Марра. Славянская версия короче грузинской за счет пропуска обширного введения и нескольких пассажей в середине. Это естественно, поскольку в отличие от грузинской славянская версия не представляла собою самостоятельного произведения, а лишь служила одним из источников катен. Любопытное сокращение можно отметить в толковании на ст. 3.7: касаясь 60 стражей, окружающих одр Соломона, Ипполит толкует их как 60 поколений от Адама до Христа и перечисляет все родословие. Славянский переводчик передает это место следующим образом: «Первыи оубо Адамъ ражаеъ Сифа, таче и порадоду, якоже списа Матфѣи еуа(н)г(е)листъ», л. 68 об., — очевидно, находя и излишним по своей известности, и недостаточно красноречивым в данном случае этот сухой перечень.⁴⁰

2. Филон Карпайский (иначе Карпазийский, ум. 410 г.) известен в византийской письменности только своими толкованиями на ПП (PG 40, 27—154). Стиль этого сочинения довольно сдержан и сух, лишен риторических прикрас, но изобилует цитатами из Священного писания и аллегорическими истолкованиями привлекаемого материала. Так, непереуведенные гебраизмы греческого текста получают здесь объяснения, вовсе не связанные с действительным значением этих слов: фарсисъ «топаз» — возвращение радости, аминодавъ «князь народа» — отца благоволение, фалфѣиот «военные упражнения» — высокое, Гадъдъ (гидроним en gedi, буквально «глаз козленка») — украшение, и т. п. Имя Филона в леммах славянского перевода встречается около 60 раз, а всего из его сочинения заимствовано более 120 отдельных толкований, они распределены по всему тексту, но реже встречаются в последних двух главах. Размеры перикопа славянского текста ПП обычно соответствуют библейским перикопам в толкованиях Филона.

Греческий текст этого сочинения, изданный в 1772 г. в Риме по шести рукописям М. Джакомелли и перепечатанный в 1863 г. в *Patrologia graeca*, в совпадающих частях хорошо объясняет славянский текст. Приемы работы переводчика можно показать на сопоставлении греческого и славянского толкований на ст. 2.11 *яко се зима преиде*.

Филон. Зима бѣ въ врѣма страс(ти), въ нюже зимоу жидове злѣ истопша и падоша и лютѣ погыбоша. Зима же бѣ идолослужение, еже прѣиде от невѣсты. Ктому бо ни смерть владѣеть, идиною за ны пострадавшеемоу, по с(вя)т(о)моу ап(о)с(то)лоу, гл(аголю)щу: «Смерть имъ ктому не владѣеть» и прочаи. Яко въправду бѣ зима въ страс(ть), вижь волну юма Петра страха ради иудѣиска, нъ прѣиде тако, вскр(е)с(е)ниа бо тишина быс(ть) прочеъ, л. 47 об.—48.

Χειρῶνα οὖν τὸ σατήριον πάθος καλεῖ, ἐν ᾧ χειμαζόμενοι οἱ Ἰουδαῖοι χαλεπήν ὑπέστησαν ἀπώλειαν ἧτοι, ἣν ἀπῆλασεν ἀπ' αὐτῆς, εἰδωλολατρείαν. Καθ' ἑκάτερα δὲ ὁ χειρῶν παρήλθεν οὔτε γὰρ ἐστὶ θάνατος ἐκδέχεται, ἀπαξ ὑπὲρ ἡμῶν παθῶν ὁ

⁴⁰ См.: Марр Н. Я. Тексты и разыскания. . . Вып. 3. С. 31. — Ст. 3.7 с полным толкованием Ипполита находится в Толковой палее, слитой с Хронографом, как об этом сообщает А. Попов (Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 3, примеч. 4). Ср. начало: «Нагѣвает мудрый Соломонъ в пѣснех: Се одръ Соломонъ, около его 60 сильныхъ отъ сильныхъ израилев, имже оружия на бедре. Толкъ. Се повѣдаеъ 60 родъ отъ Адама до Христа и ти жшаа лѣтъ 5 тысячь и 500». Цитата из ПП восходит, видимо, к ТП, а включение в толкование цифр, которых нет в грузинской версии, отражает самостоятельную работу компилятора.

Κρίσιος ὡς καὶ ἅγιος Ἀπόστολος εἶπε: Θάνατος αὐτοῦ οὐκ ἔστι κυριεύσει ὁ γὰρ ἀπέθανεν, ἀπέθανεν ἐφ' ἅπασι τῇ ἁμαρτία· ὁ δὲ ζῆ, ζῆ τῷ Θεῷ. Ὅτι δὲ ὄντως χειμῶν τὸ πάθος, βλέπε χειμαζόμενον τὸν Πέτρον διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων ἀλλὰ παρῆλθεν οὗτος. Μετὰ γὰρ τὴν ἀνάστασιν εὐδία γέγονεν ἐν τῇ πληροφορίᾳ τῆς πίστεως τῆς τοῦ Μωνογενοῦς θεότητος. PG 40, 68 C.

«Зимой называет [Соломон] спасительное страдание, когда терпящие зиму иудеи подверглись тяжкой гибели: а это — идолопоклонство, которое от нее [невесты] удалилось. С обеих сторон миновала зима, уже и смерти нет, раз господь страдает за нас, как и святой апостол сказал: „Смерть уже не получит над ним власти: как он умер, то умер враз для греха, как он жив, жив богу“ (Рим., 6, 9—10). Что страдание и точно зима, увидь на терпящем зиму Петре „страха ради иудейска“ (Ио., 19, 38), но и это миновало. По воскресении установилась тишь при полной убежденности веры в божестве едиnorodного».

В отношении перевода к оригиналу наблюдаются следующие явления.

1. Сокращения: *καθ' ἑκάτερα* в середине, несколько слов в конце и большая часть цитаты из Апостола. Свободное обращение с отдельными элементами текста, в том числе с цитатами из Священного писания (см. также ниже), вообще характерно для всего перевода. Опущенная часть цитаты заменена словами *и прочая* («и так далее»). Слово *прочее* в конце несколько уходит от содержания оригинала, так что в славянском тексте приходится менять синтаксическое членение текста, понимая конец следующим образом: «но это произошло, и далее уже была тишь воскресения».

2. Распространение: рядом со словами *лютъ погибоша*, отражающими оригинал, появляются *злѣ истопоша* и *падоша*, создающие выразительный синонимический ряд с нарастающим усилением семантики разрушения, гибели и четким синтаксическим ритмом.

3. Объяснительный перевод: устраняется чрезмерная детализация, так что тождество зимы и страдания выступает как реальность, а не как мыслимое Соломоном (перевод утверждения из субъективного плана в объективный); тождество зимы и идолопоклонства устанавливается непосредственно, а не через погибель (*ἀπόλεια*). Существительное *невѣста* заменяет местоимение, значение которого иначе было бы довольно трудно понять, выражение *въ люже зимуу* заменяет союзное слово.

4. Вводится отсутствующий в подлиннике образ — *тишина воскресения*. Ср. другой случай обогащения образности оригинала: *ὑπὸ τὴν σκιάν τοῦ νόμου* PG 40, 61C «под сенью закона» — *подъ сѣнью законнаго дрѣва*, л. 42, однако на л. 49 *спати подъ сѣнью закона* — на фоне первого второй случай можно оценивать, видимо, как буквальный перевод.⁴¹

5. Игра слов *Χεῖμών* «зима» и *Χεῖμαζω* «зимовать, страдать от зимы» в переводе не передана. Переводчик выбирает другое значение глагола *Χεῖμαζω* — «терпеть бедствие, бурю» и строит на нем образность первой фразы, так что глагол *истопоша* оказывается переводом причастия *Χεῖμαζόμενος*. В результате, как кажется, повисает в воздухе утверждение относительно апостола Петра. Окончание пассажа, где говорится, что на место зимы пришла ясная погода (*εὐδία*), поддерживает выбор переводчика, при том что объединение понятий «буря (на море)» и «зимнее время» возможно для жителя Кипра по естественным условиям и затруднительно в нашем суровом климате. Как еще один случай, где не передана игра слов оригинала, а перевод вследствие этого оказывается темным, можно привести толкование на ст. 1.10 (подобия злата створимъ ти съ пѣстротами сръбра), где сказано, что «съ пѣстротами бо сръбра соуть м(оу)ч(е)н(и)ци», л. 36.

⁴¹ Этот случай обогащения образности тем более интересен, что выражение «сень закона» имело широкое хождение. Ср. в богородичне 2-го гласа «прииде сень законная», в 46-м вопросе книги Кааф «сѣнь имяше законъ ихъ а не истинною» (И с т р и н В. М. Замечания о составе Толковой пален. СПб., 1898. Вып. 1. С. 90).

Греч. *στίγμα* значит «блестка» и «рана» (ср. стигматы), на чем и держится толкование Филона.

6. Выбор лексико-грамматических и синтаксических средств вполне подчинен задачам передачи содержания оригинала с указанными его модификациями и вполне независим от лингвистической структуры греческого текста.

В качестве дополнительной характеристики перевода, проявляющейся иногда в других его местах, следует отметить приемы драматизации изложения. Ср. в толковании на ст. 2.17 (дхнеть днь): *διαπνεύσῃ ἡ ἡμέρα... Τοῦτέστιν ἡ τῆς κρίσεως* PG 40, 76A «дохнет день. . . То есть судный», — эта лаконичная формулировка греческого текста перестраивается: «Который днь дхнеть? Ивѣ, яко соудный», л. 54.

Эта исключительно свободная и уверенная манера обращения с оригиналом, о существовании которой было известно лишь по славянскому Иосифу,⁴² никогда прежде не отмечалась в переводе богословских текстов. Едва ли следует думать, что ТП уникален в этом отношении, в действительности соответствующий материал исследован еще крайне недостаточно. Даже по описанию А. В. Горского и К. И. Невоструева можно догадываться, что легко и смело переведены были слова Кирилла Иерусалимского, толкования Никиты Ираклийского (вероятно, восточнославянский домонгольский перевод⁴³) переведены лучше, чем истолкованные Никитой слова Григория Богослова (Описание 2, 2, 57 и след., 85 и след.), легок и прозрачен стиль Толкового евангелия Феофилакта Болгарского и т. д.

3. Григорий Нисский (331—394) наполнил свои толкования на ПП множеством энциклопедических сведений о животном мире, ботанике, минералогии, анатомии человека, в толковании на ст. 2.16 изложил учение о шарообразности земли — ничего этого нет в славянском переводе, куда попали по преимуществу элементы символического и аллегорического характера. Толкования Григория — обширное сочинение, состоящее из 15 речей, в начале каждой речи приведен отрывок текста ПП, состоящий из 4—10 стихов, на протяжении речи отдельные стихи и части их воспроизводятся вновь и вновь. Толкование обрывается на ст. 6.7.⁴⁴ Толкования Григория распределяются в славянском тексте более или менее равномерно вплоть до ст. 6.7 включительно. Имя Григория в леммах упомянуто около 30 раз, отрывков из его толкований — около 80.

Славянская версия толкований Григория значительно отличается от своего греческого оригинала, представляя собою сокращенный и выборочный перевод. Каждый более или менее обширный пассаж славянского текста оказывается на самом деле мозаикой из фраз, частей фраз, расположенных в том порядке, как они следуют в оригинале, но с пропуском многих промежуточных звеньев. Так, толкование на ст. 6.7 представляет собою соединение 15 кусочков, выбранных из весьма обширного раздела текста, занимающего в издании Г. Лангербека 9 страниц (460—468).

Покажем отношения греческого и славянского текстов на примере толкования на ст. 4.3 (яко скоролоупла родиѣ дблѣко твое от молчаниа твоею («как скорлупа граната яблоко твое помимо молчания твоего»)).

Сладѣко ѣсть похваляемо. Телеснѣ створивѣ ц(ь)рк(ь)вь слово и на всакомь оудѣ добродѣтели сугоубо живо написаниѣ въ лице видиши ли

⁴² Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 76 и след. Ср. также: Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 37—38.

⁴³ Соболевский А. И. История. . . С. 140.

⁴⁴ См. новейшее издание: Gregorii Nysseni in Canticum Canticorum // Ed. H. Langerbeck. Leiden, 1960 (=Gregorii Nysseni Opera / Ed. W. Jaeger. Vol. VI). Приводя греческий текст по этому изданию, мы указываем страницы и строки.

раздѣливъ бл(а)гочисльемъ похвалаетъ цѣломудріе: плодъ бо ѿ него терпокъ и беспищень. И ꙗкоже бо терпость питаетъ родиѣ скоролоуцы, имже вѣноутрьнеє все схраняетъ тѣло, такоже терпость и въздержаніе и твердо хранитель бываетъ цѣломоудрыя добротѣ. Соугоубъ же добродѣтели тои похвала бываетъ — гавдаему по бл(а)гообразному житію и бестрастіа ради, еже въ д(у)ши. Въ тайнѣ похвала не от ч(е)л(о)в(ѣ)къ, нъ от б(о)г(а). Л. 74 об.—75.

[‘Ὅτι μὲν οὖν] αἰδώς ἐστὶ τὸ ἐπαινοῦμενον [παντὶ ῥάδιον ἐκ τῆς ἀκολουθίας τῶν θεωρημένων λογίζασθαι] σωματοποιήσας γὰρ τὴν ἐκκλησίαν ὁ λόγος [εἰς τὸ τῆς νόμφης εἶδος] καὶ τὰς καθ’ ἕκαστον ἀρετάς καταλλήλως τῇ ὑπογραφῇ τῆς κατὰ τὸ πρόσωπον ὄρας ἐπιμερίσας νῦν διὰ τοῦ ἐρυθρήματος [τοῦ ταῖς παρειαῖς ἐπιζέοντος προσφῶρος ἐπαινεῖ τὴν σωφροσύνην αἰδοῖ κατακροτήσας ἐν τῷ τῆς ῥόας αἰνίγματι] ὁ γὰρ καρπὸς οὗτος στυφῆ τε καὶ ἀβρώτῳ [τῇ ἐπιφανείᾳ ἐντρέφεται.] [Διὸ καλῶς τε καὶ οἰκειῶς εἰς τὸ τῆς σωφροσύνης κατόρθωμα διὰ τῆς θεωρίας μεταλαμβάνεται] ὡς γὰρ ἡ στυβίς τοῦ τῆς ῥόας λεπύρου τρέφει τε καὶ φυλάσσει τοῦ ἐμπεριεχομένου καρποῦ [τὴν γλυκύτητα], οὕτως ὁ στυφὸς τε καὶ ἐγκρατὴς καὶ κατεκκληκῶς [βίος] φύλαξ γίνεται τῶν τῆς σωφροσύνης καλῶν. Διπλοῦς δὲ [καὶ ἐνταῦθα] τῆς ἀρετῆς ταύτης ὁ ἔπαινος γίνεται διὰ τε τῶν προφαινομένων κατὰ τὸν εὐσχήμονα βίον καὶ διὰ τῶν ἐν τῇ τῆς ψυχῆς ἀπαθείᾳ κατορθουμένων, [ὧν] ‘Ὁ ἔπαινος, [καθὼς φησὶν ὁ ἀπόστολος,] οὐκ ἐξ ἀνθρώπων ἀλλ’ ἐκ θεοῦ (230.3—231.1).

«[Что] восхваляемое есть стыдливость, [легко заключит всякий из связи обозреваемого:] слово, телесно воплотив церковь [в образе невесты] и разделив добродетели каждую отдельно соответственно описанию красоты на лице, теперь сходным образом хвалит целомудрие через румянец, [горящий на щеках, украсив стыдливость загадкой граната,] плод которого терпок и [возрастает] несъедобный [на вид]. [И это хорошо и умело применяется в обозрении к успехам целомудрия:] ибо как прочность кожиры граната кормит и хранит [сладость] заключенного в ней плода, так терпкая, выдержанная, изнуряющая [жизнь] бывает стражем красотам целомудрия. [Однако тут] похвала этой добродетели оказывается двойной — как за проявления в благопристойной жизни, так и за успехи в бесстрастии души, [а им, как сказал апостол,] „похвала не от людей, но от бога“» (Рим., 2, 29).

Пропуски при переводе отдельных слов и выражений греческого оригинала (они заключены в квадратные скобки) делают славянский текст маловразумительным. Из-за устранения нескольких связочных элементов изложение распадается на цепь плохо согласованных между собой высказываний. Исчез образ невесты, в котором воплощается Церковь, дополнение *плодъ* (*καρπός*) при глаголе *питаетъ* заменено невразумительным *тѣло*, как если бы переводчик читал *ἀρέξ*, исчезновение граната ведет к тому, что терпким и несъедобным оказывается плод целомудрия, а это уже разрушает смысловую структуру всего толкования. Очевидно, что такого рода перестройка не могла быть сделана на греческой почве, а возникла в процессе перевода. Интересно при этом, что цитата из Апостола расширена словосочетанием *въ тайнѣ*.

Неблагоприятно сказываются на переводе некоторые неудачные прочтения оригинала: вместо *αἰδώς* «стыд» — *ἡδός* «сладость», вместо *ἐρυθρῆμα* «румянец» — *εὐρυθμία* «благочислие», вместо *ὄρας* «красоты» (род. падеж) — *ὄραξ* «видишь», в сочетании *καταλλήλως τῇ ὑπογραφῇ* «соответственно написанию» буквально и неточно переведено первое слово через *соугоубо*, а на месте артикля *τῇ* прочтено что-то вроде *ζῆ живо*. Такая путаница в принципе была возможна вследствие неустойчивости византийской орфографии, но здесь приходится допускать нечто большее: переводивший воспринимал греческий текст на слух.⁴⁵

⁴⁵ Ср. примеры ошибок перевода в результате восприятия греческого текста на слух: H a n s a c k E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien

Следует подчеркнуть, что, как ни темны местами пассажи из Григория, они объяснимы из известного греческого текста, сопоставление с оригиналом позволяет почти всегда разобраться в их структуре. Приведем несколько примеров.

Се видаци, невѣста находить скоро на жениха въ дѣло прити благыхъ надежь, л. 53 об.

Ταῦτα βλέπει ἡ νύμφη καὶ κατεπεῖγει τὸν νυμφίον διὰ τάχους εἰς ἔργον προαγαγεῖν τῶν ἀγαθῶν τὴν ἐλπίδα (170. 10—11).

«Это видит невеста и торопит жениха поскорее привести в дело надежду благ».

Из возможных значений глаголов *κατεπεῖγω* и *προάγω* переводчик как нарочно выбирает те, которые непригодны в данном случае, в результате теряет прямое дополнение при втором из них, и перевод становится непонятен. Кстати заметить, что известные греческие списки толкований Григория читают в этой фразе τὸν λόγον, чтение τὸν νυμφίον восстанавливается на основе сирийской версии. Есть еще несколько подобных совпадений между славянской и сирийской версиями, это значит, что оригиналом для них послужил тождественный греческий текст, теперь, вероятно, утерянный. Между тем сирийская версия не разделяет других особенностей славянского текста, насколько об этом можно судить по критическому аппарату издания и вступительным замечаниям издателя.⁴⁶

Дѣври же разоумѣвай скоудьное на добродѣтели сѣмысль, л. 89.

Θύραν δὲ νοοῦμεν τὴν στοχαστικὴν τῶν ἀρρήτων διάνοιαν (324. 14—15).

«Под дверьми же я понимаю загадочное значение невыразимого».

Вместо ἀρρητος «невыразимое» переводчик читал ἀρετή «добродетель»; впрочем, остается неясно, почему прилагательное поставлено в среднем роде, а управление осуществляется предлогом *на*.

И прошенія ради обѣщати дарованіе и мѣноует его въ с(вя)тѣ мѣстѣ каменн, П81, л. 67.

Καὶ ὁ τὴν αἰτηθεῖσαν χάριν δώσειν ἐπαγγελάμενος, παρέρχεται αὐτὸν ἐπὶ τοῦ θείου τοποῦ ἐν τῇ πέτρᾳ (356. 8—10).

«И обещавший даровать просимую благодать проходит мимо него на божественное место в камне».

В первой части фразы поражает не связанное никакой грамматикой осмысление греческого текста: причастие ἐπαγγελάμενος переведено инфинитивом *обещати*, инфинитив δώσειν именем *дарование*, имя χάρις «благодарить» прочтено как предлог *хари* ради, а причастие жен. рода αἰτηθεῖσα «просимая» как имя *прошение* и несмотря на винит. падеж привязано к предлогу *хари*, требующему родительного падежа.

В других случаях перевод, не допуская ошибочных интерпретаций, крайне свободно и упрощенно передает содержание греческого оригинала.

Вижь же, как от б(ож)иа силы лиса малаго диавола и его бѣсы именуешь, л. 52.

Ὁ στρατηγὸς τῶν ἐν τοῖς δαίμοσι λεγεῶνων, πῶς ὀνομάζεται παρὰ τῆς ἀληθινῆς τε καὶ μόνης δυνάμεως; μικρὸν ἀλωπέκιον (166. 5—7).

«Какое имя получает от истинной и единственной силы вождь бесовских полчищ? — Малого лиса».

Погоуби змиа злоби дѣиство, тако елень, л. 54.

Ἄφανισον τὸν γονὴν τῆς κακίας ὡς νεβρὸς ἐλάφων ἐξανάλισκων τὸ γένος τοῦ ὄφεως (170. 15—17).

«Уничтожь порождение зла, как молодой олень, истребляющий род змей».

in kirchenslavischer Übersetzung. Würzburg, 1975. Bd 1. S. 21; Thomson Fr. J. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Xth to XIIth Centuries and Its Implications for Russian Culture // Slavica gaudensia. 1978. Vol. 5. P. 116—117.

⁴⁶ Gregorii Nysseni in Canticum. . . Praefatio. P. LXI—LXVII.

Приведем, наконец, случай вполне удачного, хотя тоже весьма свободного перевода: Сънъ смерти ꙗсть подобіе (ὁμοίωμα), расходить бо сѧ (λύεται γάρ) тѣла чювьство и сила. Ни слоухъ, ни обонаніе, ни чювьство дѣйствоуеъ, нѣ нечювьственъ всъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ (σῶμα) бываетъ, л. 88. В переводе сокращен и несколько изменен перечень органов восприятия, но мысль передана превосходно.

К сожалению, приходится отказаться от показа приемов компиляции более обширных частей текста, когда к той манере перевода, которая представлена здесь приведенными примерами, прибавляется крайне прихотливый способ выдергивания для перевода отдельных мыслей, фраз и частей фраз пространныго греческого толкования.

Заканчивая раздел о толкованиях, заимствованных для катен у Григория Нисского, нужно подчеркнуть, что техника перевода этих толкований совершенно другая, чем в переводе Филона. Отдельные пассажи славянского текста при сопоставлении с оригиналом производят впечатление конспекта, набросанного для себя переводчиком, которому вслух читали греческий текст; другие вызывают скорее представление о работе ученика, который, спрашивая учителя о значении тех или иных слов, соединял затем семантические единицы в произвольные сочетания, не обусловленные грамматикой оригинала. В том и другом случае перевод толкований Григория похож на черновые незавершенные наброски, лишь по случайности объединенные с тщательно обработанным переводом толкований Филона и Ипполита.

4. Катены Псевдо-Прокопия Газского (PG, 87/2) собрали в своем составе отрывки из толкований на III Оригена, Кирилла Александрийского, Григория Нисского, Филона Карпафийского, Феодорита, Нила и многих других. Всего в славянский текст включено 32 кратких отрывка из этих катен. Этот источник использован во второй части толкований начиная со ст. 5.14, где в лемме дано имя Оригена. Подбирая толкования на последние главы III, особенно на 7-ю и 8-ю, составитель катен стремился, очевидно, поскорее закончить свой труд: он отказывается от довольно пространных толкований Филона, а использует краткие извлечения из него в катенах Псевдо-Прокопия, что легко устанавливается путем текстуального сопоставления. Из этих катен извлечены также краткие толкования Оригена, Кирилла Александрийского и некоторых других толкователей, ни имя Филона, ни имена других толкователей в славянском переводе этого источника не обозначены. Перевод выполнен довольно небрежно, хотя и без тех особенностей, которые проявляются в переводе Григория, и не заслуживает специального рассмотрения.

5. Остается, наконец, около 25 неотожествленных отрывков. Первым из них открывается славянский текст, это довольно пространное и любопытное по содержанию толкование издано нами в Приложении. Двукратное упоминание в нем имени Еноха говорит об интересе его автора к апокрифическим сочинениям. Установление происхождения этого толкования могло бы разъяснить историю возникновения ТП.

Остальные отрывки крайне невелики по объему, часть из них представляет собою парафраз переведенных из греческих источников пассажей, как это видно, например, в следующем случае: «Възидеть, вѣща, и не станеть, придеть оубо от азыкь и прѣидеть Из(раи)ль от работы закона», л. 77 об. Непосредственно за этой фразой следует: «(Ф)илон. Приходъ ꙗк прорицаеть, гл(агол)а: Придеть оубо от азыкъ, преидеть же закона ради» (= PG 40, 93C).

Апокрифический источник могла иметь и еще одна неотожествленная вставка в толкование Филона на ст. 5.5. Ср.: «и тѣло змирною погребением вондающе, иже възиди на тѣло Иосифъ от Аримафеа», PSI, л. 66 об. В XV главе апокрифического евангелия Никодима говорится о том, что

Иосиф Аримафейский возлил благовония на тело Иисуса, тогда как канонические евангелия этого события не упоминают.⁴⁷

О возможном происхождении еще одной вставки см. ниже.

VI. Происхождение катен

Раздельное рассмотрение источников катен на III показало, что при переводе этих источников применено по крайней мере две манеры перевода: одна для Филона (и, возможно, Ипполита), другая для Григория. Поскольку толкования из Филона и Григория расположены более или менее равномерно на протяжении всего текста и местами очень тесно переплетаются между собой в рамках толкования на один и тот же стих, необходимо признать, что их объединение произошло уже на славянской почве. Таким образом, при отсутствии катен такого типа в греческой письменности, равно как в других древних христианских письменностях, катены на III оказываются собственно славянским сочинением по греческим источникам.

Между тем нет оснований видеть в этих катенах деятельность двух разных переводчиков, поскольку в различных частях текста одним и тем же греческим словам и оборотам в общем соответствуют одни и те же славянские слова и обороты. Это единство легче показать на тождественных ошибках, которые встречаются в разных частях перевода. Так, последовательно во всем тексте вместо слова *олененок* в соответствии с греч. *νεβρός* (*алънищъ* в Четьем переводе) употребляется слово *жила* для передачи, видимо, греч. *νεῦρον* «нерв», при том что смешение греческих слов оказывается возможным из-за орфографической неустойчивости византийских текстов. См. это слово на л. 54 в толковании Григория, на л. 54 об. в толковании Филона, на л. 57 в толковании Ипполита, на л. 54 об. в ст. 2.17 и других местах текста.

Кажется также, что переводчик не знал слова *στελέχος* «стебель». Та часть стиха 3.6, в которой употреблено это слово, в ТП отсутствует, ср. чтение этого места в Четьем переводе: кто есть въсходяи от поуустыни яко стльпъ дыма (см.: ТОДРЛ. Т. 37. С. 252). Соответствие *стльпъ* также является незакономерным и, вероятно, появилось на месте первоначального *стблше*, ср. в цитатах у тех авторов, которые знакомы с Четьим переводом: *стебель дыма* (Слово на рождество Богородицы инока Григория, ВМЧ, сентябрь, 416), *стеблие дыма* (Слово Евфимия Тырновского, ВМЧ, ноябрь, 3017), *стббло дыма* (перевод III Константина Костенецкого, ркп. Народной биб-ки в Софии, № 311, л. 279 об.), *стебло дымится* (ОБ). В ТП фраза из толкования Григория *στελέχη γὰρ ὄρθαι... εἰς ὕψος ἀνιτρέχοντα* (186.20) переведена «въ воню видѣниа на высоту въсходящиа», л. 63 об., из толкования Филона *ὡς στελέχη καπνοῦ τεθυμιαμένην* (PG 40, 80С) — «яко вонд (доб. дыма — Ч) кадильнага», л. 63 об., в толковании Ипполита — «яко фуники дыма кадильнаго», л. 64. Последний вариант может говорить о том, что переводчик опирался на параллельные места в книге Иова 29.18 *стебло финиково*, ГБ, л. 369, Иисуса Сирахова, 50, 14 *стеблие финиково*, ГБ, л. 478 об., Исход, 15, 27 70 *стебель финикъ* (С р е з н е в с к и й. Материалы. 3, 583). Греч. *πέλεχος φοίνικος* в этих стихах передает слово *τομεγ* «пальма» еврейского оригинала. Вывести, однако, правильное значение греч. *πέλεχος* из словоупотребления славянской Библии переводчик не мог, так как перевод его в разных местах различен: в Числ., 33, 9 *στελέχη φοινίκων* передано *отрасли финикъ*, ГБ, л. 101; в Иезекииле, 31, 12 *πέλεχος* — *отрасли*, ГБ, л. 581 об., но в Иове, 14, 8 и Иисуса Сирахова, 50, 8 *стебло*, ГБ, л. 363 об., 478 об.; в Иезек., 19, 11 *лозие*, ГБ, л. 572; в Быт., 49, 21 и Иезек., 31, 12 *вѣта*, ГБ, л. 32, 581 об.;

⁴⁷ Эта параллель указана нам П. А. Конаковым.

наконец, в Иеремии, 17, 8 *листъ, ГБ*, л. 525.⁴⁸ В своем толковании Филон как раз приводит цитату из Иерем., 17, 8, чтобы пояснить, почему исходящая из пустыни невеста названа *στέλεχος*: потому что, по словам Иеремии, «будет стебель ее зелен» (PG 40, 80С). Переводчик сильно расширяет цитату из Иеремии, но не приводит именно той ее части, которую привел Филон и которая переводчика должна была затруднить.⁴⁹

Единство перевода выражается и в обращении с цитатами из Библии, которые встречаются в толкованиях: они довольно произвольно сокращаются и расширяются, некоторые цитаты опускаются вовсе, другие вводятся самим переводчиком. Часть цитат явно следует за греческим оригиналом и воспроизводит ту форму, которую придают ей толкователи, часть цитат приведена, вероятно, по памяти и не вполне соответствует известным греческим и славянским текстам, часть цитат из Евангелия и Апостола находится ближе всего к полноапракосному богослужебному тексту этих книг. Всего в тексте славянских катен более 200 цитат и аллюзий к Священному писанию, и подробный разбор их здесь, пожалуй, излишен.

В целом происхождение славянских катен можно представить себе следующим образом. Первый этап работы состоял в переводе толкований Филона, этим ограничивался первоначальный замысел работы, что нашло отражение и в заглавии труда. Обращение именно к толкованиям Филона понятно в связи с их простой структурой и четкой ориентацией на аллегорическое и символическое (анагогическое) толкование. В ходе работы, однако, были добавлены сравнительно небольшие толкования Ипполита, привлекательные своим ораторским пафосом, который, как это известно по переводу Иосифа Флавия,⁵⁰ не мог оставить равнодушным древнерусского переводчика и писателя. Работа над толкованиями Григория была выполнена лишь в черновом варианте, часть перевода могла быть выполнена под диктовку, часть — подмастерьем, обращавшимся за разъяснением значения слов к мастеру. Катены Псевдо-Прокопия были привлечены на последнем этапе в целях скорейшего завершения работы.

Включение в окончательный текст наряду с прекрасно обработанным материалом толкований Ипполита и Филона сырого материала из толкований Григория может говорить о том, что составлены катены были не переводчиком, а либо его помощником, переводившим частично толкования Григория, либо третьим лицом, взявшим на себя только работу по компиляции наличного материала и уже не обращавшимся к греческим источникам. Уважение редактора к проделанной переводчиком работе было так велико, что он включил в катены весь материал невзирая на его качество.

Возможно, что часть неудачных чтений славянского текста в переводе Григория восходит к деятельности предполагаемого редактора. Так, в толковании Григория на ст. 5.14 находится весьма темная фраза: «так оубо несвершено е(сть) цво кромъ роуководѣниа, навыхом от Павла», П81, л. 71 об. Ср. греч.: *ὅτι μὲν οὖν ἀτελής ἐστὶν ἐπὶ τοῦ σώματος τῆς ἐκκλησίας ἡ τοῦ ὀφθαλμοῦ χάρις τῆς τῶν χειρῶν ὑπουργίας διεξουμένῃ, σαφῶς παρὰ τοῦ μεγάλου μαθητήκαμεν Παύλου* (40б. 9—11). «Что дар ока на теле церкви, отряженный от деятельности рук, несовершенен, ясно узнали мы от великого

⁴⁸ Сведения о словоупотреблении греческого текста LXX см.: N a t c h E., R e d^r a t h Н. А. A concordance to the Septuagint. Oxford, 1892—1897. Parts 1—6. — Между тем в Мефодиевском переводе кн. Даниила (4, 12, 20, 23) греч. выражение *φυὴ τῶν ῥιζῶν* переведено *стебло кореня*, в Симеоновском переводе — *проничение кореня* (Е в с е в И. Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905. С. 72).

⁴⁹ Неясно, каким источником он пользовался, потому что в славянском переводе кн. Иеремии этой главы не было, впервые она появилась в переводе с Вульгаты, где читается *folium*. См.: Описание 1, с. 92 и след. — Не исключено, что у переводчика был греческий текст какой-то части библейских книг.

⁵⁰ М е щ е р с к и й Н. А. История. . . С. 82 и след.

Павла». С П81 согласны все рукописи Г1, в С это толкование отсутствует (как и ряд других, см. выше в разделе «Археография»), списки Г4, Т, А вместо *owo kромѣ* дают чтение *окромѣ*. Первичным из двух нужно признать чтение П81, здесь, как и в ряде других случаев (см. раздел «Текстология»), чтение Г4, Т, А оказывается вторично к чтению Г1. Вероятно, переводчик опять неверно истолковал слово *Χάρις* «благодать» и понял его как *χωρίς* «кроме» (ср. выше пример, где смешаны *χάρις* и *χάρις*), однако слово *owo* никак нельзя вывести из чтения оригинала, так что скорее всего надо предположить, что оно вытеснило первоначальное *owo*. При такой конъектуре (она предложена О. В. Твороговым) славянский перевод можно признать в принципе верным, а неправильное прочтение и внесение в текст слова *owo* отнести на счет предполагаемого редактора-компилятора катен.

Наконец, заслуживает внимания один не вполне ясный пассаж ТП, который может представлять собою редакционную заметку, внесенную по недоразумению в текст. Ср. в толковании Филона на ст. 3.7: «Се одръ Соломонъ, — одръ разоумѣвай ми тѣло Ис(ус)ово, смирь же вса г(еловѣч)ьская своєю страст(ь)ю и въскр(е)с(е)ниємъ, о немже одръ г(агол)ють анг(е)ли: Се мѣсто, идеже лежа г(оспод)ь (Матфей, 28, 6). [ξ сильныхъ от сильныхъ из(раи)л(ев)въ, — обоюдоу слову могоущеому послужити. и въ гл(агол)емыи тѣлкѣ или въ самое послѣдование, разоумѣвай ми противу растоюнию]», л. 66—66 об. В квадратные скобки заключены слова, отсутствующие в греческом оригинале, вместе с частью стиха они содержат, как представляется, замечание о использовании в толкованиях переведенного места. Нужно иметь в виду, что ст. 3.7 часто функционировал вне текста ПП в составе различных компиляций (см. ниже).

VII. Литературные особенности Толкового перевода

По жанру ТП необходимо отнести к произведениям экзегетики, но в этом случае у него обнаруживается несколько черт, не вполне отвечающих требованиям жанра.

Во-первых, в ТП не выработан более или менее стабильный (с той степенью стабильности, какая возможна в эпоху рукописного существования литературных произведений) библейский текст, т. е. толкуемый текст ПП. Как указывалось выше (раздел «Структура Толкового перевода»), здесь целиком отсутствуют 4 стиха, 33 стиха даны в неполном виде, части 7 стихов не выделены из состава толкований — таким образом, разного рода количественные изъяны охватывают треть текста ПП.

Во-вторых, и в качественном отношении библейского текста не коснулась стабилизация. Нередко при повторении стиха в толковании меняется его языковая форма, ср. 1.7 *Аще не оувѣдѣ тебе, добры в женахъ*, л. 32 — *Аще не разоумѣши сама себе, аще добра яси въ женахъ*, л. 31 об.; 2.3 *подъ сѣнь его въсхотѣхъ и сѣдохъ*, л. 42 — *въ с. ѿго похотѣхъ и с.*, л. 42; 2.9 *прегладаа оконьцемъ*, л. 45 об. — *припикаетъ дверьми*, л. 59; 4.6 *пойдоу къ горѣ змюрнѣ и къ холмомъ ливаньскимъ*, л. 77 — *пойдоу самъ къ г. з. и къ холмоу ливаньскоу*, л. 77, и т. п. Обусловлено это двумя причинами: естественным языковым варьированием синонимических средств при передаче одного и того же содержания и различиями в источниках, поскольку текст Филона, Григория, Ипполита или катен Псевдо-Прокопия мог иметь своеобразные чтения в тексте ПП. Кроме того, на размах вариантности мог иметь влияние и Четый перевод ПП, поскольку часть вариантных чтений ТП совпадает как раз с текстовыми особенностями Четьюго перевода, ср. 1.5 *положиша — приставиша*, л. 31, 2.8 *на горы — по горамъ*, л. 44, 2.17 *обратиса — възвратиса*, л. 54 об., 5.4 *оудивиса — оужасеса*, л. 92 об., и т. п. (в приведенных примерах на втором месте находится вариант из толкования, совпадающий с Четьюм переводом).

Скажем несколько слов о греческой основе текста ПП в ТП. Хотя источники его были различны, они должны относиться к одному и тому же типу византийского текста — так называемой редакции катен. Эта редакция (или тип текста) выделена уже почти для всех ветхозаветных греческих книг,⁵¹ она находится в зависимости от обычного византийского текста и служит основной базой византийских экзегетов. В своем месте мы отмечали близость греческого библейского текста, послужившего основой ТП, к греческому тексту, на который опирался Четый перевод ПП.⁵² Позже мы обнаружили, что греческая основа Четью перевода принадлежала к той византийской редакции, которая служила регулярным источником для греческой редакции катен.⁵³

Безусловно, текст ПП в ТП зависит от текстовых особенностей его источников. Так, чтение ст. 2.11 «дъждь отиде и иде въ себе», л. 48, где основной тип греческого текста не дает опоры для предлога *въ* (*ἐπορεύθη ἐαυτῶ*), зависит от того варианта, который избрал Филон в своем сочинении *ἀπὸ τῆθεν ἐαυτῶ* (PG 40, 69A) и который мог быть прочтен *ἀπὸ τῆδε ἐν ἐαυτῶ*.

Многие другие особенности текста ПП, не объяснимые из известных греческих списков, возникли под влиянием того осмысления, которое содержится в толкованиях. Так, ст. 1.9 включил в свой состав упоминание о коне — «выла твоѣа ако фарь (по др. спискам — фаревѣ, фараоновѣ) въ монистѣ» Ч, что связано с толкованием Григория: доброта коневѣ възвышати шию въ образѣ кроуга гордащаса, монистоу бо памат(ь) явлати, л. 35, коневѣ оукрашеноу оуздою вѣры и тварью мониста о шиѣ, л. 36. Ст. 1.12 «Истечение брата моего» не соответствует греч. *ἀπόδεσμος* «узел, пучок», но объясним из толкования Филона (PG 40, 56A): «Абие въспоминаеть кровь и водоу, истекъшою въ страс(ть) от ребра Ис(усо)ва», л. 37. В ст. 5.5—6 «Дверемъ заключеном, отверзох азъ братоу моему», ГБ, л. 443 об. для первых двух слов нет греческого соответствия, между тем в толковании Филона на ст. 5.2 «Глас брата моего ударяеть въ дври» говорится, что дври — это воскресенье: «авѣ есть въ воскр(е)с(е)ниѣ, бо приде, дврѣмъ затворенѣмъ», л. 89. Причем последние слова — цитата из Евангелия от Иоанна, 20, 26, читаемого в Антипасху: «Приде И(су)с, дврѣмъ затворенѣмъ, и ста посрѣдѣ», Остр. ев., л. 11. В ст. 5.12 «очи его голуби (голубье)» расхождение с греч. *περίστεραι* «голубицы» в роде связано, видимо, с тем, что в толковании Григория (395.8—9) и Филона (PG 40, 108) говорится о святом духе, сошедшем в виде голубя.

Такого рода случаи, а число их можно увеличить, говорят о том, что установление стабильного библейского текста не предшествовало в ТП его истолкованию, а напротив, библейский текст вырабатывался в ходе его истолкования, он устанавливался как результат экстраполяции на Священное писание даваемого в толкованиях объяснения. В этом состоит третья особенность ТП, рассматриваемого в рамках экзегетического жанра.⁵⁴

В-четвертых, структура толкований не вполне отвечает расположению толкуемого материала. Это выражается в том, что: 1) присутствуют тол-

⁵¹ См.: R a h l f s A. Studie über den griechischen Text des Buches Ruth. Berlin, 1922. S. 103—119; M a r g o l i s M. L. The Book of Joshua in Greek. Paris, 1931. Part 1. Introduction; W e v e r s J. W. 1) The History of the Greek Genesis. Göttingen, 1974. P. 82—100; 2) Text History of the Greek Numbers. Göttingen, 1982. P. 15; J e l l i c o e S. The Septuagint and Modern Studies. Oxford, 1968. P. 15, 279, 299—309.

⁵² А л е к с е е в А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. Ч. 2. С. 52.

⁵³ А л е к с е е в А. А. О греческой основе славянских библейских переводов // Старобългаристика. 1984. № 1. С. 18—19.

⁵⁴ Конечно, манера перевода библейского текста в ТП в принципе иная, чем манера перевода толкований: она в значительной мере буквалистична. См. ее характеристику: А л е к с е е в А. А. К определению объема литературного наследия Мефодия. . . С. 241—245.

кования на отсутствующие части стихов, всего 17 случаев; 2) некоторые толкования находятся не при тех стихах или перикопах, истолкованию которых они служат, всего 29 случаев; 3) не приведены в согласие между собой противоречащие друг другу толкования различных источников. Так, ст. 1.5 «с(ы)н(о)ве м(а)т(е)ре моѣи сварѡхуса о мнѣ» Ипполит толкует «пр(о)р(о)ци сварѡхутса», Филон — «с(в)ѣтыѣ ап(о)с(то)лы» и совсем иначе Григорий — «бѣсове», л. 30 об.

При том, что само обращение к библейским и экзегетическим текстам говорит о весьма высоком уровне духовных запросов и стремлении решить самые сложные переводческие задачи, известное несовершенство в исполнении замысла может быть отнесено на счет изменения целей в ходе выполнения работы (от толкований Филона к катенам) и разделения работы между разными лицами, т. е. переводчиком и последующим редактором. Как раз о деятельности редактора свидетельствует отмеченная путаница в размещении толкований.

Возможно, что при составлении сводного текста из заготовленного материала редактор пользовался Четым переводом. Во всяком случае, весьма симптоматично в этом отношении включение в текст ПП глосс, заимствованных из соответствующих стихов Четъего перевода, ср. 2.16 *цвѣты в кринахъ*, 7.2 *въ кринахъ въ цвѣтѣхъ*, 4.10, 5.13 *вонь араматы*, 5.1 *съ вонями араматами*, 6.11 *въ оружии на колесницы*, 8.9 *с(ы)ны сирѣчь стлѣны*. Из Четъего перевода заимствованы слова *крины*, *араматы*, *оружие*, *стлѣны*. Дублиеты эти (кроме 5.13) находятся во всех без исключения списках ТП.

Некоторые черты сходства в лексике между Толковым и Четым переводами ПП можно было бы объяснять тем, что переводчик или редактор использовали в своей работе Четий перевод. Вполне очевидно, однако, что это использование не заходило слишком далеко, иначе бы переводчик ТП избегал таких неудач, как *жила* вместо *алищъ*, *вона* вместо *ствбло* и т. п.

VIII. Литературная история Толкового перевода

После Моления Даниила Заточника другой ранний памятник, который использует ТП, — это Пророчество Соломона, о котором В. М. Истрин высказал мнение, что оно существовало уже к 1242 г.⁵⁵ А. А. Шахматов и за ним И. Е. Евсеев уточнили, что этот памятник существовал уже к 1234 г.,⁵⁶ а О. В. Творогов указывает, что он восходит к Хронографу по великому изложению.⁵⁷ Под названием «Словеса свв. пророк» И. Е. Евсеев издал текст по рукописи XV в., БАН, № 13.3.21. Тожественный текст находится в ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 67/1144, XVI в. и Соловецкое собр., № 852/962, XVII в. В. М. Истрин использовал не названный им список из Московского архива МИД, — очевидно, это сборник XVI в., ЦГАДА, ф. 181, № 478. В текст этого памятника включены три цитаты из ПП (1.15, 5.10, 2.3), причем с относящимися к ним толкованиями в сокращенном виде. Весьма любопытно, что ст. 5.10 приводится дважды: первый раз в своем обычном виде «братъ мой бѣлъ и чермень, избранъ от темъ», второй раз — в весьма странной переработке «Даи же ми бѣлость и огонь, избранныи от мріа». Этой фразой в ее более полном виде заканчивается текст ПП в С и в обеих копиях с болгарского протографа (см. раздел «Археография», № 29—30): «Сестро, даждь ми бѣлость и огонь,

⁵⁵ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906. С. 46.

⁵⁶ Шахматов А. А. Новая хронологическая дата в истории русской литературы // ЖМНП. 1901, январь. 2 отд. С. 174—179; Евсеев И. Е. «Словеса свв. пророк» — противоиудейский памятник по рукописи XV века. М., 1907. С. 14—17.

⁵⁷ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 26.

избранныи от мюриа», С, л. 252 об.; Уб, л. 451; Троицк. 765, л. 68 об. Очевидно, что в этих трех списках представлена исконная форма переделки, так что в Пророчество Соломона эта переделка попала уже в готовом и несколько измененном виде. Эту особую форму ст. 5.10 можно объяснить из греческого оригинала: Ἀδελφιδός μου λευκός καὶ πυρρός, ἐκλελογισμένος ἀπὸ μυριάδων. Создатели особой редакции ст. 5.10 читали вместо ἀδελφιδός «братуцад» (так в Четьем переводе) ἀδελφή, δός «сестра, дай», слово πυρρός «русый» поняли как πῦρ «огонь», а последнее слово оставили без перевода. Вся переделка носит явный мариологический характер, что вообще типично для осмысления ПП,⁵⁸ а написание *m̄ria* в Пророчестве Соломона вместо *moria* в особенности подчеркивает это.

На последних листах (207—208) Толковой палеи по Коломенскому списку 1406 г. также даны отрывки из ТП, причем ст. 2.14, 5.10, 1.8, 1.6, 2.17, 5.5, приведенные здесь, сопровождаются обычными толкованиями в сокращенном виде и иногда с указанием имени Филона.⁵⁹

Сборник XV в., БАН, № 13.3.21, из которого И. Е. Евсеев издал «Словеса свв. пророк» под заглавием «Сиеже от п̄снех п̄снем Соломоново», содержит еще одну переделку ТП, в которую включено в общей сложности около 40 стихов с обычными толкованиями в сокращенном виде (л. 12—15 об.). Среди истолкований встречаются слова, выражения и изредка целые фразы, отсутствующие в полных списках, — большей частью это общие места, которые легко могли быть присочинены составителем этой компиляции. Однако при ст. 3.7 (60 сильных окрест его), в частности со ссылкой на Феодорита, говорится: «60 силных, хранящих гробъ г(осподе)нь, еже есть Пилатова кустоды», л. 14. Между тем в толковании Феодорита Киррского на ПП нет ничего подобного (см. PG 120, 124A). Сборник этот писан в Луцке в 1462 г.

В другом сборнике XV в., БАН, № 13.3.3, в составе вопросов-ответов после истолкования первой паримьи из Притч (гл. 9, ст. 1), помещено известное пророчество о чаше Соломона, а непосредственно за ним (л. 64 об.—65) — подборка из ст. 1.4, 7.11—13, 7.5, 8.8 по ТП с краткими истолкованиями, которая открывается переделкой ст. 5.10 в ее полном виде — «Сестро, дажь ми. . .». Далее следуют отрывки из Екклесиаста. Эта же переделка в том же окружении находится в сборнике XVI—XVII вв., ГИМ, собр. Уварова, № 157, л. 168—170 об.⁶⁰

Несколько стихов из Екклесиаста с толкованиями вперемешку со стихами и краткими толкованиями к ним по ТП (ст. 2.14, 6, 8, 4.11, 3.11, 1.1) находятся в сборнике XVI в., ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 43/1120, л. 139—141 об.

Наконец, весьма обширная компиляция из ТП включена в состав толкований на 45-е зачало Евангелия от Луки (9.28—36, Преображение) Толкового евангелия Феофилакта Болгарского. Присутствие этой вставки установлено пока лишь в двух списках этого сочинения — в ВМЧ (октябрь, ст. 1229—1232) и в списке 1467 г., ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 10/135, писанном неким Василием по повелению митрополита Филиппа, т. е. в центральной или северной России, а болгарского оригинала XIV—XV вв. Ср. орфографические болгаризмы соответствующей эпохи: *нж* = *нь*, л. 68, *многыхъ дѣлж*, л. 69 (вин. пад., мн. ч.), *зѣнцѣж хранитъ око*, л. 69 (должно быть, конечно, имен. пад. *зѣнцѣа*). Вставка находится на л. 67 об.—70 и заключает в себе около 30 стихов с довольно пространными толкованиями. Особенностью этой компиляции яв-

⁵⁸ Р о р е М. Н. Song of Songs. . . Р. 89—90.

⁵⁹ Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892.

⁶⁰ В описании архимандрита Леонида (Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 250—252) эта подборка не отражена, зато тонко замечено, что в пророчестве о чаше Соломона вместо *келья* следует читать *келихъ* «чаша».

ляется чрезвычайно прихотливое расположение материала: начинается она стихом 4.6, далее идут 6.11, 7.1, 8.6, 8.2, 6.12, 8.6 и с перебивками доходят обратным порядком до стихов 2-й главы. Толкования частью располагаются на своих местах, но чаще оказываются оторваны от своих стихов и сопровождают другие стихи, некоторые фразы и выражения этих толкований отсутствуют в полных списках ТП.

Не вызывает сомнения, что сплошной просмотр сборников XV—XVI вв. увеличит число случаев такого использования ТП.⁶¹

Между тем от этой же эпохи, т. е. от времени до конца XV в., до нас дошло всего два списка ПП с толкованиями — *О* и *Ч*, причем последний остался в рукописи недописан. По какому-то совпадению в обоих списках ПП сопровождается «словами» о женах-мироносицах, хотя и разных писателей (см. выше, раздел «Археография»), но тесно связанных между собой общностью содержания, находящегося, как кажется, в зависимости от толкования Ипполита на ст. 3.4 ПП (см. *О*, л. 60—62). Третий по времени список — *П* — также содержит Слово о женах-мироносицах. В *О* за Словом следует Сон царя Иоаса, любопытный апокриф, уже не раз привлекавший внимание в науке, причем этот список, вероятно древнейший, до сих пор не был опознан (начало Сна утеряно) и не привлекался к рассмотрению; Сон завершается компиляцией из трех псаломных стихов с толкованиями, посвященной теме Ливана (см. выше). Сон и эта компиляция находятся также рядом с ПП в *В*, Волок. 14, Егор. 891, Q I 43 (XVII в.), т. е. почти во всех списках *Г*. Уже первый исследователь Сна — В. Мочульский правильно отметил, что тема произведения — символика, связанная с противопоставлением Ветхого и Нового заветов, при этом используется материал ПП: противопоставление шуйцы и десницы (ср. ст. 2.6, 8.3), одна из жен черна, другая бела (ср. 1.4, 8.5), одна из жен, символизирующая Новый завет, называется Аминодава или дщи Аминодава (ср. 6.11, 7.1).⁶² К этому можно добавить, что противопоставление в этом апокрифе гор и холмов как пророков и апостолов связано с толкованием Филона на ст. 2.8, а сравнение сосцев с двумя заветами — с его же толкованием, восходящим к Ипполиту,⁶³ на ст. 1.12. По мнению В. М. Истрина, основа памятника — переводная, перевод — южнославянский (слово *смагла*), но на восточнославянской почве памятник мог быть дополнен толкованиями.⁶⁴ Мнение В. М. Истрина о южнославянском происхождении перевода можно подкрепить лексическим материалом. Ср. 1.4 *черна ѓсьмъ и добра*, ТП — *смагла есьмъ и добра* (Слово Иоанна Златоуста, ВМЧ, ноябрь, 1745; Златоструй XVI в.; Срезневский. Материалы. Т. 3. С. 443); 2.6 *десница его обуиметь ма*, ТП — *десна ѓго охопитьсѧ мѣ* (Беседы Григория Двоеслова, ГПБ, Погод. 70, л. 138); *десницею охопить тѧ*, Сон; 7.1 *стопы твоя въ обуви, дщера аминодава*, ТП — *стѣпанія твоя въ сапозѣхъ, дѣщи Аминодамова*, Четий перевод; *Аминодава же имоуци нозѣ въ запозѣхъ*, Сон. В тексте Сна слово *отвѣчаютъ* объяснено *оставляють*, Священное писание названо *книгы*. Таким образом, материалы ПП, использованные для построения Сна, — южнославянского происхождения, но это вовсе не исключает восточносла-

⁶¹ См., например, обширный пассаж с толкованиями в Ефросиновском сборнике конца XV в., ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1068, л. 354—355 (ТОДРЛ. Т. 35. С. 188). Цитаты из ПП в составе Физиолога находились в греческом оригинале, их перевод не зависит от ТП. См.: Карнеев А. Физиолог. СПб., 1890. С. 255, 318, 364 (ст. 1.8, 2.12, 15). Вместе с греческим оригиналом были переведены ст. 1.1 и 7.5—6 с несколькими строками толкований Филона в составе «Книги глаголемой Козмы Индикоплова»; см. литографированное издание ОЛДП (СПб., 1886. С. 220—221).

⁶² Мочульский В. Сон царя Иоаса // РФВ. 1897. Т. 37. С. 97—113.

⁶³ Hippolytus. Werke. Bd 1. S. XXIII.

⁶⁴ Истрин В. М. К вопросу о «Сне царя Иоаса» // ЖМНП. 1898, февраль. С. 306—307.

вянского происхождения апокрифа.⁶⁵ Во всяком случае, он старше ТП, но их соседство в древнейшем списке *О* знаменательно и далеко не случайно, что будет видно из дальнейшего изложения.

В. Мочульский издал текст Сна по сборнику XIII в., ГПБ, Q п I 18, который не раз привлекал к себе внимание в связи с изучением славянской вопросо-ответной (эротопокритической) литературы⁶⁶ (в дальнейшем — Изборник, Изб.). Изборник открывается Сном, за которым следует пророчество о чаше Соломона, входящее в Житие Кирилла и в Пророчество Соломона (см. выше) и вместе с тем существующее отдельно во множестве списков, часто рядом со Сном, другими апокрифами или вопросо-ответными произведениями. Далее в Изборнике следуют краткие толкования на библейские книги, на группы книг, в том числе сокращенная редакция Толковой псалтыри Афанасия Александрийского, где находятся и толкования на псалмы 28, 36, 71 (л. 72 об., 77, 96 об.), из которых составлена статья о Ливане в *О* и других списках *ГЛ*.⁶⁷ В толковании на Пс. 101.8 здесь включена цитата из ПП 5.2 с отрывком из толкования Филона: «Писано бо ѡсть: азъ сплю, а с(е)рдце мое бдитъ, ѡгда б(о)ж(е)ство испроверже ада», Изб., л. 105 об.⁶⁸ Ср.: «Азъ съплю на кр(е)стѣ за ч(е)л(о)в(ѣ)чьскоую смерть и с(е)рдце мое бдитъ, б(о)ж(е)ство испромѣтаа ада», л. 88 об., PG 40, 100В. В составе статьи Иоанна Златоуста о Ветхом и Новом заветах также есть цитата из ПП 4.16: «Въстани, сѣвере, и приди, оуже, и повѣи ми градъ, да истекоуть араматы», Изб., л. 143, с толкованием, согласно которому север — св. Дева, юг — Спаситель, сады — апостолы; это толкование неизвестно ТП. На л. 36 Изборника истолкован ст. 6.7 ПП: «Рече въ Пѣсн(ѣ)хъ Соломонъ: 60 ц(е)с(а)рь(цъ), 80 женимъ и д(ѣ)в(и)цъ нѣс(тъ) числа». Это цитата из Четъего перевода, а толкование, которым она сопровождается, принадлежит черноризцу Антиоху (60 канонических книг, 80 отреченных, нет числа отеческим писаниям), все это целиком заимствовано из пролога Антиоха к его Пандектам⁶⁹ и имело широкое хождение в сборниках эротопокритического жанра.⁷⁰

Изборник помогает понять некоторые особенности ТП. В толковании на ст. 2.12 «Гласъ гърлица слышанъ въ земли нашеи» помещен под именем Григория следующий пассаж: «Приближи бо са ц(а)рство н(е)б(е)сное, ѡже ѡсть миру отсѣчение: въстани оубо скоро, даже секира д(у)ша дрѣва не подьѣчетъ», л. 49. Вторая часть этого пассажа является аллюзией к Луке, 3.9: «Оуже бо секира при корени дрѣва лежитъ. Всако

⁶⁵ Восточнославянских списков — десятки, болгарский список — один (ГПБ, F I 376), см.: Куев К. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981. С. 383—385, 389—390.

⁶⁶ См.: Архангельский А. С. Творения отцев церкви в древнерусской письменности. Казань, 1889. Ч. 1—2; Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича. СПб., 1892; Мочульский В. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893. — Сборник описан П. А. Лавровским, см.: ЧОИДР. 1858. Ч. 4. Отд. 3. С. 17—24.

⁶⁷ Как и в *О*, эта статья завершает Сон царя Иоаса в упомянутом уже сборнике XVI в. ЦГАДА, ф. 181, № 478, но оканчивается следующими словами: «То же ми сказа попиивъ грѣческии в Сулуни, аз же бѣх купилъ много ливана в Иер(ус)ол(и)мѣ и, то слышавъ, разсыпах и здѣ, пришед, сказахъ Георгию кн(а)зю», л. 533 об. Между тем без последних двух слов эта приписка находится в *О* на поле рядом со статьей о Ливане, л. 20 об. На приписку в сборнике 478 и на заметку А. И. Соболевского о ней (см. примеч. 5) наше внимание обратил А. А. Турилов.

⁶⁸ Греческий оригинал этих толкований на Псалтырь, приписываемый то Афанасию, то Оригену, то Исихию Иерусалимскому, плохо объясняет славянский текст и не содержит данного места. См.: PG 27, 1080С.

⁶⁹ Амфилохий, архим. Исследование о Пандектах Антиоха XI в. М., 1880. С. 11. — Об использовании в Пандектах Четъего перевода ПП см.: Алексеев А. А. К определению. . . С. 236.

⁷⁰ См., например: Мочульский В. Следы. . . С. 62 и след.; Никольский Н. О литературных трудах. . . С. 205.

оубо дрѣво, не творящее плода добра, поѣдкажѣ и въ огонь вѣмѣтажѣ» Остр. ев., л. 258 об. Ни этого места, ни самой цитаты из Луки нет в толкованиях Григория Нисского, между тем ее толкует в своих беседах на евангелие Григорий Двоеслов, папа римский,⁷¹ а краткие выдержки из его толкований с надписанием имени толкователя в большом числе включены в Изборник, цитата из Луки истолкована на л. 59. Это место из бесед папы Григория в виде отдельной статьи известно эротапокритическим сборникам, где получает эсхатологическое осмысление: «секира есть всем человѣком кончина».⁷²

В толковании Григория на ст. 5.12 говорится о том, что все жидкости, кроме молока, как зеркало отражают подобия (εἰδωλον, ὁμοίωμα) предметов: «Ц(е)р(ь)к(ь)вное око похвалает ничтоже имѣти непостоянна или лестна, или соуетна [идол паче истинны], но истинное ж(е) вида, соуетнаго сего житиа и мѣта не приимати», П81, л. 71, Григорий 396. 16 и след. Заключенные в скобки слова представляют собою вставку, связанную, видимо, по происхождению со следующей статьей Изборника: «Вкопросъ Идолъ и подобье кое имать различье? Фвѣтъ» Идолъ оубо не бывшихъ вещи естъ идолъ, подобье же бывшихъ вещи естъ подобье. Прже бо творахоу елини образныа образы, то соутъ идоли, не соутъ бо бывшихъ вещи подобье, нъ излиано ли выдолото, а не написано, икоже по подобью написаныа образъ», Изб., л. 42—42 об.⁷³

Отмеченные совпадения в содержании между ТП и Изборником говорят не о том, что при составлении Изборника был использован ТП или в ТП использован Изборник, они говорят о том, что Изборник и ТП в эпоху появления последнего сближались друг с другом в пределах эротапокритического жанра. Об этом же говорят сближение ТП с таким апокрифом, как Сон царя Иоаса, и раннее использование его в вопросо-ответных и полемических, а по существу тоже толковательных (каково Пророчество Соломона) компиляциях, обзор которых по нескольким рукописям был сделан выше. После появления ТП вопрос о 60 царицах и 80 наложницах по Пандектам Антиоха стал заменяться соответствующим стихом ТП и с тем толкованием, которое здесь давалось.⁷⁴

Наряду с толкованиями, схолиями и глоссариями вопросо-ответный жанр (эротапокритический, он же жанр апорий) был важным жанром византийской экзегетики как в Александрийской, так и в Антиохийской школах. Своим происхождением он был связан с эллинистической традицией (в отличие от толкований, возникших из традиции иудейской си-нагоги), сочинения этого жанра надписывались ἐρωτήσεις «вопросания», πῶς εἰς καὶ ἀποκρίσεις «вопросы и ответы», ἀπορία καὶ λύσεις «недоумения и разрешения», ζητήσεις «разыскания», προβλήματα «задачи», лат. quaestiones. Форма вопросов и ответов на деле была для него не единственной: это могли быть краткие выписки с пояснениями, схолии. Он ставил перед собой учебные цели, служил введением в изучение Священного писания и излагал в доступной форме результаты специальных исследований. Большой вклад в его развитие внесли Евсевий, Иероним, Феодорит, Исихий Иерусалимский — крупные и оригинальные богословы.⁷⁵

О его усвоении в начальную эпоху славянской письменности свидетельствуют Изборники 1073 и 1076 гг., Вопросы и ответы Афанасия к Ан-

⁷¹ См.: ГПБ, собр. Погодина, № 70, л. 106; Patrologia latina. T. 76. 1164C—D.

⁷² Архангельский А. С. Творения. . . Ч. 2. С. 134.

⁷³ Перевод статьи 38 из толкований на Исход 20.4 Феодорита Киррского, см.: PG 80, 264C.

⁷⁴ См. по рукописи ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, XV в., в кн.: Никольский Н. О литературных трудах. . . С. 205. Ср.: ТОДРЛ. Т. 35. С. 70.

⁷⁵ Heintz G. 1) Zur patristische Aporienliteratur // Abhandlungen der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philol.-hist. Klasse. Leipzig, 1909. Bd 27. S. 843—866; 2) Griechisch-Byzantinische Gesprächsbücher und Verwandtes aus Sammelhandschriften // Ibidem. 1911. Bd 28. N 8.

тиоху, Беседа трех святителей, Слова избранные Григория Богослова и многое другое. О его живом развитии у славян свидетельствует тот факт, что не существует одинаковых по составу списков вопросов и ответов.⁷⁶ Это и понятно: при открытой композиции эротапокритических сборников легко было прибавлять или опускать тот или другой материал. Каждый текст с толкованиями тотчас становился материалом для извлечения вопросов и ответов, мы уже упоминали о том, что Толковая псалтырь Афанасия Александрийского, беседы на Евангелие папы Григория были вовлечены в круг источников этого популярного жанра.⁷⁷ Кульминационным пунктом развития его в России можно считать создание эротапокритического сочинения Книга Кааф, в основу которого легли толкования Феодорита Киррского на Восьмикнижие. В. М. Истрин датирует это событие довольно широко — XII—XIV вв.,⁷⁸ хотя представляется, что верхнюю границу его нужно определять эпохой «Толковой палеи, яже на иудеи», которая знаменовала собой новый этап в развитии жанра апорий, когда ему были приданы идеологическая направленность, энциклопедическая всеобъемлемость и крупные размеры.⁷⁹ Один из лучших образцов эротапокритической литературы в ее начальной форме — Изборник XIII в. (Q п I 18), а в ее развитой форме — ГПБ, Соловецкое собр., № 807, т. е. наш список С, содержащий ТП. Этот сборник включает в себя Книгу Кааф и краткие толкования на все книги Ветхого и Нового заветов, за исключением Апокалипсиса, так что А. С. Архангельский назвал Сол. 807 своего рода сокращенной Библией, Библией в вопросах и ответах, напоминающей западную Библию бедных или Историческую Библию. В этом окружении ТП также воспринимается как более обширный по объему представитель эротапокритического жанра, и интересно, что А. С. Архангельский так и воспринял, так и обозначил его в Сол. 807.⁸⁰ Затруднительно сказать, совершил ли А. С. Архангельский при этом ошибку. ❏

Собственно библейское использование ТП начинается позже: в эпоху составления ГБ он освобождается от толкований и текст III включается в состав ГБ. С конца XV в., видимо, начинают меняться культурные запросы восточнославянской среды, что приводит к появлению большого числа списков библейских книг, в том числе и Четвертого перевода ПП, так что ТП и Четый перевод зачастую оказываются под одним переплетом. ТП в сборниках XVI в., как правило, окружен другими библейскими книгами, и прежде всего ими. Любопытное свидетельство и убедительное доказательство новой судьбы перевода содержит один из списков канонических книг XV—XVI вв., в котором дан следующий перечень Соломоновых книг: «Соломони: Пр(е)м(у)дрости, Притчи, Филонъ Пъаеьскыи. Пъсни пъснем, Екклісіастъ» (ГБЛ, Волок. 13, л. 252 об.), — т. е. ТП встал как самостоятельное произведение рядом с Четвертым переводом ПП.

⁷⁶ Архангельский А. С. Творения. . . С. 188—190.

⁷⁷ В. Мочульский перечисляет около 40 сборников такого типа (Следы. . . С. 112—142). Может быть, важнее всего упомянуть здесь о том, что даже Слово о законе и благодати митрополита Илариона послужило материалом для подобного рода толковой переработки, в которой оно было сведено с отрывками из Толковых пророчеств. См.: Никольский Н. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. 1—23 // СОРЯС. Т. 82. № 4. С. 28—55; Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 44.

⁷⁸ Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. С. 35—97.

⁷⁹ Примерно так устанавливает границу «простейших компиляций» В. Р. Федер. См.: Feder W. Elementary Compilation in Slavic // Cyrillomethodianum. 1981. Т. 5. P. 49.

⁸⁰ Архангельский А. С. Творения. . . С. 180. — Аналогией таких сборников является также латинский сборник *Iosa monachoium*. См.: Жданов И. Н. Беседа трех святителей и *Iosa monachoium* // Сочинения И. Н. Жданова. СПб., 1904. Т. 1. С. 736—808.

При издании Острожской библии текст III из TP был исправлен по Четъему переводу, по переводу Константина Костенецкого, по греческому тексту Альдинской библии (Венеция, 1518) и так увековечен в славянской культуре.⁸¹

На славянском юге этот интерес к четъим библейским текстам и библейскому кодексу, как представляется, появился раньше. В Житии Параскевы, составленном Евфимием Тырновским, две цитаты из III следуют TP: 1.9 что украсистая ланитѣ твой яко горлицы, 2.5 яко узавена есмь любовію азъ (ВМЧ, октябрь, 1041, 1042). Следовательно, можно полагать, что болгарская редакция TP, заключающаяся в освобождении библейского текста от толкований, была произведена в кругу Евфимия еще при его жизни. Вероятно, в это же время и в этом же месте произошло извлечение из недр глаголической письменности Четъего перевода, сохранившегося в списке F I 461 (ГПБ), конца XIV—начала XV в.⁸²

Типичной и неслучайной является судьба TP, об этом говорит и статистика дошедших списков библейских книг Ветхого завета. По неполному каталогу Р. Мэтьисена,⁸³ от XII—XIV вв. дошло всего 11 списков с ветхозаветными текстами (два из них — TP III), от XV—XVI вв. — 128 (при пополнении каталога пропорции, разумеется, изменятся еще больше в пользу второго периода). Малочисленность полных библейских списков раннего периода не может быть объяснена тем, что древние рукописи хуже сохраняются (по данным И. Е. Евсеева, например, из 53 паримийников к XII—XIV вв. относятся 35,⁸⁴ т. е. пропорция совсем другая), объяснение должно исходить из культурно-исторических условий, и прежде всего из признания того факта, что в определенный период славянской средневековой культуры интерес к полным библейским текстам — четъим или толковым — был довольно низок.

IX. Толковый перевод и другие переводы эпохи

В середине ст. 1.12 кн. Екклесиаст по списку GB находится вставка из 36 стихов, выбранных из разных мест этой книги, причем за ст. 7.6 и 10.7 следуют краткие толкования. На это обратили внимание описатели GB и отметили, что такая же вставка находится в списке Екклесиаста XVI в., ГБЛ, собр. Румянцева, № 204.⁸⁵ Эта вставка читается также в кн. Екклесиаст по спискам Пог. 1, Сол. 807, Ундольск. 1 (наши — III, С, У), Софійск. 1323 (Софійская четъя минея XVI в., л. 336—338), но в отличие от GB все стихи в этой вставке в других рукописях сопровождаются толкованиями, впрочем, весьма краткими. Перевод стихов в этой вставке отличается от чтения соответствующих стихов в четъих списках Екклесиаста, что также отмечено в «Описании».

В толкованиях этих встречаются слова, которые могут свидетельствовать о русском происхождении толкований, ср. (цитаты по Погод. 1, но чтения одинаковы во всех списках): телесное бо с(е)рдце всегда на единомъ мѣстѣ лежить во оутробѣ, еже зовемъ перепона 51 об.; безумнаго смѣхъ от грохотания образуетъ 48 об.; законный бракъ малженцема 48; съ кротостью ульснеть 48; ни мудруи излише 49; оумъ головою именуеть

⁸¹ См.: Алексеев А. А. Песнь песней в Острожской библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1985. С. 116—125.

⁸² См.: Алексеев А. А. К определению. . . С. 249.

⁸³ Mathiesen R. Handlist of Manuscripts Containing Church Slavonic Translations from the Old Testament // Полата књигописна. 7. 1983. С. 3—48. — Появление этого каталога вновь заставляет вспомнить о хранящемся в архиве каталоге И. Е. Евсеева, включающем 4145 единиц (ЛО Архива АН СССР, ф. 109, оп. 1, № 21).

⁸⁴ Евсеев И. Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905. С. LXXXIV—LXXXVII.

⁸⁵ Описание 1, 67—68. Здесь небольшая неточность: стихов 8. 2—3 в этой вставке нет, поэтому общее число стихов 36, а не 38, как указывают авторы.

47 об. и т. п. Некоторые черты в языке сближают толкования на Екклисиаст с ТП ПП: скорлуца 53 (скоролуца в Соф.), ср. скоролупа, скоролупла ТП; не буди, вѣща, праведень велми 49, кипение, вѣща, и искипание 48 об.

Стихи 10.1, 2, 7 с соответствующими толкованиями из толкового Екклисиаста находятся в Изборнике XIII в. (Q п I 18, л. 152—153), на л. 174 Изборника под заглавием «А се Екклисиастъ» приведен ст. 2.14 по толковому Екклисиасту, но с более пространном толкованием, чем в Пог. 1 и других названных списках. Интересно сопоставить эти толкования:

Изб., л. 174: «Моудромоу очи въ главѣ ѡста, а безоумный въ тѣмѣ ходить. Толкъ» Глава выше всего тѣла ѡсть, нозѣ же низько къ земли прикасаѣтаса. Тѣмьже ѡгда вл(а)д(ы)ка оумъ ч(и)сть боудеть, вышнихъ сматраѣть, а не иже на земли, таковыи въ главѣ очи иматъ. Ѣгдаже ми о земныхъ помысль иматъ, въ ногоу иматъ очи, къ земнымъ прилипаѣ. Толкъ» в. Глава ц(е)ркви Х(ристо)сь, к неже моудрыи възираѣт ходитъ, ѡкоже и онъ, а рекоу⁸⁶ Х(ристо)сь въ главѣ очи иматъ. Безоумный же въ тѣмѣ ходитъ, всьгда земныхъ зра, омрачена имьи вл(а)д(ы)коу, еже ѡсть оумъ».

Пог. 1, л. 47 об.: «Моудраго очи в головѣ его, безумный же во тѣмѣ ходить. Толкъ. Оумъ головою именуѣтс(а). Егда оумъ очиститс(а), тогда выспръ зрѣть, а егда о земныхъ, тогѣда очи низу».

Толкование в Изборнике дословно соответствует катенам на Екклисиаст Олимпиодора Александрийского (PG 93, 500C), толкование Пог. 1 и других списков соответствия в греческом тексте не находит, а по содержанию, вполне очевидно, представляет собою сокращенный пересказ толкования, сохраненного Изборником. Следовательно, компиляция из 36 стихов с толкованиями представляет собою остаток более полного текста. Легко допустить, что некогда существовал полный толковый Екклисиаст. Более пространные остатки его сохранились в списке XVI в., ГБЛ, собр. Ундольского, № 13. Здесь истолкованы стихи 1. 6, 7, 9—11, 2. 14, 21, 24—26, 3. 15—21, 4. 4—6, 9—17, 5. 2, 5, 9, 10, 18, 19, 6. 7—9, 7. 2—7, 9, 12, 13, 15—23.

Стихи 10.7, 3.5, 4.6, 5.5 из толкового Екклисиаста с краткими схолиями сохранились вперемешку с толковыми стихами ПП в сборнике ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 49/1120, о чем шла речь выше. Остатки этого же перевода находятся в послании Климента Смолятича, где прибавлен ст. 11.2, известный и по другим источникам, а также 4. 12, отсутствующий в перечисленных компиляциях, но с толкованием включенный в Изборник, л. 161.⁸⁷ Стихи 9.14—15 послужили материалом для Сна царя Йоаса, на что не обратили внимание В. Мочульский и В. М. Истрин, причем толкования, которыми они здесь сопровождаются (малый град — церковь, мужи — избранные святые, великий царь — дьявол, нищий и мудрый муж — Христос), заимствованы из того же источника, что и толкования на другие стихи Екклисиаста (PG 93, 592D).

Судьба толкового Екклисиаста, таким образом, сходна с судьбой ТП, с тем отличием, однако, что он не дождал до собственно библейского использования, а так и разошелся по апоориям и эртапокритическим сборникам.⁸⁸

⁸⁶ А рекоу «то есть», как в ТП.

⁸⁷ См.: Никольский Н. О литературных трудах. . . ; в публикации Послания Климента строки 441—442 и 531—532 (стих 11.2 в издании не отождествлен).

⁸⁸ В. Федер указал на присутствие толкового Екклисиаста в болгарских списках (выборка начинается ст. 10.1), что может говорить, вопреки мнению В. Федера, о восточнославянском происхождении всего толкового комплекса. См.: Федер У. Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы // Старобългаристика. 1982, № 3. С. 154—165.

Послание Климента Смолятича еще не знает ТП, но эти два памятника сближает одна немаловажная деталь: цитируя Левит, 11.3, оба они употребляют слово *ѣча* (*гача*), не засвидетельствованное нигде более. Ср. в Послании: въ леоугитьских книгах о отрыгании ѣчь (строка 420), жюющии пищу отрыгають (строка 426). Ср. с первым вариантом цитату в толковании Ипполита на ПП: «Вижь оубо Х(рист): овогда тако серна, овогда же яко галень оудобь, оба же пазногътъ имата роскъѣлена и отригающии ѣчю» л. 57 об. При этом цитата из Левита, 11.3 в Изборнике дает иное чтение, в общем совпадающее с ГВ: «дѣлаща на двоѣ пазногти и жъваные отригающа, . . . жюющии пищу отригають» Изб., л. 138 об. Как видно, в Послании и Изборнике совпадает второй вариант цитаты.

Послание Климента Смолятича, эротапокритическое в большей своей части, как и Изборник, активно использует еще один восточнославянский перевод этой эпохи — Толкования Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова.⁸⁹ С ТП этот перевод сближается употреблением слов *гримание*, *дондаже* (Описание 2, 2, 85—86), а также формы *боуда* (прич. муж. рода, см.: ГПБ. Ф. 1 195, л. 265 об., XV в.).

Загадочным образом связано с ТП Толковое евангелие Феофилакta Болгарского. А. И. Соболевский датировал его появление в России эпохой второго южнославянского влияния,⁹⁰ упустив из виду отрывки XIII в., вполне русские по происхождению (БАН, № 4.9.11). Ср. несколько выписок из этих отрывков: чреватыи оубо не могоуть бѣгати бременьмъ чрева отагъчаемы, доущии же къ чадомъ милосердия ради, ни оставити ихъ могоуще, ни носити л. 5; гладоу соущю осады ради испече жена чада своѣа и сънѣсть л. 5; с(о)лнце помыркънетъ, рѣкъше почернѣтъ л. 5 об.; на мъртвъ троупъ орли собираютъсѧ л. 5 об.; вѣща л. 5 (при введении цитаты). В списке XIII в. нет никаких следов южнославянского протографа, между тем оригинал возник не ранее начала XII в., так что не может быть отделен от списка XIII в. большим числом промежуточных копий, при изготовлении которых выветрились бы следы болгарского происхождения. В своем докладе 16 декабря 1916 г. И. Е. Евсеев⁹¹ настаивал на болгарском происхождении перевода, выступивший в прениях А. И. Соболевский выразил мнение, что по крайней мере какие-то части Толкового евангелия имеют восточнославянское происхождение.⁹² Несколько ранее А. И. Соболевский издал отрывки толкований на евангелие русского и домонгольского, по его мнению, происхождения.⁹³ Некоторые части этого текста должны быть поставлены в связь с Толковым евангелием Феофилакta Болгарского.

Наконец, и о Толковом апостоле по списку 1220 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 7) А. И. Соболевский высказал предположение, что он может оказаться восточнославянским переводом.⁹⁴ Список 1220 г. действительно русский, и со списком ОИДР 171 его роднят такие орфографические детали, как форма *отнюдѣ* (л. 204 об. и др.), неизвестная пока из других источников, за исключением Бесед папы Григория (Погод. 70), слова *таче*, *вѣща* (при введении цитаты). Во всяком случае, как Толковое евангелие Феофилакta Болгарского, так и Толковый апостол нуждаются в особом изучении на основании всей текстовой традиции.

⁸⁹ Никольский Н. О литературных трудах. . . С. 16, 24, 25 и др. — О восточнославянском происхождении перевода и его достоинствах упомянуто выше (с. 155, 171).

⁹⁰ Соболевский А. И. Переводная литература московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 22, 29.

⁹¹ Подготовительные материалы к докладу находятся в архиве (ЛО Архива АН СССР, ф. 109, оп. 1, № 8). Изложение доклада по протоколу см.: Богословские труды. М., 1975. Сб. 14. С. 224—225.

⁹² См. в этом же протоколе (Богословские труды. С. 225).

⁹³ Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. 6—13 // ИОРЯС. 1915. Т. 20, кн. 1. С. 261—272.

⁹⁴ Соболевский А. И. История. . . С. 146—147.

При рассмотрении вопроса о восточнославянских толковых переводах XII в. нужно, как кажется, принять во внимание фигуры двух византийских экзегетов — Феофилакта Болгарского и Никиты Ираклийского, бывших в конце XI—начале XII в. на епископских кафедрах в южнославянских землях и находившихся между собой в дружеских отношениях.

Толкования Феофилакта на Евангелие получили исключительно широкое распространение в славянской письменности, ему же принадлежат катены на послания апостола Павла (не их ли переводом является Толковый апостол по списку 1220 г.⁹⁵). Для Феофилакта была характерна манера аллегорического истолкования Священного писания.⁹⁵

Никита Ираклийский упомянут в Послании Климента Смолятича (ираклѣискыи епископ авва, строки 516—517), причем в связи с истолкованием евангельских притч. Действительно, Никита составлял катены на Евангелия от Матфея и Луки, послания апостола Павла, а также на Пятикнижие, Псалтырь, четырех больших пророков, Песнь песней и Екклесиаст; известные в славянском переводе катены Олимпиодора на кн. Иова в действительности могут оказаться сочинением Никиты.⁹⁶ Его катены на Псалтырь были переведены у восточных славян, предисловие к ним сохранилось, в частности, в списках XVI в. — ГПБ, Софийское собр., № 1464, л. 200—217; ЦГАДА, ф. 181, № 478, л. 97 об.—116, а также в Псалтыри XVI в. из собрания Ундольского.⁹⁷ Это предисловие было известно новгородскому архиепископу Геннадию, и он дословно заимствовал из него сведения о семидесяти толковниках, Акиле, Симмахе и прочем для своего послания Иоасафу в 1489 г.⁹⁸ Два отрывка из Толкований Никиты на слова Григория Богослова попали в состав Изборника XIII в. (Q п I 18),⁹⁹ эти Толкования нашли, как кажется, отражение в послании митрополита Никифора Владимиру Мономаху (Описание, 2, ч. 2, с. 86) и в слове Кирилла Туровского на Антипасху.¹⁰⁰

* * *

Подведем итоги нашего исследования.

1. Итак, ТП имеет восточнославянское происхождение. Об этом свидетельствуют следующие его особенности: русское происхождение всех списков с толкованиями; лексические русизмы, восходящие к исходному тексту; широкое отражение перевода в других русских по происхождению текстах.

Время появления ТП — вторая половина XII в.: от Послания Климента Смолятича до Моления Даниила Заточника.

Место появления — во всяком случае русские пределы.

2. Литературное окружение ТП: Послание Климента Смолятича, Моление Даниила Заточника, Толкования Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова, Толковый Екклесиаст, возможно, Толковое евангелие Феофилакта Болгарского и Толковый апостол.

3. ТП представляет собой катены на ПП, составленные в основном по греческим источникам восточнославянскими книжниками.

Процесс работы над ТП проходил в несколько этапов: первоначальное ядро составил перевод толкований Филона Карпафийского, к нему были

⁹⁵ K r u m b a c h e r K. Geschichte der Byzantinischen Literatur / 2-te Auflage. München, 1897. S. 133—134.

⁹⁶ Ibid. S. 211—212, 215.

⁹⁷ Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870. № 53.

⁹⁸ См.: К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1953. С. 319 (текст).

⁹⁹ Н и к о л ь с к и й Н. К. О литературных трудах. . . С. 166—167, 172—176.

¹⁰⁰ В и н о г р а д о в В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1915. Вып. 3. С. 114—115. — Подборку сведений о Никите см. также: Б у л а н и н Д. М. Переводы и послания Максима Грека: (Неизданные тексты). Л., 1984. С. 34 и др.

прибавлены толкования Ипполита и лишь вчерне переведенные толкования Григория Нисского. Кроме того небольшой материал доставили катены Псевдо-Прокопия. Окончательное составление текста произведено было не переводчиком, а другим лицом, чем были вызваны объединение разного по качеству материала и не всегда правильное его размещение в составе целого.

4. При изготовлении ТП применено два вида переводческой техники: довольно буквально переведен библейский текст и вполне свободно переведены толкования. Если иметь в виду, что буквальный перевод — это отказ от интерпретации, а свободный, наоборот, попытка интерпретации,¹⁰¹ то сосуществование разных приемов переводческой работы в составе литературного целого говорит о различии в авторском отношении переводчика к разным частям произведения.

5. Литературная история ТП определяется первоначальным включением его в жанр эротапокритической литературы. Это обстоятельство также объясняет некоторую недоработанность катен, поскольку ценность ТП в этих обстоятельствах оказывалась пропорциональна количеству включенного в катены материала, невзирая на качество последнего. Позже, вполне определенно с конца XV в., ТП получает свое прямое библейско-экзегетическое применение.

6. XII век на Руси, как кажется, можно назвать эпохой восточнославянских библейских переводов, до сих пор в литературной истории кирилло-мефодиевского переводческого наследия России отводилась роль пассивного потребителя готовых южнославянских памятников. Само обращение к этому жанру переводной литературы, наиболее сложному и ответственному в техническом отношении, свидетельствует о высоких культурных запросах восточнославянского общества. Если толкования на исторические книги, Псалтырь, пророков были к тому времени уже изготовлены на славянском юге и использовались сами по себе, а чаще в извлечениях в рамках эротапокритического жанра, то восточнославянские переводы были призваны заполнить недостающие разделы толковой литературы. При этом библейские переводы той эпохи были подчинены местным культурным потребностям: созданию учебной и проповеднической литературы для усвоения Священного писания.

Заметим кстати, что высказанное на съезде славистов в Киеве (1983 г.) Фрэнсисом Томсоном мнение о том, что восточнославянская среда не была знакома с греческими текстами,¹⁰² плохо согласуется с приведенными нами фактами. С большой проницательностью Фр. Томсон обратил внимание на то, что все восточнославянские авторы XI—XIII вв., за исключением митрополита Илариона, цитируют отцов церкви не по греческим оригиналам, а по южнославянским переводам, однако наблюдение это можно истолковать иначе, чем это сделал сам Фр. Томсон. Не следует забывать, что церковнославянский язык выполнял у славян X—XIII вв. функции литературного и священного языка; таким образом, церковнославянские по языку источники пользовались в славянской среде таким же авторитетом, как латинские источники в Западной Европе, где в эту эпоху все еще безраздельно господствовало правило *graecum est, non legitur*.

7. Несколько методологических замечок.

Библейские тексты с толкованиями должны изучаться как литературное целое.

Общая судьба памятников может свидетельствовать об общем их происхождении.

¹⁰¹ B a r r J. The Typology of Literalism in Ancient Biblical Translations. Göttingen, 1979. P. 18.

¹⁰² T h o m s o n Fr. J. Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as An Indication of the Cultural Level of Kievan Russia // Slavica gandensia. 1983. Vol. 10. P. 73.

Даже в истории библейских переводов, где как будто бы менее всего могут проявляться самобытные литературные запросы, ясно сказываются особенности местного культурного развития.

Не существует иерархии критериев в определении происхождения переводного текста. Желательным и необходимым является совпадение текстологических, историко-литературных и лингвистических данных. В недавно опубликованной статье Горація Ланта подвергнуто суровой критике наше мнение о восточнославянском происхождении ТП.¹⁰³ Аргументация Г. Ланта опирается исключительно на лингвистические данные, которые используются в полном отрыве от текстологической истории ТП; данные историко-литературного характера также не приняты во внимание. Вследствие этого вся аргументация приобрела произвольный и довольно тенденциозный характер. В нашем ответе Г. Ланту¹⁰⁴ указано на значение текстологии для правильной интерпретации лингвистических данных и реконструкции литературной истории текста. Конкретные замечания Г. Ланта по фонетике и лексикологии учтены при подготовке настоящей публикации.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. Текст Песни песней по Геннадиевской библии 1499 г. (ГБ).

В издании сохранены орфографические и графические особенности текста, титла не раскрыты, выносные буквы внесены в строку и выделены курсивом, добавленные буквы помещены в скобках. Интерпретации текста служат прописные буквы и современная пунктуация. Для удобства пользования проведена разбивка на стихи.

В критическом аппарате даны разночтения из 11 рукописей со следующими сиглами: *A* — Акад. 215, *B* — Волок. 13, *O* — ОИДР 171, *Π1*, *Π81*, *Π227* — Погод. 1, 81, 227, *C* — Солов. 807, *T* — Троицк. 730, *У*, *У6* — Ундольск. 1 (два текста), *Ч* — Чудовск. 8; *Г1* = *B*, *Π81*, *Π227*; *Г3* = *C*, *У6*, *Ч* до 5.5; далее — *C*, *У6*; *Г4* = *Π1*, *У*. Общее чтение всех списков дается без сиглы. Слово текста, повторяемое в аппарате без изменений, обозначается начальной буквой. Среди разночтений не приводятся чисто орфографические варианты и ошибки письма.

Чтения греческого текста с сиглой LXX даются в тех случаях, когда нужно указать на предпочтительность вариантного чтения.

П Ъ С Н И П Ъ С Н І И

Глава а. 1 Лобжи¹ ма ѿ лѣбзаниа² оустъ своихъ, ѿко блга сесца твоя пач(е) вина, 2. и³ вонд мира твоего паче всѣхъ вонь. Миро изліано има твое. Того⁴ ради отроковица възлюбиха та 3. и привлекопас(а) в' слѣд⁵ тебе. Въ вою мѣра твоего текохом. Введе ма црѣ в ложницю свою, възрадѣмса и възвеселимъ са в⁶ тебѣ, ⁷правость възлюби та. 4. Черна есмь и⁸ добра,⁹ дщери Іерслмьскы, ѿко села Кудар'ска,¹⁰ кожа Соломона. 5. Не зрите¹¹ мене, ѿко ¹²есмь черна,¹³ ѿко презрѣ¹⁴ ма слице. Снѣве мѣре моя сварахѣс(а) о мнѣ, положиша ма стража в' виноградѣ, винограда моего¹⁵ не схраних. 6. Възвѣсти¹⁶ ми, егоже възлюби дша моя.

¹⁰³ Lunt H. G. The OCS Song of Songs: One Translation or Two? // Die Welt der Slaven. 1985. Bd 30/2. S. 279—318.

¹⁰⁴ Алексеев А. А. Der Stellenwert der Textologie bei der Erforschung altkirchenslavischer Übersetzungstexte // Die Welt der Slaven. 1986. Bd 31/2. S. 415—438.

¹ лобзани Ч, цѣлоуи У6. ² лобзании Ч, А. ³ Нем С, А. ⁴ чесо А. ⁵ Доб. по С, У6. ⁶ о С, У6, А. ⁷⁻²⁵ Нем Ч. ⁸ Нем Π81, Т, Π1. ⁹ Нем Т. ¹⁰ Доб. ѿко С, У6, А; ѿс LXX. ¹¹ зри О, Г1. ¹²⁻¹³ ч. е. Т, Г4. ¹⁴ оузрѣ Т. ¹⁵ сво-его Π1, Т. ¹⁶ възвѣстите Г4.

где пасеши,¹⁷ где почиваеши в¹⁸ полднѣ, да не бѣдѣ тако¹⁹ ѡдѣвающихся. по стадѣ ѡнецъ твоихъ. 7. Аще не ѡвѣде тебе, добры²⁰ в женахъ. 8. Кони мои²¹ в колесницы²² фараоновъ²³ ѡподобихъ та, близъ мене.²⁴ 9. Что ѡкрашенъ лавитъ твои тако горлицы?²⁵ Выдъ твоа тако фараоновы²⁶ в монистѣ. 10. Подобиа²⁷ злата створимъ ти с пестротами сребра²⁸ и бисера мнѡгоцѣна.²⁹ 11. Надра³⁰ моа дастъ³¹ воню свою. 12. Истечение³² брата моего и-стакти.³³ Посредѣ сесцю мою вѣдворитса. 13. Грезнь³⁴ зрѣль брат мои мнѣ в виноградѣ Гаддовѣ. 14. Се добра, искръ мене, се³⁵ добра. Очи твои, вѣща,³⁶ голѣбинѣ. 15. Се добръ брат мои и³⁷ еще и³⁸ красенъ.³⁹ Одрѣ⁴⁰ съсьбѣненъ мои.⁴¹

Глава в. 1. Азъ цвѣт полю, ⁴²крина же ⁴³и ⁴⁴оудоліемъ. 3. Ико таблоко въ дровѣхъ⁴⁵ села, тако брат мои посредѣ снѡв.⁴⁶ Подѣ снѣ⁴⁷ его въскотѣхъ⁴⁸ и сѣдохъ, и плодъ его сладокъ в гортани моем. 4. Введе⁴⁹ ма в домъ вина, вчините⁵⁰ в любовь, 5. оутвердите⁵¹ ма в мѡрехъ, положи⁵² ма въ талоцѣхъ, тако ѡгизвена есмъ любовью его. 6. Шюца его под главою ми и⁵³ десница его обѣимет ма. 7. Заклахъ вы, дщери Іерс-лимла, в силахъ⁵⁴ и⁵⁵ крѣпостехъ села, аще встанете⁵⁶ и вѣставите⁵⁷ любовь, дондеже хотите.⁵⁸ 8. Глас брата моего. Се тако приде,⁵⁹ скача на горы и⁶⁰ прескача на хлмы. 9. ⁶¹Подобенъ есть брат мои сернѣ и⁶² жилам еленамъ на горахъ Вефільскихъ.⁶³ Се⁶⁴ стоаше за стѣною,⁶⁵ прегладаа оконцемъ. 10. Ѡвѣщааетъ⁶⁶ братъ мои и глетъ мнѣ: в'стани,⁶⁷ приди, близ мене, добраа моа голѣбице.⁶⁸ 11. Ико се зима приде,⁶⁹ дождь ѡиде и иде в себе, 12. цвѣти явишас(а) на земли, врѣма ѡрѣзаніа приспѣ. Гласъ горлица слышанъ в земли нашеи. 13. Смѡкы изнесе цвѣтъ свои, виноградѣ зрѣющі⁷⁰ даша воню.⁷¹ Вѣстани,⁷² приди, близъ мене, добраа⁷³ голѣбице моа. И⁷⁴ приди 14. ты, голѣбице моа, в покровъ камене⁷⁵ близ прѣдстѣніа. Иви ми зракъ твои, и ѡслышю гласъ твои, ико глас твои сладокъ и ѡбраз твои красенъ. Иви ми зракъ свои⁷⁶ и ѡслышю глас твои. 15. Имѣте намъ лисица малыа, гѣбащаа винограды.⁷⁷ 16. Братъ мои мнѣ и азъ емѣ, пасыи цвѣты въ кринахъ. 17. Дондеже дѣхнет днѣ и двигнѣтса стѣны, обратиса, ѡподобиса ты, брате мои, сернѣ⁷⁸ и жиламъ оленамъ на горы⁷⁹ ѡдолии.⁸⁰

Глава г. 1. На ложи моемъ в нощи искахъ, егож(е) възлюби дша моа. Искахъ его⁸¹ и не ѡбрѣтохъ его,⁸² звахъ,⁸³ не послѣша мене. 2. Вѣстанѣ и⁸⁴ ѡбидѣ въ оградѣ⁸⁵ на торжицихъ⁸⁶ и на широкихъ,⁸⁷ и поищѣ егож(е) възлюби дша моа. Поискахъ⁸⁸ его и не ѡбрѣтохъ его, звахъ⁸⁹ и не послѣша мене. 3. Обрѣтоша ма⁹⁰ стрегѣщей и ѡбходащей виноград:⁹¹ егоже

¹⁷спиши О, Г1. ¹⁸Нет Г1, Уб, Т, А, Г4. ¹⁹Нет Г1. ²⁰добраа Г1, добрыи А. ²¹⁻²²и колесницами А. ²³фараони Уб; фараонѣ А. ²⁴себе Г1. ²⁵конецъ лакуны в Ч. ²⁶фарѣ Ч, Т; фаревы С, Уб, А; нет Г4, LXX. ²⁷подобіе П81. ²⁸⁻²⁹Нет Г3, А, Г4, LXX. ³⁰нарда О, В, П227, Г3, Т, А. ³¹дасть Т, Г4; дадать Г1. ³²⁻³³стакти б. м. мнѣ Г3, А; (ἀποδεδωτος) τῆς στακτῆς ἀδελφίδος μου ἐμοί LXX. ³⁴гроздѣ Уб. ³⁵Нет Т, Г4. ³⁶Нет LXX. ³⁷Нет Г4. ³⁸Нет Т, А, Г4. ³⁹Доб. и Т, Г4. ⁴⁰⁻⁴¹м. с. Г3, А; соодѣненъ м. Т, Г4. ⁴²⁻⁴³и крин Г4; крина П81. ⁴⁴Нет. ⁴⁵древосехъ Уб. ⁴⁶сынѣ Т, Г4. ⁴⁷снѣно Т, Г4. ⁴⁸нохотѣхъ Т, Г4. ⁴⁹въведите У; ἐσαγάγετέ LXX; введи А. ⁵⁰Доб. ма Ч, Уб, А. ⁵¹оутверди Уб. ⁵²положите Ч, Т, А; στοβάσατε LXX; положиша Г4. ⁵³Нет П1, Т. ⁵⁴селахъ У. ⁵⁵Доб. въ Ч, А, Т. ⁵⁶встанете П81, Т, У. ⁵⁷вѣставитъ Т, У. ⁵⁸хочетъ Ч, Г4; въскощете С, Уб, А; βελήσθη LXX. ⁵⁹придетъ Г1, Г3, Т, Г4. ⁶⁰Нет Т, У. ⁶¹⁻⁶³Нет Уб. ⁶²ли Ч, С, Т, А, Г4; η LXX. ⁶⁴Доб. тѣ Г3, А, Т, П1; οὐτος LXX. ⁶⁵Доб. нашею Г3, А, Т, Г4; ἡμῶν LXX. ⁶⁶отвѣщааетъ Ч, Уб, А, Т, У. ⁶⁷Доб. и Г1, Т, У. ⁶⁸Доб. моа Г3, А, Т; μου LXX. ⁶⁹⁻⁸⁰Нет Г4. ⁶⁹приде С, Уб; παρήλαθεν LXX. ⁷⁰зрѣюще О, Г1. ⁷¹вино В, П227. ⁷²Доб. и Г1. ⁷³Доб. моа Ч, Т; μου LXX. ⁷⁴Нет С, А. ⁷⁵камень Ч, Т; камени В, П227, А. ⁷⁶твои С. ⁷⁷виноградъ О, Г1. ⁷⁸сернамъ О, Г1, Ч, С, А, Т. ⁷⁹горахъ С, А; доб. и Ч, Т. ⁸⁰голоса вѣселскыа ГВ, конецъ лакуны в Г4. ⁸¹Нет О, Г1. ⁸²Нет У. ⁸³возвахъ Т; доб. и; καί LXX. ⁸⁴Нет Т, П1. ⁸⁵градѣ. ⁸⁶⁻⁸⁷Нет О, Г1, П1. ⁸⁸и искахъ П1; искахъ Г3, А, Т, У. ⁸⁹возвахъ Г1, Т. ⁹⁰⁻⁹¹с. в. и о. О, Г1, Т, Г4. ⁹¹градѣ Г3, А; πόλις LXX.

вълюби дѣша моа, не видѣсте⁹² ли? 4. Ико мало егда преидох ѿ него, дондеж(е) обрѣтох, егуж(е) възлюби дѣша моа. 2.9 (sic!) Се брат мои преникает⁹³ дверми.⁹⁴ 4. Дондеж(е)⁹⁵ введохъ его⁹⁶ в дом мѣре моа.⁹⁷ 6. Змѣрна⁹⁸ и ливанъ ѿ всѣхъ [вонь мѣрныхъ. 7. Се⁹⁹ одръ Соломонъ,¹⁰⁰ силныхъ окрѣсть его ѿ силныхъ Илевъ, 8. вси имоуще^{11, 1} оружіе,² наострени³ на брань. Мѣж, оружіе на бедръ его ѿ ѡдивленія в нощи. 9. Носило створи себѣ црѣ Соломонъ ѿ древесъ Ливаньскъ.⁴ 10. Въсхоженіе⁵ ж(е) его багоръ, видѣть его кама⁶ послано⁷ любовь⁸ ѿ дщери Іерсмлльскъ.⁹ 11. Изидѣте и видите, дщера Сіѡна,¹⁰ о цри¹¹ Соломони!¹²

Глава д. 1. Се добра, близъ¹³ мене, се добра! Власи твои тако¹⁴ стада козиць,¹⁵ таже ѡкрышас(а) ѿ Галада. 2. Ѱби твои очищени, иж(е) взидоша ѿ бани, и все двоуподны и бецадства нѣс(ть) в нихъ. 3. Ико¹⁶ вервь червлена¹⁷ оустнѣ твои и¹⁸ бесѣда твоа красна. Ико скоролѣдила родіа тѣблоко твоє ѿ млѣчанія твоего. 4. Ико слышь Двдѣвъ шіа твоа, създанъ в Талфиотѣ,¹⁹ тысяща щитѡвъ висит²⁰ на нем и всѣ стрѣлы силныя.²¹ 5. Два сеска твоа тако двѣ жилѣ близнеца²² серны. 6. Пойдѣ²³ къ горѣ мѣрнѣ²⁴ и²⁵ къ²⁶ хльмоу ливанъскѣ!²⁷ 7. Вся добра, близъ мене, и порока нѣсть в тебѣ! 8. Прииди ѿ Ливана, невѣсто, прииди ѿ Ливана! Придет,²⁸ преидеть из начала вѣрѣ, ѿ главы Санира²⁹ і Ермона.³⁰ 9. Оусердна ма створи, сестро моа невѣсто, въ единомѣ монистѣ шіа твоа. 10. Что ѡдобрѣста сесца твоа, сестро моа невѣсто, паче вина и вона ризъ твоихъ паче всѣхъ вонь араматы? 11. Сотъ истѣкающіи³¹ ѡстнѣ твои, невѣсто, медъ и млѣко под азыком ти!³² Медъ проповѣдь покаанія, млѣко почченіе, оглашеніе закона.³³ 12. Оград³⁴ заключень, источникъ запечатанъ,³⁵ сестро моа невѣсто! 13. Посланія твоа — рай с плодом вѣтви³⁶ и³⁷ дѣба, 14. нарда³⁸ и крокъ, сахаръ тростъ и кинамомонъ со всѣми древы Ливана,³⁹ имже и послѣдованіе и погребаніе Хво назнаменована.⁴⁰ 15. Источникъ, огородъ,⁴¹ кладады воды живы, и въкоряющѣса⁴² ѿ Ливана. 16. ⁴³Въстани, сѣвере, и придет⁴⁴ ѡгъ, и⁴⁵ повѣи въ⁴⁶ огород⁴⁷ мой, ⁴⁸ѡригнѣтъ араматы моа!⁴⁹

Глава е. 1. Прииди и сниди,⁵⁰ брате,⁵¹ въ огородъ⁵² свои и таже ѿ⁵³ плод⁵⁴ верха дѣбового.⁵⁵ Впедь въ огород⁵⁶ мой, ⁵⁷сестро моа⁵⁸ невѣсто, ѡбдимахъ змѣрнѣ съ⁵⁹ вондами съ⁶⁰ араматами моими. Идите, близъ мене, и⁶¹ пиите,⁶² и⁶³ оупитеса,⁶⁴ сестро моа невѣсто!⁶⁵ 2. Азъ сплю и⁶⁶ срдце мое бдит. Глас брата моего ѡдараетъ въ двери: ⁶⁷ѡверзи ми,⁶⁸ ѡверзи ми, сестро моа, ближна моа, ⁶⁹ѡверзи ми, сестро моа, блик-

⁹²вѣдѣсте П81; вѣсте Т, Г4. ⁹³преникамъ Ч, Уб, А, Т, Г4. ⁹⁴дверцами Г1. ⁹⁵Нет Уб. ⁹⁶и Уб. ⁹⁷своеа Уб. ⁹⁸и з. А; измирноу Г4; смирноу Т; змирны П227. ⁹⁹а се А. ⁹⁹⁻¹⁰⁰о одръ Соломонъ Г4. П, 1 имаше Уб. 2 оружія Т. 3 наоучени. 4 ливаньскыхъ О, Г1. 5 въсхоженіе О, Т. 6 камень П1. 7 слано Г4. 8 любве Г1; любви Т; любви Г4. 9 іерсмлльскъ Г3, А, У. 9-12 Нет С. 10 іермла Ч. 11 Нет Т. 12 искръ Уб. 13 акы О, А, Г4; паки Т. 14 кози Уб. 15-17 червленоу в. на А, Т, Г4. 18 Нет О, Г1, А, Т, Г4. 19 Фалфиѡ О, Г1. 20 висать Ч, А, Т, Г4. 21 силныхъ Т; нет Г1. 22 близнецъ У. 23 поидоуть Т, У. 24 змирнѣ О, Ч, А, Г4. 25 Нет Уб. 26-27 холмомъ ливаньскымъ О, Г1; горамъ ливаньскимъ А, Т, Г4. 28 Доб. и; хлѣ ЛХХ. 29 анира О, Г1, Г3. 30 Доб. оградъ лвовъ и от горъ пардоусъ Уб. 31 истѣкающъ О, Г1, С, Уб, А, Т, Г4. 32-33 Нет (отрывокъ толкованія). 34 градъ А. 35 запечатлѣнъ Уб. 36 вѣтви О, Г1, А, Т, Г4. 37 Нет. 38 надра А, Т, Г4. 39 ливанова Г1. 39-40 Нет (отрывокъ толкованія). 41 оградъ. 42 въкореняющіиса О, Г4; вкореняющіиса В, П227, А; вкореняющіиса П81, Ч, С, Т; въкоренѣжшиса Уб. 43-45 Нет Уб. 44 прииди Г1, С; ερχου ЛХХ. 45 Нет П227. 46 на А, Т, Г4. 47 оградъ П81. 48 Доб. и О, Г1, С, А, Г4; хлѣ ЛХХ. 49-50 сниди Ч, С; κατὰ τὴν ЛХХ; вниди Уб; прииди с ним А, Т, Г4. 51 Доб. мой С; лѡ ЛХХ. 52 оградъ П81, С, Уб, А. 53 Нет. 54 плодѡвъ О, С. 55 дубнаго Г1. 56 оградъ О, Уб; градъ Г4. 57-58 и сестро и А, Г4. 59 Нет П81. 60 Нет. 61 Нет С. 62 пьете Т, Г4. 63 Нет Уб. 64 оупнетеса А, Т, Г4. 65 Нет Ч. 66 а В, П81, А. 67-68 Нет. 69-71 Нет Уб.

наа моа, голѣбце,⁷⁰ добраа моа, яко⁷¹ глава моа наполниа росы! 3. Съвлекохса⁷² с ризы моа⁷³ — како облекѣса в' ню? 4. Братъ мой посла рѣкъ свою ѿ скважнѣ,⁷⁴ и чрево мое ѡдивиса ѿ него.⁷⁵ 5. Въстаа азъ⁷⁶ ѿврѣсти братѣ моему.⁷⁷ Дверем⁷⁸ заключеном,⁷⁹ 6. ѿверзоа азъ братѣ моему. ⁸⁰Брат мой приде, дша моа изиде въ слово его.⁸¹ Възискаа его и не обрѣтохъ его, зваа его, и не послѣша мене. 7. Обрѣтоша ма стражеве, ⁸²окръжающіи град.⁸³ Побѣша ма,⁸⁴ ѡзвѣша ма,⁸⁵ възаша покровъ ѿ мене стражеве стѣнни. 8. ⁸⁶Заклаа вы, дщери Іеруслимѣ, в силах и в' крѣпости села, ⁸⁷аще ображете⁸⁸ брата моего, что възвѣстити⁸⁹ емѣ? Ико ѡзвѣлена⁹⁰ есмь⁹¹ твоею любовію!⁹² 9. Что сестра твоа⁹³ ѿ брата,⁹⁴ яко тако заклаа вы? 10. Брат мой бѣлъ и чермень, избранъ ѿ темь.⁹⁵ Избрана⁹⁶ ѿ темь.⁹⁷ 11. Глава его злата кефаць. 12. Счи его голѣбнѣ⁹⁸ на исплѣненіе вѣд, измытѣ⁹⁹ в молоцѣ,¹⁰⁰ сѣдѣшеи^{111,1} на исплѣненіи вѣд. 13. Ланитѣ его тако съсѣд вонь² арамам,³ прозѣбаючи⁴ блѣговоніе.⁵ Оустнѣ его крини⁶ каплющи, змурны полны.⁷ 14. Рѣцѣ его крѣглѣ златѣ,⁸ наплѣненѣ фарсиса. Чрево его керѣстица слонова на камени сафирѣ. 15. Лыстове его⁹ столпи мраморни, основани¹⁰ на степенез злата. Видѣ¹¹ его яко Ливанъ, избранъ¹² яко кедрі.¹³ 16. Грѣтань его сладость. Тако¹⁴ брат¹⁵ мой, тако¹⁶ ближнѣи мой,¹⁷ дщери Іеруслима! 17. Где¹⁸ иде сестра, ѿиде¹⁹ твоа добраа в женахъ?

Глава ѿ. 1. Брат мой сниде въ огородъ²⁰ мой²¹ и²² въ мѣста арамам паствити ти²³ въ огородѣхъ²⁴ и събирати родіи. 2. Азъ братѣ моему и брат мой мнѣ, пасыи на кринахъ. 3. Добра, близ мене, яко блѣговоленіе,²⁵ красно Іеруслмѣ, въ ѡжасті вчинены.²⁶ 4. Обрати очи твои право мнѣ, яко тѣ в'скрилиста²⁷ ма. Власи твои якоже²⁸ волна²⁹ козичата, 5. взидоша ѿ банѣ, всѣ близнѣствѣющи и бещадны нѣсть в нихъ. Ико вервь червлена³⁰ ѡстнѣ твои, и рѣчь твоа красна. 6. Ико скоролоупла родіи³¹ тѣблохо твое кромѣ млѣчаніа твоего. 7. Шестьдесят бѣ³² црѣць, п' наложницѣ и ѡнотѣ, имже нѣс(тѣ) числа. 9. Кто си преникаючи тако ѡтро, добра тако лѣна, избрана тако слице, въ ѡжасті тако вчинены?³³ 10. Во ѡгородѣ³⁴ сниде видѣтъ³⁵ ѡрѣхувъ, в' бытіе потока. 11. Тамо дамъ сеска твоа³⁶ тобѣ. Не раздѣмѣ дша моа, положи ма въ орѣжии на колесници аминадави. 12. Обратиса, ѡбратиса,³⁷ сѣламитнни!

Глава ѿ. 1. Что ѡкрасиша стопы твоа въ ѡбѣтъи,³⁸ дщери аминадава?³⁹ Вона бедрѣ твоею тако монисто в рѣкъ хытрыца. 2. Пѣпъ твои⁴⁰ чаша источена, не лишаема черпаніа. Чрево твое стогъ пшеници, затворена въ кринахъ в' цѣвтехъ. 3. Два сеска твоа яко двѣ жилѣ близнѣца серны. 4. Шіа твоа тако столпъ слоновъ. ⁴¹Очи твои яко езерѣ въ Есевонѣ.⁴²

⁷⁰Доб. моа. ⁷⁰⁻⁷¹Нет С. ⁷²свлекохомса А, Т, Г4. ⁷³моеа; доб. и Ч, А. ⁷⁴сквожна Уб. ⁷⁵конец О. ⁷⁶⁻⁷⁷б. м. о. В, Г4. ⁷⁷конец Ч. ⁷⁸дверь Т. ⁷⁹затвореном П227; нет Т, Г4. ⁸⁰⁻⁸¹Нет Уб. ⁸²⁻⁸³окужающи оград Г1. ⁸⁴Доб. и Г1, А, Т, Г4. ⁸⁵Доб. и Уб. ⁸⁶⁻⁸⁷Нет Г3. ⁸⁶⁻⁹²Нет В. ⁸⁷⁻⁸⁸ищете Г4; ищѣте А. ⁸⁹възвѣстите. ⁹⁰оуазвленъ Г1. ⁹¹есть П81. ⁹³наша Г1. ⁹⁴братии П81; братіа А. ⁹⁵⁻⁹⁷Нет Уб. ⁹⁶избранъ. ⁹⁷тмы Т. ⁹⁸голуби Г1; голубіе А; голубье С, Т, Г4; περστεραι LXX. ⁹⁹измыте А, Т, Г4; измы тѣло Уб. ¹⁰⁰млець Г1, Уб.

¹¹и, сѣдѣше Уб. ²Нет Г3, LXX. ³араматы Т, У. ⁴прозѣбающи Г1, Т. ⁵блѣговоленіе Т, П1. ⁶кринъ Г3. ⁷Нет Г1. ⁸злата Г1, А. ⁹и Т, Г4. ¹⁰основанъ С. ¹¹видѣ А, Г4; видѣніе Т. ¹²избранъ Г1, С, Т, Г4. ¹³кедръ А, Т, Г4. ¹⁴такои А, Г4. ¹⁵брате Г3, ¹⁶такои П81, А. ¹⁷Доб. и Г1, Т, У. ¹⁸⁻¹⁹отиде С. Г3; ἀπὸ τῶν οὐρανῶν LXX. ²⁰оградъ П81, Уб, А, Т. ²¹свои Г1, Уб, Т, У. ²²Нет Г1, Уб, LXX. ²³Нет В, П81, Г3, А. ²⁴оградѣхъ П81, Уб, А. ²⁵блѣговоніе Г1, Г3, У. ²⁶вчиненъ. ²⁷въскрилиста Г4. ²⁸яко. ²⁹стада Уб; чада С; ἀγγελα LXX. ³⁰очръвлена А, Т, Г4. ³¹роднѣ Т, П1. ³²есть Г3; εἶς LXX; нет А. ³³Доб. и А, Г4 ³⁴оградъ П81, П227, Уб, А, Т. ³⁵видѣтъ Г3, А, Т, П1; видѣтъ У; видѣти Г1. ³⁶моа. ³⁷Нет А, Т, Г4. ³⁸обутъ Г3. ³⁹Доб. и Г1, Т. ⁴⁰Доб. яко Г1. ⁴¹⁻⁴²Нет А, Т, Г4. ⁴²севонѣ Г1, Уб.

Ноздри твои яко стлѣпь Ливанскѣ, смотря лица⁴³ Дамаскѣ. 5. Глава твоя на тебе яко Кармилъ. Заплетины главы твояе яко багоръ, црѣь связанъ⁴⁴ в преристанихъ. 6. Что яко оукрасъ и что⁴⁵ ѡслади любви в пищах твоихъ? 7. Се⁴⁶ величество⁴⁷ твое: ⁴⁸ѡподобиса финикѣ⁴⁹ и сеска твоя грезномъ.⁵⁰ 8. Рѣкою: взидѣ на финикъ и ѡдержю высотѣ его, и ѡбѣдет сеска твоя яко грезновые⁵¹ винограда и вона ноздри твоихъ яко табака, и гортань твои⁵² яко вино блго, ходи⁵³ брат мой в' правости, доволенъ въ ѡстнѣ моею и въ збѣхъ. 10. Азъ братѣ моемъ и ко мнѣ возвращеніе его. 11. Прииди, брате мои, изидевъ в село, въдворивъса⁵⁴ въ в селѣхъ,⁵⁵ 12. оурани⁵⁶ в' виноградѣхъ, видивъ,⁵⁷ аще⁵⁸ процвете⁵⁹ виноградъ. Тамъ дам сеска моя тобѣ. 13. Манъдрагоръ даща воню его. ⁶⁰И при дверехъ нашихъ⁶¹ вси плодове крад дрѣва новаа до ветхыхъ, брате мои, съблюдохъ ти.⁶²

Глава и. 1. Кто⁶³ дасть ти, брате мои, съсѣща сеска мѣре моя? Обрѣтъши та⁶⁴ вѣнѣ,⁶⁵ цѣлѣю та,⁶⁶ и котѣ не ѡничижат⁶⁷ мене. 2. Обрѣимъ та и в'ведѣ⁶⁸ та в' домъ мѣре моя и в ложницю заченшю ма.⁶⁹ Напою та вина съ вонами строенаго и питіа потока моего. 3. ⁷⁰Шѣща его подѣ главою ми, деснаа⁷¹ его ѡбѣиметь ма.⁷² 4. Кладъ вы, ⁷³дѣщери Іерсмѣла,⁷⁴ в силахъ и в' крѣпости селѣхъ.⁷⁵ 5. Кто си въсходаци оубѣлена, оутвержаема ѡ брата ея?⁷⁶ И⁷⁷ ѡ табака въставихъ та,⁷⁸ тамъ роди та мѣи твоя,⁷⁹ тамъ роди та роженіа та. 6. ⁸⁰Положиша⁸¹ ма яко печатъ на срѣци моемъ, зане крѣпка яко смрѣть любви, жестоко адъ завистию.⁸² Крѣила ея ѡгнь, пламень ея.⁸³ 7. Вода⁸⁴ мнѣга не может ѡгасити любве и рѣкы не потопат ея. Аще дасть мѣжъ все свое имѣніе⁸⁵ в любви, ѡничиженіемъ ѡничижат⁸⁶ его.⁸⁷ 8. Сестра наша мала и сескѣ не имат. Творимъ⁸⁸ сестрѣ нашей? 9. Аще стѣна есть, съградимъ на неи сѣны⁸⁹ сирѣчь⁹⁰ столпы с'ребраны. Аще дверь есть, напишемъ на неи доскѣ кедровоу. 10. Азъ стѣна и сеска моя яко столпа. Азъ есмь въ очію его обрѣтаючи миръ. 11. Виноградъ быхъ⁹¹ Соломонѣ въ Еламонѣ, дасть виноградъ свои стрегѣщимъ⁹² его. 12. Виноградъ мой предъ мною: тысѣща Соломона и двѣ стѣ стрегѣтъ плодъ его. 13. Сѣди⁹³ в' виноградѣхъ⁹⁴ ѡници въпьюще. Гласъ твои ѡслышимъ. 14. Бѣгаи, брате мои, и ѡподобиса сернѣ⁹⁵ жиламъ ѡленамъ⁹⁶ на горы араматы.

2. Толкование Ипполита на Песнь песней 1.2 по списку ГБЛ, ф. 205 (ОИДР), № 171, л. 23—25 об.

И вона мюра твоего паче всѣхъ вонѣ. Мюро изльзано има твоеѣ. Т(ѣл)къ. О новаго смотреніа и чюдныхъ таинствѣ, стѣмъ дѣмъ проповѣдаемага! ¹ Не бо доволѣ рещи «мюро има твое», ² якоже бо мюро, стоа въ съсоудѣ запечатано, николиже вонѣ подаетъ, ³ а силуу въ себе иматъ,

⁴³ лице Г1, А. ⁴⁴ сказанъ Т, Г4; ска законъ А. ⁴⁵ Доб. яко А, Т, Г4. ⁴⁶ Нет Г3, П1. ⁴⁷ величїе А, Т, П1; величїствїе Уб, У. ⁴⁸ Нет Уб, У. ⁴⁹⁻⁵⁰ Нет Т, У. ⁵¹ грезновые С; грезново Г4; грозна Т; грездневе А; гроздове Г1; гряздіе Уб. ⁵² твоя Г1, Уб, А, Т. ⁵³ хотаи П81, П227. ⁵⁴⁻⁵⁵ въ весѣхъ Г3; во весехъ П1; во всѣхъ Т, А, У; в селехъ Г1. ⁵⁶ оуранивѣ Г1, Г3; *αὐλιουραίων* LXX; оуранивѣ А, Т, Г4. ⁵⁷ видѣвъ Т; видѣ Г1. ⁵⁸ а Т, Г4. ⁵⁹ процвелъ есть Г3. ⁶⁰⁻⁶² Нет Уб. ⁶¹ вашихъ А, Т, Г4. ⁶³ Нет А, Т, Г4. ⁶⁴ ма П81, А, Т, Г4. ⁶⁵⁻⁶⁶ цѣлуетъ А, Т, Г4. ⁶⁷ уничижаетъ А, Т, Г4; уничижи Г3. ⁶⁸ ведоу Г3, А, Т, Г4. ⁶⁹ мене Г1, С. ⁷⁰⁻⁷² Нет Г1, А, Т, Г4. ⁷¹ и десница Г3. ⁷³⁻⁷⁴ Іерсмѣла дщи Г1. ⁷⁴ Доб. и А, Т, Г4. ⁷⁵ села Г1, Г3, А, Т, П1; *τὸν ἀγροῦ* LXX; доб. и Т, Г4. ⁷⁶⁻⁷⁹ Нет А, У. ⁷⁷ Нет; табака подъ таиноу трапезоу възведъ положи та Т, Г4. ⁷⁸⁻⁷⁹ Нет Т, П1. ⁸⁰⁻⁸² Нет Уб. ⁸¹ положи С; *ἔς* LXX. ⁸³ Нет Г1, А, Т, Г4. ⁸⁴ Доб. и С. ⁸⁵ житїе Г3; *τὸν βίον* LXX. ⁸⁶ уничижаетъ П81, А, Т, Г4. ⁸⁷ е Т, Г4. ⁸⁸ что сътворимъ; *τί ποιήσωμεν* LXX. ⁸⁹ сны Г1, С, Т; сыны Г4, А, Уб; *ἐπάλαξις* LXX. ⁹⁰ и Г3. ⁹¹ бывъ С. ⁹² стрегущемоу Г1, А, Т, Г4. ⁹³ сѣдаше Г1, Г3. ⁹⁴ виноградѣ Уб. ⁹⁵ Доб. и Г1, А; ли Г3, Т; или Г4; *ἦ* LXX. ⁹⁶ еленимъ Г1. ¹ проповѣдаемо Ч. ² Доб. нѣ мюро изльзано има твое Ч. ³ подаваетъ Ч.

разбѣною же съсоудоу и мюроу изльяноу, красить вса, слада близь соу-
щана и дальнаа. Тако и словоу въ срѣдци очи соущоу, и не оубо про-
ишедѣ, не тако веселаше, Ѡригноувѣшу же оцю ново блгооухание, ис-
поусти слово, весела многы. О доброе блгооухание, мюроу изльяноу,
да миръ исполнити възможеть! Тѣмъ извѣща:⁴ «Мюро изльяно има
твоѣ». Ѡверзе бо са съсоудъ радости — Ѡста оча, износа ч(ь)стьное Ѡ
себе: то мюро изльаса Ѡ н(е)б(е)се въ миръ, то схода блгооухание ис-
полни вса, того всеч(ь)стьныи прркъ исполниса ликъ, всъправедныи при-
имаше, всъхытахоу всъхыщающеи! Приимаи съсоудъ, Ѡ члвче, и приходи,
да наполни възможеша! Приими мюро ч(ь)стьное, не на трехъ стѣхъ
продаемоѣ, нѣ тоуне възимаи! Не боуди Июда, да не печалью обьятъ
боудеша, нѣ погреби вѣроу Ха [ср. Колос., 2.12], да причастникъ боу-
деша! То мюро възвесели вса праведники: то възлюбивъ, Нои правденъ
быс(ть), въ кивотѣ спсаемъ, о томъ не родивъ, Хамъ⁵ оца обличи, о томъ
оукрасивъса, блжныи Юверъ не приложиса къ столпотворению, о томъ
небрѣгъ, Невродъ гигантъ житие оустри противно боу, того похотѣвъ,
бл(а)ж(ьн)ныи Аврамъ тѣщашеса Ѡ земля Халдѣискыа прити въ наслѣ-
дие, того желаша, бл(а)ж(ьн)ныи Исаакъ жертва възхотѣ быти мирѣ,⁶ то
сѣбрати коушашаса, бл(а)ж(ьн)ныи Иаковъ за патуо держаше Исава,
о томъ небрѣгъ, Исавъ первѣнчества лишиса брашна ради, то възхытити
тѣщашиса, блаженнаа Фамара сама блудница приде къ Июдѣ, то ви-
дѣвши, баба оужасъшиса въпиташе къ отрочати, червленоѣ знамение на-
ложыши [ср. Быт., 38.28], то възлюбивъ, бл(а)ж(ьн)ныи Иосифъ прѣ-
терпѣ продатиса въ Егюпетъ, того не хота лишитиса, не покориса гжи
своеи, да не ислѣненъ боудеть, и князь Егюптоу поставдѣтса, то-
моу възавидѣвъ, Моиси бл(а)ж(ьн)ныи самъ соудыа и князь Излю
быс(ть), того желаша, бл(а)ж(ьн)ныи Аронъ иерѣиствомъ помазаса, того
ревностию видѣвъ, бл(а)ж(ьн)ныи Финеосъ соулицею пронъзе блудницу
Завриу, того прѣтерпѣвъ, Іс Навъгинъ приемникъ Моисѣвъ быс(ть) и
второе обрѣзание дастъ симъ Изльвмъ, то възлюбивъ, бл(а)ж(ьн)ныи
Двдъ по с(ь)рдцю Спсовоу обрѣтаетса, того желаша, бл(а)ж(ьн)ныи Соло-
монъ моудрость вѣчноую наслѣдова, того мюра похотѣвъ, бл(а)ж(ьн)ныи
Данилъ Ѡ рова львовъ избавдѣтса, тѣмъ мюромъ хоташе помазатиса,
Ананиа, Озариа и Мисаилъ неопалени быша въ печи, то мюро възлю-
бивъ, блаженыи Иосифъ образъ бий быс(ть), томоу мюроу прилагающиса,
бл(а)ж(ьн)наа двца Мриа въ оутробѣ слово породы, то мюро възнена-
видѣвъ, Июда на л срѣбра Х(ри)с(т)а прода.

3. Анонимное толкование на Песнь песней 1.1 по списку ГБЛ, ф. 205 (ОИДР), № 171, л. 21—22 об.

Ѡилона Карпафискаго тѣлкъ Ѡ пѣснехъ пѣсни. Лѣбъжи ма Ѡ лѣбъ-
заниа оустъ своихъ. Т(ьл)къ. Не рече бо «лѣбъзаниемъ оустъ своихъ»,
нѣ «Ѡ лѣбъзаниа оустъ своихъ». Вѣща древлесоущимъ стмъ, а рекоу
къ Авелю и Юнохоу, и Ноѣви, и къ прочимъ дрѣвле стмъ патриархмъ
и прркмъ. Не не разуомѣваи же, о члвче, писаномъ разуомѣвати сихъ,
ибо «писание Ѡмерщваеть, а дхъ оживлаеть» [2 Кор., 3.6]. Лѣбъза
Авела въ приносѣ овецъ, цѣлова и сама пркы, словесьныа овца гви
свога приводаци, Адама, нѣ Авель и смерти принесе славоу, еже о лѣбъ-
зании къ гоу и оци за влѣчноу оумроша любовь. Къ Юнохови же: «Лѣбъжи

⁴и вѣща Ч. ⁵Доб. срамъ Ч. ⁶ богоу Ч.

и мене, дерзай, бл̄жнаа любь!»). Цѣлова оубо тако паче Юнохъ, имъже бо образъмъ онѣ ѿ ба̄ преложень ктомуу не обрѣтеса, тако и цр̄ки преложиса ѿ невѣры въ боразоумие велице. Обрати ѿеже къ Ноѣви вл(а)-д(ы)чне цѣлование, имъже и оуказъ кивотоу строение пригъ, всемоу бо погоублаемоу мироу. Тъ быс(тъ) пакыпоновление мироу. Нъ болюбимата цр̄ки боле паче Ноа прига цѣлование, ибо Ноа ѿ потопа съ чады дрѣвѣмъ спсасеса, цр̄ки же ѿ огньнаго потопа въ скончание съ множествомъ спсас(а)етеса дрѣвѣмъ сп(а)сенаго кр(ъ)ста. Цѣлование оно и бракъ онѣ всакоа оубо страс(ти) чюжъ естъ, всакоа же чистоты плодитель. Добръ оубо, братіа, и настоящи добрѣживоущимъ и ч(ъ)стенъ бракъ. Нъ того лѣпле двѣство. Добраа цр̄ки Хоу дароваса: «сѣчетахъ бо вы ѿдиномоу моужю, двоу чистоу прѣдъставихъ¹ Хоу» [2 Кор., 11.2]. Велиа бо и всеа вышши похвалы цр̄квѣноѣ двѣство. Ни ѿдина же бо тако двѣствова въ домоу очі, ѿкоже та двѣствова въ еуа(н)г(е)лии Павлоу, ни жена бо каа тако чистостествова ѿ многобрачениа, тако та ѿ многобжтвиа, ли излѣтскыи сборъ, всако оукорень ѿ прр̄къ. Ц(ъ)рк(ъ)вѣнии браца тлѣньныхъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ очима не видоми соуть, англмъ же и соущимъ по въскр(е)с(е)нии² видоми. И чертогоу высота, ни одръ съ исполнениемъ, нъ «нбо н(е)б(е)сноѣ» [ср. Второз., 10.14] съ неиздречеными славы покровы. Тоа невѣсты вонѣ не земныхъ цвѣтець и садовъ строение, нъ ѿ райскихъ добротъ блгооухание дш̄ь. Того чертога вѣньци не ѿ петали и вѣмалѣ красни, нъ ѿдинъ и велии и нетлѣниа вѣнецъ, ѿгоже подастъ гъ въ вѣрѣ потерпѣвшимъ. Тоа невѣсты батѣство не тѣкмо «на нбси, нъ и на земли» [ср. Матф., 6.10], и одѣние брака того, ѿже естъ крщениѣ съхраншимъ неосквернено. Цѣлование же естъ заповѣди ради съблюдати га.

¹ представить Ч. ² Доб. достойнымъ Ч.

О. В. ТВОРОГОВ

Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв.

(Статья первая)

Эта статья является первым шагом на пути решения сформулированной ранее задачи: составить каталог памятников, дошедших до нас в древнейших списках — до рубежа XIV—XV вв.¹ В данной работе рассматриваются статьи, входящие в состав четьих сборников XII—XIV вв.,² которые, за исключением Успенского, Выголексинского, а отчасти Чудовского (ГИМ, Чудовское собр., № 20) и Сильвестровского, специально не изучались. Сборники XI в. — Изборник 1073 г. и Изборник 1076 г. в данной работе привлекаются лишь в некоторых случаях.³

Данная статья содержит краткую характеристику 34 сборников XII—XIV вв., а также анализ входящих в них гомилий триодного цикла.⁴ Как мы увидим далее, анализ всего материала и сопоставление всех сборников, сохранившихся от этого периода,⁵ позволят не только выявить и описать значительную часть репертуара книжности XII—XIV вв. (произведения, дошедшие до нас в отдельных списках, в данной работе привлекаются лишь попутно), но и сделать ряд важных выводов о характере межславянских литературных связей и о направленности интересов древнерусских книжников, так как именно в сборниках неустойчивого состава в меньшей мере сказывается тот регламентированный отбор, которому подчинялись богослужебные книги, состав и структура которых определялись церковным уставом и устойчивой традицией.

В данной работе рассмотрены следующие рукописи: Выголексинский сборник (далее: Выг); Успенский сборник (далее: Усп); сборники ГБЛ: собр. Троице-Сергиевой лавры, № 2, 9, 11, 12, 34, 119, 744 и 758 (далее: Тр 2, Тр 9, Тр 11 и т. д.), собр. Беляева, № 54/М (далее: Бел), собр. МДА,

¹ Творогов О. В. Древнерусская книжность XI—XIII веков: (О Каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сб. статей к Международному съезду славистов. Л., 1983. С. 5—18. — При этом представилось целесообразным не ограничиваться XIII в., а расширить временные рамки и рассмотреть также все сборники XIV в.

² Выделение четьих сборников в какой-то мере условно. К четым мы отнесли все сборники, не имеющие специфически служебного характера. Не рассматриваются также сборники устойчивого состава: Пролог, Златоструй, Пандекты и т. д.; их анализ — это особая область исследования.

³ Об изучении этих сборников см. библиографические справки в статьях «Изборник 1073 года» и «Изборник 1076 года» в кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—сер. XIV в.). Л., 1987. С. 194—196; 196—198.

⁴ Памятники других жанров — жития, слова на праздники, дидактические поучения, апокрифы, выписки из патериков и т. д. будут рассмотрены в следующих статьях в очередных томах ТОДРЛ.

⁵ Были привлечены все рукописи, обозначенные как сборники в Предварительном списке славяно-русских рукописей. См.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР: (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 177—272 (далее: ПС).

№ 45 (далее: МДА), сборник Волоколамского собр., № 463 (далее: Вол); сборники ГИМ: Чудовского собр., № 20, 21, 22 и 23 (далее: Чуд 20, Чуд 21 и т. д.), Епархиального собр., № 369 (далее: Епарх), собр. Хлудова, № 30Д и Уварова, № 589 (далее: Хлуд и Ув 589); сборники ГПБ: № Ф.п.1.45 и О.1.59 (далее: Пб 45 и Пб 59), Ф.п.1.39 (Толстовский сборник, далее: Тол), фрагмент сборника, входящий в единый фолиант со Златоструем (Ф.п.1.46, далее: Пб 46), собр. Погодина, № 34, 66 и 716 (далее: Пог 34, Пог 66 и Пог 716), Софийского собр., № 1261, 1262 и 1365 (далее: Соф 1261, Соф 1262, Соф 1365); сборники ЦГАДА: собр. Типографской библиотеки, № 53 (Сильвестровский сборник, далее: Сильв) и собр. Саровской пустыни, № 1 (далее: Сар). Кроме того учтены фрагменты из сборника ИРЛИ, собр. Перетца, № 3 и из сборников БАН: 4.9.37, 34.7.1, собр. Археографической комиссии, № 163 и собр. Никольского, № 323.

Из рукописей, обозначенных в ПС как сборники, не привлечены к рассмотрению следующие: № 221 по ПС — так называемый Ярославский сборник (собр. Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника, № 15481, второй половины XIII в.) — весьма специфический по составу сборник молитв, функционально сходный с часословом; ⁶ № 353 по ПС — сборник ГПБ, Ф.п.1.18, содержащий толкование на Священное писание; ⁷ № 1389 (ГИМ, собр. Уварова, № 861/341), содержащий службы святым; № 1468 (ГПБ, Софийское собр., № 97), богослужебный сборник, содержащий стихиры и «Чин святого пятка»; № 1469 и № 1470 — служебные минеи ГПБ, Софийского собр., № 383 и 397.

Обратимся к краткой характеристике сборников, расположив их в том порядке, в каком они помещены в ПС.

1. (ПС, № 62). Выголексинский сборник — рукопись ГБЛ, Музейное собр., № 1832, конца XII в. По мнению исследователей, сборник галицко-волынский по месту написания. Сборник издан; издание текста сопровождается подробным обзором истории изучения рукописи и обстоятельным палеографическим анализом.⁸ Сборник содержит два жития — Нифонта Констанцкого и Феодора Студита.

2. (ПС, № 95). Рукопись ГПБ, Ф.п.1.46, XII в., содержит Златоструй краткой редакции и отрывок сборника (на л. 64—113 и 196—198). Выделение этого сборника принадлежит И. И. Срезневскому, он же назвал этот фрагмент «отрывками из торжественника, сборника сказаний и поучений на праздники».⁹ Термин «торжественник» употреблен здесь в широком значении, и генетических связей рассматриваемого фрагмента с торжественником как особым типом сборника устойчивого состава¹⁰ не существует.

Состав фрагмента следующий: Слово о богатом и Лазаре (без начала).¹¹

⁶ См.: Барсов Е. В. Харатейный сборник XIV в. молитв Кирилла Туровского // Труды 7-го Археологического съезда в Ярославле. М., 1892. Т. 3. С. 46—51; Сперанский М. Н. Ярославский збірник XIII в. // Науковий збірник за рік 1924. Київ, 1926. С. 29—36.

⁷ Его описание см.: Лавровский П. А. Описание семи рукописей имп. С.-Петербургской публичной библиотеки. М., 1859. С. 17—24 (отд. оттиск из ЧОИДР. 1859. Кн. 4); см. также: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. 1910. Т. 88. № 3. С. 48—54.

⁸ Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольщенко. М., 1977. См. также: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.). М., 1984. С. 146—147.

⁹ Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. № 22. С. 18—23.

¹⁰ См.: Черторицкая Т. В. 1) Древнерусский литературный сборник «Торжественник»: (Историко-типологическая характеристика) // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1978. С. 18—28; 2) О начальных этапах формирования древнерусских сборников Златоуст и Торжественник (Триодного типа) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 96—114.

¹¹ Исследование и издание текста этой статьи см.: Срезневский И. И. Сведения и заметки. . . № 23.

текст сходный со статьей в сборнике Тр 12 (л. 64),¹² затем чудеса Николая Мирликийского: о трех мужах, о Димитрии, о Семиионе, об Агрике, о Николе, о Христофоре попе, о сарацинине и о Петре (л. 66),¹³ Мучение трех отроков и пророка Даниила (л. 76), Слово на Рождество (л. 78 об.), память Стефана Первомученика (л. 80), Слово о Ироде и о младенцах, избитых им (л. 83 об.), Чудо Василия Великого о прельщенном отроке и девице (л. 85 об.), Слово о Ефреме Сирине (л. 87 об.), Слово Василия Великого о Анастасии пресвитере и о жене, прощенной от греха (л. 89), Слово Иоанна Златоуста на Богоявление (л. 91), Мучение Феодора Тирона (л. 93), Мучение 40 мучеников (л. 95), Житие Алексея человека божьего (л. 98, без начала),¹⁴ Слово Иоанна Златоуста на Благовещение (л. 100), Похвала Иоанна Богослова о четверодневном Лазаре (л. 102 об.), Слово Иоанна Златоуста в Светлую неделю (л. 104), Слово Иоанна Златоуста на Пасху (л. 106), Поучение на Пасху (л. 107), Слово на рождество Иоанна Предтечи (л. 108), Сказание об апостолах Петре и Павле (л. 110 об.), Житие пророка Ильи (л. 113 об.). На л. 196—198 находятся Слово на Преображение (только конец), фрагмент Слова на Успение богородицы¹⁵ и фрагмент из Сказания о Борисе и Глебе.

Пб 46 — типичный сборник смешанного состава, хотя в последовательности статей можно уловить некоторую хронологическую организованность: чудеса Николая Мирликийского приурочены обычно к 6 декабря, Мучение Даниила — к 17 декабря, Слово на Рождество — к 25 декабря, память Стефана Первомученика — к 27 декабря, и так до Слова на Благовещение (25 марта), после чего следуют гомилии пасхального цикла и Слово на рождество Иоанна Предтечи, приуроченное к 7 июля. Но скорее всего эта хронологическая упорядоченность сборника — лишь следствие календарного характера источника.

3. (ПС, № 141). Успенский сборник — рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 1063/4 (под № 4 рукопись входила в собрание Успенского собора, конца XII—начала XIII в. Общепринятая локализация рукописи отсутствует: одни исследователи считают, что она написана в Киеве, другие — что в северо-восточной Руси (Ростове или Владимире). Сборник издан. Издание текста сопровождается обзором истории изучения и подробным палеографическим анализом.¹⁶

Состав Усп сложный. Первая половина сборника занята житиями и примыкающими к ним тематически памятниками (Похвальное слово Кириллу и Мефодию, послания Поливия и Савина об Епифании Кипрском), открывается сборник апокрифической повестью об Авимелехе. Во второй части сборника лишь два повествовательных памятника — апокрифическое Хождение Агапия и Житие Авраамия. Все остальные статьи — гомилии, приуроченные к Страстной неделе, Пасхе и послепасхальным неделям. Завершают сборник выписки из сочинений Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Так как большая часть житий в Усп посвящена святым, память которых приходится на май месяц, сборник в его агиографической части счи-

¹² Здесь и далее указывается лист, на котором начинается статья.

¹³ Эти статьи исследованы и частично изданы. См.: Срезневский И. И. Сведения и заметки. . . № 32.

¹⁴ Эта статья исследована и издана. См.: Срезневский И. И. Сведения и заметки. . . № 31.

¹⁵ Текст Поучения на Пасху издан: Соболевский А. И. Из области древней славянской проповеди // ИОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 50—52; фрагмент Слова на Успение богородицы исследован и издан И. И. Срезневским (Сведения и заметки. . . № 38).

¹⁶ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. На издание появился ряд рецензий: Т. И. Кандауровой (Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 142—145), Н. А. Мещерского (ИОЛЯ. 1972. Т. 31, вып. 4. С. 378—382), Л. Г. Панина (Русский язык в школе. 1972. № 2. С. 111—113). См. также: От публикаторов «Успенского сборника» // ИОЛЯ. 1972. Т. 31, вып. 4. С. 381—382.

тали майской четвьей минеей. Но наличие второй — гомилетической — части, а также присутствие в Усп апокрифических сочинений указывают скорее на то, что майской минеей был, видимо, лишь один из источников сборника, равно как календарный сборник триодного типа послужил источником второй его части.¹⁷

4. (ПС, № 143 и 144). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12 и фрагмент из него: ГБЛ, собр. Ундольского, № 963, конца XII — начала XIII в.¹⁸ В начале сборника Тр 12 несколько дидактических и эпидейктических гомилий («о суетном житии», «о причащении», поучения Климента Охридского на праздники), затем следует апокрифическое «Хождение Богородицы по мукам», а далее статьи учительного-дидактического характера. Среди них значительное место занимают выписки из Пандектов Антиоха (л. 64—157 об.),¹⁹ «Андриатис» Иоанна Златоуста (л. 158—174 об.) и «Стословец» Геннадия. Как видим, составителя сборника интересовали по преимуществу вопросы нравственного и духовного воспитания.²⁰

5. (ПС, № 352). Сборник ГПБ, Ф.п. I.39 (в литературе его часто именуют «толстовским»), XIII в. Сборник описан и исследовался.²¹ Напомним его состав. Большую часть его занимают слова Кирилла Туровского: «о Фомине испытании ребр господень», «о мироносицах», «о расслабленном»; затем следует «Поучение в неделю 5 по Пасхе», которое некоторые исследователи также атрибутируют Кириллу, и далее — вновь бесспорно принадлежащие этому автору слова «о слепце», «на Пасху» и «на собор святых отец». Затем читаются поучение на пятидесятницу, «Слово о премудрости», Слово Иоанна Златоуста на Рождество, апокрифическое «Сказание Афродитиана», повесть о перенесении нерукотворного образа Христа из Эдессы в Константинополь, Слово о Василии Великом и, наконец, Оглашение Кирилла Иерусалимского.

Перед нами сборник смешанного состава, в котором после цикла гомилий на послепасхальные недели следует ряд статей, в большинстве своем не имеющих календарной приуроченности.

6. (ПС, № 523). Рукопись ГБЛ, Волоколамское собр., № 463 — сербский список Лествицы Иоанна Синайского с добавлением русских статей (написанных на рубеже XIV—XV вв.): «Толкование неудобь познаваемым

¹⁷ Обстоятельное постатейное описание сборника было осуществлено А. Н. Поповым (П о п о в А. Библиографические материалы. 1. Описание сборника русского письма конца XII века // ЧОИДР. 1879. Кн. 4). О составе сборника см. также: Б л а г о в а Э. 1) Гомилии Супрасльского и Успенского сборников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 77—87; 2) Обзор греческих и латинских параллелей к Успенскому сборнику XII—XIII вв. // ИОЛЯ. 1973. Т. 32, вып. 3. С. 271—274; А ф а н а с ь е в а Е. В., Ш в а р ц Е. М. Заметки к тексту Успенского сборника // Вестник ЛГУ. 1977. № 8. Сер. История, язык, литература. Вып. 2. С. 145—146. — Обзор работ о языке сборника см.: Д е м ь я н о в В. Г. Из истории изучения языка Успенского сборника XII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 79—87.

¹⁸ См.: Т и х о м и р о в Н. Б. Каталог. . . Ч. 3, дополнительная (XII и конец XII—начало XIII в.) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1968. Вып. 30. С. 93—98, 125—127. См. также: С р е з н е в с к и й И. И. Сведения и заметки. . . XL—LXXX. СПб., 1876. № 52.

¹⁹ В Тр 12 вошли главы 4, 5—7, 10, 11, 17, 18, 21, 23—27, 32—36, 46, 49, 61—69, 71—74, 81, 83, 84, 89—91, 93—96, 104—106, 126—128 и 130, но в сборнике они следуют вразнобой. Отметим, что Пандекты Антиоха известны также в списке ГИМ, Воскресенское собр., № 30, XI в.

²⁰ Постатейное описание сборника см.: [И л а р и й и А р с е н и й]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 1 // ЧОИДР. 1878. Кн. 2. С. 19—22; также в кн.: Сводный каталог. С. 178—182.

²¹ Постатейное описание см.: Обстоятельное описание славяно-русских рукописей. . . графа Федора Андреевича Толстова / Издали К. Калайдович и П. Строев. М., 1825. С. 4—5 (далее: Калайдович и Строев); см. также: Л а в р о в с к и й П. А. Описание семи рукописей. . . С. 42—46.

в писаниях», фрагмент из Вопросов и ответов Анастасия Синайского и Афанасия Александрийского, «Главизны» Макария.²²

7. (ПС, № 768). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 744, последней трети XIV в. Сборник постатейно описан.²³ Он содержит Житие Пахомия Великого, учительные слова Симеона Нового Богослова, Слово Иоанна Дамаскина на Благовещении и Елифания Кипрского о погребении тела Иисуса Христа, приуроченное обычно к субботе Страстной недели, и др. статьи.

8. (ПС, № 776). Рукопись ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 119; в составе ее: Апокалипсис, Житие Иоанна Богослова и толкование Ипполита, папы римского, на Откровение Иоанна Богослова.²⁴

9. (ПС, № 851). Сборник ГБЛ, собр. Беляева, № 54/М, конца XIV или начала XV в. Имеется его постатейное описание.²⁵ В сборнике мы находим многочисленные выписки из патериков, учительные слова, памятники, связанные с памятью Димитрия Солунского, апокрифическую повесть о Макарии Римском, два жития — Иоанна Милостивого и Пелагеи Блудницы. Это также сборник смешанного состава, при этом можно говорить о преобладании в нем памятников повествовательного характера.

10. (ПС, № 854). Сборник ГИМ, Чудовское собр., № 23, конца XIV в. Постатейного описания сборник не имеет.²⁶ Он содержит переводные жития: Иоанна Богослова (л. 2) с дополнением фрагмента из толкования Ипполита, папы римского, на Апокалипсис (л. 35 об.), Саввы Освященного (л. 36 об.), Стефана Нового (л. 84 об.), Антония Великого (л. 106 об.), Галактиона и Епистимии (л. 137), Иакова Перского (л. 144) и Григория Акраганского (л. 148 об., конец утрачен).

11. (ПС, № 855). Сборник ГИМ, Чудовское собр., № 22, конца XIV в. Сборник также не имеет постатейного описания.²⁷ В его составе: Житие Иоанна Златоуста, со сказанием «О возвращении тела Иоанна в Царьград», Слово Иоанна Златоуста «яко все нас дѣла створи бог и. . . отда нас дѣля и посади ны одесную» (л. 110), Слово Иоанна Златоуста «о ядении и о пьяницах и о сребролюбцах» (л. 115), Слово Кирилла Александрийского «о страсть божьи и о любви» (л. 120 об.), Слово Симеона Месопотамийского «како подобает имѣти во умѣ день исхода» (л. 122), Слово Феофила Александрийского «о исхоженьи души» (л. 123), слова Ефрема Сирина «о суде» и «о покаянии» (л. 124), Слово о Иове (л. 129), статья «Речь жидовскаго языка преложена на русскую речь» (л. 131 об.), «Пословки лествичне» (л. 133) и статья «о церковном устроении». Перед нами снова сборник смешанного состава, в котором присутствуют и жития, и дидактические гомилии, и даже лексикографические статьи.

12. (ПС, № 856). Сборник ГИМ, Чудовское собр., № 20, конца XIV в. Этот один из интереснейших сборников XIV в. имеет подробное постатейное описание, сделанное А. Н. Поповым, который не только издал ряд статей сборника, но и осуществил в некоторых случаях сравнение текстов, входящих в Чуд 20, с другими списками тех же памятников.²⁸

Состав сборника сложен. Чуд 20 определяли как соединение «Торжественника» со «Златоустом», имея в виду сочетание в нем агиографических

²² См.: И о с и ф. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 79—80.

²³ [И л а р и й и А р с е н и й]. Описание. . . Ч. 3 // ЧОИДР. 1879. Кн. 2. С. 136—137.

²⁴ Там же. Ч. 1. С. 87.

²⁵ В и к т о р о в А. Е. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 37—42.

²⁶ См.: Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 15. — Приводимые в статье сведения о составе сборников Чудовского собрания № 21, 22 и 23 сообщены мне А. А. Туриловым, которому приношу глубокую благодарность.

²⁷ См.: Описание рукописей Чудовского собрания. С. 14—15.

²⁸ См.: Сборник № 20 Московского Чудова монастыря / Напечатал В. Щеткин в составе работы «Библиографические материалы А. Н. Попова» // ЧОИДР. 1889. Кн. 3. № 20.

текстов с гомилиями.²⁹ Но думается, что подобное наименование приводит к терминологическому смешению сборника индивидуальной структуры, каким является Чуд 20, со сборниками устойчивой структуры, сформировавшимися, как показывают наблюдения Т. В. Черторицкой, лишь в XV в. Тем не менее календарная организация материала в сборнике Чуд 20 прослеживается. На л. 1—92 начиная с первой статьи сборника — «Житие Симеона Столпника», которая приурочена к 1 сентября, и до «Сказания о Борисе и Глебе» (24 июля) статьи следуют в календарном порядке. На л. 92—108 об. помещены статьи, приуроченные к 6 октября, 25 ноября и 20 сентября. С л. 109 начинаются новый почерк³⁰ и новый цикл статей на праздники солнечного календаря: статьи могут быть приурочены к 6 и 15 августа, 25 декабря, 6 января, 2 февраля, 9, 17 и 25 марта. Третий цикл статей занимает л. 160 об.—225. Это гомилии, приуроченные к предпасхальным неделям начиная с недели мытаря и фарисея до Пасхи и на послепасхальные недели — Фомину, Мироносиц и т. д., вплоть до недели «всех святых». Далее следуют несколько статей, не имеющих последовательности в календарной приуроченности: «Слово о изгнании Иоанна Златоуста», «Слово о ризе Богородицы во Влахерне», Мучение Георгия и т. д. С л. 260 начинается новый почерк. В этой части сборника помещены жития, учительные слова, дидактические повести. Перед нами, таким образом, сборник, составленный на основе нескольких сборников более или менее определенного состава: минейного житийного сборника, триодного гомилетического сборника и др. Этим и объясняется видимость календарной организованности сборника Чуд 20.

13. (ПС, № 857). Сборник ГИМ, Чудовское собр., № 21, конца XIV в. Сборник имеет только краткое описание.³¹ Он содержит по преимуществу дидактические поучения. На л. 2—40 находятся поучения о покаянии, «втором пришествии», о трудолюбии, против «лихоимания». На л. 40—47 об. подборка из сорока кратких изречений (об Адаме, о Еве, о книгах, о доброте, о богатстве, о гневе и т. д.), объединенных под заглавием «Избор, избранный Иоаном Златоустом и сказан вкратце». На л. 47 об.—95 об. — дидактические слова, надписанные именам Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Ефрема Сирина. На л. 95 об.—103 и 108 об.—135 — выписки из патерика. В сборнике много выписок из «Хроники Георгия Амартола» (л. 161 об.—174 об., 223—224, 227—230 и др.), но сделаны они не в той последовательности, в какой этот текст расположен в «Хронике». Сборник не имеет четкой композиции — скорее всего это подборка различных выписок «для себя», хотя преимущественный интерес его переписчика или заказчика к темам нравственности и христианской морали несомненен.

14. (ПС, № 858). Сборник ГПБ, О.1.59, XIV в. Имеет краткое постатейное описание.³² В его составе поучения Иоанна Дамаскина, Петра Дамаскина, Максима Исповедника, Феодора Эдесского и других богословов. Фрагмент из жития Антония Великого.

15. (ПС, № 1200). Сборник ГИМ, собр. Уварова, № 589/1770, XIV в. Сборник имеет подробное постатейное описание.³³ В сборнике нет жанрового и композиционного единства: первые 190 листов (из 306) занимают учительные слова и поучения, на следующих 90 листах находятся гомилии триодного цикла (от недели мытаря и фарисея до седьмой недели после Пасхи, если считать приуроченным к этому дню Слово Кирилла Туровского об отцах Никейского собора). На последних двадцати листах вновь находим дидактические поучения и среди них апокрифическое Слово Иоанна Солунского на преставление Богородицы.

²⁹ Там же. С. V.

³⁰ О почерках, которыми написан сборник, см.: Там же. С. VI—XXIV.

³¹ Описание рукописей Чудовского собрания. С. 14.

³² Обстоятельное описание славяно-русских рукописей. . . С. 580—581.

³³ [Л е о н и д, а р х и м.]. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 7—12.

16. (ПС, № 1204). Сборник ГИМ, собр. Хлудова, № 30 Д, XIV в. Сборник имеет постатейное описание, причем часть входящих в него памятников при этом издана.³⁴ В составе сборника «Стословец» патриарха Геннадия, учительные слова, несколько слов триодного цикла (приуроченных к неделе мытаря и фарисея, неделе о блудном, а также на воскресные дни 1—6 недель поста, на четверг Страстной недели и на Пасху). Затем читаются апокрифическое «Слово Иеремии о древе честном и о возвещении святой Троицы», церковно-канонические статьи (в числе их «Правила» Ильи, архиепископа Новгородского), «Слово похвальное архангелам Михаилу и Гавриилу» Климента Охридского, поучение Моисея о безвременном пьянстве, атрибутируемое А. И. Соболевским (вопреки описавшему рукопись А. Попову) Моисею, архиепископу новгородскому (ум. 1187 г.).³⁵

17. (ПС, № 1203). Сборник ГПБ, собр. Погодина, № 71 б, XIV в. Печатного описания сборник не имеет. По составу он является сборником житий: в него входят жития Саввы Освященного, Илариона Великого, Антония Великого, Евфимия Великого, Елифания Кипрского, Иоанна Милостивого, Сильвестра, чудеса Спиридона Тримифунтского.

18. (ПС, № 1214). Сборник ЦГАДА, собр. Саровской пустыни, № 1, конца XIV—начала XV в. Печатного описания сборник не имеет. Искренне благодарю В. В. Калугина, любезно сообщившего мне сведения о его составе. В сборник входят толкования на евангельские тексты, «Избор, избранный Иоаном Златоустом», поучения и слова Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Афанасия Великого, Григория Нисского, памяти Ирины и Феофании, выписки из патериков. Примечательно, что 20 статей сборника (из 30) читаются также в составе сборника Чудовского собр., № 21.

19. (ПС, № 1223). Рукопись ГПБ, Ф.п.1.45, XIV в. Рукопись эта — конволют: основная часть ее — список «Паренесиса» Ефрема Сирина, а первые 18 листов — фрагмент сборника. В его составе Слово Анастасия Синаита о шестом псалме, гомилии на понедельник, вторник, среду и четверг сыропустной недели, затем слова Иоанна Златоуста «о ведре и о казнях божиих», о посте, о «лживых пророках и лживых учителях», Слово Феогноста чернеца в субботу сыропустную и Слово Иоанна Златоуста о покорении и о благодати (без конца). Итак, большую часть сборника (вернее, сохранившейся его части) занимают слова на сыропустную неделю, вообще редко встречающиеся в календарных триодных сборниках (см. ниже).

20. (ПС, № 1209). Сборник ЦГАДА, Типографское собр., № 53, XIV в. Это знаменитый Сильвестровский сборник XIV в., новгородский по происхождению;³⁶ он имеет постатейное описание (с публикацией фрагментов статей), сделанное И. И. Срезневским.³⁷ Сборник этот — конволют. Первый его компонент содержит фрагмент из Толковой палеи, второй — текст житий Симеона Столпника и Филарета Милостивого, третий — остальные статьи: Мучение Евстафия, Чудо в Эдессе исповедников Амоны, Гурия и Авивы, Житие Иисусы, апокрифическое Послание Пилата к Тиверию, Чтение о Борисе и Глебе Нестора, анонимное «Сказание о Борисе и Глебе», апокрифическую «Книгу откровения Авраама», Покаяние Киприана и сказание о Киприане и Устине. Сборник, если не считать фрагмента из Палеи и Покаяния Киприана, составляют исключительно повествовательные памятники: жития, чудеса, апокрифические легенды.

³⁴ Попов А. Первое прибавление к Описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875. С. 25—57.

³⁵ Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. 1. Слова отца Моисея // ИОРЯС. 1912. Т. 17, кн. 3. С. 77—80.

³⁶ Поповский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорные пергаменные рукописи Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 38—39.

³⁷ См.: Срезневский И. И. Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский сборник XIV в. СПб., 1860. С. VIII—XXIII; см. также: Орлов А. С. Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1895. Ч. 1, вып. 1. С. 1—13.

21. (ПС, № 1302). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 2, XIV в. Сборник описан.³⁸ В его состав входят отдельные библейские книги (Иисуса Навина, Судей, Руфь, Есфирь), мелкие «энциклопедические» статьи (о летоисчислении, перечень народов, толкование слов); завершает сборник «Притча о дворе и змие» Христофора Александрийского.

22. (ПС, № 1324). Сборник ГБЛ, собр. МДА, № 45, XIV в. Сборник имеет печатное описание.³⁹ В его составе Житие Феодора Эдесского, «Главы добродетельные» и «Повесть Аммония мниха о убиенных святых отцах в Синае и Раифе».

23. (ПС, № 1325). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 34, рубежа XIV—XV вв. Сборник описан.⁴⁰ В его составе жития Евфимия Великого, Епифания Кипрского (с посланиями Поливия и Савина), Иоанна Кущника и Марии Египетской.

24. (ПС, № 1327). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 11, рубежа XIV—XV вв., известный в литературе как «Златая чепь». Сборник описан.⁴¹ Большая часть его занята дидактическими поучениями. Среди статей сборника четыре слова Серапиона Владимирского, Повесть Кирилла Туровского «о белоризце человеке и о мнишестве», Слово Евсевия Александрийского «о шестивии Иоанна Предтечи в ад», «Столонец» Геннадия. В этой части сборника встречаются и отдельные гомилии на Страстную пятницу и на Пасху, а начиная с л. 102 следует цикл гомилий от недели мытаря и фарисея до воскресения пятой недели поста. Затем читается Слово Кирилла Туровского на вербницу.

25. (ПС, № 1382). Сборник ГБЛ, собр. Румянцева, № 357, рубежа XIV—XV вв. Сборник описан, но краткое его описание⁴² не раскрывает полностью содержания. Сборник содержит множество поучений Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского и других авторов, ряд анонимных поучений, большое число выписок из патериков.

26. (ПС, № 1384). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9, рубежа XIV—XV вв. Сборник описан.⁴³ Тр 9 в наибольшей степени, чем другие рассматриваемые здесь сборники, отвечает нашим представлениям о структуре календарного сборника триодного типа. Он содержит полный набор гомилий, приуроченных к дням от недели мытаря и фарисея до недели «всех святых». Лишь после л. 141 следуют статьи, нарушающие этот календарный принцип: гомилия на первую неделю поста (иная, чем в основной части сборника), Слово на перенесение «образа господня», Житие Алексея человека божьего, Житие и сказание о чудесах Николая Мирликийского, память на перенесение его мощей и Похвала на перенесение мощей, а затем еще четыре гомилии из триодного цикла — два слова на Цветную (Вербную) неделю, слова на понедельник и пятницу Страстной недели. Если статьи, помещенные после л. 141, рассматривать как позднейшее добавление к сборнику (хотя эта часть написана тем же почерком), то основная часть Тр 9 может действительно рассматриваться как древнейший древнерусский список сборника, подобного «Златоусту» — календарному сборнику, сформировавшемуся в XV в.⁴⁴ Но обращает на себя

³⁸ См.: [И л а р и й и А р с е н и й]. Описание. . . Ч. 1. С. 1—2.

³⁹ См.: Л е о н и д, а р х и м. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. С. 15.

⁴⁰ См.: [И л а р и й и А р с е н и й]. Описание. . . Ч. 1. С. 40.

⁴¹ См.: Там же. С. 15—18.

⁴² См.: В о с т о к о в А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 507—508.

⁴³ См.: [И л а р и й и А р с е н и й]. Описание. . . Ч. 1. С. 11—14.

⁴⁴ См.: Г о р с к и й А. О древних словах на святую четиырдесятницу // Прибавления к изданию творений св. отцов в русском переводе. М., 1858. Ч. 17. С. 34—64 (в этой работе Тр 9 ошибочно назван Троицким сборником № 10); О р л о в А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905 (ПДПИ, № 158). С. 6—7.

внимание тот факт, что подавляющее большинство статей Тр 9 не вошли в традиционный состав будущих «Златоустов». Этот вопрос будет подробно рассмотрен ниже. В заключение обзора Тр 9 отметим, что многие статьи, входящие в его состав, были изданы по этой рукописи; сведения об изданиях будут приводиться при анализе статей сборника.

27. (ПС, № 1385). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 13, рубежа XIV—XV вв. Сборник описан.⁴⁵ В его составе дидактические слова и поучения, два апокрифических слова на Успение богородицы — Иоанна Солунского и Иоанна Богослова.

28. (ПС, № 1386). Сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 758, рубежа XIV—XV вв. Сборник описан.⁴⁶ В рассматриваемой части до л. 182 (вторая половина сборника написана в XV в.) читаются дидактические поучения, фрагменты из патериков, а также Мучение Уара, Мучение Анастасии, «Повесть Аммония мниха об убиенных святых отцах в Синае и Раифе» и Житие Мартинаиана.

29. (ПС, № 1388). Сборник ГИМ, Епархиального собр., № 369, рубежа XIV—XV вв. и XV в. Сборник не имеет печатного описания. В составе его Житие Артемия Великомученика, слова Кассиана Римского, Повесть Аммония об убиенных отцах в Синае и другие памятники учительного характера. Ряд статей сходен со статьями сборника ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 756.

30. (ПС, № 1436). Сборник ГПБ, собр. Погодина, № 34, рубежа XIV—XV вв. Сборник имеет только машинописное описание. Он содержит фрагмент «Лествицы» Иоанна Синайского и Слово Максима Исповедника.

31. (ПС, № 1467). Сборник ГПБ, собр. Погодина, № 66, рубежа XIV—XV вв. Сборник имеет только машинописное описание. В его составе Беседа Василия Великого на евангельский текст, слова Ефрема Сирина, анонимные дидактические поучения, жития Марка Афинского и Антония Нового, фрагменты из патериков, апокрифическое слово Епифания Кипрского «о погребении тела Иисуса Христа и об Иосифе Аримафейском».

32. (ПС, № 1471). Сборник ГПБ, Софийского собр., № 1365, рубежа XIV—XV вв. Сборник описан.⁴⁷ В его составе Повесть о Варлааме и Иоасафе, Киево-Печерский патерик Феодосиевской редакции, Слово похвальное Михаилу Черниговскому. Затем следуют гомилии триодного цикла на дни от Федоровой недели до недели «всех святых», а после них — дидактические поучения, гомилии на день рождества Иоанна Предтечи, «Повесть Аммония мниха об убиенных святых отцах в Синае и Раифе», Житие Мартинаиана.

33. (ПС, № 1472). Сборник ГПБ, Софийского собр., № 1261, рубежа XIV—XV вв. Печатного описания сборник не имеет. Он содержит ряд гомилий триодного цикла: открывается словом о расслабленном, приуроченным к 3-й неделе после Пасхи, затем следуют гомилии на 4-ю и 5-ю недели, Поучение Климента Охридского на Вознесение, приуроченное к четвергу 6-й недели, слово об отцах Никейского собора, приуроченное к воскресному дню той же недели, Поучение на пентикостие. Однако далее следуют статьи, в расположении которых отсутствует календарная приуроченность: это поучение на неделю мясопустную, слово на рождество Иоанна Предтечи, Похвальное слово апостолам Петру и Павлу, слово об апостоле Андрее, Похвальное слово пророку Илье, слово на Преображение, апокрифическое слово Иоанна Богослова на Успение богородицы, дидактические слова, три сказания о чудесах Николая Мирликийского.

34. (ПС, № 1473). Сборник ГПБ, Софийского собр., № 1262, рубежа XIV—XV вв. Печатного описания сборник не имеет. Он содержит в основ-

⁴⁵ См.: [Иларий и Арсений]. Описание. . . Ч. 1. С. 22—23.

⁴⁶ См.: [Иларий и Арсений]. Описание. . . Ч. 3. С. 162—164.

⁴⁷ Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. С. 51—54.

ном учительные статьи. Кроме того, в него входят Притча о слепце и хромце Кирилла Туровского, его же слова на Пасху и «о Фомине испытании ребр господень», слова Иоанна Златоуста, Анастасия Синайского, Григория Богослова, статьи, направленные против язычества, «Власфия» — компилятивное сочинение, обличающее ереси и нарушения церковных правил. Сборник не имеет печатного описания, но состав его рассматривался в специальных исследованиях,⁴⁸ отдельные статьи публиковались Макарием, Н. С. Тихонравовым, Г. Гальковским, С. И. Смирновым. Язык сборника как памятника псковской письменности анализировался Н. М. Каринским.⁴⁹

* * *

Мы кратко рассмотрели 34 сборника XII—XIV вв., состав которых представит богатый материал для каталога памятников древнерусской книжности, дошедших до нас в древнейших рукописных списках. Поэтому теперь мы перейдем к систематическому обзору статей перечисленных выше сборников, распределив их для удобства анализа на жанровые группы: гомилии триодного цикла, жития, выписки из патериков, апокрифы, дидактические поучения и т. д. Материал, извлекаемый из сборников, позволит не только получить представление о каждой из входящих в их состав статей, но даст основания и для выводов более общего характера.

Уже из приведенного выше краткого описания сборников можно заключить, что среди них нет специфически богослужебных, и поэтому мы можем подходить к ним как к своего рода свидетельствам определенных интересов древнерусских книжников, формировавших эти сборники по своему усмотрению.

Одновременно мы пытаемся, анализируя состав древнерусских сборников, установить тип и характер тех сборников (видимо, южнославянских), которые послужили им источниками. Еще одна задача — выяснить характер преемственности между сборниками, составленными до рубежа XIV—XV вв., и сборниками последующего периода. Это направление исследования особенно продуктивно на материале сборников, содержащих гомилии великопостного (триодного) цикла, так как мы можем сравнить их, с одной стороны, с календарными сборниками устойчивого состава — «Златоустами» и триодными «Торжественниками», которые формируются в XV в., а с другой — с древнейшими болгарскими гомилиями, с которыми наши сборники, как будет показано далее, имеют весьма тесные связи.

Гомилии триодного (великопостного) цикла

Всего в сборниках XII—XIV вв. обнаружено более 70 гомилий триодного цикла, т. е. приуроченных к дням от недели мытаря и фарисея и до недели «всех святых». Особый интерес представят те сборники, где такие гомилии подобраны в определенной последовательности и покрывают хотя бы часть всего великопостного цикла.

Рассмотрим все гомилии триодного цикла, расположив их в календарном порядке. О каждой статье сообщается минимально необходимая информация. Во-первых, приводятся начальные слова гомилии с указаниями на наиболее существенные варианты. Инципиты приводятся по тому сборнику, который указан первым в следующем далее перечне.⁵⁰ Во-вторых,

⁴⁸ Седелников А. Д. Следы строгольнической книжности // ТОДРЛ. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 131—136; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960. С. 13—34.

⁴⁹ Каринский Н. Язык Пскова и его области. СПб., 1909. С. 129—139.

⁵⁰ Текст инципитов приводится с некоторыми орфографическими упрощениями: заменены на современные буквы ѡ, Ѡ, ѡ, ѡ, опущен конечный «ъ», раскрыты титла, выносные буквы внесены в строку.

сообщается о том, в каких сборниках, из числа рассматриваемых в статье, и на каком листе начинается текст данной гомилии. В-третьих, сообщается о всех публикациях этой гомилии по упомянутым здесь спискам,⁵¹ а также о ее исследованиях, если таковые существуют. Лишь один элемент мы позволяем себе унифицировать — это название гомилии; оно заменяется указаниями на день, к которому гомилия приурочена, на автора, известного нам или предполагаемого (в последнем случае имя заключается в скобки). В тех случаях, когда гомилия приписывается Иоанну Златоусту, но принадлежность ему не установлена, имя автора вообще не указывается.⁵² Могут быть приведены и другие элементы самоназвания статьи, если они помогают ее идентификации.

Так как наиболее полный подбор гомилий мы находим в сборнике Тр 9, именно этот сборник, когда это возможно, мы принимаем за основной, т. е. по нему приводятся инципиты и по нему цитируются начальные слова.

1. Слово в неделю о мытаре и фарисее. Нач.: «Придѣте убо днесь, братие, послушавше божественаго гласа Христова. . .»⁵³ (Тр 9, л. 1; Чуд 20, л. 160 об.; Ув 589, л. 192; Хлуд, л. 25; Тр 11, л. 102). Текст по Тр 9 (начало — по Тр 11) издан Е. В. Петуховым.⁵⁴ Существует предположение, что это русское сочинение. Ср. Гранстрем, № 85.

2. Слово в неделю о блудном. Нач.: «Възлюблении, послушайте самого Христа, о покааньи учаща нас. . .» (Тр 9, л. 2 об.; Чуд 20, л. 161 об.; Ув 589, л. 193 об.; Хлуд, л. 27; Тр 11, л. 103 об.). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 4—7. Ср. Гранстрем, № 26.

3. Слово (Климента Охридского) в неделю мясопустную («о втором пришествии. . . и о Страшном суде»). Нач.: «Се приближися, братие, время покаанию; се настаютъ денье оцѣщению. . .» (Тр 9, л. 4 об.; Чуд 20, л. 163; Ув 589, л. 195 об.; Тр 11, л. 105; Соф 1261, л. 12 об.). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 8—11; по Чуд 20 — во 2-м томе сочинений Климента Охридского, с. 672—681.⁵⁵ Ср. Гранстрем, № 98.

4. Поучение в неделю мясопустную «о втором пришествии». Нач.: «Страшен есть день он второго пришествия. . .» (Чуд 21, л. 9 об.; Сар, л. 2).

5. Слово (Климента Охридского) в неделю сыропустную. Нач.: «Братие, послушайте, умныя двери отверзѣше и слуха душевная открывше. . .» (Тр 9, л. 6 об.; Чуд 20, л. 164 об.; Ув 589, л. 198; Тр 11, л. 107). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 11—14; по Чуд 20 — Климент Охридский, 2, с. 689—702. Ср. Гранстрем, № 15.⁵⁶

⁵¹ Если статья публиковалась несколько раз, то может быть указана лишь лучшая — наиболее точная, научно подготовленная — публикация.

⁵² Ложнонадписанным гомилиям с именем Иоанна Златоуста посвящено исследование: Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35 (далее: Гранстрем; указывается №, под которым данная гомилия рассматривается в этой статье).

⁵³ Начальные слова цитируются по Тр 11, так как в Тр 9 текст утрачен.

⁵⁴ Петухов Е. Древние поучения на воскресные дни великого поста // СОРЯС. 1886. Т. 40. С. 1—4 (далее: Петухов). Эти же гомилии (с рядом упрощений в критическом аппарате) изданы Е. В. Петуховым также в кн.: Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. СПб., 1897. Вып. 3.

⁵⁵ Климент Охридски. Сѣбрани съчинения / Обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970. Т. 1 (далее: Климент Охридский, 1); То же / Обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов, Кл. Иванова. София, 1977. Т. 2. (далее: Климент Охридский, 2). — Слова на пятидесятницу, атрибутируемые Клименту, описаны и изданы во всей их совокупности во 2-м томе, на с. 623—784. Поэтому в описании гомилий № 3, а также при описании гомилий № 5, 7, 8, 9, 10 и 12 указываются только страницы, на которых воспроизведена данная гомилия по указанному списку.

⁵⁶ Только в списке Пб 45 читаются слова на будние дни недели сыропустной: на понедельник (нач.: «На цѣлбу днесь бог род чловѣчский. . .»), на вторник (нач.: «Паки святаа алыба наслаженѣе благых. . .»), на среду (нач.: «Благословен бог, давыи трудником. . .»), на четверг (нач.: «Возлюблении всех испытанье будеть. . .») и на субботу (нач.: «Елма же убо любленици. . .»). К этой же группе можно отнести гомилию, приуроченную к среде первой недели поста (нач.: «Братие, приспе время добраго исповѣдания. . .»), читающуюся в Пб 45, а также в сборнике Соф 1262. Эта гомилия инте-

6. Слово в субботу 1-й недели поста. Сказание Нектария, патриарха Царяграда, слово о том «что ради в 1-ю субботу поста память творим святого и великаго мученика Феодора Тирона и о кутьи». Нач.: «Яко много множество благодати твоея, господи, достойно нам с Давидом. . .» (Тр 9, л. 9; Чуд 20, л. 166).

7. В субботу Федорову — Нектария, патриарха Царяграда, слово о том «что ради память творим святого Феодора Тирона». Нач.: «Сиче убо начну повѣсть нынѣ сего свѣтлаго и добропобѣдителя. . .» (Соф 1365, л. 198).

8. Слово (Климент Охридского) в 1-ю неделю поста. Нач.: «Видѣсте ли, возлюблени, от самѣх вещей ползу постную. . .» (Тр 9, л. 14; Чуд 20, л. 170; Ув 589, л. 200; Хлуд, л. 29 об.; Тр 11, л. 109). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 14—17; Климент Охридский, 2, с. 718—727.⁵⁷ Ср. Гранстрем, № 23.

9. Слово в 1-ю неделю поста. Нач.: «Много нам челоувѣколюбье бог показа, явлься словесы и дѣлы. . .» (Тр 9, л. 141 об.).

10. Слово (Климент Охридского) во 2-ю неделю поста. Нач.: «Придѣте, друзи и братья, възлюбленое стадо Христово, да мало и еще нѣчто изъреку. . .» (Тр 9, л. 16; Чуд 20, л. 172; Ув 589, л. 203; Хлуд, л. 32 об.; Тр 11, л. 111 об.). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 18—20; Климент Охридский, 2, с. 729—736. Ср. Гранстрем, № 83.

11. Слово (Климент Охридского) в 3-ю неделю поста. Нач.: «Братье, преполовьше нынѣ святых сия дни постных. . .» (Тр 9, л. 18; Чуд 20, л. 173 об.; Ув 589, л. 205; Хлуд, л. 34 об.; Тр 11, л. 113 об.). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 20—24; по Чуд 20 — Климент Охридский, 2, с. 732, 746—753. Ср. Гранстрем, № 16.

12. Слово в 3-ю неделю поста на преклонение честного поста. Нач.: «Понеже убо благодатью божиею доидохом словом. . .» (Соф 1365, л. 201).

13. Слово (Климент Охридского) в 4-ю неделю поста. Нач.: «Придите нынѣ церковная чада, да обычное поучение створю о алчбѣ. . .» (Тр 9, л. 20; Чуд 20, л. 175; Ув 589, л. 207; Хлуд, л. 37; Тр 11, л. 115 об.). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 24—26; по Чуд 20 — Климент Охридский, 2, с. 748, 755—760. Ср. Гранстрем, № 84.

14. Слово Кирилла Александрийского на субботу 5-й недели поста на похвалу богородице. Нач.: «Свѣтло нам слово и благодати наполнено, елма и светел святых отецъ събор. . .» (Тр 9, л. 21; Усп, л. 265 об.). Текст по Усп издан.⁵⁸

15. Слово в неделю 5-ю поста. Нач.: «Понеже убо по малѣ пост сий скончатися хоцеть. . .» (Тр 9, л. 26; Чуд 20, л. 176 об.; Ув 589, л. 215; Хлуд, л. 38 об.; Тр 11, л. 117). Текст по Тр 9 издан: Петухов, с. 27—30. Считается русским сочинением. Ср. Гранстрем, № 73.

16. Слово (Климент Охридского) в субботу Цветную. Нач.: «Придите, възлюблени празднолюбци, паче суще говѣинии христолюбци. . .» (Тр 9, л. 28 об.; Чуд 20, л. 249). Текст издан по болгарскому списку XIV в. (ГПБ, Q.п.1.56): Климент Охридский, 2, с. 815—843. Ср. Гранстрем, № 82.

17. Слово (Климент Охридского) о четверодневном Лазаре. Нач.: «Се прѣдтечь свѣтозарное торжество Христова воскресения образ показая. . .» (Пб 46, л. 102 об.; Соф 1365, л. 203). Текст по списку Пб 46 издан: Климент Охридский, 1, с. 548—576. Ср. Гранстрем, № 97.

18. Слово Андрея Критского в субботу Лазареву. Нач.: «Лазорь

ресна тем, что она читается на тот же день в русских «Златоустах», входя в их традиционный состав. Отметим, что близкие или те же самые слова, что и в Пб 45, на понедельник, вторник, среду и субботу встречаются в «Златоусте» особого состава — БАН 33. 12.11, XVI в.

⁵⁷ Гомиллии № 8 и 10 изданы были также по списку Тр 9 (ошибочно названному № 10) в статье: Горский А. О древних словах. . . С. 49—56.

⁵⁸ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 433—440 (далее: Успенский сборник).

пришедши совокупи собор. . .» (Усп, л. 222 об.). Текст издан по этому списку: Успенский сборник, с. 368—385.

19. Слово Кирилла Туровского в Цветную неделю. Нач.: «Велика и ветха скровища, дивно и радостно откровение. . .» (Тр 9, л. 32 об.; Чуд 20, л. 178; Ув 589, л. 224 об.; Тр 11, л. 119 об.). Текст издан по Ув 589 и Тр 11 М. И. Сухомлиновым,⁵⁹ по списку Чуд 20 — И. П. Ереминым.⁶⁰ Археогрфический обзор этого слова см.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 349—350 (далее: Еремин. Археогр. обзор).

20. Слово (Климент Охридского) в Цветную неделю. Нач.: «Братъе, преплывше яко и морскую пучину. . .» (Хлуд, л. 41; Соф 1365, л. 205 об.). Текст по Соф 1365 издан: Климент Охридский, 2, с. 269—303.

21. Слово (Климент Охридского) в Светоносную неделю. Нач.: «Днесь созывает ны, братие, свѣтозарный апостол Павел. . .» (Пб 46, л. 104). Текст по Пб 46 издан: Климент Охридский, 1, с. 586—597. Ср. Гранстрем, № 38.

22. Слово на вербницу. Нач.: «От чудес на чудеса господня идем. . .» (Тр 9, л. 218; Усп, л. 233 об.). Текст по этому списку издан: Успенский сборник, с. 385—393. В Усп начало иное: «От чудес к чудесъм господнем ходим. . .».

23. Слово Феогния Иерусалимского на Вербную неделю. Нач.: «Приидѣте, възрадуемся господеви и възкликнѣм богу спасу нашему. . .» (Тр 9, л. 223 об.).

24. Слово в понедельник Страстной недели. Нач.: «Подвижете мя на пѣние и бесѣду съсобственое божие и отчее слово. . .» (Тр 9, л. 36 об.; Усп, л. 175 об.). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 297—304.

25. Слово во вторник Страстной недели. Нач.: «Уподобишася церковнии кормьници дѣтем, иже молоко по вся дни пищу себѣ съуть. . .» (Тр 9, л. 42 об.; Усп, л. 188). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 316—319. В Усп начало: «Приподобяться церквьнии. . .».

26. Слово о десяти девах в великий вторник. Нач.: «Вѣсте ли убо откуду нам рѣчь первое начася. . .» (Усп, л. 180 об.). Текст по этому списку издан: Успенский сборник, с. 304—316.

27. Слово о десяти девах в великий вторник. Нач.: «Когда жизни скорое скончание разумѣю. . .» (Усп, л. 190 об.). Текст по этому списку издан: Успенский сборник, с. 320—326.

28. Слово в среду Страстной недели. Нач.: «Елико вас Илии ученици есте, еже убогия грапезы. . .» (Тр 9, л. 45 об.; Усп, л. 197). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 330—336.

29. Слово в среду Страстной недели. Нач.: «Днесь фарисеи владыку на обѣд возва. . .» (Тр 9, л. 50 об.; Усп, л. 201 об.). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 336—339.

30. Слово в великую среду о блуднице. Нач.: «На всяко врѣмя добро и спасно покаяние. . .» (Усп, л. 195). Текст по этому списку издан: Успенский сборник, с. 326—330.

31. Слово в четверг Страстной недели «ако егда умы Христос нозе учеником своим на вечери». Нач.: «Милость божью и человѣколюбие проповѣдуеть убо вся тварь, проповѣдаеть же и тварное строенье. . .» (Тр 9, л. 52 об.; Усп, л. 203). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 339—343. Ср. Гранстрем, № 59.

32. Слово Евсевия Александрийского в великий четверг «о вшествии Иоанна Предтечи в ад». Нач.: «Възлюблении, добро есть рещи, каково

⁵⁹ Сухомлинов М. И. О сочинениях Кирилла Туровского // Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. Т. 2. С. 3—9 (далее: Сухомлинов).

⁶⁰ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 409—414. Продолжение публикации: ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15 (далее: Еремин, с указанием номера тома ТОДРЛ и страниц).

«есть благовѣщение. . .» (Усп, л. 216; Тр 11, л. 11 об.; Тр 12, л. 6). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 358—368.

33. Слово в четверг Страстной недели. Нач.: «Нынѣ хотящих присту-
пшти к святѣй и страшнѣй тайнѣ. . .» (Хлуд, л. 43; Тр 12, л. 29 об.).

34. Слово в пятницу Страстной недели. Нач.: «Приди днесь, о блаженный
Павле, риторская оставив лестная словеса. . .» (Тр 9, л. 55 об.; Усп,
л. 206 об.). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 343—352.

35. Слово «в великий пяток о страсти Христове». Нач.: «Сам Христос
к другом глаголаше. . .» (Тр 11, л. 56).

36. Слово «в великий пяток. . . о разбойнице». Нач.: «Днесь благолю-
бивное благочестие вселеную сверши. . .» (Тр 9, л. 233). Ср. Гранстрем,
№ 35.

37. Слово в великую субботу. Нач.: «Всюду прелесть сама ся ослѣп-
ляетъ и не хотящи истинѣ помогаетъ. . .» (Тр 9, л. 63; Усп, л. 212). Текст
по Усп издан: Успенский сборник, с. 352—358.

38. Слово Григория Антиохийского в великую субботу, на погребение
Христа. Нач.: «Похвален церковный съ закон. . .» (Усп, л. 239 об.). Текст
издан по этому списку: Успенский сборник, с. 393—402.

39. Слово (Псевдо-Евсевия Александрийского) на Пасху. Нач.: «Вста
въ третий день господь нашъ Иус Христос жизнь мiрови дарова. . .»
(Усп, л. 245 об.; Пб 46, л. 106; Чуд 20, л. 181). С иным началом («Въскресе
господь в третий день жизнь мiрови даровав. . .») — Тр 11, л. 86. Текст
по Усп издан: Успенский сборник, с. 402—409. Ср. Гранстрем, № 30.

40. Слово Кирилла Туровского на Пасху. Нач.: «Радость сугуба всем
христианам и веселие миру. . .» (Ув 589, л. 229 об.; Соф 1262, без начала,
л. 22). Текст по Ув 589 издан: Сухомлинов, с. 9—17; по списку ГПБ, собр.
Пискарева, № 92 — Еремин, 13, с. 412—414.⁶¹ См. также: Е р е м и н.
Археогр. обзор, с. 350—351.

41. Слово (Климента Охридского) на Пасху. Нач.: «Послушайте, бра-
тие и сынове възлюблени, да съкажем вы силу и честь. . .» (Пб 46, л. 107;
Хлуд, л. 45; Соф 1365, л. 207). Текст по Пб 46 издан: Климент Охридский,
1, с. 598—611. Ср. Гранстрем, № 78.

42. Слово на Пасху. Нач.: «Иже кто благочестив и говѣин и смѣрен и
христоробець. . .» (Тр 9, л. 67).

43. Слово на Пасху. Нач.: «Господа бога и спаса нашего Иус Христа
въскресеи славное уже праздновахом. . .» (Хлуд, л. 47; Соф 1365,
л. 208 об.).

44. Слово Кирилла Туровского на антипасху (или: «о Фомине испыта-
нии ребр господень»). Нач.: «Велика учителя и мудра сказателя требует
церкви на украшение праздника. . .» (Тр 9, л. 68; Тол, л. 1; Ув 589,
л. 235 об.; Чуд 20, л. 185 об.; Соф 1262, л. 22 об.). Текст по Тол издан
К. Ф. Калайдовичем,⁶² по Ув 589 — Сухомлинов, с. 17—24; по Чуд 20 —
Еремин, 13, с. 415—419. См. также: Е р е м и н. Археогр. обзор, с. 351—352.

45. Слово Кирилла Туровского во 2-ю неделю по Пасхе «о мироноси-
цах». Нач.: «Праздник от праздника честиѣ приспѣлъ есть, подавая бла-
годать божию. . .» (Тр 9, л. 73 об.; Тол, л. 5 об.; Чуд 20, л. 190 об.; Ув 589,
л. 244). Текст по Тол издан: Калайдович, с. 28—42 и Еремин, 13, с. 419—
426; по Ув 589 — Сухомлинов, с. 25—35. См. также: Е р е м и н. Археогр.
обзор, с. 352—358.

46. Слово во 2-ю неделю по Пасхе о мироносицах. Нач.: «Возлюблени,
солнце под облаком красуяся. . .» (Соф 1365, л. 210).

⁶¹ А. И. Пономарев (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 87—198) издал гомилии № 40, 44, 45, 48, 53, 55 и 59 по списку ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 138/1215, XVI в., однако с разночтениями по некоторым древнейшим спискам. В этом же издании в тексте слов Кирилла указаны источники цитат из Священного писания.

⁶² К а л а й д о в и ч К. Ф. Памятники российской словесности XII века, издан-
ные с объяснениями, вариантами и образцами почерков. М., 1821. С. 18—27 (далее:
Калайдович).

47. Слово в 3-ю неделю по Пасхе о расслабленном. Нач.: «Человѣколюбець благий, господи наш Иисус Христос. . .» (Соф 1365, л. 211 об.; Соф 1261, л. 1).

48. Слово Кирилла Туровского в 4-ю неделю по Пасхе о расслабленном. Нач.: «Неизмѣрна небесная высота и неиспытана присподняя глубина. . .» (Тр 9, л. 81; Тол, л. 16; Чуд 20, л. 198; Ув 589, л. 256 об.). Текст издан по Тол: Калайдович, с. 43—52 и Еремин, 15, с. 33—335; по Ув 589 — Сухомлинов, с. 43—49. См. также: Еремин. Археогр. обзор, с. 358—359.

49. Слово (Кирилла Туровского?) в 4-ю неделю по Пасхе «о расслабленном» (в Тол гомилия приурочена к 5-й неделе). Нач.: «Аз убо, о друзи и братье, надѣхся на всяку недѣлю. . .» (Тол, л. 23; Соф 1365, л. 213; Соф 1261, л. 2 об.). Текст по Тол издан: Калайдович, с. 53—56; по Соф 1261 — А. И. Пономаревым (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. С. 175—177). См. также: Архангельск и й А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Извлечения из рукописей и опыты историко-литературного изучения. Казань, 1890. Т. 4. С. 159—163. Ср. Гранстрем, № 1.

50. Слово в среду 4-й недели по Пасхе «о расслабленном». Нач.: «Якоже свѣтел мѣсяць, ноцную тму убѣляя. . .» (Тр 9, л. 86 об.; Усп, л. 250). Текст издан по Усп: Успенский сборник, с. 409—416.

51. Слово в 5-ю неделю по Пасхе. Нач.: «Господь наш Иисус Христос не токмо чудесы и ученѣм. . .» (Тр 9, л. 91 об.); «не чудесы токмо господь, но и учением. . .» (Чуд 20, л. 202 об.).

52. Слово о самаряныне. Нач.: «Днесь Христос всѣм нам страсть самаряныни проповѣда. . .» (Усп, л. 254 об.). По этому списку издано: Успенский сборник, с. 416—425. Ср. Гранстрем, № 40.

53. Слово Кирилла Туровского в 6-ю неделю по Пасхе о слепце. Нач.: «Милость божию и человѣколюбие господа нашего Иисуса Христа и благодать святаго духа. . .» (Тр 9, л. 96 об.; Тол, л. 25; Чуд 20, л. 207; Ув 589, л. 264). Текст издан по Тол: Калайдович, с. 56—64; Еремин, 15, с. 336—340; по Ув 589 — Сухомлинов, с. 43—49. В Усп на л. 203—206 читается слово «в великий четвертък, егда умы нозѣ учеником своим» с тем же началом, но иное по содержанию. Поэтому отождествление этих слов у Гранстрем (№ 59) не имеет основания. См. также: Еремин. Археогр. обзор, с. 359—360.

54. Слово о слепце «его же Христос очи отверзе, в Ерихон грядый» в 6-ю неделю по Пасхе. Нач.: «Мала нужда есть изреци и вашей любви. . .» (Соф 1365, л. 214 об.).

55. Слово Кирилла Туровского в четверг 6-й недели по Пасхе на вознесение. Нач.: «Приди ныня духом священный пророче Захарие. . .» (Тр 9, л. 102; Тол, л. 32; Чуд 20, л. 211 об.; Ув 589, л. 270). Текст по Тол издан: Калайдович, с. 65—73 и Еремин, 15, с. 340—343; по списку Ув 589 — Сухомлинов, с. 50—56. См. также: Еремин. Археогр. обзор, с. 360—361.

56. Слово в четверг 6-й недели по Пасхе на воскресение. Нач.: «Свѣтломи се церковное позорище (позрачище — Усп) не смѣх бо человѣком творить. . .» (Тр 9, л. 105; Усп, л. 260 об.). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 425—428.

57. Слово (Климент Охридского) на вознесение. Нач.: «Се наста нам нынѣ, братье, праздник Христа, бога нашего. . .» (Соф 1365, л. 216; Соф 1261, л. 7). Текст по Соф 1365 издан: Климент Охридский, 1, с. 612—619. Ср. Гранстрем, № 95.

58. Слово Иоанна ексарха болгарского на вознесение. Нач.: «Веселитесь, небеса, и радуйся, земле, понеже послѣднюю стѣну прѣграды разградив. . .» (Тр 9, л. 108; Усп, л. 263). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 429—432. Ср. Гранстрем, № 22.

59. Слово Кирилла Туровского в 7-ю неделю по Пасхе на собор святых отцов. Нач.: «Якоже историци и вѣтия, рекше лѣтописци и пѣсно-

творци. . .» (Тол, л. 37 об.; Ув 589, л. 275 об.); «Якоже философы и вѣтия. . .» (Тр 9, л. 111 об.); «Якоже творци и вѣтия. . .» (Чуд 20, л. 216). Текст по Тол издан: Калайдович, с. 74—85; Еремин, 15, с. 343—348; по Ув 589 — Сухомлинов, с. 57—64. См. также: Еремин. Археогр. обзор, с. 361—362.

60. Слово в 6-ю неделю по Пасхе «о зборе святых отец». Нач.: «Во Александрии Егупетстѣй бысть нѣкто прозвутер. . .» (Соф 1365, л. 217; Соф 1261, л. 8 об.).

61. Слово в субботу пентикостную. Нач.: «Вѣсть многажды слово утѣшати болѣзнь и вѣсть утѣха дружня. . .» (Тр 9, л. 117 об.).

62. Слово в неделю пентикостную. Нач.: «Достойно есть, братья, еуангельскаго учения словеса. . .» (Тр 9, л. 123; Чуд 20, л. 252 об.).

63. Поучение (Климент Охридского) в неделю пентикостную. Нач.: «Присно жадаей бог нашего спасения, вѣсхотѣ своимъ милосердиемъ. . .» (Тол, л. 46; Соф 1261, л. 10 об.; Соф 1365, л. 218 об.). Текст по Тол издан: Калайдович, с. 86—88; Климент Охридский, 2, с. 326—369; по списку Соф 1261 — Пономарев А. И. Памятники. . . Вып. 1. С. 173—174. У Сухомлинова (Сухомлинов, с. 65—67) это слово издано по списку ГИМ, собр. Уварова, № 509/1772, конца XV в.

64. Слово в понедельник пентикостный. Нач.: «Паки нам, друзи, радость, паки праздник свѣтел. . .» (Тр 9, л. 131 об.; Усп, л. 278). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 452—458.

65. Слово в неделю «всех святых». Нач.: «Отънележе честный праздник пятьдесятный прихождения духа святаго. . .» (Тр 9, л. 136 об.; Усп, л. 282 об.; Чуд 20, л. 222; Соф 1365, л. 220 об.). Текст по Усп издан: Успенский сборник, с. 458—466. Ср. Гранстрем, № 70.

Прежде всего охарактеризуем сборники по количеству содержащихся в них гомилий. Наибольшее количество — 39 гомилий содержит сборник Тр 9, они составляют цикл от недели мытаря и фарисея и до недели «всех святых». Из них четыре гомилии (№ 9, 22, 23 и 36) находятся вне цикла: они следуют в конце сборника, отделенные от последней гомилии на неделю «всех святых» другими статьями. В Усп — 23 гомилии, но цикл этот весьма своеобразен: первая в календарном ряду гомилия приурочена к субботе 5-й недели поста (№ 14), затем следуют гомилии на субботу и воскресенье Цветной недели (№ 18 и 22); на Страстную неделю приходится 12 гомилий (на вторник — целых три!), а после гомилии на Пасху непосредственно следует слово, приуроченное к среде 4-й недели после Пасхи, и т. д. Таким образом, нельзя признать, что в Усп мы имеем выдержанный цикл триодных гомилий. В Чуд 20—21 гомилия (из них две — вне цикла), 17 гомилий в Ув 589, 13 — в Тр 11 (из них две — № 32 и 35 — вне цикла); 11 — в Хлуд (от недели мытаря и фарисея и до Пасхи включительно). 8 гомилий в Тол (только на послепасхальные недели, это по преимуществу слова Кирилла Туровского).

Если попытаться выделить для сборников XII—XIV вв. более или менее устойчивый цикл, то его можно представить состоящим из 16 гомилий: № 1 (неделя мытаря и фарисея), № 2 (неделя о блудном), № 3 (неделя мясопустная), № 5 (неделя сыропустная), № 8, 10, 11, 13, 15 (воскресные дни 1—5-й недель поста), № 19 (неделя Цветная). Эти гомилии читаются в четырех списках: Чуд 20, Ув 589, Тр 11 и Тр 9, к которым в семи случаях из десяти примыкает и Хлуд. Для послепасхальных недель устойчивыми являются гомилии № 44 (на антипасху), № 45 (на 2-ю неделю после Пасхи), № 48 (на 4-ю неделю), № 53 (на 6-ю неделю), № 55 (на четверг 6-й недели) и № 59 (на 7-ю неделю). В остальных случаях общие гомилии объединяют лишь два-три сборника или же в один день в разных сборниках читаются разные слова.

На основании приведенных данных можно было бы признать правоту тех исследователей, которые видели в древнейших сборниках (особенно

в Чуд 20 и Тр 9) не только прообраз будущего сборника устойчивого состава — «Златоуста», но и первую ступень на пути к его сложению. Однако это не так. Из перечисленных выше 16 «традиционных» (т. е. наиболее регулярно встречающихся в нескольких списках) гомилий только 6 вошли в традиционный состав «Златоуста»⁶³ (это гомилии № 1, 3, 8, 10, 13 и 15), при этом в большинстве своем они читаются в «Златоусте» в несколько иной редакции. Таким образом, «Златоуст» создается в XV в. по существу заново. Более значительна перекличка сборников XII—XIV вв. с Минейным торжественником: у них обнаруживается около 15 общих слов, но по преимуществу это гомилии, читающиеся на послепасхальные недели.

Обращает на себя внимание и следующее. Несколько гомилий постоянно объединяют лишь два сборника — Усп и Тр 9 или читаются только в одном из этих сборников. Общими для названных сборников являются 13 гомилий: № 14, 22, 24, 25, 28, 29, 31, 34, 37, 50, 56, 58 и 64. Только в Усп читаются гомилии № 18, 26, 27, 30, 38, 52; только в Тр 9 — гомилии № 9, 23, 42. Некоторые из этих гомилий войдут впоследствии в постоянный состав Триодного торжественника.⁶⁴ Тринадцать гомилий из перечисленных встречаются в древнейших болгарских гомилияриях, что указывает на связи Усп и Тр 9 (думается, независимо друг от друга, хотя этот тезис потребует дальнейшего обоснования) с какими-то сборниками, такие гомилиярии отражающими. Рассмотрим эти параллели. Для сопоставлений мы привлекли следующие южнославянские гомилиярии: Супрасльский сборник XI в. (далее: Супр),⁶⁵ сборник Михановича последней четверти XIII в. (далее: Мих),⁶⁶ так называемый «Златоуст» Ягича начала XIV в. (далее: Яг),⁶⁷ сербский сборник ГИМ, собр. Хлудова, № 55, XIV в. (далее: Хлуд),⁶⁸ сборник ГПБ, собр. Тиханова, № 540, XV в. (далее: Тих),⁶⁹ сборник из собрания Рильского монастыря, № 26 (далее: Рил),⁷⁰ сборник из монастыря Гомир, второй половины XVI в. (далее: Гомир).⁷¹

В этих сборниках имеются параллели следующим гомилиям (из числа общих гомилий Усп и Тр 9 или индивидуальных для этих сборников): № 22 — ср. Супр, с. 318;⁷² Мих, л. 74 об.; Хлуд, л. 38 об.; Рил, л. 20 об.; Гомир, л. 111 об.; № 25 — ср. Супр, с. 384; Рил, л. 48; № 27 — ср. Хлуд, л. 49 об.; Гомир, л. 127; № 28 — ср. Супр, с. 395; Рил, л. 69 об.; № 30 — ср. Супр, с. 390; Хлуд, л. 54; Гомир, л. 131 об.; № 37 — ср. Супр, с. 439; № 50 — ср. Мих, л. 73; Тих, л. 201; Гомир, л. 237; № 58 — ср. Мих,

⁶³ См.: Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 278—284.

⁶⁴ См., например, описание Торжественника общего, XV в.: Черторица Я. Т. В. Торжественник из собрания ИИФФ: (Опыт описания сборника постоянного состава) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 162—198.

⁶⁵ См.: Северьянов С. Супрасльская рукопись. СПб., 1904; Супрасьски или Ретков сборник / Увод и коментар на старобългарския текст Йордан Заимов; Подбор и коментар на гръцкия текст Марио Кашалдо. София, 1983.

⁶⁶ Описание его см.: Мошин В. Cirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije, 1 dio. Opis rukopisa. [Zagreb], 1955. S. 95—100. См. о нем: Иванова К. Цикл великопостных гомилий в гомилиярии Михановича // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 219—244.

⁶⁷ Сборник ГПБ, Q.п.1.56. Описан В. Ягичем: J a g i c V. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14 Jahrhunderts // Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Classe der Kaiserlicheen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1898. Bd 139. S. 1—72. См также: Димитрова М. В. Исследования русско-болгарских литературных связей старшего периода (по рукописи Гос. Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Q.п.1.56): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1983.

⁶⁸ Описание см.: Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 66—68.

⁶⁹ Сборник введен в научный оборот М. В. Димитровой. См.: Димитрова М. В. Исследования. . . С. 12—13.

⁷⁰ См.: Спространов Е. Опись на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902. С. 96—103.

⁷¹ Рукопись хранится в Хорватском музее в Загребе под № 73. См.: Мошин Вл. Бирически рукописи в Повјесном музеју Хрватске. Београд, 1971. С. 82—87.

⁷² Для Супр традиционно указываются страницы по изданию С. Северьянова.

л. 82 об.; Яг, л. 214 об.; Тих, л. 224; Рил, л. 283 об.; Гомир, л. 248 об.; № 61 — ср. Мих, л. 89 об.; Хлуд, л. 95; Гомир, л. 257; № 64 — ср. Яг, л. 219 об.; Хлуд, л. 333 об.; Тих, л. 245 об.

Кроме того в перечисленных болгарских и сербских сборниках встречаются также гомилии, объединяющие другие сборники, но среди них непременно оказываются Усп или Тр 9. Так, гомилия № 16, читающаяся в Чуд 20 и Тр 9, встречается также в Мих, л. 70 об., Яг, л. 149 об. и Гомир, л. 106. Гомилия № 32, читающаяся в Усп, Тр 11 и Тр 12, встречается также в Мих, л. 12 об. и Гомир, л. 154 об. Гомилия № 65, читающаяся в Усп, Чуд 20 и Тр 9, встречается в Мих, л. 100 об., Хлуд, л. 107 об. и Гомир, л. 270.

Разумеется, указанные соответствия имеют лишь самый предварительный характер: речь должна идти не только об общих статьях, но и общих редакциях этих статей, объединяющих те или иные сборники. Работа в этом направлении еще предстоит. Пока мы располагаем лишь наблюдениями Э. Благовой над гомилиями Успенского сборника.⁷³

⁷³ Б л а г о в а Э. 1) Гомилии Супрасльского и Успенского сборников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 77—87; 2) Обзор греческих и латинских параллелей к Успенскому сборнику XII—XIII вв. // ИЮЛЯ. 1973. Т. 32, вып. 3. С. 271—274.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

Посох Стефана Пермского

Хранящийся в настоящее время в Пермском областном музее епископский посох, украшенный резьбой по кости, изображающей сцены из легендарной биографии Стефана Пермского (рис. 1, 2),¹ представляет большой интерес и как уникальное произведение прикладного искусства и как своеобразный исторический источник. Изображенные на посохе композиции и сопровождающие их надписи соответствуют особой версии жития Стефана, неизвестной в рукописях. Учитывая большую важность деятельности Стефана, создателя письменности народа коми и особого алфавита для нее и переводчика на этот язык ряда библейских и богослужебных текстов,² а также неясность многих вопросов, связанных с его деятельностью, историей возникновения его посмертного почитания как святого и формированием литературной и фольклорной традиции вокруг его имени, следует еще раз вернуться к изучению этого памятника, тем более что имеющиеся публикации памятника не дают полного представления о всех деталях изображений на посохе и содержании связанных с ними надписей.

Исключительная по своему культурно-историческому значению деятельность Стефана осталась слабо освещенной в письменных источниках. Близкие к его деятельности по времени летописные сведения предельно кратки.³ Небогато фактическими данными и объемистое Житие Стефана Пермского — выдающийся памятник древнерусской литературы.⁴ Авто-

¹ Не вполне точное описание посоха и имеющихся на нем надписей впервые опубликовано в кн.: Макарий, архим. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856. С. 26, примеч. 57; С. 54—58. Это описание фактически повторено в кн.: Шиткин Г. С. Пермская летопись: Первый период с 1263—1613. Пермь, 1881. С. 13—16. Иллюстрированное издание (но без прочтения и рассмотрения надписей): Вауе, барон де. La crosse de S. Etienne de Perm (XV siecle) // Revue de l'art Chrétien. Bruges, 1898. Juillet. Прочие упоминания об этом посохе в печати: Шиткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 14; Icones russes du baron de Waue // АИЗ. 1897. № 9. С. 297; Бай, барон де. От Волги до Иртыша. Тобольск, 1898. С. 10 (последнее упоминание с фантастической датировкой посоха XII в. — опечатка?). Существует также краткая заметка о посохе в журнале, издающемся на языке коми, в которой в основном пересказывается описание Макария: Жеребцов Л. Н., Паршук В. Ф. Стефан Пермский лѳн бѣдь // Войвыв кодзув (Северная звезда). Сыктывкар, 1981. № 1. С. 63, 64. — Автор сохраняет традиционное название посоха Стефана Пермского, хотя оно условно, так как резные сцены, представленные на посохе, выполнены уже после смерти Стефана (1396 г.). О древнерусских посохах, украшенных резьбой по кости, см. также: Чернецов А. В. Резные посохи XV в.: (работа кремлевских мастеров). М., 1987.

Пользуясь случаем выразить глубокую признательность М. Г. Прокуровой и другим сотрудникам Пермского областного краеведческого музея за предоставленные фотоматериалы и ценные консультации.

² См.: Шиткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952.

³ ПСРЛ. 1965. Т. 11. С. 164—166.

⁴ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897 (далее: ЖСП). Литература об этом памятнике весьма значительна. Перечислю лишь наиболее важные из новейших работ: Коналова О. Ф. 1) Принцип отбора фактических сведений в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ.

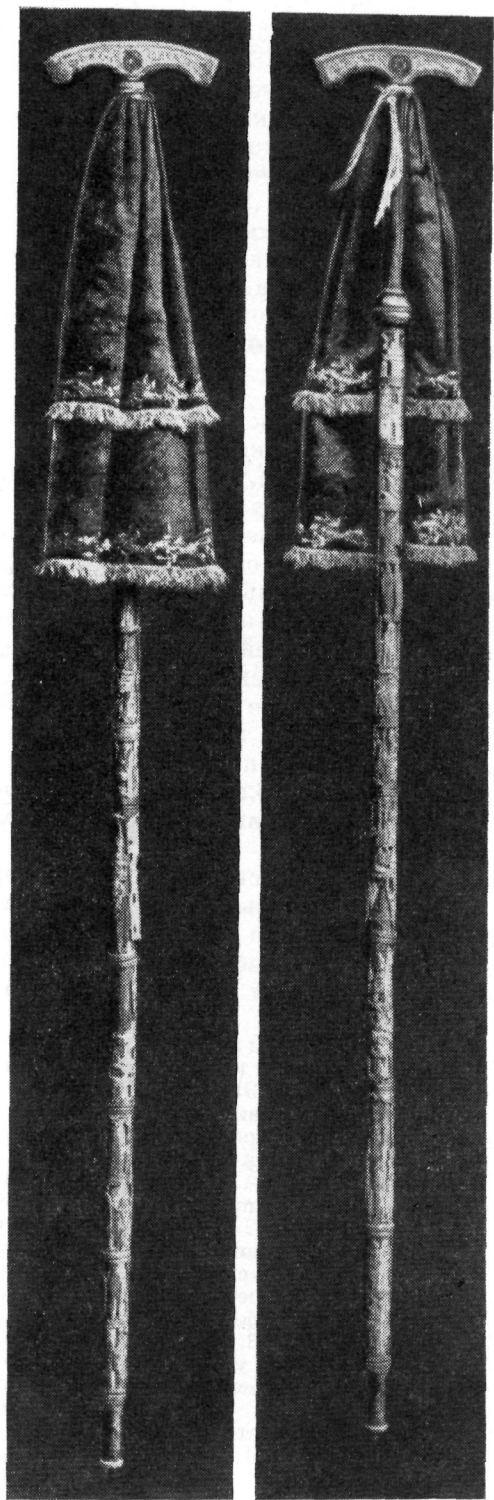

Рис. 1. Общий вид посоха Стефана Пермского (из публикации де Бая, 1898 г.).

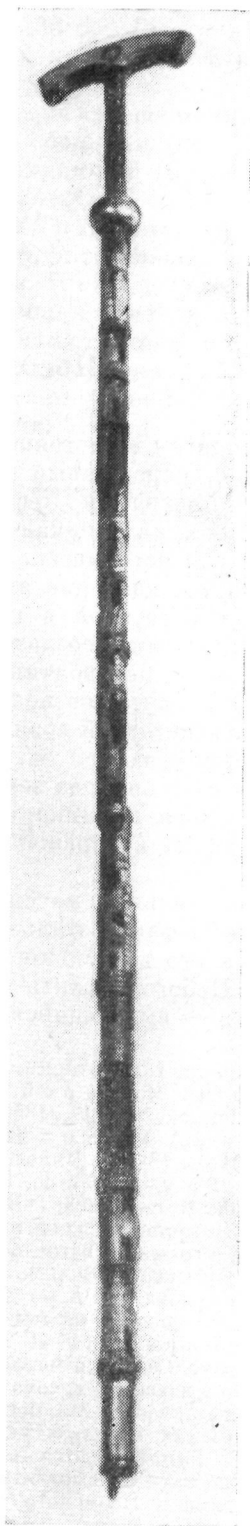

Рис. 2. Посох Стефана Пермского (современный вид).

ром этого жития был современник Стефана, лично его знавший, — Епифаний Премудрый.

Епифаний Премудрый был представителем литературной школы, возникшей на Руси под югославянским влиянием, для которой характерны крайняя витиеватость и риторика. Епифаний следовал принципам этой школы, особенно в ЖСП, в котором факты буквально тонут в море цитат, сравнений, бесконечных верениц эпитетов, синонимов и т. п. Сами факты в ЖСП, как правило, лишены конкретности («пришел в некое место» и др.). Вместе с тем ЖСП остается наиболее важным источником для изучения деятельности этого миссионера. Помимо сведений ЖСП, в позднейшее время известны легенды о деятельности Стефана,⁵ но время их возникновения неясно. Часть этих легенд входит уже в Вычегодско-Вымскую летопись — памятник XVI в., сравнительно недавно введенный в научный оборот.⁶ Отдельные сведения этой летописи существенно дополняют историю деятельности Стефана. Кроме того, существует служба св. Стефану, включающая его краткое Житие. Она написана в 1473 г. Пахომием Сербом.⁷ Наиболее ранние (за исключением резных композиций на посохе) изображения, отражающие деятельность Стефана Пермского, — это миниатюры второй половины XVI в. в Лицевом летописном своде.⁸ На них и события, и реалии трактованы в условном иконописном стиле и гораздо менее информативны, чем резные композиции, которые будут рассмотрены ниже. На одной из них представлен Стефан перед группой язычников, а также объекты их почитания. Миниатюра буквально иллюстрирует текст: «. . . молящаяся идолом, солнцу, огню, воде, камению, древию, волом, козам и кудесником, и волхвом, и золотой бабе».⁹ Ни одежды пермяков, ни объекты их поклонения на этой миниатюре, как и на других в данной серии, не сохраняют никаких черт исторического своеобразия. Показательно, что на миниатюре, посвященной созданию пермской письменности, Стефан представлен держащим в руках хартию с начальными буквами кирилловского алфавита вместо созданной им пермской азбуки.¹⁰ Стефан на рассматриваемых миниатюрах изображается в нимбе (о значении этой черты см. ниже).

Фрагментарность фактических сведений о Стефане Пермском и его деятельности в письменных источниках и неясность сложения легендарной традиции вокруг его имени заставляют рассматривать резной посох, украшенный сценами из особой версии жития этого миссионера, как памятник большого культурно-исторического значения. Отметим, что размещение серии житийных сцен на епископском посохе — явление уникальное.

Изображение этого посоха, описывавшегося в церковной и краеведческой литературе, было в 1898 г. опубликовано бароном де Баем. Однако и иллюстрированное издание де Бая, и более ранние описания не могут

Л., 1969. Т. 24; 2) Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25; 3) Панегирический стиль древнерусской литературы: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1970; 4) Традиционная метафора в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32; Антонова М. Ф. 1) Некоторые особенности стиля Жития Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34; 2) Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36; Косова А. Дж. За един характерен момент в компилятивната дейност на Епифаний Премъдри // Palaeobulgarica. 1980. № 1 (IV); Алиссандратос Ю. А. Следы патристических типов похвал в Житии Стефана Пермского // Древнерусская литература: Источниковедение / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984.

⁵ Макарий, архим. Сказание. . . С. 11—15.

⁶ Доронин П. Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 258—260.

⁷ См.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 189—192.

⁸ БАН, 31.7.30, л. 571 об.—576 об., а также л. 211 (2-й Остермановский том).

⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 164, 165.

¹⁰ См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 99.

считаться исчерпывающей публикацией. Де Бай опубликовал фотографии, количество и качество которых не позволяет представить полную развертку резных деталей посоха. Почти все надписи на фотографиях нечитаемы. Де Бай не приводит чтения надписей и их перевода, не расшифровывает содержания композиций и их деталей (основная часть текста его статьи — изложение биографии Стефана). Приводимые де Баем основания для датировки посоха XV в. недостаточны. В описании архимандрита Макария, в основном повторенном В. Шишонко, приводятся чтения надписей, в отдельных случаях неточные (встречается даже пропуск слов), ряд изображений (в частности, сокрушение идола и погребение Стефана) не понят. В дальнейшем посох Стефана Пермского не изучался исследователями древнерусской литературы и искусства. Он не был, в частности, включен в своды А. С. Орлова и Т. В. Николаевой.

История посоха реконструируется следующим образом. Деревянная основа, которую украсили резными изображениями, возможно, являлась реликвией, непосредственно связанной со Стефаном. Костяные детали со сценами его жития несомненно сделаны уже после его смерти (смерть миссионера упомянута в надписях). Вслед за Макарием и де Баем можно полагать, что посох какое-то время хранился в соборе Спаса на Бору в Московском Кремле, там же, где находилась могила миссионера, умершего в Москве. Очевидно, в связи с польской интервенцией посох был в 1612 г. вывезен из Москвы в Литву и передан в Супрасльский монастырь. В 1849 г. посох был перенесен в кафедральный собор Перми.

Вполне логичное предположение о том, что посох, прежде чем попасть в Литву, находился в Московском Кремле при раке Стефана, не дает еще ответа на вопрос о времени и месте его создания. Довольно примитивный характер резьбы не имеет ничего общего с работой московских косторезов второй половины—конца XV в., изготовленные которыми резные посохи отличаются гораздо более сложной и тонкой резьбой. Маловероятно, чтобы такой предмет, как епископский посох, создавался только как мемориальный. Скорее всего, до того как попасть в Москву, этот посох служил одному из пермских епископов, наследников Стефана, который обосновывал свой авторитет славой своего выдающегося предшественника. В Москву посох мог попасть во время окончательного перенесения епископской кафедры из Усть-Выми в Вологду (середина XVI в.). При этом часть ризницы и библиотеки была перенесена в Москву.¹¹

Посох имеет 130 см в длину. Его основа — деревянный круглый в сечении стержень, толщиной около 19 мм. В верхней части посох оканчивается Т-образной рукоятью. Рукоять имеет длину 147 мм, толщину 17—20 мм. Ниже рукояти расположено яблоко, имеющее костяную основу, сверху и снизу охватенное медными золочеными полушариями, так что из-под них виден лишь узкий поясик кости с надписью. Диаметр яблока 41.5 мм, толщина костяной части яблока (по продольной оси посоха) 11 мм, металлических полушарий — по 10 мм.

Ниже яблока основа посоха украшена полыми цилиндрическими костяными накладками со сквозной резьбой и гравировкой. Длина этих цилиндров, считая сверху вниз: 106; 155; 156; 137; 134; 134 и 120 мм. Их диаметр 23—24 мм, толщина 1.7 мм. Костяные колена разделены медными профилированными обоймами (длина 9.7 мм, диаметр — 27.4 мм). Общая длина той части посоха, которая покрыта резными накладками и обоймицами, — около 98 см. На конце посох имеет медную оковку длиной 63 мм и завершается железным четырехгранным острием. Кость, использованная для резьбы, — видимо, лосиный рог.

Порядок резных колен в настоящее время несомненно отличается от первоначального, что, по-видимому, связано с ремонтом посоха (скорее всего — заменой деревянной основы). Поэтому при рассмотрении надпи-

¹¹ См.: Гитов А. А. Летопись великоустюжская. М., 1889. С. 22, 23.

сей и изображений на посохе будут отмечаться все те данные, с помощью которых можно хотя бы частично восстановить первоначальный порядок колен.

На фотографии в статье де Бая (см. рис. 1) виден длинный продолговатый кусок расшитой ткани, прикрепившийся к рукояти, в настоящее время утраченный. Это известно по русским письменным источникам и изображениям, во всяком случае с XVI в., украшение епископского посоха — сулок. Сулок, находившийся при данном посохе, судя по украшавшему его узору, был изготовлен не ранее XVIII в.

Анализ покрывающей костяные детали посоха резьбы представляется целесообразным начать с рассмотрения имеющихся на нем надписей. Последние дают наиболее бесспорный материал для правильного истолкования смысла изображений, их связи с письменными источниками. Особенности правописания и начертания букв важны также для установления времени и места изготовления посоха.

Рукоять посоха (рис. 3) имеет на двух сторонах две полностью сохранившиеся надписи. Вместе с тем они представляют и большую трудность для истолкования.

1-я надпись:

се еть ѿетане епискупа Стефана Пермскаго ѿимаеть выиѿеonoпaикон

1 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50 55

2-я надпись:

ошьстбоивъопмвеса и конопъ и гависа емоу бесъ в ризахъ и ре емоу

1 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50

Обе надписи, вероятно, представляют собой одно целое; первая несомненно является началом. Надпись содержит ошибки, а также сокращенные написания, соответствующие тем, какие были приняты при письме с надстрочными знаками (титлами) и буквами, однако все эти надстрочные знаки опущены. Такое явление нередко в русской эпитафике. «Еть» — есть (подразумевается надстрочное «с»), «ѿеяне» — деяние или деянье («ѿита» и «д» имеют в резьбе посоха близкое начертание).

Ни здесь, ни в каком-либо другом месте надписей посоха Стефан не назван святым, причем постоянно указывается, что он епископ. В надписях колен и яблока указывается только «епископ», а имя опускается. В то же время важная часть деятельности Стефана протекала до принятия им епископского сана. Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что посох был создан до официального утверждения культа Стефана, причем постоянное указание на его епископство должно было поддерживать его авторитет.

Следующее слово «отимаеть» — отнимает, после него идет непонятный набор букв. Возможно, предполагалось написать «отимаеть выи» (шеи, по-видимому, от ярма работного, язычества или дьявола) или «отимаеть вы» (т. е. вас, пермяков) от чего-либо подобного.

Далее архимандрит Макарий выделяет два греческих слова: «еон» αἰών и «оп» ὄψ (век и лицо).¹² Это, однако, представляется натяжкой и не имеет смысла. Конечное «икон» не связано со словом «икона» и не представляет оконченного слова (в конце нет «ъ»). Можно вслед за Макарием читать эти буквы вместе с началом надписи на другой стороне «и конопъ-стбо» с исправлением «б» на «в», тогда это «конопъство» от «коноб» — сосуд; значение производного «конопъство» неясно — совокупность посуды или что-то связанное с сосудом (событие?). Слово «коноп» упоминается и в других надписях посоха (см. ниже). «. . вь оп мвеса» — последнее слово по

¹² Макарий, архим. Сказание. . . С. 54.

Рис. 3. Рукоять посоха.

Макарию — «мыся — мылся», а все вместе — «мыл лицо»? Однако «ижица» не употреблялась в значении «ы». Предлог «в» во всех других случаях в надписях посоха — без «ъ». Характерная частица «са» как будто действительно указывает на глагол. Но нет никакой уверенности в правильности разделения слов — после «оп» нет «ъ».

«Коноп» — «коноб», сосуд. По мысли Макария,¹³ речь идет о бесе, явившемся Стефану во время умывания (сюжет известен в русской агнографии, но не в связи со Стефаном). Однако основания для такой версии сомнительны. Во всяком случае «коноп» как-то связан с бесом. Они рядом упомянуты в надписи на ручке посоха, а также на 4-м колене. «Коноб» («Куноп») — имя волхва, противника Иоанна Богослова, упоминаемое в летописях.¹⁴ Сочетание «бес» и «коноп» напоминает известный литературный штамп: «сосуд дьявольский» — грешник. Однако и слово «конопъ» («Конопъ») и его контекст в надписях посоха остаются неясными.

«. . . и явися ему бес в ризах» — чтение сомнения не вызывает; эпизод в известных письменных источниках отсутствует. Возможно различное понимание слова «ризы»: обобщенное «одежда» и более узкое — «священническое облачение». Отметим редкое для надписей данного посоха написание звука «у» как «оу».

«. . . и ре ему» — и рече ему (в слове «рече» подразумевается надстрочное «ч»).

Заключительная часть второй надписи понятна, но не дает ясной картины эпизода. Между тем то, что он оказался упомянутым на ручке посоха, показывает, что он считался особо важным (или начальным). Однако содержание сказанного бесом Стефану остается неизвестным. В резьбе посоха отсутствует надпись, — которую можно было бы считать бесспорным продолжением надписи на рукояти, — содержащая слова беса. Скорее всего бес мог отстаивать свои права на пермский народ или угрожать Стефану за его деятельность.

Непонятная часть надписи, по-видимому, не является каким-то из распространенных древнерусских шифров. Наиболее популярный из них, тарабарская грамота, последовательно заменяет согласные, заменяя их друг другом и оставляя гласные, а также «ъ» и «ь» на своих местах. Труднопроизносимое сочетание гласных «иіео» показывает, что это не русская шифрованная надпись с сохранением гласных на своих местах. Сходство буквочетаний

иіеонопа

иконопьстбо

иконопъ

(начертание «іе» близко начертанию «к»)

наводит на мысль о механическом характере ошибки. Можно предполагать, что резчик был неграмотен. Однако начертания почти всех букв

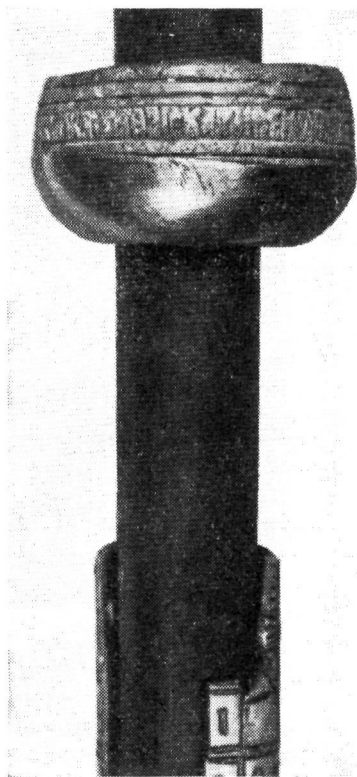

Рис. 4. Костяное яблоко посоха и одно из золоченых полушарий.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 180.

верны. Можно было бы предположить, что надпись содержит пермяцкие слова. Однако здесь следует быть осторожным, так как в передаче русских слов много ошибок и описок.¹⁵

Надпись на яблоке (рис. 4) в настоящее время частично закрыта металлической полусферой и не может быть полностью прочтена до реставра-

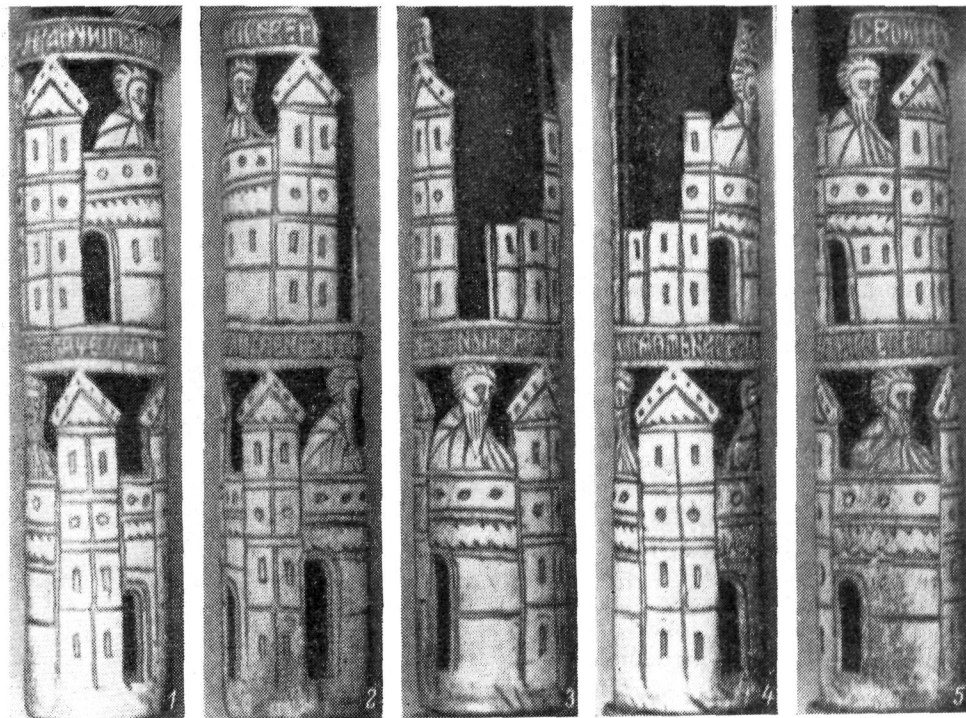

Рис. 5. 4-е резное колено посоха.

ции. Закрытую часть привожу по Макарию (с вариантом, который можно предполагать по не вполне ясным фотографиям де Бая).

[и вниде] епискупъ в насадъ іскати демона іхъ і погрузи бесъ нас [адъ
 1 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50
 и не вселиса в него]
 55 60 65

Вариант окончания надписи по де Баю:

и не вселися в него

и не влеися в него (очевидно — вода).

В этом тексте упоминается демоническое чудо, посредством которого бес пытался помешать Стефану найти и сокрушить идола. Надпись яблока находится в связи с изображением на 3-м колене. На двух композициях этого колена представлено шествие Стефана в ладье, а также погружение ладьи. В надписи яблока интересно последовательное написание «насад» вм. «насад» — очевидно, диалектизм.

Переходя к анализу надписей на отдельных коленах, следует отметить, что начала надписей на поясах почти всегда отмечены разделительным

¹⁵ Автор консультировался с Е. А. Хелимским по поводу возможности наличия на рукояти посоха древнепермских слов. Е. А. Хелимский полагает, что нечитаемые по-русски части надписей нельзя также объяснить ни из древнепермского, ни из других финно-угорских языков.

знаком в виде прямоугольника. Начала надписей, расположенных друг под другом, находятся на одной вертикальной оси. Та же ось является разделителем при прочтении композиций.

Колено 1-е (рис. 5).

1-я надпись (сохранилась не полностью):

неверн... в (?)свои радують

1 5 10 15

Неверный — постоянное название язычников в надписях посоха. Вероятный смысл фразы: неверные, творяще свои языческие обычаи, радуются. Может быть, именно эта фраза и содержит слова беса, о которых говорится в надписи на рукояти? В таком случае это колено и в первоначальном положении на посохе должно было идти первым. Однако в таком случае оно должно было находиться выше яблока, поскольку сразу после яблока несомненно должно было идти колено 3-е, изображения на котором частично иллюстрируют надпись на яблоке.

2-я надпись (сохранилась полностью):

і ѿны же невернии садтъ на граде веоелящесд

1 5 10 15 20 25 30 35

Последнее слово — «веселящися» («о» и «с», «я» и «д» спутаны по сходству начертания, а не звучания). Очевидно, веселье язычников связано с положением дел до появления Стефана или свидетельствует об их упорстве в начале его деятельности (под защитой укреплений?).

Колено 2-е (рис. 6).

Содержит три почти полностью сохранившиеся надписи. Первая надпись выделяется краткостью, занимает лишь часть пояска. Остальная часть пояска занята орнаментом.

1-я надпись:

поидоша на еіпискупа со ѡруж...

1 5 10 15 20

Слово «еіпискупа» — ошибка. Второй знак, возможно, не буква. Поскольку подлежащее в данной надписи отсутствует, следует предполагать, что первоначально этому колону непосредственно предшествовало такое, в последней надписи которого упомянуты те, кто отправился в поход против епископа.

2-я надпись:

і тьи невернии послепоша и плакашасд і в лесе

1 5 10 15 20 25 30 35

32 — вероятно, не должно читаться. Эта надпись поясняет, кто изображен на предыдущей композиции — неверные. Свообразен глагол «послепоша» (необычна приставка).

3-я надпись:

и принесоша епискупоу свои законъ і возопиша к н

1 5 10 15 20 25 30 35 40

Здесь редкий для надписей данного посоха случай передачи русского звука «у» двумя знаками «оу».

Колено 3-е (рис. 7).

Имеет две надписи, в верхней — две буквы утрачены.

1-я надпись:

и ста епискоупъ крести воду и преиде невред... (невредим. — А. Ч.).

1 5 10 15 20 25 30 35

Отметим архаичное написание «оу».

2-я надпись:

і сече демона іω і ѿгнь складе і забуде ѿгныва

1 5 10 15 20 25 30 35

Макарий читает: «демона ихъ» (язычников), но буква 13 — «омега». Буквы 15 и 32 — «омеги» с ударением и придыханием. Знаки 12, 13 и 14, 15, видимо, механически повторены.

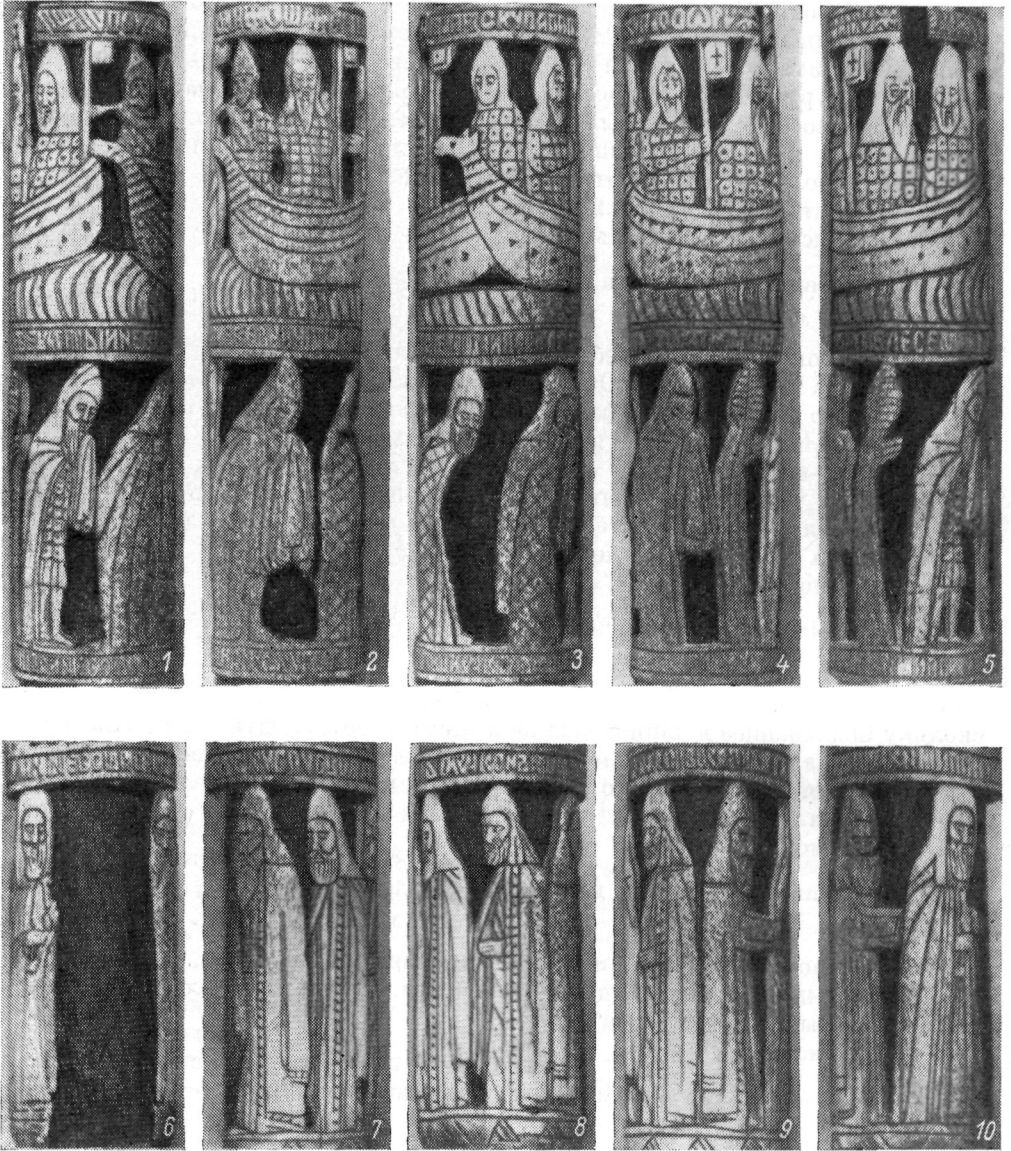

Рис. 6. 2-е резное колено посоха.

Колено 4-е (рис. 8).

Имеет две надписи, сохранившиеся частично.

1-я надпись. Сохранилась небольшая часть. Макарием прочтены участки ныне утраченные.

[соборъ...е] пискупом[ъ]

1 5 10 15

Первоначальный смысл, очевидно, такой: собор служит заупокойную службу над епископом.

2-я надпись:

не...на о дрвна глахо со свещам

1 5 10 15 20

Рис. 7. 3-е резное колено посоха.

Бесспорно лишь чтение последних двух слов: «со свещам». Первое слово можно предположительно восстановить по содержанию композиции: «несут». «От дрвна» — или речь о чем-то «древянном» (гроб), или «от древних времен». Возможно, подчеркнуто, что погребение было произведено

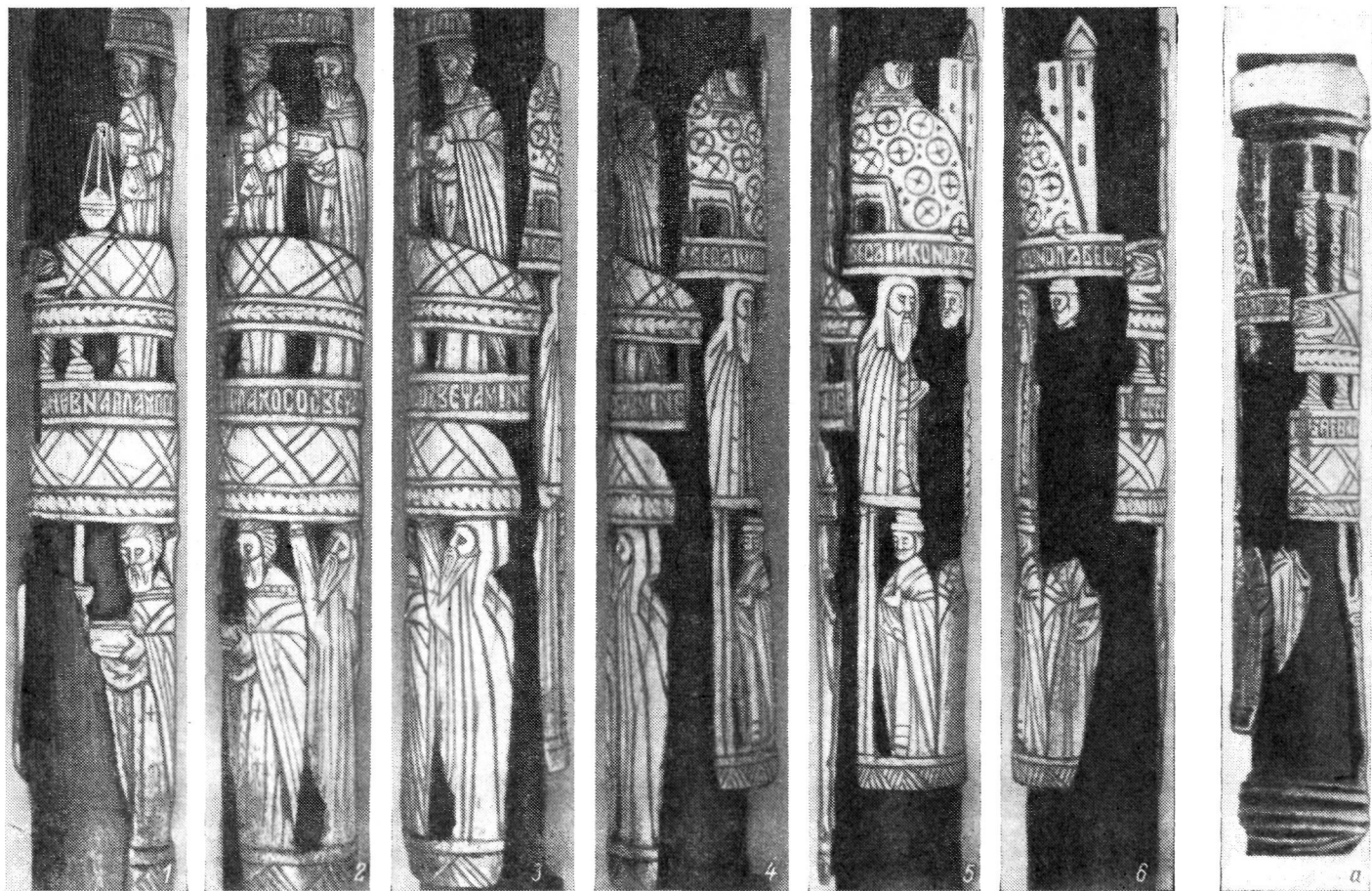

Рис. 8. 4-е колено посоха. а. — деталь колена по фотографии де Бая. Видны детали, в настоящее время утраченные.

в соответствии с порядком, установленным с древних времен. «. . глахо» — несомненно форма глагола «глаголати», написанная без букв, не писавшихся в строку при письме с надстрочными знаками. Окончание при этом может быть прочтено двояко: «глаголахом» с надстрочным конечным «м» или «глаголахо», где конечное «о» выступает вместо «ь», что в принципе возможно. Обе формы — первого лица (единственного и множественного

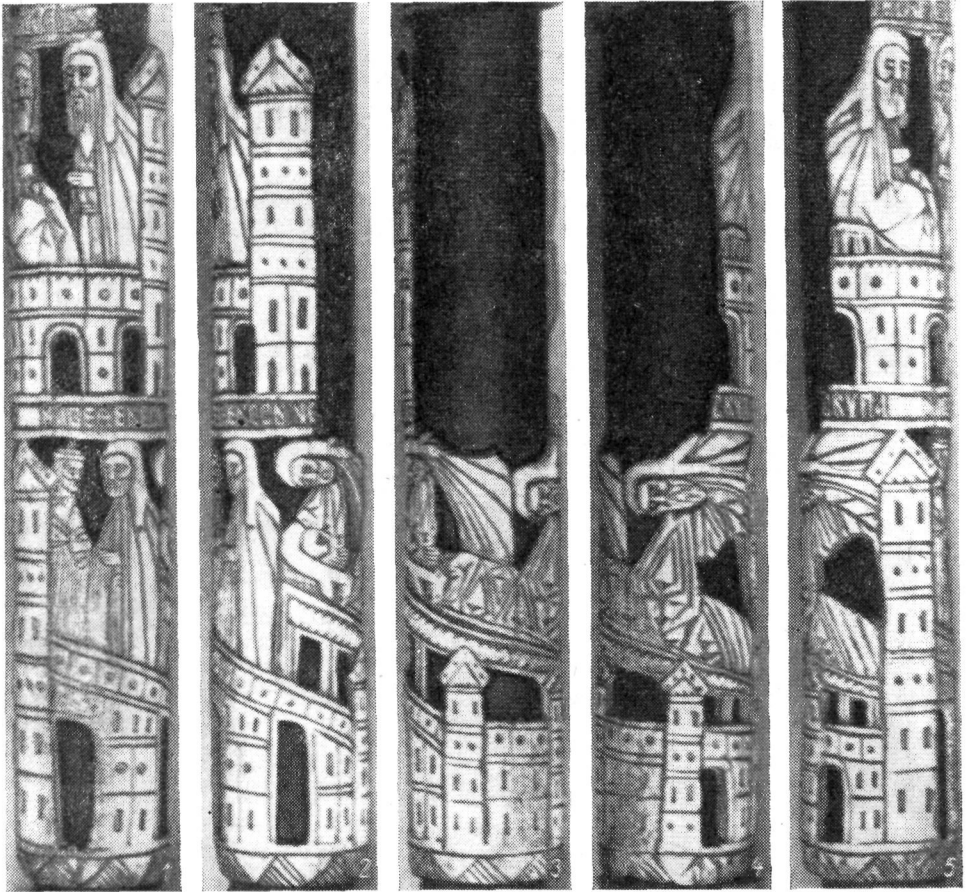

Рис. 9. 5-е резное колено посоха.

числа), что непонятно. Очевидно, текст дефектен. Возможный смысл: Стефана несут со свечами на погребение в соответствии с установленным издавна обрядом. Вариант: в соответствии с тем, что давно было ему предсказано.

В настоящее время к 4-му колену механически присоединена часть от другого колена с обрывком надписи. Этот обломок имеет в нижней части иной орнамент, чем 4-е колено, расстояние от надписи до нижнего края обломка тоже иное, чем у 4-го колена. Обломок представляет собою часть особого колена, так как не подходит ко всем сохранившимся коленам. Надпись на этом фрагменте:

и конопь бесъ... бесъ

1 5 10

Смысл неясен. Два раза упомянут «бесъ», один раз «конопь» (см. выше).

Колено 5-е (рис. 9). Две надписи, сохранившиеся частично.

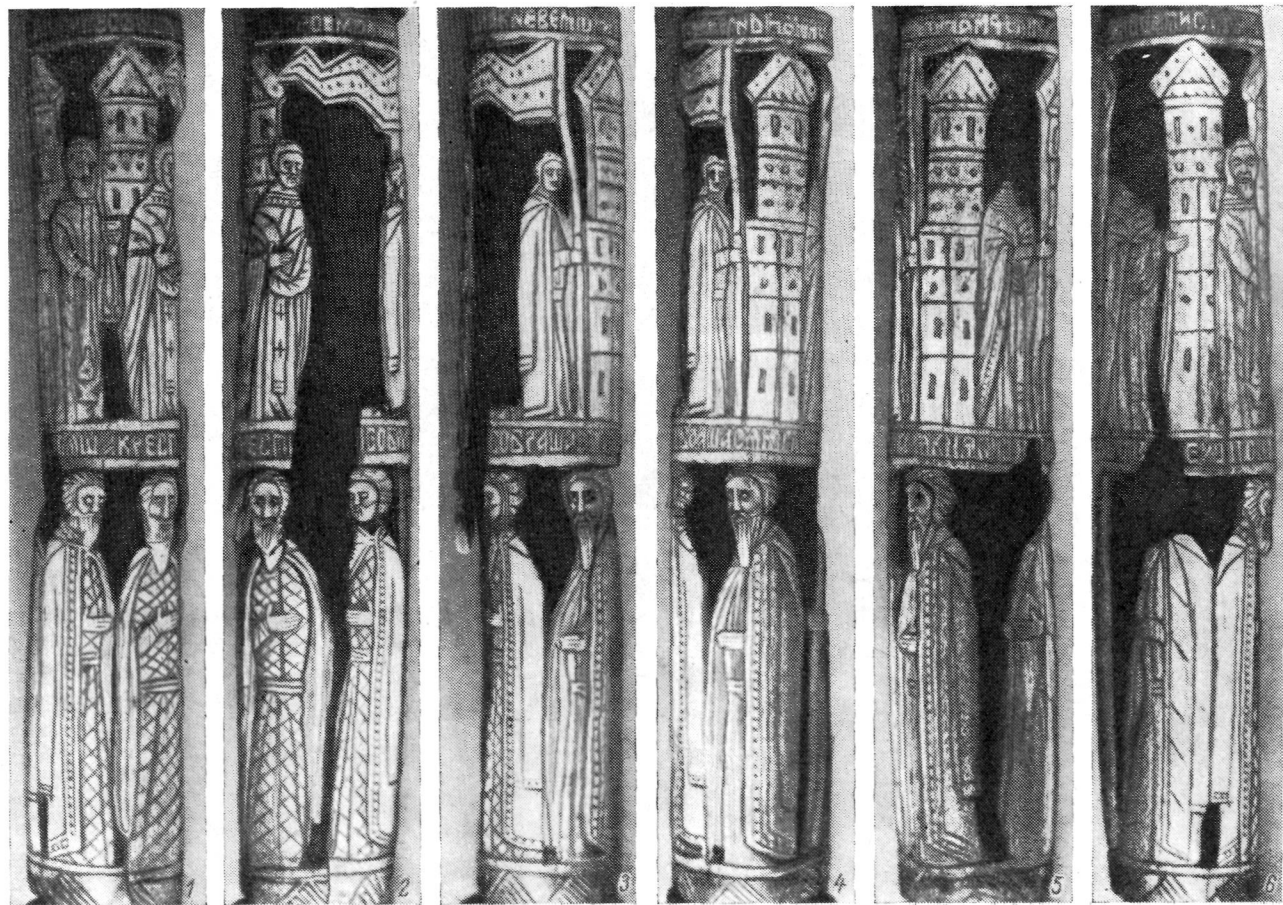

Рис. 10. 6-е резное колено посоха.

1-я надпись: иде. Макарий ошибочно читал «оде».

2-я надпись:

наведе бесъ че... скупа

1 5 10 15

Макарий читал 11-ю букву как «н» (предполагал чтение «недуг?»). Смысл: бес навел что-то (судя по изображению — болезнь) на епископа. Глагол «наведе» несомненно отражает представления о вредоносной магии, «дурном глазе».

Колено 6-е (рис. 10). Сохранились две надписи, верхняя полностью, небольшая часть второй утрачена.

1-я надпись:

идеть епискоупъ съборомъ к невернымъ

1 5 10 15 20 25 30

Очевидно, третье слово следует читать как «съ соборомъ».

2-я надпись:

і собрасаа князи шв... ехоташа крести..

1 5 10 15 20 25 30

Макарий читает буквы 16, 17 — «нев», очевидно, неверные. Можно предположить, что сцена «собрались князи неверные» находит свое продолжение в сцене «поидоша на епископа со оружием» (колено 2-е). Однако если епископ сам пришел к их граду с собором, то зачем было идти на него в ладьях? Если не принимать чтение «неверные» и считать, что надпись содержала не «нехотяща креститися», а «хотяща креститися», то композиции должны были бы идти после сцены сокрушения идола (колено 3-е) и принесения перьяками Стефану своего «закона» (колено 2-е). Если речь идет о князьях, желающих креститься, то сцена, в которой они с этой целью собрались, подразумевает следующую, представляющую крещение князей. Такой сцены, однако, нет, но она могла присутствовать на несохранившейся части резьбы посоха. Наконец, крестный ход к неверным мог открывать всю серию житийных сцен и находиться первоначально выше яблока.

Колено 7-е (рис. 11). Имеет две надписи, нижняя сохранилась полностью, верхняя — частично.

1-я надпись:

... дми черньцмъ соро... мзи...

1 5 10 15

Макарий читает «чернымъ», что не соответствует начертанию, но, вероятно, правильно исправляет ошибку надписи (сочетание «рньцмъ» невероятно для старославянского языка). «... соро» — может быть, речь о «сороках» соболей (в композиции фигурируют связки мехов). «... мзи» — Макарий читает «мре», что неверно.

2-я надпись:

шнн нсвернїи и възрадосаа ш смрти ешпїа

1 5 10 15 20 25 30 35

Буквы 1 и 24 — «омеги» с придыханием и ударением. Исправления: «нсвернїи» — несомненно «неверные». «s» вм. «e» — ошибка, не обусловленная фонетически (согласная вм. гласной). «... ешпїа» — неудачная попытка дать сокращенное слово «епископа». С надстрочными знаками это слово выглядело бы как «ешпа» с надстрочным «с»; два «ш» перед «ї» — безусловная ошибка. Отметим, что «ї» в слове «ешпїа» имеет своеобразное начертание (возможно, вообще не буква). Но и без этого «ї» написание с тремя «п» ошибочно.

По совокупности палеографических признаков резьба посоха должна быть датирована серединой XV в. Об этом свидетельствуют полное отсутствие вязи (характерной для надписей на произведениях прикладного искусства с конца XV в.), употребление «у» и реже «оу» при отсутствии лигатурного «Ѹ», форма «з», «р», «ъ», отдельные случаи написания «И» как «Н» (при преобладании написания «И»). От надписей конца XIV—начала

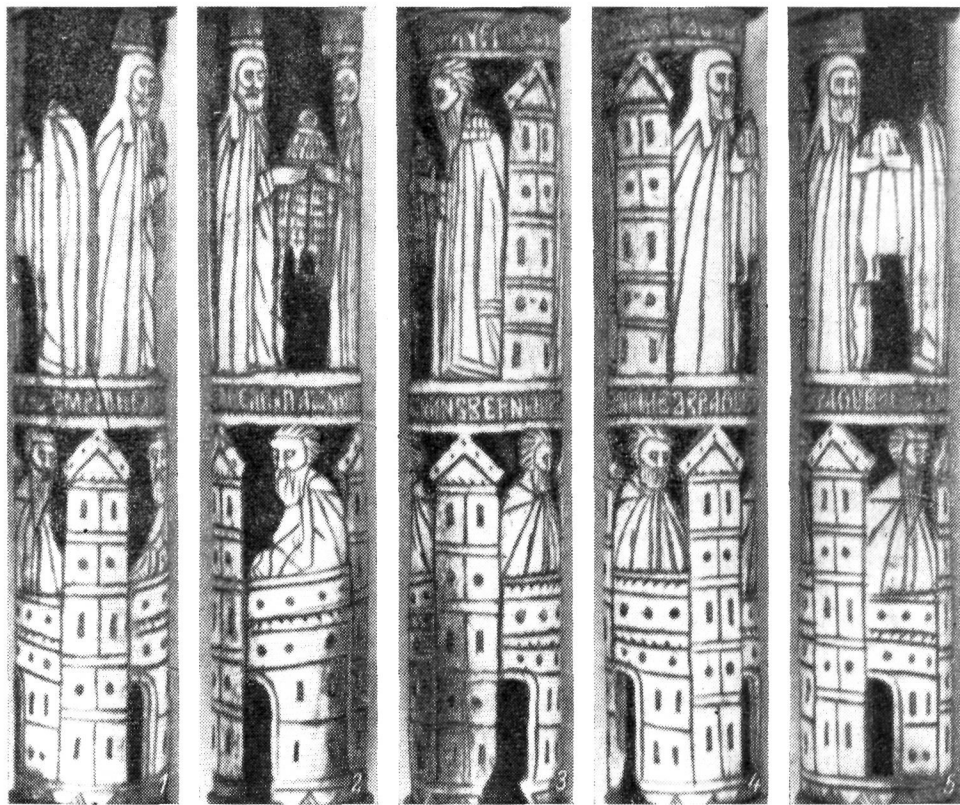

Рис. 11. 7-е резное колено посоха.

XV в. надписи посоха отличаются преимущественным написанием «у», а не «оу», «т» с тремя палочками, как перевернутое «ш», отсутствием написания буквы «ы» как «ѣ».

Палеографические данные являются главным основанием для датировки резьбы посоха. Они могут быть несколько уточнены с учетом исторических данных. Посох, в надписях на котором Стефан не назван святым, мог быть изготовлен только до 1473 г., когда по повелению пермского епископа Филофея была написана торжественная служба Стефану. В то же время, судя по палеографии, дату создания посоха нельзя относить к значительно более раннему времени. По-видимому, посох был украшен при предшественнике Филофея, Ионе. С этим владыкой связывается окончательное крещение пермяков в 1462 г.,¹⁶ причем при Ионе деятельность Стефана могла ассоциироваться с современными событиями. В это время сохраняла свою актуальность и враждебность к неверным: в середине XV в. (1443 и 1455) были убиты два пермских епископа — Герасим и Питирим.

Перейдем к рассмотрению резных изображений посоха.

¹⁶ См.: Доронин П. Документы по истории коми. . . С. 262.

На обеих сторонах рукояти (рис. 3) в ее центральной части мы видим изображения шестикрылых ангелов (серафимов или херувимов) в кругах. Подобное изображение на печатях является символом высших духовных властей, преимущественно — митрополита всея Руси.¹⁷ На посохе Стефана Пермского оно могло отражать или зависимость епископов пермских от московского митрополита, или просто духовную власть епископа. Остальная часть рукояти посоха покрыта растительным орнаментом, очевидно связанным с представлением о виноградной лозе (символически обозначающей Христа и апостолов — Иоанн, 15, 1—6). Такой орнамент на пастырском жезле мог напоминать о богословском обосновании власти епископа преемственностью сана, восходящей к апостолам. Подобный орнамент был очень широко распространен в прикладном искусстве Древней Руси в течение весьма длительного времени. Наличие кругов на концах отростков вьюна — более определенный хронологический показатель. Подобная черта характерна для орнаментики первой половины XV—начала XVI в.; в частности, эти круги имеются на резной детали оклада иконы Донской богородицы начала XV в. из собрания Загорского музея.¹⁸

На 1-м колене (рис. 5) представлены две практически идентичные сцены. «Поганые» изображены на стенах своего града. Важно, что представлен не просто вал, а настоящие стены с двумя ярусами бойниц, а также башни высотой в 5 этажей. Въезды в град расположены не в башнях, а в примыкающих к ним частях стен (реальная черта?). Поскольку жители города дважды названы неверными, очевидно их радость, о которой говорится в тексте, не связана с принятием христианства. Скорее они радуются в связи с тем, что им удастся пока сохранить свои языческие обычаи в неприкосновенности. Отметим, что при всей своей условности изображения на посохе Стефана являются ценнейшим и уникальным источником для изучения оборонительных сооружений XIV—XV вв. у народа коми.

2-е колесо (рис. 6) имеет три композиции и три надписи. На верхней композиции язычники с оружием едут против епископа на ладьях. В том, что это язычники, убеждают надписи двух следующих композиций на этом же колесе, где они прямо названы «неверными». Неверные представлены в кольчугах и шлемах (или конических шапках), у них в руках три четырехугольных стяга и один изогнутый рог. Носы кораблей украшены изображениями звериных морд. Корабли с подобными носами известны на изображениях XV в.¹⁹ Композиция может быть связана с конкретным эпизодом только вместе со следующей сценой, поскольку в ЖСП упомянуто несколько попыток вооруженного нападения на Стефана.

Второй ярус этого цилиндра представляет чудо святого Стефана: враги, хотевшие на него напасть, ослепли; они теперь представлены не на судах, а в лесу; они подносят к лицу большие куски ткани (пытаются протереть глаза или утереть слезы) — эпизод, отсутствующий в ЖСП и известный по Вычегодско-Вымской летописи²⁰ и позднейшим сказаниям.²¹ Согласно упомянутой летописи, именно после этого чуда Стефану удалось крестить наибольшее число язычников.

Помимо буквального значения эпизод с ослеплением и чудесным прозрением мог иметь аллегорическое значение: противопоставление ослепления язычников свету христианского учения. В таком смысле о слепоте

¹⁷ См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 82.

¹⁸ См.: Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси XIII—XVI вв. М., 1976. С. 186, рис. 66. — Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Т. В. Николаевой, указавшей эту аналогию.

¹⁹ См.: Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902. Т. 1. Л. 15, 77 об. (фотомеханическое воспроизведение рукописи); Антонова В. И., Мневая Н. Е. Каталог древнерусской живописи: XI—XVIII вв. Государственная Третьяковская галерея. М., 1963. Т. 1, табл. 236.

²⁰ См.: Доронин П. Документы по истории коми. . . С. 258, 259.

²¹ См.: Макарий, архим. Сказание. . . С. 15.

неоднократно упоминает Епифаний Премудрый.²² Из позднейших легенд известно, что Стефан, узнав, что жители поселка Гам вернулись к язычеству и «снова едят белок», назвал их «слепым родом», отчего впоследствии жители этих мест страдали глазной болезнью²³ (возможно, в легенде отразилось распространение в этих местностях трахомы).

Третья композиция, очевидно, представляет вершину деятельности Стефана — обращение пермяков. Это событие было иллюстрировано именно этой композицией, так как сцена крещения пермяков в резьбе посоха отсутствует. Принесение Стефану «закона» не известно более ни по каким источникам. В данном случае оно несомненно символизирует добровольный отказ пермяков от своих языческих святынь и передачу их Стефану. Что это за святыня — неясно. Слово «закон» как будто подразумевает религиозный текст (?). Никакой пермский языческий закон в ЖСП не упоминается, более того, в этом произведении специально подчеркивается, что до прихода к пермякам Стефана у них не было закона. «Людем беззаконным закон дал еси. . . не бывшу у них закону».²⁴ Пермяки, стоящие перед Стефаном, ничего в руках не держат, впрочем, здесь часть резьбы утрачена; не совсем понятный персонаж, стоящий за его спиной, держит книгу. Это или «закон», отданный Стефану пермяками, или богослужбная книга, которую несет идущий вслед за Стефаном какой-то его помощник.

Одно из изображений на рассматриваемом цилиндре имеет противоречие с текстом надписей. Это крест на одном из знамен, с которыми плывут враги Стефана — язычники. Можно предположить, что малограмотный или неграмотный резчик (ср. ошибки в надписях) не понимал содержания изображений, набросанных или намеченных другим человеком. Вид воинов, идущих в поход, вызывал в его уме прежде всего героические ассоциации и связывался с положительными образами. Учитывая важность рассмотренного центрального эпизода в резьбе посоха, попробуем детально сопоставить его с наиболее близким ему текстом Вычегодско-Вымской летописи.²⁵

Наряду с важнейшими чертами сходства — вооруженное нападение на Стефана, прибытие язычников в ладьях, эпизод с ослеплением и прозрением, завершившийся обращением большого количества пермяков, — приведенный текст имеет ряд отличий от версии, представленной в резьбе посоха. В тексте упоминается двукратное ослепление и прозрение; в нем не упоминается принесение пермяками Стефану «закона» или какой-то иной языческой святыни. Кроме того, если в надписях на рассматриваемом колене Стефан постоянно называется епископом, то, согласно тексту летописи, разбираемый эпизод относится ко времени, предшествующему поставлению Стефана в епископы. Таким образом, изображения на посохе несомненно иллюстрируют иную, хотя и близкую версию легенды.

3-е колесо (рис. 7) имеет три композиции и две надписи. На верхней композиции представлены два монаха лицом друг к другу и ладья, в которой видны две фигуры монахов. Эта композиция, а также следующая непосредственно связаны по содержанию с надписью на яблоке. Последнее изображение колена и надпись к нему поясняют, что под словом «демон» подразумевается языческий идол. На второй композиции дважды представлена ладья Стефана: один раз в горизонтальном положении, другой раз — в вертикальном (это изображает попытку беса потопить ладью). На третьей композиции представлен Стефан, наносящий топором удар «демону». Демон имеет вид сидящей на троне фигуры в длинной одежде, полностью закрывающей ее, так что рук не видно, в короне. Затем Стефан, нагнувшись, собирает поджечь остатки сокрушенного идола. Эпизод,

²² См.: ЖСП. С. 22, 41, 43, 66, 106.

²³ См.: Макарий, архим. Сказание. . . С. 12.

²⁴ ЖСП. С. 102.

²⁵ См.: Доронин П. Документы по истории коми. . . С. 258—260.

представленный на этом колене, не находит прямого соответствия ни в одном известном тексте. В частности, нигде, кроме рассматриваемого посоха, не упоминается эпизод с попыткой беса утопить Стефана.

Чудо о спасении Стефана от потопления отсутствует в других письменных источниках. Однако оно пользовалось какой-то известностью еще в XVII в. Об этом свидетельствует отрывок из жития протоппа Аввакума: «. . . а буде в воду посадят, и ты [боже], яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!».²⁶ Можно предположить, что Аввакум знал какую-то неизвестную версию жития Стефана или местное предание.

Сокрушение идола в принципе соответствует описанию ЖСП: «. . . кумира прежде обухом (на посохе — острием топора) в лоб ударяше, ти потом топором изсечаше на малая поленца, и огонь возгнетив. . . сгараше огнем».²⁷ Известен в ЖСП и случай разорения Стефаном наиболее важной «нарочитой кумирницы». Однако в этом эпизоде не все совпадает с изображениями посоха. «В единый от днии божий раб преподобный помоляся богу сотворь молитву, и по молитве вшед в етеро место идеже нарочитаа их кумирница, и покушашеся идолы их разорити и опроверже требища их, и богы их раскопа, и божиею силоу нарочитую их кумирницу заже и пламенем запали ю. Се же сотвори безо всякого человека».²⁸ Как видим, здесь нет описания путешествия по воде и сожвождавших его чудес, причем характерно, что в этом эпизоде ЖСП Стефан действует в одиночку, тогда как на посохе искать «демона» отправились три монаха. Значительная часть проповеднической и иной деятельности Стефана действительно осуществлялась по воде. В ЖСП упомянуто, как он в ладьях привозил пермякам хлеб из Вологды.²⁹ Согласно местным легендам, он плыл в ладье по Вычегде, и вернувшиеся к язычеству жители Гама с берега кричали ему, что опять «едят белок».³⁰ В ладье отправился Стефан, согласно легенде, навстречу вогулам (манси), пришедшим с войной на Усть-Вымь. При этом вогулам показалось, что епископ сияет пламенем и посылает в них огненные стрелы.³¹ Образ плывущей ладьи, корабля (обычно вместе с образом житейского моря) чрезвычайно популярен в богослужебной и церковно-учительной литературе; он дважды встречен в ЖСП, причем сам Стефан Пермский выступает как кормчий душевной ладьи.³² На посохе из трех монахов, сидящих в ладье, Стефана, по-видимому, изображает не сидящий сзади с кормовым веслом, а центральный, с крестом на груди (вероятно, изображен наперсный крест, которым отмечен главный персонаж, не рядовой монах, а иеромонах). В источниках нет никаких сведений о том, что Стефан отправился проповедовать с какими-то другими монахами. Возможно, в ладье представлены его постриженники из числа пермяков (?).

Эпизод с осенением бушующих вод крестным знаменем и спасением ладьи от потопления напоминает евангельские тексты; Стефан в этой ситуации как бы повторяет чудо Христа (Матф., 8, 24—27; Марк, 4, 39; Лука, 8, 22—25). В тексте ЖСП присутствуют несомненные реминисценции евангельских текстов, в которых Стефан также ассоциируется с Христом. Спасение Стефана от рук язычников, собравшихся убить его, описано: «. . . и тако прошед посреде их идяше»³³ (ср.: Лука, 4, 30). Рассказ о важнейшей проповеди Стефана начинается словами: «. . . и став на месте равне

²⁶ Житие протоппа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 25.

²⁷ ЖСП. С. 35—37.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ Там же. С. 76.

³⁰ Макарий, архим. Сказание. . . С. 12.

³¹ Там же. С. 27—28.

³² ЖСП. С. 93, 101.

³³ Там же. С. 28.

и нарочите»³⁴ (ср.: Лука, 6, 17). В уста агитирующего против Стефана волхва вложены слова: «...от Москвы бо может ли что добро быти нам?»³⁵ (ср.: «...от Назарета может ли что добро быти» — Иоанн, 1, 46). К числу реминисценций евангельских текстов, в которых Стефан ставится вместо Христа, следует отнести еще два отрывка из Жития, написанного Епифанием. Слова «не мы бо тебе избрахом, но ты нас избрал еси»³⁶ несомненно навеяны словами Христа в Евангелии от Иоанна «не вы меня избрали, а я вас избрал» (гл. 15, 16). Включенные в риторический «Плач пермских людей» слова «мы бо сами преставлению его самовидцы и слуги»³⁷ представляют собой не очень удачное использование евангельского текста, в котором упомянуты «самовидцы и слуги Слова» (т. е. Христа) (Лука, 1, 2).

Особый интерес среди изображений этого колена представляет языческий идол. Отметим, что хотя Епифаний Премудрый в ЖСП пишет о чрезвычайном разнообразии пермских идолов, он по существу не сообщает о них никаких конкретных сведений: «...еже суть болваны истуканныя, изваянныя, издолбеныя, вырезом вырезаемыя...», «бяху же в Перми кумири различнии, овии болшии и меншии, друзии же среднии, а инии нарочитии и словутнии, и инии мнози, и кто может исчести их? Овем убо редции моляхуся и худу честь воздааху, а другим же мнози, не токмо ближнии, но и далнии погостове. Суть же у них етери кумири, к ним же издалеча прихожаху, и от далних мест поминки приношаху и за три дни и за четыре и за неделю сущии со всяцем тщанием приносы и поминки присылаху и како могу сказати действованиа их?»³⁸

Идол, изображенный на посохе, вероятно, наделен чертами пермских языческих идолов. Это изображение гораздо более информативно, чем миниатюра Лицевого летописного свода, изображающая пермских «богов». Судя по изображенному рядом дереву, статуя находилась в лесу, что соответствует упоминаниям о святилищах пермяков. Большой интерес представляет то, что идол изображен сидящим. Такая поза идола перекликается с легендарными сведениями о знаменитой «золотой бабе» и ее изображениями на старинных картах. Однако в данном случае идол представляет бородатого мужчину. Наличие брошенного поверх фигуры идола одеяния подтверждается данными письменных источников о том, что у ряда пермских идолов были одежды. В ЖСП рассказывается о том, что Стефан, сняв с идолов одежды, дал их обращенному им в христианство мальчику, чтобы тот сделал из них «гаща, онуща и ногавища».³⁹ Корона на голове идола заставляет предположить, что перед нами главное языческое божество. Идол в богатых одеждах и с драгоценным венцом на голове упоминается в скандинавских сагах о походах викингов в Биармию (вероятно — Пермь).⁴⁰ В заключение отметим, что ни Макарий, ни де Бай не поняли, что данная фигура изображает языческого идола, хотя это совершенно определенно вытекает из текста прилегающей надписи. Барон де Бай полагал, что рассматриваемый образ представляет собой изображение князя или царя.⁴¹

В местных легендах о чудесах Стефана наиболее важная святыня, уничтоженная им, представляла собой не идола, а какую-то «прокудливую» березу, священное дерево.⁴² Стефан не мог срубить дерево за один день, а наутро находил ствол вновь нетронутым (фольклорная черта — сверхъестественная задержка действия у самой цели), нечто подобное — эпизод с забытым огнивом в надписи на 3-м колене. Пока Стефан рубил дерево,

³⁴ Там же. С. 28.

³⁵ Там же. С. 40.

³⁶ Там же. С. 90.

³⁷ Там же. С. 86.

³⁸ Там же. С. 35, 36.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ См.: Ти ан дер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 296.

⁴¹ В а у е, baron de. La crosse de S. Etienne de Perm. P. 13.

⁴² М а к а р и й, а р х и м. Сказание... С. 15, 16.

он слышал голоса: «оставь нас, се есть древнее наше пребывание» (ср. неизвестные речи беса, упомянутые в надписи на рукояти посоха). Лишь на третий день дерево было сокрушено. Весь этот эпизод имеет определенные черты сходства с композицией посоха, но ясно, что это совершенно разные версии (в легенде нет поисков святилища — оно было недалеко от кельи Стефана; в ней подчеркивается, что святыня представляла собой просто дерево, и т. д.).

4-е колено (рис. 8) представляет две сцены похорон, сопровождаемые двумя частично сохранившимися надписями.

Верхняя композиция представляет собой погребальное богослужение в церкви. Над телом усопшего стоят дьякон с кадиллом и священник с богослужебной книгой. Отметим прямоугольный предмет, положенный на свободно свисающий плат в руке дьякона; он показан у дьякона и на первой композиции 5-го колена, изображающей крестный ход Стефана «с собором» ко граду неверных. Подобный предмет встречается на изображениях первомученика Стефана, также имевшего сан дьякона. По-видимому, это артофорий — пиксида для хранения освященного хлеба.⁴³ В данном случае эта богослужебная принадлежность трактована как коробочка с плоской крышкой, тогда как в других случаях она изображалась с полукруглым, куполообразным верхом. В изголовье покойного представлены вытые свечи на высоких подсвечниках (в настоящее время частично утрачены, но хорошо видны на фотографии в издании де Бая — рис. 8а). Тело Стефана изображено по иконописной традиции запеленутым. Верхняя часть головы отломана, но борода видна отчетливо. Повторяющееся на этом колене два раза изображение мертвого тела не было понято архимандритом Макарием. Он упоминает «фигуру, заполненную орнаментом, напоминающим букву Х» (!).⁴⁴ На нижней композиции гроб с телом Стефана несут. Видна фигура священника с книгой в руке. Сзади нее монах поддерживает гроб снизу.

Несомненно, обе сцены похорон связаны со смертью самого Стефана Пермского. Его смерть в Москве, предшествовавшие ей посещения иерарха многими представителями знати и духовенства и посмертные почести воспринимались современниками как свидетельства святости Стефана и знаки божественной благодати.

Соединенный с 4-м коленом чужеродный фрагмент имел три композиции. От верхней сохранилось изображение сидящего епископа на фоне башни града. По мнению Макария, это изображение Стефана. Такую возможность нельзя полностью отрицать, однако отметим, что верхнее облачение (саккос), украшенное многочисленными крестами (крещатые ризы), — это облачение, которого как награды удостоивались очень немногие выдающиеся церковные иерархи или те из них, которые были облечены самыми высшими церковными титулами. Скорее всего данное изображение представляет не Стефана, а московского митрополита. По-видимому, сцена была посвящена какой-то встрече митрополита со Стефаном. Это не эпизод отправления Стефана на проповедь, так как он отправился к пермякам в то время, когда в Москве не было митрополита, и его благословлял и поставлял в иеромонахи епископ Коломенский Герасим, который крещатых риз не имел. Следовательно, композиция изображает или поставление Стефана в епископы пермские, или какую-то более позднюю встречу Стефана с митрополитом.

На следующей композиции представлен монах, очевидно Стефан, беседующий с человеком, от изображения которого сохранилась одна голова в характерной шапке. Такая же шапка повторена на нижней композиции этого же фрагмента колена и на 5-м колене. По-видимому, подобная шапка

⁴³ Лазарев В. Н. Михайловские мозаики. М., 1966. С. 69, 70, табл. 59, 61, 105.

⁴⁴ Макарий, архим. Сказание. . . С. 15.

соответствует традиционной иконографии головного убора, в котором обычно изображались пророк Даниил, три отрока, а также евангельские волхвы. Можно думать, что персонаж в такой шапке представляет языческого волхва. В надписи упоминаются загадочный «коноп» и «бес». При еще одном изображении той же шапки читаем: «. . .наведе бесъ че. . . [на е] пискупа». Очевидно, персонаж в этой шапке как-то связан с бесом в ризах и «конопом» надписей посоха. Его беседа с монахом напоминает о прении Стефана с волхвом.

На нижней части фрагмента фигура в характерной шапке идет в одну сторону, а в противоположную от нее движется обломанная фигура в плаще; перед ней была еще одна, ныне утраченная, также в плаще (см. рис. 8а). Сцена может быть предположительно связана с уходом побежденного в споре волхва. Однако ни в одной надписи не упомянуты ни слово «волхв», ни имя Пам (Пан), известное в письменных источниках, ни его титул — «сотник». Встречающееся в надписях слово «бес» едва ли все-таки можно отнести к реальному лицу (если это не иносказание). Судя по Вычегодско-Вымской летописи, Пам принимал участие в вооруженном походе против Стефана, закончившемся чудесным ослеплением и прозрением.⁴⁵ На соответствующих композициях посоха нет персонажа в подобной шапке.

На 5-м колене (рис. 9) представлены две композиции. На верхней композиции видны два беседующих на стенах града монаха. Можно отметить значительный размер башен — 6 этажей. Нижний ярус представляет собой две сцены на фоне града. Первая — это беседа монаха (очевидно — Стефана) с персонажем в характерной шапке, вторая — сцена болезни Стефана. Он лежит на одре, над ним склонились два монаха. Слова «наведе бесъ. . .» со всей определенностью могут быть связаны с суеверными представлениями о вредоносной магии, порче. Судя по всему контексту, порча связана с «бесом» надписей и фигурой в характерной шапке (возможно, она и названа бесом). В ЖСП Пам неоднократно угрожает Стефану вредоносной магией, однако это остается только угрозой.⁴⁶

Не вполне ясно, каким образом туземный персонаж в характерной шапке оказался в Москве, где Стефан заболел. Возможно, впрочем, что существовала версия жития, согласно которой Стефан заболел еще в Перми.

Поскольку ни на одной сохранившейся детали посоха нет сцены или упоминания чудесного исцеления Стефана, можно думать, что, согласно данной версии, болезнь, насланная бесом, и была причиной смерти Стефана.

6-е колесо (рис. 10) имеет две композиции и две почти полностью сохранившиеся надписи. Верхняя представляет торжественную процессию под стенами града. Это епископ «с собором» идет к неверным. Характерное «с собором» лишнее раз свидетельствует, что, согласно версии, представленной на посохе (и в этом, очевидно, более достоверной, чем другие), миссия Стефана не была индивидуальным предприятием. Изображены два священника с епитрахильями (возможно, дважды изображен Стефан) и дьякон с орарем на плече. Отметим, что до поставления Стефана в епископы он не имел канонического права поставлять дьяконов, следовательно, это или его спутник, или поставленник Стефана, уже ставшего епископом. Но тогда неясно, почему он изображен без омофора. Впрочем, в надписях Стефан постоянно именуется епископом. Впереди процессии отрок с развевающимся длинным флагом треугольной формы, не имеющим черт сходства с церковной хоругвью. В житии Нифонта, по рукописи XVI в., представлено церковное шествие с таким же флагом.⁴⁷

Фигуры пермяцких князей на второй композиции колена интересны своими одеждами, соответствующими русским модам XV—XVI вв. (осо-

⁴⁵ Доронин П. Документы по истории коми. . . С. 258, 259.

⁴⁶ ЖСП. С. 41, 46.

⁴⁷ Житие св. Нифонта, лицевое, XVI в. / Описание составлено В. Н. Щепкиным // Исторический музей: Описание памятников. М., 1903. Вып. 2. Табл. XXXII.

бенно длинные рукава, низко расположенный пояс). По краям одежды иногда выделена кайма (шитье? мех?). Можно думать, что главный князь представлен анфас. Связь композиций с каким-то определенным эпизодом неясна. В ЖСП пермяцкие князья совсем не упоминаются. Однако вероятно, что из-за феодального этикета Епифаний не считал возможным назвать местных правителей князьями. Не соответствует ли «князь» надписей посоха «сотнику» ЖСП? В таком случае яснее становится деятельность и влияние Пама. Отметим, что фигура с длинной клиновидной бородой, подобная центральной фигуре нижней композиции, может быть выделена и среди воинов, отпавшихся в поход против Стефана.

Последнее, 7-е колено посоха (рис. 11) имеет две композиции и две надписи. Содержание второй композиции показывает, что эти события относятся уже ко времени после смерти Стефана. На верхней, после не полностью сохранившейся и непонятной надписи, изображены две сходные сцены: монах и светское лицо передают один другому связку мехов на фоне града. Возможно, речь идет о каких-то поборах в пользу церкви. Известно, что в это время великий князь уступил часть своих доходов епископам пермским.⁴⁸ Не исключены и другие истолкования изображения. Самая нижняя композиция вполне идентична двум композициям 1-го колена. Поскольку в надписи упомянута смерть Стефана, можно думать, что этот цилиндр и первоначально следовал за сценами похорон епископа. Не вполне ясно, какой град изображен на рассматриваемой композиции. В Усть-Выми, по-видимому, к моменту смерти Стефана все же преобладало христианство. Может быть, подразумевается Князь-погост? Довольно странно, что заключительной сценой в серии изображений на посохе оказалось изображение злорадства язычников по поводу смерти миссионера. Можно думать, что одна из важнейших тенденций, отраженных в изображениях на посохе, — осуждение язычества и его пережитков, сохранившихся у пермяков.

* * *

Анализ последовательности надписей и изображений на посохе Стефана Пермского в его современном состоянии показывает, что первоначальный порядок резных колен несомненно нарушен. Современное состояние посоха (неполная сохранность надписей и изображений) не дает оснований для бесспорной реконструкции его первоначального вида. Предлагаемое восстановление порядка колен может рассматриваться только как рабочая гипотеза.

Представляется, что серия житийных изображений посоха первоначально, как и в настоящее время, начиналась коленом 1-м (рис. 5). В пользу этого предположения могут быть предложены следующие аргументы: то, что оно и в настоящее время находится на первом месте (при ремонте наиболее вероятно сохранение на своих местах первого и заключительного элементов), и то, что это колено по композиции и смыслу изображения перекликается с заключительным изображением последнего колена. Наконец, содержание первой надписи может быть понято как упомянутые в надписи на ручке слова беса (получается, что он сообщает Стефану о том, что неверные радостно коснеют в язычестве).

Однако если это колено шло первым, то первоначальное его положение должно было быть несколько иным, чем теперь: оно должно было располагаться выше яблока, так как изображения ниже яблока должны были иллюстрировать текст, находящийся на яблоке. Малая длина данного колена, составляющая его специфику, возможно, связана с его особым (крайним верхним) положением.

⁴⁸ Макарий, архим. Сказание... С. 26.

Другое колено, которое могло занимать первое место, — колено 6-е (рис. 10). Его первая сцена — «идет епископ с собором к неверным» — может рассматриваться как завязка всего повествования о Стефане. Но его вторая сцена — «собрашася князи. . .» — подразумевает далее какое-то развитие действия (я предполагаю: «. . . поидоша на епискупа со оружием»). Если же колено 6-е шло первым, выше яблока, то за ним далее должен идти эпизод с сокрушением идола, никак не связанный с собранием князей.

Если первоначально на посохе, как и теперь, не было костяных колен выше яблока, то колено 1-е могло идти после колена 6-го (трудно предполагать, что после колена 3-го (рис. 7), так как в этом случае получилась бы последовательность: Стефан сокрушает идола, а неверные веселятся).

На втором месте после колена 1-го и яблока следует поместить колено 3-е (рис. 7) — путешествие Стефана по воде и сокрушение идола. Это обусловлено надписью на яблоке.

На третьем месте могло бы идти колено 2-е (рис. 6) — поход язычников на Стефана как следствие сокрушения почитаемого ими идола. Но поскольку в первой надписи («поидоша на епискупа. . .») нет подлежащего, а последняя надпись 3-го колена «сече демона. . . забуде огнива» язычников не называет, то следует предполагать здесь промежуточное колено. Это, очевидно, колено 6-е (рис. 10). Сокрушив идола, Стефан направляется с проповедью к неверным, а они отправляются против него с оружием. Некоторое противоречие — Стефан приходит к самому граду неверных, а они к нему едут в ладьях — может быть объяснено хронологическим разрывом, разделяющим эти эпизоды.

На четвертом месте следует поместить колено 2-е (рис. 6) — поход язычников против Стефана, их чудесное ослепление и обращение к христианству. Последняя сцена этого колена, несмотря на маловыразительную композицию, очевидно представляет апогей деятельности Стефана.

На пятом месте могло идти колено, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 8а) с изображением митрополита и беседы Стефана с волхвом (бесом в ризах?). Очевидно, здесь изображались поставление Стефана в епископы (как следствие признания его подвигов, показанных выше) и начало неясного эпизода с участием «беса», который затем навел на епископа болезнь.

На шестом месте, по-видимому, помещалось 5-е колено (рис. 9). Верхний эпизод (беседа Стефана с монахом) неясен, так как надпись почти полностью утрачена; второй эпизод продолжает сюжет с бесом и представляет болезнь епископа.

На седьмом месте, очевидно, следует колено 4-е (рис. 8) — похороны епископа, следующие за изображением его болезни.

Колено 7-е (рис. 11) как в настоящее время, так и первоначально было завершающим. На нем упоминается уже совершившаяся смерть епископа, следовательно, оно должно идти после сцены похорон.

Несмотря на ряд неясностей мы, таким образом, можем в общих чертах восстановить ту версию жития Стефана Пермского, которая представлена на посохе.

Характерные особенности этой версии выступают особенно рельефно при ее сравнении с ЖСП Епифания Премудрого.

В ЖСП особое внимание уделено изобретению Стефаном письменности и его переводческой деятельности, прославление которых составляет основу похвального слова, посвященного миссионеру. Эти стороны деятельности Стефана совершенно не отражены в изображениях и надписях посоха.

Наиболее яркий и драматический эпизод ЖСП — прение Стефана с языческим волхвом Памом-сотником. Бесспорного отражения этого эпизода в сохранившихся изображениях посоха нет.

Оба чуда Стефана, упомянутые в надписях посоха и изображенные на нем, — спасение от потопления и ослепление язычников — отсутствуют в ЖСП. Следует отметить, что при всей приподнятости и риторике стиля ЖСП в нем нет ни одного сверхъестественного чуда Стефана (хотя вся его деятельность в целом оценивается как чудесная).

В ЖСП отсутствуют и конкретные действия дьявола против Стефана, отраженные в надписях и изображениях посоха: явление беса в ризах, чудесное погружение ладьи со Стефаном, насылание на Стефана болезни. В ЖСП дьявол фигурирует лишь как безликая сила, символ мирового зла.

Отсутствие чудес в написанном Епифанием Премудрым Житии Стефана Пермского резко контрастирует с легендарной традицией, сложившейся вокруг этого миссионера, в частности с версией, существовавшей, судя по резьбе посоха, уже в середине XV в. Отдельные чудеса, связанные со Стефаном, имеются в житиях других святых, в частности Прокопия Устюжского, который, согласно легенде, предсказал беременной матери Стефана, что от нее родится просветитель пермской земли.⁴⁹ Еще одно чудо, связанное со Стефаном, помещено в Житии Сергия Радонежского. Согласно этому Житию, когда Стефан проезжал из своей епархии в Москву в значительном отдалении от Сергиевой обители, он остановился и с поклоном приветствовал Сергия. Сергей, несмотря на значительность расстояния, почувствовал это во время трапезы и ответил Стефану тем же.⁵⁰ Это чудо находится в Житии Сергия Радонежского, написанном тем же самым автором, что и Житие Стефана, — Епифанием. Таким образом, Епифанию была известна легенда по крайней мере об одном чуде, связанном со Стефаном, но он не считал нужным включить ее в Житие. Вероятно, существенное различие двух основных произведений Епифания — житий Сергия и Стефана объясняется тем, что первый из двух был популярнейшим деятелем своего времени, тогда как деятельность второго интересовала в те времена лишь избранных. Поэтому Житие Сергия было гораздо более насыщено как фактическими данными, так и чудесными легендами. Рассчитанное на более узкую аудиторию, Житие Стефана было менее конкретно, чрезвычайно нагружено своеобразно понятыми литературными красотами и вместе с тем полностью лишено сверхъестественных событий. Тот факт, что отсутствие чудес в Житии Стефана (факт в агиографии уникальный) было результатом осознанной тенденции Епифания, подтверждается также тем, что эпизод, послуживший литературным прототипом рассказа ЖСП о состязании Стефана с волхвом (влияние первого на второй неоспоримо ввиду наличия текстуальных совпадений), завершился чудом, которое Епифаний, однако, заимствовать не стал.⁵¹

Любопытное отличие версии ЖСП от версии посоха заключается в том, что Епифаний постоянно подчеркивает индивидуальный характер деятельности Стефана, тогда как на посохе можно в нескольких случаях видеть его соратников (крестный ход к неверным с собором; поиски идола со спутниками; очевидно, те же лица у ора болезни Стефана). В данном случае правда жизни скорее на стороне версии посоха.

Версия биографии Стефана, представленная на посохе, отражает сравнительно с ЖСП более архаичные представления, с яркими чертами суеверия. По сравнению с ЖСП эта версия также менее книжная, имеет более народный, фольклорный характер.

⁴⁹ См.: Житие Прокопия Устюжского // ПДПИ. СПб., 1893. Вып. 203. С. 56, 57.

⁵⁰ См.: Леонид, архим. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV в. // ПДПИ. СПб., 1885. Вып. 58. С. 115—116. — Изображение этого эпизода на миниатюре конца XVI в. см.: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1853. Л. 211—213 об. (наиболее интересна миниатюра на л. 212).

⁵¹ См.: Поп Р. Несколько замечаний о литературном методе Епифания Премудрого // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

Несколько слов о художественных особенностях резьбы посоха. Несомненно, уровень квалификации резчика в данном случае гораздо ниже, чем тот, который характерен для декора посохов Геронтия и Оружейной палаты. Стилль резьбы можно назвать линейно-графическим со значительной долей северного примитивизма. Можно указать отдельные параллели в древнерусском прикладном искусстве⁵² (трактовка волос и одежд, архитектуры). Ряд особенностей стиля может быть объяснен воспроизведением в более крупном размере образцов с миниатюрной резьбой, подобных позднейшим памятникам искусства Афона. Во всяком случае, резьба посоха имеет сходство не только с северорусскими произведениями, но и с некоторыми памятниками позднесредневековой греческой резьбы по дереву.⁵³ Характер резьбы посоха Стефана несомненно указывает на его провинциальное происхождение и косвенно свидетельствует в пользу его создания в центре великопермской епархии — Усть-Выми. Возможно, это произведение было создано человеком, не имевшим высокой профессиональной выучки, по обету. Судя по языку надписей, их составитель был русским, а не коми, так как в противном случае было бы естественно использовать письменность, созданную Стефаном Пермским.

⁵² См.: Леонов А. И., Померанцев Н. Н. Деревянная скульптура // Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII в. М., 1962. Т. 1. С. 82.

⁵³ См.: Соловьев М. П. Резной деревянный крест греческой работы из собрания А. В. Звенигородского. СПб., 1887.

С. К. РОСОВЕЦКИЙ

Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической «смеховой культуры» XVII в.

1. Постановка задачи

В 1876 г. А. Н. Веселовский опубликовал по списку с рукописи XVIII в. текст, названный им «Сказкой о Грозном и старце».¹ Для методики А. Н. Веселовского разграничение литературного произведения, использующего сказочный сюжет, и старой записи устной сказки не имело принципиального значения; так, сказку о Шибарше в той же статье «Сказки об Иване Грозном» он называет то сказкой, то повестью (с. 317, 320). В наше время Н. В. Новиков, перепечатывая «Сказку о Грозном и старце» в антологии ранних записей и изданий русских сказок, определяет ее жанр следующим образом: «Относится к циклу сказок „Умный юноша или девушка“ («Указатель», 920—929);² задача царя старцу: прибыть к столу „ни конем, ни пешу, ни в платье и ни нагу“ и способы выполнения ее см. „Указатель“, 875 («Семилетка»)).³ Между тем использование одного сказочного мотива, отмеченное еще А. Н. Веселовским (с. 321), представляется явно недостаточным для того, чтобы отнести к жанру новеллистической сказки произведение, весьма сложное, как увидим, по своей сюжетной структуре и основанное, конечно же, на устном предании.⁴

Цель настоящей статьи — показать литературный, беллетристический характер «Сказки о Грозном и старце», раскрыть ее отношение к исторической действительности, установить ее текст как древнерусского литературного памятника — Повести о царе Иване и старце⁵ (далее: Повесть), определить черты идейно-эстетического своеобразия этого произведения и его место в литературном процессе Древней Руси.

¹ Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Кн. 4. С. 322—323. — В дальнейшем страницы этой работы указываем в тексте.

² Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне. Л., 1929 (далее: Андреев. Указатель).

³ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1971. С. 267. См. также: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 220. — Здесь наш текст начинает перечень русских версий сказки типа Андреев. Указатель, 875 («Семилетка. (Мудрая девушка)»), правда, в качестве варианта, который «приблизительно или частично соответствует тому сюжетному типу, к которому он отнесен» (с. 23).

⁴ См.: Росовецкий С. К. Устная проза XVI—XVII вв. об Иване Грозном-правителе // Русский фольклор. Т. 20. Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 77—79.

⁵ Обоснование этого заглавия см. в комментариях к нашему изданию Повести в Приложении к настоящей статье. Повесть цитируется в дальнейшем по этому изданию.

2. Сюжетная структура памятника и объекты пародирования в некоторых ее элементах

Возникающее у современного читателя представление о Повести как о непритязательной, торопливо-небрежной записи устного рассказа обманчиво и — как это ни парадоксально — свидетельствует о высокой эстетической ценности произведения, в котором глубинные слои идейно-художественной структуры (пародийный и философский, мировоззренческий) органически связаны с находящимися на поверхности эпизодами шутовского состязания царя и старца. В свою очередь, внешняя сумбурность этого состязания скрывает сконструированный с прямо-таки архитектурной четкостью строгий сюжетный каркас, легко поддающийся компактному схематическому описанию (см. таблицу).

Начальная и заключительная фразы Повести представляют собою лаконичное обрамление состязания. Первая («Царь Иван Васильевич

Некоторые элементы сюжетной структуры Повести

№ «блока»	№ эпизода	Содержание эпизода	Состязательный аспект действия				Членение художественного времени		Зоны художественного пространства		
			смеховая инициатива		«Победа»		этапами церковной службы	бытовыми, светскими временными ориентирами	Монастырская		Светская
			старца	царя	старца	царя			церковная	бытовая	
I	1.	Шутовские ответы старца на вопросы царя	+		+		+		+		
	2.	Отказ старца «зааминить» молитву царя и объяснение им своего поступка	+		+		+		+		
	3.	Шутовская «похвала» старца пеню царя	+		+		+		+		
	4.	Царь приказывает перевернуть на аналое «Пролог», который предстоит читать старцу		+		+	+		+	+	
II	5.	Подпоив старца, царь неожиданно велит звонить к заутрени. Старец оказывается на месте и достойно отвечает на вопрос царя		+	+		+		+	+	
	6.	Драка клирошан у разбитого кувшина с пивом, покаянная молитва их и «прощение» свыше	+		+			+		+	
III	7.	«Неисполнимые задания» царя и выполнение их старцем		+	+			+			+
	8.	Провокационное угощение «после многого кушанья» царским пирогом и оправдание старца		+	+			+			+
	9.	Вопрос царя к старцу, чем его пожаловать. Иносказательный ответ старца и истолкование его царем	+		-	-		+			+

пришел в Сергиев монастырь к бдению. . .) вводит царя в монастырскую зону художественного пространства Повести и сталкивает его со старцем, вторая разводит персонажей по «их» зонам и фиксирует характерную для поэтики волшебной сказки финальную остановку действия: «И опять пошли крылошени в монастырь, а государь царь Иван Васильевич остался во Александровской слободе». Само состязание состоит из трех повествовательных блоков (по три эпизода в каждом) и подытоживающего поединок рассказа о награждении царем старца, в котором соперники оказываются достойными друг друга, а смеховой конфликт между ними благополучно разрешается.

Действие первых трех эпизодов Повести происходит в церкви монастыря; чернец, начав дурачиться, не упускает пока смеховой инициативы и легко берет верх над противником. В следующей серии эпизодов царь переходит сам в наступление, сакральное монастырское пространство здесь чередуется уже с бытовым (келии, двор монастыря), торжество царя-шутника подчеркнуто повторением ремарки: «И царь о том был светел»; «И царь был светел». Последний повествовательный блок переносит действие в Александровскую слободу. На своей территории царь удерживает инициативу, однако старец с честью выходит из всех испытаний, что опять-таки подчеркивается повторением трафаретного оборота: «И дивился царь старцеву разуму. . .»; «. . . и царь дивился разуму его».

Не желая разрывать контакт персонажей, автор оставляет их на пути из Троице-Сергиева монастыря в Александровскую слободу, чтобы сразу же вернуться к ним, застав старца уже «близь слободы». Эта по-сказочному мгновенная смена зон художественного пространства делит время произведения на два как бы готовых соединиться друг с другом отрезка: в течение суток происходит действие двух монастырских серий эпизодов, в течение одного дня — «слободского блока» и финального награждения старца. Такая концентрированность художественного времени типична для сюжетных произведений демократической сатиры XVII в. и должна быть объяснена отмеченным Д. С. Лихачевым стремлением их авторов к непрерывности «смеховой работы».⁶ Оригинально в нашей Повести иное, а именно — последовательно проведенное сочетание временных и пространственных средств, совместно акцентирующих ритм смены эпизодов. Если в первой серии эпизоды маркируются указаниями на этапы церковной службы, то во второй бытовому монастырскому пространству соответствует бытовой же временной ориентир: царь наблюдает за дерущимися монахами «после стола»; «к столу» приглашает он старца и в слободской серии.

Присмотримся теперь поближе к смеховому соревнованию героев Повести. Начинают его шутовские ответы старца на вопросы заинтересовавшегося им царя. А. Н. Веселовский указывает, что их «соль состоит в сознательном *qui pro quo*», и находит весьма близкие параллели в баснословном Житии Эзопа (с. 321—322). Нас интересуют индивидуальные особенности использования автором Повести этого «бродячего» фольклорного мотива.

Прежде всего, старец предельно лаконичен, и без жестов, дополняющих его слова, ответы были бы просто непонятны: «И старец поднял шапочку и указал, — рек: „В то пострижен“, — на главу». Боярин-посредник вынужден находить словесные эквиваленты жестам старца — и при этом, явно не одобряя поведения его, подчеркивает неприличие, незтикетность ответов: «И старец отвечал: „Аз-де отвсюды старец“, — и на себя оком окинул. И пришел боярин, говорит: „Государь, я не смею говорить тебе. Старец говорит: Я-де отвсюды чернец, и спереди и созади“». С одной стороны, автор Повести демонстрирует таким образом свою неприязнь к боярам, с другой — повторение этого ответа, да еще с измене-

⁶ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 35—36.

ниями, усиливающими его смеховой характер, призвано подчеркнуть значение первых реплик старца в общем замысле произведения. Они выполняют здесь две функции: одну — внутри сюжета, завещанного преданием и интерпретированного в творческом сознании книжника, другую — в системе «произведение — читатель».

Внутри сюжета шутовские ответы старца представляют его царю в качестве шута или юродивого.⁷ Без этой авторекомендации последующие выходки старца могли бы в реальной действительности стоить ему головы: чернец дважды отказывается «зааминить» молитву царя, а затем, послушав его пение, наносит царственному певцу прямое оскорбление, заявляя: «Только-су умеешь!». Иными словами, он намекает на неспособность государя исполнять свои прямые обязанности. Грозный царь, однако, уже предупрежден о том, с кем имеет дело, и избирает соответствующую позицию, подвергая старца не реальному, а смеховому наказанию: велит архимандриту перевернуть «Пролог», по которому старцу предстоит читать в ходе службы, и получает полную сатисфакцию. Отметим попутно, что вся эта шутовская возня нарушала благолепие торжественной службы основателю монастыря, придавала ей если не скандальную, то карнавальную окраску. И все-таки даже в этом контексте дерзкие выходки старца существенно отличаются от его первых реплик: они попросту не кажутся нам смешными. Нам, современным читателям Повести, и при «закрытом» ее прочтении.

Авторекомендация старца в начале Повести была обращена, однако, не только к партнеру по сюжету, но и к читателю — современнику автора. Если для Грозного — героя Повести это смеховой партнер его внутрисюжетного бытия, то для древнерусского читателя «смехотворных повестей» — знак, сигнализирующий о том, что перед ним текст, от автора коего следует ожидать повествования, которое Д. С. Лихачев характеризует как «непрекращающееся опрокидывание в смеховой мир всего сущего, как непрерывное смеховое дублирование происходящего, описываемого, рассказываемого».⁸

Для читателя XVII в. не составляло труда распознать объект пародийного «воздурения» в рассматриваемом эпизоде Повести. Это — одна из ключевых сцен Жития митрополита Филиппа. Смелая оппозиция Филиппа опричнине и его мученическая кончина привлекли в середине XVII в. внимание участников известного спора «о священстве и царстве», к осмыслению его духовного наследия обращались, с одной стороны, патриарх Никон, Алексей Михайлович, Симеон Полоцкий, с другой — соловецкие бунтовщики и протопоп Аввакум. По сведениям А. Олеария, в середине века по поводу переноса мощей митрополита Филиппа «было много толков в народе».⁹ В интересующем нас эпизоде Жития царь внезапно приезжает из Александровской слободы в Москву и вместе с опричниками («все единолично в черном платии, и ина неудобь писанию предати») входит в Успенский собор, где митрополит вступает с ним в спор об опричнине. Через несколько дней, в воскресенье, митрополит служит в соборе, «прииде же и царь ко соборному пению в черны ризы облчен», так же одеты и окружающие его опричники. Митрополит, продолжая совершать молебен, стоит на уготованном ему месте. «Царь же трикраты к месту пришедше, благословение хотяше прияти. Святитель же ничто же рече. Боляре же реша: „Владыко святыи! Царь Иоанн Васильевич прииде к твоей святости,

⁷ Ср. авторекомендацию Михаила Клопского в начале его жития: Дмитриев Л. А. Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. С. 89—90.

⁸ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 36.

⁹ Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 115.

требует благословен быти от тебе!“». Митрополит в ответ произносит обличительную речь.¹⁰

Если троекратному отказу митрополита Филиппа благословить царя соответствует в Повести двукратный отказ старца «зааминить» молитву самодержца, то обвинительной речи митрополита, требующего отмены опричнины, — шутовская реплика старца «Только-су умеешь!», которая оценивает пение царя, но которую можно понять и как намек на то, что царь только что и умеет — петь. Однако объяснение старца своего «аминя с проволокою» не находим аналогии в Житии митрополита Филиппа. Источником этой детали оказывается. . . былина о Дюке Степановиче.

В одном из ее вариантов появившийся в киевской церкви во время воскресной службы Дюк так отвечает на вопрос князя Владимира об его имени и отчестве:

Отойди-тко се, Владимёр-князь стольно-киеськой!
Они не то тут поют, не тебя слушают. . .¹¹

В печорских вариантах подобную отповедь (ср. в Повести: «Здесь-де одного подобает слушати») получает Чурила Пленкович:

— Не то нынече поют, да не то слушают,
Поют и слушают обедню воскресенскую.¹²

Итак, автор Повести заставляет своих персонажей разыграть шутовскую травестию трагического конфликта царя и митрополита, высмеивая тем самым попытки вмешательства церкви в политику государя. Комический эффект усиливается, когда веселый клирошанин, пародирующий поведение сурового митрополита, начинает одновременно подражать красавцу и щеголю — богатырю Дюку.

Обратимся теперь к эпизоду, в котором царь Иван приглашает старца «к столу в Александрову слободу: а быть ему ни конем, ни пешу, ни в платье и ни нагу». Старец берет с собою клирошан и уже у самой слободы велит: «. . . ся оболочи всем старцем мережами», «и друг друга несли за кукурки, перемеаясь». На параллель к этому эпизоду в сказке «о мудрой деве» указал еще А. Н. Веселовский (с. 321—322). Тот же вариант «неисполнимых заданий» и их выполнения находим, однако, и в сказке о детстве царя Соломона (А н д р е е в. Указатель, 920, «Сын царя (Соломон) и сын кузнеца (пастуха))). Вопрос о том, сюжетная деталь какой сказки послужила здесь образцом для троицкого монаха, соотносшего ее с образом героя монастырского предания (или для автора Повести), как будто решается благодаря использованию в Повести еще одного мотива «неисполнимых заданий», который встречается только в украинских и белорусских записях сказки о детстве Соломона, при этом в ряде вариантов — в сочетании с мотивом «обусловленного прихода»: ¹³ утощая клирошан, царь

¹⁰ Цитируем по летописной компиляции середины XVII в.: ЦГАДА, ф. 181, 13/14. Летописец великия России, 1736 г., л. 83. — Ошибку исправляем по списку ЦГАДА, ф. 181, № 94 (123/124), конец XVIII в.

¹¹ М а р к о в А. Беломорские былины. М., 1901. № 113. С. 557. — В другом варианте Дюк «скоро» поет и читает на клиросе (№ 15. С. 104).

¹² О н ч у к о в Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. № 24. С. 125—126. Ср.: А с т а х о в а А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. № 71. С. 418.

¹³ См. сочетание обоих мотивов в украинской записи: Г р и н ч е н к о Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1896. Вып. 2. № 186. С. 264, 266—267. То же в белорусской записи: Р о м а н о в Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 6. Сказки. Могилев, 1901. С. 459—461. Мотив вручения гостям ложек с длинными черенками не в сочетании с мотивом «обусловленного прихода» см.: Я в о р с к и й Ю. А. Памятники галицко-русской народной словесности. Киев, 1915. Вып. 1. № 3. С. 5; Г н а т ю к В. Галицко-русскі народні легенди // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 12—13. № 44. С. 40; № 46. С. 43; № 61. С. 58; П. И. Из области малорусских народных легенд. Ч. 6. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Этно-

велел «дати всем им ложки долгиа стебли, что неможно самому себе в рот уноровить. И учили старцы есть, друг другу чрез стол в рот подавать».

Представим себе только этих обмотанных сетями по голому телу монахов, которые, пыхтя, подтягивают друг дружку «за кукорки» к воротам страшной опричной крепости. Древнерусского читателя такая сценка должна была рассмешить прежде всего своей нелепостью, крайним неправдоподобием: не говоря уже о невозможности публичного заголения монахов, они просто не имели права менять свои одежды на иные, как и миряне — одеваться монахами; не случайно и в цитированном выше эпизоде Жития митрополита Филиппа «черны ризы» царя и его свиты становятся для владыки внешним поводом его выступления против опричнины. Однако это неправдоподобие сродни фантастике новеллистической сказки, осознание его побуждает читателя соотнести образ старца Повести с героями фольклорных сказок, таким же образом выполняющими то же «неисполнимое задание». Тогда гуляка-чернец оказывается смеховым дублером мудрого мальчика Соломона, доказывающего свое право на царствование, в то время как старец может надеяться только на пожалование в границах, допускаемых монастырским уставом. Но почему мы должны сбрасывать со счетов и возможность соотнесения при этом старца с «мудрой девой»? Эта сказка — одна из самых распространенных в восточнославянском фольклоре, а читатель Повести при первом ее прочтении знакомился вначале с эпизодом, отразившим мотив «обусловленного прихода», который встречается в обоих сказочных сюжетах, и только после этого — с вариантом мотива, известного только по сказкам о детстве Соломона. В таком случае восприятие читателем рассматриваемого эпизода Повести приобретало оттенок забавной двусмысленности, ведь исполнив задания царя (барина и пр.), сказочная «мудрая дева» становилась его женой.

Можно предположить, что основным объектом смехового дублирования в этом эпизоде Повести и была сказка о «мудрой деве», однако в варианте, в котором место безымянного царя занимал Иван Грозный: этот сюжет находим в однотипных циклах преданий о других исторических лицах — фольклорных «справедливых правителях» Матвее Корвине, Петре I, муромских князьях Петре и Февронии и др.¹⁴

И наконец, последний явно пародийный эпизод. «Упокоенные» царем Иваном кривошапе уверяют его после угощения, что сыты, однако уничтожают и коварно им присланный затем «пирог свой царский». Уличенный вместе с братиею во лжи, старец-головщик говорит царю: «Как-де бывает хоромина полна людей, а царь идет и молвит: „Всею тесна, а царю странная дорога“. И так-де и пирог царский». Объект пародирования здесь — назидательные параллели между отношениями человека к царю и к богу, образцы для которых восточнославянские книжники находили в византийском литературном наследии. Начальная фраза Жития Марии Египетской Софрония, патриарха Иерусалимского, «Тайну цареву добро есть храни. . .» (а сведения о подвигах праведников — нет) из кн. Товии,

графическое обозрение. М., 1893. № 3, кн. 18. С. 91; Казки та оповідання з Поділля. В записках 1850—1860-х рр. / Упорядкував М. Левченко. Київ, 1928. Вып. 1—2. С. 170—171. — В примечании к последнему тексту записавшего его С. Руданского зафиксирован след украинского исторического предания, использовавшего рассматриваемый мотив: «Говорять декотрі, що нібито й король, чули вони, робив колись таку штуку козакам. . .» (Там же. С. 171). Ср. тот же мотив в предании о запорожцах в гостях у Екатерины II (Українські записи Порфирія Мартиновича. Київ, 1906. С. 260—261).

¹⁴ См.: Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 85—86, 95; Росовецкий С. К. К изучению фольклорных источников «Повести о Петре и Февронии» // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 1 (21). С. 85—86. — К сожалению, мы очень мало знаем о том, как осознавалось и как оценивалось фольклорное происхождение отдельных элементов сюжета произведения участниками литературного процесса в Древней Руси; создается впечатление, что было принято его не замечать. В данном случае речь шла, однако, о памятнике смеховой культуры XVII в., в читательском восприятии которого сложившиеся традиции могли быть нарушены.

гл. 12, по наблюдениям В. Н. Перетца, варьировалась в 10 оригинальных и переводных произведениях Древней Руси.¹⁵ Что же касается самостоятельных композиций, то если в притчах украинских книжников XVI—первой половины XVII в. речь идет об абстрактном «короле и царе» (Иван Вишенский),¹⁶ «царе земном» (Захария Копыстенский),¹⁷ «земных монархах» вообще,¹⁸ в их русских соответствиях проглядывают живые наблюдения над нравами двора российских самодержцев. Ермолай—Еразм, например, явно намекая на собственный придворный опыт, напоминает читателю: «Аще бо и в сем мимотекущем тленном житии царь земный кого отвержется, и той скорбит, яко ума лишився, а весть, что мира сего кончаемо есть все. . .».¹⁹ В XVII в. Иван Наседка дважды обращается к таким «словам иносказательным» в «Сыне церковном», а в составленной им части Жития Дионисия Зобниновского вкладывает подобную параллель в уста Дионисия: «Аще земного царя год кто хвалит, а единою излает, то не мучен ли будет зле и погибнет люто?».²⁰ В дальнейшем к таким притчам прибегали Симеон Полоцкий, Иосиф Владимиров, Димитрий Ростовский, при этом у последнего «царскому» соответствию сопоставления свойствен, как и в Повести, пиршественный характер: «Обычно есть во властителях земных сие, кого властелин любит, того от своих рук своею, юже сам он пьет, чашею чествует. . .».²¹

Выясненная нами стройность и продуманность сюжетной структуры Повести, сложность и тонкость игры, которую затекает с читателем ее автор в уже рассмотренных эпизодах, побуждают задуматься о сверхзадаче произведения. Однако прежде чем выйти на более высокий, мировоззренческий уровень Повести, необходимо вскрыть ее связи с исторической действительностью.

3. Действующие лица Повести и исторические реалии

Жизненную основу сюжета Повести раскрывает запись на обороте верхней крышки переплета троицкого Обиходника 1594 г.: «Писан Обиходник у Троицы в Сергееве монастыре, уставщика старца Филарета, что был у царя Ивана Васильевича в Слободе в Александрове у Покрова дьякон Фома. Писан 102 году, ключь 4-е слово и вруцелето 1-е» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 735/992).²² Из этой записи следует, что троицкий уставщик Филарет (в миру дьякон Фома) и через два десятка лет после своего пребывания у Ивана IV в Александровской слободе считал сей факт собственной биографии важным для себя, а в какой-то степени и для братии, которой адресовал запись он сам или нанятый им писец. Поскольку по сведениям Жития Дионисия Зобниновского Филарет «иночествовав . . . неисходя от обители боле пятидесят лет» (л. 138 об.),

¹⁵ Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 98.

¹⁶ Вишенский Иван. Сочинения / Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.; Л., 1955. С. 217.

¹⁷ Иоанн Златоуст. Бесѣды на 14 посланий святого апостола Павла. Киев, 1623. Л. 9.

¹⁸ Триодь постная. Киев, 1648. Л. 10 пенум. — Впрочем, коллизия, которую избирает анонимный автор «Предмови. . .», жизненна и для украинского читателя 1648 г. остро актуальна: «О, як сурово земные монархове таковых своих (нарушителей присяги. — С. Р.) збегом доставши, карают; не так заправды тяжкое тиранство и над самими неприятelmi згодоваными одправуют. . .».

¹⁹ Попов А. Книга Еразма о святой Троице // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 95.

²⁰ Житие и подвизи преподобного отца нашего архимарита Дионисия // ГИМ, Синодальное собр., № 658 (416), XVII в., л. 144. — В дальнейшем листы этой рукописи указываем в тексте.

²¹ Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского. Ч. 3-я, содержащая в себе поучения на разные праздничные дни. Киев, 1870. С. 289.

²² К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 252. — Ошибка: 7102 году соответствует 10-я буква.

то, как справедливо полагает Б. М. Клосс, «постригся он приблизительно около 1569—1570 гг.».²³ Назначение молодого в те годы Фомы дьяконом соборной церкви в фактической опричной столице было связано, несомненно, с его талантом певца. Можно согласиться с гипотезой Б. М. Клосса о том, что Филарет был «одним из тех мастеров церковного пения, которые составили своеобразную певческую академию XVI в.».²⁴

Певческий талант Филарета—Фомы, интерес к нему Ивана IV и связанное с этим пребывание «у царя Ивана Васильевича в Слободе в Александрове» и позволяют отождествить его с безымянным головщиком Повести, в которой царь, услышав троицкого «крылошанина горазда пению», вступает с ним в общение и приглашает к себе в слободу, откуда головщик возвращается в Сергиев монастырь. При этом нас не должна смущать трансформация в Повести реальных фактов, ведь между ними и литературным произведением лежало предание, а для этого фольклорного жанра такие искажения совершенно естественны. Отождествлению Филарета и старца Повести не препятствует и то, что первый назван в источниках уставщиком (регентом), а второй — головщик (старший на одном из клиросов, запевала). Житие Дионисия Зобниновского сообщает, что Филарет из пятидесяти лет, проведенных в монастыре, «уставщиком бысть болши 40 лет» (л. 138 об.); умер он в 1619 г.²⁵ В течение первых десяти лет иночества Филарета он вполне мог занимать должность головщика, в которой, как имел все основания предполагать автор Повести, он и встречался с царем Иваном во время одного из приездов последнего в монастырь на рубеже 1570—1580-х гг. Что же касается Обиходника с биографической записью о Филарете, то ко времени создания Повести он был уже, видимо, увезен в Кирилло-Белозерский монастырь.

На вопрос о том, почему автор Повести, располагавший все-таки некоторыми сведениями о Филарете, не назвал его имени, мы сможем ответить позже. В первую же очередь нам предстоит установить, были ли основания для смеховой интерпретации личности троицкого уставщика Филарета, а также с помощью анализа исторических реалий Повести подойти к решению вопроса о времени ее создания и о социальной принадлежности автора.

Судя по всему, составляющее содержание Повести смеховое состязание царя Ивана и троицкого головщика — плод фантазии создателей предания и автора его литературной обработки. Могло ли бы оно все-таки произойти в действительности, была ли заложена его психологическая возможность в характере и обыкновениях Ивана IV? Из источников известно, что он любил шутки и розыгрыши — и не только жестокие, но и достаточно безобидные для тех, кто оказывался их объектом. В Повести он награждает монаха, сумев оценить его вольные и в общении с самодержцем рискованные остроты. Эта ситуация выглядит вполне правдоподобной. П. Одерборн сообщает: «Что особенно восхищало людей умных, мудрых — это привычка Грозного смеяться на каждую безопасную речь».²⁶ Опричный любимец Ивана IV Василий Грязной начал свою карьеру с шуток «за кушаньем» у царского стола, о чем царь и опричник вспоминают в известной переписке. К более раннему периоду относится наблюдение А. Шлихтинга: «Чем грязнее и бесстыднее ведет себя кто-нибудь за столом тирана, тем является он за это ему более угодным и приятным».²⁷ В веселом расположении духа царь был милостив и щедр. Г. Штаден вспоминает: на свадьбе Ф. А. Басманова Грозный был «очень весел. И боярин сказал

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Скворцов Д. Дионисий Зобниновский. Тверь, 1890. С. 386.

²⁶ Полосин И. И. Социально-политическая история России XV—начала XVII вв. М., 1963. С. 211 (пер. И. И. Полосина).

²⁷ Шлихтинг А. «Сказание». Новое известие о России времени Ивана Грозного. 3-е изд. М., 1934. С. 42.

мне: „Говори, чего ты хочешь: все будет исполнено, так как великий князь весел“». ²⁸

Стойкий интерес Ивана IV к монастырским клирошанам отразился в его Послании в Кирилло-Белозерский монастырь, где речь идет не только о свежих, но и о детских впечатлениях царя; при этом его известные аристократические предрассудки не помешали запомнить даже имена троицких клирошан из простолюдинов: «А на правом крылосе Лопотало да Варлам невести кто. . .». ²⁹

Вполне правдоподобно выглядит и приглашение Иваном IV троицкого головщика в Александровскую слободу. В самые тяжкие для церковников времена опричнины монахи другого, тоже находившегося в особых отношениях с царствующим домом Кирилло-Белозерского монастыря «чуть ли не каждый месяц», как это с некоторой долей удивления отмечает П. А. Садиков, посещали царя в его наводящей ужас резиденции. ³⁰

Сам царь Иван приходит в Троице-Сергиев монастырь 25 сентября, в день «преставления» его основателя Сергия Радонежского («И заутро праздник Ивана Богослова, и бысть бдение»). 26 сентября «после стола» он идет в Александровскую слободу. Это — часть маршрута обычного осеннего объезда Ивана IV, завещанного ему отцом и дедом. После Смутного времени эти объезды возобновились: так, в 1644 г. царица Евдокия Лукиановна (вместе с Михаилом Федоровичем) двинулась из Москвы в Троице-Сергиев монастырь 21-го, а из монастыря в слободу вышла 27 сентября. ³¹

При всей лаконичности своего повествования автор Повести считает нужным специально указать, что царь Иван «сам горазд был пению», а затем показывает его поющим «поилеилуй» на клиросе. Известно, что Иван IV не только сам сочинял музыку к составленным им канонам и собирал со всей Руси в свою опричную столицу талантливых певцов и распевщиков, но и действительно любил петь в церковном хоре. ³²

Таким образом, мы не узнаем из Повести ничего такого о личности и обычаях Ивана IV, что не находило бы подтверждения в источниках. Следовательно, есть все основания полагать, что и образ его партнера по вымышленному повествованию также отразил реальные черты характера своего исторического прототипа. Обратимся теперь к личности троицкого уставщика Филарета.

Помимо записи Обиходника 1594 г., единственный нам известный источник информации о нем — уже цитировавшееся Житие Дионисия Зобниновского, точнее, его 29-я глава «О головщике Логгине и о Филарете-уставщике» (л. 137—150 об.). Ее содержание позволяет, в частности, выяснить, что Филарет был не только предшественником, но и учителем в певческом мастерстве своего друга («друга сущи» — л. 139), знаменитого певца и распевщика троицкого же головщика Логгина Коровы (или Коровина; известен еще как Шушелев). В этом нас убеждают, во-первых, солидарность Логгина с вольнодумными мыслями Филарета и защита им этих взглядов последнего перед архимандритом Дионисием (на этом мы остановимся ниже). Во-вторых, Логгин явно младше Филарета, в отличие от него нигде не называется «старым» и только после смерти друга становится уставщиком. Успехи «славного певца» Логгина бросают отраженный свет и на мастерство его учителя, и, право же, специалистам стоит при-

²⁸ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 148.

²⁹ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 179.

³⁰ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 91.

³¹ Стромилов Н. С. Царевна Марфа, сестра Петра Великого. Ч. 3. Александрова Слобода в XVII в. и ее Успенский девичий монастырь (1612—1699 гг.). Владимир, 1883. С. 2—3.

³² См.: Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. 2-е изд. М., 1971. С. 186.

смотреться к произведениям с пометой «Филаретово», если таковые обнаружатся в древнерусских нотированных рукописях.

Почему же автор главы Иван Наседка (или «Иоанн Василиев, по реклу Шевелев»³³) не упомянул о певческом искусстве Филарета? Прежде всего, Филарет показан здесь в последний год его жизни, ему уже, во всяком случае, за семьдесят — возраст не лучший для певца, да и яркий талант ученика мог оставить в тени учителя. Важнее другое: Иван Наседка писал не троицкий патерик, а Житие Дионисия. Филарет и Логгин — противники прославляемого им архимандрита, они из тех «крикунов», чьи обвинения привели к осуждению Дионисия и заключению, из которого он был возвращен в том самом 1619 г., к которому относится действие главы. Отметим также, что Наседка принимал участие в исправлении Требника, за которое был обвинен в еретичестве и пострадал архимандрит. Понятно, что агиограф не жалеет для образов Филарета и Логгина, которые «Дионисия ненавидяще вкупе» (л. 139 об.), черной краской. У Филарета он находит только одно достоинство — неисходное, более чем полувековое пребывание в монастыре: «... его же седины добрыя и зрети з дивом бяше».

А между тем Филарет был участником знаменитого осажденного сидения 1609—1610 гг. В весьма уже почтенном возрасте он пережил эпидемию, голод, артиллерийские обстрелы, а в одном эпизоде пестрой хроники осады, зафиксированном в Сказании Авраамия Палицына, был, судя по всему, скрытым действующим лицом. Однажды перед рассветом сторож на крыше Духовской церкви «слышит внезапно многих гласы поющих, мужеския и отроческия», доносящиеся из соборной Успенской церкви. Разбуженные им товарищи тоже слышат пение, однако когда некоторые из них, спустившись, подходят ко дверям церкви, «гласу не бысть», в то время как оставшиеся на смотровой площадке продолжают слышать чудесное пение.³⁴ Видимо, Филарет и его клирошане хотели таким образом поднять дух «сидельцев» в один из самых тяжелых моментов осады, в разгар мора, между первым и вторым «большими приступами». Отметим, что напев оказался неизвестным сторожам: «... не по чину молебнов гласы исходят. И ни тако, яко же иноцы или яко же мирстии, но зело красно...».³⁵ Можно думать, что мелодия была сочинена уставщиком специально для этой патриотической мистификации. Хотя интерпретация эпизода Сказания Авраамия Палицына основана на предположении, беспорно важная роль, которую исполняли монастырские певцы во главе со своим уставщиком, поднимая дух защитников монастыря-крепости.

И вне своей профессиональной певческой деятельности уставщик Филарет проявил себя личностью яркой и колоритной. Судя по рассказанному о нем Наседкой (а не доверять фактическим данным написанного им жития у нас нет оснований), в мировоззрении Филарета причудливо сочетался консерватизм своего рода старообрядца дониконовских времен со склонностью к религиозному вольномыслию.

С позднейшими старообрядцами Филарета и друга его Логгина сближает прежде всего неприятие ими исправления богослужебных книг. В споре с Дионисием Филарет, намекая на попытку исправления Требника, ехидно замечает: «Аще бы ты верил Евангелию, то Луки-евангелиста слова не отставил бы, еже рече: „Но той вы крестит духом святым и огнем“» (л. 140 об.). Логгин «и хитрость грамотическую, и философство книжное — все нарицая еретичество» (л. 137 об.). Читателю-старообрядцу импонировало, несомненно, и такое заявление друзей «единими усты»:

³³ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 439 (цитата из рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 294, XVII в.).

³⁴ Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста О. А. Державиной и Е. В. Коловской. М.; Л., 1955. С. 171—172.

³⁵ Там же. С. 172.

«Мы веруем во отца и сына и святого духа, а болши того не знаем, да и не премудряем ничево. А хто перемудряет, то сам узрит! А мы не еретики, а поем и чем и говорим, как повелося изстари в дому живоначалные Троицы — так-то мы держим и веруем!» (л. 144 об.—145).

Для нас, однако, наибольший интерес представляют сведения Жития Дионисия Зобниновского о вольнодумстве Филарета. Он утверждал («глаголаше»), во-первых, что Христос «не прежде век от отца родися, но тогда родися, егда послан бысть архангел Гавриил благовестити пресвятей деве Марии» (л. 139). Речь шла о рационалистическом очеловечивании Христа. «Другая же мысль ему бе мудрования: содетеля убо бога . . . описанна глаголаше и человекообразна суща и вся уды имеюща по человечию подобию» (л. 139). Как правильно отмечал Дионисий, эти «мысли» вели к отрицанию догмата троицы («блзнилишися о пресвятей Троице» — л. 139 об.). Что же касается идеи Филарета о «человекообразии» бога-создателя, то ее не находим и в учениях еретиков середины XVI в., с которыми «мудрования» Филарета явственно перекликаются; отметим в этой связи еще характерное для Матвея Башкина и Феодосия Косого отрицание святоотческой литературы и опоры на Евангелие и «книги пророческие». Филарет упрекает Дионисия в том, что тот не верует во Евангелие, сам же в ответ на обвинение архимандрита («Книгом не хочеши веровати») отвечает: «Яз болши пророческим словесем верю» (л. 140 об.).

Не приходится сомневаться в прямой преемственной связи религиозного вольнодумства троицкого уставщика с идейным наследием еретиков середины XVI в.: его мировоззрение складывалось в годы, когда сами ересиархи оказались за рубежом или в заточении, но влияние их на умы современников было еще очень велико.³⁶ Архимандрит Дионисий имел полное основание опасаться, что пропаганда Филаретом своих взглядов среди братии («сам погибашеши и в братии малосмысленных смущаешь») может иметь для монастыря самые печальные последствия: «Сие дело есть церкви божия соборная, а я с вами по любви наедине беседую и вопрошаю вас того ради, дабы царское величество и власть патриаршеская не уведали, и нам бы в смиреннии и во отлучении от церкви божии не быти» (л. 141 об.—142).

Если Филарет под пером Наседки выступает в основном в роли идеолога, то Логгин в их дружеском кружке (куда входят, видимо, и некоторые из учеников Логгина) — в роли практика, его участие в конфронтации друзей с архимандритом сводится к грубым выходкам, жестам, его поведение приобретает формы гротескные, парадоксально-смеховые. По словам Дионисия, головщик в церкви «в смех всех» вводит (л. 142). Во время богословского спора Дионисия с Филаретом Логгин «седей смеяся». На вопрос архимандрита: «Что ты, преславной певец, чему смеешися?» — Логгин отвечает простонародным жестом: «. . .начат плевати мало не на лицо Дионисию» (л. 141 об.).

Филарет и Логгин нетерпимы к попыткам архимандрита брать на себя их обязанности во время службы. «И егда хотящу и повелевающу Дионисию чести книг евангелских или апостолских бесед, то мятеж и брань в крылосе бываше. Логгин бо головщик никогда не претерпеваше и под ним сущим не даяше чести. Тако же и Филарет с ним вкупе воспрещаху всем». Самому архимандриту Логгин заявляет: «Знал бы ты одно, архимандрит: чтоб лишю с мотовилом своим на крылосе том, что болван, онемев, стоял». Этим посохом, столь непочтительно обозванным, Дионисий во время одного из столкновений «мало махнув». «Логин же тако възъярився, яко пес, скочив и исхитив из рук у Дионисия посох его пастырский, и изломи его на четыре части, и верже его в лоно ему» (л. 150). В другой

³⁶ См.: З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 187—189, 196—197, 214.

раз Логгин, увидев, что архимандрит встал за аналой, «прискочив и исторже книгу из рук его, и падеся налой и с книгою на землю» (л. 149 об.).

Неукротимый головщик, как видим, вполне годится в прототипы героя смехового повествования. Что же касается его друга и учителя, то от древнего старца трудно ожидать подобных выходов. Филарет, однако, во всем солидарен со своим учеником, а во время спора с Дионисием сам прибегает к шутовскому приему, отвечая вопросом на вопрос (л. 141 и 141 об.). Вольнодумные взгляды Филарета, которых он упрямо держится, — свидетельство своеобразности его характера, которая в более молодые годы могла реализоваться и в склонности к шутовству или юродствованию.³⁷ Не исключена возможность и того, что в троицком предании на образ учителя наслоились воспоминания об ученике.

Обратимся к другим реалиям произведения. Оба места действия, монастырь и слобода, явно не понаслышке знакомы автору. В одном из монастырских эпизодов Повести старцы с кувшинами пива идут «с погреба» мимо царских келий, а царь наблюдает за ними «сквозь оконницу». Оказавшись перед его окном, монахи дерутся, а затем молятся, повернувшись к церкви Троицы. Мизансцена эпизода полностью отвечает расположению построек на плане Троице-Сергиева монастыря, выполненном между 1637 и 1655 гг.³⁸ В Повести старцы, приглашенные царем в Александровскую слободу, будучи уже «близь Слободы и двора церковнаго», начинают свою шутовскую игру, в то время как царь смотрит на них «сверху». Идя от монастыря, старцы должны были выйти к главным, западным воротам крепости, а царь, действительно, мог бы наблюдать за ними из своей палаты в верхнем этаже дворца, которая «примыкала с запада к храму (Покровской церкви. — С. Р.) и была сломана при постройке в XVII в. трапезной».³⁹ Если выражение «близь Слободы и двора церковнаго» означает, что автору известна в слободе только одна церковь, то эта деталь датирует его работу над Повестью, позволяя отнести знакомство его со слободой к периоду после разрушения ее в Смутное время: по описи 1630-х гг. в ней функционировала одна только соборная церковь, две другие стояли «в осыпях» и были восстановлены только в середине XVII в. в связи с деятельностью на территории слободы женского Успенского монастыря.⁴⁰ Отметим, что находившимся неподалеку от слободы Махрищинским мужским монастырьком по указу 1615 г. предложено было «ведать и строить» Троицкому монастырю.⁴¹

Жизнь троицкой братии показана автором явно изнутри; речь идет не только о ее стороне, обычно скрывавшейся (пьянство монахов в кельях, драки), но и внешней, казовой ее стороне. Автор забывает указать, что «бдение» 25 сентября посвящено памяти Сергия Радонежского, для него празднование этого дня самоочевидно.⁴² Он обнаруживает профессиональное знание церковной службы, при этом употребляет такой редкий в древнерусской письменности термин, как «(г)ексапсалмы» (шестопсалмие). В описании манипуляций с «Прологом» чувствуется рука человека, привыкшего к обращению с книгой: «. . . чтобы положили исподнею доскою

³⁷ Речь идет о бытовой форме юродства. Отметим, что и выходы Логгина только внешне напоминают поведение настоящего юродивого. См.: Лихачев Д. С., Паченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 72—153 (автор раздела — А. М. Паченко).

³⁸ См.: Голубинский Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев Посад, 1892. Гравюра 1.

³⁹ Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Александровская слобода. М., 1970. С. 27.

⁴⁰ См.: Стромиллов Н. С. Царевна Марфа, сестра Петра Великого. С. 4.

⁴¹ Там же. С. 13.

⁴² Порядок «бдения со свечами» 25 сентября см.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей. . . Отд. 3, ч. 1. С. 379—380 (выписка из ГИМ, Синодальное собр., № 400 (534), начало XVII в.).

вверх, да обернуть главою вниз, а низом вверх». ⁴³ Монашеская камилавка названа запросто «шапочкой» — это, видимо, дониковская плоская камилавка, скупья, что тоже может служить датирующей приметой. Автор демонстрирует и свою начитанность — и не только пародируя сцену из Жития митрополита Филиппа или схему расхожей богословской притчи. Именно традиционные, прямые обращения его к древнерусским текстам представляют наибольший интерес для понимания идейной направленности памятника.

4. Мировоззренческая позиция автора и конкретно-историческое приурочение его произведения

Ключ к расшифровке идейного замысла Повести — эпизод, не случайно оказавшийся центральным в ее трихотомическом построении. Царь Иван, приказав архимандриту напоить головщика и лично убедившись, что все клирошане «пьяны, масло колотят», неожиданно велит звонить к заутрене — и обнаруживает головщика стоящим на клиросе как ни в чем не бывало. Царь спрашивает: «Чернец, бес ли ты или человек? Топеря ты сказали пьяна, а ты на крылосе стоишь!». Головщик с достоинством отвечает: «Бес-де не может от зла к добру, а человек преложен естеством и самопроизволен, может ся преложить от зла к добру и от добра ко злу».

Философская сентенция головщика восходит к мыслям, высказанным в Богословии Иоанна Дамаскина, с которым русские книжники знакомились по достаточно трудному для восприятия переводу Иоанна Экзарха Болгарского, обновленному А. Курбским. Византийский философ признавал свободу воли человека в области его душевных устремлений, «въ нихъ же суть добротнаа и злаяа дѣла, симъ бо есмь самовластьни». ⁴⁴ Находим в Богословии и рассуждение о бесах: это те «чинове ангельстии», которые вместе с дьяволом, бывшим «добротворьцем», «своею же властью» обратились ко злу. Иоанн Дамаскин не предусматривает для бесов, которые как бывшие ангелы в принципе «словесъни суще, самовластьни соуть», возможности возвращения на путь добра. ⁴⁵

К XVII в. идея о самовластии человека популяризировалась в русской рукописной традиции посредством, в частности, списков Лествицы Иоанна Синайского и апокрифических Вопросов князя Антиоха (вопрос 82); с соответствующими выписками довольно часто приходится встречаться, просматривая сборники этого времени. ⁴⁶

Помимо традиционно-богословского, учение о «самовластии» рассматривалось на Руси в других двух аспектах — политическом и социально-правственном. Автор Валаамской беседы опровергал концепцию «самоволна человека» «самим фактом существования государственной власти». ⁴⁷ На этой же точке зрения стоял и Иван IV, упрекавший, в частности, А. Курбского в желании «в самовольстве самовластно жити». ⁴⁸ Второй аспект находим в памфлете первой трети XVII в. — Сказании о Петре

⁴³ Ср.: «...Под исподнею дцкою жуки серебряные» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 277).

⁴⁴ Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского // ЧОИДР. 1877. Кн. 4. С. 201.

⁴⁵ Там же. С. 209.

⁴⁶ См., напр.: «От Златоструя. В[опрос]. Что есть человека бог создал меж двюю животу — аггел и скота — самовластна? . . .» (ЦГАДА, ф. 181, № 591/1093, л. 702 об. — 703); «Вопросы иноверных и ответы православных» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 602, л. 107) и др. Отметим также выписку из Краткой космографии, составленной в начале века в Посольском приказе (ГБЛ, собр. Ундольского, № 770, XVIII в., л. 87).

⁴⁷ Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 107.

⁴⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М., 1981. С. 46—47.

Волосском, автор которого резко выступает против холопства: оба, хозяин и холоп, «приемлющий и дающийся, душою и телом перед богом погибают вовеки, занеже бог сотворил человека самовластна и самому о себе повеле быть владыкою, а не рабом».⁴⁹ В этом же аспекте, но в форме, которая, как мы это наблюдаем и в Повести, свидетельствует о непосредственном обращении к богословскому первоисточнику, рассматривает проблему свободы воли украинский писатель Кирилл Транквиллион-Ставровецкий. По его мнению, самовластием и рассуждением «творити злое или не творити» человек сходен с ангелами.⁵⁰ Свободной волей человека разум «справует и кирует, от злого росказует утѣкати, а доброго искати». Не будь у нас «самовластия», были бы мы камнем или железом, и вообще — «мусѣл бы кто инший нами владѣти, а не мы сами собою».⁵¹

В контексте Повести рассуждение головщика о «самопроизвольном» человеке приобретает такой же гуманистический оттенок, однако в отличие от ученого украинского писателя и издателя герой произведения (и его автор) движим не абстрактным гуманизмом, а стремлением утвердить свою человеческую ценность в той конкретной социальной позиции, которую он занимает.

Конечно, пьяный старец, жесточайшим усилием воли сумевший забраться на клирос и стать там «чинно», просто смешон, когда оказывается еще способен и на философские тирады. Речь шла между тем о вещах жизненно важных для героя Повести — и ее автора.

Чего добивался своей проделкою царь Иван? Он хотел, чтобы головщик «спросал заутреню». Обязанность ежедневно участвовать в утренней службе во все времена была одной из самых трудных для христианского монашества. Именно на заутреню желавший быть образцовым монахом герой «Отца Сергия» «с трудом поднимался иногда поутру». Участие в заутрене придавалось принципиальное значение. Украинский иеромонах Климентий Зиновиев, автор своеобразной стихотворной энциклопедии конца XVII в., со знанием дела отмечал в вирше «О кривошанах церковных»:

А особливе треба рано воставати,
и в церков на утреню пилно поспѣшати.⁵²

В другом стихотворении о кривошанах он так развивал эту тему

Не дивно есть горѣлку кривошаном не в час пити,
але надивнѣйш в церквѣ утренѣ не опустити.
Бо за службу божию не так старши карают,
а за неприготовность утреннюю не пропуcaют,
Гды ж утреню подвигом великим называют. . .⁵³

Итак, выход к заутрене затруднялся бражничеством кривошан. Церковные власти сурово осуждали пьянство среди монахов, однако не случайно борьба с ним почти не давала результатов. Иван Вишенский, сам суровый аскет, с неожиданной горячностью защищает перед мирянами чернецов, повинных в этом грехе.⁵⁴ Что же касается церковных певцов,

⁴⁹ Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин; Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 347 (Приложения).

⁵⁰ Транквиллион-Ставровецкий К. Зерцало богословия. Унев, 1679. Л. 21—23. Ср.: Транквиллион-Ставровецкий К. Евангелие учителное. Рахманов, 1619. Л. 161 и 161 об.

⁵¹ Транквиллион-Ставровецкий К. Перло многоцѣнное. Чернигов, 1646. Л. 5 об.—6 об.

⁵² Климентий Зиновієв. Вірші. Приповіді посполиті / Підгот. тексту І. П. Чепіги; Вступ. ст. В. П. Колосової та І. П. Чепіги. Київ, 1974. С. 293. — Воспроизведение текста упрощаем.

⁵³ Там же. С. 172.

⁵⁴ «Тому неборакови в місяць раз графитися напитися и то без браку: што знайдеть, горькое ли или квасное пиво альбо мед, тоє гложеть. . . Однак день або два забавившись, зас на покуту и плач в келію бѣжит и за злые два дни 40 дний добрых намѣцает. . .» (Вишенский Иван. Сочинения. С. 41).

то здесь действовала уже общеевропейская традиция. «Не должно мешать ни воспеванию, ни воспиванию!» — восклицает в романе Рабле веселый брат Жан.⁵⁵ В восточнославянском фольклоре находим не один десяток пословиц и поговорок, привычно соединяющих пение и питье. Пристрастие клирошан к вину имело, таким образом, в их глазах и некоторое бытовое оправдание. В тех случаях, когда эта пагубная привычка вступала в конфликт с долгом, страдало исполнение ими профессиональных обязанностей; так, по крайней мере, изображают дело памятники демократической сатиры XVII в., посвященные церковным певцам. В «Калязинской челобитной» клирошане, просидев до полночи без портков у ведра с пивом, являются в церковь только «к девятой песни. . ., а иные к роскошному началу».⁵⁶ Автор «Стиха о жизни патриарших певчих» меланхолично описывает привычные для себя передряги:

Будет к началу не спел, ино к стулу поспел.
Проспился, да протрезвися, да под плеть ложися.⁵⁷

Климентий Зиновиев, который, несмотря на смеховые элементы в его литературном поведении, был, как это убедительно показывает В. П. Колосова, не беспутным «мандрованым дяком», а монахом-«законником»,⁵⁸ в уже цитированном стихотворении «О крылошанах, збытне трунок горьлчаныи заживающих и на утреньях в церквах не бывающих», признавая право монастырских певцов на выпивку, призывает их и в этой «немощи» не забывать все-таки о своем долге:

А так, братие, паче до утрень ся спѣшѣмо,
хоч часом, лажася спати, и горьлчки напѣмо.
Бо трунковым людям трудно и не выпивати,
жебы на голос и на веселость здобувати.⁵⁹

Головщик в нашей Повести следует такой же линии поведения, но реализует ее в трудной, экстремальной ситуации, с честью выдержав испытание. Более того, он тут же формулирует философское оправдание своего поведения. Действительно, не преодолев соблазна и напившись пьян, старец обратился ко «злу», а сумев явиться к заутрене, «преложился» к «добру». Для «горазда пению» головщика возможность самоутверждения, осознания своей человеческой ценности лежит в сфере его профессиональной деятельности, связана с гордостью своим мастерством, с умением в любых условиях выполнять свои певческие обязанности. И тут уместно будет вспомнить ту ревность к своим обязанностям, ту гордость своим мастерством и талантом, которые были свойственны уставщику Филарету и ученику его головщику Логгину.

Чтобы подчеркнуть свою мысль, автор Повести в следующей сцене иллюстрирует тезис о «преложности» человека, на этот раз показывая головщика вне сферы его певческой деятельности. Возвращаясь сам-друг со старцем из пивного погреба, головщик затевает нелепую драку под окнами царских келий. Кувшин разбит, пиво пролито. Царь доволен нечаянным развлечением. Но тут старцы опомнились. «И те старцы один другому говорил: „О чем дралися?“». И другой говорит: „Не сведаю, о чем“. И паки один возрев на церковь и рек: „Пресвятая Троице, помилуй нас“, — все до конца. И по сем прощение полное получиися, и пошли».

Возвращение к «добру» происходит мгновенно. Можно догадаться, что старцы узнали о полученном ими прощении по чувству внутреннего

⁵⁵ Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. М., 1973. С. 93.

⁵⁶ Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 53.

⁵⁷ Там же. С. 234.

⁵⁸ См.: Колосова В. П. Климентій Зиновієв. Життя і творчість. Киев, 1964. С. 36—40.

⁵⁹ Климентій Зиновієв. Вірші. С. 172.

умиления, наступившему после покаянной молитвы.⁶⁰ Оставим это на совести автора. Вспомним только об удивлении протестанта Я. Ульфельда наивной вере русских в то, что «всяк может спастись, хотя бы безмерное множество грехов имел, ежели по крайней мере однажды вознамерится покаяться».⁶¹

Автор получает теперь полное право гордиться своим героем: головщику, крепко стоящему на ногах в этой жизни, известен и путь «спасения» в будущей — известен, а стало быть, и открыт.

В финале Повести сформулированы представления веселого старца об идеальной жизни, снова вполне «посюсторонней», бытовой. На вопрос царя, чем его «жаловать», чернец отвечает: «Государь, немного старцу надобно, только втрое: тепло, мокро и мягко». Бояре не напрасно шокированы: ответ старца можно понять и как желание женской любви, что в устах монаха звучало бы особенно гротескно и вызывающе.⁶² Царь Иван, однако, предпочитает дать иносказанию головщика более пристойную разгадку: «Впрямь-де он просит тепло — келья, и питья нескудного, и мягкаго хлеба».

Этому идеалу троицкого головщика далеко, конечно, до знаменитой Телемской обители брата Жана, однако и здесь слышен «голос демократического клирика, пытающегося прославить материально-телесные ценности, оставаясь в то же время в рамках церковной системы мировоззрения».⁶³

Итак, в образе веселого головщика автор Повести воплотил свой идеал монашеского поведения. Решение такой задачи в смехотворном сочинении только на первый взгляд может показаться чем-то невероятным. Напомним, во-первых, что интерпретация Ивана Грозного в качестве смехового героя не мешала его идеализации в ряде анекдотов, бытовавших в конце XVI—XVII вв.; то же в цикле анекдотов о Суворове, например. Во-вторых, если в памятниках демократической сатиры XVII в., как это отмечает Д. С. Лихачев, «совершается осмеяние себя или по крайней мере своей среды»,⁶⁴ то разве не могла эта средневековая особенность древнерусского смеха распространяться в определенных условиях и на героя произведения, принадлежащего к одной с автором социальной среде (здесь — клирошане Сергиева монастыря) и выступающего в качестве образца для нее? Да и сам автор тут — «коллективный», выступающий «от лица целой группы людей» и «безымянный», характерный для целого пласта демократической литературы XVII в.⁶⁵

Теперь мы можем ответить и на поставленный ранее вопрос о причинах, побудивших автора Повести оставить своего головщика без имени. С одной стороны, здесь можно видеть отражение одного из «чисто литературных явлений» XVII в., в которых реализуется, по наблюдениям Д. С. Лихачева, движение русской литературы «от исторического имени литературного героя к вымышленному». Основываясь на анализе произведений, опять-таки «по преимуществу вышедших из демократической среды», в том числе смеховых, исследователь приходит к следующему выводу: «Безымянность героя уже сама по себе означала, что произошло

⁶⁰ Это одно из «молитвословий», которые «в богослужбных книгах разумеются» под именем «Трисвятого» (Н и к о л ь с к и й К. Словарь названий молитвословий и песнопений церковных. СПб., 1890. С. 45).

⁶¹ Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. М., 1889. С. 17.

⁶² Ср. в романе Рабле иносказательный разговор Панурга с братом-распевом о прелестях тайных любовниц монахов.

⁶³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 319. — М. М. Бахтин говорит здесь о латиноязычной рекреативной литературе XII—XIII вв.

⁶⁴ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 7.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 120—121.

открытие новых, совсем иных, чем прежде, путей художественного обобщения».⁶⁶ Обращение автора Повести к этому приему художественного обобщения могло быть подготовлено уже устным троицким преданием: в предыдущем изложении мы отмечали возможность использования при конструировании смехового фольклорного образа головщика черт характера младшего товарища и ученика его исторического прототипа.

С другой стороны, есть все основания полагать, что автор Повести просто опасался назвать имя прославляемого им головщика: ко времени создания ее имени и Филарета, и Логгина стали уже одиозными. Ужесточение церковного контроля над духовной жизнью страны в годы, когда фактическим правителем был патриарх Филарет, отразилось и в литературной продукции троицких книжников. Еще во время процесса по поводу исправления Требника Иван Наседка, указывая на ошибки в книгах Московского печатного двора, изданных противниками и обвинителями, в частности тем же Логгином, воздерживался от слишком суровых встречных обвинений, говоря, что это-де «от простоты неведущих слóва», что Логгин ошибался «не ересью, но неразумием своим».⁶⁷ Прошли годы, и тот же Наседка, рассказывая в Житии Дионисия Зобниновского об «увещании» архимандритом Филарета и Логгина, воспроизвел его опасения о репрессиях, с которыми могли бы обрушиться на братию духовные и светские власти, прознав о вольнодумных «мыслях» Филарета, — а это уже был донос, хоть и ретроспективный, на покойных к тому времени Филарета и Логгина. Здесь, несомненно, сыграло свою роль и резко отрицательное отношение к деятельности Логгина как справщика, проявленное патриархом Филаретом. Судя по описи келейной казны патриарха, принадлежавший ему экземпляр Устава 1610 г. был по его указанию сожжен «за то, что те книги печатаны без благословения, а справливал троицкой крылошанин Логин, вор и бражник».⁶⁸ Через два года эта характеристика Логгина прозвучала на всю Россию в окружной грамоте всеильного патриарха.

Перечитывая Повесть, трудно избавиться от впечатления, что ее автор «отвечает» на обвинения, предъявленные Филарету и Логгину Наседкой в Житии Дионисия, а также Логгину — патриарху Филаретом.

Этот полемический подтекст Повести начинается проследившись после ее первых эпизодов, представляющих старца царю (и читателю) в качестве смехового героя. Если Филарет и Логгин не позволяют петь на клиросе архимандриту, то старец не позволяет царю стать на клиросе выше его — «и царь стал под ним». Петь царю головщик не может запретить, однако в знак протеста молчит сам, а после говорит иронически: «Только-су умеешь!». По воле автора царю на это возразить нечего — «и царь сошел с крылоса». Если в Житии Дионисия Логгин устраивает в церкви «мятеж», вырывая у архимандрита книгу из рук и опрокинув при этом аналой, то в Повести виновником подобного замешательства оказывается царь, заставивший архимандрита перевернуть «низом вверх» книгу на аналое. В окружной грамоте патриарха Филарета Логгин назван не только «вором» (т. е. преступником вообще), но и «бражником»: в Повести головщик действительно бражничает, однако оправдывается, «чинно» выполняя свои обязанности, — какой же он после этого «вор»?

Философское и конфессиональное оправдания головщика Повести отвечают на два весьма задевающих память Филарета и Логгина выпада. В Житии Дионисия архимандрит в ответ на своего рода «исповедение веры» уставщика и головщика заявляет: «И беси веруют и трепещут и молятся, но никогда не покаются и не престанут от зла» (л. 145). В окружной гра-

⁶⁶ Там же. С. 114.

⁶⁷ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей. . . Отд. 2, ч. 3. С. 352 (цитата из рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 273 (822), XVII в., л. 27).

⁶⁸ Цит. по: Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 133.

моте патриарха Филарета подчеркнуто, что «те уставы печатал» Логгин «своим самовольством». ⁶⁹ И в Повести царь Иван спрашивает у старца: «Чернец, бес ли ты или человек?», однако здесь старец и сравнение с бесом, и учение о «самовластии» толкует в свою пользу. Можно думать, что и шутовская выходка старца по поводу царского широга пародирует не просто традиционную параллель «царское—божественное», но конкретный ее вариант в Житии Дионисия, приведенный нами выше: в Житии архимандрит пугает Филарета и Логгина, оскорбляющих своими «мудрованиями» бога, напоминанием о страшной гибели, которая постигнет того, кто осмелится «единою изляять» земного владыку, — в Повести за притчею старца непосредственно следует вопрос царя о том, чем ему старца жаловать.

Кто же был автором этого смехового апофеоза двум троицким певцам, полемизирующего с официальной церковной оценкой их деятельности? По всей вероятности, один из учеников Логгина, отрывочные сведения о которых находим в Житии Дионисия. Иван Наседка упоминает о том, что Логгин «ученики же многи уча». Они, «егда сойдутся», то поют так, что «у всех рознь слышати есть», иными словами, подражая своему учителю, пробуют на «розные попевки» распевать один и тот же «стих» (л. 137 об.). Если верить Наседке, они переняли от Филарета и Логгина чувство гордости своим личным талантом и искусством, что приводило к соперничеству внутри их кружка. Дионисий укоряет головщика: «И то, отче Логгин, не тщеславие ли, не гордость ли, что твои ученики, да где ни сойдутся, тут и бранятца?» (л. 145 об.).

Эти троицкие клирошане, ⁷⁰ естественно, мечтали повторить и судьбу своего учителя. Музыкальная одаренность Филарета—Фомы привлекла к нему внимание умевшего быть щедрым царя Ивана, в сравнительно молодые годы он стал уставщиком крупнейшего русского монастыря. Логгин, его ученик, становится головщиком, а после смерти учителя — уставщиком. Оба завоевывают в монастыре независимое положение. Логгин, добившись признания своих талантов, «не токмо инок простых, но и от священных чин лая и бия, и обидя в милостыне, бывающей от христоробцов» (л. 138). Ему обильно достается «и честь суетная, и имения, и пища» (л. 137 об.). Не все ученики Логгина, конечно же, могли стать головщиками и уставщиками в родном монастыре, но каждый из них, достигший успехов в певческом искусстве, мог надеяться на такую карьеру в другой обители, где не было своей певческой школы, подобной той, которая сложилась вокруг Филарета и Логгина.

Монастырским клирошанам жилось в XVII в. несладко. За красочными смеховыми жалобами «Калявинской челобитной» угадываются реальные жестокие наказания, голод, бесправие. Что же касается троицких клирошан, то едва ли их положение серьезно улучшилось с конца 1610-х гг., когда, по свидетельству участника исправления Требника Арсения Глухого, ему и его коллегам клирошанам положено было на еду по 30 алтын на человека в год, а одевались и обувались они рукоделием. Между тем в Повести мы не найдем ни жалоб, ни апологии полного безделья, ни надежды на бегство («Калязинская челобитная»), не говоря уже о протесте против социальной несправедливости, высказанном с замечательной четкостью автором «Стиха о жизни патриарших певчих»: «Овии трудишася, овии в труд их внидоша». ⁷¹ Повесть мажорна и идилична.

⁶⁹ Цит. по: Х а р л а м п о в и ч К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 101.

⁷⁰ Среди учеников Логгина могли быть и бельцы, однако у них не было бы причин после смерти учителя задерживаться в монастыре на годы. А чтобы сформировалось устное предание о встрече Филарета с Иваном IV, нужно было, чтобы прошло по крайней мере десятилетие после смерти уставщика и какое-то время после кончины Логгина (1624 г.).

⁷¹ Русская демократическая сатира XVII века. С. 235.

Сбылись ли мечты автора Повести и его товарищей — троицких клирошан, учеников Логгина? Во всяком случае, они казались исполнимыми еще в конце 1630-х—начале 1650-х гг., когда, как полагаем, и была написана Повесть. После реформ Никона щедроты столичных венценосных и вельможных меценатов проливались уже на представителей новой, украинской по происхождению, школы партесного церковного пения. Деятельность Филарета и Логгина завершала, хотя сами они о том не догадывались, золотой век древнерусского знаменного и строчного пения, а один из их учеников тоже оставил свой след в истории русской культуры, написав смеховую монашескую утопию. Утопию, обращенную в прошлое, в котором царствует грозный, но щедрый и ценящий острую шутку самодержец, а клирошанин своим талантом и разумом может заслужить веселую, безбедную жизнь в монастыре, а там, глядишь, и место среди праведников в раю.

5. Повесть о царе Иване и старце в ее отношении к некоторым явлениям литературного процесса XVII в.

Уникальность идейного содержания Повести не мешает ей, однако, найти свое место по крайней мере в трех пластах русской литературы XVII в. — в цикле историко-фантастических произведений об Иване Грозном, у писателей троицкой литературной школы первой половины столетия и в общерусской смеховой литературе этого периода.

Созданные в различные десятилетия XVII в. и не получившие сколько-нибудь широкого распространения в рукописях,⁷² историко-фантастические произведения об Иване IV тем не менее как бы дополняют друг друга, в совокупности раскрывая почти все сферы жизни и деятельности первого русского царя. Если в наиболее значительных произведениях этого цикла — Повести о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне и беллетризированной биографии царя Ивана в Пинежском летописце⁷³ — речь идет в основном о государственной деятельности царя и только автор первой из названных повестей обращается к частной, семейной его жизни, то наша Повесть как бы заполняет лауну, показывая читателю Грозного-певца, Грозного-мецената, Грозного — царственного шутника. Свойственная указанным произведениям антибоярская тенденция проявляется, как мы это уже отмечали, и в Повести, правда, в ослабленной форме. В то же время Повесть отличается от других произведений цикла ее жанровая специфика. Отличие это связано со смеховым характером произведения, поэтому мы остановимся на нем ниже.

Что же касается места рассматриваемой смехотворной повести среди других произведений троицких (или связанных с Сергиевым монастырем) книжников первой половины XVII в., то она не выглядит там такой белой вороной, как может показаться.

Смеховые элементы обнаруживаются и в самом известном памятнике троицкой литературной школы — Сказании Авраамия Палицына. Чаще всего воспроизводится комическая ситуация, возникшая в самой исторической действительности. Так, описание проделок поляков, заставляющих русских изменников многократно выкупать у них своих родственниц, Авраамий начинает словами: «Еще же и смех поляки над теми изменники рускими деяху. . .» — и заканчивает картиной характерного для русского

⁷² За исключением Повести о двух посольствах и Легендарной переписки Ивана IV с турецким султаном, в которых повествовательный беллетристический элемент незначителен и жанровые признаки историко-фантастической повести еще только намечены.

⁷³ См.: Росовецкий С. К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975. М., 1976. С. 31—37; Копанев А. И. Пинежский летописец // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 76—80.

человека горького самоосмеяния: «Сия же зряще, изменницы, не токмо незнаемии, но и сердоболые друг друга, своей погибели смеяхуся». ⁷⁴ Затем в тексте следует совершенно фарсовая сценка: «Мнози убо жены и девицы по сочетании сквернем з беззаконики не хотяще разлучитися, мнози же по искуплении паки к ним отбегаху; инии же на мужи своя смерти поучевахуся и во испрошении на искуп крыяхуся, и повешающиеся на выи тем беззаконником, зле гласы виждюще, и благодетели и светы тех наричюще, и ох, ох! и горе, горе! без ума припевающе». ⁷⁵ Так в первоначальной редакции начальных глав Сказания, однако и в окончательной редакции Авраамий снимает здесь только слова «по сочетании сквернем с беззаконики». ⁷⁶

В основной части своего сочинения, рассказывающей об осаде монастыря и основанной на документальных записях непосредственных участников «осадного сидения», Палицын невозмутимо воспроизводит такую смеховую коллизию: случилось, что «врази» подбегжали к крепостным стенам и со вполне мирными целями, а именно «немощнии от пианства просяще опохмелитися, троицкое же воинство сия возвещающе архимариту и воеводам; и повелением их приемше от чапника с погрёбе меду, и искождаху к паном с питием, дабы кого чим уловити от них. Они же пивше и отхождаху. Иногда же нецьи от них, вино принеспе, меду прошаху на него». В меланхолической концовке этого сообщения морализирование лишено религиозной окраски: «И такова дружба без беды не бываше, обоим обманывающимся людем: или убо кого возьмут в языки, или убьют». ⁷⁷

Удивительным кажется появление смеховой детали в самый патетический и для авторского самопрославления ключевой момент повествования о сражении с войсками гетмана Ходкевича в Замоскворечье 24 августа 1612 г. Обратившись к казакам с речью, келарь добивается вступления их в бой: «. . . сурово и жестоко нападаюша казаки на войско литовское: ови убо боси, инии же нази, токмо оружие имуще в руках своих. . .». Почему же все-таки казаки идут в атаку в таком виде? Оказывается, Палицын, пришедший за казаками в станы, застал их «овых пьющих, а иных играющих» (в некоторых списках добавлено «зернию»). ⁷⁸ Читателю вспоминался здесь излюбленный герой народной смеховой культуры — нагой, пропившийся и проигравшийся вдрызг человек; отметим, что несколькими страницами ранее мотив наготы казаков прозвучал и в контексте обычного в сатирической литературе XVII в. противопоставления «богатые — бедные»: казаки покидают ряды ополчения, «укоряюще дворян, яко многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе». ⁷⁹

О. А. Державина отмечает, что Палицын «не раз пронизывает над врагами — польскими панам». ⁸⁰ Следует добавить, что троицкий келарь при этом не боится воспроизвести и насмешки самих «панов» над защитниками монастыря, в частности издевательское обращение шляхтича Зборовского к «Сопеге и Лисовскому и всем паном»: «Что безделное ваше стояние под лукопком? Что то лукошко взяти, да ворон передавити?». ⁸¹

⁷⁴ Ср. осмеяние автором «Послания дворянина к дворянину» своих бед и злоключений — пыток «тульскими ворами», увечья, разорения, нищей старости.

⁷⁵ Сказание Авраамия Палицына. С. 268—269.

⁷⁶ Там же. С. 118. — Не можем принять гипотезу О. А. Державиной о принадлежности первоначальной редакции первых шести глав Дионисию Зобниновскому и потому, в частности, что об этом должны были бы сообщить троицкие составители его Жития.

⁷⁷ Сказание Авраамия Палицына. С. 172.

⁷⁸ Там же. С. 225. — Любопытно, что, по мнению новейшего исследователя, в одном из этих списков — авторской переработке первой редакции Сказания — правка была вызвана, в частности, «ориентацией на официальные каноны» (Солодкин Я. Г. Редакции «Истории» Авраамия Палицына // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 229).

⁷⁹ Сказание Авраамия Палицына. С. 224.

⁸⁰ Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 55.

⁸¹ Сказание Авраамия Палицына. С. 181.

В том же 1619 г., в котором, по мнению исследователей, келарь Авраамий работал над своим Сказанием, благополучно завершилось дело архимандрита Дионисия и других троицких участников посылки исправления Требника. Защитные «речи» сотрудников Дионисия свидетельствуют о том, что и они не чуждались тогда приемов народной смеховой культуры. Так, Иван Наседка, указывая на ошибки в московском «служебнике печатном», обращается к раешной рифме: «Ино то и детям на смех, что самому себя разрешати от грех»; «И мы у таковых молитв концы морали да в то место писали». ⁸² Троицкий старец Арсений Глухой, жалуясь на Наседку, пересказывает, не называя источника, басню Эзопа: «Но и вправду убо лукав есть: у дела быв большой, нас же в беду ввали, а сам вывернулся, аки лукавая лисица козла бедного великобрдатого заведчи в пропасть неизходну, а сама по нем же выскочила» (ГИМ, Синодальное собр., № 658 (416), л. 337—337 об.).

Судя по Житию Дионисия Зобшиновского, и сам знаменитый архимандрит был не прочь в споре подразнить противника, а то и высмеять его. Издеваясь над невежеством Логгина, у которого при пении «Аврааму и семени его» вместо «семени» слышалось «семеній», Дионисий (точнее, Иван Наседка, написавший его житие через полтора десятка лет) рисует целую сатирическую жанровую картинку, призванную пояснить значение слова («речи») «семеній»: «И речь та самая безумная, а глаголется от лица властельска и от началства к плутишком и ко оманщиком, которые людшка отманиваются от бед их и от правей, и от побой, и от ран. И хто не хочет под кнут или под батоги лечь, да лжет и манит, что б выдумати, чем беды избыть, да вертится, как собака. И ему, бедному, смеются все люди и глаголют: „Плати ся или займи или писмо-крепость давай, а не посемивай! Не избыти беды марами“» (л. 143—143 об.).

Все это воспроизводит атмосферу терпимости к смеху и смеховой культуре, которая сохранялась к концу первой трети XVII в. в литературном быту Троице-Сергиева монастыря как одно из неизжитых еще последствий идеологического кризиса Смуты. Всенародная «великая слабость» ⁸³ этого времени у троицких иноков проявилась своеобразно. Их, как и других защитников монастыря, нельзя было обвинить в недостатке патриотизма или измене православию. Рассказывая «о умножении во граде беззакония и неправды» (гл. 34-я Сказания), Авраамий Палицын обличает пьянство, блуд и сребролюбие, которым предаются дьяволом побуждаемые, затворившиеся в стенах монастыря «воинские люди и народное множество». Не остались в стороне и монахи, «в ров убо глубок блуда впадоша вси от простых чадий даже и до священствующих». ⁸⁴ Обстановка «пира во время чумы» способствовала проникновению в быт монастыря-крепости атрибутов языческого праздника. Как о чем-то совершенно естественном упоминает троицкий келарь о том, что «по обеде» (после пира) у монастырского слуги Пимена Тененева «начаша играти тонцы». ⁸⁵ Можно представить, какой возмутительной казалась эта деталь Сказания (если они его читали, конечно) вдохновителям известного указа Алексея Михайловича 1648 г., которым, в частности, предписывалось: «А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гуденные бесовские сосуды, и ты б те бесовские велел вынимать, и, изломав те бесовские игры, велел жечь». ⁸⁶

Борьба с народными игрищами, законодательно начатая патриархом Филаретом еще в 1627 г., была одним из проявлений церковной реакции

⁸² Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей. . . Отд. 2, ч. 3. С. 353.

⁸³ См.: Демин А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия начала XVII в. («великая слабость» в Смутное время) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 188—202.

⁸⁴ Сказание Авраамия Палицына. С. 164—166. — О блуде иноков см. еще на с. 186—187.

⁸⁵ Там же. С. 174.

⁸⁶ Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975. Приложение. С. 177.

1620-х—1640-х гг. С карнавальным, праздничным весельем «мирских людей» церковь и государство до конца века так и не справились, белое духовенство, сильнейшим образом, особенно в провинции, зависевшее от своих прихожан, слабо поддавалось в этой области нажиму сверху.⁸⁷ А вот черное духовенство и столичных церковников призвать к порядку было легче. Уже в середине века сирийский путешественник архидьякон Павел Алеппский, несколько утрируя, живописал суровость и серьезность общавшихся с ним московских церковников: «Сведующие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну москвитов и живет среди них как подвижник. . . Он должен упразднить шутки, смех и развязность. . .».⁸⁸

Изменилась и отношение к смеху у троицких книжников. Так, келарь Симон Азарын в своей редакции Жития Дионисия Зобниновского (1653) опустил все подробности рассказа Наседки о столкновениях Дионисия с Филаретом и Логгином.⁸⁹ К 1638 г. отнесено действие охранительной по своей тенденции «Повести душеполезной» Никодима типикариси Соловецкого о некоем брате, в которой молодой чернец Троице-Сергиева монастыря кается перед соловецким уставщиком во всех монашеских прегрешениях,⁹⁰ не называя, однако, «глумотворства», — смех как будто уже изгнан из быта троицкой братии.

Таким образом, возникновение Повести о царе Иване и старце следует связать с идеологическими последствиями «бесцензурного периода»⁹¹ развития русской литературы в годы Смуты. Напомним, что недавняя находка фрагмента Сказания о крестьянском сыне в тексте учебной Азбуки 1620 г. позволила Н. С. Демковой с уверенностью отнести это «выдающееся произведение народной смеховой культуры» к периоду «не позже начала XVII в., когда создается широкий круг повестей нового типа, связанных с народной словесной культурой» (в том числе «сатирические — „Сказание о куре и лисице“, „Повесть о Ерше Ершовиче“ и др.»).⁹² Наряду с названными произведениями, к которым можно теперь добавить Слово о бражнике (фрагмент его списка первой четверти XVII в. найден Е. И. Дергачевой-Скоп),⁹³ наша Повесть входит в ранний комплекс демократической смеховой беллетристики и наряду с ними должна будет привлечь первоочередное внимание будущих исследователей генезиса последней.

Что касается Повести, то с этой точки зрения представляет интерес уже ее жанровая специфика. Согласно классификации, принятой авторами коллективной монографии «Истоки русской беллетристики», это — развернутая новелла с сюжетом, в котором по крайней мере некоторые из эпизодов амбивалентны.⁹⁴ При этом Повесть — произведение бесспорно оригинальное — возникла в то время (если верна наша датировка), когда не были еще переведены западные образцы развернутой новеллы, и ее автора можно подозревать в знакомстве только с переводом басен Эзопа (1607 г.); напомним, что одну из них пересказал в своей челобитной около 1616 г. троицкий старец Арсений Глухой.

⁸⁷ См.: Там же. С. 76—80, 85—91.

⁸⁸ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1897. Вып. 2. С. 101.

⁸⁹ Скворцов Д. Дионисий Зобниновский. Тверь, 1890. С. 390.

⁹⁰ «Повесть душеполезная» Никодима типикариси Соловецкого о некоем брате / Публ. О. А. Белобровой // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 206.

⁹¹ Истоки русской беллетристики / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 451 (автор раздела — А. М. Папченко).

⁹² Демкова Н. С. Фрагмент «Сказания о крестьянском сыне» в записи 1620 г. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 175.

⁹³ Демкова Н. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — исследователь русской сатирической литературы XVII в. // Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. С. 251.

⁹⁴ Ср.: Истоки русской беллетристики. С. 539—560.

Традиционной древнерусской жанровой системе жанр новеллы неизвестен. Наша Повесть, как это уже отмечалось, находит свое место в историко-фантастическом цикле повестей XVII в. об Иване Грозном; во всех остальных произведениях этого цикла вымышленное псевдоисторическое повествование замаскировано с помощью «внешней» традиционной жанровой формы — летописной или статейного списка. Трудно допустить, что и создатели текстов ранней оригинальной смеховой новеллы не испытывали воздействия обладавшей «громадной силой сопротивляемости»⁹⁵ средневековой системы жанров: тексты Слова о бражнике, Сказания о крестьянском сыне, нашей Повести свидетельствуют о начитанности их авторов, употребляются ходовые стилистические трафареты (в том числе житийные формулы), да и в целом язык не выходит за рамки литературной нормы своего времени. Рукописная традиция наиболее популярного среди этих произведений — и самого острого по объективной антиклерикальности — Слова о бражнике демонстрирует стремление переписчиков отнести его к традиционной жанровой системе: заглавия списков представляют читателю эту новеллу то в качестве поучения, «слова» (большинство сохранившихся списков, в том числе древнейший), в одном случае с явно мистифицирующей отсылкой к Прологу или другому минейному сборнику («Месяца августа в 4 день. Слово о некоем бражнике. . .»), то как выписку из толкований на евангелие («Книга беседы евангельския, глава 24. Выписано о пьяницах и о бражниках, слово 19»), то как «притчу» и даже «житие»; один из поздних переписчиков увидел в Слове аналог нравоучительным повестям Великого Зеркала и отметил в заглавии: «Сложено прилогом».⁹⁶ И сам автор шел навстречу таким истолкованиям: А. М. Панченко обратил внимание на то, что «новеллистически-неожиданная развязка» появляется только в поздних списках памятника, а в старших читателю «преподносится сентенция, выдержанная в тоне распространенных в древней Руси обличений пьянства»⁹⁷ (ср. «О пьянстве» — заглавие повести в списке конца XVII в. ГПБ, собр. ОЛДП, № XVIII).

В самом тексте нашей Повести также обнаруживаются следы желания его создателя преодолеть внежанровость, в конечном счете внелитературность произведения. Речь идет о применении в диалогах конструкции с «де», что было обычным, даже обязательным приемом передачи косвенной речи в самых разнообразных жанрах деловой письменности конца XVI—XVII вв. — статейных списках, расспросных речах, «сказках», грамотах и т. п. Было бы неосмотрительно объяснять применение этой конструкции в нашей Повести простой инерцией навыка, полученного при составлении деловых бумаг; таково, например, происхождение рассматриваемых конструкций в сюжетной притче о царе Нуширыване, читающейся в рассказе о примирении мурз Иштерека и Ян-Араслана (одно из «ногайских дел» 1604 г.).⁹⁸ Этому противоречит уже распространенность конструкций с «де» в произведениях демократической сатиры XVII в.: мы находим их не только в старшей, прозаической редакции Повести о Шемякином суде, но и в стихотворных версиях этой повести и Сказания о куре и лисице, в Сказании о попе Саве и даже в коротеньком стихе «О диаконове поминке и о кутии», где, по мнению опубликовавшей его Н. С. Демковой, употребление частицы «де» «говорит о наличии рассказчика и позволяет увидеть

⁹⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 74.

⁹⁶ См.: Русская демократическая сатира XVII века. С. 162—164 (перечень списков Слова в «Текстологическом комментарии»). — Отметим, что список «10 ГИМ, собрание Уварова, № 1938 (557) (449)» указан еще раз под № 29. В. П. Адриановой-Перетц был неизвестен список ГПБ, собр. Титова, № 2615, начала XVIII в., л. 116—119 об. «Повесть о пьянице, кои пияще, а господа бога не забывал, но за всяким ковшем господа прославлял». Нач.: «Бысь человек некий в некоем граде, пияше вельми. . .».

⁹⁷ Истоки русской беллетристики. С. 552—553.

⁹⁸ См.: Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961. С. 40—41.

в рассматриваемом тексте черты пародии на деловые документы — шуточный донос на нерадивых служителей церкви, вынужденных скрываться от своих прихожан». ⁹⁹

Как представляется, в старшей редакции Повести о Шемякином суде и в нашей Повести конструкции с «де» использовались в качестве приметы, по которой читатель должен был распознать в смеховой повелле запись идущего не от автора устного сообщения, обычную в целом ряде форм деловой письменности. На такую «макрожанровую» принадлежность оригинальных новелл XVII в. указывают и наиболее частые в рукописях их заглавия — «повесть» (устное сообщение) и «сказание», в котором следует видеть в данном случае книжный вариант слова «сказка» в том же значении (ср. еще «Слово речено о бражнике. . .»). Напомним, что в науке не раз высказывались предположения об устном, фольклорном происхождении сюжетов этих произведений, что в отношении нашей Повести может считаться доказанным.

И последнее. Многослойность идейно-художественной структуры Повести о царе Иване и старце, многообразие и разножанровость объектов пародирования и смеховой полемики контрастируют с внешней одноплановостью таких классических и, судя по всему, стадильно более поздних русских пародий XVII в., как «Лечебник на иноземцев», «Служба кабаку», «Роспись о приданом». Эти же особенности Повести, однако, находят некоторые аналогии в Сказании о куре и лисице и Повести о Шемякином суде, структура которых содержит, как выясняется, достаточно сложные и не находящиеся на поверхности смеховые отражения явлений древнерусской литературы и действительности: в первой из этих повестей А. М. Панченко обнаруживает художественную полемику с традиционной схемой книжной агиографической легенды, ¹⁰⁰ во второй — тонкое осмеяние «принципа эха» древнерусской системы наказаний. ¹⁰¹ Думается, что подобные открытия еще будут сделаны при изучении памятников русской смеховой литературы XVII в., среди которых должна занять свое место и Повесть о царе Иване и старце.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Необходимость нового издания Повести о царе Иване и старце обусловлена уже малодоступностью первопечатной ее публикации в составе статьи А. Н. Веселовского 1876 г. Что же касается новейших перепечаток этой публикации — в составе статьи «Сказки об Иване Грозном» ¹⁰² и отдельно, ¹⁰³ то они пестрят опечатками, встречаются и произвольные исправления. Само же издание 1876 г. не соответствует современным требованиям.

Надо признать, что перед издателем стояла задача достаточно сложная. Дело в том, что рукописная предыстория текста не способствовала его сохранности в списке, оказавшемся в распоряжении издателя. А. Н. Веселовский указал в подстрочном примечании: «Сказка эта доставлена Л. П. Майкову Е. И. Якушкиным, который нашел ее в одном, принадлежащем ему рукописном сборнике XVIII века» (с. 321). Таким образом, авторский текст XVII в. (если верна, конечно, наша датировка) был воспроизведен в списке XVIII в. (возможны и промежуточные списки), в свою

⁹⁹ Демкова Н. С. Незданное сатирическое произведение о духовенстве // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 95.

¹⁰⁰ Истоки русской беллетристики. С. 537—539.

¹⁰¹ Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха. Статья первая // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 74

¹⁰² Веселовский А. Н. Собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 163—166.

¹⁰³ Русские сказки в ранних записях. . . С. 48—49.

очередь, скопированном владельцем рукописи — этнографом и юристом Е. И. Якушкиным, в умении которого читать в оригинале древнерусский текст позволено было усомниться. Естественно, что издатель решил исправить возникшие искажения текста — или те чтения списка, которые ему таковыми представлялись. Для нас важно установить: кому принадлежит эта подготовка текста Повести к публикации — автору статьи или Л. Н. Майкову?

Известный историк русской литературы XVII—XVIII вв. неоднократно выступал в роли инициатора публикации новонайденных памятников, посредника между владельцем уникального текста и коллегой-специалистом. Так, Л. Н. Майков передал П. К. Симони записи 1730—1754 гг. сказок о Петре I, извлеченные Г. В. Есиповым из материалов Тайной канцелярии Преображенского приказа.¹⁰⁴ За два года до выхода в свет «Сказок об Иване Грозном», в 1874 г., Л. Н. Майков заинтересовался другим произведением русской смеховой культуры, на сей раз комедией демократического театра XVIII в. «Игра пирожная» в сборнике, принадлежавшем А. Ф. Бычкову. Как сообщает новейший издатель этой комедии В. Д. Кузьмина, Л. Н. Майков «снял копию, сохранив особенности говора, тщательно оговорил и исправил ошибочные написания рукописи, являвшейся не авторским текстом, а одной из копий».¹⁰⁵ Подготовленный таким образом к печати список «Игры пирожной» был выслан Н. С. Тихонову, однако по не интересующим нас сейчас причинам не был использован в его двухтомнике «Русские драматические произведения 1672—1725 годов».

В 1955 г. В. Д. Кузьмина, располагая списком XVIII в., предпочла напечатать комедию по копии Л. Н. Майкова, «так как в ней оговорены и исправлены ошибки рукописи из сборника А. Ф. Быčkova».¹⁰⁶ Эти исправления однотипны с теми, которые сделаны в публикации Повести 1876 г.: издатель стремится приблизить текст к языковым нормам XIX в., иногда упрощает его, демонстрирует порою незнание лексики, известной по древнерусским памятникам и диалектной. Так, в рукописи «Игры пирожной» первая фраза выходного монолога Пирожника — комический «перевертыш» традиционной формулы: «Благословите с исподи!». Л. Н. Майков увидел здесь ошибку и заменил «перевертыш» его объектом: «Благослови господи!». В публикации «Игры пирожной» «здор» исправлен на «вздор», в издании Повести — «здорное» на «[в]здорное»; в обоих случаях нужды в исправлении не было. Таким образом, есть основания полагать, что фактически текст Повести был подготовлен к печати Л. Н. Майковым, что, в свою очередь, позволяет надеяться на такие же аккуратность и осторожность в обращении с текстом Повести в списке XVIII в., какие этот исследователь проявил в отношении списка «Игры пирожной» в сборнике А. Ф. Быčkova.

Попытка разыскать этот список Повести оказалась безуспешной: в сборниках небольшого собрания древнерусских рукописей Е. И. Якушкина¹⁰⁷ обнаружить его не удалось. В отдельном оттиске статьи «Сказки об Иване Грозном», хранящемся в Отделе рукописей ИРЛИ, устранение опечаток и добавления рукою А. Н. Веселовского публикации Повести не коснулись.¹⁰⁸ Таким образом, единственным источником текста памятника остается его первая публикация.

¹⁰⁴ См.: Симони П. К. Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 годов // Живая старина. 1903. Вып. 1—2. С. 225.

¹⁰⁵ Кузьмина В. Д. «Игра пирожная». (Неизвестная комедия демократического театра XVII века) // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 397.

¹⁰⁶ Там же. С. 405.

¹⁰⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, ф. 279.

¹⁰⁸ За эту справку в архиве А. Н. Веселовского приношу искреннюю благодарность В. И. Охотниковой.

Повесть печатается по правилам, принятым в ТОДРЛ. Новое деление на абзацы, фразы, изменения в расстановке знаков препинания не оговариваются. Чтения рукописи, сохраненные в подстрочных примечаниях издателя, обозначаются буквой *P*, исправления его — *П*.

^аПовесть о царе Иване и старце^а

Царь Иван Васильевич пришел в Сергиев монастырь к бдению и слыша крылошанина горазда пению, а он сам горазд был пению. И послал к нему боярина своего спросить: «Откуда, старец?». И пришел боярин, сотвори молитву (а старец говорил: «Аминь»): «Царь-де Иван Васильевич велел тебя спросить: „Откуда, старец?“». И старец отвещал: «Аз-де отвсяды старец», — и на себя оком окинул. И пришел боярин, говорит: «Государь, я не смею говорить тебе. Старец говорит: „Я-де отвсяду чернец, и спереди и созади“». И в другой поем посылает того же боярина спросить: «Где пострижен?». И боярин спросил с молитвою, по чину «Где пострижен?». ^бИ старец поднял шапочку и ¹указал, — рек: «В то пострижен», — на главу. ²И боярин сказал царю, и царь рек: «Впрямь-де он с главы пострижен». И как ³почали ексапсалмы⁴ петь^б, и царь сам пошел к старцу и сотворил молитву — и старец аминя не дал. И царь прочь пошел. И царь опять пришел и сотворил молитву — и старец аминя не дал, царь и прочь пошел. И начали петь алитуия, и царь сотворил молитву — и старец рек: «Аминь с проволокою». И царь молвил: «Что-де ты давеча не отвещал?» — «Здесь-де одного подобает слушати». И царь взшел на крылос, и старцы все роздалися, а головщик не поступился — и царь стал под ним. И как приспело петь поилеилуй, и старец не почал петь, а царь пел. А старец говорит: «Только-су⁵ умеешь!»^в. И царь сошел с крылоса.

И как приходит «Пролог» чести, царь говорит архимандриту, чтобы положили исподнею доскою вверх, да обернуть главою вниз, а низом вверх; а чести велел архимандрит тому же старцу. И старец пошел чести и отворил книгу и учал здорное⁶ говорить. И, молвя слова два-три и «Богу нашему слава» да поотшед, молвил: «Чтоб-де чисто было в глазах у тово, кто книгу положил». А положил книгу уставщик по архимандричью велению. И царь о том был светел.

И после пения царь приказал архимандриту покоить головщика пивом и медом, чтобы упился и проспал заутреню⁷. И заутро праздник Ивана Богослова, и бысть бдение. И как отдали часы дневные, и царь пошел подслушивать. В келье они крылошены играют, все пьяны, масло колоят. И тот головщик ⁸начаял и⁹, что тут играет^в. И царь, идучи, без архи-

^{а-а} Заглавие в *II* («Сказка о Грозном и старце») явно принадлежит А. Н. Веселовскому. В Повести Иван IV ни разу не назван Грозным. Между тем в тексте статьи А. Н. Веселовского находим иное, по-видимому, восходящее к рукописи заглавие памятника: «предлагаемая сказка „о царе Иване и старце“» (с. 313).

^{б-б} Предложенная издателем перестановка не нужна. Синтаксическая конструкция *P* удачно передает слияние слова и жеста в шутовском ответе старца.

^{в-в} Искажение в *P* литургического термина «ексапсалмы» (шестопсалмие) косвенно свидетельствует о том, что список XVIII в. в сборнике Е. И. Якушкина не был авторской рукописью Повести.

^{г-г} «Су» — здесь «сокращение слова *сударь*, *осударь*, *государь*» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. Р—V. С. 352). В конъектуре нет нужды.

^{д-д} Место трудное для прочтения. Приходится предположить искажение авторского текста одним из переписчиков. Конъектура в *II* вызвала сомнения у самого издателя: «Не чаяли они, что тут играет (?)». В самом деле, она предполагает произвольную замену слова («начаяли» *P* на «не чаяли») и добавление еще одного — «они». Можно было бы, казалось, просто восстановить чтения *P*, однако тогда получилось бы, что

¹⁻² Так в *P*; рек: «В то пострижен», — и указал на главу *II*.

³⁻⁴ Испр., почали якся псалмы *P*; почалися псалмы *II*.

⁵ Так в *P*; Только и *II*. ⁶ Так в *P*; (в)здорное *II*. ⁷ Так в *P*; заутрен(н)ю *II*. ⁸⁻⁹ Испр. начаял и *P*; не чаяли они *II*.

мандричья благословения приказал благовестить. И пришел до звонца, а головщик стоит на крылосе чинно. И царь пришел, сотворил молитву и говорит: «Чернец, бес ли ты или человек? Топеря ты сказали пьяна, а ты на крылосе стоишь!». И старец рек: «Бес-де не может от зла к добру, а человек преложен естеством и самопроизволен, может ся преложить от зла к добру и от добра ко злу». И на другой день государь после стола глядел сквозь оконницу, а тот головщик идет с погреба сам друг со старцем, а несут по кувшину пива. И как будут против окна, и учили драться. И, дрався, один от другого побежал, и он за ним бросил всем кувшином — и кувшин разбил, и пиво пролил. И царь был светел. И те старцы один другому говорил: «О чем дрались?». И другой говорит: «Не сведаю, о чем». И паки один возрев на церковь и рек: «Пресвятая Троице, помилуй нас», — °все¹⁰ до конца°. И по сем прощение полное получиша, и пошли.

И царь пошел из монастыря и приказал беречь его архимандриту. И старца призывает к столу в Александрову слободу: а быть ему ни конем, ни пешу, ни в платье и ни нагу. И тот старец пошел с крылошаны. И как будут близ Слободы и двора церковнаго, ¹¹веле ся¹² оболочи всем старцем мережами, и друг друга несли за кукорки, переменяясь. А царь смотрел сверху. И дивился царь старцеву разуму и велел за столом посадити и, покоя гораздо, дати всем им ложки долгиа стебли, что неможно самому себе в рот уноровить. И учили старцы есть, друг другу чрез стол в рот подавать. И царю сказали, и царь дивился разуму его. И после многого кушанья велел царь спросить: «Сыты ли?». И они сказали: «Сытиде». И велел государь принести к ним пирог свой царский — и они его весь съели. И царь приказал: «Как-де вы, старцы, лжете: сказав сыти, — и пирог весь съели?». И головщик говорил: «Как-де бывает хоромина полна людей, а царь идет и молвит: „Всем тесна, а царю пространныя дорога“. И так-де и пирог царский».

И царь его призвал к себе и говорит: «Чернец, приказа-де ты архимандриту. Чем жаловать?». И он приде: «Государь, немного старцу надобно, только втрое: тепло, мокро и мягко». И бояре дивились, что говорит нелепо пред царем. И государь говорил: «Впрямь-де он просит тепло — келья, и питья несуднаго, и мягкаго хлеба». И приказал его архимандриту жаловать напаче всех братий. И опять пошли крылошени в монастырь, а государь царь Иван Васильевич остался во Александровской слободе.

все клирошане догадались о подвохе царя, в то время как в других эпизодах Повести они только исполнители замыслов головщика. Предлагаем иную разбивку текста *P* на слова: «начаял ѱ, что тут играет». При этом из двух возможных вариантов прочтения этого отрывка в контексте выбираем тот, в котором головщик «начаял» «играние» царя, а не наоборот. Таким образом, сохраняется общее понимание ситуации переписчиком *P*, согласно которому в отрывке не варьируется смысл предшествующей фразы, но обеспечивается дальнейшее движение сюжета Повести. Избранный вариант выгодно отличается простотой синтаксической конструкции. Правда, форма «ѱ» (в значении «его») больше не встречается в Повести; отметим, однако, дважды употребленное «тя» (параллельно с «тебя»), а также архаические глагольные формы «сотвори», «бысть», «веле», «приказа», «приде» наряду с «сотворил», «был», «велел», «приказал», «пришел».

^{e-e} Этикетная формула, применявшаяся в памятниках древней литературы (от Сказания о Борисе и Глебе до Жития протопопа Аввакума) в ситуации, когда персонаж произносит псалом или общеизвестную молитву. Поскольку в Повести старец читает «Трисвятое», следовало ожидать «все до конца» или «всю до конца». Ошибку переписчика исправляем.

¹⁰ *Испр.*, в'сь *P*; весь *П*. ¹¹⁻¹² *Испр.*, велеса *P*; веле(в)ся *П*.

Н. А. КАЗАРОВА

Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.)

Статейные списки — своеобразный памятник русской письменности XV—XVII вв. Представляя собою отчеты русских послов о выполнении порученных им миссий, статейные списки носили официальный характер. Но помимо изложения дипломатических переговоров, которые вели послы при иностранных дворах, они включали описание пути, а также запись впечатлений о виденном за рубежом. Таким образом, статейные списки сочетали черты деловой дипломатической документации и памятников литературы путешествий. Последнее побудило исследователей рассматривать статейные списки (во всяком случае те из них, которые включали значительный описательный элемент) не только как источники по внешней политике России, но и как особый литературный жанр, жанр «посольских повестей».¹

Как все памятники литературы путешествий, статейные списки имели большее познавательное значение, являясь источником сведений о зарубежных странах. Под этим углом зрения в настоящей статье рассматриваются статейные списки русских послов в Италию середины XVII в.

* * *

Дипломатические сношения Русского государства с Италией, носившие оживленный характер во второй половине XV—начале XVI в., прервались в конце XVI в. и не возобновились в течение всей первой половины XVII в. Правда, в начале XVII в. в Архангельске и Москве действовала итальянская торговая компания Луссио, представителям которой царь Борис Годунов по просьбе великого герцога Тосканского Фердинанда I Медичи даровал жалованную грамоту на торговлю в Русском государстве. Но деятельность Луссио в Русском государстве в 1606 г. прекратилась, не приведя к возобновлению дипломатических контактов.³

¹ Л и х а ч е в Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319—346.

² Статейные списки русских послов в Италию XVII в. уже являлись предметом внимания исследователей. Им посвящена статья А. Брикнера «Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии» (Русский вестник. 1877. Т. 128, 129). Но в работе А. Брикнера изучаются по существу лишь отдельные известия статейных списков (правда, за весь XVII в.), мы же, ограничив хронологические рамки своей работы серединой XVII в., попытались дать целостное представление о статейных списках русских послов в Италию этого времени как о памятниках литературы путешествий и особенно источнике сведений об Италии и (в меньшей степени) о некоторых других западных странах.

³ Ш а р к о в а И. С. Россия и Италия: Торговые отношения XV—первой четверти XVII в. Л., 1981. С. 48—53.

Причины длительного перерыва в истории русско-итальянских сношений были различны: относительный упадок Италии в XVII в., события Смутного времени в Русском государстве, тесная связь Рима с державами Габсбургского лагеря, противостоявшего во время Тридцатилетней войны блоку протестантских государств, к которому тяготела Россия.

Возобновление дипломатических контактов итальянских государств с Россией произошло в середине XVII в. Начало ему положила инициатива Венеции. В 1647 г. венецианский посол в Варшаве написал царю Алексею Михайловичу письмо, в котором, поздравив его с победой над турками и татарами,⁴ просил оказать помощь венецианцам в войне с Турцией.⁵ В 1655—1656 гг. в Москве побывал посол Венеции Альберто Вимина да Ченедра, обратившийся к царю с просьбой двинуть против султана донских казаков, а также разрешить венецианцам торговлю в Архангельске. Вторую просьбу царь удовлетворил, а на первую дал уклончивый ответ, сказав, что вопрос требует обдумывания и в Венецию будет отправлено специальное посольство.⁶

Обещанное посольство во главе с посланниками стольником и наместником Переяславским И. И. Чемодановым и дьяком А. Посниковым выехало из Москвы летом 1656 г. Предполагалось, что из Архангельска в Венецию посланники отправятся на венецианских «икряных» судах. Но таковых в Архангельске не оказалось, и поэтому посланники отплыли на английских кораблях, направлявшихся в Ливорно, где они должны были пересесть на корабли, идущие в Венецию. Однако когда посольство прибыло в Ливорно, то выяснилось, что морское сообщение между Ливорно и Венецией прервано из-за действий турецких кораблей, и посланникам пришлось ехать в Венецию сухим путем.

Великий герцог Тосканский Фердинанд II Медичи (1621—1670), узнав о пребывании русских посланников в его владениях, просил их приехать к нему во Флоренцию. Там он обратился к ним с просьбой передать царю пожелание о разрешении подданным герцога торговли в Архангельске и других русских городах и о предоставлении им права покупки «икряных товаров».⁷ Герцог, очевидно слышавший о выгодах торговли с Россией и об ее «икряных» богатствах, решил использовать предоставившийся случай для завязывания дипломатических контактов с Русским государством и получения доступа на его рынки.

В Венеции во время приемов у дожа Бертуччо Вальера («князя Валерия Бертучция») посланники говорили, что присланы в ответ на посольство А. Вимины и что просьбу правительства Венеции разрешить его подданным торговлю в Архангельске царь удовлетворил. Вторую же просьбу — о помощи против турок царь удовлетворить не может, так как ведет войну с Польшей, но как только положение изменится, он ее окажет.⁸ Таким образом, в отношении главного пожелания Венеции царь ограничился лишь туманным обещанием. Но и русскому посольству не удалось достигнуть поставленной перед ним цели — получения от Венеции финансовой помощи: когда посланники, указав на стесненные обстоятельства, в которых находился царь из-за войны с Польшей и Швецией, просили прислать «на вспоможение ратным людям в займы казны, золотых и ефимков сколько мочно», то получили отрицательный ответ, мотиви-

⁴ Имеется в виду, очевидно, поход 1646 г. под Азов, во время которого русские войска совместно с донскими казаками нанесли татарам ряд поражений.

⁵ Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 2. Германия и Италия. М., 1896. С. 207; Ш а р к о в а И. С. Посольство И. И. Чемоданова в Венецию и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 207—208.

⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее: ПДСДР). СПб., 1871. Т. 10. Стб. 903—905.

⁷ Там же. Стб. 985, 993.

⁸ Там же. Стб. 1040—1041, 1047—1053.

вированный скудостью средств венецианского правительства: «се есть бедность нашу». Но, отклонив главное пожелание царя, правительство Венеции разрешило его подданным торговлю в пределах Венецианской республики на тех же условиях, что и купцам других государств.⁹

От посольства Чемоданова и Посникова сохранились два документа: 1) статейный список, 2) «Роспись», полный текст названия которой гласит: «Роспись в которых месяцах и числах, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества посланники, стольник Иван Иванович Чемоданов да дьяк Алексей Посников, на его государеву службу в Виницею от Архангелского города на кораблях пошли и морем шли, и к которому городу к карабельной пристани пришли, и какими месты от города до города шли, и что в котором государстве городов и всякого строения видели».¹⁰ Название хорошо отражает назначение и содержание памятника: это — дорожник, зафиксировавший путь послов и их впечатления (поэтому мы будем называть памятник сокращенно «Росписью дороге», тем более что такое название встречается в источниках уже в конце XVI в.¹¹).

Статейные списки также включали описание маршрута послов и их путевые впечатления, но там они были лишь составными частями памятника, в «Росписи» же исчерпывали его содержание. В силу этого текст «Росписи дороге» Чемоданова и Посникова значительно меньше текста их статейного списка. Сопоставление текстов обоих памятников показывает, что некоторые их отрывки совпадали дословно, но это не дает основания считать «Роспись» извлечением из статейного списка: в ней имеются дополнительные, в статейном списке отсутствующие сведения, характер которых не позволяет думать, что они были добавлены по памяти к извлечению из статейного списка, сделанному после окончания путешествия. Скорее всего статейный список и «Роспись» велись параллельно во время поездки посольства; при этом статейный список представлял собой официальный документ — отчет посланников правительству, «Роспись» же имела полуофициальный или даже неофициальный характер и, вероятно, предназначалась для Посольского приказа в качестве справочного материала.

«Роспись» Чемоданова и Посникова имеет предшественницу в виде «Росписи дороге» (таково название памятника), составленной И. Шевригиным, совершившим путешествие в Рим в 1580—1581 гг. в качестве гонца к папе Григорию XIII.¹² Но «Роспись дороге» Шевригина содержит почти исключительно перечень населенных пунктов и указания расстояний между ними. По содержанию она суше и беднее, нежели «Роспись» Чемоданова и Посникова, которая включает, как мы попытаемся показать далее, яркие описания виденного. Отметим также, что «Роспись» Шевригина входит в состав его статейного списка, «Роспись» же Чемоданова и Посникова оформлена как самостоятельный памятник. Все это дает основание рассматривать последнюю как более высокую ступень развития того типа документации, к которому относится и «Роспись дороге» Шевригина. По-видимому, этот тип документации широкого распространения не получил: в материалах сношений Русского государства с Империей, Голландией, Англией, Францией, Италией, Испанией по 60-е гг. XVII в. документы типа «Росписи» встречаются очень редко.

Анализируя материалы посольства Чемоданова и Посникова в Венецию как источник сведений о Западной Европе, мы будем использовать оба памятника — и статейный список и «Роспись дороге».

⁹ Там же. Стб. 1060—1064, 1072—1073.

¹⁰ Там же. Стб. 1131—1132.

¹¹ Там же. Стб. 30; см. также ниже.

¹² Там же. Стб. 30—35.

Члены посольства Чемоданова и Посникова были первыми русскими людьми, проделавшими весь путь в Италию по морю вокруг Европы. 12 сентября 1656 г. корабли с посольством отплыли от Архангельска и, пройдя мыс «Северный нос» (Нордкап), шли мимо земли датского короля, оставив справа «остров Ислант, и Ледяной он же» (дан правильный перевод названия Исландии), затем мимо Гамбургской и Бременской земель, Шотландии и Голландии, владений английского короля и, наконец, Французской земли, «что сошлась с Испанскою землею»; «все те государства обошли влеве» — указывается в статейном списке и «Росписи».¹³

10 ноября путешественники «приехали к гирлу, к ускому месту, с большого моря (Атлантического океана. — *Н. К.*), влево к морям, что в Винищее и в иные государства. По левую сторону того уского места Шпанская земля, а по праву Турская; поперег в уском месте, меж высоких гор, с десять верст или мало болши, а у того уского места в длину верст с дватцать и болши». Так русские посланники описали Гибралтарский пролив. Перед его описанием в «Росписи» помещено краткое упоминание античной легенды о Геркулесовых столбах, которую кто-то рассказал, по-видимому, посланникам: «И блиско того города (имеется в виду испанский город Кадис. — *Н. К.*) стоит столп каменной, велик, а сказывают про него, что тот столп поставил богатырь Гергулес, а пишет об нем в Трое».¹⁴ За описанием Гибралтарского пролива в «Росписи» следует рассказ о системе оповещения о турецких кораблях, применявшейся на испанском и французском побережье Средиземного моря: от Кадиса до «городов флоренского князя» (великого герцога Тосканского) были воздвигнуты между городами на расстоянии пяти верст каменные столбы, на которых при появлении турецких кораблей зажигались «огни великие».¹⁵

Статейный список живо передает трудности длительного морского плавания: бури, налетавшие на корабли, атмосферу тревоги, сопровождавшую путешественников из-за пиратских действий турок, — корабли были вооружены пушками и уже в «Шпанском море» (часть Атлантического океана, омывающая Испанию) их экипаж был приведен в боевую готовность.¹⁶

В рассказе о прибытии кораблей в Ливорно, читающемся в статейном списке, очень любопытно описание мер, принятых в ливорнском порту для предупреждения заноса приезжими моряками инфекционных заболеваний. Когда корабли остановились в море за две версты от города, приехали «корабельного приему капитан» с товарищами и спрашивали, из какого государства и с какими товарами пришли, и «не были ль где иных государств в моровых городех», и нет ли на кораблях больных людей, и есть ли «поздравленные грамоты, что приехали не из моровых мест». Корабельщики ответили, что шли они из Архангельска в Ливорно, никуда не заходя, а «грамотки поздравленные» у них есть из Архангельска от торговых людей к торговым людям в Ливорно. «Корабельного приему капитан» записал речи корабельщиков, взял у них «поздравленные грамотки» и осмотрел людей на кораблях. После этого на корабль приехали «дохтуры», произведшие индивидуальный осмотр прибывших («осмотря всех на лицо порознь»)¹⁷.

И только по окончании всех медицинских мероприятий из города на корабли для встречи посланников русского царя прибыли «воевода Аптониус (губернатор Ливорно Антонио Серристоры. — *Н. К.*), а с ним

¹³ Там же. Стб. 938—944, 1151—1152.

¹⁴ Там же. Стб. 1153. — Троя — сокращенное название русского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна, одним из персонажей которой был Геркулес.

¹⁵ Там же. Стб. 940—943.

¹⁶ Там же. Стб. 938—944.

¹⁷ Там же. Стб. 944—945, 948.

начальных людей, кавалеров и бурмистров градских, и духовного чину римских попов, и студентов, и гостей, и всяких чиновных людей тридцать человек» (посланники выделили среди встречающих представителей различных прослоек населения Ливорно). Укажем также, что в описании переезда русского посольства на берег и его проезда по улицам на отведенный для него двор отмечены оживленные международные связи ливорнского порта («А кораблей и катарг из разных государств у пристанища стояло под городом и в городе с пятьдесят и болши») и — как следствие их — разнорасовый состав населения города («А как посланники от пристани ехали до посольского двора городом, и в то время немецкие¹⁸ торговые и всяких чинов люди, и греченя,¹⁹ и кизылбашеня,²⁰ и турчане,²¹ и иных розных многих государств многие люди вышли и стояли по обе стороны до посольского двора, по всему граду и по стенам»²²).

В разделе статейного списка, посвященном пребыванию в Ливорно русского посольства, освещается главным образом официальная сторона: прием, оказанный посольству местными властями, устраивавшиеся для него торжественные трапезы, посещение посланников секретарем великого герцога Тосканского и т. д. В «Росписи» же содержится описание самого города и его достопримечательностей, с которыми посланники ознакомились во время прогулки в карете: город обнесен тянущимися до моря каменными стенами с подъемными мостами, перекинутыми через заполненные водой рвы, каменной стеной с бойницами обнесена и гавань, где стояли корабли разных государств.

Посланники обратили внимание на скульптурную группу, находящуюся у пристани напротив городских ворот: «. . . поставлен каменной столп четвероуголен, в белом камени, а на том столпе сделан из белого ж камени князь Флоренской с палашем, а подле его, в ногах у него, лежит садак; да у того ж столпа прикованы по углам за руки турецких четыре человека разбойников великих, сажени по две, вылиты из медей зеленой». Сопровождавшие посланников «торговые люди» пояснили, что скульптура представляет собой памятник «князю», одержавшему над турками большую победу на море.²³ Несомненно, что речь идет о памятнике великому герцогу Тосканскому Фердинанду I Медичи, в правление которого (1587—1609) тосканский флот одержал значительную победу над турецким флотом. Памятник, известный под названием «Четыре мавра» (*I quattro mori*), включает возвышающуюся на постаменте статую из белого мрамора Фердинанда I, работы Джиованни Бандини дель Опера (1595), и четыре отлитые из бронзы фигуры турок, прикованных цепями к постаменту, работы Пьетро Такка (1623—1624). Как мы видим, русские дипломаты очень точно описали скульптурную группу, являющуюся одной из достопримечательностей Ливорно.²⁴

В связи с осмотром городских укреплений посланники заинтересовались, «сколь давно зачался город Леворна?», на что получили от сопровождавших их лиц ответ: «. . . как де сделан город Леворна, тому лет с полтретятцать (т. е. 25 лет. — *Н. К.*), а прежде того в том месте была деревня».²⁵ Запись русских посланников передает правильные сведения о Ливорно в том смысле, что Ливорно в середине века долгое время был незначительным населенным пунктом и развитие его началось только с переходом под власть Великого герцогства Тосканского, когда стара-

¹⁸ Этноним «немцы» или «немецкие люди» означает в данном контексте жителей Западной Европы, в том числе и итальянцев.

¹⁹ «Греченя» — греки.

²⁰ «Кизылбашеня» — иранцы.

²¹ «Турчане» — турки.

²² ПДСДР. Т. 10. Стб. 948, 956—957.

²³ Там же. Стб. 1156.

²⁴ Материал, из которого были изготовлены статуи турок, назван в статейном списке «медью зеленой», очевидно, из-за окислов, покрывших бронзу.

²⁵ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1156.

ниями Медичи он был превращен в крупный портовый город.²⁶ Продолжая осмотр Ливорно, посланники посетили монастырь, находящийся в большом саду, где произрастали диковинные для русского человека лимонные деревья, финиковые, виноград и имелись садки с рыбами. Заканчивая перечень достопримечательностей Ливорно, посланники записали: «. . . видели в Ливорне птицу, называют струц, велика, ноги что у коровы, а ест железо, и камень, и кости, в вышину человека с полтора, а перье на ней морховато, серо, что носят немцы на шляпах».²⁷ Здесь фантастические сведения о пище страусов перемежаются с соответствующим действительности описанием их внешнего вида и замечанием о том, что страусовыми перьями жители Западной Европы украшали свои шляпы.

20 декабря посланники отправили свой багаж из Ливорно во Флоренцию на судах по реке, а сами выехали в каретах 23 декабря, по дороге сделали остановку в Пизе. О ней в «Росписи» сообщается: «. . . город каменной велик», через него протекает река «Арна (Арно) с песком и камнями».²⁸

Интересно, что в Ливорно московские посланники четыре недели жили на дворе у «гостя Карлуса» «на его проторях», а в Пизе остановились у «Пизы города гостя» «Ждана Францускуса Семенделия» и также находились на его довольствии.²⁹ Думается, что такое гостеприимство купеческой верхушки Великого герцогства Тосканского было обусловлено его стремлением к установлению торговых контактов с Русским государством.

Во Флоренции, где посланники пробыли с 25 декабря 1656 г. по 1 января 1657 г., они встретили чрезвычайно любезный прием: при въезде во Флоренцию, у города, их ожидал брат великого герцога Леопольд («Лиаполдус»), для проживания им было отведено помещение «на дворе» у самого великого герцога Фердинанда II, который «со всеми своими сенаторами» встретил посланников «в воротах» и во время пребывания их во Флоренции не только принимал в своих апартаментах, но и посещал в отведенных посольству палатах, при отъезде провожал до карет, а за город провожал его сын Козьма. Фердинанд II также позаботился о получении для русского посольства разрешения папы на проезд через Болонью, путь в которую был закрыт по причине «морového поветрия».³⁰ Подчеркнутая любезность в отношении московских дипломатов объяснялась, вероятно, стремлением великого герцога получить для тосканских купцов разрешение на торговлю с Россией, о чем говорилось выше.³¹

Так же как это имело место с описанием пребывания московского посольства в Ливорно, в разделе статейного списка, повествующем о пребывании его во Флоренции, отражена преимущественно официальная сторона: переговоры, приемы и т. д. Из достопримечательностей Флоренции названа лишь одна, на которую при проезде посланников через город обратил их внимание брат великого герцога: «. . . костел во имя Благовещение пресвятые Богородицы старого здания, и в том де костеле был осмой собор»;³² здесь имеется в виду знаменитый собор Санта Мариа

²⁶ Александр Медичи (1523—1537) укрепил Ливорно, Козимо Медичи (1537—1574) установил в Ливорно порто-франко, Фердинанд I устроил в нем гавань. (Официально Ливорно был провозглашен городом в 1606 г.)

²⁷ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1155—1158.

²⁸ Там же. Стб. 1158.

²⁹ Там же. Стб. 971—973. — Вопрос о месте жительства посланников в Ливорно не совсем ясен. В десятом томе ПДСДР в указанных столбцах говорится, что посланники жили на дворе у гостя Карлуса, а ранее отмечается, что в Ливорно с кораблей они были отвезены на посольский двор и там жили.

³⁰ ПДСДР. Т. 10. Стб. 975—996.

³¹ Показательна форма, в которую великий герцог облек свою просьбу: за такую «его де государскую милость (разрешение на торговлю с Россией. — Н. К.) ни за что не стою, во всем де ему, великому государю, до окончания своего живота, и дети и братья мои ради послужить и спомогателством всяко чинить» (ПДСДР. Т. 10. Стб. 993).

³² ПДСДР. Т. 10. Стб. 996.

дель Фьоре, в котором в 1439 г. заседал восьмой собор и был подписан акт об унии католической и православной церквей.

Специальный рассказ о достопримечательностях Флоренции содержится в «Росписи дороге». В ней отмечены богатство и красота интерьеров отведенных посланникам помещений, стены которых были обиты затканными золотом тканями и коврами с изображениями библейских сцен — из «Бытия» и «Исхода». Особенно подробно описывается герцогская «казна» (очевидно, сокровищница великих герцогов) и «всякие мудрости», смотреть которые посланников водили по каменным переходам через реку Арно. Им показали палату, в которой «алмазноа дела мастера» делали мозаичный стол из дорогих разноцветных камней — яшмы, яхонтов и других и где стояли шкатулки с инкрустациями из драгоценных камней; другую палату, где в таких же шкатулках хранилась казна великого герцога; палату, в которой было собрано ценное оружие и сбруя «прехитрого мастерства» и где на конях были «устроены люди все в доспехах, и кони под теми людьми все в железных збруях, с древки и с мечами, а в шапках на голове у них устроено перье» (посланникам объяснили, что оружие и доспехи были присланы великим герцогам Тосканским из других государств в качестве подарков, а некоторые сделаны здесь же, во Флоренции). Особо посланники отметили показанный им магнит: «Да тут же висит на цепях камень магнит, и тот камень поднимает по штидесят гривенок железа, и при посланниках тем камнем железо поднимали».³³ На основе внесенного в «Роспись» рассказа русских посланников можно предположить, что из дворца Питти, обычного местожительства великих герцогов Тосканских (где были «испомещены» и русские посланники), их водили по крытым переходам через Арно в помещения, которые теперь называют галереей Уффици и в которых в то время находились, очевидно, сокровищница, художественные собрания и собрания редкостей Медичи.

После осмотра сокровищницы великих герцогов московских дипломатов повели в оружейную палату. По дороге их провели в верхние палаты, где были «сделаны два яблока превеликих добре, а на тех яблоках написаны государства все, и планиды, и беги небесные; а те яблоки переворачиваются на все стороны». Так московские дипломаты описали показанные им глобусы. В оружейной палате — арсенале, где хранились «збруи конные и пехотные» и «ружье многое конное и пехотное», посланники записали слова пристава (приставленного к ним чиновника великого герцога) о том, что «того де ружья и збруи у арцыкнязя нашего изготовлено на ратных людей на сто тысяч». В особой палате находилась осадная техника — «всякие снасти, и промысл подкопный, и пинарды». Здесь же над дверями висело чучело — «зверь мертв», которого пристав назвал крокодилом; посланники описали его и, чтобы сделать это описание понятным для своих будущих читателей, заметили: «. . .походит на ящерицу». В конюшнях герцога и его сына посланникам продемонстрировали лошадей, «выученных мудрым ученьем», умеющих кланяться, танцевать и т. д. В каретах посланники ездили «в сады гулять»; здесь они обратили внимание на пруды с каменными плотинами и статуи фонтанов.³⁴

1 января 1657 г. русское посольство выехало из Флоренции и через Болонью и Феррару, находившиеся в Папской области, достигло владений Венецианской республики — «Речи посполитой», как ее называли Чемоданов и Поспиков и другие русские дипломаты XVII в., передавая, таким образом, термин «республика». Посольство прибыло в Венецию 11 января. Переезд через Италию занял 10 дней.

В рассказе статейного списка о проезде посольства по Италии называются населенные пункты, указываются транспортные средства (от Флоренции до Болоньи посланники ехали в носилках, укрепленных

³³ Там же. Стб. 1158—1161.

³⁴ Там же. Стб. 1161—1162.

между ослиами, так как путь через горы для карет был недоступен; от Болоньи до Феррары и далее — на судах), описываются встречи, оказываемые папской администрацией и венецианскими властями русским посланникам.³⁵ В «Росписи дороге» внимание авторов сосредоточено на описании особенностей пути и городов, через которые проезжало посольство. Об отрезке пути от Флоренции до Болоньи сказано: «. . . а ехали каменными высокими горами и щелми» (ущельями); по поводу Болоньи замечено: «А тот город каменной, а сквозь город течет река копаная» (канал). Очень точно русские посланники описали находившийся на канале шлюз: «. . . а на той реке сделаны двои ворота на чепях железных, и суда пропускаят в те ворота, как накошится вода, и отворяют воротами». При описании Феррары отмечены две линии укреплений: «Да в Ферраре ж два города каменных, а те де города старого здания». О реке По, по которой посланники ехали от Феррары, записано: «А та де река идет из Цесарские земли (владений императора. — *Н. К.*), и во всей де Италии болши тое реки нет». Атмосферу постоянной военной опасности, грозившей Венеции со стороны моря от турок, передает описание укрепленного побережья между венецианским городом «Чозой» (т. е. Кьоджой) и самой Венецией: «И от города Чозы до Виницей стоят крепости и городки каменные многие частые, и валы землянные, и для караулу столпы каменные высокие, и корабли опасные многие виницейские и иных розных государств и земель наемные».³⁶

За Феррарой русских посланников встретил побывавший ранее в Москве в качестве посла Венеции Альберто Вимина, который курировал их во время всего пребывания посольства в венецианских владениях. Вимина сообщил при встрече о смерти прежнего дожа Франческо Молина («князя Франциска») и о том, что нынешний дож Бертуччо Вальер после него уже третий.³⁷ Путешествие от Феррары до Венеции в обществе Вимины посланники использовали для сбора сведений о ней. Они спрашивали, в частности, какие «владельцы начальные» сейчас в Венеции, каких государств послы и посланники в ней находятся, каким образом венецианцы торгуют с Турцией, если у них с нею сейчас война, и, наконец, «сколько тому лет, как Виницея зачалась». Вимина ответил, что «великих людей» в Венеции много и они выбирают «всею землею» сроком на пять-шесть месяцев; из послов и посланников в Венеции сейчас находятся: папы римского и короля французского и, кроме того, резиденты из разных стран, ежегодно меняющиеся; в Турцию венецианские торговые корабли ходят под знаменами английскими, голландскими и других государств, с которыми Турция в мире; «как де Виницея зачалась, тому тысяча двесте лет».³⁸ В вопросах московских дипломатов и ответах на них представителя Венеции нашли отражение разные аспекты жизни Венецианской республики: выборность высших государственных должностей,³⁹ международные связи, полуполюгальная торговля с Турцией; была дана с большой точностью справка о древности Венеции — первые поселения на месте Венеции возникли в V в. до н. э., т. е. действительно тысячу двести лет назад.

³⁵ Там же. Стб. 996—1016.

³⁶ Там же. Стб. 1162—1165. — Описание укрепленного побережья от «Чозы» до Венеции имеется и в статейном списке.

³⁷ После Франческо Молина и до вступления в должность Бертуччо Вальера (15 июня 1656 г.) у власти находились два дожа: Карло Контарини (27 марта 1655—1 мая 1656) и Франческо Корнаро (17 мая 1656—5 июня 1656) (см.: K r e t s c h n a u г Н. Geschichte von Venedig. Stuttgart, 1934. Bd 111. S. 322). Таким образом, Бертуччо Вальер по отношению к Франческо Молина действительно был третьим дожем.

³⁸ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1002—1013.

³⁹ Выборы на государственные должности в Венеции осуществлялись отнюдь не «всею землею», а олигархическим кругом знатных семейств, и срок пребывания на различных государственных должностях был различным, а не только пять-шесть месяцев, как это указано в статейном списке.

В Венеции И. Чемоданов и А. Посников пробыли с 11 января по 1 марта. По сравнению с приемом, оказанным русским посланникам во Флоренции, где сам великий герцог встречал их у ворот своего дворца, неоднократно навещал и при отъезде провожал до кареты, прием в Венеции со стороны высших властей республики был более сдержанным: с дожем посланники виделись только во время официальных аудиенций у него, из «сборной палаты» (очевидно, место заседания правительства Венеции) дож не выходил им навстречу; когда посланники с неудовольствием это отметили, им объяснили: «. . . у нас в обычаях того не повелось, встречи николи не бывает». Точно так же, когда посланники выразили протест против присылки ответного послания («листа») дожа царю к ним на посольский двор и сказали, что «лист» они должны получить из рук самого дожа, им разъяснили: «. . . у нас де так ведется, у князя и у владельцев наших из которых государств ни приезжают послы и посланники, ко всем присылают листы на посольской двор. . .».⁴⁰ Очевидно, в Венецианской республике строго соблюдались традиционные нормы дипломатического этикета, менять которые ради московских послов венецианские власти не желали.

Но если отвлечься от указанного различия в поведении по отношению к московским посланникам великого герцога Тосканского и венецианского дожа, то посланникам в Венеции был оказан почетный прием: когда они подъезжали к Венеции, навстречу им выехала целая флотилия из барок и гондол, с кораблей, стоявших в венецианской гавани, были даны пушечные залпы, отведенные посланникам палаты были обиты шелком и бархатом и т. д.

Пребывание русских дипломатов в Венеции вызвало интерес среди иностранных дипломатов: узнавать о здоровье посланников присылали резиденты мантуанский и французский, лично навестили их «цесаря Римского (императора Священной римской империи. — Н. К.) квалеры».⁴¹ Внимание к русским посланникам со стороны иностранных дипломатов свидетельствовало о престиже Русского государства.

В статейном списке Чемоданова и Посникова отражена и попытка римского папы вновь завязать контакты с Русским государством. Незадолго до отъезда посланников из Венеции там побывал гонец папы с извещением, что папа велел для них «пути. . . отпереть» через свои владения (напомним, что они были охвачены «морovým поветрием»), и с предложением заехать в Рим. Посланники отказались, мотивируя свой отказ отсутствием по этому вопросу царского указа.⁴²

Как известно, Венеция всегда тесно соприкасалась с греческим Востоком, а после завоевания Византии турками многие греки нашли приют в городе на лагуне и здесь возникла греческая община. Ее представители посетили русских посланников и пригласили их на богослужение в православную церковь «Николы Чюдотворца и Георгия Страстотерпца», где представители греческого духовенства обратились к посланникам с речью, в которой выражалась уверенность в скором освобождении греков царем из-под турецкого ига. Со своей стороны венецианские власти, учитывая, вероятно, православную принадлежность московских дипломатов, включили в программу их пребывания в Венеции осмотр «мощей святых и казны, которая взята в Царьграде»⁴³ (имеются в виду события четвертого крестового похода, в результате которого к Венеции отошла часть Константинополя и три восьмых Византийской империи). Так, в статейном списке Чемоданова и Посникова запечатлелись некоторые моменты из истории венецианско-византийских отношений, а также наличие в Византии греческой колонии и надежды греков на освобождение их родины московским царем.

⁴⁰ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1037, 1083.

⁴¹ Там же. Стб. 1026, 1028—1029, 1058.

⁴² Там же. Стб. 1090—1091.

⁴³ Там же. Стб. 1053—1058, 1078—1080.

В рассказе «Росписи дороге» о Венеции прежде всего описывается ее внешний вид, который всегда поражал русских: «И Вениция стоит на той же морской губе, кругом ея и по всем улицам вода, ездят в мелких судах, но их называют гундулы; . . . а стен городовых в Вениции ни башен нет». Отметили русские посланники и другую особенность облика Венеции — многочисленность ее мостов: «В Вениции ж сделан мост каменной великой, а на нем устроены лавки многие, крыты свинцом, и сидят в них со всякими товары (имеется в виду знаменитый Понте-Риальто. — *Н. К.*) . . . И под тот мост ходят невеликие корабли и большие барки. А иных мелких мостов по улицам добре много, и под те мосты ездят в гундулах».⁴⁴

Любопытен включенный в «Роспись дороге» рассказ о присущем только Венеции и связанном с особенностями ее местоположения торжественном и красочном обряде венчания дожа с морем: «Да в Вениции ж видели барку превелику, сажень с дватцать и болши, внутри выписана вся золотом, и сделано среди барки, блиско кормы, княжое место, да в барке ж по обеим сторонам и среди ея сделаны мест с шездесят великим людем. И на той барке веницейской князь (дож. — *Н. К.*) с своими ближними людьми, по своему римскому календарю, на праздник Вознесения господня выезжает в море верст с двадцать, и море обручает, честь воздает, мечет князь ежегод перстень золот с алмазы и с иными дорогими каменьями».⁴⁵

Русские посланники внесли в «Роспись» сведения и о процветавшей в Венеции отрасли ремесла и одновременно прикладного искусства — знаменитом венецианском стекле, славившемся на всю Европу: «. . . за три мили от Венеции, — записали они, — стоят многие полаты каменные, а в них делают скляничное дело всякими мудрыми образы».⁴⁶

Выехав из Венеции 1 марта, посольство 25 апреля прибыло в Амстердам. Маршрут его пролегал через северную Италию и Германию, через города Тренто, Инсбрук, Аугсбург, Франкфурт на Майне, Майнц,⁴⁷ Линц, Кельн. В статейном списке и «Росписи» названы и более мелкие города и местечки, через которые проезжало посольство. В статейном списке обычно указывается принадлежность населенного пункта тому или иному князю, описываются встречи и переговоры с местными властями, в «Росписи» преобладает описание внешнего вида: характеризуются местоположение города (в горах, в «долу» — долине, «на ровном месте»), его размеры, материал построек, форма и мощь укреплений.

Обстоятельностью и разносторонностью выделяется описание Аугсбурга («Акшпурка»): «. . . город Акшпурк каменной великой, старого здания, стоит на ровном месте, а по углам и против ворот обведены валы земляные. Около всего города ров каменной, широк и глубок, а в нем вода. А сказывают, что поставление тот город Августа кесаря Римского. А для славы в городе на площади, на каменном столпу, вылито парсуна — Август кесарь медной седит на грифе, а у него в руках палица. И в том городе Акшпуре узорочных всяких товаров и всяких мастеровых людей, которые делают сосуды серебряные и золотные всякими мудрыми образцы и ружье всякое многое, и ходят из того города узорочные товары, и сосуды золотные и серебряные, и ружье всякое идет во все государства».⁴⁸ В этом описании отмечены древность города (Аугсбург вырос из основанной в 15 г. до н. э. римской колонии *Augusta vindelicorum*), находящаяся

⁴⁴ Там же. Стб. 1165.

⁴⁵ Там же. Стб. 1165—1166.

⁴⁶ Там же. Стб. 1166.

⁴⁷ В статейном списке Чемоданова и Посникова, так же как и в статейных списках других русских дипломатов, Майнц ошибочно называется «Мецем»; о том, что речь шла о Майнце, а не о Меце, свидетельствует следующее место из статейного списка Чемоданова и Посникова: «. . . от Франкфорка (Франкфурта на Майне. — *Н. К.*) поехали рекою Мейн вниз в судех и. . . приехали к городу Мец. . . ; а тот город каменной великой, стоит у реки Рены (Рейна. — *Н. К.*) против устья реки Мейн, а та река Мейн впала в реку Рену против того города Меца» (ПДСДР. Т. 10. Стб. 1171).

⁴⁸ Там же. Стб. 1169.

в нем статуя императора Августа с орлом (русские посланники назвали его грифом), мощь укреплений города и его значение как крупного ремесленного центра.

Из путевых впечатлений посланников по дороге в Амстердам, внесенных в «Роспись», отметим описание шлюзов на канале («речка копана»), соединяющем Рейн с Амстердамом: «. . . и устроены с приезде двои ворота, и теми воротами воду запирают и суды пропускают, а суды на той реке ходят бечевою лошадми». ⁴⁹

Привлек внимание русских путешественников своеобразием своего облика Амстердам. В «Росписи» указывается, что из морской губы в улицы города впущены воды, через них «поделаны мосты каменные многие», а вдоль вод «посажено нарочно деревье великое, вязь и липа и иные», ⁵⁰ — так путешественники описали многочисленные каналы Амстердама, обсаженные деревьями.

В Амстердаме посланников приняли «с честью», так как, по словам принимавших их бургомистров Амстердама, «с его царским величеством стати наши (правительство Голландии. — *Н. К.*) и князь (великий пенсионарий Ян де Витт. — *Н. К.*) в совете и в дружбе». ⁵¹

20 мая русское посольство на кораблях выехало из Голландии. 25 июня прибыло в Архангельск, 24 августа — в Ярославль. Известием о выезде из Ярославля 25 августа 1657 г. заканчивается статейный список Чемоданова и Посникова.

Наличие в материалах посольства Чемоданова и Посникова в Венецию в 1656—1657 гг. отдельной от статейного списка «Росписи дороге» делает эти материалы особенно ценным источником сведений о западно-европейских странах. Пожалуй, немного можно назвать русских посольств в Западную Европу, материалы которых содержали бы такое обилие впечатлений о городах, достопримечательностях, особенностях пути. Но вместе с тем в материалах посольства Чемоданова и Посникова не нашли никакого отражения международные отношения в Европе, хотя в документации других посольств они обязательно освещаются: статейные списки, как правило, включают разделы, рисующие внешнюю политику и международное положение государства, в которое было направлено русское посольство. В статейном списке Чемоданова и Посникова такого раздела нет. Объяснение этому мы постараемся дать далее.

Завязавшиеся по воле случая во время посольства Чемоданова и Посникова в Венецию контакты с великим герцогом Тосканским Фердинандом II русское правительство, стремившееся к расширению связей с европейскими государствами, решило использовать для установления дипломатических и торговых сношений с Великим герцогством Тосканским. С этой целью из Москвы во Флоренцию летом 1659 г. было направлено специальное посольство, возглавляемое наместником Боровским В. Б. Лихачевым и дьяком И. Фоминым.

От посольства Лихачева и Фомина, так же как и от посольства Чемоданова и Посникова, сохранилось два документа; оба они напечатаны под названием статейного списка: первый в четвертом томе ДРВ, второй — в десятом томе ПДСДР. ⁵² На их неидентичность обратил внимание А. Брикнер, определивший первый документ как журнал путешествия посланников, а второй — как их статейный список. ⁵³ А. Брикнер правильно

⁴⁹ Там же. Стб. 1173.

⁵⁰ Там же. Стб. 1174.

⁵¹ Там же. Стб. 1133.

⁵² ДРВ. 2-е изд. СПб., 1788. Ч. 4. С. 339—359; ПДСДР. Т. 10. Стб. 509—670.

⁵³ Б р и к н е р А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. С. 18—19. — А. Чертков, еще до А. Брикнера сравнивший текст, изданный Н. И. Новиковым в ДРВ, с текстом тогда не опубликованного статейного списка Лихачева и Фомина, находившегося в Московском архиве Министерства иностранных дел, рассматривал первый текст как фамильный, семейный список, сохранившийся у наследников Лихачева

подметил официальный характер второго документа и неофициальный — первого: в нем полностью отсутствует отчет о выполнении посланниками порученной им дипломатической миссии, содержание сводится к сокращенному описанию путешествия посланников и виденных достопримечательностей (но вместе с тем в первом документе имеются эпизоды и детали, не читающиеся во втором). По своему типу рассматриваемый памятник аналогичен, с нашей точки зрения, «Росписи дороге» Чемоданова и Посникова. Поэтому мы предлагаем называть его также «Росписью дороге», а не журналом путешествия (такого термина в языке XVII в. не было), как это сделал А. Брикнер.

Официальное поручение, данное русским правительством Лихачеву и Фомину, статейный список рисует следующим образом: посланники должны были передать великому герцогу благодарность царя за прием и помощь, оказанные посольству Чемоданова и Посникова, известить, что царь разрешил тосканским купцам торговать в Архангельске с ушлатой таких же пошлин, какие платят другие иноземцы, а двух-трех человек из тосканских купцов пропускать для торговли в «иные города и к Москве»; «торговым людям, икряным промышленникам» тосканским, царь разрешил «икряной промысл» (очевидно, закушку икры) на пять лет и обещал продлить это разрешение еще на пять лет. Посланники должны были также передать великому герцогу пожелание царя разрешить «Московского государства торговым людям» свободную торговлю в Великом герцогстве Тосканском, а также покупку «для царского обихода» «узорочных товаров» без пошлин, «прямою ценою»; на таких же условиях царь обещал разрешить в своих владениях закушку товаров «для обихода» великого герцога. Когда посланники изложили во Флоренции цели своего посольства, великий герцог Фердинанд II выразил готовность удовлетворить все пожелания царя.⁵⁴

Отметим, что посольству Лихачева и Фомина в Тосканском герцогстве был оказан прием, быть может, еще более любезный, чем посольству Чемоданова и Посникова. Так, когда корабли с посольством прибыли в Ливорно, там уже находились посланцы великого герцога, которые сообщили, что Фердинанд II, узнавший из присланных из Амстердама «вестовых грамоток» о предстоящем приезде русских посланников, выехал им навстречу и уже четыре недели находится в Пизе в ожидании их. Во Флоренции Лихачев и Фомин были помещены, как и Чемоданов и Посников, «на дворе» у великого герцога, Фердинанд II и члены его семьи навещали посланников, а когда они уезжали, Фердинанд II провожал их до кареты, а его брат — за город. На прощальном обеде, который великий герцог дал в честь русских посланников, на столе стояли три двуглавых позолоченных орла с царскими венцами, а посредине орлов — изображение царской печати.⁵⁵ Так Фердинанд II высказал свой пиетет в отношении русского царя.

Не касающиеся официальной стороны посольства известия статейного списка и «Росписи дороге» Лихачева и Фомина содержат описания путешествия посланников во Флоренцию, пребывания в ней и обратного пути на родину.

Зафрахтованные посланниками в Архангельске английские корабли, идущие в Ливорно, 22 сентября 1659 г. вышли из Архангельска и в середине декабря достигли Гибралтара. Маршрут плавания вокруг Европы в статейном списке и «Росписи дороге» Лихачева и Фомина указан менее подробно, нежели в аналогичной документации посольства Чемоданова и Посникова. Возможно, это объясняется тем, что Лихачев и Фомин не

и Фомина (Чертков А. Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому // Русский исторический сборник. 1840. Т. 3, кн. 4. С. 324, примеч.).

⁵⁴ ПДСДР. Т. 10. Стб. 554—560, 576—582.

⁵⁵ Там же. Стб. 534, 547—591, 595—596, 610—615.

хотели повторять сведения статейного списка Чемоданова и Посникова, с которым они были знакомы: ссылка на последний имеется в «Росписи дороге» Лихачева и Фомина.⁵⁶ Об отрезке же пути по Средиземному морю и Италии Лихачев и Фомин сообщают в ряде случаев новые по сравнению с материалами посольства Чемоданова и Посникова сведения. Так, в статейном списке Лихачева и Фомина читаем: 26 декабря корабли с посольством «прошли город Малег, владенье испанского короля, а по сказке корабельщиков к тому же городу корабельная пристань бывает, для всяких питей, розных земель кораблей по сту и по двести» (имеется в виду город Малага, откуда экспортировалось вино такого же названия); 1 января 1660 г. прошли острова Ивиса («Иверс»), Мальорка («Маиорк»), Менорка («Маниорк»), принадлежащие испанскому королю; 4—5 января прошли острова Сардинию и Корсику, о которых, со слов «корабельщиков», посланники записали, что Сардинией владеет испанский король, а Корсика «стоит на Италийской земле», но владеет ею вольный испанский город «Джановей»; остров Сардиния в длину имеет пятьдесят пять миль, а в ширину — двадцать, остров Корсика — в длину сорок пять миль, а в ширину — двенадцать.⁵⁷ Приводимые сведения об островах западного Средиземноморья интересны уже потому, что они были первыми, принадлежащими русским людям. Московские посланники правильно отметили подвластность Испании Питиусских (о-в Ивиса) и Балеарских (Мальорка и Менорка) островов, а также Сардинии; они правильно подчеркнули и географическую принадлежность Корсики Италии; что касается известия о том, что Корсикой владеет вольный испанский город «Джановей», то оно не поддается интерпретации: в XVII в. на Корсике боролись за власть генуэзская, арагонская и национальная партии, и какой именно момент этой борьбы отражен в рассматриваемом известии, мы судить не беремся (однако название «Джановей» скорее всего должно быть понято как Генуя — Дженова по-итальянски). Не решаясь проверять достоверность приводимых русскими посланниками цифр, характеризующих размеры Сардинии и Корсики (так как неизвестно, какими милями пользовались посланники), укажем, что они верно отметили большую величину первого острова.

Ярко переданы в статейном списке все превратности морского путешествия: бури и штормы, нехватка питьевой воды, страх перед турецкими кораблями, уловки, к которым прибегали корабельщики, чтобы обмануть турок (поднимали белые, турецкие флаги).

Ливорно, куда посланники прибыли 5 января 1660 г., в статейном списке рисуется как оживленный порт: за две версты от города в море стояло восемь английских кораблей, а под городом у пристани — из разных государств сорок кораблей да двенадцать катарг. Дается такое же, как и в статейном списке Чемоданова и Посникова, описание мер, проводившихся в Ливорно в отношении экипажей вновь прибывающих кораблей с целью предупреждения заноса инфекционных болезней.⁵⁸ Сведения о самом городе дает «Роспись дороге»: «. . . градское строение зело стройно, — читаем в ней, — и людей изо всех государств всяких чинов и торговых много». Затем следуют известия о ливорнском водопроводе и маяке: жители города снабжаются ключевой водой, которая была подведена к статуям и изливалась из них для общего пользования; «вне города Ливорны, — сообщается далее, — сделаны две башни превысокия для бою; в одной горят фонари со свечами для корабельного прихода с моря».⁵⁹

Лихачев и Фомин, так же как и Чемоданов и Посников, обратили внимание на разнонациональный состав жителей Ливорно. Очевидно,

⁵⁶ ДРВ. Ч. 4. С. 343.

⁵⁷ ПДСДР. Т. 10. Стб. 528—531.

⁵⁸ Там же. Стб. 532—533. — В «Росписи дороге» указано несколько иное количество судов, находившихся в ливорнском порту (ДРВ. Ч. 4. С. 342).

⁵⁹ ДРВ. Ч. 4. С. 344—345.

разнонациональность населения Ливорно бросалась в глаза. Она объясняется не только и не столько международными связями ливорнского порта, сколько политикой Медичи, разрешавших селиться в Ливорно преследуемым в других государствах элементам населения — католикам из Англии, евреям и маврам из Испании, купцам из Марселя, искавшим спокойствия в бурный период гражданских войн во Франции.

Во Флоренции, где посланники пробыли с 13 января по 15 февраля, им показали «казну» (сокровищницу) великого герцога, и посланники внесли в статейный список описание находившихся в ней драгоценностей (менее обстоятельное, чем в статейном списке и особенно в «Росписи» Чемоданова и Посникова). Посетили они и пушечный двор, где стояли четыреста больших и малых пушек, а в больших каменных «амбарах» хранились латы, мушкеты и другое оружие; по словам пристава, лат было на тридцать тысяч человек. Совершили посланники прогулку по городу с целью осмотра городских укреплений, о чем имеется соответствующая запись в статейном списке.⁶⁰ Но основную часть раздела статейного списка Лихачева и Фомина, посвященную их пребыванию в столице государства, куда они были посланы, занимают, как это имеет место в большинстве статейных списков, описания помещений, отведенных посланникам, приемов, трапез и, конечно, официальных переговоров, содержание которых мы привели выше.

Новые сведения о Флоренции, окружающей ее природе, нравах и обычаях флорентийцев сообщает «Роспись дороге» Лихачева и Фомина.

В связи с разговором с Фердинандом II, во время которого последний рассматривал карту Сибири и удивлялся ее богатству пушными зверями, русские посланники записали: «. . а у них никакого зверя нет, потому что места зело гористы, а не лесны, а лес все саженый». Описывая в восхищением сады Флоренции, посланники сделали заметку о климате Италии: «. . а красоту в садах нельзя описати, потому что не бывает у них зимы и снега ни одного месяца».⁶¹

Общее впечатление от Флоренции передано так: «А град безмерно строен, согражден палатами превысокими, а столпов превысоких сажен по пятьдесят и больше, во Флоренске, с шесть». Обратили внимание русские дипломаты и на флорентийскую цитадель: «Да близь Флоренска же, от княжова двора, на высокой горе сделан городок небольшой, только крепок безмерно, и караул беспрестанно с ружьем».⁶² Очевидно, здесь имелся в виду Бельведер, одна из двух флорентийских цитаделей, расположенная на самой высокой точке Флоренции.

Об обычаях флорентийцев записано: «А извычай у жителей таков: мужи и жены честные и дети ходят все в скуратах, сиречь в личинах всяких цветов; а у жен сосцы голы, и на головах нет ничего». Непонятное на первый взгляд указание на ношение флорентийцами «личин» удачно объяснил, как нам кажется, А. Чертков, предположивший, что Лихачев и Фомины побывали во Флоренции во время карнавала, когда ее жители ходили в карнавальных костюмах и масках.⁶³

Любопытно описание «игры» на рынке, на которой присутствовал великий герцог с семьей и которую по его приглашению посетили московские посланники: в игре участвовало «с четыреста человек изрядных молодцев и легких, а играли, мячем бросали, которая страна перемечет».⁶⁴ По мнению А. Черткова, описанная русскими дипломатами игра — это *giuoco del calcio*, когда молодые флорентийцы, дворяне и военные, разде-

⁶⁰ ПДСДР. Т. 10. С. 589—593, 599—600.

⁶¹ ДРВ. Ч. 4. С. 351—353.

⁶² Там же. С. 347.

⁶³ Там же. С. 347—348; Чертков А. Описание посольства. . . С. 330—331.

⁶⁴ ДРВ. Ч. 4. С. 350—351.

лялись на два отряда и старались по очереди перебросить шар за назначенную черту.⁶⁵

Самое интересное место раздела «Росписи дороге» Лихачева и Фомина, повествующего об их пребывании во Флоренции, составляет, пожалуй, описание театральных представлений. Отрывок текста, им посвященный, носит заголовок «О комидиях». Начинается он так: «Князь (великий герцог. — *Н. К.*) приказал играть: объявились палаты, и быв палата и вниз уйдет, и того было шесть перемен; да в тех же палатах объявилось море, колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а в верху палаты небо, а на облаках сидят люди и почали облака и с людьми на низ опущаться, подхвата с земли человека под руки, опять в верх же пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда же поднялись в верх, за теми, на небо. Да спущался с неба ж на облаке сед человек в корете, да против его в другой корете прекрасная девица, а аргомачки под коретами как быть живы, ногами подрягивают: а князь сказал, что одно — солнце, а другое — месяц». В таком же стиле выдержано описание других «перемен» — очевидно, действий — «игры», т. е. театрального представления, которое смотрели московские посланники.⁶⁶ Свое внимание они сосредоточили на внешней, зрительно воспринимаемой стороне спектакля и точно описали смену декораций, перемещения действующих лиц, осуществляемые, очевидно, в ряде случаев (например, по вертикали) при помощи машин. В содержании спектакля посланцы далекой Москвы, не знающие итальянского языка, разобраться, конечно, не могли, но из их рассказа следует, что ставившаяся пьеса была светского, вероятнее всего, мифологического содержания.

Обратный путь на родину посланники по совету великого герцога совершили через Папскую область (г. Болонью), герцогства Моденское и Пармское, принадлежащий Испании Милан, «вольные города» Швейцарии до Базеля, оттуда по Рейну через земли, принадлежащие императору и германским князьям, в Голландию. Из Амстердама выехали на кораблях 20 апреля, в начале июня приехали в Архангельск, оттуда направились к Вологде и выехали из нее в Москву 13 июля 1660 г.

Как и все аналогичные записи статейных списков, рассказ статейного списка Лихачева и Фомина об их путешествии по Европе знакомил с ее политической картой и природными особенностями некоторых районов. Отметим впервые сделанное русскими путешественниками описание природы Швейцарии с ее озерами, горами, снежными перевалами.⁶⁷ Специально описывается переход через «великую снежную гору Сангутар» (Сен-Готард). В «Росписи дороге» к описанию этого перехода добавлена колоритная деталь: грамоту великого герцога Алексею Михайловичу и статейный список во время перехода через Сен-Готард несли подъячие, «для того, что лошадей со вьюками, как ветр велик, бросает в глубокие пропасти».⁶⁸

Из известий последней части «Росписи дороге», повествующей о возвращении посольства Лихачева—Фомина на родину, интересны сведения об Амстердаме. «А город весь стоит на морской воде, на губе, а матерой земли под градом нет ни сколько: инде бывала корабленная пристань, а ныне тут стоят полаты» — так рассказали московские дипломаты об одном из моментов наступления голландцев на море — расширению Амстердама за счет земли, отвоеванной у моря. Большое впечатление на русских посланников произвела система общественного призрения, существовавшая в Амстердаме: училище для сирот мужского пола, дом для девиц, дом для женщин, обитатели которых, получавшие пищу и одежду

⁶⁵ Чертков А. Описание посольства... С. 334.

⁶⁶ ДРВ. Ч. 4. С. 350—351.

⁶⁷ ПДСДР. Т. 10. Стб. 634—635.

⁶⁸ ДРВ. Ч. 4. С. 356.

от бургомистров и торговых людей, должны были заниматься работой («рукоделием») — «кто что умеет»;⁶⁹ отдельно от указанных домов существовала богадельня «великая каменная».⁷⁰

Поскольку посольство Лихачева и Фомина было первым специальным русским посольством в Великое герцогство Тосканское, постольку, очевидно, посланники постарались собрать сведения о нем. Как всегда, это были в первую очередь интересовавшие Посольский приказ сведения о внешней политике и международном положении, но наряду с этим и другие данные, характеризующие государство, с которым русское правительство впервые вступало в дипломатические контакты.

Находясь во Флоренции, Лихачев и Фомин расспрашивали приставленного к ним переводчика о происходившей между Венецией и Турцией войне, о позиции великого герцога («грандуки») в этой войне: оказывал ли он помощь Венеции и какую именно; о его взаимоотношениях с соседними («окрестными») государствами — с какими он находится в ссылке и дружбе и с какими в недружбе; о военных силах герцога: «... сколько его, княжова, войска в собранье у него бывает». Со слов переводчика русские посланники записали, что главной ареной военных действий между Венецией и Турцией является принадлежавший Венеции остров Крит («Кандия»), значительную часть которого турки захватили; венецианцам, стремившимся возвратить свои владения, оказывают помощь римский папа и великий герцог Тосканский. У великого герцога нет никакого «недруга», кроме турецкого султана, и войны он ни с кем не ведет. В случае необходимости он может собрать 8—9 тысяч воинских людей.⁷¹

Следующее русское посольство было направлено в Италию в 1663 г. Решение о нем Алексей Михайлович принял в 1662 г.: 30 мая этого года последовал царский указ об отправлении во Флоренцию в качестве послов находившихся в посольстве в Англии заместителя Курмышского Ивана Желябужского и дьяка Ивана Давыдова; 4 сентября в Пскове была получена из Посольского приказа грамота с распоряжением послам ехать из Флоренции в Венецию, а из Англии послать «перед собою» гонца Игнатия Башмаковского во Флоренцию и оттуда в Венецию.⁷²

Послы имели к великому герцогу Тосканскому, как это следует из записи переговоров, которые они вели во Флоренции, два поручения: 1) выяснить, почему из Флоренции до сих пор не последовало в Москву ответное посольство, 2) договориться об условиях взаимной торговли между Русским государством и Тосканой.

На первый вопрос великий герцог Фердинанд II ответил, что посольство в Москву до сих пор не отправлено, так как из-за войны царя с польским королем путь труден; когда же послы заметили, что путь есть «и опричь Польской земли», великий герцог объяснил промедление недавней свадьбой сына и заверил послов, что желаемое московским царем посольство теперь будет послано.

Во время обсуждения второго вопроса послы говорили, что царь разрешил подданным герцога свободную торговлю в Архангельске и пропуск в другие города, предоставил право пребывания в Москве двум-трем тосканским купцам, указал взимать с тосканцев такую же пошлину, как и с других иноземцев, а товары для «обихода» герцога закупать беспощинно; со своей стороны царь желал, чтобы его подданные, торговые люди, могли свободно торговать во владениях герцога, а для «обихода»

⁶⁹ Возможно, что русским дипломатам показывали так называемые работные дома, немущие обитатели которых своей работой (как правило, в очень тяжелых условиях) должны были окупать затрачиваемые на них средства. Родиной «работных людей» наряду с Англией была и Голландия.

⁷⁰ Там же. С. 358—359.

⁷¹ ПДСДР. Т. 10. Стб. 666—670.

⁷² Там же. Стб. 671—673.

царя покупать товары беспошлинно, «прямою ценою». На это великий герцог ответил, что он будет отпускать своих подданных в Архангельск «без опасения» и что он уже приказал властям Ливорно всячески оберегать русских торговых людей в случае их приезда.⁷³

Поручения, данные царем Желябужскому и Давыдову в Венецию, также касались преимущественно вопросов торговли. Послы должны были известить нового венецианского дожа Доменико Контарини («князя Доминика») о желании царя быть с ним «в дружбе и любви», разрешении венецианцам торговли в Архангельске на тех же условиях, что и другим иноземцам, просьбе царя предоставить его подданным в Венеции «торг поволной», а «узорочные товары» для царя покупать беспошлинно. Затронули послы во время переговоров с дожем и животрепещущий для Венеции турецкий вопрос: они осведомились от имени царя об отношениях венецианцев с турецким султаном — «в покое ль или войне живете?» — и передали пожелание о даровании им победы над «басурманами». В ответе правительства Венеции, изложенном письменно, а также во время прощальной аудиенции выразилось намерение с московским царем «быть на веки в дружбе и в любви», пожелание о разрешении купцам каждого из государств беспошлинной торговли в другом, чувство радости, которое охватило бы венецианцев, если бы царь «мечь свой поднял на басурмана, на турка».⁷⁴

Из Англии в Италию Желябужский и Давыдов направились через Францию. Переправившись на корабле через Ламанш, они 10 февраля 1663 г. высадились в Кале и после заезда в Париж отправились в Лион, а оттуда вниз по Роне и далее по Средиземному морю — в Ливорно, держась по возможности, из страха перед турецкими кораблями, близ берега. 8 апреля буря прибила судно послов к Генуе («Генед»). Трудности морского путешествия и боязнь турок побудили русских послов отказаться от первоначального намерения ехать в Ливорно; они просили «князя» Генуи (имеется в виду, очевидно, дож — глава Генуэзской республики) об оказании им помощи в проезде в Тоскану сухим путем. «Князь» Генуи посоветовал трудный участок пути через горы протяженностью в 60 миль объехать по морю, для чего предоставил послам галеру, а для дальнейшего проезда до владений «маского князя» (герцога Массы) дал подводы. За Масским герцогством русское посольство вступило на территорию Тосканы и через Пизу, Эмполь («Инполь») 16 апреля прибыло во Флоренцию. Во Флоренции послы пробыли 10 дней и затем по уже знакомому для русских посольств маршруту — через Болонью — направились в Венецию. В Венеции Желябужский и Давыдов провели две недели. Во время обратного путешествия на родину они повторили маршрут посольства Лихачева и Фомина — через Пармское герцогство в Швейцарию до Базеля и оттуда вниз по Рейну через Германию в Голландию. Корабль с русским посольством из Амстердама отплыл 28 июня и прибыл в Ригу 20 июля. 30 июля 1663 г. послы были в Пскове.

Статейный список Желябужского и Давыдова беднее путевыми впечатлениями, нежели статейные списки посольств Чемоданова—Посникова и Лихачева—Фомина (не говоря уже о составленных во время этих посольств «Росписей дорог»). Это обстоятельство представляется странным, так как если Чемоданов и Лихачев ничем не известны, кроме их поездок в Италию, то И. Желябужский не только неоднократно выполнял дипломатические поручения в разные страны, но занимался и литературной деятельностью: его дневник, охватывающий период с 1628 по 1709 г., занимает значительное место в мемуарной литературе конца

⁷³ Там же. Стб. 723—735.

⁷⁴ Там же. Стб. 765—770.

XVII—начала XVIII в.⁷⁵ Относительная бедность путевыми впечатлениями статейного списка посольства Желябужского и Давыдова в Италию объясняется, может быть, тем, что запись своих впечатлений они сосредоточили в «Росписи дороге», которая до нас не дошла. Тем не менее их статейный список дает ряд новых известий о западноевропейских странах, через которые проезжали послы.

Новыми были известия о географической и политической карте (названия государств, населенных пунктов, рек) южной Франции и северо-западных итальянских княжеств, через которые впервые пролегал путь русских людей. Записи о конфликтах во время проезда через Францию русских послов с представителями местных властей и королевскими чиновниками в связи с требованием уплаты пошлин с «рухляди» (имущества) посольства впервые в русской письменности дают сведения о системе откупов, процветавшей во Франции.⁷⁶

Дополнительно к описаниям достопримечательностей Флоренции, имевшимся в материалах двух предшествующих посольств, Желябужский и Давыдов дали описания больницы, строящейся церкви — усыпальницы великих герцогов Тосканских, зверинца и флорентийской крепости.

Особенно большое впечатление произвела на русских послов больница для «бесприютных» людей: «. . . и болничной двор учинен велик, — шисали они, — и построено много полат, а в полатах кроватей и постель много — всякому болному особая кровать и пища изобилная, и люди приставлены кому за ними ходить и покоить; а которые больные приличны к лекарству, и на том дворе и обтека (аптека. — *Н. К.*) болшая, и дохтуры лечат тех больных, и поят и кормят всех безденежно; средства на содержание больницы поступали, как пояснил пристав, по завещаниям умерших, пожертвованиям («а иные живые дают по обещанию») и из казны великого герцога.⁷⁷ Несомненно, что Желябужский и Давыдов посетили госпиталь Santa Maria Nuova (основан в 1283 г.), который был описан русскими людьми впервые за два столетия до того — во время пребывания во Флоренции в 1439 г. русского церковного посольства, участвовавшего в работе Флорентийского собора.⁷⁸

Когда послы ехали в зверинец («звериной двор»), пристав обратил их внимание на строящуюся церковь, в которой будут лежать преставившиеся великие герцоги Тосканские (останки их пока находились в «старом костеле»); строительство новой усыпальницы великих герцогов, по словам пристава, продвигалось медленно, так как внутри она отделялась мрамором («аспидом»), покрывавшимся сложной резбой.

Подробно послы описали флорентийскую цитадель: «. . . и тот городок каменной, кладен каменем диким, около городка ров и поделаны роскаты,⁷⁹ на роскатах пушки и ворота, под роскатом вал; а в городке поделаны анбары каменные болшия, а в анбарех латы многие конных и пеших людей, и карабины, и мушкеты, а в иных лядунки, а бонделеры, и свинец, и порох, и пулки литые в ящиках построены, и заступов, и топов, и кирок много; в иных анбарех многие пушки, все стоят в станках на колесах, и ядер пушечных много и покладено стройно; а изнутри к стене городской присыпан вал земляной».⁸⁰ Это описание давало представление не только о конкретной флорентийской цитадели, но и о крепостном строительстве и вооружении западноевропейских войск вообще.

⁷⁵ Б р и к н е р А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. С. 28. — Дневник И. Желябужского см.: Са х а р о в И. П. Записки русских людей. СПб., 1841.

⁷⁶ ПДСДР. Т. 10. Стб. 680—696.

⁷⁷ Там же. Стб. 729.

⁷⁸ К а з а к о в а Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор 1437—1440 гг.» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 67.

⁷⁹ Раскат — плоское место или помост у вала или стены крепости, на который ставились пушки.

⁸⁰ ПДСДР. Т. 10. Стб. 735—736, 738.

Из записей, внесенных в статейный список Желябужского—Давыдова во время проезда их через Германию и Голландию, отметим любопытный рассказ о разговоре послов с майнцским курфюрстом. Осматривая в Майнце («Меце») сад курфюрста, послы обратили внимание на то, что деревья в нем «не велики ростом», и спросили, чем это объясняется. Курфюрст ответил, что сад был «заведен» давно, при прежних курфюрстах, и деревья в нем были большие, но когда городом владели шведы и французы, то сад пришел в полное разорение; далее курфюрст добавил, что шведы овладели городом во время войны с императором, а после того как город был освобожден от шведов, его заняли французы, также воевавшие с императором; после же освобождения Майнца из-под власти французов, что случилось лет семнадцать назад, сад пришлось «заводить» заново; поэтому деревья в нем небольшие.⁸¹ Так в связи с разговором о саде курфюрста в статейный список Желябужского—Давыдова оказались внесенными сведения о Тридцатилетней войне, происходившей на территории Германии и сопровождавшейся ее разорением (в частности, большому разорению подвергся Майнц).

Раздела о внешнеполитическом положении Великого герцогства Тосканского и Венецианской республики, а в связи с этим и о международных отношениях в статейном списке Желябужского и Давыдова нет. Нет его, как мы помним, и в статейном списке Чемоданова и Посникова. Сведения о внешнеполитическом положении Великого герцогства Тосканского имеются лишь в статейном списке Лихачева и Фомина, но они там присутствуют не в качестве особого обобщающего раздела, а включены в запись разговора посланников с приставом во время их путешествия по Италии. В этой связи отметим, что в статейных списках всех трех посольств в наказах, вручаемых послам перед их отъездом из Москвы, отсутствует предписание «проведывать» о взаимоотношениях правительств, к которым они посылались, с монархами и правительствами других стран. Несомненно, что отсутствие этого предписания в интересующих нас статейных списках обусловило и отсутствие в них специального раздела о международных отношениях.⁸² Труднее дать ответ на вопрос, почему названное предписание не было включено в указы всем трем посольствам, побывавшим в Италии. Нам кажется, что это обстоятельство определялось сравнительно скромным положением Венецианской республики и Великого герцогства Тосканского в системе европейских государств и их опять-таки относительно скромной ролью в общеевропейских делах. В силу этого оба государства интересовали московское правительство не как политические силы, способные влиять на международные отношения в Европе, а лишь как торговые партнеры. Это обстоятельство отразилось как на содержании наказов послам, так и на содержании статейных списков в целом.

Отметим, что и Русское государство интересовало Великое герцогство Тосканское тоже как торговый партнер. Интересы Венецианской республики в отношении Русского государства были шире: они носили не только экономический, но и политический характер. Наряду со стремлением получить для венецианцев разрешение на торговлю в Русском государстве правительство Светлейшей республики прилагало усилия к тому, чтобы склонить московского царя к войне с турками. Оба аспекта политики итальянских государств в отношении России запечатлены в статейных списках.

Помимо взаимоотношений с Русским государством статейные списки отразили еще одно направление внешней политики итальянских госу-

⁸¹ Там же. Стб. 783—784.

⁸² Отдельные известия о внешнеполитическом положении Великого герцогства Тосканского в статейном списке Лихачева и Фомина появились, вероятно, в результате личной инициативы послов, интересовавшихся страной, куда впервые было направлено официальное русское посольство.

дарств — борьбу с турецкой агрессией. Турецкое наступление в Средиземноморье затрагивало в основном венецианские владения, и поэтому главная тяжесть борьбы с турками падала на Венецию. Ей оказывали помощь, согласно известиям статейных списков, римский папа и великий герцог Тосканский.

Встречаются в статейных списках и отдельные экскурсии в международные отношения прошлого: события четвертого крестового похода, в связи с участием в нем венецианцев, и Тридцатилетней войны. Но эти экскурсии носят случайный характер.

Рассматриваемые статейные списки содержат отдельные сведения о политическом строе государств, в которых побывали русские послы. Хотя эти сведения были именно отдельными и попадали они в статейные списки лишь в связи с отчетом о дипломатических переговорах, приемах, тем не менее некоторое представление обо всем этом они давали. Великое герцогство Тосканское рисуется как монархия, возглавляемая обладавшим всей полнотой власти великим герцогом. Монархиями были и другие государства, через которые проезжали московские посольства, что следует из наименований их правителей князьями, курфюрстами. Совершенно по-иному обрисован образ правления в Венецианском государстве. Хотя дож, так же как и главы других итальянских государств, назван князем, тем не менее республиканский строй Венеции отчетливо проступает и в указании на выборность «великих людей», т. е. членов Большого Совета, и в самом названии «Речь Посполитая», применяемом, как мы уже говорили, русскими дипломатами к Венецианскому государству.⁸³ Правительство Нидерландов совершенно точно названо Штатами; из изложения переговоров послов с бургомистрами Амстердама явствует, что последний, так же как и некоторые другие города, в которых побывали московские послы (например, «вольные» города Швейцарии), обладал самоуправлением.

Читающиеся в статейных списках подробные описания приемов и трапез, которые устраивались в честь русских послов во Флоренции и Венеции, знакомят с церемониалом, существовавшим при дворе великих герцогов Тосканских и у высших властей Венеции.

Экономика стран, в которых побывали русские послы, и в первую очередь Италии, в интересующих нас статейных списках нашла незначительное отражение. Как правило, русские дипломаты обращали внимание на торговое значение портовых городов, являвшихся центрами внешней торговли, — Ливорно, Венеции. Упоминается Малага как экспортер вина. Из ремесленных производств отмечены стеклодувное производство в Венеции и изготовление сосудов из благородных металлов и оружия в Аугсбурге.

Как в записках почти всех путешественников, в путевых впечатлениях московских дипломатов, внесенных в их статейные списки, преобладают описания внешнего вида городов, различных достопримечательностей, особенностей природы.

Статьейные списки рисуют картины морской стихии, гористый ландшафт Италии, покрытые вечным снегом вершины швейцарских Альп. Они знакомят с путями сообщений, существовавшими в Западной Европе (в том числе и каналами), применявшимися транспортными средствами (морские и речные суда, различные виды конного транспорта, использование в Италии ослов для переезда через труднопроходимые горы, использование конной тяги в Голландии для транспортировки судов по каналам).

Авторы статейных списков подчеркивают красоту зданий западных городов («градское строение зело стройно»), обязательно обращают внимание на их укрепления. Особое место уделяется Венеции, облик которой

⁸³ Речь посполитая — польская форма слова «республика».

всегда поражал русских путешественников, а также прорезанному каналами Амстердаму.

Довольно много внимания отводится садово-парковому искусству. Попали на листы статейных списков и описания скульптур, иногда очень детальные, как, например, описание скульптурной группы «Четыре мавра» в Ливорно. Произведения живописи не упоминаются: очевидно, для русских людей того времени они были менее доходчивы, чем памятники скульптуры.

Весьма любопытны, как мы уже отмечали, записи о театральных представлениях, читающиеся в «Росписи дороге» Лихачева и Фомина. Сравнение их с описанием мистерий, которые русские участники Флорентийского собора наблюдали более двух столетий назад в церквях Флоренции,⁸⁴ показывает сдвиг, происшедший в развитии театрального искусства Запада за два столетия (от мистерий к «комедиям»), и сдвиг в мировоззрении русских людей: в записях Лихачева и Фомина нет ни тени осуждения спектакля чисто светского содержания. И это естественно: немного более чем через десятилетие после путешествия Лихачева и Фомина в Москве при дворе Алексея Михайловича начнет действовать собственный театр, ставивший пьесы как на библейские сюжеты, так и на светские.⁸⁵

Сообщая о различных виденных за рубежом достопримечательностях, русские послы в Италии порой знакомят с достижениями западноевропейской науки; таково, например, описание глобуса, который им показали во Флоренции.

Статейные списки русских послов в Италию середины XVII в. содержали меньше известий о международных отношениях и политическом положении в странах Западной Европы, нежели статейные списки их коллег в другие страны, но они были богаче сведениями о западноевропейской культуре, — точнее, о культуре Италии.

⁸⁴ Казакова Н. А. 1) Исхождение Авраамия Суздальского // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33; 2) Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980. С. 55—63.

⁸⁵ Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 139.

С. И. НИКОЛАЕВ

Три фразки Яна Кохановского в переводе XVII в.

Творчество великого польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского (1530—1584) было хорошо известно русским писателям и книжникам конца XVII—начала XVIII в. Воспитанники профессоров Киево-Могилянской коллегии, оказавшиеся в Москве в XVII в., твердо усваивали в классах поэтики, что Ян Кохановский — первейший польский поэт, учитель поэзии и образец для подражания, недаром в лекциях на протяжении десятилетий он не только обильно цитировался и разбирался, но ему даже приписывали произведения других авторов, причем псевдоэпиграфы можно встретить даже у такого тонкого знатока, как Феофан Прокопович.¹

Но выученики профессоров «Киевских Афин» привезли в Москву не только убеждение, что Кохановский — poeta polonicus primus, но и его книги, получившие довольно широкое распространение у русских читателей второй половины XVII—первой трети XVIII в.: анализ состава русских библиотек той поры показывает, что Кохановский был самым читаемым польским (и вообще европейским) поэтом.² Его слава и авторитет не уменьшились и во второй половине XVIII в., хотя не выходили уже за предел курсов поэтики многочисленных духовных училищ России.³ Таким образом, сбылось предсказание самого Кохановского:

Известен стану я Москве, и бусурманам,
И света жителям иного — англичанам,
Испанцу храброму, и немцам, и народу,
Который Тибра пьет глубокоструйну воду.⁴

Между тем в истории восприятия Кохановского в России отсутствовало немаловажное звено: против ожидания до сих пор не было обнаружено переводов XVII—первой трети XVIII в., т. е. периода наибольшей популярности в России как самого Кохановского, так и польской поэзии вообще. Поиски переводов были безрезультатны, но вполне правомочны, поскольку в этот период на русский были переведены (включая переводы в курсах поэтики) произведения В. Коховского, Б. Папроцкого, С. Х. Любомирского, С. Твардовского, Я. Гавиньского, Ш. Шимоновица, М. К. Сарбевского, А. Инеса и других, менее значительных поэтов, не говоря уже о произведениях западноевропейской поэзии, переведившихся в России с польских переводов (например, «Освобожденный Иерусалим»

¹ См.: Ł u ż n y R. *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. Kraków, 1966.

² См.: Л а б ы н ц е в Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в. // Советское славяноведение. 1980. № 6. С. 74—78; Н и к о л а е в С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 165—179.

³ См.: L e w i n P. *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie*. Wrocław, 1972.

⁴ Кохановский Я. Лирика / Пер. с польского и латинского. М., 1970. С. 114 (пер. Л. Мартынова).

Т. Тассо). Лишь недавно были обнаружены переводы из «Псалтири Давида» (137-й пс.) и «Тренов» (3-й) Кохановского, выполненные в Вятке в 1741 г. преподавателем поэтики Михаилом Финицким.⁵ Немногим лучше дело обстояло и позднее: следующий перевод появился лишь в 1829 г.⁶

В русской поэзии XVII в. есть только один памятник, связанный с именем Кохановского: это «Псалтирь рифмотворная» (1680) Симеона Полоцкого. Во втором предисловии к ней Симеон писал: «Видех и на приискрнем нашему славенскому языку диалекте полском книги печатныя, Псалтыр стихотворно преложенную содержащя, не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимыя. <...> Мнози... возлюблше сладкое и согласное пение полския Псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тья псалмы пети, речей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющесе духовне».⁷ Эта отсылка на опыт соседней литературы, причем отсылка «глухая», так как Кохановский назван в предисловии «преводником полским», была сделана Симеоном Полоцким для пояснения и оправдания причин, побудивших его взяться за очень смелое в условиях XVII в. предприятие — за стихотворное переложение Псалтири. Эта отсылка была раскрыта уже в XVII в. патриархом Иоакимом, который в увещательном слове 1690 г. отметил, что Симеон Полоцкий свою книгу «или с полских книг... собра, или готовую преведе от Яна некоего Кохановского, латинина суща».⁸ Заявление Иоакима, сделанное, несомненно, по подсказке Евфимия Чудовского, является лишним подтверждением популярности в Москве «Псалтири Давида» Кохановского в разных литературных партиях. Это заявление дало начало традиции (отзвуки ее, к сожалению, иногда слышны и сейчас), согласно которой Симеон перевел произведение Кохановского. По сути своей это неверно, более того, добросовестное сличение текстов Псалтири (Симеона Полоцкого, Я. Кохановского, славянского текста, польского, латинского и др.) показало, что зависимость Симеона от Кохановского сильно преувеличена.⁹

Наиболее очевидно влияние польского поэта в области версификации: полностью совпадает построение 68 псалмов. Однако влияния на уровне стилистическом и интерпретационном практически нет. Выявленные места, где это влияние безоговорочно сказалось, для текста подобного объема слишком незначительны, т. е. ренессансная концепция Кохановского не

⁵ См.: Lewin P. Rosyjskie tłumaczenia z Jana Kochanowskiego // Archiwum literackie. T. 16. Miscellanea staropolskie. Wrocław, 1972. T. 4. S. 81—85.

⁶ Это был анекдот о шуте Станьчике из «Апофегм», см.: Вестник Европы. 1829. Ч. 163, № 1. С. 64; польский оригинал см.: Kochanowski J. Dzieła polskie / Oprac. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1976. T. 2. S. 225. — Вопрос о переводах XIX в. нуждается в дальнейших библиографических разысканиях, ср.: Сувьенко Н. О tłumaczeniach utworów Jana Kochanowskiego na język rosyjski // Janowi Kochanowskiemu ziemia rodzinna. Kraków, 1981. (Rocznik Świętokrzyski. T. 9). S. 337—346; Мочалова В. К истории восприятия Яна Кохановского в России: («Трены» в оценке русской критики и в переводах) // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 41—53. — В этих работах первый перевод датирован 1842 г., когда в «Маяке» было опубликовано несколько тренов в переводе Писемского. Ср.: Николаев С. И. О ранних русских переводах Яна Кохановского // РЛ. 1985. № 4.

⁷ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, ст. и примеч. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 213. — Свидетельство Симеона не голословно, известно, что в русских песенниках XVII в. есть 11 псалмов Кохановского, транслитерированных кириллицей, все они есть в песеннике 1680-х гг. (ГПБ, собр. Погодина, № 1974); см.: Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 59.

⁸ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 137.

⁹ См.: Смирнов Н. Из литературной образованности XVII столетия // ЖМНП. 1894. № 12. С. 375—401; Глокк Н. «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского // Киевские университетские известия. 1896. № 9—10. С. 1—18; Łuźny R. «Psałterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psałterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // Slavia Orientalis. 1966. N 1. S. 3—27.

интересовала Симеона. Об этом, между прочим, он заявил сам во втором предисловии к своему переложению: «Тоже известую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом, ни в толковании еже противу еврейскаго, но держахся словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго».¹⁰

Отрицание переводного характера «Псалтири рифмотворной» насколько не умаляет роли Кохановского, но она сказалась в другом: польский поэт был образцом для Симеона Полоцкого, вдохновил его, поэтому инспирирующая роль Кохановского в начале русской псалмической поэзии несомненна и неопенима.¹¹

Почему все-таки силлабики, столь высоко ценившие Кохановского, не переводили его и остались в целом глухи к его поэзии? Ответить на этот вопрос можно будет только после сопоставительного анализа польской и русской поэзии и их взаимосвязей в XVII в. Обнаруженные переводы фразек, на полстолетия оставшиеся единственными стихами Кохановского на русском языке, а вторично переведенные на русский лишь триста лет спустя, хотя обшей картины принципиально не меняют, тем не менее показывают, что русская поэзия XVII в. не была совершенно безучастна к столь ценному самим Кохановским жанру.

Публикуемые тексты обнаружены в сборнике конца XVII в.¹² вместе с оригиналами и снабжены в рукописи точной, хотя и неполной библиографической ссылкой, что довольно редко встречается в переводной поэзии XVII в.

СТИХИ ВЫПИСАНЫ ИЗ КНИГИ ПОЛСКОЙ ЯНА КАХАНОВСКАГО, ЛИСТ 21

НА МЛАДОСТЬ

Яко без весны лето быти хотят,
Иже прежити младым в твердости мнят.

ТОЖ ПО-ПОЛСКУ

Jakoby też rok bez wiosny mieć chcieli,
Ktorzy chcą,¹³ żeby młodzi nie szaleli.

НА СТАРОСТЬ

Бедная старость, вси тебе желаем,
Внегда же уже будеши, рыдаем.

ПО-ПОЛСКУ ТОЖ

Biedna starość,¹⁴ wszyscy cię żądamy,
A kiedy przydziesz, to zaś narzekamy.

¹⁰ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. С. 214.

¹¹ Ср.: P e l c J. Inspiratorska rola Jana Kochanowskiego jako twórcy literatury narodowej w krajach słowiańskich i ościennych w dobie baroku // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 6. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna. Warszawa, 1983. S. 167—175.

¹² ГИМ, собр. Барсова, № 1531, сборник последней четверти XVII в., в большую 8-ку, 129 л. (по старой фолиации, по которой в дальнейшем и даются ссылки), переплет — картон в коже; из трех филиграней (две — типа филигранны «рожок» и одна — «семь провинций») удалось отождествить только последнюю; см.: Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дзанова, Л. М. Костохина. М., 1980. № 873 (1684 г.). — Фрашки — на л. 11 об.—12. Владельческие записки-скрепы: «Сия книга разных вещей сибирскаго пехотнаго полку иерея Феодот[a] Гри<. . .> сына Смиренина домовая собственная купленная ево ценою. . . подписал я, иерей Феодот Смиренин своею рукою, обретаючись при Гельзинфорсе 1721-го году апреля в 5 день» (л. 4—44); «Сия книга глаголемая разных вещей села Никифорова церкви Николая Чудотворца дьячка Бориса Никитина сына Крылова, а подписал сын его Гаврил Борисов мая в 3 день, а дал сию книгу макарковский дьячек Григорий Михайлов сын Смиренин» (л. 70—97). Эту рукопись любезно указала мне Н. П. Саблина.

¹³ Испр., в ркп. chsa.

¹⁴ Испр., в ркп. starosti.

НА СМЕРТЬ

Прелестный мире, яко же се зрится,
Почих аз, паче сей многим глумится.

ПО-ПОЛСКУ

Obłudny świecie, iakoć¹⁵ się tu widzi,
Doszedłem portu, już więc z inszych szydzi.¹⁶

По приведенным польским оригиналам легко устанавливается их источник — это 82—84-е фрашки из первой части «Фрашек» (1584) Яна Кохановского.¹⁷ Издание, которым воспользовался переводчик, можно указать лишь предположительно, поскольку в наших библиотеках есть только 7 из 12 изданий «Фрашек» XVI—XVII вв.¹⁸ Из просмотренных нами¹⁹ лишь в изданиях 1612, 1617, 1629 и 1639 гг. эти фрашки напечатаны на указанной в переводе 21-й странице, а в изданиях 1584, 1590 и 1604 гг. — на 31-й странице, можно поэтому предположить, что у переводчика было издание не XVI в., а позднее издание XVII в., именно такие издания Кохановского и были преимущественно распространены в России.²⁰ Установить нужное издание на основании отличий приведенных в рукописи польских текстов от первого издания «Фрашек» затруднительно по той же причине. Эти отличия сводятся к четырем опискам («chsa» вместо «chca» в первой фрашке, «starosti» вместо «starości» — во второй, «szudzi» вместо «szydzi» и «jakoś» вместо «jakoć» — в третьей); пятое различие («przydziesz» вместо «przydiesz» во второй фрашке) может быть бесполезно при установлении нужного издания, так как такое написание в доступных нам изданиях «Фрашек» встретилось только в издании 1629 г.²¹ По нашему предположению, именно оно и было в руках русского переводчика.

Уже внешнее оформление перевода показывает, что переводчик — привычный к общению с книгой человек и едва ли не профессионал. Об этом говорят не только ссылка на издание, но и приведенные польские

¹⁵ Испр., в ркп. jakoś.

¹⁶ Испр., в ркп. szudzi.

¹⁷ Košanowski J. Dzieła polskie. T. 1. S. 150. Ср. современный перевод Л. Маргынова:

НА МОЛОДОСТЬ

Как лета без весны желать — одно и то же
Благоразумия хотеть от молодежи.

НА СТАРОСТЬ

До тебя мы, старость, все дожить желаем,
А сего достигнув, тебя проклинаям!

НА СМЕРТЬ

О мир обманчивый, каким ты виден оку, —
Достиг я гавани; других вводи в мороку.

(Кохановский Я. Лирика. С. 44—46).

¹⁸ См.: Piekarzski K. Bibliografia dzieł Jana Kochanowskiego: Wiek XVI i XVII. Kraków, 1930. S. 26—34. — Вторым изданием этой книги, исправленным и дополненным (1934), нам воспользоваться не удалось.

¹⁹ 1584 (ред. В — ГБЛ), 1590 (ред. В — ГПБ), 1604 (ред. В — БАН), 1612 (ред. В — БАН), 1617 (ред. В — ГБЛ), 1629 (ред. С — ГБЛ), 1639 (ред. С — БАН).

²⁰ Единственное известное нам исключение — это «Psałterz Dawidów» (Kraków, 1586) из библиотеки Сильвестра Медведева (ГБЛ).

²¹ В изданиях 1590, 1604, 1612, 1617 гг. — «przydziesz»; 1639 — «przydiesz»; «przydziesz» также в изд. 1584 (ред. В) и 1584 (ред. А) гг., по которым опубликованы «Фрашки» в кн.: Košanowski J. 1) Dzieła wszystkie. Warszawa, 1884. T. 2. S. 357; 2) Dzieła polskie. T. 1. S. 150.

тексты, наличие которых как бы предполагает оценку мастерства переводчика читателем. Перевод действительно сделан мастерски: сохраняя 11-сложник оригинала и не отклоняясь от содержания,²² переводчик подыскивает фразеологические сочетания (*doszedłtem portu — почих аз*) и находит удачные эквиваленты (*szydzi — глумится; młodzi nie szaleli — прежити младым в твердости*), используя при этом устойчивые поэтические словосочетания (*obłudny świat — прелестный мир*). Это, к сожалению, все, что можно сказать об анонимном переводчике, так как в рукописи нет его имени, а также даты перевода. Сама рукопись представляет собой сборник выписок и небольших произведений последней четверти XVII в. Анализ состава сборника, и в первую очередь приписок составителя, позволяет приблизительно датировать перевод и высказать соображения о литературной среде, в которой он возник.

На л. 1—2 об. помещено слово о Христе, явившемся некоему старцу и поведавшем свои крестные муки; на л. 1 приписка: «списано у старца Евфимия». Затем идет слово «О трех царех, принесших дары во время рождества Христова» (л. 3—3 об.) с двумя приписками на л. 3: «рок[у] 1 [нрзб.] списано у учителя царева Афанасия Иоанновича»; вторая повторяет ее простейшим видом тайнописи, латинскими буквами, — «188 hod[у] u ucztela [clarewa ou afanasia ioannowicza». Это Афанасий Иоаннович Федосеев, который в 1667 г. был определен учить грамоте царевича Федора Алексеевича; жил в Чудовом монастыре и известен как «славенска писания учитель». К нему в марте 1685 г. хотели поселить прибывших в Москву «самобратьев» Лихудов, но позднее их поместили в Богоявленском монастыре, где они и открыли свою школу.²³ В литературной жизни Москвы 1670—1680-х гг. Афанасий, видимо, играл не последнюю роль: в 1679 г. он «понутил» Мардария Хоникова (Ханыкова) переложить с латыни стихотворные подписи к Библии Николая Пискатора, в предисловии к своему труду Мардарий называет Афанасия «мужем всеблагим» и «рачителем писаний».²⁴

Далее в сборнике идет «Врачевство на богохулныя и скверныя мысли от бесов человеком наносимыя, а не от человеческия воли бываемая» (л. 4—8 об.) с двумя приписками на л. 4: «списано у старца Мардария» и «spisano u starca mardaria». Затем на л. 8 об. небольшая выписка «Лекарство глазам» с припиской (частично простой литореей): «Spisano niekoeogo czełowieka czynom podiaczego zowomaho lkezap szostosz s slow» (т. е. «списано некоего человека чином подиачего зовомаго Стефам (так! — С. Н.) Волков с слов»). После «Словес всякому человеку всегда разсуждати и памятовати треба» (л. 9—9 об.), прозой и переложенных стихами, на л. 9 записан «Эпитафион»:

Лета семь тысяч по мира зданию,
Сто же осмьдесят седмаго в званию;
Марта во осмый день zde есть погребен
Бывый Иоани Иоанном рожден.
Сие читай, помолися о нем,
Не лишился бо и ты ползы о сем,

с двумя приписками на полях. Одна из них — пояснение к слову «эпитафион»: «[н]агробная надпись [от]ца моего»; вторая, латиницей, — «słoh star: mar:» (т. е. «слог стар[ца] мар[дария]»), несомненно, упомянутого

²² В переводе третьей фразки с этим менее удачно справился Вс. Рождественский:

Угнетены печальми своими,
Лишь в порт войдем, смеемся над другими.

(Кохановский Я. Избранные произведения.
М.; Л., 1960. С. 106).

²³ См.: Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1889. С. 37.

²⁴ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 180.

выше Мардария Хоникова, справщика Печатного двора. Следующие выписки в рукописи также связаны с Мардарием. На л. 10 «Приповесть»: «Людие суть яко очи: иных видят, себе же никакко; островижевы вне дома, в дому же своем кротовы». Тут же приписка: «spisan u s: mar:» (т. е. «списан у с[тарца] мар[дария]»). «Приповесть» записана в строку, при перестановке местами слов «яко» и «очи» получается четверостишие (8-сложник, во втором стихе 10 слогов).²⁵ На том же л. 10:

Аще во веки хоцет кто не согрешати,
Сей должен есть смерть, суд, ад, небо поминати.
Да тщится же первых трех присно хранитися,
Во четвертом же оном вечно вселитися.
Аще хоцещи в час смерти бед не познати,
Потщися лестей мирских присно убогати.

Приписка к виршику: «spisan: u st: mar:» (т. е. «списан[о] у ст[арца] Мар[дария]»).

На л. 10—10 об. записан ответ на вопрос «Что в бозе видети будут благословеннии?» с пометой «iz knihi wienec wieryu» (т. е. «из книги Венец веры [кафолической]» Симеона Полоцкого). На л. 10 об.—11 записано толкование на 4-й стих 145-го псалма с пометой «spisan: u st: mar:» (т. е. «списан[о] у ст[арца] мар[дария]»); на л. 11—11 об. — «Загадка царя Антиоха ко Аполлину» из Повести об Аполлони Тирском с пометой «wypisano iz dieu rimskich» (т. е. «выписано из Дей римских»); на л. 11 об.—12 — перевод фразек Я. Кожановского. На л. 12—12 об. записаны «Вирши просительныя ко господу Богу о милости некоего полоняника szinom skospitu laroysa pitosesza». Здесь кроме латиницы использована простая литорейя (т. е. «чином столника Самойла Николева»), приписка на поле: «przegwodil stares mardariu i spisano s ruki ewo» (т. е. «переводил старец Мардарий и списано с руки ево»). Стольник Самойло Федорович Николев,²⁶ сын выезжего француза (Nicol de Manor) и сам родившийся в католичестве, был крестником знаменитого мецената Ф. М. Ртищева²⁷ и, очевидно, через него был знаком с литераторами, служившими на Печатном дворе, в данном случае с Мардарием Хониковым. «Вирши просительные» С. Ф. Николева (тайнопись, как известно, самый надежный способ атрибуции)²⁸ — еще один перевод Мардария, вероятно, с латыни. Приводим текст «Вирш просительных».

Иисусе, владыко мой,
Ты утеха, есмь бо раб твой,
Иже при пути плененный,
Биен, зелне оскорбленный.
Прилежно вси да внимаем,
Егда в мире пребываем.
Крест смерти, спасе, твоея,
Защита души моея.
Ибо кроме щедрот всяких,
Ради злых дел моих клятых
Был еси окровавленный,
Да от грех буду спасенный.
До конца ты мене храни,
Вредити мя злым возбрани,
Да искус всяк души моей
Не вредит о силе твоей.

Такожде здравие мое
В милосердие же твое,
Господи, аз повергаю,
Искупления желаю,
Понеже бо есмь заключен,
Человеком злым оскорблен.
Ангел твой буди со мною
Всюду весма предо мною.
Десно око соблюдай
И шуйй бок назираяй,
На всякий час молю о сем,
Быти в защищении сем.
Благодарим убо бога,
Да будет ему честь многа.
Слава же от всех во веки
От ангел со человеки.

²⁵ Не исключено, что это перевод какой-нибудь польской эпиграммы, в которой использована известная польская поговорка XVI—XVII вв.: «Ostrowidzowie przed domem, w domu swoim kretowi własni» (Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. Т. 2. S. 750).

²⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 293.

²⁷ См.: Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. «Романова—Рясковский». С. 334.

²⁸ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы XI—XVII вв. Л., 1983. С. 321.

На л. 12 об.—24 помещены следующие выписки и заметки без приписок: «Вопрос списан с руки Павла, митрополита сарскаго и подоискаго», «Ответ списан с руки иеромонаха Симеона Полоцкаго» и «Ответ списан с руки иеромонаха Епифания Славинецкаго» — о времени пресуществления святых даров; «Мосхос есть животное малое, мыши подобное», о гермафродите, отрывок сказания о семи свободных искусствах, оглавление книг Ветхого и Нового завета, «О имени божии тетраграмматон», расположение часов дневных и ночных, притча о душевном врачевании. На л. 24 об.—27 об. — небольшое сочинение «О силе и власти пап римских» с припиской на поле: «spisano s ruki swiaszczennika nikifora simeonowicza» (т. е. «списано с руки священника Никифора Симеоновича»). Из предыдущих (а как увидим, и из последующих) приписок очевидна связь составителя сборника с кругом литераторов Печатного двора и Чудова монастыря, поэтому в этом священнике можно узнать сотрудника Епифания Славинецкаго «вдового иерея Никифора Семенова», служившего на Печатном дворе с 1665 до марта 1680 г., когда его место занял Мардарий Хоников.²⁹ Само сочинение «О силе и власти пап римских» известно также по сборнику, принадлежавшему Афанасию Холмогорскому и написанному в Чудовом монастыре в 1685 г. (БАН, собр. Архангельское С, № 164),³⁰ т. е. примерно в то же время, что и рассматриваемый сборник ГИМ.

Далее в сборнике на л. 28—29 об. помещены вирши — «Речь до начальных людей», «До начальных же», «На смерть»; выписки из «Неба нового» Иоанникия Галятовского, «Купели душевной» Роговича, заметка «О житии воздержном краткое писанейце» с припиской: «spisano s ruki star: mar:» (т. е. «списано с руки стар[ца] Мар[дария]»). Отметим, что «Купель душевная» была переведена с польского в 1684 г. чудовским монахом Феофаном. На л. 29 наклеена напечатанная в Вильне картинка с изображением богородицы.

На л. 30 записано стихотворение «На младость» («Юноше, не почивай на постланном ложи») с припиской: «s ruki star: ewfim: czudow:» (т. е. «с руки стар[ца] Евфим[ия] Чудов[ского]»). Евфимия Чудовского, надо полагать, подразумевает и приписка на л. 1. Это стихотворение известно в конвое «Гражданства обычаев детских»,³¹ переведенного, возможно, Епифанием Славинецким.³² На этом же листе записаны рецепт приготовления чернил («Чернил скорый состав») и двустилие «Надпись к рукомоинику, а человеку добра»:

Приходяй лице же и руки умывати,
Тщися же присно, друже, смерть воспоминати,

— с краткой припиской на поле: «mar:» (т. е. «Мар[дарий]»).

На л. 30 об.—31 помещен «Подарок учащимся детям во младости» — знаменитые вирши о розге; отметим, что в сборнике 1685 г. Афанасия Холмогорского (БАН, собр. Архангельское С, № 164) они также помещены после стихотворения «На младость».³³

На л. 31—31 об. — небольшая выписка об изобретении пороха и приписка в конце: «Зри книг[y] Архелиа (так! — С. Н.) albo Awtilleria, drukowana polski roku 1643, in folio».

²⁹ См.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896. С. 167, 169, 175, 396.

³⁰ О составе сборника см.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. М., 1958. Сб. 3. С. 294—295.

³¹ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 164.

³² См. подробнее: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. Ср.: Численко Н. Д. «Гражданство обычаев детских» и его польский источник // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 5—17.

³³ Ср.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. С. 164.

На л. 32—37 — «История о венчании царским венцем царя и великого князя Феодора Алексеевича», памятник, по мнению И. М. Кудрявцева, составленный в 1676 г. в Посольском приказе.³⁴

На л. 37 об.—38 — заметка «Аристотель философ Александру Македонскому сие писа» с припиской, сделанной условным алфавитом. Аналогичный шифр (с незначительными графическими отличиями) употреблялся в Посольском приказе и известен нам по переписке 1670-х гг. русского посланника в Польше В. М. Тяпкина.³⁵ Подстановка букв дает следующую расшифровку (не расшифровано одно слово из пяти букв): «списано у священника Кариона Чудовского [. . . .] 7199» (т. е. 1691 г.).

На л. 38—38 об. — слово Иоанна Дамаскина о Пасхе и приписка: «spisano u diakona wasilia rozdestwenskocho wo 199 hodu» (т. е. «списано у дьякона Василия Рождественского во 199 году»); на л. 39—39 об. — известные вирши «Что есть смерть, потреба знати. . .» с припиской: «spisano u wasilia szernoho stepanowicza wo 199 hodu iulia wo 20 den» (т. е. «списано у Василия Черного Степановича во 199 году июля во 20 день»). Об этих Василиях определенных данных нет. Дьякона Василия не удалось найти среди причта этого года Рождественского монастыря или московских Рождественских церквей.³⁶ Второй Василий — лицо явно светское, и, учитывая, что предыдущая часть сборника связана с Печатным двором, можно с некоторой долей вероятности предположить, что это тередорщик Василий Степанов, значащийся в штате Печатного двора в 1683 г.³⁷

На л. 40—51, 52—52 об. — «Выписано из книги Яна Запсица о добронравии человеческом краткими речениями сладостне и зело изящно изображено». Это более известный под заглавием «Выдание о добронравии» перевод с польского, сделанный переводчиком Посольского приказа С. Ф. Чижиным в июне 1691 г.³⁸

На л. 51 об. записаны две эпитафии:

НАДПИСЬ ГРОБНАЯ ŻENY MOJEA EWFIMIY PETROWNY TAKOWA

Зри, человеце, гроб сей, богу помолися,
Зде Евфимиа жена умерши склонися,
Михаила подьячего Посолска приказа
Родостамова, та ждет от Христа указа.
Да егда придет он в славе люд судити,
Изволил бы ю в небо на веки вселити.
Седьмь тысящ девятьдесят в лето сто девято.
В двадесят четвертый день мая жизнь отъято.

НАГРОБОК STARUCHIE PEŁANIY

Седьмь тысящ девятьдесят ста девяца лета,
Мая в двадесят пят день разлучися света
Раба божия вдова честна Пелагиа,
Дщерь Афанасиева надежды благия.

³⁴ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская деятельность» Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 206—207.

³⁵ Попов А. Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854. С. 274—276.

³⁶ См.: Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. М., 1884. Т. 1. — Отметим, правда, упоминания за 1705—1711 гг. о дьяконе Василии в церкви Рождества Богородицы в Кадашеве и упоминания за 1684 г. о поше Василии в соборе Рождества Богородицы (Там же. Стб. 889, 180).

³⁷ См.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 305.

³⁸ Этот список не учтен в исследовании и издании этого перевода, см.: Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 163—192. — Пользуюсь случаем указать еще два списка XVII в. этого перевода: ГБЛ, собр. Попова, № 166, л. 175—181 об.; БАН, 24.5.19.

Жена бысть Иоанна Емелианова
 Пивовара, зде зяят телом земна рова.
 Просит у всех христиан о душе молитвы.
 Боже, сподоби ону небесной гоститвы.

Упомянутый в первой эпитафии Михаил Иванович Родостамов известен как подьячий, а затем и дьяк Посольского приказа.³⁹ Без особой натяжки его можно отождествить с Михаилом Родостамовым, служившим писцом, а потом подьячим на Печатном дворе в 1670-х—начале 1680-х гг.: в 1674 г. он вошел вместе с Евфимием Чудовским, Сергием и Никифором Семеновым в библейскую комиссию, которую возглавил Епифаний Славинецкий, а в 1683 г. был подьячим Верхней типографии.⁴⁰

На л. 53—61 об. помещено «Поучение пред святым покаянием, написанное иереем Иоанном Поборским» (без конца) с припиской: «spisano u stolnika michaila rtiszewa» (т. е. «списано у стольника Михаила Ртищева»). Это единственное известное нам произведение Иоанна Поборского, который в 1687—1701 гг. был священником церкви Воскресения Христова в Кремле, а в 1697—1698 гг. принимал участие в Великом посольстве Петра I. Он определенно был связан с культурными кругами Москвы, познакомился в свое время с филологом Г. В. Лудольфом, переписывался с ним,⁴¹ а последний подарил ему свою «Русскую грамматику», изданную в Оксфорде в 1696 г.

Комнатный стольник царя Иоанна Алексеевича Михаил Федорович Ртищев,⁴² отправленный Петром I в 1697 г. в Италию, был племянником Ф. М. Ртищева и поддерживал дружеские отношения с упоминавшимся стольником С. Ф. Николевым. Надо полагать, что от своего дяди М. Ф. Ртищев унаследовал не только богатую библиотеку,⁴³ но и связи в литературных кругах Москвы, прежде всего с Чудовым монастырем.

На л. 62—76 (л. 69, 74—75 отсутствуют, а л. 63 об., 68, 76 об. — без текста) записано несколько силлабических стихотворений. Одно из них (о Пасхе, л. 76) имеет приписку: «sey stich tworil perewodczik stefan czizinskoj» (т. е. «сей стих творил переводчик Стефан Чижинской»). Это тот самый С. Ф. Чижинский, чей перевод «Выдания о добронравии» помещен на л. 40—51, 52—52 об.

На л. 77—79 записана молитва «за их царское величество» с припиской: «списана у иноземца Ивана Якимова» — с датой 1695 г. И. Якимов известен своими переводами с немецкого календарей Я. Фохта на 1676, 1693 и 1694 гг.⁴⁴ На л. 79 об.—84 помещен «Рецепт противу горести смер-

³⁹ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 449; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 131. — По данным И. М. Кудрявцева, М. Родостамов уже в 1685 г. был подьячим Посольского приказа, см.: Кудрявцев И. М. «Издательская деятельность» Посольского приказа. С. 214. — Дьяком Посольского приказа М. Родостамов оставался по меньшей мере до Полтавской битвы, как видно из письма канцлера Г. И. Головкина от 19 июля 1709 г. См.: Древняя и новая Россия. 1876. № 2. С. 201.

⁴⁰ См.: Менцовский М. Братья Лихуды. С. 392; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 304, 308, XXV.

⁴¹ См. его письмо Г. В. Лудольфу 1698 г.: ГПБ, ф. 444, № 6. Находившиеся в Москве иезуиты считали, что «единственным человеком, способным произносить проповеди, остается отец Поборский, царский духовник, весьма доброжелательно относящийся к нашим» (письмо Франциска Эмилиана 1699 г). См.: Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 29—30; см. также: Харамапович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 313—314.

⁴² См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. С. 359.

⁴³ См.: Русский биографический словарь. Т. «Романова—Рясовский». С. 343.

⁴⁴ См.: Соболевский А. И. Переводная литература... С. 136. — Календари Я. Фохта на 1690, 1691, 1692, 1695 и 1696 гг. были переведены переводчиками Посольского приказа (там же. С. 135—136); очевидно, Якимов был переводчиком в этом же приказе.

тельной, переведен с цесарского языка»; на л. 86—86 об. записан стихотворный панегирик Петру I «Каменем Давид гиганта порази. . .» с припиской: «sini wirszy spisany u michaïła fedorowicza rtiszewa ewo tworenia, w 1700 roku henvaria v 18 den» (т. е. «сии вирши списаны у Михаила Федоровича Ртищева, ево творения, в 1700 году генваря в 18 день»).

На л. 87—96 об. читается медицинское сочинение «Из лечебной книги дохтора Иоанна Бевервиния сказание о болезни сухотной» с припиской: «списано в 7202 roku s ruki diaka andreia winiуса w noiabre miesiace» (т. е. «списано в 7202 году с руки дьяка Андрея Виниуса в ноябре месяце»). Андрей Андреевич Виниус — достаточно заметная фигура в культурной жизни Москвы того времени и в представлении не нуждается, отметим лишь, что в указанном 1693 г. он был дьяком Посольского приказа.

Далее (с л. 97) идет другое медицинское сочинение — «Описание изрядного спирта, или духа, из травы кохлеарин нареченной», а после него (л. 104—104 об.) — комплекс текстов, начинающийся виршиком «Коло в мире превращает» (известный в другой рукописи XVII в.,⁴⁵ а в XVIII в. попавший в дубок)⁴⁶ с приписками: «списано у писца Ивана Дмитриева» и «spisasia w 1700 roku». О писце И. Дмитриеве можно высказаться лишь предположительно. Известно, что у братьев Лихудов в 1690—1691 гг. обучался Иван Дмитриев,⁴⁷ о дальнейшей судьбе которого ничего не известно.

Заключает сборник «Наука разных философов о обирании жены» (л. 107—124 об.) — перевод неоднократно издававшейся в XVI—XVII вв. сатирической книги польского писателя Бартоша Папроцкого (ок. 1543—1614) «Nauka rozmaitych filozofów obierania żony, jako młodziemcom jedni radzą, drudzy odradzają żenić się dla przyczyn rozmaitych».⁴⁸

Лл. 125—126 отсутствуют, на л. 127—128 выписаны различные стихи из Библии, л. 128 об.—129 — без текста, л. 129 об. — пробы пера.

Прежде чем перейти к анализу сборника, отметим, что известна еще одна рукопись XVII в. с аналогичными приписками — ГИМ, Синодальное собр., № 776. В ней, по указанию А. И. Соболевского, на л. 1 записан перевод небольшого стихотворения Григория Богослова «О житии человеческого» («Коло есть некое непостоянное водружено. . .») с припиской латиницей: «списано у старца Сергия справщика»; в несколько исправленном виде это стихотворение напечатал Ф. Поликарпов в своем «Букваре» (М., 1701. Лл. 69 об.—70). Вслед за стихотворением в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 776 идет «Подпись на вертоград личной, переведена с италианского» с припиской латиницей: «списано во 195 году у стольника Самойла Николева».⁴⁹ В 1766 г. эти произведения были скопированы неким синодальным служителем вместе с приписками.⁵⁰ По указанию А. И. Соболевского, «Подпись на вертоград личной» известна также в автографе Кариона Истомина.⁵¹ Из упомянутых здесь лиц С. Ф. Николев уже встречался нам ранее, хорошо известен и справщик Сергей: бывший

⁴⁵ См.: Николаев С. И. К интерпретации притчи А. П. Сумарокова «Коловратность» // РЛ. 1982. № 1.

⁴⁶ См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 88 (№ 731).

⁴⁷ См.: Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. Т. 1. Стб. 1045, 1046; Сменцовский М. Братья Лихуды. С. 82.

⁴⁸ О русских переводах второй половины XVII в. других сочинений Б. Папроцкого см.: Соболевский А. И. Переводная литература. . . С. 80—81, 172; Николаев С. И. «Круг рыцарский» Б. Папроцкого в русском переводе середины XVII в. // Материалы республиканской конференции СНО. 1977: Русская филология. Тарту, 1977. С. 14—29.

⁴⁹ Соболевский А. И. Переводная литература. . . С. 253—254, 297.

⁵⁰ БАН, собр. Археографической ком., № 90, л. 6. об.—8.

⁵¹ Соболевский А. И. Переводная литература. . . С. 254 Ср.: Протасьева Т. И. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 166 (№ 290).

игумен Путивльской Молченской пустыни Сергей работал с перерывом на Печатном дворе с 1669 г., в 1674 г. входил в библейскую комиссию Епифания Славинецкого, с 1687 г. был начальником Печатного двора, после его смерти в феврале 1698 г. начальником Печатного двора был назначен Карион Истомин.⁵²

Довольно подробное рассмотрение содержания сборника ГИМ было необходимо для датировки перевода фрашек Я. Кохановского и установления если не переводчика, то литературной среды, в которой перевод появился. Обзор содержания позволяет заключить, что сборник состоит как бы из двух частей. Первая часть, заполненная в 1680-е гг. (до л. 40), связана с Печатным двором, вторая, относящаяся к 1690-м гг., — с Посольским приказом. Об этом делении говорят не только упомянутые в многочисленных приписках имена, но и сам подбор произведений.

На основании приписок можно уверенно говорить не только о знакомстве составителя сборника с сотрудниками Печатного двора, а потом Посольского приказа, но и о близости к ним, поскольку он получал для переписки рукописи, принадлежавшие нескольким видным литераторам эпохи, в том числе и авторские. Благодаря этой близости составитель сборника очень хорошо осведомлен в деталях литературной жизни и сообщает много ранее совершенно неизвестных сведений о литературных занятиях Мардария Хоникова, С. Ф. Николева, Ф. М. Ртищева, С. Ф. Чижинского и др. Поэтому первая часть сборника является как бы хроникой литературной жизни кружка писателей, связанных с Печатным двором, причем не основной их деятельности, профессиональной, а любительской.⁵³ По этой причине в сборнике большинство произведений — новинки, которые сразу по их появлению составитель заносил в свой «альбом» по авторским или верным («с руки ево») рукописям. Исходя из этого наблюдения, считаем возможным датировать перевод фрашек Я. Кохановского, сообразуясь с их положением в рукописи, началом 1680-х гг.

Перевод возник в кругу поэтов, связанных с Печатным двором, но указать переводчика даже предположительно рискованно, так как на Печатном дворе в то время служило несколько поэтов, среди них Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Мардарий Хоников. У Сильвестра Медведева, например, были превосходно подобраны сочинения Яна Кохановского, но он как раз наименее подходящая кандидатура вероятного переводчика, так как составитель сборника его ни разу не упоминает, да и вообще заметно его тяготение к литераторам Чудова монастыря.

Если вопрос о переводчике остается открытым, то попытка установить, кто составил сборник, имеет достаточные основания. Как явствует из обзора содержания сборника, составитель его сначала был связан с Печатным двором, а затем с Посольским приказом, поэтому, скорее всего, был светским лицом. В этой связи представляет интерес приведенная выше эпитафия жене М. И. Родостамова. Она уже была дважды опубликована по тексту надгробной плиты⁵⁴ и, конечно, без заголовка. В заголовке («Надпись гробная żenu moeja Ewfimiy Petrownu такова») примечательно не только наличие отчества, которого в тексте эпитафии нет, но и употребление латиницы, которой составитель сборника обычно «шифровал» свои приписки. Уместно поэтому предположить, что составитель записал латинскими буквами имя своей жены, а поскольку в эпитафии муж назван, то составителя сборника можно считать установленным. Это бывший писец, а затем подьячий Печатного двора М. И. Родостамов, в середине 1680-х гг.

⁵² См.: Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 136.

⁵³ О писателях, связанных с Печатным двором, см.: Пяченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 116—129, 144—150.

⁵⁴ См.: Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 6. С. 231; Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 38.

ставший подьячим Посольского приказа, а в июле 1695 г. дьяком того же приказа. Приведем дополнительные соображения. На л. 96 об. под припиской с именем А. А. Виниуса записана лигатура из букв PMR, которую можно раскрыть как «подьячий Михаил Родостапов»; на л. 9 записана приведенная выше эпитафия некоему Иоанну Иоанновичу, сочиненная в 1679 г. Мардарием. Если наше предположение о составителе сборника верно, то приписка на поле («[н]агробная надпись [от]ца моего») не противоречит нашему предположению, так как отчество Михаила Родостамова известно по документам — Иванович. Лигатура PMR встречается также в записи на черновом экземпляре «Жития Варлаама и Иоасафа», правленном Симеоном Полоцким: «Pisasia lieta 7188 rukoiu mnohohriesz-naho podiaczeho PMR».⁵⁵ Эта запись окончательно подтверждает причастность составителя сборника к Печатному двору, точнее, к Верхней типографии.

Установив составителя сборника, мы мало приближаемся к решению вопроса об атрибуции перевода фрашек. Может возникнуть соблазн атрибутировать перевод Родостапову. Для этого есть аргументы, хоть и слабые. Во-первых, он безусловно знал польский язык, о чем красноречиво говорят выписки на польском языке, а также некоторые особенности употребления им латинских букв; во-вторых, рядом с переводом нет привычной для этого сборника приписки «списано», — напротив, сказано, что «стихи выписаны из книги полской». Однако надо признать, что этих фактов недостаточно для выдвижения гипотезы, это всего лишь догадка. Важно другое: анализ сборника говорит о том, что переводчика следует искать скорее среди литераторов Печатного двора, близких к Чудову монастырю, а вовсе не среди записных полонофилов. Как наиболее вероятного кандидата, кроме М. Родостамова, мы бы назвали Мардария Хоникова, известного по другим стихотворным переводам, поскольку фразки Кохановского находятся в сборнике между произведениями, списанными у Мардария.⁵⁶

Характеризуя перевод фрашек, мы отметили его несомненно высокий уровень. Но переводчика отличали еще и тонкая интуиция и ориентация в современной ему поэзии, проявившиеся в выборе фрашек. Ян Кохановский писал о своих «безделках»:

Здесь несерьезное смешалось с серьезным,
Кому что нравится, тому купить не поздно.
Пусть каждый, взяв свое, остаток даст другим.
Довольны будут все здесь выбором своим.⁵⁷

Из огромного тематического разнообразия «безделок» польского поэта, «полусмешных, полупечальных», злых инвектив и веселых эпиграмм, переводов из Греческой антологии и Катулла, перемешанных с анекдотами, философскими размышлениями и эпитафиями,⁵⁸ русский переводчик безошибочно выбрал те фразки, которые (едва ли не единственные) могли органично вписаться в русскую силлабическую поэзию конца XVII в. Неслучайность его выбора подтверждается историей этих фразек в творчестве Кохановского. Все три двустишия вошли в другое произведение поэта, «На XII ступеней человеческой жизни»,⁵⁹ опубликованное уже

⁵⁵ ГИМ, Синодальное собр., № 766, л. III.

⁵⁶ В 1680—1690-х гг. справщиком Печатного двора был иеродиакон Чудова монастыря Феофан, неутомимый переводчик с польского. Но он начал службу только в 1682 г. (как и Карион Истомин) и вряд ли может рассматриваться как вероятный переводчик.

⁵⁷ Кохановский Я. Избранные произведения. С. 162.

⁵⁸ О фразках см. подробно в кн.: P e l c J. Jan Kochanowski. Szczyt Renesansu w literaturze polskiej. Warszawa, 1980. S. 270—307.

⁵⁹ K o s h a n o w s k i J. Dzieła polskie. T. 2. S. 44—45; Кохановский Я. Избранные произведения. С. 105—106. — Это произведение не рассматривалось нами как возможный источник русского перевода по следующим соображениям: ни в одном

посмертно во «Фрагментах» (1590). Этот цикл двустийший имеет несомненные аналогии с популярным в XVI в. эмблематическим изданием «Таблица Кебета» («*Cebetis Thebani, Socratis discipuli, Tabula, vitae totius humanae cursum grafice continens*») — нравоучительной панорамой человеческой жизни от рождения до смерти, с афористическими подписями.⁶⁰ Представленная в «Таблице Кебета» философия жизни сродни некоторым древнерусским поучениям (ср. популярную в рукописной традиции статью «О седмицах жития человеческого»), да и сама «Таблица» вскоре отразилась в русской лубочной картинке «Возраст человеческий».⁶¹ Вот эту расхожую философию интуитивно и уловил русский переводчик во фразках польского поэта. По всей вероятности, он не знал ни «Таблицы Кебета», ни цикла двустийший Кохановского, однако безошибочно выбрал из почти трехсот фразек три далеко не самые характерные для Кохановского, зато наиболее приемлемые для русской стихотворной культуры XVII в. В целом можно сказать, что разобранный эпизод с переводом на русский язык фразек Я. Кохановского в миниатюре отражает основное направление восприятия польской поэзии в России в XVII в.

из просмотренных изданий XVI—XVII вв. оно не печаталось на 21 странице; разночтение в последнем двустийшии («*omylny swiecie*» вместо «*obłudny swiecie*») говорит в пользу фразек.

⁶⁰ См.: Pełc J. *Obraz — Słowo — Znak: Studium o emblematach w literaturze staropolskiej*. Wrocław, 1973. S. 109—112.

⁶¹ См.: Р о в и н с к и й Д. Русские народные картинки. Кн. 3. С. 102—104. — Сама «Таблица Кебета» (или «Картина») неоднократно переводилась на русский язык в XVIII—XIX вв., первый перевод принадлежит А. К. Барсову (1725 г. — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 204), второй — А. Д. Кантемиру (1729), однако стала она известна значительно раньше, еще в XVI в. ее цитировал Максим Грек. См.: Буландин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 24—25.

Н. С. ДЕМКОВА

Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума

Стиль сочинений протопопа Аввакума, представляющих собой яркое, новаторское явление в русской литературе XVII в.,¹ настолько индивидуален и неповторим, что оказывается возможным по отдельным фрагментам текста опознать авторство Аввакума даже в тех случаях, когда имя автора в рукописях не указано.

Примеры такой бесспорной атрибуции аввакумовских текстов мы находим в публикациях В. И. Малышева, издавшего в 1951 г. ряд фрагментов из неизвестной ранее компилятивной редакции Жития Аввакума по Прянишниковскому списку начала XIX в.

Рассмотрим один из этих фрагментов. «В Крестовой Никон да я, да Косошилов дьяк, много говоря, и льстя ко мне. А у меня горит сердце-то на него, сердито крошу. И он Косошилову говорит: „Иван, а Иван, худа гадина протопоп сей, а пострадать мне от него!“ И он ему супротив рек: „Да и ты, де, государь, учини ему конец!“ И он паки: „Нельзя, брате, загорожено, боюся!“ Да и отпустил меня. В те поры я шапкою тряхнул: „Отрясаю, — реку, — прах прилещий от ног моих!“ — да и пошел. „Примись, — реку, — за меня, такой-сякой“, — идучи говорю. А что зделаеш, нашу же братию многих погубил. . .»²

Выбранный фрагмент текста (при всей незавершенности и необработанности его литературной формы) достаточно полно характеризует особенности аввакумовского стиля. Здесь, как и в других сочинениях Аввакума, повествование тесно связано с личностью автора, с фактами личной биографии. Личностное, даже эгоцентрическое начало проявляется и в повышенной эмоциональной экспрессивности отрывка, и в откровенной обнаженности мыслей рассказчика («а у меня горит сердце-то на него. . .», «а что зделаеш. . .»), в искренности, исповедальности его тона. В данном фрагменте отчетливо проявляется еще одна черта, присущая сочинениям Аввакума, — разговорная интонация повествования.

Однако все эти особенности, даже приметы стиля Аввакума, уже не раз отмечавшиеся исследователями, каждая по отдельности могут быть выявлены в сочинениях и других авторов эпохи позднего средневековья и «переходной поры». Эмоциональная экспрессивность текста, разговорная интонация свойственны, например, публицистике Ивана Грозного, исповедальность тона может быть обнаружена в отдельных фрагментах

¹ См.: Панченко А. М. Аввакум как новатор // РЛ. 1982. № 4. С. 142—152.

² Цитируем с некоторым изменением пунктуации по изданию: Малышев В. И. Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 388. — Полностью редакция издана В. И. Малышевым в кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960 (далее: Житие, 1960). С. 305—343. — О Прянишниковской редакции как первоначальной редакции Жития см.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: (творческая история текста). Л., 1974. С. 107—140.

сочинений Андрея Курбского или в сочинениях современников Аввакума — в личных посланиях царя Алексея Михайловича, в челобитной Василия Полозова, в сочинениях дьякона Федора, инока Авраамия и др.

Эти стилистические явления, спорадически возникающие в текстах публицистов XVI—XVII вв., отражают ту свободу, которая появилась в конце средневековья у книжников, расширяющих — за счет живой разговорной речи — рамки стилистических канонов традиционных жанров. Сочинения Аввакума содержат нечто большее, чем следование словарю и отдельным приемам разговорной речи. И в повествовательных, и в риторических жанрах Аввакум последовательно ориентируется на образный строй, синтаксис и основные принципы построения текста, присущие устной художественной прозе. Важнейшим из конструктивно и художественно значимых принципов организации текста в сочинениях Аввакума, выросших из поэтики устной народной прозы, является, на наш взгляд, принцип драматизации повествования.

Возвращаясь к процитированному выше фрагменту Жития из Приписниковского списка, нетрудно заметить, что текст фрагмента представляет собой как бы запись авторского устного рассказа, воспроизводящего, по-видимому, эпизод столкновения Аввакума с патриархом Никоном накануне первой ссылки Аввакума из Москвы в сентябре 1653 г. И композиция этой «записи», и система характеристик действующих лиц построены таким образом, что повествование Аввакума воспринимается как запись драматического «действия». Краткая информация о ситуации и месте происшествия («В Крестовой Никон да я, да Кокошилов дьяк. . .») предваряет диалог персонажей («И он. . . говорит», «И он. . . супротив рек», «И он паки. . .» и т. д.); диалог составляет основное содержание сцены и завершается эффектной итоговой репликой Аввакума, декларирующей полный и окончательный разрыв его отношений с патриархом — отступником («Отрясаю, — реку, — прах прилепший от ног моих! . .»). Композиция изображенной сцены зиждется на принципе контраста,³ она драматически напряжена. В тексте четко противопоставлены противоположные действия участников спора: Никон и дьяк говорят с Аввакумом, обманывая его («лстя ко мне»), Аввакум, наоборот, в открытую «сердито крошит» противников. Содержание диалога Никона и дьяка косвенно отражает то напряжение, которое возникает в реальном споре («. . . а пострадать мне от него! . . .», «. . . учини ему конец!» и др.). Кроме того, в сцене контрастируют расчет и осторожность Никона («. . . загорожено, боюся!») и бесстрашие «горящего сердца» Аввакума. Напряжение разрешается ударной в драматургии сцены репликой Аввакума и его картинным жестом: «. . . я шапкою тряхнул: „Отрясаю, — реку, — прах. . .“».

Контрастная композиция рассказа, драматургические средства характеристики действующих лиц и изображаемой ситуации в целом позволяют утверждать, что художественная выразительность аввакумовских текстов и их литературная неповторимость в значительной степени базируются на своеобразном драматургическом начале аввакумовского художественного видения. Создавая тот или иной эпизод повествования, Аввакум как бы заново проигрывает его и перед собственным мысленным взором, и перед читателем-собеседником, избегая описаний и отбирая для «сцены» только самые существенные и выразительные моменты. Можно даже сказать, что принцип драматургического воссоздания сцен прошлого и драматургический принцип организации любого текста — и повествова-

³ О принципе контрастности изображения в Житии как об одном из основных принципов его композиции см.: Демкова Н. С. Изучение художественной структуры Жития Аввакума. Принцип контрастности изображения // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 100—108

тельного, и публицистического, и даже экзегетического — являются основой основ художественного своеобразия сочинений Аввакума.

Стремление Аввакума к драматизации повествования было давно замечено исследователями: В. В. Виноградов, рассматривая стилистическую систему Жития, писал о «звуковых жестах» Аввакума,⁴ Д. С. Лихачев, характеризуя юмор Аввакума, отмечает, что «Аввакум был своеобразным комедийным режиссером» и что события священной истории он «перекладывает. . . в комедийные и даже фарсовые сценки».⁵ Ранее об этой особенности творческого метода Аввакума писал и В. Е. Гусев, анализируя новаторскую форму Жития: «Иногда в Житии возникают целые драматические миниатюры».⁶ Однако никто из исследователей не рассматривал принцип драматизации текста как кардинальный и общий принцип мировидения Аввакума, хотя В. В. Виноградов уже в 1922 г. писал о значении сказа (а в 1954 г., уточняя это понятие, писал о значении элементов «народно-драматического сказа») в стилистической системе Жития.⁷ Сразу же отметим, что драматизация повествования в Житии — это особая проблема, требующая специального изучения, так как она затрагивает сложный и малоизученный вопрос о соотношении драматического и эпического начал в новелле и в сказе,⁸ а также вопрос о структуре образа автора и повествователя в Житии.⁹ Все эти соотношения не могут быть рассмотрены в рамках данной статьи, цель которой — указать на драматизацию повествования как на одну из ярких примет индивидуально-неповторимого стиля Аввакума.

Анализ сочинений Аввакума разных жанров показывает, что принцип драматизации текста присущ не только его Житию и что он не сводится к проблемам воссоздания или имитации народно-драматического сказа, а представляет собой сложную систему взаимодействия различных художественных средств и приемов. Рассмотрим некоторые аспекты этой системы.

Художественное мировидение Аввакума было драматургично: он видел мир и воспроизводил его как мгновенные драматические сценки. Таково, например, в Житии (по Прянишниковскому списку) описание заключения Аввакума в «темной полатке» (подземной тюрьме) Николо-Угрешского монастыря: «. . . голова со стрельцами стоит день и ночь пред дверьми, аз же пою богу моему, дондеже есмь».¹⁰ Аввакум цитирует здесь текст псалма (СIII, 33), и фраза псалма «Аз пою богу моему. . .» становится одновременно описанием действия Аввакума: он поет во время заключения. Перед читателем возникает — как бы на сцене — остановленная волей художника группа персонажей: стрельцы у дверей «темной полатки», внутри «полатки» находится Аввакум, из «полатки» доносится (именно доносится, иначе нельзя себе этого представить) пение Аввакума:

⁴ Виноградов В. В. О задачах стилистики: Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума» // Русская речь. Пг., 1923. С. 272.

⁵ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырков Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 65—66.

⁶ Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века // Житие, 1960. С. 42.

⁷ Виноградов В. В. 1) О задачах стилистики. С. 209—217 и др.; 2) К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 371—379.

⁸ Все еще в силе остается пожелание В. В. Виноградова 1925 г.: «Изучение принципов строения диалогической речи в новелле, еще не начатое в русской литературе, поможет раскрыть не только приемы сплетения ее со „сказом“, но и те особенности, которые присущи ей как особой разновидности художественной речи, организующей драму» (Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой: (Стилистические наброски) // В. В. Виноградов. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 459).

⁹ Начатое большое исследование М. В. Меркуловой, к сожалению, осталось незаконченным. См.: Меркулова М. В. Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 319—331.

¹⁰ Житие, 1960. С. 329.

«Аз же пою богу моему, дондеже есмь. . .». Здесь — зрелищно, без детального описания — изображена ситуация, как бы схвачена мгновенно расстановка героев на сцене.¹¹

Воссоздавая картины реальной действительности в отдельных эпизодах («новеллах») своих сочинений — и в Житии, и в публицистических текстах, — Аввакум стремится в повествовании прежде всего к фиксации действий персонажей, к использованию зрительных и слуховых образов, к созданию иллюзии сиюминутности происходящего. Большую роль в повествовании Аввакума играют такие чисто драматургические средства изображения, как реплики и диалоги героев.

Проблема драматизации текста в сочинениях Аввакума в конечном счете связана с проблемой художественной изобразительности, так как открытие новых способов изображения человека в XVII в. было во многом связано с репродукцией, воспроизведением речи персонажей. Сохраняя отдельные реплики или выражения современников не в стерто-нейтральной, но в их индивидуальной словесно-интонационной форме, Аввакум отбирал из их речей необходимое: одной репликой ему иногда удается очень точно обрисовать человека (или собственное восприятие этого человека). Так, например, в «О трех исповедниках слове плачевном»¹² воссоздаются с помощью реплик психологические портреты и состояния персонажей. Вежливо ласков льстец и обманщик Федор Ртищев. «. . . сестрица, — так Ф. Ртищев обращался к Ф. П. Морозовой, — потешь царя тово и перекрестися тремя перстами, а втайне как хочешь, так и твори. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя». Энергична и одновременно беззащитна Федосья Морозова. . . Аввакум описывает состояние Морозовой во время коротких мгновений свидания с ним, находившимся в то время в заключении в одном из московских монастырей: «. . . из кореты кричит, едучи: „Благослови! Благослови!“ А сама быто смеется, а слезы текут». Горько сокрушается в своей темнице о судьбе брошенных детей Евдокия Урусова: «Ох, батюшко, ох, свет мой! Помолись о детушках моих. . . Помолися, свет! Помолися, батюшко!. . .»

Сценичность повествования Аввакума проявляется и в том, что эмоциональное состояние персонажей, их чувства и отношения он, как правило, передает посредством описания их действий и движений.¹³ Эта особенность повествования Аввакума в Житии была отмечена В. В. Виноградовым, который писал, что в Житии «рельефно выделяется тенденция к фиксации наглядного обнаружения чувств в действиях. Вследствие этого формулы непосредственного выражения эмоций избегаются».¹⁴ Однако это особенность не только Жития: она может быть обнаружена в любом жанре сочинений Аввакума — всюду, где есть эпизоды (вставные новеллы), фиксирующие его собственные или чужие устные рассказы. Так, например, Аввакум включил в «Книгу бесед» рассказ неизвестного о

¹¹ Одновременно это описание кроме зрелищного (и психологического) эффекта изображения содержит глубокий идеологический подтекст: оно проецируется на хорошо известные читателю XVII в. евангельские события — заключение в темницу Христа и апостола Петра — и на апографическую традицию рассказов о мучениках. Так, на сцену, изображенную Аввакумом, падает отблеск сакрального действия, священной мистерии «страстей», и она сама начинает восприниматься как часть этой мистерии.

¹² Житие, 1960. С. 295—302.

¹³ Отметим, что понятие сценичности изображения отнюдь не совпадает с понятием сюжетности, с наличием интриги в повествовании, оно связано прежде всего с динамикой восприятия читателем зрительных образов, созданных повествовательным текстом. См., например, один из сценически организованных фрагментов Жития Михаила Клопского в первоначальной редакции XV в.: «Старец седит на стуле, а перед ним свеча горит. А пишет, седя Деания святого апостола Павла» (Д м и т р и е в Л. А. Повесть о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. С. 89). Особенно часто сценичность изображения прорывается именно в таких неофициальных текстах средневековой литературы, генетически связанных с устным рассказом и еще литературно не обработанных.

¹⁴ В и н о г р а д о в В. В. О задачах стилистики. С. 25.

будто бы состоявшемся разговоре Анны Ртищевой (сестры Ф. М. Ртищева, активной сторонницы реформы Никона) со Спиридоном Потемкиным, известным идеологом начального этапа старообрядческого движения. Укор Спиридона Потемкина («Вижу, де, Михайловна, половина ты ляховки!») в описании Аввакума вызвал ответный жест Анны: «Так она рожу-то закрыла рукавом!» (РИБ, 375).¹⁵

Тот же принцип создания образа посредством описания жеста, движения Аввакум использует и в сфере богословских истолкований, предельно сближая — в присущей ему манере — мир далеких теософских понятий с реальным, чувственным миром. Именно так, например, Аввакум создает в «Книге бесед» символическую картину освобождения Христом человечества от грехов.

Одна из главных тем сочинений Аввакума, смелого, бесстрашного человека, — бунт против духовных и светских властей и — одновременно — поиски оправдания этого бунта, так как в своей жизненной практике Аввакум постоянно вступал в противоречия с доктриной христианского смирения. Обоснование права на бескомпромиссную борьбу за духовную свободу «бунтарь-протопоп» (так его называл М. Горький) нашел в послании апостола Павла (Послание к галатам, IV, 31—V, 1) и использовал этот текст в «Книге бесед»: «Тем же, братие, несть мы (в издании: несмы. — Н. Д.) рабынина чада, но свободныя. Свободою, ею же убо Христос свободи, стойте, и не паки под игом работы держитеся» (РИБ, 357).

Толкуя этот текст своим читателям (в большинстве своем выходцам из социальных низов), Аввакум превращает его в четкий агитационный призыв — приказ, исходящий из уст самого апостола Павла, рупором которого является голос Аввакума: «Слышите, братие, что апостол Павел приказывает? Стойте крепко за Христа! Свободныя мы с вами люди. . .» (РИБ, 358).

Понятие свободы и сама христианская идея освобождения Христом человечества от грехов нуждались — в среде неискушенных читателей — в новых толкованиях, и Аввакум создает сцену, своего рода воображаемую пантомиму, вполне понятную уму и сердцу «верных простецов»: «. . . свободил нас Христос от греховного ига. . . снял с нас кошель сей с червями, пригвоздив е на кресте. . .» (РИБ, 358). Соединяя оба плана изображения — символический и предметно-материальный, Аввакум наглядно, зрелищно демонстрирует — посредством сценического «действия» — спасительную деятельность Христа-труденика, прибывающего гвоздями кошель чужих грехов («греховное иго») к своему кресту.

Драматургическое видение Аввакума проявляется на самых разных уровнях организации текста, и, в частности, весьма характерным признаком художественного метода Аввакума является использование им художественных тропов и фигур в качестве основы для создания развернутых драматизованных эпизодов и описаний. Этот прием наблюдается и в Житии Аввакума (в самом начале Жития на основе традиционного книжного символа «жизнь — море» построена сцена видения Аввакумом трех кораблей), и особенно он присущ его публицистическим текстам, в которых Аввакум объясняет еретический смысл нововведений в церковном обряде. Ограничимся двумя примерами. Изменения, внесенные Никоном в использование просвир во время литургии (просвира стала делиться на девять частей), Аввакум описывает как физическую казнь святых, совершаемую священником-никонианином во время церковной службы: «Дух святыи во едино собрал лики святых, а ты разсек

¹⁵ Тексты Жития Аввакума по автографу редакции А цитируются по изданию: Р о б я ч о н А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963; другие сочинения — по изданию: РИБ. Л., 1927. Т. 39 (с упрощениями графики, принятыми для публикаций в ТОДРЛ; страницы и столбцы издания указываются в строке в скобках). Все остальные издания сочинений Аввакума оговорены особо под строкой.

девятью частми, тело церковное на уды раздробил, собака! Беду зделал: разрезал на части миленьких святых, яко волк разорвал все тело!» (РИБ, 487). Описание изменений, внесенных никонианами в церковную утварь, и прежде всего изменения формы креста, Аввакум образно интерпретирует как церковный грабёж, «воровство» в терминологии XVII в. И вновь создает динамическую, движущуюся картину разбоя: «Впряженны в колесницу четвероконну,¹⁶ везут быстро, все равно тащат еретики из церкви той». «Отцы церкви» наполнили ее богатством, украсили, «яко невесту», и «кровию своею со Христом запечатав, нам предали». Слуги антихриста — никониане («антихристова чадь») — грабят церковь: «. . . и разграбили, зело разорили. И крест с маковицы Христов стащили трисоставный, и поставили крыж латынской четвероугольный, а из церкви той все выбросили» (РИБ, 358). В другом фрагменте это уподобление развивается и превращается в сценическую интригу: действия никониан описаны как набег разбойников («Кто что захватил, тот то и потащил», «бесятца, играют в церкви той!» — РИБ, 367). Образ ограбленной церкви получает эмоциональное развитие: она, церковь, — невеста Христова, «мать всех христиан», поэтому все должны встать на ее защиту. Так, в сфере художественной образности найдено неопровержимое оправдание бунта Аввакума и старообрядцев: никониане ограбили родную мать, и поэтому молчать нельзя. «Полно, су, нам: мать нашу ограбили, свягую церковь, да еще бы мы ж молчали! Не умолчим, су, и по смерти своей вашему воровству! Отдайте матери нашае имение все. . .» (РИБ, 367).

Какой бы фрагмент из сочинений Аввакума ни анализировать, видно, как, описывая событие, Аввакум воссоздает его, используя драматургический принцип изображения. Отсюда — неслучайность деталей, которые ему запомнились и которые он считает нужным отметить, зафиксировать в сознании читателей, отсюда же — художественно и идейно обусловленная смена крупных и общих планов изображения, принцип режиссерского монтажа фрагментов.

Рассмотрим — в связи с этой особенностью повествования Аввакума — фрагмент Жития, в котором описывается его возвращение в Москву после сибирской ссылки (с. 160—161). Начало рассказа лаконично и информативно, оно создает общий план повествования: «Таже к Москве приехал и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря, — все мне ради». Далее план становится крупным, внимание автора (и читателя) привлечено к одному определенному персонажу воспоминаний, из толпы бояр — уже крупным планом — выдвигается фигура влиятельного боярина, Федора Ртищева, друга царя, покровителя наук и начальника Тайного приказа: «К Федору Ртищеву зашел: он сам ис полатки выскочил ко мне, благословился от меня, и учали говорить, много-много, — три дня и три ночи домой меня не отпустил, и потом царю обо мне известил». Теперь в центре внимания читателя оказывается еще более значительный персонаж — царь Алексей Михайлович. В повествование включается рассказ о встрече Аввакума с ним, о внимании царя к прощенному им бунтовщику-протопопу, о его коротких, но уважительных беседах с Аввакумом: «Государь меня тотчас к руке поставить велел, и слова милостивые говорил: „Здорово ли де, протопоп, живеш? Еще-де видатца бог велел!“ И я сопровтив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: „Жив господь и жива душа моя, царь-государь! А впредь — что изволит бог!“ Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел куды надобе ему». Продолжающаяся далее тематическая подборка воспоминаний о царе раскрывается в тексте как серия кадров, мгновенных снимков, каждый из которых несет очевидную смысловую нагрузку: «Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли, и в походы мимо двора моево ходя, кланялся часто

¹⁶ «Колесница четвероконна» — это и есть метафорическое обозначение четвероконечного («четвероугольного») креста, введенного Никоном.

со мною, низенько-таки, а сам говорит: „Благослови-де меня и помолися о мне!“ И шапку в ыную пору, муръманку, снимаючи з головы, уронил, едучи верхом. А ис кореты высунется, бывало, ко мне». Путем создания зрительных образов (царь «кланялся. . . низенько», «шапку. . . уронил», «ис кореты высунется, бывало») утверждался факт близких контактов царя и протопопа и как бы постоянного тяготения царя к Аввакуму (отметим попутно, что все движения царя к Аввакуму направлены вниз: в описании соблюдается иерархия отношений).

То обстоятельство, что многие сочинения Аввакума и, главное, его Житие сохранились в нескольких редакциях, позволяет увидеть, как именно создавал Аввакум эти фрагменты-сцены, как возникал отмеченный выше эффект драмы.

Рассмотрим описание разговора Аввакума с Дементием Башмаковым после собора 1666 г. перед ссылкой его в Николо-Угрешский монастырь. Этот фрагмент варьируется в разных редакциях Жития.

В редакции сборника Заволоко (редакция *В*, создана в 1675 г.) эта сцена описана так: «И подержав на патриархове дворе, вывели меня ночью к спальному крыльцу; голова досмотрил и послал в Тайнишные водяные ворота. Я чаял, в реку посадят, ано от Тайных дел шиш антихристов стоит, Дементей Башмаков, дожидается меня, учал мне говорить: „Протопоп, велел тебе государь сказать: «Не бось-де ты никово, надейся на меня!». И я ему поклоняюсь, а сам говорю: „Челом, реку, бью на ево жалованье! Какая он надежа мне! Надежа моя Христос!“ Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: „Не надейтесь на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения“, и прочая. Таже полуголова Осип Салов со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь».¹⁷

Перед читателем возникает сцена: Аввакум выведен ночью из заключения и, думая, что его сейчас подвергнут казни, примечает, куда его ведут («послал в Тайнишные водяные ворота, я чаял, в воду посадят»); он видит стоящего на мосту Дементия Башмакова, начальника Приказа Тайных дел, «шиша антихристов», по терминологии Аввакума. Дементий — исполнитель воли царя: он передает слова царя Аввакуму. Когда Аввакума повели по мосту за реку (его ведут стражники, он идет не по доброй воле), он, идя прочь от Дементия, произносит молитву; речь Аввакума («Не надейтесь на князи. . .») эффектно завершает сцену. Две фигуры крупно выделены в сцене: всесильный Дементий Башмаков и узник Аввакум, идущий прочь от него, поющий слова молитвы. Момент схвачен, перед читателем как будто моментальный «кадр», «снимок» жизни.

Оказывается, эти «снимки» не всегда получались у Аввакума сразу; иногда они создавались им на основе предыдущего, строго документального описания. Так, в Приянишковском списке Жития, который, по видимому, содержит фрагменты первоначальной редакции произведения, сохранился документальный «проспект» этого текста: «Отслали на патриархов двор, посадили за решетку и тут держали два дни. И в полночь обвели в Тайнишные ворота Житным двором на Тресвяцкой мост. И тут от Тайных дел Дементей Башмаков сказал мне: „Молися, де, богу и на государя надейся“. И отдал меня полуголове со стрельцами. И повезли из Москвы к Николе, на Угрешу, в монастырь».¹⁸ Сообщение о встрече с Дементием Башмаковым включено здесь в текст документальной записи, автобиографического мемората, точно фиксирующего время и место события и речь только одного из участников. Первоначальная документальная запись не содержит предположения Аввакума о немедленной с ним расправе (в ней нет слов «Я чаял, в реку посадят»), иначе освещает роль Дементия Башмакова в сцене встречи и иначе передает его речь.

¹⁷ Цитируем по тексту автографа редакции *В* с упрощением графики согласно правилам ТОДРЛ в кн.: Пустозерский сборник. Л., 1975. С. 47.

¹⁸ Житие, 1960. С. 329.

Дементий Башмаков присутствовал на мосту, выполняя, по-видимому, обычную службу начальника Приказа Тайных дел, следя за отправкой из кремлевской тюрьмы важного государственного преступника. Его фраза («Молись, де, богу и на государя надейся!») — не что иное, как обычное напутствие заключенному. Соответственно в Прянишниковском списке нет и ответа Аввакума с иронией в адрес царя, и его дальнейшей речи — молитвы, сказанной на мосту, завершающей сцену в редакции В.

Драматургическое видение Аввакума проявляется не только при создании им эпизодов, обладающих внутренней интригой — развитием действия, но и при описании героев; развернутая характеристика персонажей в сочинениях Аввакума также, как правило, создается с помощью драматических эффектов.

Как сценическое действие построена в «Книге бесед» (в восьмой беседе) сатирическая характеристика Илариона, епископа рязанского, жестокого гонителя старообрядцев, в прошлом земляка Аввакума. Аввакум вспоминает о нем, пересказывая библейский текст — историю Мелхиседека. Исходный момент в характеристике Илариона — контрастное противопоставление его суетности аскетизму библейского героя. Испытанный прием полемической аргументации *ad hominem* развивается здесь Аввакумом в драматическую миниатюру — в картину парадного выезда Илариона Рязанского — и в воображаемую беседу с ним автора: «Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской! Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился езда! Да еще были царские породы. А ты хто? Воспомани-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядешь — растопыришься, что пузырь на воде; сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы, ворухи-унятки, любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! . . . Где ты ум-от дел? . . . ныне уж содружился ты з бесами теми, мирно живешь, в карете с тобою же ездят, и в соборную церковь, и в Верх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им. . . Столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором. . . Да воздаст ти господь по делом твоим в день страшнаго суда!» (РИБ, 335—337).

Как видно из текста, характеристика Илариона, жестокого, самодовольного, раздувшегося от спеси иерарха, создается не за счет статичного описания — перечня его свойств, а посредством изображения ряда последовательно совершаемых действий, способствующих возникновению зрелищного эффекта. «Зрелище» выезда Илариона, которое — в финале — завершается бесовским триумфом (бесы под руки ведут Илариона в Успенский собор и царский дворец), вполне соответствует принципам сатирического изображения в народном кукольном театре, где насмешки над тучностью и внешним видом героя являются обычным приемом (дружба Илариона с бесами также отвечает духу народных демократических представлений о действиях бесов в реальном быту). Безмолвие Илариона и бесов (читатель слышит только речь автора, выступающего в роли комментатора) усиливает впечатление кукольности происходящего.

Зрелищность описания — только один аспект драматизации повествования в данном фрагменте сочинений Аввакума. Другой аспект драматизации в этом тексте — это «действия» самого автора на воображаемой им сценической площадке. Аввакум как бы вступает в диалог с встретившимся ему на пути персонажем своих воспоминаний: окликает его, задает вопросы, сам на них отвечает, разглядывает его внешность и, наконец, передразнивает его жестами («растопыришься», «выставя рожу» и др.).

Аналогичным образом построена беседа Аввакума с монахом-никонянином в беседе третьей «Об иноческом чине» (РИБ, 280—281). Аввакум «видит» своего противника, задает ему вопросы («А у тебя, никоняин, где круг-от?» — речь идет об изменениях, введенных Никоном в иноческое одеяние; «Помнишь ли? . . .» и др.) и заставляет его оглядеть себя («Оглянись-ко нет веть, бес слизал, и обожение и кресла Христовы стащил!»),

контрастно противопоставляет фигуру тучного и пьяного инокображению Иоанна Предтечи («Иван Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титкам. . . А ты, что чреватая жонка. . . И в твоём брюхе том. . . накладно беды тоя — ягод миндалных, и ренсково, и раманей, и водок различных с вином процеженным налил: как и подпоясать!»).

Рассматривая творчество Симеона Полоцкого как поэта барокко, И. П. Еремин сравнил его стихи (имея в виду прежде всего «Вертоград многоцветный») с «музеем раритетов». Ученый стихотворец как бы проводит своего читателя через этот музей, демонстрируя ему редкости и неизвестные экспонаты: имена, понятия, вещи, сюжеты.¹⁹ Емкий образ ученого автора-наставника, созданный исследователем, подчеркивает весьма существенную черту художественного мира Симеона Полоцкого — статичность, неизменяемость образа автора.

Этого нельзя сказать об образе повествователя в сочинениях Аввакума. В его текстах — особенно публицистических — нет монотонии, существует постоянное движение: происходит изменение стиля, изменение роли субъектов повествования, отражаются разнообразные авторские эмоции.

Любой публицистический текст Аввакума, как правило, представляет собой сложную партию различных форм авторского многоголосия. Особенно сложной является структура его публицистических «книг». Уже на уровне авторского замысла и, соответственно, композиции «книги» представляют собой текст на «два голоса»: они содержат фрагменты Священного писания и комментарий к ним или (так в «Книге обличений») изложение взглядов противника (например, дьякона Федора), еретических, с точки зрения Аввакума, и их опровержение.

Аввакум свободно переходит в своих толкованиях и беседах от текстов Псалтири и Апостола, Шестоднева Иоанна экзарха болгарского и дьякона Федора к собственной речи и вновь возвращается к текстам Священного писания или другого источника.

Смене субъектов повествования соответствует адекватное изменение стилистического строя: происходит стремительный перепад от старославянского языка к разговорной речи XVII в. Разбивая своими толкованиями стилистический монолит текста источника, Аввакум может легко вновь включить в свою речь цитаты из Священного писания. Таким образом, возникает сложная вязь «своего» и «чужого» слова, она превращает текст Аввакума фактически в «полилог», что соответствует, по-видимому, художественному и идейному замыслу талантливого публициста: читатель «книг» Аввакума общался — с помощью автора — со всем кругом священных авторитетов!

Структура публицистического текста значительно усложняется, когда Аввакум вводит в авторский текст микросюжеты: пересказ событий священной истории, собственные воспоминания или вновь созданные — для убеждения читателя — сюжетные образные картины. Все эти включения обладают собственной системой соотношения речи повествователя с речью персонажей. Роль автора и авторского голоса в тексте, таким образом, также значительно усложняется; автор — Аввакум — выступает в таком тексте одновременно в нескольких ролях.

Характеризуя «лицедейство» Ивана Грозного в его посланиях, Д. С. Лихачев насчитывает четыре-пять литературных «масок» писателя-самодержца.²⁰ «Масок» Аввакума в его публицистических текстах гораздо больше.²¹ Аввакум может выступать в одном и том же тексте то как бого-

¹⁹ Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 125.

²⁰ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 25—35.

²¹ Иногда и в тексте Жития повествователь выступает в двойной роли: главного действующего лица и комментатора происходящего. В этом случае комментарий автора

слов, «по-тонку» разбирающийся в смысле слов Священного писания, то как пророк, прорицающий истину и раскрывающий «лесть» (обман) никониан, то как нежный сострадаец, то как сокрушающийся о своих грехах «простец-горемыка».

Выступая в роли посредника между текстом Священного писания и читателем, он иногда принимает на себя роль как бы непосредственного душеприказчика, доверенного лица священного авторитета — создателя комментируемого текста (апостола Павла, царя Давида и т. д.), а иногда выступает в роли духовного отца, охотно отвечающего на вопросы неосведомленного, несмышленного слушателя, члена его общины, или в роли сурового наставника, имеющего дело с лживым адресатом, в роли знатока текстов Священного писания: он делает отсылки, дает рекомендации для чтения, выступает в роли «послуха» и «тайнозрителя», пересказывая детали библейского или евангельского события. Аввакум может выступать в роли бывалого человека, в прошлом близкого двору и московским боярам, рассказчика — при включении в текст эпизодов из собственной жизненной практики; наконец — в роли имитатора, почти актера, воспроизводящего реплики и речи других персонажей, причем не только иронического или сатирического плана.

Репродуктивная функция повествователя в текстах Аввакума создает иллюзию передачи устной речи разных персонажей. Так, Аввакум произносит монолог от имени боярыни Ф. П. Морозовой (в его письме Симеону), вступая с ней в заочную беседу и поддерживая ее решимость пострадать за старую веру.²² Аввакум составляет «план» покаяния царя Алексея и даже описывает саму сцену покаяния, как она предстает его мысленному взору, с покаянным монологом царя Алексея Михайловича! «О царю Алексее! . . . Возри на царя Давида. . . сотвори и ты Давыдски к богу покаяние о себе. . . Ей, тебе истинну говорю: время покайтиси! Рцы по вышереченному, яко же Давыд, каея, рече: „Аз, пастырь, согреших! Аз, господи, прогневах тя, а овца моя ничтоже имут к тебе!“ И паки другаго падения его псалом: „Помилуй мя, боже. . .“ Да плачучи псалом-от и до конца говори. . .», — так наставляет Аввакум царя Алексея, воображая свою непосредственную беседу с ним. Наставления переходят в доверительные обтяснения права Аввакума именно т а к разговаривать с царем («Любя я тебе, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лжгут тебя, да уже слизали и душу твою!»), в обличения царя («А ты. . . нонеча хмельненек от Никонова тово напоения, не помнишь Давыдова тово покаяния! . . .»), и вновь Аввакум возвращается к «сценарию» покаяния: «Воздохни-тко по-старому, как при Стефане бывало, добренько, и рцы по рускому языку: Господи, помилуй мя, грешнаго!» (РИБ, 473—475).

Проблема сценичности текста сочинений Аввакума связана с мало разработанной проблемой драматического начала в сказе, который, представляя собой разновидность диалогической речи, устанавливает особый тип отношений между рассказчиком и читателем, создает атмосферу театральности, литературной игры с читателем.

к описанию действия или к речи персонажей звучат в тексте Аввакума как реплики актера, сказанные в сторону (a parte), — для зрителя (читателя). Характерный пример такой реплики «в сторону» содержится в описании встречи Аввакума с Симеоном Полоцким весной 1664 г., сохранившемся в первоначальной редакции Жития по Прянишниковскому списку: «И вместе — и я и он — были у царевы руки. И видев ко мне царевы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня. И я ему рек: „Откуда ты, батюшка?“ Он же отвеща: „Я, отеченька, из Киева“. А я в и жю, яко р и м л я н и я . . .» (Житие, 1960. С. 331—332).

²² Сожаление о Ф. П. Морозовой в письме к Симеону, «духовному сыну» Аввакума, переходит вначале в прямое обращение к ней («А что ты, Прокопьевна, не бойся ли смерти той?»), затем — в составление «плана действий» для нее («Ну, государыня, поиди же ты со „сладким Исусом“ в огонь. . .») и завершается монологом Аввакума от лица Морозовой («Нá-вось, дьявол, еже мое тело. . . Аз есмь раба бога живаго. . .») (Житие, 1960. С. 224).

Ю. Н. Тынянов писал об этой особенности сказа: «Сказ делает слово физиологически ощутимым — весь рассказ становится монологом, он адресован каждому читателю — и читатель входит в рассказ, начинает интонировать, жестикулировать, улыбаться, он не читает рассказ, а играет его. Сказ вводит в прозу не героя, а читателя».²³

Парадоксальность этого утверждения Ю. Н. Тынянова концентрирует внимание исследователей на существенной стороне сказа — его установке на вовлечение аудитории в создаваемое автором сказовое «действие». Таким образом, вопрос об элементах драмы в сказовом повествовании затрагивает ряд проблем литературной коммуникации и, прежде всего, затрагивает вопрос о создании автором особого языка рассказчика и особого тона общения рассказчика с читателем (т. е. вопрос о точке зрения автора и «маске» рассказчика), а также вопрос о включении в сказ представлений автора о его аудитории и о способах установления контактов с нею.²⁴

Далеко не все публицисты круга Аввакума использовали принцип драматизации текста. Драматизации текста совсем нет в сочинениях священника Лазаря, верный и последовательный ученик Аввакума инок Авраамий строит свой «Вопрос и ответ» — при всей литературной новизне этого текста — как традиционное полемическое «прение». Иной, чем у Аввакума, является природа драматизма в своеобразном автобиографическом Житии инока Епифания: драматизм Епифания — это драматизм напряженной монологической исповеди, драматизм видений, предчувствий, душевной экзальтации, которые могут сменяться натуралистическими сценами физических мучений, — в замкнутом мире размышлений и чувств инока микрокосм уравнен в правах с макрокосмом.

Ближе всех к Аввакуму в использовании принципа драматизации повествования оказывается дьякон Федор: в его сочинениях нередки драматически законченные сценки и эпизоды, в которых он пытается с помощью описания поведения героев и их реплик передать и характеры действующих лиц, и смысл происходящего. Таковы, например, «рассказы» Федора в его «Послании сыну Максиму».²⁵ Приведем в качестве иллюстрации один пример из его колоритных рассказов-воспоминаний — рассказ о поставлении Симона, игумена Александро-Свирского монастыря, одного из самых ревностных сторонников церковной реформы, архиепископом на Вологду в 1664 г.: «Некогда бо начали ставить Симона, игумена бывшего Александрова монастыря Свирского чудотворца, на Вологду, во архиепископы. Начат же он по обещанию Символ глаголати посреде церкви соборныя, и егда рече в Символе о Христе исповедание се: „Свет от света, бога истинна от бога истинна, рожденна, а не сотворенна“ — по старым книгам сице, а в новых „рожденна, не сотворенна“, и „аза“ того и несть уже! И за тот святой „аз“ един, его же Симон по-старому изрече в Символе, не хоте его царь поставити во архиепископы: озрелся, стоя, на Павла митрополита онаго, и с яростию пыхнул, рек ему: „Ты мне восхвалил его! Не хошу его аз!“ И поиде с места своего. Павел же, льстец, припаде к нему, и рече с клятвою: „Никако, государь, несть в нем того, но промолвился!“ И повелеша Симону паки Символ глаголати. Он же справил речь ту по новому речению. Царь же возвратися на место и поставиша его во архиепископы».²⁶

Рассказ носит характер забавного случая, почти анекдота из деятельности современных Федору церковных властей и, несомненно, является

²³ Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 160.

²⁴ Подробнее см.: Поэтика сказа. Воронеж, 1978. С. 30—45.

²⁵ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под редакцией Н. И. Субботина. М., 1881. Т. 4. С. 90—260. — «Послание» это, один из самых значительных автобиографических и публицистических текстов XVII в., до сих пор совсем не изучено.

²⁶ Там же. С. 229—230.

отзвуком устных рассказов Федора единомышленникам: дьякон Федор, тогда еще не подвергавшийся преследованиям властей, оказался (как служитель Кремлевского собора Благовещения) свидетелем этого поставления, происходившего в присутствии царя Алексея Михайловича в Успенском соборе. «Аз бо, грешный Федор диакон, всему тому самозритель», — пишет он перед этим рассказом.

В связи с постановкой проблемы театральности повествования Аввакума в его сочинениях важно обратить внимание на еще один аспект этой проблемы — ее генезис. Несомненно, что Аввакум, используя принципы драматургического построения текста в рассказах о происшедшем, насыщая текст репликами или даже строя повествование на диалоге, основываясь на принципах устной художественной речи. Он строил свою письменную речь так, как строит ее народный рассказчик или народный проповедник любой эпохи. Но одновременно в театральности Аввакума можно увидеть и литературные корни.

Некоторые приемы публицистического «театра» Аввакума — прямые обращения, вопросы, указания в форме императивов — создают иллюзию непосредственного общения с читателями или персонажами и восходят, несомненно, к традиционным приемам риторического искусства. Использование Аввакумом в риторических построениях различного рода живой народной речи значительно усиливает это впечатление непосредственности контакта. Так, например, традиционная метафора «чтение книг — путешествие», обычно используемая церковными экзегетами при толкованиях источника (читателя приглашают к воображаемому совместному с комментатором «путешествию по тексту»),²⁷ часто актуализируется в сочинениях Аввакума и начинает звучать как конкретное приглашение к реальному совместному действию. «Как же, аль не ведаешь? Сем, я тебе возьму за руку и поведу на то место, иде же бысть се», — так Аввакум предлагает читателю провести его на то место, где дьявол обманул Адама.²⁸

Воспроизведение части текста полученного ранее послания как стимул для составления ответа — также один из известных приемов эпистолярной риторики; Аввакум, используя его, воспроизводит живую речь своих адресатов, жителей московского посада: «Любо мне, что вы охаете: „Ох, ох! Как спастися? Искушение прииде! . . .“» (РИБ, 829).

Аввакум как бы переводит на народный язык не только церковнославянские речения, что неоднократно отмечалось, но самый синтаксический строй торжественной ораторской прозы. Именно так использует Аввакум, например, древнюю технику диатрибы, хорошо знакомую ему по посланиям апостола Павла и сочинениям Иоанна Златоуста,²⁹ усиливая подчас ее драматургические эффекты. Сочинения апостола Павла и Иоанна Златоуста составили, как известно, основы литературной христианской

²⁷ Риторические приглашения такого рода — не редкость в сочинениях Аввакума. Например, в «Послании Симеону, Ксении Ивановне, Александре Григорьевне» (1679 г.) Аввакум предлагает пойти вместе с ним «по граду» («Да гряди убо, чадо, да ты повожу, прежде за руку ем. . .») и посмотреть на «сокровенная чюдеса» (так Аввакум начинает толкование 103-го псалма «о мирстем бытии» — устройстве мироздания) (Житие, 1960. С. 262). Ср. с обычной формулой приглашения духовного отца к чтению, также использованной Аввакумом: «Приклони-тко ухо то ко мне и услыши глаголы моя. . .» (Там же. С. 226).

²⁸ Житие, 1960. С. 278.

²⁹ С. С. Аверинцев пишет о диатрибе: «Как известно, техника диатрибы предполагала имитацию диалога, когда говорящий „передразнивал“ своего воображаемого оппонента, а затем отвечал на его вопросы и возражения. Это едва ли не самый яркий случай взаимопроникновения „своей“ и „чужой“ интонации, который может быть отмечен в античной литературе. . . Проникновение диатрибы в практику раннехристианской проповеди очевидно; недаром само слово *ῥομιλία*, функционирующее как одно из обозначений диатрибы, дало имя церковной „гомилетике“. Множество примеров редуцированной диалогичности, скрытого двуголосия, иронической имитации чужого слова можно встретить уже в новозаветных посланиях ап. Павла. . . Позднее этот прием особенно характерен для проповедей Иоанна Златоуста» (А в е р и н ц е в С. С. Поэтика византийской литературы. М., 1978. С. 286—287).

образованности Аввакума. На стыке традиций книжной и народной культур создавался публицистический «театр» Аввакума, отмеченный яркими признаками индивидуального стиля. Так, в технике диатрибы, с колоритными разговорно-речевыми включениями начинается «беседа девятая» Аввакума. Аввакум заставляет воображаемого слушателя — никонианина снова и снова переспрашивать себя, сурово его наставляет, высмеивает, грубо одергивает: «Кюю верую? Али оглох? Авраамовою. . . Которой гнев соделовае закон? Али не разумеешь, сопротивляися. . .? Где писано? Еретик, али ослеп? В первых книгах Моисеовых, глава 17, и Сирах, 4. . . Видишь ли, отступниче — поползуха! Что рак ползаешь в вере — той: и так, и сяк, и инако!» (РИБ, 361—363). Далее беседа разворачивается в сценическое «действие» прения Аввакума с никонианином на глазах у аудитории «верных»: «А ты, никониян, чем похвалишься, скажи-тко? Антихристом своим нагим разве, да огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем, знаю я!» (РИБ, 366). Острая социальная характеристика противника окончательно преобразует литературно-условную фигуру воображаемого оппонента Аввакума — в умах и сердцах его читателей — в ненавистный лик реального мучителя, представителя власти угнетающего феодального государства и церкви. Рассчитывая на ответную эмоциональную реакцию читателей, Аввакум поступает как умелый режиссер, создающий настроение театральной аудитории.

Драматизация текста в сочинениях Аввакума во многом совпадает с принципами народного искусства,³⁰ и в частности с художественными принципами изображения в народной сатире и народном театре. Известно, что один из основных приемов Аввакума-полемиста, раскрывающего еретичество никониан, — не богословский диспут с воображаемым противником, а аргументация *ad hominem*, описание неразумия никониан, бессмысленности, непонятности и механистичности их действий. Предельное оглушение отрицательного персонажа — один из испытанных приемов народной сатиры.³¹

Примеры подобного изображения в сочинениях Аввакума многочисленны, приведем один фрагмент из беседы «девятой». Убеждая «верных» в ошибочности никоновского нововведения — уменьшения числа просфор для причащения на литургии, Аввакум описывает действия римских пап (они, с его точки зрения, являются прямыми предшественниками никониан) так, как если бы он описывал действия и реплики персонажей-марионеток «вертепного» театра: «Папа еретик. . . откинул от седми две просвиры: „Подобает, де, над пятию просвирами служить в пять чувств человеческих!“ А другой папа после тово еще две откинул: „Подобает, де, над трема служить во образ святыя троицы!“ А после тово третей папа еще две откинул: „Подобает, де, кислой просвире в службе быть, но опреснок надобе, Моисеова закона ветхаго!“» (РИБ, 371).

Вывод о «самочинии», самоуправстве, произволе действий духовных властей (в противоположность благочинию и уставу старого обряда) непреложно следует из этого сценически организованного фрагмента. Автоматизм и бездумность действий римских пап — «еретиков» в описании Аввакума напоминают о театре марионеток: одна кукла сменяет другую, действия их однотипны и бессмысленны; безымянность действующих лиц усиливает эффект «кукольности» происходящего.

Одновременно в тексте той же беседы Аввакум контрастно противопоставляет (в смысловом и художественном отношении) этому изображению никониан, грабящих церковь, и римских пап — еретиков описание дониконовской церковной службы. Резко меняются и тональность, и син-

³⁰ Д. С. Лихачев отмечал, что «театральность» «была разлита во многих фольклорных жанрах» (Л и х а ч е в Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. М., 1971. С. 68).

³¹ См.: П р о п п В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 77—83.

такис речи Аввакума; возникает ритм повествования, напоминающий о молитвословных и духовных стихах, возникает тон задушевной беседы наставника, раскрывающего сокровенный смысл священнослужения: «. . . а жертва-та приносится в воспоминание бывших на земле плотных, самого Христа-агнец, а вторая просвира — богоматери, а третья — всех святых . . . шестую просвиру и часть из нея приносит со агньцем к богу у всех живущих на земли, да же ради части сея подает всему миру долгоденство и здравие, и спасение. . .» (РИБ, 368—369).

Таким образом, сложный в композиционно-тематическом отношении текст полемической «девятой» беседы оказывается — в художественном отношении — организованным по принципу вертепной драмы: четкая граница сакрального «верха» и бездуховного «низа» существует не только в миропонимании автора, но она зримо изображена в повествовательном тексте с помощью сложной системы речевых координат.

Ориентация на аудиторию приводит к сближению структуры ряда публицистических текстов Аввакума с народным театром и вертепной драмой. Анализ эпических, собственно повествовательных историко-биографических сочинений Аввакума напоминает об общих принципах драматизации текста, свойственных народной сказочной традиции. В этой связи следует напомнить об интересном исследовании Н. И. Савушкиной, содержащем существенные для целей нашего анализа наблюдения над созданием драматизированного образа в сказке.³² Выводы этого исследования тем более интересны для нас, что Н. И. Савушкина изучила принцип драматизации текста сказки в творчестве представителей устно-игровой сказочной традиции нижегородского края, родины протопопа Аввакума.

Драматизация сказки — при ее рассказывании — происходит (по записям Н. И. Савушкиной, сделанным от разных сказочников Горьковской области) по трем основным направлениям.³³ Сказочники (с помощью жеста, мимики, интонации) стремятся изобразить само действие, частично воссоздать его обстановку. Кроме того, в интонации сказочника, констатирует Н. И. Савушкина, выражается его отношение к происходящему.

В анализе Н. И. Савушкиной речь идет о принципах устной, исполнительской драматизации сказочного текста, хотя, по-видимому, эти же принципы драматизации присущи и исполнению несказочной прозы, например устных рассказов, стремящихся к сюжетному изображению событий.

В этом отношении было бы интересно сопоставить повествовательные тексты Аввакума, в частности его Житие, не только с зафиксированными исследователями устными рассказами, но и с производными от них литературными жанрами, в частности с патериковым повествованием. Вопрос о соотношении Жития Аввакума с патериковыми рассказами — неизученная историко-литературная проблема. Однако уже сейчас можно утверждать, что в разработке принципов драматизации текста Аввакум имел

³² См.: Савушкина Н. И. Драматизированный образ в некоторых жанрах русского фольклора. М., 1964 (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук); см. также: Савушкина Н. И. Русская народная драма XIX—начала XX века как явление фольклорного искусства: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1982.

³³ Савушкина Н. И. Драматизированный образ. . . С. 5. — Особый вопрос, который крайне важен для рассмотрения фундаментальной проблемы соотношения эпоса и драмы, — это вопрос о драматических элементах в самом сказочном тексте (художественные средства сказки направлены на изображение действия, герои раскрываются в поступке и диалоге, и др.). В рамках данной статьи он может быть только упомянут. Напомним, что существовали такие крайние точки зрения, которые рассматривали сказку как драматическое произведение: работы В. Н. Харузиной (Примитивные формы драматического искусства // Этнография. 1927. № 1—2; 1928. № 1—2), А. И. Никифорова (Народная детская сказка драматического жанра // Сказочная комиссия. Л., 1928) и др. Подробнее см.: Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М., 1963.

предшественников в житийном жанре, и прежде всего — в жанре патерикового рассказа, где главным элементом структуры является драматическое действие. Именно драматическое действие как существенный признак художественной формы повестей в составе Киево-Печерского патерика выделяет канадский исследователь Ричард Поп (1978), анализируя эти повести как произведения средневековой беллетристики.³⁴

Драматизация повествования — черта литературного новаторства Аввакума, введшего в письменную литературу новые принципы образности, основанные на поэтике народного искусства слова и на личном опыте народного проповедника. Так возник историко-литературный парадокс: не принимая, идеологически отвергая придворный театр царя Алексея, декларируя совсем иные эстетические позиции, Аввакум в своем творчестве оказался необычайно театрален.

Рассмотрение принципов драматизации текста в сочинениях Аввакума помогает приблизиться к решению проблемы своеобразия его стиля, сложившегося на основе традиций письменной и устной культур Древней Руси. Именно драматизация текста в сочинениях Аввакума составляет основу глубокого и объемного психологического анализа, являющегося одним из основных достижений Аввакума-писателя и делающего его Житие предтечей шедевров русского реализма XIX в.

³⁴ Доклады на VIII съезде славистов. Загреб, 1978. Т. 2. С. 709.

В. И. СКЛЯРУК

К биографии Феодосия Печерского

Уточнение хроники известных фактов биографии Феодосия Печерского позволило бы избавиться от некоторых ошибок в исторической и справочной литературе. Вот их примеры.

Неверное указание печатного Киево-Печерского патерика на 1032 г. как время пострижения Феодосия послужило основанием для отнесения к этому году первого упоминания Курска в письменности.¹ Неверное указание срока жизни Феодосия в Устюжской летописи привело к выводу о том, что в Житии Феодосия упомянут Курск конца X в.² Некритическое использование обоих указаний имеет место в работе А. Г. Кузьмина.³

Сведения по изучаемому вопросу находятся в «Житии Феодосия Печерского». Написал его Нестор вскоре после смерти игумена, когда память о нем в монастыре была свежа. Исторические и бытовые подробности, «внутренняя хронология и большая точность»⁴ Жития, сопоставление его с соответствующими статьями ПВЛ — все это дает возможность расставить отдельные временные вехи биографии.

1

Феодосий родился в городе Васильеве у Киева. Спустя какое-то время его родители «преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшю».⁵

В Курске Феодосий был отдан «на учение божьствьныхъ книгъ единому от учитель. . . И въскорѣ извыче вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтица и о скорѣмъ его учении».⁶ Ему было тринадцать лет, когда умер отец. «Оттолѣ же начать на труды паче подвижнѣй бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякимъ смѣрениемъ».⁷ Отметим, что Нестор подчеркивает способности и раннее развитие Феодосия.

В рассказе о том, что он стал пещь просфоры, отмечен срок этого занятия — «двѣнадесяте лѣтѣ или боле».⁸ Если поверить этому сроку, то монахом Феодосий стал не ранее как на двадцать шестом году жизни. В таком случае теряет смысл открытое указание Жития на то, что он покинул Курск в молодом возрасте: отроком называет его Нестор в рассказе о по-

¹ См.: Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. Отд. 2. С. 8; Из истории Курского края: Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965. С. 25, 26; Страницы истории города Курска. Воронеж, 1981. С. 9, 36.

² См.: Курск: Очерки истории города. Воронеж, 1975. С. 266, примеч. 6.

³ См.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 174.

⁴ Приселков М. Д. Нестор-летописец. Пг., 1923. С. 99.

⁵ Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI—начало XII века. М., 1978. С. 308.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 312.

пытках поступить в один из киевских монастырей. Антоний предупреждает о трудностях монашеской жизни: «Чадо. . . Ты же унь сый». ⁹ Поселившись в его пещере, Феодосий стал подвижником, и удивлялись Антоний и Никон «съмѣрению его, и покорению и толику его въ уности благонравьству, и укрѣплению, и бѣдрости». ¹⁰ Сообщив, что после четырех лет поисков мать нашла его в Киеве, Нестор продолжает рассказ о жизни «отрока».

Очевидно, автор неоднократно отмечает молодость своего героя не в силу этикетной формулы, обычной в житийной литературе, а в соответствии с фактами реальной биографии.

Двенадцать лет — слишком долгое время и потому, что мать препятствовала занятию, и потому, что велико было желание Феодосия и часты попытки уйти из дома. Когда мать возвратила его из соседнего города, где он пек просфоры, она «запрети ему». ¹¹ Далее в рассказе это занятие не упоминается: «бѣ же съмѣренъ сьрьдцьмь и покоривъ къ вьсѣмъ». ¹² Рассматриваем этот текст и дальнейший (о веригах) как указание на то, что после запрета матери Феодосий иным образом, нежели прежде, стал спасать душу, а именно — смирением и страданием.

А. М. Кубарев считал срок «двѣнадесяте лѣтъ» ошибкой харатийного списка, правильным же — «две лѣте или болѣ» в списке Жития в составе Киево-Печерского патерика. ¹³ Этот срок указан во всех списках патерика, в основе которых лежит Кассиановская вторая редакция 1462 г. ¹⁴

Если это и не ошибка, то, кажется, нет причин к преднамеренному искажению срока в сторону уменьшения. Скорее, в одном из ранних списков произведена обратная перемена — «две лѣте» на «двѣнадесяте», что усиливало значение подвига в условиях борьбы с косной средой.

В. А. Чаговец отметил: «С принятием же свидетельства других списков устраняются все эти кажущиеся несообразности и недоумения: в таком случае пр. Феодосий приходит к Антонию действительно юношей (около 20 лет)». ¹⁵

Феодосий был пострижен не ранее 1051 г. В этом году «освободилась» пещера, в которой поселился Антоний и куда к нему пришел Феодосий. Прежний обитатель ее Иларион стал митрополитом. ¹⁶ Нельзя предположить, что прошло значительное время от прихода к Антонию до пострижения. Ведь срок испытания (послушничество) ввел сам Феодосий, будучи игуменом. ¹⁷

А. А. Шахматов отметил, что пострижение было не ранее 1051 или 1052 г., и уточняет год, руководствуясь тем, что, судя по имени, пострижение было 11 января. Он определил годы, в которые воскресенье приходилось на это число, — 1052 и 1058 ¹⁸ — и остановился на 1058, пред-

⁹ Там же. С. 316.

¹⁰ Там же. С. 318.

¹¹ Там же. С. 314. — Переводится неточно как «заперла». См.: Житие Феодосия Печерского. С. 315; Древнерусские предания: (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 54. — Значение слова «запрети» — приказать, в данном случае в смысле запрета. См. примеры употребления по Указателю слов и форм в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 569.

¹² Там же.

¹³ Кубарев А. Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1842. Кн. 4. С. 414.

¹⁴ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 18.

¹⁵ Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901. С. 12.

¹⁶ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 104, 105 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁷ Житие Феодосия Печерского. С. 334.

¹⁸ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 434. — В расчет, давший 1052 г., видимо, вкралась ошибка. 11 января этого года была суббота. См.: Ермолаев И. П. Историческая хронология. Казань, 1980. Табл. 25, 34.

положив, что текст СЛ под 1057 г. — «Тогда бысть игумен Феодосий Печерский в Киеве» — читался в протографе иначе: «Тогда бысть пострижен Феодосий. . .».¹⁹ Это неубедительно по следующим причинам.

1. Имя было дано не при пострижении, а на восьмой день жизни. При этом Житие подчеркивает: священник дал имя Феодосию, «прозря, еже о немъ, яко хочеть измлада богу датися».²⁰ Нет оснований полагать, что этот эпизод выдуман. В тех случаях, когда Нестор не знал мирского имени, он обходился эквивалентом: «некий человекъ именемъ мирскимъ» — Антоний, «того сынъ», отрок — Варлаам, «каженикъ нѣкто» — Ефрем.²¹

2. В церковной практике во все времена известны случаи сохранения мирского имени по желанию постригаемого или монастырского начальства. В связи с этим кажется неверным мнение, что для подтверждения мирского имени приходилось ждать пострижения несколько лет, пока выпадет подходящее воскресенье. В нашем случае ожидание совершенно исключается обстоятельствами, описанными в Житии.

3. В канонических правилах церкви нет указания на обязательность пострижения в воскресенье.²²

4. Монашеское имя не было связано со святыми, как обычно было связано имя мирское.

За сообщением о свиданиях с матерью идет рассказ про боярского сына, который «часто приходаше къ преподобнымъ»,²³ т. е. к Антонию, Никону и Феодосию. Эпизод с боярским сыном связан с Изяславом (княжил с 1054 г.). Однако предыдущие события обходятся без его имени, что оставляет возможность пострижения Феодосия до 1054 г.

Князь простил монахам пострижение Варлаама, боярин простил сына, и «уже оттолѣ многымъ приходящемъ въ пещеру благословления ради еже от отецъ тѣхъ и друзии от нихъ бывааху чрънци божиею благодатию».²⁴ Этот текст, как и схожий текст ПВЛ, имеет в виду быстрый рост монастыря, но также не исключает пострижение Феодосия до вокняжения Изяслава.

Когда Никон, бывший священником, покинул монастырь, на его место Антоний поставил Феодосия.

14-е правило Шестого вселенского собора по поводу минимального возраста священника подтвердило указание Неокесарийского поместного собора: «. . . во пресвитера прежде тридесяти лет не рукополагати».²⁵ Если Феодосий родился в начале 1030-х гг., то в конце 1050-х ему было около тридцати лет. Молодость его не стала препятствием к рукоположению: учтем его образованность, подвижничество, малочисленность братии — двенадцать (ПВЛ) или пятнадцать (Житие). Заметим, что православию переживало тот ранний период на Руси, когда шло усвоение его традиций, в монастырях еще не было уставов: не случайно Феодосий-игумен послал за строгим уставом Студийского монастыря — в нем была необходимость. К тому же в истории церкви известны исключения из многих правил.

Около 1062 г. Варлаам по приказу князя стал игуменом другого монастыря. Антоний предложил сделать главой обители Феодосия: «Кто болий в вас, ак же Федосий, послушьливый, кроткый, смѣренный, да съ

¹⁹ Шахматов А. А. Разыскания. . . С. 434.

²⁰ Житие Феодосия Печерского. С. 306.

²¹ Вот как была выражена презумпция по этому поводу: «имя „Феодосий“, по всей вероятности, дано ему при пострижении вместо мирского имени, которого, очевидно, ни Нестор, ни келарь Феодор не знали» (Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский. . . С. 10).

²² См.: Книга правил. М., 1886.

²³ Житие Феодосия Печерского. С. 322.

²⁴ Там же. С. 328.

²⁵ Книга правил. С. 75, 141.

будеть вам игумен». ²⁶ Приметно, что в этой характеристике статьи ПВЛ «чего ради прозвася Печерський монастирь» нет намека на почтенный возраст. Нет его в других местах этой статьи, так же как в другой статье ПВЛ — о кончине Феодосия. Нет и в Житии. В то же время Антоний в Житии семнадцать раз назван «старцем», и не только в этикетном смысле, но с оттенком уважения к возрасту. ²⁷

Из древних правил церкви следует, что ограничения возраста для игумена не было (правило 19-е Седьмого вселенского собора ²⁸).

Несмотря на относительно недолгую жизнь, Феодосий провел в монастыре от прихода к Антонию до смерти в 1074 г. более двадцати лет — срок, достаточный для «подвигов», о которых повествует Нестор.

Для того чтобы определить, когда семья Феодосия прибыла в Курск, вспомним политическую обстановку того времени.

После битвы при Листвене в 1024 г. братья Ярослав и Мстислав разделили Русскую землю по Днепру. Левобережье отошло к Мстиславу, и киевский князь Ярослав не мог послать туда своего человека — отца Феодосия. Это стало возможным лишь после смерти Мстислава в 1036 г., когда «перее власть его всю Ярослав, и бысть самовластець Русьстѣй земли». ²⁹ В связи с этим можно предположить мотив прибытия отца Феодосия в Курск: укрепление власти князя на присоединенных землях.

Мог ли Феодосий оказаться в Курске до 1024 г.? Нет, поскольку тогда в год пострижения ему было бы не менее двадцати семи лет, а такой возраст Нестор не мог назвать юным.

Итак, семья Феодосия оказалась в Курске не ранее 1036 г. Это согласуется с юным возрастом пострижения — не ранее 1051 г. К 1036 г. можно приурочить первое письменное упоминание города Курска.

2

Для датировки упоминания Курска в историко-краеведческой и справочной литературе использовался 1032 год, выставленный на полях текста Жития в составе печатного Киево-Печерского патерика как год пострижения Феодосия. Туда он попал из Кассиановской второй редакции патерика. История возникновения этой даты достаточно сложна и противоречива. Позволим себе изложить мнения двух исследователей о причинах, породивших ее.

А. М. Кубарев сравнил списки Жития и обратил внимание на то, что в древнейших год не указан. ³⁰ В других проставлен на полях или в тексте, но киповарью, т. е. внесен посторонней рукой позже основного текста. Прочие позднейшие вставки вписаны чернилами как слова автора. Много перемени и в печатном патерике. ³¹

Датирование 1032 г. противоречит всей последовательности событий Жития и не согласно с рассказом ПВЛ, что позволяет считать эту дату ошибкой или натяжкой с целью удревить начало монастыря. Однако

²⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 107.

²⁷ К неверному толкованию возраста Феодосия может привести неточный перевод выражения «от уны вьрсты до съде» как «от юных лет и до старости». См.: Житие Феодосия Печерского. С. 383; Древнерусские предания: (XI—XVI вв.). С. 70. — Значение слов «до съде» — до сих пор, до этого места рассказа. См. примеры употребления по Указателю слов и форм в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. С. 712—713.

²⁸ Книга правил. С. 125.

²⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 101.

³⁰ См. текст древнейшего из дошедших списков в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв.

³¹ Кубарев А. М. 1) О редакциях патерика печерского вообще в ответ на статью: «Обзор редакций Киево-печерского патерика, преимущественно древних». М., 1838. С. 101; 2) Исследование о Патерике печерском и описание древнейшего харатейного списка оного. М., 1847. С. 18.

дату поддерживает следующее сообщение ПВЛ: Антоний назначил Варлаама игуменом, «а сам иде в гору, и ископа пещеру. . . , в ней же сконча живот свой, жив в добродѣтели, не выходя ис пещеры лѣтъ 40 нигда же».³²

Известно, что Антоний умер в 1072—1073 гг. Если вычесть сорок лет, то действительно Феодосий пришел к нему в 1032 г. Но ведь Антоний перешел в новую пещеру при Изяславе. И если поверить указанию на сорок лет, то умер он много позднее 1094 г., что не соответствует летописной дате смерти. Добавим, что и до вселения в пещеру, и после Антоний покидал монастырь. Один раз — из-за гнева Изяслава за пострижение Варлаама (Житие). Другой — в 1060-х гг. — он временно оставил Киев и жил в Чернигове (ПВЛ). Таким образом, указание на сорок лет безвыходного пребывания в пещере не соответствует хронике его жизни.

Древнейший сохранившийся источник биографии Антония — статья ПВЛ «чего ради прозвася Печерський монастырь». В ней говорится об одном его путешествии на Афон, возвратившись из которого он поселился в пещере Илариона в 1051 г. Древнее житие Антония утеряно, а то, что помещено в печатном патерике, составлено по тексту «сказания, что ради прозвася Печерский монастырь», помещенного в Кассиановской редакции.³³ Там говорится о двух путешествиях на Афон: из первого он вернулся в 1013 г., вновь ушел в начале княжения Святополка Окаянного (1015 г.), а возвратившись, поселился в пещере Илариона. Таким образом, с 1015 по 1051 г. он отсутствовал, и Феодосий никак не мог найти его в Киеве в 1032 г.³⁴ Оба варианта биографии Антония не подтверждают эту дату.

Предположение о ее появлении выдвинул А. М. Кубарев. Уставщик Кассиан использовал указание летописи на сорок лет. Он вычел их из года смерти Антония и получил год его вселения в пещеру. Так одна ошибка породила другую.³⁵

Кубарев предлагает пути возникновения исходной ошибки. Первоначальный текст имел вид: «. . . не выходя ис пещеры лѣтъ многа». «В таких случаях весьма обыкновенно слово „многа“ писалось сокращенно одною или двумя буквами с присоединением также одной или двух букв наверху под титлом». Переписчик «легко сделал из него одну букву М, что еще было легче, когда она была написана с титлом, и выдал ее за числительное 40. Вероятно даже, что это сделал по убеждению, рассуждая о святости мужа и не исходном его пребывании в пещере». Далее Кубарев приводит пример ошибки такого рода в Никоновской летописи, когда слово «ми» составитель Никоновской летописи принял за числительную букву М — 40.³⁶

Другой путь: «Если число лет было означено автором не числительною буквою, а словами, то я не усомнился бы вместо „не выходя из пещеры лет čtyредесать“ (ибо возможно, что слово «сорок» принадлежит переписчикам) читать „четыренадесать“».³⁷ Интересно, что Антоний прожил в последней пещере около 14 лет, хотя и покидал ее на время.

А. А. Шахматов считал исходной ошибкой указание на 1032 г. Оно и привело к вычислению неверного срока — сорока лет. Вот положения его доказательства.³⁸

В начале XII в. сведения о монастыре, в том числе материалы из Жития Антония, были собраны в Печерскую летопись, не дошедшую до нас.

³² ПВЛ. Ч. 1. С. 106.

³³ Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 434, 436.

³⁴ Кубарев А. М. Нестор. . . С. 404.

³⁵ Там же. С. 401.

³⁶ Там же. С. 398—399.

³⁷ Там же. С. 479.

³⁸ Шахматов А. А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. № 3. Отд. 2. С. 128—132, 134—135, 148—149.

Игумен Михайловского монастыря Сильвестр пользовался ею и дополнил летописный свод, составленный до него. Так отдельные изменения и факты из Печерской летописи могли попасть в последние редакции ПВЛ.

Печерская летопись была сводом, поэтому в ней могли быть и не согласованные между собой факты, и среди них — 1032 год. «...этот год читался в Печерской летописи в виде отдельного известия, помещенного вслед за известием 1030 и 1031 годов о смерти Болеслава, мятеже в Польской земле и прибытии к Антонию Моисея Угрина». В связи с приходом последнего, «по соображению Печерского летописца, к Антонию начала стекаться братия около 1031 года. . . Вот почему, и зная из Жития Феодосия, что одним из первых подвижников, прибывших к Антонию, был Феодосий, Печерский летописец признал 1032 год временем пострижения Феодосия: из Печерской летописи этот год. . . вставлен в кассиановских редакциях в текст Феодосиева жития».

Приведенные соображения вполне отвечали печерской тенденции удревнить начало монастыря. Итак, летописец с доверием отнесся к записям Жития Антония, что привело к неверному расчету сорока лет. Таково мнение А. А. Шахматова.

Ошибка в расчете была весьма заметна, и редакторы печатного патерика попытались выйти из затруднения. Они поставили два срока пребывания Антония в пещере: шестнадцать — в новой пещере (вместо сорока) и сорок — в пещере Илариона.

Сорокалетний срок отрицал Татищев, опираясь на бывшие у него, но не дошедшие до нас списки ПВЛ: «...в древнейших И или 8, а в других М или 40 положено, что неосторожностью повреждено и последнее обстоятельством сходно быть не может».³⁹

Кассиановская редакция распространила заблуждение. Из нее 1032 год попал в некоторые поздние летописи, например Густинскую⁴⁰ (составлена в 1623—1627 гг.), Новгородскую третью⁴¹ (составлена в XVIII в.).

3

В Устюжской летописи назван срок жизни Феодосия — 82 года.⁴² Приведенные выше соображения и «относительно поздний характер» источника⁴³ (первая четверть XVI в.) ставят под сомнение достоверность сообщения. Но допустим, что оно верно. Тогда в год пострижения Феодосию было бы не менее 59 лет. Условимся, что пострижение было в его молодости, т. е. поставим под сомнение приход к Антонию не ранее 1051 г. В таком случае возникает вопрос: мог ли Нестор выпустить из виду четыре десятилетия из насыщенной событиями жизни подвижника?

Если согласиться с возрастом 82 года, то при поставлении игуменом Феодосию было около 70 лет, и он был старше многих монахов. Тогда возраст как-то отразился бы в характеристике, данной Антонием, — ведь за плечами Феодосия было бы полвека праведной жизни.

Любопытна одна деталь из рассказа о его кончине. Умер он 3 мая, а Пасха в этом году была 20 апреля. Уже во время Великого поста он заболел (почувствовал приближение смерти) и на четырнадцатый день по окончании поста после жестокой болезни скончался. Долгий пост, строжайше соблюдавшийся им, и болезнь сломили его, а не старость. Это видно и потому, с каким удивлением монахи встретили его последние наставления: «Что убо сий сичево глаголетъ? Еда, къде отшдь, съкрытися хочеть

³⁹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 4. С. 422, примеч. 187.

⁴⁰ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 266.

⁴¹ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 210.

⁴² ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 28, 67.

⁴³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 191.

въ тайнѣ мѣстѣ, ти жити единѣ и намѣ не вѣдущемѣ его». ⁴⁴ Братия не была подготовлена к смерти пастыря его старостью.

Сопоставим 82 года с возрастом другого действующего лица Жития. Когда Феодосий пришел к Антонию, тот «повелѣ великому Никону острѣщи ѿ, прозвутеру тому суццю и чьрноризццю искусьну». ⁴⁵ Эта поздняя оценка Никона — редактора летописного свода 1073 г. — хотя бы отчасти относится и к более раннему периоду жизни и свидетельствует о том, что Феодосий был моложе Никона: «яко отца его себе имѣяшеть». ⁴⁶ В этих словах, конечно, отражено и почтение младшего «брата» к старшему. Если согласиться с возрастом 82 года, то Никон прожил много более ста лет (умер в 1088 г.). Такое редкое долгожительство могли бы заметить: это касалось памяти высокочтимого человека. Например, в печатном патерике отмечен возраст Антония — 90 лет. В статье ПВЛ о начале монастыря подчеркнут древний возраст монаха Еремии, «иже помняше крещенье землѣ Русьскыя». ⁴⁷ Приняв 82 года, следует допустить, что Никон также должен бы помнить время крещения. Нестор, замечавший, как и все агиографы, малейшие признаки «святости», мог упомянуть об этом. Последнее рассуждение носит, конечно, предположительный характер.

Все вместе данные объяснения убеждают в неверности сообщения Устюжской летописи, которое не согласуется с материалами Жития и ПВЛ.

Предложим путь появления сообщения о 82-летнем сроке жизни. В Устюжской летописи (Архангелогородский летописец) сообщение о смерти выглядит так: «. . . преставися в лета 6582, мая в 3 день; жив лет 82». ⁴⁸ Заметим, что последние две цифры года и срок жизни совпадают. Случайно ли? В других летописях год пишется так же полно, но встречается сокращение: «В лето 582» (Летописный свод 1497 г.). При переписке запись могла стать еще короче и принять такой вид: «В лета 82 преставился. . .». В таком случае легко принять дату за срок жизни. Ошибка или попала в Устюжскую летопись из общерусского источника, нам не известного, или же сделана самим ее составителем. При этом у составителя и переписчиков запись не вызвала сомнения: преклонные лета соответствовали образу мудрого, авторитетного наставника русского монашества.

Таким образом, при современном состоянии материала трудно было бы дать однозначный ответ на поставленные вопросы, касающиеся даты рождения Феодосия Печерского. Цель нашей статьи заключалась в том, чтобы обратить внимание на существующие трудности в данном вопросе и предостеречь от одностороннего его решения.

⁴⁴ Житие Феодосия Печерского. С. 386.

⁴⁵ Там же. С. 318.

⁴⁶ Там же. С. 342.

⁴⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 126.

⁴⁸ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 67.

С. ФРАНКЛИН

К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык

Хроника византийского монаха Георгия Амартола («Грешника») занимает видное место среди памятников переводной литературы Древней Руси. Она представляет собой не только изложение важнейших (с точки зрения византийского монаха) событий мировой истории, но и своеобразную энциклопедию научных, философских и этических учений. Славянская версия Хроники Амартола хранится в десятках рукописей, отрывки из нее вошли в состав многочисленных хронографов и хронографических компиляций.¹ В киевское время авторы ПВЛ, а также и авторы более ранних летописных и хронографических сводов не раз обращались к Хронике: отсюда они черпали и ценные сведения об истории русско-византийских отношений, и обильные фактические материалы, которые они приводили для того, чтобы подкреплять при помощи исторических аналогий свои взгляды на текущие события.

Благодаря усилиям нескольких поколений ученых литературная судьба Хроники Амартола на русской почве известна во многих подробностях. Однако вопрос о происхождении самого перевода — вопрос о том, когда, где и кем Хроника была переведена, — до сих пор остается спорным.

Научная полемика по данному вопросу разворачивалась главным образом вокруг языковых особенностей сохранившихся редакций перевода. Язык перевода — церковнославянский, но (в сохранившихся списках) со значительной восточнославянской окраской. Этот восточнославянский элемент исследователи расценивают по-разному. Одни утверждают, что русизмы восходят к первоначальному переводу, который поэтому должен был быть осуществлен на Руси, по всей вероятности, во второй половине XI в., при Ярославе Мудром.² Другие возражают, что русизмы — мнимые, что в большинстве случаев они могли появиться и в южнославянской среде, а те немногие черты перевода, которые бесспорно нужно признать восточнославянскими, могли быть введены позднейшими писцами и редакторами. Сам перевод возник в Болгарии, в X в.³ Третьи же как будто примиряют обе стороны: они признают наличие и русизмов и бол-

¹ Издание Хроники: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг.; Л., 1920—1930. Т. 1—3. — О Хронике Амартола и древнерусской хронографии см.: Торогов О. В. Древнерусские Хронографы. Л., 1975. С. 98—110.

² См.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. . . Т. 2. С. 269—309; Т. 3. С. V—L; Розов В. Рец. на кн. Вейнгарт // Slavia. Praha, 1925. Т. IV, 2. С. 364—370.

³ См.: Лавров П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина // Slavia. Praha, 1925. Т. IV, 3. С. 461—484; Т. IV, 4. С. 657—683; ср.: Dostál A. Slovanský překlad byzantské kroniky Georgiá Hamartola // Slavia. Praha, 1963. Т. XXXII. С. 375—384.

гаризмов и допускают, что Хроника могла быть переведена на Руси с участием болгарских переводчиков.⁴

Несмотря на огромную, кропотливую работу В. М. Истрина, М. Вейнгарта, П. А. Лаврова и др.,⁵ их выводы остаются весьма шаткими. Ведь очень многое зависит от наших предположений о том, кто мог бы употреблять те или иные языковые формы, те или иные стилистические обороты в переводе, тогда как в области переводной письменности X и XI вв. мы не располагаем достаточным количеством точных языковых ориентиров. Язык перевода Хроники Амартола — в основном церковнославянский; но это еще не значит, что над переводом работал болгарин в Болгарии. В сохранившихся списках обнаруживаются русизмы; но из этого не обязательно следует, что Хроника была переведена древнерусским книжником на Руси.

В недавнее время Н. А. Мещерский предложил не языковедческое, а текстологическое решение проблемы.⁶ Ссылаясь на работу Э. Г. Зыкова о болгарских известиях в ПВЛ, Н. А. Мещерский выдвинул интересную гипотезу, согласно которой данные отрывки из Хроники Амартола вошли в Повесть «через болгарскую летопись времени царя Симеона». Следовательно, по мнению Мещерского, «Хроника была первоначально переведена на древнеславянский литературный язык в Болгарии в X в., отразилась затем в не дошедшей до нас болгарской летописи, а в XI в. была подвергнута основательной редакционной переработке в Киевской Руси». Гипотеза Мещерского, как увидим, также вызывает серьезные сомнения.

В настоящей работе мы не ставим себе задачей прийти к твердому, решительному ответу на вопрос о происхождении перевода Хроники Амартола. Предлагаем лишь некоторые дополнительные замечания. Надеемся, что они могут оказаться полезными для дальнейшей разработки проблемы.

Начнем с хронологии. Когда была написана Хроника Георгия Амартола? Вопрос, кажется, простой; но как только углубляемся в него, мы сразу же сталкиваемся с рядом осложнений. Как известно, монах Георгий не является единственным автором Хроники. Сам Георгий жил и работал в середине IX в. и довел свое повествование только до 842 г., до начала царствования Михаила III, когда официально и окончательно восстановилось почитание иконам. Эта хроника с изложением событий от сотворения мира до 842 г. и есть подлинная Хроника Георгия Амартола.⁷ То произведение, которое затем распространилось в славянском переводе, представляет собой не Хронику Георгия, а хронографическую компиляцию, составленную из двух основных частей: Хроники Георгия и другой хроники до смерти Романа I в 948 г. Эта вторая хроника обычно приписывается Симеону Логофету, или просто Логофету. Она известна и в отдельных списках (под разными названиями), и в сочетании с хро-

⁴ См.: Weingart M. Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Bratislava, 1922—1923. Т. 1. С. 84—95; Т. 2. С. 500—521; Дурново Н. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола // Slavia. Praha, 1925. Т. IV, 3. С. 446—460.

⁵ См. о синтаксисе перевода: Копыленко М. М. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола // ВВ. М., 1957. Т. 12. С. 232—241; Bräuer H. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur — Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1959. Т. 27. С. 322—347.

⁶ Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978. С. 75—78; ср.: Зыков Э. Г. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источники // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 48—53.

⁷ См.: Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor. В. 2. Т. Lipsiae, 1904; см.: Weingart M. Byzantské kroniky. . . Т. 2. С. 5—60; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Т. 1. С. 347—351.

ником Георгия.⁸ Хроника Логофета (и, следовательно, греческий оригинал славянского перевода «Хроники Амартола») не могла быть написана до 948 г. Также она не могла быть написана после 1013 г., ибо в том году Лев Грамматик уже работал над первой сохранившейся датированной рукописью Хроники.⁹

Славянская версия той сводной компиляции, которую условно называем Хроникой Амартола, уже существовала не позже середины XI в. Во-первых, отрывки из нее вошли в состав Хронографа по великому изложению, который служил одним из источников Начального свода.¹⁰ И, во-вторых, следы подобного (или того же самого) хронографического произведения с отрывками из Амартола обнаруживаются и в более ранних слоях летописи (в «Речи философа», в статьях под 1054 и 1073 гг. и пр.).¹¹

Оригиналом для славянского перевода служила не первоначальная греческая редакция, а более поздняя, с некоторыми значительными вставками. Еще на византийской почве греческий редактор внес в текст Хроники Логофета серию вставок, рассчитанных на то, чтобы увеличить историческую роль знатной семьи Фоки. В таком переработанном виде — и в сочетании с Хроникой Георгия — Хроника перешла в славянскую культуру. В одной из вставок редактор попутно отмечает, что Никифор Фока стал затем императором. Поскольку Никифор Фока царствовал с 963 до 969 г., данная греческая редакция датируется не раньше 963 г.¹²

Тот греческий список, который лег в основу славянского перевода, отличался от всех сохранившихся греческих списков Хроники: он был богат иллюстрирован. Иллюстрации к греческому оригиналу частично отражаются в иллюстрациях к Тверской (Троицкой) рукописи славянского перевода.¹³ Не исключено, что византийская традиция иллюстрированных хроник восходит к VI в., а может быть, и к более ранней эпохе. В пользу древности традиции выступает крупнейший знаток византийского искусства К. Вайцман.¹⁴ Однако остроумно аргументированная гипотеза Вайцмана, на мой взгляд, слишком натянута. Помимо нескольких скудных и спорных фрагментов до нас дошли только три списка византийских хроник с иллюстрациями: один из них греческий (мадридский список произведения Скилицы) и два — славянские (Хроника Ма-

⁸ См.: Васильевский В. Хроника Логофета на славянском и греческом // ВВ. СПб., 1895. Т. 2. С. 78—151; Шестаков С. П. О рукописях Симеона Логофета // ВВ. СПб., 1898. Т. 5. С. 19—62; Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // ВВ. М., 1959. Т. 15. С. 125—143; Маркопулос А. Ф. 'Η Χρονογραφία του Ψευδοζοζιμῶν καὶ οἱ πηγές της. 'Ιωάννινα, 1978; ср.: Weingart M. Byzantische Chronik. . . Т. 1. С. 63—68; Т. 2. С. 42—60; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Т. 1. С. 354—357.

⁹ См.: Васильевский В. Хроника Логофета. . . С. 121—123; Voog C. de. Theophanis Chronographia. Hildesheim, 1963. Т. 2. С. 376—383.

¹⁰ См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99—113.

¹¹ См.: Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1982. New Series. Т. 15. С. 1—27; см.: Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 11—14.

¹² См.: Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // ВВ. М., 1959. Т. 15. С. 125—143; Маркопулос А. Le témoignage du Vaticanus Gr. 163 pour la période entre 945—963 // Σύμμεικτα. 'Αθήνα, 1979. Т. 3. С. 83—119; см.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 522/10; Т. 2. С. 20/20.

¹³ См.: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980. С. 44—53; см. также рукопись № 18 в описании, там же и литература вопроса.

¹⁴ См.: Weitzmann K. Illustrations for the Chronicles of Sozomenos, Theodoret and Malalas // Byzantium. Boston, 1944. Т. 16. 1942—1943. С. 87—134. — Гипотезу Вайцмана принимает О. И. Подобедова. См.: Подобедова О. И. Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке Хроники Георгия Амартола // Actes du XIV Congrès International des Etudes Byzantines (Bucarest, 6—12 Sept. 1971). Bucarest, 1974. С. 373—390.

насси в болгарском переводе XIV в. и Тверской список Хроники Амартола).

Хронист Иоанн Скилица жил в XI в., а мадридская рукопись восходит к протографу XII в.¹⁵ В том же XII в. была написана Хроника Манасси. Об иллюстрированных византийских хрониках до XI в. надежных сведений нет. Наоборот, миниатюры в рукописях исторического содержания — явление как раз типичное для XI—XII вв.: помимо хроник к XI в. восходит и архетип всех пяти знаменитых лицевых списков Восьмикнижия (Октатевха).¹⁶ Было бы крайне рискованно предположить, что греческий оригинал славянского перевода Амартола был снабжен иллюстрациями раньше XI в.

В этой связи примечательно и художественное оформление Тверской рукописи. Ее миниатюры обведены рамками, и они вмещаются, прерывая текст, в столбец. Данная особенность оформления также становится типичной в византийских рукописях XI в.¹⁷

Таким образом, следует по внешним признакам отнести греческий оригинал Тверской рукописи скорее к XI, чем к X в.¹⁸

Отметим еще одну особенность сохранившихся памятников иллюстрированной византийской хронографии: все три указанные рукописи связаны не непосредственно со столицей империи, а с заграничными центрами.¹⁹ Как объясняется эта любопытная общая черта? В каких условиях изготовлялись эти редкие «люксовы издания»? Перевод и художественное копирование такой незаурядной, роскошной рукописи, какой был греческий оригинал Тверского списка Амартола, вряд ли входили в состав обыкновенных переводческих и миссионерских задач. Английский кодиколог Н. Уильсон рассматривает данную проблему в контексте византийской дипломатической деятельности.²⁰ По мнению Уильсона, протографы сохранившихся списков действительно хранились в императорской библиотеке, а копии с них были привезены византийскими послами в подарок заграничным властям: к таким «подарочным» экземплярам восходят те памятники иллюстрированной хронографии, которые дошли до нас. Известно, например, что в 1158 г. императорские послы привезли в Сицилию норманнскому королю набор рукописных книг, в числе которых, по мнению Уильсона, находился лицевой список Хроники Скилицы.

Допустим, что судьба иллюстрированных списков Хроники Амартола протекала примерно в том же русле. Поскольку сам текст искомой редакции Хроники Логофета (не говоря уже об иллюстрированной копии сводной хроники Логофета с Амартолом) не сложился до 963 г., древнеболгарское происхождение перевода становится еще менее вероятным. После 60-х гг. X в. трудно найти в византийско-болгарских отношениях событие, которое служило бы поводом для такого дипломатического жеста. В византийско-русских отношениях, наоборот, таких случаев много. Можно

¹⁵ См.: Wilson N. G. *The Madrid Scylitzes // Scrittura e Civiltà*. Torino, 1978. Т. 2. С. 209—212.

¹⁶ См.: Weitzmann K. *Studies in Manuscript Illumination*. Princeton, 1948. Т. 3. С. 30—38; Huber P. *Bild und Botschaft: byzantinische Miniaturen zum Alten und Neuen Testament*. Zurich, 1973. С. 15—108, 183—187; ср.: Loden J. H. *The Production of the Vatopedi Octateuch // Dumbarton Oaks Papers*. Washington, D. C., 1982. Т. 36. С. 115—126.

¹⁷ См.: Weitzmann K. *Illustrations in Roll and Codex*. 2-е изд. Princeton, 1970. С. 97 и след. — Об укреплении связей между миниатюрой и текстом в XI в. см.: Лихачева В. Д. *Искусство книги: Константинополь, XI век*. М., 1976.

¹⁸ В стиле миниатюр Д. Айналов обнаруживает следы византийской художественной манеры IX—X вв.; см.: Айналов Д. *Летопись Георгия Амартола (Криница): выставка бывшей Троице-Сергиевой Лавры, № 100 // Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines*. Belgrade, 1929. С. 127—135. — Здесь же речь идет не об иконографических источниках, но о времени составления рукописи.

¹⁹ Исполнение мадридской рукописи — сицилийское; см. ниже.

²⁰ См.: Wilson N. G. *The Madrid Scylitzes*.

указать хотя бы на обращение Владимира I в христианство,²¹ на прибытие митрополитов-греков, на освящение Киевской Софии или на брак Всеволода Ярославича с византийской княгиней.

Другой вопрос — национальность переводчиков. Пусть Хроника Амартола была переведена в XI в. и пусть славянская версия была предназначена для использования в Киевской Руси: в переводческом деле все равно мог бы участвовать болгарин, причем он мог бы заниматься своим трудом или на Руси, или даже в Константинополе.

Вернемся к спорам о языке перевода Хроники. В. М. Истрин обратил особое внимание на слово «Судъ», которое в Хронике употребляется как эквивалент (перевод или глосса) греческих топонимов Ἰερόν и Στερόν.²² Στερόν обозначает или Босфорский пролив, или его берега, или (редко) залив Золотой Рог. Ἰερόν — название местности на азиатском берегу Босфорского пролива и, так же как и Στερόν, общее название самого пролива. Слово «Судъ» восходит к скандинавскому sundr (пролив).²³ По мнению Истрина, оно заимствовано переводчиком Хроники (и авторами других древнерусских текстов) из военно-народной лексики, у людей, которые хорошо знали морской путь из Киева в византийскую столицу.

П. А. Лавров справедливо возражал, что топоним «Судъ» можно приписывать не переводчику, а позднему редактору.²⁴

Однако есть и другие «устные» топонимы в переводе Хроники Амартола, которые свидетельствуют об исключительно хорошем знакомстве с северными приморскими окрестностями Константинополя, но которые не так легко объясняются, как вставки редактора.

Что такое «устный топоним»? В данном случае имеются в виду не словарные русизмы («Судъ» — словарный русизм), а отражения разговорного языка Византии. Например, в древнерусском переводе Жития Василия Нового на месте греческого Ἰερόν стоит не «Судъ», а на первый взгляд непонятное слово «Стегеръ». По меткой гипотезе А. И. Соболевского,²⁵ форма «Стегеръ» образовалась на основе греческого разговорного произношения, из выражения εἰς τὸ Ἰερόν: Ἰερόν > *gero/jero (потеря конечного согласного; стирание различия между g и j);²⁶ Εἰς τὸ ἰερόν > *(1) stogero > Стегеръ (ср. Εἰς τὴν πόλιν > Istanbul > Стамбул).

Аналогичные формы встречаются в переводе Хроники Амартола (ссылки на издание Истрина).

«Испигасъ» и даже «Спигасъ»:

2, 29/4: εἰς Πηγάς διεπέρασε

1, 531/12: въ Спигасъ преиде

2, 49/34: ἐν τοῖς τόποις... τῶν Πηγῶν

1, 555/1—2: на мѣстѣх... въ Испигасъ

2, 50/11—12: τὰ παλάτια τῶν Πηγῶν

1, 555/13: полаты, сущии въ Испигасъ

2, 49/28: τὰ τῶν Πηγῶν παλάτια

1, 554/24: полатии, сущии въ Испигасъ.

В последнем примере слово «Испигасъ» находится в непосредственном соседстве со словом «Судъ»: (в узмѣни, рекше по Судови). Πηγαί — район на северном берегу Золотого Рога.

²¹ Напомним, что в сущности летописная «Речь философа» также является конспектом мировой истории.

²² См.: Истрин В. М. 1) «Судъ» в летописных сказаниях о походах русских князей на Царьград // ЖМНП. 1916. Т. 61. № 12. С. 191—198; 2) Хроника Георгия Амартола... Т. 2. С. 291—293.

²³ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1971. Т. 3. С. 794 (вопреки предложению Истрина).

²⁴ См.: Лавров П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. С. 681.

²⁵ См.: Соболевский А. И. Что такое Стегеръ? // ИОРЯС. 1918. Т. 23. № 1. С. 187.

²⁶ Ср. формы «генварь»; «Еюеть»; «Ерманикия» (< Γερμανικία).

«Испилась»:

изд. де Боора, 770/22: ἐξέπλευσεν εἰς Πύλας
2, 485/9—10: отиде в олядии въ Испилась.

«Устными» топонимами являются, по всей вероятности, и следующие формы:

Фаро (от Φάρος 1, 516/17; 550/19; 567/7)
Еро (от Ἰερὸν 1, 567/12; см. выше о *gero/jero).

Все перечисленные слова относятся к приморской топонимии Константинополя и его окрестностей, и все они находятся в тесной связи (географической и текстуальной) с подлинным русизмом «Судь». Можно считать поэтому, что и «Судь», и указанные «устные» топонимы возникают в переводе под пером одного и того же человека — человека, который располагал довольно точными сведениями о современной разговорной (русской и греческой) топонимии морского пути в Византию.²⁷

Почему мы предпочитаем приписывать эту лексическую группу переводчику, а не редактору? Правомерность нашего предположения наглядно проступает на фоне других «устных» элементов в переводе Хроники Амартола. Для переводчиков Хроники, как и для средневековых книжников вообще, грани между письменным и устным словом не вычерчены так ясно и последовательно, как для читателя в наше время. Письменные тексты обычно читались вслух. Звуковая формация слова могла оказать на работу переводчика и писца влияние не менее значительное, чем его зрительный, письменный вид. Отсюда возникают многочисленные ошибки, вызванные неправильным пониманием омонимических пар: переводчик вкладывает в свой текст не смысл греческого оригинала, а смысл предполагаемого омонима.²⁸ В этом отношении особенно показательны случаи неточной омонимии: произношение б у к в предполагаемого омонима соответствует произношению б у к в оригинала, тогда как с л о в а отличаются друг от друга не только по смыслу, но и по произношению (например, разница в ударении: ἐπεισὶ μοι > нарочити, от предполагаемого омонима ἐπίσθημοι; αἰδοὶ > подобаше, от предполагаемого омонима ἔδει, и т. п.).²⁹

Выше мы указали на примеры нестандартной транскрипции некоторых имен собственных в переводе Хроники. Как известно, имена собственные часто портятся в переводах и в рукописной традиции.³⁰ Тем не менее мы предположили, что данные формы появились не вследствие порчи в тексте (греческом или славянском), а вследствие добросовестной работы хорошо осведомленного переводчика. Они заимствованы из разных слоев устного языка. Несколько по-другому надо подходить к примерам неправильной транскрипции, которые появляются по омонимическим причинам. Подобные ошибки свидетельствуют скорее о п л о х о й осведомленности переводчика. Любопытно при этом, что наш переводчик допускает ошибки омонимического типа тогда, когда речь идет, во-первых, о географии более южных и западных окрестностей Константинополя и, во-вторых, о б о л г а р с к о й истории:

2, 56/24 μετὰ τοῦ Ἐρδόμεου > 1, 562/11 до Еоудома.

²⁷ См. также информацию в переводе (но не в сохранившихся греческих списках) о том, что Фарос является не только маяком, но и «стражницей» (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. . . Т. 1. С. 567/7): для византийского хрониста Фарос указывает путь домой; древнерусскому переводчику Фарос известен как часть константинопольской системы обороны и контроля над приезжающими.

²⁸ См. список подобных ошибок: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. . . Т. 2. С. 155—157.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Ваар А. Н. van den. A Russian Church Slavonic Kanonik. The Hague, 1968. С. 252—254; Franklin S. The Empire of the Rhomaioi as viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion. Bruxelles, 1983. Т. 53.

Видимо, переводчик «слышал» мнимую форму Εὐδόμεν и поэтому допустил чисто книжную ошибку.

изд. де Боора, 774/19—20: τοῦ ἀρχηγοῦ αὐτῶν Κροόμενου > 1,
487/17: князя (их) Аптокроумля.

Трудно себе представить, что болгарский переводчик не узнал бы имя знаменитого болгарского князя Крум.

Наши замечания — по поводу хронологии греческих редакций, по поводу художественного оформления протографа и по поводу некоторых языковых особенностей перевода — придают, на наш взгляд, еще большую убедительность гипотезе В. М. Истрина, усиливают связь перевода Хроники Амартола именно с XI в., с Киевской Русью. Но все-таки нельзя считать, что вопрос о времени и месте перевода Хроники решен. Более того, в какой-то мере решение вопроса является менее значительным, чем сама трудность его решения, чем сосуществование различных вполне правдоподобных выводов. Естественно, что современные исследователи пытаются восстановить со всевозможной точностью историю текстов, что они заботятся о проблемах происхождения, о проблемах «локализации» во времени и в пространстве. Но вместе с тем мы не должны упускать из виду то, что средневековые книжники не всегда разделяли наши современные научные заботы. Если при всех стараниях стольких ученых мы все еще не можем с полной уверенностью отнести перевод Хроники Амартола к X или к XI в., к Болгарии или к Киевской Руси, мы тем самым доказываем не только ограниченность современной науки, но и единый, сверхнациональный характер древнеславянской книжной культуры.

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоани Кантакузин. Диалог с иудеем. Славянский XIV в. и современный переводы

Слово первое

Византийский государственный деятель, в 1347—1354 гг. император, затем, в монашестве, писатель, историк и публицист, Иоани VI Кантакузин¹ (в иноческом чину Иоасаф) (ок. 1295—1383) имеет прямое и важное отношение к истории Руси как политик. Едва придя после длительной гражданской войны (1341—1347 гг.) к власти в Константинополе, он стал добиваться объединения расколотых Ордой, Литвой и Польшей русских земель вокруг Москвы, о чем свидетельствует ряд его грамот русским князьям и русскому митрополиту Феогносту.² Этой его политике верно следовали константинопольский патриарх Филофей Коккин, тоже активно занимавшийся русскими делами (1354—1355, 1364—1376 гг.), и митрополит Киевский и всея Руси Киприан (1375—1406 гг.).³ Кантакузин мечтал о сплочении перед лицом турецкой угрозы всех православных стран и о сближении их также с западным христианским миром, об унии православной и римско-католической церквей, но только — на основе единства в вере и взаимоуважения.⁴

Как политик Кантакузин очень со многим не справился: он не смог завершить отвоевание у латинян остатков Латинской империи в Греции и на островах — православной реконквисты, не смог преодолеть междоусобной борьбы в самой Византии, оказался не в силах воспрепятствовать завоеванию турками-османами Малой Азии и вторжению их в Европу. И тем не менее он являет собой одну из наиболее значительных исторически и по-человечески ярких фигур поздней Византии. В отличие от правивших до и после него императоров из династии Палеологов, делавших безнадежные попытки найти помощь гибнущей стране на католическом Западе, он сделал — не менее, как мы знаем, безнадежную — попытку найти ей помощь или опору в самом православном мире. Он поддерживал традиционные силы в византийской культуре, и благодаря этой его поддержке, во многом благодаря ей, в Восточной Европе произошло то, что, мне кажется, можно назвать Православным возрождением.⁵

¹ См.: Weiss G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.

² См.: РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Приложения. № 3—6; Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Byzantino-Russian relations in the fourteenth Century. Cambridge, 1981. P. 155—158.

³ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

⁴ См.: Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. // ВВ. М., 1968. Т. 29. С. 318—341.

⁵ См.: Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 4—17.

Сменив в 1355 г. императорское облачение на монашеское, Кантакузин направил свою недюжинную энергию главным образом на литературные труды. Монахом он прожил около тридцати лет. Наиболее творчески активен он был в 1360—1370-х гг. В это время (не позже 1369 г.) он завершил свои знаменитые (по до сих пор не переведенные на русский язык!) мемуары и написал целый ряд полемических работ.⁶ По словам патриарха Филофея, хорошо его знавшего, Кантакузин был «готов научить догматам всякого желающего научиться и побеседовать с ним».⁷ Филофей, очевидно, имеет в виду то, что лежит в основе диалогов Кантакузина: тот оформлял как литературные произведения свои беседы с «инакомыслящими» и «инаковерующими» и, вручая переписчикам, выпускал в свет. Благодаря такой своей общественной деятельности и литературной активности он, несомненно, возымел значительное влияние на умы; видимо, его читали; в 1367 г. папский легат Павел, прибывший в Константинополь, уподобил его «вертелу, на котором все, как куски мяса, висят», так что достаточно, дескать, ему сдвинуться (со своей независимой по отношению к Западу позиции), чтобы все повернулось.⁸ Схожим образом характеризует его другой его современник, латинский архиепископ Фив (с 1366 г.) Симон Атуmano. Он посвятил ему ямбические стихи, в которых хвала сочетается с точностью портретной зарисовки, причем акцент делается как раз на том, что добрым и умным словом Кантакузин одерживает теперь не меньше побед, чем прежде оружием. Свой перевод этих стихов предваряю греческим их оригиналом и славянским их переводом XIV в., извлекая их из рукописей, о которых дальше пойдет речь.

ΣΙΜΩΝΟΣ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΘΗΒΩΝ

Ἐπιλοῖς κραταιοῖς ἐλκίνας ζυγῶ στίφη,
ἀνευδύτους, φεῦ, ἀχένας κάμψας κράτει,
κατακλύσας δὲ δωτίνις εἶδος ἅπαν,
ἀνδρῶν, γυναικῶν, καὶ τέπων, καὶ ταγμάτων,
νῶν ἐθνικῶν εἵργασται, ὃ σκιᾶς λάτρη,
προφητελάτοις χαλινοῖς γνάφους στρέφων.

Εἶ τοῦ παθόντος τῷ νικηθῆναι λόγῳ.

Ἄλλοις χρόνοις ἤκουσε πολλὰ πολλὰ σοὶ
τελοῖεν εὐχαῖς ἀλαλαζόντων ἔτη.
Θυροῖσι τὸ νῦν δὲ τοῖς ἀπειροῖς τῶν χρόνων,
ὁ στρατιώτης, ὁ στρατηγὸς ὁ βρέμων,
Καντακουζηνὸς ὡς ἀναξὶ Ἰωάννης,
σεπτοῖς τε σοῦζῶν ἀγίοις Ἰωάσαφ.

Τάξει πάσῃ γὰρ ἐξέλαμψεν ἐλλόγως.

(Vatopedi 346, f. 323b)

СИМОНА АРХИЕПИСКОПА ФИВ'СКАГО

непрѣст дръжавными привлѣкъ игомь множество,
Оружиианними, уви, вые прѣклонивъ дръжавою,

⁶ См.: Nicol D. M. The byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenos) ca. 1100—1460. A genealogical and prosopographical Study. Washington, 1968. P. 98—100 (Dumbarton Oaks Studies XI).

⁷ Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Ἐν Πετροῦπόλει, 1898. Τ. Ε'. Σ. 337.

⁸ Me y e n d o r f f J. Projets de Concile oecumenique en 1367: Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et la légat Paul // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1960. T. 14. P. 174; Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина. . . С. 331.

укротив' же дармы видь в'сакъ,
 мужъ, женъ, и мѣста, и чины,
 ныня добропобѣждае съдѣлаетъ, о правилу служителю,
 пророкованными брѣздами челюсти обращаетъ.

Благо же прѣтворшомусе еже побѣждену быти словомъ!

Въ многихъ лѣтѣхъ слыша, многа многа тебѣ лѣта
 да съврѣшаются мол'бами въсклицающихъ.
 Да словит' же се ныня въ безмѣрныхъ лѣтѣхъ
 воинь, воевода прѣтеи
 Кантакузинь яко царь Иоаннь,
 съ чѣстными же живы святыми Иоасафъ.

Чином' бо в'сакымъ просиа честно.

(Венская королевская библиотека,
 № 34, л. 178—178об.)

Оружьемъ крепкимъ игу многихъ покорил,
 упорствующимъ шею силой преклонивъ
 и затопивъ дарениями всехъ кругомъ,
 мужей и женъ, пространства и чины.
 Теперь добромъ берешь ты верхъ, о тени рабъ,
 пророческою всеми правящий уздой.

Добро тому, кто былъ словами побежден!

Въ другие времена онъ часто слышалъ гласъ
 молившихся объ умноженьи его летъ.
 Такъ пусть пребудетъ въ беспредельности временъ
 прославленъ Кантакузинъ, воинъ и стратегъ,
 какъ властелинъ носившій имя Иоаннъ,
 честныхъ сожитель же святыхъ — Иоасафъ.

Во всякомъ чинѣ ведь онъ разумомъ блеснул!

При Кантакузине и при его участии происходили знаменитые «исихастские» споры, въ которыхъ аскеты-созерцатели и ихъ сторонники защищались отъ нападковъ со стороны людей гуманистическаго образа мыслей и рационалистическаго западническаго ориентации. Онъ немало способствовалъ тому, что практика монаховъ-исихастовъ перестала быть только келейнымъ явлениемъ, обрела теоретическое выражение — теорию «божественной энергии», и теория эта сделалась общеправославною, а энергичные деятели изъ лагеря исихастовъ достигли международной политической арены въ Восточной Европѣ.⁹ Исихастское движеніе XIV в., одной изъ ведущихъ фигуръ котораго Кантакузинъ сталъ, какъ всякое достаточно развитое общественное движеніе, требовало если не новыхъ ответовъ на старыя «вѣчныя» вопросы, то, по крайней мѣрѣ, новаго, «современнаго» изложенья старыхъ ответовъ. Это и толкало Иоанна—Иоасафа къ словеснымъ баталиямъ. Действительно, онъ «училъ догматамъ» и папскаго легата, и рядъ западниковъ-грековъ, и турка-перебежчика, и случайно встрѣченнаго еврея, стараясь «пророкованными брѣздами», какъ сказано въ славянскомъ переводѣ стиховъ Симона Атуmano, повернуть въ нужную сторону ихъ «челюсти». Однако же выборъ оппонентовъ для литературныхъ диалоговъ Кантакузина, можетъ быть, не былъ случайнымъ: съ одной стороны, они были обращены къ едино-

⁹ Подробнее см.: Прохоровъ Г. М. Исихазмъ и общественная мысль въ Восточной Европѣ въ XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 26. С. 86—108.

верцам тех, с кем он спорил, с другой — к «ромеям», которым он давал тем самым образцы идеологического самоопределения по отношению к католическому Западу, к мусульманскому Востоку, к иудаизму и пр.

Для историков Византии Кантакузин — в первую очередь историограф. Современных же ему славян заинтересовала другая сторона его литературного творчества — полемическая. Для перевода были избраны, очевидно, наиболее важные для них слова-диалоги — в защиту христианства от мусульман и иудеев. В 1543 г. в Базеле был издан латинский перевод «слов» против мусульман (*Assertio contra mohammedicam*), в XIX в. в греческой серии Патрологии Миня, в 154 т. (кол. 371—692), этот латинский перевод был переиздан параллельно с греческим оригиналом «слов».

«Слова» против иудеев представляют собой обычный для полемического творчества Кантакузина сократический диалог. Этот диалог интересен и в литературном отношении, и в историческом: Кантакузин — умелый стилист с хорошим чувством композиции, и ему удается спору о вере придать динамизм и занимательность. Во многом это объясняется тем, что истолкование пророческих слов и ветхозаветных образов, опирающееся, несомненно, на традицию (традиция же эта многовековая, восходящая к «Восьми словам против иудеев» Иоанна Златоуста, «Разговору с Трифоном Иудеем» Юстина Философа и Посланию к Евреям апостола Павла), сочетается у него с примерами, взятыми из окружающей его реальности. Так, например, он говорит (во втором «слове») как о чем-то хорошо известном его собеседнику об обычной реакции тех, кто слышит чтение императорского приказа (они встают, криками восхваляют императора и, склоняя голову, возлагают на нее его грамоту), об отношении к образам, отчеканенным на монетах, о первенствующем значении хлеба в повседневной пище и пр. Есть основания думать, что с этим произведением Иоанна Кантакузина был знаком — очень, заметим, начитанный — автор русского «Слова о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго».¹⁰

Себя как сочинителя Кантакузин называет здесь «монахом Христодулом», а своего собеседника — «Ксеном». «Христодул» буквально значит «Христов раб», а «Ксен» — «чужой», или же «гость». Вероятно, имя собеседника — тоже псевдоним.

Случайная встреча, при которой завязался легший в основу этого произведения разговор, произошла, как сообщает автор, во время одного из визитов экс-императора-монаха (он пишет о себе, как принято, в третьем лице) на Пеллопонес. Действительное событие могло иметь место в 1361—1363 гг., в первый после пострижения приезд Кантакузина в Грецию, в Мистру, к правившему там сыну Мануилу,¹¹ или же позже, но не позднее начала 70-х гг., так как в первой половине этого десятилетия уже был сделан ряд копий этого диалога: *Vatic. gr. 686*, 1373 г.; *Zurich Stadtbibliothek 170 (C 27)*, март 1374 г.; *Marc. gr. 476*, июнь 1374 г.; *Paris. gr. 1242*, 1370—1375 гг.¹² В XIV в. были написаны также *Vatic. gr. 685* и *Vatopedi 346*. (В каталоге рукописей Ватопедского монастыря на Афоне кодекс *Vatopedi 346* датируется XV в.,¹³ однако же филигранные его бумаги, любезно срисованные по моей просьбе о. Василием Гролимундом, указывают на последнюю четверть XIV в.: «лук» типа, по альбому Брике, № 790 — 1387 г., № 797 — 1390—1394 гг.; «буква Р», по Брике, № 8459 — ок. 1370 г.). Существуют списки и более позднего времени: *Vatic. gr. 688*,

¹⁰ См.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 105—106.

¹¹ *Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV*. Bonnae, 1832. Vol. 3. P. 358—360; Nicol D. M. *The byzantine Family of Kantakouzenos*. . . P. 94.

¹² Nicol D. M. *The byzantine Family of Kantakouzenos*. . . P. 100, n. 167.

¹³ S. Eustratiades & Arcadios of Monastery of Vatopedi, deacon. *Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mt. Athos*. Cambridge, 1924. P. 68.

XV—XVI вв.; Paris. gr. 1243, 1542 г.; Paris gr. 1275, XVI в.; Paris gr. 120 (suppl. gr.), XVII в. Так что произведение это явно долгое время пользовалось у грекоязычных читателей популярностью. Впервые напечатано оно было недавно, в 1983 г., в Афинах Х. Г. Сотиропулосом: Χαρ. Γ. Σωτηροπούλου. Ἰωάννου ΣΤ' Καντακουζηνῶς Κατὰ Ἰουδαίων, λόγοι ἐννέα (τὸ πρῶτον ὄν ἐκδιδόμενοι). Εἰσαγωγή — Κείμενον — Σχόλια. Ἀθήνα, 1983. В основу издания положены четыре списка XIV в.: Vatic. gr. 686, Vatic gr. 685, Paris. gr. 1242 и Vatopedi 346. Различий в списках, которые позволили бы говорить о разных редакциях произведения, не обнаруживается.

В рукописях диалог с иудеем бывает соседствует со «словами» против мусульман. Так, в Vatopedi 346, с которой мне удалось познакомиться по микрофильму, сначала идут четыре апологии в защиту христианства от мусульман (л. 1—111), затем — четыре «слова» против Мухамеда (л. 112—165), а после этого девятичастный диалог с евреем Ксеном (л. 165 об.—323). Завершается сборник (л. 323 об.) воспроизведенными нами выше стихами латинского архиепископа Фив Симона Атуmano в честь автора.

Весь этот полемический сборник Иоанна Кантакузина (я не утверждаю, что именно эту книгу) какой-то серб не позднее 90-х гг. XIV в. перевел на славянский язык: в Венской королевской библиотеке под № 34 хранится сделанный на бумаге тех лет единственный известный список этого перевода, сербский по орфографии, происходящий из сербского святогорского монастыря Хиландарь.¹⁴ С ним мне тоже удалось познакомиться по микрофильму. Четыре «ответа» в защиту христианства от мусульман занимают в этой рукописи л. 1—115, четыре «слова» «на Мωαμεθα» — л. 115—178, стихи «Симона архієпископа Фив'скаго» (те, которые в греческом списке в конце книги) — л. 178—178 об., а диалог с евреем Ксеном, или девять «слов» против иудеев, — л. 178 об.—329 об. Первое «слово» диалога с Ксеном начинается в рукописи дважды — на л. 178 об. и на л. 179, а заканчивается на л. 187 об. Я упрощаю, публикуя его здесь, его орфографию: титла раскрываю, надстрочные буквы вношу в строку, «омегу» и «омикрон» передаю одинаково как «о», «оу» и «ук» как «у», «і» и «и» как «и», «ѣ» и «е» как «е», знаки ударений и придыханий не сохраняю. Удерживаю лишь «ять», а также «паерок», который передаю как апостроф, и двойную варию, или кендему, " — поскольку последние два знака часто обозначают звук.

Славянин переводчик старался создать нечто вроде пословного зеркального перевода — чтобы каждое слово оригинала смотрелось как в зеркало в свой перевод. Но значение некоторых слов он подставил, как будто взяв из словаря первое, основное, или главное, не думая о смысле фраз, контекста. Например: τὸ τῆς θρησκείας παρηλλαγμένον (различие вероисповедания) — «службы измѣненное», εὐμενοῦς σου διὰ πάντων τετυχηκῶς (встретившись с тобой, милостивейший) — «кротостное твое о всеѣх получивь», καθάπερ ἀνάγκην ἄσυχλόν τινα (словно некую всепоглощающую необходимость) — «якоже нужду неупражнение нѣкое», λέληθας ἐκτετοπισμένους (незаметно удалился) — «утайль еси удалень», «измѣнень далечеживы», δεήσω (затрудняюсь) — «потрѣбую», φέρ' ὑποθώμεθα (давай предположим) — «принеси да речемь», μνημεῖα (следы) — «гробы», ἀντικρυς (поистине) — «противнѣ», λήσει (захочет) — «забудеть», ποίας ἂν εὐπορήσαιεν ἀστείας ἀπολογίας (в какой, в самом деле, преуспели бы они утонченной защите) — «кѣи убо получить радостнѣ отвѣт». От этого перевод приобрел несколько, так сказать, «машинный» характер, хотя в целом он ясен и, очевидно, вызы-

¹⁴ См.: Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Osterreich. Wien, 1975. S. 124—126; см. также: Я ц и м и р с к и й А. И. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек // СОРЯС. Пг., 1921. Т. 98. № 2. С. 146, № 112 (34); Проловић Ј. Српски рукописи XIII и XIV века у Бечу и манастир Хиландар // Хиландарски зборник. 6. Beograd, 1986. С. 213—215.

вал к себе интерес, поскольку на поле встречается сделанная другим, чем у писца, почерком запись: «Зри добре здѣ» (там, где Ісен, узнав императора, обращается к нему).

Перевод на современный русский язык сделан мною с учетом греческого оригинала. За проверку перевода сердечно благодарю доцента кафедры классической филологии ЛГУ А. И. Зайцева.

ХРИСТОДУЛА МОНАХА

л. 179 Не вѣмь, кое от обоихъ болшее реку, аще нѣции напишутъ таковое събрание: на иудеихъ вѣистину, или паче о нихъ. Мнѣ же мнитсе, добро есть глаголати и на коеждо. Овѣмъ бо убо, иже уму смѣжившимъ око и къ свѣту волею истинному заградившимъ мысль, обличение убо буди явлено и образъ живъ — аще буйства подобаетъ глаголати, аще неистовства ихъ; разумнѣйшимъ же и къ истинному благозарумно имущимъ — наставление нѣкое къ лучшему, и ихъ же от Бога дарованныхъ иже сице прилежащимъ — вещьшее и радостнѣйше, паче в'са имѣнна втора иже душу удобрающе и той в'сегда спасение хотѣти дѣйствовати.

л. 180¹ Благочъствуому и христолюбивому царю и самодръжавному гръкомъ Иоанну Кантакузину, иже божественнымъ и иночьскимъ образомъ прѣименовану Иласафъ монахъ, въ Пелопонисѣ случившусе, тамо живуцу, от то-мѣстныхъ нѣкоторые, Ксень именованъ, службою еврейнь, поклонни же ся сему, яко же обyklъ бѣ, и прѣжде даже приближитесе и «Радуйсе, — рече, — царю!». «Откуда гредеши?» — рекшу царю, — «Кротостное твое о всѣхъ, — Ксень рече, — получивъ, царю, и твое паче къ всѣхъ молбамъ кроткое прослуто вѣды, еже ниня и самъ мнѣ ничесоже вѣмь, греду и ниня длъжное ми раб'ское поклонение въздавае, еже ниня от всѣхъ азъ скорѣйше полагаю».

«Нъ и ты радуйся паки, — царь възотвѣща.² — Елма же еже ниня быти от нуждныхъ ничто же нас упражняетъ, праведнь убо будещи ми глаголати, кое мнѣ сие раб'ское, яко же рече, поклонение прииде въздати. И тебѣ бо мнѣ непщеватесе в'сачьска быти вещь работѣ, а не проста; рабы бо убо речемъ и плѣненныхъ, и купленныхъ, суть же иже и себе волею, а. 180 об. суще въ оскудѣнии потрѣбныхъ, инѣмъ подложившесе; работает же паки||и кнезюмъ послушное; образомъ же инѣмъ и рабы грѣху не вѣнѣ слова речеть кто убо, иже не помыслюмъ потрѣбовавшимъ обладающему страстемъ, ни же себе вѣдущихъ яко по образу Божию сздани быше, нъ сластмы бесловеснѣ и страстмы побѣжденныхъ инѣхъ, долу же прѣкланяющихся, яко же нужду неупражнение нѣкое имущимъ страстемъ работати присно. Имъ же бо побѣжденъ есть кто от нашихъ, — божественъ нѣкто мужъ рече, — сему и поработаетсе».

Вѣмъ же азъ и работу ину — любви похвалну. И паки другу, вещьшу всакое свободы и различну, юже аще кто стежит, всѣхъ можеть убо прѣвыше бывати. Каа сиа? Еже в'су свою волю отъети и в'се нѣкое отсѣщи произволение, себе же подложити и покорити мужу нѣкоторому божеств'ну от иже художество имущимъ приводити Богови, иже тѣмъ добрѣ хотещихъ послѣдовати.

Прочее, аще добрѣ намъ о сихъ раздѣлено бысть, по коему от реченныхъ образу раба моего себе непщевать, поклонисе?

Ксень:

— Дивно тебѣ в'са и твое достойно душе извѣщено бысть, божественнѣ царю. Раба же себе азъ твоего вѣмъ||ово убо и самъ от покарющихсе единь твоей божеств'ной дръжаве службе, ово же и за самое любви добро, от

¹ Л. 179 об. в рукописи чист.

² На поле запись другим почерком: «Зри добре здѣ».

многих бо слыше многа о тебѣ добра и блага, желание имѣахъ тебѣ приближитисе и бесѣды насладитисе твое. Ни бо мнит ми се възбраняти къ желаниу добрыхъ мне службы измѣненное.

Царь:

— Нъ врѣме ти есть, Ксене, съматрати, да не добрыхъ убо себе рачителя възнешпуеши, далече же от сих истинами утаилъ еси удалень, по иже въ снѣхъ богатеющихся или царствующихъ. Аще бо добрыхъ всѣхъ главизна есть любви, и Богъ самъ любви и есть и глаголетсе, како убо кто истинною любити может, истинные любве, самого — реку — Бога, прьваго от рачитель погрѣшае?

Ксень:

— Еже убо всѣхъ вкушѣ благѣхъ пусту быти иже вънѣ Бога падающему, се прочее и самъ, от немалыхъ нашихъ слышавъ, вѣмъ. Люби же Богъ и быти именоватисе, яко же ниня тебѣ глаголющу слышахъ, странно мнѣ мнитсе и недоумѣнно. Аще может кто от иже въ насъ ниня, что есть Богъ, указовати! Вещь никако же убо никогда же смѣлу ни же от иже прѣмудростиу и разумомъ инѣхъ прѣшъдыше, ни же убо от ихъ же болѣе различно же и многовидно послужившимъ.

|| Царь:

— Имаши ли слышавъ нѣкогда, Ксению, волею Бога и благностиу и любвиу в'се ниня се привести, или никако же сѣ слышаль еси?

Ксень:

— Множицею же и от многихъ.

Царь:

— Яко же убо любвиу и благностиу в'сако бываемо от ничесоже никако же състави, сице паки благностиу и промышлениемъ сдържити в'са и спасает и съблюдаеть. Аще бо не би сѣ было, ни же възприела би вса божеств'ные любве же и промышлениа, никаа же хытрость не въ не-сущое паки сиа в'торое тещи. И яко же паки вѣкъ Богъ глаголетсе и вѣчнъ яко вѣкомъ творецъ и господь, «Богъ, — бо рече, — вѣчнѣй, устройвы крае небеси», сице и любви глаголетсе яко сее виновнъ же и податель. Нужда бо нѣкаа и уза нерушима любве неизреченные еже выше насъ силы, небесные реку, и видимое сѣ украшение съсвезуетъ и сдържити. Что бо убо кто речеть обще небу и земли; водѣ же паки и огню; и въздуху, льг'ку и горѣносну, и земли, тежцѣ и долу влѣкуци; и инѣмъ къ инымъ, иже супротивнѣ другъ друга по качествохъ имуть? Нъ обаче сице въсма по ест'ств'лому ратуема слову, теплое реку и студеное, и сухое и || мок-
рое, и рать междусобну непрѣстанну въ другъ друга имуща, вложенога ради симъ съмирения и люб'ве от Болшаго, нератна и несмѣсна къ себѣ же и къ другъ друга съхраняютсе, и всѣхъ благочиние и любви състави. И в'са яко въ неподвижнѣ и непрѣклоннѣ силѣ къ своему съмирению и безмльвиу стоеть. Сихъ ради, прочее, и съмирение и любви Богъ именуется яко датель и виновнъ сее. Что же по существу есть — се, еже тебѣ прѣжде мала недомысленно бѣ, — не тъкмо же от всѣхъ никто же дониня рещи произыде, нъ и в'сѣ сиа едина всѣми дръжити, ни же самѣмъ прьвиимъ от аггелѣ, херувимъ реку и серафимъ, что убо есть Богъ вѣдѣти. Прочее не и тебѣ ли, Ксению, сѣ сице имѣти мнитсе?

Ксень:

— Извѣстно же.

Царь:

— Прочее внимати подобаеть и сѣ, еже въ начелѣхъ рѣхъ, — съматрати, да не добрыхъ убо себе рачителя нешпуеши, развращенное же будеши и далече нѣгде паче от благаго и истинные и сущие любве, Божие реку, измѣненъ далече живы.

Ксень:

— Аще убо яко не по достояниу, о цару, ихъ же от Бога повелѣнныхъ пожившу и чести ми прѣгрѣшен'мы умъ окалявшу отпасти ми от Бога речеши, || не убо что множае глаголати начну, себе вѣды никако же мала

паче пожив'ших томител'ства длъгующа. Аще ли же яко о вѣрѣ погрѣшителнѣ и злѣ мудръствующа, — якова многа на ны наручно глаголати и иже суть христиан'скыя вѣры обыкоше, в'егда азъ потрѣбую твоихъ судовъ исповѣдовати. И тмами убо паче изволилъ быхъ, аще би мощно, умрѣти, или ино что от иже от Бога мнѣ данну закону болше непщевати и божеств'нѣше. Аще бо вы, языкомъ бывше дѣти, или паче языци съмѣснии в'сачьскы, яко же и сами глаголати не стидитесе, тврдѣ служити болшему непщуете, ни же и сиа обрѣзающе, ни же повелѣние суботамъ съблюдающе и без'квасныхъ, ни же уречен'ные празднигы съвршающе, нъ безъ студа божеств'ному закону ругающесе, како не паче васъ православному намъ мнѣтисе, прѣдѣда убо хвалещесе имѣти Авраама, учителя же Мосеа, вса же съблюдающе непрѣступна прѣдреченнаа? А еже мнѣ новѣйше от всѣхъ мнитесе, яко и израилити себе, и сыны Авраамле начинаете зватисе.

Царь:

л. 183

— Еже убо о сихъ да пожди ||ть мало. А еже ниня, оно ми скажи: еврейн ли еси, или иудеанинъ, и садукееанинъ или фарисей?

Ксень:

— Еже убо въ мнозѣ фарисеомъ, от нихъ же единъ ес'мь и самъ, съ садукееи любопрѣтисе, в'сѣмъ мнѣ явѣ быти. Евреанину же и иудеанину различие, еже тѣ не глаголеши, никаково убо непщую.

Царь:

— Яко же, о Ксеню, словесному и бесловесному общи есть родъ животное, разн'ствуетъ же: ово убо бесловесно быти, ово же словесно. И паки обще състав'ми есть словесное, различие же въ нихъ яко Илии и Иеремии и Исаяи. Сице всѣмъ вашимъ колѣнномъ обще есть име еже еврейнъ, яко от Евера низводимымъ, особно же комуждо еже тогову патриарху. Левитѣне бо рѣхомъ от Левие, и вениамитѣне от Вениамина, и иудеани от Иуди, и въ инѣхъ такожде. Сице ли, прочее, и тебѣ мнитесе, или инако имѣти?

Ксень:

— Сице ниня и не инако. Азъ убо, яко же нѣгде от моихъ родителѣ слышавъ имамъ, Иудова племена низводима, и иудеанинъ, по еже данному от тебе слову, вълѣпоту убо нареклъсе быхъ, о цару.

Царь:

л. 183 об.

— Еже слово от многа вашã съмутитисе: инã ||же и колѣномъ опаснство и устроение, — всѣмъ убо мнѣ рещи, аще и тѣ не глаголеши. Прочее убо отвѣщай ми о нихъ же выпрашаю.

Принеси да речемъ, потрѣбѣ нѣкое и тебѣ постигши, въ Римѣ приити и прѣбывати тамо. Таже двã нѣкаа от ихъ же от тоезде твое вѣры въ единъ день случитисе сице и обѣма къ Риму доплути, и овому убо от Испание, овому же от Пелопониса, и от тогожде твоего отечества быти и ближни тебѣ по роду. Еда не би убо, суцаго от Испание мимотекъ, къ отечному пришъл би и суродному, аще здраво суть домашнѣи, аще любими живи суть и богат'ства некрадома прѣбывають ли, испитовал би?

Ксень:

— Суть сиа, и слово ниедино.

Царь:

л. 184

— Аще убо сѣ сице есть, яко же явѣ и самъ реклъ еси, и чловѣка убо от многихъ одинаго сурод'ства ради сице съ любвиу под'ель би и целоваль и испитоваль, а иже от Испание никое же слово въсма сътворил би. И сиа ниединые съпроста малые суци или тѣщети, или ползе — и сиа тѣлесна, души бо ничто же касашесе. Что юже нѣкогда толика и толи ||ка и от толицѣхъ слыше дивныи чаетееств'ны о Месии веци, и вѣровавшимъ убо тѣмъ спастисе, и рай, его же прѣотѣцъ нашъ, заповѣдъ прѣступль, погуби, приети, а иже нѣ — негасимому и вѣчному огню прѣдатисе, ниедино же слово твориши, ни испитуеши, аще сице сиа суть, таже и въкупород'нъ сѣи Христу, Иудова бо еси племене, нъ сице окаяннѣ живеши, ничто же

от бесловесных или мало разньствовавъ? И убо аще от бесловесных едино нѣкое в'сако случильсе би сѣ, о малых убо, паче же ни о чесом же тебѣ обстоеть тыщетнаа, сиа бо на судь не приходит. А иже свое душе спасение погрѣшае запрѣщеннымъ понужди непрѣходимымъ мукамъ подлежить.

Ксенъ:

— Помилованъ правед'нь быти тобою реку, цару, аще послѣдованиу въпрашающе слово и нѣчто продръзательно реку. И бо аще иже от Авраама и Исаака и Иакова нас, иже от Бога Моисеомъ данному закону хранителемъ въ муку отити нещуете, что убо, прочее, речемъ о вас, коим же мукамъ нещуете вас достоинѣхъ, без'божныхъ дѣтемъ и нечестивыхъ, иже от Бога Мосеомъ || божеств'нымъ даннымъ повелѣниемъ ругающихся, иже еще *л. 184 об.* и ниня гробы нѣкые вет'хаго идолослужения имущихъ? Прочее бо нѣсть ли идоломъ служити противнѣ еже по стѣнахъ и дрѣвесехъ написаннымъ чловѣкомъ, паче же самѣмъ поклонятисе дрѣвесемъ? Како же и животнымъ бесловеснымъ нас приложены нещеваль еси, иже неврѣдиму дониня юже от отецъ прѣданную и прѣдложеную вѣру же и истину дражещихъ же и почитающихъ?

Царь:

— Радостиѣ убо да навикну от тебе, какова каа есть вѣра сиа и истина.

Ксенъ:

— Истинное, о цару, угризно есть. Малыхъ вѣмъ тръпещихъ сего ради. И убояхсе, да не немалыхъ неудоб'ствий безгодное бесѣды паче вины мнѣ поставитсе. И бо елма на ны дрѣжаву Богъ вамъ ими же вѣсть словесы подасть, на себе оружие острити и явѣ нещеванъ буду, указаниа облич'нѣйша потрѣбовавъ к тебѣ. Ни бо мнѣ стрѣпѣти ти о Иисусѣ бесѣдующу ми. Бога бо того и Божиа сына въ водите.

Царь:

— Ничесоже, о Ксеню, таково помышляй. Ни же мнѣние никаково убо да отведет те же в'са истезати яже къ свѣту о моемъ Бозѣ Иисусѣ Христѣ; || стрѣплю бо в'сѣми, аще и от всѣхъ злѣйша прѣдложити въскощещи. Ни едина бо тому сквр'нна, ни врѣдъ от сихъ послѣдуетъ. И отци бо ваши древле прѣльстника того нарыцѣаху, и бѣснуема, и самаранина, он же в'са прѣтрѣпѣ кротцѣ, тѣхъ ождае спасение, и убо о тмами имѣе тѣмъ мльние навести и земли повелѣти рас'сестисе и пожрѣти досаждающихъ. И ни един же врѣдъ нѣкѣй от онѣхъ неистов'ства тому приразисе. И бо и небо аще кто стрѣляти начнетъ, оного убо никогда же постигнути възможесть, — мнѣ же аще когда и на се забудеть стрѣлу пустивъ. Кромѣ же сихъ не убо навикнути ти добрѣ будетъ истинное, аще не в'се прѣвѣе, еже хочещи, свободнѣ речещи и безъ страха. Яко убо ничесоже въсма виде скрѣбно, безъ сумнѣнннн и безмльвиемъ в'се, еже хочещи, и въпрашай, и произноси.

Ксенъ:

— Понеже кротцѣ и яко же подобаше еже от съпротивъ глаголющихъ от'емле страхъ отгналь еси, цару, навикнути же тыщание сътвориль еси юже от отецъ намъ наученную истину, слышати кротцѣ молюсе яже о Иисусѣ, его же от тогожде || моего колѣна быти прѣдрекль еси. *л. 185 об.*

Он бо, яко въистину отъ вышнихъ навикше имамы, дрѣводѣля Иосифа и Марие бѣ сынъ съ инѣмы четырьми братами, Иакова, и Иосие, и Симона, и Иуды, иже и много люди множество прѣльстивъ, повину вънимати тому и вслѣдъ ити, обходе. Сына Божиа себе съставляше, словотворе, Иосифовъ быти знаемъ бѣ отъ всѣхъ, с небесе же сънити велемудрствоваше и вънимающимъ ему и послѣдовати изволившимъ обѣщавашесе никогда убо ходити въ тмѣ. А еже отъ всѣхъ чюднѣйшѣ, яко не у четыридесетъ лѣтомъ бывъ, прѣжде Авраама себе быти баснословѣше. Сихъ убо толикихъ лъжѣ отци наши слышати не тръпеще, неславнѣ съмрѣти, емше, прѣдаше, на дрѣвѣ пригвоздише.

Въ же, иже идолослужителемъ дѣти, не съмотрити чистѣ възмогше истину, явѣ яко како убо когда мощно будетъ бестѣлесному и неописан-

ному и необмыслимому Богу имѣти сына? Не яко убо въ сиемъ тъкмо безумно съгрѣшите, Бога того и непщевавше и почѣтъ ||ше, нѣ и мучительни органъ, крестъ, на немъ же распеть бысть и умрѣтъ, говѣниемъ колицѣмъ покланяется, спаса сего и честнѣйшѣ нарычуше отъ именѣ!

Безгодно убо будетъ вѣмѣнати ниня яже о немъ отъ васъ бесловеснѣ словотворима, яково ниня и оно, еже себе въскрѣсити, его же ученици ноциу, въ нѣже погребенъ бысть, гробъ раскопавше, украдоше, и еже на небеса по умрѣтвѣ възвестисе, себе не могущу отъ нуждныи и всѣхъ срамныи съмрѣти спасти, нѣ яко единому отъ ихъ же съ нимъ распетиихъ злодѣи животь испутившу.

Царь:

— О пророцѣхъ, о Ксеню, како имаши мнѣние? Убо божеств'ни ли онѣхъ непщуети гласи и ничесоже тѣмъ рещи свое, нѣ в'сако еже въ нихъ глаголей Богъ вылагаше, или ино нѣчто тебѣ прѣжде сихъ мнитсе?

Ксень:

— Никогда убо инако азъ реку. Аще бо не отъ Бога онѣхъ възнепщую словеса, самъ убо себѣ быхъ подрѣзатель и своими узами удръжанъ буду, по притичному. В'са бо абие честнаа нашее вѣры растлѣтисе имутъ, аще не сѣ дано будетъ, и никогда же иже Моисеомъ намъ дана пророчеств'на възнешуемъ божеств'вна.

Царь:

— Зѣло добрѣ отвѣщалъ || еси истину и сужденымъ правость. Прочее, аще пророчьскаа здравствують, слѣпи, по Исайи, суще бѣху древнии отци ваши и глуси: «очи бо, — рече, — имуще, не видеть, и уши имуще, не слышетъ». И сѣ не о тѣлесныхъ очию и слухохъ есть рекы, нѣ о чювьствохъ душевныхъ. Или что когда убо съгрѣшати мнѣху, аще тѣлеснаа чювьства имѣху поврѣждена? Ниня же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ.

Кѣмъ убо получить радост'нѣ отвѣтъ, в'сегда зреще яже отъ Христа дѣйствуемѣ чюдеса: прокажен'ныхъ реку очищаемыхъ, хромыхъ скачющихъ, слухыхъ исцѣлѣвшихъ, слѣпыхъ отъ погрѣшениа родитель зрещихъ, расслабленыхъ стегнутыхъ, еже всѣхъ вещьше же и божеств'нѣйше — мрѣтвыи яко же снѣ отрѣвающихъ съмрѣть, — еще же и яже суть вѣчныи жизни слышеще глаголы, его же ради и Давидъ въ устнахъ его излиатисе поаше, — и не яко никако же къ оного разуму отъ толикихъ привлѣчени и ползу малу убо нѣкую принес'ше, нѣ образомъ аспиды глухы, уши затыкающе, и къ еже на нѣ убийства паче раздражаеми, иже тѣхъ блюдѣтел'ствуе не оставляше в'сегда.

— Аще убо, яко же прѣдложи ||хомъ, божеств'вна и вамъ не мѣне мнете пророчьскаа, како убо иже отъ Бога слѣпотовати и глуховати умою указани чистѣ могутъ убо о истину навѣкнуги, дондеже грьдыня и зависть плавае въ душахъ ихъ? Аще ли иже отъ многихъ прѣимуше и инѣхъ владичество вѣвѣрени и учити получив'ше такови ниня отъ ихъ же нами реченныхъ явѣ показуютсе, како убо будетъ силниимъ, иже много по онѣхъ, не и горше отъ онѣхъ прилежати и множае прѣльститисе и къ свѣту истинному слѣпу быти? Ни бо есть слѣпому отъ слѣпаго солнѣчную свѣтлость видѣти, ни же пакы глухому отъ иного такова писмена навѣкнуги мощно. Тѣмъ бо самъ выш'ше исповѣда, яко отъ вашихъ отецъ научистесе истинѣ. Кѣмъ убо сихъ? Ихъ же отъ Бога слѣпыхъ и глухыхъ указанныхъ? Нѣ истина явлен'нѣйшѣ прѣдставляетъ, яко, аще слѣпѣцъ слѣпца водитъ, и обои въ яму выпадуць.

И убо аще би себѣ тъкмо повинни злымъ, въ погыбѣл'ны ровъ волею себе низревающе, было би убо неразумна, и сего ради и томление онѣмъ смѣреннѣйше. Ниня же толикие тмы дшѣ лютѣйшею отъ съмрѣттии виновнымъ бывшимъ, кое когда убо тѣмъ достойно быти мучение кто възнепщуетъ, коего || тартара, коего огня нѣ суть достойни?

Ксень:

— Еже убо Исайина не быти словеса едва убо укрѣплюсе, ово же не о прѣданиихъ, нѣ о множеству съгрѣшеннымъ рещисе и паче реку. Иже бо повелѣн'мы Божиими не обрацаеми, ни же еже отъ добродѣтели гонеще

благѣ, нѣ бестудно къ сластемь от невъздръжаниа валяющесе, слѣпи и глуси да глаголютсе убо не неподобнѣ, аще не и от сихъ горши.

Конецъ еже на иудеихъ прьвому слову.

ХРИСТОДУЛА МОНАХА

Не знаю, противъ иудеев, или за нихъ, покажется некоторымъ предпочтительнее озаглавить это сочинение. Мне же кажется, что можно и так, и так. Ибо для смежившихъ умственное око и добровольно закрывшихъ разумъ для света истины это будетъ яснымъ показателемъ и живымъ свидетельствомъ либо ихъ, такъ сказать, наивности, либо безумия; для более же культурныхъ людей и более благосклонныхъ к истине — своего рода путеводителемъ к более правильному, а для людей такого же образа мыслей из числа служителей божьихъ — к большому и приятнейшему, если только в самом деле все другие блага ниже совершенствования души и желанія такимъ образомъ полностью обеспечить спасение.

Однажды, когда благочестивейшій и христоролюбивый императоръ и самодержецъ ромеевъ Иоаннъ Кантакузинъ, ради божественнаго монашескаго чина переименованный в монаха Иоасафа, оказался на Пелопоннесе и находился там, некто изъ местныхъ жителей, называемый *здесь* Ксенъ, а вероисповеданиемъ еврей, подойдя, поклонился ему, какъ онъ привыкъ это делать раньше, и сказалъ:

— Радуйся, царь!

— Откуда ты пришелъ? — спросилъ императоръ.

— Встретившисьъ с тобою, милостивейшій царь, — сказалъ Ксенъ, — и зная о твоей широкоизвестной учтивости в обращении с каждымъ, с чемъ я и самъ не хуже другихъ знакомъ, я и подошелъ теперь, чтобы воздать еще должный *тебе* рабскій поклонъ, что, я полагаю, какъ нельзя кстати.

— И ты также радуйся, — ответилъ императоръ. — Поскольку же у меня сейчасъ нетъ никакихъ неотложныхъ делъ, хорошо будетъ, если ты объяснишь мнѣ, какой такой рабскій, какъ ты сказалъ, поклонъ ты пришелъ мнѣ воздать. Ведь ты согласишься со мною, я думаю, что рабство дело не простое, а многообразное, ибо рабами мы называемъ и захваченныхъ в плен на войнѣ, и купленныхъ людей, некоторые изъ которыхъ сами под давлениемъ нужды закладываютъ себя другимъ; рабствуетъ опять же *все* покорное властямъ; с другой стороны, не будетъ, пожалуй, ошибкой назвать рабами грѣха и техъ, кто не пользуется разумомъ для управления страстями и не совершенствуетъ себя сознательно по образу божію, а безрассудно покоряется наслаждениямъ и инымъ страстямъ и спускается внизъ, словно имея некую всепоглощающую необходимость постоянно быть рабомъ наслаждений. Ибо чему изъ нашихъ *влечений* кто покоряется, сказалъ одинъ божественный мужъ, тому *тотъ* и рабствуетъ.

Знаю я и иное рабство — достохвальное рабство любви. И еще иного рода, большее и ценнейшее всякой свободы, которое если кто обрететъ, сможетъ стать выше всехъ. Что это за *рабство*? Удалить всякое собственное желаніе; отсечь всю свободу воли; отдать себя и подчинить некоему божественному мужу изъ числа умеющихъ вести къ Богу; подчиняться имъ добровольно.

Если я правильно об этомъ толкую, то *скажи*, какого изъ перечисленныхъ типа рабомъ моимъ счелъ ты себя, поклонившись?

К с е н:

— Ты поразительно и достойно твоей души, божественнейшій царь, все разграничилъ. Рабомъ же твоимъ я считаю себя, с одной стороны, потому, что я — одинъ изъ подчиненныхъ, находящихся в твоей божественнейшей власти, с другой — из-за самой радости любви, ибо, слыша о тебѣ от многихъ много добраго и хорошаго, я и самъ имелъ случай благодаря апелляциямъ

ной жалобе встретиться и насладиться беседой с тобой. Ведь, я думаю, различие вероисповедания не может помешать мне любить прекрасное в тебе.

И м п е р а т о р:

— Однако, Ксен, пора поразмыслить: как бы, считая себя ревнителем прекрасного, ты незаметно не удалился далеко от него на деле, подобно тем, кто богач или царь — *лишь* во сне. Ведь если начало всего прекрасного — любовь, а любовью и является и называется сам Бог, то как сможет кто-нибудь любить истину, будучи далеким от подлинной любви к Нему, т. е. к Богу, первому из ревнителей *прекрасного*?

К с е н:

— Отсутствие всех вообще хороших качеств свойственно человеку, отпадающему от Бога. Слышав от немалого числа единоверцев, это я уже и сам знаю. А вот то, что Бог и называется и является любовью, как только что услышал от тебя, кажется мне чем-то странным и непонятным. О, если бы кто-нибудь из наших современников мог выразить, что такое Бог! На это дело никто никогда не решался ни из превосходящих мудростью и здравым смыслом других, ни из тех, кто многообразно всяческими способами послужил добру.

И м п е р а т о р:

— Приходилось ли тебе, Ксен, где-нибудь когда-нибудь слышать, что все это Бог произвел волей, добротой и любовью, или ни от кого никогда не слышал?

К с е н:

— Даже часто и от многих.

И м п е р а т о р:

— Подобно тому, как посредством любви и доброты все ставшее из ничего стало быть, так же, опять-таки, все удерживается от распада, сохраняется и поддерживается добротой и заботой. Ведь если бы этого не было и не было бы все объектом божественной любви и заботы, то не нашлось бы ни единого средства, чтобы помешать этому *миру* снова помчаться назад — в небытие. И подобно, опять же, тому, как Бога в качестве опоры и господина веков называют вечностью и вечным — Бог вечный, сотворивший пределы неба ведь говорит (?), — так же называют его и любовью — в качестве первопричины и подателя любви. Ибо некий закон и неразрывные узы неизреченной любви связывают и прочно соединяют высшие над нами силы, т. е. небесные, и вот это самое зримое мироздание. А что, казалось бы, общего между небом и землей; между водой и огнем; легким, стремящимся вверх воздухом и тяжелой, тянущей вниз землей? И между другим и прочим с противоположными друг другу качествами? Однако же *все* до крайности по закону природы противоречивое и ведущее друг с другом непрерывную междуусобную войну, т. е. жар и холод, суша и влага, благодаря внушенным им от Всемогущего миру и дружбе, сосуществуют немятежно и несмешно, и длится всеобщая согласованность и любовь. И все, словно в твердой и неизменной державе, пребывает во взаимном мире и покое. Стало быть, и миром и любовью Бог именуется в качестве подателя и первопричины оных. Что же Он такое по *своей* сути — относительно чего ты только что недоумевал — так этого не только никто из всех здешних^а не в силах доказать, но и господствует среди всех одно и то же мнение, что даже первые из ангелов, т. е. херувимы и серафимы, не знают, что же такое Бог. Не так ли точно и ты думаешь, Ксен?

К с е н:

— Точно так.

И м п е р а т о р:

— Не следует ли тогда вернуться к тому, что я тебе посоветовал в на-

^а Т. е. земных.

чале: смотреть, как бы, почитая себя ревнителем прекрасного, не оказаться его противником и не забыть истинную и сущую, т. е. Божью, любовь, удалившись от добра куда-нибудь слишком далеко?

К с е н:

— Если ты, царь, считаешь, что я прожил *жизнь* недостойно заповедей божиих, замарал душу многочисленными преступлениями и потому отпал от Бога, то я не буду и пытаться говорить дальше, зная, что как гражданин я не заслужил ни малейшего наказания. Если же ты имеешь в виду заблуждение в вероисповедании и дурной образ мыслей, — так как люди христианского вероисповедания обычно много говорят против нас наобум, — то я лично никогда не смогу согласиться с твоим мнением. Я скорее предпочту, будь это возможно, десять тысяч раз умереть, чем признать другой закон более благочестивым и превосходящим тот, который дан мне от Бога. Ведь если вы, сыны язычников, а скорее разнородная смесь языков, что и сами вы говорить не стесняетесь, к тому же будучи необрезанными, не соблюдая ни субботних предписаний, ни опресноков, не справляя установленных праздников и откровенно глумясь над законом божиим, непоколебимо уверены, что ваш культ лучше, то как же нам, гордящимся Авраамом как предком, Моисеем как учителем и нерушимо блюдущим все упомянутое, не почитать себя более правоверными, чем вы? Что же мне более всего кажется странным, — что вы посягаете называть себя израильянами и сынами Авраама.

И м п е р а т о р:

— Эти вопросы давай немного отложим. Сейчас же вот что скажи мне: ты еврей или иудей, а также саддукей или фарисей?

К с е н:

— То, что фарисеи, одним из которых я и сам являюсь, во многом отличаются от саддукеев, всем очевидно. Между евреем же и иудеем, считаю — если ты не скажешь, *в чем она*, — нет никакой разницы.

И м п е р а т о р:

— У разумного, Ксен, и неразумного общий род — живое. Разница же та, что одно неразумное, а другое — разумное. У лиц же, в свою очередь, общее — наделенность разумом, разница же у них — как у Илии, Иеремии и Исаяи. Подобно этому также и у всех ваших колен общим является имя «еврей», поскольку все они восходят к Еверу, а собственным каждому — имя его патриарха. Ведь левитами мы называем от Леви, вениамины — от Вениамина, иудеем — от Иуды, и другим подобным же образом. Так же и ты думаешь, или иначе?

К с е н:

— Именно так и не иначе. Я-то, насколько слышал о своих предках, происхожу из колена Иуды и согласно твоему объяснению, царь, назовусь, пожалуй, иудеем.

И м п е р а т о р:

— Что у вас давно *все* перепуталось: и точный смысл, и устройство колен, и другое — всякий, думаю, скажет, даже если не скажешь ты. Но прежде ответь мне на мой вопрос.

Давай предположим, что по какой-либо приключившейся надобности ты прибыл в Рим и живешь там. Затем два каких-нибудь твоих единоверца в один *прекрасный* день попали в такие же обстоятельства и оба пришли в Рим, один — из Испании, другой — с Пелопоннеса, из одного с тобой отечества и рода. Разве, минуя того, что из Испании, ты не подошел бы к соотечественнику, расспрашивая его, в порядке ли твои домашние дела, жива ли семья и цело ли имущество?

К с е н:

— Именно так, и слов нет.

И м п е р а т о р:

— Стало быть, это так, и ты сам согласен, что одного человека из многих по причине родства ты бы так благосклонно и с готовностью принял,

и радушно приветствовал, и расспрашивал бы его, а на того, что из Испании, не обратил бы никакого внимания. И ты бы так поступил при том, что это сопряжено было бы с совершенно незначительным убытком или прибытком, — и то *лишь* в отношении тела, ибо души ничто бы не касалось. Почему же, в конце концов, слыша столь много и от столь многих, что дела Мессии необыкновенны и сверхъестественны, что уверовавшие в него спасутся и обретут рай, который праотец наш, преступив заповедь, потерял, и что неуверовавшие будут преданы неугасимому огню, ты, будучи к тому же из одного с Христом колена, ибо ты как раз из колена Иуды, не обращаешь *на него* никакого внимания, даже не выясняя, так ли обстоит дело, и так жалко блуждаешь вокруг, ничем за малым исключением не отличаясь от бессловесных? Хотя, если бы тебе случилось быть вполне одним каким-нибудь из бессловесных, ты подлежал бы небольшому наказанию, а скорее *и вовсе* никакому, ибо таковые на суд не идут. Тот же, кто погрешил в отношении спасения собственной души, обязательно будет подвергнут обещанным бесконечным мукам.

К с е н:

— Я думаю, царь, что с твоей стороны будет справедливо извинить *меня*, если, в силу требования логической связности разговора, я скажу нечто более опрометчивое. Ведь если вы полагаете, что мы, происходящие от Авраама, Исаака и Иакова и хранящие закон, данный через Моисея от Бога, будем изгнаны на муки, что же тогда скажем мы о вас? Каким карам сочтем достойными вас, сынов безбожников и нечестивцев, глумящихся над установленными Богом через божественного Моисея заповедями и по сию пору сохраняющих кое-какие следы давнишнего идолопоклонства? Ибо разве это не настоящее идолопоклонство — поклоняться написанным на стенах и на досках людям, а вернее — самим доскам? Как же ты счел нас сравнимыми с бессловесными тварями, когда мы до сих пор непременно храним и чтим веру, которую нам дали отцы, и истину, которой они нас научили?

И м п е р а т о р:

— Я с удовольствием узнаю от тебя, что же это за вера и истина.

К с е н:

— Истина, царь, колет глаза. Не многих знаю, которые выдерживают это. И я боюсь, не была бы неблагоприятность разговора причиной немалых бед. Ведь поскольку Бог, по ему известным причинам, дал власть над нами вам, если я воспользуюсь более опровержительными доводами против тебя, то можно будет считать, что надо мной занесен отточенный меч. Ибо я знаю, что ты не стерпишь, если я буду рассуждать об Иисусе. Ведь вы его Богом и сыном божьим считаете.

И м п е р а т о р:

— Ничего такого не принимай в расчет, Ксен. Пусть недоверие, даже самое малое, не мешает тебе продолжать говорить все, что хочешь, относительно Бога моего Иисуса Христа; ибо я все вытерплю, — даже если бы тебе захотелось прибавить самое гнусное. Дело в том, что из этого не следует никакого ни бесчестья ему, ни вреда. Ведь и отцы ваши раньше называли его и обманщиком, и одержимым, и самаритянином, а он кротко все сносил, взяв на себя их спасение, хотя мог наслать на них тысячи молний и приказать земле разверзнуться и поглотить обидчиков. И никакое бесчестье не замарало его от их выдумок. В самом деле, если кто-нибудь попытается стрелять в небо, ведь никогда не сможет его достать, — точно так же и тот, кто попытается метать стрелы в него. Если, прежде всего, ты не будешь свободно и безбоязненно говорить всего того, что ты хочешь, то тебе не удастся хорошо узнать истину. Так что без сомнений спокойно спрашивай и высказывай все, что нравится, совершенно не опасаясь никаких неприятностей.

К с е н:

— Раз уж ты спокойно, как *тебе*, царь, подобает, изгнал подкрадываю-

щийся относительно возражений страх и выразил желание узнать истину, которой нас научили отцы, то призываю тебя спокойно слушать об Иисусе, о котором ты сказал, что он из одного со мной колена.

Как мы знаем от предков, он был — с другими четырьмя братьями — Иаковом, Иосией, Симоном и Иудой — сыном плотника Иосифа и Марии, который, ходя повсюду, убедил великое множество сбитого с пути народа присоединиться к нему и следовать за ним. Он ложно выставлял себя сыном Божиим, хотя всем было известно, что он сын Иосифа, воображал, что сошел с неба, и обещал, что те, кто предпочтут послушаться его и следовать за ним, никогда не пойдут во тьму. И что всего поразительнее: не имея сорока лет от роду, заявлял, что был еще до рождения Авраама! Так вот, отцы наши, не вытерпев, слыша толикую ложь, собрались и предали его позорной смерти, пригвоздив к поперечному брусу. Вы же, сыны идолопоклонников, конечно, не в состоянии ясно увидеть истину; как же иначе возможно было бы счесть его бестелесным, неоцисуемым и непостижимым для ума Богом! Пусть бы вы в том только безрассудно ошиблись, что восприняли и почтили его как Бога, но вы и орудию наказания — кресту, на котором он был распят и умер, — столь почтительно поклоняетесь, называя его «спасительным» и другими почетнейшими из названий!

Пожалуй, будет пустословием обсуждать сейчас ваши бессмысленнейшие выдумки о нем, каковыми именно является и то, что он воскресил себя, тогда как *его тело* украли ученики, разрыв ночью гроб, в котором он был похоронен, и его посмертное вознесение на небеса, тогда как он себя даже не смог избавить от самой мучительной и позорнейшей из всех смертей и покончил счеты с жизнью как один из злодеев, которые были распяты вместе с ним.

И м п е р а т о р:

— О пророках, Ксен, какое у тебя мнение? Верить ли ты, что их речения были божественными и что они ничего не говорили от себя, но только то, что возвещал, говоря в них, Бог? Или ты думаешь об этом как-нибудь иначе?

К с е н:

— Конечно же я никогда не скажу иначе. Ведь если бы я подумал, что их прорицания не от Бога, я сам бы себя счел изменником и, по словице, был бы связан собственными узами. Ибо если не допустить, что это так, то тотчас же исчезнет из нашей веры все святое, и никогда мы не признаем данные нам через Моисея скрижали божественными.

И м п е р а т о р:

— Замечательно по истине и по верности расчета. Следовательно, если изречения пророков остаются в силе, то ваши древние отцы были, согласно Исайе, слепыми и глухими, ибо, говорит он, «глаза имея, не видят и, уши имея, не слышат» (ср.: Исайя, 43, 8). И это он сказал не о чувственных глазах и ушах, а о душевных чувствах. Иначе, если бы у них были повреждены телесные чувства, разве казалось бы, что они поступают неправильно? П потому нет у них отговорки в их грехе.

В самом деле, в какой утонченной защите преуспели бы они, когда, видя каждый день совершаемые Христом чудеса, — т. е. прокаженных — очищенными, хромых — вскакивающими, иссохших — исцеленными, несчастно родившихся слепыми — зрячими, расслабленных — окрепшими, и что более и божественнее всего: мертвых — стряхивающими смерть как сон, — а также слыша глаголы вечной жизни, чего ради и Давид воспевал благодать, разлившуюся в его устах, не только из-за всего этого не потянулись к его знанию и не извлекли для себя хоть какой-нибудь маленькой пользы, но, заткнув уши подобно глухому аспиду, что ни день не прекращали распалаться главным образом для убийства того, кто их благодетельствовал.

Итак, если мы взяли за основу, с чем согласны и вы, что слова пророков божественны, то как те, о ком возведено от Бога, что ум их слеп и глух, могли бы правильно усвоить истину, пока спесь и злоба владеют их душами? Если же оказывается бесспорным, что таковы предводители многих, которым доверено руководство другими, лица, призванные учить, то возможно ли, чтобы основная масса тех, кто идет за ними, не оказалась настроенной еще хуже, чем они, не впала в еще большее заблуждение и не сделалась слепа к свету истины? Ибо слепому невозможно от слепого узнать о сиянии солнца, ни также глухому от другого такого же выучиться грамоте. Ты ведь сам выше заявил, что вы от отцов ваших научились истине. От каких же? От избличенных Богом, что они слепы и глухи? Но истина яснейшим образом утверждает, что если слепой поведет слепого, оба упадут в яму (Матф., 15, 14).

Если бы, однако, они были только перед самими собой виноваты в бедах, добровольно самих себя сбрасывая в пропасть уничтожения, это было бы делом невежества, а потому и суд им был бы более мягким. Но так как они оказываются повинны в страшной из смертей столь великого множества душ, то какую же казнь сочтет всякий подходящей для них, какой преисподней, какого огня они не заслуживают?

К с е н:

— То, что слова Исаяи не *Божьи* глаголы, трудно мне было бы доказывать; и я скажу лучше, что они относятся не к учению, но к множеству согрешений. Ибо те, кто не обращает внимания на Божьи повеления и не ищет добродетели, но разнузданно предается неумеренным наслаждениям, не без оснований могут быть названы слепыми и глухими, если только не еще худшими.

Я. С. ЛУРЬЕ

Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец

Кирилло-белозерский инок и книгописец Ефросин привлек особое внимание филологов, занимающихся Древней Русью, и стал предметом специальных исследований сравнительно недавно. В XIX и первой половине XX в. он упоминался лишь в обзорах рукописей и памятников, переписанных его рукой; назывались три сборника, в которых было прямо указано, что их писал Ефросин, — сборник Кирилло-Белозерского собрания (ныне в ГПБ), № 11/1088 (далее: КБ-11) и № 6/1083 (далее: КБ-6), собрания Уварова (ныне в ГИМ), № 338 (894) (365) (далее: Увар.), а также два сборника, основной почерк которых может быть отождествлен с почерком Ефросина, — Кирилло-Белозерского собр., № 9/1086 (далее: КБ-9) и № 53/1130 (далее: КБ-53).¹ С начала 60-х гг. вышло в свет несколько работ, специально посвященных Ефросину. Была установлена по почерку и составу памятников принадлежность Ефросину еще одного сборника — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099 (далее: КБ-22).² Семь листов из этой рукописи (с летописным текстом), вырванных П. М. Строевым, обнаружались в составленном археографом сборнике Погодинского собрания (ныне в ГПБ), № 1554.³ В этих работах впервые предлагалась общая характеристика культурных и литературных интересов Ефросина и того типа келейных «энциклопедических» сборников (включающих ряд светских и апокрифических памятников), которые он

¹ Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Ученые записки Второго отделения АН. СПб., 1858. Кн. 5. С. 1—66; Норов А. С. Путешествие Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864. С. XI; Рузский Н. В. Сведения о рукописях (описание сборников), содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в. // ЧОИДР. 1891. Кн. 3, отд. 2. С. 9—26 (Н. В. Рузский указал на идентичность почерка КБ-9 почерку Ефросина); Леонид, архим. Систематическое описание рукописей собрания гр. А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 474—480; Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века // ОЛДП. 1897. Вып. 113. С. 8, 17—29, 57—83; ср. с. XLIV—XLV (Н. К. Никольский отождествил «потребник Ефросинов», содержащийся в описи, со сборником КБ-6 и один из «сборников Ефросиновых», упомянутых там же, со сборником КБ-53; он высказал предположение и о том, что «почерк Ефросина» можно обнаружить в КБ-22); Сперанский М. Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея // ЧОИДР. 1907. Кн. 2. С. 20, 53—72; Симоны П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий // СОРЯС. 1922. Т. 100. № 2; Седелников А. Д. Литературная история повести о Дракуле // ИпоРЯС. 1929. Т. 2. С. 626 (далее приводим листы сборников Ефросина по последней (карандашной) нумерации).

² Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 132—138.

³ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 251, примеч. 78.

составил.⁴ Наконец, было составлено полное аннотированное описание установленных (до сих пор по прямым указаниям и по почерку) рукописей Ефросина.⁵

Однако далеко не все вопросы, связанные с деятельностью Ефросина, можно считать решенными; текст его сборников содержит еще много загадок. Здесь нам хотелось бы обратить внимание на две записи Ефросина, явно требующие комментария. Одна из них содержится в сборнике КБ-11 рядом с апокрифическим «Сказанием о 12 пятицах»: «Аз Ефросин грѣшной, сего во зборѣ не чти, ни многим являй; впервые писал лѣто 6986 октября 8, 4 часы в сред же писал. Тое же зимы на игуменство поѣхалъ» (л. 235). Другая — в сборнике КБ-9: «На Москвѣ нѣкто тать именем Куладарь до 300 церкви покралъ» (л. 2).

Вторая из этих записей комментируется легче, чем первая. Имя Куладара (Кулодаря, Кулударя) фигурирует в летописном своде, связанном, как и Ефросин, с Кирилловым Белозерским монастырем и отразившемся в Ермолинской летописи, Сокращенных летописных сводах и еще некоторых летописях. В Ермолинской летописи сообщается о том, что в 6950 (1442) г. Василий Темный порвал отношения со своим двоюродным братом и соперником Дмитрием Шемякой и пошел на него к Угличу, желая «изгонити» (т. е. напасть на него внезапно), но «подаль ему вѣсть Кулодарь Ирешский. Он же убеже, а Кулодаря князь великий доличився, да велѣл ѿ кнутем бити, по станом вода, да дьячство отнял у него. . .».⁶ В Сокращенных сводах после того же известия о разговоре с Шемякой и походе к Угличу сообщается только: «Тогда же и Кулудара Ирешского кнутемъ били»,⁷ — но несомненная логическая связь этого известия с известием Ермолинской о предательстве Кулодаря (Кулудара) Ирешского заставляет предполагать, что в своде — протографе обеих летописей читались оба эти вытекающие одно из другого известия.⁸ Дальнейшая судьба Кулодаря также может считаться установленной. Он становится дьяком князя Ивана Андреевича Можайского, главного союзника Шемяки и участника пленения и ослепления Василия II в 1446 г., в 6956 (1448) г. подписывает договор Василия Темного (вновь вернувшего себе московский престол) с Иваном Андреевичем: «А подписал дьякъ княж Ивановъ Андрѣевича Кулударь».⁹ Кулударь («Кулудар») стал затем дьяком брата Ивана Андреевича — князя Михаила Андреевича Белозерского и подписал правую бессудную грамоту, данную князем Михаилом после 1455 г. Афанасию Внукову.¹⁰

В записи Ефросина ряд вопросов вызывает упоминание о поездке на игуменство зимой после октября 6986, т. е. зимой 1477—1478 гг. Куда поехал Ефросин и где он стал игуменом? Как согласуется эта поездка на игуменство с тем, что сборник КБ-11, где содержится запись, явно связан с Кирилловым монастырем и сохранился, как и остальные «энциклопедические» сборники, в рукописном собрании Кириллова монастыря?

В связи с этим особое значение приобретает документ, который до сих пор не привлекал внимания исследователей рукописного наследия Еф-

⁴ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 143—168; Дмитриева Р. П. 1) Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 276—291; 2) Четыре сборники как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 150—180.

⁵ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 1—300.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 150—151.

⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 346; ср. с. 272.

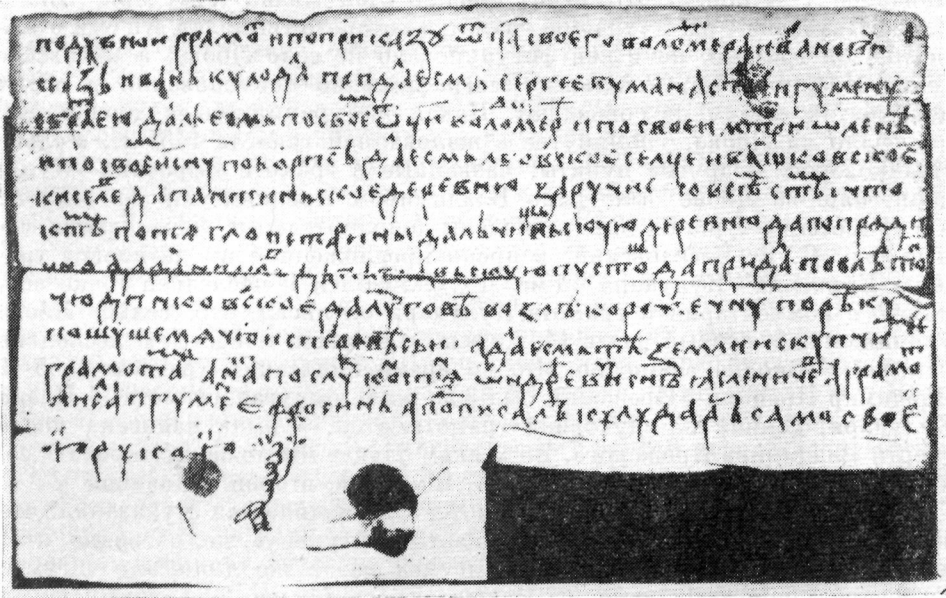
⁸ Ср. реконструкцию Севернорусского летописного свода 1472 г.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 420.

⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 51. С. 155.

¹⁰ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 167. С. 103.

росина. Это — данная грамота Ивана Владимировича Кулударя Троице-Сергиеву монастырю на ряд земель у реки Корожечны. Грамота Кулударя была известна в историко-юридической литературе достаточно давно: уже в 1884 г. она была опубликована Д. М. Мейчиком среди грамот XIV—XV вв. Архива Министерства юстиции, в 1889 г. — С. Шумаковым в числе угличских актов, а в 1952 г. включена в капитальное собрание троичских актов, подготовленное С. Б. Веселовским и изданное в качестве первого тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси».¹¹

Наиболее интересны для нас, конечно, заключительные слова документа: «А грамоту писал игумен Ефросинъ, а подписал Кулударъ своею

Грамота Ефросина—Кулударя Троицкому монастырю.

рукою». Перед нами, как видим, вместе фигурируют имена двух лиц, упомянутых в ефросиновских сборниках: сам Ефросин, выступающий здесь как раз в роли игумена, и Кулударь (так он назван в конце грамоты; в начале — «Кулодал»; правописание этого имени и в летописях было неодинаковым).

Когда написана грамота Ефросина—Кулударя Троицкому монастырю? Листок с грамотой не имеет водяных знаков. Д. М. Мейчик в комментарии сослался лишь на то, что имя Ивана Кулударя встречается в актах второй половины XV в.; С. А. Шумаков ограничился ссылкой на это указание Д. Мейчика.¹² С. Б. Веселовский датировал документ временем «около 1440-х гг. XV в.» — очевидно, на том основании, что предательство Кулударя, описанное в летописи, было совершено в 1442 г. и после него Василий II приказал его «кнутьем бити... да и дьячество отнял у него».¹³ Но значит ли это, что после 40-х гг. Кулударь не мог давать земли монастырю и вообще заниматься какой бы то ни было деятельностью? Такому

¹¹ ЦГАДА, ф. 281 (грамоты коллегии экономии), № 8/12841; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 229. С. 163. Ср.: Мейчик Д. М. Грамоты и акты XIV—XV вв.: (Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции, кн. IV). М., 1884. № 28; Шумаков С. А. Угличские акты. М., 1899. № XXXIV.

¹² Мейчик Д. М. Грамоты и акты XIV—XV вв. С. 129; Шумаков С. А. Угличские акты. С. 71, примеч. 2.

¹³ АСЭИ. Т. 1. С. 163 и 608 (коммент. к № 229).

выводу противоречит уже то обстоятельство, что в 1446 г. Кулударь выступал в качестве дьяка князя Ивана Можайского, а в 1455 г. — Михаила Белозерского. Следует отметить, что и сам С. Б. Веселовский проявляя непоследовательность при датировке грамоты Ефросина—Кулударя: в другой своей работе он датировал ее 50-ми гг. XV в.¹⁴ Существенное значение для датировки грамоты Ефросина—Кулударя имеет сопоставление этой грамоты с жалованной грамотой Василия II Троицкому монастырю, имеющей точную дату — 10 марта 1455 г.¹⁵ В жалованной грамоте этой упоминается один географический пункт, фигурирующий и в грамоте Ефросина, — Лбово, и указано, что село Лбово дал монастырю «Володимер Ирецкой» (т. е. Ирежский — фамильное прозвище Кулударя, упоминаемое в летописи). Это — несомненно отец Ивана Кулударя, «Володимер Иванович», на «духовную грамоту» которого ссылался его сын в Ефросиновой грамоте, но в ней фигурировало не село Лбово, а «Лбовское селце Иванковское»; остальные географические наименования в обоих документах совсем не совпадают. Какая же грамота была дана ранее: включало ли Лбово, упомянутое в жалованной грамоте 1455 г., «сельце Иванковское» и другие пункты, названные в грамоте Ефросина—Кулударя, или же Лбово было дано Владимиром Ирецким еще до 1455 г., а в грамоте его сына были перечислены дополнительные пожалования монастырю? С. Б. Веселовский, вопреки предложенной им датировке грамоты Ефросина—Кулударя 40-ми гг., склонялся к последней точке зрения — в комментарии к грамоте Кулударя он писал, что «сельцо Лбово упоминается в первый раз в 1455 г.» и было «дано монастырю несколько раньше».¹⁶ Вполне возможно, что во время написания грамоты 1455 г. Владимир Ирецкий—Ирежский был еще жив, а другая грамота — Ивана Кулударя, данная по «духовной грамоте» отца, — была написана после смерти Владимира Ирежского. Во всяком случае мы можем датировать ее, как это делали Д. М. Мейчик и С. А. Шумаков, второй половиной XV в.

О каких землях идет речь в грамоте? Она начинается с указания, что земли даны Кулударем «Сергеева монастыря игумену», но, очевидно, этот не названный по имени троцкий игумен не то же лицо, что «игумен Ефросин», упомянутый в конце. Почему вообще игумен Ефросин выступал здесь в несколько необычной роли писца? Грамоты, написанные игуменами собственноручно, — явление чрезвычайно редкое в подобных актах. В трех томах АСЭИ перечислено 579 писцов жалованных, данных и других грамот монастырей. В огромном большинстве случаев документы эти писались владельцами земель, о которых шла речь в грамотах, часто — дьяками,¹⁷ но лишь в 4 грамотах из 579 писцами были игумены. Все эти четыре грамоты относятся к Троицкому монастырю, и в трех из них — во всех, кроме грамоты Ефросина—Кулударя, — указано, игуменами каких монастырей были писавшие их иерархи. Эти грамоты были «меновными»: речь в них шла об обмене землями между Троицким и небольшими монастырями — в двух случаях это был Стромынский монастырь и грамоты писал игумен Стромынский Афанасий, в одном — «Великая Пустынь», т. е. Галичский Авраамиев монастырь, и писал грамоту игумен «Пустыни» Пахомий.¹⁸ В грамоте Кулударя речь идет не об обмене, и монастырь, игуменом которого был Ефросин, не назван. Но определить его все же можно. На месторасположение переданных Троице земель указывают географические реалии документа. Здесь названы река Коро-

¹⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 253.

¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 254. С. 183.

¹⁶ Там же. С. 608 (в издании жалованная грамота Троицкому монастырю 1455 г. названа под ошибочным № 255; имеется в виду № 254).

¹⁷ Лицами без ясно обозначенного в грамотах социального положения (чаще всего землевладельцами) были 226 писцов, владельцами объектов грамот, земель и пр., — 48, дьяками — 114, чернецами — 52 (см. предметно-терминологические указания к трем томам АСЭИ, под словом «писцы»).

¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 75, 173, 151.

жечна и сельцо, примыкающее к Лбову, которое фигурирует в других троицких документах, в частности в грамоте 1455 г., где упомянут Владимир Ирецкий. Во всех этих документах речь идет об у г л и ц к и х землях, данных подведомственному Троице небольшому Прилуцкому монастырю Рождества Христова. «Что у них (у Троицы. — Я. Л.) монастырь Рождества Христова в Прилуце» — указывается во всех этих грамотах.¹⁹ «Прилук» — это излучина Волги на юге Углицкого княжества у самой границы с великим княжеством Тверским, Корожечна — левый приток Волги, протекающий по углицкой земле. Рождественский монастырь, с самого начала зависимый от Троицы, впоследствии совсем волился в состав Троице-Сергиева монастыря, и Писцовая книга 1593—1594 гг. его уже не знала, а просто перечисляла соответствующие земли угличского уезда среди Троицких владений: «село Прилуки. . . церковь Рождество Христова», — указывая, однако, что «в селе ж у тех церквей в келье игумен».²⁰ Речь, как мы видим, идет об очень скромном игуменстве, в чьем ведении находились углицкие земли Троицы. Немудрено, что игумен такого ранга мог сам выступать и в качестве писца.

Не сюда ли и «поехал на игуменство» в 1477—1478 гг. кирилловский книгописец Ефросин, и не он ли стал игуменом-писцом Прилуцкого монастыря Рождества Христова? В сборнике Ефросин не указал ни места, ни продолжительности своего игуменства, но оно явно не было ни особенно почетным, ни долгим. Если бы Ефросин стал игуменом в большом монастыре, например в самом Троице-Сергиевом, которому достались земли, данные Кулодарем, это наверняка нашло бы отражение в источниках.²¹ С грамотой углицкому Прилуцкому монастырю связывают книгописца Ефросина не только его записи о поездке на игуменство и о Кулодаре. В одном из его сборников обнаруживается и какая-то связь его с Углицкой землей. В выписке «От странника» Ефросин переписал известные и по другим спискам сведения о расстоянии от Москвы до Киева, от Киева до «Белаграда» (Белгорода Днестровского), от Белгорода до Царьграда (по морю), от Царьграда до «Святой горы» и «от Москвы до Волги». К этим словам он приписал, очевидно впоследствии, другими чернилами: «От Белоозера до Углича 240 верст».²² Путешествие от Белоозера до Углича — это уже не указание из «Странника», а, как можно догадываться, отражение собственного житейского опыта книгописца.

В грамоте Прилуцкому монастырю сказано, что ее «писал игумен Ефросин, а подписал Кулодар своею рукою»; далее следует росчерк. Это надо понимать, по-видимому, в том смысле, что текст грамоты (кроме, возможно, слов «а подписал Кулодар своею рукою») написан игуменом Ефросином. Но совпадает ли почерк грамоты с почерком сборников Ефросина? Отождествление этих почерков затрудняется тем, что такой документ, как грамота, текст которой располагался по горизонтали, естественно, писался иначе, чем «келейные» сборнички, где на малом листе вертикальной формы писец старался уместить как можно больше текста. Особое значение поэтому имеет анализ отдельных букв в тексте грамоты.

Для почерка грамоты, как и для сборников Ефросина,²³ характерно написание букв з, р, у с длинными концами, далеко уходящими за пре-

¹⁹ Там же. № 189, 215, 254. Ср.: И в и н а Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985. С. 36.

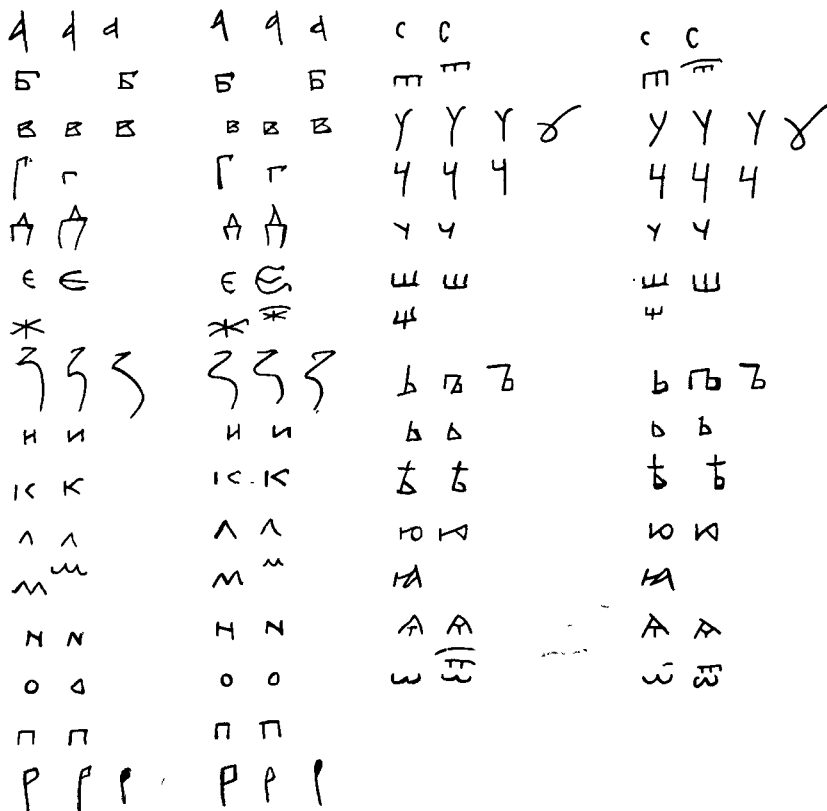
²⁰ Писцовые книги Московского государства / Издаваемые Имп. Русским Географическим Обществом под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1. С. 24.

²¹ АСЭИ. Т. 1. С. 764—765 (хронологическая справка). Ср. перечень троицких игуменов, доведенный до Авраамия, у Ефросина — КБ-22, л. 164 об. (здесь и далее счет листов по новой пагинации).

²² КБ-22, л. 224 об. — Следует отметить, что и предшествующие слова «. . . Волги 240 верстъ» вписаны дополнительно по вытертому тексту; очевидно, первоначально указывалось расстояние от Москвы до иного географического центра.

²³ Характеристику почерка этих сборников см.: В а р л а м. Описание сборника XV столетия. . . С. 2—3; Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 133, 134—137, рис. 1—4.

дела строки, так что *z* в 1-й, 2-й, 5-й, 8-й, 9-й строках и *p* на 4-й, 8-й и 10-й нелезает на следующую строчку. С длинными концами пишется *д*, что в сборниках Ефросина также встречается.²⁴ Хвостик в букве *z* не только далеко спускается за строку, но, кроме того, закруглен и откинут. Неоднократно обнаруживается в грамоте характерное *л* с длинной правой чертой, иногда спускающейся под строку (например, в 10-й и 11-й строчках); головка ее бывает иногда остроугольной (например, первое *л* в 1-й строке и предпоследнее в 10-й строке), чаще угол несколько закруглен,

Сходное написание букв в грамоте Ефросина—Кулударя и в сборниках Ефросина.

но не до конца (в сборниках также встречаются правая длинная черта и оба типа головки). *p* в большинстве случаев имеет угловатую головку; *о* также обычно угловатое, состоит из прямых, не округленных черт (см. в 1-й, 3-й, 4-й строках). Буква *е* иногда вытянута (например, в подписи «Ефросин»), иногда обычного размера. Выносное *т* (как и строчное) имеет опущенные крылья.²⁵

Черты правописания также обнаруживают сходство со сборниками: йотированный *л* (*л̣*) пишется обычно в начале слова (в имени «Исленичев» в 10-й строке), а *л* в середине, в нескольких случаях (во 2-й и 3-й строках) писец употребляет «*ь*» вместо «*л̣*».²⁶

²⁴ Ср.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 135, рис. 2. КБ-6, л. 347 об., строка 1-я сверху и 4-я снизу; КБ-9, л. 2, строка 6-я снизу, л. 129 об., строка 2-я снизу, л. 130, строка 5-я сверху.

²⁵ Букву *е*, вытянутую по горизонтали, ср.: КБ-11, л. 483, строка 5-я сверху. Букву *т* см.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 135, рис. 2. КБ-6, л. 347 об., строка 7-я снизу, с. 136, рис. 3. КБ-22, л. 356 об., строки 8-я, 1-я сверху.

²⁶ Ср.: Варлаам. Описание сборника XV столетия. . . С. 3. — Эта особенность орфографии Ефросина наиболее характерна для сборника КБ-9, но часто об-

Все эти черты сближают почерк грамоты с почерком сборников Ефросина. Но необходимо отметить и некоторые различия. Г в грамоте в большинстве случаев (но не всюду) имеет хвостик, спускающийся под строку; в сборниках такое написание редко. Однако и оно обнаруживается (в начале слов) в нескольких случаях.²⁷ В грамоте преобладает одностороннее Ч, в сборниках — симметричное, но одностороннее Ч также встречается.²⁸ В грамоте в букве Ъ коромысло почти всюду помещено над строкой (с двумя исключениями, в 5-й и 8-й строках, где оно на уровне строки, но левое крыло опущено вниз); в сборниках коромысло в Ъ обычно на уровне строки. Однако сплошной просмотр сборников Ефросина обнаруживает ряд случаев, когда коромысло, как и в грамоте, написано над строкой.²⁹ Буква ь читается в грамоте четыре раза (строка 10-я и 11-я) (из них два приходится на слова «а подписалъ Кулударь»), при этом в первом случае верхняя поперечная черта образует прямой угол с главной линией, а левый крючок опущен перпендикулярно вниз; в подписи «Ефросинъ» и «Кулударь» он как бы развевается. В сборниках почти всюду крючок на ь округленный. Однако обратившись к тем разделам, которые Ефросин писал более мелким почерком (очевидно, и более небрежно), мы систематически встречаем там ь с высокой поперечной чертой, образующей прямой угол с главной линией. Встречается и крючок, опускающийся перпендикулярно вниз.³⁰ Уникально написание буквы Х, читающейся в грамоте только один раз (в 1-й строке); правая линия сверху спускается вниз почти вертикально. Но необычный вид этой буквы легко может быть объяснен тем, что она содержится в слове дхѡскон (без титла); вполне вероятно (это предположение подсказала мне М. Д. Каган), что первоначально Ефросин начал писать букву ҃, но затем прибег к сокращению и переправил довольное обычное для грамоты ҃ на х. Заметим, что в троицких грамотах второй половины XV в. в слове «духовная» (грамота) буква «у» иногда писалась, иногда опускалась,³¹ а иногда в одной грамоте встречались и оба написания.³² Один раз встречается в тексте и буква ф — в подписи «Ефросин», где она имеет специфическую, несколько причудливую форму (с загнутыми верхним и нижним концами). Буква ж, также встречающаяся в грамоте один раз (в слове «Корожечну»), составлена из вертикальной линии с двумя диагоналями; правая диагональ имеет сверху необычный крючок; в сборниках написание, как правило, более сложно (вертикаль и две дуги), однако написание тремя линиями также встречается, обычно в выносных.³³ Иная, чем в сборниках Ефросина, выносная м в грамоте:

наруживается и в других сборниках; ср.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 135, рис. 2. КБ-6, л. 347 об., строка 3-я снизу; КБ-22, л. 301, строка 8-я сверху.

²⁷ КБ-6, л. 241 об., строки 11-я и 19-я сверху; КБ-9, л. 177, строка 8-я сверху; КБ-11, л. 237, строка 9-я снизу, л. 237 об., строка 6-я сверху.

²⁸ Ср.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 134, рис. 1. КБ-22, л. 505, строки 4-я и 5-я сверху; КБ-6, л. 61 (запись на поле); КБ-9, л. 356, строка 4-я сверху; КБ-11, л. 235, строка 2-я сверху.

²⁹ Постоянно встречается Ъ с коромыслом над строкой в сборнике КБ-22, на л. 4—46 об., написанием более мелким почерком и содержащем летописец и сочинение Дионисия Ареопагита (ср. несколько листов из этой части сборника, включенных П. М. Строевым в ГПБ, собр. Погодина, № 1554, л. 12—18. Ср. рис. на с. 354). См. также: КБ-22, л. 107 (на поле), л. 197, строка 14-я сверху, л. 236 об., строки 7-я и 11-я снизу, л. 432, строка 8-я сверху; КБ-9, л. 88, строка 3-я снизу; КБ-6, л. 236, строки 12-я и 15-я сверху; КБ-11, л. 228, строка 1-я сверху, л. 407 об., строка 14-я сверху.

³⁰ КБ-22, л. 4—46 об.; собр. Погодина, № 1554, л. 12—18, 190, 191, 235 об., 248 (встречается многократно); КБ-9, л. 87 об., строки 6—7-я снизу. Ъ с опущенным перпендикулярно вниз крючком — собр. Погодина, № 1554, л. 16 об., строка 1-я снизу.

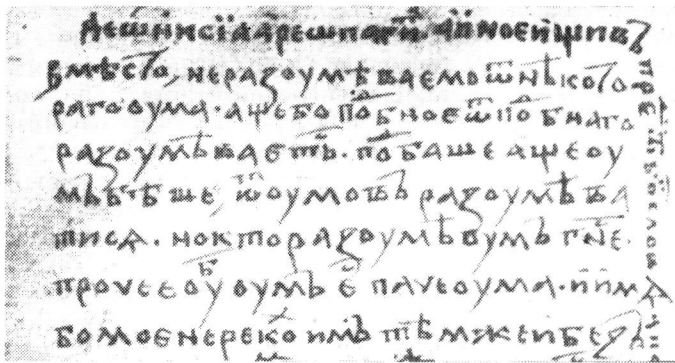
³¹ АСЭИ. Т. 1. № 164, 625. Ср. № 457, 472, 501.

³² АСЭИ. Т. 1. № 251 (с. 180: «А душевную писал. . .»).

³³ КБ-9, л. 2, строка 6-я сверху, строка 7-я снизу. Выносные см.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 136, рис. 3: КБ-22, л. 353 об., над 5-й строкой снизу; ср.: КБ-11, л. 228 об., строка 1-я, 6-я сверху.

она написана бегло, как бы скорописью. Возможно, что это отличие (как и своеобразное написание буквы ж) объясняется именно тем, что перед нами — грамота; в троицких грамотах того времени мы наблюдаем тенденцию перехода полуустава в скоропись; выносное м имеет скорописную форму. Пример скорописного выносного м можно найти и в сборнике Ефросина.³⁴

Функциональными различиями между грамотами и сборниками объясняется, на наш взгляд, и одна особенность правописания в грамоте Ефросина—Кулударя: в сборниках Ефросина употребляется сложное правописание су (кроме одного случая, указанного мне Д. Л. Лурье), изредка лигатура ѿ, между тем как в грамоте всюду у и лишь в 1-й строке лигатура ѿ. Обратившись к троицким грамотам того времени, мы можем убедиться, что их писцы, даже знавшие употребление су и ѿ, предпочитали простую форму у.³⁵

Фрагмент из сборника Ефросина (ГПБ, собр. Погодина, № 1554).

Если считать, что игумен Ефросин, написавший данную грамоту Кулударя, — кирилло-белозерский книгописец, то это связывало бы грамоту с обеими записями на его сборниках: о поездке на игуменство и о «тате Кулударе». Столь резко и определенно охарактеризованная Ефросином в сборнике деятельность Кулударя Ирежского относилась, скорее всего, к тому времени, когда в Москве распоряжались Шемяка и Иван Можайский, а оказавший в 1442 г. Шемяке важную услугу Кулударь был дьяком Ивана Можайского — влиятельной личностью, имевшей возможность распоряжаться церковным имуществом. Тридцать лет спустя ему пришлось расплачиваться за прошлое и замалывать грехи.³⁶

³⁴ Собр. Погодина, № 1554, л. 17 об., строка 9-я сверху. Ср.: Архив ЛОИИ, колл. 2 (Стрлова), оп. 1, № 125, над строкой 5-й снизу.

³⁵ Собр. Погодина, № 1554, л. 16 об., строка 7-я сверху (у без ѿ); КБ-9, л. 2, строка 8-я снизу (лигатура). Ср.: АСЭИ. Т. 1. № 239, 240, 245, 247, 248, 251, 257, 260—265, 271, 278, 302, 311, 322, 323, 327, 334, 342, 359, 365—368, 371, 375, 400, 401, 403, 435, 437, 444, 446, 451, 463, 467, 476, 480 и др. (Ср. также: АСЭИ. Т. 2. № 236, 237, 238 и др.).

³⁶ Теоретически возможно и иное понимание взаимоотношений между «Кулударем Ирежским» летописей и «Кулударем» записи Ефросина. «Кулударь (Кулударь)», названный в летописях (и в грамотах, где он выступает как дьяк), мог быть не Иваном Владимировичем, а Владимиром Ивановичем Кулударем. Толкование грамоты Ефросина—Кулударя от этого мало изменилось бы: можно считать, что Владимир Кулударь в 40-х гг. грешил, а сын Иван по «духовной» отца расплачивался за его грехи. Однако такому толкованию препятствует то, что прозвище (мирское имя) отца обычно передавалось сыну в форме родительного падежа: Иван Владимирович назывался бы не Кулударь, а скорее Кулударев. Скорее следует предполагать, что и грешил и расплачивался за грехи все тот же Иван Кулударь Ирежский, но в 40-х гг. он был еще молодым человеком: если в 1442 г. ему было лет 30, то в конце 70-х гг. XV в. лет 65—68. Отец его, к 70-м годам уже умерший, был, естественно, еще старше.

Отправление на игуменство в Углицкое княжество едва ли было принято Ефросином по указанию его кирилловского духовного начальства: Кириллову монастырю не было нужды заботиться о земельных владениях Троицы. Скорее напротив — это было уходом из монастыря.

60—70-е годы были временем острой политической борьбы в Кирилловом монастыре — пять раз за эти годы происходила смена игуменов.³⁷ В 1471—1475 гг. игуменом был Игнатий, покровитель книгописания, которому Ефросин не раз помогал в составлении сборников. Еще при Игнатии, во всяком случае до 1473 г., Ефросину была поручена переписка обширного Торжественника (ныне в ГИМ, собр. Уварова, № 338). Книга эта была совсем не похожа на обычные сборники Ефросина, и работа над нею явно отягощала его, о чем свидетельствуют длительность переписывания и многочисленные записи, сделанные писцом по окончании каждого из разделов. Обычная продолжительность работы Ефросина над рукописями нам известна — несколько листов в день (за 11 дней он переписал «Хождение игумена Даниила», занимающее 59 л., — КБ-9, л. 138 и 193; за месяц и 13 дней — «Службу страстей господних», занимающую 91 л., — КБ-9, л. 356). Торжественник имел более крупный формат (в четверку), чем большинство рукописей Ефросина, но и в этом случае Ефросин мог при желании переписывать в день по несколько листов. Но записи Ефросина (он отмечал на Торжественнике не только год, месяц и число окончания каждой части, но даже день недели и час) свидетельствуют о крайней неравномерности его работы. Сколько времени заняла первая часть, мы не знаем (Ефросин отметил (собр. Уварова, л. 161) только время ее окончания — 30 января 6981 (1473) г.). Вторую часть он переписал к зиме 6982 (1473—1474) г. (собр. Уварова, л. 219 об.), очевидно год спустя; объем ее — 58 л. Следующую часть переписал 17 декабря 1474 г. (собр. Уварова, л. 399); объем ее составляет 180 л.; интервал между двумя записями — почти год. Следующая запись — «декабря 21 в среду вечер час ночи» (л. 411 об.), и интервал составляет 12 л., — если имеется в виду тот же год (декабрь 6983—1474 г.), то Ефросин переписал эту часть текста всего за 4 дня — возможный для него срок. Но следующая запись — «в лето 6985 декабря 21 (декабрь 1476 г.) в субботу вечер час 6» (л. 487 об.), — получается, что текст в 76 листов Ефросин переписывал два года. Конечно, это не просто медлительность — книгописец предпочитал вместо порученного ему труда писать более интересные сочинения: именно осенью 6984 (1475) г. он переписывал «Хождение игумена Даниила».

Но в 1476 г. произошла очередная смена игумена Кириллова монастыря. Игуменом стал Нифонт, строгий ревнитель церковного благочестия, которого впоследствии (когда Нифонт стал епископом Суздальским) виднейший обличитель ереси Иосиф Волоцкий назвал «главой всем».³⁸ Резко изменился темп работы Ефросина над Торжественником. Последние 130 л. он написал за 5 месяцев — с декабря по апрель 6985 (1476—1477) г., но зато пятикратно отметил окончание каждого раздела (собр. Уварова, л. 507 об., 520, 535 об., 543, 637) и заключил всю работу записью (л. 638): «Бог мя избавиль. . . Сильно есмь рад, коли кончал строку последнюю. . .».

«Не за епитимью ли написана эта огромная книга? Нетерпеливое многословие писца высказывает что-то подобное», — заметил известный археограф XIX в. архимандрит Леонид.³⁹ Конечно, это только предположение, но предположение, высказанное ученым, хорошо знавшим и древнерусскую письменность и церковную практику. Подтверждением предположения архимандрита Леонида и вместе с тем свидетельством некоторой необычности поведения книгописца при изготовлении Торжественника может слу-

³⁷ Ср.: АСЭИ. Т. 2. С. 694—695.

³⁸ Ср.: Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 54—57, 238.

³⁹ Л е о н и д, а р х и м. Систематическое описание рукописей. . . Ч. 1. С. 480.

жить запись Ефросина после слов «Богъ мя избавиль»: «Фертъ лежачей Ѡ девять держит фертъ стамячей Ф пятьсот держить». Запись неуместная, загадочная и едва ли благопристойная. Запись эта была впоследствии затерта (хотя читается достаточно ясно), и к ней была сделана приписка иным почерком: «О, горе окаянному, внимающему сего свѣта житие». ⁴⁰ Видимо, благочестивая книгописная работа не исправила любителя письменности, отражающей интересы и «житие сего света».

Неблагочестивая запись на «святой книге», работа над которой тянулась четыре года, как и вся деятельность составителя «келейных» сборников, очевидно, не могла остаться без последствий при Нифонте — через полгода с небольшим после переписки Торжественника и вскоре после окончания написания не предназначенного для посторонних глаз «Сказания о 12 пятиницах» Ефросин покинул Кириллов монастырь. ⁴¹

Но деятельность Ефросина как игумена Прилуцкого Рождественского монастыря в Углицком княжестве едва ли была продолжительной. ⁴² Во всяком случае никаких других отражений этой деятельности, кроме рассмотренной грамоты, мы в известных нам памятниках не находим. А уже к сентябрю 6988 (1479) г. относится одна из его важнейших книгописных работ — создание древнейшего из дошедших до нас списков «Задонщины», переплетенного (вместе с различными статьями 70—90-х гг.) в сборнике КБ-9. Где писались «Задонщина» и сборник в целом? Архимандрит Варлаам, описывавший его, предполагал, что это происходило не в Кирилловом монастыре, ибо в сборнике содержатся выписки из «Устава Кириллова». ⁴³ Это малоубедительный аргумент: ссылаться на «Устав Кириллов» можно было и находясь в том же монастыре. Последний по времени ефросиновский сборник, КБ-11 (90-е гг.), во всяком случае был создан в Кирилловом монастыре, ибо иллюстрировал его кирилловский «зуграф» (художник) Ефрем. ⁴⁴ В той же обители, как мы знаем, сохранились и все «энциклопедические» сборники Ефросина.

Основным поприщем Ефросина была отнюдь не административная работа. Он был прежде всего книгописцем — и в этой роли остался в истории русской культуры.

⁴⁰ ГИМ, собр. Уварова, № 338 (894) (305), л. 638. — Ссылка на числовое значение букв Ѡ и Ф сама по себе непонятна: число 509 не фигурирует в рукописи; общее количество листов Торжественника, указанное самим Ефросином, — 639 («Тетради 64 без листа, а листов 600 и 40 без листа, а в тетради по 10-ти листов» — л. 638 об.). Ср.: Л у р ь е Я. С. Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31—32. P. 257—267.

⁴¹ Вероятно, Ефросин уходил из Кириллова монастыря не один раз: к нему может относиться полукриптографическая запись в «Германовом сборнике» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 101/1178, л. 257): «... отпол Ефросин, жил год да три месяца и две недели, а луе 5 круг, лет в руке а, месяца мая по Николене дни», — предположительно датируемая 1470—1471 гг. (Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 142, примеч. 75; предшествующие слова «круг солнца, ме(сяц)» прочитаны были в этой статье ошибочно как «круг солнду 35» — едва ли они связаны с последующими словами).

⁴² Грамота Ефросина — Кулударя может быть суммарно датирована 1477—1478 гг. — временем поездки Ефросина «на игуменство». Но Г. П. Семенченко любезно обратил мое внимание на одно обстоятельство: грамота Ефросина — Кулударя называет «Сергеева монастыря игумена» без имени; возможно, это означает, что грамота была дана в период, когда в Троицком монастыре не было игумена. Тогда временем написания Ефросином грамоты мог быть период с июня по ноябрь 1478 г., между последним упоминанием игумена Авраамия (АСЭИ. Т. 1. № 455) и первым — Паисия Ярославова (№ 458).

⁴³ В а р л а а м. Описание сборника XV столетия... С. 2.

⁴⁴ Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 141.

Н. К. ГАВРЮШИН

Митрополит Даниил — редактор «Диалектики»

«Диалектика» Иоанна Дамаскина — первая философско-логическая часть энциклопедического труда «Источник знания» (VIII в.), толкующая о важнейших понятиях и умозаключениях, — была известна в славяно-русском переводе в извлечениях уже в XI в. (Изборник Святослава 1073 г.), а полностью переведена не позднее XIII в. Два самых ранних ее списка — середины XIV в., сербского извода, но русские списки XV в. восходят к болгарскому протографу другой редакции. В XVI—XVII вв. «Диалектика» получила на Руси весьма широкое распространение, общее число сохранившихся списков превышает 150.¹

До середины XVI в. переписчики «Диалектики» не решались вносить в ее текст какие-либо существенные изменения, хотя использовали в своей работе различные списки и так или иначе отмечали разночтения. Наиболее значительным добавлением по сравнению с греческим оригиналом был появившийся уже в XIV в. и, как правило, выделяемый киноварью фрагмент «Срока о землемерии». Со второй половины XVI в. кодикологическое окружение «Диалектики» и отчасти сам ее текст заметно изменяются. Во многих списках это сочинение теперь предваряет предисловие Иоанна Экзарха Болгарского (ранее предпосылавшееся только «Богословию» Иоанна Дамаскина), появляется ряд сопровождающих статей и изречений, вносятся пространные дополнения в главу «О философии».

Самый ранний известный нам список, в котором появляются указанные редакторские изменения (ГБЛ, Волоколамское собр., № 490), относится к 1543 г. и считается собственноручным трудом митрополита Даниила, находившегося в то время на покое в Иосифо-Волоколамском монастыре.²

Можно, конечно, предполагать, что митрополит Даниил воспроизвел в своей рукописи редакторские изменения не дошедшего до нас протографа. Но кто из его возможных предшественников взял бы на себя смелость существенно расширить текст одного из наиболее чтимых православных

¹ См.: Гаврюшин Н. К. 1) «Изборник Святослава» 1073 г. и «Диалектика» Иоанна Дамаскина // Советское славяноведение. 1983. № 4. С. 94—96; 2) «Книга диалектичных глубины. . .» // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. С. 95—100 (Междуведомственный сб. науч. работ. Вып. 2); 3) О ранних списках славяно-русской «Диалектики» // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1986. Т. 45. С. 279—284; см. также: Бедрицкий Л. К. Изучению Диалектики Иоанна Дамаскина // РФВ. 1915. Т. 73. № 1. С. 147—156; Зубов В. П. К вопросу о характере древнерусской математики // Успехи математических наук. 1952. Вып. 3 (49). С. 83—96; Пейчев Б. Философский трактат в Симеоновом сборнике. Киев, 1983. С. 87—100; Weiger H. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969.

² Подробнее об этой рукописи см.: Клосс Б. М. Библиотека московских митрополитов в XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 117 и след. — Считаем необходимым заметить, что на листах «Диалектики» почерк Даниила заметно варьирует. По-видимому, это связано с длительными перерывами в работе, сменой пера и чернил. Особенно заметно изменение почерка на л. 59.

богословов? В то же время известно, что сам Даниил зачастую решался распространять высказывания отцов церкви собственными парафразами без каких-либо помет или оговорок, — это, так сказать, характерная черта его писательского облика. «Даниил, — писал В. Жмакин, — святоотеческие свидетельства иногда сопровождает собственными замечаниями, и здесь становится положительно невозможным указание того, что собственно принадлежит св. отцу и что самому автору послания».³

Как показали исследования Б. М. Клосса, редакторская деятельность митрополита Даниила вообще была весьма обширной и, что для нас особенно важно, свидетельствует о его непреходящем интересе к философии, или любомудрию. «Во вставных текстах Никоновской летописи (и только в них!), — пишет Б. М. Клосс, — довольно часто (20 раз) попадаются слова „любомудрие“, „любомудрствовать“ и т. п. . . . Оказывается, у митрополита Даниила слово „любомудрие“ одно из наиболее частых, в его сочинениях оно встретилось 111 раз».⁴

Сравнение дополнений к «Диалектике» в списке Волоколамского собр., № 490 с подлинными посланиями митрополита Даниила не оставляет никаких сомнений в том, что они принадлежат одному автору.⁵

Наиболее значительные изменения в «Диалектике» связаны с определениями философии. К шести классическим определениям, вошедшим в это сочинение из более ранних источников, митрополит Даниил прибавляет, согласно нумерации на полях, еще три. Все они носят нравственно-аскетический характер, смысловые границы между ними трудноразличимы.

Как известно, в Византии существовало двойное понимание терминов «философия» и «философ»: с одной стороны, преимущественно интеллектуалистическое, при котором философия мыслилась прежде всего как познание (σοφία-γνώσις); с другой стороны, монашески-аскетическое, усматривавшее в философии «путь умного делания», — философом в таком понимании был истинный подвижник благочестия.⁶ На Руси были известны оба эти значения,⁷ хотя второе постепенно стиралось и у «любомудрцев» начала XIX в. память о нем по существу была утрачена.⁸

Редакционные изменения и дополнения, внесенные митрополитом Даниилом в «Диалектику», бесспорно свидетельствуют, что он был приверженцем понимания философии именно как «умного делания».

³ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 291.

⁴ К л о с с Б. М. Митрополит Даниил и Никоновская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 194.

⁵ Основанием для этого вывода служит не только общность ритмико-интонационной структуры, характерных вставок в перечисления существительных глаголов в форме инфинитива, но и ряд текстуальных совпадений. К определениям истинного христианского любомудрия Даниил возвращается неоднократно, постоянно подчеркивая значение «трудов и потов», «слез и молитв» и обличая «плотское мудрование», причем в 12-м Слове использована та же пространная цитата из Рим., 8, 4—9, что и в приводимом ниже тексте Волоколамского собр., № 490, л. 12. В том же 12-м Слове находится другая параллель к фразе упомянутого текста «И яко страхом Господним начало премудрости уклоняется всяк от зла» — «Христианин есть имеай себе пригвождена всегда страхом Господним, зане страхом Господним уклоняется всяк от зла» (Жмакин В. Митрополит Даниил. . . С. 24, Прил.). Слова из «Наказания» 13-го «подвигается и слышати и творити душеполезная» (там же. С. 32) напоминают концовку текста Волоколамского собр., № 490, л. 12 об.: «Всячески потщимся духовно жити и духовно любомудрствовать и душеполезная и спасенная творити».

⁶ См.: D ö l g e r F. Zur Bedeutung von φιλοσοφία und φιλοσοφία in Byzantinischer Zeit // F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 197—208; Š e v č e n k o I. The definition of philosophy in the Life of Saint Constantine // For Roman Jacobson. The Hague, 1956. P. 449—457.

⁷ См.: Г р а н с т р е м Е. Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 20—28.

⁸ См. употребление слова «любомудры» у И. П. Елагина (Опыт повествования о России. М., 1803), в сочинениях участников «Общества любомудрия» (1823—1825) и т. д.

Непосредственно перед главой «О философии» (8a9) ⁹ Даниилом вставлен следующий текст с выделенным кивоварью заголовком.

«О философии внимаи разумно, да не погрѣшиши

В постѣ и в жажди и въ воздержании и въ чистотѣ и цѣломудрии и въ упразнении и въ безмлъвии и болѣзными и труды и молитвами и слезами и съ страхом Божиим начало положим. Философия любомудрие по словенскому тлъкуется языку. Философия Божие дѣло есть и мысль непрестанна къ Богу» (л. 10 об.).

Далее, за шестью определениями философии, в строку, с выделением лишь заглавной буквы идут еще три определения — после слов «истиннаа философия» (9b4):

«Учаиже ся философии и философствуаи, да съблюдает твердѣ и добрѣ православноу вѣру Христову и божественнаа его заповѣди, и всегда угоднаа ему да творит, пребываа выну въ чистотѣ душевнѣи и телеснѣи; аще ли же обленится философствуаи, постражет иступление ума, и бывает скотень, и звѣрообразень, и весь плотен. От плотскаго же мудрования и от растлѣнна житиа ереси съставишася; растлѣнно бо житие и плотское мудрование имущей от Бога оставляеми бывают, яко же писано есть: не пребудет духъ мой въ челоуѣцѣх сих, зане суть плоть. Истиннии же духовнии философи не плотскаа мудръствуют, и не по плоти ходят, но по духу, яко же рече апостолъ: сущии бо по плоти, плотскаа мудръствуют, а иже по духу, духовнаа. Мудрость бо плотскаа смерть, а мудрость духовнаа живот и мирѣ. Зане мудрость плотскаа вражда на Бога, закону бо Божию не повинуется, ни может бо. А сущии въ плоти Богу угодити не могут. Духовнии же Божии философи не суть въ плоти, но въ дусѣ, понеже духъ Божии живет в них. Имущим бо страх Господень в себѣ и любящим Бога вся поспѣются въ благое. Страх бо Господень начало всякой добродетели. И яко страхом Господним начало премудрости уклоняется всякъ от зла. И начало премудрости страх Господень, и страх Господень чистѣ пребываа въ вѣкъ вѣка, и блаженъ муж боаися Господа, и нѣсть лишения боящимся его. И да не отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печалми житейскими. И умертвите уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимѣние и прочаа; и подвижаи ся от всего въздрѣжится. Не смиряи себе смирениемъ глубоким, и не преобидай всякия славы мимогрядущаго сего житиа, и бесчестия, и богатства, и скорби, и нищеты, и печали, и обиадения, и пианства, и сласти плотския, не может быти истиннии философъ. Положи убо въ души своей умрети въ благихъ подвижѣх, неже отступити животнаго сего възскаiania. Кромѣ бо трудов, и потовѣ, и болѣзней, и тѣсноты, и скорби, и терпѣния, и смирения, и слез, не приемлет дарования Святаго Духа. Идѣже бо есть истинное умиление, и неложное съвершеное смирение, тамо и смиреномудриа глубина. И идѣже смиреномудриа глубина, тамо и съкровенное съкровище премудрости и разума Божиа. Всяческии потщимся духовно жити и духовно любопремудръствовати, и душеполезнаа и спасенаа творити, и глаголати, и съвѣговати, и въспоминати, в прилично и в подобно время, въ мнозѣ смиреномудрии и умилении, къ душевнѣи ползѣ и спасению, сиа есть истиннаа философия» (л. 12—12 об.).

Затем после слов «таже и аггелы и души» (9b9) вставлено: «От слез убо и молитвы чистыа умныа, умнаа чистота к ползѣ в коемждо очищаемыхъ бывает, и възходит и въ явление премудрости и разума Божиа, и таиньствъ царствия небеснаго, и зрѣния и откровения съкровенныхъ в души съкровищъ Божиихъ» (л. 13).

Перед словами «Но отъяти начаша» (10b5) сделано добавление: «Философия в мысленыхъ трудѣх и потѣх и подвижѣх божественное дѣлание и уставъ и чинъ имат, и слезы, и молитвы, и умиление, и смирение, и еже

⁹ Строки указываем по изд.: We iher E. Die Dialektik...

въ умѣ боговидѣнне и умѣ к Богу иматъ беспрестани. Философія раздѣляется ~ въ градовное» (л. 13 об.).

После слов «Еже съсудъ паче есть философія неже честь» (11а6) вставлен без киноварных выделений следующий фрагмент: «. . . служение и работа и подвига многи, и труды, и поты, ума и смысла, и разума, и гаданиа, и искусства, и словеса, и въздержжаниа, и поста, и жажды, и бдѣнниа, и не по плоти жити, но по духу, удерживаа тѣло и порабоцаа, да не како инѣмъ проповѣдавъ, самъ непотребенъ будетъ. Нѣсть бо царствие Божіе брашно и питие, но правда, и миръ, и въздержжаніе. Вѣровавшимъ, и разумѣвшимъ, и познавшимъ истину, единѣмъ премудрымъ Богомъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Того помощника имуща, и духовныи разумъ и добродѣтельное житіе стяжавша, и трудолюбноующе. То бо и къ всякому учению и наказанию требуется» (л. 13 об.—14).

Наконец, еще одно дополнение имеется в самом конце главы, после слов «назнаменание объявльше» (11а9). Оно также никак не выделено, а в конце фразы видоизменяет текст Иоанна Дамаскина: «. . . и тако съ въздержжаніемъ, и смиреніемъ, и съ чистотою душевною и телесною, и о словесахъ философіи трудолюбноующе посмотримъ» (л. 14).

Отношение митрополита Даниила к философіи как «умному деланию» особенно ярко проявилось в переработке известного ответа Константина Философа на вопрос схоластика Логофета. Этот фрагмент наряду с некоторыми другими изречениями стал почти обязательным сопровождением «Диалектики», но о нем мы скажем несколько ниже, поскольку он примыкает к «Предисловию» Иоанна Экзарха.

С кодикологической точки зрения судьба названного предисловия весьма поучительна. Первоначально оно было связано с «Богословием», а «Диалектике» его впервые предпослал именно митрополит Даниил, отразив своим решением определенную кодикологическую закономерность.

Уже в XIV в. «Диалектику» стали соединять с анонимной грамматикой — сочинением «О осми частехъ слова» (ГПБ, собр. Гильфердинга, № 84).¹⁰ Списки, отражающие наиболее раннее соотношение этих сочинений (ЦНБ АН УССР, собр. Почаевской лавры, № Б 47; ГПБ, Соловецкое собр., № 1186/1296), показывают, что грамматика сначала шла после «Диалектики» и не связывалась с именем Иоанна Дамаскина. В XV в. грамматику, очевидно, как первую часть тривиума стали помещать перед «Диалектикой» (ГИМ, собр. Барсова, № 90, со списка 1414 г.).¹¹ Затем грамматику по принципу регрессивной ассимиляции стали также считать принадлежащей Иоанну Дамаскину и усвоили ей (считая одним целым с «Диалектикой») название «Книги философской о осми частехъ слова» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 10/1087; ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 176, 177; ГИМ, Единоверческое собр., № 86 и др.).¹² При этом ее регулярно включали в сборники, содержащие Житие Иоанна Дамаскина и ряд его сочинений.

Текстологический анализ позволил заключить, что митрополит Даниил работал со списком, восходящим к традиции № 176 и 177 собр. Троице-Сергиевой лавры (хотя в него были внесены маргиналии из списка другой традиции, восходящей к № 84 собр. Гильфердинга). «Предисловие» Иоанна Экзарха в этих рукописях расположено таким образом, что естественно мог возникнуть вопрос: к какой же все-таки книге оно первоначально относилось? Помещенное между «Диалектикой» и «Богословием», оно отделено от первой сочинением Иоанна Дамаскина «О божест-

¹⁰ We i h e r E. Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats «Über die acht Redeteile» // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1977. Bd 9. S. 367—427.

¹¹ Публикацию см.: Ж у к о в с к а я Л. П. Барсовский список грамматического сочинения «О восьми частях слова» // Східно-слов'янські граматика XVI—XVII ст. Київ, 1982. С. 29—51.

¹² См. также: Г а в р ю ш и н Н. К. О ранних списках славяно-русской «Диалектики».

венем десятословии», а от второго — статьей «Иоанна Дамаскина летописца по плоти великаго Бога нашего Иисуса Христа». Поскольку объединенная с «Диалектикой» грамматика уже имела название «Книги философской. . .», а в первых же строках «Предисловия» Иоанна Экзарха речь идет о Константине Философе, Даниил, очевидно, и решил поместить это «Предисловие» перед грамматикой и «Диалектикой» (л. 2—3 об.).¹³ Однако в правильности своего решения Даниил, по-видимому, не был уверен и потому переписал то же «Предисловие» с небольшими изменениями и грамматику во второй раз — перед «Богословием» (л. 53—55). В данном случае он присоединил к «Предисловию» несколько мелких статей и изречений.

Возможно, что статьи эти имели самостоятельное хождение и до Даниила, но он, во всяком случае, в соответствии со своим пониманием философии существенно изменил первую, восходящую к эпизоду из «Жития» Константина (гл. IV).

«Блаженный Константин философъ вопросимъ бывъ от схоластика Логофета Варасихиакиарта, что есть философия, отвѣща и рече: философия есть страх Господень; философия есть добродетельное житие; философии есть отвѣжание от всякаго грѣха; философии есть отлучение от всего мира; философия¹⁴ есть божимъ вѣщем и человѣческим разумъ благосмотреливъ, и елико человѣкъ можетъ благими дѣлы приблизитися Богу» (л. 55).

Для сравнения приведем эту же статью в другой весьма распространенной редакции по рукописи ЦГАДА, Мазуринское собр., № 642, л. 8: «Кирил словеньский, вопросим бысть от Логофета, что есть философия, рече: божиам и человѣчьским вѣщем разум, и елико можетъ человѣкъ приблизитися Бозѣ, яко дѣтелию учитъ его, по образу и по подобию быти сътворшему и».

Ясно, таким образом, что вторая редакция почти дословно передает ответ Константина по тексту его Жития. Но если в этом ответе, как и в «Диалектике» Иоанна Дамаскина, философия есть прежде всего «разум», т. е. познание (γῶσις), то у Даниила она — «страх Господень» и «добродетельное житие» и лишь на пятом месте «разумъ благосмотреливъ».

Несомненно, что редакция Даниила обусловлена его особой ценностной ориентацией, в которой жизнь — «бытие по духу» — ставится выше умозрительного познания.

Любопытно отметить, что в греческой и славянской традиции в одном из стихотворений, сопровождающих сочинения Дионисия Ареопагита и посвященных этому мыслителю и подвижнику, мы читаем:

И умную лучу оставил еси, и разум сущих,
Ноши ради бесмертныя, юже несть лъзя именовати.¹⁵

Памятуя, что «разум сущих» есть первое определение философии в «Диалектике» Иоанна Дамаскина, мы должны будем сделать вывод, что Дионисию Ареопагиту ставится здесь в заслугу именно переход от интеллектуалистической, зависимой от слова, «словесной» философии (как «логики» и «познания») к философии «надсловесной» (смыслы которой

¹³ Нужно заметить, что на редакторскую работу Даниила в связи с сочинением «О осми частех слова» обратил внимание еще И. В. Ягич, который писал, что «авторитет Даниила ввел в заблуждение многих других писцов XVI и XVII стол.» (Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1896. С. XVI—XVII). Ср. также вывод Калайдовича о древнем переводе «Диалектики» (Калайдович К. Ф. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824. С. 167 и след.).

¹⁴ В оригинале описка: философсии.

¹⁵ См.: Прохоров Г. М. Греческие эпиграммы в славянском переводе XIV в. и в русской рукописной традиции // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 92.

невыразимы обычными словами — «нестъ лъзя именовати»), металогиической, или скорее мета-поэтической (от греч. *meta-poiesis* — Матфей, 3, 2 и др.), предполагающей не только изменение (и в известном смысле «преодоление») у м а, но и преобразование всего способа б ы т и я.¹⁶

Именно таким пониманием философии и руководствовался митрополит Даниил, редактируя «Диалектику» и сопровождающие ее статьи.

Вслед за ответом Константина на вопрос о философии Даниил приводит несколько изречений и определений различных понятий, частично напоминающих своего рода выборку из «Азбуковника». Утверждать, что они составлены самим Даниилом, а не заимствованы готовыми из другого списка, мы не можем. Но совершенно бесспорно, что главным образом благодаря Даниилу для последующей традиции они стали по существу неотъемлемой частью «Диалектики», а потому привести их здесь необходимо.

«Егда убо сила есть дѣйства, существо не глаголется, обаче есть. Егда же дѣйство есть, сила не глаголется, но дѣйство, дѣйствуемаго ради. Предопредѣлено убо, устава не имущи. Предопредѣление. Предположение. Апапартееось. Мудрость. Философие. Умъ висяи къ Богу. Фома. Бездна. Безъ дна яко риза. Бездна, без мѣры, без чина, без мѣры; отлично, неподобно, наручно, неразумно. Белѣгъ, срока, знамение иже въ крузѣ. Имъство, разумѣние или чювьство духовное. Огню имъство есть, качество, съгрѣвательно. Илевтронъ, камень, честень, свѣтель; бисерь, злато, серебро, синтеръ от земли качество имѣют, коварство, нравъ.

Философския словеса и мудрости. Словесница аристотелскаа, богословница платонова, пиитикиа, многих философъ суть слова. Тѣми многоразличными книгами может человекъ о Христѣ премудрости учиться, и книждо философъ философство твердоразумно дръжати, и словеса и речи украсити и съставляти, и книги своа сътворяти. Главизна повествуется ей Омиро.

Рече святый Иван Дамаскын: аще что и от внѣшних мудрець приобрѣсти можем, неотметно есть. Да будем искусни купци, еже истинное и чистое яко злато събирающе, а нечистое отмещюще. Приемлемъ словеса добраа, а иже смѣхотворныа и баснословныа кощюны псом отверзем» (л. 55—55 об.).

Редакционные дополнения и изменения, внесенные митрополитом Даниилом в «Диалектику» и сопровождающие ее статьи, оказались едва ли не самыми крупными за всю историю существования этого памятника на Руси. Любопытно поэтому проследить, насколько авторитетным оказался список Даниила для последующей традиции, какие рукописи прямо или косвенно зависят от него. Этот вопрос далеко не безразличен для изучения судеб древнерусской книги, взаимосвязи между различными духовными центрами и т. д.

Заметим прежде всего, что главу «О философии» с дополнениями Даниила нередко переписывали отдельно от «Диалектики» (ГБЛ, Волоколамское собр., № 520, л. 79—83 об.; собр. Румянцева, № 361, л. 161—171; ЦНБ АН УССР, собр. митр. Макария, П/106, л. 105—113).

С полной определенностью можно утверждать, что к списку Даниила восходят большинство рукописей «Диалектики», принадлежавших библиотеке Соловецкого монастыря (ныне ГПБ, Соловецкое собр.): Сол. 71/74,

¹⁶ Когда в новейшей философии мы встречаем попытки вывести на первый план металогиическое «пра-переживание», свойственное «целостному человеку» и недоступное отвлеченной логической способности, картезианскому «*sum cogitans*» (Ralfs G. Das Irrationale im Begriff: Ein metalogischer Versuch // Heidelberg Abhandlungen zur Philosophie und ihrer Geschichte. Tübingen, 1925. S. 81), — их можно, в известной мере, рассматривать как отражение «мета-поэтического» понимания философии, выработанного еще византийским монашеством, но в общем чуждого западноевропейской культуре.

Сол. 102/102, Сол. 103/103, Сол. 104/104, Сол. 106/106, Сол. 107/107, Сол. 109/109, Сол. 309/329, Сол. 315/335, Сол. 317/337, Сол. 666/724. Исключение составляют вопросно-ответная редакция Сол. 105/105 и неполный список Сол. 338/358. Выбор соловецких писцов особенно многозначителен, поскольку уже в 1520 г. монастырь располагал списком одной из ранних редакций «Диалектики» Сол. 1186/1296.

Из рукописей, связанных с Троице-Сергиевой лаврой, можно назвать: ГБЛ, собр. МДА осн., 39, 147, 148, 150.

В той или иной мере зависят от традиции Волоколамского списка, № 490 списки различного происхождения: ГБЛ, ОР, № 99; собр. Егорова, № 612, 1784; Рогожское собр., № 230; собр. Румянцева, № 192; собр. Строева, № 32; собр. Тихонравова, № 220; БАН, 1.1.35; 33.6.4; собр. Дружинина, № 121; собр. Каликина, № 5; Т. п., № 107; ГПБ, собр. Вяземского, Q.147; Q.XVII.39; собр. Погодина, № 1075, 1076; ГИМ, Новоспасское собр., XVIII; собр. Уварова, № 314—4°; Чудовское собр., № 237; ПД, Оп. 24, № 111; ЦНБ АН УССР, ДА/218 Л.

Разумеется, далеко не все из названных здесь рукописей дословно воспроизводят список Даниила. Иногда мы даже встречаемся с таким явлением, когда «Предисловие» Иоанна Экзарха и сопровождающие статьи в редакции митрополита Даниила предпосылают тексту «Диалектики» и примыкающих статей в другой редакции (ЦГАДА, Мазуринское собр., № 642, XVI в.).¹⁷ И тем не менее можно без преувеличения сказать, что «Диалектика» Иоанна Дамаскина в редакции митрополита Даниила получила на Руси всеобщее признание.

¹⁷ Известен случай, когда один критически настроенный писец оставил на полях после вставки митрополита Даниила следующие слова: «Зри: отседе настоящее есть диалектика; много переписующими наглупствовано» (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 220, л. 84).

Р. П. ДМИТРИЕВА

Житие новгородского архиепископа Серапиона как публицистическое произведение XVI в.

В Житии Серапиона центральное место занимает описание событий, связанных с деятельностью Серапиона как новгородского архиепископа. До поставления в архиепископы Серапион был игуменом Троицкого монастыря (с 1495 г.). Новгородскую архиепископскую кафедру он занимал только три года (1506—1509 гг.). Из-за ссоры с Иосифом Волоцким он был не только сведен с кафедры, но и заточен в Андрониковом монастыре. Согласно воле Василия III в 1511 г. митрополит Симон снял с него отлучение и отпустил в Троицкий монастырь. Здесь Серапион и скончался в 1516 г. В разрешении конфликта между Серапионом и Иосифом Волоцким благодаря стараниям последнего решающую роль сыграл сам великий князь. Эта ссора между двумя видными церковными деятелями приобрела характер политического скандала и получила большой резонанс в общественном мнении своего времени, а также нашла своеобразное отражение в письменных памятниках XVI в. в виде острой полемики между иосифлянами и их противниками. Житие Серапиона является одним из центральных в цикле этой полемической литературы. Полемичность содержания этого произведения осознавал и сам автор его, который во вступлении, говоря о цели своего труда, отметил: «Аще и нецыи, завистию яти, болят о чести нашего отца, но любящей его усладятся паматию его».¹

Следует признать, что Житие Серапиона находится в поле зрения исследователей начиная примерно с середины XIX в. и по настоящее время. Однако единого мнения ни об обстоятельствах создания Жития, ни о его авторе, ни о его датировке до сих пор не установилось. Филарет сообщил, что Житие, по всей вероятности, было написано учеником Серапиона, игуменом Троицкого монастыря в 1515—1520-х гг. Иаковом.² Это мнение Филарета, по всей видимости, обосновано данными самого Жития. Из его текста следует, что ученик Серапиона по Троицкому монастырю Иаков постоянно находился при нем: после Новгорода был с ним в заточении в Андрониковом монастыре («И с ним ученик Ияков, архидиакон его») ³ и вместе с ним оттуда прибыл в Троицкий монастырь, где и похоронил своего учителя, будучи в сане игумена. В Житии есть рассказ о том, как Серапион предсказал юному Иакову о его будущем игуменстве в Троицком монастыре. Автор Жития оказывает явное внимание ученику Серапиона, называя его «мужем благоговейным и вне всякого зазрения».⁴ Однако эти включенные в Житие Серапиона известия об его ученике едва ли позволяют считать Иакова автором произведения. Г. Н. Моисеева в своей

¹ Моисеева Г. Н. Житие новгородского архиепископа Серапиона // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 152 (далее: Моисеева Г. Н. Житие Серапиона).

² Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. 1. С. 136.

³ Моисеева Г. Н. Житие Серапиона. С. 160.

⁴ Там же. С. 163.

вступительной статье к изданию текста Жития Серапиона высказала другого рода соображения о степени участия Иакова в создании Жития: Иаков «сообщил автору Жития основные сведения о Серапионе».⁵ По мнению Г. Н. Моисеевой, Житие было написано во время игуменства Иакова — не позднее 10-х—начала 20-х гг. XVI в. Следует признать, что Житие Серапиона было написано если и не по инициативе самого Иакова, то безусловно в близкой этому троицкому игумену среде. Относительно датировки произведения Г. Н. Моисеева ошибается, оно было написано позже.

В. О. Ключевский это произведение никакому определенному лицу не атрибутировал, датировал его временем канонизации Серапиона местным святым (1559 г.).⁶ Н. А. Казакова, отвергнув точку зрения Г. Н. Моисеевой об авторе и датировке Жития Серапиона, присоединилась к мнению, высказанному В. О. Ключевским.⁷ В. О. Ключевскому принадлежит наблюдение о текстуальных заимствованиях в Житии Серапиона из Похвального слова Льва Филолога на память Зосимы Соловецкого, а также о зависимости Жития в передаче участия Серапиона в спорах о монастырском землевладении от текста Жития Иосифа Волоцкого, написанного «неизвестным» (далее сохраним данное условное название этого Жития Иосифа Волоцкого). Кроме того, он обратил внимание на полемический характер Жития Серапиона, автор которого, по его мнению, ставил своей целью «оправдать архиепископа от обвинений, возводимых на него сторонниками Иосифа».⁸

Довольно устойчивым оказалось мнение о том, что автором Жития Серапиона следует считать Иоасафа Скрипицына. Впервые эта мысль была высказана В. М. Ундольским без приведения какой-либо аргументации.⁹ Как думает Г. Н. Моисеева, предположение В. М. Ундольского основано на недоразумении. Дело в том, что в рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 367 Житие Серапиона сопровождается рассказом о переложении мощей святого и о двух чудесах, случившихся у его гроба в 1559 г. После этого рассказа сделана приписка о том, что игумен Иоасаф через келаря Андриана Ангелова передал сообщение об этих чудесах митрополиту Макарию. В данном случае речь идет не об Иоасафе Скрипицыне, а об Иоасафе Черном, который был игуменом Троицкого монастыря с 1555 по 1561 г. В. С. Иконников вслед за В. О. Ключевским автора Жития называет анонимом, но добавляет, что «в настоящее время устанавливается взгляд» о принадлежности этого произведения перу митрополита Иоасафа.¹⁰ В своей книге «Максим Грек» В. С. Иконников уже говорит об Иоасафе Скрипицыне как об авторе Жития Серапиона.¹¹ С. П. Розанов без приведения каких-либо аргументов с полной уверенностью приписы-

⁵ Там же. С. 151.

⁶ К л ю ч е в с к и й В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 290—291. — С. А. Белокуров сообщил, что в собрании Овчинникова в рукописи XVII в. (настоящий шифр: ГБЛ, ф. 209, № 285) Житие Серапиона сопровождается известием о том, что и житие, и стихиры составлены были «иноком Трифилием по благословению господина преосв. Макария, митрополита всея России, в 21-е лето святительства его» (Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. По двум рукописям собр. П. А. Овчинникова // ЧОИДР. 1903. Кн. 3, отд. II. Предисл. С. IX). Никаких комментариев к этому известию С. А. Белокуров не привел. А. А. Зимин, Я. С. Лурье (Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 294) и Г. Н. Моисеева (Житие Серапиона. С. 151—152) считают Трефилия автором только службы Серапиону.

⁷ К а з а к о в а Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 75—76.

⁸ К л ю ч е в с к и й В. Древнерусские жития святых... С. 290.

⁹ У н д о л ь с к и й В. М. Славяно-русские рукописи. М., 1870. С. 252.

¹⁰ И к о н н и к о в В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1726. — Имеется в виду книга Е. Голубинского «История русской церкви» (М., 1900. Т. 2, первая половина. С. 742).

¹¹ И к о н н и к о в В. С. Максим Грек. Киев, 1915. С. 634.

вает Иоасафу Скрипицыну создание Жития Серапиона.¹² А. А. Зимин в предисловии к изданию Иоасафовской летописи пишет: «Житие Серапиона Иоасаф написал в Троице-Сергиевом монастыре в 50-е годы XVI в. Положение опального митрополита весьма напоминало положение сосланного ранее в тот же Троицкий монастырь новгородского архиепископа». ¹³ Время создания Жития А. А. Зимин аргументирует использованием в нем сведений из Жития Иосифа Волоцкого, написанного «неизвестным».

В сравнительно недавно опубликованной статье американского исследователя Эстера Курца, посвященной Житию Серапиона и Житию Иосифа Волоцкого, написанному «неизвестным», вопрос об авторе Жития Серапиона оставлен открытым, а время создания его отнесено к началу XVII в. В исследовании явно прослеживается тенденция отодвинуть время создания Жития как можно дальше от тех событий и литературных явлений, с которыми связано его содержание. Написание Жития Иосифа Эстер Курц относит к 80-м гг. XVI в., объясняя появление его продолжающимися попытками канонизации волоцкого игумена как общечтимого святого и государственной политикой тех лет по отношению к монастырскому землевладению.¹⁴ Названную в исследовании датировку нельзя признать состоятельной. Эстер Курц упускает из виду хорошо известные в научной литературе конкретные факты, противоречащие его выводам. Рукопись с Житием Иосифа, написанным «неизвестным», в 1566 г. уже поступила в библиотеку Волоколамского монастыря после смерти князя Д. И. Оболенского.¹⁵ Житие Серапиона во второй половине XVI в. хорошо было известно, в том числе и иосифлянам. Легенда о Серапионе, угадавшем день и час смерти Иосифа, в измененном виде была включена во вновь отредактированный текст жизнеописания Иосифа Волоцкого, написанного в свое время (не позднее 1546 г.) Саввой Черным. Составителем этой новой редакции считается Евфимий Турков, список Жития его редакции из собрания СПб. ДА, № 270 датируется второй половиной XVI в.¹⁶ Кроме того, выписки из Жития Серапиона о соборе 1503 г. были внесены (на поле внизу) в Волоколамскую рукопись Жития Иосифа, по предположению К. Невоструева, тем же писцом, который писал и основной текст. Следовательно, оба жития — и Иосифа, и Серапиона — были созданы до 1566 г.

На основании выявленных к настоящему времени фактов надо признать безусловным, что Житие Серапиона было написано примерно в середине XVI в. и создание его связано с литературной средой Троицкого монастыря. Автором его мог быть и Иоасаф Скрипицын, образованный и пишущий человек, собиратель книжности — библиофил своего времени.¹⁷ В своем ответе руководителям Стоглавого собора Иоасаф заметил, что в деятельности собора 1503 г. о монастырском землевладении, кроме упомянутого в Стоглавие Иосифа Волоцкого, принимали участие и другие

¹² Розанов С. П. Никоновский летописный свод и Иоасаф как один из его составителей // ИпоРЯС. 1930. Т. 3, кн. 1. С. 277.

¹³ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 41.

¹⁴ Kurz E. The Lives of Serapion and Josif as historical sources for the Council of 1503 // The Council of 1503: source studies and questions of ecclesiastical landowning in sixteenth century Muscovy. A Collection of Seminar Papers / Ed. by Edward L. Keenan and Donald G. Ostrowski. Cambridge, Mass., 1977. S. 94—119.

¹⁵ См. об этом в предисловии К. Невоструева к изданию: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1865.

¹⁶ Родосский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1893. С. 260—261.

¹⁷ Внимательное изучение сохранившейся личной библиотеки Иоасафа Скрипицына (в составе собраний рукописей Троицкого монастыря), возможно, позволит выявить какие-либо конкретные факты об отношении Иоасафа к созданию Жития Серапиона; так, в одной из его рукописей (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 783) имеется текст Послания Серапиона митрополиту Симону.

видные церковные лица.¹⁸ Видимо, прежде всего он имел в виду архиепископа Серапиона. Однако до сих пор нет прямых свидетельств, позволяющих признать именно его автором Жития Серапиона.

Компилятивный метод работы автора над созданием Жития Серапиона очевиден. Кроме упомянутых выше текстуальных совпадений целых отрывков Жития с другими произведениями надо упомянуть и о включении в его состав послания самого Серапиона митрополиту Симону вместе с сопровождающим его рассказом «О Иосифе неблагословение». Взаимосвязь Жития Серапиона с названными произведениями позволяет проследить некоторые своеобразные литературные явления XVI в., выходящие за пределы изучения только агиографического жанра. Начало Жития — изложение биографии Серапиона вплоть до прихода его в Стромьинский монастырь — построено на тексте Похвального слова Зосиме, написанного Львом Филологом в 1533—1538 гг. Обращение автора Жития Серапиона к произведению Льва Филолога свидетельствует о его хорошем вкусе и знании современной агиографической литературы. Совпадение Жития Серапиона и Жития Иосифа Волоцкого, написанного «неизвестным», в описании деятельности собора 1503 г., на котором присутствовали оба героя названных произведений, обычно определяется как прямое заимствование автором первого из второго. Однако сопоставление текста Жития Серапиона с разными списками Жития Иосифа Волоцкого показывает разную степень совпадения их с текстом первого жития. Поэтому в данном случае, прежде чем говорить о заимствовании автором Жития Серапиона, необходимо решить вопрос о зависимости между видами (редакциями) Жития Иосифа Волоцкого. С. А. Белокуров говорит о существовании двух редакций.¹⁹ В связи с вопросом о зависимости между этими двумя произведениями следует обратить внимание на наличие в Житии Серапиона несколько загадочного предложения: «Тогда же самодержцу Ивану нечто божественно бысть».²⁰ Далее сообщается о том, что Иван III завещает сыну Василию III великое княжение и «приказывает» ему собрать собор и поставить Серапиона архиепископом новгородским. Смысл загадочного предложения становится ясным при обращении к произведению, известному под названием «Слово иное», в котором, кроме описания противодействия Серапиона секуляризации великокняжеской властью монастырских земель, передана монастырская легенда о наказании великого князя: его разбил паралич из-за посягательства на земли Троицкого монастыря.²¹ Автор Жития Серапиона в отличие от автора «Слова иного» в очень деликатной форме сообщает о взаимоотношениях Ивана III и Серапиона, намекая только на последствия спора о землях Троицкого монастыря.

Но только в таком контексте уместным является сообщение о распоряжениях великого князя, имеющих характер завещания, затем о его кончине и созыве собора Василием III для утверждения Серапиона новгородским архиепископом. В Житии же Иосифа сразу после известий о соборе говорится о завещании Ивана III и о его кончине. В данном случае эти известия не являются органичной частью логически последовательного повествования. Не пытаюсь опровергнуть общепринятое мнение о заимствовании рассказа о соборе 1503 г. автором Жития Серапиона из Жития Иосифа, хочу обратить внимание исследователей на необходимость более тщательного изучения вопроса о взаимосвязи названных произведений.

¹⁸ Стоглар. Казань, 1863. С. 310—312.

¹⁹ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. По двум рукописям собр. П. А. Овчинникова // ЧОИДР. 1903. Кн. 3, отд. II. С. VI.

²⁰ Это предложение вставлено на полях в Житие Иосифа в Волоколамском списке, а во втором списке этой же редакции (собр. Овчинникова, № 136, XVII в.) оно уже включено в основной текст наряду с другими заимствованиями из Жития Серапиона.

²¹ Бегунов Ю. К. «Слово иное» — ново найденное произведение русского публициста XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 351—364.

Н. А. Казакова отметила своеобразную черту Жития Иосифа Волоцкого, написанного «неизвестным»: автор его, называя Иосифа «единым от великих преподобных», с не меньшим уважением говорит и о его противниках, например о Ниле Сорском.²² Серапиона он называет «мужем кротким» и «добродетельным», сообщение о ссоре между Серапионом и Иосифом завершает следующими словами: «Тогда же Иосиф известовася к Серапиону и познававшися на истине, смирение умножиста себе преподобника, и любовь множае первая утвердиста».²³ Таким образом, автор этого Жития Иосифа соблюдает равно нейтральное отношение как к Серапиону, так и к Иосифу и представляет свой вариант разрешения конфликта между ними. Как показывает рукописная традиция, Житие Иосифа, написанное «неизвестным», не было популярным среди иосифлян: его не переписывали в Волоколамском монастыре, единственный список его попал туда во второй половине XVI в. среди рукописей князя Оболенского; Макарий в ВМЧ включил не это Житие, а написанное по его заданию сочинение Саввы Черного.

Как уже упоминалось, в Житие Серапиона было включено написанное в 1509 г. его послание митрополиту Симону вместе с рассказом «О Иосифе неблагословение». Послание Серапиона встречается в рукописях XVI в. и как самостоятельное произведение (ГПБ, собр. Погодина, № 1563), и совместно с рассказом «О Иосифе неблагословение» (ГПБ, собр. Погодина, № 1554).²⁴ В рассказе «О Иосифе неблагословение» раскрывается история ссоры Серапиона с Иосифом как объяснение причины сведения Серапиона с архиепископской кафедры и заточения его в Андроников монастыре. Совершенно ясно, что создание этого предисловия преследовало публицистическую цель: оно было направлено против иосифлянской концепции объяснения событий, показывало читателю правоту Серапиона и низость поведения Иосифа Волоцкого. Большой интерес представляет вопрос о том, когда был составлен данный рассказ и кем. Для этого прежде всего требуется проведение текстологического исследования сохранившихся списков и рассказа, и послания. Тем не менее сопоставление рассказа «О Иосифе неблагословение» (по списку собр. Погодина, № 1554), переписывавшегося вместе с посланием Серапиона, с текстом его в составе Жития позволяет сделать некоторые выводы о их взаимозависимости. В тексте рассказа, включенного в Житие, сообщается, что Иаков, ученик Серапиона, вместе с ним находился в заточении в Андрониковом монастыре. Об этом в рассказе, переписывавшемся вне Жития, не упоминается. Известие было включено дополнительно в текст Жития наряду с другими сведениями об Иакове. Следовательно, рассказ «О Иосифе неблагословение» был написан ранее Жития как предисловие к посланию Серапиона, адресованному митрополиту Симону. На сопоставлении этого рассказа с другими частями Жития Серапиона можно сделать и другие предположительные выводы. Между ними наблюдается и концепционная, и стилистическая близость. Как и в рассказе «О Иосифе неблагословение», в Житии не упоминается о роли великого князя в деле лишения Серапиона архиепископского сана, о Симоне хотя и говорится как о главном действующем лице, осуществившем несправедливое отлучение и заключение Серапиона, но авторское отношение к нему остается благожелательным. В лексике и в отдельных стилистических оборотах между Житием и рассказом тоже можно отметить некоторую близость. Об отношении к Серапиону в Троицком монастыре в Житии сообщается: «И всеми хвалим бывает ради смирения его и кротости и тихости».²⁵ И Симон в рассказе «О Ио-

²² Казакова Н. А. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. // ТОДРЛ. М.: Л., 1958. Т. 14. С. 242.

²³ ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 42.

²⁴ Опубликовано в кн.: Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зина и Я. С. Лурье. М.: Л., 1959. С. 329—333.

²⁵ Моисеева Г. Н. Житие Серапиона. С. 155.

сифе неблагословение» характеризуется «мужем тихим и кротким». В Житии Серапион часто называется «великим», этот эпитет встречается и в рассказе. Особенно наглядным примером стилистической близости между Житием Серапиона и рассказом является употребление образа светильника по отношению к Серапиону. Так, о возведении Серапиона на архиепископскую кафедру в Житии говорится в следующих выражениях: «И поставляют сего Серапиона архиепископом великому Новуграду и Пскову, на престол святыя Софея премудрости божия. . . , яко светильник на свещнице поставлен бывает».²⁶ В рассказе почти в тех же выражениях говорится о пребывании Серапиона на архиепископской кафедре: «Тогда убо украшая престол святыя Софеи неизреченныя премудрости божия, яко светильник на свещнице сияя, сий Серапион».²⁷ Не одно ли и то же лицо написано сначала предисловие к посланию Серапиона Симону, а затем и Житие Серапиона? Помимо стилистической близости между этими произведениями существует и другая близость: в них отражена одна и та же политическая концепция. Публицистичность рассказа «О Иосифе неблагословение» не вызывает сомнения, а Житие, если и написано с целью добиться канонизации Серапиона, сохраняет полемическую направленность против иосифлянской группировки церковников. Об этом же свидетельствуют разного рода письменные источники того времени.

Прежде чем перейти к характеристике своеобразия Жития Серапиона как литературно-публицистического произведения, отметим еще одну деталь, которая важна для установления истории его текста. Г. Н. Моисеева обратила внимание на отличительные черты списка ГБЛ, собр. Ундольского, № 367 (далее — список У) по отношению ко всем остальным известным спискам Жития и сделала заключение, что «в своей основе список У, вероятно, связан с первоначальным видом этого памятника, когда он носил название „Повесть о преподобном Серапионе“, но в дальнейшем текст, переданный списком У, претерпел изменения, и он не может быть признан наиболее близким к архетипу».²⁸ При публикации Г. Н. Моисеева за основной избрала список ГПБ, собр. Погодина, № 758. Сопоставление рассказа «О Иосифе неблагословение» с двумя видами текста Жития указывает на большую связь рассказа со списком У, многие индивидуальные чтения этого списка повторяются в рассказе. По всей видимости, их надо признать авторскими. Список У если и содержит позднейшие изменения и независимо от остальных списков восходит к оригиналу, как думает Г. Н. Моисеева, он тем не менее в большей степени передает первоначальный этап работы по созданию Жития.²⁹ Это отражено и в заглавии списка У («Повесть. . .»). Все остальные списки уже имеют характерное название, свойственное житийному жанру, что свидетельствует о признании этого текста каноничным. Судя по незначительным отличиям списка У от остальных, создатель первоначального варианта («Повести»), собственно, вполне удовлетворил требованиям, предъявляемым к агиографу.

Житие Серапиона составлено с соблюдением формальных правил житийного канона: имеются вступление и авторское послесловие, описание жизни святого дано традиционно, начиная с упоминания о благочестивых родителях и завершая сообщением о кончине. Произведение написано с использованием стилистических оборотов, свойственных житийному жанру. Заимствования из других агиографических сочинений свидетельствуют об эрудированности автора в литературе своего времени. Те части Жития, которые, вероятно, принадлежали самому составителю, свидетельствуют об ориентации его на классические образцы русской

²⁶ Там же. С. 157.

²⁷ Послания Иосифа Волоцкого. С. 330.

²⁸ Моисеева Г. Н. Житие Серапиона. С. 149.

²⁹ Эстер Курц приводит ряд интересных наблюдений о большей близости отдельных чтений в списке У авторскому тексту в противоположность списку собр. Погодина, № 758 (Курица Е. The Lives of Serapion and Iosif. . . S. 100—104).

агиографии: употребление эпитетов «светильник», «великий» восходит еще к Житию Феодосия Печерского. В заключении составитель Жития обращается к Серапиону с просьбой о помощи для всего русского государства: «Ты же нас свыше назирай, жизнь нашу на лучшее изводи, церкви мир утвержай, царство российское со самим царем от навет спасай, державу его миру управляя, и на варвары победу даруй».³⁰ Автор упоминает о своем неблагополучии («злострастием одержиму и бедствующу») и просит Серапиона отвратить от него «злотечение». Эти высказывания, весьма вероятно, свидетельствуют о реальной обстановке, в которой создавалось Житие, и политической позиции автора, а не являются только чисто этикетными формулами.

Таким образом, независимо от того, принадлежали ли рассказ «О Иосифе неблагословение» и Житие Серапиона одному и тому же автору или двум, наличие в них элемента публицистичности не вызывает сомнения. Свообразие Жития Серапиона заключается в том, что главное содержание его составляет описание реальных церковно-политических событий с участием самого великого князя и митрополита; и включенные в него чудеса, совершаемые Серапионом, по существу тоже представляют собой реальные трагические события, случившиеся в Новгороде в 1506—1509 гг.

Конфликт, возникший между Серапионом и Иосифом Волоцким, сразу вызвал острую полемику в борьбе за общественное мнение. Иосиф обратился к великому князю и митрополиту, представив действия Серапиона в невыгодном для него свете, получил от них поддержку. Осужденный Серапион в послании митрополиту Симону, с достоинством отстаивая правоту своего поступка, не постеснялся назвать Иосифа «ябедником» и «лжецом». Поведение Иосифа вызвало общее осуждение, в том числе и со стороны дружественно расположенных к нему лиц, которые призывали его к примирению с архиепископом. В переписке с И. И. Третьяковым и Б. В. Кутузовым для оправдания себя Иосиф прибег к казуистическим приемам аргументации и даже к политическим обвинениям своего противника.³¹ Примирение между Иосифом и Серапионом не состоялось, несмотря на то что и Василий III обращался к Иосифу с просьбой примириться с осужденным архиепископом.

Как показывает дошедший до нас литературно-публицистический материал, борьба иосифлян против осуждения Иосифа в общественном мнении продолжалась и после смерти главных действующих лиц конфликта. Иосифлянам постепенно пришлось все более и более отступать от занятой самим Иосифом позиции. Дело в том, что причисление Серапиона к лику святых обусловлено было главным образом его кратковременной деятельностью в Новгороде и несправедливым лишением сана архиепископа и заточением в Андроников монастырь в результате наветов Иосифа, а иосифлянам, в свою очередь, пришлось долго и упорно добиваться канонизации своего патрона — и память о ссоре его с Серапионом была не в его пользу. После смерти Иосифа Волоцкого (1515 г.) и Серапиона (1516 г.) иосифляне не столько стремились полемизировать, сколько старались ликвидировать воспоминания о событиях, компрометирующих их патрона.

Наглядным проявлением борьбы мнений являются известия о Серапионе в различных летописных сводах. В летописях Уваровской (своде 1518 г.), С2Л, Львовской и Иоасафовской под 1509 г. помещен один и тот же рассказ о ссоре между Иосифом и Серапионом. Иосифлянская интерпретация событий в этом рассказе не вызывает сомнений, он носит обвинительный характер против Серапиона. События изложены так, что

³⁰ Моисеева Г. Н. Житие Серапиона. С. 165. — В списке У еще добавлено «и от всех сопротивных соблюдай».

³¹ См.: Еремин И. П. Иосиф Волоцкий как писатель // Послания Иосифа Волоцкого. С. 11—15.

Серапион как бы выступил против решения самого великого князя, а не против Иосифа («Архиепископ же Серапион. . . слышав, что князь великий Василей Иванович всеа Русии взял Иосифов монастырь в свое имя соблюдение, и того ради нерадением некоторым, упрямством и презрев божественных правил и повеление царскаго закона. . . да не обослався с великим князем и с митрополитом, послал ко Иосифу неблагословение и отлучение»).³² Этот рассказ был заимствован в упомянутые летописи из их общего источника — так называемого свода 1518 г., связанного с митрополичьей канцелярией.³³ Надо полагать, что рассказ, включенный в свод 1518 г., должен был противостоять посланию Серапиона Симону (а также сопровождающему его рассказу «О Иосифе неблагословение»), получившему распространение как публицистическое произведение, направленное против иосифлян.

И в своде 1518 г., и в названных летописях под соответствующими годами приведены краткие известия о поставлении Серапиона новгородским архиепископом, о снятии с него митрополитом Симоном отлучения в 1511 г. («прощение взят с ним и отпусти его к Троици в Сергеев монастырь»³⁴) и о кончине в формулировках, употребленных в ряде других летописей. Рассказ о ссоре Иосифа с Серапионом в своде 1518 г., помещенный под 1509 г., носит характер вставки: во-первых, он заканчивается сообщением о смерти Серапиона, о чем в летописи будет сказано еще раз позднее, под 1516 г.; во-вторых, в нем есть противоречие с известием под 1511 г. в том же своде о прибытии Серапиона в Троицкий монастырь. Согласно рассказу о ссоре Иосифа с Серапионом, последнего сразу после осуждения его в 1509 г. отправили в Троицкий монастырь. Противоречие объясняется тем, что автор рассказа и составитель свода 1518 г. явно умышленно опустили факт заточения Серапиона в 1509 г. в Андроникове монастыре под иосифлянским надзором. В других летописях, например в Типографской³⁵ и в Воскресенской,³⁶ под 1509 г. несколько по-разному приводится краткое сообщение о сведении Серапиона с новгородской архиепископии. Сведения рассказа из свода 1518 г. о ссоре Иосифа с Серапионом повторил Савва Черный в своем варианте Жития Иосифа Волоцкого.³⁷

Все сведения о Серапионе из Иоасафовской летописи были перенесены в оригинал Никоновской летописи (список Оболенского). Однако редактор Никоновской летописи посчитал излишним включение рассказа о ссоре Иосифа с Серапионом. И лист, на котором был переписан текст рассказа, в списке Оболенского был вырван, а помещенное на предыдущем листе начало его было зачеркнуто и заклеено.³⁸ В результате этого Никоновская летопись не содержит известий о сведении Серапиона с новгородского архиепископства. Митрополит Даниил, под чьим руководством в 20—30-е гг. создавалась Никоновская летопись, как доказал Б. М. Клосс, со всей серьезностью отнесся к вопросу о ссоре между Иосифом и Серапионом и посчитал за лучшее обойти его молчанием. Это является свидетельством изменения тактики иосифлян в утверждении своего престижа, а отнюдь не признанием правоты Серапиона.

Неприязненное отношение Даниила к памяти Серапиона прослеживается на другом примере редактирования Никоновской летописи. В рукописи ГБЛ, Волоколамское собр., № 659 имеется несколько статей, представляющих собой выборку из летописей (л. 388—420). Они переписаны

³² ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 344.

³³ См.: Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 369—372. — А. Н. Насонов называет этот свод общерусским сводом Геронтия в редакции 1518 г.

³⁴ ПСРЛ. Т. 28. С. 346.

³⁵ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 216.

³⁶ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 250.

³⁷ См.: Иоасафовская летопись. Предисл. А. А. Зимина. С. 9—10.

³⁸ ПСРЛ. М., 1904. Т. 13. С. 11; К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 22—23.

писцом Фомой Шмоиловым, как и основной текст оригинала Никоновской летописи.³⁹ Среди этих статей помещено «Сказание о явлении иконы Богородицы на Тихвине», заканчивающееся следующим сообщением: «В лето 7015 повелением благовернаго князя Василия Ивановича всея Руси, по благословиению преосвященнаго архиепископа Серапиона Великаго Новгорода заложена на Тихвине церковь пречистыя кирпичную». Прочитированный текст имеется в Сокращенном новгородском летописце,⁴⁰ относящемся, по мнению А. Н. Насонова, к 1528 г.⁴¹ Однако это известие новгородского происхождения в Никоновскую летопись не было включено. Даниил в свой митрополичий свод поместил самый минимум известных чисто формального характера — даты пребывания Серапиона на новгородской архиепископской кафедре и его смерти.

По мнению А. Н. Насонова, Синодальный список Типографской летописи с доведением известий до 1528 г. составлялся в Троице-Сергиевом монастыре во время игуменства там Иоасафа (1528—1536 гг.).⁴² Здесь самостоятельно, нейтрально по отношению к Иосифу Волоцкому, в кратких формулировках перечислены известия о карьере Серапиона, в том числе о соборном осуждении его в 1509 г. Кстати, в Типографской летописи есть сообщения о поставлении Иакова в 1515 г. в игумены Троицкого монастыря и об оставлении им игуменства в 1521 г. Дальнейшие наблюдения А. Н. Насонова над Типографской (Синодальной) летописью в сопоставлении с Троицким летописцем (списки БАН, Архангельское собр., № 193 и ЦГАДА, ф. 181, № 365) привели его к выводу, что «типографская (синодальная) летопись составлялась или по заказу митрополита Даниила, или с расчетом на его апробацию».⁴³ Возможно, этим определяется краткость и нейтральность известий о бывшем новгородском архиепископе в этой летописи, хотя составление ее и связано с тем монастырем, где память о Серапионе в XVI в. усиленно поддерживалась.

Явно сочувственное отношение к Серапиону выражено в новгородском летописании первой трети XVI в. В Н2Л под 1515 г. сообщается: «Лета 7024, в седмом лете после сведения из Новагорода архиепископа Серапиона, смирился князь велики со архиепископом Серапионом, а кто на него ни постоаял — Василей Андреевич Челяднин, и владыка ростовской Васиян, и брат его Иосиф и владыка суздальский — и того лета вси умерли, а Иван Одреевич Челяднин в Литве главу положил, а резанской Тарасей владычество оставил его же ради, да того же лета и пермской умер владыка Протасей».⁴⁴ Все важнейшие факты биографии Серапиона учтены в этой летописи, в том числе отмечено, что при нем в Новгороде случился очень большой пожар. О ссоре между Иосифом Волоцким и Серапионом здесь сказано кратко, но явно с позиции Серапиона: «В лето 7017 свел князь велики Василей Иванович архиепископа Серапиона с Великого Новагорода после велица дни 3 недели спустя за то, что не благословил старца Иосифа на Ламском Волоце, что он из архиепископии из новгородской прешел, с монастырем отказался в митрополию».⁴⁵ А. Н. Насонов считает, что в продолжении 17 лет, когда в Новгороде

³⁹ К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 82—83.

⁴⁰ ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 612.

⁴¹ Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 467.

⁴² Н а с о н о в А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. 6. С. 249—252.

⁴³ Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 394.

⁴⁴ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 148. — Любопытно, что в новгородской среде эти сведения получили распространение и помимо летописи: в рукописи XVII в. (ГПБ, О. XVII.42) с житиями новгородских святых, среди которых переписано Житие Серапиона, на л. 13 почти дословно передано упомянутое летописное сообщение.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 147.

после Серапиона не было архиепископа, владычное летописание там продолжало вестись. Занявший архиепископскую кафедру иосифлянин Макарий предпринял составление своего владычного свода 1539 г., новгородскую оценку событий, связанных с именем Серапиона, он не изменил.⁴⁶ По мнению А. Н. Насонова, новгородская оценка событий сохранилась в своде 1539 г. и в записи под 7018 г. о «знамениях» перед падением Пскова и опале Серапиона.

Отрицательное отношение к Иосифу и симпатии к Серапиону, несмотря на то что в его трехгодичное правление в Новгороде случились мор и большой пожар, сохранились в новгородском летописании и в XVII в. Описание деятельности Серапиона в Новгороде приобрело легендарно-религиозный характер.⁴⁷ Следует обратить внимание на наличие тематической связи между описанием чудес в Житии Серапиона и новгородским летописанием при передаче трагических событий, случившихся в Новгороде при Серапионе.

Таким образом, Житие Серапиона представляет интерес не только как один из своеобразных примеров агиографического жанра, широко развивающегося в XVI в., но и как один из центральных памятников в цикле литературно-полемиических сочинений, посвященных конкретному церковно-политическому конфликту, в которых наглядно отразилась борьба мнений о морально-этических принципах поведения. В Житии Серапиона обобщен историко-литературный материал, противостоящий иосифлянской концепции в изображении церковно-политических событий начала XVI в. Иосифлянам, стремившимся утвердить культ Иосифа, постепенно пришлось все более и более отступать от позиции, занятой самим Иосифом. Первый шаг сделал митрополит Даниил, исключив из Никоновской летописи рассказ из свода 1518 г. В Житии Иосифа Волоцкого, написанном Саввой Черным и включенном в 1546 г. в ВМЧ, несколько в неопределенной форме было сказано якобы о состоявшемся примирении между Иосифом и Серапионом: «Паки мало преиде, архиепископ со игуменом Иосифом межн собя общее прощение получивша».⁴⁸ Позднее, в 70-х гг. XVI в., Евфимий Турков, редактируя Житие, написанное Саввой, конкретизировал вымысел о примирении, сообщив, что якобы сам Серапион обратился к Иосифу с просьбой о прощении.⁴⁹ Собственно, сам редактор объяснил причины внесения правки в текст Жития Иосифа: «Есть же неразумных человек, яко обычай им пустошная глаголати, не добро сведуща и глаголют, яко не в разрешении преподобный преставися от владыкы Серапиона наугородского».⁵⁰ Я. С. Лурье отметил, что весь план иосифлянской легенды определен был легендарным рассказом Жития Серапиона о том, как бывший новгородский архиепископ предугадал кончину своего обидчика и простил его.⁵¹ В Житии Иосифа, написанном «неизвестным», эта тема о примирении тоже затронута, но в иной версии: Иосиф незадолго до смерти сам написал Серапиону — и «любовь множая первая утвердися между ними».⁵² Вопрос о соотношении между Житием Серапиона и Житием Иосифа Волоцкого, написанным «неизвестным» (или, как некоторые исследователи полагают, Львом Филологом), остается нерешенным. Я. С. Лурье обратил внимание на близость между Житием Серапиона и Житием Иосифа, как он полагает, написанным Львом Филологом, и отметил наличие в них, как он выразился, своеобразного нейтралитета между

⁴⁶ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 467.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 244—245.

⁴⁸ ВМЧ. СПб., 1868. Вып. 1, сентябрь, дни 1—13. Стб. 482.

⁴⁹ ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Отд. II. С. VIII—IX.

⁵⁰ Там же. С. VIII.

⁵¹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 280.

⁵² ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Отд. II. С. 42.

нестяжателями и иосифлянами.⁵³ Однако следует возразить Я. С. Лурье по вопросу о характере спора между иосифлянами и сторонниками Серапиона. Последний, так же как и Иосиф, не принадлежал к нестяжателям. Суть полемики заключалась в том, что иосифляне стремились к утверждению авторитета своего патрона, добиваясь его канонизации, а получившие распространение произведения, в которых доказывалась правота Серапиона в споре с Иосифом, создавали общественное мнение, служившее препятствием к осуществлению целей иосифлян. Только в 1579 г. Иосиф Волоцкий был признан местночтимым святым.

Сопоставительное изучение всех произведений, в той или иной степени отражающих конфликт между Серапионом и Иосифом, должно помочь выявить характер зависимости между ними, решить точнее вопросы датировки и атрибуции их конкретным лицам или, по крайней мере, уточнить литературную среду, где они были написаны.

⁵³ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI веков. М.; Л., 1960. С. 430.

Н. Ю. БУБНОВ, А. Н. ВЛАСОВ

Александр Вятский — писатель и книжник XVII в.

Будущий епископ Александр Вятский и Великопермский родился 30 ноября 1603 г. в г. Сольвычегодске, в 1631 г. принял постриг в Николо-Коряжемском монастыре, а в 1643 г. стал там игуменом. В 1651 г. он был назначен архимандритом в более крупный и знаменитый Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Такое сравнительно быстрое продвижение по ступеням церковно-монастырской иерархии дает возможность предполагать в этом скромном монахе не только энергичную и деятельную натуру, наряду с хорошими организаторскими способностями, но и определенный уровень богословской образованности и начитанности.

В 30—50-х гг. XVII в. в Московском государстве сложился новый тип интеллигентов-книжников. Поколение, духовное созревание которого пришлось на эпоху становления новой государственности после Смутного времени, отличается значительно возросший уровень индивидуального мироощущения, высокой гражданственности и общественной активности. Именно к этому поколению принадлежал будущий епископ Александр, изучение деятельности и творчества которого позволяет выявить и оценить типологические черты общественного деятеля своей противоречивой эпохи.

Александр Вятский, проведший свои молодые годы в северных монастырях, не принадлежал к боголюбческому движению и, видимо, был плохо знаком с его целями и учением. Взгляды Александра достаточно четко проявились в ходе конфликта, возникшего между ним, в бытность его архимандритом Спасо-Каменного монастыря, и сосланным в этот монастырь «под начало» в августе 1653 г. вождем старообрядческой оппозиции протопопом Иваном Нероновым из-за настойчивого вмешательства последнего с боголюбческих позиций в традиционно налаженную жизнь северного монастыря.¹ Защищая житейские интересы монастырской братии и свой собственный авторитет в обители, Александр, встретивший поначалу знаменитого протопопа с большим почетом, постепенно вступил в резкую конфронтацию с ним и менее чем через год после его прибытия в монастырь настоял на переводе воинствующего боголюбца в другое место ссылки. Весьма вероятно, что именно этот конфликт, о котором архимандрит поставил в известность патриарха Никона, сыграл определенную роль в выдвижении его кандидатуры на епископскую кафедру,² на которую он и был возведен 3 июля 1655 г.,³ сменив опального епископа

¹ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 109—119 (Письмо игумена Феоктиста к протопопу Стефану Вонифатьеву от 13 июля 1654 г.).

² См.: В е р е щ а г и н А. С. Из истории Вятской иерархии: Первый епископ вятский Александр (1658—1674) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909. Вып. 2. С. 7—8.

³ О хиротонии Александра см.: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию, описанное его сыном Павлом Алеппским // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. 18—21.

Павла Коломенского, отправленного патриархом в ссылку за поддержку старообрядческой партии на церковном соборе 1654 г.

Введение Александра в состав русского епископата в момент наиболее острого конфликта патриарха с боголюбцами и роста старообрядческой оппозиции начавшейся церковной реформе объясняется, видимо, не только сугубо личными качествами этого провинциального архимандрита. Очевидно, сыграла роль и его репутация традиционалиста-практика, воспитанного на неприятии непонятных ему боголюбческих новаций и на приверженности к строгому следованию правилам монашеской и церковной дисциплины. Эти качества, характеризующие епископа Александра, во многом определили его последующие взгляды и образ действий, отличавшиеся известной двойственностью. Разобравшись в сущности церковной реформы, детально исследовав «исправление» богослужебных текстов, Александр постепенно пришел к неприятию реформы и сблизился со сторонниками старообрядческой ориентации. Возможно, что именно его связи со старообрядцами и помощь им, хотя на первых порах и не явная, привели патриарха к решению о переводе «неудобного» ему епископа подальше от Москвы — во вновь образованную Вятскую епархию, куда он был назначен 5 декабря 1657 г.⁴

После ухода Никона с патриаршества в июле 1658 г. Александр Вятский открыто выразил свое несогласие с церковной реформой, проведенной патриархом. Вынужденный следовать церковной дисциплине, он неизменно ставил свои подписи под решениями церковных соборов и внешне признавал реформированные книги и обряды, хотя в своей епархии всячески тормозил проведение реформы в жизнь. У епископа Александра в Москве и на Вятке находили прибежище гонимые старообрядцы, как например бывший сподвижник и биограф Ивана Неронова игумен Феоктист, которому он давал списывать важные и секретные государственные документы. Старообрядцы присылали Александру для отзывов и исправлений свои сочинения,⁵ просили собрать те или иные материалы в обличение обрядовых нововведений Никона и исправленных при нем богослужебных книг. Собранными епископом Александром материалами старообрядцы широко пользовались. Так, среди отобранных властями у игумена Феоктиста в феврале 1666 г. документов упомянуты сочинения, написанные, как пояснил Феоктист, епископом Александром: «Две тетради о сложении перстов крестнаго знамения, собрание Олександра, епископа Вядцкого»;⁶ «Грамота Александра Вядцкого. . . да тут же вопрос о нынешнем настоящем времени и ответ Александра епископа напротив того же вопросу, полтора столбца».⁷ Среди столбцов московского Успенского собора имеется текст сличения Служебника, напечатанного при патриархе Никоне (М., 1658 г.), со Служебником филаретовской печати (М., 1623 г.).⁸ На обороте столбца написана челобитная, адресованная епископу Александру Вятскому, датированная 1663 г. Как можно полагать, сличение служебников было осуществлено лично епископом Александром в названном году или несколько раньше.⁹

В 1662 г. Александр Вятский, откликнувшись одним из первых на обращение царя Алексея Михайловича к церковным иерархам, подал царю свою «Отписку» по поводу «клятвы» (проклятия), наложенной опальным патриархом Никоном на митрополита Сарского и Подонского Питирима — «местоблюстителя патриаршего престола» и на боярина, околь-

⁴ А. С. Верещагин считает, что толчком к сближению Александра с деятелями старообрядческого движения послужил главным образом его перевод на Вятку с более доходной Коломенской епархии. См.: В е р е щ а г и н А. С. Из истории. . . С. 13—26.

⁵ См.: Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 313—314.

⁶ Там же. С. 324, № 6.

⁷ Там же. С. 331, № 43.

⁸ ГИМ, собрание столбцов Успенского собора, № 165.

⁹ Материалы для истории раскола. . . Т. 3. 1887. С. XII—XIII, 131—136.

ничего Семена Лукьяновича Стрешнева. «Отписка» была вручена царю на Лобном месте 8 июля 1662 г.¹⁰ Исследовавший это сочинение Н. Гиббенет отметил, что названная «челобитная Александра Вятского является откликом на призыв Паисия Газского к русским архиереям побудить царя к скорейшему избранию нового патриарха: Почему вы, пастыри церкви, не бережете патриаршеского престола и не радеете об избрании патриарха? Это ваше дело и радение! . . . Послание Александра Вятского к царю, — пишет далее Н. Гиббенет, — почти все основано на мнениях и заключениях Паисия Лигарида и даже в подражание сочинению последнего разбито на 30 пунктов.¹¹ В 1669 г. это же сочинение использовал инок Авраамий, включив его в несколько переработанном виде и без указания автора в сборник под названием «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения».¹² В старообрядческом «Сказании о патриархе Никоне» есть такой отзыв об этом сочинении: «Тако же Александр, епископ Вятский, на Соборе страхом подписался, но последи плакаше и рыдаше, новин весма ненавидяше. Свидетельствует о сем явьственно того писание жалобное к царю, подаваше на Никона во 171-м году, в нем же Никоновы прегорчайшия плоды изъяви, како Никон печатныя книги издаде, мятежа и смущения полны. . .».¹³ С делом о Никоновой «клятве» связано, по-видимому, и письмо, написанное тогда же Александром Вятским к митрополиту Паисию Газскому под названием «Собрание смиренного Александра противо клятвы Никоновы», сопровождаемое «вопросными столбцами» к митрополиту.¹⁴

Внимание исследователей до сих пор не привлекало и еще одно сочинение Александра Вятского. Это «Вопросы к Собору наименьшего из архиереев» (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 430—437 об.). К сожалению, это сочинение, содержащее 28 вопросов (из 51²), в названном списке не имеет конца, так как рукопись дефектна. Хотя «Вопросы» не имеют подписи, их, несомненно, задавал Собору иерархов епископ Александр, который и ранее любил называть себя «наименьшим из архиереев».¹⁵ В сочинении не только ставятся вопросы, но и даются на них ответы, т. е. оно написано в форме диалога. В предисловии к нему автор просит архиереев рассмотреть и утвердить его «Ответы», написанные против «неправедно мудрствующих церкви». Здесь разобраны изменения, внесенные в «символ веры» в книгах новой печати, в обряд крещения для переходящих в православие «римлян и униатов», вопрос о несогласии старопечатных книг, изданных после 1654 г., со старыми и между собою. В «Ответах» епископа Александра Собору разбираются Требник 1658 г., Скрижаль 1656 г., Шестоднев 1660 г., критикуется патриарх Никон за строительство патриарших монастырей и др. Очевидно, сочинение было написано накануне

¹⁰ ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 191—199 об. Нач.: «Благоверный и христоролюбивый. . . Алексей Михайлович. . . Богомолец твой государев вяпкий епископ Александр бога моля челом бьет. . .». Подробнее о составе и атрибуции сборника № 667 см. ниже.

¹¹ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 2. С. 18. — Исследуя Послание, автор пользовался неизвестным нам списком этого сочинения, подписанным именем Александра Вятского, и принадлежность сочинения этому автору не вызывала сомнения у исследователя.

¹² Материалы для истории раскола. . . Т. 7. 1885. С. XV—XXIV, 112—150. — Сочинение издано здесь по авторскому списку (ГИМ, Синодальное собр., № 641). По этому же списку сочинение было издано Н. Тихонравовым под названием: «Обличение на Никона патриарха, написанное для царя Алексея Михайловича». См.: Тихонов Н. Летопись русской литературы и древности. М., 1868. Т. 5, отд. II. С. 153—178.

¹³ БАН, собр. Дружинина, № 729 (772), л. 83—83 об. См.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 216, № 2.

¹⁴ ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 303—316.

¹⁵ Об атрибуции этого сочинения епископу Александру Вятскому см.: Буинов Н. Ю. Книготворчество московских старообрядцев XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века. Л., 1983. С. 35.

Собора 1666 г. и вопросы епископа Александра были обращены к его участникам. Возможно, что именно об этом сочинении говорится в «рописи» бумаг игумена Феоктиста: «Столпчик, вопросы Александра епископа от всего освященного собора (ко всему освященному собору), писан на черных столбцах и на лоскутках, пятьдесят один вопрос о церковных вещах». ¹⁶ Это обращение вятского епископа послужило поводом для разбора его дела на одном из заседаний Собора 1666 г.: «Приглашен бысть и предста вятский епископ Александр и вопрошен о писании си, еже он писа обхуждая святаго символа благоисправление, такожде и новопечатных книг праведное напечатание и иных чинов церковных благоустроение. И он не отречея писания своего, точию моляше удостоверитися о непогрешении новоисправленных книг и святаго символа». Написав «покаянный свиток» Собору, Александр Вятский был прощен. ¹⁷

Епископ Александр имел первоклассную по тому времени библиотеку. По-видимому, большую ее часть он пожертвовал «на свое обещание» в Николо-Коряжемский монастырь, куда с 1657 по 1674 гг. от него поступило 37 книг и рукописей. ¹⁸ Современное местонахождение шести из этих книг было установлено Н. К. Никольским. ¹⁹ Еще 6 рукописных книг удалось разыскать и идентифицировать библиотеке Александра Вятского в недавнее время. Среди них назовем: Сборник сочинений Дионисия Ареопагита в списке XVII в. (БАН, Устюжское собр., № 71), привезенный экспедицией Библиотеки АН из Великого Устюга; ²⁰ «Книгу харатейную в десть», содержащую список XIV в. Хроники Георгия Амартола, обнаруженную В. П. Бударагиным в Библиотеке Эрмитажа (РК7, № 265577/1967 г.; 22 л. из этой рукописи хранятся в ГБЛ, Музейное собр., № 10277); «Чинovníк архиерейского служения» в списке второй половины XVII в. (БАН, Устюжское собр., № 25); «Книгу глаголемую риторика» Псевдо-Макария в списке XVII в. (ГПБ, Q.1.254); рукописный сборник второй половины XVII в. с вкладной записью по листам, где книга названа «Зиновию (так! — А. В.) ученика Максимова», в состав которого входят различные богословские статьи (ГПБ, Q.1.254); сборник сочинений Максима Грека (по классификации Н. В. Сеницыной, в 151 главу) (ГБЛ, собр. Егорова, № 250). ²¹

Из книг, не вошедших в число вложенных епископом Александром в Николо-Коряжемский монастырь, но несомненно ему принадлежавших, назовем рукописный сборник, в котором нашли отражение многочисленные материалы, относящиеся к идеологической борьбе первой половины

¹⁶ См.: Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 330—331, № 40. — Столбцы хранятся в ГИМ, собр. Успенского собора, № 176, 178 и 179. См. также: Горский А. В., Невоструев А. И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. С. 439—441 (описан сборник конца XVII в. под № 294, на л. 76—125 указаны «Вопросы, предложенные Московскому собору владыкой Александром, епископом Вятским» (всего 26 вопросов), а на л. 125—180 — разбор новоисправленного Потребника (21 вопрос еп. Александра)). О последнем сочинении см. также: Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 14.

¹⁷ Материалы для истории раскола. . . Т. 2. 1876. С. 79.

¹⁸ Кормовая книга Николо-Коряжемского монастыря. БАН, 45.10.8, л. 92—100 об. Описание и частичное издание: Срезневский В. И. Сведения о рукописях, поступивших в Рукописное отделение БАН в 1900 и 1901 гг. СПб., 1902. С. 123—125, № 8; Приложение 1. С. 186—189.

¹⁹ Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек: (X—XVII вв.). СПб., [1913]. Вып. 1 (А—Б). С. 28—29.

²⁰ Бубнов Н. Ю., Копанев А. И. Археографические экспедиции 1966 и 1967 гг. в Медвежьегорский (Заонежье), Пудожский и Беломорский районы Карельской АССР и Архангельскую область // Сборник статей и материалов по книговедению. Л., 1970. Вып. 2. С. 327—336.

²¹ См.: Шашков А. Т. Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—первой половине XVIII вв.: Дис. . . канд. ист. наук. Свердловск, 1982. С. 272—273.

60-х гг. XVII в. (ГБЛ, Рогожское собр., № 667). В сборнике имеются также сочинения видных деятелей старообрядческой ориентации, как например Ивана (Григория) Неронова и самого Александра Вятского.²² Один из двух почерков, которыми написана эта рукопись, идентичен почерку, встречающемуся в других рукописях библиотеки епископа Александра, а сама подборка статей весьма актуальна для интересов этого деятеля, игравшего заметную роль в противоборстве двух соперничавших партий. Помимо почерка рукописи, который можно смело приписывать самому Александру, о его участии в создании сборника свидетельствуют и имеющиеся в нем записи (л. 316 об.): «Приписано рукою архиерея. Смиренный Александр, епископ Вятцкий» и др. Изложенные факты можно рассматривать в качестве дополнительных аргументов в пользу авторской принадлежности Александру Вятскому некоторых разобранных выше сочинений из рукописи Рогожского собр., № 667.

На основании палеографических особенностей сохранившихся рукописных книг епископа Александра, относящихся к XVII в., можно предполагать, что почти все эти книги выполнены в одной стилиевой манере 1—2 переписчиками, причем протографами некоторых рукописей явились книги из библиотек митрополитов Макария и Киприана. Следует отметить сознательную ориентацию Александра Вятского на древнюю книжную традицию. Для принадлежавших ему книг характерно наличие множества помет и исправлений в тексте, многие из которых носят характер редакционной правки; в особенности это касается некоторых мест толкования христианских догматов веры. Большое значение он придавал текстологической и орфографической точности текста. Наличие в репертуаре вкладных книг Александра «учебных книг» (Учебная псалтырь, Грамматика, Риторика, Логика, «Азбуковник»), почти полностью представлявших названия бытовавших на русском языке в то время книг этой тематики и встречавшихся, как правило, только в составе первоклассных библиотек, говорит о том, что их владельцы были свойственны гуманитарные, филологические интересы. В этом смысле творческая деятельность Александра была похожа на работу филолога-богослова, который к тому же сам занимался перепиской и редактированием книг для своей библиотеки.

Хотя почерк Александра Вятского известен (он подписался под решениями церковных соборов 1660 и 1667 гг.), его скорописный вариант трудно сопоставим с книжным полууставом принадлежавших епископу рукописных книг. Однако тождество почерков в нескольких его рукописях, созданных в разные периоды жизни, заставляет видеть в них руку самого владельца книжного собрания.

О последних годах жизни Александра Вятского известно немного. 8 января 1674 г. он покинул Вятскую епархию, удалившись на покой в Николо-Коряжемский монастырь, где принял схиму (с именем Андрей) и скончался 17 декабря 1678 г. (БАН, 45.10.8). Очевидно, в этот период Александром было написано местное устюжское житие, известное под названием «Сказание о зачале Николо-Коряжемского монастыря и о начальнике его старце Логине». В одном из последних «чудес» этого памятника автор прямо указывает время, когда он впервые услышал историю основания монастыря и историю жизни его «начальника» старца Логина, — до 1653 г. (Александр был в это время игуменом монастыря). Однако промежуток во времени между последним и предпоследним «чудесами» в житии как раз указывает на годы его отсутствия в родном монастыре. Основанием для вывода об авторстве Александра является также рукописная традиция «Сказания. . .». Памятник дошел до нас в двух известных списках: 1) Служба и житие Логина Коряжемского, 1670-е гг. (Вологодский областной краеведческий музей, № 2151); 2) сборник начала XIX в. (Сыктывкар-

²² Б у б н о в Н. Ю. Книготворчество. . . С. 35—36, № 1, 2.

ский краеведческий музей, № 3118). Особенно важен для нас вологодский список жития, относящийся к XVII в. По записям на рукописи видно, что сборник принадлежал Николо-Коряжемскому монастырю, а почерк, которым написано житие, совпадает с почерком известных книг Александра Вятского. Таким образом, можно предполагать, что и эта рукопись является автографом писателя. Сыктывкарский список жития отличается значительными сокращениями по сравнению с основным, вологодским.

Служба Логину Коряжемскому также написана Александром еще около 1650 г.²³ В кратком тексте «Сказания» фиксируются основные моменты жизни местного святого: его приход на речку Коряжемку, устройство обители и прославление святого. Здесь нет больших риторических отступлений, как в других произведениях агиографического жанра, само повествование крайне лаконично: «. . . глаголах ради начала и летописи». В литературном отношении интерес представляют «чудеса», причем характерно, что в основу некоторых из них положены устные рассказы бытового характера из жизни местного населения.

Все изложенное позволяет считать Александра Вятского не только книжником, но и видным писателем своего времени — агиографом и публицистом. Вятский епископ представлял собой тип общественного деятеля, мировоззрение которого сложилось в стороне от новых идейно-политических веяний в центре России. Противоречивость его мировоззрения и позиция в отношении к реформам середины XVII в. нашли яркое отражение в его публицистическом и литературном творчестве.

²³ См.: В е р ю ж с к и й И. Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880. С. 486.

А. П. БОГДАНОВ

«Хронографец» Боголепа Адамова

Трудами исследователей последних десятилетий (М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, В. И. Буганова, С. Н. Азбелева, В. И. Корецкого и др.) доказано, что отечественная летописная традиция не только не затухает в XVI в., но, напротив, активно развивается в XVII и даже в начале XVIII в. Важнейшим показателем жизненной силы жанра летописи является не только количество списков (поистине необъятное даже для таких крупных сочинений, как Новый летописец, Хронограф редакций 1617 г. и 1620 г., Латухинская степенная книга, поздние новгородские летописи, не говоря уже о миниатюрных текстах, таких как «Летописец, написан выбором из старых летописцев», Краткий московский летописец и т. п.), или наличие продолжающейся хронологической записи событий (такие записи велись как в Москве — в приказах, Чудовском монастыре, Успенском и Архангельском соборах, на посаде, — так и в Новгороде Великом и Ростове, Нижнем Новгороде и Ярославле, в Сибири и на Вологде, Двине, Ваге, в Костроме и других местах), или существование множества более или менее стабильных центров летописания и летописных скрипториев. Более важно, на мой взгляд, отметить силу публицистического воздействия сочинений в летописной форме на русского читателя XVII в., о которой убедительно свидетельствует изобилие редакций и новых текстов. Авторы их (как во многих случаях уже доказано) стремились в первую очередь подкрепить историческим примером собственную позицию в актуальной политической борьбе, искали оснований для пропаганды конкретных политических взглядов. Здесь достаточно назвать наиболее яркие сочинения: четыре редакции Нового летописца, по крайней мере столько же редакций Русского Хронографа, три редакции Латухинской степенной книги со множеством производных сочинений, две редакции Летописцев 1686 г., 1619—1691 гг. и Краткого московского летописца, редакции «Летописца выбором», новгородские и петровские летописные своды, большую группу городских и фамильных летописей. Об общественной значимости летописных памятников в XVII столетии говорит также распространение сочинений, имеющих форму летописцев, но содержащих минимальное число тщательно отобранных и зачастую весьма своеобразно прокомментированных сведений по отечественной истории. В отличие от толстых летописных книг, это как бы «статьи» историков-публицистов XVII в., позволявшие им в самом сжатом виде изложить свои взгляды, не отступая от привычной и убедительной для читателя формы повествования. Здесь публикуется одно из этих оригинальных сочинений, до настоящего времени остававшееся неизвестным для специалистов и широкого круга читателей.

Сочинение, озаглавленное «Краткое собрание сего хронографца, яко скоротечныя колесницы достигающия добраго пристанища», находится в составе сборника № 65.1, который поступил в Собрание Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в числе единичных

поступлений) в 1963 г. и был кратко описан.¹ Сборник в 4°, 182+II л., переплетенный в обтянутые кожей доски, представляет собой конволют, состоящий из статей, писанных разными почерками на бумаге конца XVII—начала XVIII в. На первом чистом листе «Краткого собрания», который служит одновременно титульным листом сборника, стоит владельческая запись: «Сей хронографец Чюдова монастыря еромонаха Боголепа Адамова». Запись сделана тем же почерком и чернилами, что и следующий за ней текст «Хронографца» (л. II, ср. л. 1—44). Почерком Адамова и чернилами, которыми пронумерованы все листы сборника и дополнено заглавие на л. 77, в запись было вставлено слово «. . . *казначая* еромонаха. . .». О том, что рукопись и позже принадлежала Адамову, свидетельствует киноварная запись книгописца, помещенная на обороте титульного листа в красивой, тонко нарисованной пером рамке-заставке: «Книга господина преосвященного Боголепа, епископа Великоустюжского и Тотемского, глаголемая Хронографец» (л. II об.). Помимо «Хронографца», почерком Адамова написано еще несколько статей сборника: 1) выписки «Ис Хрисмологиона о царех римолатинских и еленогреческих, колико их и царствования их есть» от Августа до «Леопольдуса нынешняго» — т. е. до 1670 г., сделанные из принадлежавшего Боголепу списка с перевода этого сочинения конца XVII в.² (л. 77—86 об.); 2) списки с переводов греческих посланий патриарху Никону и царю Алексею Михайловичу о церковных реликвиях, посылаемых в Россию (л. 88—107 об.; из «Звезды пресветлой?»);³ 3) список великих князей и царей, погребенных в Архангельском соборе, начиная с Ивана Даниловича (под 6840 г.) до царевича Александра Петровича включительно (под 7200 г.) (л. 108—111).⁴ Все эти статьи написаны Адамовым в 90-х гг. XVII в.⁵ (по-видимому, около 1692 г.). «Хронографец» отличается от них бумагой, цветом чернил и написанием и по внешним признакам датируется 1680-ми—началом 1690-х гг.⁶

Помимо написанных Боголепом Адамовым, в сборник входит еще ряд статей. Это краткий летописец русских князей и царей от Рюрика до смерти Иоанна Алексеевича в 1696 г. (л. 46—55 об.) и краткий летописец

¹ См.: ГБЛ, ф. 218 (Собрание Отдела рукописей). Описание новых поступлений рукописных книг. Поступления 1963 г. (машинистка).

² ГИМ, собр. Уварова, № 1325 (408), 2^о, XVII в., 216 л. Об этом списке см.: Л е о н и д, а р х и м. Систематическое описание славяно-русских рукописей гр. А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 23—24.

³ Боголепом выписаны следующие статьи: а) послание патриарху Никону иеромонаха греческого монастыря богородицы Фанирумении Григория о голове Иоанна Богослова (л. 88—93 об.); б) грамота иерусалимского протосингела иеромонаха Гавриила об «образе богородицы Одигитрии Влахернская» от 1653 г. (л. 93 об.—98); в) о том же — иерусалимского патриарха Паисия от 11 октября 1653 г. (л. 98—101 об.); г) «лист из Афонския горы лавры Сербския о принесении образа пресвятой богородицы Троеручицы к святейшему Никону, патриарху московскому» от 1 июля 1657 г. (л. 101 об.—104); д) послание «Ватопедские обители иеромонаха Леонтия з братиею» к патриарху Никону о принесении в Россию по царской грамоте креста, «его же сотвори благочестивый царь Константин. . . и победе злочестиваго царя Максентия», и головы Иоанна Златоуста от 5 декабря 1654 г. (л. 104—107).

⁴ Под заглавием: «Летописец порядков, в коих годах которых великих князей нестало, которых гробы в соборной церкви Архистратига Михаила, что на Москве» (л. 108).

⁵ Текст писан в трех неравных тетрадах разной бумаги: л. 77—84, 85—88 и 89—112. На л. 77—84 знак «голова шута» с очень маленькими бубенцами, без литер и контрмарки; в изданных альбомах точной аналогии не имеет. Вторая тетрадь состоит из бумаги с гербом г. Амстердама с литерами RGH в рамке; знак близкого типа (с литерами под короной) см. у Хивуда, № 388 — 1693 г. и № 385 (с неясными литерами в рамке) — 1685 г. В третьей тетради бумага «Семь провинций» с литерами AI (лигатура) и контрмаркой CDG (в две линии), типа Хивуд № 83 — 1681 г.

⁶ «Хронографец» занимает несколько тетрадей (л. 1—44), писан на бумаге со знаком «герб г. Амстердама» с литерами PP или RP (в две линии). Знак типа: Дианова, № 131 — 1683, 1687, 1692 гг. (с литерами FL); контрмарки PP, RP и PR отмечены у Клепинова, ст. 1, № 234—235 — 1724—1725 гг., № 263 — 1738 г., № 237 — 1682 г.

российских патриархов от Иова до кончины Адриана в 1700 г. (л. 57—59), писанные одной приказной скорописью и на одной бумаге в первые годы XVIII в.;⁷ выпись из «Помянника киевского», составленного в 1704 г. (л. 62—76), писанная писцовым почерком начала XVIII в. в отдельной тетради;⁸ «Рука богословия» — трактат о церковной хронологии, написанный прямой, неумелой скорописью; пасхальная азбука, писанная размашистой скорописью, и таблицы к «Руке» или азбуке, написанные неуверенной скорописью (л. 114—162, 166—173 об., 174 об.—180 об.⁹); три последние статьи написаны на разной бумаге начала 1700-х гг.

Таким образом, сборник составлен чудовским казначеем Боголепом Адамовым примерно во второй половине первого десятилетия XVIII в.¹⁰ из рукописей, написанных ранее им самим, и нескольких современных рукописей исторического содержания. «Хронографец» был написан автором еще до того, как он занял должность казначея; следовательно, этот памятник хронологически древнее последних статей сборника и может относиться к 80—90-м гг. XVII в. С наибольшей вероятностью сочинение датируется периодом регентства Софьи Алексеевны (1682—1689 гг.), поскольку после нарышкинского переворота 1689 г. похвальные отзывы о царевне стали весьма небезопасны (ср. л. 43 об.—44). Специальная похвала «храбрству» царских воевод, высказанная в связи с именами Ивана, Петра и Софьи, могла появиться не ранее 1687 г., после первого Крымского похода В. В. Голицына «с товарищци». Вследствие сказанного хронологические рамки написания «Хронографца» можно определить так: осень 1687 г.—лето 1689 г., — т. е. «Хронографец» написан примерно в 1688 г. Это наиболее раннее сочинение в сборнике Боголепа. Возможно, поэтому оно открывало сборник и дало ему свое название.

Известна еще одна книга, принадлежавшая иеромонаху Боголепу Адамову, — это список «Зрелища жития человеческого», сделанный им примерно в конце 80-х—начале 90-х гг. XVII в.¹¹ Н. К. Никольский упоминает еще три рукописи конца XVII в., владельческие записи на которых сделаны уже казначеем Боголепом.¹² Одна из них представляет собой список

⁷ Текст писан в двух тетрадях. Первая тетрадь (л. 45—52) составлена из бумаги с гербом г. Амстердама с литерами AI (лигатура); знак близкого типа см. у Хивуда, № 410 — 1704 г., однако такие литеры отмечены и в 1684 г. (там же, № 348). Во второй тетради (л. 53—60) бумага с орлом одноглавым без короны, грудью в виде сердца с литерой G на ней, с контрмаркой NN? (в две линии); точной аналогии этому знаку не найдено в альбомах, однако знаки такого типа встречаются в московских и южно-русских рукописях конца XVII в.

⁸ Л. 61—76; филигрань — герб г. Амстердама; изображение такого типа см. у Хивуда, № 411 (с литерами BG) — 1704 г.

⁹ На л. 114 (вставной) знак герба г. Амстердама с литерами AI (лигатура), типа Клепикова, ст. 1, № 14—18а — с 1663 по 1732 г. Тетрадь, состоящая из л. 115—121, имеет филигрань с гербовым щитом и литерами WCVС — типа Лауцявичус, № 1216 — 1691, 1695 г. Тетради, состоящие из л. 122—127, 132—165, изготовлены из бумаги с гербом г. Амстердама с контрмаркой GB; сам знак (весьма редкий) отмечен один раз у Черчилля, № 23, то же у Хивуда, № 432—1686 г. Л. 128 вставной, с верхней частью знака герба г. Амстердама. Бумага третьей по счету тетради имеет марку «ALLMODPAPIER» типа Лауцявичуса, № 20 — 1701 г. (л. 129—131). Следующая тетрадь составлена из бумаги с гербом г. Амстердама (без подставки, корона с широким наметом, низ щита заострен, щитодержатели хвостами вверх) с литерами CDG (лигатура), не имеющим аналогов в альбомах (Амстердам с контрмаркой CDG см.: Клепиков, ст. 1, № 37 — с 1675 по 1693 г.; см. л. 167, 172). Другой водяной знак этой тетради — голова шута (того же типа, что на л. I, 166, 168—171, 173). Бумага последней тетради (л. 174—182а) того же типа, что и на л. 129—131.

¹⁰ Помимо палеографических признаков, нижняя граница составления сборника определяется упоминаемой в основном тексте датой — не ранее 1704 г., а верхняя — переводом Адамова на должность уставщика Александро-Невской лавры — не ранее 1712, не позднее 1719 г.

¹¹ Список ГИБ, Q.XV.103. Описание см.: Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Булаева. СПб., 1897. С. 231—232.

¹² См.: Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Вып. 1. А—Б. Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. СПб., [б. г.]. С. 128—129. — Там же указаны три более поздние рукописи из библиотеки епископа Боголепа.

перевода «Хрисмологиона», выполненного переводчиком Посольского приказа Николаем Спафарием к 25 января 1673 г. (см. примеч. 2). Другая книга — перевод «с белорусского языка» «Зеркала богословия» Кирилла Транквилиона, осуществленный к 16 июня 1674 г. известным переводчиком и духовным писателем Феофаном, жившим по крайней мере с 1679 по 1698 г. в Чудовском монастыре.¹³ Тот факт, что иеромонаху, а позже казначею Боголепу Адамову принадлежали эти довольно ценные рукописи, указывает на его близость к чудовскому литературному кружку конца XVII в.

Анализ источников «Хронографца» подтверждает такое предположение относительно его автора. На первый взгляд они чрезвычайно разнообразны: часть записей соответствует Русскому хронографу редакции 1512 г., в который вкраплены отдельные детали из редакции 1617 г. (но текст не соответствует установленным А. Н. Поповым разрядам редакции 1620 г.), имеются прямые заимствования из Синописа, Сказания Авраамия Палицына, кратких летописцев и других источников. Однако более внимательное сопоставление текстов показывает, что автор «Хронографца» пользовался не первоисточниками, а хорошо выполненной исторической компиляцией, которая была положена в основу большого исторического свода, завершающегося Летописцем 1619—1691 гг. Этот свод был создан, по всей вероятности, в Чудовском монастыре в середине 80-х гг. и продолжен, в пространной и краткой редакциях, в 90-х гг. XVII в.¹⁴ На всем протяжении «Хронографца» (кроме самых последних записей) последовательность выписок из различных источников соответствует последовательности их использования в обеих редакциях свода с Летописцем 1619—1691 гг. Помимо совпадений выписок по содержанию, между этими сочинениями имеются текстуальные соответствия в тех случаях, когда статьи «Хронографца» не являются сухими резюме, например:

ГБЛ, ф. 199, № 69

«Х р о н о г р а ф е ц»

Великий же князь Ярослав Владимирович. . . созда церковь велику и предивну святыя Софии, сиречь Премудрости слова божия, от камней, по подобию константинопольския, точию меньшую от нея. . . и украси ю всякою красотою, и верх позлати (л. 24).

Ярослав великий князь созда церковь святыя Софии, подобна Константинопольской, точию меньши тоя, и верх ея позлати (л. 28 об.—29).

Из обширной компиляции Адамов выбрал минимум сведений, позволявших обозначить основные этапы всемирной и отечественной истории. Всемирная история начинается в «Хронографце» от Адама и включает разделы «о пророках», «о царех израилевых» (л. 3 об.), «царство царей иудиных» (л. 5 об.) и «римских самодержцев» (л. 9 об.), о греческом царстве до падения Константинополя, когда «скончася царство греческое и начася турецкое». Как в «Хронографце», так и в его источнике наибольший интерес представляет история российского царствования. В ней Адамов выделил периоды, изложенные более подробно. Первый из них продолжается от призвания варягов до Владимира Святого. Его значение сводится к утверждению на Руси княжения при Рюрике и Олеге и становлению православной державы при Владимире Святославиче. Автор не отвлекается на изложение легенд об апостоле Андрее, Кию, Щеке, Хориве, Лыбеди и проч., подробно переданных в чудовской компиляции, но отмечает родство рюриковичей с первоначальными русскими князьями через княгиню Ольгу, якобы «правнуку Гостомыслову, от Пскова», хотя в источнике как раз об

¹³ См.: Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы // ИОРЯС. СПб., 1882. Т. 29. № 4. С. 306—308.

¹⁴ Пространную редакцию см.: ГПБ, Соловецкое собр., № 878/988 (опубл.: ПСРЛ. М., 1961. Т. 31. С. 180—205); краткую: ГБЛ, ф. 199, № 69 (опубл.: Богданов А. П. Редакция летописца 1619—1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 140—151).

этом упомянуто вскользь. Обращает на себя внимание значение, придаваемое Боголепом отношениям первых рюриковичей с византийскими императорами: сведения о войне Олега со Львом Премудрым, в результате которой греки якобы стали давать дань русским городам, и о крещении Ольги в Цареграде переданы даже подробнее, чем в краткой редакции чудовского свода.¹⁵ О междоусобице святославичей говорится очень кратко, зато из обширного рассказа источника о княжении Владимира фактические данные выделены весьма тщательно. От рассказа о Владимире Святом, который уже «писася царем и великим князем и самодержцем российским» (л. 28—29 об.), Боголеп почти сразу переходит к Владимиру Мономаху, пропуская Изяслава Ярославича и Святополка Изяславича и упоминая лишь прямых его предков — Ярослава и Всеволода.

В княжение Мономаха происходит завоевание у византийского императора царских регалий, «иже и доднесь царьского величества в казне милостию божиею соблюдаются» (этого указания нет в источнике Адамова). В стремлении возвести историю российского царствования к первым князьям Боголеп допускает и противоречие, уверяя, что после Мономаха «наследницы его, от него приемше образ, венчахуся венцем царьским» (л. 29 об.), хотя далее говорит, что «писатися царем и великим князем Московским и всея России» начал Василий III (л. 32). В компиляции об этом сказано острее: «. . . и оттоле даже и доныне тем царским венцем венчаются благочестивыя царие, егда помазуются на великое московское царьство (титул)».¹⁶

За Мономахом следует краткое перечисление князей, имена которых отмечают переход великого княжения из Киева во Владимир и затем в Москву. Далее помещен перечень московских великих князей вкупе с краткими данными церковно-исторического характера, относящимися к Москве (в источнике автора даются сведения по всей стране). Несмотря на то что в чудовской компиляции события с середины XV по конец XVI в. освещены значительно менее подробно, чем предшествующие и последующие, в «Хронографце» начальному периоду московского царства уделено большое место. Первым в ряду московских царей выступает Василий III, которому, по мнению автора, принадлежит установление царской титулатуры и регламента. «Храбрый» в воинских делах Иван IV удостоен традиционной, в общем, похвалы за расширение границ православного царствия в Европе и Азии. Показателем вдумчивого отношения Боголепа к событиям отечественной истории является его повышенное внимание к действительно сложной фигуре Федора Иоанновича. Федор — и дипломат, и градостроитель, и боголюб, при нем устраивается московская патриархия (что отмечено особо), но одновременно он, пусть косвенно, является виновником смерти брата и пресечения династии.

Однозначно — как цареубийца и узурпатор-еретик — рассматриваются Борис Годунов и Лжедмитрий I, зато история царствования В. И. Шуйского вновь анализируется подробно. В чудовском своде для описания Смутного времени приведен полностью текст Сказания Авраамия Палицына по его окончательной редакции.¹⁷ Автор «Хронографца» уловил сложность оценки Авраамием царствования Василия Иоанновича, которого хотя и «избраща наскоро, немногих советом», но избрали царем, а значит, главным защитником и опорой подданных. В конце XVII в. не требовалось быть столь начитанным человеком, как чудовский книжник, чтобы сознавать основательность упреков Шуйскому, по мягкой формулировке Адамова, в «неправоте». Но с принятой Боголепом государственной точки зре-

¹⁵ Хронографец, л. 27—27 об.; ср.: ГБЛ, ф. 199, № 69, л. 11 об.—12.

¹⁶ ГБЛ, ф. 199, № 69, л. 27 об.

¹⁷ В пространной редакции свода с Летописцем 1619—1691 гг. текст Сказания (см.: ГПБ, Соловецкое собр., № 878, л. 610—761 об.; по пагинации ПСРЛ, т. 31, с. 6, л. 540—691 об.) наиболее близок к списку Е (см.: ГБЛ, собр. Егорова, № 88), датирующемуся 80-ми гг. XVII в. В краткой редакции свода этот текст сильно сокращен.

ния даже веские «хулы» не могли быть обращены на «селеопомазанного»,¹⁸ поскольку он является «венцом» царства, олицетворением государственной власти, «отцом» своих подданных (см. л. 37—38 об.). Обратим внимание на обычно несвойственное автору усиление провиденциального элемента при описании освобождения Москвы ополчением: этим Адамов подчеркивает, что при отсутствии царя — «орла» его «птенцы» — подданные могут надеяться лишь на божию помощь (л. 39—40).

Начиная с царства Михаила Романова текст Боголепа расходится с чудовским сводом, который, по-видимому, не имел еще продолжения в виде Летописца 1619—1691 гг. Из краткого рассказа о Михаиле и Алексее Романовых можно уяснить, что автор равно положительно воспринимал как мирный (на его взгляд) внешнеполитический курс первого, так и активные военные мероприятия второго (ср. с текстом об Иване IV и Федоре), причем в последнем случае для Боголепа большое значение имело «во всю вселенную... прослутие о величестве» отечественного монарха (л. 41—41 об., ср. л. 32 об.).

Перечисление детей Алексея перед рассказом о царствовании Федора Алексеевича и указание на воцарение Федора «по благословению» отца (л. 41 об.) содержат намек на борьбу «в верхах» за наследство Алексея, завершившуюся поражением группировки А. С. Матвеева и высылкой Нарышкиных. О знании политической конъюнктуры при Федоре Алексеевиче (1676—1682 гг.) свидетельствует то, что Адамов не только перечисляет мероприятия царствования, но упоминает и неосуществленные из-за скорой смерти царя «многая достохвальная дела и народу благопотребныя предуготовления» (до настоящего времени вызывающие интерес специалистов). Информированность Боголепа во внутриправительственных делах чувствуется и в последней статье «Хронографца», относящейся к регентству. Хотя автор избегает подробностей острой схватки за власть в Кремле, разыгравшейся весной 1682—летом 1683 г., он является одним из немногих пишущих современников, которым удалось избежать фактической путаницы, внесенной быстро менявшимися правительственными объявлениями. Однако подчеркнутая официальность сообщения не позволяет выявить отношение автора к описываемым событиям.

Для раскрытия позиции Адамова во внутриполитических коллизиях конца XVII в. большое значение имеет высказанная в «Хронографце» похвала царю Федору Алексеевичу за составление «утвердительноя грамоты» о «научении свободных мудростей» в Заиконоспасском монастыре (л. 42—42 об.). Как известно, энергичная полемика по вопросу об организации в Москве училища развернулась уже в конце царствования Федора. Если грамоты на заведение училища в приходе св. Иоанна Богослова, выданные в 1668 г. патриархом Иоасафом и восточными патриархами, одобренные тогда же царем Алексеем Михайловичем, подразумевали учение «различными диалекты: греческим, словенским и латинским», «да трудолюбивии спудеи радуются о свободе взыскания и свободных учений мудрости»,¹⁹ то уже в самом начале 80-х гг. такая идея возымела активных противников, за спиной которых нетрудно различить фигуру нового патриарха Иоакима Савелова. В этот период появляются полемические

¹⁸ Любопытно, задумывался ли Адамов над смыслом «исключений», сделанных для Годунова и Лжедмитрия I. В пользу положительного ответа может свидетельствовать тот факт, что примерно в это же время (или чуть позже) в чудовском летописном скриптории создаются тексты, обосновывающие, с одной стороны, идею узурпации престола Годуновым и Лжедмитрием, с другой — доказывающие законность воцарения Шуйского по праву наследования (см.: ГИМ, собр. Уварова, № 148, л. 70 об.—74; Музейское собр., № 1499, л. 76—79 об., 87 об., 93 об.—95; собр. Барсова, № 2339, л. 350—352 об.; ГБЛ, ф. 310, № 810, 811; ф. 7, № 50, 76 и др.).

¹⁹ См.: [Горский А. В.]. О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Прибавления к Творениям святых отцев за 1845 год. М., 1845. Ч. 3. С. 167—171. Ср.: М и р ч о в и ч Г. О школах и просвещении в патриарший период // ЖМНП. 1878. № 7. С. 14—15.

статьи, авторы которых, не выступая прямо против «свободных наук», доказывают преимущество греческого языка перед латинским и бранят последний, предлагая «угасить малую искру латинского учения», а вместе с нею «пламень западного зломысленного мудрования».²⁰ Одновременно и иерусалимский патриарх Досифей потребовал запретить в России читать латинскую литературу, книги отобрать и сжечь, а укрывающих их казнить, поскольку «не подобает верным прельщаться чрез философию и суетную прелесть».²¹ В 1681 г. грекофилы на средства патриарха организовали при Печатном дворе заведение «для учения школьного, греческого языка».²² Однако уже в начале следующего года царь Федор Алексеевич выделил деньги на строительство в Заиконоспасском монастыре славяно-латинской школы Сильвестра Медведева,²³ которая вскоре составила конкуренцию типографской школе.²⁴ Более того, учитывая реальную потребность в высшем учебном заведении, Федор вознамерился открыть в этом монастыре Славяно-греко-латинскую академию. Написанная от его имени (по-видимому, С. Медведевым)²⁵ «Привилегия на академию», хотя и претерпела некоторые изменения в охранительно-грекофильском духе со стороны патриарха Иоакима,²⁶ утверждала принципы организации автономного «училища свободных наук» с широкой программой для подготовки высокообразованных кадров как для церковных, так и для светских учреждений.²⁷ Большинство авторов считают, что «Привилегия» не была утверждена царем.²⁸ С. К. Смирнов и Н. Ф. Каптерев утверждают противное, отмечая, что Федор, умерший 27 апреля 1682 г., не успел подписать указ об организации академии и утвердить ее устав, о котором упоминается в «Привилегии».²⁹ Поскольку в этих выводах исследователи опираются на чисто логические умозаключения, прямое указание автора «Хронографца» на создание Федором «утвердительной грамоты» позволяет сделать вывод, что не отсутствие указа, а изменение политической конъюнктуры после смерти царя помешало реализации замысла академии.

В период регентства политическая нестабильность, сохранявшаяся в стране после окончания восстания в столице, не позволяла правительству Софьи—Голицына предпринимать шаги, способные привести к обострению и так достаточно сложных отношений с патриархом. Поэтому вторичное обращение Медведева к правительству с «Привилегией», переработанной им в антигреческом духе и снабженной стихотворным панегирическим «Вручением» царевне Софье, осталось без последствий.³⁰ К царевне и другим

²⁰ Миркович Г. О школах. . . С. 22—30; Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавления к Творениям святых отцов за 1889 год. М., 1889. Ч. 44. С. 672—679; и др.

²¹ См. грамоты от 1679, 1682 и 1689 гг. в кн.: Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707 гг.). М., 1891. Приложение № 14 и 15; СГГД. Т. 4. С. 420—422; ср.: Миркович Г. О школах. . . С. 20—21, примеч. 1.

²² Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах. . . С. 649—653.

²³ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. М., 1872. Ч. 2. Материалы, № 50. С. 140.

²⁴ См.: Прилежаев Е. Школьное дело в России до Петра // Странник. 1881. Т. 1. С. 217, примеч. к с. 216.

²⁵ Авторство Симеона Полоцкого было убедительно опровергнуто Н. Ф. Каптеревым (О греко-латинских школах. . . С. 655—656). На Медведева как главного инициатора «умоления» Федора «построити академию» указывают Лихуды (ГИМ, Синодальное собр., № 440, л. 99 об.—103, 117).

²⁶ Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах. . . С. 663—670.

²⁷ См. ДРВ. Т. 6. С. 390—420.

²⁸ См.: Галкин А. Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913. С. 52, примеч. 1.

²⁹ Смирнов С. К. История московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 15, примеч. 19, 24; Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах. . . С. 38.

³⁰ См. поправки в авторском экземпляре Медведева (ГИМ, Синодальное собр., № 44/231, л. 1—5 об.), с которого, согласно помете, была снята копия для Софьи.

власть имущим неоднократно обращался Карион Истомина.³¹ Однако успеха добились «мудроборцы», создав на средства патриарха, Печатного двора и пожертвователей (среди которых был и В. В. Голицын, заинтересованный в этот момент в улучшении отношений с Иоакимом) «греческие», или «элленославянские, схолы» в Заиконоспасском монастыре³² вместо медведевской школы и типографского училища.³³

Школа, которую возглавили выписанные из Греции Иоанникий и Софроний Лихуды, по своей программе и статусу ни в малой степени не напоминает проект Славяно-греко-латинской академии, утвержденный Федором. Открытие «элленославянских схол» вместо академии (и при ликвидации заиконоспасской школы) явилось крупной победой противников европейского образования в России. В самом деле, идея «учиться у греков», которые, как хорошо было известно в Москве, не имели в это время собственных университетов и получали образование главным образом в Италии³⁴ (хотя и называли себя «учители латин»), была вызвана страхом перед общим образованием вообще со стороны тех духовных и светских деятелей, которые если открыто и не призывали «не учась сим хитростям в простоте богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати»,³⁵ то молчаливой стеной стояли на пути «свободных мудростей». Среди противников линии «мудроборцев» и патриарха, которого даже Аввакум называет «простым человеком» («а учился мало», — мягко отмечает Медведев),³⁶ на сугубо церковное учение называют тех молодых дворян и горожан, которые, по словам самого Иоакима, ездили учиться на Украину и в Польшу, деятелей Посольского приказа, понимавших значение международного латинского языка, «лиц из высшего класса», сознававших необходимость развития отечественной науки.³⁷ Тот факт, что через год после открытия школы Лихудов Боголеп Адамов воздает хвалу царю Федору за похороненный Иоакимом замысел Академии, заставляет не только усмотреть в чудовском иеромонахе сторонника европейского просвещения, но и предположить наличие у него оппозиционных линии патриарха взглядов. В самом деле: в своем «Хронографце» Боголеп развивает мысль о переходе православного царства из Греции в Россию, — мысль, основанную на теории Москва — «третий Рим» (вполне в духе Арсения Суханова), против которой в свое время активно выступил основатель официальной грекофилии патриарх Никон. Как известно, эта мысль была органически связана с утверждением о потере греками благочестия, вследствие чего они «и царскую божью погубиша власть». По-видимому, негативно относился к греческому благочестию и Боголеп Адамов. Это предположение подтверждается составом других выписок, помещенных в его сборнике. Так, в выписках из Христомологиона после записи о 77-м греческом царе Константине говорится, что «при сем Константине царе и матери его Ирине, аще и с великим приемом между греков и французов, обаче начася царство римское от Короля Вели-

³¹ Сочинения Истомина см.: Смирнов С. К. История... Приложение 1; Брайловский С. Н. 1) Один из «пестрых» XVII-го столетия. СПб., 1902. С. 427—435; 2) К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя «Карион» // ИОРЯС. 1909. Кн. 1. С. 14—36; Богданов А. П. Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: (литературные пантегирики). М., 1983. № 1, 2, 14, 21; ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 29—39 об., 41—47 об., 51—52, 71—72, 114 об., 116; № 301, л. 22—223 об.; БАН, П.1.А.8; и мн. др.
³² Галкин А. Академия в Москве... С. 64—65, 69; ср.: Смирнов С. К. История... С. 17.

³³ Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность): Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896. С. 256.

³⁴ Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах... С. 647; и др.

³⁵ См.: Мирович Г. О школах... С. 22—30. Ср.: ГПБ, Софийское собр., № 423.

³⁶ См.: Субботин Н. Материалы по истории раскола. М., 1879. Т. 5. С. 157; ср. отзыв диакона Федора: Там же. Т. 6. С. 227; Розыские дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 554; ср. стб. 619, 632, 673.

³⁷ Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах... С. 646—648; и мн. др.

кого, аще и доныне пребывает в немец», и «цари римлянонемецкие» перечисляются так же, как и греческие (л. 82, 84 об.—86 об.).

Для патриотически настроенных москвичей важным аргументом в пользу идеи о переходе в их отечество мирового центра православия служило перенесение православных реликвий от греков в Россию. Поэтому весьма показательно включение Боголепом выписок из переписки с греками о перенесении мощей в исторический сборник. Легко заметить, что автор подобрал такие послания, в которых греки самолично признают Российское царство центром мирового православия (считая даже Алексея Михайловича «своим» государем, — л. 106 и др.), а московского патриарха — «богоизбранным святителем», первым среди вселенских патриархов,³⁸ светочем греческой церкви, вторым Аароном (так называли московского патриарха и русские панегиристы, в частности — Осип Титов) и т. п. Если иерусалимский патриарх Паисий и его помощники, добываясь признания в Москве благочестия греческой церкви, утверждали, что восточное православие не терпит утеснений со стороны турок, то в выписках Боголепа определенно доказывается, что не только отправление культа, но и хранение святынь сопряжено с непреодолимыми трудностями для «плененных греков», в то время как Москва есть «собрание благочестия и исполнения православного жителства чистаго христианского» (л. 91 об. и др.).

Взгляды Адамова позволяют причислить его к оппозиции патриарху Иоакиму. Вероятно, к ней следует отнести и хорошо знакомых ему составителей исторической компиляции из Чудова монастыря, которую Боголеп использовал в «Хронографце», выделив главные мысли своих коллег. Этой позицией может объясняться как задержка продвижения Адамова по служебной лестнице,³⁹ так и нераспространенность сочинения чудовских летописцев, оставшегося в беловых авторских экземплярах.⁴⁰ О существовании разногласий в ближайшем окружении патриарха свидетельствует резкий отзыв об Иоакиме митрополита Коломенского Иосифа: «. . . патриарх мало грамоте умеет . . . только бороду устава сидит, ничего не знает, непостоянен, трус» и т. д., — сделанный в минуту откровенности.⁴¹

По своему содержанию похвалы Федору Алексеевичу в «Хронографце» очень схожи с характеристикой, данной ему в «Созерцании кратком» и стихотворных сочинениях Сильвестра Медведева. Теперь же мы можем утверждать, что и взгляды Боголепа на греческое и русское православие соответствуют позиции, занятой в этот период (1687—1688 гг.) Сильвестром в полемике с Иоакимом, Евфимием Чудовским и братьями Лихудами.⁴² Вместе с Медведевым против попыток внести изменения в литургию на греческий манер выступили многие церковные деятели, как московские (митрополиты Павел рязанский и Маркел псковский, игумен Симоновского монастыря Гавриил Домецкий, поп Савва Долгий, диакон Афанасий, устав-

³⁸ «Не может град укрытися, верху горы стоя, — господь рече своим учеником, — понеже бысть свет миру», — сказано о Никоне, л. 101 об.—102 и др.

³⁹ Только после смерти Адриана он стал казначеем, а затем очень быстро выдвинулся в уставщики Александро-Невской лавры, которая была поставлена «степенью. . . выше Троицкия Сергиевы лавры» (см.: А м в р о с и й [О р н а т с к и й]. История Российской иерархии. М., 1810. Ч. 2. С. 260), откуда 29 января 1719 г. хиротонисан епископом великоустюжским и тотемским (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. стб. 735). Скончался Боголеп 13 января 1726 г. В Устюжском районном краеведческом музее сохранилась грамота, подписанная архиепископом Боголепом (Документальные материалы, № 3, грамота от 20 июня 1725 г., с печатью, подлинник), но о получении им этого звания сведений нет.

⁴⁰ Пространная редакция уже в конце XVII в. оказалась на Соловках, где, судя по припискам, была встречена вполне сочувственно.

⁴¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1863. Т. 13. С. 148.

⁴² См.: Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев. . . С. 263—266, 281—286; и др.

щик Антон Муромцев), так и южнорусские (митрополит Гедеон киевский, архиепископ Лазарь черниговский, архимандрит Киево-Печерской лавры Варлаам, епископ Димитрий Ростовский, игумен Киево-Кирилловского монастыря Иннокентий Монастырский, черниговский протопоп Иоанн) и многие другие «священно и монашеского чина». ⁴³ Его поддерживали Ф. Л. Шафловитый, частично царевна Софья и немало стрелецких командиров, ⁴⁴ а после 1687 г. В. В. Голицын и, по словам Иоакима, множество москвичей, кои «не суще священнии, . . . начаша дерзати. . . разглаголовать и испытывати» сторонников патриарха. ⁴⁵

По-видимому, Боголеп написал свое сочинение, стараясь еще раз осмыслить и подтвердить свою позицию под впечатлением всеобщих споров, которые велись в Москве «в схождениях, в собеседованиях, на пиршествах, на торжищах и где любо случится кто друг с другом». ⁴⁶ Его взгляды, выявляемые анализом содержания «Хронографца», заставляют еще раз (после Н. Ф. Каптерева) подумать о пересмотре традиционного взгляда на борьбу грекофилов и «латинствующих» как столкновение двух достаточно ограниченных группировок церковнослужителей и политических деятелей на почве разногласий догматического, точнее, ритуального характера. С одной стороны, группа сторонников просвещения была гораздо шире кружка Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева и южнорусских ученых (которым принадлежали наиболее заметные для исследователей выступления и которых пылко обличали «мудроборцы», видевшие именно в этих лицах своих соперников у церковного пирога). Те, кого в 80-х гг. грекофилы называют «латинствующими», придерживались, на мой взгляд, тех же основных национально-государственных идей, что и патриотически настроенное большинство, отказавшееся ранее воспринять прогрессческий курс Никона. Напротив, группировка грекофилов в конце XVII в. не представляется ни широкой, ни имеющей глубокие социальные и исторические корни. Именно течение мудроборцев-грекофилов, а отнюдь не их противников, формируется в 70—90-х гг. «бунташного» века как результат и явный показатель кризиса средневекового мировоззрения.

Боголеп Адамов писал о событиях, которые в его сознании были тесно связаны с современностью. В отличие от средневековой литературной традиции просвещенным авторам конца XVII в. эта связь представлялась уже причинно-следственной, а не вневременной. Из хронологически последовательного изложения источника Боголеп выделил моменты зарождения существующих государственных и религиозных институтов, делая иногда замечания об их современном состоянии. С другой стороны, отобранные автором сведения образуют цепочки, подтверждающие действительную преемственную связь между описываемыми явлениями, и конечной точкой этих цепочек является современность. Знаменем времени было и приведенное Адамовым сопоставление противоречивых данных в статье о крещении Ольги (л. 27 об.) — подобные (и гораздо более тщательные) сопоставления, нередко с аргументацией достоверности каждого источника, встречаются уже во многих сочинениях конца XVII в. и вызывают специальный интерес у чудовских историков. ⁴⁷ Любопытны также приписки на полях другими чернилами, сделанные Боголепом уже после окончания работы над «Хронографцем». Они не вносят принципиальных изменений

⁴³ ГИМ, Синодальное собр., № 369, л. 34.

⁴⁴ См.: Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев. . . С. 221, 237, 241—242, 246—247, 258, 264—267, 296—302, 309—310; ср.: Розыские дела о Федоре Шафловитом. Т. 1. Стб. 140, 149—150, 555, 561, 569, 572, 608—609, 706—707; и др.

⁴⁵ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века // Православный собеседник. Казань, 1865. С. 115.

⁴⁶ Там же. С. 116.

⁴⁷ См., например: ГИМ, Музейское собр., № 1499, л. 2—3 об., 12 об.—13 об., 16—16 об., 22 об., 23 об., 26 об., 27, 28, 29, 30 об., 33—33 об., 39 об.—40, 45 об.—46; и др.

в текст, но показывают знакомство Адамова с одним из популярных во второй половине XVII в. кратких исторических сочинений — «Летописцем, написан выбором из старых летописцов», читая который чудовский иеромонах делал для себя выписки.⁴⁸

Мы получили возможность проверить предположения относительно политической подоплеки статей «Хронографца», посвященных современным для автора событиям. Б. Н. Морозов, описывавший рукописное собрание Государственного литературного музея, указал мне рукопись конца XVII в. (2°, инв. № 50909/38), среди статей которой оказался еще один список «Хронографца» (л. 135—155). Несмотря на ошибки переписчика или переписчиков, можно заключить, что перед нами производная от боголеповской редакция памятника, созданная, судя по завершающей ее статье о двух царях и Софье, ранее лета 1689 г. Ее составитель творчески подошел к первоначальному тексту, переосмыслив даже заглавие. В рукописи ГЛИМ оно звучит: «Краткое собрание нестоятельства света сего, яко скоротечныя колесницы». Если Боголеп указал заглавием на обзорность своего произведения, то редактор, работавший уже над кратким текстом, выделил философский аспект собрания исторических сведений. В тексте редактор произвел ряд сокращений: о Качалове и Битяговском, о царице Марии Григорьевне, о кончине Михаила Федоровича и т. п. Он не принял некоторых дополнений Боголепа к основному тексту: о Каменном Кремле (под 6841 г.) и Тохтамыше (под 6890 г.), приписку, что Гурий был *лже*монах. В статье о пленении Василия Темного снято имя Момтяка, но добавлено, что это произошло «под Коломенским». При описании взятия Иваном IV «поганских» царств вместо сообщения, что они «ныне же благодатию божиею цветут в правоверии», сказано, что государь «нача писатися великим государем царем и самодержцем всея Руси» — более сильная фраза, несколько снижающая в то же время значение статьи о Мономаховом венце. В этой же статье редактор опустил указание на «летописец», однако в других местах не только использовал дополнительные источники, но и делал на них ссылки. Так, концовка статьи об Алексее Михайловиче дополнена несколькими общими словами «о величестве силы его» и указанием на точное время кончины царя — «против мясоедения недели в 4-м часу нощи». На поле против текста отмечено: «ин летописец». Далее следует сильно сокращенная статья о Федоре Алексеевиче, но время его кончины также уточнено: «13 часа дня в 1-й четверти». Летописного источника, сочетающего эти данные, не обнаружено. В частности, обе редакции Летописца 1619—1691 гг. не имеют указания на название недели, в ночь на которую умер Алексей, а смерть Федора определяют 2-й четвертью 13-го часа.

Редактор «Хронографца», разумеется, мог воспользоваться и двумя летописными источниками. Аналогичное указание на час смерти Алексея имелось в некоторых списках «Летописца выбором» и ранней редакции Краткого московского летописца, а из сочинений патриаршего скриптория — в Летописце 1619—1691 гг. и Летописчике 1682 г.⁴⁹ Смерть Федора в 1-й четверти 13-го часа зафиксирована в списке созданного патриаршими авторами Летописца 1686 г. по пространной редакции, протограф которого (несколько отличный от других списков этой редакции) был создан не ра-

⁴⁸ Предварительный просмотр позволил выявить 20 списков этого сочинения, относящихся к 50—90-м гг. XVII столетия и имеющих значительные разночтения, в том числе редакционного характера (ср.: ГБЛ, Музейное собр., № 1836; собр. Шибанова, № 248; собр. Чернышевых, картон 11.57, М-6208; собр. Фадеева, № 34; ГПБ, собр. Тиханова, № 4; собр. Погодина, № 1565, Q.XVII, 22; ОЛДП, F.355 (6964); ГИМ, собр. Уварова, № 48; Музейское собр., № 3257; ОПИ, собр. Забелина, № 20; БАН, 32.5.1, 38.3.23, 12.8.9; ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 2; и мн. др.

⁴⁹ ГИМ, собр. Уварова, № 48, л. 44 об.; Б у г а н о в В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 293; ПСРЛ. Т. 31. С. 186; Б о г д а н о в А. П. Редакция Летописца 1619—1691 гг. С. 145; ГИМ, собр. Уварова, № 77, л. 213; и др.

нее конца 1680-х гг. (далее — *Д*).⁵⁰ Обширная похвала царю Федору отличает *Д* от других списков Летописца 1686 г. и сближает с «Хронографцем» первой редакции. Она начинается пышным риторическим славословием. Затем, в соответствии с основным содержанием Летописца, восхваляются внешнеполитические успехи Федора. Наконец, раздел о внутренних мероприятиях его царствования отличается от предыдущих большей конкретностью и в то же время текстуальной близостью с публикуемой редакцией «Хронографца».

«. . . многи церкви божия пречюдне всяким благолепием украсил, — говорит о Федоре летописец, — о научении свободных мудростей российского народа присно помышляше. И монастырь Спасский, иже во граде питаяй (Китай — *А. Б.*), на то учение наменив, и чудную и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написа. Домы каменные на пребывание убогим и нищим з доволным пропитанием содела, царских многолетних долгов народу отдаде и впредь дани облегчи, богоненавистныя враждотворения и междуусобныя в местничествах брани прекрати, и царский свой дом, и Кремль, и Китай преизрядно обнови, многоубыточная народу одежды премени, и иная многая и достохвалная и памяти должная соделав, и на вся полезная и народу благопотребная предуготовляше вся. Пречюдне со всяким христианским душеспасительным ко исходу души своея преуготовлением жизнь сию сконча. Царствова же сей благочестивый и милосердый царь шесть лет, и месяца два, и дней двадесят осм. А от рождения своего всех лет поживе двадцать одно лето, месяца 3 и дней 28. Преставижеся от временнаго царствия во присносущное и вечное блаженство, и всего народа с жалостным рыданием и со многом изливанием слезным, в лето 7190 месяца апреля в 27 день 13 часа в 1 четверти» (л. 974—974 об.).

Таким образом, и один из составителей Летописца 1686 г. занимал позицию сторонников Академии (и политического курса Федора в целом) и противников «мудробротства» вкупе со стоящими за ним реакционными силами. Панегирик Федору в Летописце имеет явно вставной характер. Он отсутствует в более ранних списках и отторгается от основного текста стилистически. Поэтому, хотя мы и не имеем текстологических аргументов в пользу первичности одной из редакций панегирика, более вероятен вывод о зависимости летописного текста от «Хронографца», в котором оценочные характеристики даются и другим государям, причем довольно последовательно. Даже без предположения о наличии общего протографа списков Адамова и ГЛМ нетрудно объяснить появление в последнем указания на «1-ю четверть» часа смерти Федора заимствованием из другого источника, наподобие летописца с аналогичным указанием, список с которого имеется в сборнике Боголепа (см. л. 55), тем более что интерес редактора списка ГЛМ к подобным сюжетам нашел отражение в следующих сразу после текста (л. 155) выписках о времени кончины царей Михаила, Алексея и Федора.⁵¹

Проблема общего протографа представляет интерес с точки зрения архетипа и происхождения текста. Но смысловые расхождения имеют в списке ГЛМ явно вторичный характер. Так, вместо важного с политической точки зрения перечисления наследников Алексея Михайловича в списке Боголепа, в рукописи ГЛМ сказано: «По нем скиptronосная корени оставшася ветви наследницы всего великого Российского царства: благородный государь царевич и великий князь Федор Алексеевич, иже по благословению отца своего государева прия. . .» (л. 154). Статья об Алексее, согласно указанию на полях, изменена по другому источнику, а похвала

⁵⁰ ИРЛИ, Дрвлекранилище, оп. 23, № 257, л. 974 об.

⁵¹ Сведения о смерти Алексея в 3-м (а не 4-м или 1-м) часу ночи и, видимо, о Федоре заимствованы из Краткого московского летописца в редакции 1680-х гг. (ср.: ГБЛ, ф. 218, Пост. 1954 г., № 469, л. 4; ф. 29, № 8/М-1514, л. 59—59 об.; БАН, 16.14.24, л. 526, 527 об.; и др.).

Федору (столь поправившаяся составителю Д) сокращена до нескольких слов: «И бысть благочестив и милостив, о бозе любовию си распалаем, созда же мнози церкви, изрядно утварьми прилично им красотозрительными утвари. И вмале наслаждайся временнаго, отпаде. . .» (там же). Таким образом, архетип сводится к тексту первой редакции «Хронографца», время и место создания которой установлены прежде всего по внутренним признакам и, следовательно, не зависят от того, происходит ли список ГЛМ непосредственно от списка Боголепа или имеет с ним общий протограф (чего нельзя полностью исключить).

Знаменательно, что в редакции ГЛМ снятыми оказались как раз те места, которые, как мы стремились показать, были предметом современной Адамово общественно-политической борьбы. Причину такого редактирования подсказывает оформление рукописи ГЛМ. Оно типично для чудовских книг, писавшихся «на продажу» (в отличие от простых авторских или роскошных подносных экземпляров). В чудовском скриптории периода регентства (когда патриарх находился в оппозиции правительству) летописные своды и даже краткие сочинения, предназначенные для широкой аудитории, как правило, не включали статей о политических событиях 1670—1680-х гг. или, в крайнем случае, ограничивались подчеркнуто лапидарными записями.⁵² Подобная «цензура» сочинений зависимых от патриарха летописцев не распространялась, однако, на исторические концепции, реализованные на более раннем материале: они оставались без изменений, как это и произошло в новой редакции «Хронографца».

С учетом этих особенностей редактирование первоначального текста соответствует традициям подготовки исторического сочинения к выходу в свет. Редактор установил опущенный прежде день освобождения Китай-города в 1612 г. и, в свою очередь, оставил чистые места для уточнения числа месяцев и дней царствования Алексея. Он исключил ряд дополнений в списке Боголепа, не способствовавших связности повествования. Наконец, в редакции ГЛМ текст приобрел обычные в книжной литературе XVII в. дидактические черты: ссылку на «нестоятельство света сего» в заглавии, отсылки на полях к сочинениям, не являющимся источниками «Хронографца», но содержащими дополнительный материал, — к библейским книгам (об иудейских пророках и царях, о римской истории), Прологу и Тестаменту (об императорах Константине и Льве), к Прологу (под 12 февраля и 22 октября) против русских статей о митрополите Алексии и Владимирской иконе, к Кормчей, л. 11, при рассказе о введении патриаршества. Все это показывает, что редактирование «Хронографца» было проведено человеком, близким к чудовскому летописному скрипторию, — вполне вероятно, самим Боголепом.

Таким образом, «Хронографец» Боголепа Адамова является интересным образцом авторских историко-публицистических сочинений конца XVII в. в летописной форме. По сравнению с «Хронографцами» начала 1680-х гг. он богаче по содержанию, источникам, более совершенен концепционно.⁵³ Его изучение дает нам немало новых данных для исследования связи литературы и общественной мысли эпохи, одинаково переломной как в социально-политическом, так и в культурном отношении.

Текст «Хронографца» (статьи по русской истории) публикуется по правам, принятым для издания документов XVII в. При переводе текста на современную пунктуацию учтены авторские абзацы и киноварные литеры. Явные описки исправлены с оговоркой в подстрочных примечаниях; там же отражены все следы авторской работы над текстом: исправления,

⁵² Богданов А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века: Дис. . . канд. истор. наук. М., 1983. С. 43—67.

⁵³ Текстуально с произведением Боголепа эти сочинения не связаны (ср.: ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, ч. 2, № 659, л. 308—329; ГИМ, собр. Уварова, № 148, 8^о, л. 1—78).

дополнения, вставки, зачеркивания, изменение чернил. Смысловые разночтения по списку ГЛМ приведены в настоящей статье и в примечаниях не оговариваются; буквенные разночтения (типа: владычествуя—властвуя, повествует—известует, части—чащи, несогласие — не согласовано) опущены согласно правилам подготовки текстов ПСРЛ.

л. 1

КРАТКОЕ СОБРАНИЕ СЕГО ХРОНОГРАФЦА,
ЯКО СКОРОТЕЧНЫЯ КОЛЕСНИЦЫ ДОСТИГАЮЩИЯ
ДОБРАГО ПРИСТАНИЩА

л. 26

ЗДЕ ПОЛОЖИСЯ СТЕПЕНЬ ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

л. 26 об.

Великаго Новаграда владычествуя, Гостомысл рекомый советова своих си: да шедше в варяги, умолять князей тамо сущих, да пришед державствуют ими, понеже во бранех искуснии суще и храбростию паче инех спешуще. И совету его сбыться; приидоша князи варяжстии от немец, три роднии братия: Рюрик, Синеус и Тривор, — в землю Российскую, да державствуют ею. В лето 6370, от рожества же Христова 861, Рюрик нача княжити в Великом Новеграде, и владычествуя 17 лет, и умре в лето 6377.

л. 27

По нем княжити начат Олег, братаничъ Рюриков, донде же // возрасте сын Рюриков Игор; и въладетельствуя 33 лета или болши, и умре в лето 6415. Сей ходил войною на греки многими корабльми. Кесарь же греческий Премудрый Лев, не моги терпети брани его, купи мир великими дарами. Но не доволствова Олег дарми, возложи дань велику. И оттоле даяху дань греки князем российским в Киев, в Чернегов, в Новъгород Великий, в Полоцк, в Ростов, в Любеж. И умре Олег в лето 6417.

л. 27 об.

По Олге князе Игор един начат княжити в лето 6421. Взя себе в супружество девицу прекрасну^а и премудру, Ольгу именем, правнуку Гостомыслову, от Пскова.^б // Державствовал Россиею 33 лета и убиен от древлян в лето 6453.

По Игоре князе Светослав с материю Ольгою владеша 28 лет. Сиа Олга крестися в Цареграде в лето 6463, при котором же кесаре тогда царствующем ея крещение бысть, — о сем в летописцах велие несогласие. Преподобный Нестер летописец печерский в кнize своей являет, яко крестися Олга при Константине кесаре, сыне Лва Премудраго. Стриковский повествует, якоп при Иоанне Цымисхие. И инии летописцы пишут, яко при Романе Багрянородном, еже по Константине царствова.

л. 28

По Святославе чада его разделиша державу его в лето 6481. // Ярополк взя Киев, Олг древляны, Владимир в Новъград Великий. Ерополк уби Олга; Владимир побеже в варяги и, собра воинство варяжское, победи брата своего Ерополка, и уби его, и начал княжити в Киеве в лето 6488. Просветися же святым крещением в лето от создания мира 6495, от рожества^в же по плоти бога слова 995, нареченно же имя ему Василий. Чад же своих крести в кладязе, иже зовется Крещатик, и всенародное множество на реке Почаине в лето 6496. И бе владычествуя всею Россиею Полуночною, и Восточною, и Полуденною, Белою и Черною, и писася царем, // и великим князем, и самодержцем Российским. Созда же и град велик и нарече его во свое имя Владимир в лето 6498. Самодержствова в неверии 8 лет, а окрестися 27 лет, всех же 35 лет; преставися в лето 6523.

л. 28 об.

Ярослав—Георги победи и изгна ис Киева Святополка, а сам седе в нем. Начат княжити в лето 6524, державствова 38 лет. Сему Ярославу в лето 6536^г родися Всеволод; в лета 6561 родися Всеволоду сын Въладимир, иже потом Мономах наречен. Ярослав великий князь созда церков святыя Софии, подобна Кон//стантинопольской, точию менши тоя, и верх ея позлати. Преставися в лето 6568.

л. 29

^а Испр., в ркп. препрасну. ^б Испр., в ркп. Пскова. ^в Так в ркп. ^г Испр., в ркп. 6561.

По нем Всеволод Ярославич нача княжити в Кieve; владетелствуя 15 лет, преставися в лето 6601.

По нем Владимир Мономах нача княжити в Кieve; владетелствуя 13 лет и бе zelo храбр и во бранех, яко своими руками з гетмана кафинского сня шапку с шицими¹ златами, драгоценну чепь и златой пояс. И егда ходил войною к Царюграду, тогда не стерпя силы его кесарь Алексий Комнин моли его о мире и посла крест, от выи снем, самага животворящаго древа, и венец, и гривну, скипетр, и диадиму, и иныя царьския // утвари, иже до л. 29 об. днесь царьского величества в казне милостию божиею соблюдаются; и венчася царь Владимир Мономах венцем царьским от Неофита, митрополита ефесского, посланнаго от кесаря на се. По нем же наследницы его, от него приемши образ, венчашуся венцем царьским. И преставися в лето 6634.

Юрий—Георгий Владимирович Мономахов Долгорукой седе в Кieve в лето 6664.

Всеволод Юрьевич, брат Андрея князя Боголюбского, из Кieve во Владимир преиде, и преставися в лето 6720. // л. 30

Сего сын Георгий князьствова во Владимире. В ево княжение прииде царь Батый в лето 6745, и разори вся российскийя пределы, и самого святаго Георгия уби°. Мощи же его во Владимире в велицей церкви в раце.

Сего брат родный Ярослав Всеволодович прииде от Новаграда во Владимир княжити, и владычествуя 24 лета.

Сего сын Александро Ярославич Невский державствова в Великом Новеграде и во Владимире*. И преставися 6671 ноемврия в 23 день.

Великий князь Даниил Александрович московский остася от родителю своею двою лет, а начать княжити на Москве в лето 6804. // Державствова л. 30 об. 7 лет и преставися в лето 6811 марта в 4 день.

При сем великом князе заложена бысть первая церковь на Москве каменная во имя Пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения в лето 6811.

По нем князь Иоанн Данилович Калита начат княжити в лето 6836. В³ княжение его святыи Петр митрополит пренесе престол святительский от града Владимира в Москву град. При сем поставлена церковь Преображения господня каменная, иже последи монастырь бысть, идеже ныне царьский двор.⁴ // При сем поставлена церковь Архангела Михаила в лето л. 31 6841. И преставися князь Иоанн Данилович в лето 6848 марта в⁵ 31 день, пребысть на престоле 12 лет.

По нем князь Иоанн Иоаннович нача княжити в лето 6862, державствова 6 лет. При сем святителский престол окормляем Алексием митрополитом. Преставися великий князь Иоанн в лето 6868. Чюдотворец Алексий митрополит преставися в лето 6886.

По отце своем нача княжити великий князь Дмитрий Иоаннович Донский; и державствуя 29 лет, и победи Мамай царя златоординскаго // в лето л. 31 об. 7888¹. Преставися в лето 6897 мая в 2 день.

По нем Василий Дмитриевич начал княжити в лето 6898; державствова 36 лет, преставися в лето 6933.

¹ Так в ркп. Следует читать дщицами как в «Летописце выбором». ° После этого слова в тексте сделан значок вставки; под таким значком на правом поле написан текст почерком Адамова, чернилами правки Великий князь Дмитрий Московский победи Мамай царя, — этот текст зачеркнут теми же чернилами и вместо него автором сделана приписка: Царь Батый сам убиен бысть в угрех.

* В тексте значок вставки, под которым на левом поле записано почерком Адамова, чернилами правки Сей великий князь Александр за Невою рекою победи многочисленныя полки немецких людей, пришедших с похвалою на Великий Новьград.
² В ркп. ошибочно К. ° Против этого места текста на правом поле почерком Адамова чернилами правки сделана приписка В лето 6841 поставлен на Москве Кремль город каменной. * Предлог повторен дважды. ° В тексте значок вставки, под которым на левом поле написано почерком автора, чернилами правки В лето 6890 году царь крымский Тахтамыш взял Москву обманом за крестным целованием и всех христиан побил.

По нем начат княжити Василий Васильевич Темный и державствова 36 лет. Сей за грехи наша пленен бысть казанского Мамотьяка царя вои в лета 6953^м иуния в 6 день. Пребысть во пленении 1 лето и 2 месяца и искомлен драгим искупом: стоящего его осыпаша златом. И преставися на своем престоле на Москве в лето 6971 марта в 28 день. //

Сего сын Иоанн Васильевич Гордый княжествова 43 лета. Сей поя в супружество царевну Софию, дочь Фомы, деспота Амморейского. При сем в лето 5980 заложена великая церковь соборная пречистыя богородицы Успения. Сей еще при себе посади на престол княжити сына своего князя Василия Ивановича. И преставися в лето 7013.

Сын же его князь Василий Иванович со отцем своим державствова 3 лета, а по отце своем един 29 лет. Сей нача писатися царем и великим князем Московским и всеа России. Учيني же сей и титла своему величеству, *л. 32 об.* яко же и до днесь великия государи на славу и хвалу держав//ству своему писати обыкоша и благочиние держати неизменно. Сему же родися сын Иоанн Васильевич в лето 7038 августа в 23 день. И преставися великий князь Василий Иванович в лето 7042 декабря в 4 день, наречен бысть во иноцех Варлаам.

По нем бысть царь и великий князь Иоанн Васильевич, царствова 50 лет. И бысть в воинских делах зело храбр, расширяя царство свое, яко же свидетельствует летописец и до днесь храбръственныя его силы дело. Не доволствова бо ему Европа обладанием, но и Азии множайшия части воинскими храбръствы облада, иже и донныне божиею милостию под *л. 33* державою их // царьского величества неотступно в покорении пребывают. Великия царства Казанское, Астраханское, Сибирское его царским тщанием из тмы во свет преложшися, яже прежде бывше люди неведущии бога, ныне же благодатию божиею цветут в правоверии. Сему родися сын царевич Федор Иванович в лето 7065^м. В лето 7090 родися царевич Дмитрий Иванович. Царь же и великий князь Иоанн Васильевич преставися в лето 7092 марта в 19 день.

По нем царь и великий князь Феодор Иванович нача царствовати и *л. 33 об.* бысть царем 13 лет и 7 месяц. И бысть благочестив и кроток, не//приятелей своих, хотящих отчину его разорити, побеждаше не браными орудии, но непобедимою силою божиею чрез святыя свои молитвы. Брату же своему царевичу Дмитрию Ивановичю по навету неких даде во удел, и с матерью его, град Углич в лета 7093. В лета 7094 царь и великий князь Феодор Иванович повеле здати окрест царствующаго града Москвы Белой город каменной^о, и совершиша его в лета 7101, и повеле звати его Царьгород. При сем царе Феодоре Ивановиче всеа России самодержце прииде *л. 34* в царствующий град Москву // Иеремия, божие милостию архиепископ Константина града и вселенский патриарх, и с ним мнози от духовнаго чина. И по смотрению всех создателя бога, и ревностию и советом благочестиваго самодержца со вселенским Иеремиею патриархом и прочими святители греческих и российских стран и епархий, в преславном и богоспасаемом граде Москве во святей велицей церкви^у яже мати церквей^р пресвятыя богородицы, владычицы нашей и приснодевы Марии, вместо бывшаго митрополита превьсочайший^о патриаршеский^о престол устроися, и посвя- *л. 34 об.* тился нань Иов, бывый^т митрополит того же царствующаго // града Москвы, в лето 7097 генваря в 26 день. Оттоле прия Российская церковь

^м Испр. по тексту «Летописца выбором», в ркп. вм. «Г» (З) написан «Иот» (10).

^н В тексте один за другим стоят два вставочных значка, под которыми на полях сделаны приписки рукой Адамова, чернилами правки. Под первым значком на верхней половине правого поля В лето 7088 году бысть во всей русской земли мор силен, и тогда многие грады и села заустели. Под вторым значком внизу правого поля В лето 7089-м году поупущением божим крымской царь пожег Московское государство на Вознесениев день. ^о Слово вставлено над строкой основными чернилами текста.

^{п-р} В ркп. слова в квадратных рамках. ^с В тексте ошибочное окончание имь; во втором случае по стертому чернилами правки исправлено на ий. ^т Написано дважды.

обычай, благословением четырех патриархов и прочих архиерей, посвящати на престол патриаршеский своими российскими епископы. В лето 7099 году мая в 15 день на Угличе благородного царевича Дмитрея Ивановича заклаша ножем повелением и завистию распаленнаго о властолюбии злохитренно умыслившаго раба его, тогда бывшего боярина, Бориса Годунова посланнии трапезолюбцы Никита Качалов да Данилка Битяговской. // Царь же Феодор Иванович преселися в вечныя кровы успением *л. 35* сна в лето 7106 генваря в 6 день.

По нем нача царьствовати повелевий убити благородного царевича Дмитрия боярин Борис Федорович Годунов в лета 7107. И царьствова 7 лет и 6 месяц, и пострижесе во иночество, проименован быв Боголеп. Преставися в лето 7113.

По^у нем сын его Феодор Борисович нача царьствовати и царьствова 2 месяца.

Его же, и мать его царицу Марию Григорьевну, того же лета иуния во 12 повеле нужною смертию умертвити еретик Гришка Отрепьев, бывший лжемонах^ф // Гурий, диаконствова в Чюдове монастыре. И сверже с себе одеяние мнишеское, и злохитрством своим умышлением назвася царевичем Дмитрием Ивановичем, и восхити скипетр державства российского, возсочи аки пес на престол царский в лето 7113, и пребысть на нем божиим попущением 11 месяцев. Его же нестерпимую злобу бояре и вси православнии не возмогоша подъяти, видяще его превращение правоверию на латинское, и иные лютые злобы возводяща^х, и его, вора^н, и со всеми советники его предаша смерти. *л. 35 об.*

И избраша наскоре немногих советом // боярина князя Василия Ивановича Шуйского на престол царский во святой велицей церкви в лето 7014. И царьствуя 4 лета и 2 месяца. При сем восташа мятежи велицы и великое нестроение в лето 7116; ляхи, пришедше прежде с вором з Гришкою ростригою, и инии по нем пришедшии ис Польши и из Литвы крамолницы, и избраша из среды себе некоего вора, назвавшее тем же именем, им же еретик Гришка дерзнул назватися, глаголюще, яко той преждереченный Гришка жив, избеже от убийения. И нарицаху того вора царем, стояху // воополчася со всеоружием, яко же обычай готовым пролити кровь, от царствующаго града Москвы 12 верст в селе, нарицаемом Тушине; с ними же и российских народа множество, инии же и царского сигклита. Царь же и великий князь Василий Иванович, обороняя отчину свою и хотя мстити обиды, бываемыя от них, посылаше из Москвы своего царского величества воинства, и быша с поляки и с московскими изменники мнози брани. И на тех сражениях неизчетное множество вой с обою страну побиваемо // бысть. И мнози единокровнии воинскаго чина разделистася, — ови с московскими вору вооружившася, — и бе во всех градах кровопролитие, и разбои, и убивства, и велие нестроение. Тогда же ту в Тушине бывши гетман князьства литовского, тесть вора Гришки ростриги, Юрий Сардомирский, мяншесе воевода, и инии гетманы и росийстии крамолницы и вору начаша яко змии яд свой изляти, советуют лстивно российскому народу, яко един совет с ними, но злая в сердцах своих имеяху, глаголюще свести с престола царя Василия Ивановича и избрати общим // советом царя на Московское государство. От злаго совета их, егда за грехи людцкия, чрез их прелесть се бысть, сведоша бо его со престола царского и постригоша и не хотяща в лето 7119 году иулия в 17 день, проименоваша его Варлаамом. Тогда поругавшесе они, окаянный, глаголаху хулы на елеопозанного; добре, рекуще, сотвористе, яко постригосте неправаго, шедше поклонитесе истинному, иже у нас. *л. 36 об.*

^у Киноварную букву «П» автор забыл вписать. ^ф Лже приписано основными чернилами на свободное место между словами. ^х На место стерттого слова было вписано восходяща; исправлено основными чернилами на возводяща. ^н Вставлено основными чернилами над строкой.

Ох горе и увь! Спаде тогда венец со главы царьствующаго града Москвы, и обсиреша живущии в нем, // яко птенцы, не имуще питателя себе. О орле пишут естествословцы, яко царствует над парящими; егда же его отлучает кая любо вещь от гнезда его, или смерть, или ино что, тогда птенцы его младейшим птицам пища бывает. Тако и zde, егда его, великого государя, от престола отлучиша отвержением мира, тогда и царством обладаша, ибо прелстиша московский народ, яко быти на царстве московском царем полскому королевичю Владиславу Жигимонтовичю, и крест на том целоваша. И быша яко в соединении, чрез совет же неких // злых крамольных, на святую церковь и на все христианство.

Введошася они, предреченнии поляки, во царьствующай град, и егда внидоша, тогда вскоре советом предпояннутых крамольников российское воинство из града Москвы разослаша. На Москве же по вратом и забралом града поставиша стражи свои тии вшедшии поляки, тщету велию живущим в нем преподавающе. И по мале начаше прилагати злобу к злобе, поущением Божиим за грехи, велие бо лютое тогда бяше живущим в царствующем граде христоименитым людям. // Егда же доспе лета 7120 марта 19 день, тогда они, окаянии, преступивше клятвенное пред святым евангелием обещание, прежде бывший надолзе совет свой исполняти начаша, на Москве врата градныя вся заключивше, везде во всех стогнах правоверных биюще и секуще, предаваху смерти; исполни бо ся тогда весь град багряным источником неповинныя крове.

Ох, малыя птицы великого и двуглаваго орла птенцов терзают нещадно!

И еже слышаще благочестие держащии во окресных градах, подвигошася // мнози всяких чинов Российского государства, богом наставляемы, со всех стран приближившеся, окрест града стаща со всеоружием. По мнозех приступех непреоборимую силою божиею милостивою и молением надежды всех и заступницы прескорой уповающим нань с верою пресвятыя и преблагословенныя владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии, и святых чюдотворцов Петра, и Алексиа, и Ионы, и скорого везде во всяких потребах воинственных христианом пособника преподобнаго отца Сергия Радонежского, и всех святых, благочестивым воеводам предадеся град Китай лета 7121 // октовриа в день. Град же Кремль вскоре окаянии сами здаша, видевше непревратную силу Божию, помогающую православным. Во граде же Кремле тут же держаны во осаде, архиепископ галасунский Арсений и прочий причет церковный з достолепною честию взявше икону божия матери, ю же святой благовесник Лука написа, изшедше во стретение противу православных воинства, благодарения воспевающе богоматери. Егда же благочестивии узревше образ пресвятыя богородицы, его же уже¹ отчаяшася видети, тогда от радости слезы точаще, возбранной воеводе хвалы победные приглаголаху. //

Того же лета царьского величества сигклита и окрестных всех градов ратных людей, всадников и пешцов, и донскаго воинства атаманов и прочих казаков, и купецких людей, и всех правоверных всякого чина и возраста чрез общий совет, благоволением и благостию пресвятыя Троицы, избрася от всех преизбраннейший богом паче всех обитающих во вселенней великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всеа России самодержец. И бе благочестив, кроток и милостив, держава же царствия его от бога миром огражденна, тишиною и благоденствием упокоена, плоды земными обогащенна, // и всеми благими изрядно преизобилуема. И пребысть государствуя всеми великими царьствы: Московским, Казанским, Астраханским, Сибирьским и прочими государьствы, — 32 лета и месяца 4. Преселися от временных на вечная жителство общим сего рода человека путем в лета 7153 иулиа в 11 день.

По нем же восприя скиптро правления государства Российского сын

¹ Испр., в крп. иже.

его государев, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец. Сей государь святых церкви истинный любитель, и от всяких крамолник обороняя отчину свою не единицею подвизашеся сам во окрест сущия // государьства, и тамо славно мужества своего крепостию многожды прехрабры победы творяше: изрядно во всю вселенную изыде прослутие о величестве его. И царьствова 31 лето, и преставися на вечное упокоение сна ианнуариа в 30 день [7]184-го году. л. 41 об.

По нем останахся наследницы его: благородный царевич Феодор Алексеевич, и благородный царевич Иоанн Алексеевич от рождения своего в десятое лето, и благородный царевич Петр Алексеевич от рождения своего в 4 лето. И по благословению блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца // скипетродержавства старейший сын его государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец венчан царьским венцем святейшим Иоакимом патриархом всеа России со всем^м освященным собором в велицей церкви соборной Успения пречистыя богородицы иуния в 18 день. Того же году начат многия церкви божия пречюдне всяким благолепием строити и украшати. И о научении свободных мудростей российскаго народа присно промышляше, и монастырь Спаски, иже во граде Китай, на то учение наменив, и чюдную и весьма похвалы достойную // свою царьскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написа. Домы каменные на пребывание убогим и нищим с доволным препитанием содела, и грады Кремль и Китай преизрядно обнови. Платею народу российскому повеле носити от татар отменное, по своему российскому определенному званию. И иная многая достохвалная дела и народу благопотребная предуготовлял. И со всяким христианским душеспасительным ко исходу души своея приуготовлением жизнь свою сконча. // А жития его всего было 21 лето, и месяца 3, и дней 28. Царьства его было 6 лет, и месяца 2, и 28 дней. Преставися от временнаго сего жития лета 7190 году месяца априлиа в 27 день в 13 часу дни. л. 42 об.

По нем нача царьствовати брат его, великого государя, юнейший, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, от рождения своего в десятое лето, и бе скипетродержавствуя на престоле Российския державы и иных великих государств един 29 дней. Потом, советом общим их царьскаго величества, того же лета мая // в 26 день восприя скиптро обще брат его, великого государя, великий государь царь и великий князь Иоанн Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец. И венчашася венцем царьским оба вкупе во святых велицей церкви от царя всеми цари царьствующаго — бога небеснаго, — чрез отца их в душе и богомолца великого господина святейшего Иоакима патриарха московского и от всего освященного собора, по достоинству царьску иуния в 25 день. С ними же купно скипетродержавствова, аки премудрый кормчей преславно-величайшаго корабля великих царств во Европе сущих // и во Азии, сестра их, великих государей, благородная царевна и великая княжна Софиа Алексеевна. И бе обще, изрядно о бозе управляют вся милостивно и от всех противных преславно храбръствы воевод своих в державе своей защищают.^м л. 43 об.

(ГБЛ, ф. 218, Пост. 1963 г., № 65.1.)

^ш В слове последняя (выносная) буква не дописана. ^м В конце текста основными чернилами нарисована вилетка, свидетельствующая об окончании сочинения.

А. Н. ВЛАСОВ

Неизученные историко-литературные памятники Устюжского края XVII в.

Разыскание и изучение историко-литературных памятников, происходящих из различных культурных очагов Московской Руси, имеют большое значение как для истории, культуры и быта местного населения края, так и для воссоздания общей картины развития древнерусской литературы. В цикл памятников, созданных в культурно-исторической зоне городов Устюга Великого и Сольвычегодска, Северо-Восточной окраины европейской части Русского государства в XVI—XVII вв., входят Устюжская летопись, житийные повести о Прокопии и Иоанне Устюжских, Симоне Воломском, житийные сказания о Логине Коряжемском, Христофоровой пустыни, сказания о чудесах от иконы Туровецкой божьей матери, Теплогорской (Югской) божьей матери, Повесть о избавлении града Устюга Великого от литвы и черемис, Повесть о бесноватой Соломонии, Служба кабаку. Большинство устюжских произведений являются памятниками агиографического жанра, которые по своему художественному значению представляют необходимый литературный контекст для появления таких первоклассных произведений, как Повесть о бесноватой Соломонии и Служба кабаку. Кроме того, изучение житийных повестей и сказаний Русского Севера, как показал в своем исследовании Л. А. Дмитриев, продиктовано необходимостью и актуальностью «для решения вопросов о становлении и развитии художественности и беллетристичности русской литературы вообще».¹ Устюжские жития в этом плане дополняют ряд северорусских памятников, рассмотренных исследователем.

Житийные повести и сказания Устюжского края не становились еще предметом специального изучения, и лишь некоторые из них упоминались в трудах историков монастырской колонизации Севера и общих обзорах дореволюционных исследователей.² В своем сообщении мы рассмотрим только памятники местной агиографии, ограничимся их краткой характеристикой и попытаемся поставить некоторые вопросы изучения их литературной истории, причем в этот обзор мы не включаем жития Прокопия и Иоанна Устюжских, так как проблемы, связанные с их литературной историей, требуют специального рассмотрения.

Обратимся к двум местным памятникам, имеющим прямое отношение к возникновению и истории крупнейшего в Устюжском крае Николо-Коряжемского монастыря и написанным, как можно предположить, в конце XVII в. в том же монастыре.

¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 3.

² Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. С. 66—67; Ключевский В. О. Жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 344—345, 418; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880. С. 486; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 238—239; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966. С. 356.

«Сказание о зачатии пустыньские обители, еже есть в верху Малые Коряжемки, и о начальнике старце Христофоре, и о чудесах от иконы пречистые богородицы честнаго и праведнаго ея Одигитрия, и о благодатной воде чудеса вельми предивны» сохранилось в единственном списке конца XVII в. в составе сборника-конволюта ГПБ, Q.XVII.142.³ Окончательный текст Сказания сложился во второй половине XVII в., в период жизни и деятельности Александра Вятского, который был постриженником, а затем игуменом этого монастыря с 1642 по 1651 г. и принял схиму в этом же монастыре после ухода с Вятской епархии в 1676—1679 гг.⁴ В тексте памятника говорится о новом расцвете Христофоровой пустыни как о современном событии во времена игуменства Александра — «в нынешние же лета. . .».⁵ В функционально-жанровом отношении Сказание тяготеет больше к циклу богородичных повестей, чем собственно к житию. По структурным особенностям это скорее развернутый патериковый рассказ с включением чуда от богородичной иконы. Композиционно Сказание распадается на две большие части. В первой части рассказывается история создания и затем запустения Христофоровой пустыни, а также история жизни и исчезновения старца Христофора. Во второй — о восстановлении прежней пустыни, уже приписанной к Николо-Коряжемскому монастырю, и о чудесах от иконы Одигитрии. Источником первой части повествования, очевидно, явились устные рассказы легендарного характера о том, как Христофор водой из благодатного источника излечил жену Ивана Грозного, за что и получил жалованную царскую грамоту на земли пустыни. В рукописном сборнике начала XVIII в., в состав которого, очевидно, входила какая-то часть местного Сольвычегодского летописца в качестве отдельных летописных сказаний, была записана история возникновения Христофоровой пустыни (ГПБ, Q.I.835),⁶ представляющая собой краткую выборку из первой части Сказания.

В Сказании о Христофоровой пустыни рассказывается о событиях местной истории середины XVII в. Для его идейно-тематического содержания характерна общерусская религиозно-философская и историческая проблематика. Тема «праведного пути», тема «искушения праведника», «искупления греха», «наказания», «Страшного суда» и т. д. получают освещение в небольших — в виде притч — эпизодах, вкрапленных в текст основного повествования. Важное место в Сказании занимает рассказ о неправедном архиерее, игумене Николо-Коряжемского монастыря Иове. Очевидно, тема неправедного архиерея была очень близка автору Сказания. Возможно, это было своеобразной реакцией на события середины 60-х гг. XVII в., когда патриарх Никон самовольно оставил патриарший престол и был обвинен на церковном соборе за гордыню и излишества.

С нашей точки зрения, Александр Вятский имеет прямое отношение к созданию местного сказания о Логине. И. Верюжский указывал, что Александром была написана Служба Логину.⁷ Памятник известен в двух списках. Служба и житие Логина Коряжемского XVII в. (1670-е гг.), владельческие записи показывают, что рукопись принадлежала Николо-

³ ГПБ, Q.XVII. 142, л. 82—108. — Сборник указан Т. Ф. Волковой.

⁴ В е р е щ а г и н А. Из истории Вятской епархии: Первый епископ Вятский Александр (1658—1674) // Труды Вятской Ученой Архивной комиссии. 1908. Вятка, 1909. Вып. 2. С. 1—55.

⁵ ГПБ, Q.XVII. 142, л. 106 об.

⁶ ГПБ, Q.I.835, л. 31 об.—39 об. — Сборник указан Т. Ф. Волковой. Краткая летописная история основания Христофоровой пустыни упоминается в «Истории Соли Вычегодской» А. Соскина (ГПБ, Q.IV.403, л. 167—182). Сведения А. Соскина использовал В. О. Ключевский. См.: К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 418.

⁷ В е р ю ж с к и й И. Исторические сказания. . . С. 476.

Коряжемскому монастырю.⁸ Почерк данной рукописи (полуустав) похож на почерк книг, принадлежавших Александру Вятскому (БАН, Устюжское собр., № 71, № 25). В нашей рукописи поздним почерком (XVIII в.) были вписаны сведения, касающиеся вкладов Александра в монастырь, — очевидно, те, кто обращался к этой рукописи, определенно считали ее собственностью бывшего епископа. Второй список — начала XIX в.; он отличается значительными сокращениями текста по сравнению с первым; по свидетельству переписчика, список Сказания сделан «с весьма древнего гладью рукописания. . .».⁹

«Сказание о зачале великого чудотворца Николы Коряжемскаго монастыря и о начальнике игумене Логине» было создано, по-видимому, в последние годы жизни Александра, когда он удалился на покой в родной Николо-Коряжемский монастырь. Об этом «списатель» говорит в последнем чуде этого Сказания: «В лето 7186 (1678) месяца июля в десятый день. . . понеже исперва до сего за тридесят и пять лет слышах от многолетних старец о преподобном мало нечто о житии и о чудесах, еже написати его же молитвами. . .».¹⁰ Указывается примерно 1642/43 год — время поставления Александра игуменом монастыря. Тогда же, очевидно, сложился и основной корпус чудес, расположенных в Сказании между вторым (1618 г.) и предпоследним (1646 г.) чудесами. Значительный интервал времени между последним и предпоследним чудесами (1646—1678 гг.) показывает, что к Сказанию долгое время никто не обращался: это можно объяснить долгим отсутствием в монастыре Александра (1651—1676 гг.). Напрашивается вывод, что Сказание о Логине писал сам Александр либо человек, который все время и всюду находился при епископе, а после смерти Александра оставил свой труд незавершенным. В Сказании о Логине нет похвального слова, в тексте раннего списка (очевидно, автографа) оставлены пустые места для вписывания названий и дат некоторых чудес.

В кратком тексте Сказания фиксируются основные моменты жизни святого, само повествование крайне лаконично: «. . . глаголах ради начала и летописи».¹¹

В конце XVII в. было создано Житие Симона Воломского. Известны 3 списка памятника, в том числе самый ранний из них (ГИМ, Синодальное собр., № 406) конца 70—80-х гг. XVII в. (очевидно, автограф Жития).¹² И. Некрасов первый обратил внимание на Житие Симона Воломского, он выделил в этом памятнике «первичную редакцию», которая представляла собой ранние бессистемные записи о жизни святого. Однако проблема датировки и авторства произведения так и не была поставлена, исследователем только фиксируется дата событий последнего чуда (1682 г.).¹³ О времени создания и авторстве Жития можно судить лишь приблизительно на основании текста самого памятника: создание следует приурочивать к моменту написания новой иконы Симону в 1681 г. и установлению местного празднования памяти святого по решению «градских людей», как повествуется об этом чуде 17-м о новонаписанной иконе священномученику Симону. Вероятно, Житие было написано на заказ одним из устюжских книжников по решению собора местных духовных властей города до открытия там епархии, так как законодательную функцию при

⁸ Вологодский Областной краеведческий музей, № 2151, л. 23—75. — Благодарим сотрудницу музея Н. Н. Малинину, предоставившую нам возможность ознакомиться с текстом Жития.

⁹ Сыктывкарский Республиканский краеведческий музей, № 3118, л. 94—207. — Указан Т. Ф. Волковой.

¹⁰ Вологодский Областной краеведческий музей, № 2151, л. 57.

¹¹ Там же. Л. 53. — В Сольвычегодском летописце (ГПБ, Q.1.835) содержатся краткие сведения из этого Жития (л. 28—31).

¹² ГИМ, Синодальное собр., № 406, л. 66, XVII в.; ГБЛ, Великоустюжское собр., ф. 122, № 35, XVIII в., л. 15—40; БАН, Устюжское собр., № 51, XVIII в., л. 1—47.

¹³ Некрасов И. Зарождение национальной литературы. . . С. 66—67.

установлении местного почитания исполнял собор градских людей, а не архиепископ, к которому эта функция впоследствии перешла. По свидетельству местного агиографа, имелись какие-то записи о чудесах от гроба святого (ум. 1640 г.), царская жалованная грамота на землю, а также устный рассказ об устройении новой пустыни и жизни Симона, переданный кому-то из братии самим подвижником: «. . . труды же его бяху таковы, яковы же от уст его слышахом. . .».¹⁴ Последнее чудо в этом списке датируется 1681 г., следовательно, Житие в окончательном виде было создано между 1681 и 1682 гг., до открытия Устюжской епархии. Два других списка не имеют разночтений с основным текстом раннего списка.¹⁵

Еще В. О. Ключевский отмечал, что Житие Симона Воломского является важным источником по истории монастырской колонизации Севера.¹⁶

Что касается литературной стороны этого устюжского памятника, то следует отметить, что Житие Симона содержит все традиционные элементы житийной композиции. В основе сюжетного повествования лежит пространственный принцип перемещения героя: рождение Симона в Волоке Ламском в 1594 г. незадолго перед польско-литовским нашествием, ученичество портняжкому делу в Москве, затем его «путное шествие» в качестве портного по многим северным городам и местностям, пострижение в Черногорском монастыре на Пинеге, жизнь в Соловецком монастыре, уход в Вологду и поиски места для пустыни в Вологодских и Устюжских пределах и т. д. Конфликт сюжетного повествования в Житии, как и в некоторых других северорусских житийных повестях (например, в Житии Андриана Пошехонского), оказывается остро социальным: Симона убивают местные жители, пытаются отнять у него жалованную царскую грамоту на землю, им по праву принадлежавшую.¹⁷

К типу легендарных сказаний о чудотворной иконе относится «Сказание об иконе Туровецкой божьей матери». Этот памятник известен по двум спискам: ГИМ, Синодальное собр., № 850, датируемый 1650 г., и поздний список конца XVIII—XIX вв. (место хранения неизвестно).¹⁸ Сказание основано на устном рассказе священника местной церкви, где находилась святыня, о событии XVI в. — нападении на Туровецкий погост казанцев и чудесном избавлении от них. Создание этого памятника следует, очевидно, относить к середине XVII в.; во втором, позднем списке одно из последних чудес датируется 1681 г. Помимо весьма характерного для поздней устюжской агиографической традиции соотношения основного сюжетного повествования Сказания с определенным событием из истории Устюжского края, здесь, как и в других местных памятниках, видны следы влияния устных народных суеверных рассказов.

В списке конца XVII в.¹⁹ сохранилось «Сказание о чудесах от иконы божьей матери Владимирской на Теплой горе». Сюжет этого памятника основан на реальных событиях середины XVII в. — основании новой пустыни на реке Юг Устюжского уезда и обретении чудотворной святыни. Легендарный характер Сказания является всего лишь необходимой формой для освещения действительных событий истории, в частности путей

¹⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 406, л. 56 об.—60.

¹⁵ Следует отметить, что в позднем списке Жития (БАН, Устюжское собр., № 51) добавлены поздним переписчиком «Чудо 21», относящееся к 1700 г., Тропарь и Похвала святому, которых в раннем списке не было.

¹⁶ К л ю ч е в с к и й В. О. Жития святых. . . С. 344—345. — Характеристика ученого определила впоследствии и отношение к Житию исследователей: к нему обращались исключительно историки (М. Н. Тихомиров, И. У. Будовниц).

¹⁷ Этот эпизод Жития изобилует подробностями в описании, что несомненно указывает на профессиональные навыки агиографа. См.: ГИМ, Синодальное собр., № 406, л. 24—30 об.

¹⁸ Нам не удалось познакомиться со списком Сказания XVII в. Поздний список, по сообщению Л. Н. Майкова, был опубликован, см.: Сказание об иконе Богоматери на Туровецком погосте // ПДП. СПб., 1879. Вып. 3. С. 96—106.

¹⁹ БАН, Устюжское собр., № 19, л. 1—32.

миграции русского населения и поздней монастырской колонизации края. Этот памятник служил документальной основой для признания новоявленной святыни высшими духовными властями.²⁰ Автором Сказания скорее всего мог оказаться кто-нибудь из иноков пустыни или устюжского церковно-монастырского клира, хорошо осведомленный и имеющий доступ к делопроизводительным бумагам местных духовных властей, так как он оперирует точными датами — когда была получена закладная на землю пустыни и от кого — и другими подробностями. Написано это Сказание было в 1680 г., до открытия в Устюге епархии.²¹

Кроме рассказа о явлении чудотворной иконы и основании пустыни в Сказание входят 54 чуда. Некоторые из них рассказывают о бывших от иконы чудотворениях, которые произошли в сибирских городах, куда, очевидно, с ней ходили монахи Архангельского монастыря Устюга.²²

Таким образом, возникновение целого слоя житийных повестей и сказаний в Устюжском крае связано с деятельностью местных писателей, представителей церковного и монастырского клира.

При характеристике данной социальной прослойки устюжского населения следует иметь в виду, что священники церквей и иноки монастырей Устюжского края немногим отличались по своему образу жизни от представителей других групп населения (в основном крестьянского, посадского и купеческого) и, вполне вероятно, многие были выходцами из них. Расцвет их литературной деятельности можно относить ко второй половине XVII в. В это время в общерусском литературном движении происходят глубокие внутренние изменения, связанные с общим процессом демократизации русской культуры.

Детальный анализ этих литературных произведений в контексте других памятников демократической литературы XVII в. — задача дальнейшего исследования.

²⁰ Там же. Л. 32. — Документ на этом листе представляет собой «Копию соискания Теплогорской богородицкой пустыни строителя иеромонаха Феодосия», в которой говорится о прежних чудесах от чудотворной иконы и о том, что после пожара 1722 г. образ сгорел, а последние чудеса от этого образа были написаны в 1683 г.

²¹ Последнее чудо Сказания датируется 1683 г., в документе также говорится о последней записи чудес от иконы в 1683 г.

²² БАН, Устюжское собр., № 19, л. 11—30.

Э. П. ВИНОКУРОВА

Рукопись о поморском литье В. Г. Дружинина

Василий Григорьевич Дружинин — известный историк и археограф. Основной областью его занятий было изучение Поморья, в частности Даниловского старообрядческого монастыря. Помимо выговской литературной школы внимание ученого привлекали различные виды изобразительного творчества, получившие в пустыни немалое развитие. В. Г. Дружинин по существу был первым, кто сумел увидеть в изделиях отдаленных северных скитов произведения искусства, составляющие неотъемлемую часть нашей материальной культуры.

Эта счастливая прозорливость ученого направила его на путь собирательства не только литературных сочинений выговцев, но всего, что так или иначе могло охарактеризовать 160-летнюю культурную традицию Выговского монастыря и подтвердить не только документами, но и вещественными памятниками искусства его значение как культурного центра на Севере в XVIII в.

О своей собирательской деятельности рассказывает сам В. Г. Дружинин в своих интересных и чрезвычайно насыщенных фактами «Воспоминаниях о литературных встречах и знакомствах».¹ Он заключил контракты с рядом петербургских букинистов и антикваров из числа старообрядцев, в лавки которых стекались интересующие В. Г. Дружинина предметы. Вскоре о нем стало известно в определенных кругах, и памятники пошли к нему большим потоком, в первые руки, минуя лавки. Иногда ему случалось платить вдвое против той цены, которая назначалась в лавке обычным путем, но собиратель шел на это, желая сконцентрировать у себя все самое ценное и значительное, что еще можно было найти у населения.² Несколько позже, около 1907 г., он познакомился с Ф. А. Каликиным, который на долгие годы становится его близким приятелем и помощником по собиранию коллекции.³ В руках В. Г. Дружинина постепенно сосредоточивались разнообразные материалы, воочию раскрывавшие богатство и цельность художественного комплекса Выга. Иллюминированные рукописи давали представление о характере поморского книжного декора, обложки книг — об искусстве переплетного дела на Выгу. Коллекцию пополняли акварельные настенные листы, живописные и резные на дереве иконы, меднолитая пластика и церковная утварь, лицевое и орнаментальное шитье.

¹ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 6—10. — Приносим глубокую благодарность Н. Ю. Бубнову за указание на этот весьма ценный источник.

² См.: Там же, д. 7, л. 68, 68 об., 72 об., 91; д. 8, л. 221; д. 99 (3285/16) — письма С. Т. Большакова В. Г. Дружинину от 13/VI—1901, 9/IV—1903, 4/II—1905, л. 12 об., 27, 27 об., 38 об.; д. 387 (3285/369) — письма Д. Островского В. Г. Дружинину от 24/IV—1913 и 23/VI—1913, л. 1 об., 3 об.

³ См.: Понырко Н. В. Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 447—448; ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 221—221 об.; ИРЛИ, колл. Заволоко, № 350 (письма Ф. А. Каликина И. Н. Заволоко); Научный архив ГРМ (НА ГРМ), Ведомственный архив «Комитета попечительства о русском иконописании», д. 107, л. 8, 11, 11 об., 13.

Эту поистине уникальную часть дружининского собрания, в отличие от рукописей и книг, переданных самим собирателем в библиотеку Академии наук,⁴ постигла печальная участь. Она распылилась. Ее предметы случайно оказались в разных хранилищах и в частных руках, попали за границу и требуют идентификации.

Из всех видов выговского художественного мастерства особым пристрастием у В. Г. Дружинина пользовалось медное литье, которое составило специальный предмет его многолетних ученых занятий. Коллекция медной пластики насчитывала более 800 памятников⁵ и представляла наиболее ценную часть собрания. Она пострадала в меньшей степени. Ядро коллекции сохранилось и находится теперь в Государственном Эрмитаже.⁶

Накопившийся материал по медному литью привел ученого к мысли о необходимости его систематизации и обследования. В поисках научной консультации он обратился в 1907 г. к археологам Русского музея в Петербурге и Исторического музея в Москве, но безуспешно. Знаменателен сам ответ, который получил В. Г. Дружинин в Историческом музее: «У нас есть до 30 пудов разных медных створов, крестов и других предметов, но они не разобраны, а специалистов нет. Вы дайте нам схему для исследования, а мы дать Вам руководства не можем».⁷ Ответ тогдашнего помощника директора — известного нумизмата и археолога А. В. Орешникова как нельзя лучше характеризовал то состояние, в котором находилось изучение позднего медного литья. И тем рельефней выступает значение работы, проделанной В. Г. Дружининым. «Пришлось разрабатывать материал самостоятельно, — пишет ученый, — что я и сделал».⁸ На создание труда по медной пластике Поморья ушло 6 лет.

В конце XIX—начале XX в. в России создавался ряд научных обществ по изучению русской словесности и искусства. Среди них функционировал так называемый Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русском иконописании. Основанный в 1901 г. по инициативе графа С. Д. Шереметева и академика Н. П. Кондакова,⁹ он работал в Петербурге и располагался в доме № 27 по Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского) в бывшей квартире Гильдебрандта. Председательствовал С. Д. Шереметев. Н. П. Кондаков был его ближайшим помощником. Членство образовали представители некоторых ведомств — Министерства финансов, Академии художеств, Синода, Министерства народного просвещения — и лица, особо назначенные графом. В. Г. Дружинин вошел в состав Комитета от Археографической комиссии.¹⁰ Обязанности секретаря (делопроизводителя) долгое время исполнял «особо назначенный» В. Т. Георгиевский,¹¹ затем его место занял К. К. Романов. «При нем, — пишет В. Г. Дружинин, — предложил я Комитету издать мое исследование о поморском медном литье».¹²

11 декабря 1913 г. на очередном заседании Редакционной комиссии Комитета «В. Г. Дружинин ознакомил Собрание с содержанием составленного им исследования о крестах, створах и иконах, которые отлива-

⁴ См.: Б у б н о в Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 113—125.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 221 об.

⁶ См.: П о н ы р к о Н. В. Федор Антонович Каликин... С. 448—449.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 221 об.—222.

⁸ Там же, л. 222.

⁹ См.: НА ГРМ, Ведомственный архив... д. 168, л. 5, 14, 73; ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 209 об., 210.

¹⁰ См.: ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 210, 210 об., 211 об.

¹¹ Там же, л. 216. — В. Г. Дружинин в своих «Воспоминаниях» иногда называет Комитет попечительства о русском иконописании Георгиевским комитетом (см.: Б у б н о в Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция... С. 125). Объяснений такого наименования он нигде не приводит. Остается лишь догадываться, что Комитет неофициально называли так по фамилии его делопроизводителя В. Т. Георгиевского.

¹² ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 220 об.

лись из меди и серебра в Выгорецком беспоповском общежительстве, и представил образцы этого литья. Рукопись заключала в себе введение, в коем собраны исторические сведения о возникновении и развитии дела в этом общежительстве, 8 глав с обследованием изделий мастеров-литейщиков. В 9-й главе изложены выводы. Материалом для исследования послужили предметы, вывезенные по преимуществу из Олонецкой и Архангельской губерний, приобретенные от местных жителей, т. е. вблизи общежительства, и, несомненно, полученные из него. Настоящая работа представляет первую попытку систематического обследования и научного описания литых изделий беспоповцев-поморцев XVIII и XIX вв., этой особой отрасли севернорусского искусства.¹³

По обсуждении доклада Комиссия постановила издать исследование В. Г. Дружинина в очередном выпуске «Материалов по иконографии». Согласно смете, составленной на издание, текст занимал 10 печатных листов. Для его пояснения предусматривалось 36 таблиц снимков с предметов и клише в тексте, в том числе 5 таблиц в цвете.¹⁴ Фундаментальность предполагаемого издания, таким образом, очевидна.

Переписка Комитета по заказу таблиц для труда В. Г. Дружинина начинается с 13 июня 1914 г. Цветные хромолитографированные таблицы выполняло Товарищество скоропечати А. А. Левинсона в Москве. Одна из них была тиражирована в количестве 1000 экземпляров и выслана в адрес Комитета. Две другие изготовлены лишь в корректурах — тираж их не был осуществлен.¹⁵ В 1919 г. все клише трехцветной печати таблиц были выкуплены из цинкографии А. А. Левинсона и переданы для печатания в красках в 15-ю Государственную типографию (бывшее Товарищество Р. Голике и А. Вильборг) в Петрограде. Но и здесь заказ не смог быть выполнен ввиду призыва мастеров в Красную Армию.¹⁶ Корректурная цветная хромолитографированная таблица № 1 подшита к материалам переписки,¹⁷ часть тиража сохраняется в древнерусском отделе Государственного Русского музея.¹⁸ Корректурные экземпляры остальных таблиц обнаружить не удалось. Известен лишь перечень памятников и их роспись по таблицам, принадлежащие руке В. Г. Дружинина.¹⁹

Черно-белые фототипические таблицы для издания исполняла фотография и фототипия П. П. Павлова в Москве. Был изготовлен тираж на 8 таблиц по 1000 экземпляров и выслан в адрес Комитета.²⁰ Для продолжения работ по фототипическим таблицам Комитет вступил в 1916 г. в переписку с поставщиком двора Его императорского Величества фотоцинкографией Р. Голике и А. Вильборг в Петербурге, куда направил образцы таблицы. Фирма составила смету,²¹ дальше которой дело, по видимому, не двинулось. Корректуры четырех таблиц хранятся в фототеке Государственного Русского музея.²² Местонахождение остальных корректур и тиража всех таблиц не установлено.

Что касается текста издания, то он поступил в набор в типолитографию «Энергия», но отпечатать в корректуре удалось лишь «Введение» на 16 стра-

¹³ НА ГРМ, Ведомственный архив. . . , д. 107, л. 15.

¹⁴ Там же, л. 15 об.

¹⁵ Там же, д. 142, л. 6, 11, 12, 14, 20, 23, 24, 35, 36, 41, 42, 47, 51, 55, 60, 61, 62; д. 107, л. 17.

¹⁶ Там же, д. 142, л. 6/№ — между л. 63 и 64, 64, 65, 71; д. 168, л. 75.

¹⁷ Там же, д. 142, л. 45.

¹⁸ Этими сведениями, как и самими таблицами, предложенными нашему вниманию, мы обязаны И. И. Плешановой, за что приносим ей сердечную благодарность. Размер таблицы 34×23,8 см.

¹⁹ НА ГРМ, Ведомственный архив. . . , д. 142, л. 70, 74, 74 об.

²⁰ Там же, д. 142, л. 15—21, 28, 34, 46; д. 107, л. 17.

²¹ Там же, д. 142, л. 50, 56.

²² Размер таблиц 35,5×26 см.

ниц (один печатный лист из десяти).²³ Сохранился ли этот корректурный экземпляр и где он находится, сказать трудно.

В 1921 г. Комитет попечительства о русском иконописании, переименованный в 1919 г. в Комитет изучения древнерусской живописи,²⁴ был расформирован.²⁵ Дом на Надеждинской улице вместе со всем имуществом отошел к Русскому музею.²⁶ После закрытия Комитета издание остановилось. Позже оно не было возобновлено, и труд В. Г. Дружинина так и не увидел света. Авторский экземпляр рукописи оставался у автора.²⁷ Судьба машинописного, с которого набирали текст в типографии, неизвестна.

Трудности в продолжении печатания, а также постановка вопроса о ликвидации Комитета побудили В. Г. Дружинина к другим попыткам ознакомить ученый мир с результатами своего исследования. Известно, что в 1920 г. им был сделан доклад «Поморские меднолитые кресты, иконы и створы» на заседании историко-филологического отделения Российской Академии наук.²⁸ Наконец, в 1926 г. в ее «Известиях» появляется его статья о художественном наследии Выгорецкой поморской обители,²⁹ где, наряду с другими видами выговского искусства, рассматривается и медное литье. Можно лишь догадываться, что историческая часть «Введения» большого неопубликованного труда составила теперь основное содержание публикации. К сожалению, статья не сопровождается снимками или рисунками, а описание памятников столь обобщено, что составить по нему представление об их облике весьма затруднительно. Поэтому обнаруженные иллюстративные таблицы представляют особый интерес.

Дружининское собрание, в отличие от многих музейных, обладало топографической определенностью. Принадлежность к нему является гарантией северного происхождения изделий и дает верный адрес даниловских художественных мастерских. Иллюстрируя памятники из коллекции В. Г. Дружинина, таблицы позволяют получить представление о поморском типе медной пластики. На них, кроме того, воспроизведен ряд уникальных памятников позднего медного литья, которых не коснулась индустрия тиражирования. Выпущенные малым тиражом, они сохранились в единичных экземплярах. И возможно, в коллекции В. Г. Дружинина они были последними. Таблицы помогают идентифицировать и тем самым достаточно надежно отнести их к северной поморской пластике.

К числу таких редких экземпляров относятся два однотипных датированных складня, помещенных В. Г. Дружининым на таблице 1. В по-табличной росписи он помечает их номерами своего собрания: № 14 и № 15. На те же номера ссылается В. Н. Перетц, перечисляя известные ему памятники медного литья с датами.³⁰ По внешнему виду, цветовому сочетанию эмалей, наконец по дате они идентифицируются с эрмитажными складнями из фонда Ф. А. Каликина.³¹

²³ НА ГРМ, Ведомственный архив. . . , д. 142, л. 63, б/№ между л. 63 и 64, 66, 67, 69; д. 107, л. 17, 17 об.

²⁴ Там же, д. 168, л. 65 об.

²⁵ В конце 1920 г. Комитет еще существовал, но участь его была решена. Оставалось только уточнить, в какое ведомство он будет передан (Министерство народного просвещения, Русский музей, Академия материальной культуры). См.: Там же, д. 168, л. 2, 59, 59 об., 60, 66, 73, 73 об.; ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 223 об.

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 9, л. 2.

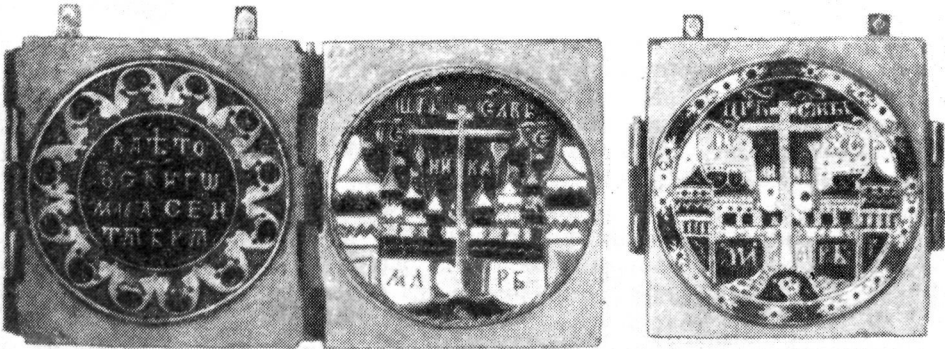
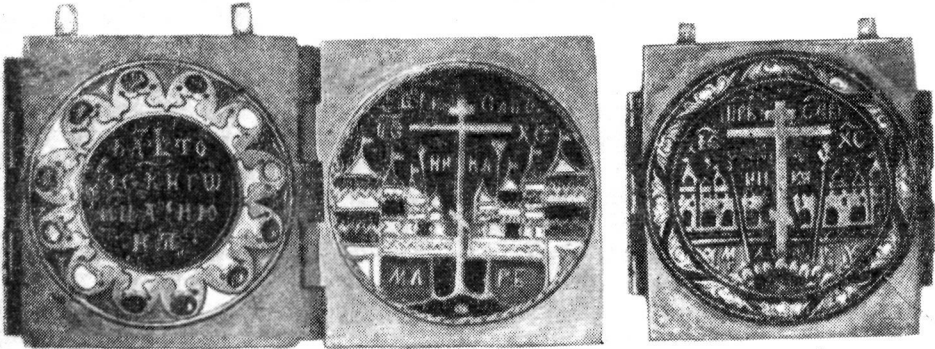
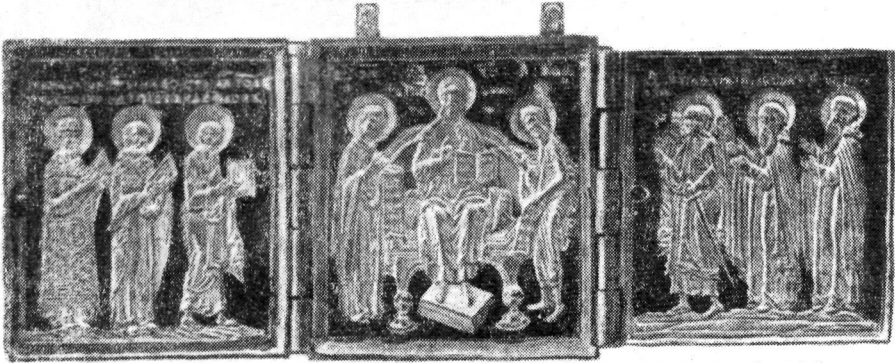
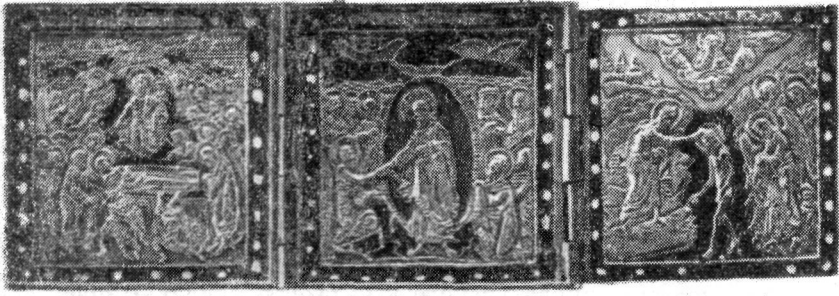
²⁷ Там же, д. 8, л. 223 об.

²⁸ См.: Протоколы заседаний историко-филологического отделения Российской Академии наук. 1920, № 28, с. 138; см. также: Бу б н о в Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция. . . С. 121, 125.

²⁹ См.: Дружинин В. Г. К истории крестьянского искусства XVIII—XIX веков в Олонецкой губернии: (Художественное наследие Выгорецкой поморской обители) // Известия АН СССР. Л., 1926. Сер. 6, вып. 15—17. С. 1479—1490.

³⁰ См.: Перетц В. Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Л., 1933. С. 34.

³¹ Инв. № 5259 и 5260. См.: Памятники культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа: Каталог. Л.; М., 1966. С. 193, № 2427 и 2426;

Хромофотографированная таблица к труду В. Г. Дружинина «Поморское медное литье».

Итак, до сих пор остаются не найденными: 1) две хромофотографированные цветные таблицы — корректуры; 2) четыре фототипические черно-белые таблицы — корректуры и тираж; 3) текст «Введения» на 16 страницах — корректура; 4) машинописный экземпляр текста — около 160 страниц;³² 5) авторский экземпляр текста (автограф руки В. Г. Дружинина).

При отсутствии научных разработок в области поздней медной пластики ценность большого исследования, специально посвященного этой теме, не подлежит сомнению. Мы надеемся, что настоящее сообщение привлечет внимание археографов и архивистов — и, как знать, быть может, нелегкий путь труда ученого к читателю найдет наконец свое завершение.

Художественный металл в России XVII—начала XX века: Каталог выставки. Л., 1981. С. 62, № 270 и 271.

³² По смете 1913 г. — 10 печатных листов по 16 страниц в листе. Новый заказ 1919 г. предусматривал 20 печатных листов по 8 страниц. Итого 160 страниц. См.: НА ГРМ, Ведомственный архив. . . , д. 142, л. 63; д. 107, л. 15 об.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

В. П. БУДАРАГИН

Мезенские находки

Последний раз археографы выезжали в Лешуконский и Мезенский районы Архангельской области еще в 1966 г. Тогда состоялись сразу три ленинградские экспедиции на Мезень. Находки двух из них поступили в Пушкинский Дом АН СССР,¹ несколько рукописей было найдено археографами Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.² Общее число находок, однако, было невелико, что, возможно, и послужило причиной последующего забвения этого района.

Экспедиция 1984 г. предполагала контрольное обследование населенных пунктов по всему течению реки Мезень и ее притока Вашки, расположенных на территории Архангельской области. В экспедиции участвовали сотрудники Пушкинского Дома В. П. Бударагин и М. П. Лепехин, а также преподаватели-словесники ленинградских школ А. А. Савельев и С. В. Федоров. Уже в Лешуконском мы разделились на две группы, одна из которых отправилась в верховья Мезени и Вашки. Итоги обследования этого района, однако, только подтвердили бесперспективность поисков рукописной старины там, где старообрядчество было представлено слабо или вовсе отсутствовало. Отсутствие в то же время специальных разрешений ГАУ РСФСР на территорию Коми АССР не позволило участникам экспедиции посетить целый ряд населенных пунктов в верховьях Вашки, перспективных в археографическом отношении.

Несколько больше повезло группе, двигавшейся вниз по Мезени. Обследование деревень Юромского сельсовета показало, что местные жители еще сохранили предания о некоторых местных книжниках, помнят о существовании здесь в прежние времена «скрытных» (т. е. старообрядцев-скрытников). Зачастую нам показывали и дома, где помещались когда-то скрытнические кельи. Книг «по-славянски», однако, почти нигде уже не сохранилось, только в д. Тиглява нам была передана печатная Псалтырь 1648 г., а в д. Защелье встретились первые образцы местной рукописной традиции. Эта деревня, судя по всему, была одним из центров мезенского скрытничества, именно отсюда в 1966 г. археографы привезли более двух десятков рукописных книг. Сейчас книжность представлена здесь преимущественно единоверческими и «преображенскими» изданиями XIX—XX вв., но в доме сестер Федькушевых сохранились две рукописные тетрадки с текстами Канона за единоумершего. В одной из них, впоследствии нам подаренной, сохранилась писцовая запись 1902 г. некоего В. М. Ф. Неделю спустя новые находки позволили расшифровать эти инициалы: писцом рукописи был Василий Михайлович Федькушев.

¹ См.: Малышев В. И. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // РЛ. 1967. № 1. С. 195—196.

² См.: Розов Н. Н. Мезенские сборники XIX—XX вв. // Рукописное наследие Древней Руси: (по материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 396—400. — В статье экспедиция ошибочно отнесена автором к 1967 г.

В деревнях Целегорского сельсовета мы также не встретили сколько-нибудь крупных книжных собраний, а рукописная традиция оказалась представлена Каноном за умерших 1897 г. и Евангельскими чтениями в неделю цветную последней четверти XIX в. Здесь, однако, местные жители единодушны во мнении, что если и сохранилась еще старина, то искать ее следует в Кижме и в Кильце. Но вести разговоры о старинных книгах в Кижме оказалось практически невозможно. Насколько радушно были настроены местные жители к археографам в 60-е гг., настолько же негативным стало теперь их отношение к любым попыткам заговорить на книжную тему. Причина простая: в последние годы с. Кижма, где сохранился замечательный памятник деревянной архитектуры — церковь Одигитрии, испытало такой приток туристов, жаждущих сувенирной старины, что жителям невмоготу стало от постоянных расспросов на эту тему.

В Кильце поиски были успешнее. Не только несколько рукописей дополнили число наших находок, здесь удалось также записать подробный рассказ об истории местного скрытничества. Нам была передана и фотография трех главных грамотеев и авторитетов этих мест — Феофана Лукича Бутакова, старца Никиты, Ильи Николаевича Галицына. Ф. Л. Бутакова, больше известного под именем Прохор, до сих пор вспоминают в мезенских деревнях. Позднее в пос. Каменка знаток поморской старины Н. В. Шульгин передал нам в числе других материалов записку, косвенно подтверждавшую эту большую известность Феофана Лукича. На полоске бумаги карандашом рукой Ф. (возможно, известного уже нам Ф. М. Федькушева) сообщается следующее: «Ф. Л. свое житие ведет как на Кесломы, так и на Кильцы, напополам. В Защельи малое время. Книги находятся: часть на Кесломы и часть у меня в Защельи, остальное на Кильцы. Мне дает, каких я спрошу только» (№ 175; несколько последних слов записаны сокращенно, и прочтение их может быть только гипотетическим, мы их не приводим).

У Н. В. Шульгина сохранялись также Служба Артемию Веркольскому в списке XVIII в. с пометой юромского дьякона Ивана Ивановского, некоторые другие рукописные фрагменты. Но прежде чем мы попали в Каменку, расположенную напротив Мезени, районного центра, нами были обследованы еще несколько деревень. В д. Городок Козьмогородского сельсовета мы стали обладателями сборной рукописи, часть текстов которой была переписана в 70—80-е гг. XVII в., а в д. Печищи — фрагмента Канона за единоумершего в списке конца XVIII в.

Впоследствии из Мезени была предпринята попытка обследовать еще один, давно не посещавшийся район — с. Койду. Не всегда просто попасть сюда (сообщение только самолетом), но думается, что в деревнях, расположенных по Зимнему берегу Белого моря, должно было вести поиски рукописей более регулярно и целенаправленно. Сейчас здесь работать уже очень трудно, с этим необходимо считаться, но тем не менее есть все основания предполагать, что поиски не будут бесплодными, что рукописная старина еще сохраняется в этой тундровой зоне Русского Севера. Во всяком случае, нам довелось видеть служебные рукописные сборники XVIII в., а также датированные рукописания семьи Малыгиных начала XX в.

В итоге поездки 1984 г. Мезенское собрание Древлехранилища пополнилось 16 рукописями XVII—XX вв., краткое описание которых приводится ниже.

1 (162)*. Сборник служебный, XVII в. (70—80-е гг.)—XVIII в. (перв. треть), в 8-ку, 88 л., полуустав нескольких почерков, без переплета.

* Цифра в скобках является шифром рукописи Мезенского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома.

Возможно, что основная часть рукописи переписана в первой трети XVIII в. разными вариантами полуустава одного писца. На л. 24—24 об. фенологическая карандашная запись 1867 г. Заставки в красках на л. 18, 36 об. По данным последней владелицы рукописи, она происходит из книжного собрания Степана Корельского (Холмогорский р-н). Содержит каноны Одигитрии, ангелу-хранителю; помянники, тропари, кондаки, молитвы.

2 (163). Чин погребения, XVIII в. (60-е гг.), в 8-ку, 10 л., полуулав, без обложки. В оформлении использована киноварь. Конец не сохранился.

3 (164). Служба Артемию Веркольскому, XVIII в. (60—70-е гг.), в 4-ку, 6 л., полуулав, без обложки. На л. 6 об. помета: «Сия тетрадь Юромской волости диакона Ивана Ивановакого».

4 (165). Канон за единоумершего (фрагмент), XVIII в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуулав, без обложки. Текст без начала и конца, нижний лист разорван.

5 (166). Сборник, 1852—1861 гг., в 16-ю долю листа, 10 л., скоропись, сохранился верхний лист бумажной обложки. На верхней стороне обложки запись: «Сия книга Лампоженского прихода дьячка Василья Новикова. О почитании 12 пятниц. 1852-го года 23 апр.»; на л. 10 об. внизу приписка: «Писаны сии слова 20 августа 1861 года, что <нрзб.> кимженский <клирик?> Василий Новиков». Содержит Сказание о 12 пятницах, Слово о наказании чад, молитву кресту.

6 (167). Псалтырь, XIX в. (70-е гг.), в 4-ку, 232 л., полуулав, переплет — доски в коже с ременной застежкой. На л. 1 две скорописные пометы: «Сия книга, называемая Псалтырь, принадлежит Ирине Тярасовой, девице. 1/III1879» и «Сия книга, называемая Псалтырь, Катерины».

7 (168). Каноны за единоумершего и умерших, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 57 л., крупный полуулав, переплет склеен из документов XVIII в., корешок кожаный. На л. 1 об. запись 1894 г. Петра Ивановича Дерягина, на верхнем форзаце изображения птиц, оленя, Георгия Победоносца.

8 (169). Евангельские чтения в неделю цветную, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 10 л., крупный полуулав, переплет картонный с замшевым корешком и наугольниками. На л. 10 об. пометы Максима Шмакова 1898 и 1899 гг., на листе у нижней корки переплета — некоего Захара, с датой 1896 г. В переплет рукописи был вложен печатный путеводитель по афонским монастырям 90-х гг. XIX в.

9 (170). Канон за умерших, 1897 г., в 8-ку, 28 л., подражание печатному шрифту, сохранился верхний лист бумажной обложки. На л. 1 заставка-рамка с заглавием и датой рукописи, на л. 27 запись скорописью: «Сей Канноник писан 1897 года 12 марта»; помянник в конце рукописи датирован 8-м апреля. В оформлении рукописи использованы фиолетовые чернила.

10 (171). Канон за единоумершего, 1902 г., в 8-ку, 17 л., полуулав, в бумажной обложке. На л. 17 об. писцовая запись: «Сей канон писал В<асилий> М<ихайлович> Ф<едькушев> деревни Защельск<ой> 1902 г. февраля 4 дня». На л. 1 заставка, выполненная писцом красными и синими чернилами (этими же чернилами переписан текст рукописи). На обложке и листах рукописи встречаются изображения лиц и ликов святых.

11 (172). Полунощница вседневная (фрагмент), XX в. (нач.), в 8-ку, 4 л., полуулав, сохранился нижний лист бумажной обложки. В оформлении рукописи использованы красные чернила. По местному преданию, переписчиком рукописи был старец Никита.

2 (173). Акафист Богородице (фрагмент), XX в. (нач.), в 4-ку, 22 л., крупный полуулав, без обложки. В оформлении рукописи использована охра. Текст без начала и конца.

13 (174). Письмо Федькушева Василия Михайловича Григорию Климентьевичу, 1914, февраля 10. Защелье. В Москву <?>. Нач.: «Почтенный господин Григорий Климентьевич! Покорнейшо Вас прошу. . .». Скоропись, 2 л. Заказ на книги и литографии («картины»).

14 (175). Записка Ф. (Федькушева Василия Михайловича?) неустановленному лицу, XX в. (10—20-е гг.). Защелье. Нач.: «Ф. Л. свое житие ведет как на Кесломы, так и на Кильцы. . .». Скоропись, карандаш. 1 л. (3.8×19.7). О месте жительства и книгах Феофана Лукича Бутакова.

15 (176). Записка Кашунина Степана его дяде Федькушеву В. М. XX в. (10—20-е гг.). Палуга. В Защелье. Нач.: «С почтением к вам, дядя Василий Михайлович. . .». Скоропись, карандаш. Было сложено конвертом. 1 л. (11.3×22.2). Приглашение на праздник.

16 (177). Жизнеописание крестьянина д. Шилявы Николая Григорьевича Багрецова, 1925—1928 гг., в лист, 2 л., скоропись.

И. А. ЕВСЕЕВА, Н. В. ШУХТИНА, С. А. ЯКУНИНА

Северодвинская экспедиция 1984 г.

В июле 1984 г. состоялась очередная экспедиция на Северную Двину студентов филологического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова, участников семинара по древнерусской литературе, которым руководит доцент кафедры истории русской литературы Н. С. Демкова.

Первые находки ждали участников экспедиции уже в Архангельске, где Т. И. и Е. И. Узких передали археографам рукописный Месяцеслов и печатную Псалтирь XVIII в., найденные при разборке печи купленного ими в Кургомени дома.

Далее работа велась тремя группами: 1-я группа (И. А. Евсева — руководитель экспедиции, М. А. Морозова, Ю. А. Квитцинская) продолжила археографическое обследование Рочегды, Кургомени и Конецгорья; 2-я группа (С. А. Якунина, Е. О. Николайчук) работала в деревнях Топсы; 3-я группа (Н. В. Шухтина, А. И. Рогова) — в Пучуге и Слуде.

В Рочегде археографы остановились, как и прежде, у радушной А. Е. Олифиной. Книги, которые мы в этом году видели в Рочегде, — все печатные (по большей части — продукция Преображенской типографии), встречаются синодальные издания. Та же картина наблюдается и в Конецгорье, где мы побывали по совету нашей хозяйки.

Посещение Кургомени в этом году почти не принесло результатов: деревня все больше пустеет, все меньше остается хранителей рукописной старины. У нас, правда, состоялся долгий разговор с Е. П. Чураковой, на дом которой всегда указывали прежде, когда речь заходила о больших книжных собраниях, но из ее книг мы видели только печатный Златоуст и Пролог начала XX в., Библию конца XIX в. и Житие Николы со службой и чудесами середины XIX в. Рукописный же Чин погребения середины XIX в., обнаруженный на повети в корзине, Е. П. Чуракова передала археографам.

Потом по ее совету участники экспедиции переправились на лодке на другой берег Северной Двины, в Тулгас, к Н. В. Гагариной, получившей в свое время несколько книг от матери Е. П. Чураковой. Пять из них оказались изданиями Синодальной типографии конца XIX — начала XX в. Зато шестая содержала переписанные в середине XIX в. «Ответы архангелогородские», как было названо это редкое анонимное произведение В. Г. Дружининим.¹ Н. В. Гагарина передала рукопись в дар археографам. Отметим также, что в полемиическом комментарии на полях рукописи автором «Ответов» назван инок ароновского согласия Анофрий.

Работа в Топсе проходила в основном по известным адресам. Из пяти найденных здесь рукописей особый интерес представляет сборник литературного содержания конца XIX в., в состав которого входит Стих об Алексее, человеке божьем, и Сон Богородицы. Из Топсы же привезена

¹ См.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 345, № 298.

и большая часть старопечатных находок экспедиции 1984 г., в том числе Пандекты и Тактикон Никона Черногорца, изданные в Почаеве в 1795 г., — первое издание этого произведения в России. В книге «Собрание краткия науки об артикулах веры» (Почаев, 1783) есть запись XVIII в. почерком, подражающим печатному шрифту: «А цена ей без переплету в кетратях (так!) рубли с пятком».

Группа, работавшая в Пучуге, обследовала вновь деревни Слуда, Шаповское, Кодима, Кондратовская, Мальцев Ручей, Анисимщина, Троицкая, Фиши, Бор. Здесь тоже сохраняются в основном печатные книги XIX—XX вв. Из Пучуги привезены Цветник священноинок Дороефа (Гродно, 1795) и Псалтирь Супрасельской типографии 1796 г. (перепечатка московского издания 1651 г.), реставрированная в 60-х гг. XIX в.

После встречи всех трех групп в Нижней Тойме участники экспедиции продолжили работу по известным из прежних поездок адресам. Наиболее результативным было посещение деревень Лукьяновской и Керги: там археографы получили 6 рукописей XIX—XX вв., среди которых сборник 50-х гг. XIX в., содержащий «Слово Иоанна Златоуста, еже не плакати по умерших», погребальную стихиру, «Слово Ипполита, папы римского, о втором пришествии Христовом», а также 4 певческие рукописи, в их числе фрагмент Ирмология крюкового, Азбука столпового певческого знамения, фрагмент текстов Обиходника с незаполненными пропусками для нотации.

Из Нижней Тоймы археографы предприняли поездки в Сельцо и Заостровье, которые оказались, однако, очень сложными для работы. Можно говорить о давнем и практически полном затухании рукописной традиции в этих районах. Лишь изредка встречаются здесь старопечатные книги. Случайной находкой можно считать сборник литературного содержания 70—80-х гг. XVII в., хранившийся у А. М. Золотиковой. В его состав входят слова Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Евагрия мниха, Видение пономаря Тарасия (из Жития Варлаамия Хутынского), Житие Прокония Устюжского, Сказание о житии и смерти, Выписки из Скитского патерика, Суды царя Соломона, Сказание о Тихвинской иконе Богородицы, Повесть о царице Динаре и другие произведения.

В Красноборском районе Серафима Павловна Шестакова, родственница знаменитого на Двине писца и художника Н. П. Шестакова, передала Древлехранилищу Пушкинского Дома оставшиеся материалы архива Н. П. и П. Ф. Шестаковых (всего 73 ед. хранения). Среди них письма Прокония Фомича и Николая Прокопьевича; письма, адресованные им; материалы по истории старообрядчества и рукописи XIX в.²

Из д. Середовина от А. Ф. Костиной получен Часовник XIX в., принадлежащий А. П. Осиеву, книги которого уже есть в Северодвинском собрании ИРЛИ.

Из д. Вершина, находящейся в 24 км от Красноборска, на правом берегу Северной Двины, привезен сборник 30—40-х гг. XIX в., содержащий выписки из Великого Зеркала, Повесть о Макарии Египетском, Сказание Кирилла Философа о последнем времени, выписки из Шестоднева.

Таким образом, в результате работы экспедиции Ленинградского университета Древлехранилище им. В. И. Малышева пополнилось 98 единицами хранения XVII—XX вв. Ниже публикуется краткое описание находок, составленное В. П. Бударагиным.

1 (643)*. Сборник литературный, XVII в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 211 л., полуууств, переплет — доски с остатками тисненой кожи на верхней

² Об архиве Шестаковых см.: Демкова Н. С., Сазонова Л. И. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 404—408; Бобров А. Г., Шухтина Н. В., Якунина С. А. Северодвинская экспедиция 1983 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40.

* Цифра в скобках является шифром рукописи Северодвинского собрания Древлехранилища имени В. И. Малышева.

крышке и веревочной завязкой (корешок не сохранился). На л. 2—15 скрепа конца XVII в.: «Сия книга Пучужской волости церкви <...> и Павла, Николая Чюдотворца, Димитрия мироточиваго, Власия Севастийскаго моя домовая». На л. 189 об. и нижней доске переплета карандашные пометы 1864—1865 гг. крестьянина Заостровской волости Федора Степановича Золотикова. В оформлении рукописи использована охра. Содержит: Слово Ефрема Сирина об антихристе; Повесть о явлении Макарию Египетскому ангела в пустыне; Видение пономаря Тарасия (из Жития Варлаама Хутынского); Житие Прокопия Устюжского; «Сказание о житии человечестем и о смерти»; «Слово Иоанна Златоустаго наказание попом (возможно, русское сочинение); Слово Евагрия мниха о целомудрии и воздержании; Повесть о старце Флавиане, бывшем разбойнике; повести о старце, по монастырям ходящем, и о блудном попе, на цепь себя приковавшем; о Исакии затворнике (из Киево-Печерского патерика); Суды царя Соломона; повести из Великого Зерцала, об обретении Макарием Египетским в пустыне главы человеческой; о юноше-иноке, поверженном дьяволом; сказания о Иверской и Тихвинской иконах Богородицы; Слово епископа Симеона о страхе смертного часа (начало утрачено); Повесть о царице Динаре; «Словца, избранныя от премудрости Исуса сына Сирахова».

2 (644). **Сборная служебная рукопись**, XVIII в. (2-я четв.—конец), в 8-ку, 121 л., полуулав двух застеек, переплет — доски в тисненой коже со следами двух застеек и остатками одной более поздней застеечки. На л. 121 об. карандашная помета 1951 г. Андрея Пионовича Осиева. В оформлении рукописи использована киноварь. Содержит: славословия на Рождество Христово; службы общие апостолу и святителям; «указы» на разные праздники.

3 (645). **Месяцеслов**, XVIII в. (80—90-е гг.), в 8-ку, 172 л., скоропись, переплет бумажный с кожаным корешком. На л. 165—166 об. переписана краткая «Хронология» от сотворения мира до 1830 г. В оформлении рукописи использована киноварь.

4 (646). **Псалтырь** (конволют), 1794 г.—XX в. (нач.), в 4-ку, 361 л., полуулав, переплет — доски с остатками кожи, поздним кожаным корешком и следами двух застеек. На л. 1 гравюра с изображением царя Давида (из печатного издания нач. XX в.); л. 2—82 об. — рукопись двух почерков (с л. 76 об. почерком Максима Останина); остальная часть конволюта — печатное издание Псалтыри (Почаев, 1794). На л. 317 помета 1820 г. Заставки и инициалы рукописи выполнены черными и фиолетовыми чернилами.

5 (647). **Сборник**, XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 71 л., полуулав двух почерков, переплет — доски, оклеенные бумагой, с кожаным корешком и остатками одной застеечки. Двухцветные заставки и инициалы выполнены писцом рукописи с использованием охры. Содержит: Повесть о иноке Иоанне, воскресшем через три дня; повести об обретении Макарием Египетским в пустыне главы человеческой и о явлении ему ангела; Сказание Кирилла Философа о последнем времени (конец не сохранился); Слово Иоанна Златоуста о мытаре и фарисее (начало не сохранилось) и Слово о рассечении человеческого естества (из Шестодневца Василия Великого с толкованием Иоанна Экзарха).

6 (648). **Чин погребения**, XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 54 л., полуулав, без переплета. В оформлении рукописи использована киноварь. Начало и конец рукописи не сохранились.

7 (649). **Устав о христианском житии**, XIX в. (40-е гг.), в 8-ку, 75 л., полуулав, без переплета. Заставки выполнены пером и чернилами, в оформлении рукописи использована киноварь. Часть листов утрачена.

8 (650). **Ответы архангелогородские**, XIX в. (середина), в 4-ку, 60 л., полуулав, переплет картонный, покрытый тканью, с веревочной завязкой. Заставка на л. 1 выполнена красными и черными чернилами, в оформлении текста использована киноварь. Списки этого безымянного сочинения см.:

Д р у ж и н и н В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 345, № 298. Наш список содержит только 5 вопресо-ответов, но в многочисленных полемических приписках на полях рукописи автором «Ответов» дважды назван инок Анофрий (л. 4—4 об.), лицо исторически достоверное (см.: Лю б о п ы т н ы й П. О. Исторический словарь и Каталог, или Библиотека староверческой церкви. М., 1866. С. 66—67). Еще один список «Ответов» этого же писца находится в Мезенском собрании, № 28 (л. 112—187).

9 (651). **Сборник**, XIX в. (50-е гг.), в 8-ку, 101 л., полуустав, без переплета. В оформлении текста использована оранжевая тушь. Начало и конец рукописи не сохранились. Содержит: Слово Иоанна Златоуста «еже не плакати по умерших»; Слово Ипполита, папы римского, о втором пришествии Христовом; стихире погребальную.

10 (652). **Чин погребения**, XIX в. (60—70-е гг.), в 8-ку, 107 л., полуустав, переплет — «сумкой», картонный, обтянутый тканью, с кожаным корешком и завязкой. В оформлении текста использована охра. С л. 100 переписан «устав» о малой литии.

11 (653). **Устав о христианском житии**, XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 104 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже со следами одной застежки. В оформлении использованы фиолетовые чернила. К верхнему форзацу переплета приклеено долговое ручательство односельчан за крестьянина Рухлова.

12 (654). **Псалтырь**, XIX в. (70—80-е гг.), в 4-ку, 172 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже со следами одной застежки. На л. 172 фрагмент писцовой записи: «. . . и вся ближняя моя, и братия, и други, и соседы, и вся православныя христианы и спаси мя молитвами всех святых, и прими честь сия псалмы и молитвы, яже глаголах пред тобою за ся. И не мерзко ти буди с воздыханием моление се, яко милостив сый и человеколюбец, и тебе, безначалнаго отца, славим со едиnorodным ти сыном и со святым духом ныне. . .». Миниатюра на л. 1 об. с изображением царя Давида и заставки выполнены чернилами. В оформлении рукописи использована киноварь.

13 (655). **Служба Введению Богородицы во храм**, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 49 л., полуустав, в бумажной обложке. Составлена из двух рукописей (л. 6—7 представляют собой их обложки). На л. 4 об. карандашом приписано имя «Васили<й>». В оформлении текста использована киноварь. Вторая рукопись имеет свою тетрадную пагинацию. На нижнем листе обложки выписка из Пчелы о благочестии.

14 (656). **Чин погребения**, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 12 л., крупный полуустав, без обложки. В оформлении рукописи использована киноварь. Листы 10—12 сохранились фрагментарно.

15 (657). **Чин погребения**, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 46 л., полуустав, без переплета. На л. 1 заставка, выполненная пером и чернилами. В оформлении рукописи использована киноварь. Конец не сохранился.

16 (658). **Устав о христианском житии**, 1881 г. (по пасхалии), в 8-ку, 222 л., полуустав, без переплета. Заставки выполнены чернилами и киноварью. Есть своя полистная пагинация.

17 (659). **Чин пения 12 псалмов**, XIX в. (конец), в 8-ку, 24 л., полуустав, в картонном переплете с матерчатым корешком. На л. 24—24 об. многочисленные приписки карандашом (в том числе хозяйственные пометы). В оформлении использованы охристые чернила. Есть своя полистная пагинация.

18 (660). **Молитва ангелу-хранителю**, XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., полуустав, без обложки. На л. 3 об. карандашом записан адрес: «Вологодск. губ. Хреновской волости деревни <. . .> онютиной Ф. В. Моден».

19 (661). **Азбука певческая**, XX в. (нач.), в 4-ку, 36 л., полуустав, без переплета. В оформлении рукописи использована красная тушь. Есть своя тетрадная пагинация. Столповое знамя с киноварными поме-

тами, текст раздельноречный. Содержит: Фитник, Кокизник и Толкование знамен (старообрядческое).

20 (662). Ирмологий крюковой (фрагмент), XX в. (нач.), в 4-ку, 84 л., полуустав, без переплета. На л. 84 долговая запись 1914 г. с упоминанием Ермолина. В оформлении рукописи использована красная тушь (инициалы на л. 1, 80). Есть своя тетрадная пагинация. Столповое знамя с киноварными пометами, текст раздельноречный. Сохранилась часть песнопений 1-го и начала 2-го гласа (на последних листах нотация не вписана).

21 (663). Обиходник (фрагмент), XX в. (нач.), в 4-ку, 76 л., полуустав, без переплета. В оформлении рукописи использована красная тушь. Новое истинноречие, нотация в текст не внесена. Содержит фрагменты шестипсалмий и величаний.

22 (664). Сборник певческих (крюковых) фрагментов, XX в. (нач.), в 4-ку, 25 л., полуустав, без переплета. В оформлении использована красная и оранжевая тушь. Столповое знамя с киноварными пометами, тексты истинноречной и раздельноречной традиции. Имеются указания на «Путь» и «Большой роспев». Содержит фрагменты песнопений из Обиходника, Трезвона и Ирмология.

23 (665). Сборник выписок об антихристе, браках и пр., XX в. (нач.), в 8-ку, 51 л., подражание печатному шрифту (чернила и карандаш), в переплете книги «Выращивание ягнят» (ОГИЗ, 1940). На верхнем форзаце и л. 47—50 об. переписаны стихи и песни советских авторов, на л. 15 об.—16 об. помещены выписки по истории старообрядчества.

24 (666). Стих об Алексее, человеке божьем, XX в. (нач.), в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета. На л. 8 приписка карандашом: «Сия книга Петра Николаевича Вакорина»; на л. 8 об. помета коричневыми чернилами: «Перт (так!) Александров Рокитин». Есть своя постраничная пагинация. Начало стиха не сохранилось.

25 (667). Рисунки В. И. Третьякова («Никола Чудотворец», «Одигитрия», «Архангел»), 1915 и 1926 гг., 3 л. На л. 1 об. помета: «Шебунина Василья Ивановича сии ресунки снял „Николы“ 7423 июня 5»; на л. 3 приписка: «Сий ресунок створцев Елесеевых 7435 декабря 11». Имеются также записи рецептов, адресов и «пробы пера».

26 (668). Сон Богородицы (два варианта), XX в. (2-я четв.), 9.5×13.9, 14 л., скоропись, в картонном переплете. Листы 9—14 об. без текста.

В. П. БУДАРАГИН

Древнерусские рукописи Кабинета редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа

«В Государственном Эрмитаже славяно-русские рукописи хранятся в библиотеке, Русском отделе и Музейном фонде. В библиотеке имеется более двадцати рукописей XVI—XIX вв.», — писал В. И. Малышев в 1949 г. и перечислял далее немногочисленные литературные материалы «библиотечного собрания». ¹ Машинописная опись, составленная В. И. Малышевым 18 мая 1948 г. и хранящаяся в Кабинете редкой книги библиотеки, включает, однако, только 16 рукописей. Когда же в 1978 г. я с любезного согласия О. Н. Бруни впервые знакомился с этим собранием, то рукописей оказалось значительно больше. Впоследствии К. Н. Грязевой в фондах библиотеки было выявлено еще несколько рукописных и значительное количество печатных книг кирилловского шрифта. Таким образом, сейчас Кабинет редкой книги Эрмитажа располагает шестью десятками древнерусских рукописей, среди которых есть и книги на пергамене.

Несправедливо было бы утверждать, что эти рукописи совсем не известны специалистам. Имеет свою литературу Титулярник 1672 г., еще в «Достопамятностях» Свинына упоминались список «Криницы» на пергамене и Великое Зерцало. ² Но если, к примеру, Титулярник упомянут в обзоре В. И. Малышева, то две последние рукописи остались ему не известны и до последнего времени практически не были учтены в научной литературе. ³ Тем не менее рукописи Кабинета редкой книги безусловно заслуживают более пристального внимания специалистов по древнерусской литературе, истории и искусству.

Сборников и сборных рукописей среди них относительно немного. Древнейшая из них была переписана в конце XVI—первой трети XVII в. и частично сохранила владельческую запись 1606 г. архангельского дьякона Лаврентия Иванова. В составе рукописи Страсти Христовы, Повесть о царице Динаре, жития Алексея, человека божия, и Георгия Нового «иже в Средце граде болгарьском» (только начало), сказание о Иверской иконе Богородицы, слова и поучения о иноческом житии, постничестве. Возможно, представит интерес для историков архитектуры Соловецкого монастыря запись на л. 46 об. этой рукописи: «В лето 7080 месяца июня 1 на Соловках поставили поварню каменую при игумени Варлами и при строителе Меркурии. Того ж лета месяца сеп<теврия> 21 и варить стали» (№ 143217).

¹ См.: Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновца, Риги, Двинска и других городов // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 455.

² См.: Свинын П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1817. Кн. 4. С. 48; Вольденбург О. Э. Библиотека Эрмитажа: Краткий исторический очерк. Л., 1940. С. 30, 32, 61.

³ Упоминание о них см.: Павлова Ж. К. Из истории книжного собрания Эрмитажа: Библиотека Екатерины II // Труды государственного ордена Ленина Эрмитажа. Л., 1975. Т. 16. С. 26—27.

Сто с лишним лет спустя, в 1703 г., близ Бронниц в обители «зовемей Марчюки», приписанной к Соловецкому монастырю, окончил «Цветник духовный» писец иеродиакон Герасим Белоградец. Свой труд он начал еще в Москве, в Чудовом монастыре, в 1700 г. для ризничего этого монастыря Иоасафа Стромилова. «Цветник» вернулся в Чудов монастырь, о чем свидетельствует владельческая скрепа Феодосия Вадбальского, бывшего архимандритом монастыря с 1704 по 1711 г. Еще одним владельцем рукописи в эти годы был Петр Алексеевич Нарышкин, помета которого, напоминающая по почерку скоропись Петра I, сохранилась на верхнем форзаце книги. Начат «Цветник духовный» был в Чудовом монастыре, в то же время известно, что в сентябре 1701 г. Герасим Белоградец закончил переписывать сборник монаху Новоспасского монастыря Ионе Бронницкому «на его келейные денги».⁴ Иеродиакон Герасим Белоградский был одним из переписчиков Хронографа редакции 1620 г. для келаря Новоспасского монастыря иеромонаха Трифиллия.⁵ Можно предполагать, что имя этого переписчика профессионала еще не раз встретится в рукописях. Переписанный и, вероятно, составленный им «Цветник духовный» представляет собой рукопись «в лист» и объемом около 800 листов. Только оглавление «Цветника» занимает 15 л. рукописи. Здесь повести (в том числе Прение живота и смерти) и вирши с акростихами, статья о титле креста Христова и 200 глав «словес душеполезных» Исихия пресвитера к Феofilу, список Молитвы к Богородице Димитрия Кантакузина (с издания Анфологиона 1660 г.) и Завещание к ученикам Нила Сорского (№ 246394).

Два сборника служб русским святым переписаны в XVII—XIX вв. и включают в свой состав многие имена святых местночтимых и не вошедших в печатные служебные Минеи. Здесь представлены службы Иоасафу Каменскому (со Сказанием о Каменском монастыре), Ефросинии Суздальской, Сергию Обнорскому, Козьме Яхремскому, Иоанну Суздальскому, Андрею Смоленскому, Нилу Селигерскому, Ферапонту Усть-Монзенскому, Исидору Юрьевскому, Мартиниану Белозерскому, Антонию Дымскому, Геннадию Костромскому, Моисею Новгородскому, Александру Кушскому, Савве Крыпецкому, Тихону Луховскому, Стефану Махрищенскому, Авраамии Чухломскому и др. Некоторые службы имеют указания на их авторов. Так, помечено, что князю Роману Владимировичу углицкому «сотворены стихиры и канон тщанием и труды Симеона Романовича Олферьева да инока Сергия честныя обители пресвятыя Троицы Данилова монастыря Переславля Залескаго»; Иакову Костромскому, «иже на Железном Борку» — игуменом Иоасафом; службу Александру Ошевенскому сочинил в 1566 г. «тоя же обители» священноиеромонах Феодосий. Здесь же служба Лазарю Сербскому и Память всех российских чудотворцев, авторство которой приписано иноку Григорию (№ 150543, 150549).

Сборник служебный, переписанный в 1689 г. при митрополите новгородском и великолукском Корнилии и принадлежавший десять лет спустя поручику Якову Хадычену, дополнен в конце Житием Алексея, человека божия, стихом-молитвой Иоасафа-царевича, поучением против пьянства. На л. 1 сохранилось указание переплетчику рукописи: «Переплесть в старые доски, края зделать зеленые» (№ 311041). Сборник 2-й трети XVIII в. несомненно происходит с Северной Двины, о чем свидетельствует запись крестьянина Красноборской округи Данилы Молчанова. По почерку и оформлению ему есть аналоги в Северодвинском собрании Древлехранилища Пушкинского Дома. Частично совпадает и содержание рукописей, где представлены, в частности, сочинения «О пресвятой Богородице» и «Записка о второй пустозерской казни» протопопа Аввакума и Послание

⁴ Благодарю В. В. Лукьянова за подробное описание этого сборника (Государственный архив Ярославской обл., № 1131).

⁵ См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 238—239.

инока Авраамия боярыне Морозовой (№ 311308, 311309, так как фрагмент сборника оказался отделен от основной рукописи и получил отдельный инвентарный номер).

Сборник царских указов конца XVII—начала XVIII в. имеет, очевидно, отношение к псковскому делопроизводству. На его листах переписаны указы царя Федора Алексеевича 1676—1677 гг. о поместных и вотчинных землях, «Список с наказу, каков прислан во Псков к писцу ко Лву Мироничу Вельяминову» 1676 г., «Список з грамоты» царя Петра Алексеевича от 4 февраля 1700 г. окольничему и псковскому воеводе Ивану Ивановичу Головину о челобитьях, «Список сыщикова наказу» 1683 г. Петру Ивановичу Протопопову и подьячему Семену Сычову, «Список с писцового наказу» 1682 г., выписи с писцовых книг 1627 г. по Полянской губе Воронежского уезда и Великой губе Вышегородского уезда. На листе у верхней доски переплета помещена «Роспись дворам Михаила Федоровича Горянова, в которых уездах и губах» с пометой внизу: «написаны для памяти впредь»; у нижней — многочисленные пометы разными почерками, в том числе: «В сей книги счетом тетратей 47, обделана в 206 году октября в 11 день»; «Писать шесть тетратей с шестью листы»; «Выдана кабала Артемья Суморокова в двенадцети рублех» (№ 311043).

В составе других сборников XVIII—XIX вв. — Хронограф Дорофея Монеувасийского, Александрия, История о разорении Трои, Космография, повести о белом клобуке и о разорении града Иерусалима (№ 246405); жития Кирилла и Мефодия, Варлаама и Иоасафа, повести о белом клобуке и видении Козьмы игумена, Страсти Христовы и «Летописец от начала миробытия до рождества Христова» (№ 150541); повести о русских богородичных иконах, Житие митрополита Филиппа, слова похвальные Климента Охридского, Пахомия Логофета, Иоанна Златоуста, архиепископа Григория (№ 150555).

Из отдельных исторических произведений необходимо указать упоминавшийся уже пергаменный список Хроники Георгия Амартола конца XIV—начала XV в., переписанный на 273 листах и сохранивший по л. 2—15 владельческую запись 1674 г.: «Лета 7182-го году генваря в 11 день великий господин преосвященный Александр епископ Вятцкий и Великопермский положил?» сию книгу Кринуцу». По предварительным наблюдениям О. В. Творогова, текст рукописи очень близок к Троицкому списку Хроники. На л. 1 читается помета «Устюжской» (№ 265577). В Троицкий собор во Пскове положен был по завещанию Илариона, митрополита псковского и изборского, Хронограф, содержащий 256 глав и дополненный Посланием Лазаря Барановича 1688 г. патриарху Иоакиму против Флорентийского собора (№ 219621).

Несомненно, представляет интерес для текстологической истории памятника список Великого Зеркала 90-х гг. XVII в. Помещенное в конце книги послесловие сообщает: «К читателю. Се благодатию божиею первое преведеса с полскаго языка на словенороссийский язык Великое Зерцало прилогов и просия в мир тшанием и снискательством пресветлаго царскаго величества его великого царя, государя и великого князя Алексиа Михайловича по духу отца и богомолца священнопротопопа Андреа Савиновича в ползу и в научение всем православным христианом. Ныне же написаса второе с тоя преведенныя книги в лето от создания мира 7200 году, от рождества же по плоти бога Слова 1091-го генваря в 1 день. . .» и т. д. Обе даты послесловия написаны поверх стертых, как и пагинация рукописи с л. 1 по л. 193 вписана по затертой прежней нумерации л. 195—386. Тщательно стирался в этой части рукописи счет тетрадей и глав. В начале рукописи помещено «Оглавление вещей, обретающихся в книге сей, глаголемой Великое Зерцало различных прилогов, собранных по алфавиту», включающее 140 наименований и приблизительно 687 «прилогов» (тема «смех», например, в оглавлении отсутствует). На заставки рукописи использованы фрагменты печатных изданий XVII в. (№ 246433).

Весьма подробно изложена история приобретения Триоды постной конца XVI в. в листовой записи 1601 г.: «Сию книгу Триодь крестопоклонную яз, поп Иван Иванов сын, продал в дом Николе Чюдотворцю в Повостец старосте церковному Юрью Исакову сыну, а взял на нем полвосмы гривны денег. А староста купил на Николские денги домовые, а их дали, слово было, на списку Охтая на 4 гласы, на списку с пятого гласа до осмаго Николскому ж дьячку Емельяну Аркадьеву <?> сыну. Подписал поп Иван своєю рукою лета 7109 году февраля в 1 день» (№ 143215). Более традиционно сообщено о покупке Жития Иоанна и Прокопия Устюжского в скрепе 1698 г.: «А куплена на Устюге Великом Троецкого монастыря у монаха, а цены дано тринацать алтын две деньги». Рукопись была приобретена крестьянином Кивокурской волости Стефаном Ивановым сыном Кузнецовым (№ 143208). Положенный в 1624 г. в Верхнемолокскую пустынь игуменом Соликамского Вознесенского монастыря Сергием рукописный Молитвенник начала XVII в. был куплен в 1668 г. черным попом Сергием у пономаря Пыскорского монастыря старца Даниила (№ 278900). В 1589 г. поп Лябельской волости Иванищо Иванов «променил» Трефологион XVI в. старцу Телегова монастыря Макарию (№ 143211).

Искусствоведам, вероятно, несложно будет установить происхождение двух пергаменных листов с миниатюрой и началом Евангелия от Марка конца XIV в. <?>. Заставка и инициал выполнены в красках и золоте, причем орнаментом заполнены и поля рукописи (№ 139711). Более позднего времени миниатюры в Евангелии-тетр конца XV в. из библиотеки Голицыных (№ 246612). Рукопись начала XIX в., озаглавленная «Книга о седми небесах, о сотворении Адама и Еввы», с пометой 1859 г. Ф. Буслаева, содержит более ста миниатюр в красках (№ 246387). Богато украшен характерным поморским орнаментом Торжественник форматом «в лист», состоящий из 50 глав текста (№ 311035).

Из пяти певческих рукописей упомянем только сборник 20—30-х гг. XVII в., содержащий, в частности, многолетие царю Михаилу Федоровичу, указания на «усолской» роспев, «путь монастырьской», демество. На л. 87 приписка 1638 г.: «Лета 7146 года марта в 15 день продал сию книгу асто-раханской площадной подьячей Васка Григорьев нежегородцу Козме Родионову» (№ 150542). Остальные певческие рукописи принадлежат более поздней старообрядческой традиции. Из других жанров древнерусской письменности отметим также Лечебник и Травник XVII в. (№ 311045).

Краткость обзора не позволяет остановиться на каждой рукописи Кабинета редкой книги, к тому же часть хранящихся здесь рукописных материалов принадлежит литературной традиции нового времени. За пределами обзора остались также все старопечатные книги этого собрания.

В. И. СКЛЯРУК, Я. Г. СОЛОДКИН

Неизвестные рукописи курских собраний

Самыми значительными коллекциями рукописей в Курске располагают областная краеведческий музей и Государственный архив Курской области.

О многих рукописях музея уже известно в литературе. Н. И. Златоверховников упомянул об отрывке пергаменного Типика (устава), принадлежавшего новгородскому Софийскому собору.¹ К. П. Сосновским было перечислено 49 находившихся в фондах Курской ученой архивной комиссии рукописей фамильного архива помещиков Овсянниковых; две из них в настоящее время хранятся в музее.² По рукописи музея (№ 10/16407) его научный сотрудник В. И. Самсонов опубликовал в 1957 г. дневник («Журнал») курского помещика капитана И. П. Анненкова за 1745—1766 гг.³ Г. М. Дрючина кратко описала список Уложения 1649 г., представленный в экспозиции музея (№ 14648).⁴ Наконец, недавно был дан обзор 28 имеющихся в его фондах рукописей, включая оригиналы двух «оставленных» грамот митрополита Филарета Романова (1608 г.).⁵

К настоящему моменту в фондах курского музея выявлено еще 7 рукописных книг. В XVII в. было переписано Житие Корнилия Комель-

¹ См.: Златоверховников Н. И. К вопросу о составлении каталога Курского историко-археологического и кустарного музея. Курск, 1910. С. 24. — В настоящее время эта единственная пергаменная рукопись музея хранится в Отделе фондов под № 20959.

² Отдел фондов, № 18, 20298; Сосновский К. П. Бумаги старых лет по Курскому уезду // Труды Курской ученой архивной комиссии. Курск, 1911. Вып. 1. С. 274—275, 277—286. — Рассказ о воспитании Петра I дьяком Н. М. Зотовым и о стрелецком мятеже 1682 г., опубликованный по последней рукописи К. П. Сосновским, представляет собой (что не отмечено издателем) фрагмент сочинения П. Н. Крекшина.

³ См.: Материалы по истории СССР. 5. Документы по истории XVIII века. М., 1957. С. 659—823. — Ранее рукопись принадлежала библиотеке Курского губернского статистического комитета, куда была передана В. В. Лапыным. Заметим, что в рукописи «Журнал» кончается записью от 25 мая, а в публикации имеется еще текст за 13 июня—14 декабря 1766 г.

⁴ См.: Дрючина Г. М. Редкие книги библиотеки Курского музея // Краеведческие записки. Курск, 1963. Вып. 2. С. 240—242. — Автор не заметил, что последняя (25-я) глава Уложения по данному списку не содержит 15—21-й статей, хотя они значатся в оглавлении и в рукописи для них оставлено место. Отметим также, что к этому списку Уложения (с владельческой записью 1732 г. секретаря канцелярии московского генерал-губернатора С. А. Зарина) приплетены список с наказа 1683—1684 гг. валовым писцам, разделенного на 77 статей, и память 1675—1676 гг. в Разрядный приказ об окладах служилых и несслужилых новиков. Эта часть рукописи датируется XVIII в. (не ранее 1732 г.), тогда как список Уложения сделан в конце XVII столетия.

⁵ См.: Солодкин Я. Г. Рукописные книги курских собраний // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 422—423. — Уточним, что в фондах музея хранится не одна, как сказано здесь, а 50 старопечатных книг XVI—XVII вв., в том числе Острожская библия 1581 г. и Евангелие А. М. Радишевского 1606 г. (№ 41806/251, 46314); сборник вольнолюбивой русской поэзии и публицистики содержит стихотворение Ф. А. Кони, а не А. С. Хомякова («Не жди, чтобы двела страна»).

ского со службой и похвальными словами ему. На первых листах рукописи частично сохранилась дарственная запись 1675 г. (№ 41806/9). В списке XVIII в. сохранился фрагмент Уложения 1649 г. (№ 20266), включающий часть оглавления и 41 статью главы 17-й. Под № 41449/11 значится подборка копий материалов, относящихся к русско-турецкой войне 1768—1774 гг., преимущественно к деятельности фельдмаршала П. А. Румянцева (в частности, помещены предписания и письма Екатерины II на его имя, переписка П. А. Румянцева с визирем о заключении мира). В рукописи различимы три почерка, написана она полууставом и скорописью на разносортной бумаге; пагинации нет, ранее находилась в книгохранилище Воронежской публичной библиотеки. Оттуда же поступил в музей и находится сейчас в экспозиции список радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», датированный 1793 г. (№ 11373). В рукописи есть следы правки, записи о ссылке А. Н. Радищева, его возвращении при Павле I; один из читателей в конце книги отметил, что автор «Путешествия» во многом прав. Последняя глава произведения («Слово о Ломоносове») названа в этом списке сокращенно («С : Л.») и завершается фразой: «Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицепримерно». Синодик курского Коренного монастыря (ч. 1) был переписан послушником И. Бочаровым в 1821 г. Имена поминаемых расположены в алфавитном порядке; многие листы остались не заполнены (№ 47181/31). К первой четверти XIX в. относится и сборник речей («слов») студентов богословия и философии (№ 47181/32). В роскошно орнаментированной рукописи второй половины XIX—начала XX в. тексты на двенадцать праздников сопровождаются нотами (№ 47141). Укажем также на относящиеся к концу XVIII в. описание земледельческих работ годового цикла (на немецком языке).

В 1982—1983 гг. фонды Курского областного краеведческого музея пополнились 29 рукописями из Рыльского районного музея Курской области. На 11 из них сохранились владельческие записи Молчанской Софрониевой пустыни близ Путивля.⁶ Вероятно, эти рукописи попали в Рыльск в 1925 г., когда памятники старинного искусства Софрониевого монастыря были переданы в уездный музей.⁷

В рукописях, поступивших из Рыльского музея, широко представлена церковно-учительная литература. В сборнике XVII в. находим сочинения Исихея Иерусалимского, Симеона Нового Богослова, Нила Сорского, Григория Синаита и других авторов. Рукопись XVIII в., принадлежавшая иеромонаху Висариону, содержит произведения Нила Сорского, Варсонофия, Макария Египетского. Полууставом XVIII в. написан сборник, включающий Житие Григория Синаита, вопросы и ответы селунского архиепископа Симеона, сочинения Нила Сорского, Симеона Нового Богослова, Филофея Синаита. Этим же столетию датируются рукописи «Словес» Григория Синаита, «Правил» святейших соборов и отцов церкви по вопросам церковного благочиния. В 1754 г. с рукописи 1595 г. был сделан список Тактикона Никона Черногорца. Рукопись, принадлежавшая Софрониевой пустыни, согласно записи 1755 г., являлась келейной книгой игумена Ювеналия (№ 46299, 46304, 46315, 46320, 46321, 46329). К 1827 г. отно-

⁶ Согласно владельческой записи 1715 г., Софрониевой же пустыни принадлежал Апостол, переписанный в 1597 г. (Отдел фондов, № 1). Из ее библиотеки в музей попало краковское издание «Великого Зерцала» (1633, на польском языке). Однако в специальном труде о Софрониевой пустыни были упомянуты в свое время лишь синодики (см.: Палладий. Историко-статистическое описание Молчанской Рождество-Богородицкой Печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни. . . находящейся в Курской епархии. М., 1895. С. 84, примеч. 67). Заметим также, что В. Н. Перетц считал рукописи Софрониевой пустыни погибшими для науки (Перетц В. Н. Рукописи библиотеки Московского университета, самарских библиотеки и музея и минских собраний. Л., 1934. С. 6).

⁷ См.: Ре п и н а С. Рыльский окружной краеведческий музей за 40 лет. Курск, 1929. С. 6. — Бывший Путивльский уезд входил тогда в состав Рыльского.

сится список посланий и ответов старцев Варсонофия и Иоанна. Немногим старше рукопись «летописи», излагающей «вкратце деяния от начала миробития до рожества Христова, собранные из божественного писания и различных хронографов и историографов греческих, славенских, римских, польских, еврейских и иных»; ее начальная часть сохранилась не полностью (№ 46302, 46308). Только небольшой отрывок (24 л.) дошел от списка Евангелия, написанного полууставом в XVIII в. В рукописи первой половины XIX в. имеется Толковая псалтырь; в конце списка сообщается о вынесении его в реестр книг Молченского монастыря. В объеме 422 л. сборнике того же времени находим Алфавитный и Скитский патерики. Последний встречаем также в рукописи XVIII в., имеющей владельческие записи Софрониевой пустыни и иеромонаха Паисия. Всего один (последний) лист сохранился от списка Скитского патерика, сделанного в 1840 г. послушником той же обители Даниилом Масловым (№ 46298, 46318, 46326, 46336, 47138). В рукописи Триоди цветной, написанной в первой половине XVII в. дьяком Иваном Васильевичем, встречаем записи 1640 и 1660 гг. В 1660 г. она была «дана» в храм «Козлещанской» богородицы. Рукопись, возможно, создана на Украине или выходцем оттуда; начало ее утрачено. Ко второй половине XVIII в. может быть приурочен список Догматикона, содержащий таблицы вычисления календарных дат. В рукописи начала XIX в. читаем Житие и «главы добродетельны» эдесского епископа Феодора, «рассуждения» святого Кассиана. Она была подарена иеромонахом Евфимием иеродиакону Серафиму, который в 1814 г. подарил ее послушнику Иакову Абрамову. Этим же временем датируются два неполных списка Октоиха, один из которых дополнен стихирами господским и богородичным праздникам. К певческим рукописям прошлого века относятся также фрагменты Ирмология и нотная рукопись на годовой цикл праздников (№ 46316, 46323, 46324, 46334, 46335, 47139, 47140).

Привлекают внимание синодики Молченской пустыни, представленные двумя рукописями 1809 г. Первая, над созданием которой трудился послушник Арсений, ставший затем монахом Аркадием, насчитывает 737 л. В начале рукописи помещен лицевой список «Прения животу со смертию» (л. 2—3),⁸ который сопровождается красочной акварелью на эту тему и включает устав о чтении синодика по суткам. Имена поминаемых расположены в алфавитном порядке, а затем по географическому признаку и в зависимости от сословной принадлежности (дворяне, чиновники, купцы, мещане, казаки, солдаты и др.). Вначале указаны покойные патриархи, великие князья и цари. В рукописи помещены 12 акварелей и 22 гравюры; оставлены места для дополнений. При перешлетении рукописи последовательность текста была нарушена. Во втором Синодике (274 л., часть листов утеряна) перечислены роды строителей, монахов и послушников обители (№ 46310, 46327).⁹

Софрониевой пустыни принадлежал и список Летописца Димитрия Ростовского, украшенный заставкой и рисунками (начало XIX в., № 46302).

В сборной рукописи XVIII в., написанной несколькими лицами, находим выписи из строельных книг, крепостей на землю и других документов по Харьковскому уезду за 1666—1731 гг. (ранее хранилась в архиве харьковского Преображенского монастыря). В 1775—1777 гг. из послужных списков местных помещиков в Рыльской воеводской канцелярии была составлена обширная рукопись, начинающаяся печатным указом Екатерины II от 31 октября 1771 г. о предоставлении сведений, касающихся

⁸ Следуя классификации Р. П. Дмитриевой (см.: Повести о споре жизни и смерти / Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964. С. 95—100, 158—163), его нужно отнести к редакции Синодика; текст имеет разночтения с опубликованным.

⁹ Несколько листов первого из этих синодиков экспонировалось на XII Археологическом съезде (Каталог. . . Отдел церковных древностей / Сост. Е. К. Редин. Харьков, 1902. С. 136).

службы дворян. Подборка копий документов, относящихся к тяжбе помещиков А. Яковлевой и Селиверстовых (с родословной росписью последних) за земли в Галичском уезде, была составлена в 1750-х гг. и содержит выписки из писцовых и отказных книг второй половины XVII—начала XVIII в. Имеются также опись Троицкой церкви села Миленина Рыльской округи за 1825—1829 гг., составленная дьяконом Гавриилом Кононовым, подборки «обысков», свидетельств, присяг о военной службе и браках по Рыльскому уезду за 1810—1824 и 1859—1860 гг. (№ 46317, 46325, 46332, 46333, 47137).

Кроме списка устюжской Азбуки¹⁰ нам известно еще 57 рукописей, хранящихся в фондах Научно-справочной библиотеки Государственного архива Курской области. Ниже дается их краткий обзор.¹¹

Рукопись «Описания Китайского государства», принадлежавшая И. И. Дубасову, примечательна датой, указанной на переплете, — 1678 г. (известно, что Николай Милеску Спафарий написал этот труд в 1677 г.). В списке XVIII в. представлен Хронограф («Сокращение повестей, начинаемое от сотворения мира даже до царствия Константина Палеолога, последнего царя греческого»). Первый лист оглавления утрачен, почему в нем перечислены главы с 35-й («Царство Иосафова») по 256-ю. Текст обрывается на словах «вторый священник вход правляя священником» из 254-й главы (№ Р-44, Р-45).

В 1716 г. солдат гвардейского Измайловского полка И. Сорокин сделал список с «печатной книги», принадлежавшей его однополчанину В. Мезенцеву. В рукописи встречаем сказания о чудесах святого Николая, жития Петра и Февронии, Марии Египетской, Кирика и Улиты, повесть о царе Агее. Последовательность глав в сравнении с оглавлением не всегда соблюдается, сохранились пометы 1746, 1810 гг. В сборнике начала XIX в., принадлежавшем В. А. Гладкому (одна из его помет относится к 1812 г.), помещены жития муромского князя Константина и его сыновей Михаила и Федора с повестью о рязанском епископе Василии,¹² Петра и Февронии,¹³ Улиании Лазоревской (л. 37—49). В рукописи 1774 г. представлены Житие тверского архиепископа Арсения и службы ему.¹⁴ XVIII в. датируются списки Жития Александра Невского и Минеи служебной (сентябрь—октябрь) (№ Р-17, Р-22, Р-25, Р-35, Р-49). В рукописи этого же времени читаем слова Феодора Студийского. «Надписание о молчании и безмолвии» и похвала Исааку Сирину предпосланы «Постническим словам» последнего в списке начала XIX в., который, согласно вкладной записи, в 1815 г. оказался в Коренной пустыни. Плохо сохранилась рукопись слов Нила Сорского о том, как «противитися страстем». Им предшествует «надсловие» ученика Нила — инока Иннокентия; завершает эту рукопись XVIII в. «четверострочие» Григория Богослова, переведенное «от елиногреческого языка в славенский монахом Арсением Греком», и его толкование (№ Р-8, Р-37, Р-42).

¹⁰ См.: Попова З. Д. Рукописи XVII—XVIII веков в Курском областном архиве // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 226, 230—232.

¹¹ На многих из них имеются штампы Курского областного краеведческого музея, но когда и при каких обстоятельствах часть рукописей музея оказалась в архиве, нам не известно.

¹² По определению Р. П. Дмитриевой, повесть о Василии представлена в житии муромских князей во второй редакции (см.: Дмитриева Р. П. Две редакции XVI в. Повести о рязанском епископе Василии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 137—142).

¹³ По классификации Р. П. Дмитриевой, это список второй редакции. Сборник произведений муромского цикла такого состава неизвестен (см.: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 125—130, 191—201).

¹⁴ По классификации В. О. Ключевского, этот список представляет вторую, позднейшую редакцию памятника (см.: Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 181, 354).

В рукописи, датируемой 1683 г., обстоятельно выясняются различия между православием и католичеством (здесь находим, в частности, сказания о римских папах, «о латинах, како отступиша от православнаго христианства»). Позже ее дополнили оглавлением и «ответом Иоаникиа и Софрониа. . . на некия вопросы, якоже ниже чиновно видится». В списках XVIII в. представлены «Десидерий, или стезя к любви божией и к совершенству жития христианского» Л. Билярдина, «Утешение духовное, или о следовании Иисусу Христу» (в четырех книгах), «Слово душеполезное» из «соборника» Киево-Печерского монастыря (список с издания 1784 г.), слова Каллиста и Игнатия Ксанооцулов «о изволяющих безмолвно пожити и иночески», разделенные на 100 глав, и рассказ о них «от книги Симеона Фесалонитскаго, устав о пострижении, исповедании, причащении больного, о смерти (сопровождается в рукописи отрывком из Книги Иисуса Сирахова). В рукописи первой половины XIX в. встречаем поучение о пользе монашества симоновского архимандрита Гавриила Домецкого (1695 г.), астрологическое сочинение и рассказ о появлении еврейских книг. Небезынтересно «Возражение на пашквиль лютеранский, нареченный „Молоток“, на книгу „Камень веры“» с записью 1764 г. В рукописи, подаренной помещицей А. И. Клушиной священнику Архангельской церкви (село Свиная Дуброва Ливенской округи) В. Поликарпову, помещена проповедь свияжского архимандрита Димитрия Сеченова, произнесенная в придворной церкви в Москве в 1742 г. Список иллюстрирован несколькими гравюрами. К сборнику проповедей архимандрита курского Знаменского монастыря Лаврентия Кордета (с владельческой записью 1780 г.) присоединены отрывок из «Послания к евреям» и документ о монастырских расходах. Согласно записи 1778 г., Лаврентию Кордету принадлежал и сборник слов, «говоренных» изучающим богословие в 1770—1772 гг. Сборник проповедей имелся и у священника М. Волошинова; в 1806 г. он подарил эту книгу студенту А. Д. Бандурову. На рукописи встречаем многочисленные записи и пробы пера; некоторые из них сделаны в 1813 и 1854 гг. В списках XVIII в. сохранились рассуждения преосвященного Тихона о миробытии и сочинение по истории церкви. В «журнале» воронежца Н. М. Савостьянова за декабрь 1835—1836 г. расписывается чтение Священного писания на каждый день (№ Р-3, Р-4, Р-6, Р-11, Р-13, Р-16, Р-18, Р-20, Р-21, Р-29, Р-31—Р-33, Р-45, Р-46, Р-50, Р-51).

Из книг Софрониевой пустыни происходит Толковая псалтырь (позже находилась в библиотеке Курской духовной семинарии), переписанная полууставом в два столбца в XVII в. (Р-1). Список Звезды Пресветлой, украшенный миниатюрами в красках, датирован 1756 г. и восходит, судя по приписке, к белорусскому изданию, вышедшему в 1668 г. в Москве. В оглавлении книги перечислено 14 глав, в тексте их 15; кроме того, имеется короткий рассказ о клирике, написанный другим почерком. Рукопись принадлежала А. И. Поповой, затем Воронежской публичной библиотеке (№ Р-1, Р-38).

Уже знакомому нам знаменскому архимандриту Лаврентию принадлежал сборник слов Димитрия Ростовского. «Келейный летописец» Димитрия имеется в двух списках; на одном из них сохранилась пространная полистная запись дворянина Щигровской округи Курской губернии А. С. Чеплыгина (1830 г.). В копии второй четверти XIX в. представлена доведенная до 1517 г. Киевская летопись, «списанная» в Киеве в 1829 г. и «с того» в Дерпте в 1830 г. К ней приложена копия письма К. Ф. Калайдовича к А. Ф. Малиновскому от 12 ноября 1824 г. с описанием рукописи (№ Р-15, Р-30, Р-47, Р-55).

В июле—сентябре 1821 г. с издания 1784 г. были переписаны «Разные письма, к некоторым приятелям посланные» воронежского и елецкого епископа Тихона; рукопись принадлежала курскому купцу И. Г. Ветчинкину (Р-12). В списках XVIII—XIX вв. дошли «книжица леваго клироса» (ропись богослужения), чины освящения церкви, молитвы, канон богоро-

дице с разделением на кондаки, икосы, тропари. Единственная нотная рукопись (первая половина XIX в.) содержит «всенощное бдение киевское» и Октоих (№ Р-39, Р-48, Р-53).

В середине XVIII в. было «списано» «Житие Карлуса XII, короля шведского» — перевод исторического сочинения, изданного во Франкфурте и Лейпциге в 1720 г. Рукопись, написанная четкой скорописью (с дополнениями на нескольких листах), принадлежала выдающемуся русскому историку второй половины XVIII в. И. Н. Болтину. Впоследствии, судя по расположению владельческих записей, она была подарена им Ф. Елгазину, затем попала к П. Спиридонову (Р-2). На рукописи имеется штамп Воронежской публичной библиотеки. Некому М. Еропкину принадлежал список комедии «Недоверчивый муж» В. Гoadлея, переведенной с французского М. Магницким (1793 г., Р-5). В виде небольшого фрагмента сохранился сценарий пьесы об Андрее Макарыче (XIX в.). В рукописи учебного содержания начала прошлого века (частично написана по-латыни) читаем оды по случаю прибытия в Киев Павла I, в честь митрополита Московского Платона, ректора Харьковской коллегии Прокоповича. Второй половиной 1820-х гг. датируется список «Горя от ума» А. С. Грибоедова (98 л.) Текст содержит фрагменты, изъятые цензурой при подготовке первого издания комедии. В сборнике поэтических произведений, в том числе переводных, находим сочинения Гомера, Вергилия, М. М. Хераскова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, А. А. Дельвига (1830-е гг.). Примерно к этому времени относится список знаменитой записки Н. М. Карамзина «О древней и новой России» (№ Р-23, Р-26, Р-36).

Рукописями XVIII в. представлены «Похождение Телемака, сына Улисова» (с петербургского издания 1724 г.), «Гистория византийской Банизы» (ч. 2), «Прекрасная Арианны приятная и любезная История» (последняя ранее хранилась в Воронежской публичной библиотеке) (№ Р-27, Р-43, Р-52).

В обширном сборнике XVIII в., ранее принадлежавшем Воронежской публичной библиотеке, объединены два списка Уложения 1649 г. (в первом текст доведен до 2-й статьи главы 9-й), Генеральный регламент, устав о присяге, состоящий из 209 артикулов, «краткое изображение» судебных тяжб, «Книга о экзерциции» 1716 г., 5-я книга «Морского устава» (79 статей). С изданий 1753—1756 гг. сделаны списки военных уставов, объединенные с росписью «О должности полковых чинов» и «кратким изображением» судебных процессов. Своего рода юридический справочник представляет собой рукопись последней четверти XVIII в. (№ Р-28, Р-34, Р-40).

Наконец, отметим учебную рукопись математического содержания с пометой 1739 г., пособие по истории христианской церкви, дополненное заметками о литургии и «краткой церковной археологии» (в 1848 г. принадлежало законоучителю курской губернской гимназии протоиерею Андрееву), лекции Ф. Ф. Соколова по греческой истории, а также два конспекта лекций (на латыни) по богословию (№ Р-14, Р-19, Р-41, Р-56, Р-57).

С. В. ФРОЛОВ

Певческие рукописи Карельского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева

(В контексте истории русской музыки)

Последние 10—15 лет в русской музыкальной медиовистике отмечены заметной активизацией в области описания и публикации рукописных памятников древнерусского певческого искусства. Силами учеников и последователей основоположника современной школы русской певческой палеографии М. В. Бражникова эта работа проводится в следующих основных направлениях: а) разной степени полноты и подробности описания и исследования отдельных памятников древнерусского певческого искусства;¹ б) исследовательские публикации нотных расшифровок или реконструкций памятников певческого искусства;² в) исследовательские публикации фототипических воспроизведений рукописных памятников знаменного пения;³ г) обзорные описания коллекций и собраний древнерусских

¹ К о н о т о п А. В. Древнейший памятник украинского нотолинейного письма // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975; Ф р о л о в С. В. Старейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 384—386; М а р к е л о в Г. В., Ф р о л о в С. В. Строгановские рукописи в Пушкинском Доме // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 70—72; Ш и н д и н Б. А. Нотация певческой рукописи Соловецкого собрания, № 752/690 // Проблемы истории русской и советской музыки. М., 1977. С. 112—120 (Сборник трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 34); К р у ч и н и н а А. Н., Ш и н д и н Б. А. Первое русское пособие по музыкальной композиции // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977. М., 1978. С. 188—195; К о н о т о п А. В. Супрасльский ирмологий 1638—1639 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. М., 1981. С. 233—240; Б е з у г л о в а И. Ф. «Достоинство есть» Опекаловского роспева // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 309—319; К о л и н ь к о И. В. Памятник русского многоголосного певческого искусства в собрании М. П. Погодина // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1983. С. 54—64.

² Ф р о л о в С. В. Из истории древнерусской музыки: (Ранний список стихов покаянных) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 162—171; Б у р и л и н а Е. Л. О соотношении текста и напева в древнерусских песнопениях XVI—XVII вв. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 204—215; Г у с е й н о в а З. М. Стихиры Евангельские — один из видов праздничных стихир: (Опыт текстологического исследования) // Проблемы русской музыкальной текстологии: (По памятникам русской хоровой литературы XII—XVIII веков). Л., 1983. С. 78—94.

³ Ф р о л о в С. В. 1) «Иного переводу Лукошково». Опыт исследования // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 36. С. 351—356; 2) Из истории демественного роспева // Проблемы истории и теории древнерусской музыки. Л., 1979. С. 99—108; Г у с е й н о в а З. М. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства: (На примере рукописи Соловецкого собрания, № 690/751) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 191—203; Ф р о л о в С. В. «Большой» роспев Федора Крестьянина на текст праздничной стихиры: (Опыт музыкально-текстологического исследования) // ТОДРЛ. Л., 1982. Т. 36. С. 334—340; Х р и с т о ф о р. «Ключ знаменной». 1604 / Публ., пер. М. Бражникова и Г. Никишова; Предисл., коммент., исслед. Г. Никишова. М., 1983.

певческих рукописей;⁴ д) пономерные описания коллекций и собраний древнерусских певческих рукописей.⁵

Весь этот комплекс работ весьма разнороден. В каждом отдельном случае эти публикации и описания имеют свои индивидуальные особенности, обусловленные заданной степенью подробности, уровнем подготовки, исследовательскими интересами авторов и многим другим.

Главная причина и основной недостаток подобной неоднородности заключаются в том, что этот круг современной источниковедческой литературы не подчиняется, а точнее, не соподчиняется внутри себя единым или хотя бы сколько-нибудь общим задачам. Последнее же обстоятельство объясняется, очевидно, тем, что русская музыкальная медиэвистика только складывается как самостоятельная отрасль гуманитарного знания. Она не выработала еще должного уровня представлений о своем предмете. Впрочем, и сам этот предмет, очевидно, неодинаково трактуется в работах разных авторов. Отсюда и неоднородность ориентации разных ученых при описании отдельных памятников, отдельных рукописей или целостных рукописных собраний.

В нашем представлении любая источниковедческая публикация — будь то текстологическое исследование памятника, музыкально-теоретическое или палеографическое изучение нотации, описание собрания или отдельной рукописи и т. п. — должна быть осознанно и постоянно ориентирована на разработку основного предмета русской музыкальной медиэвистики: истории древнерусской музыки. Более того, именно в описаниях столь малоизученных источников, какими являются древнерусские певческие рукописи, представляется крайне необходимым постоянно подчеркивать историческую характеристику их содержания. Только благодаря этому станет возможно избежать традиционной путаницы, терминологических неточностей, а иной раз и грубых ошибок, связанных с вневременной трактовкой в рукописях таких явлений, как многороспевность,⁶ формы путно-демественной⁷ нотации, многоголосие, Большой роспев и многое другое. Данное описание певческих рукописей Карельского собра-

⁴ Фролов С. В. Певческие рукописи Древлехранилища Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 339—342; Кручинина А. Н., Шиндин Б. А. Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970—1971 гг. // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 215—234 (Сб. науч. тр. Вып. 19); Бобков Е. А. Певческие рукописи гуслицкого письма // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 388—394; Парфентьев Н. П. Певческие крюковые рукописи на Урале (XVII—XIX вв.) // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. XVIII—начало XX в. Свердловск, 1979. С. 73—84; Кручинина А. Н. Певческие рукописи из Софийского собрания ГПБ // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов ГПБ. Л., 1979. С. 120—131; Парфентьев Н. П. Крюковые рукописи в собраниях Свердловской области // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 425—429; Беглова И. Ф. К вопросу о музыкальном творчестве в Древней Руси // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1983. С. 45—53.

⁵ Ясиновский Ю. П. Нотолинейные рукописи XVI—XVIII вв.: Каталог. Львов, 1979; Богомолова М. В., Кобяк Н. А. Описание певческих рукописей XVII—XX вв. Ветковско-Стародубское собрание МГУ // Русские письменные и устные традиции и духовная культура: (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг.). М., 1982. С. 162—227.

⁶ О многороспевности см.: Фролов С. В. Многороспевность как типологическое свойство древнерусского певческого искусства // Проблемы русской певческой текстологии (По памятникам русской хоровой литературы XII—XVIII веков). Л., 1983. С. 12—47.

⁷ Несмотря на значительные успехи в области изучения демественного и путного роспевов, различия в их нотации и интонации остаются недостаточно выясненными. В певческих рукописях без точных писцовых ремарок «Пут» и «Демество» (или их аббревиатур) в большинстве случаев дифференциация возможна лишь предположительно. (Ср., например: Пожидаева Г. А. Демественное пение в рукописной традиции конца XV—XIX веков / Автореф. дис. . . канд. искусствоведения. Л., 1982; Богомолова М. В. Путевой роспев и его место в древнерусском певческом искусстве: Автореф. дис. . . канд. искусствоведения. М., 1983).

ния Древлехранилища им. В. И. Малышева построено в форме обзора и специально ориентировано на соотнесение их содержания с основными моментами истории древнерусской профессиональной музыки.

В Древлехранилище им. В. И. Малышева Карельское собрание выделяется как одно из наиболее старых по времени своего образования и значительных по количеству единиц хранения и по полноте представленных в нем памятников древнерусской книжности XV—XX вв.⁸ В числе его почти 600 рукописей особое место занимает небольшая группа так называемых певческих рукописей. Эту группу образуют 39 крюковых и нотолинейных рукописей XVII—XX вв., содержащих памятники древнерусского и старообрядческого певческого искусства, а также произведения русской церковной хоровой музыки XVIII в.

Певческие рукописи Карельского собрания уже привлекали внимание исследователей.⁹ Однако до настоящего времени они не получили еще должной оценки и не интерпретировались в контексте истории русской музыки.

Из 39 певческих рукописей Карельского собрания девять датируются XVII в. Старшая из них — певческий сборник № 440 — относится ко времени царствования Бориса Годунова, что в периодизации истории знаменного пения соответствует рубежу третьего и четвертого периодов.

Начавшись в середине XV в., третий период истории древнерусской музыки был отмечен чрезвычайно плодотворным и всесторонним развитием и становлением в конце XVI—начале XVII в. основных видов и форм знаменного пения.¹⁰ На время правления царя Бориса приходится своего рода пик этого развития, в частности, например, в области многороспевности. Этим временем датируются наиболее ранние из известных списков так называемых авторских роспевов Федора Крестьянина, Логгина (Коровы),¹¹ а также произведения, атрибутированные в рукописях Московской и Троицкой¹² композиторским школам. К этому времени высшего расцвета достигает интонационный словарь знаменного столпового, путевого и демественного роспевов, получают фиксацию в рукописях наиболее развитые формы теоретического знания о беспометном знаменном письме, идет процесс стабилизации так называемых певческих книг. Вместе с тем образуется и особая типология певческих сборников. Последняя весьма наглядно выявляет черты, позволяющие судить о взаимодействии литургической служебной и художественной функций церковной музыки, что,

⁸ См.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 38—52; Древлехранилище Пушкинского Дома: (Литература 1965—1974 гг.) / Сост. В. И. Малышев. Л., 1978. С. 12—19.

⁹ В 1955 и 1956 гг. описание части музыкальных рукописей Древлехранилища, в том числе и ряда рукописей Карельского собрания, предпринял М. В. Бражников. См.: Список научных работ М. В. Бражникова / Сост. А. С. Белоненко // Проблемы истории и теории древнерусской музыки. Л., 1979. С. 67. См. также: Б о б к о в Е. А. Древнерусские величания в певческом сборнике XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 305—306. — В 1960-е гг. Е. А. Бобковым же было произведено повторное описание некоторых рукописей Карельского собрания. Описи М. В. Бражникова и Е. А. Бобкова по своему типу являются так называемыми охранными описями, т. е. лишь кратко раскрывают общие палеографические особенности рукописей и мало отражают их музыкальное содержание. Обе описи сохраняются в рабочей картотеке Древлехранилища.

¹⁰ См.: Ф р о л о в С. В. 1) Профессиональная певческая культура России XVI в. // Древнерусская книжность. Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Июнь 1975 г. Л., 1975. С. 36—38; 2) Эволюция древнерусского певческого искусства и его расцвет в XVI веке: Автореф. дис. . . канд. искусствоведения. Л., 1980.

¹¹ Рукопись ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751 (см.: Гусейнова З. М. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства. . . С. 196—203); рукопись ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922 — Сборник инока Христофора (см.: Ф р о л о в С. В. «Большой» роспев Федора Крестьянина. . . С. 305, примеч. 18).

¹² Рукопись ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922 и № 681/938 (см.: Ф р о л о в С. В. Из истории демественного роспева. . . С. 100, примеч. 1).

в свою очередь, свидетельствует о тенденции к постепенной секуляризации певческой практики периода расцвета.

Еще в первой половине XVI в. складываются устойчивые формы певческих Октоихов, Обиходов, Стихирарей праздничных, месячных, триодных и т. п. В это же время устанавливается традиция соединять певческие книги в сборники. Целесообразность литургической практики, очевидно, главенствовала в составлении подобных сборников.

Начиная с середины XVI в. и далее во второй половине этого столетия в певческих рукописях выявляется тенденция к усложнению состава певческих сборников.¹³ К 70-м гг. XVI в. складывается особый тип сборника, условно называемый нами сборником избранного состава.¹⁴ Такие сборники, — а нередко это были и сборные рукописи, — составлялись не из традиционных певческих книг, а из отдельных песнопений. При этом цель составления сборника избранного состава заключалась не столько в обеспечении повседневных нужд литургической певческой практики, а, вероятнее всего, определялась соображениями иного порядка. В этих сборниках специально сводились воедино — записывались параллельно — многие варианты роспевов одних и тех же текстов, т. е. художественные раритеты многороспевности. Вершиной же развития типологии состава певческой рукописи следует признать особую форму сборника, определяемую нами как певческий сборник-энциклопедия.¹⁵

В сборниках-энциклопедиях, очевидно, получила отражение тенденция к обобщению, к созданию некоей универсальной и совершенной рукописи, как бы подводящей итог всему предшествующему развитию знаменного пения. Составители сборников-энциклопедий, вероятно, стремились к тому, чтобы под переплетом одной рукописи собрать по возможности наиболее полный певческий репертуар своего времени — т. е. все певческие книги наиболее полного состава, все известные составителю роспевы и даже их редакции на все используемые певческие тексты. Эти сборники знаменуют собой зрелость культуры знаменного пения конца XVI—начала XVII в. Их создание в некотором отношении может быть соотнесено с проведением в третьей четверти XVI в. так называемых обобщающих мероприятий в древнерусской литературе, а содержащиеся в них в большом количестве произведения особого «Большого роспева», в свою очередь, могут быть охарактеризованы как музыкально-стилистические явления, соответствующие в литературе стилистическим особенностям эпохи второго монументализма.¹⁶

Сложившись к началу XVII в., традиционная типология певческих книг и сборников в дальнейшем принципиальных изменений уже не претерпевала и в основном отчетливо прослеживается в певческих рукописях древнерусской традиции и в XVII—XX вв. Незначительное изменение в этой структуре связано с образованием так называемого Обиходника, отразившего в своем строении отсутствие у старообрядцев-беспоповцев литургии.

Единственный и старейший в Карельском собрании певческий сборник времени царствования Бориса Годунова — № 440, не отражая всех особенностей певческой практики начала XVII в., все же может считаться показательным для своего времени. Он относится к типу «рядовых» певческих сборников, содержащих основной свод песнопений, необходимых

¹³ См., например, нетрадиционный состав певческого сборника 1558 г. — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 652/909 (Фролов С. В. Из истории древнерусской музыки. С. 163—164).

¹⁴ См.: ИРЛИ, Дрелехранилище, колл. К. П. и А. Г. Гемп, № 70 (Маркелов Г. В., Фролов С. В. Строгановские рукописи в Пушкинском Доме); ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751 (Гусейнова З. М. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства).

¹⁵ Например: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 681/938, 586/843 и т. п.

¹⁶ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 133.

для проведения регулярной церковной службы. В состав сборника входят традиционные певческие книги — Ирмологий, Октоих, Обиход (Всенощное бдение, Литургия Иоанна Златоуста и постный Обиход) и Стихирарь, включающий в себя вперемешку песнопения двенадцатым праздникам и праздникам некоторых наиболее чтимых на Руси святых.

Нотация сборника № 440 — знаменная столповая, без киноварных помет и признаков, текст раздельноречный. В данной рукописи прежде всего следует отметить два роспева на текст «Всяко дыхание. . .», второй из которых обозначен пометой «Большая» (л. 122), и два роспева на текст «Достойно есть». Оба роспева «Достойно» публикуются в качестве приложения к данной статье (Примеры I и II).¹⁷ Первый из «Достойно» (л. 220 об.) известен нам по более ранним спискам XVI в.¹⁸ и по многим спискам XVII в. Второй роспев «Достойно» (л. 221) главным образом встречается нам в списках XVII в., в частности в рукописях Карельского собрания № 423 (л. 254), 424 (л. 240), 426 (л. 299 об.). Очевидно, оба этих роспева были достаточно широко распространены в данное время.¹⁹ В музыкально-текстологическом отношении оба роспева могут быть соотнесены как два различных произведения на текст «Достойно есть».

Некоторые роспевы данного сборника записаны путно-демественной нотацией (л. 236 об., 262 об., 274 и т. п.). Имеется в рукописи и непосредственное указание на путный роспев (л. 236 об.). Ряд песнопений сборника помечен сопутствующим признаком путно-демественной нотации или их роспевов — знаком, напоминающим «э» (л. 232, 234 об., 235).

Традиционный, «рядовой» для своего времени характер певческого сборника Карельского собрания № 440 раскрывается и при анализе стилистики отдельных содержащихся в нем произведений. Например, музыкальные интерпретации большинства праздничных стихир в нем могут быть стилистически соотнесены с представлениями о так называемом кратком и малом роспеве — стихире «Давыдо провозгласи ты чистая» (л. 276), «Преклонил еси главу. . .» (л. 285 об.), «Взыде богу в восклинении. . .» (л. 310) и т. п. Традиционными для рукописей этого времени являются и чины «Над хлебом богородичным» и «Над чашею за государя заздравною» с упоминанием царя Бориса Феодоровича, царицы Марьи и их детей Феодора и Ксении (л. 225 об.).

Пережив в эпоху царствования Бориса Годунова и, вероятно, еще в первые годы Смуты время своего наивысшего расцвета, древнерусское певческое искусство в последующие десятилетия XVII в. постепенно начинает проявлять черты упадка. В 20-е гг. XVII в. еще пишутся великолепные сборники-энциклопедии, в рукописях второй четверти XVII в. часто еще находятся роспевы, атрибутированные прославленным головщиком второй половины XVI—начала XVII в. В этих же рукописях встречаются и новые роспевы, связанные с новым поколением композиторов-головщиков, с появлением новых местных исполнительских и композиторских школ (Новгородский, Соловецкий, Кирилловский, Тихвин-

¹⁷ Для удобства в дальнейшем текстологическом использовании публикуемые роспевы выписаны с разделением на строки, соответствующие делению песнопения точками в словесном тексте и кадансами в крюках. По той же причине по возможности наиболее полно и точно передаются все особенности начертания букв, знаков препинания и крюков. Киноварные инициалы выписаны более жирными линиями. Такой тип издания памятника может условно быть охарактеризован как аналитическое воспроизведение памятника.

¹⁸ См., например: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 569/826. — По явно предвзвешенной и, видимо, не совсем удачной классификации поздних роспевов на текст «Достойно» И. Ф. Безугловой, этот роспев отнесен к условно выводимому 1-му типу «малого роспева» (Безуглова И. Ф. «Достойно есть» Опекаловского роспева. С. 308—310). К сожалению, несовпадение известных нам списков со списками, упомянутыми в текстологической схеме Безугловой, не позволило нам установить тождества всех роспевов «Достойно» в рукописях Карельского собрания с другими выводимыми И. Ф. Безугловой «типами» роспевов.

¹⁹ См.: ГПБ, Софийское собр., № 492, л. 164 об. и 179 об.

Пример I.

л. 220 об

ДО СТОИ НО ЕСТЬ НА КО ДО И СТИННОВ

БЛА ЖИ ТИ ТА БО ГО РО ДИ ЦЕ.

ПРИ СНО БЛА ЖЕ ННОВ Ю И ПРЕ НЕ ПО РОЧНОВ Ю

И МА ТЕРЬ БО ГА НА ШЕ ГО.

ЧЕ СТЬ И ШОВ ХЕ РОУ ДИМЪ

И СЛА ДНЪ И ШОВ Ю ДО И СТИ ННОВ СЕ РА ФИМ.

л. 221

БЕ ЗО И СТВЪ НИ А БО ГА СЛО ДА РО ЖЕ ШОВ Ю

СОВ ШОВ Ю БО ГО РО ДИ ЦОВ ТА ДЕ ЛИ ЧА ЕМ.

Роспев «Достойно есть» (ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 440, начало XVII в., л. 220 об.).

л. 221

Достойно есть яко до исти ннов он

бла жития богорци диче

присно блаженновю и пренепо рщчнов ю он

и ма терь бога на ше го

че стнъ и шоу херон цимъ

и сла пнъи шов ю до и сти ннов се ра фим .

бе зо и стлъ ни а бо га сло да ро же шов ю .

сов нов ю бо го ро ди цов та де ли ча м .

л. 221об.
а ми нъ со дов хом тащ им.

Роспев «Достойно есть» (ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 440, начало XVII в., л. 221).

ский, Опекаловский и др. роспевы). Однако современники все более начинают ощущать неудовлетворенность существующим певческим стилем. Сначала причины этой неудовлетворенности искали в «искажениях» певческих книг, в «порче», вкравшейся якобы в знаменное пение при переписке «нерадивыми отрочатами» старых рукописей. В целях борьбы с «порчей» в первой половине XVII в. и несколько позже был произведен ряд исправлений и даже реформ в текстах, напевах и в нотации певческих рукописей. Но эти мероприятия не приносили ожидаемых результатов, и к середине XVII столетия в среде наиболее радикально настроенных музыкантов-профессионалов и любителей церковного пения, а главное, у патриарха Никона и окружающих его духовенства возникло ощущение необходимости коренных изменений всего певческого стиля. Такое изменение было произведено в течение второй половины XVII в., и связано оно было с усвоением и развитием в России многоголосного гомофонно-гармонического партесного стиля.

Эпоха упадка и реформ знаменного пения отражена в Карельском собрании семью крюковыми рукописями второй трети XVII в. (№ 365, 423, 424, 425, 426, 427, 441) и одной рукописью последней четверти XVII в. (№ 436). Тексты первых семи рукописей в основном относятся к типу так называемых раздельноречных текстов, но в некоторых из них уже обнаруживаются вкрапления элементов нового истинноречия (№ 426 и 441). Нотация этих рукописей знаменная столбовая и фрагментарно путно-демественная без киноварных помет и признаков. Отдельные же киноварные пометы, обнаруживающиеся в сборниках № 424, 425 и 426, очевидно, были проставлены в более позднее время. Полностью новоисправленный истинноречный текст и регулярно проставленные киноварные пометы выявляются только в сборнике последней четверти XVII в. № 436.

Будучи типичными образцами рядовых певческих рукописей, предназначенных главным образом для повседневного употребления, эти восемь рукописей XVII в. состоят из традиционных Ирмологиев, Октоихов, Стихирарей и Обиходов. В основном традиционным для своего времени (даже в плане подбора образцов многороспевности) представляется и их музыкальное содержание. Вместе с тем ни одна рукопись ни по своему составу, ни по музыкальным особенностям не повторяет другую; каждый сборник вполне проявляет черты своей индивидуальности. Особенно в этом плане интересны сборники № 423, 424, 426, 441. Так, например, сборник 40-х гг. XVII в. № 423 (Ирмологий с Розниками, Октоих со Стихирами евангельскими, довольно полный по составу Обиход) помимо большого числа указаний на путный роспев и его нотацию (на л. 270—296 и т. п.), указаний на «Пут монастырский» (л. 269 об.) и на «Задостойники. . . путем» (л. 254—259) содержит два примера многороспевности. В первом случае, в Задостойниках, второй из трех роспевов на общий текст обозначен «Пут» (л. 289), а третий — «Ин пут» (л. 289 об.). Другие два роспева на один текст (л. 290 об.) обозначены как «Знаменной» и «Пут». Также любопытны в этом сборнике редкие для рядовых певческих рукописей XVII в. «стихи покаянные»: стих «Сего ради нищ есмь. . .» (л. 243 об., без нотации) и стих «Ото юности моя. . .» (л. 244, начало стиха с путной нотацией). Несколько владельческих записей свидетельствуют о некоторых подробностях бытования этой рукописи на протяжении XVII—XVIII вв. В частности, на л. 244 об. сообщается: «Книга, глаголема Охтаи Тимофия Симеонова, лета 7166 (1659) году, февраля; и далее, там же: «Книга Архипа Осипова Попова, а подписал Шежемский дьячек Данилка Ермолаев». На л. 123 записано: «Сия книга Каргопольского уезду Мошенского стану Шежеской волости Давыда Григорьева сына Просвирина 1741 год. Пописал сию книгу мошанин Афонасе Дмитриев сын Заболотне своею рукою». На л. 11 указано: «Сия книга Каргопольского уеза Мошенского стану Шежеской волости пономаря Матфия Алексиева домовая, подписал своеручно в лета 1782 года февраля 4 дня».

И наконец, в полистной записи (л. 1—28) сообщается: «Каргополского уезду Мошенского ²⁰ <стану> деревни Кондратовской крестьянина Давыда Григорьева Просвирнина и нет на них (?) до нея дела. Подписал по его Давыдову велению Каргополского уезду Ошевенского монастыря вотчины иконописец Иоаан Дмитриев пореклу сына Лебедева».

Сборник № 424 — помимо филиграней, указывающих на третью четверть XVII в., — может быть предположительно датирован в рамках 1658—1661 гг.²¹ При традиционном составе своих частей (Ирмологий с Розниками, Обиход, Октоих и Канон Пасхе) этот сборник отмечен и некоторыми чертами индивидуальности. Укажем, например, на образцы многороспевности на тексты «Всяко дыхание» (л. 224) и «Святый боже» (л. 231), вторые роспевы которых сопровождаются пометами «ин перевод», или на значительное число записей путного роспева в путной и знаменной столповой нотации (л. 190—203 об., 208 об.—216, 218 об., 223, 231 об., 271 об.—276). Здесь же следует упомянуть роспев псалма 136-го «На реце вавилонстей. . .», помеченный знаком, напоминающим «э», и указанием «Демеством», однако записанный столповой знаменной нотацией (л. 187), и роспев Задостойника богородице «О тебе радуется. . .» с пометой «Пут монастырский» (л. 262 об.), но также в записи столповой знаменной нотацией.

В сборнике середины XVII в. № 426 (Ирмологий с Розниками, Октоих и Обиход) помимо указаний на путный роспев (л. 290, 292 об.—293, 294 об.) следует отметить весьма редкий и до настоящего времени непонятный термин «спуск» в роспеве гимна «Да молчит всяка плоть. . .» (л. 275) и чин «Над чашею за здравие государя» (л. 283 об.).²²

Наибольший же интерес среди рукописей Карельского собрания этого времени представляет сборник середины XVII в. № 441. Во-первых, он выделяется среди других своим объемом — 647 л. формата 8°, полнотой и подробностью своего состава: Ирмологий с Розниками, Октоих, Обиход (Всенощное бдение, Литургия Иоанна Златоуста, Кенаники, Задостойники, различного рода «чины» и «последования», включая чин «засдравной чаши» и многолетие царю — «имярек» и т. п.), Стихирарь праздничный и особый раздел избранного состава, образуемый Славниками и специальными подборками стихир избранным святым и праздникам. Во-вторых, в этом сборнике более широко представлены различные формы многороспевности. Помимо дополнительного роспева в Октоихе, обозначенного пометой «Ин перевод» (л. 154 об.), и подобного же характера примеров с рядовыми текстами в Обиходе (л. 215) и среди стихир вознесению здесь следует отметить значительное число излюбленных для многороспевности, — вероятно, в силу их особой важности в службе, — песнопений, выписанных в двух музыкальных интерпретациях.

Таковы, например, два роспева на текст «Достойно есть. . .», первый из которых (л. 204), вероятно знаменного роспева, никак в рукописи не обозначен,²³ а второй роспев (л. 205) имеет указание «Пут», но записан столповой нотацией.²⁴ Также два роспева даны на текст заупокойной стихирь «Духовеная моя братия».²⁵ Первый роспев этой стихирь (л. 243 об.) записан путно-демественной нотацией и помечен указанием «На погребе-

²⁰ Часть листов с записью оказалась утерянной, а слово «Мошенского» (стану) оказалось на л. 105, ошибочно переставленном при пагинации в середине рукописи.

²¹ На это указывают даты жизни упоминающихся на л. 225 царя и великого князя Алексея Михайловича, царицы Марии, царевича Алексея и царевен.

²² В чине имя царя не указано и после титулов следует замена — «имярек».

²³ Данный роспев может быть соотнесен как весьма отдаленная редакция со вторым роспевом «Достойно» из уже упоминавшейся рукописи Карельского собрания № 440 (л. 221).

²⁴ Текстологическое исследование путно-демественных интерпретаций «Достойно» нами еще не производилось.

²⁵ Иногда эта стихира используется в качестве покаянного стиха.

ние иноком. Пут», второй роспев выписан столповой знаменной нотацией (л. 243 об.) с указанием — «Знамен<ой>».

Здесь же следует упомянуть и о подборке песнопений из Стихираря праздничного, озаглавленной «Славники путные» (л. 587). Любопытен уже сам факт нетрадиционного выделения в особую подборку славников путного роспева. Кроме того, в этих славниках весьма редким является сопоставление различных путных роспевов на один текст, т. е. проявление многороспевности внутри путного роспева, например: два роспева на текст стихирь «Волсви персидстии» (л. 592 и 595) и два роспева на текст стихирь «Во вертепо воселилося. . .» (л. 596 и 598 об.).²⁶

Во всех предыдущих примерах многороспевности в рукописи Карельского собрания № 441 разные музыкальные интерпретации общего текста следовали непосредственно друг за другом. Однако в той же рукописи есть примеры иного расположения разных роспевов одного текста. Среди них укажем два роспева на текст стихирь «Давыдо провозгласи тя. . .» — первый в Стихираре праздничном (л. 328 об.), а второй роспев в подборке «Славники путные» (л. 590) — или же два роспева на текст стихирь «Пре-клонило еси главу. . .» (л. 599 и 630 об.).

Завершая обзор музыкальных особенностей сборника № 441, следует отметить еще одну его особенность — довольно редкий образец позднего использования путной нотации. Как правило, начиная с середины XVII в. путный роспев записывается уже главным образом столповой знаменной нотацией. Здесь же помимо отдельных песнопений с путным роспевом, записанных своей нотацией в Обиходе, путным знаменем зафиксирован пространственный раздел (л. 587—613 об.), особо выделенный общим заглавием «Славники путные».

В XVIII в. завершаются коренные изменения в русской профессиональной музыке, начало которым было положено еще в XVII столетии. С XVIII в. основные направления развития проходят уже в русле светской музыки. В церковной же музыке с середины XVII в. идут глубокие стилистические преобразования, проявившиеся в освоении мажоро-минорного гомофонно-гармонического стиля, вершины в развитии которого отмечены замечательными хоровыми концертами²⁷ в творчестве В. Титова и Н. Бавыкина в конце XVII—начале XVIII в. и в творчестве М. Березовского и Д. Бортнянского в последней четверти XVIII в. Однако наследие древнерусского знаменного пения не было полностью изжито в русской культуре. Еще долгое время, вплоть до середины XIX в., в официальной православной (никонианской, по определению старообрядцев) церкви наряду с новейшими сочинениями русских и иноземных композиторов звучали старинные знаменные или стилизованные под них²⁸ напевы. У старообрядцев же, пережив века, традиция пения по крюкам в той или иной степени полноты и сохранности бытует и по сей день.

В Карельском собрании Древлехранилища им. В. И. Малышева старообрядческую традицию знаменного пения отражают 2 рукописи второй половины XVIII в. (№ 437 и № 480); 6 рукописей рубежа XVIII—XIX вв. (№ 356, 422, 428, 434, 435, 448); 10 рукописей XIX в. (№ 189, 200, 208, 269, 430, 431, 439, 442, 444, 449); 6 рукописей конца XIX—первой четверти XX в. (№ 182, 432, 438, 443, 447, 452) — всего 24 рукописи. Как и рукописи XVII в., в основном эти сборники и отдельные певческие книги предназначались для повседневному употреблению. Однако возможно, что благодаря именно этому своему свойству они представляют особый интерес с точки зрения исследования стилистики старообрядческой традиции знаменного пения. Дело в том, что, сохраняя основные закономерности чте-

²⁶ Ср. с указанием на л. 611 об. — «<З>намя болшое разводное» в разделе «Славники путные», л. 587—613 об.

²⁷ Жанр хоровой церковной музыки, предполагающий не обрядовое, литургическое, а концертное, послеслужебное исполнение.

²⁸ См. так называемый Большой придворный роспев.

ния и пения по крюкам, черты мелоса древнерусского знаменного пения, доставшегося старообрядцам в наследие с XVII в., они вольно, а скорее и невольно вносили в него нечто новое. Так, например, на смену одним излюбленным роспевам традиционных текстов могли прийти другие; могли изменяться приемы исполнения отдельных знамен и тайнознаменных начертаний; наконец, в моленных поповских («беглопоповских», «австрийских» и др.) согласий зазвучали голоса, в своей постановке ориентированные на оперную или концертную манеру пения, а нетемперированную, натурально-ладовую по своей природе мелодическую ткань древних песнопений стал особым образом окрашивать стилистически чуждый ей «блуждающий» вводный тон.

Мы пока не знаем, как происходили эти изменения, в какой последовательности, что послужило для них причиной и основанием, насколько глубоко и существенно изменили они интонационную природу современного старообрядческого знаменного пения и что же сохранилось в нем от традиций пения русской культуры XVII в. Эти и многие другие чрезвычайно важные для науки вопросы пока еще далеки от своего разрешения. Однако существенным подспорьем в их изучении могут стать исследования именно многочисленных рядовых старообрядческих певческих рукописей в их бытовании в XVIII—XX вв.²⁹

Основной тип нотации старообрядческих рукописей Карельского собрания — столбовое знамя с киноварными пометами. Путные и демественные роспевы в этих рукописях записаны только столбовой знаменной нотацией с киноварными пометами. Текст большинства рукописей раздельноречный, однако встречаются рукописи с истинноречными текстами,³⁰ со смешанными признаками истинноречия — раздельноречия или же рукописи, содержащие оба типа текста одновременно.³¹

Характеристика старообрядческих певческих рукописей Карельского собрания как рядовых не исключает наличия в них отдельных проявлений многороспевности в виде подборок из нескольких роспевов на один текст. Нередко такие подборки сопровождаются пометами «Ин роспев», «Ино знамя» и т. п. Встречаются в этих рукописях и образцы Демественного, Путного, Малого, Большого и других роспевов. Так, например, в Сборнике начала XX в. № 443 помимо традиционных указаний на «Ин перевод» (л. 176 об., 179, 210 об., 222 и др.) присутствуют пометы «Болш<ой> роспев» и «Большим роспевом» (л. 180 и 185), «Ин росп<ев> мал<ый>» (л. 200), «Пут большой» (л. 184 об.). «Большой» (л. 26), «Малой роспев» (л. 101) и «Меншой роспев» (л. 103) отмечены в Стихираре праздничном начала XX в., № 447. В Обиходнике конца XVIII — начала XIX в. (№ 434) довольно широко представлен путный роспев (столбовым знаменем — л. 26—77), имеется ряд указаний на «ин» перевод (л. 17), «ин конец» (л. 29) и «Монастырский перевод» (л. 54 об.). В этой рукописи сохранились и владельческие записи: «Сия книга отъца Макария, нарицаемая Обихот» и «Сия книга Обихот и учись отъче петь по солям» (л. 1). Весьма полно и разнообразно представлены образцы старообрядческой традиции многороспевности и в Стихираре праздничном 20-х гг. XIX в. № 439. Здесь помимо писцовых помет, указывающих на дополнительные роспевы (в отдельных случаях до четырех роспевов на один текст — л. 107), —

²⁹ Вопрос о степени сохранности в старообрядческом пении стилистических черт традиционной древнерусской монодии еще не только не получил своего сколько-нибудь удовлетворительного освещения, а, пожалуй, за исключением некоторых весьма предварительных и однозначно ориентированных на консерватизм старообрядцев наблюдений Т. Ф. Владышевской (см., например: В л а д ы ш е в с к а я Т. Ф. К вопросу о роли византийских и национальных русских элементов в процессе возникновения древнерусского церковного пения // IX Международный съезд славистов. Киев, 1983. Доклады. М., 1983), еще не был должным образом поставлен.

³⁰ См., например, № 182, 189, 435 и др.

³¹ См., например, № 444, 442.

«Ин» («роспев», «перевод», «знамя», «розвод» — л. 11 об., 16 об., 49 и т. д.), имеется значительное число указаний на «Большой» (л. 33 об., 45 об., 47 и т. д.), «Малый» (л. 59 об., 94) роспевы и «Пут» (столповым знаменем — л. 202).

Однако наиболее ярким свидетельством сохранности, а может быть, и особого расцвета у старообрядцев многороспевности может служить Сборник конца XVIII—начала XIX в. № 435. По принятой нами и уже использованной классификации этот сборник должен быть определен как сборник избранного состава, основу которого составляют песнопения Обиходника. В этом замечательном сборнике можно, вероятно, найти практически все известные виды и формы проявления многороспевности начиная с подборок из нескольких интонационных интерпретаций одного текста, как например в случае с кондаком «Взбраненой воеводе. . .» (блок из 4 роспевов, помеченных указаниями «Ин<. . .>», — с л. 167 и второй блок из 3 роспевов — с л. 211 об.), и кончая использованием роспевов с редкими и даже не совсем понятными названиями. В качестве иллюстрации перечислим некоторые из них. Во-первых, так же как и упоминавшийся уже кондак «Взбраненой воеводе. . .», гимн «Достойно есть. . .» выписан в сборнике Карельского собрания № 435 в семи вариантах своего роспева. Сначала только два роспева «Достойно» сгруппированы вместе (л. 83); второй из них помечен указанием — «Пут» (в столповой знаменной нотации). Остальные пять роспевов «Достойно» следуют один за другим на л. 143 об.—147 и имеют следующие ремарки: третий роспев — «По часех в воскресны дни. Пут» (л. 143 об.); четвертый — «Тифинское» (л. 144); пятый — «Кирилова м<о>н<а>ст<ы>ря перевод» (л. 145); шестой — «Ин перевод Кирилов» (л. 146); седьмой — «С печатнаго переводу» (л. 147). Далее, Прокимен великий «Всяко дыхание да хвалит господа» выписан в этом сборнике в двух подборках — с шестью и с пятью роспевами, всего одиннадцать роспевов. Из них в начальной подборке первый роспев никак не обозначен (л. 77), второй роспев (л. 77) сопровождается пометой «Демество» (столповой нотацией), третий (л. 77) — пометой «Пут» (столповой нотацией), четвертый роспев (л. 77 об.), как и два последующих, отличается полновзвучными, пространными внутрислоговыми роспевами и снова помечен ремаркой «Демество» (столповое), пятый и шестой роспевы соответственно сопровождаются указаниями «Ин перевод» (л. 78) и «Большим розводом» (л. 79). Во второй подборке роспевы соответственно названы: «Знаменное» (л. 285), «Демеством» (л. 285), «Пут» (л. 285), «Дмест<во> бол<шое>» (л. 285 об.), «Болшим роспевом» (л. 286), — все записаны столповым знаменем. Три из четырех роспевов Задостойника «Светися новый Иерусалим. . .» (нач. л. 93) выписаны с соответствующими пометами — «Пут» (л. 93), «Демеством» (л. 93 об.), «Демество же, ин перев<од>» (л. 94), «Демеством, Псков<ский> перев<од>» (л. 95), — все они записаны столповым знаменем. В подборке из трех роспевов на текст Задостойника «Тя паче ума. . .» (начало с л. 95 об.) второй роспев (л. 96) обозначен как «Солов<ецкий> роспев», а третий (л. 96) — как «Демест<во>» (столповым знаменем). Не менее любопытны здесь и такие общие подзаголовки подборок отдельных песнопений, как например «Тропари и кондаки в роспеве. . .» (л. 148), «Задостойники болшим роспевом» (л. 98 об.), «Светильны воскресны на 8 гласов. Малым роспевом» (л. 131 об.), или специальное пояснение к роспеву псалма 136-го «На реце вавилонстей. . .» (л. 283) — «Демественная, столповым знаменем» и многое другое, что делает этот сборник уникальным памятником старообрядческого пения первой половины XIX в.

Несколько особняком среди прочих старообрядческих певческих рукописей Карельского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева стоят четыре рукописных фрагмента (№ 182, 189, 200 и 208), содержащих только так называемые духовные стихи. К сожалению, они сохранились лишь отрывочно и, насчитывая всего 10 неполных стихов со знаменной

столповой нотацией, не могут служить достаточным основанием для сколько-нибудь объективной характеристики старообрядческой околоцерковной поэзии и традиции ее распевания на территории, с которой были собраны певческие рукописи Карельского собрания.

Последним из числа старообрядческих рукописей необходимо упомянуть певческий Сборник XIX в. № 444, содержащий фрагменты музыкально-теоретического руководства — азбуки знаменного пения старообрядческой традиции. В начале сборника записаны молитвенные песнопения («Отче наш. . .» и др.), использованные здесь в качестве образцов для освоения распева отдельных знаков нотации, тайнознаменных и фитных начертаний. Далее, начиная с л. 5 помещены распетые кафизмы такого же назначения. На л. 41 начинается Фитник, содержащий вперемешку лица и фиты с наименованиями, начертаниями и розводами. В последнем разделе азбуки, озаглавленном «Зде обрящещи ризмы, и узлы, и кулизмы болшие. . .» (л. 56), изложены отдельные знамена, лица и кулизмы в два столбца с розводами.

Наконец, последнюю группу из шести музыкальных рукописей Карельского собрания образуют нотолинейные рукописи второй половины XVIII в. Все они связаны с певческой практикой официальной русской православной церкви. Однако четыре из них отражают еще древнерусскую традицию и содержат знаменные (№ 429, 445, 450, 451) и путные (№ 445) распевы эпохи зрелого монодического стиля,³² но только в записи пятилинейной нотацией — так называемой квадратной нотой, или Киевским знаменем. Еще одна нотолинейная рукопись — № 433, будучи сборником избранного состава (на основе Обихода), интересна своими уникальными памятниками одноголосного пения эпохи разложения традиционной попевочной системы знаменного распева. Эти произведения особого позднего монодического стиля несут в себе элементы нового мажороминорного ладового строя и метрической временной организации.

Образование позднего монодического стиля сопровождалось изобретением специальных наименований для новых распевов. Однако нововведения еще долгое время уживались с традиционными музыкальными интерпретациями, и данный сборник № 433 хорошо это иллюстрирует. Так, например, в заглавии первого раздела сборника подчеркнут традиционный характер начальных распевов — «Начало знаменного столпового Обихода, сиречь всенощного бдения» (л. 2 об.). Появление в рукописи распевов позднего монодического стиля отмечено заглавием — «Начало Киевского Обихода» (л. 86 об.). И дальше по мере необходимости в рукописи чередуются ремарки, пометы и указания, ориентирующие певцов на те или иные распевы, на смены стиля и т. п. Например, первое песнопение «Киевского Обихода» дано в трех музыкальных интерпретациях — «Киевский распев» (л. 86 об.), «Киевский малый» (л. 88 об.) и «Болгарский» (л. 90); дальше 1-й псалом первой кафизмы идет в двух интерпретациях — «Киевская» (л. 91 об.) и «Греческая» (л. 92 об.). Далее в рукописи выписаны песнопения в следующих распевах: Воззвахи «Киевского согласия», л. 104 об.; начало утрани «Киевское, малаго согласия», л. 108 об.; Полиелеос «Киевского малаго согласия», л. 110; «Киевский болший распев», л. 112; «Жуковского согласия», л. 113 об.; псалом «Демественнаго согласия», л. 122; тропари воскресные «Греческого согласия», л. 125; псалом «Греческого согласия», л. 133 об.; Катавасия «Греческого согласия», л. 135 об.; тропари воскресные: «Греческого согласия», л. 142 об., «Большой распев», л. 144; Кондак («Взбранный воеводе. . .») (без обозначения), л. 145; Кондак («Взбранный вое-

³² По нашим некоторым предварительным наблюдениям над развитием мелоса знаменного распева в XI—XVIII вв. можно сделать предположение о прохождении им 3 исторических ступеней развития стиля: ранний монодический стиль (XI—середина XV в.), зрелый монодический стиль (середина XV—середина XVII в.) и поздний монодический стиль (середина XVII—XVIII в.).

воде. . .) «Киевская», л. 145 об.; Кондак («Взбранный воеводе. . .») «На плач богородице», л. 146; Кондак («Взбранный воеводе. . .») «Жуковское», л. 146 об.; Кондак («Взбранный воеводе. . .») «Болгарского согласиа», л. 147 об.; Блаженны «Болгарского согласиа», л. 150; Блаженны «Греческого согласиа», л. 153; Литургия Иоанна Златоуста («Единородный сыне. . .») «Киевское», л. 160, «Патриарша», л. 161, «Болгарская», л. 162, («Придите поклонимся. . .») «Болгарский распев», л. 164 об.; Трисоставное «Болший распев», л. 165; Прокимны «Киевского согласиа», л. 165 об.

Потом в рукописи следует подборка из 14 распевов Херувимской песни и подборка из 7 распевов гимна «Достойно есть».

Херувимская: «Киевопечерская», л. 170 об.; «На прииде архангел», л. 173; «Фиольная», л. 175 об.; «Соловецкая», л. 176 об.; «На радуйся», л. 178; «На видя разбойник», л. 180; «Жуковская», л. 181; «Светафьевская», л. 182 об.; «Веселопетая», л. 183 об.; «Богородице верным соборо», л. 185; «Кирпейская», л. 186; «Киевская», л. 186; «Смоленская», л. 189; «Симановская», л. 190 об.

«Достойно есть. . .»: (без указания), л. 189; «Киевское», л. 200 об., «Федоровское», л. 201, «Жуковское», л. 202, «Веселопетое», л. 202 об., «Болгарского согласиа», л. 203 об., «На объятия отча», л. 204 об.

И далее в рукописи неоднократно упоминаются произведения: «Греческого согласиа. Большой распев» (л. 207 об.), «Киевского распева» (л. 220), «Фиолник» (л. 220 об.), «Симановский» (л. 221), «На видя разбойник» (л. 222), «Смоленский» (л. 222 об.), «Веселопетой» (л. 223 об.), «На радуйся» (л. 224), «На прииде архангел» (л. 225 об.), «Жуковский» (л. 227) и другие распевы.

Шестая нотоплинейная рукопись Карельского собрания второй половины XVIII в. № 446 представляет собой партию второго баса многоголосного хорового изложения Стихир двенадцатым праздникам. К сожалению, по одному голосу, вероятно, восьмиголосной хоровой партитуре мы не можем установить ее авторство или оценить ее художественные достоинства. Можно, однако, надеяться, что в дальнейшем путем сопоставления удастся выявить тождество этого голоса с сохранившимися полными партитурами хоровых песнопений XVIII в.

Наше обзорное описание певческих рукописей Карельского собрания, конечно же, не исчерпывает рассматриваемый материал. Будущим исследователям при более близком знакомстве с этим замечательным территориальным собранием предстоит еще выявить много нового. Впрочем, жанр обзора в отличие от полнотного, постатейного или пономерного описания целостного собрания певческих рукописей и не предполагает регулярного и исчерпывающего их разбора. Задача обзорного описания состоит в том, чтобы дать исследователям представление об устойчивых типологических чертах рукописей данного собрания и одновременно подчеркнуть в них наиболее яркие проявления их индивидуальных особенностей. Поэтому, как нам представляется, удобство и актуальность описания рукописей в жанре обзора как раз и заключаются в том, что — в то время как в современной науке о древнерусской музыке еще не сложилось устойчивых традиций, не совсем еще ясны некоторые целевые аспекты описания рукописей и не выработана на должном уровне его техника — этот жанр, давая исследователям определенную свободу действия, позволяет в наиболее концентрированной форме характеризовать значительные по объему собрания певческих рукописей, дифференцированно, в зависимости от степени научного интереса, подходить к каждому памятнику древнерусской музыки и, наконец (главное!), дает возможность совмещения в рамках одной работы двух сфер научной деятельности — прикладной и проблемной.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Смеховые приписки в рукописях Древлехранилища Пушкинского Дома

Среди большого числа приписок, записей и помет, встречающихся на полях и чистых листах древнерусских рукописей, можно найти такие, смысл которых вызывает у современного читателя улыбку, ассоциацию с шуткой, фольклорным балагурством. Если учесть, что наши знания о древнерусском смехе достаточно скудны и гипотетичны, то окажется, что при внимательном изучении приписок в рукописях может быть выявлен некоторый материал для изучения древнерусского юмора как важного аспекта отечественной средневековой культуры.

Исследователями древнерусской письменности уже отмечался бытовой характер некоторых приписок, преобладание в них просторечного народного языка.¹ Повседневная жизнь со своими делами и заботами, желание отвлечься и развлечься находили нередко прямое отражение в приписках, сделанных переписчиками или читателями древнерусских книг. «Переписывая богослужебную книгу, цскович не стеснялся заявлять тут же на полях о чем угодно pro domo sua: „полести мыть ся“, „поехати пить в Зряковици“, „родиша порошата свиня на память Варвары“, „како ли не обьестися, исто поставят кисель с молокомъ“»² (примеры из Псковского Шестоднева 1374 г.). Эти приписки являются памятными записями дневникового характера или же представляют собой бытовые сентенции.

«Другими своими сторонами приписки псковичей вскрывают свою близость к фольклору, к устной поэтической стихии. Иногда переписчик следует, быть может, ходячей пословице, но иногда тут же творит ее одинаково без отношения к переписываемому тексту; это — особенность псковских приписок, обнаруживающая, насколько личное настроение писца шло вразрез с выполняемой работой».³ Приведу примеры явно пословичного происхождения приписок: «Чрес тын пьют, а нас не зовут» (Шестоднев, 1374 г.), «Офреме, не держи ума кроме» (Ефремовская Кормчая, XII в.), «Бог дай съдоровие к сему богатю. Что кун, то все в калите, что пьрт, то все на себе. Удавися, убожие, смотря на мене» (Паремийник, 1313 г.), «Пост да молитва на диавола ловитва» (Сборник, XVII в.).⁴

Обратим внимание на рифмованный характер присловий, культивировавшийся в приписках такого рода. Отчетливо выражены созвучия: пьют—зовут, Офреме—кроме, молитва—ловитва. Этот формальный элемент, характерный для народного балагурства, скоморошества, вообще для «мирской притчи», едва ли является случайным. Еще А. Седелънико-

¹ См., например: Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908. С. 36; Седелъников А. Литературно-фольклорные этюды. Ч. 1. Псковские писцы XIV века и фольклор // Slavia. 1927. R. 6. S. 1. С. 64—71.

² Седелъников А. Литературно-фольклорные этюды. С. 66.

³ Там же.

⁴ См.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 284—285.

вым отмечалась инициатива псковского писца Паремийника 1313 г., употребившего созвучие «спати—псати» в своей приписке: «Ох, ох, голова мя болит, нет мочи псати, а уже ночь, лязми спати».⁵ Здесь важным обстоятельством является тот факт, что смысл многих приписок на полях никак не связан с написанным тут же «богодуховенным» текстом книги. Эти небольшие житейские миниатюры показывают нам переписчиков: книг людьми творчески свободными, и это несмотря на страшные заклятья тем, «кто пишет у книг по полям»: «О горе тому, кто черькает у книг по полем, на оном свете те письма исперкають беси по лицу жагалом железным» (почерком XIV в. в Минее январской XII в.).⁶

В Древлехранилище Пушкинского Дома мне удалось обнаружить несколько рукописей, содержащих фольклорно-смеховые или близкие к ним приписки. Правда, надо сказать, что большая часть этих приписок не старше XVIII в. Учитывая, однако, что упоминаемые рукописи происходят преимущественно с Русского Севера, где влияние средневековой духовной культуры сохранялось еще в начале XX в., мне представляется возможным осуществить некую ретроспекцию крестьянских смеховых приписок нового времени в стихию средневекового русского смеха.

«Мало пишу, много челом бью. Федор Стефанов бил челом и плакался и под подол прятался», — такую запись оставил один из переписчиков начала XVIII в. в сборной рукописи XVII—XVIII вв. из Усть-Цилемского собр., № 12 (л. 139). В певческом сборнике XVII в. читаем следующую приписку скорописью рубежа XVII—XVIII вв.: «Поп Макарко писал угарком» (колл. М. В. Бражникова, № 25, л. 132 об.). «Понеже брат дурак, другой может быть так», — приписано в сборнике (Отд. пост., оп. 24, № 33) рядом с пометой о дарении книги Егором Фитяниковым своему брату Ивану в 1770 г. В этих приписках грубоватый народный юмор не требует комментариев. Отчетливо выражены в них рифма и ритм — знаки смешного, шутовой поговорки, дразнилки. Простонародное балагурство отчетливо выражено в приписках типа «проба пера», часто встречающихся в рукописях крестьянского происхождения: «Стати писати, пера пошгати, не тупо ли перо, не дрожит ли рука, не кривит ли строка» (варианты: «...не свербит ли спина, не хочет ли плети Еким»; «...не боица ли писарь ременного кнута»)⁷ Рифмованное пожелание будущим читателям оставил тверской мещанин Дмитрий Жуков в своем сборнике 1815—1819 гг.: «Сию книгу читателю читать и писателю списать, не драть, не ламать, не марать и детям не давать балавать, а со вниманием читать» (Причудское собр., № 11). Вызывает улыбку сердитая, впрочем читательская, помета на рукописи Повести о Калеандре XVIII в.: «Сия книга мною прочтена, а ничего блага не получено. Едакая глупость была в древние времена, а ныне все по-своему проходит». Другой читатель зарифмовал свою приписку: «Сия книга многоразумна, бога хвалит и на разум наставляет, ум украшает, от пьянства отгоняет, от злых жен отгоняет» (Отд. пост., оп. 24, № 49 — сборник XIX в.). Читатель того же времени цитирует в другом сборнике изречение из Пчелы: «В мутной воде дна не видать, тако ж и в невесте разума не узнать» (Карельское собр., № 71). Список Физиолога XVIII в. дополнен шутовой поговоркой: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (Отд. пост., оп. 24, № 125), в Истории об отцах и страдальцах соловецких XIX в. имеется озорная приписка: «Деревенски мужики оны просто дураки» (Карельское собр., № 139). В Синодике XVIII в. встречаем такую шутовую «пробу пера»:

⁵ Седелъников А. Литературно-фольклорные этюды. С. 67.

⁶ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3, ч. 2. С. 34, 49.

⁷ Примеры из Слова Палладия мниха, XIX в. (Красноборское собр., № 103), сборника XVIII в. (Карельское собр., № 26), сборника 1839 г. (Отд. пост., оп. 24, № 58).

«К сей тетради вместо того и етого тот и етот руку приложил» (Пинежское собр., № 201), в этой же рукописи представлена рифмованная апокрифическая загадка: «Едет старец, а под ним карец, а в руках везет ставец, а в ставце зварец. Поднялся карец, пошатнулся старец, пролился из ставца зварец». Вариант к этой загадке находим в сборнике XVIII в.: «Стоит град пуст, около ево куст, в кусте старец, у старца ставец, в ставце уварец, в уварти перец, в перьцы горость, в горости сладость, в сладости смерти, старцу» (Карельское собр., № 26).

Освященные традицией, вопреки заклЯтиям и запретам, приписки на полях древнерусских рукописей воспринимались читателями как нечто само собой разумеющееся. За исключением владельческих и вкладных, прочие приписки не вычищались и не замарывались читателями на протяжении веков, когда книга переходила из рук в руки. Вместе с книгой переходили от поколения к поколению и редкая, как жемчужина, шутливая приписка, прибаутка, пословица, рисующие нынешнему читателю живого, лукавого предка, застигнутого в момент благочестивого, но утомительного труда неодолимым желанием отвлечься, пошутить, как это случилось с одним из переписчиков пергаменного Евангелия XIV в. галицко-волынского письма (Отд. пост., оп. 25, № 30). В сохранившихся фрагментах приписок на полях мы читаем, что писцу захотелось вдруг «медку» (л. 84 об.), что ему «дремлется, спал бых» (л. 48 об.), то жалуется он, что «молился бых богу, да сильки нет, а еще дремлется» (л. 73 об.). Шутливые эти приписки имеют несомненно рекреационное значение. В них автор обращает смех на себя, не задевая читателя неуместным, казалось бы, рядом с текстом Евангелия балагурством. И читателю внятен их смысл, не вступающий в противоречие с содержанием и назначением книги, иначе приписки были бы уничтожены.

Приведу, наконец, еще одну из интересующих нас приписок на рукописях Пушкинского Дома. Она читается на нижнем поле листа в самом конце службы Николе Чудотворцу на 6 декабря в рукописи XVII в.: «Утешение велие, рыбы бдение (так! — Г. М.), да пиво обычное или сыченое. Трезвон — вечеря большая — колачи до изъеда, да селди переславские, да по три меры меду на человека, да пироги и олады, да лапши с перцом, да каша пшена с медом, да яглы гречневые с соком, да по судаку в ухе, а затем что бог послал» (Северодвинское собр., № 296). В этой приписке, как мне кажется, содержатся одновременно две пародийные темы — на монастырский Устав о трапезах и на Устав о последовании церковной службы. Смешение терминов устава и перечисления блюд создает впечатлительные бессмысленности, нелепости, характерной для древнерусской пародии.⁸ Таким образом, и в приписках на рукописях мы встречаем образцы пародии, одного из литературных жанров древнерусского смеха.

⁸ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 16.

Н. В. ШУХТИНА

Сочинения протопопа Аввакума
в собрании рукописей Владимиро-Суздальского
историко-архитектурного музея-заповедника

В собрании рукописей Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника (оно насчитывает по инвентарной описи около 800 единиц) мы обнаружили три рукописи, связанные с именем протопопа Аввакума. Ниже помещаем краткое их описание, ориентируясь на соответствующие описания В. И. Малышева, опубликованные в ТОДРЛ.¹

I. «Житие» Аввакума. Заглавие: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Елифанием, — понеже отец ему духовной инок, — да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь». Начало: «Всесвятая троице, боже и содетелью всего мира! Послещи и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими. . .». Сборник 30—40-х гг. XIX в. (видна филигрань «1833»), в 8°, полуустав, 183+IV л., заставка с растительным орнаментом в красках, инициал; переплет — доски в тисненой коже. На верхней крышке переплета — запись скорописью: «1866 года генваря». На нижней крышке — помета карандашом о принадлежности рукописи Татьяне Алексеевне Мельниковой. По классификации Я. Л. Барскова, текст относится к редакции «А».² Кроме «Жития» в сборнике находится челобитная (пятая) Аввакума царю Алексею Михайловичу и «Видение» благовещенского протопопа Терентия (л. 174—183). Сборник по составу полностью совпадает с рукописями «Жития» Аввакума, связанными с традициями Выга.³ Сборник поступил в музей в 1980 г., инв. номер 28000, текст «Жития» находится на л. 1—156 об.

II. Челобитная (пятая) Аввакума царю Алексею Михайловичу. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 года ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многжды писахом тебе прежде и молихом тя. . .». Текст Челобитной находится в сборнике № 28000 на л. 156 об.—173 об., список полный.⁴

III. «Книга бесед» Аввакума. Заглавие: «От истории священного протопопа Аввакума». Начало: «Егда мы со отцы и братиею обличахом Никона. . .». Сборник-конволют из трех частей середины—2-й половины XIX в., разных почерков. 1-я рукопись — Апокалипсис толковый (л. 1—

¹ См.: М а л ы ш е в В. И. Сочинения протопопа Аввакума в собрании рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 581—590; см. также т. 14, 21, 23, 26 ТОДРЛ.

² Текст совпадает с изд.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1 // РИБ. 1927. Т. 39. Стб. 1.

³ Подробнее об этом см.: Д е м к о в а Н. С. Житие протопопа Аввакума! (Творческая история произведения). Л., 1974. С. 21—25.

⁴ РИБ. Т. 39. Стб. 757.

139 об.) 40-х гг. XIX в., видна филигрань «18. .», штемпель бумажной фабрики Костромской губернии с буквами ФС;⁵ 2-я рукопись (л. 140—180 об.) — выписки из Патерика, Зеркала великого, Апостола 2-й половины XIX в. (штемпели фабрики Аристархова и фабрики Сергеева);⁶ 3-я рукопись (с л. 181, печать XIX в.) — Скитское покаяние, Чин погребения. Сборник в 8°, полуустав, переплет — доски в тисненой коже. Инв. номер В 5636/389, текст «Книги бесед» находится в начале Апокалипсиса толкового на л. 1—3 об.

Сопоставление данного текста с другими списками «Книги бесед» Аввакума⁷ позволило сделать вывод о том, что перед нами — изложение центральной части «Беседы первой», сделанное неизвестным автором. В этом фрагменте сообщается о мучениках, пострадавших за «старую веру», вступление и окончание (обращение к «миленьким», обращение «Душе моя. . .») опущены. Автор изложения, не добавляя новых фактов, наоборот, опуская некоторые, — по его мнению, менее существенные (во владимирском списке нет, например, упоминания о погибших от руки никониан на Мезени двух человеках из дома Аввакума, о рассечении напятеро Ионы Казанца), передает содержание более сжато и обобщенно, сохраняя, однако, форму ведения рассказа от первого лица. В качестве примера приведем начальные строки изложения в сопоставлении со списком БАН, 45.6.7 (далее Ак).

В 5636/389 (л. 1)

Егда мы со отцы и братиею
обличахом Никона, он же нас
муча много. Епископа Павла
Коломенского сожег. . .

Ак (л. 23)

. . . Мы же со отцы и братиею,
не умолчав, почали говорить,
еретика обличать и предотечу
антихристов. Он же нас муча
много и разослав в ссылки всех.
И разсеяни быша яко от скорби,
бывшия при Стефане апостоли. . .

Краткий текстологический анализ дает возможность говорить о том, что автор изложения пользовался хорошим списком «Беседы первой», восходящим, по-видимому, к не дошедшей до нас рукописи, более древней, чем Ак, — возможно, к автографу «Книги бесед».

Из списков, взятых нами для сопоставления с владимирским, лучшим является Ак. Именно он полностью передает весь фактический материал, часть которого отсутствует иногда в других списках (например, упоминание о владимирских мучениках и др.). Однако в этом списке мы можем отметить искажение авторского текста, ведущее к потере смысла; так, место «. . . двух священников, вологжан, безвестно же и сих дел. . .» Ак передает следующим образом: «. . . двух священников, вологжан, безвестно же изсидел. . .».

Владимирский список, по фактическим данным совпадая с Ак,⁸ передает это место без искажения смысла: «. . . Михаила священника да двух попов вологоцких без вести дели. . .».

⁵ Подобный штемпель см.: ИРЛИ, Дрвнлехранилище, Керженское собр., № 97 (на бумаге с филигранью «1843»).

⁶ См.: К л е п и к о в. Филигр. и штемп. С. 100, № 10; С. 108, № 179.

⁷ Для сопоставления были взяты списки по изданиям: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1879. Т. 5. С. 262; РИБ. Т. 39. Стб. 246. Кроме того, привлечен древнейший из известных список XVII в. (БАН, 45.6.7). Список найден Н. Ю. Бубновым и указан в статье: Б у б н о в Н. Ю., Д е м к о в а Н. С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвращение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 127.

⁸ Вышеуказанные пропуски являются показателем сознательной работы автора изложения над текстом, а не отсутствия этих фактов в протोगрафе владимирского списка, так как в этих местах все другие списки читаются одинаково.

Н. С. ДЕМКОВА

**Краткий отчет об археографической практике
студентов ЛГУ в Пермской областной библиотеке
им. А. М. Горького
и Чердынском краеведческом музее им. А. С. Пушкина**

С 1 по 17 августа 1984 г. группа студентов-археографов ЛГУ¹ занималась описанием древнерусских рукописей, хранящихся в Секторе редких книг и рукописей Пермской областной библиотеки² и Чердынском краеведческом музее. Собрание рукописей Пермской областной библиотеки находится в состоянии активного формирования,³ поэтому наряду с описанными рукописями⁴ фонд содержит много новых поступлений, представляющих большой интерес для специалистов по истории русской культуры и литературы. В результате интенсивной работы группы было составлено полное описание 30 литературных сборников XVI—XIX вв., выявлен ряд новых списков древнерусских повестей и памятников полемической литературы (повести о царице Динаре, Тимофее Владимирском, фрагменты из сочинений Ивана Пересветова, инока Филофея, дьякона Федора, Авраамия и др.), обнаружен оригинальный текст мемуаров — «рассказ» Алексея Абрамова о «нечаянной встрече» в Москве со старообрядческим епископом Антонием (Андреем Иларионовичем Шутовым) (рукописная тетрадь середины XIX в., с авторской правкой). В Чердынском музее удалось — благодаря любезности его директора А. Н. Харитонова — преодолеть все технические трудности и просмотреть *de visu* все рукописи собрания, уточнив в ряде случаев печатное описание 1961 г.⁵ и описание Н. Н. Розова 1973 г. (машинопись, хранится в Отделе библиографии Пермской библиотеки). Непосредственное знакомство с рукописями музея позволило выявить ряд интересных новых списков и текстов (Сказание о Ва-

¹ В группу входили подготовленные к археографической работе студенты 3-го курса, участники нескольких археографических экспедиций на Северную Двину и Печору (И. Ю. Перфильева, Н. В. Шухтина, С. А. Якунина), и новичок в археографической работе (О. Ю. Клокова); руководитель — Н. С. Демкова.

² С 1982 г. в Пермской областной библиотеке проводится учебная археографическая практика студентов Сыктывкарского государственного университета (руководитель — Т. Ф. Волкова).

³ Фонд древнерусских рукописей библиотеки и старопечатных книг составляет в настоящее время около 500 единиц хранения XVI—XIX вв.; основное пополнение фонда идет за счет ежегодных экспедиций, начатых в 1973 г. хранителями фонда, выпускницами ЛГУ Н. Н. Барминской и Т. Ф. Волковой и продолжаемых сейчас Н. Н. Барминской совместно с Уральской археографической экспедицией.

⁴ См.: Бегунов Ю. К. *Обзор собраний древнерусских рукописей г. Перми // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1970. Jahr 15. N. 2. S. 191—213; см. также: Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденный памятник русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 351—354.*

⁵ Бегунов Ю. К., Демин А. С., Панченко А. М. *Рукописное собрание Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 608—615.*

вилонском царстве, XVIII в., Притча о славии, XVIII в., фрагменты из «Книги бесед» Аввакума и его посланий в списках XVII и XVIII вв., и др.), а также скопировать некоторые из них. В составе сборника-конволюта удалось выявить рукопись XVII в., родственную по составу сборнику с подписями Аввакума, Епифания, Федора и Лазаря, хранящемуся в Москве, в Библиотеке им. В. И. Ленина. Московский сборник (ф. 17, № 883) представляет собой, по характеристике И. М. Кудрявцева, нашедшего и изучившего его, «некую загадку», ибо неясно, где писалась рукопись, кем и когда составлялся весь сборник.⁶ В чердынской рукописи сохранился текст нескольких уникальных статей из московского сборника, в том числе фрагмент «выписок из книг» Аввакума, анонимное эсхатологическое сочинение «Бездна» и др. Состав рукописи и бумага, непрофессиональный почерк писца, тщательно копирующего почерк (и даже росчерки) московского сборника, самый факт бытования рукописи на Печоре — все это указывает на непосредственную связь чердынской копии с пустозерским литературным центром и делает ее заметным явлением в истории ранней старообрядческой рукописной традиции. В музее был обнаружен образец и новой культурной ориентации пермских читателей XVIII в. — рукописный приключенческий роман о рыцаре Удалерике, отце «богемского Ахиллеса». Поиски источника неизвестного текста, сохранившегося в дефектной (без начала) рукописи 1760-х гг., привели к роману М.-А. Гомец (Гомес) «Удалерик», изданному в Петербурге в 1766 г. (перевод с французского).⁷

Пермские находки убеждают в необходимости составления полного описания пермских рукописных собраний. Создание такого описания позволит воссоздать (хотя бы фрагментарно) историю книжной культуры Пермского края.⁸

⁶ См.: Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 148—212. — Подписи на сборнике И. М. Кудрявцев датирует временем до 14 апреля 1670 г.

⁷ Источник рукописного текста романа не мог быть найден по Сводному каталогу русской книги XVIII в., так как в каталоге значится только общее заглавие десяти-томного издания романов М. Гомец «Сто новых новостей» (СПб., 1765—1768), без каких-либо указаний на содержание каждого тома (см.: Сводный каталог русской книги XVIII в. М., 1962. Т. 1. С. 246—247); скрытый, таким образом, от библиографов «Удалерик» находится в 4-м томе на с. 74—188. Сведения об этом переводе отсутствуют во всех библиографиях и обзорах переводного романа XVIII в., и он оказался совершенно вне поля зрения специалистов. Название романа, время перевода и имя автора удалось обнаружить только благодаря краткому указанию А. В. Флоровского (Чехи и восточные славяне. Прага, 1947. Т. 2. С. 51) и дружеской помощи коллег из Карлова университета в Праге — проф. С. Матхаузеровой и доктора Я. Коллара.

⁸ Наша самая большая благодарность за деятельную помощь в составлении описания — хранителю древнерусских рукописей Пермской библиотеки Н. Н. Барминской.

Наталья Александровна Казакова

(17/30 XII 1915—23 XI 1984)

(Некролог)

23 ноября 1984 г. трагически оборвалась жизнь выдающегося ученого, историка общественной мысли, литературы и международных культурных связей Древней Руси — Натальи Александровны Казаковой.¹

Н. А. Казакова родилась 30 декабря 1915 г. в г. Владикавказе (Орджоникидзе) в семье инженерно-технического работника, там же получила среднее образование. В 1932 г. она переехала в Ленинград, а в 1933 г. поступила на юридический факультет Ленинградского института философии, литературы и истории, ставший с 1934 г. историческим факультетом Ленинградского университета. По окончании университета в 1939 г. Наталья Александровна была принята в аспирантуру, занятия в которой прервались во время войны. В это время Н. А. преподавала историю в средней школе в своем родном Орджоникидзе. В 1944 г. она вновь вернулась в аспирантуру, успешно закончила ее в 1945 г., защитив диссертацию о взаимоотношениях Руси с Восточной Прибалтикой, и стала ассистентом, затем доцентом истфака ЛГУ. В университете Н. А. первоначально специализировалась по истории западного средневековья и занималась историей Ганзы и ее сношений с Россией, овладев для того средневековым немецким языком (учителем ее был историк-германист И. Э. Клейнберг). Руководителем Н. А. в аспирантуре стал С. Н. Валк; он и приобрел ее к исследованию истории Древней Руси. Школа С. Н. Валка, несомненно, оказала на Наталью Александровну большое влияние: от С. Н. Валка шла и ее скрупулезность в исследовании источников, и взвешенность научных выводов. Под руководством С. Н. Валка Н. А. Казакова приняла участие в важнейшем издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова», осуществленном в 1949 г. (в последние годы жизни Н. А. подготовила второе издание текстов грамот о сношениях Великого Новгорода с Западом).

Связь Н. А. с историческим факультетом ЛГУ продолжалась вплоть до 1956 г., но с 1946 по 1948 г. она одновременно стала научным сотрудником Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, а в 1952—1953 гг. была сотрудником Музея истории религии и атеизма. Работая в музее, Н. А. Казакова написала (в соавторстве с Я. С. Лурье) свою первую монографию — «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI вв.», вышедшую в свет в 1955 г. Именно эта работа открыла новую, важнейшую область научных интересов Н. А. — историю общественной мысли Древней Руси.

В 1955 г. была напечатана первая статья Н. А. в Трудах Отдела древнерусской литературы — «Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси»; с этого года началось ее постоянное сотрудниче-

¹ Список печатных трудов доктора исторических наук Н. А. Казаковой, насчитывающий более 100 названий, публикуется в очередном выпуске «Вспомогательных исторических дисциплин».

ство в ТОДРЛ, длившееся до конца жизни. Почти в каждом томе Трудов печатались статьи Н. А., публиковались вновь открываемые ею памятники древнерусской литературы, археографические и текстологические работы (статьи Н. А. будут выходить в свет в ТОДРЛ и после ее смерти).

С ноября 1956 по декабрь 1960 г. Н. А. Казакова работала в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Начиная с 1956 г. она обращается к новой для нее области — исследованию древнерусских рукописных памятников и становится текстологом. Уже первые работы Н. А. над наследием выдающегося публициста XVI в. Вассиана Патрикеева дают возможность по-новому определить объем и историю текста его сочинений; столь же ценными были и текстологические исследования сочинений других публицистов-нестяжателей — Гурия Тушина, Максима Грека, предприятия Н. А. В 1960 г. выходит в свет подготовленная ею монография «Вассиан Патрикеев и его сочинения», а в 1970 г. — капитальное исследование «Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в.» (защищенное еще в 1964 г. как докторская диссертация).

Н. А. трудилась в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ увлеченно и плодотворно, но, работая в литературоведческом институте, она всегда оставалась и чувствовала себя историком (литературоведение, в узком смысле слова, не увлекало ее), и именно поэтому с 1960 г. она перешла на работу в Ленинградское отделение Института истории СССР. Но работа Н. А. в Секторе древнерусской литературы была важна для научного направления всей работы сектора, создавала здесь особую научную атмосферу. В секторе всегда ощущалась необходимость исторических знаний для понимания истории древнерусской литературы, и работа филологов бок о бок с историком имела принципиально важное значение. В свою очередь, эта совместная работа Н. А. с филологами обогащала и ее саму как ученого-историка и пригодилась ей для дальнейшей работы. И до последних дней жизни Н. А. не прерывала ни научных, ни дружеских связей с Сектором древнерусской литературы.

Н. А. Казакова была не только крупным ученым. Совесть человека — самое главное в жизни, в том числе и жизни в науке, и Наталия Александровна в этом отношении была необычайным человеком. Щепетильно честная по отношению к себе и другим, она испытывала инстинктивное отвращение ко всему тому, что нередко омрачает научную жизнь, — к оценкам людей по преходящим симпатиям и антипатиям. И в отношении к научной работе она обладала повышенной честностью, отвергала мнимые ученые и широкое, но сугубо умозрительные построения.

Наталия Александровна Казакова останется в памяти своих коллег, и филологов, и историков, когда не будет уже в живых тех, кто с нею вместе работал, — останется не только своими научными трудами, но и памятью о ее научной принципиальности, душевной чистоте и бескомпромиссности.

Дмитриев Л. А., Дробленкова Н. Ф., Лурье Я. С.

Никита Александрович Мещерский

(1/14 I 1906—3 III 1987)

(Некролог)

Н. А. родился в селе Герчикове Смоленской губернии. Отец его занимался сельским хозяйством, внедряя рациональные формы земледелия в своем поместье, писал книги по льноводству и широкому кругу сельскохозяйственных вопросов. Среднее образование Н. А. получил в Петроградском реформатском училище, которое окончил в 1922 г. В 1922—1925 гг. он обучался в университете на Факультете общественных наук по Отделению языковедения и литературы, секция языков и культур Древнего мира. Учителями его были Н. Д. Флиттнер и В. В. Струве (египтология), М. Н. Соколов (гебраистика), а в годы аспирантуры (1926—1928), которую он проходил под руководством В. В. Струве, — П. Н. Коковцов и А. П. Алявдин (сириология и гебраистика). Темой его диссертации был выбран роман об Ахикаре, известный в своей славянской версии как Повесть об Акире.

В 1929—1930 гг. работал в качестве сотрудника Молдавского научного комитета. В его обязанность входило формирование библиотеки нового научного центра в Тирасполе из того обилия книг ленинградских библиотек, которые были либо национализированы после революции, либо остались без владельцев в результате роспуска и закрытия ряда старых учреждений и училищ, составив так называвшийся тогда «Книжный фонд». Одновременно Н. А. подрабатывал частными уроками, преподаванием немецкого языка в различных учебных заведениях, а в 1930—1932 гг. состоял ассистентом кафедры иностранных языков Планово-Экономического института.

Научные интересы Н. А. проявились рано, в центре их оказалась история христианства на православном востоке. Лекции по истории древней церкви В. В. Болотова и Б. А. Тураева были его постоянным чтением. Первые его печатные труды отражают этот интерес. С другой стороны, Н. А. не был чужд и современных ему церковно-религиозных вопросов. Он активно участвовал в деятельности возникшего в те годы Александро-Невского братства, испытывал большой интерес к жизни старообрядцев, в частности единоверцев, в кругу которых близко познакомился с поэтом Н. А. Клюевым. Он и сам пробовал писать стихи, в одном из них знаменательно сошлись пророк Аввакум с Титом Веспасианом. И когда в 1929 г. акад. В. М. Истрину, занятому подготовкой издания древнерусского текста «Иудейской войны» Иосифа Флавия, понадобился сотрудник, чтобы перевести на русский язык сирийскую версию этого сочинения, едва ли кто другой мог лучше взяться за это дело, чем Н. А. Он не только выполнил перевод, но провел исследование христианских интерполяций славянской версии и пришел к выводу, что они по своему содержанию не могут быть старше IV в. и, по всей вероятности, восходят к «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Интересно отметить, что к сходному выводу в это же время пришел известный американский гебраист Соломон Цейт-

лин. По представлению В. М. Истрина исследование Н. А. было опубликовано в «Докладах» Академии наук.

Уже в эти годы Н. А. смог приобрести немалый опыт работы с древними славяно-русскими рукописями, когда был привлечен С. В. Юшковым к подготовке критического издания «Русской Правды» и сделал свод разночтений едва ли не по сотне списков этого памятника.

В феврале 1932 г. Н. А. был арестован (необоснованные обвинения были сняты с него в 1960 г.) и пять лет провел на лесоразработках Свирьстроя. В 1937 г. он поселился в Оренбурге, куда в 1934 г. были высланы его родители. Здесь Н. А. вначале преподает на курсах подготовки учителей при облоно, в 1939—1941 гг. — преподаватель кафедры русского языка пединститута, заместитель декана по заочному обучению, в 1941—1944 гг. — учитель средней школы села Шарлык, инспектор районо, заведующий педкабинетом и курсами по подготовке учителей, в 1944—1954 гг. — старший преподаватель кафедры русского языка в Учительском институте г. Бугуруслана. Так приобрел он свою новую специальность русиста-языковеда.

Публикации оренбургского периода ограничиваются преимущественно литературным краеведением, но уже в Бугуруслане Н. А. смог возобновить научно-исследовательскую работу и настолько успешно, что 25 октября 1946 г. в Институте востоковедения в Ленинграде защитил кандидатскую диссертацию «Древнерусский перевод еврейской книги Есфирь». Исследование было проведено в основном по фотокопиям с использованием 18 списков XIV—XVI вв. В истории изучения древнерусской переводной письменности эта работа имеет принципиальное значение.

Дореволюционная русская наука считала, что переводы с древнееврейских оригиналов на Руси совершались лишь в эпоху ереси жидовствующих, т. е. не раньше середины XV в. Потому в отношении славянской версии книги Есфирь возникла следующая альтернатива: если это перевод с еврейского оригинала, то он не может быть старше XV в. (А. В. Горский) или в крайнем случае XIV в. (И. Е. Евсеев); если это перевод домонгольского периода, то он мог быть выполнен только с греческого оригинала (А. И. Соболевский). Н. А. достоверно определил древнее происхождение славянского перевода (около 1100 г.) и то, что непосредственным оригиналом был древнееврейский текст. Этим была открыта новая страница в изучении культурной истории Древней Руси.

В Бугуруслане Н. А. в основном завершил и следующую свою большую работу — исследование по 30 спискам славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Издание текста по 9 спискам было осуществлено им в 1958 г. при содействии Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома. Так увидел свет один из наиболее замечательных переводов Древней Руси, издание которого не удалось довести до конца В. М. Истрину. В своем исследовании Н. А. подробно охарактеризовал язык текста, стилистические приемы древнерусского переводчика, своеобразную и уверенную манеру перевода; введение в текст христианских интерполяций он отнес к деятельности переводчика. Работа была защищена как докторская диссертация в ЛГУ 25 декабря 1958 г.

Между тем после закрытия в 1954 г. Учительского института Н. А. был приглашен в Петрозаводский пединститут заведовать кафедрой русского языка. В 1963 г. при заинтересованной поддержке Б. А. Ларина он был избран заведующим кафедрой русского языка Ленинградского университета. В эти последние 15 лет до выхода на пенсию в 1978 г. преподавательская деятельность Н. А. протекала в благоприятных условиях, она определялась уже не столько требованиями программы и нехваткой квалифицированных педагогических кадров, сколько кругом его научных интересов. Кроме своего основного курса по истории русского литературного языка Н. А. читал лекции по истории филологической науки, по древнерусской литературе, спецкурсы по истории русского языка XI—XIV вв.

и истории русского языка в послереволюционную эпоху, по языку «Слова о полку Игореве», по переводной письменности IX—XV вв., наконец, в 1979—1983 гг. он прочел для сотрудников рукописных хранилищ курс византийской и славянской гимнографии, который остался в записях слушателей и ждет своего издания. В действовавшем все эти годы семинаре Н. А. по филологическому изучению языка древней славяно-русской переводной письменности были написаны десятки дипломных работ и кандидатских диссертаций. Десятками исчисляется количество диссертаций, по которым Н. А. выступил оппонентом или рецензентом.

Научная деятельность Н. А. в 50—70-е гг. также была многогранна, но на первом месте, безусловно, стояло изучение древней славяно-русской переводной письменности, где его личный вклад был особенно значителен и значим. По словам Н. А., большинство памятников древней славяно-русской письменности — это памятники, переведенные с различных языков, или переделки таких переводов самими славянскими книжниками, однако со смертью В. М. Истрина изучение этого громадного материала почти полностью остановилось. На Н. А. легла обязанность восстановить прерванную научную традицию. К счастью, среди преподавателей классических языков, прежде всего языка греческого, нашлись в университете энтузиасты, хорошо понимавшие необходимость правильного филологического образования для русистов-историков, они взяли на себя часть педагогической задачи Н. А. Без каких-либо организационных мероприятий в ходе деятельности спецсеминара и чтения спецкурса по переводной письменности ему удалось подготовить немалое число специалистов в этой области, с большим или меньшим успехом продолжающих его дело.

Изучением и изданием двух важнейших переводов домонгольской Руси Н. А. был вовлечен в рассмотрение многих смежных и весьма крупных вопросов: 1) выявление круга сходных по происхождению в славянской письменности текстов, например ряда ветхозаветных апокрифов; 2) выявление круга текстов с общими лингво-стилистическими чертами, например славянский Иосиф и «Слово о полку Игореве», «Повесть о взятии Царьграда» и т. д.; 3) судьбы византийской хронографии у славян; 4) общий характер усвоения восточными славянами византийского культурно-письменного наследия; 5) переводные хроники и русские хронографы и летописи; 6) искусство перевода Древней Руси; 7) библейские и литургические тексты в кругу других письменных памятников у славян. Нет возможности, да и не время еще оценивать результаты, к которым пришел Н. А. в ходе разработки этих вопросов. Достаточно сказать, что ему удалось поставить изучение переводной письменности в отношении ее текстологии, поэтики и стилистики на тот высокий уровень, на котором оказалось к этому времени изучение русского летописания и оригинальной литературы Древней Руси, выявить необходимость изучения русской переводческой школы как единого целого и в ее связи с развитием культуры и письменности у восточных славян. Научная традиция изучения переводной письменности была восстановлена и получила в работах Н. А. дальнейшее творческое развитие.

Весьма значительным представляется вклад Н. А. в изучение литературного языка в России на всем протяжении исторического существования письменности, но особенно в его древнем периоде. В подходе Н. А. к этому обширному предмету, отражающему в конечном счете в своих источниках всю русскую жизнь за тысячу лет, заметны следующие своеобразные черты. Это, во-первых, позитивизм в отборе изучаемых источников: внимание исследователя направлено прежде всего на те тексты, которые в силу общественно-исторических условий занимают центральное место в культурной и общественной жизни того или иного периода. Ни личные пристрастия, ни модное поветрие не должны поколебать объективную систему ценностей, сложившуюся в ходе исторической жизни большого народа. Во-вторых, даже если идет речь о второстепенных орфографических

деталей, их интерпретация проводится на основе глубокого проникновения в смысл изучаемого текста, — как принцип это может быть сформулировано знаменитым с древности вопросом: «Разумеешь, яже чтеши?». В-третьих, для правильной интерпретации стилевых особенностей древнерусских текстов нужно знать не только то, что читалось в Древней Руси, нужно знать, когда читался тот или другой текст согласно требованиям церковного года. Сам Н. А. обладал в полной мере этим редким знанием. Наконец, основным для истории литературного языка Н. А. рассматривал вопрос о применении языка в художественных целях, что позволяло ему далеко выходить за рамки художественной литературы. В поле его зрения оказывались гимнографическое творчество и библейские переводы, с одной стороны, а с другой — берестяные грамоты и актовый материал, с характерными в каждом случае приемами экспрессивно-речевой выразительности. На этом фоне становится видно, что и проблематика языковой нормы недостаточно широка, потому что художественное применение языка может быть произведено как в согласии с языковой нормой, так и вопреки ей.

Кроме того, в соответствии с филологической традицией Н. А. никогда не упускал из виду, что суждения о лингво-стилистических особенностях текста только тогда надежны, когда приняты в учет все рукописные источники, а для переводного текста — его иноязычный оригинал.

Работы Н. А. по древнерусскому ономастикону, фразеологии, истории слов, диалектологии, стилистические этюды об отдельных авторах и т. д. имеют самостоятельное значение, но вместе с тем они связаны с общим направлением его исследования истории литературного языка и письменности. Плоды неутомимой деятельности Н. А. будут всегда приносить пользу отечественной науке.

Н. А. был человек цельный, он трезво смотрел на жизнь. Он не идеализировал прошлое и не предавался пустым мечтам о будущем, но любил свою страну, свой народ и окружающих его людей такими, какими они являются в действительности. Смолоду ему были свойственны широкая любознательность, удивительно цепкая память, наблюдательность, интерес к людям, честность и доброта. Эти свойства позволили ему в недолгие годы ученичества накопить поразительно большой запас знаний, умело пользоваться ими, аккуратно и добросовестно выполнять всякий труд, ложившийся на его плечи, встречать во всяком окружении уважительное отношение к себе. Через всю жизнь он пронес неизменными идеалы молодости, потому был всегда ровен, спокоен и, как казалось, счастлив. В маститые годы его отличали простота, невзыскательность к бытовым условиям, предельная скромность, благожелательность и свойственная истинной учености снисходительность. Нравственное влияние его личности на окружающих было велико и благотворно.

А. Алексеев

БИБЛИОГРАФИЯ*

Хронологический список трудов Никиты Александровича Мещерского

1926

Полный алфавитный список имен святых с показанием дней памяти их и значением имен // Православный церковный календарь на 1926 год. [Б. м., б. г.]. С. 21—26; Издатель Д. Н. Алексеев.

Пасхальная таблица на 10 лет // Там же. С. 33.

1927

Екатей Абдерский и его отношение к иудеям // Язык и литература. Л. Т. 2, вып. 2. С. 44—53.

К переводу «Беседы разочарованного со своим духом» // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л. Т. 2, вып. 2. С. 365—372.

1928

Рец. на кн.: Никольский Н. Die Spuren der magischen Formeln in Psalmen. (Следы магических формул в псалмах). Гиссен, 1927 // Новый Восток. Кн. 22. С. 306—307.}

1929

Алфавитный указатель // Струве В. В. Московский математический папирус. Гейдельберг (на нем. яз.).

Рец. на кн.: Арт. Феличе [Л. Ямщикова]. Багровый хамсин: Роман из жизни древнего Египта. 2-е изд. М.; Л., 1928 // Звезда. № 8. С. 228—229.

Zur paläographischen Datierung der Achtungstexte. (К палеографической датировке текстов, содержащих проклятия) // Докл. АН СССР. Сер. «В», № 13. С. 253—257 (на нем. яз.).

1930

Из наблюдений над древнерусским переводом «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия // Докл. АН СССР. Сер. «В», № 2. С. 19—25.

Перевод сирийского текста 6-й книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (выполнено по поручению акад. В. М. Истрина) // Архив АН СССР. Ф. 332. Оп. 1. № 14.

1931

Тутанхамон // Энцикл. словарь / Гранат. 7-е изд. Т. 41, ч. 10. Стб. 251—252.

Шаба // Энцикл. словарь / Гранат. 7-е изд. Т. 49. Стб. 29—30.

Шампольон // Энцикл. словарь / Гранат. 7-е изд. Т. 49. Стб. 74—77.

1941

Михаил Ларионович Михайлов и его литературная командировка в Оренбургский край: (К 75-летию смерти поэта) // Степные огни. Лит.-худ. сборник. Оренбург. № 4. С. 152—181.

Оренбург во время Отечественной войны 1812 г. // Чкаловская коммуна. 7 дек. **

Оренбургский край в художественной прозе Т. Г. Шевченко: (К 80-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко) // Чкаловская коммуна. 11 марта.

* В настоящем томе мы помещаем списки работ д. ф. н. Н. А. Мещерского, старших научных сотрудников Отдела древнерусской литературы ИРЛИ д. ф. н. Р. П. Дмитриевой и к. ф. н. О. А. Белообровой.

** По не зависящим от нас обстоятельствам список газетных статей приводится далеко не полностью.

1944

Крылов-драматург // Бугурусланская правда. № 142. 23 нояб.

1945

- Грибоедовский вечер // Бугурусланская правда. № 12. 31 янв.
 Заочная сессия // Бугурусланская правда. № 79. 1 июля.
 Лучший, талантливейший поэт советской эпохи // Бугурусланская правда. № 43.
 13 апр.
 Театр. «Где-то в Москве» // Бугурусланская правда. № 16. 9 февр.
 Д. И. Фоявизин: (В связи с 200-летием со дня рождения) // Бугурусланская правда. № 42. 11 апр.

1946

- Древнерусский перевод еврейской книги «Есфирь»: Дис. . . . канд. филол. наук.
 Л. 200 с.
 Наш Горький // Бугурусланская правда. № 71—72. 18 июня.
 Наш земляк-писатель: (С. Т. Аксаков) // Бугурусланская правда. № 45—46.
 21 апр.
 Рец. на кн.: П р я н и ш н и к о в Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае // Чкаловская коммуна. 22 дек.

1948

- Запрещенное сочинение Пушкина. (Политические преследования за распространение списков оды «Вольность» в Оренбургской губернии) // Учен. зап. Бугурусл. учительск. ин-та. Вып. 1. С. 217—229.
 Эхнатон // Энцикл. словарь / Гранат. 7-е изд. Т. 54. Стб. 826—829.

1949

- Величие Пушкина // Бугурусланская правда. № 68. 5 июня.
 Путешествие А. С. Пушкина по Оренбургскому краю // Бугурусланская правда. № 66. 1 июня.
 Южнорусские диалекты на северо-западе Чкаловской области // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. языка АН СССР. М.; Л. Вып. 2. С. 80—88.

1950

- Непревзойденный мастер стиха и языка: (К 20-летию со дня смерти В. В. Маяковского) // Бугурусланская правда. № 48. 14 апр.
 Театр. «Свадьба с приданым» // Бугурусланская правда. № 141. 15 нояб.

1953

- «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ. Т. 7. С. 72—86.
 Рец. на кн.: Ч и к о б а в а А. С. Введение в языкознание. М., 1952. Ч. 1 // Русский язык в школе. № 4. С. 78—81.

1954

- Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 10. С. 120—135.

1955

- К вопросу о датировке Виленского хронографа // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 11. С. 380—386.
 О языке и стиле сочинений, написанных на конкурсном экзамене в Карело-Финский пединститут в 1954 г. // Сочинения на аттестат зрелости: В помощь преподавателю литературы. Петрозаводск. С. 23—34.

1956

- Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы // ВВ. Т. 11. С. 279—284.

Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // ВВ. Т. 9. С. 170—186.

К вопросу о переводной письменности Киевского периода // Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Т. 2, вып. 1. С. 198—219.

К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 3, вып. 1. С. 64—88.

К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. ЛГУ. № 198. Сер. Филол. наук. Вып. 24. С. 3—9.

Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет» // Палестинский сборник. Вып. 2—3 (64—65). С. 58—68.

1957

К вопросу об источниках «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 13. С. 57—65.

О календаре Остромирова евангелия: Доклад на юбилейной сессии в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина 17 мая 1957 г. Изложение // Вопросы языкознания. № 5. С. 155 и след.; То же: Труды ЛГПБ. Т. 5. С. 66 и след.

1958

Дружная семья: (Рассказ о студенческой группе) // Комсомолец. № 14. 1 февр. Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов: (на материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия) // Докл. на 4-м Международном съезде славистов. М. 42 с.

Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 15. С. 54—72.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе / Ред. В. В. Данилов и Р. П. Дмитриева. М.; Л. 578 с. (защитено как докторская диссертация 25 дек. 1958 г.).

Рец.: Гудзий Н. К. Новейшее издание и исследование выдающегося переводного памятника древней Руси // ИОЛЯ. Т. 17, вып. 6. С. 561—569.

Дуичев И. С. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 16. С. 415—423.

Иошикадзу Н. — Иккио Кенкю (Труды Хитоцубаши ун-та). Токио. 1960. Т. 6. С. 75—83 (на япон. яз.).

Alt b a u e r M. Kirjath sepher. Tell Aviv, 1960. Т. 35, № 2 (март). С. 203—236 (на яз. иврит).

Рорре А. Etudes dans la Russie médiévale X—XIII siècles, écriture et culture // Annales économiques, sociétés, civilisations. Paris, 1961. N 1. P. 28.

Полный список рецензий см. в кн.: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Ч. 1. Л. 1978. С. 39.

К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка: (по материалам переводных произведений Киевского периода) // ВВ. Т. 13. С. 246—261.

К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 14. С. 43—48.

В. В. Маяковский — мастер русского литературного языка советской эпохи // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 4. С. 105—124.

Научная работа студентов // Комсомолец. № 36. 25 марта.

Новгородские грамоты на бересте как памятник древнерусского литературного языка // Вестн. ЛГУ. № 2. С. 93—108.

Рец.: Виноградов В. В. Основные проблемы изучения и развития древнерусского литературного языка. М. С. 140.

1959

Рец. на кн.: Византинистическая работа в ГДР // ВВ. Т. 16. С. 262—270.

Изучение русского языка на уроках литературы в VIII—X классах // Методический сборник. № 2. Петрозаводск. С. 58—69.

Не коверкайте русский язык // Юные ленинцы. Петрозаводск. № 9. 1 февр.

О чем говорят эти примеры: (О сочинениях абитуриентов) // Ленинская правда. № 168. 19 июля.

Польское издание берестяных грамот // Вопросы языкознания. № 6. С. 144—147 (рец. на кн.: K u r a s z k i e w i c z W. Gramoty nowogrodskie na brzozowej korze. Warszawa, 1957).

1960

Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов: (на материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия) // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М. С. 61—86.

К вопросу о византийско-славянских литературных связях // ВВ. Т. 17. С. 57—69.

Рец.: Любарский Я. Н. Изучение византийской литературы // Вопросы литературы. 1964. № 7. С. 212—217.

К изучению языка и стиля произведений В. И. Ленина // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 10. С. 61—86.

Ленин — мастер русского литературного языка // На рубеже. № 2. С. 104—109.

Об образовании восточнославянских национальных языков: (ответ на вопрос № 2 4-го Международного съезда славистов: «Что унаследовал русский литературный язык XIII—XIV вв. от предшествующего периода?») // Вопросы языкознания. № 1. С. 62—64.

Четвертый международный съезд славистов в Москве: (заметки участника съезда) // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 9. С. 57—62.

А. П. Чехов в трудах В. И. Ленина // Ленинская правда. № 24. 29 янв.

Учить — чувствовать, мыслить, жить // Комсомолец. № 105. 3 сент.

1961

Великий поэт Украины // На рубеже. № 2. С. 113—117.

Из наблюдений над языком «Слова о погибели Руския земли» // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя (27 сент.—6 окт. 1961 г.). Л. С. 7—8.

К изучению синтаксиса древнерусских переводных произведений // Конференция по теории и практике художественного перевода (1—6 июня 1961 г.). Л. С. 11—13.

Ленинские требования к языку агитатора и пропагандиста // Уметь убеждать: Сборник материалов республиканской и петрозаводской городской методической конференции пропагандистов. Петрозаводск. С. 29—48.

Наши научные труды // Ленинская правда. № 272. 18 нояб.

Новгородские берестяные грамоты как источник для исторического изучения прибалтийско-финских языков // Тез. докл. всесоюзного совещания по вопросам финно-угорской филологии (26—30 июня 1961 г.). Петрозаводск. С. 99—101.

Пощечина самодержавию: (к 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко) // Ленинская правда. № 52. 2 марта.

Русско-карельские словарные записи XVII—начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание: к 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л. С. 16—32.

1962

Выступление на 4-м Международном съезде славистов // 4-й Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М. Ч. 2. С. 156.

Выступление по докладу Г. Бройера // 4-й Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М. Ч. 2. С. 261—262.

До джерел поезії Шевченка «Юродивий» // Радянське літературознавство. № 6. С. 129—130.

Заключительное слово по докладу // 4-й Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М. Ч. 1. С. 136—137.

Значение древнеславянских переводных памятников для реконструкции их греческих архетипов: Резюме доклада // 4-й Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М. Ч. 1. С. 105—106.

К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 12. С. 84—115.

Находки и документы Кумрана: (новые материалы к вопросу о происхождении раннего христианства) // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 12. С. 39—59.

О синтаксисе древнеславянских переводных произведений // Теория и практика перевода. Л. С. 83—103.

Следы памятников Кумрана в старославянской и в древнерусской письменности: (к истории текста славянской книги Еноха) // Всесоюзная конференция по славянской филологии. Л. С. 31—33.

Сохраним уникальные памятники старины // Ленинская правда. № 129. 3 июня (совм. с В. И. Машезерским, Л. А. Балагуровым, В. Я. Евсеевым и др.).

1963

Замечания к статье «Русско-карельские словарные записи XVII—начала XVIII века» // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы грамматики и лексикологии. М.; Л. С. 98—99.

Из наблюдений над языком «Слова о погибели Руския земли» // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 248. С. 407—416.

К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 13. С. 112—130.

К реконструкции текста «Слова о погибели Руския земли» // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 44—53.

О датировке новгородских берестяных грамот // Советская археология. № 4. С. 249—252.

О недочетах слога в сочинениях на аттестат зрелости: (на материале школ Карельской АССР за 1959—60 гг.) // Учебно-методический сборник Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск. Вып. 1. С. 116—143.

Русский язык как язык межнационального общения и сотрудничества народов СССР // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 13. С. 94—111 (совм. с В. С. Сухановой).

Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе: (к изучению славянских версий книги Еноха) // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 19. С. 130—147.

Существовал ли эпистолярный стиль в Древней Руси? // Вопросы теории и истории языка. Л. С. 212—217.

1964

Жреческий кодекс // Советская историческая энциклопедия. М. Т. 5. Стб. 561.

З архівних матеріалів // Радянське літературознавство. № 5. С. 131—132.

Иезекииль // Сов. истор. энциклопедия. Т. 5. Стб. 750—751.

Иеремия // Сов. истор. энциклопедия. Т. 5. Стб. 754.

К истории текста славянской книги Еноха: (Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе) // ВВ. Т. 24. С. 91—108.

Борис Александрович Ларин // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 151—152.

Б. А. Ларин (некролог) // Русский язык в школе. № 3. С. 112.

Б. А. Ларин (некролог) // РЛ. № 2. С. 219—220.

Новгородские грамоты на бересте как источник исторического изучения прибалтийско-финских языков // Вопросы финно-угорского языковедения: Грамматика и лексикология. М.; Л. С. 193—204.

Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 20. С. 180—231.

Сокровища русского языка // Ленинградский университет. № 61. 24 нояб.

Рец. на кн.: Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.; Л., 1963 // НДВШ. Филол. науки. № 4. С. 199—200.

Т. Г. Шевченко и русский язык // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 117—126.

Тарас Шевченко и Эдвард Желиговский // На рубеже. № 2. С. 106—109.

Юбилей М. А. Соколовой // Ленинградский университет. № 19. 24 марта.

1965

Вопросы славянского этно- и глоттогенеза в трудах советских языковедов за последние годы // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 105—115 (совм. с А. С. Гердом).

Г о р б а ч е в и ч К. С. Язык — памятник культуры. Л. 35 с. (Общ-во «Знание» РСФСР, Ленингр. отделение) (общее научное редактирование).

И в а н о в а Т. А. Старославянский язык: Метод. пособие. Ч. 1. Фонетика. Л. 53 с. (ЛГУ. В помощь студентам вечерних и заочных вузов) (научное редактирование).

Исайя // Сов. истор. энциклопедия. Т. 6. Стб. 323.

Иудейская война // Сов. истор. энциклопедия. Т. 6. Стб. 702—704.

К вопросу об источниках славянской книги Еноха // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. М.; Л. Вып. 86. С. 72—78.

К вопросу о ранних славяно-византийских связях // Седьмая Всесоюзная конференция византиноведов в Тбилиси (13—18 декабря 1965 г.). Тез. докл. Тбилиси. С. 107—109.

Рец. на кн.: К о в т у н Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. Л., 1963 // ИОЛЯ. Т. 23, № 5. С. 447—450.

В. В. Струве (некролог) // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 167—168 (совм. с Н. С. Петровским).

1966

Исследования венгерских ученых по славянским языкам и литературам // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 172—176 (совм. с М. А. Соколовой).

К вопросу о периодизации истории русского литературного языка // Программа и тезисы докладов к 8-й научно-методической конференции сев.-зап. зонального объединения кафедр русского языка пед. ин-тов. Л. С. 7—9.

Об отражении иноязычных элементов лексики и фразеологии в словаре языка писателя // Тез. докл. междувузовск. симпозиума «Составители „Словаря М. Горького“». Киев. С. 52—54.

1967

Рец. на кн.: Б е г у н о в Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слова о погибели Руския земли». М.; Л., 1965 // Slavica. Roč. 36, N 4. С. 670—674.

К вопросу о связи истории языка с историей общества // Программа и тезисы докладов 9-й научно-метод. конф. сев.-зап. объединения кафедр русского языка пед. ин-тов. Ч. 1. Л. С. 16—17.

К датировке «Похвалы Ивану Калите» // Вестн. Ленингр. ун-та. № 2. С. 137—139.

К разграничению понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы» // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 17. С. 3—15.

Новые работы по лингвистическому источниковедению // ИОЛЯ. Т. 26, вып. 5. С. 488—491.

О некоторых закономерностях развития русского литературного языка в советский период // Развитие русского языка после Великой Октябрьской соц. революции. Л. С. 5—30.

О языке «Слова о Законе и благодати» // Типалогія і гісторія славянскіх моў і ўзаемазвязі славянскіх літаратур (тез. дакл. і паведамленію). Минск. С. 96—97.

Развитие русского языка в советский период. Л. 32 с.

Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л. 176 с. (общее научное редактирование).

У с п е н с к и й Л. В. Имя дома твоего. Л. 303 с. (общее научное редактирование).

1968

К вопросу о связи между историей языка и историей общества // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 22. С. 3—13.

К филологической интерпретации новгородских берестяных грамот // Программа и краткое содержание докладов 10-й научно-методической конф. сев.-зап. зонального объединения кафедр русского языка пед. ин-тов. Л. Ч. 2. С. 61—62.

Новая работа по индоевропейскому словообразованию [Рец. на кн.: Откупщикова Ю. В. История индоевропейского словообразования. Л., 1967] // НДВШ. Филол. науки. № 4. С. 83—85.

Связь истории языка с историей общества // Методологические вопросы общественных наук. Л. С. 235—262 (совм. с А. С. Гердом и В. В. Колесовым).

75 лет со дня рождения Б. А. Ларина. (1893—1968) // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 150—151.

1969

Вопросы теории и истории языка. II. Л. (научное редактирование; редакционное предисловие — с. 3; список принятых сокращений — с. 350—362).

К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М. С. 93—103.

К филологической интерпретации новгородских берестяных грамот // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 366. Гуманитарные науки. Петрозаводск. С. 85—93.

Об отражении разговорной речи в древнерусских письменных памятниках XI—XVI вв. // Юбилейная научно-метод. конф. сев.-зап. зонального объединения кафедр русского языка. Л. С. 173—175.

Памяти Бориса Александровича Ларина // Вопросы теории и истории языка. II. Л. С. 5—12.

Русское и славянское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете // Вестн. Ленингр. ун-та. № 2. С. 81—91 (совм. с П. А. Дмитриевым).

Мария Александровна Соколова: (К 75-летию со дня рождения) // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 151.

1970

Верность традиции. (Вести с кафедр) // Ленинградский университет. № 95. 18 дек. В. В. Виноградов на кафедре русского языка Петроградского—Ленинградского университета // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 120—130.

К типологии использования литературных образов и цитат в произведениях В. И. Ленина // Русский язык в школе. № 2. С. 217—222.

К филологическому изучению новгородских берестяных грамот // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 125—131.

В. И. Ленин — выдающийся мастер русского языка: (методическое пособие в помощь лектору). Л. 16 с.

В. И. Ленин и русский язык // 12-я научно-метод. конф. сев.-зап. объединения кафедр русского языка: Программа и содержание докладов. Л. С. 12—14.

В. И. Ленин и русский язык // Вестн. Ленингр. ун-та. № 2. С. 130—141.

Лингвистическая лениниана в юбилейном году // Русский язык в школе. № 6. С. 98—106.

Необходим полный историко-грамматический комментарий к тексту «Слова о полку Игореве» // По новым программам. Петрозаводск. С. 304—314.

Подготовка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина на филологическом факультете ЛГУ // Русский язык в школе. № 2. С. 122.

Работа Ленинградского университета по русской и региональной лексикографии // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Мат. Межвузовской науч. конф. Череповец. С. 3—7.

Севернорусские говоры. Вып. 1. Л. (редакционное предисловие — с. 3—4).

Чествование памяти академика В. В. Виноградова в Ленинградском университете (хроникальная заметка) // Вопросы языкознания. № 4. С. 158—159.

1971

Иосиф Флавий. «Иудейская война» (II, 8, 2—14); согласно древнеславянской версии «Иосипа Евреина о полонении Иерусалима. Слово второе». Пер. и примеч. // Тексты Кумрана. Вып. 1. М. С. 359—368.

К изучению языка ранней московской письменности // Поэтика и стилистика русской литературы: (В память академика В. В. Виноградова). Л. С. 334—337.

К интерпретации чтения «с три кусы» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории феодальной России: (Сб. статей в честь В. В. Мавродина). Л. С. 93—97.

Научная сессия, посвященная памяти академика А. А. Шахматова: (К 50-летию со дня его смерти) // НДВШ. Филол. науки. № 2. С. 120—123.

Новаторство: подлинное и мнимое // Ленинградский университет. № 88. 2 нояб.

Русское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете. Л. 169 с. (научное редактирование коллективной монографии, предисл., авторство глав 1, 2, 9, 10, 11 — с. 5—31, 138—168).

Традиционно-книжные выражения в языке произведений В. И. Ленина // Программа и краткое содержание докладов на 13-й научно-метод. конф. сев.-зап. объединения кафедр русского языка (27—29 янв. 1971 г.). Л. С. 111—113.

Традиционно-книжные выражения в языке произведений В. И. Ленина // Русская речь. № 3. С. 39—45.

1972

Геродот. История в 9-ти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского; Под общей ред. С. Л. Утченко; Ред. перевода Н. А. Мещерский. Л. 600 с.

Живой как жизнь // Ленинградская правда. № 136. 11 июня.

К вопросу об источниках «Изборника 1076 г.» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 27. С. 134—139.

К изучению языка «Изборника 1076 г.» // Русская историческая лексикология и лексикография. Л. С. 3—12.

Научная конференция филологов, посвященная 50-летию образования СССР // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 134—139.

Научные традиции филологического факультета // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 122—125 (совм. с С. А. Авериной, Л. Р. Зиндером и др.).

Об изучении языка и стиля произведений В. И. Ленина // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 467. Петрозаводск. С. 3—27.

Очирова Н. У. Сопоставительная характеристика имен существительных в русском и калмыцком языках. Элиста. 64 с. (общее научное редактирование).

Пути развития и совершенствования филологических знаний // Ленинградский университет. № 85. 17 нояб.

Русская диалектология. М. 302 с. (общее научное редактирование, ред. предисл. — с. 3—4; Введение — с. 5—7; гл. II «Диалектное членение русского языка» — с. 33—38).

Рец. на кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971 // ИОЛЯ. Т. 21, вып. 4. С. 378—382.

Языковое строительство в СССР // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 97—105.

1973

К вопросу о культурно-исторической общности литературно-письменных языков // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 103—110.

Николеева В. В. Берегитесь родной язык. Л. (научное редактирование). Новое исследование кирилло-мефодиевской проблемы // Советское славяноведение. № 2. С. 100—103 (совм. с А. А. Алексеевым).

Памятники ветхозаветной письменности в древнем славяно-русском рукописном наследии // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М. Вып. 1. С. 332—355.

1974

Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Л. 164 с. (научное редактирование).

Издание и исследование ценного памятника древнеболгарской литературы (Козьма Превзвитель) // Советское славяноведение. № 4. С. 98—99.

Именное склонение в славянских языках XI—XIV вв.: Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности / А. С. Герд, Л. В. Капорулина, В. В. Колесов, М. П. Рускова, О. А. Черепанова; Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л. 236 с.

К вопросу о составе и источниках Академического хронографа // Летописи и хроники. М. С. 212—220.

Основы исследования (О книге В. В. Колесова «История русского ударения») // Ленинградский университет. № 12. 13 февр. (совм. с Г. П. Макогоненко).

Пушкин — основоположник современного русского литературного языка // Вестн. [Ленингр. ун-та. № 14. С. 118—127.

Семейное предание // Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л. С. 38—44.

Рец. на кн.: Словарь названий пресноводных рыб на языках народов СССР и европейских стран / Сост. Г. У. Линдберг и А. С. Герд. М., 1973 // НДВШ. Филол. науки. № 1. С. 212—215.

1975

Александр Афанасьевич Потехня // *Dissertationes slavicae*. Szeged. Т. 9—10. С. 85—114.

Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 132—140.]

Рец. на кн.: Живое слово в русской речи Прикамья. Вып. 1—3. Пермь, 1969, 1971, 1972 // Севернорусские говоры. Л. Вып. 2. С. 193—199.

К грамматической и стилистической интерпретации выражения «душа спасать» // Севернорусские говоры. Л. Вып. 2. С. 177—180.

К изучению источников «Изборника 1076 г.» в связи с проблемой установления места древнеславянского перевода // Исследование языка художественной литературы. Куйбышев. С. 152—155.

Л а р и н Б. А. Лекции по истории русского литературного языка: (X—середина XVIII в.). М. 327 с. (общее научное редактирование, подгот. текста разделов: «Проповедническая литература» — с. 108—131; «Сочинения Владимира Мономаха» — с. 131—145; составление примеч. и библиографии).

Рец. на кн.: Л а р и н Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974 // Вопросы языкознания. № 4. С. 117—119.

Лексические и грамматические критерии разграничения памятников древнеславянского языка русского извода и древнерусского литературного языка (книжнославянского типа). Тез. докл. // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 1. Славянская историческая лексикология (книжная и народная лексика в истории славянских литературных языков). М. С. 34—36.

Н и к о л а е в а В. В. Наш язык — наша культура. Л. (научное редактирование).

Очерки по лексике севернорусских говоров / Редакция: Н. А. Мещерский и др. Вологда. 216 с. (с картами).

Севернорусские говоры. Вып. 2. Л. (редакционное предисл. в сборнике статей — с. 3—6).

Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1. Приложение / Сост. А. В. Федоров, О. И. Фоякова; Отв. ред. Н. А. Мещерский, А. В. Федоров. Л. 104 с.

Традиционно-книжные выражения в современном русском литературном языке: (на материале произведений В. И. Ленина) // Труды Самаркандского гос. ун-та. Вып. 288. С. 110—121.

1976

Апокрифы в древней славяно-русской письменности: (ветхозаветные апокрифы) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М. Вып. 2, ч. 1. С. 181—210.

Рец. на кн.: Д м и т р и е в П. А., С а ф р о н о в Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975 // НДВШ. Филол. науки. № 5. С. 102—104.

Из наблюдений над текстом «Слова о полку Игореве» // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 82—87.

К изучению языка «Слова о Законе и благодати» // ТОДРЛ. Л. Т. 30. С. 231—237.

О взаимодействии языков на уровне синтаксиса // Вопросы грамматики и словообразования народных говоров. Петрозаводск. Вып. 1. С. 12—20.

О некоторых источниках «Изборника 1076 г.» в связи с вопросом о происхождении их переводов // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М. С. 34—38.

1977

Взаимоотношения «Изборника 1073 г.» с «Изборником 1076 г.» // Изборник Свято-слава 1073 г. М. С. 90—99.

Рец. на кн.: Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976 // ИОЛЯ. Т. 36, вып. 6. С. 551—554.

Именное склонение в славянских языках XV—XVI вв.: Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности / А. С. Герд, Л. В. Капорулина, В. В. Колесов, М. П. Рускова, О. А. Черепанова; Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л. (общее научное редактирование — 223 с.).

История русского литературного языка как научная дисциплина и как учебный предмет // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 87—96.

К вопросу об обогащении словарного состава русского литературного языка диалектными (областными) словами // Литературный язык и народная речь. Пермь. Вып. 1. С. 9—20.

Критические заметки по русской исторической лексикологии // Русская историческая лексикология и лексикография. Л. Вып. 2. С. 42—50.

К толкованию лексемы одного из «темных мест» «Поучения Владимира Мономаха» // Русская историческая лексикология и лексикография. Л. Вып. 2. С. 39—42.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). Учебное пособие для студентов пединститутов / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М. 224 с. (общее составление; коммент. — с. 209—214).

О происхождении фразеологизма «труса праздновать» («труса праздновать») // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск. С. 76—79.

1978

Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. (Пособие). Л. 112 с.

Рец.: Volk A. H. A. Мещерский. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л. // Slavia orientalis. Warszawa, 1981. Roč. 30, N 1. С. 98—100.

Гранстрем Е. Э. Греческая средневековая письменность и Древняя Русь: (Заметки по поводу некоторых книг последних лет) // ВВ. Т. 42. С. 207—210.

Научные школы русского языкознания в Ленинградском университете // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 79—83.

Новое издание и исследование древнеславянского юридического памятника [Рец. на кн.: Законик Цара Душана. . . Београд, 1975] // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 148—149.

Новое об источниках «Изборника 1076 г.» // Вестн. Ленингр. ун-та. № 2. С. 60—69.

Об эпитафии поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» // НДВШ. Филол. науки. № 5. С. 103—106.

Текст древнерусского перевода книги «Есфирь» // Dissertationes slavicae. Szeged. Т. 13. С. 131—164.

1979

Египетские имена в славяно-русских месяцесловах // Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М. С. 117—128.

К вопросу об источниках начальной части Первой Псковской летописи // Псковские говоры. Л. С. 23—27.

Конференция, посвященная юбилею ленинского труда // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 132—133.

XVI Ларинские чтения // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 121—123.

Лингвистика // Советское источниковедение Киевской Руси. Л. С. 139—157 (совм. с А. С. Гердом).

Об источнике устойчивого сравнения «как небо от земли» // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск. С. 83—84.

О написаниях типа «връхъ» в Успенском сборнике XII—XIII вв. // Звуковой строй языка. М. С. 213—218.

О новых работах пермских диалектологов // Севернорусские говоры. Л. Вып. 3. С. 214—219.

Севернорусские говоры. Л. Вып. 3 (от редакционной коллегии — с. 3—4; совм. с А. С. Гердом).

Славяноведение в дореволюционной России. Библиологический словарь. М. Истрин В. М. (с. 168—169), Порфирьев И. Я. (с. 280—281), Потебня А. А. (с. 281—283), Сергиевский И. П. (Амфилохий) (с. 302—303), Тихонравов Н. С. (с. 330—331).

Следы хроники Юлия Африкана в древнеславянских переводных хрониках XI—XV вв. // Всесоюзная конф. по древнему Востоку памяти академика В. В. Струве. М. С. 60—61.

1980

Народно-разговорная и книжная фразеология в языке произведений В. И. Ленина // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 83—89.

Народно-разговорная и книжная фразеология в языке произведений В. И. Ленина // Проблемы филологических исследований. Л. С. 33—34.

Научно-методическая конференция, посвященная 110-летию со дня рождения В. И. Ленина // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 121—122.

«Поучение Владимира Мономаха» и «Изборник 1076 г.» // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 104—106.

И. И. Срезневский — учитель русских революционеров-демократов // Вестн. Ленингр. ун-та. № 2. С. 61—67.

1981

История русского литературного языка. Л. 279 с.

Рец.: Судаков Г. В. Н. А. Мещерский. История русского литературного языка. Л., 1981 // НДВШ. Филол. науки. № 4. С. 93—94.

XVIII Ларинские чтения // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. С. 127—128.

О лингвистическом разграничении памятников древнеславянского языка русского извода и древнерусского литературного языка XI—XIV веков: (к постановке проблемы) // Проблемы развития языка. Саратов. С. 3—11.

1982

«Истина сильнее царя...»: (Из наблюдений над языком эпистолярной прозы А. С. Пушкина) // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 46—49.

История русского литературного языка: (Программа курса, метод. указания, аннотированные тексты. Для студентов филологического факультета) / Сост. Н. А. Мещерский, Л. В. Осипкина. Л. 36 с.

Рец. на кн.: Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX в. / Сост. С. В. Смирнов, П. А. Дмитриев; Отв. ред. П. А. Дмитриев. Л., 1980 // НДВШ. Филол. науки. № 1. С. 85—86.

Серьезный научный труд по лингвистическому источниковедению и истории русского языка. [Рец. на кн.: Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980] // Вестн. Ленингр. ун-та. № 2. С. 122—123 (совм. с Л. В. Осипкиной).

Рец. на кн.: Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны / Сост. Г. У. Линдберг, А. С. Герд, Т. С. Расс. Л., 1980 // НДВШ. Филол. науки. № 4. С. 91—92.

1983

Рец. на кн.: Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982 // НДВШ. Филол. науки. № 6. С. 85—86 (совм. с К. А. Роговой).

Рец. на кн.: Дмитриев П. А., Мокриенко В. М. Классики марксизма-ленинизма и славянская филология. Л., 1982 // НДВШ. Филол. науки. № 3. С. 89—90.

За прабългарския принос в общославянския език // България 1300: Статии и изследвания на ленинградските българисти. София. С. 191—205.

Из наблюдений над текстом «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л. Т. 37. С. 409—410.

Русский язык как язык международного сотрудничества и общения народов СССР в художественном творчестве // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. С. 62—67.

1984

Рец. на кн.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1981 // История СССР. № 2. С. 183—184 (совм. с Ф. М. Селивановым).

Рец. на кн.: Горбачевич К. С. Русский язык: Прошлое. Настоящее. Будущее. Книга для внеклассного чтения (VIII—X классы). М., 1984 // Русский язык в школе. № 5. С. 99—100.

Рец. на кн.: Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983 // Русский язык в школе. № 2. С. 113—114.

Заметки к восточной лексике в «Слове о полку Игореве» // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. С. 67—73 (совм. с А. А. Бурькиным).

Иванова Т. А. Словоуказатель к Синайскому патерику. Л. (отв. ред.).

Об отражении в русском героическом эпосе исторического прошлого и жизни народа // РЛ. № 2. С. 116—123.

О новых работах пермских диалектологов // Севернорусские говоры. Л. Вып. 4. С. 180—190.

1985

Заметки к восточной лексике «Слова о полку Игореве» // Вестн. Ленингр. ун-та. № 2. С. 50—53 (совм. с А. А. Бурькиным).

К датировке заключительного зачала Евангелия от Марка // Палестинский сборник. Л. Вып. 28 (91). С. 110—111.

Рец. на кн.: Г о р ш к о в А. И. Теория и история русского литературного языка. Учебное пособие // Русский язык в школе. № 4. С. 117—118.

Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л. 496 с. (Биб-ка поэта. Больш. сер.) (Подгот. текста, пер. на совр. рус. яз., коммент.) (совм. с А. А. Бурькиным).

1986

Измаил Иванович Срезневский — основатель исторического изучения славянских языков // Русский язык в школе. 1986. № 5. С. 93—97.

О художественно-изобразительных языковых средствах гимнографии Киевской Руси // Литературный язык Древней Руси. Л. С. 86—92.

Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л. С. 91—105 (совм. с А. А. Бурькиным).

Фольклор Русского Устья. Предисл. и отв. ред. Л. (совм. с С. Н. Азбелевым).

Рец. на кн.: Путеводитель по «Слову о полку Игореве» // ВЛ. № 12. С. 216—222 (совм. с А. А. Бурькиным).

Рец. на кн.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1986 // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 129—132.

1987

Продолжатели дела отца (В. И. Срезневский и О. И. Срезневская) // Русская речь. 1987. № 3. С. 92—100.

«Жемчужна душа» в «Слове о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л. С. 144—146 (совм. с Е. Н. Мещерской).

1988

Семантика корнеслова «глум-» в памятниках древней славянорусской письменности // Русская историческая лексикология и лексикография / Отв. ред. О. А. Черепанова. Л. С. 17—23.

Рец. на кн.: Ф р а н ч у к В. Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986 // Вопросы языкознания. № 1. С. 171—174.

Труды, находящиеся в печати

Авторская речь и читательский узус в древнерусском тексте // Литературный язык и народная речь / Отв. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь.

Системность употребления модальных и временных форм глагола в «Слове о полку Игореве» // Русский глагол в сопоставительном освещении / Отв. ред. С. П. Лопушанская. Волгоград (совм. с А. А. Бурькиным).

Происхождение некоторых распространенных этнических апеллятивов в русской разговорной речи // Севернорусские говоры / Отв. ред. А. С. Герд. Ленинград. Вып. 5.

Рец. на кн.: Кирилло-методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1 // Советское славяноведение.

Неопубликованные труды

Древнерусский перевод еврейской книги «Есфирь» и проблема переводов с еврейского в древнерусской письменности киевского периода. Кандидатская диссертация, 1946 г. 25 а. л. Находится у наследников.

Изучение древних славянорусских литургических рукописей. Спецкурс 1977—1983 гг. 25 а. л. Находится у наследников.

Рукописное наследие Н. А. Мещерского находится в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства, фонд № 3939: 1) рукописи книг, статей, докладов (литературные и культурные связи Древней Руси, древнерусская переводная письменность; история древнерусского литературного языка; история современного русского литературного языка; творчество поэтов и писателей; история языкознания; методика преподавания русского языка; научно-популярные лекции и мемуары; рукописи рецензий); 2) переписка; 3) материалы служебной деятельности; 4) материалы к биографии Н. А. Мещерского; 5) материалы, отложившиеся в фонде.

Хронологический список трудов Руфины Петровны Дмитриевой

1953

К вопросу об официальных политических идеях Русского централизованного государства («Сказание о князьях владимирских»): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л. 15 с. (под фамилией Р. П. Питолина).

1955

Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 11. С. 491—499.
Сказание о князьях владимирских. М.; Л. 215 с.

1957

О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 13. С. 440—445.

1958

К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа» в литературном развитии XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 14. С. 278—283.
Ред.: Мещерский, Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л. 576 с. (совм. с В. В. Даниловым).

1961

К истории создания «Сказания о князьях владимирских» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 17. С. 342—347.

1962

Библиография русского летописания. М.; Л. 353 с. (в приложении: Библиография избранных иностранных работ / Сост. Ю. К. Бегунов).

1963

Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 19. С. 303—317.

1964

Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 20. С. 139—179 (совм. с Н. С. Демковой и М. А. Салминой).

Повести о споре жизни и смерти. М.; Л. 212 с.

1966

Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л. С. 199—263.

Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // Там же. С. 264—291.

Тексты «Задонщины» (подгот. к печати) // Там же. С. 535—556.

1967

По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // РЛ. № 1. С. 105—121 (совм. с Л. Дмитриевым и О. Твороговым).

1968

Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР 1966 г. // ТОДРЛ. Л. Т. 23. С. 328—329.

Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // Там же. С. 143—170.

1969

Повесть о Петре и Февронии Муромских. Подгот. текста и примеч. // Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М. С. 454—463, 757.

Повесть о Тверском Отроче монастыре. Подгот. текста и примеч. // Там же. С. 675—683, 791.

Повесть об Ульянии Осоргиной. Подгот. текста и примеч. // Там же. С. 542—549, 771—772.

Спор жизни со смертью. Подгот. текста и примеч. // Там же. С. 464—466, 757—758.

Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРЛ. Л. Т. 24. С. 210—213.

Сказание о князьях владимирских // Сов. ист. энциклопедия. Т. 12. С. 940.

1970

Изучение русских рукописных четых сборников XV—XVI вв. // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л. С. 85—95.

1971

Монографические исследования-издания памятников древнерусской литературы // Археографический ежегодник за 1971 год. М. С. 29—35.

«Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л. Т. 26. С. 155—176.

1972

Особая редакция Повести о Петре и Февронии // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л. С. 192—209.

1973

Четы сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л. Т. 27. С. 150—180.

1974

Волоколамские четые сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л. Т. 28. С. 202—230.

Повесть о Петре и Февронии и современные записи фольклорных рассказов // РЛ. № 4. С. 90—99.

1976

Две редакции XVI в. Повести о рязанском епископе Василии // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М. С. 136—142.

Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины»: (В связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве») // РЛ. № 2. С. 87—91.

О структуре Повести о Петре и Февронии // ТОДРЛ. Л. Т. 31. С. 247—270.

О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л. Т. 30. С. 217—230.

1977

Повесть о рязанском епископе Василии: (История текста первоначальной редакции) // ТОДРЛ. Л. Т. 32. С. 40—55.

1979

Был ли Софоний рязанец автором Задонщины? // ТОДРЛ. Л. Т. 34. С. 18—25. Повесть о Петре и Февронии. Л. 338 с.
 Ред.: Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазушина. Л. 225 с. (совм. с А. М. Папченко).

1980

Ред.: ТОДРЛ. Л. Т. 35. 452 с. (совм. с Д. С. Лихачевым и М. А. Салминой). Повесть о Петре и Февронии Ермолая—Еразма. (Параграф в главе пятой) // История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л. С. 266—271.

1981

Повесть о Петре и Февронии: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Л. 34 с.

1982

Об авторе Задонщины // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л. С. 360—368.
 «Слово о сотворении жития начальник соловецких Зосимы и Савватия» Досифея // Русская и армянская средневековые литературы. Л. С. 123—136.

1984

Повесть о Петре, царевиче ордынском. Подгот. текста и коммент. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века. М. С. 20—37, 667—671.

Сказание о князьях владимирских. Подгот. текста и коммент. // Там же. С. 422—435, 725—731.

Сочинения Ермолая—Еразма. 1. Повесть о Петре и Февронии Муромских; 2. Повесть о рязанском епископе Василии; 3. Правительница. Подгот. текста и коммент. // Там же. С. 626—663, 763—768.

1985

Василий (в иноках Варлаам); Вассиан Возмицкий; Герасим Замытский; Герасим Черный; Досифей, игумен Соловецкого монастыря; Иосиф, инок Герасимо-Болдинского монастыря; Маркелл, игумен Хутынский; Феодосий, инок Успенского Желтикова монастыря; Фотий, монах Волоколамского монастыря. (В разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Писатели и книжники XI—XVII вв.) // ТОДРЛ. Л. Т. 40. С. 52—55, 56—57, 61—63, 74—76, 110—111, 131—132, 171—172, 179—180.

Досифей Топорков; Игнатий Зайцев; Капустин Степан; Марк Левкеинский. (В разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Летописцы и историки XI—XVII вв.) // ТОДРЛ. Л. Т. 39. С. 33—35, 43, 45, 83.

Игнатия Ростовского житие (совм. с Г. В. Семенченко); Константина Муромского и его сыновей Михаила и Федора житие. (В разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Оригинальные и переводные жития Древней Руси) // ТОДРЛ. Л. Т. 39. С. 198—199, 209—211.

Повесть о Петре и Февронии в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. Л. Т. 38. С. 138—178 (совм. с О. А. Белобровой).

Повесть о споре жизни и смерти. Подгот. текста и коммент. // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М. С. 48—53, 577—578.

1986

Значение Жития Зосимы и Савватия Соловецких как историко-культурного источника // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван. С. 215—228.

1987

Житие Игнатия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 150—151 (совм. с Г. В. Семенченко).

1988

К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога // Исследования по древней и новой литературе. Л. С. 64—68.

Житие новгородского архиепископа Серапиона как публицистическое произведение XVI в. // ТОДРЛ. Л. Т. 41. С. 364—374.

Сказание о князьях владимирских. (В разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // ТОДРЛ. Л. Т. 41. С. 131—132.

Труды, находящиеся в печати

Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л.

Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века // Там же.

Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 года (подгот. к печати) // Там же.

Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 годов (подгот. к печати) // Там же.

Отражение в творчестве Ермолая—Еразма его псковских связей // ТОДРЛ. Л. Т. 42.

Повесть о Марфе и Марии. Подгот. текста и коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М.

Хронологический список трудов Ольги Андреевны Белобровой

1958

- + К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 15. С. 301—309.
Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому // Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Загорск. Вып. 2. С. 12—18. 4 ил.

1960

- К истории стенной живописи Успенского собора Троице-Сергиева монастыря // Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Загорск. Вып. 3. С. 65—84.
— Портретные изображения Дионисия Зобниновского // Там же. С. 175—180.
— Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии // ВВ. Т. 17. С. 114—123.

1961

- Автограф Дионисия Зобниновского // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 17. С. 388—390.
Ред.: Т р о ф и м о в И. В. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры: Исследования и реставрация. М. 246 с.

1962

- Сказание «О Кипрском острове» — неизвестный литературный памятник XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 18. С. 311—325.

1965

- Кипр в древнерусской литературе // РЛ. № 3. С. 163—171.
«Повесть душеполезна» Никодима типикариса соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 21. С. 200—210.
Сказание о богатом купце // Там же. С. 259—265.

1966

- + О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 22. С. 91—100.

1967

- Кипрский цикл в древнерусской литературе: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л. 14 с.

1968

- Живопись XIV века // Троице-Сергиева лавра: Художественные памятники. М. С. 73—76.
Живопись XVI—XVII веков // Там же. С. 94—107.
Троице-Сергиевские рукописи XVI—XVII вв. в Пушкинском Доме // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 23. С. 312—318.

1969

Изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского в древнерусском рукописном сборнике Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л. Т. 24. С. 384—386.

Письмо Елифания Премудрого к Кириллу Тверскому. Подгот. текста, пер. и примеч. // Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М. С. 398—403, 750—751 (Виб-ка всемирной литературы. Серия первая. Т. 15).

Ред.: ТОДРЛ. Л. Т. 24 (Литература и общественная мысль Древней Руси. К 80-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц). 415 с. (совм. с др.).

Подбор иллюстраций // Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М. 799 с.

1970

К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия // ТОДРЛ. Л. Т. 25. С. 150—161.

Параграф об апокрифических памятниках // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л. С. 145—154.

Повесть о королевиче кипрском Велиаме // ТОДРЛ. Л. Т. 25. С. 259—267.

1971

Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря // ТОДРЛ. Л. Т. 26. С. 302—311.

1972

Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л. 111 с.

Лицевые рукописи // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л. С. 307—322.

Настенные листы // Там же. С. 322—330.

Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // ТОДРЛ. Л. Т. 27. С. 257—272.

1973

К иконографии Максима Грека // ВВ. Т. 34. С. 244—248.

Ред.: Текстология славянских литератур. Докл. конф. (Ленинград, 25—30 мая 1971 г.). Л. 240 с. (совм. с др.).

1974

К биографии «государева иконника» Федора Евтихьева Зубова // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М. Сб. 2. С. 168—174.

«Книга Паломник» Антония Новгородского: (к изучению текста) // ТОДРЛ. Л. Т. 29. С. 178—185.

Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. Л. Т. 29. С. 326—330.

1975

Миф о девяти музах в средневековых традициях // Кратк. тез. науч. конф. «Культура и искусство Византии» (6—10 октября 1975 г.). Л. С. 8—9.

Ред.: Древнерусская книжность. Резюме докл. на конф. молодых специалистов (Июнь 1975 г.). Л. 45 с. (совм. с др.).

1976

Изображение писателя XVI века в житии Евфросинии Суздальской // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1975. М. С. 259—261.

К изучению «Книги избраной вкратце о девятих мусах и седмих свободных художествах» Николая Спафария // ТОДРЛ. Л. Т. 30. С. 307—317.

Челобитная иконников Крестного Онежского монастыря патриарху Никону // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М. С. 400—405.

1977

Аллегории наук в лицевых списках «Книги избранной вкратце. . .» Николая Спафария // ТОДРЛ. Л. Т. 32. С. 107—120.

О «Книге Паломник» Антония Новгородского // Византийские очерки. Труды советских ученых к XV международному конгрессу византистов. М. С. 225—235.

1978

Лицевые рукописи, поступившие в Древлехранилище в 1965—1974 гг. // Древлехранилище Пушкинского Дома (Литература 1965—1974 гг.). Л. С. 98—106.

Н и к о л а й С п а ф а р и й. Эстетические трактаты. Подгот. текстов и вступ. ст. «Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария». Л. 160 с.

О прижизненных сборниках сочинений и переводов Николая Спафария // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л. С. 129—137.

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI—начало XII века. М. 413 с. 28 ил.

1979

География в виде колоды карт: (Из переводческой деятельности в Москве Николая Спафария) // ТОДРЛ. Л. Т. 33. С. 108—126.

К истории библиотеки патриарха Адриана // Там же. С. 406—414.

О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л. С. 167—173.

О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского // ТОДРЛ. Л. Т. 34. С. 243—246.

Ред.: ТОДРЛ. Л. Т. 34 («Куликовская битва и подъем национального самосознания»). Л. 414 с. (совм. с др.).

1980

О греческой теме в русском искусстве первой трети XIX века // Балканские исследования. «Культура народов Балкан в новое время». М. Вып. 6. С. 140—161. 16 ил.

Об источниках «Арифмологии» Николая Спафария // РЛ. № 2. С. 131—134.

Художественные особенности древнерусской живописи // Чтения по древнерусской литературе. Ереван. С. 149—159. 10 ил.

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М. 704 с. 29 ил.

Подбор иллюстраций // История русской литературы X—XVII веков. Учебное пособие. М. 462 с. 58 ил.

1981

Об автографах Николая Спафария // ТОДРЛ. Л. Т. 36. С. 258—265.

Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому. Подгот. текста, пер. и коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М. С. 444—447, 581—582.

Физиолог. Подгот. текста, пер. и коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М. С. 474—485, 613—614.

Рец. на кн.: В а г н е р Г. К. Жанры в искусстве Древней Руси. М., 1975 // ВВ. Т. 42. С. 210—212.

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М. 616 с. 27 ил.

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М. 606 с. 31 ил.

1982

Богдан Салтанов и Николай Спафарий // Русская и армянская средневековые литературы. Л. С. 358—374. 4 ил.

Географические сочинения в России XVII в. // Барокко в славянских культурах. Славянское барокко. М. С. 316—325.

Из литературной истории некоторых сочинений Николая Спафария // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск. С. 73—78.

Мотив «римские кесари» — правители Византии — в древнерусской литературе последней трети XVII века // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVI международному конгрессу византистов. М. С. 234—246.

Ред.: Русская и армянская средневековые литературы. Л. 443 с. (совм. с др.).

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М. 688 с. 28 ил.

1983

За някои изображения и тълкувания на герба на волжките българи // България 1300: Статии и изследвания на ленинградските българисти. София. С. 123—128. Ил. 53—55.

Из истории древнерусской геральдической литературы // ТОДРЛ. Л. Т. 37. С. 79—103.

1984

Повесть о Петре и Февронии в литературе и искусстве // ТОДРЛ. Л. Т. 38. С. 138—178 (совм. с Р. П. Дмитриевой).

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века. М. 768 с. 28 ил.

1985

Дашков Андрей Яковлевич (совм. с А. П. Богдановым); Житие Анны Кашинской; Житие Прокопия Устюжского. (В разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // ТОДРЛ. Л. Т. 39. С. 31—33, 186—188, 230.

Арсений Сатановский; Венедикт; Гавриил Домецкий; Дамаскин чудовский; Евстафий Головкин; Игнатий Римский-Корсаков (совм. с А. П. Богдановым); Иоасаф II, патриарх; Иов, митрополит новгородский; Коробовский Алексей; Ксения Годунова; Маркел чернец; Симон Азарьин (совм. с Е. Н. Клитиной); Феофан чудовский (совм. с С. И. Николаевым). (В разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // ТОДРЛ. Л. Т. 40. С. 45, 57, 60—61, 70—71, 76—77, 92—95, 97—99, 122—123, 130—131, 161—162, 176—177.

«Италианских градов похвала агличанина Фомы Едворда» в рукописном сборнике конца XVII—начала XVIII в. // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л. С. 28—35.

Миниатюры «Сказания о Борисе и Глебе» // Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное издание по рук. Сильвестровского сборника. М. С. 90—101.

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М. 624 с. 29 ил.

1986

К изучению древнерусских иллюстрированных сборников // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван. С. 445—453.

Ред.: Армянская и русская средневековые литературы. Ереван. 531 с. (совм. с др.).

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. 640 с. 29 ил.

1987

Антоний Новгородский; Житие Галактиона и Епистимии; Житие Козмы и Дамиана; Житие Феодора Эдесского; Мученичество Арефы и други его; Физиолог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI—первая половина XIV в. Л. С. 39—40, 143—144, 154—155, 273—274, 461—462.

Из истории искусствознания. Л. А. Мацулевич // Советское искусствознание. М. (на обложке 1986 г.). Вып. 21. С. 334—337.

Подготовлен также к публикации текст статьи: М а ц у л е в и ч Л. А. Памяти Д. В. Айналова: Роль византиноведения в деятельности Н. П. Кондакова и Д. В. Айналова // Там же. С. 338—351.

Библия Пискатора в собрании Библиотеки АН СССР // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. 1985. Л. С. 184—216.

Этикетный мотив в древнерусской миниатюре XV века // Исследования по древней и новой литературе. Л. С. 25—31. 5 ил.

1988

Повесть душеполезна Никодима типикарися; Повесть о Борисоглебском монастыре; Повесть о королевиче кипрском Велиаме; Повесть о мощах недоведомых; Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старичского; Сказание о богатом купце; Сказание о Кипрском острове; Сказание о победе Кипрской; Сказание о создании церкви св. Софии. (В разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности

Древней Руси» // ТОДРЛ. Л. Т. 41. С. 36—37, 44—45, 74—75, 85—86, 123, 131, 133—134, 136—137.

Ред.: ТОДРЛ. Л. Т. 41. 480 с. (совм. с др.).

Подбор иллюстраций // Памятники литературы Древней Руси. Литература XVII века. М. 30 ил.

Труды, находящиеся в печати

Александр дьяк; Василий гость; Игнатий Смольнянин; Иоасаф, игумен Данилова монастыря // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI век. Часть 1.

Мальцев Семен; Мещерский Г. Ф.; Сказание о создании св. Софии; Сказание о сивилах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI век. Часть 2.

Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана // ТОДРЛ. Л. Т. 44.

Из истории книжной миниатюры и народной картинки конца XVII—начала XVIII века // Русская народная картинка. Материалы и исследования. (Гос. Русский музей).

О древнерусских подписях к нидерландским цельногравированным изданиям XVII в. // ТОДРЛ. Л. Т. 43.

О педагогических взглядах Николая Спафария // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси.

Описание Софийского собора в Константинополе Николая Спафария // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.

Ред.: ТОДРЛ. Л. Т. 42 (совм. с др.).

Подбор иллюстраций // История русской литературы XI—XVII веков (на англ. яз.).

**Библиографические дополнения к статьям в разделе:
Исследовательские материалы для
«Словаря книжников и книжности Древней Руси»**

Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Российском.

Изд.: Новая повесть о преславном Российском царстве // ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 24—57, 546—553.

Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства.

Изд.: ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 130—145, 563—566.

Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 г.

Лит.: Азбелев С. Н. К сравнительному изучению повестей о завоевании Константинополя турками // Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 18—22.

Повесть о Бове.

Лит.: Васильков Я. В. Индийский эпос и рыцарский роман Европы: Сходные мотивы // Индия 1985—1986. Ежегодник. М., 1987. С. 250—269.

Повесть о варяжской божнице.

Изд.: ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 188—191.

Повесть о Горе-Злочастии.

Лит.: Колгурина Н. И. К изучению состава сборника, содержащего Повесть о горе-злочастии // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 193—205.

Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле.

Лит.: Ширмакова Е. П. Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 267—269.

Повесть о Меркурии Смоленском.

Лит.: Бахтина О. Н. Летописная редакция Повести о Меркурии Смоленском в своде 1652 г. // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 70—78.

Повесть о Фроле Скобееве.

Лит.: Душечкина Е. В. Стилистика русской бытовой повести XVII века. (Повесть о Фроле Скобееве): Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин, 1986.

Повесть о цесаре Оттоне и Олуиде.

Изд.: Сказка о двух королевичах, родных братьях // Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. М., 1795. Ч. 2. С. 1—23; Восточное повествование о том, как львица воспитала царского сына. М., 1895; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960. С. 128—133. См. также с. 70—76; Повесть о царице и львице // ПЛДР. XVII в. М. (в печати).

Лит.: Маслова О. М. Повісті про кесаря Оттона і про графиню Альтдорфську в українській літературі // Радянське літературознавство. 1948. № 9. С. 156—167; Krzyżanowski J. Romans staropolski w przekładach ruskich // J. Krzyżanowski. Romans polski wieku XVI. Warszawa, 1962. S. 278—281.

Повесть о Андрее Критском.

Лит.: Климова М. Н. 1) Опыт текстологии Повести об Андрее Критском // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 46—61; 2) Повесть об Андрее Критском и фольклор: (некоторые аспекты сопоставительного анализа) // Рукописная традиция XVI—XIX веков на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 27—38; 3) О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 41—51.

Повесть об Аполлонии Тирском.

Изд.: Антиуха (сказка № 18) // Фольклор Русского Устья. Л., 1986. С. 95—100; Антиух (сказка № 19) // Там же. С. 100—104;

Лит.: Снегирев И. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1861. С. 113.

Повесть об увозе Соломоновой жены.

Изд.: Титова Л. В. Фольклорные обработки XVIII в. Повести о рождении и похождениях царя Соломона // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 209—251.

Повесть об Ульянии Осорьбиной.

Изд.: Повесть об Ульянии Осорьбиной / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т. Р. Руди // ПЛДР. XVII в. М. (в печати).

Лит.: Кротов М. Новое об авторе Жития Ульянии Лазаревской // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 16—18; Руди Т. Р. 1) Об одной реалии в Повести об Ульянии Осорьбиной // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 177—179; 2) Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII—XVIII веков // Книжные центры Древней Руси (в печати).

Сказание о богатом купце.

Лит.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 112—113.

Сказание о Вавилоне.

Лит.: Венедиктов Г. Л. Литература и культура: (сказки Русского Устья) // РЛ. 1985. № 2. С. 128—141.

Сказание о Петре, воеводе Волосском.

Лит.: Солодкин Я. Г. К датировке «Сказания о Петре, воеводе Волосском» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 32—40.

СПИСОК ОПЕЧАТОК К СТАТЬЕ Д. Н. БРЕЩИНСКОГО
«ЖИТИЕ КОРНИЛИЯ ВЫГОВСКОГО ПАХОМИЕВСКОЙ РЕДАКЦИИ
(ТЕКСТЫ)»,

НАПЕЧАТАННОЙ В КНИГЕ «ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ.
ПО МАТЕРИАЛАМ ПУШКИНСКОГО ДОМА» (Л.: НАУКА, 1985. С. 62—107)

В публикации Жития Корнилия Выговского пахомиевской редакции, появившейся в сборнике «Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома» (Л., 1985. С. 62—107), допущены многочисленные опечатки, местами затемняющие смысл текста. Ниже мы указываем только наиболее значительные из них.*

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
64	14 сверху	<i>Кж, кж</i>	<i>Кж [кж]</i>
65	21 »	—* <i>и</i>	* <i>и</i>
67	8 »	церковь	церковь
»	13 »	и како	— како
68	7 »	сительном ¹⁰⁰ добром	сительном ¹⁰⁰ добром
69	11 »	сыи	сий
71	7 »	всяку ¹⁶⁴	всяку ^{н, 64}
72	22 »	России	Росии
73	2 »	Христову»	Христову“
»	4 »	«Буди	„Буди
74	23 »	«И	„И
»	13 снизу	нет <i>Кж</i>	нет <i>Кж</i>
75	1 сверху	персты»	персгы“
76	2 снизу	<i>ниже дважды</i>	<i>ниже, дважды</i>
77	1 сверху	сис, ⁹⁷ 13	сис, ⁹⁷ 13
»	11 »	исследованию	иследованию
79	7 снизу	друзи <i>М</i>	Друзи <i>М</i>
80	25 »	и <i>Д1 Ц2 Д2</i>	и <i>Д1 Кг Ц2 Д2</i>
81	24 »	⁹² Яже	⁹² яже
»	8 »	было	б ы л о
83	19 »	<i>доб. и</i>	<i>доб. И</i>
»	18 »	поновому	по-новому
84	11 сверху	обещашася	обещашася
»	13 »	Водлы-реки;	Водлы-реки:
87	31 снизу	XV, ¹ <i>Доб.</i>	XVI, ¹ <i>Доб.</i>
89	15 сверху	Филофею	Филофею

* Принципы отбора включаемых опечаток таковы: все искажения самого текста памятника, как в основном списке, так и в разночтениях, исправляются. Это относится и к знакам препинания, от которых часто зависит смысл. Типографские же неточности во вступительной статье и в подстрочных примечаниях — чаще всего это нечетко проставленные знаки сносок, отсутствие курсива и опять-таки неверная пунктуация — указываются только в том случае, если они не явны и могут привести к ложному толкованию.

По техническим причинам в список опечаток нельзя было включить следующие два существенных исправления: 1) примечание к основному тексту IV, в, помещенное на с. 90, должно быть на следующей странице; 2) строка 16 сверху на с. 96 должна начинаться с абзацного отступа.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
89	32 снизу	вытегорский	вытегорской
90	13 »	в Кж	в кж
91	1 сверху	мученицы ^В , ⁶⁶	мученицы ^В , ⁶⁶
»	12 »	зимной ^{ХІХ} , ¹ , жили	зимной ^{ХІХ} , ¹ жили
»	13 »	вж	вж
»	18 »	аз, грешный	аз грешный
92	12 »	жив ⁷⁵	жив, ⁷⁵
»	16 »	келию, ⁹⁰	келию ⁹⁰
»	14 снизу	⁸⁴⁻⁸⁵ своей	⁸⁴⁻⁸⁵ с в о е й
93	4 сверху	страничество	странничество
95	9 »	аз, греш-	аз греш-
»	39 снизу	крещении И	крещении. И
»	15 »	сия	с и я
96	1 сверху	«Есть	„Есть
»	3 »	рею»	рею“»
»	14 »	милостыню	милостыню
»	16—17	пути, ⁷⁶ прилучися	пути, ⁷⁶ прилучися
»	11 снизу	⁵⁸ Доб. и	⁵⁸ Доб. И
97	2 сверху	«Хотя	„Хотя
»	» »	мною»	мною“
»	12 »	и ²⁸ яко отец ²⁹	и, ²⁸ яко отец, ²⁹
98	9 »	неких ⁹⁰	неких, ⁹⁰
»	30 снизу	по-стное	постное
»	24 »	⁷³ вменяюще	⁷³ вменяюще
99	14 сверху	любви ⁷⁹	любви, ⁷⁹
100	3 »	ядяше	ядяше
»	8 »	полунощницу по обы-	полунощницу, [*] по обы-
»	9 »	чаю все	чаю, все ж [*]
»	35—36	поклонов, ⁴⁴ «Величай	поклонов, ⁴⁴ «Величай
»	снизу	¹⁷ Рыбы	¹⁷ Рыбы
»	32 снизу	К Кж в	К Кж в
101	7 сверху	досадах пребываше	досадах, пребываше
»	17 »	твоя	Твоя
»	20 снизу	⁷ Доб. и	⁷ Доб. И
»	18 »	тебе	Тебе
102	1 сверху	южных	юных
104	4 »	умножится	умножится
»	5 »	пшениой ^М , ⁸⁵	пшениой ^М , ⁸⁵
»	7 »	небрегущих и	небрегущих, и
»	10 »	и ⁸ многия	и ⁸ многия
»	11 снизу	его	Его
105	2 сверху	старости: и	старости и
»	9 »	постоять, ^У , ⁷¹	постоять, ^У , ⁷¹
106	7 »	вечный. И	вечный: „И
»	8 »	Мне»	Мне“»
»	10 »	вопрошающим	вопрошающим
»	23 снизу	«Еретика	„Еретика
»	22 »	отвращайся»).	отвращайся“»).
»	15 »	дерзостно	дерзостно
»	14 »	слово.	слово“.
»	» »	Петр: Будите	Петр: „Будите
107	5 сверху	л. 80	л. 88
»	9 »	л. 80 об.	л. 88 об.
»	10 »	лет ^{ХХХ} , ¹ от	лет ^{ХХХ} , ¹ от
»	13 »	же, грешный	же грешный
»	19 снизу	Вуу-реце	Вугу-реце

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ** — Акты, собранные . . . Археографической экспедицией Академии наук.
АЕ — Археографический ежегодник.
АИ — Акты исторические.
АИЗ — Археологические известия и заметки, издаваемые имп. московским Археологическим обществом.
АН СССР — Академия наук СССР.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Брикэ — Briquet C. M. Les filigranes. Paris, 1907.
ВВ — Византийский временник.
ВИ — Вопросы истории.
ВЛ — Вопросы литературы.
ВМЧ — Великие Минеи-Четии, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
Гераклитов — Гераклитов А. А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика.
ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА — Исторический архив.
ИЗ — Исторические записки.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ИИФ_иФ — Институт истории, филологии и философии (Новосибирск).
Клепиков. и штемп. — Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.
КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова

- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Л и х а ч е в. Бум. мельн. — Л и х а ч е в Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Л и х а ч е в. Вод. зн. — Л и х а ч е в Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 — Московская духовная академия.
 МДА — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
 МГАМИД — Научные доклады высшей школы.
 НДВШ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
 ОИДР — Общество любителей древней письменности.
 — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ОЛДП — Повесть временных лет.
 ОЛЯ — Памятники древней письменности.
 ПВЛ — Памятники древней письменности и искусства.
 ПДП — Памятники дипломатических сношений.
 ПДПИ — Православный Палестинский сборник.
 ПДС — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ППС — Полное собрание русских летописей.
 П1Л, П2Л, П3Л — Русское географическое общество.
 ПСРЛ — Русская историческая библиотека.
 РГО — Русская литература.
 РИБ — Русский филологический вестник (Варшава).
 РЛ — Собрание государственных грамот и договоров.
 РФВ — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 СГГД — Санктпетербургская духовная академия.
 СОРЯС — Софийские первая и вторая летописи.
 СПб. ДА — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
 С1Л, С2Л — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
 Срезневский. — Т р о м о н и н К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
 Материалы — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
 ТОДРЛ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
 Тромонин — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
 ЦГАДА — Центральная научная библиотека Академии наук СССР.
 ЦГАЛИ — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
 ЦИАЛ — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.
 ЦНБ АН УССР — Migne J. P. Patrologia graeca.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

- Древнерусские повести и сказания 3
- Апофегматы (*Л. И. Сазонова*) — 3. Великое Зерцало (*Е. К. Ромодановская*) — 6. Видение хутынского пономаря Тарасия—Прохора (*Л. А. Дмитриев*) — 11. Иное сказание (*Я. Г. Солодкин*) — 12. История о Мелюзине (*С. И. Николаев*) — 16. История о первом Иове, патриархе московском и всея России (*Н. В. Поньрко*) — 17. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском (*Н. Ф. Дробленкова*) — 19. О изведении царского семени, и о смятении земли, и о прелести некоего растрги черныца. . . Гришки Богданова сына Отрепьева. . . (*Г. П. Енин*) — 24. О рождении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина (*Г. П. Енин*) — 27. Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина (*Г. П. Енин*) — 28. Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства (*Г. П. Енин*) — 30. Плач о пленении Московского государства, како наведе на ны, грешныя, господь бог праведный гнев свой (*Г. П. Енин*) — 32. Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. (*О. В. Творогов*) — 33. Повесть 1606 г. (*Г. П. Енин*) — 35. Повесть душеполезна Никодима типикарися Соловецкого о некоем брате (*О. А. Белоброва*) — 36. Повесть известна и удивлению достойна о мощях недоведомаго святаго. . . (*О. А. Белоброва*) — 37. Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов (*Г. П. Енин*) — 38. Повесть некоего боголюбива мужа списана при Макарье митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси. . . (*Г. П. Енин*) — 40. Повесть о Бове (*М. А. Салмина*) — 42. Повесть о Борисоглебском монастыре близ Ростова (*О. А. Белоброва*) — 44. Повесть о Валтасаре кравевичи, како служя некоему царю (*Н. Ф. Дробленкова*) — 45. Повесть о варяжской божнице (*Л. А. Дмитриев*) — 47. Повесть об Азове историческая (*М. Д. Каган*) — 48. Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г. (*М. Д. Каган*) — 49. Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным (*М. А. Салмина*) — 52. Повесть о видении во Владимире в 1611 г. (*Н. Ф. Дробленкова*) — 53. Повесть о видении человеку благочестивому в Нижнем Новгороде в 1611 г. Григория (*Я. Г. Солодкин*) — 54. Повесть о Горе-Злочастии (*А. М. Панченко*) — 56. Повесть о городах Таре и Тюмени (*Е. К. Ромодановская*) — 59. Повесть о графине Альтдорфской (*Л. В. Соколова*) — 60. Повесть о двух посольствах (*М. Д. Каган*) — 61. Повесть о Дмитриии Басарге и его сыне Борзосмысле (*Я. С. Лурье*) — 65. Повесть о Евстратии (*О. В. Творогов*) — 67. Повесть о зачале Москвы (*М. А. Салмина*) — 67. Повесть о златом руне волшебного овна (*О. В. Творогов*) — 68. Повесть о избавлении града Устюга Великаго (*М. А. Салмина*) — 69. Повесть о Карпе Сутулове (*М. Д. Каган*) — 69. Повесть о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском (*Г. П. Енин*) — 73. Повесть о королевиче кипрском Велиаме. . . (*О. А. Белоброва*) — 74. Повесть о купце Григории (*Е. К. Ромодановская*) — 75. Повесть о Меркурии Смоленском (*О. Н. Бахтина*) — 76. Повесть о Московском восстании 1682 г. (Баровская) (*А. П. Богданов*) — 78. Повесть о Московском восстании 1682 г. (Ундольского) (*А. П. Богданов*) — 79. Повесть о Никифоре Фоке (*М. А. Салмина*) — 79. Повесть о папе Григории (*М. Н. Климова*) — 80. Повесть о победах Московского государства (*Г. П. Енин*) — 83. Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого (*О. А. Белоброва*) — 85. Повесть о разорении Московского государства (*Г. П. Енин*) — 86. Повесть о Скандербеге, князе Албанском (*М. Д. Каган*) — 89. Повесть о создании и поплении тройском (*О. В. Творогов*) — 92. Повесть о старце, просившем руки царской дочери (*Я. С. Лурье*) — 92. Повесть о Фроле Скобееве (*А. М. Панченко*) — 92. Повесть о царе Василии Константиновиче (*Н. Ф. Дробленкова*) — 96.

- Повесть о царе Казарине и о жене его (О. В. Творогов) — 98. Повесть о царице Динаре (Т. С. Троицкая) — 98. Повесть о цесаре Оттоне и Олунде (Л. В. Соколова) — 101. Повесть об Азове особая (М. Д. Каган) — 104. Повесть об Азовском взятии и осадном сидении сказочная (М. Д. Каган) — 106. Повесть об Азовском осадном сидении документальная (М. Д. Каган) — 107. Повесть об Азовском осадном сидении поэтическая (М. Д. Каган) — 108. Повесть об Андрее Критском (М. Н. Климова) — 111. Повесть об Аполлонии Тирском (Л. В. Соколова) — 113. Повесть об увозе Соломоновой жены (Л. В. Титова) — 116. Повесть об Ульянии Осорьдиной (Т. Р. Руди) — 119. Сказание и повесть. . . о разстриге Гришке Отрепьеве (Г. П. Енин) — 121. Сказание о богатом купце (О. А. Белоброва) — 123. Сказание о Вавилоне (Н. Ф. Дробленкова) — 124. Сказание о Владимирской иконе богородицы (И. Л. Жучкова) — 128. Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии (М. А. Салмина) — 130. Сказание «О Кипрском острове. . .» (О. А. Белоброва) — 131. Сказание о князьях владимирских (Р. П. Дмитриева) — 131. Сказание о Петре, воеводе Волосском (Я. С. Лурье) — 133. Сказание «О победе Кипрской» (О. А. Белоброва) — 133. Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича (Г. П. Енин) — 134. Сказание о построении храма святой Софии (О. А. Белоброва) — 136. Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича (Г. П. Енин) — 137. Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. (Г. П. Енин) — 139. Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы (М. А. Салмина) — 141. Сказания и повести о патриархе Никоне (Н. Ю. Бубнов) — 142. Сказания о Максиме Греке (Д. М. Буланин, А. Т. Шашков) — 145. Слово о ветхом Александре (О. В. Творогов) — 147. Слово о некоем мужи именем Тимофее (М. А. Салмина) — 147. Стефанит и Ихилат (Я. С. Лурье) — 148.
- Список сокращений для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» . . . 152

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Алексеев А. А. (Ленинград). К истории русской переводческой школы XII в. 154
- Творогов О. В. (Ленинград). Древнерусские четвы сборники XII—XIV вв. (Статья первая) 197
- Чернецов А. В. (Москва). Посох Стефана Пермского 215
- Росовецкий С. К. (Киев). Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической «смеховой культуры» XVII в. 241
- Казакова Н. А. (Ленинград). Статьейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.). 268
- Николаев С. И. (Ленинград). Три фразки Яна Кухановского в переводе XVII в. 289
- Демкова Н. С. (Ленинград). Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума 302

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Склярук В. И. (Курск). К биографии Феодосия Печерского 317
- Франклин С. (Кембридж, Англия). К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык 324
- Прохоров Г. М. (Ленинград). Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем. Славянский XIV в. и современный переводы. Слово первое 334
- Лурье Я. С. (Ленинград). Ефросин — составитель сборников и Ефросин-гугмен и писец 347
- Гаерюшин Н. К. (Москва). Митрополит Даниил — редактор «Диалектики» 357
- Дмитриева Р. П. (Ленинград). Житие новгородского архиепископа Серапиона как публицистическое произведение XVI в. 364
- Бубнов Н. Ю. (Ленинград), Власов А. Н. (Сыктывкар). Александр Вятский — писатель и книжник XVII в. 375
- Богданов А. П. (Москва). «Хронографец» Боголепа Адамова 381
- Власов А. Н. (Сыктывкар). Незученные историко-литературные памятники Устюжского края XVII в. 400
- Винокурова Э. П. (Ленинград). Рукопись о поморском литье В. Г. Дружинина 405

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

<i>Бударagina В. П.</i> (Ленинград). Мезенские находки	411
<i>Евсеева И. А., Шухтина Н. В., Якунина С. А.</i> (Ленинград). Северодвинская экспедиция 1984 г.	415
<i>Бударagina В. П.</i> (Ленинград). Древнерусские рукописи Кабинета редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа	420
<i>Склярук В. И.</i> (Курск), <i>Солодкин Я. Г.</i> (Кустанай). Неизвестные рукописи курских собраний	424
<i>Фролов С. В.</i> (Ленинград). Певческие рукописи Карельского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева. (В контексте истории русской музыки)	430
<i>Маркелов Г. В.</i> (Ленинград). Смеховые приписки в рукописях Древлехранилища Пушкинского Дома	444
<i>Шухтина Н. В.</i> (Ленинград). Сочинения протопопа Аввакума в собрании рукописей Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника	447
<i>Демкова Н. С.</i> (Ленинград). Краткий отчет об археографической практике студентов ЛГУ в Пермской областной библиотеке им. А. М. Горького и Чердынском краеведческом музее им. А. С. Пушкина.	449

ХРОНИКА

Наталья Александровна Казакова (30 XII 1915—23 XI 1984) (Некролог)	451
Никита Александрович Мещерский (1/14 I 1906—3 III 1987) (Некролог)	453

БИБЛИОГРАФИЯ

Хронологический список трудов Никиты Александровича Мещерского	457
Хронологический список трудов Руфины Петровны Дмитриевой	468
Хронологический список трудов Ольги Андреевны Белобровой	472
Библиографические дополнения к статьям в разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»	477
Список опечаток к статье Д. Н. Брежневского «Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты)», напечатанной в книге «Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома» (Л.: Наука, 1985. С. 62—107)	479
Список сокращений	481